XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

1.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

Ладыженскій, И. К.— Родословная Молоствовыхъ. Спб. 1900. 8°. V+39+гербъ.

Родъ Молоствовыхъ принадлежитъ къ Новгородскимъ родамъ, потерпѣвшимъ во время разгрома великаго Новгорода вел. княземъ Московскимъ Іоанномъ III. Помѣстья ихъ были отписаны на государя, а владѣльцы разбросаны по всей Московской землѣ и затерялись среди другихъ мелкихъ служилыхъ родовъ. Мы находимъ Молоствовыхъ испомѣщенными въ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Яренскомъ, Свіяжскомъ и др. Все это, болѣе или менѣе, захудалые служилые люди, служащіе съ провинціальнымъ дворянствомъ, благодаря чему они и не попадаютъ ни въ какіе родословцы и не представили своей родословной росписи въ разрядъ, въ концѣ XVII вѣка. А между тѣмъ это весьма почтенный родъ, насчитывающій болѣе 4-хъ столѣтій своего существованія и, конечно, заслуживающій, какъ и вообще всѣ древніе служилые роды, особенно Новгородскіе, извѣстной доли вниманія.

Нельзя не поблагодарить г. Ладыженскаго за его не совсѣмъ легкій трудъ по собиранію свѣдѣній для родословной, хотя и краткой, но составленной почти исключительно по архивнымъ даннымъ, и при томъ составленной весьма тщательно, не смотря на то, что это первый опытъ г. Ладыженскаго въ области генеалогіи.

Л. М. Савеловъ.

Письма графа Г. Г. Кушелева къ сыну Александру. 1812—1826*). Черниговъ, безъ означенія года. 8-ка, 4 и 79 стр.

Нѣжинскій исправникъ Мельгуновъ доставилъ эти письма своему начальнику, Черниговскому губернатору Е. К. Андреевскому, а тотъ передалъ ихъ въ Черниговскую губернскую Архивную Комиссію, которая напечатала ихъ и тѣмъ обновила память о лицѣ почтенномъ и достопамятномъ.

Псковичъ родомъ, морякъ по службѣ, участникъ славныхъ подвиговъ нашего флота при Екатеринѣ Великой и затѣмъ любимецъ императора Павла, при которомъ онъ былъ президентомъ адмиралтействъ-совѣта и написалъ уставъ военнаго флота, графъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ извѣстенъ читателями „Русскаго Архива" по его прекрасному письму къ молодому, вступавшему въ совершеннолѣтіе, богачу-сиротѣ, сыну его друга, графу Д. Н. Шереметеву („Р. Арх. 1898, II, 97). Тотъ же характеръ благодушія, живой набожности, домовитости, благородства отражается и въ этихъ письмахъ, писанныхъ изъ деревенскаго уединенія къ графу Александру Григорьевичу, получившему имя Кушелева-Безбородки, къ старшему

*) По ошибкѣ издателей первое письмо (отъ 20 Авг.) отнесено къ 1812 году, что и означено въ заглавіи книжки. Это письмо, судя по содержанію его, писано позднѣе.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

1901.

1.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

О Русь!...

1901.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Изъ донесеній Прусскаго посланника Гольца Фридриху Второму.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ событій Русской исторіи является для безпристрастнаго наблюдателя воцареніе Екатерины II-й или, вѣрнѣе, избраніе ея на Русскій самодержавный престолъ войскомъ, въ которомъ тогда служили всѣ сословія Русскаго народа, и духовенствомъ, для котораго она являлась охранительницею православія отъ посягательствъ на него Петра III-го. Недавно (въ 3-й книгѣ „Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей“, появилось письмо изъ Петербурга въ Тифлисъ единовѣрнаго намъ Грузинскаго архіерея (имени его нѣтъ), писанное черезъ нѣсколько дней послѣ событія, не чуждое восточныхъ преувеличеній и прикрасъ, но изображающее живо и наглядно, какъ духовенство относилось къ воцаренію новой Государыни. На нее уже давно надѣялись. Въ Государственномъ Архивѣ случилось намъ встрѣтить дѣло о томъ, что одинъ дьяконъ, еще до ея восшествія на престолъ, провозглашалъ ее на ектеніи, какъ бы нечаянно, Императрицею. Народолюбивое царствованіе Елисаветы Петровны, въ которое вздохнули и приподнялись Русскія сердца послѣ великаго переворота, произведеннаго Петромъ Великимъ, пріуготовило для насъ Екатерину Великую; супругъ ея безсознательно угладилъ ей путь къ престолу, а страхъ повторенія Бироновщины возвелъ на него. Такъ названною „Правдою воли Монаршей“, которой при Петрѣ Великомъ принесена была общенародная присяга, упразднялся естественный законъ царственнаго преемства, а Петръ Третій не объявлялъ мальчика Павла своимъ наслѣдникомъ (и онъ, такимъ образомъ, являлся законнымъ преемникомъ не его, а Екатерины). О несчастномъ и умственно - поврежденномъ Иванѣ Антоновичѣ могли помышлять, какъ о Русскомъ государѣ, лишь такіе люди, какъ Литвинъ Арсеній Мацѣевичъ или безшабашный казакъ Мировичъ, а не бодрая военная молодежь, гордая сознаніемъ Русской удали, завоеваніемъ Пруссіи, блистательными побѣдами надъ первымъ полководцемъ вѣка, лютымъ врагомъ всего Славянства, который въ своихъ „Запискахъ“ признается, что послѣ пораженія при Пальцигѣ помышлялъ о самоубійствѣ и который потомъ, слишкомъ четверть вѣка остальной своей жизни, трусилъ военнаго столкновенія съ Россіею. Не говоримъ о привлекательныхъ личныхъ каче-

ствахъ 33-хълѣтней Екатерины, про которыя знали въ обществѣ и въ народѣ и которыя побудили Державина сказать, что

Нордъ сѣдой ей удивился
И обладать собой избралъ.

Понятно, что Фридриху Второму было особенно нужно знать, какое направленіе приметъ новое царствованіе, а отсюда важное значеніе вѣстей, которыя получалъ онъ изъ Петербурга отъ своего молодого и умнаго посланника Гольца (участника недавнихъ военныхъ дѣйствій противъ Русскихъ). Первыя двѣ депеши Гольца были списаны нами въ Берлинѣ и помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1898 года. Извлеченія изъ остальныхъ здѣсь помѣщаются въ переводѣ съ Французскихъ подлинниковъ, напечатанныхъ приложеніемъ къ книгѣ: „Въ Императорскую Академію Наукъ о сочиненіи: „„Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II-й““, сочиненіе Н. Д. Чечулина. Отзывъ В. А. Бильбасова. Рукопись“. СПБ. 1897. 8-ка, 96 и 114 стр.

За позволеніе воспользоваться для „Русскаго Архива“ этою драгоцѣнною книгою-рукописью приносимъ живѣйшую благодарность достопочтенному историку Екатерины II-й.

П. Б.

* * *

С.-Петербургъ, 6 (17) Іюля 1762.

Государь! Многочисленность важныхъ предметовъ для моихъ всеподданнѣйшихъ депешъ отъ 2 (13) сего мѣсяца, отправленныхъ къ в. в. съ фельдъегеремъ Гохкирхомъ, помѣшала мнѣ извѣстить в. в. о полученіи мною вашей всемилостивѣйшей депеши отъ 24-го, касательно разговора министра вашего при королѣ Датскомъ съ барономъ Бернсдорфомъ. Я получилъ эту депешу по эстафетѣ утромъ 7-го числа, наканунѣ переворота.

Тотчасъ послѣ того я сдѣлалъ надлежащій докладъ, принятый съ выраженіями живѣйшей радости по поводу милостиваго отвѣта, даннаго по вашему приказанію, въ пользу принца*) вашимъ тамошнимъ министромъ. Въ этомъ разговорѣ императоръ засвидѣтельствовалъ мнѣ, что онъ былъ бы очень доволенъ, видя свой полкъ и даже гренадеровъ присоединенными къ корпусу Беллинга. Какъ я ни старался доказать ему, что это значительно увеличитъ сказанный корпусъ и ослабитъ армію в. в., но онъ былъ такъ восхищенъ предстоящимъ удовольствіемъ видѣть ихъ вмѣстѣ съ собою, что никакъ не хотѣлъ отъ того отказаться и упрашивалъ меня поговорить о томъ в. величеству. Теперь все это кончилось, и я считаю своимъ долгомъ извѣстить о томъ в. в. только для того, чтобы представить вамъ идеи этого принца.

*) Т. е. въ пользу дяди Петра III-го, принца Георга. Фридрихъ Второй принялъ на себя вооруженное посредничество между Россіею и Даніею, куда направлялись уже наши войска. П. Б.

Здѣшній министръ только что передалъ мнѣ ноту, при семъ прилагаемую, относительно конгресса, долженствующаго собраться въ Берлинѣ.

Сюда же присоединяю и ноту данную Кейту *), которую в. в. найдете весьма сухой сравнительно съ той, которая была мнѣ прислана; потому что теперешняя государыня поставила себѣ, какъ видно, первымъ правиломъ не воевать въ данную минуту ни съ кѣмъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и съ Даніей здѣсь войдутъ въ соглашеніе. Датскій министръ при здѣшнемъ дворѣ отослалъ уже секретаря посольства къ своему двору. Сначала я думалъ, что онъ уже получилъ нѣкоторыя полномочія для переговоровъ; но свѣдущіе въ томъ люди увѣрили меня, что этого еще нѣтъ, но что министръ поторопилъ его единственно съ цѣлью изустнаго донесенія о случившихся здѣсь событіяхъ, всѣ подробности коихъ не могутъ быть конечно переданы письменно. Я со дня на день долженъ ожидать подтвержденій союзнаго трактата; когда я ихъ получу, доложу о нихъ канцлеру и скажу, что, вслѣдствіе происшедшихъ здѣсь перемѣнъ, я предвидѣлъ долженствующія произойти измѣненія въ этихъ ратификаціяхъ; но не дамъ ему замѣтить, что я ожидалъ существеннаго измѣненія или даже полнаго ихъ уничтоженія. Посмотримъ, каковъ будетъ отвѣтъ здѣшняго двора, о чемъ не замедлю почтительнѣйши донести в. в. Смѣю думать, что такое дѣйствіе мое относительно здѣшняго двора не окажется неугоднымъ вашему величеству.

Поговариваютъ о предстоящей поѣздкѣ императрицы въ Москву для коронованія. Надѣюсь, что разныя приготовленія, существенно необходимыя для этой поѣздки и предстоящихъ торжествъ, состоятся не ранѣе, какъ я получу всемилостивѣйшій отвѣтъ в. в. на мое всеподданнѣйшее донесеніе отъ 2 (13).

*

Нота (графа М. Л. Воронцова) г-ну Гольцу, полномочному министру его величества короля Прусскаго.

Ея величество государыня императрица по своемъ благополучномъ восшествіи на Всероссійскій престолъ съ удовольствіемъ увидала въ нотѣ г-на полномочнаго министра отъ 21-го прошедшаго Іюня, о которой онъ сдѣлалъ ей донесеніе, что его величество король Прусскій весьма охотно принялъ посредничество, предложенное ему въ прошлое царствованіе для дружественнаго улаженія дѣлъ между Даніей и Голштиніей. Эта готовность принята императрицею, какъ знакъ дружбы короля; но такъ какъ въ настоящее время государыня находитъ, что

*) Англійскому посланнику въ Петербургѣ. П. Б.

этотъ конгрессъ болѣе не нуженъ, то приказъ о выѣздѣ изъ Берлина назначеннымъ на него министрамъ уже посланъ, и надобность въ посредничествѣ его Прусскаго величества сама собою устраняется, о чемъ министерство Россійское по имянному высочайшему указу доводитъ до свѣдѣнія г-на полномочнаго министра, не сомнѣваясь, что онъ сдѣлаетъ о томъ донесеніе королю, своему повелителю.

Дана въ С.-Петербургѣ, 4-го Іюля 1762.

*

Нота (графа М. Л. Воронцова) г-ну Кейту, чрезвычайному посланнику и полномочному министру его величества короля Великобританіи.

Ея величество государыня императрица, по своемъ благополучномъ восшествіи на Всероссійскій престолъ, нашла нужнымъ, чтобы назначенный въ прошлое царствованіе конгрессъ въ Берлинѣ для улаженія дѣлъ между Голштиніей и Даніей былъ отмѣненъ, и приказъ о выѣздѣ изъ Берлина назначеннымъ на него министрамъ уже посланъ. Министерство Россійское по имянному высочайшему указу доводитъ о томъ до свѣдѣнія г-на чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра для донесенія его двору.

Дана въ С.-Петербургѣ, 4-го Іюля 1762.

*

С.-Петербургъ, 6 (17) Іюля 1762.

Примите, государь, мои почтительнѣйшія поздравленія по поводу значительныхъ преимуществъ, недавно пріобрѣтенныхъ союзниками [1]) подъ Касселемъ.

Генералъ Мельгуновъ и г. Волковъ арестованы. Хотя и есть основаніе думать, что они скоро будутъ освобождены; но той роли, какую играли въ прошлое царствованіе, они играть уже не будутъ. Статскій совѣтникъ Олсуфьевъ, тотъ самый, который сдѣлалъ мнѣ декларацію отъ имени ея величества, будетъ повидимому въ чести. Одинъ Пьемонтецъ [2]), бывшій библіотекарь этой государыни, сдѣланъ сегодня личнымъ секретаремъ, для исполненія ея повелѣнія. Надѣюсь получить списокъ наградъ, сдѣланныхъ со времени восшествія на престолъ, и въ первой моей депешѣ всеподданнѣйше повергну его къ стопамъ в. величества. *(Дальше писано до конца условными знаками, равно какъ и означенное кавычками въ слѣдующей депешѣ).* Я только что узналъ подробности о

---

[1]) Т. е. Прусскими и Русскими войсками, которыя Петръ III-й предоставилъ Фридриху II-му? П. Б.

[2]) Одаръ. Онъ скоро уѣхалъ въ чужіе края за своимъ семействомъ, но уже не возвращался къ намъ. Можетъ быть, у потомковъ его найдутся бумаги, относящіяся до жизни его въ Россіи. П. Б.

томъ, что драгунскій гвардейскій полкъ, шефомъ котораго былъ принцъ Георгъ, ранѣе всѣхъ принесъ присягу. Дурное обращеніе этого принца съ помянутымъ войскомъ было тому причиною. Вообще можно сказать, что этотъ принцъ много способствовалъ къ возбужденію народной ненависти противъ Нѣмцевъ и ускорилъ паденіе своего повелителя. Предполагаютъ, что разгромъ, произведенный у него въ домѣ чернью въ первыя минуты переворота, будетъ ему возмѣщенъ въ размѣрѣ 100.000 рублей, а званіе генералиссимуса Голштиніи будетъ за нимъ оставлено. Послѣ этого переворота, подарки, которые назначались для фаворитки и для г. Сальдерна, не могутъ быть возвращены въ Германію тѣмъ способомъ, какъ приказываете ваше величество. Я долженъ сохранять ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока не получу увѣренности, что въ скоромъ времени буду такъ счастливъ, чтобы пасть къ стопамъ вашего величества, и тогда, конечно, я ихъ возьму съ собою. Въ случаѣ же, если я долженъ буду продолжать пребываніе мое при здѣшнемъ дворѣ, ваше величество соблаговолите указать мнѣ, какимъ способомъ долженъ я переслать эти драгоцѣнности.

*

С.-Петербургъ, 6 (17) Іюля 1762.

«Государь! Послѣ того, какъ я запиской просилъ канцлера назначить мнѣ часъ, въ какой ему угодно будетъ принять меня для переговоровъ, я былъ у него въ 8½ утра. Министръ этотъ принялъ меня съ тѣмъ же радушіемъ и откровенностію, съ какими всегда онъ относился ко мнѣ. Я передалъ ему письмо в. в., милостивое содержаніе котораго онъ прочелъ со всевозможной признательностію, прося меня повернуть его къ стопамъ в. в. съ увѣреніемъ въ его всегдашнемъ почтеніи. Чтобы доказать мнѣ свое довѣріе, коимъ я до сихъ поръ отъ него пользовался, онъ сообщилъ мнѣ о приказѣ, данномъ генералу Чернышову, возвратиться съ его корпусомъ въ Имперію, присовокупивъ, что послѣ того, какъ государыня рѣшила поддерживать дружественныя отношенія со всѣми Европейскими дворами, она нашла, что необходимо возвратить и этотъ корпусъ и что онъ, канцлеръ, вполнѣ сознаётъ, что для вашего величества въ настоящее время не будетъ безразлично знать, чего держаться относительно непріятеля. Но онъ однако не сомнѣвается, что вы отпустите этотъ корпусъ, какъ только генералъ получитъ о томъ предписаніе; что онъ наконецъ увѣренъ, что происшедшая здѣсь перемѣна никоимъ образомъ не воспрепятствуетъ только что заключенному миру, а напротивъ того договоръ этотъ будетъ свято соблюденъ во всѣхъ отношеніяхъ.

На это я возразилъ ему, что все сказанное имъ касательно добраго согласія между обоими дворами вполнѣ согласуется съ тѣмъ,

что̀ было въ первый день восшествія на престолъ сообщено всѣмъ иностраннымъ министрамъ, какъ равно и съ декларацiей, объявленной императрицей мнѣ лично чрезъ г. Олсуфьева; что я обо всемъ донесъ в. в. и что дружественныя чувства государыни къ в. в. не могутъ никогда превзойти таковыхъ же в. в-ва къ ней и что в. в. будете всегда выискивать случая закрѣпить эту дружбу и доказать ее на дѣлѣ. Затѣмъ, продолжая разговоръ, онъ прибавилъ еще, что арміи, находящейся въ Пруссіи, посланъ уже приказъ возвратиться въ Имперію, такъ что владѣнія в. в-ва въ скоромъ времени будутъ совсѣмъ очищены. Я выразилъ также министру мое сожалѣніе, что не могъ быть при дворѣ вмѣстѣ съ прочими иностранными министрами и что я льщу себя надеждою, что императрица, найдя причину моего отказа вполнѣ основательною, не будетъ на меня за то гнѣваться. На это онъ отвѣчалъ, что и самъ онъ, предполагая, что недоброжелатели мои, пользуясь моимъ отсутствіемъ, постараются выставить меня съ невыгодной стороны, передалъ государынѣ мои извиненія съ объясненіемъ причины, помѣшавшей моему представленію, на что̀ ея имп. величество, нисколько, повидимому, не гнѣваясь, изъявила ему, что она понимаетъ, какъ я, при всемъ моемъ желаніи явиться на поклонъ, рѣшительно не могъ этого исполнить, получа повѣстку о статскомъ платьѣ чуть не въ самую ту минуту, когда надо было являться ко двору, и что она будетъ рада видѣть меня на слѣдующемъ представленіи.

Затѣмъ канцлеръ довѣрчиво говорилъ со мной о своихъ собственныхъ дѣлахъ: что съ перваго же дня онъ письменно доложилъ императрицѣ о своемъ желаніи удалиться отъ дѣлъ; что онъ уже нѣсколько разъ обращался съ той же просьбой и къ государю, и такъ какъ здоровье его все болѣе и болѣе слабѣетъ, то онъ надѣется, что ея величество окажетъ ему эту милость. Но до сихъ поръ нѣтъ еще никакого рѣшенія. Онъ очень доволенъ, что сдѣлалъ этотъ шагъ за четыре часа до того, какъ узналъ о возвращеніи изъ ссылки Бестужева; потому что иначе государыня могла подумать, что это было причиною просьбы его объ отставкѣ».

Я просилъ канцлера доложить ея величеству о канонерахъ в. в-ва, вызванныхъ императоромъ еще въ Мартѣ мѣсяцѣ и, не смотря на мои многократныя просьбы, до сихъ поръ не возвращенныхъ. Ихъ перевели изъ Ораніенбаума, гдѣ они были въ послѣднее пребываніе вмѣстѣ съ Голштинцами, въ Кронштадтъ, чтобы не подвергнуть ихъ нападенію черни, если бы они вошли въ городъ. Я предложилъ отправить ихъ водою въ Кёнигсбергъ или въ Пиллау, такъ какъ сухопутная переправа будетъ слишкомъ утомительна. Тотчасъ по полученіи

отвѣта отъ двора, я займусь посадкою ихъ на первое отходящее въ Пруссію судно. Ихъ теперь два офицера и 15 канонеровъ, послѣ того какъ одинъ изъ послѣднихъ недавно умеръ.

*

С.-Петербургъ, 10 (21) Іюля 1762.

Государь! Въ Воскресенье вечеромъ императорское министерство объявило иностраннымъ министрамъ циркуляромъ, что наканунѣ дворъ получилъ извѣщеніе о кончинѣ бывшаго императора, вечеромъ 6-го (17-го), отъ страшныхъ коликъ, бывшихъ слѣдствіемъ геморроидальныхъ припадковъ, которыми онъ давно страдалъ. Вчера и третьяго дня тѣло покойнаго было выставлено въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Третьяго дня канцлеръ просилъ меня придти къ нему около семи часовъ вечера и, передавая мнѣ орденскіе знаки в. в., которые носилъ покойный, далъ мнѣ понять, что, по его личному мнѣнію, и такъ какъ в. в. имѣете орденъ Св. Андрея Первозваннаго, государынѣ было бы пріятно тоже имѣть вашъ орденъ. На это я, конечно, сказалъ, что вы всегда съ удовольствіемъ воспользуетесь случаемъ доказать ея величеству знаки вашей дружбы и уваженія, въ чемъ государыня давно должна была убѣдиться. Ожидаю приказаній в. в-ва объ упомянутыхъ знакахъ. Канцлеръ передавалъ мнѣ и цѣпь этого ордена, предполагая, что я вручалъ ее покойному императору вмѣстѣ съ другими знаками отличія; но такъ какъ мнѣ положительно неизвѣстно, для кого и какъ эта цѣпь находится при здѣшнемъ дворѣ, то я и не рѣшился ее взять.

Послѣ того, какъ курьеръ Сейдакъ доставилъ мнѣ подтвержденіе союзнаго договора, я сдѣлалъ о томъ докладъ канцлеру, прося его узнать намѣренія ея императорскаго величества объ этомъ предметѣ. Онъ обѣщалъ черезъ нѣсколько дней дать мнѣ отвѣтъ, по полученіи коего я тотчасъ пошлю мое всеподданнѣйшее донесеніе. Съ курьеромъ этимъ, не доѣзжая нѣсколькихъ станцій, случилась непріятность: его на дорогѣ остановилъ офицеръ и провожалъ до самаго города, настаивая, чтобы онъ передалъ ему депеши, и не обращая никакого вниманія на паспортъ, данный ему генераломъ Броуномъ, Рижскимъ губернаторомъ. Случайно повстрѣчался съ нимъ генералъ князь Любомирскій, который и далъ понять офицеру незаконность его дѣйствія; тогда этотъ послѣдній сознался, что онъ думалъ этимъ отличиться при дворѣ. Генералъ Любомирскій направился въ городъ, гдѣ и разсказалъ о своей встрѣчѣ; и уже только послѣ того, какъ офицеру посланъ былъ приказъ, курьеръ могъ отъ него отдѣлаться и слѣдовательно прибылъ ко мнѣ семью часами позже противъ ожидаемаго, но передалъ мнѣ депеши въ полной сохранности.

Въ прошедшую Субботу иностранные министры получили извѣщеніе объ отъѣздѣ императрицы въ Москву для коронованія. Полагаютъ, что ея величество отправится туда въ Августѣ по ст. стилю, и что церемонія состоится вскорѣ по пріѣздѣ. Такъ какъ я уже осмѣлился говорить в. в. въ моихъ послѣднихъ депешахъ объ этомъ отъѣздѣ, то надѣюсь, что приказанія в. в-ва по этому поводу будутъ мнѣ присланы ранѣе отъѣзда двора.

Принцъ Георгъ Голштинскій съ своей семьей разсчитываетъ, какъ слышно, выѣхать въ будущую Субботу въ Германію.

Графы Иванъ и Петръ Головкины*) пріѣхали въ прошлую Субботу. Я въ этотъ день обѣдалъ съ ними у канцлера; но до сихъ поръ они не были еще у меня. Когда они прибудутъ, я не премину относиться къ нимъ такъ, какъ угодно было вашему величеству мнѣ приказать, и какъ я ранѣе того поступалъ, о чемъ имѣлъ честь писать въ моихъ прежнихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ.

*

Въ С.-Петербургѣ, 10 (21) Іюля 1762.

P. S. Государь!

(*Писано условными знаками*). Г. Кейтъ продолжаетъ сообщать мнѣ различныя новости, доходящія до него; при случаѣ я ему плачу̀ тѣмъ же, хотя ему гораздо легче получать извѣстія, какъ черезъ колонію Англійскихъ купцовъ, такъ и благодаря тому, что онъ жилъ при здѣшнемъ дворѣ гораздо большее время, чѣмъ я. Онъ передалъ мнѣ, что нѣкто (чьи свѣдѣнія, однако, были не изъ перваго источника) хотѣлъ убѣдить его, будто генералъ Чернышовъ получилъ приказъ попытаться на возвратномъ пути взять Штетинъ. Это извѣстіе казалось г. Кейту столь же неосновательнымъ, какъ и мнѣ. Если даже допустить, что здѣшній дворъ способенъ на подобное вѣроломство, все же останется совершенно непонятнымъ, по какимъ причинамъ сталъ бы онъ дѣлать объявленіе, что миръ будетъ свято соблюдаться, о чемъ я почтительнѣйше сообщалъ отъ 3-го числа. Кромѣ того, для здѣшняго двора теперь болѣе чѣмъ когда-либо важно вернуть всѣ свои войска въ глубь Имперіи, чтобы окончательно утвердить тронъ противъ множества недовольныхъ; число же ихъ возрастаетъ со дня на день, съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что внукъ Петра Великаго свергнутъ съ престола и что его замѣстила иностранка, если и имѣющая какое-

---

*) Это дѣти графа Александра Гавриловича, бывшаго нѣкогда нашимъ посломъ въ Берлинѣ. Нѣкогда, при Елисаветѣ канцлеръ думалъ выбрать изъ нихъ супруга единственной своей дочери (см. о томъ въ „Архивѣ Князя Воронцова“, по Указателю). П. Б.

либо право царствовать, то только по мужу или по сыну. Третій доводъ, дѣлающій неправдоподобнымъ извѣстіе о захватѣ Штетина, тотъ, что отрядъ Чернышова на возвратномъ пути ни въ какомъ случаѣ не будетъ близко отъ крѣпости. Иначе обстоитъ дѣло съ отрядомъ Румянцова, и именно на это нѣкто намекалъ мнѣ вчера, прибавляя, однако, что сообщившій ему такія свѣдѣнія ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ вѣры. Хотя я и считаю долгомъ сомнѣваться въ этомъ извѣстіи, но не могу не увѣдомить о немъ ваше величество. Я имѣю скорѣе всѣ причины думать, что области вашего величества будутъ совершенно очищены отъ Русскихъ войскъ; но я опасаюсь, чтобы генералъ Панинъ*), который теперь стоитъ во главѣ ихъ, и который по различнымъ поводамъ, въ бытность свою въ Пруссіи, уже высказывалъ свое недоброжелательство, не допустилъ бы при отступленіи различныхъ насилій. Въ общихъ словахъ я уже намекалъ на это канцлеру, говоря о своей увѣренности, что императорскія войска будутъ соблюдать строжайшую дисциплину во время своего перехода по землямъ вашего величества, и что въ противномъ случаѣ вашему величеству было бы очень непріятно увидать себя въ необходимости принести справедливыя жалобы. Канцлеръ отвѣчалъ мнѣ на это, что будутъ даны очень опредѣленныя распоряженія, во избѣжаніе всякихъ насилій. Третьяго дня на совѣщаніи канцлеръ снова высказалъ мнѣ опасеніе здѣшняго двора, что ваше величество будете затруднять отдѣленіе отряда Чернышова отъ арміи вашего величества, добавляя, что безъ этого препятствія, какъ онъ увѣренъ, миръ будетъ свято соблюденъ.

Три указа, изданные предшественникомъ, важнѣйшіе изъ тѣхъ, которые онъ обнародовалъ, были утверждены. Первый касается духовенства: у него отнимаются имѣнія и замѣняются жалованіемъ. Другой—о вольности дворянской, третій предоставляетъ купцамъ различныя права и вольности.

*

(Министру иностранныхъ дѣлъ, графу Финкенштейну).

С.-Петербургъ, сего 10 (21) Іюля 1762 г.

Ваше сіятельство!

По донесеніямъ отъ 3 (14) и 6 (17), которыя должны были уже дойти, ваше сіятельство (*далѣе писано условными знаками*) имѣете представленіе о настоящемъ положеніи дѣлъ при здѣшнемъ дворѣ. Какъ я позволяю себѣ надѣяться, ваше сіятельство признаете достаточно важными тѣ причины, которыя побуждаютъ меня, съ одной стороны,

*) Графъ П. И. Панинъ, ген.-губернаторъ завоеванной нами восточной Пруссіи. П. Б.

предполагать, что здѣшній дворъ потребуетъ моего отозванія, а съ другой—довести до свѣдѣнія его величества, какъ мало могу я надѣяться на успѣхъ при дальнѣйшей службѣ здѣсь. Надѣюсь также, что ваше сіятельство не сочтете этихъ доводовъ порожденными только моимъ сильнымъ желаніемъ покинуть здѣшній дворъ. Все, что̀ сообщается о взятіи Штетина въ прилагаемомъ шифрованномъ донесеніи, также какъ и доходящіе до меня смутные слухи, будто двое изъ нашихъ курьеровъ отъ 14-го и 17-го были задержаны въ Ригѣ, распущены, какъ мнѣ кажется, Австрійской и Саксонской партіей, чтобы вызвать меня на какой-нибудь ложный шагъ предъ императрицей. Я же, не высказывая никакой тревоги, продолжаю разглашать дружественный рескриптъ, объявленный по приказанію ея величества императрицы королю, и хвалюсь вниманіемъ, оказываемымъ лично мнѣ ея величествомъ, которое выразилось и въ охранѣ, сопровождавшей меня въ городъ, и въ удвоеніи стражи въ моемъ домѣ во время моего отсутствія, при чемъ все это было сдѣлано по ея собственному побужденію. Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство удостоите одобреніемъ мои дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ даже эти извѣстія и оказались, къ несчастію, основательными (разумѣю главнымъ образомъ извѣстіе о взятіи Штетина) то я нисколько не помогъ бы дѣйствуя иначе, а если слухи ложны, я бы только попался въ сѣти враговъ.

Впрочемъ, я знаю, что, не смотря на всѣ милости императрицы, во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ, она питаетъ ко мнѣ величайшее нерасположеніе за то, что я былъ слишкомъ близокъ къ покойному государю, предполагая, хотя и несправедливо, что я одобрялъ дѣйствія покойнаго по отношенію къ ней. Одинъ видъ мой долженъ ей напоминать дурное обращеніе съ ней государя, часто проявлявшееся въ моемъ присутствіи. Естественно, что у нея есть прямое отвращеніе къ дѣламъ, доходящимъ до нея чрезъ мое посредство. Очень важное обстоятельство, извѣстное вашему сіятельству лучше чѣмъ кому-либо, дѣлаетъ для меня совершенно невозможнымъ вести хорошо дѣла короля при здѣшнемъ дворѣ; оно состоитъ въ томъ, что теперь окончательно исчезаютъ всѣ источники, откуда мы съ г. Дистелемъ брали прежде всѣ наши извѣстія. Невозможно себѣ даже представить, до какой степени избѣгаютъ сношеній съ нами даже тѣ, съ кѣмъ мы прежде были въ очень хорошихъ отношеніяхъ. То немногое, что̀ я еще узнаю̀, доходитъ до меня черезъ г. Кейта. Онъ просилъ о своемъ отозваніи и разсчитываетъ скоро уѣхать. Вотъ и не станетъ у меня послѣдняго источника. Ко всякому другому послу, который меня замѣнитъ, имѣя при себѣ другого секретаря посольства, ни дворъ, ни на-

родъ не будутъ относиться съ такой ненавистью, о поддержаніи которой дворъ будетъ постоянно заботиться. Моему преемнику не придется бороться съ ненавистью, уже личной, по отношенію къ г-ну Дистелю и ко мнѣ. Стоитъ намъ, ему или мнѣ, только поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ, чтобы онъ сталъ уже подозрительнымъ въ глазахъ другихъ. Что касается пользы, которую г. Дистель могъ бы принесть на королевской службѣ послѣ моего отъѣзда, то позволяю себѣ замѣтить, что у него нѣтъ никакихъ связей, благодаря которымъ онъ былъ бы способенъ оказать услуги при здѣшнемъ дворѣ. Онъ слишкомъ недавно здѣсь, чтобы имѣть возможность завести связи; при томъ его безпрерывныя сложныя занятія почти не позволяли ему покидать канцеляріи. Хотя онъ совершенно неизвѣстенъ здѣшнему народу и почти неизвѣстенъ здѣшнему двору, но и дворъ, и народъ относятся къ нему не менѣе враждебно, чѣмъ ко мнѣ. Милости, оказанныя ему покойнымъ императоромъ во время его послѣдняго пребыванія на дачѣ, тому, конечно, много способствовали. Ваше сіятельство слишкомъ проницательны, чтобы не убѣдиться окончательно, что я только исполняю свой долгъ, передавая такъ подробно эти доводы, и чтобы не предвидѣть безусловную необходимость перемѣнить все Прусское посольство при здѣшнемъ дворѣ. Я сознаюсь, что для меня было бы очень прискорбной будущностью быть принуждену дальше оставаться при здѣшнемъ дворѣ, при полной увѣренности, что всякое порученіе, возложенное на меня, потерпитъ неудачу изъ-за моей личности. Король не откажетъ мнѣ въ милости повѣрить, что меня осчастливитъ всякое порученіе, которымъ онъ соблаговолитъ меня удостоить, въ какой бы части свѣта это ни было.

Графа Бестужева ждутъ сегодня или завтра. Уже почти не сомнѣваются, что онъ замѣнитъ канцлера Воронцова, который только что просилъ объ отставкѣ и удалится въ свои имѣнія. По прибытіи новаго канцлера, политическая система здѣшняго двора установится. Рескриптъ, данный имъ о полномъ соблюденіи нейтралитета во время настоящей войны, можно бы считать окончательнымъ для всякаго другого двора; но здѣшній отличается постоянными противорѣчіями и отсутствіемъ опредѣленныхъ правилъ.

*

С.-Петербургъ, сего 11 (22) Іюля 1762 г.

Государь!

Канцлеръ пригласилъ меня сегодня вечеромъ на совѣщаніе и передалъ мнѣ прилагаемую здѣсь ноту относительно опрометчиваго поступка фельдмаршала Салтыкова, который, не будучи увѣдомленъ о миролюбивыхъ чувствахъ ея императорскаго величества, снова взялъ

въ свои руки управленіе Пруссіей, какъ только до него достигло извѣстіе о вступленіи на престолъ ея императорскаго величества. Такъ какъ канцлеръ предупредилъ меня объ отъѣздѣ курьера, посылаемаго дворомъ сегодня вечеромъ къ князю Репнину по поводу дѣйствія фельдмаршала, то я рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы представить эту ноту вашему величеству. Смѣю надѣяться, что курьеры, посланные послѣдовательно 3-го (14), 7-го (18) и 10-го (21), прибудутъ безъ промедленія.

*

С.-Петербургъ, сего 23 Іюля (3 Августа) 1762 г.

Государь!

Въ Воскресенье, 25-го числа, я имѣлъ честь облобызать руку ея императорскаго величества и привѣтствовалъ ее по поводу ея восшествія на престолъ. Все это она приняла со свойственными ей добротой и привѣтливостью и словесно подтвердила свои намѣренія поддерживать доброе согласіе съ вашимъ величествомъ. Я отвѣчалъ на это, что чувства дружбы и уваженія ея императорскаго величества къ вашему величеству хорошо извѣстны, и что ваше величество не замедлите дать мнѣ приказаніе повторить ей увѣренія въ вашихъ чувствахъ, какъ скоро вы, государь, получите извѣстіе о ея счастливомъ восшествіи на престолъ.

Камергеры князь Голицынъ, братъ вице-канцлера, и Матюшкинъ только-что назначены дворомъ: первый въ Швецію, а другой въ Варшаву и Вѣну, чтобы объявить о восшествіи на престолъ ея императорскаго величества. Тоже порученіе получилъ князь Долгорукій относительно Порты. Князь Дашковъ, ѣхавшій туда, чтобы объявить о восшествіи на престолъ покойнаго императора и уже совершившій часть пути, теперь вернулся и назначенъ подполковникомъ кирасирскаго полка имени покойнаго императора.

Камергеръ графъ Салтыковъ [1]), служившій до того въ Гамбургѣ, назначенъ министромъ здѣшняго двора при Французскомъ дворѣ и замѣнитъ графа Чернышова [2]), которому нѣсколько дней тому назадъ посланъ приказъ оставить дворъ, гдѣ онъ состоитъ, какъ только дойдетъ до него извѣстіе объ отъѣздѣ отсюда барона Бретейля. Графъ Кейзерлингъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ бывшій Русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, уже съ недѣлю какъ пріѣхалъ сюда

---

[1]) Сергѣй Васильевичъ (род. 1725, сынъ ген.-аншефа Василья Өедоровича (ум. 1755) и княжны Марьи Алексѣвны Голицыной (ум. 1752), женатый съ 29 Мая 1749 года на Матренѣ Павловнѣ Балкъ). Гольцъ ошибается: этотъ Салтыковъ не былъ графомъ. П. Б.

[2]) Петра Григорьевича. П. Б.

съ своимъ сыномъ, надворнымъ совѣтникомъ. Этотъ старикъ, замѣчательно сохранившiйся для своихъ лѣтъ, не знаетъ, какое ему дадутъ назначенiе. Полагаютъ, что ему было бы всего прiятнѣе назначенiе за границу. Графъ Бестужевъ былъ очень милостиво принятъ въ самый вечеръ своего прибытiя.

Артиллеристы вашего величества, вызванные сюда покойнымъ императоромъ четыре мѣсяца тому назадъ и находившiеся въ день событiя въ Ораніенбаумѣ, были переведены въ Кронштадтъ, а съ ними и всѣ Голштинцы [1]). Не смотря на мои настоятельныя просьбы, повторенныя нѣсколько разъ, вернули ихъ въ мое распоряженiе только въ прошлую Пятницу, 19-го (30) числа. Я водворилъ ихъ въ томъ же домѣ, гдѣ они были прежде, запретивъ слишкомъ часто показываться на улицахъ, во избѣжанiе разныхъ непрiятностей, которымъ они могли бы подвергнуться. Такъ какъ ихъ возвращенiе по сушѣ могло бы вызвать много затрудненiй, то я отправлю ихъ съ первымъ кораблемъ, который отплыветъ въ Данцигъ, Кенигсбергъ или Штетинъ.

Хотя я нѣсколько разъ просилъ канцлера сообщить мнѣ мнѣнiе ея императорскаго величества относительно утвержденiя мирнаго договора, но до сихъ поръ я не добился отвѣта.

*

С.-Петербургъ, 23 Iюля (3 Августа) 1762 г.

(*Писано условными знаками*). Назначенiе Салтыкова во Францiю ни въ какомъ случаѣ не понравится Версальскому двору. Еще недавно онъ былъ заключенъ въ крѣпости, какъ за долги, такъ и за различныя дурныя продѣлки. Покидая тюрьму, чтобы вернуться сюда, онъ принужденъ былъ, какъ поруку въ уплатѣ, оставить во Францiи свою жену, которая еще и теперь тамъ. Хотя во Францiи всѣ его презираютъ, однако, его назначенiе не удивляетъ здѣшнихъ придворныхъ. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ императрица относилась къ нему, какъ къ божеству. Предполагаютъ, что она нашла это назначенiе самымъ удобнымъ средствомъ, чтобы удалить его отъ своего двора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать ему возможность жить въ довольствѣ, а кстати и уплатить свои долги [2]).

Ропотъ простонародья, солдатъ и почти всего народа, о которомъ я уже говорилъ въ моемъ донесенiи отъ 21-го, значительно усиливается.

---

[1]) Нѣкоторые изъ Голштинцевъ погибли и схоронены на кладбищѣ села Мартышкина подъ Ораніенбаумомъ. Въ Петербургѣ крови не пролито; а кратковременный на радостяхъ разгулъ солдатъ весьма понятенъ: они освободились отъ ненавистнаго похода въ Данiю и Прусской одежды. П. Б.

[2]) С. В. Салтыковъ оставался въ Парижѣ до весны 1764 года. (См. его реляцiю при письмахъ Екатерины къ гр. Панину во 2-й кн. Чтенiй 1863, а также отзывъ о немъ въ 318-мъ письмѣ).

Тѣ немногія извѣстія, которыя я получаю, сводятся вотъ къ чему. Внезапная смерть покойнаго государя произвела сильное впечатлѣніе на народъ. Удивительно, что очень многія лица теперешняго двора, вмѣсто того, чтобы устранять всякое подозрѣніе... напротивъ того, забавляются тѣмъ, что дѣлаютъ двусмысленные намеки на родъ смерти государя... Никогда въ этой странѣ не говорили такъ свободно, какъ теперь. Имя Ивана на устахъ народа, и теперь, когда первый взрывъ и первое опьянѣніе прошли, сознаютъ, что только покойный императоръ имѣлъ право на престолъ и что онъ никому не дѣлалъ зла. Распущенность гвардіи невообразима. Всякія насилія они совершаютъ безнаказно; офицеры и не пытаются удерживать ихъ, довольные уже тѣмъ, что солдаты не оскорбляютъ ихъ самихъ. Княгиня Дашкова часто ведетъ оживленныя бесѣды съ Вѣнскимъ посломъ. Однако, я не думаю, чтобы врагамъ вашего величества удалось принудить здѣшній дворъ дѣйствовать противъ вашего величества. Государыня знаетъ хорошо, что ей, для своей безопасности, необходимо имѣть всѣ войска въ сердцѣ Имперіи, что финансы разстроены, и что всякая война возстановила бы народъ противъ ея правленія.

Между тѣмъ противная партія дѣлаетъ все возможное, чтобы вызвать раздоръ между обоими дворами. Нѣкто, три дня тому назадъ обѣдавшій у посла [1]) въ то самое время, когда прибылъ курьеръ отъ Чернышова съ извѣстіемъ, что ваше величество не намѣрены ни въ чемъ затруднять отдѣленіе его отряда, увѣрялъ меня, что эти господа, въ числѣ которыхъ былъ г. Прассе [2]), не очень-то были довольны такимъ извѣстіемъ; они надѣялись на противное и по этому поводу ожидали возобновленія войны. «Теперь, говорили они, нашей единственной надеждой на успѣхъ остаются дѣйствія фельдмаршала Салтыкова, взявшаго снова въ свои руки управленіе Пруссіей. Посмотримъ, какъ отнесется къ этому Прусскій король». Эти разсужденія, какъ мнѣ кажется, ясно показываютъ, что фельдмаршалъ Салтыковъ рѣшился на то, что̀ онъ совершилъ, подъ вліяніемъ полученныхъ отсюда писемъ.

Сообщавшій мнѣ это былъ тоже на обѣдѣ; въ его присутствіи не стѣснялись. Таковы свѣдѣнія, дошедшія до меня, но я не сомнѣваюсь, что сотни другихъ остаются мнѣ неизвѣстными. Нерасположеніе, которое питаютъ ко мнѣ всѣ, съ кѣмъ я видался прежде, дѣлаетъ для меня невозможнымъ поддерживать какія бы то ни было связи. Всякій думаетъ, что навлечетъ на самого себя подозрѣніе, если будетъ зна-

---

[1]) Т. е. у Австрійскаго посла.

[2]) Саксонскій посланникъ.

кőмъ со мной. Ваше величество усмотрите изъ этого, насколько мое положенiе тяжело, такъ какъ я лишенъ возможности исполнять мой долгъ, работая на пользу вашего величества. Обращенiе министерства до того осмотрительно, что канцлеръ недавно утаилъ отъ меня прибытiе курьера отъ Чернышова, о которомъ я только-что говорилъ, увѣряя меня, напротивъ, что его ждутъ съ нетерпѣнiемъ, а черезъ нѣсколько часовъ я узналъ о разговорѣ, бывшемъ у посла.

*

С.-Петербургъ, 23 Iюля (3 Августа) 1762 г.

Государь!

Канцлеръ передалъ мнѣ третьяго дня, во время совѣщанiя, на которое я былъ имъ приглашенъ, прилагаемую здѣсь ноту, касательно назначенiя комиссаровъ отъ тѣхъ областей вашего величества, чрезъ которыя пройдутъ войска этой Имперiи, возвращаясь сюда; цѣль этой ноты—установить цѣну на фуражъ, необходимый вышеупомянутому войску. Я принялъ ее, добавляя, что тотчасъ же передамъ вашему величеству и что вы и въ этомъ случаѣ не замедлите удовлетворить желанiю ея императорскаго величества; что здѣсь, при дворѣ, не должны удивляться чрезмѣрнымъ цѣнамъ, которыя запрашивали поставщики за фуражъ; что война столь продолжительная, какъ настоящая, является естественной причиной неурожая, а также и дороговизны хлѣба, что вашему величеству одинаково приходится платить огромныя цѣны; что насильственно принуждать мѣстныхъ жителей дѣлать поставки по обыкновеннымъ цѣнамъ, установленнымъ въ мирное время, значило бы разорять ихъ, но что комиссары будутъ неукоснительно заботиться, чтобы положить предѣлъ корыстолюбiю тѣхъ, которые пожелали бы нажить на вышеуказанныхъ доставкахъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Такъ какъ на кн. Репнина было возложено порученiе предложить это самое вашему величеству, то я счелъ себя въ правѣ, государь, увѣдомить васъ объ этомъ совѣщанiи съ нарочнымъ курьеромъ.

(*Писано условными знаками*). «Все же, какъ мнѣ кажется, такiя мѣры даютъ надежду, что области вашего величества будутъ окончательно очищены отъ войскъ, и что распущенные здѣсь слухи о взятiи Штетина были придуманы только въ тѣхъ цѣляхъ, на которыя я указывалъ въ моихъ предыдущихъ почтительнѣйшихъ донесенiяхъ».

Во время того же совѣщанiя мнѣ представили депеши вашего величества отъ 15 числа, съ P. S. отъ 17-го, говоря мнѣ, что ихъ везъ курьеръ Дöпнеръ, и что фельдмаршалъ Салтыковъ, не зная миролюбивыхъ намѣренiй ея императорскаго величества, задержалъ

Дöпнера въ Кенигсбергѣ и отослалъ эти депеши ко двору. На мои горячія жалобы, тотчасъ же выраженныя мною по поводу такого насилія, оба канцлера принесли мнѣ свои извиненія, признавая дѣйствіе фельдмаршала неправильнымъ и утверждая, что не преминутъ дать ему это почувствовать.

(Писано условными знаками до конца). Относительно содержанія той депеши отъ 15-го и 17-го, смѣю увѣрить ваше величество, что мнѣ доставило живое удовольствіе доброе расположеніе Порты; но мнѣ показалось, что было бы опаснымъ сообщить это здѣшнему двору теперь же, такъ какъ отсюда это легко стало бы извѣстнымъ Австрійскому двору, который, съ своей стороны, сдѣлалъ бы все возможное, чтобы повредить успѣху дѣла. Опасаясь между тѣмъ, чтобы переворотъ, происшедшій здѣсь, и незнакомство Порты съ намѣреніями новой государыни, не измѣнили бы намѣреній Дивана, или, по крайней мѣрѣ, не пріостановили бы заключенія договора, я подумывалъ о томъ, чтобы тотчасъ же извѣстить министровъ вашего величества на Востокѣ о здѣшнемъ положеніи дѣлъ: они тогда безъ труда могли бы успокоить волненіе, которое извѣстіе о переворотѣ произведетъ при тѣхъ дворахъ, гдѣ они пребываютъ. Но, не имѣя условныхъ знаковъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, я былъ лишенъ возможности имъ писать и, кромѣ того, я сомнѣваюсь, чтобы здѣшній дворъ пропустилъ моихъ курьеровъ.

*

С.-Петербургъ, 23 Іюля (3 Авг.) 1762 г.

Государь!

Явившись третьяго дня утромъ ко двору, я узналъ, что отъ генерала Чернышова прибылъ курьеръ. Въ извѣстіяхъ, имъ привезенныхъ, сообщалось, что ваше величество далеки отъ мысли препятствовать отдѣленію императорскихъ отрядовъ отъ вашего войска, и что ваше величество дали явныя доказательства своего уваженія и своей благосклонности, какъ генералу, такъ и всѣмъ офицерамъ и войску, позволивъ имъ удалиться тотчасъ же по полученіи приказаній отъ ея императорскаго величества. Тотъ же курьеръ привезъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной вашимъ величествомъ надъ Австрійцами, первыя свѣдѣнія о которой сообщилъ мнѣ г. Кейтъ, искренно выражая живое участіе, принимаемое имъ въ этомъ успѣхѣ. Со вчерашняго дня я ожидалъ курьера съ отвѣтомъ на первую депешу послѣ восшествія на престолъ ея императорскаго величества, надѣясь чрезъ него же получить подтвержденіе извѣстію о побѣдѣ. Этотъ курьеръ прибылъ ко мнѣ въ двѣнадцать часовъ дня и передалъ мнѣ всемилостивѣйшую

депешу вашего величества, съ письмомъ къ императрицѣ, которое разсчитываю передать ей тотчасъ же, какъ найду къ тому случай. Соблаговолите принять, всемилостивѣйшій государь, почтительнѣйшія поздравленія по случаю пораженія непріятеля, послѣдствія чего должны быть самыми счастливыми для оружія вашего величества, въ виду значительныхъ выгодъ позиціи, потерянной непріятелемъ. Тотъ же курьеръ передалъ мнѣ, что курьеръ Рихтеръ, ѣхавшій, какъ я полагаю, съ всемилостивѣйшей депешей вашего величества отъ 13-го числа, которую я все еще ожидаю, находился въ Данцигѣ, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Левальдомъ, убѣдившимъ его не продолжать своего пути, чтобы не подвергаться опасности. Фельдмаршалъ, конечно, дозволитъ Рихтеру продолжать путь, какъ только въ Данцигѣ узнаютъ, что опасности не существуетъ.

(*Писано условными знаками*). До сихъ поръ нѣтъ никакихъ причинъ предполагать возстановленіе Понятовскаго. Мало того, я думаю, что императрица, даже еслибъ и очень желала добиться этого возстановленія, все же принуждена будетъ, скрѣпя сердце, отказаться, такъ какъ оно, навѣрно, не понравится ни народу, ни двору, знающему хорошо всѣ недавнія событія. Въ случаѣ же если онъ вернется (*далѣе писано открыто*), я буду поступать, строго придерживаясь приказаній вашего величества.

Графъ де-Брюль, сынъ посланника, не такъ давно бывшій здѣсь, вернется вновь, чтобы привѣтствовать ея императорское величество.

(*Писано условными знаками*). Я убѣжденъ, что его лучше примутъ, чѣмъ въ послѣдній разъ; но что касается его замысла устроить союзъ между его дворомъ и здѣшнимъ, то я твердо убѣжденъ, что это ему не удастся, такъ какъ намѣренія здѣшняго двора состоятъ, какъ кажется, въ томъ, чтобы совершенно уклоняться отъ какого бы то ни было участія въ войнѣ.

*

(Министру иностранныхъ дѣлъ, графу Финкенштейну).

С.-Петербургъ, 26 Іюля (6 Августа) 1762 г.

Ваше сіятельство!

Смѣю надѣяться, что разныя депеши, посланныя мною королю отъ 13, 17, 21, 22 Іюля и 3-го Августа нов. ст., дошли до его величества безъ промедленія, и что дубликаты послѣдовательно были доставлены вашему сіятельству. Я слишкомъ радъ воспользоваться случаемъ выразить вамъ чувства уваженія и преданности, чтобы пропустить отбытіе курьера, посылаемаго въ Лондонъ г-мъ Кейтомъ,

Г-нъ Кейтъ показалъ мнѣ депеши, полученныя имъ 3-го числа отъ его двора, касающіяся тѣхъ предложеній, которыя были сдѣланы 28-го Іюня Французскимъ дворомъ Англійскому, и отвѣтъ послѣдняго отъ 10-го Іюля. Г-нъ Кейтъ добавилъ съ тѣмъ же довѣріемъ, какимъ удостоивалъ меня и прежде, что все это было передано королю курьеромъ, ѣхавшимъ къ г. Митчелю и проѣзжавшимъ черезъ Берлинъ 23-го Іюля, такъ что его величество былъ освѣдомленъ обо всемъ раньше, чѣмъ мы здѣсь. Слѣдовательно и вашему сіятельству равнымъ образомъ до полученія этой депеши будетъ извѣстно, что Митчелю былъ данъ приказъ засвидѣтельствовать королю, а именно: что его дворъ не предприметъ никакой мѣры по поводу этихъ предложеній, не узнавъ предварительно намѣреній его величества. Г. де-Іоркъ увѣдомляетъ въ тоже время г. Кейта, что какой-то Французскій курьеръ очень поспѣшно проѣзжалъ чрезъ Гагу, направляясь въ Лондонъ, тотчасъ же послѣ дѣла при Вильгельмштатѣ 24-го числа, и что Версальскій дворъ, повидимому, измѣнилъ свои намѣренія по полученіи извѣстій того дня. Сличая числа, видно, что этотъ послѣдній Французскій курьеръ былъ отправленъ много раньше, чѣмъ то могло бы быть, если бы дожидались отвѣта, посланнаго 10 Іюля Англійскимъ дворомъ.

Тотъ же курьеръ только-что сообщилъ г. Кейту о назначеніи милорда Бёкингэма посломъ при здѣшнемъ дворѣ. (*Далѣе писано условными знаками*). Дѣйствіе Британскаго министерства въ этомъ случаѣ невѣроятно. Прежде всего, по восшествіи на престолъ покойнаго императора, Англійскій дворъ сдѣлалъ запросъ у его императорскаго величества, будетъ ли ему угодно имѣть при своемъ дворѣ ихъ посланника, и будетъ ли двору пріятно, если шевалье Кейтъ приметъ это званіе. Императоръ, очень любившій г. Кейта, отвѣчалъ, что сочтетъ назначеніе посла новымъ свидѣтельствомъ дружбы и уваженія его Британскаго величества, и что никто другой не можетъ быть для него желательнѣе г. Кейта. Теперь Англійскій дворъ изъявилъ г-ну Людерсу, секретарю Русскаго посольства въ Англіи, сожалѣніе о невозможности исполнить желаніе императора относительно г. Кейта, потому что уже мѣсяцъ, какъ это посольство обѣщано милорду Бёкингэму, который получилъ, однако, приказъ отправиться сюда только за нѣсколько дней до этого заявленія Людерса. Императоръ былъ еще живъ. Онъ никогда бы не принялъ милорда; только шевалье Кейтъ могъ его побудить къ этому. Г. Кейтъ, какъ я уже сообщалъ въ моихъ предыдущихъ донесеніяхъ, просилъ о своемъ отозваніи; нисколько не сомнѣваясь, что получитъ его, онъ не дѣлаетъ никакихъ

распоряженій по поводу будущаго отъѣзда въ Москву, который долженъ состояться или состоится 25 Августа стар. ст. Ваше сіятельство представитъ себѣ самъ, насколько отъѣздъ г. Кейта будетъ для меня невыгоденъ. Въ предыдущихъ моихъ донесеніяхъ я передавалъ слишкомъ подробно всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ придется встрѣчаться, по своему личному положенію, во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣлахъ при этомъ дворѣ, чтобы повторять ихъ еще разъ. Я съ часу на часъ жду королевскаго отвѣта на мое первое донесеніе. Оно должно рѣшить вопросъ о приготовленіяхъ для поѣздки въ Москву, въ случаѣ если его величество прикажетъ мнѣ оставаться при здѣшнемъ дворѣ.

(*Писано открыто*). Извѣстіе о томъ, какъ король отпустилъ генерала Чернышова, произвело здѣсь сильное впечатлѣніе. Фельдмаршалу Салтыкову и генералу Воейкову были даны приказы возстановить въ Пруссіи все въ прежнемъ положеніи, какъ того требуетъ заключеніе мира. Господа Прусскіе чиновники сообщили мнѣ о томъ затрудненіи, въ которое они были поставлены всѣмъ происшедшимъ съ ними; я счелъ долгомъ отвѣчать имъ, что на мой взглядъ единственное, что̀ имъ остается сдѣлать, это—успокоиться и ждать приказаній короля въ отвѣтъ на тѣ донесенія, которыя, согласно съ ихъ сообщеніемъ, они сдѣлали его величеству.

Я только что узналъ, что ея в. императрица передала уже князю Репнину свой отвѣтъ на письмо, которое я имѣлъ честь передать ей нѣсколько дней назадъ отъ лица короля. Графъ Кайзерлингъ, бывшій посломъ въ Вѣнѣ, назначенъ къ Варшавскому двору, куда разсчитываетъ скоро отправиться, чтобы присутствовать при открытіи сейма, созваннаго на 1-е Октября.

(*Писано условными знаками*). Нѣкто, хорошо знающій намѣренія двора, сказалъ мнѣ подъ величайшей тайной, что Русская императрица рѣшительно приметъ сторону герцога Бирона, такъ какъ, кромѣ него, она не признаётъ другого герцога Курляндскаго. Такимъ образомъ принцъ Карлъ ничего не выигрываетъ отъ послѣдняго событія, хотя г. Прассе очень громко говорилъ о немъ первые дни. На мой взглядъ, это рѣшеніе императрицы довольно ясно доказываетъ, что ни Вѣнскому, ни Саксонскому двору нечего надѣяться имѣть большое вліяніе на императрицу. Несомнѣнно, что оба эти двора испытаютъ всевозможныя средства, чтобы привлечь ее; но я убѣжденъ, что имъ не удастся, по крайней мѣрѣ, въ первые годы ея царствованія, вовлечь ее въ союзъ съ ними, заставляя дѣйствовать въ ихъ пользу.

*

С.-Петербургъ, 31 Іюля (11 Августа) 1762 г.

Государь!

Письмо для ея императорскаго величества, которое ваше величество соблаговолили прислать мнѣ черезъ егеря Шнефогта, было принято императрицей со всѣми выраженіями дружбы и уваженія къ вашему величеству. Ея императорское величество добавила, когда я имѣлъ честь передавать ей это письмо, что она восхищена столь дружественнымъ вниманіемъ вашего величества. Канцлеръ говорилъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ, что отвѣтъ ея и. в. уже посланъ князю Репнину, чтобы передать его вашему величеству.

Милордъ Бёкингэмъ назначенъ посланникомъ при здѣшнемъ дворѣ. Безъ сомнѣнія, государь, вы узнаете отъ барона Книпгаузена, сколь неожиданнымъ является назначеніе это при здѣшнемъ дворѣ, потому что здѣсь могли ожидать Британскимъ посломъ только г. Кейта, послѣ объясненій покойнаго императора по этому поводу съ Лондонскимъ дворомъ, вызванныхъ просьбой этого послѣдняго.

Въ бесѣдѣ со мной въ прошедшую Субботу, въ обычный день совѣщанія съ иностранными послами, канцлеръ сказалъ мнѣ, что князь Репнинъ имѣетъ повелѣніе предложить устроенные здѣшнимъ дворомъ запасы въ Пруссіи и Помераніи, каковъ, напримѣръ, Кольбергскій, въ обмѣнъ за поставку провизіи для продовольствованія императорской арміи на ея возвратномъ пути въ эту имперію.

Сенатъ собирается почти ежедневно утромъ во дворцѣ, и рѣдкій вечеръ проходитъ безъ того, чтобы не было собранія совѣта. Ея императорское величество рѣдко не удостоиваетъ своимъ присутствіемъ эти собранія. Трудно передать, до какой степени эта государыня слѣдитъ за дѣлами.

Графъ Бестужевъ вернулся въ Сенатъ и занялъ тоже положеніе, какъ и прежде, такъ что онъ старшій изъ сенаторовъ. Лица, которымъ императрица больше всего довѣряетъ и которыя наиболѣе освѣдомлены въ дѣлахъ, слѣдующія: сенаторъ гр. Бестужевъ, оба канцлера*), графъ Панинъ, воспитатель великаго князя, генералъ кн. Волконскій и гр. Кайзерлингъ. Этотъ послѣдній, бывшій посланникомъ въ Вѣнѣ, назначенъ къ Варшавскому двору, куда онъ вскорѣ и отправляется, чтобы присутствовать при открытіи сейма, имѣющаго быть 1-го Октября.

Гудовичъ выпущенъ на свободу. Ея императорское величество велѣла ему передать, что, если въ будущемъ онъ будетъ служить ей

*) Т. е. канцлеръ гр. М. Л. Воронцовъ и вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ. П. Б.

съ такой же вѣрностью, какъ служилъ своему покойному государю, то, конечно, ничего не проиграетъ отъ этой перемѣны. Увѣряютъ, что онъ оставитъ службу и вернется на родину, въ Украйну *), со своимъ братомъ, бывшимъ адъютантомъ принца Георга.

Дѣйствія генерала Воейкова въ Пруссіи, именно то, что онъ снова взялъ въ свои руки управленіе королевствомъ, встрѣчено здѣсь всеобщимъ осужденіемъ. Всѣ, съ кѣмъ я говорилъ объ этомъ, не скрывали своихъ чувствъ. Во время одного разговора съ вице-канцлеромъ, когда я навелъ рѣчь на это обстоятельство, самъ вице-канцлеръ отвѣчалъ мнѣ, что это былъ ужасный проступокъ со стороны Воейкова и что дворъ былъ этимъ очень недоволенъ. Поэтому мнѣ представлены увѣренія, что все было исправлено и что генералу былъ сдѣланъ строгій выговоръ.

*

С.-Петербургъ, 31 Іюля (11 Августа) 1762 г.

Государь!

(*Писано условными знаками*). Отовсюду мнѣ сообщаютъ, что императрица чрезвычайно довольна письмами вашего величества, писанными къ покойному императору, которыя она недавно прочла.

Я предполагаю, что нѣкоторыя злонамѣренныя лица внушили ей, будто въ перепискѣ вашего величества съ императоромъ были вещи нелестныя для нея, и теперь она видитъ, что заблуждалась.

Дружественное отношеніе императрицы къ вашему величеству должно быть очень неожиданнымъ для всего здѣшняго двора, такъ что они едва могутъ воздержаться отъ выраженія своего удивленія. Какъ мнѣ кажется, слѣдующее обстоятельство, которое я только что узналъ изъ достовѣрнаго источника, заслуживаетъ того, чтобы быть передано вашему величеству. Императрица, отвѣчая вашему величеству, не только не совѣтовалась ни съ однимъ изъ своихъ министровъ, но даже никому изъ нихъ не сообщила этого отвѣта, такъ что все высказанное этой государыней въ ея письмѣ можетъ считаться за подлинныя ея чувства.

Принятое ея императорскимъ величествомъ рѣшеніе—возвратить герцогу Бирону Курляндію, можетъ только удивить Саксонскій и Вѣнскій дворы. Г. Прассе въ самые первые дни послѣ переворота поспѣшилъ подать своему двору большія надежды на то, что принцъ Карлъ сохранитъ свои права, такъ что нѣкоторые даже полагаютъ, что онъ находится уже на пути въ Митаву.

*) Въ проѣздъ Екатерины черезъ Глуховъ въ 1787 г., она долго бесѣдовала съ графомъ Андреемъ Ивановичемъ Гудовичемъ, а за торжественнымъ обѣдомъ спросила его, отчего онъ не пьетъ вина. „Много мы его попили съ покойнымъ вашимъ супругомъ“, отвѣчалъ упрямый Малороссъ (мѣстное преданіе). П. Б.

Намѣренія императрицы въ пользу Бирона будутъ объявлены Саксонскому двору. Герцогъ выѣзжаетъ черезъ нѣсколько дней, чтобы присутствовать на государственномъ сеймѣ, который начнется 5-го Августа ст. ст.; тамъ онъ объявитъ свой протестъ противъ принца Карла. Съ графомъ Кайзерлингомъ совѣщались по поводу внѣшнихъ дѣлъ, и онъ много способствовалъ успѣху Бирона. Гр. Кайзерлингъ дѣлаетъ все возможное, чтобы только отдалить здѣшній дворъ отъ Вѣнскаго. Третьяго дня онъ представилъ записку, въ которой разсматривалъ взаимныя отношенія здѣшняго и другихъ дворовъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ Кейтомъ, равно и со мной, онъ всегда высказывалъ глубокое уваженіе къ вашему величеству и свое убѣжденіе, что Россіи подобаетъ быть въ союзѣ съ вашимъ величествомъ. Нѣсколько дней тому назадъ я сдѣлалъ ему визитъ; онъ мнѣ его не отдалъ, но передалъ мнѣ черезъ Кейта, что счелъ за лучшее, узнавъ, что гр. Мерси слѣдитъ за нимъ, не ѣздить ко мнѣ, чтобы не навлечь подозрѣнія и чтобы продолжать внушать здѣшнему двору тѣ чувства, какія онъ внушаетъ, съ тѣхъ поръ какъ вернулся сюда.

Графъ Бестужевъ, хотя и занялъ мѣсто въ Сенатѣ, но все же продолжаетъ уклоняться отъ участія въ дѣлахъ, ссылаясь на свой преклонный возрастъ, въ сущности же для того, чтобы его больше просили. Канцлеръ откровенно говорилъ объ томъ со мной, жалуясь, что ему было бы въ высшей степени непріятно оставаться въ своемъ званіи, въ то время, какъ дѣлами завѣдывалъ бы графъ Бестужевъ, и что въ такомъ случаѣ онъ вторично попроситъ объ отставкѣ.

Курьеръ, прибывшій изъ Константинополя въ министерство, привезъ мнѣ отвѣтъ отъ посла вашего величества на письмо, которое я ему писалъ. По его словамъ, посолъ здѣшняго двора дѣйствительно устно заявлялъ, что его государь не будетъ вмѣшиваться, какія бы предпріятія ни затѣяла Порта противъ Венгріи, но что, не смотря на настоянія Рексина, онъ отказалъ выразить тоже письменно, чего добивался визирь. Тѣмъ не менѣе онъ говоритъ, что постарается извлечь изъ этого словеснаго заявленія всю возможную выгоду. Въ разговорѣ, бывшемъ у меня по этому поводу съ канцлеромъ, ясно чувствовалось, что Русскій посолъ дѣйствовалъ согласно съ полученными приказаніями. Я сказалъ ему, что здѣшній дворъ обѣщалъ сдѣлать подобное заявленіе для успокоенія Порты, которая въ случаѣ войны съ королевой могла бы опасаться враждебныхъ дѣйствій съ этой стороны; что Порта была бы успокоена, какъ только ихъ посолъ подтвердилъ бы письменно то, что̀ уже объявилъ словесно; наконецъ, что въ виду дружественныхъ отношеній ея в. императрицы къ вашему величеству

здѣшній дворъ, конечно, безъ всякаго затрудненія выполнитъ обѣщаніе, данное нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, относительно такого заявленія. Канцлеръ возразилъ мнѣ, что онъ не видитъ, къ чему это могло бы повести, такъ какъ ихъ посолъ увѣряетъ, что Порта никогда не предприметъ ничего противъ королевы, сколько бъ надеждъ на это ни подавала она намъ. Будучи убѣжденъ депешами вашего величества въ противномъ, я однако не нашелъ нужнымъ объяснять это канцлеру изъ опасенія, чтобы черезъ подобное сообщеніе не разгласилось и не дошло до свѣдѣнія Вѣнскаго посла предстоящее заключеніе договора съ Портой. Поэтому я нашелъ лучшимъ прекратить разговоръ объ этомъ вопросѣ, видя притомъ, что въ настоящее время я не могъ бы побудить здѣшній дворъ сдѣлать желательные для меня шаги *).

*

С.-Петербургъ, 31 Іюля (11 Августа) 1762 г.

Государь!

Курьеръ Гохкирхъ доставилъ мнѣ вчера утромъ всемилостивѣйшую депешу вашего величества отъ 30 Іюля. Что касается содержанія этой депеши, осмѣлюсь, Государь, сдѣлать почтительнѣйшій докладъ о ней черезъ другого курьера въ самомъ ближайшемъ будущемъ, увѣдомивъ, какъ я ею воспользовался.

Замѣтно, что извѣстія, полученныя изъ Германіи о побѣдахъ одержанныхъ, какъ войскомъ вашего величества, такъ и союзниками, не прибавили высокомѣрія нашимъ непріятелямъ при здѣшнемъ дворѣ. Надѣюсь, что не прибавитъ его и побѣда, одержанная генераломъ Гюльсеномъ надъ Саксонцами, о которой ваше величество соблаговолили извѣстить меня. Я немедленно сообщилъ о ней г. Кейту, который надѣется, что въ скоромъ времени будетъ имѣть возможность поздравлять меня съ новой побѣдой въ Силезіи.

(Писано условными знаками). Канцлеръ говорилъ мнѣ въ прошлую Субботу, но въ слишкомъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, о всеобщемъ замиреніи и о томъ, какъ могъ бы своимъ посредничествомъ содѣйствовать этому здѣшній дворъ, въ настоящее время рѣшительно стоящій въ сторонѣ отъ борьбы. Не имѣя никакихъ приказаній, относящихся къ этому вопросу, я счелъ необходимымъ удовольствоваться въ отвѣтѣ такими же неопредѣленными выраженіями. Такъ какъ мнѣ важно было узнать, не обращался ли канцлеръ съ такими же предложеніями къ г. Кейту, то я нашелъ нужнымъ поговорить съ нимъ

*) Зналъ ли Гольцъ, что король его передъ тѣмъ подговаривалъ Крымскаго хана произвести набѣгъ на Русскія земли? П. Б.

объ этомъ, тѣмъ болѣе, что здѣшній дворъ, если окажетъ когда нибудь посредничество, то оно будетъ относиться столь же къ Англіи, какъ и къ вашему величеству. Я узналъ отъ г. Кейта, что канцлеръ велъ себя съ нимъ совершенно такъ же, употребляя подобныя же выраженія, какъ и въ разговорѣ со мной; подобно мнѣ, г. Кейтъ не сказалъ въ отвѣтъ ничего опредѣленнаго. Г. Кейтъ передалъ мнѣ при этомъ свои предположенія, что здѣшній дворъ даже отдалъ приказъ своему министру въ Лондонѣ предварительно тамъ развѣдывать. Канцлеръ задержалъ паспортъ одного изъ его курьеровъ дольше обыкновеннаго и, отпуская его, далъ отъ себя депешу къ графу Воронцову [1]); это вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими обстоятельствами заставляетъ думать г. Кейта, что здѣшній дворъ даетъ въ нихъ своему министру наставленія, основанныя на рѣшеніяхъ, которыя были приняты въ послѣднихъ совѣщаніяхъ и касающіяся той посреднической роли, которую желательно взять на себя здѣшнему двору.

*

С.-Петербургъ, 10/(21) Августа 1762 г.

Государь!

Отъѣздъ ея императорскаго величества, назначенный на 25 число сего мѣсяца по старому стилю, перенесенъ на 15 Сентября того же стиля [2]). Надо полагать, что безчисленныя приготовленія къ коронаціи не удастся окончить такъ скоро, какъ на это надѣялись сначала.

Въ прошлое Воскресеніе, день, въ который иностранные послы удостоиваются чести лобызать руку ея величества императрицы, мы не были осчастливлены ея лицезрѣніемъ. Ея и. в. простудилась наканунѣ на прогулкѣ въ саду; но впрочемъ неудивительно, что ея величество не пользуется полнымъ здоровьемъ, потому что она безпрерывно предается занятію дѣлами [3]), не оставляя себѣ ни одного часа на развлеченія: до такой степени ея величество находитъ удовольствіе исполнять обязанности правленія. Нѣтъ ни одного распоряженія, которое не дѣлалось бы ей извѣстно, и ея величество позволяетъ всѣмъ просить у нея покровительства, въ которомъ она никогда не отказываетъ достойнымъ.

Ежедневно ея императорское величество блистательно свидѣтельствуетъ о своей добротѣ и великодушіи. Недавно она дала фельдмарша-

---

[1]) Т. е. племяннику канцлера, молодому графу Александру Романовичу Воронцову. П. Б.

[2]) Числовыя показанія невѣрны. П. Б.

[3]) Вступивъ на престолъ въ Пятницу раннимъ утромъ, Екатерина не раздѣвалась и не ложилась въ постель до Понедѣльника. П. Б.

лу Миниху 30 гакеновъ и 3000 рублей на его поѣздку, предпринимаемую имъ съ цѣлью осмотрѣть портъ Рогервикъ. Графъ Лестокъ получилъ 7000 рублей пенсіи и 30 гакеновъ, что̀ можно считать въ 60,000 рублей, которыя останутся вдовѣ.

Генерала Румянцова ожидаютъ сюда черезъ нѣсколько дней. Генералъ Ферморъ, прибывшій нѣсколько недѣль тому назадъ, не разъ появлялся при дворѣ.

Прошлое Воскресеніе герцогъ Биронъ былъ офиціально объявленъ герцогомъ Курляндскимъ.

Часть пѣшей гвардіи уже отправилась недѣлю тому назадъ въ Москву, а три эскадрона конной гвардіи двинулись въ Воскресенье.

Г. Волковъ, бывшій государственный секретарь императора, назначенъ вице-губернаторомъ въ Оренбургъ. Генералъ-лейтенантъ Мельгуновъ, оставленный въ своемъ званіи, отправляется, чтобы принять командованіе надъ войсками, стоящими на границѣ Имперіи и Татарскихъ владѣній.

Императрица только что опредѣлительно назначила свой отъѣздъ въ Москву на 1-е Сентября. Такъ какъ ваше величество приказали мнѣ въ вашей депешѣ отъ 3-го числа слѣдовать за дворомъ, то я нанялъ тамъ домъ и разсчитываю отправить туда завтра моихъ лошадей.

*

С.-Петербургъ, 10 (21) Августа 1762.

Государь!

(*Писано условными знаками*). Тѣ волненія, о которыхъ я сообщалъ вашему величеству въ предыдущихъ моихъ донесеніяхъ, далеко не успокоены, а напротивъ, постоянно усиливаются. Не проходитъ почти ни одной ночи, чтобы толпа недовольныхъ не являлась ко дворцу и не требовала бы разрѣшенія видѣть императрицу. Она иногда является лично, иногда посылаетъ успокоивать ихъ кого-нибудь другого, давая денежныя подачки мятежникамъ.

Такъ какъ Измайловскій гвардейскій полкъ и конная гвардія, находившаяся прежде подъ начальствомъ принца Георга, въ день переворота всецѣло предались императрицѣ, то къ обоимъ этимъ полкамъ относятся теперь съ презрѣніемъ и вся остальная гвардія, и полевые гарнизонные полки, стоящіе здѣсь, и кирасиры, покойнаго императора, и флотскіе.

Не проходитъ дня безъ столкновенія этихъ двухъ партій. Послѣдніе упрекаютъ первыхъ въ томъ, что они продали своего государя

за нѣсколько грошей и за водку. Артиллерійскій корпусъ до сихъ поръ еще не принялъ ничьей стороны. Дворъ, дойдя до крайности, роздалъ Измайловскому полку патроны, что̀ встревожило остальную гвардію и гарнизонъ. Мятежники говорятъ, что императрица, захвативъ власть безъ всякаго права, извела мужа; что, притворяясь набожной, она смѣется надъ религіей; что они ясно видятъ, какъ торопится она коронованіемъ, но что она никогда его не добьется... наконецъ, что они желаютъ имѣть своимъ монархомъ Ивана.

Всѣ эти разговоры ведутся открыто. Дворъ, вмѣсто того, чтобы прекратить все это суровыми мѣрами, прибѣгаетъ къ самымъ слабымъ, успокаивающимъ средствамъ: напримѣръ, раздаетъ деньги собравшимся мятежникамъ, которые, немного погодя, опять принимаются за свое, хоть бы только затѣмъ, чтобы опять выманить подачку. Часть гвардіи, восемь дней тому назадъ отправленная въ Москву, отказывается продолжать путь, и офицеры, явившіеся объявить объ этомъ двору, не въ состояніи заставить ихъ идти далѣе.

Единственное благопріятное для двора обстоятельство при такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ состоитъ въ томъ, что недовольные (въ сущности гораздо болѣе многочисленные, чѣмъ остальные) рѣшительно не имѣютъ вождя. Иначе буря неминуемо разразилась бы уже нѣсколько дней тому назадъ рѣзнею полковъ между собой, за которой послѣдовалъ бы грабежъ города, при чемъ, по всей вѣроятности, иностранцы сдѣлались бы жертвою.

Дѣйствія двора показываютъ, что онъ старается устранить всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы стать во главѣ недовольныхъ, или по собственному побужденію, или по вынужденію мятежниковъ. Уже нѣсколько недѣль тому назадъ императрица приказала фельдмаршалу Миниху осмотрѣть работы по укрѣпленію порта Рогервика, ничѣмъ не выражая, чтобы это порученіе было неотложнымъ. Повторительные приказы, данные фельдмаршалу въ Среду вечеромъ и еще разъ въ Четвергъ утромъ, были такого рода, что фельдмаршалъ отправился въ путь тотчасъ же. Гудовичу также былъ данъ приказъ отправиться къ себѣ въ Украйну. Можно полагать, что послѣ смерти императора ни тотъ, ни другой безъ принужденія не сдѣлался бы вождемъ недовольныхъ; но опасаются, особенно за фельдмаршала, что солдаты, въ средѣ которыхъ онъ пользуется большимъ уваженіемъ, могутъ явиться къ нему однажды ночью съ предложеніемъ стать во главѣ ихъ и принудятъ его къ этому силой въ случаѣ его отказа. Хотя дворъ старается скрыть свое безпокойство, оно все же замѣтно. Императрица должна жестоко стра-

дать, потому что вотъ уже восемь ночей, какъ ей почти не даютъ сомкнуть глазъ.

Что касается до Ивана, то, какъ полагаютъ, императрица съ первыхъ же дней царствованія перевела его изъ Шлюссельбурга, гдѣ держалъ его покойный императоръ, въ болѣе отдаленную крѣпость, строго заключивъ въ темницѣ. Другіе, впрочемъ, увѣряютъ, что императрица приказала доставить его въ здѣшнюю крѣпость, чтобы покончить съ нимъ при первой вспышкѣ возстанія [1]).

Утверждаютъ еще, что духовенство потребовало возвращенія земель, отнятыхъ покойнымъ императоромъ; это послужитъ новымъ затрудненіемъ для двора, какъ потому, что это распоряженіе покойнаго было утверждено Сенатомъ въ первые дни царствованія императрицы, такъ и потому, что бо́льшая часть земель была роздана разнымъ мѣстнымъ семействамъ. Съ другой стороны, отказавъ въ этой просьбѣ, дворъ упрочитъ за собой ненависть духовенства, въ преданности котораго онъ очень нуждается при настоящемъ положеніи дѣлъ.

*

С.-Петербургъ, 10 (21) Августа 1762 г.

Государь!

(*Писано условными знаками*). Отвѣчая на приказаніе вашего величества увѣдомить, была ли императрица тронута смертью покойнаго императора, осмѣливаюсь сказать, что она въ присутствіи другихъ не выражала этого ничѣмъ, хотя, съ другой стороны, утверждаютъ, что наединѣ она казалась растроганной...

Хотя тѣло покойнаго было выставлено, но почти не слышно, чтобы придворные говорили о его смерти. О траурѣ не было и рѣчи: всѣ удовольствовались тѣмъ, что продолжали тотъ, который уже носили[2]). Братья Орловы едва смѣютъ теперь показываться передъ недовольными. Нѣтъ такихъ оскорбленій, которыхъ не пришлось бы выслушать Орлову-камергеру [3]), въ одну изъ тѣхъ ночей, когда Императрица посылала его успокоивать собравшихся. Одинаково ненавидятъ они гетмана. Къ нему всегда относилась съ презрѣніемъ вся здѣшняя

---

[1]) Въ Исторіи Россіи, С. М. Соловьева, сказано, что Екатерина видѣлась съ Иваномъ Антоновичемъ, и приведенъ наказъ гр. Н. И. Панина его стражникамъ объ умерщвленіи его въ случаѣ, если они убѣдятся, что попытка освободить его можетъ быть успѣшна. П. Б.

[2]) Т. е. годовой трауръ по Елисаветѣ Петровнѣ. П. Б.

[3]) Т. е. графу (потомъ князю) Григорію Григорьевичу. П. Б.

знать за его низкое происхожденіе; недовольные же говорятъ теперь, что во время переворота онъ предалъ государя, обращавшагося съ нимъ какъ съ братомъ, только затѣмъ, чтобы воспользоваться безпорядками въ государствѣ и самому захватить престолъ, но что эти замыслы не удались ему. Въ сущности они дѣлаютъ ему слишкомъ много чести; ибо, хотя онъ и способенъ на всевозможные преступные замыслы, но его дарованія слишкомъ ничтожны, чтобы онъ могъ играть подобную роль.

Графъ Бестужевъ принялся опять за свой обыкновенный образъ жизни, т. е. пьетъ столько, что почти каждый день послѣ полудня уже теряетъ соображеніе.

Графъ Шуваловъ [1]), любимецъ покойной императрицы, никогда не игралъ меньшей роли чѣмъ теперь. Тогда какъ въ предыдущее царствованіи онъ многое дѣлалъ черезъ своихъ друзей Мельгунова и Волкова, теперь онъ не можетъ ничего. Графъ Бестужевъ никогда не забудетъ, что былъ сосланъ въ дни, когда Шуваловъ былъ въ силѣ; а Панинъ слишкомъ хорошо знаетъ, чего онъ стоитъ, и слишкомъ ревниво относится къ своему единоличному вліянію на императрицу, чтобы способствовать его сближенію съ ней. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ послѣдній давно уже снабжалъ императрицу суммами, которыя между прочимъ были употреблены на подготовленіе великаго событія [2]); надо думать, что онъ раскается въ этомъ.

Народъ тоже недоволенъ тѣмъ, что ея и. в. помиловала Мельгунова и Волкова. Онъ считаетъ ихъ обоихъ совѣтниками покойнаго государя, побудившими его ко многимъ дурнымъ мѣрамъ. Хотя въ сущности назначенія, данныя этимъ личностямъ императрицею, равняются ссылкѣ; но народъ не признаетъ этого и требуетъ кровавыхъ казней.

*

С.-Петербургъ, 10 (21) Августа 1762 г.

Государь!

Чтò касается приказаній, которое в. величество соблаговолили мнѣ дать въ P. S. всемилостивѣйшей депеши отъ 3-го сего мѣсяца,

---

[1]) И. И. Шувалова многіе называли графомъ, хотя онъ имъ не былъ; графы Шуваловы—его двоюродные братья. П. Б.

[2]) Это должны быть деньги, сбереженныя императрицею Елисаветою Петровною; ключи отъ нихъ, вѣроятно, хранились у И. И. Шувалова. Покойный графъ Д. Н. Блудовъ любилъ разсказывать, что Елисавета оставила по себѣ 40 милліоновъ звонкою монетою (ассигнацій тогда не было), хотя вела долгую войну; а такихъ запасовъ—прибавлялъ графъ—едва ли и теперь найдется на Монетномъ дворѣ: такъ велика была производительность Россіи въ двадцатилѣтнее народолюбивое царствованіе. П. Б.

относительно посредничества, предложеннаго ея императорскимъ величествомъ черезъ князя Репнина, то я говорилъ съ канцлеромъ въ предписанныхъ вашимъ величествомъ выраженіяхъ, какъ то: что вы, государь, узнали съ большой радостью о миролюбивыхъ намѣреніяхъ ея императорскаго величества и были бы очень довольны, еслибы ей черезъ свое посредничество удалось добиться достойнаго мира, прочнаго и долговременнаго. Канцлеръ возразилъ мнѣ, что ея императорское величество съ большимъ удовольствіемъ приметъ это извѣстіе, какъ новое доказательство того, какъ справедливо оцѣниваете вы, государь, дружественныя чувства ея императорскаго величества, и что онъ не замедлитъ передать своей государынѣ мои слова. Онъ прибавилъ однако, что не считаетъ себя въ правѣ скрыть отъ меня слѣдующее: князь Репнинъ, просто и прямо предложивъ постредничество ея императорскаго величества, не точно выполнилъ приказъ, данный ему дворомъ, равно и всѣмъ министрамъ, находящимся при дворахъ, заинтересованныхъ въ настоящей войнѣ; имъ было поручено только высказать двору, при которомъ они находятся, миролюбивыя намѣренія императрицы, слѣдуя которымъ она не откажется способствовать всеобщему замиренію своимъ посредничествомъ, если воюющія державы обратятся къ ней. Я отвѣчалъ канцлеру, что ваше величество дали мнѣ приказъ, сущность котораго я сообщилъ, въ отвѣтъ на то, что̀ заявилъ вашему величеству посолъ ея императорскаго величества, и что когда князь Репнинъ открыто предложилъ посредничество своего двора, ваше величество изъ дружбы и уваженія къ императрицѣ поспѣшили дать вышеизложенныя приказанія. По этому случаю я опять спросилъ канцлера, не высказалась ли императрица по вопросу о союзномъ договорѣ, прося его ознакомить меня со взглядами императрицы на этотъ вопросъ, чтобы я могъ донести о томъ вашему величеству. На это канцлеръ сказалъ мнѣ, что до сихъ поръ императрица еще ничего не высказывала объ этомъ, но что она, какъ онъ надѣется, сдѣлаетъ это въ ближайшемъ будущемъ.

*) Я полагаю, что здѣшній дворъ, принимая во вниманіе его желаніе сыграть роль посредника при всеобщемъ замиреніи, несклоненъ будетъ заключать теперь обособленный союзъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ сталъ бы партіей, тогда какъ теперешнее его намѣреніе соблюдать полный нейтралитетъ. Когда же общій миръ будетъ заключенъ, такой поводъ перестанетъ существовать, и не предвидится ничего такого, что̀ помѣшало бы тогда здѣшнему двору вступить въ союзъ съ нами, хоть бы въ видѣ возобновленія прежняго договора. Я даже думаю, что тѣ взгляды, на которыхъ настаиваетъ въ настоя-

*) Отсюда до конца писано условными знаками.

щее время графъ Кайзерлингъ и которыя, какъ я слышалъ, имѣютъ довольно большой успѣхъ, побудятъ императрицу предпочесть союзъ съ вашимъ величествомъ союзу съ Вѣнскимъ дворомъ. Съ другой стороны, однако, Вѣнскій посолъ въ самомъ дѣлѣ усердно хлопочетъ на глазахъ у всѣхъ и даже жертвуетъ естественнымъ достоинствомъ своего двора, выступая первымъ во всемъ что̀ хоть сколько нибудь можетъ заслужить сочувствіе императрицы, и это не остается незамѣченнымъ у придворныхъ.

*

С.-Петербургъ, 10 (21) Августа 1762 *).

Государь!

Сообразно съ приказомъ вашего величества, я воспользовался г. Кейтомъ, чтобы разузнать, раньше чѣмъ вручать мои ввѣрительныя грамоты, будетъ ли императрица довольна тѣмъ, что я уполномоченъ при ея дворѣ. Г. Кейтъ увѣдомилъ меня въ Четвергъ, что вручать ихъ не слѣдуетъ; ибо, какъ ему достовѣрно извѣстно, черезъ нѣсколько дней я получу позднѣйшіе приказы отъ вашего величества. Вице-канцлеръ говорилъ ему уже нѣсколько недѣль тому назадъ, что ваше величество обращались къ князю Репнину, прося его увѣдомить васъ, кого предпочтетъ здѣшній дворъ, меня или кого нибудь другаго. Вице-канцлеръ добавилъ, что отвѣтъ былъ данъ, не говоря однако, какой; такъ что не оставалось сомнѣнія ни для Кейта, ни для меня, что отвѣтъ былъ отрицательнымъ, потому что иначе вице-канцлеръ не утаилъ бы его отъ Кейта, зная, что онъ мнѣ его передастъ. Если обращать вниманіе только на внѣшность, можно быть убѣжденнымъ, что императрица очень милостиво расположена къ мнѣ: она не только оказываетъ мнѣ тѣже знаки вниманія, какъ и представителямъ другихъ государствъ, но даже выдѣляетъ меня, подолгу разговаривая со мной: на первомъ вечерѣ, даннымъ ею при дворѣ, она сдѣлала мнѣ честь, предложивъ мнѣ участвовать въ ея партіи вмѣстѣ съ посломъ, преимущественно передъ остальными иностранцами.

Конечно, поступать такъ побуждали ее только вниманіе и уваженіе, постоянно выражаемыя ея императорскимъ величествомъ къ вашему величеству. Хотя я и увѣренъ, что ея величество не можетъ имѣть ничего противъ меня лично, принимая во вниманіе все мое поведеніе по отношенію къ ней; но не менѣе убѣжденъ я, что всякій другой министръ отъ вашего величества будетъ ей больше по душѣ. Причины этому я приводилъ раньше, и послѣдствіемъ ихъ были тѣ послѣднія указанія, которыя императрица дала вице-канцлеру. Тѣже причины

*) Вся депеша писана условными знаками или какъ называемымъ *шифромъ*.

существуютъ и для г. Дистеля, секретаря посольства. Я считаю своимъ долгомъ увѣдомить ваше величество объ этомъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о государственной пользѣ. Е. и. в., также какъ и дворъ ея, хорошо знаютъ о милостяхъ, какія покойный императоръ оказывалъ г. Дистелю, главнымъ образомъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ онъ приглашалъ его ежедневно къ столу, и въ Петергофѣ, гдѣ онъ много съ нимъ разговаривалъ, во время наступленія самаго переворота [1]). Эти милости покойнаго слишкомъ выдѣляли его, такъ что въ настоящее время ему уже нѣтъ возможности распространять и пріобрѣтать знакомства изъ числа тѣхъ, которыя могли бы быть любопытны и полезны вашему величеству, какъ это онъ дѣлалъ бы при другихъ обстоятельствахъ и какъ это будетъ въ состояніи сдѣлать всякій другой.

Я счелъ необходимымъ, государь, не утаить отъ вашего величества это обстоятельство, представляя глубокой проницательности вашего величества сдѣлать изъ моего сообщенія то или другое употребленіе. Ваше величество приказали мнѣ упомянуть, пріѣдетъ ли сюда графъ Понятовскій, и я долженъ сообщить, что подлежитъ большому сомнѣнію, вызывала ли его сюда императрица. Она постоянно поддерживала съ нимъ переписку, и я полагаю, что въ ряду другихъ изъявленій своего милостиваго расположенія, нашла необходимымъ сообщить ему черезъ нарочнаго о событіи. Императрицѣ хорошо извѣстно, какую ненависть всего двора своей надменностью и высокомѣріемъ возбудилъ противъ себя графъ, во время своего пребыванія здѣсь. Не смотря на всю дружбу, какую она къ нему питаетъ, императрица слишкомъ благоразумна, чтобы призвать его въ данное время. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что она возстановила бы противъ себя и дворъ, и народъ, сдѣлавъ этотъ шагъ [2]).

*

С.-Петербургъ, 13 (24) Августа.

Государь!

Императрица назначила гетману, князю Волконскому и графу Панину каждому по 7000 рублей пенсіи, добавляя въ указѣ, данномъ Сенату, что милость эта является наградой за блистательныя услуги, оказанныя вышеуказанными лицами ея императорскому величеству и Имперіи въ день ея восшествія.

Говорятъ, что всѣ офицеры, арестованные по случаю переворота, отпущены и частью уволены.

---

[1]) Не сохранилось ли бумагъ этого Дистеля? П. Б.

[2]) Извѣстно большое письмо Екатерины Великой къ будущему королю Польскому, въ которомъ она подробно разсказываетъ о своемъ воцареніи и убѣждаетъ его не пріѣзжать въ Петербургъ, прямо заявляя въ концѣ, что она всѣмъ обязана побѣдѣ Русскихъ надъ чужеземцами. Станиславъ Понятовскій долго потомъ не покидалъ мысли о возможности брака своего съ Екатериною. П. Б.

Утвержденіе принца Георга, какъ правителя Гольштиніи, подтверждается всѣми.

Ея императорское величество собственноручно дала указъ Сенату, ясно доказывающій искреннее желаніе государыни помочь народу въ бѣдствіяхъ, угнетающихъ его въ продолженіи столькихъ лѣтъ, и ея проницательность въ распознаваніи главныхъ причинъ этихъ бѣдствій. Ея императорское величество повелѣваетъ Сенату изыскать наиболѣе существенные способы, во-первыхъ, чтобы уменьшить непомѣрный налогъ на соль (это очень важная статья, потому что изъ за дороговизны соли народъ не сталъ ее употреблять, отчего и погибло значительное число людей); во-вторыхъ, чтобы отдѣлаться отъ малоцѣнной мѣдной монеты, уже много лѣтъ обращающейся въ Имперіи, съ тѣмъ чтобы оставить въ обращеніи только хорошія монеты этого металла; въ третьихъ, чтобы уменьшить таможенныя пошлины, которыя, благодаря системѣ всеобщаго откупа, возрасли до размѣровъ неслыханныхъ въ другихъ странахъ Европы и повели къ упадку торговли и къ разоренію многихъ семействъ; въ четвертыхъ, чтобы задержать множество бродягъ, которые издавна уже наводнили страну, шатаясь по большимъ дорогамъ и совершая всевозможныя преступленія; и вообще чтобы возстановить хорошую полицію, довольно распущенную за послѣднее время.

Герцогъ Биронъ уѣзжаетъ черезъ два или три дня и вновь возметъ въ свои руки управленіе Курляндіей, послѣ того какъ ея императорское величество объявила, что принимаетъ его сторону. Она уже извѣстила о своемъ рѣшеніи Саксонскій дворъ. Графъ Кайзерлингъ, который вскорѣ будетъ состоять въ званіи посла въ Варшавѣ, повторитъ это извѣщеніе на ближайшемъ сеймѣ. Нельзя думать, чтобы Саксонскій дворъ отказался уступить императрицѣ, хотя бы такой оборотъ дѣлъ и былъ ему непріятенъ. Но на случай, еслибъ онъ не уступилъ, уже отданъ приказъ ввести войска въ Курляндію, и въ настоящее время одинъ баталіонъ Рижскаго гарнизона отряженъ въ Митаву, чтобы послужить охраной герцогу. Въ письмахъ изъ Митавы извѣщаютъ о прибытіи принца Карла во главѣ 400 человѣкъ, которымъ, вѣроятно, онъ роздалъ патроны.

Ея императорское величество тотчасъ же по вступленіи на престолъ поручила изслѣдовать сенаторамъ: графу Бестужеву и графу Панину, графу Кайзерлингу и камергеру и дѣйствительному статскому совѣтнику Теплову, какія права на Курляндское герцогство могутъ предъявить оба претендента, какъ герцогъ Биронъ, такъ и принцъ Карлъ Саксонскій. Найдено было, что Варшавскій дворъ высказался противъ перваго, при назначеніи принца Карла, на основаніи трехъ пунктовъ. Во-первыхъ, потому что страна сама пожелала имѣть дру-

гаго герцога послѣ ссылки герцога Бирона, и что императрица Елисавета дала обѣщаніе не возвращать герцога Бирона никогда. Во-вторыхъ, потому что герцогъ во время своего правленія служилъ при иностранномъ дворѣ. Въ третьихъ, потому что онъ не уплачивалъ долговъ, сдѣланныхъ его предшественниками. Первый пунктъ уничтожался освобожденіемъ герцога; легко было доказать, какъ нежелательно было назначеніе принца Карла большей части Курляндскаго населенія и даже Польскимъ сенаторамъ. Второй опровергался найденной перепиской между королемъ и республикой, гдѣ говорилось съ большимъ одобреніемъ о пребываніи герцога при здѣшнемъ дворѣ, такъ какъ это могло служить только на пользу Курляндіи и даже республикѣ, причемъ для него съ удовольствіемъ дѣлали исключеніе изъ закона, вообще воспрещающаго герцогу состоять на службѣ въ другомъ мѣстѣ и удаляться изъ своей страны. На третій пунктъ отвѣчали доказательствомъ того, что герцогъ Биронъ во время своего правленія не только уплатилъ 500,000 экю прежняго долга, но что кромѣ того онъ выкупилъ свыше 70 заложенныхъ деревень. Все это было сообщено Варшавскому двору, при чемъ отъ имени ея императорскаго величества выражалась увѣренность, что его величество и республика, принимая во вниманіе подробно указанныя права герцога Бирона, признаютъ вышеупомянутаго герцога законнымъ герцогомъ Курляндскимъ. Такъ какъ принцъ Карлъ, во время своего пребыванія здѣсь, подписалъ нѣкоторыя договорныя статьи, то теперь подписалъ ихъ также герцогъ Биронъ. Содержаніе этихъ статей слѣдующее: императорскія Русскія войска всегда имѣютъ свободный проходъ черезъ Курляндскія области; командующій ими генералъ будетъ получать соотвѣтствующее своему званію помѣщеніе; Греческая церковь, находящаяся въ Митавѣ, будетъ сохранена, такъ же какъ Греческій монастырь за городомъ; наконецъ, къ здѣшнему двору никогда не будутъ обращаться съ какими бы то ни было притязаніями.

Вотъ, государь, важнѣйшее изъ того, что произошло нынѣ въ Курляндскихъ дѣлахъ. Саксонскій дворъ долженъ быть огорченъ тѣмъ болѣе глубоко, что его резидентъ, г. Прассе, подавалъ ему, вѣроятно, съ первыхъ дней восшествія на престолъ ея императорскаго величества, самыя широкія надежды на покровительство Русской государыни въ Курляндскихъ дѣлахъ.

(Писано условными знаками). Въ разговорѣ, бывшемъ у меня съ Кайзерлингомъ, онъ сказалъ мнѣ, что исключительный союзъ съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей не представляетъ выгоды для здѣшняго двора; потому что всякій подобный договоръ только вовлечетъ его въ заграничныя распри, изъ которыхъ здѣшній дворъ не можетъ ничего выиграть, не имѣя притязаній ни на какія сосѣднія области. Впрочемъ,

по его мнѣнію, императрица все же не откажется вступить съ вашимъ величествомъ въ союзъ, болѣе тѣсный, чѣмъ до сихъ поръ, въ формѣ, напримѣръ, дружественнаго договора, въ которомъ были бы въ тоже время опредѣлены мѣры относительно Польши. Далѣе онъ спросилъ меня, склонны ли, по моему мнѣнію, къ этому ваше величество; въ такомъ случаѣ онъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы переговорить со своей государыней. Я ему возразилъ, что въ сущности у меня нѣтъ никакихъ распоряженій вашего величества, относящихся къ высказаннымъ имъ предложеніямъ, но я увѣрялъ его, что вообще ваше величество всегда будете готовы поддерживать существующую между вами и императрицей дружбу и все болѣе укрѣплять ее, и что поэтому вы, ваше величество, выкажете всю возможную уступчивость, какъ только императрица увѣдомитъ васъ о своихъ намѣреніяхъ по этому вопросу. Онъ мнѣ сказалъ на это, что надѣется черезъ нѣсколько дней узнать взгляды императрицы, которые я не замедлю передать вашему величеству, какъ только буду о нихъ освѣдомленъ.

Свиданіе Вѣнскаго посла съ графомъ Бестужевымъ, бывшее нѣсколько дней тому назадъ, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ быть доведеннымъ до свѣдѣнія вашего величества. Вѣнскій посолъ посѣтилъ сенатора, чтобы дать ему понять, сколь выгодно для здѣшняго двора возобновить связи, существовавшія между нимъ и Вѣнскимъ дворомъ, въ силу договоровъ, бумаги которыхъ онъ захватилъ съ собой. Сенаторъ, отчасти возбужденный воспоминаніемъ о всемъ, чтѐ сдѣлалъ Вѣнскій дворъ для его изгнанія, отчасти разгоряченный виномъ, которое онъ употребляетъ въ неумѣренномъ количествѣ, отвѣчалъ послу, что въ сущности онъ еще не участвуетъ въ дѣлахъ, но что всякій разъ, когда государыня будетъ обращаться къ нему за совѣтомъ, онъ будетъ давать одинъ и тотъ же: не вступать въ союзъ ни съ Вѣнскимъ дворомъ, ни съ Берлинскимъ; что опытъ показалъ, какъ дорого обходится здѣшнему двору союзъ съ первымъ и деньгами, и людьми, безъ малѣйшей притомъ выгоды; что не вступать въ союзъ ни съ однимъ изъ нихъ—вотъ лучшее средство заставить ихъ оба заискивать. Онъ добавилъ, что не можетъ скрыть своего мнѣнія лично о тѣхъ лицахъ, которыми пользуется въ своихъ дѣлахъ Вѣнскій дворъ; за исключеніемъ графа Претлаха, онъ замѣчалъ во всѣхъ въ нихъ необыкновенное высокомѣріе и упрямство. Когда же, въ концѣ разговора, посолъ хотѣлъ оставить сенатору свои бумаги для просмотра ихъ на досугѣ, этотъ послѣдній отказался, говоря, что знаетъ ихъ содержаніе, и что если бы не зналъ, то не пожертвовалъ бы ради нихъ тѣмъ слабымъ зрѣніемъ, какое у него остается. Вотъ чѣмъ кончилось это свиданіе, которое ясно показало послу чувства сенатора и

за которое заплатилъ онъ цѣной личной обиды. О Французахъ сенаторъ открыто отзывается съ самымъ рѣзкимъ презрѣніемъ и, наоборотъ, съ горячностью становится на сторону Англичанъ.

(*Открыто*). Герцогъ Биронъ просилъ меня передать вашему величеству его почтительныя изъявленія преданности, добавляя, что онъ смѣетъ надѣяться на благосклонность вашего величества по своимъ отношеніямъ къ Вартембергской династіи, и что тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Митаву онъ пошлетъ къ вашему величеству своего представителя просить о покровительствѣ. Такъ какъ намѣренія вашего величества по этому дѣлу мнѣ совершенно неизвѣстны, то я ограничился отвѣтомъ въ общихъ выраженіяхъ, что, по моему глубокому убѣжденію, ваше величество будете всегда очень рады высказать ему вашу благосклонность; но я не старался разузнать истинныя чувства герцога. Между тѣмъ мнѣ кажется, ему нельзя будетъ отказаться, по крайней мѣрѣ, отъ возвращенія фельдмаршалу Миниху тѣхъ денегъ, которыя этотъ послѣдній истратилъ на эту династію, но нельзя будетъ и удовольствоваться тѣмъ, что̀ на нее истрачено, въ томъ случаѣ, если вашему величеству угодно будетъ пожаловать ее фельдмаршалу.

(*Писано условными знаками*). При этомъ я долженъ увѣрить ваше величество, что герцогъ выказываетъ рѣшительную преданность вашимъ интересамъ, государь, и нѣсколько разъ указывалъ на нихъ при ея императорскомъ величествѣ, чему и представилъ мнѣ цѣлый рядъ доказательствъ.

*

С.-Петербургъ, 27 Августа (7 Сентября) 1762 г.

Государь!

Вслѣдствіе всемилостивѣйшихъ приказаній вашего величества отъ 17-го, я объявилъ въ прошлую Субботу канцлеру, что ваше величество сочли за благо отозвать меня отъ здѣшняго двора и назначили мнѣ преемника, который до сихъ поръ еще мнѣ не названъ, но который не замедлитъ занять мое мѣсто, какъ только это позволитъ разстояніе и всѣ необходимыя приготовленія будутъ окончены. Указалъ я и на то, что, при всей поспѣшности, ему невозможно будетъ прибыть къ этому двору раньше, какъ мѣсяца черезъ два; что поэтому ваше величество приказали мнѣ сопровождать ея императорское величество въ Москву; что новыя вѣрительныя грамоты мною получены, и что я жду приказанія ея императорскаго величества: пожелаетъ ли она, чтобы онѣ были ей вручены, или ея величество не найдетъ этого необходимымъ, въ виду того короткаго времени, какое я еще буду имѣть честь оставаться при ея дворѣ. Въ Воскресенье утромъ канцлеръ сказалъ мнѣ, что императрица была бы очень рада дать мнѣ аудіенцію

и получить указанныя вѣрительныя грамоты, и что ея величество пожелала назначить эту аудіенцію на слѣдующій день, въ Понедѣльникъ, въ шесть часовъ вечера. И такъ, я отправился вчера вечеромъ въ назначенный часъ ко двору, удостоился чести лобызать руку ея императорскаго величества и передалъ ей мои грамоты, которыя ея величество приняла со всѣми изъявленіями полнѣйшей дружбы и высокаго уваженія, какія она питаетъ къ вашему величеству, и живѣйшія увѣренія въ которыхъ она просила меня снова выразить вашему величеству. Послѣ того, какъ кончились всѣ аудіенціи, моя, Шведскаго посланника, Датскаго и Голландскаго, ея величество явилась ко двору, гдѣ сдѣлала мнѣ честь долгою бесѣдою со мной, и затѣмъ, побывъ около получаса въ обществѣ, удалилась въ свой кабинетъ.

Великій князь выѣхалъ вчера вечеромъ въ Москву. Его императорское высочество будетъ дѣлать маленькіе переѣзды, такъ что ея императорское величество, отъѣздъ которой назначенъ, какъ говорятъ, на будущее Воскресенье и которая поѣдетъ съ бо́льшей скоростью нагонитъ его императорское высочество въ дорогѣ и вмѣстѣ съ великимъ княземъ совершитъ свой торжественный въѣздъ въ Москву.

Всѣ иностранные послы поѣдутъ вслѣдъ за ея императорскимъ величествомъ черезъ нѣсколько дней; я разсчитываю выѣхать черезъ два-три дня.

Шведскій дворъ для поздравленія императрицы послалъ полковника Дюржеца (Durjez). Ея императорское величество приняла его благосклоннѣйшимъ образомъ и выражала ему свое расположеніе всякій разъ, какъ онъ имѣлъ честь появляться передъ нею.

Встрѣтивъ вчера при дворѣ тайнаго совѣтника графа Миниха, я передалъ ему письмо вашего величества, адресованное его отцу, фельдмаршалу и переданное мнѣ вчера утромъ курьеромъ Фемелемъ, при всемилостивѣйшихъ распоряженіяхъ вашего величества. Что же касается до содержанія этихъ депешъ, я позволю себѣ, государь, сдѣлать почтительнѣйшее донесеніе объ нихъ съ особымъ курьеромъ, котораго надѣюсь отправить безъ замедленія.

Баронъ Бретейль прибылъ сюда въ прошлую Субботу, чтобы передать императрицѣ поздравленіе со вступленіемъ ея на престолъ. Онъ въ ближайшемъ будущемъ получитъ аудіенцію, если только не получилъ ея уже сегодня.

ПЕРЕПИСКА АРХІЕПИСКОПА НИЛА СЪ ЕПИСКОПОМЪ ІЕРЕМІЕЮ О МѢСТѢ КОНЧИНЫ АРСЕНІЯ МАЦІЕВИЧА.

Съ прибытіемъ на Ярославскую каѳедру преосвященнаго Нила (1854 г.), мѣстная историческая литература, по выраженію одного изъ панегиристовъ архипастыря, „зацвѣла пышнымъ цвѣтомъ". Не говоря уже о капитальныхъ изданіяхъ „Историко-статистическаго обзора Ростовско-Ярославской епархіи", „Церковно-археологическаго описанія г. Ярославля" и др., многими архимандритами и священниками составлены были описанія монастырей и церквей, а въ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, за время архипастырства Нила, помѣщено столько цѣннаго матеріала, что и по настоящее время онѣ служатъ пособіемъ при историческихъ изслѣдованіяхъ. Преосвященный Нилъ живо интересовался исторіей епархіи, и еще будучи на Иркутской каѳедрѣ, былъ занятъ судьбою Арсенія Маціевича, а посѣщая Троицкій Селенгинскій монастырь, заходилъ въ пятиглавую часовню, гдѣ, кромѣ образа Арсенія Великаго (ангела Маціевича) съ надписью, что „сей образъ написанъ въ память покоящагося здѣсь іеромонаха Арсенія Мацѣевича, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, скончавшагося 13, а похороненнаго 14 Іюля 1773 г.", находится еще и могила, накрытая мраморной плитой, на которой также сохранилась надпись, что здѣсь погребенъ іеромонахъ Арсеній, бывшій митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Прибывъ въ 1854 г. въ Ярославль, преосвященный Нилъ посѣтилъ Ярославскій Успенскій соборъ, гдѣ покоятся частицы обгорѣлыхъ мощей св. князей Василія и Константина, и здѣсь отъ ключаря выслушалъ исторію пожара, случившагося при Арсеніи, и характерный указъ послѣдняго по этому поводу, занесенный въ соборныя лѣтописи. Мѣстопребываніемъ Нила былъ монастырь, гдѣ тѣмъ-же Арсеніемъ была открыта Славяно-Латинская школа, составлявшая предметъ особыхъ заботъ Маціевича и упоминаемая въ извѣстномъ его „доношеніи". Многое напоминало Нилу въ Ярославлѣ объ Арсеніи, и потому понятенъ тотъ интересъ, съ какимъ преосвященный принялся за отысканіе свѣдѣній о своемъ пресловутомъ предшественникѣ. Многое объ Арсеніи напечатано въ Ярославскихъ Еп. Вѣдомостяхъ. Помѣщаемая ниже переписка печатается впервыя; а приложенное письмо Иркутскаго епископа Михаила было уже помѣщено въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос. (1864 г. кн. V). **А. Титовъ.**

Ваше преосвященство, милостивый архипастырь!

Собиратель церковно-историческихъ свѣдѣній по Ярославской епархіи*) затруднятся въ рѣшеніи вопроса о кончинѣ бывшаго Ро-

*) Преподаватель Демидовскаго Ярославскаго Лицея отецъ Іоаннъ Троицкій

стовскаго митрополита Арсенія: ибо въ Исторіи Россійской Іерархіи говорится о немъ, что онъ скончался въ Ревельской крѣпости и погребенъ при тамошней церкви. Но акты, недавно отысканные въ Селенгинскомъ Троицкомъ монастырѣ о мѣстахъ послѣдней жизни и кончинѣ Арсенія, свидѣтельствуютъ иначе. Изъ указа Иркутской консисторіи намѣстнику помянутаго монастыря іеромонаху Антонію, отъ 7 Октября 1783 года, между прочимъ усматривается, что Св. Синоду повелѣно было послать Арсенія въ отдаленный монастырь, а сентенцію сію сообщить во всѣ епархіи для извѣстія духовенству. Далѣе, изъ указа Иркутской консисторіи того же Селенгинскаго монастыря, настоятелю архимандриту Виталію, отъ 9 Марта 1778 года, видно, что Арсеній былъ сосланъ въ Нижегородскій Благовѣщенскій монастырь, которымъ тогда управлялъ архимандритъ Іона; по упраздненіи же Благовѣщенскаго монастыря, Арсенія отправили въ Сибирь сперва въ Нерчинскій Успенскій, а потомъ въ Селенгинскій монастырь. Но онъ на пути въ этотъ послѣдній монастырь, сопровождаемый солдатомъ городовой команды Аѳанасіемъ Блиновымъ, скончался неподалеку отъ Верхнеудинска въ 5 часу пополуночи 13 Іюля 1773 года. И теперь на градскомъ Верхнеудинскомъ кладбищѣ находится часовня, построенная на могилѣ покойнаго Арсенія, признаваемаго тамошними жителями за бывшаго митрополита Ростовскаго.

При такихъ данныхъ рождается вопросъ: не былъ ли около 1773 г. ссылаемъ въ Нижегородскій Благовѣщенскій монастырь какой либо Арсеній; и если былъ, то въ какомъ званіи и санѣ былъ этотъ Арсеній, откуда онъ поступилъ въ Благовѣщенскій монастырь и какія вины вмѣнялись ему; вообще, есть ли хотя малѣйшій намекъ, чтобъ признать его за Арсенія, бывшаго митрополита.

Ваше преосвященство! Великую услугу исторіи нашей церкви принесите, ежели почтите меня сообщеніемъ мнѣ тѣхъ свѣдѣній объ Арсеніи, какія могутъ найтиться въ актахъ подвѣдомой конситоріи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію пребывающій вашего преосвященства милостиваго архипастыря Нилъ арх. Ярославскій.

№ 275. Генваря, 25 дня 1856 г.

Отвѣтъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыка, возлюбленный о Господѣ братъ!

Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 14 минувшаго Февраля за № 1145, честь имѣю, ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь, увѣдомить, что, по учиненіи розысканія въ Благовѣщенскомъ

монастырѣ настоятелемъ онаго архимандритомъ Ѳеофиломъ, не оказалось никакихъ свѣдѣній о пребываніи въ ономъ когда либо митрополита Арсенія; а каѳедральнымъ протоіереемъ Іоанномъ Лебединскимъ, по порученію моему, были пересмотрѣны указы Святѣйшаго Синода съ 1770 по 1774 годъ включительно и дѣла монастырскія съ 1769 по 1774 годъ включительно же, но ни въ указахъ, ни въ дѣлахъ того, чтобы въ Нижегородскій Благовѣщенскій монастырь былъ сосланъ какой либо Арсеній, не оказалось. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

№ 2740. 2 Апрѣля 1856 г.

Іеремія, епископъ Нижегородскій.

*

Копія съ письма Иркутскаго преосвященнаго епископа Михаила къ издателю «Россійской Іерархіи», бывшему Пензенскому епископу Амвросію, отъ 24-го Іюня 1816 года, о извѣстномъ страдальцѣ, погребенномъ Иркутской епархіи въ городѣ Верхнеудинскѣ, на общемъ кладбищѣ на горѣ *) и здѣсь почитаемомъ подъ именемъ бывшаго Ростовскаго митрополита Арсенія. «Недавно отыскалъ я въ моей консисторіи дѣло, которое много объясняетъ сообщенныя вамъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ Лопухинымъ извѣстія о мѣстѣ погребенія онаго Арсенія. Я почти увѣренъ вмѣстѣ съ почтеннымъ Иваномъ Владимировичемъ, что оный бывшій митрополитъ, конечно, въ Сибири не былъ, и что сюда посланъ былъ другой Арсеній и нынѣ прославляется подъ именемъ перваго. Обстоятельства, убѣждающія меня къ сему увѣренію, суть слѣдующія: 1) Извѣстно, что Ростовскій Арсеній лишенъ монашества и названъ Андреемъ, а Верхнеудинскій нашъ Арсеній оффиціально въ вышеозначенномъ дѣлѣ, начавшемся перепискою Иркутской губернской канцеляріи и Иркутскою духовною консисторіей въ исходѣ 1767 года по 25 Іюля 1773 года, именуется іеромонахомъ Арсеніемъ. 2) А что онъ дѣйствительно былъ таковымъ, сіе доказывается тѣмъ, что благословлялъ людей по священнически и, по дозволенію бывшаго тогда Иркутскаго епископа Софронія, пріобщался Св. Таинъ въ священныхъ ризахъ и въ алтарѣ, съ прочими іеромонахами. 3) Первому, какъ доказываетъ Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, производилась въ заключеніи его Ревельскомъ сперва его гривенная порція, а послѣднему въ заштатномъ Нерчинскомъ Успенскомъ монастырѣ двухкопѣечная, безъ всякой прибавки, о которой просилъ въ 1768 году онаго монастыря игуменъ Исаія чрезъ консисторію, но не получилъ оной въ пользу несчастнаго. 4) Вины Ростовскаго Арсенія совсѣмъ другого рода, нежели Верхнеудинскаго. О семъ послѣднемъ изъ означеннаго дѣла въ одной бумагѣ видно, что

*) За Байкаломъ, 311 верстъ отъ Иркутска.

онъ по именному высочайшему повелѣнію изъ Нижегородской губернской канцеляріи за дерзостные его нѣкоторые поступки отосланъ былъ въ отдаленный монастырь; въ другой же, что упоминаемый іеромонахъ Арсеній присланъ изъ Сибирской канцеляріи прошлаго 1767 года Декабря 7-го дня, за дерзостное его употребленіе *слова* и *дѣла* и за ложно вымышленное его на Нижегородскаго Печерскаго Благовѣщенскаго монастыря на архимандрита Іону нѣкоторое показаніе, также и за учиненные имъ въ реченномъ монастырѣ дерзкіе и весьма предосудительные монашескому сану поступки. 5) Ростовскій Арсеній скончался въ 1772 году, по увѣренію Ивана Владимировича, а нашъ Верхнеудинскій 1773 года, Іюня 13 дня, пополуночи въ 5-мъ часу, отъ болѣзни, которою онъ страдалъ еще въ Нерчинскѣ, и по освидѣтельствованіи Селенгинскаго второго баталіона оберъ-офицерами и лекаремъ, на другой день смерти, т.-е. 14-го Іюня, погребенъ священникомъ по церковному чиноположенію въ вышеозначенномъ мѣстѣ. Наконецъ, 6) отставной губернскій секретарь, служившій прежде секретаремъ въ Иркутской духовной консисторіи, Иванъ Гавриловичъ Ленскій, старикъ 75-лѣтній, который будучи копіистомъ въ Нерчинскомъ духовномъ правленіи до 1770 года, зналъ лично онаго іеромонаха Арсенія и имѣлъ съ нимъ частое обращеніе (по той причинѣ, что онъ, Арсеній, обучалъ грамотѣ двухъ его, Ленскаго, сыновей) письменно удостовѣрилъ меня, что въ томъ іеромонахѣ не было примѣтно ничего обнаруживающаго высокій чинъ человѣка, ни осанки, ни особливой учености, а всегда казался онъ самымъ простымъ и смиренномудрымъ старичкомъ, и при томъ говорилъ чистымъ Русскимъ нарѣчіемъ, не употребляя ни одного слова Малороссійскаго, что̀ все не приличествуетъ бывшему митрополиту Ростовскому. Изъ сихъ обстоятельствъ нужно только повѣрить чрезъ сношеніе съ Нижнимъ Новгородомъ (что̀ предоставляя вамъ, прошу сообщить мнѣ, что̀ откроется), т.-е. не вымышлена ли исторія Печерскаго монастыря іеромонаха Арсенія съ архимандритомъ Іоною, для сокрытія архіерея Арсенія, и тогда прямо, а *не почти*, можно увѣриться, былъ ли послѣдній въ Сибири. Прочіе анекдоты, такъ, какъ и сказанія Михаила Матѳеевича Булдакова объ обстоятельствахъ смерти Арсеніевой valent in utramque partem; fides penes narratores sit.

*

Покойный митрополитъ Леонтій, нѣкогда бывшій епископомъ Ревельскимъ, передавалъ намъ, что Арсеній Маціевичъ схороненъ подъ Никольскою православною церковью въ Ревелѣ. При этомъ владыка вспомнилъ, что когда онъ сказывалъ о томъ Московскому митрополиту Филарету, у того загорѣлись глаза. Но ни Филаретъ, ни Леонтій не знали, что тяжкая участь постигла Арсенія не за то только, что онъ предалъ проклятію отобраніе церковныхъ имѣній. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСКИ О ДОКЛАДАХЪ 1781 ГОДА.

Въ Царскомъ Селѣ Іюня 2-го 1781 года ея императорскому величеству представлены были: 1) Депеши полномочнаго министра Сакена изъ Копенгагена. 2) Росписаніе всѣхъ чиновъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ секретной экспедиціи.

Ея императорское величество, разсматривая росписаніе канцелярскихъ чиновъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отзываться изволила, что между ними множество находится иностранныхъ; вмѣсто того, что ея величество желала бы, чтобъ бо́льшая часть сихъ мѣстъ наполнялася своими, почитая, что тутъ преимущественнѣе предъ другими должны опредѣляемы быть дѣти служащихъ въ Коллегіи, ежели отцы ихъ, или они сами, желаютъ; что же до учениковъ Азіатскихъ языковъ касается, то угодно ея величеству, чтобъ для каждаго языка по крайней мѣрѣ учениковъ по пяти содержано было, и чтобъ они выбраны были изъ надежныхъ и способныхъ людей. Александръ Безбородко.

(*Сообщилъ Г. Писаревскій*).

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЪ - МАЙОРА БЕЗБОРОДКО КЪ ВИЦЕ - КАНЦЛЕРУ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ ОТЪ 2-ГО СЕНТЯБРЯ 1783 ГОДА.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой!

По увѣдомленію, отъ короля Шведскаго полученному, что въ Упсальской библіотекѣ есть старинный манускриптъ Россійскій, касающійся до здѣшней исторіи и до здѣшнихъ родовъ того времени, ея императорское величество, пользуясь предложеніемъ, со стороны его Шведскаго величества учиненнымъ, чтобъ для списанія его послать искуснаго человѣка, высочайше указать изволила отправить отсюда или изъ Стокгольмской миссіи знающаго Россійскія старинныя письмена, съ тѣмъ, чтобъ онъ старался списать ту книгу. Г-нъ Рикманъ можетъ на то нужное позволеніе получить у графа Крейца, которому, безъ сомнѣнія, отъ короля сіе предварительно сообщено по нынѣшнему его начальству надъ тамошнимъ университетомъ.

Пребываю и т. д. Александръ Безбородко. О семъ писано къ повѣренному въ дѣлахъ Рикману 7-го Сентября 1783 г.

Именные указы 1783 года (Моск. Главн. Архивъ Мин. Ин. Д.).

(*Сообщилъ Г. Писаревскій*).

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ[1]).

1821-й годъ [1]).

Москва, 3 Генваря 1821 г.

Съ новымъ годомъ поздравляемъ,
Счастья новаго желаемъ!

говорили нѣкогда афишники въ Петербургѣ всякому, кто только давалъ имъ рубль мѣди; а я такъ великодушенъ, любезный братъ, что и гроша не требую за свое поздравленіе. Да ниспошлетъ тебѣ Богъ все благое и сохранитъ тебѣ добрую твою душу, а это великое сокровище. Ты кончилъ годъ добрымъ дѣломъ: Ѳедоровъ въ восхищеніи, что сынъ его опредѣленъ въ Вѣну; старикъ у меня поплакалъ отъ радости, будетъ тебѣ писать и благодарить. Святѣйшій Синодъ, который въ святыя дѣла не мѣшается, который моимъ сиротамъ ничего не далъ по сіе время и который не хочетъ брать въ образцы своего директора департамента больного[2]), дѣлаетъ теперь Ѳедорову притѣсненія и отнимаетъ у него пѣвческій домъ, имъ устроенный послѣ Французовъ на собственныя деньги, а онъ убухалъ тутъ болѣе 3000 р. Вотъ записка Ѳедорова. Начни новый годъ, какъ ты старый кончилъ; приставь еще эту піявку къ Тургеневу, но не къ спинѣ, а къ сердцу, и попроси его вступиться за бѣдняка, который подаетъ въ Синодъ просьбу. Не пишу я ему, чтобы не доставить ему лишнее чтеніе, въ коемъ

---

[1]) Уже третій годъ печатаемъ мы Булгаковскія письма. Читатели „Русскаго Архива" успѣли оцѣнить ихъ: это бытовая хроника высшаго Московскаго общества за первую четверть истекшаго столѣтія, согрѣтая теплымъ братскимъ чувствомъ, которое служитъ порукою правдивости или искренности. Все писано не на показъ и безъ задней мысли. А. Я. Булгаковъ принадлежалъ къ числу наиболѣе образованныхъ тогдашнихъ людей, и кромѣ того онъ былъ, можно сказать, лáкомъ до всего достопримѣчательнаго въ политикѣ, въ искусствѣ, въ словесности. Нечего искать чего либо значительно-важнаго въ его показаніяхъ (нечуждыхъ легкомыслія), но въ нихъ сохранилась теплота впечатлѣній, и минувшая жизнь отразилась наглядно. П. Б.

[2]) Т. е. А. И. Тургенева, директора канцеляріи Св. Сvнода.

никогда у него не бываетъ недостатка, но обнимаю чрезъ тебя, прошу и поздравляю съ новымъ годомъ, а Николая[1]) очень радъ буду видѣть.

Вяземскаго письмо для Тургенева лучше всякаго лекарства. Онъ написалъ на новый годъ прекрасное посланіе В. Л. Пушкину; но все жаль, что бо́льшая часть его сочиненій не можетъ быть пущена въ свѣтъ pour cause une et même. Здѣсь уже, говорятъ, есть извѣстіе, что мой долговязый и долгоносый Фердинандъ, per gracia di Dio rè di Napoli, уже въ Лейбахѣ [2]). Это вздоръ; мнѣ все чудится, что его не выпустятъ. Парламенту нельзя не подозрѣвать, что коль скоро король не будетъ въ его рукахъ, тогда Австрія, имѣя руки развязанными, станетъ инако говорить и не станетъ оберегать принца-викарія, который, кажется, явно и истинно беретъ сторону бунтовщиковъ по внушенію, кажется, жены, которая Гишпанская принцесса. Время все покажетъ намъ.—Маскарадъ принцессы Boris [3]) былъ хорошъ; жаль, что зала не по народу, а всѣ бросились въ нее, и было тѣсно. Урусова была Черкешенкою, всѣхъ за поясъ заткнула. Хоть въ какой сераль не испортила бы! Я былъ въ настоящемъ Камчадальскомъ платьѣ, которое дали мнѣ Пушкины; не говорилъ ни слова, меня приняли за Николая Салтыкова, а потомъ за Давыдова, тамъ стали говорить, что Афросимовъ, а тамъ, что это я. Я уѣхалъ, оставя всѣхъ въ недоумѣніи, переодѣлся у швейцара Аглицкаго клуба во фракъ и опять явился, извиняясь передъ хозяйкою, что опоздалъ, желая встрѣтить новый годъ со своими. Какъ сѣли ужинать, я уѣхалъ съ Керестуріемъ.

Не могу я поймать Чумагу и узнать отъ него правду. Въ городѣ говорятъ, что какой-то восточный владыко, иные говорятъ Египетскій бей, а другіе Али-паша, прислалъ будто ему сюда для продажи корону свою, оцѣненную въ два милліона, что Чумага намѣренъ ее раздробить и продавать брилліанты по одиночкѣ. Басня ли это или нѣтъ, не знаю; а другіе увѣряютъ, что *ѣсте́* самъ это распустилъ, чтобы думали, что у него ѣсте́ много денегъ и тѣмъ дать комерческимъ своимъ спекуляціямъ больше вѣсу. Добрый Касьянъ прислалъ мнѣ на

---

[1]) Николай Ивановичъ Тургеневъ, столь извѣстный впослѣдствіи. У братьевъ Тургеневыхъ жила въ Москвѣ старуха-мать, Екатерина Семеновна.

[2]) А. Я. Булгаковъ зналъ близко короля Неаполитанскаго Фердинанда, служа въ Неаполѣ при Д. П. Татищевѣ. См. его письма оттуда къ его отцу въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года.

[3]) Княгиня Анна Александровна Голицына, урожден. княжна Грузинская, супруга князя Бориса Андреевича, та самая, о которой такъ часто идетъ рѣчь въ переепискѣ княжны Туркестановой съ Кристиномъ (см. „Русскій Архивъ“ 1882 и 1883 г.г.).

новый годъ Сибирскую нельму. Какъ оправится Наташа, дадимъ обѣдъ и попотчиваемъ пріятелей. Пишу ему, что рыбка эта дороже для меня кита. Вяземскій пишетъ, между прочимъ, мнѣ, что у Англичанина одного, пріѣхавшаго въ Варшаву изъ Парижа, спросили: Comment avez-vous trouvé Paris? Онъ отвѣчалъ: O, très *facilement*; je suis allé à Francfort et de là j'ai pris des voituriers, qui m'ont conduit à Paris. Пріѣзжій изъ Тамбова сказывалъ, что Ока прошла отъ страшныхъ дождей. Много говорятъ о голодѣ въ сосѣднихъ губерніяхъ. У насъ былъ Озеровъ съ Дукатомъ; сказывалъ, что князь Алексѣй Бор. Куракинъ долженъ былъ послать въ Орловскія деревни 200 т. р., для прокормленія голодныхъ своихъ крестьянъ. Ст. Ст. Апраксинъ также ѣдетъ туда, боясь, чтобы деревень его не взяли въ опеку. Надобно Бога благодарить, что въ нашемъ Велижѣ все обходится благополучно.

*

Москва, 6 Генваря 1821 г.

Вчера обѣдалъ я у Юсупова, гдѣ пропасть было Итальянцевъ; его дѣвки должны были играть оперу (то-то бы одолжили!) Князь Дм. Влад. [1]), забывъ, что Сочельникъ, обѣщалъ быть, но потомъ вспомнилъ, прислалъ извиниться, и опера отложена до сегодня. Татарскій князь звалъ опять къ себѣ, но я обѣщалъ обѣдать у Лунина, гдѣ будемъ en petit comité, и гдѣ обѣдъ, а особливо вино, лучше; а у князя настоящая горлопятина. Ты знаешь, что здѣсь заводится Итальянская опера, второй теноръ и басъ уже здѣсь; вчера пѣли нѣсколько дуэтовъ, басъ хорошъ и поетъ изрядно, теноръ также, хотя и имѣетъ голосъ, какъ говорится, rotta, fatigata. Багратіонъ по старому балагурилъ. Я говорю Юсупову: Il y a là à quoi nous damner un jour, comme cela de la musique en opéra!—J'ai de quoi vous absoudre, répondit le plus gaillard: voici monseigneur Barozzi, qui vous donnera l'absolution. Багратіонъ, вслушавшись, прибавилъ: это бы хорошо; да сдѣлайте милость, спросите, князь, у монсиньера вашего, крещенъ ли онъ только? Это можешь разсказать Тургеневу: духовные по его части. Народу было много: С. С. Апраксинъ, кн. Мих. Н. Голицынъ, П. И. Высоцкій, который много, много тебѣ кланяется; Ричи, который всѣхъ пѣвуновъ за поясъ заткнулъ, Щербатовъ, кн. Николай Долгоруковъ и пр.

Рушковскій[2]) говорилъ мнѣ вчера о ежедневномъ пріемѣ[3]), что было это невозможно, что чиновники на это работали, предвидя еще болѣе

---

[1]) Голицынъ, Московскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Тогдашній Московскій почтдиректоръ.

[3]) Т. е. о ежедневномъ пріемѣ писемъ и посылокъ на почтѣ.

работы, что это только заставило его сообщить о невозможности, что жаль, что онъ не зналъ, что эта мысль князева [1]), что (будто) нѣкоторые чиновники грозили идти въ отставку, et autres balivernes, но что теперь все это будетъ сдѣлано, что въ Петербургѣ все легко сдѣлать, а здѣсь нѣтъ. Я отвѣчалъ, что, напротивъ, въ Петербургѣ ты долженъ дѣлать все самъ, а что здѣсь, при этихъ прекрасныхъ чиновникахъ, все можно сдѣлать, и безъ большого труда. Просилъ я у него совѣта, какъ бы экономическимъ образомъ отправить людей въ Петербургъ. Онъ предложилъ дилижансы, но и тутъ все будетъ стоить слишкомъ 200 р. Р. сказалъ, что послалъ бы съ почтою; я это отклонилъ, ибо знаю, что это именно запрещено. Да вотъ видите, прибавилъ онъ, запрещено-то и девятаго посылать съ дилижансомъ, но такъ какъ вотъ видите К. Я.[2]) того-то, далъ намъ этотъ *дурной примѣръ*... Ужъ тутъ я взбѣсился и сказалъ ему: Écoutez! Mon frère vous donne tant de bons exemples à suivre, auxquels vous feriez très-bien de vous conformer tant pour le service, que pour votre propre intérêt, que vous pourriez taire cette misère, qui a pu se faire à l'insu de mon frère. Опять повторилъ: К. Я. aurait dû me dire un mot que l'idée était au prince... а я съ насмѣшкою: Mais vous êtes la sagesse même, le zèle en perrsonne, et pour qui importe à qui est l'idée, si elle est bonne, si elle est en l'approbation de tout Pétersbourg, si là elle a pu s'exécuter? Онъ видитъ, что далъ промахъ и теперь хочетъ свалить на чиновниковъ. Меня провожалъ до сѣней, до двора все оправдывался, какъ будто я ревизоръ какой.

*

Москва, 7 Генваря 1821 г.

Вчера былъ славный маскарадъ въ собраніи[3]) и, противъ всеобщаго ожиданія, много было масокъ; ежели дастся другой маскарадъ на этомъ же основаніи, то еще болѣе пойдутъ: потому что не всякій рѣшался маскироваться, боясь быть одному въ цѣлой залѣ, а теперь, que cela a pris, всѣ надѣнутъ маски. Меня мучилъ какой-то черный капишонъ въ большой бородѣ; въ голову не приходило, а вышло, что это была Бобринская [4]), съ дочерью, съ Хомутовой, Карабановою, Крузшею. Онѣ вскружили голову Волкову [5]), который, во что ни станетъ,

---

[1]) Т. е. князя А. Н. Голицына, главнаго начальника всѣхъ почтовыхъ учрежденій.

[2]) Т. е. Петербургскій почтдиректоръ, Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ.

[3]) Т. е. въ Дворянскомъ Собраніи, въ Охотномъ ряду, которое тогда процвѣтало.

[4]) Вдова перваго графа Бобринскаго, графиня Анна Владимировна, ур. Унгернъ-Штернбергъ. Въ это время у нея была дочь-невѣста, графиня Марья Алексѣевна, вышедшая потомъ за князя Н. С. Гагарина.

[5]) Московскому коменданту, пріятелю Булгаковыхъ.

хотѣлъ узнать кто онѣ, и узналъ. Въ маскахъ было еще множество другихъ знакомыхъ, Каменская, Ржевская, гр. Потемкина, вся семья pr-cesse Boris и пр. Такъ какъ пригласили и купцовъ, то было даже и тѣсно и жарко. Вчера записалось сто человѣкъ вновь. Я долго стоялъ и говорилъ съ кн. Дм. Влад. Эта его мысль давать маскарады, настоящіе разумѣется; а то и прежде объявляли о маскарадахъ, а не бывало ни одной маски. Ему всѣ дѣлали комплименты на этотъ счетъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что сегодня поутру ѣдетъ его княгиня къ вамъ, а послѣ обѣда отправляется и Катерина Влад. Апраксина. Въ Воскресенье Бобринская имянинница; ей готовятъ какую-то surprise; долго меня мучили участвовать въ этомъ водевилѣ, но я отступился. Это хорошо было въ Вильнѣ, а гдѣ мнѣ теперь изъ Слободы ѣздить край свѣта на репетиціи? Да и проходятъ же лѣта шалостей: веселѣе смотрѣть на чужія проказы. Вмѣсто меня попалъ Давыдовъ.

*

Москва, 10 Генваря 1821.

Въ городѣ балы что-то утихли, да и много что-то умерло знакомыхъ. Въ семьѣ нашей умерла дальняя родня женина Нат. Алекс. Карпова, почтенная, богатая, бездѣтная старушка (не знаю, кому это все достанется), да еще князь Хованскій, бывшій женатый на сестрѣ Léon de Yacovleff[1]). Вчера хоронили бывшаго батюшкинова знакомаго, генерала Екатерининскаго Бардакова; жена, говорятъ, въ отчаяніи, страстно его любила. Очень былъ онъ мотоватъ и игрокъ; бывало, нѣтъ денегъ, такъ прикинется больнымъ, а жена, которая богата, лѣчила его все подарками. За маленькую головную боль давала по 5000 р.; на, голубчикъ, будь только здоровъ.—Маскарадъ въ собраніи такъ удался сверхъ чаянія, что мы положили въ тотъ Вторникъ дать еще маскарадъ на томъ же основаніи.

*

Москва, 13 Генваря 1821.

Сегодня будетъ день гулевой. Надо бы праздновать Государыню[2]). Обѣдъ у князя, на который нельзя не ѣхать; я еще не знаю, буду ли отъ него домой или заѣду къ Волкову и пробуду у него до собранія; правда и то, что трудно не выйти цѣлый день изъ мундира.

Я было тебѣ напоминать о брошюркѣ, напечатанною быть имѣющею въ 1857 году, а ты ее и прислалъ. Давно обѣщалъ я ее Ив. Ив. Дмитріеву, коему и посылаю не читавши, ибо онъ очень аккуратно и скоро возвращаетъ книги. Какъ Тургеневу не прислать мнѣ новое по-

---

[1]) Одна изъ тетокъ Герцена.

[2]) День рожденія императрицы Елисаветы Алексѣевны.

сланіе Вяземскаго. Это глупая отговорка, будто я не люблю стихи: когда они не длинные и хороши, я ихъ очень люблю, въ особенности же люблю Вяземскаго и стихи, и прозу, и рожу.

Милаго Закревскаго благодарю за присылку книги. Это вещь очень полезная и доказываетъ, что типографія его занимается въ праздное время не вздорами[1]). Я увѣренъ, что ты Русскіе анекдоты[2]) будешь читать съ удовольствіемъ, особливо тамъ, гдѣ рѣчь о покойномъ батюшкѣ. Я отыскалъ преславный портретъ масляными красками кн. Потемкина и очень похожъ, должно быть, Лампія. Онъ стоитъ 500 р., просятъ 100, а я даю 50 р.; ежели бы тяпнуло въ вистъ другіе 50 р., тотчасъ бы купилъ. Любя князя за батюшку, я иной роднѣ его далъ бы и 200 р. охотно: то вотъ и спекуляція.

*

Москва, 17 Генваря 1821.

У Бобринской были театръ и балъ; по обыкновенному очень было весело. Играли двѣ пьесы: la Champenoise (vaudeville) и Les rendez-vous bourgeois. Актеры были Гедеонова; si elle ne chante pas à mon gré, elle a au moins de l'assurance et n'épargne pas les roulades; les deux Pouchkin, В. А. и А М. Гедеоновъ [3]), Давыдовъ и Пашковъ. Во второй пьесѣ играла очень хорошо дочь Анд. Семен. Кологривова, молодая, 14 лѣтъ, прекрасная дѣвушка; голосъ такой свѣжій и поетъ безъ претензіи, играла натурально, мнѣ она показалась лучше Гедеоновой. Вас. Ив. надобно было спѣть при концѣ куплеты, онъ сказалъ: Ал. Мих., comme j'ai la goutte, mon chez Bertrand, je vous charge de chanter le couplet pour moi. Онъ думалъ выкинуть острое словцо, но тотъ отвѣчалъ: très-volontiers, а потомъ, обернувшись къ партеру: j'ai cru qu'il avait la goutte dans les pieds, il l'a dans le *gosier*. Послѣ начали танцовать, и нѣсколько было жарко, ибо танцовали въ гостиной.

У дурака П. . . . ва вышла тутъ исторія; онъ, болтая о театрѣ, хвалилъ всѣхъ и говорилъ: celle-là (мад. К.) devrait rester chez elle et ne pas produire sa figure sur la scène, и кому же эта скотина говорила это? Мужу ея, не зная его. Этотъ ему сказалъ: Je ne vous connais pas, m-r; mais vous devez être un cochon et un mal élevé; ma femme ne joue que pour faire plaisir à la comtesse Bobrinsky et pas

---

[1]) Сочиненіе С. Н. Глинки.

[2]) Графъ Закревскій, будучи дежурнымъ генераломъ при Главномъ Штабѣ, завелъ прекрасную типографію.

[3]) Наталья Павловна, ур. Шишкина, супруга будущаго директора театровъ въ Петербургѣ, Александра Михаиловича.

pour des imbéciles comme vous; au reste, ce n'est pas le temps de parler de cela; demain je viendrai vous apprendre à vivre. Тотъ перетрусилъ, извинялся. Князь старался уговорить барона Крузе, но онъ никого не слушаетъ и сегодня хотѣлъ отрубить длинныя П. . . . уши. Ништо дураку—впредъ наука!

Глинкѣ будетъ очень пріятно, если ты ему напишешь въ два слова письмо, благодарное за его подарокъ. Онъ бѣдный человѣкъ. Приказалъ Жарову, его другу и комиссіонеру, купить для тебя 4 экземпляра Русскихъ Анекдотовъ; ты ему деликатнымъ образомъ подаришь 50 р.

Сейчасъ пріѣзжалъ молодой человѣкъ Esper Belossélsky звать отъ матери на вечеръ, тамъ опять балъ; но я, право, не знаю, поѣду ли, а ежели и поѣду, то развѣ на минуточку. Я былъ званъ сегодня на большой обѣдъ свадебный: женился сынъ Дм. Ал. Лухманова; отецъ даетъ пиръ и зоветъ, какъ Фастъ, на цѣлый день, къ вечеру балъ; будетъ тамъ князь Дм. Влад., но я лишу себя всѣхъ этихъ почестей и удовольствій.

*

Москва, 20 Генваря 1821.

Vive la lithographie!
C'est une rage partout:
Grand, petit, laide jolie,
Le crayon retrace tout.

Благодарю за присланную первую тетрадь альбома литографированнаго [1]).

Младшая изъ княженъ Шаховскихъ, коихъ старшая Pauline за Муравьевымъ (сыномъ Ник. Ник.), подвержена нервическимъ припадкамъ. Докторъ Левенталь ее магнетизируетъ. Намедни онъ ее усыпилъ, и она въ сомнамбулизмѣ проговорила словами, коихъ никто не понялъ; потомъ мать [2]) спросила, что̀ ты говорила? Молитву, маминька!—Да по каковски? Мы никто не поняли!—По-латыни (а она родясь этотъ языкъ не знала). Мать засмѣялась, а дочь взяла перо и написала всю молитву по-латыни; мать все утверждаетъ, что она написала вздоръ, но больная тотчасъ перевела эту молитву по-французски. Пріѣхалъ докторъ, княгиня дала ему прочесть Латынскую молитву. Connaissez-vous cela?—Non, mais c'est une prière; elle est bien

---

[1]) Литографіи тогда были еще рѣдкостью.

[2]) Княгиня Елисавета Сергѣевна, ур. графиня Головина, въ то время вдова князя Александра Михаиловича. У нихъ было восемь дочерей.

écrite. Très bien et sans aucune faute.—Lisez ceci.—Mais, reprit le docteur: c'est une traduction très-bien faite de la prière que vous venez de me donnez.—Et bien, c'est composé, écrit et traduit par ma fille pendent le somnambulisme. Посылаю тебѣ эту молитву, т. е. Французскій переводъ. Мнѣ все это кажется сверхестественно; не будь это княжна Шаховская, я было думалъ, что докторъ съ нею сговорился. За нею смотритъ мамушка. Княжна въ сомнамбулизмѣ говоритъ, что мамушка теперь въ такой-то комнатѣ, вяжетъ чулокъ, и точно правда. Другой разъ бредитъ; ее спрашиваютъ, позвать ли мамушку?—Нѣтъ не трогайте; она бѣдная устала, спитъ лицомъ къ улицѣ, и вышло точно такъ. Княжна сама говоритъ во снѣ, какое ей дать лекарство и назначаетъ препорцію, унціями, и все по-латыни. Все это разсказывала ея мать, которая совсѣмъ не лжива. У княжны такіе были припадки прежде, что она билась головою объ стѣну, и комната ея вся обита матрасами. Она въ Декабрѣ объявила, что 17-го будетъ при смерти (и была), что 25 Генваря совсѣмъ выздоровѣетъ; ей 14 лѣтъ, она очень разслаблена. Все это столь же чудесно, какъ и свадьба Боголюбова [1]).

*

Москва, 30 Генваря 1821 г.

Я давно взялъ себѣ на умъ то, что̀ ты мнѣ совѣтуешь касательно В. [2]) Я ему даже и говорилъ объ этомъ; онъ поуймется, а тамъ забудетъ и опять принимается за вранье, но признаюсь, что не доходило до этой степени еще. Онъ малый очень благородный, добрый, но слишкомъ любитъ рукоплесканія такъ-называемыхъ beaux esprits. Я въ своихъ письмахъ никогда не касаюсь сихъ сюжетовъ и ограничиваюсь смѣшными вздорами и бальными описаніями. Когда будетъ сюда, серьезно его побраню, а до того времени врядъ буду ли и писать, отъѣзжая отсюда. Я увѣренъ, что онъ тѣмъ кончитъ, что наживетъ себѣ хлопотъ.

Я ѣздилъ послѣ обѣда къ Осипову, дома нѣтъ; Шафонскаго [3]) тоже

---

[1]) Варѳоломей Филиповичъ Боголюбовъ (коего письма къ князю А. Б. Куракину см. въ „Русскомъ Архивѣ 1893, III, 233), родной дядя извѣстнаго въ наши дни живописца, былъ уже женихомъ, и ему отказали. (См. въ письмахъ Булгакова за 1820-й годъ).

[2]) Т. е. князя П. А. Вяземскаго. Въ то время судьбою его былъ озабоченъ и Н. М. Карамзинъ, какъ видно по изданнымъ Академіею Наукъ его письмамъ къ И. И. Дмитріеву. Въ увлеченіяхъ негодованія своего противъ тогдашней Аракчеевщины, и рядомъ съ нею богомоленной цензуры, князь Петръ Андреевичъ, какъ и Пушкинъ, писалъ противъ правительства. Сличи его переписку съ А. И. Тургеневымъ въ трехъ превосходныхъ первыхъ томахъ „Остафьевскаго Архива", изданныхъ графомъ С. Д. Шереметевымъ.

[3]) Шафонскій былъ директоромъ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора.

не засталъ. Князь Дм. Влад. поѣхалъ по четыремъ уѣздамъ объѣзжать, то они всѣ гуляютъ.

Бѣглый Шереметевъ[1]), котораго графъ П. А. Толстой не хочетъ болѣе имѣть адъютантомъ, явился. Проигравшись здѣсь, онъ улизнулъ въ Серпуховъ и жилъ тамъ, чтобы дать время пройти гнѣву матушки своей, а та было умерла.

Смоленскъ, 1 Февраля 1821 г.

Я выѣхалъ изъ Москвы въ Понедѣльникъ, въ два часа утра, и поспѣлъ сюда въ 37 часовъ, что̀ очень скоро; за то какъ и лечу и какъ опоражниваю Марицынъ кошелекъ [2]), не жалѣя на водку! Дорога очень хороша, кибитка преславная, а о Волковѣ и говорить нечего: я только что ѣмъ, да сплю, онъ дѣлаетъ прочее. Со мною и Васька. Ежели пойдетъ также далѣе, то могу ужинать въ Велижѣ.

Ваня Пушкинъ[3]) такъ убѣдительно меня просилъ у него обѣдать, что я не могъ отказать. Сейчасъ пришлетъ за мною сани. Здѣшній губернаторъ, баронъ Ашъ, умеръ; жена его ѣдетъ къ вамъ, въ Петербургъ. Сюда пріѣхалъ Кайсаровъ слѣдовать по множеству жалобъ, присланныхъ на полковника Граббе[4]), т.-е. на проказы его гусаръ.

*

Велижъ, 3 Февраля 1821 г.

Вотъ я и здѣсь, любезный братъ; все ѣхали славно, только въ Порѣчьѣ настала къ вечеру такая страшная метель, что я принужденнымъ нашелся тамъ ночевать. Поутру поутихло, но снѣгу столько навалило, что я ѣхалъ въ кибиткѣ съ пятью лошадьми. Здѣсь сталъ я, по обыкновенію, у полицмейстера и бывшаго нашего опекуна Шестакова, не могъ отказать у него обѣдать, а послѣ обѣда тотчасъ пущусь къ себѣ въ ближнюю вотчину Хилино. Ефимъ меня здѣсь ждалъ, а вчера уѣхалъ играть свадьбу другой своей дочери. Вотъ стало быть у насъ и пиръ свадебный будетъ Повезу молодой какой-нибудь гостинецъ. Я, слава Богу, здоровъ и не усталъ. Заѣду теперь къ Алексіанову, а писать тебѣ буду уже изъ Граблина. Здѣсь хорошее общество, стоитъ гусарскій полкъ Сумскій, два генерала и пр. Я тебѣ писалъ изъ Смоленска, гдѣ Ваня Пушкинъ задалъ мнѣ славный обѣдъ; у него познакомился я со Свѣчинымъ генераломъ, сосѣдомъ по деревнямъ Закревскаго. Je crains beaucoup que mon Ваня ne se delâche la

---

[1]) Это былъ Алексѣй Ѳедоровичъ Шереметевъ. Мать его, Екат. Серг. Власова, во второмъ бракѣ Ивашкина. См. „Родословіе Шереметевыхъ“ въ VII-й книгѣ А. П. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ“.

[2]) Т. е. кошелекъ, подаренный М. Д. Булгаковою.

[3]) Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

[4]) Павла Христофоровича, позднѣе графа.

poitrine, car à chaque Juif qu'il voit il crache; or, vous savez si les Juifs manquent ici.

*

Граблино, 7 Февраля 1821 г.

Вчера объѣздилъ я всѣ фольварки; скота много, и все въ цвѣтущемъ состояніи. Дойныхъ коровъ однихъ до 400, а всего скота до 1500 штукъ. Навозу множество, можно будетъ и пашни прибавить. Дай Богъ только урожай на этотъ годъ, то доходъ будетъ значительный; нынѣ родилось нехорошо, но все осталось и кромѣ сѣмянъ, а ежели бы у насъ было такъ, какъ въ Орлѣ или Воронежѣ, то не знаю, куда я бы голову дѣвалъ: иные послѣднее продаютъ, чтобъ прокармливать крестьянъ своихъ. Наши мужики довольно зажиточны, мало такихъ встрѣтишь здѣсь.

Положилъ я законъ, по коему Жиды, имѣющіе у насъ корчмы на арендѣ, не могутъ продавать иного вина, какъ у насъ купленное, и я иначе имъ не велѣлъ продавать, какъ по 4 рубля ведро: они все свои барыши найдутъ, а намъ прибавитъ это доходу тысячи четыре въ годъ. Куда ихъ жалѣть плутовъ! Грозили было убраться, но раздумали: иной уже 25 лѣтъ у насъ живетъ, слишкомъ привыкъ.

Какое происшествіе! Слышу шумъ въ передней; выбѣгаю, что̀ же такое? Мужики недалеко отсюда видѣли вчера медвѣдя, ранили его, но онъ ушелъ, а теперь его убили и притащили сюда. Страшная махина, черный самецъ; поставили на ноги, то выше Волкова. Мужикамъ велѣлъ дать вина и подарилъ храбрецамъ 25 рубл. за шкуру; повезу женѣ: ей годится подъ ноги въ карету. Вотъ какихъ уродовъ производитъ наша Бѣлоруссія!

Ба! Вслѣдъ за медвѣдемъ явился un affamato, засѣдатель, коему надобно было подарить не медвѣдя, а пенендзовъ; а тамъ явился и Алексіановъ. Мнѣ, говоритъ, тоска по васъ, пріѣхалъ на васъ посмотрѣть. Quels sont vos projets?—D'aller demain de Grablino à Gorodno, dîner chez Marco *), et delà chez vous.—Et bien faisons tout cela ensemble.—Bon!

*

Москва, 24 Февраля 1821 г.

Храповицкаго Записки я читалъ, но не помню, вторую ли или первую часть; это знаетъ Тургеневъ, а я бы охотно прочелъ то, что̀ не читалъ. Вотъ лучшіе, безцѣннѣйшіе матеріалы для исторіи, ибо все тутъ безъ прикрасъ и писано безъ намѣренія огласки. Свадьбы: Михайло Орловъ помолвленъ съ дочерью Н. Н. Раевскаго. Я ее зналъ

*) Этотъ Marco былъ тамошній православный священникъ.

въ Карлсбадѣ, прекрасная, т.-е. умная, милая дѣвушка; а здѣсь Кутайсовъ отдаетъ съ милліономъ дочь свою за сына кн. Ѳед. Ник. Голицына, что̀ былъ въ Гишпаніи[1]). A propos: къ Алексіанову пріѣзжалъ его cousin изъ Тульчи и сказывалъ мнѣ, что Потоцкая старшая, Софья, помолвлена за Киселева, въ коего влюблена по уши; матери сказала она: Albo Kisselew, albo до kliastoru. И за этою милліонъ, а женитьба брата его съ танцовщицею была басня.

*

Москва, 7 Марта 1821 г.

Пусть Гречъ отбрѣетъ Свиньина какому-то критику, называющему себя Галернымъ Жителемъ; онъ пишетъ какъ каторжный; ему досталось въ послѣднемъ Сынѣ Отечества за глупыя нападки на Жуковскаго, который перевелъ Гётеву балладу Рыбакъ.

Писалъ тебѣ и повторяю, что новая княгиня Голицына[2]) очень мнѣ по душѣ, но Воронцову жену я еще болѣе полюбилъ съ перваго раза. Я къ нимъ заѣзжалъ вчера, и Нусша меня отвела въ отдаленную комнату, чтобы попросить 200 р. взаймы; мнѣ очень было больно отказать, но, право, нѣтъ у самого лишнихъ. Какъ быть, князю далъ; онъ что-то любитъ это число 200. Если будетъ кстати, то шепну словечко Васѣ; пусть онъ имъ что-нибудь подаритъ. Хорошо просить сыну у отца, брату у брата, но отцу просить у сына тяжело. Мнѣ ихъ право жаль! Семья большая, домъ огромный, много надобно денегъ. Молодые не выѣзжали никуда, Вася явился только къ коменданту и военному г.-губернатору, да оба были у тетушки, тотчасъ пріѣхавши, вотъ и все.

Благодарю напередъ за Записки Храповицкаго. Волкову подлинно нельзя ѣхать въ Петербургъ, а мѣсто свое рѣшился оставить, и причины основательны; онъ уже объяснился съ кн. Дм. Влад., который отскочилъ отъ него на два шага, но потомъ долженъ былъ съ нимъ согласиться. Здоровье потеряно, 40 т. долгу нажито, все свое жалованье отдаетъ подчиненнымъ, дабы сохранить хорошихъ людей, кои за малыми окладами не могли бы оставаться тутъ. Это уже вещь опредѣленная, и они за Волковымъ жалованьемъ точно ходятъ какъ за своимъ. Вахтпарады его убиваютъ: не бывать нельзя, испросить уволь-

---

[1]) Т. е. за князя Александра Ѳедоровича, служившаго въ Варшавѣ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, а позднѣе многіе годы завѣдывавшаго Комиссіею Прошеній.

[2]) Т. е. княгиня Аделаида Павловна, ур. графиня Строганова, въ 1820 году вышедшая за кн. Василія Сергѣевича Голицына, который былъ сынъ двоюродной сестры Булгаковыхъ, урожденной Приклонской.

неніе отъ нихъ было бы одурачить себя. Дѣло, кажется, рѣшенное, что дворъ будетъ сюда и надолго, хлопоты умножатся; не говоря о другомъ, одно это, 10 или 15 разъ всходить 59 ступеней по лѣстницѣ комендантской, убійственно. Онъ дорожитъ хорошимъ мнѣніемъ, которое Государь имѣетъ объ немъ, и не хочетъ его потерять; а это случиться можетъ. Есть много другихъ значущихъ обстоятельствъ, кои здѣсь объяснить нельзя. Онъ далъ князю, впрочемъ, слово, что черезъ два года, а можетъ быть и скорѣе, посвятитъ себя опять на службу. Ужели долговременная, усердная и трудная его служба не заслуживаетъ того, чтобы его отпустили на это время съ мундиромъ и съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ, тогда какъ онъ военно-сиротскому отдѣленію сдѣлалъ 60 т. капиталу? А я побожусь, что деньги эти умѣлъ онъ своею ловкостью и общимъ къ себѣ уваженіемъ набрать отъ разныхъ лицъ: они давали ихъ точно не казнѣ, не коменданту, а именно Волкову, любя его. Я тебѣ это на досугѣ теперь все это объяснилъ, а ты прочти это доброму нашему общему другу Закревскому. Волкову о себѣ говорить неловко, да и писать много не позволяетъ ему больной палецъ. Симъ кончу отвѣтъ мой, поѣду въ собраніе старшинъ; что-то доки тамъ будутъ говорить? Новые старшины: Кутайсовъ, Ртищевъ, Масальскій, Мертваго и Васильчиковъ А. В.; двое послѣднихъ хороши, за то уже тѣ! Знаю, что есть какія-то новыя выдумки; стану огрызаться.

Я не ошибся: Ртищевъ предлагалъ уничтоженіе билетовъ на хоры. Я спросилъ, для чего хоры были построены?—Обыкновенно, для музыкантовъ.—Я замѣчу вашему высокопревосходительству, что музыкантовъ бываетъ 40 и 50 ч., а на хорахъ помѣщаются болѣе 1000 человѣкъ. Цѣль хоръ есть доставлять удовольствіе бывать въ собраніяхъ тѣмъ, которые не въ правѣ бывать внизу.—Да никто не будетъ записываться, всѣ будутъ ѣздить наверхъ.—Да, мѣщанкѣ, купцу, служанкѣ и записываться-то нельзя; а можно положить закономъ не давать на хоры тѣмъ, которые имѣютъ право записываться въ члены и бывать внизу: это дѣло другое. Ртищевъ прибавилъ: Лучше ничего; *того и гляди, что хоры обрушатся*. Умора! Всѣ единогласно отринули предложеніе. Тогда и генералъ-сенаторъ сказалъ: ну такъ и я съ вами согласенъ. Графъ Кутайсовъ дѣлалъ другое предложеніе, внушенное ему кн. Бѣлосельскою *), чтобы было позволено во время концертовъ ставить столы въ залѣ и играть въ карты. Попавши въ ораторы по несчастью въ этотъ день, я опять ему доказалъ, что это вздоръ: кто

*) Княгинею Анною Григорьевной, ур. Козицкою.

не любитъ музыку, оставайся дома и играй въ карты; да къ тому же мы будемъ бояться, чтобы эта *проклятая музыка* не заставила дѣлать ренонсовъ и не помѣшала княгинѣ Бѣлосельской помнить козырей. Всѣ разсмѣялись, дальше пренія были не нужны. Кутайсовъ говоритъ, что это прибавитъ доходъ. Во 1-хъ, я ручаюсь, что больше пяти столовъ не наберется: кто захочетъ обратить на себя негодованіе и насмѣшки публики? Обогатятъ ли 5 цѣлковыхъ собраніе?—Можно поставить столы подъ аркады, то и шуму не будетъ отъ игроковъ.—Галлереи сдѣланы для прохода; я и тонокъ, да не пройду, ежели поставятъ столы.—Да меня Сонцовъ увѣрялъ, что это прежде бывало.—Никогда, а было вотъ что: послѣ кончины покойнаго императора Павла былъ трауръ, была запрещена и музыка, и танцы; тогда (это правда) играли въ карты въ большой залѣ, иные гуляли, другіе играли, но музыки не было. Всѣ согласились, что это вздоръ, и самъ Кутайсовъ долженъ былъ признаться, что вздоръ. Каковы новые защитники дворянскаго собранія!—На Кузнецкомъ мосту поставлена панорама Парижа, я думаю таже, что̀ была въ Петербургѣ; когда ни иду мимо, всегда пропасть каретъ, саней и людей. Я еще не видалъ, а Мосальскій говоритъ: c'est un véritable Robert.—Князь Дм. Вл. прислалъ къ завтрему звать обѣдать, не для Сперанскаго ли это? [1])

Скажи Тургеневу, что я вчера писалъ Серафиму [2]); онъ принялъ лично письмо мое и сказалъ Евсею, чтобы меня увѣрилъ, что все сдѣлаетъ, что̀ желаю, а я прошу вакантное дьяконское мѣсто у школы въ Дра̀гомиловѣ для студента, котораго женился па одной изъ несчастныхъ поповыхъ сиротъ. Спасибо Тургеневу, ибо я пишу Серафиму: «по участію пріемлему въ сихъ несчастныхъ другомъ моимъ Алекс. Ив. Тургеневымъ, а болѣе еще (?!) по сродному вашему высокопреосвященству человѣколюбію; вы не откажете» и пр. Tour du diplomate! А какъ ни говори, они всѣ Тургеневу въ глаза смотрятъ.

*

Воскресенье.

Обѣдалъ у Голицына; были Юсуповъ, Апраксинъ, кн. Сер. Сер. Голицынъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, Циціановъ, всѣхъ человѣкъ 12. Толковали о театрѣ здѣшнемъ, т. е. о Петровскомъ [3]), который черезъ годъ долженъ быть готовъ. Есть проекты славные, и эта часть города съ площади будетъ прекраснѣйшая между всѣми. Говорили много о

---

[1]) Сперанскій возвращался изъ Сибири. Въ Москвѣ, вѣроятно, полагали, что онъ снова войдетъ въ силу, но ошиблись.

[2]) Тогдашнему Московскому митрополиту.

[3]) Нынѣ Малом, коимъ оканчивается улица Петровка.

театрахъ, о музыкѣ вообще. Голицынъ разсказывалъ много анекдотовъ о вашемъ Тюфякинѣ, о Шведской его труппѣ и пр. Кн. Дм. Влад. ѣдетъ въ Середу или Четвергъ къ вамъ. У Вяземской есть письмо ко мнѣ отъ мужа; велѣла сказать, чтобы я самъ заѣхалъ взять; я заѣхалъ по дорогѣ, вижу всю ее растрепанную. Откуда вы это? А она: ха! ха! ха! Я съ Москвы рѣки, съ бѣгу, 14 разъ бѣгалась съ Потѣшнымъ и обѣжала его. Не сами ли вы правили?—Quelle idée! J'étais avec le comte Potemkine, et sa femme était avec Galitzine (Alexandre Borissovitz). Экая чудачка!

Наташѣ привезли поеныхъ телятъ изъ подмосковной. Я совѣтовалъ послать однаго Чижу, у котораго завтра обѣдъ. Докладываютъ ему: прислалъ Алек. Яковл. теленка в-му с-ву. Онъ, думая, что это вѣрно какая нибудь фарса, мною выкинутая, говоритъ: подайте сюда этого теленка, а всѣ сидѣли у Adèle. Мой Евсей развязалъ ноги теленку, даетъ ему волю, теленокъ бѣжитъ, слышутъ топотъ, ха! ха! да подлинно теленокъ! Этотъ благовоспитанный юноша, не боясь ничего, идетъ прямо къ Adèle; она протягиваетъ руку, а онъ, en galant chevalier, ну ее лизать. Только начинаются оханья, какъ эдакаго добраго, умнаго теленка зарѣзать и съѣсть. Стала мила и добра Adéle, что и теленокъ отдалъ ей должную справедливость. Il fallait voir toute la famille raconter ce grang événement.—Ну, сударь, что слышалъ я новаго? А вотъ что: княгиня Горчакова, дочь князя Юрія Влад. Долгорукаго, больна очень и страшною болѣзнію; вдругъ у нея брюхо вздувается на аршинъ и вдругъ исчезаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Это было уже три раза, а докторъ говоритъ, что на четвертомъ она умретъ; почему же не на третьемъ и пятомъ? Это мнѣ напоминаетъ анекдотъ мужика, коему Цыганъ сказалъ, что когда лошадь его, на которой мужикъ везъ дрова въ городъ, остановится въ третій разъ, то мужикъ умретъ. Il se fit quitte pour la peur. Бывшая Боголюбова невѣста Бахметева вчера была помолвлена за какого-то молодого Колтовскаго; порядочный малый, хорошъ собою и имѣетъ 500 душъ. Что-то скажетъ Боголюбовъ на это?

*

Москва, 8 Марта 1821.

Митюша *) сказывалъ, что графъ Ростопчинъ ему пишетъ, что у Орлова, т. е. у Гриши, т. е. у графа, была въ Парижѣ схватка съ какимъ-то попомъ, вѣнчавшимъ какую-то его protégée. Орловъ былъ посаженымъ отцомъ. Curé по обыкновенію для формы сказалъ: vous

---

*) Т. е. Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ, зять графа Растопчина.

maintiendrez l'épouse dans la section de la vertu et de la religion catholique.—Non, m. le curé!—Comment, non?—Non, car je suis du rête grec. —Ah, vous êtes un schismatique, c'est pire qu'un protestant, и началъ его ругать, а тотъ отбраниваться. Свадьба чуть не разошлась, и Орловъ долженъ былъ что-то заплатить.

*

Москва, 10 Марта 1821.

Я цѣлое утро баклуши билъ, возился, игралъ съ дѣтьми; а тутъ вдругъ записка отъ Фаста: проситъ нивѣсть какъ обѣдать у него поранѣе и ѣхать показать имъ панораму Парижа. Теперь оттуда только что пріѣхалъ; надобно было имъ все толковать, былъ тамъ часа съ полтора. Сдѣлано прекрасно, за то и денежки набираютъ: въ недѣлю болѣе 2000 рубл. Вся Москва валитъ туда. Кто не захочетъ за 3 р. побывать въ Парижѣ? Вчера взялъ я у Сачія двѣ золотыя штучки въ клубѣ и далъ ему двѣ сухія; такъ взбѣсился, что, бросивъ кій, разбилъ стекло. У насъ съ нимъ за Неаполь большія ссоры. Онъ все съ своими фразами: C'est le sciècle qui marche, la philosophie pénètre partout, les voeux des nations se manifestent и другіе вздоры. Nous verrons, lui dis-je, si c'est l'histoire de quelques coquins ou le voeu de la nation; attendez que les Autrichiens arrivent, nous verrons alors si le peuple se levera?—Mais que faire contre la force? —Que faire, vous dites? Ce que les Espagnols ont fait contre Napoléon; nous verrons si Naples fera comme Saragossa, et moi je vous dis que non, que Pepe et compagnie seront pendus par ce même peuple, que vous faites marcher avec le sciècle. Мой Сачій разсердился, но все-таки не такъ, какъ за двѣ сухія.

Уменьшеніе таксы дѣло славное. Рушковскій мнѣ объ этомъ говорилъ, а тутъ и ты пишешь. Для него годъ будетъ славный: мнѣ сказывали почтамтскіе, что разборъ газетамъ удивительный, тысячъ 60 получитъ нынѣшній годъ[1]); жаль, что все это умретъ въ его карманѣ. Qu'importe, si cela l'amuse! Василья Львовича[2]) ударъ есть выдумка Алексѣя Мих. Пушкина. В. Л-чу сдѣлалось жарко, попросилъ испить, голова заболѣла, а тотъ такъ его увѣрилъ, что это было родъ удара,

---

[1]) Въ то время и долго послѣ плата за разсылку газетъ и журналовъ поступала въ пользу почтдиректоровъ, Московскаго и Петербургскаго. Отмѣна послѣдовала уже въ наши дни, и поводомъ къ общей перемѣнѣ къ тому было, что одинъ экспедиторъ, получая деньги отъ подписчиковъ, сталъ задерживать выдачу ихъ издателямъ; денегъ накоплялось такъ много, что, имѣя ихъ въ рукахъ въ теченіе многихъ недѣль, онъ изволилъ отдавать ихъ въ заемъ, или играть на биржѣ.

[2]) Пушкина.

что самъ В. Л. всѣмъ говорилъ здѣсь: jugez que j'ai manqué avoir un coup d'apoplexie; вотъ А. М. былъ тому свидѣтелемъ. Это, видно, дошло и до васъ.—На меня навязалъ Апраксинъ билетъ на концертъ m-me Dangeville; надобно будетъ ѣхать.

*

Москва, 11 Марта 1821.

Право, если дамы будутъ ѣздить къ Тургеневу, а мужчины посылать ему разныя блюда, то онъ никогда не выздоровѣетъ, pas si bête! Сегодня обѣдаю я у Митюши, который угощаетъ своего товарища Мобежскаго Гурьева. Бѣда, надобно ѣхать въ саняхъ: лошадямъ пускали кровь, т. е. четверымъ, и такъ имѣю только пару, а парою въ каретѣ не доѣдешь въ часъ; авось либо сдѣлается потише. Третьяго дня какъ я удивился: въ эту мерзкую погоду встрѣчаю на простомъ извозчикѣ, кого же? Княгиню Вяземскую съ братомъ Ѳединькою, и тотъ проказникъ, встрѣчая экипажи, все прятался въ шинель; такъ узнавали ее одну и вѣрно скажутъ, что она куда-то ѣздила инкогнито съ кѣмъ-то; впрочемъ и заслуживаетъ нареканія. Отъ меня къ Фасту ѣхать, и то бы рискъ, а съ Леонтьевскаго переулка это непростительно. Здѣсь всякіе толки дѣлаютъ насчетъ ея и мужа. Я не вѣрю ничему, но эта разлука ихъ и раздѣленіе дѣтей довольно странны.

*

Москва, 14 Марта 1821.

Я видѣлъ С. С. Апраксина, который мнѣ сказалъ странную вѣсть и не похожую на быль, что всѣ Греки возстали, объявили себя независимыми, что Али-паша принялъ вѣру христіанскую и идетъ съ 180 тыс. войска къ Царьграду, что Греки избрали себѣ въ главу Ипсилантія и издали прокламацію, въ коей ссылаются на подпору одной сильной *Сѣверной* державы. Апраксинъ думаетъ, что это все подвиги Каподистріи; все это такъ невѣроятно, что я тебѣ сообщаю только для смѣха.

Панорама Парижа въ большой модѣ, весь народъ валитъ туда; а тѣмъ, которые даютъ концерты, плохо: мало охотниковъ, да и таланты плохи. Каталани и Боргондіо публику избаловали. Нѣтъ! О дуели между Орловымъ и Толемъ здѣсь не говорили, а какъ заговорятъ, то скажу, что вздоръ. Здѣсь утверждаютъ, что Государь будетъ къ концу мѣсяца въ Петербургѣ и что есть уже маршрутъ; не вѣрю: ты бы всѣхъ прежде зналъ это. Жаль мнѣ Панкратьева, вотъ уже не во время гость хуже Татарина. Ежели Арсеньева догадлива, то сама съѣдетъ отъ сестры: съ корью шутить не должно. Оставь и ты на время Панкратьева, а Гурьевъ мнѣ сказывалъ, что ты всегда

съ нимъ бываешь у отца его. Nous sommes, dit-il, tous embarrassé pour faire une partie pour votre frère, qui joue petit jeu, et papa est *si charmé* quand il vient chez lui. Авось либо гр. Чернышова отдѣлается отъ своей желчной лихорадки; желаю это душевно.

*

Москва, 15 Марта 1821.

Здѣсь только и рѣчи въ городѣ, что объ возстаніи Грековъ. Всякій разсказываетъ по своему, но Бубуки точно получилъ печатную Греческую прокламацію или воззваніе, подписанное начально Ипсилантіемъ и множествомъ другихъ. Чтобы узнать правду, я просилъ Волкова послать за самимъ Бубуки; онъ боленъ не могъ быть самъ, а прислалъ повѣреннаго, который это подтвердилъ и прибавилъ, что заговоръ объ освобожденіи Грековъ отъ Турецкаго ига давно сдѣланъ былъ; что Сербы, Далматы, Морейцы, всѣ жители Архипелага (вооружившіе 400 судовъ), Сулioты, Шимаріоты и пр. въ ономъ участвуютъ, что сблизились съ Али-пашей, принявшимъ вѣру христіанскую, что онъ идетъ въ Царьградъ и находился въ Салоникѣ по послѣднимъ извѣстіямъ; что всѣ Греки на флотѣ Турецкомъ взбунтовались и заляли Топхане́; что бывшій Валахскій господарь былъ отравленъ за то, что не хотѣлъ участвовать въ заговорѣ; что Караджа, Калимахи за одно и даютъ деньги, что рвеніе столь велико, что изъ Одессы одной ушли 4000 Грековъ, желающихъ соединиться со своими соотечественниками. Вотъ главнѣйшія статьи. Конечно тутъ много прикрасъ и выдуманнаго, но что нибудь да должно быть. Здѣшніе Греки цѣлуются, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе; кофейные домы набиты людьми пьющими и курящими. Полиція обратила свое вниманіе на это, но не можетъ еще отыскать источника. Метакса и Чумага готовятся, я думаю, одинъ въ Эпаминонды, а другой въ Солоны. Ежели достану документы, кои, говорятъ, у графа Санти, то пришлю тебѣ.—Уложивъ спать жену, поѣхалъ я къ Пушкинымъ. Софью не могъ я видѣть, она уже спала, но здорова, и Алеша также, завтра его крестятъ; родился плотенъ и 12 вершковъ, у него маленькая разсѣчина на губѣ; но это, говорятъ, пройдетъ. Софья брюхатая была поражена какимъ-то ямщикомъ, ѣдучи изъ Калуги, у коего губа была разсѣчена. Рихтеръ говоритъ, что это можно и зашить очень легко; впрочемъ это ребенка не безобразитъ. Отецъ въ восхищеніи и такъ былъ обрадованъ при рожденіи сыночка, что его выпроводили безъ чувства изъ комнаты родильницы. Москва помолвила уже дочь кн. Дм. Влад. за Николая Долгорукаго, прибавивъ, что бабушка*)

*) Т. е. княгиня Наталья Петровна Голицына, ур. графиня Чернышова, внучка (по матери) свирѣпаго Андрея Ивановича Ушакова, времени императрицы Анны.

даетъ 300 тыс. приданаго. Тебѣ бы это извѣстно было. Вотъ все, что̀ я слышалъ у сосѣдокъ, которыя всѣ тебѣ кланяются, а Марицу цѣлуютъ. Какъ бы она не попалась въ штатсъ-дамы къ будущей Греческой императрицѣ. Нельзя и намъ похвастаться временемъ: вездѣ грязь, а противъ Греческаго монастыря такая была, что принуждены нашлись пробить стѣну Китайскую, и вода хлынула на Моховую. Авось либо уговоришь графиню Нессельроде не ѣхать на встрѣчу къ мужу, ну да какъ разъѣдутся какъ нибудь! А развѣ это не возможно?

*

Москва, 25 Марта 1821.

Вотъ тебѣ и прокламація Ипсилантія, любезный братъ. Она переведена съ Греческаго молодою Мавракордато. Что-то выйдетъ изъ этого, но дѣло святое! Постыдно, чтобы въ просвѣщенномъ нашемъ вѣкѣ терпимы были варвары въ Европѣ и угнетали нашихъ единовѣрцевъ и друзей. Не имѣй я семьи и тебя, пошелъ бы служить и освобождать родину свою, Царьградъ. Я видѣлъ Метаксу; онъ внѣ себя и сообщилъ мнѣ еще слѣдующее: армія Ипсилантія состоитъ уже изъ 24 тыс. и овладѣла Галацами pas surprise. Караджа наименованъ княземъ и предводителемъ Сербовъ. Оба господаря дѣйствуютъ противъ Порты. Это родъ Сицилійскихъ вечерень, ибо условлено было въ первый день поста̀ истребить Турокъ. Въ Кандіи перерѣзали ихъ 8000, и поднято знамя Гроба Господня, въ тотъ же день долженъ былъ сожженъ быть Турецкій флотъ; у Идріотовъ готово 200 вооруженныхъ корсарскихъ судовъ, дабы господствовать въ Архипелагѣ. Что-то скажетъ нашъ дворъ на это? Ужели отдадимъ на жертву бѣдныхъ Грековъ? Это не Неапольская исторія, это не интрига четырехъ мошенниковъ, но порывъ цѣлаго народа угнетеннаго. И Негровъ защищаютъ всѣ державы, развѣ Греки хуже Негровъ? Прокламація говоритъ двухсмысленно protégée par une haute puissance, mais à qui se rapporte le mot de protégée, est-ce à la Grèce ou à la Croix? Можетъ быть и это умыселъ. Ипсиланти не бродяга, не повѣса; не подумавши не пустился бы на такое предпріятіе. Я очень любопытенъ знать, чѣмъ это кончится, но молю Бога за Грековъ. Сегодня хочу заѣхать къ М. М. Сперанскому, ѣдучи въ собраніе; я помню его участіе въ нашемъ дѣлѣ, а онъ ѣдетъ къ вамъ послѣ завтра.

Прокламація.

Traduction du Grec.

Grecs de la Moldavie et de la Valachie! Le Phoenix de la Grèce, après tant de sciècles de maux, déploie majestueusement ses ailes et invite sous leur ombre ses légitimes et obéissants enfants. La Grèce,

notre patrie chérie, élève en triomphe les étendards de nos ancêtres. Le Peloponése, l'Epire, la Thessalie, la Servie, la Boulgarie, les îles de l'Archipèle, enfin la Grèce entière a pris les armes pour s'affranchir du joug des barbares. En contemplant l'armée victorieuse des Chrétiens, la précieuse et vivifiante Croix, protegée par une haute puissance, elle s'écrie: «ce signe nous assure la victoire, vive la liberté!» Dans les deux provinces, à nous alliées, se forme un corps nombreux de vaillants compatriotes pour se précipiter sur le sol sacré de notre patrie chérie. Que ceux qui désirent de porter le nom des sauveurs de la Grèce et se trouvent disposés dans différents districts accourent sur les chemins où le corps doit faire sou passage et qu'ils s'unissent à leur braves confrères; mais que ceux d'entre véritables Grecs, qui, capables de porter les armes; resteraient indifférents à cet appel, sachent que le déshoneur sera leur partage et que la patrie les regardera comme bâtards et indignes de porter son nom.

Alexandre Ipsilanti, vicaire de la Régence Grecque, établie provisoirement à Yassy.

Yassy, , ce 27 février 1821.

*

Москва, 17 Марта 1821 г.

Исторія теленка благовоспитаннаго кончилась тѣмъ, что его помиловали на этотъ разъ, а что̀ будетъ впредь, не знаю. Какъ бы ему бѣдному не досталось завтра! Я самъ, какъ покойный Шараповъ, не могу ѣсть звѣрей домашнихъ и дома убитыхъ, ежели мнѣ это скажутъ. Очень буду я радъ Бенерову пріѣзду сюда, а ежели портретъ Наташи удастся, въ чемъ не имѣю сомнѣнія, то и мнѣ копію сдѣлаетъ; но прежде надобно мнѣ оригиналъ откормить, какъ теленка, а теперь она не авантажна. Вы ничего не знаете, а Москва рѣшила, что кухня государева уже пріѣхала, и что Государь самъ будетъ 26 Марта. Я было собирался къ М. М. Сперанскому; но, боясь, чтобы онъ благодарность не счелъ подлостью, не поѣхалъ и радуюсь тому. Его замучили такъ посѣщенія, что онъ самъ сказалъ, что отъ нихъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, куда отправился вчера. Губернаторъ, вице-губернаторъ, Шульгинъ явились къ нему въ большомъ парадѣ; послѣдній потащилъ его въ тюремный замокъ и въ яму; жаль, что не далъ ему зрѣлища пожара. Въ Рязани явился къ М. М.*) *Балашовъ*; этого не довольно, давалъ ему обѣдъ, и Сперанскій поѣхалъ на приглашеніе, какъ ни въ чемъ не бывало. Карнѣевъ говоритъ, что онъ

*) Т. е. къ Сперанскому. Балашовъ былъ прежде министромъ полиціи и 17 Марта 1812 года распоряжался высылкою Сперанскаго изъ Петербурга въ Нижній.

оплѣшивѣлъ весь и сталъ слабъ здоровьемъ, что желаніе его сохранить теперешнее мѣсто, но что ежели воля Государя, чтобы онъ остался въ Петербургѣ, то другого мѣста не приметъ кромѣ прежняго, государственнаго секретаря.

*

Москва, 18 Марта 1821 г.

Сію минуту получаю письмо отъ Ростопчина; говоритъ, что Лобановъ, женатый на Безбородко, покупаетъ все, что̀ видитъ, и имѣетъ. однихъ книгъ уже 18 т. волюмовъ. Корсакова дѣлаетъ тоже, et il ajoute: et va de porte en porte cherchant de l'argent. Это можно было предвидѣть. Графъ пишетъ еще: Шрёдеръ fait l'ambassadeur avec beaucoup de dignité, de prudence et de grâce, tout le monde est enchanté de lui; это меня очень радуетъ. У васъ говорятъ все о подаркахъ Левашева, а здѣсь объ его мазуркѣ, которую всѣ въ городѣ играютъ или пляшутъ. Городъ все еще наполненъ Греческими подвигами, всякій толкуетъ свое: иной взялъ уже Царьградъ, куда пріѣхалъ уже Курута и куда ожидается Константинъ Павловичъ.

*

Москва, 21 Марта 1821 г.

Я видѣлъ Софью*); она, мнѣ кажется, похорошѣла послѣ родовъ. Малютку я не видалъ, онъ спалъ; но доктора всѣ утверждаютъ, что отверстія на верхней губкѣ всѣ сростутся со временемъ; они очень уже убавились; впрочемъ Гильдебрандтъ говоритъ, что это можно будетъ легко и сшить, это бездѣлица и не безобразитъ ребенка. Старуха въ большихъ ажитаціяхъ: Володя пишетъ, что главная квартира получила приказаніе двинуться, Ваня долженъ идти къ Гроднѣ. Даже и Толстого корпусъ получилъ приказаніе быть въ готовности. Нейдгартъ, начальникъ штаба, ѣдетъ завтра черезъ Могилевъ въ Лейбахъ, куда вытребованъ. Все это дѣлаетъ большую тревогу въ городѣ; всякій толкуетъ по своему, иной объявляетъ войну Туркамъ за Грековъ, а другой Неаполитанцамъ за Австрійцевъ; время все покажетъ. Кажется, что по Австрійскому манифесту натурально, что армія наша на всякій случай должна быть въ готовности дѣйствовать, а потому и подвинуться къ границамъ. Я тебѣ не посылаю всѣ Греческія прокламаціи, полагая, что ты вѣрно ихъ имѣешь; одну однакоже я тебѣ доставилъ.

Вчера вдругъ является ко мнѣ баба, знакомое очень лицо. Кто бишь это? спрашиваю.—Какъ же, батюшка, я кормилица вашей крестницы,

---

*) Т. е. княгиню Софью Алексѣевну Шаховскую, урожд. графиню Мусину-Пушкину. Хитрова была ея сестра. Володя и Ваня — ея братья. Малютка—недавно скончавшійся князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской, храбрый воинъ и прекрасный человѣкъ. П. Б.

вашей племянницы Софьи Константиновны; я Авдотья, я жила въ *Почтанникахъ*[1]).—Очень хорошо, очень радъ! Она у насъ отобѣдала, посидѣла въ дѣтской, и я за подаренныя ею мнѣ яйца, а дѣтямъ яблоки подарилъ ей 10 р., да Наташа 5 р. Добрая бабенка, зацѣловала Сонинъ портретъ, не только зацѣловала, но даже и замуслила, повторяя: ну вотъ словно живая!—Давеча прислалъ мнѣ Ждановскій при письмѣ портретъ А. Ѳ. Малиновскаго, поднесенный ему архивскими, т. е. ему Малиновскому; galanterie d'un nouveau genre: тебя тебѣ подносятъ. Я отвѣчалъ также письмомъ и говорю, что уважалъ всегда душевно моихъ начальниковъ и имѣлъ счастье быть всѣми ими любиму, принимаю съ большой благодарностью подарокъ и пр. Ждановскій прибавляетъ, что тебѣ будетъ отправленъ экземпляръ самимъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ [2]).

Вас. Львов. ко мнѣ заѣзжалъ поутру; онъ въ восхищеніи, что письмо къ нему отъ племянника напечатано въ Сынѣ Отечества. Старамъ стала! Я ему говорю: On voit par cette lettre que veus êtes intimes, l'oncle et le neveu; c'est bien, mais qu'on n'aille pas s'imaginer que c'est vous qui avez élévé Alexandre et que vous partagez ses opinions; vous savez qu'il passe pour ultra-libéral. Вотъ мой Вас Львов. уже и трруситъ. Il est vrai, cela pourra me compromettre; je ne conçois pas qui a pu donner cette lettre à imprimer; ce n'est pas moi. Hé! Je suis fâché qu'on a imprimé cela, hé! Pourquoi mettre mon nom, pourquoi me nommer, hé? Большой трусишка. Сказывалъ, что Вяземскій получилъ отпускъ [3]); княгиня ожидаетъ его завтра или послѣ завтра.

У насъ былъ здѣсь второй томъ В. С. Попова, старуха графиня Протасова: никакъ не соглашается, что слѣпа. На балѣ у гр. Орловой ей говорятъ, что къ ней идетъ Императрица; она разсердилась и говоритъ: развѣ я не вижу это сама? Мнимая Государыня мимоходомъ начала говорить съ гр. Толстой; между тѣмъ подходитъ Львова и говоритъ: Я думала, графиня, что вы уѣхали?—Нѣтъ, ваше величество, отвѣчаетъ Протасова: я здѣсь ужинала. Это общая слабость у всѣхъ, теряющихъ зрѣніе: не хочется съ сокровищемъ такимъ разставаться. Графъ Головинъ давно уже плохъ; но мнѣ жаль Чернышову, жаль и большую ея семью. Авось либо и отдѣлается отъ бѣдъ.

*

---

[1]) Т. е. на Почтамтской улицѣ въ Петербургѣ, гдѣ жилъ К. Я. Булгаковъ.

[2]) Въ наши дни М. И. Семевскій подарилъ свой портретъ подписчикамъ „Русской Старины". П. Б.

[3]) Т. е. изъ Варшавы, гдѣ князь П. А. Вяземскій служилъ при Н. Н. Новосильцовѣ

Москва, 22 Марта 1821 г.

Я получилъ отъ гр. Ростопчина письмо отъ 5 (17) Февраля. Собирается въ Женеву, а тамъ во Флоренцію; пишетъ, что М. И. Корсакова вся издержалась; у него просила взаймы, но онъ не далъ. Ежели бы не выкупилъ ее гр. Орловъ, пришлось бы ей продать за половину цѣны все, что̀ накупила сгоряча сначала. Управитель его завода Андерсонъ пишетъ мнѣ, что по приказанію графа приведутъ сюда въ Маѣ для меня 6 кобылъ и жеребца; прислалъ реестръ, лошади все славныя, заведемъ заводъ въ Бѣлоруссіи! Авось либо и пойдетъ хорошо. Вяземская угорѣла, приготовляя мужу комнату, въ коей давно никто не жилъ и не топилась; однакоже ей лучше.

*

Москва, 24 Марта 1821 г.

Получено извѣстіе, что Браиловскій паша, мстя за Турокъ, убитыхъ въ Кандіи, велѣлъ перерѣзать всѣхъ Христіанъ, а ихъ было у него до 11000. То-то пойдутъ мщенія! Метакса перевелъ прозою съ Греческаго, а Глинка переложилъ въ стихи гимнъ или маршъ Грековъ: это родъ Allons, enfants, de la patrie. Удивительно, что всему этому нѣтъ никакихъ подтвержденій и что неизвѣстно, какъ будетъ это принято нашимъ дворомъ.—Полторацкій хочетъ въ новомъ своемъ домѣ затѣять родъ Palais Royal; ему за этажъ купецъ одинъ даетъ 37 т. въ годъ и беретъ на 4 года, но хочетъ, чтобы всякая продажа была бы тутъ позволена, даже карточная игра. Полторацкій поѣхалъ объ этомъ хлопотать, но не думаю, чтобы на это согласились: довольно разврата и безъ того.

Ну, братъ, какой былъ шумъ въ нашей конференціи субботней. Отъ вздора вышло; но Кологривовъ, который давно востритъ зубы на * * *-ова, началъ браниться съ нимъ за его самовластіе. Тотъ говоритъ ему: ну полно лаять, ты, какъ какой нибудь стряпчій, говорунъ, мелишь все пустяки! А тотъ: Я стряпчій? Я пустяки мелю? Да ты забылъ, съ кѣмъ ты говоришь; я не хуже тебя, я стряпчій, положимъ; такъ, а ты *дуракъ* en toutes lettres. * * *-овъ струсилъ и, перемѣняя тонъ, прибавилъ: вотъ ты и сердишься и бранишься; я тебѣ въ шутку сказалъ, что ты стряпчій. На это ему отвѣчаетъ Кологривовъ: Ну и я шучу; я ссылаюсь на моихъ товарищей, ну можетъ ли быть дуракъ тотъ, у кого 22 т. душъ? Каковы наши матадоры? Масальскій сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. Кончилось шумомъ, дѣло не рѣшили и за дрянью: положено собирать публику для балотированья, т. е. дать ли Друэ залу па другой концертъ или нѣтъ. * * *-овъ все сидитъ дома, не

5*

былъ на репетиціи и въ вечеру во Вторникъ не былъ въ концертѣ. Экъ его пугнулъ усачъ!

*

Нехорошо, что Закревскій все боленъ. Смотри, какъ онъ при всемъ томъ толстѣетъ, что̀ доказываетъ, что кровь густѣетъ отъ неподвижности тѣла; небось въ походахъ былъ здоровъ всегда. Для него не объявлять же войну? А право было бы кому. Пусть ходитъ или ѣздитъ верхомъ, а ты обрати себѣ это въ урокъ; не будь такъ лѣнивъ въ городѣ, гдѣ безподобные тротуары и гулянье. Я всегда тебя объ этомъ просилъ.—Свиньину нечего дѣлать, какъ хвалить то, что̀ очевидно полезно; а то придется ему возстать и противъ мостовъ, фонарей, пожарныхъ трубъ и пр. Sac Blanc буду отъ тебя ожидать. У меня теперь вообще мало чтеній. Постарайся достать Correspondance de Napoléon, давно тебѣ обѣщанную С.-Флораномъ; это бы годилось ужѐ въ деревнѣ. Я вчера не поѣхалъ въ собраніе, но слышу, что мое предсказаніе сбылось. Никто не пріѣхалъ, а законъ велитъ быть по крайней мѣрѣ 50 членамъ, чтобы балотировать. Все это осталось нерѣшеннымъ, и бѣдный Друэ avec le bec dans l'eau. У * * *-ова опять схватка была съ гр. Толстымъ, тестемъ Закревскаго. Онъ ему говоритъ: вы вѣрно не здоровы, а то бы это не говорили; а тотъ Татарскому князю въ отвѣтъ: нѣтъ я здоровъ, а вы вѣрно . . . . . такъ надсѣлись и не выспались; всѣ захохотали и * * *-овъ же остался въ дуракахъ.

*

Москва, 28 Марта 1821 г.

Апраксинъ сказывалъ, что Екат. Влад. пріѣхала и привезла извѣстіе о начатіи военныхъ дѣйствій въ Италіи; а зять его, толстый Голицынъ кн. Сер. Сер., набарабанилъ по обыкновенію кучу новостей. 1-е, что въ Пьемонтѣ революція и во всей Сѣверной Италіи; 2-е, что Пепе Австрійцевъ побилъ, что вытребованы въ Лейбахъ Ермоловъ, Дибичъ, Сперанскій и не помню, какіе еще генералы. Вральманъ Толстой, который все гнѣвается, что Закревскій не пишетъ ему новостей, подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ, правда ли, что Ермоловъ ѣдетъ въ Лейбахъ.—Да вамъ должно это лучше знать.—Мнѣ пишетъ зять, что Ермоловъ ѣдетъ, но не пишетъ куда; а братецъ что̀ вамъ пишетъ?—Братъ мнѣ не говоритъ объ этомъ.—Ну можетъ быть и не правда; я и спорилъ съ кн. Сер. Сер. и говорю, что вѣрно бы зять мнѣ написалъ. Какой, право, этотъ Арс. Андр., какъ не написать мнѣ, куда ѣдетъ Ермоловъ, да и объ Дибичѣ ни слова. Чудакъ! Какъ сравню его болтливость со скромностью Закревскаго, то не понимаю, что̀ находитъ ему писать зять; ибо кромѣ вздоровъ, что̀ ему и писать къ Толстому?

Право, стыдно Голицыну въ его чинѣ и при его воспитаніи такъ себя выставлять; ему вторилъ Гурко, генералъ, который также, кажется, себѣ все позволеннымъ считаетъ. Такія роли хорошо играть Боголюбову, а не имъ.

И у насъ умолкло о Грекахъ. Бѣдный Чумага ходитъ, повѣся голову, и не здоровъ, не знаетъ, что̀ дѣлать по коммерческимъ своимъ дѣламъ и Христомъ Богомъ проситъ меня сообщить ему, что̀ узна̀ю; но я тоже ничего не слышу. Ты не ошибаешься, что множество здѣсь разсказовъ. Въ присланномъ тобою Инвалидѣ вижу всѣ подробности Итальянскихъ военныхъ дѣйствій. Отсутствіе Австрійцевъ подало поводъ къ молвѣ, что ихъ побили. Сачи увѣряетъ, что онъ предвидѣлъ Пьемонтское возмущеніе: c'était dans la marche du siècle, dit-il, dans le progrés de la raison. Я не хвастаюсь проницаніемъ симъ après coup, но всегда думалъ, что ежели Австрійцы забьются въ сапогъ Европы и возникнутъ неустройства въ сѣверной Италіи, то положеніе ихъ будетъ очень критическое. Каковы же Сардинцы! Какъ это тихо вели, и въ пору все вспыхнуло! Признаться, скорѣе въ Миланѣ можно было ожидать безпорядка, нежели въ Пьемонтѣ. Экая каша заварилась! Хорошъ и С.-Марсанъ, это второй Blacas. Какъ не имѣть малѣйшаго подозрѣнія въ умыслахъ непріятелей правительства! Это досадное обстоятельство, ибо одно сраженіе генеральное все бы кончило въ Неаполѣ. Пусть увѣряютъ не меня, что война эта съ макаронщиками есть національная. Пустяки! Теперь война можетъ сдѣлаться жестокою и упорною; но правда то, что у Итальянцевъ нѣтъ предводителя. Чѣмъ-то все это кончится? Для газетчиковъ теперь лафа: есть что сообщить публикѣ. Ты говоришь, что Сперанскаго ждутъ еще къ вамъ, а здѣсь отправили его уже въ Лейбахъ. Sac Blanc буду ожидать, но мнѣнія своего насчетъ королевы, право, не перемѣню. Непотребная, да и только. Между нелѣпыми слухами надобно включить и то, что у насъ прекратятся библейскія общества и уничтожится взаимное обученіе, но никто не умѣетъ дать причины. Это сказывалъ пріѣзжій изъ Петербурга Ершовъ (le mari de sa femme).

*

Москва, 29 Марта 1821 г.

Я теперь отъ Пушкиныхъ: въ даль забиваться не могъ рѣшиться. Онѣ говѣютъ. Старуха была въ постели, прочіе ужинали; но, узнавши, что я тутъ, просила меня войти къ ней sans façons, и мы поболтали о происходящемъ въ свѣтѣ. Она, имѣя военныхъ въ семьѣ, все боится войны. Охала, купила 1200 червонныхъ по 12 р. (увы!), посылаетъ Володѣ съ разными другими покупками. Я сказалъ, что червонецъ

еще по 12 р. 50 к., и она утѣшилась, что не опоздала покупкою. Послѣ пошелъ я внизъ къ Софьѣ, у которой сидѣлъ до сихъ поръ, т. е. до полуночи; она додѣлывала кошелекъ, который проситъ меня отправить завтра по легкой почтѣ къ мужу, который послѣ завтра имянинникъ. Она очень рада, что походъ, ему назначенный, былъ отсроченъ до конца Мая.

*

Москва, 31 Марта 1821.

Вчера играли у насъ въ собраніи Друэ и Фильдъ. Концертъ былъ прекрасный и вознаградилъ мяуканье Гапмейерши, коимъ мы все подчивали несчастную публику по милости Юсупова. Было болѣе 600 человѣкъ. Друэ всѣхъ восхитилъ, но особенно меня. Я бы не думалъ, чтобы изъ пастушьей свирѣли можно было составить то, что́ флейта въ Друэтовыхъ рукахъ. Можетъ быть, напишу маленькую статью для Инвалида или Conservateur [1]). И ему, такъ какъ Боргондіо, сдѣлали мы подарокъ, табакерку золотую съ эмалью въ 900. Опять зашумѣли товарищи на предложеніе сопроводить подарокъ письмомъ. Да на что?— На то, что онъ можетъ купить табакерку и сказать, что она ему подарена была дворянскимъ собраніемъ, а это дипломъ для него лестнѣйшій еще самаго подарка.—Ну что Француза баловать!—Какое намъ дѣло, какой онъ націи; мы смотримъ на его талантъ; впрочемъ вы препоручаете мнѣ ему вручить подарокъ, то я сдѣлаю это какъ разумѣю. Послѣ первой части концерта, я пошелъ къ бухгалтеру и написалъ письмо, которое подписалъ съ Сашкою [2]); тутъ подошли, одобрили и также подписали Мертваго, Кутайсовъ, Масальскій, Юсуповъ. Друэ, право, не такъ былъ доволенъ подаркомъ, какъ грамотою и сказалъ мнѣ: je puis assurer votre exc. que la plus grande récolte ne m'aurait pas été aussi agréable que cette attention délicate de la noblesse de Moscou; je me crois indigne de tant de bontés.

Сожалѣю, что ему испакостилъ все Кологривовъ; тогда закричалъ, залы не давать, созывай членовъ, балотируй и только! Вышло, что никто не поѣхалъ, а залу такъ дали; какъ эдакому таланту отказать? Но недѣля прошла... Большая часть членовъ вѣрно на его концертъ не поѣдетъ, и онъ не будетъ въ барышахъ, а могъ бы тысячъ 10 чистыхъ собрать здѣсь. Ужъ мнѣ эти шумилы! А играетъ чудесно, надобно признаться. Володимеръ Гр. Орловъ и всѣ старики собрались его послушать вчера, и не жалѣли, что поѣхали.

---

[1]) Французская газета, которую издавалъ въ Петербургѣ воспитатель попечителя и президента Академіи Наукъ, тогдашняго Петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уварова, аббатъ Мангэнъ.

[2]) Такъ называетъ иногда Булгаковъ своего пріятеля, комендапта А. А. Волкова.

Чего же ожидать теперь добраго Корбонаріямъ, ежели главная ихъ подпора герой Пепе тягу далъ, по крайней мѣрѣ войска его? Народъ тамъ не возстаетъ, гдѣ армія не имѣетъ успѣховъ. Мы видѣли, что всѣ усилія Наполеона (altro che Pepe) въ 1814 году сдѣлать войну народною были тщетны. Желательно только, чтобы Австрійцы провозгласили всеобщее прощеніе и не позволяли себѣ мщеній; а то повѣсятъ 20 Карбонаріевъ, а озлобятъ противъ себя 100 т. Народъ мстительный, а скрытная злоба хуже явной вражды.

Здѣсь всѣ Греки въ такомъ недоумѣніи касательно ихъ дѣлъ, что увѣрены всѣ, что почта задержала всѣ ихъ письма. Ничего совершенно не слыхать, а что̀ узна̀ю, тебѣ напишу. Такъ какъ и здѣсь носились тѣже слухи, что́ у васъ касательно Царяграда, то я далъ знать К. С. Тургеневой, что это вздоръ и что я имѣю черезъ тебя извѣстіе, что тамъ все покойно и чтобы она не безпокоилась насчетъ Сергѣя. Совсѣмъ тѣмъ нельзя ручаться за буйную эту сволочь, и легко можетъ послѣдовать бѣда съ нашими. Я бы желалъ, чтобы Сергѣя *) заперли въ Эдикулѣ, что дало бы ему право на полученіе отличнаго награжденія, а между тѣмъ онъ былъ бы въ безопасности.

Концертамъ нѣтъ конца. Сегодня двѣ Шведки даютъ концертъ на *скрипкахъ*. Хотѣлъ ѣхать, но вспомнилъ разстояніе Слободы отъ Апраксина и отложилъ. Завтра Друэ, въ Пятницу Фильдъ, въ Субботу концертъ у Бѣлосельской. Друэ будетъ играть, не знаю что, въ Воскресенье; но я въ Понедѣльникъ хочу начать говѣть съ женою. Какъ-то она съ этимъ управится, но я совѣтую ей ѣсть скоромное: желудокъ ея не вынесетъ грибовъ.

*

Москва, 1 Апрѣля 1821.

Тяжелая почта еще не бывала; видно, дорогою родила; желаю, чтобы скорѣе оправилась и сюда явилась. Иностранныхъ трехъ недостаетъ. Царьградская, dico Дубосарская, говорили, вчера пришла, но я не вѣрю; ибо Чумага мнѣ обѣщалъ, что тотчасъ явится сказать, что́ пишутъ новаго, для сообщенія тебѣ, любезный братъ. Забылъ я тебѣ возвратить записки Тургенева вчера; вотъ они.

У Волкова сказывали, что король Французскій умеръ, что это извѣстіе получено съ чиновникомъ комиссаріатскимъ, пріѣхавшимъ изъ Лейбаха къ генералу кригскомисару Татищеву. Ежели правда, то это большая новость. Лудовику узна̀ютъ цѣну, когда его не станетъ. Онъ

*) Младшій Тургеневъ и, по преданію, самый даровитый, Сергѣй Ивановичъ, служилъ тогда при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ.

царствовалъ мудро, и положеніе его было всегда критическое. Эту новость подтвердилъ мнѣ Бетера, котораго я встрѣтилъ на улицѣ. Говоритъ, что Паулучи приглашаетъ его къ себѣ въ Ригу, на что онъ ни на что не рѣшится до возвращенія сюда кн. Голицына; хочетъ отправится къ Монтенеграмъ и дѣйствовать въ пользу Грековъ. Такимъ людямъ въ такія минуты и играть роли.

Жена Попандопула родила сына, у коего вмѣсто носу ухо на рединѣ лица, а вмѣсто ушей два носа; впрочемъ ребенокъ очень здоровъ и плотенъ. Вся семья въ отчаяніи, но отецъ въ восхищеніи и собирается написать объ этомъ всѣмъ ученымъ обществамъ, по совѣту Лодера. Онъ былъ у меня и просилъ пріѣхать посмотрѣть на это чудо, коему не нарадуется. Каковъ! Прочти это нашимъ дамамъ, а тамъ покажи имъ даже, что̀ пишу, а то подумаютъ, что ты шутишь; а какъ насмѣешься досыту, то объяви имъ, что пишу это 1-го Апрѣля. Вотъ тебѣ и poisson d'Avril.

*

Москва, 4 Апрѣля 1821.

Чумага, котораго я просилъ сообщить мнѣ Греческія новости, пишетъ мнѣ длинную выписку изъ полученныхъ свѣжихъ извѣстій изъ Царьграда отъ 8 Марта. Вотъ главнѣйшія. Le complot des Grecs contre es Turcs a été découvert avant d'éclater par des lettres intérceptées: mais la Divan a agi avec imprudence, qui doit étonner. Le sultan a fait venir chez lui le patriarche, avec lequel il a conféré lui-même très au long, quoique cela soit contraire avec lois. Les fils du p-ce des Maniotes, gardés suivant l'usage comme ôtages, se sont enfuis et réfugiés à bord des vaisseaux Russes. Le c-te Stroganof a refusé de les livrer et n'a pas permis de faire visiter les bâtimens Russes. L'équipément de la flotte turcque ne peut s'effectuer que très lentement, les Grecs refusant de servir et ne le faisant que contraints par la force. On avaient les troubles à Constantinople, il y règne une certaine stupeur, et la Porte est dans une hésitation visible. Il arrive beaucoup de familles Grecs à Odessa, entre autre le p-ce Blansardi, frère du p-ce de Moldavie, le fils de Corassa (je crois Caradja) et autres. Le ministre Américain n'ayant pas été admis à Constantinople, les vaisseaux Américains, qui se trouvaient dans la mer Ionienne, ont brûlé la flotte Turcque envoyée contre Ali-pacha, qui est près de Prévesa.

И здѣсь куча разсказовъ и вещей, какъ у васъ. Войны вѣрно не будетъ съ Турками уже потому, что Витгенштейнъ чрезвычайно ослабленъ разными взятыми у него отрядами, а особливо корпусомъ Рудзевича; мнѣ все кажется, что до военныхъ дѣйствій не дойдетъ, да

и стыдно будетъ, ежели Австрійцы не сладятъ и съ Неаполемъ, и съ Піемонтомъ. Сачи не вѣритъ, что поколотили Пепушку и все твердитъ: Vous verrez! Vous verrez! Les Napolitains ont pris la bonne manière, comme vous autres en 1812; ils se retirent. Et moi je lui dis: Ils se retirerent tant qu'ils se trouveront en Sicile, et puis les Autrichiens aulieu de 30 degré de froid trouveront une paradis terreste, d'où ils ne voudront jamais sortir.—Vous verrez, vous verrez! Laissez faire.—Je les laisse faire; mais savez vous qu'ils fairont?—Et quoi?—Ils feront dans leurs culottes...

*

Москва, 5-го Апрѣля 1821.

Я, пробѣгая вторую часть Sac Blanc, нашелъ тутъ нѣчто объ интригахъ Ферьери; но они вмѣсто батюшки написали тутъ Обрѣзкова, который былъ въ Царьградѣ въ первую Турецкую войну. Ферьери былъ сводникомъ у Безбородки и пакостилъ батюшкѣ, но все обрушилось на немъ. Батюшка писалъ Потемкину и самой Государынѣ письмо весьма сильное, требуя правосудія. Ферьери былъ тотчасъ выгнанъ съ консульскаго поста своего, и по бумагамъ видно, что батюшка, сжалясь надъ его нищетою, далъ ему деньги на проѣздъ. Все это нашелъ я въ Царсградскихъ батюшкиныхъ бумагахъ.

*

Москва, 7 Апрѣля 1821.

Ай да почта! Ай да братишко! Ай да новости! Ай да Неаполитанцы! Благодарю тебя чрезмѣрно за скорое увѣдомленіе объ окончаніи войны въ земномъ раю. Признаюсь тебѣ, что новости такого рода люблю разсказывать и кого ни видалъ, всѣмъ объявилъ; а милаго Шатилова, котораго я встрѣтилъ въ каретѣ, остановилъ, и онъ очень меня благодарилъ за сообщеніе это. Куда мнѣ жаль, что не набрелъ я гдѣ-нибудь на Сачія; а въ Агл. клубъ поѣхать не хотѣлъ, ибо тамъ я о такихъ новостяхъ говорить не люблю. Нѣтъ пяти дней, что мы спорились, и я его увѣрялъ, что его Неаполитанцы напакостятъ. Экіе подлецы! Отъ чрезмѣрной кичливости вдались въ противоположную крайность. En véritables poltrons révoltés, ils massacrent des individus isolés qu'ils avaient un jour avant élevés aux nues. Ils ont su que les Autrichiens devaient ou vaincre ou être vaincus. Le sort des armes à quelque jours fait triompher même le plus faible contre le plus fort, il n'y a pas là de honte; mais qu'après toutes ces fanfaronnades on voit une forteresse comme Gaïte, qui de notre tems a tenu 2 ans contre un Masséna, auvrir ses portes à l'ennemi, sans coup férir, que la garnison massacre avec barbarie son commandant, c'est bien indigne! Le prince, ce fameux héros, ce prince de Calabre, qui devait mourir le premier sur

les frontières, ne devait-il pas au moins se retirer dans cette Calabre dont il porte le nom, prolonger au moins la guerre, se mériter une capitulation honorable? N'avons-nous pas vu Davoust avec un petit corps se retirer derrière la Loire, prendre une attitude imposante, mériter des menagemens de la part des armées de tout l'Europe; mais le refrain du soldat Napolitain a toujour été: Siamo gente di pace. Наглядѣлись мы на этихъ удальцовъ съ Дмитріемъ Павловичемъ; наглядѣлись мы и на этого принца, какъ онъ бѣжалъ изъ Козенцы и тогда также хвасталъ. Татищевъ такъ былъ золъ, что хотѣлъ взять полкъ у Дамаса и подраться съ Французами. Что̀ вы дѣлать хотите, помилуйте, сказалъ я ему; ежели бы была *рота* Русскихъ, такъ; а то связаться съ этими макаронщиками. Тогда и я было попался въ полонъ въ Lago Nero, гдѣ занемогъ впервыя подагрою. Напомни Татищеву о don Paulo Galotte, у кого мы жили. Экъ меня на досугѣ куда бросило; но это все, будь сказано тебѣ, въ отвѣтъ за Неапольскія извѣстія. Теперь и Сачи вѣрно скажетъ: Non, voyez-vous, il y a eu de la trahison; les Anglais auront donné de l'or, car les Napolitains devaient tenir bon pour être soutenus par les Piémontains. Теперь и съ этими справятся. Мнѣ кажется, что неожиданная сія скорая развязка въ Неаполѣ сдѣлаетъ ненужнымъ наше содѣйствіе. Я тотчасъ написалъ Софьѣ Шаховской, чтобы ее успокоить насчетъ мужа; вотъ ея отвѣтъ. Не теперь, то хотя послѣ, доставь мнѣ переписку Наполеона. Эту классическую книгу надобно тебѣ имѣть непремѣнно.

Не даромъ же явился Décaze въ Парижъ. Ежели подтвердится перемѣна министерства, этотъ человѣкъ много еще надѣлаетъ зла Франціи; онъ ловокъ, краснорѣчивъ, честолюбивъ и имѣетъ непостижимое вліяніе надъ умомъ короля. Видно, хочетъ съ Ришелье поквитаться и его столконуть. Министерство имѣло перевѣсъ въ камерѣ депутатовъ. Что-то будетъ теперь? Ультровъ опять по шеямъ; но хороши и эти гуси, ежели правду говорить. Ежели Деказъ заступитъ мѣсто Пакье, то Поццу *) нехорошо будетъ: онъ Деказа ненавидитъ. Только повѣрь, что этотъ въ Лондонѣ не даромъ былъ. Время откроетъ большія затѣи.

*

Москва, 11 Апрѣля 1821.

Вотъ извѣстія, сію минуту мнѣ сообщенныя Чумагою изъ Царьграда отъ 15-го Марта. По страху, господствующему тамъ, всѣ Греки хотѣли выѣхать, но остановлены по султанскому приказанію. Капитанъ судна, выѣхавшаго оттуда 15-го, разсказывалъ 19-го въ Одессѣ,

---

*) Т. е. нашему послу въ Парижѣ, графу Поццо-ди-Борго.

что повелѣно поголовное вооруженіе, что чернь вся собралась передъ домомъ Строгонова съ оружіемъ, что онъ, видя опасность, уѣхалъ въ домъ Аглицкаго посла, откуда послалъ Портѣ ноту, въ коей требуетъ причину вооруженія и паспорты, ежели домъ его не будетъ Портою обезпеченъ отъ насилія и пр. Порта отвѣчала очень учтиво, увѣряя въ дружбѣ, что народъ ни противъ кого не вооружается, а еще менѣе противъ Русскихъ, но что мѣры, принимаемыя только оборонительныя, а не наступательныя, противу Грековъ. Ипсиланти идетъ къ Букаресту. 12-го былъ онъ въ Фокшанахъ. Увѣряютъ, что Болгары заняли Балканскія горы. Вотъ все слышанное мною отъ Чумаги. Тебѣ все это передаю, не ручаясь, точная ли правда или нѣтъ.

*

Москва, 12 Апрѣля 1821.

Вчера былъ у насъ превеселый и превкусный обѣдъ у Лунина; наѣлся и насмѣялся. Есть нѣкто М. . . . , молодой человѣкъ, сынъ довольно богатаго Тульскаго помѣщика; учился, но все понялъ криво, педантъ, рѣжетъ на всѣхъ языкахъ, полагаетъ себя красавцемъ, стихотворцемъ, музыкантомъ, ну всѣмъ на свѣтѣ. Вралъ, умора! Читалъ переводъ свой отрывка изъ лорда Байрона, вмѣсто метеора говорилъ метафора на небѣ, maladie téchnique pour chronique etc. Много вралъ и въ политикѣ защищалъ Аглицкую королеву, говоря: il faut juger les rois, mais jamais les reines! а потомъ прибавилъ съ восхищеніемъ: on peut juger des formes d'une princesse, mais jamais de ses actions! Безподобенъ.

*

Москва, 14 Апрѣля 1821.

Я сейчасъ изъ подъ Новинскаго. Славно учреждено. Всю эту площадь кто-то нанялъ на эту недѣлю за 15 т. и отъ себя уже отдавалъ фиглярамъ. Мы были вездѣ съ Фастомъ. Какъ я удивился, увидя тутъ въ каретѣ съ Голицынымъ (Алекс. Бор.), кого же? Вяземскаго! Кричитъ мнѣ: Булгаковъ! Загорѣлъ, я насилу его узналъ; говоритъ, что только что пріѣхалъ, а былъ уже у меня и меня не засталъ и явился подъ качели. Я слышалъ тутъ о несчастіи, сдѣлавшемся съ Полторацкимъ Конст. Марк. Онъ ѣхалъ съ женою въ каретѣ, отъ Сухаревой башни внизъ по валу, вдругъ карета и лошади проваливаются. Выходитъ, что тутъ былъ нѣкогда колодезь, сдѣлали сверху накатъ очень давно и вымостили, накатъ перегнилъ, вотъ и вышло это кораблекрушеніе; но къ счастію ни онъ, ни она не ушиблись, только испугались, а лошадь коренная тутъ же издохла; а сказываютъ, пара эта стоила 5000 рублей.

*

Москва, 15 Апрѣля 1821.

Мы съѣхались у Н. И. Мосоловой, тамъ отобѣдали, гулянье въ двухъ шагахъ; послѣ обѣда мы маршъ туда пѣшкомъ съ Фастомъ. Были, сударь, на всѣхъ комедіяхъ. Ужъ подлинно въ Москвѣ не надобно торопиться ѣздить къ штукарямъ, которые и дороги и спѣсивы вначалѣ, а кончится все тѣмъ, что увидишь ихъ послѣ подъ качелями за гривну серебромъ. Тутъ и славный ученикъ Пенетти, тутъ и батонисты, и фантасмагорія и пр. Звѣрей также тутъ показывали, я очень смѣялся надъ ними. *Меняжри* Африканскихъ звѣрей! Къ дикому звѣрю идетъ слово меняжри; никто бы не подумалъ, что это счастливый переводъ Menagerie. Показываютъ тутъ еще chambre noire; родъ камеры абскуры, это прелестно. Я ее видѣлъ въ Варшавѣ въ 1819 году, ѣдучи къ водамъ; на кругломъ столѣ видишь все это пространство, гулянье съ движущимся народомъ, экипажами, качелями; узнавать даже можно знакомыхъ. Апраксинъ Петруша заказалъ эдакую Нѣмцу этому за 1000 р. Народу было тьма. Мы скатились съ Фастомъ съ лѣтнихъ горъ, дабы комплектировать гулянье и воротились домой въ восемь часовъ.

Не съ Конст. Полторацкимъ было несчастіе отъ колодца, но съ другимъ, кажется, братомъ его; и теперь всѣ ѣздятъ смотрѣть это мѣсто, ибо одной лошади не могли еще вытащить вчера. Мнѣ также сказывали, что бѣдному Бове, въ ту минуту, что̀ онъ дома выходилъ изъ кареты, кто-то пустилъ камнемъ въ лице, выбилъ множество зубовъ и изуродовалъ все лицо; надобно думать, что домашній, ежели все это правда. Вчера въ вечеру былъ я у Пушкиныхъ, куда явился и Вяземскій; кланяется очень тебѣ и Тургеневу, пробудетъ здѣсь недѣли три, а тамъ отправится къ вамъ на малое время, а тамъ въ Варшаву, гдѣ остались дѣти его, т. е. старшія. Дороги очень дурны: Вяземскій ѣхалъ 11 сутокъ, не ночуя нигдѣ, дорогою все растерялъ, книги, даже и деньги, въ Перхушковѣ поссорился съ ямщиками; говорить, что одинъ грозилъ его убить (видно спьяна). То-то захлопочется Рушковскій, какъ узнаетъ все это!

*

Москва, 18 Апрѣля 1821.

Вчера было рожденіе Костино, онъ вздумалъ дать пиръ своимъ пріятелямъ. Сосѣдъ нашъ Демидовъ Paul видѣлъ дѣтей моихъ у Вознесенія, полюбилъ Костю; этотъ, примѣтя, что онъ часто на него глядитъ, хотѣлъ знать причину; тотъ отвѣчалъ, что глядитъ оттого, что его любитъ. Да за что же меня любите?—За то, что ты милъ и этого

стоишь. Только Костя вдругъ пишетъ Демидову письмо слѣдующаго содержанія: вы мнѣ говорили, что меня любите; докажите это, милый Пав. Ник.; завтра мое рожденіе, пріѣзжайте ко мнѣ, я васъ буду потчивать вареньемъ. Тотъ явился, хотя меня знаетъ мало, а жену вовсе не знаетъ, привезъ Костѣ игрушку, долго сидѣлъ съ женою, которая очень его полюбила, а Костя въ восхищеніи, что всѣ его письма подѣйствовали, ибо и къ Ричи, и къ Каподистріи были написаны подобные же billets doux.

*

Москва, 19 Апрѣля 1821.

А нашъ старикъ Чирчелло все еще живъ! Добрый слуга короля. Въ наше время уже такъ мало было у нихъ людей, на коихъ можно было полагаться, что я, бывало, ночи просиживалъ у Чирчелло и переписывалъ для нихъ бумаги, которыхъ своимъ секретарямъ ввѣрять не смѣли. Мнѣ ихъ звѣзда не даромъ досталась. О принцѣ Мекленбургскомъ я много слышалъ отъ покойнаго его отца, съ коимъ былъ я всякій день вмѣстѣ въ Карлсбадѣ; онъ его называлъ красавцемъ и тогда очень радовался преднамѣреваемой только свадьбѣ съ дочерью Прусскаго короля. Принцъ очень возвышалъ честь: сыну маленькаго наслѣднаго принца быть своякомъ Русскаго великаго князя.

Рѣчь Михайлы *) подарилъ я нашему священнику. Я ее читалъ уже въ Сынѣ Отечества, въ коемъ также нашелъ любопытную статью занятія Неаполя нашими въ 1799 году при помощи кардинала Руффо, кому Фердинандъ далъ табакерку въ 60 т. дукатовъ и надписью: eterna grattitudine, а пять лѣтъ послѣ не пускалъ Руффо во дворецъ. Руффо ворвался почти силою. Cosa volete di me? Voglio pare alla v. m. une presa di tobacio di *questa scatola.* Король его поцѣловалъ, объяснились; а вышло все придворная интрига.

*

Москва, 22 Апрѣля 1821.

Піемонтскія дѣла почти кончены. Пусть говорятъ, что хотятъ, а Sainte Alliance спасла Европу отъ большихъ бѣдъ, и Лейбахскій конгресъ важнѣе будетъ въ исторіи многихъ другихъ и именно Ахенскаго. Я вчера дразнилъ Сачи; онъ все твердитъ, что была измѣна, что Филанжіеро, Каракоза, Ферделли въ душѣ своей всегда были преданы королю. Это-то именно и доказываетъ, что революція никѣмъ одобрена не была, что въ ней дѣйствовали только два или три плута и что правое дѣло рано или поздно должно восторжествовать. Теперь твердитъ дурачина: Le but des patriotes est atteint.—Mais quel but? De

*) Т. е. Петербургскаго митрополита Михаила.

fuire les poches pleines, après avoir mis le pays en combustion?—Non, voyez vous, cela fera faire des réflexions au roi, il modérera son despotisme.—C'est la première fois que j'entends citer le despotisme de roi du Naple. Экое животное; только его всѣ осмѣяли.

Я думаю, что не бывало еще никогда пріятнѣйшей войны какъ эта для Австрійцевъ: прогулка въ прелестной землѣ, да еще и въ Сициліи побываютъ. Стало, наши дѣла у Порты идутъ хорошо, ежели Строгонову дали чинъ. Не слыхать, чтобы принцъ Мекленбургскій пріѣхалъ. Собранія наши было закрывать, но мы положили дать еще одинъ балъ для него. Тутъ увидитъ нашихъ красавицъ. Кажется, Юсуповъ даетъ ему праздникъ въ Архангельскомъ.

*

Москва, 23 Апрѣля 1821.

Вяземскій кланяется тебѣ и Тургеневу. Вчера были мы вмѣстѣ у Пушкиныхъ, которые также тебѣ всѣ кланяются хоромъ. Софьиному малюткѣ сдѣлали операцію, сшили губочку; все это совершилось менѣе нежели въ минуту, такъ что онъ и кричать не успѣлъ; думаютъ, что къ Воскресенью все зарастетъ. Къ намъ хотѣли быть поутру Пушкины, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ лѣтній садъ набирать фіалокъ. Всѣ боялись за бѣдную Ричи, даже бабушка сама. Вчера вечеромъ получилъ я отъ него записку, коею увѣдомляетъ меня, что жена благополучно родила дочь Александру, чему я очень радъ; также боялся я очень, чтобы не грянулъ сумасбродный Петръ Михайловичъ *) и не напроказилъ бы опять, какъ въ Парижѣ, гдѣ, чтобы испытать любовь своей дочери, онъ распустилъ слухъ, что онъ умеръ скоропостижно на улицѣ, отъ чего дочь тогда выкинула и чуть не умерла. Ужо поѣду ихъ поздравить. Шатаясь по лавкамъ безъ цѣли въ великій постъ, нашелъ я случайно портретъ масляными красками, прекрасно писанный, но нѣсколько замасленный, князя Гр. Ал. Потемкина. Просили 120, я долго волочился, ходилъ; наконецъ, боясь упустить его, купилъ за 90, отдалъ реставрировать за 15; теперь выходитъ, что это работы славнаго Вуаля, выписаннаго Екатериною до Лампія, и Аргуновъ, самъ этимъ занимающійся, цѣнитъ мою покупку въ 400 и 500 р. Князь въ большомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ. Давно хотѣлось мнѣ имѣть портретъ этого необыкновеннаго человѣка, бывшаго другомъ и благодѣтелемъ покойнаго батюшки. Теперь закажу хорошенькую рамку.

*

---

*) Т. е. Лунинъ, отецъ графини Ричи (скончавшейся въ наши дни, въ глубочайшей старости, въ селѣ Раменскомъ, у князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго).

Москва, 25 Апрѣля 1821.

Сейчасъ былъ Чумага у меня, сказывалъ, что есть очень свѣжія извѣстія изъ Царьграда, откуда ѣдетъ Катакази, служащій при нашей миссіи, коего Строгоновъ посылаетъ съ рѣдкимъ собраніемъ медалей ко двору. Греки превозносятъ Строгонова; онъ своею твердостію и рѣшительностію избавилъ Грековъ и даже вообще христіанъ отъ страшнаго кровопролитія; даже другіе министры ищутъ его покровительства. Порта въ большомъ недоумѣніи, а Англичане косо смотрятъ на вліяніе наше. Весь гнѣвъ черни и янычаръ обратился на муфтія, который въ совѣтѣ также противился убіенію Грековъ, говоря, что они подданные Порты, а не невольники. Султанъ для удовлетворенія янычаръ смѣнилъ муфтія и визиря, но Греки всѣ были спасены. Строгоновъ, чтобы лучше дѣйствовать, переѣхалъ жить въ Перу. Султанъ все самъ ведетъ переговоры, и Строгонову назначена была торжественная аудіенція у султана; оною кончатся совершенно всѣ негоціаціи наши съ Портою сходственно съ требованіями нашими. На патріарха султанъ надѣлъ кафтанъ; видно по всему, что Порта хочетъ прекратить все миролюбиво, но по несчастію Греки не такъ поступаютъ: они въ Мореѣ перерѣзали Турокъ обезоруженныхъ.—Нашъ князь Голицынъ конечно милый человѣкъ, всѣ подчиненные и адъютанты его любятъ какъ отца и брата, самаго пріятнаго обхожденія; ожидаютъ его сюда обратно на дняхъ. Качели подъ Новинскимъ не снимали, комедіи и все гульбище еще невредимы. Вчера было тамъ множество. Принцу Мекленбургскому очень это понравилось. Поутру былъ онъ тамъ въ коляскѣ, а послѣ обѣда верхомъ. Въ день своего пріѣзда поутру явился принцъ къ графу Толстому, яко генералу Преображенскаго полка, коего онъ только полковникомъ; странно было видѣть принца съ Андреевскою звѣздою, въ полковничемъ мундирѣ съ каскою.

Вчера было приглашеніе 4-мъ классамъ явиться во дворецъ Ник. Павловича *), гдѣ онъ живетъ, чтобы ему представиться. Я виноватъ, полѣнился мундиръ надѣть; всѣ бывшіе приглашены его высочествомъ сегодня на обѣдъ, въ томъ числѣ и Карнѣевъ; вчера былъ у него обѣдъ для военныхъ. Завтра даемъ ему балъ въ собраніи, а въ Среду балъ въ отдѣленіи, куда и принцъ приглашенъ. Того и гляди, что завеселится и долѣе здѣсь проживетъ, нежели думалъ. Очень любитъ нашъ незавидный театръ, въ коемъ бываетъ всякій день; ему готовятъ даже и медвѣжью травлю. Юсуповъ приставилъ къ нему Бергмана.

*) Т. е. въ нынѣшній Малый Кремлевскій дворецъ.

Москва, 26 Апрѣля 1821.

Я видѣлъ дилижансы; спасибо Рудину, прислалъ мнѣ одну, и я насмотрѣлся, сидѣлъ въ ней и проѣхалъ съ Вяземскимъ по улицѣ. Прекрасно и покойно; ему такъ понравилось, что онъ княгиню отпускаетъ въ каретѣ, а самъ ѣдетъ въ Петербургъ въ дилижансѣ. Мы обѣдали съ нимъ у имянинника В. Л. Пушкина, гдѣ много мы смѣялись: всѣ вспоминали тебя и пили твое здоровье. Дай-ка разскажу день по порядку. Пушкина велѣла звать къ себѣ, что имѣетъ нужду: стара шутка! Тутъ опять записка. Venez, mon cher Alexandre, j'ai à vous parler d'affairs. Нечего дѣлать, бросилъ перо, пошелъ къ ней пѣшкомъ, ибо лошадей отдалъ поповнѣ, разъѣзжающей съ визитами послѣ свадьбы. Софьѣ отдалъ шелки и поцѣловалъ отъ тебя ручку. Графиня дала мнѣ негоціяцію къ принцу или его гофмаршалу касательно ея Александра*), коего тѣло похоронено въ герцогскомъ саду, и она желаетъ, чтобы принцъ позволилъ ей сдѣлать на томъ мѣстѣ монументъ покойному и пр. Она желала, чтобы Волковъ за это взялся, ибо я не представлялся; но вышло, что сегодня въ вечеру я самъ это выполнилъ. Я принцу слилъ пульку, что не могъ представиться ему, потому что мнѣ зубъ вырвали; говорилъ съ нимъ о покойномъ его отцѣ, коего очень зналъ въ Карлсбадѣ, о Москвѣ и пр., потомъ познакомился съ барономъ Люциновъ, оберъ-гофмаршаломъ (человѣкъ умный и порядочный) о дѣлѣ графини; онъ очень обрадовался, что нашелъ случай tirer cela au clair, обѣщался все сдѣлать и просилъ, чтобы графиня адресовала ему прямо и человѣка и памятникъ, когда пошлютъ его на мѣсто. Между прочимъ очень хвалилъ твои устройства почтовыя, говорилъ que tout le monde et surtout le commerce sont contents de s'activité et du l'ordre qui s'établit dans la direction des postes. Я бы его такъ и расцѣловалъ! Какой охотникъ принцъ танцовать! Урусова не промахъ, онъ и ее замучилъ въ котильонѣ; открылъ балъ съ фельдмар. Каменскою, потомъ съ Апраксиною и такъ далѣе, съ нашею Варенькою Голицыною танцовалъ Французскую кадриль, и я все ее дразнилъ, что она съ тѣхъ поръ ни на кого глядѣть не хочетъ. Пошли ужинать, а я домой тебѣ писать. Старый хрычъ Юсуповъ, чего бы дать самому балъ, вынудилъ балъ у Потемкина, на который давича и меня звали графиня и мужъ ея. Балъ завтра. Ну ужъ достается принцу! Обѣдалъ въ Васильевскомъ у Юсупова, потомъ давали ему въ звѣринцѣ медвѣжью травлю, тамъ была садка, онъ самъ гонялъ зай-

*) Графъ Александръ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ убитъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 году.

цовъ и, говорятъ, лихо ѣздитъ верхомъ, потомъ былъ въ театрѣ, а тамъ одѣвшись явился въ собраніе, гдѣ и ужинать будетъ. Завтра обѣдъ для него у князя Серг. Мих. Голицына, а послѣзавтра въ отдѣленіи балъ, и онъ съ бала ѣдетъ въ путь, очень сожалѣя, что не будетъ на гуляньѣ 1-го Мая.

*

Москва, 28 Апрѣля 1821

И сегодня день безпутный! Ты меня пожуришь, любезный братъ: предаю тебѣ повинную голову, но каюсь, что я съ балу Потемкина воротился въ 6 часовъ и оставилъ тамъ принца танцующаго, многихъ стариковъ, сидящихъ на балконѣ и смотрящихъ на восходящее солнце, а Вяземскаго и другихъ играющихъ въ квиндичи. Вотъ какъ дѣло было. Захотѣлось мнѣ ужинать; по несчастію, былъ только одинъ большой столъ; сѣвъ за него возлѣ Ричи, долженъ былъ дождаться конца, а ужинъ продолжался до трехъ часовъ слишкомъ. Вставши хочу ѣхать, протанцовавъ Польскій; идетъ хозяйка, я съ удивленіемъ вижу, что въ концѣ платка виситъ престранный ключъ. Que veut dire cela? Est-ce une mode de Paris d'avoir sur soi la clef de la cave? Прихожу къ дверямъ передней—заперто; швейцаръ говоритъ: нельзя ѣхать, ваше пр—во, графъ изволилъ самъ запереть дверь, а графиня и ключъ изволила къ себѣ взять. Такъ вотъ что это за ключъ! Точно никого не пустили домой; иные серьезно сердились, et en autres губернаторъ, который сказалъ швейцару: отвори; я, братецъ, губернаторъ; мнѣ пора ѣхать въ Губернское Правленіе. Домъ великолѣпенъ, убранъ со вкусомъ, но многое мнѣ не нравилось и походило на домъ какого-нибудь parvenu; казачковъ съ десятокъ въ бѣлыхъ кафтанахъ съ галуномъ *и свѣтло-голубые бархатные* панталоны. У дверей залы всѣ дѣвушки и дворня стояли, такъ что прохода не было. Принчикъ танцовать охотенъ, всѣхъ дамъ замучилъ. А бѣдныхъ Вяземскихъ опрокинули въ ямской каретѣ; онъ упалъ на нее, сдѣлалъ ей шишку на лбу, которая, однакоже, почти непримѣтна была въ вечеру, но онъ очень ушибъ ногу, и его подняли почти безъ чувствъ, хромалъ, но не утерпѣлъ, пошелъ вальсировать, разбередилъ пуще ногу и долженъ былъ конецъ вечера играть въ карты. А кучеръ и лакей очень серьезно разбились, всѣ стекла перебило, и княгиня головой очутилась на мостовой. Чудо, какъ не изуродовали себя. Вяземскій очень меня насмѣшилъ: говоритъ, что Австрійцы, входя въ Неаполь, пѣли хоромъ: o la placida campagna! и подлинно такъ. О графствѣ Сакена сказывалъ вчера Керестури.

И у насъ были вчера двѣ свадьбы: 1-я генерала Игнатьева съ Барышниковою, 2-я—Муромцова, Матюшина брата, со внучатною се-

строю его Бибиковою. Матюша явился сюда на три дня. Я его нечаянно встрѣтилъ на Кузнецкомъ мосту, который, par parenthèse, исчезаетъ: мѣсто это равняется, и будутъ дома, съ одной стороны Татищева моего, а съ другой не знаю чей. Смѣшно, что будутъ говорить: пошелъ на Кузнецкій мостъ, et pas plus de pont que de chien vert.

Принца здѣшняго берегутъ какъ дѣвочку, а Бергманъ вчера возилъ его (видно, по внушенію стараго Юсупова) къ Жаксону, смотрѣть, какъ случаютъ жеребцовъ . . . . Каковъ Потемкинъ! Онъ обѣдалъ у принца; тотъ par courtoisie за столомъ послалъ ему штукъ 20 клубники свѣжей, а вчера для 150 персонъ было мороженое изъ свѣжей клубники. Адъютантъ принца не могъ это постигать, ѣстъ и плечами пожимаетъ.

*

Москва, 29 Апрѣля 1821.

Ай да отдѣленіе! Задало преславный праздникъ принцу Мекленбургскому. Я похвастался, что рано оттуда уѣду, но не тутъ-то было: потанцовалъ, захотѣлось ѣсть, сѣлъ ужинать съ Пушкинымъ. Это первый выѣздъ Софіи, которая была нянею Вареньки [1]), и нянею очень не жестокосердою. Принцъ, для котораго не довольно было одного котильона, до ужина, началъ другой еще послѣ. Урусова меня сама позвала, не могъ я ей отказать; только я домой пріѣхалъ въ 4 часа. Принцъ требовалъ, чтобы я началъ la greque, и я вспомнилъ старину; досталось всѣмъ. Онъ просилъ меня представить его Пушкинымъ, и онъ самъ подтвердилъ Варенькѣ все, что̀ Лютцовъ мнѣ сказалъ намедни касательно монумента покойному Александру. Во время ужина директоръ подошелъ съ бокаломъ Шампанскаго, и пили за здоровье его высочества; онъ самъ сдѣлалъ тоже и благодарилъ ихъ рѣчью, отъ коей чувствительнѣйшіе изъ директоровъ плакали, а покрѣпче духомъ только прослезились. Съ балу долженъ былъ ѣхать принцъ. Онъ чрезвычайно доволенъ Москвою, взялъ на память виды города, всѣ музыки, которыя играли на балахъ, очень восхищался младшею Урусовою, которая по его словамъ очень напоминаетъ ему невѣсту его. И онъ очень здѣсь всѣмъ понравился своею учтивостію и добротою, а ужъ страшный охотникъ танцовать. Старики, знавшіе его покойную мать [2]), смотрѣли на него съ особеннымъ чувствомъ благоволенія. Множество было людей вчера, и всѣ теперь въ восхищеніи

---

[1]) Младшая изъ графинь Мусиныхъ-Пушкиныхъ, или Разгуляевскихъ графинь, какъ звалъ ихъ князь П. А. Вяземскій, потому что домъ ихъ былъ на Разгуляѣ (нынѣ 2-я гимназія). Она вышла замужъ за князя Н. И. Трубецкаго (Nain Jaune).

[2]) Бывшую нашу великую княжну Елену Павловну (ум. въ 1803).

отъ отдѣленія. Множество знакомыхъ (pour en revenir à votre création), бывшихъ вчера въ отдѣленіи, спрашивали о тебѣ: Софья Александр. Волкова, Чертковъ, Карнѣевъ, Карестури, Вяземскій, но гдѣ всѣхъ упомнить; а послѣдній какъ ни въ чемъ не бывало и говоритъ, что кто хочетъ себѣ привить охоту къ танцамъ и легкость въ вальсѣ, долженъ велѣть кучеру опрокинуть себя въ каретѣ.

Видѣлъ я также Баранова: это авангардъ князя Дмитр. Влад. Онъ очень тебя благодаритъ, что ты доставилъ ему возможность сдѣлать часть дороги въ дилижансѣ, который очень хвалитъ. Я тебя абонировалъ на путешествіе въ Туркменію и Хиву, весьма любопытная книга, коей 1-я часть выйдетъ въ Декабрѣ. Сочинитель ея Муравьевъ, одинъ изъ сыновей Ник. Ник., былъ при Ермоловѣ, или посыланъ въ этотъ край, коего выучился языку; тамъ его взяли въ плѣнъ, много было приключеній. Говорятъ, что это все прекрасно будетъ описано съ видами, съ разными планами и рисунками. Ник. Ник. завезъ мнѣ самъ наши два билета, но я думаю лучше твой сохранить у себя здѣсь до поры и времени и доставить тебѣ первую часть, когда выйдетъ. Теперь заплатилъ я только 25. Я трактую съ Селивановскимъ, продаю ему манускриптъ трудовъ нашихъ съ Метаксою; я думаю, что устроилъ это, такъ и хлопотъ менѣе, а для выгоды Метаксы выговорю себѣ 100 экземпляровъ, которые и буду продавать знакомымъ какъ можно дороже.

*

Москва, 2 Мая 1821.

Ну, сударь, нашъ принцъ уѣхалъ, очень доволенъ Москвою. Сдѣлалъ много подарковъ. Озерову прекрасную табакерку съ шифромъ, Толстому, адъютанту кн. Дм. Волод. (сынъ Сергѣя Васил.), перстень съ шифромъ, Бергману idem безъ шифра; полицеймейстерамъ перстни безъ шифра и очень неважные; странно, что тоже самое получилъ нашъ экономъ Благороднаго Собранія. Бергмана такъ напугали спектаклемъ, даннымъ у Джаксона принцу, что онъ просилъ его свѣтлость попросить кн. Серг. Мих. Голицына не писать объ этомъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, что̀ тотъ и обѣщалъ.

Вчера къ Ричи пріѣхалъ Нащокинъ отъ митрополита, который разсказывалъ ему о полученномъ имъ рапортѣ касательно одного чудеснаго происшествія или просто *чуда*. Дѣвушка старая, слѣпая, нѣмая и глухая, видитъ сонъ, что Ангелъ велитъ ей пойти въ такую-то церковь; пришедъ туда, видитъ въ алтарѣ сидящаго монаха; онъ ее благословляетъ и говоритъ ей: вѣра твоя тебя спасаетъ, ты обременена немощами, ты не роптала, сносила все съ терпѣніемъ, полагалась

на Бога; знай же, что въСвѣтлое Христово Воскресенье ты будешь видѣть, говорить и слышать.Знай это и молчи! Только въ праздникъ она встаетъ; увидя образъ свой въ зеркалѣ, столь изумилась, что осталась неподвижною. Мать входитъ ее поздравить съ праздникомъ, удивляется, что слѣпая смотрится въ зеркало, говоритъ: что̀ ты дѣлаешь? Дочь оборачивается, увидя мать, падаетъ въ обморокъ, только приходитъ въ себя и разсказываетъ матери, что̀ съ нею было. Послано сдѣлать слѣдствіе на мѣстѣ, и привезли сюда и мать, и дочь. Я увѣренъ, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго; но чудеса — событія вѣковъ прошедшихъ, а не нынѣшняго: люди такъ умны, ихъ можно обращать къ Богу разсудкомъ, не дѣйствуя на воображеніе и не поражая чувства ихъ чудесами. Вашъ ипохондрикъ Тургеневъ долженъ en savoir quelque chose. Теперь всѣ объ этомъ только и говорятъ.

Благодарю за первый № Рецензента, это обогащаетъ; впрочемъ, всѣ первые №№ всѣхъ выходящихъ журналовъ всегда хороши, ma foi. Это другая статья. Такъ какъ этотъ 1-й № не что иное, какъ galanterie Сына Отечества, желающаго ознакомить своихъ читателей съ симъ новымъ журналомъ, то прошу тебя абонировать меня на Рецензента, да уже и доставлять его мнѣ съ письмами твоими.

Вчера было-таки гулянье. Послѣ проливного дождя, подъ вечеръ разгулялось, показалось солнце, и ревностные охотники пустились часу въ восьмомъ въ Сокольничью рощу. Ко мнѣ пріѣхалъ Керестури, я велѣлъ запрячь коляску, и мы пустились туда; былъ часъ девятый, мы видѣли всѣхъ, но уже возвращающихся домой по страшной грязи; для пѣшеходовъ невыгодно было. Вечеръ провелъ я у Пушкиныхъ, гдѣ былъ также Вяземскій; онъ мнѣ сказывалъ, что Тургеневъ ѣдетъ къ какимъ-то водамъ въ Россіи, а Сер. Уваровъ идетъ въ отставку, но ты не пишешь ни о томъ, ни о другомъ. Шаховская была у Бальменши, которая не могла ѣхать въ деревню съ Митюшею: больна, кашляетъ, точно какъ нѣкогда Самарина, Анна Петровна. Вчера же слышалъ я отъ И. П. Нарышкина, что Альбинія *) повезъ Трубецкой въ Ярославль, къ женѣ Сипягина, которая опять занемогла. Ну, сударь, этотъ разъ Баранова точно идетъ замужъ, ибо помолвка была, жениха хвалятъ: нѣкто Шишкинъ, отставной уланъ, съ имѣніемъ, съ фигурою и воспитаніемъ; вчера говорили, что она его не стоитъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ она отказала генералу Засу, который, видно, ея не стоитъ. Свидѣтельство тетушкино послалъ я подписать Обрѣзкову; ежели во время принесутъ—приложу, а не то ужъ завтра

*) Славный докторъ.

доставлю тебѣ съ тяжелою. Да вотъ оно и явилось. Теперь были Исленьевы и сказывали, что у бѣдной Марьи Васильевны Талызиной умерла сегодня единственная прекрасная дочь. A propos: анекдотъ. Вчера, какъ я писалъ тебѣ, былъ проливной дождь; старуха Афросимова спала и валялась цѣлый день, подъ вечеръ видитъ время хорошо, закладывай карету, ступай на гулянье; грязно, подзываетъ полицмейстеровъ и ругаетъ по обыкновенію: заставь дураковъ Богу молиться, такъ лобъ разобьютъ; вы боялись пыли, а теперь такъ много полили водою, что грязь по колѣно. Si non è vero, è ben trovato.

*

Москва, 5 Мая 1821.

Анекдоты Сабанѣевскіе прочтя, тебѣ возвращу, а ты не говоришь, что̀ дѣлать съ Sac Blanc, возвратить ли; я давно это прочелъ.—Только и было дурного, что 1-е Мая, теперь опять славная погода, хотя и холодноватъ воздухъ. О нашемъ отъѣздѣ еще не знаю ничего, и вотъ почему: Дм. Бор. Мертваго наговорилъ мнѣ чудеса о дѣлаемыхъ здѣсь докторомъ Каррасомъ fumigations sulfureuses, коихъ модель привезена изъ Вѣны; это лучше ваннъ для ревматизмовъ и всякихъ кожныхъ болѣзней. Я видѣлъ это заведеніе: прекрасно, соблазняетъ меня. Мертваго разсказывалъ мнѣ чудесныя вылѣчиванія. Гр. Зотовъ вылѣчился отъ страшной сіятики, которая не позволяла ему ни ходить, ни сидѣть. Хотя, не чувствуя болей, и не имѣю великой надобности, но хочется взять ваннъ съ десять. Поговорю также и съ Пфелеромъ. Кн. Дм. Волод. все еще не бывалъ сюда, но я слышалъ, что онъ у Васильчикова *), пробудетъ двое сутокъ въ Твери и проѣдетъ въ свою подмосковную. Мнѣ кажется, что на первый случай лучше бы дилижансы завести до Троицы, куда есть всякій день охотники, а въ Нижній будутъ ѣздить только во время ярмарки.

Вчера обѣдали мы у Волкова. Были: Вяземскій, Вас. Львовичъ, Фастъ, ген. Турчаниновъ, нашъ старый знакомый, Мертваго, Озеровъ и пр.; былъ тутъ и Попандопуло, который внѣ себя: выдержалъ экзаменъ и теперь можетъ кого хочетъ лѣчить. Просилъ сообщить и тебѣ это важное происшествіе и просилъ рекомендовать его всѣмъ моимъ знакомымъ. Сегодня обѣдаютъ тѣже почти у Алекс. Павл. Афросимова; не хочется, а надобно ѣхать для Вяземскаго. Онъ собирается уже въ свое Остафьево на три дни и, воротясь оттуда, не долго уже здѣсь поживетъ и отправится къ вамъ; говоритъ, что на недѣлю, а забыв-

*) Князь Д. В. Голицынъ и Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ были женаты на родныхъ сестрахъ Пашковыхъ.

шись вѣрно и мѣсяцъ проживетъ [1]). Афросимовъ задалъ славный пиръ, все было, даже пѣсенники, насилу отдѣлался; иные сѣли играть въ квиндичи, другіе въ вистъ, а я отбоярился и уѣхалъ. Завтра думаемъ мы ѣхать съ Волковымъ къ Вяземскому въ Остафьево; не знаю, состоится ли это: зависитъ отъ Волкова, который меня везетъ на своихъ животахъ; къ вечеру будемъ опять назадъ. Новаго у насъ нѣтъ ничего совершенно. A propos: я отыскалъ батюшкину собственноручную записку объ нашемъ рожденіи. Вотъ что написано: Александръ родился въ Перѣ 1781 Ноября 15 (26), въ $^3/_4$ перваго часа пополуночи. Константинъ—1782 Декабря съ 30 на 31, въ часъ пополуночи. Забавно то, что я ни того, ни другого хорошенько не зналъ, и о тебѣ былъ всегда споръ, то вотъ и разрѣшеніе. Стало быть тебя съ *ревелiонами* [2]) праздновать.

*

Москва, 7 Мая 1821.

Побѣда Али-паши подтверждается письмомъ изъ Херсона, полученнымъ Метаксою сейчасъ изъ Херсона, отъ какого-то моряка. Онъ даетъ всѣ подробности. Сраженіе было у города Веріа 17-го Февраля. Турки потеряли 2000 убитыми и 1500 плѣнными и множество оружія. Ихъ совершенно разсѣяли. Али-паша долженъ имѣть къ 1-му Апрѣля 40,000 войска одной пѣхоты. Еще достовѣрно то (сказывалъ Метакса, слышавшій отъ пріѣзжаго изъ Николаева), что Грейгъ отправилъ къ Царьграду бригъ, въ коемъ всѣ матросы отборные, и бóльшая часть изъ нихъ ничто иное, какъ переодѣтые морскіе офицеры. Полагаютъ, что бригу велено увезти изъ Царьграда Строгонова со всею миссіею.

*

Москва, 9 Мая 1821.

Жаль очень бѣдныхъ Трапандосовъ; война эта беретъ кровавый оборотъ, и можно предвидѣть, что, по согласію всѣхъ дворовъ вооружаться противъ всякаго рода неповиновенія, Грекамъ не позволятъ быть Спартанцами. Все это дѣлается не во время. Мы вели съ Турками войну пять лѣтъ; ежели бы Греки сдѣлали тогда половину тѣхъ усилій и пожертвованій, которыя дѣлаютъ теперь, Туркамъ было бы плохо, а теперь все это ни къ чему не ведетъ.

*

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій прожилъ въ Петербургѣ до 14 Іюня 1826 г. Новосильцовъ написалъ ему что за нескромные разговоры о политикѣ не велѣно ему возвращаться въ Варшаву. Государь (три года назадъ посѣщавшій даже князя и княгиню Вяземскихъ въ Варшавѣ) сказалъ Карамзину, что князь можетъ имѣть мѣсто въ Петербургѣ, если хочетъ; но князь не захотѣлъ (см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 208—310).

[2]) Reveillon—встрѣча новаго года.

Москва, 12 Мая 1821.

Обѣдалъ я у Волкова, любезный братъ, нашелъ тамъ страшную тревогу и бѣдную Софью Александровну въ большомъ смущеніи. Съ третьяго этажа такъ называемыхъ кавалерскихъ корпусовъ, въ одномъ изъ коихъ на грѣхи свои жилъ Закревскій, упалъ ребенокъ, пятилѣтній, сынъ или дочь какого-то придворнаго фурьера, и, какъ можно себѣ представить, убитъ до смерти. Родители въ отчаяньи, но вся ихъ вина. Какъ оставить ребенка одного, или не сдѣлать рѣшетокъ на окнахъ? Одинъ изъ людей видѣлъ готовящуюся бѣду, кричалъ: возьмите ребенка, возьмите! Никого не было на бѣду, и ребенокъ, играя какой-то тряпочкою, упалъ. Ужасно! Но это ничего въ сравненіи съ ужасною исторіей, случившейся около Тулы и которую описываетъ Волкову подробно плацъ-адъютантъ Ефремовъ, поѣхавшій въ Тулу. На досугѣ я тебѣ разскажу, какъ можно короче. Радклифша сама выдумать бы не могла ничего страшнѣйшаго. Помощникъ Тульскаго форштмейстера, имѣя препорученіе объѣхать, размежевать или продать какой-то казенный лѣсъ, переѣхалъ туда, построилъ себѣ избушку изъ двухъ комнатъ среди лѣса, гдѣ проходила дорога, и жилъ тамъ съ женою, двумя дѣтьми и двумя солдатами, изъ коихъ одинъ бурлакъ и пьяница, а другой, по имени Семенъ, имъ облагодѣтельствованный, давно у него жилъ и пользовался его довѣренностью. Однимъ утромъ этотъ помощникъ идетъ съ ружьемъ стрѣлять дичь, беретъ съ собой негодяя, а вѣрнаго Семена оставляетъ съ женою, обѣщаясь скоро воротиться. Уходитъ. Семенъ является къ барынѣ. Долго спорили; наконецъ онъ ей объявляетъ, что она можетъ откупиться одними деньгами, а не то онъ грозилъ ее изнасиловать, и показалъ спрятанный за пазухою ножъ. Барыня испугалась, согласилась отдать деньги и прибавила: иду за ними въ ту комнату. Между тѣмъ, войдя туда, заперлась ключомъ, и ну кричать во все горло, прося помощи. Семенъ долго ее уговаривалъ отворить и молчать, но, видя, что все не помогаетъ, сталъ грозить, что убьетъ бывшаго съ нимъ старшаго сына барыни. Эта, думая, что это только угроза, продолжала кричать. Злодѣй сдержалъ слово и зарѣзалъ сына. Немного погодя, мать слышитъ вопли дочери, которая упрашивала мать отворить, говоря, что Семенъ убилъ братца, хочетъ и ее убить. Мать, въ безпамятствѣ, все кричала. Злодѣй къ первой жертвѣ присоединилъ и другую, и сталъ выламывать дверь. На ту пору скачетъ мимо офицеръ; слыша крикъ въ лѣсу, онъ остановился и послалъ своего денщика посмотрѣть, что́ происходитъ въ избушкѣ. Денщикъ старался обезоружить Семена, получилъ двѣ раны ножемъ, но былъ очень силенъ, боролся еще съ нимъ; офицеръ, не видя возвращенія

своего денщика, самъ соскочилъ съ телѣги и побѣжалъ въ избушку. Узнавъ отъ раненаго своего денщика, чтó произошло, онъ такъ былъ взбѣшенъ на Семена, выломившаго уже почти дверь къ барынѣ, что, выхватя Турецкую свою саблю, раздробилъ ему черепъ. Въ самую эту минуту возвращается съ охоты мужъ. Видя двухъ убитыхъ своихъ дѣтей, плавающаго въ крови вѣрнаго Семена, раненаго денщика и офицера съ окровавленною въ рукахъ саблею, онъ хладнокровно беретъ заряженное свое ружье, кричитъ: умри, извергъ! и прострѣливаетъ сердце несчастнаго офицера, избавителя своего. Узнавъ свое несчастіе, онъ впалъ въ безуміе, равно какъ и жена его. Она въ бѣшенствѣ ужасномъ, а онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ и въ величайшемъ отчаяньи, видя все тѣнь несчастнаго офицера. Ихъ, говорятъ, везутъ сюда, чтобы стараться вылѣчить, если возможно. Какое ужасное происшествіе и сколько невинно погибшихъ! То-то твои барыни расплачутся и напугаются.

Спасибо за пріятное увѣдомленіе о скоромъ прибытіи Государя [1]. Это всѣхъ очень обрадуетъ. Только одному Государю послѣ толикихъ трудовъ придется и дома много работать: то-то, я думаю, накопилось дѣлъ! Я надѣюсь и увѣренъ, что въ твоей дирекціи все будетъ очень исправно, а до Литовской намъ какое дѣло! Вотъ ежели поѣдетъ Государь въ Малороссію, то тутъ ужъ другое дѣло.

Князь Дм. Волод. пріѣхалъ въ городъ вчера. Онъ будетъ, я думаю, очень сожалѣть, что не дождался Государя. Сегодня у Василія Львовича прощальный вечеръ для Вяземскаго. Сейчасъ одѣваюсь и туда ѣду, онъ уже два раза за мною присылалъ.

Москва, 13 Мая 1821.

Вчера Василій Львовичъ задалъ намъ славный вечерокъ, а особенно ужинъ былъ хорошъ [2]. Многіе измѣнили, но все таки было человѣкъ съ десятокъ. Малиновскій пріѣхалъ нечаянно; хозяинъ его удержалъ. Celui-la n'était pas trop à son aise. Во первыхъ, его закурили; а потомъ сенаторская его важность приведена была въ замѣшательство отъ вольныхъ шутокъ Алекс. Мих. Пушкина, у коего, какъ всегда, была схватка съ хозяиномъ. Алекс. Мих. безъ обиняковъ разсказывалъ fra altro, какъ онъ съ Яковомъ Грузинскимъ и Киселевымъ втроемъ выиграли болѣе 200 т. р. у такъ называемаго enfant prodigue Долгорукова, который теперь совсѣмъ голъ, и жена объявила ему, что

---

[1] Послѣ многомѣсячнаго отсутствія, Александръ Павловичъ возвратился изъ чужихъ краевъ въ Царское Село въ началѣ Іюня 1821 года и на другой же день цѣлый часъ бесѣдовалъ съ Карамзинымъ о политическихъ дѣлахъ (см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 303).

[2] В. А. Пушкинъ славился крѣпостнымъ своимъ поваромъ Власіемъ, котораго звалъ Blaise.

изъ своихъ 2000 душъ не дастъ ему ни алтына, а сбережетъ ихъ для дѣтей. Пушкинъ собралъ всѣ свои сочиненія, перепишетъ ихъ на бѣло и отдастъ Вяземскому для врученія ихъ Тургеневу, которому предоставляетъ ихъ напечатать; но тутъ не будетъ Буянова. Американецъ Толстой говоритъ, что это une production immorale. Почему же? Потому что тутъ нападаютъ на Цыганокъ (мало, и на его жену). Мы просидѣли и проболтали до половины второго.

Пришли рѣчи Фокса и Питта. Первый нѣкогда былъ большимъ защитникомъ Россіи и Екатерины. Любопытно читать всѣ эти подробности, только куда бы хорошо добиться Наполеоновой офиціальной корреспонденціи: это еще любопытнѣе. Мнѣ далъ Керестури прочесть брошюрку Биньона sur le congrès de Troppau; есть прекрасныя мысли, но много вздору и пустыя блестящія фразы, на которыя легко можно сдѣлать возраженія. Послѣдствіе показало, что онъ сильно ошибся на счетъ всего того, что̀ говорилъ о Неаполитанцахъ.—Нижегородское чудо уступило мѣсто страшной Тульской исторіи. Вчера Василій Львовичъ ее разсказывалъ, дрожалъ и потѣлъ, повторяя: ужасно! А Алексѣй Мих. говоритъ вдругъ, выслушавъ: какъ ты, братецъ мой, глупъ!—Почему я глупъ? Самъ ты глупъ!—Ты глупъ, я тебѣ докажу, ничего не помнишь. Ты читалъ 1001 ночь?—Конечно.—Ну тамъ эта точно исторія въ одно слово, только вмѣсто форшмейстера—кади, вмѣсто деньщика—янычаръ и пр. Только Вас. Льв. призналъ, что быть можетъ, но что не помнитъ: читалъ 1001 ночь въ молодости. Ежели бы не засмѣялись, онъ бы всему этому повѣрилъ.

Я читалъ въ газетахъ объявленіе о собакѣ, нельзя было не напечатать: нѣтъ ничего кидающагося въ глаза или дающаго подозрѣніе; не всякій знаетъ, что есть человѣкъ съ именемъ Крогера, почему собакѣ такъ не называться; только остраго тутъ нѣтъ ничего.

Благодарю за Рецензента напередъ. Я всѣ журналы очень люблю. Получаешь ли ты Вѣстникъ Европы? Говорятъ, что въ послѣднемъ № опять были нападки на Вяземскаго.—Катерина Семеновна Тургенева горюетъ о Сергѣѣ, фаворитѣ своемъ. Мнѣ сказывали, что ее кто-то успокоилъ, взявъ за слабую струну, а именно, что Сергѣю нечего бояться, что султанъ ихъ посадитъ въ Семибашенный замокъ, и что, по выходѣ оттуда, Сергѣю дадутъ по крайней мѣрѣ 1000 душъ.—Что̀ бы тебѣ сказать новаго? Да, красавица моя m-lle Schitz помолвлена за Щербатова le polichinelle, бывши въ бѣгахъ съ адъютантомъ; но говорятъ, что онъ надѣлалъ пропасть долговъ. Бѣдный Козловъ Ив. Ив., бывшій славный нѣкогда танцовщикъ, давно лежащій безъ ногъ, нынѣ еще ослѣпъ.

*

Москва, 16 Мая 1821.

Благодарю за сообщаемыя строки гр. Нессельроде; ну, кажется, идетъ къ тому все, чтобы скоро видѣть Государя возвратившагося. Третьяго дня пріѣхалъ сюда Нейгардъ изъ Лейбаха, но я его еще не видалъ; все, чтò слышалъ, есть то, что Государь на этотъ годъ не будетъ въ Москву (какъ думали); это большая новость для Москвичей, но не радостная.

Твой весь архивъ лежитъ у меня въ особенной комнатѣ въ деревнѣ. Какъ скоро будемъ тамъ, доставлю тебѣ всѣ требуемыя тобою книги, отыщу и Алексѣевскія письма и пришлю тебѣ тоже. Читалъ я въ газетахъ подробности заговора противъ короля Гишпанскаго; хорошъ и день выбрали! Чего они хотятъ, и я все не понимаю, почему королю отвѣчать за ошибки правительства, тогда какъ всѣмъ ворочаютъ кортесы? Король выходитъ истуканъ, образъ въ окладѣ, которому всѣ кланяются, но которому не дано могущества дѣлать чудеса. Развѣ имѣетъ король личныхъ непріятелей, это дѣло другое; нашелся пострѣлъ, который и Генриха IV заколол.

Вяземскій вчера пріѣзжалъ ко мнѣ прощаться. Мы были вмѣстѣ у Пушкиныхъ; онъ просилъ быть къ нему въ вечерни для вторичнаго прощанія, но я не попалъ, а потому нимало не ручаюсь, чтобы онъ выѣхалъ, тѣмъ болѣе, что коляска его чинилась еще, и отъѣздъ стало быть болѣе зависѣлъ отъ каретника, нежели отъ нашего пѣвца.—Володя Пушкинъ былъ посыланъ курьеромъ къ Витгенштейну. Онъ пишетъ, что бѣдный Барановъ, Крымскій губернаторъ, Александръ Николаевичъ*), умеръ въ Симферополѣ. Жаль! Это будетъ большой ударъ для родныхъ. Другой ихъ сынъ — неважная фигура, все его достоинство заключается въ простреленной на войнѣ рукѣ. Также пишетъ Володя, что Али-паша одержалъ большую побѣду надъ Турками, и что въ Царьградѣ была сѣча: истребили до 4000 Грековъ (въ томъ числѣ и другихъ христіанъ). Это продолжалось двое сутокъ, и султанъ долженъ былъ взять самъ оружіе, чтобы остановить ярость янычаръ. Вчера была свадьба дочери Кутайсова, вышедшей замужъ за сына князя Ѳедора Никол. Голицына, бывшаго при миссіи Дм. Павл. Татищева въ Мадритѣ. У насъ былъ Шагановъ и сказывалъ, что бѣдная Сипягина умерла послѣ родовъ отъ разлившагося молока.

*

---

*) Это былъ даровитый юноша, поэтъ и одинъ изъ пріятелей А. С. Пушкина, сынъ почетнаго опекуна и родной дядя Н. П. Шишкина.

Москва, 19 Мая 1821.

Очень тебѣ благодаренъ за предварительное извѣщеніе объ успѣхахъ негоціаціи съ Гольдбекомъ. Очень будетъ славное дѣло выиграть 6 дней, а то право стыдно слышать, что письмо изъ Парижа, бывшее мѣсяцъ въ дорогѣ, называютъ свѣжимъ. Это все хорошо, но еще бы лучше учредить почтовые пароходы до Любека или Гамбурга. Мнѣ все хочется, чтобы князь*) влюбился въ почтовую часть. Религія и просвѣщеніе свое возьмутъ: одна крѣпко вкоренена въ Русскомъ народѣ, другое идетъ какъ-то быстро само собою, а почтамъ надо помогать; пространство одно нашего государства требуетъ уже, чтобы сообщенія не затрудняли, а дѣлали бы удобнѣйшими и краткими. Эту страсть можешь ты князю привить въ частныхъ вашихъ разговорахъ. Кстати: Рушковскій разсказывалъ мнѣ очень плодовито, какъ Вяземскій дорогою растерялся и какъ около Дорогобужа нашли томъ Вольтера, между Дорогобужемъ и Вязьмою нѣсколько № Минервы, подъ Вязьмою или Гжатью, вѣроятно, Орлеанскую Дѣвку или Фобласа, Аріоста, Горація, а деньги-то, прибавилъ «Се бо», 50-то цѣлковыхъ, ихъ-то, вотъ евто-то—не нашли: видно, князь потерялъ ихъ подъ Варшавою или въ Литовской дирекціи.

Вчера мы на балконѣ у Пушкиныхъ пили чай, и вся семья тебя вспоминала. Старуха, какъ всегда, очень высокопарно витійствовала, называла Рушковскаго son ami de coeur. Я отвѣчалъ: c'est une chose convenue, tous les directeurs de la poste de Moscou seront toujours vos amis intimes et même un peu vos parents, n'est-ce pas? Наташа покивала мнѣ головой, а старуха на лицѣ показывала, что поймали вора въ горохѣ. Добрая женщина, только ужъ своихъ интересовъ нигдѣ не забудетъ.

*

Москва, 20 Мая 1821.

Варинькѣ понравились Жуковскаго стихи, а въ вечеру взялъ ихъ у меня на прочтеніе Вас. Львовичъ, у коего сестра Анна Львовна очень плоха. Итакъ Петербургъ 23 числа будетъ обрадованъ возвращеніемъ Государя. Отсутствіе продолжалось почти годъ. Я жалѣю, что Каподистрія не ѣдетъ къ водамъ поотдохнуть и полѣчиться. Мнѣ кажется, что Греческія дѣла и текущая вездѣ кровь этихъ несчастныхъ должны его мучить и отнимать послѣднее здоровье. Въ Царьградѣ пат-

---

*) Т. е. князь А. Н. Голицынъ. Тогда заключалось почтовое соглашеніе Россіи съ Австріею и Пруссіею черезъ Берлинъ. Гольдбекъ былъ Мемельскій почтдиректоръ.

ріархъ кончилъ жизнь свою мученически, не смотря на прокламацію свою въ пользу Турокъ. Тѣло его было привязано къ лошадиному хвосту и таскаемо по городу, а тамъ отдано Жидамъ, которые его продали одному Греку, увезшему окровавленные останки въ Одессу. Ужасно! Долгорукій, служащій при миссіи въ Царьградѣ, пишетъ отцу своему, что житіе ихъ неприятное самое, что нельзя выйти на улицу отъ отвратительныхъ зрѣлищъ: вездѣ трупы, повѣшанные, убитые Греки. Иные говорятъ, что Строгоновъ уже и выѣхалъ оттуда.

*

Москва, 23 Мая 1821.

Le p-ce Platon [1]) joue un mauvais tour à ses neveux qui espéraient une grande succession après lui; но я всегда радуюсь, когда богатый человѣкъ женится на бѣдной дѣвушкѣ, а богачи обыкновенно ищутъ еще богатѣе себя; все мало! Ну, сударь, я очень радъ, что ты все кончилъ съ Гольдбекомъ къ государеву пріѣзду. Польза будетъ для публики; но я надѣюсь, что конвенція эта не будетъ безъ пользы и для тебя лично.

*

Москва, 26 Мая 1821.

Я былъ теперь у Василья Львовича, котораго нашелъ въ слезахъ. Поутру на консиліумѣ доктора рѣшили, что сестрѣ его Аннѣ Львовнѣ жить нельзя и что у нея водяная; она давно больна, и должно было ожидать несчастіе это, но онъ все не можетъ утѣшиться. Онъ любитъ весь родъ человѣческій, какъ же не любить сестру? Просилъ меня его не оставлять; вѣрно не оставимъ. А въ случаѣ несчастія хочетъ ѣхать съ нами въ деревню—милости просимъ! Въ Москвѣ что-то много печальныхъ извѣстій: во многихъ домахъ умерли дѣти, а у бѣднаго доктора Таненберга трое на одной недѣлѣ; также дочь трехлѣтняя у маленькаго Голицына, что̀ женатъ на Нелидовой.

Окуловъ сказывалъ, что Высоцкій продалъ Свирлово за 200 т. руб. Кожевникову, богачу-купцу. Жаль то, что все это будетъ запущено, а можетъ и сады истребятся, потому что онъ хочетъ завести тутъ какія-то фабрики или заводы. Луниной дѣло, наконецъ, кончено; домъ ея купленъ для Комерческаго Банка [2]) за 280 т. р., стало быть и Пфелеръ свой сбылъ за 60,000 р., чего онъ очень желалъ. Я совѣтовалъ Луниной нанять домъ кн. Сергѣя Ивановича, и она мнѣ пре-

---

[1]) Т. е. князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (р. 15 Н. 1767, ум. 7 Апр. 1822), передъ тѣмъ женившійся, на Ѳеклѣ Игнатьевнѣ Валентиновичъ.

[2]) На Никитскомъ бульварѣ. Этотъ домъ и доселѣ принадлежитъ Министерству Финансовъ. Онъ отличается отъ другихъ Московскихъ домовъ изяществомъ архитектурнымъ.

поручила это устроить. Я надѣюсь, что Чижъ радъ будетъ и не заломается, прося дорого за наемъ, а ему денежки годятся.

Принимаю истинное участіе въ скорби добраго Каподистріи. Лишиться отца есть потеря невозвратная, а особливо теперь, ибо я все того мнѣнія, что вся эта Греческая каша очень должна его огорчать. Каковъ же этотъ плутъ Али-паша! Всѣмъ пользуется и хотѣлъ помириться съ Турками на счетъ Грековъ, да не удалось. Очень я радуюсь будущему возвращенію Полетики. Очень благодаренъ я графу Нессельроду за память обо мнѣ: я обоихъ ихъ очень люблю, а особенно, зная, сколько она тебя любитъ.

Сонету Итальянскому не могу я довольно натѣшиться. Сожалѣю, что не вся Москва знаетъ по-итальянски; читалъ его огорченному Пушкину, и тотъ принужденъ былъ расхохотаться. Что-то скажетъ безтолковый философъ Сачи? Насилу-то мои Неаполитанцы принялись за свое ремесло т. е. за буффонство. Полно имъ прикидываться богатырями. Пульчинеллю не идетъ роль героя. Зпай они свои макароны, свое мороженое и гулянье по Кіяйѣ. Какое имъ дѣло до парламентовъ, конституцій и пр.!

Когда увидишь Вяземскаго, скажи ему, что стихи, помѣщенные въ Вѣстникѣ Европы на его счетъ за подписью 200—1, сочинены нѣкіимъ Аксаковымъ, домашнимъ актеромъ Кокошкина и переводчикомъ Филоктета [1]).

*

Москва, 31 Мая 1821.

За всѣ подробности о нашихъ друзьяхъ очень тебя благодарю, и Тургеневу и Вяземскому бью челомъ, а молва увѣряетъ, что Жуковскій женится на дочери нашего исторіографа.

Я любовался присланными тобою образчиками походной типографіи и спряталъ это въ свой архивъ съ привычною надписью. Закревскій оставитъ по себѣ хорошіе памятники.

Намедни за ужиномъ (у тестя), сидя Татьяна Ивановна Киселева подлѣ меня, все говорила о племянникѣ своемъ Павлѣ Дмитріевѣ [2]), котораго очень любитъ. Я тотчасъ въ дрожки и поскакалъ къ ней ска-

---

[1]) С. Т. Аксаковъ, по любви своей къ сценическому искусству, дѣйствительно часто бывалъ у тогдашняго директора театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Имя его тогда было еще такъ было мало извѣстно, что Булгаковъ могъ повторять вздорной слухъ объ его, яко бы подчиненномъ, отношеніи къ Кокошкину.

[2]) Впослѣдствіи графѣ.

зать ей объ лентѣ; она плакала отъ радости и чрезмѣрно меня благодарила за эту пріятную новость.

Грустно видѣть льющуюся въ Греціи кровь, и все это безъ пользы. Конечно, Греки пропадутъ, ихъ положеніе содѣлается еще хуже, но и Турки сами много потеряютъ, ежели послѣдуютъ такія эмиграціи въ Америку; флотъ и торговля рушатся. Чумага все говоритъ, что это дурно кончится для нихъ, но Метакса былъ противнаго мнѣнія. Вейтбрехтъ сказывалъ (вѣрно слышалъ на почтѣ), что изъ Петербурга идутъ, ѣдутъ и бѣгутъ всѣ въ Царское Село, чтобы встрѣтить Государя. Я очень понимаю всеобщую радость, и изъявленія этой любви, вѣрно, будутъ пріятны Государю, послѣ столь большого отсутствія.

Костя—пажъ! Мы всѣ плакали отъ радости, какъ дураки; онъ былъ всѣхъ умнѣе одинъ. Il a pris la chose avec dignité. Первое его движеніе было бѣжать изъ саду (гдѣ я твое письмо прочелъ) къ нянѣ наверхъ, а та ну плакать! А первыя слова пажа были именно (и откуда взялъ это!): «Ну что же? Какъ поѣду въ Петербургъ, буду подавать Государю шинель и фуражку». Ты говори что́ хочешь, а это твоя работа. Я и пажъ пишемъ оба и благодаримъ безцѣннаго Закревскаго. Я въ восхищеніи, что онъ можетъ оставаться при насъ, но все-таки надобно намъ будетъ посовѣтоваться о воспитаніи Кости. Это, кажется, перемѣнитъ мысли мои на счетъ воспитанія. Ты знаешь, что я хотѣлъ его отдать Глинкѣ*). О семъ будемъ совѣтоваться съ тобою и съ другомъ общимъ Закревскимъ. Ай да пажикъ!

---

*) Сергѣю Николаевичу, у котораго былъ пансіонъ, гдѣ учились дѣти Донскихъ козаковъ.

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

1841.

Молодыми офицерами лейбъ-гусарскаго полка я былъ принятъ дружески, какъ желанный товарищъ. Это неподдѣльное радушіе и, свойственное преимущественно военнымъ людямъ, какое-то ясное, честное прямодушіе и откровенность въ моихъ новыхъ товарищахъ, меня подкупили: я почувствовалъ себя какъ-то дома, въ своей сферѣ, какъ бы въ своей семьѣ.

Изъ числа моихъ товарищей тѣ, съ которыми я болѣе всѣхъ подружился, были два брата графы Блудовы и Полторацкій, о которыхъ я упоминалъ, описывая Московское общество сороковаго года.

Кромѣ этихъ послѣднихъ, я былъ очень друженъ съ княземъ Николаемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, сыномъ извѣстнаго тогда генералъ-адъютанта князя Лобанова, пользовавшагося милостію государя Николая Павловича. Отецъ былъ очень красивъ собою, весьма строгій по службѣ начальникъ и всѣмъ извѣстный за свою необыкновенную вспыльчивость. Говорили въ то время, что старшій его сынъ лишилъ себя жизни вслѣдствіе непомѣрной строгости своего отца, что̀ въ то время очень возмутило Петербургское общество.

Князь Николай Лобановъ, второй сынъ у отца, наружностью не былъ на него похожъ, имѣя, неизвѣстно почему, отличительныя черты Монгольскаго ти́па. Очень умный, начитанный, любознательный, онъ владѣлъ даромъ слова и былъ одаренъ природнымъ талантомъ къ рисованію и живописи.

Будучи человѣкомъ чрезвычайно подвижнымъ, впечатлительнымъ и предпріимчивымъ, проводилъ онъ жизнь, полную неожиданностей и крайностей, и окончилъ довольно печальной развязкой.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1900 года.

Онъ былъ извѣстенъ въ полку страстью къ самымъ невѣроятнымъ гиппическимъ упражненіямъ на лошади, при чемъ, часто падая, рисковалъ безпрестанно жизнью. Не смотря на то, что онъ былъ чрезвычайно выносливъ, получаемые имъ ушибы не остались безъ послѣдствій и, къ сожалѣнію, будучи лѣтъ сорока, онъ лишился владѣнія ногъ, вслѣдствіе болѣзни спиннаго хребта.

Недолго прослуживши въ лейбъ-гусарскомъ полку, онъ перемѣнилъ службу и вступилъ въ моряки, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Николаевичу.

Имѣя очень большое состояніе и пристрастившись къ морскому дѣлу, онъ купилъ собственную яхту, на которой совершилъ нѣсколько дальнихъ плаваній и, между прочимъ, посѣтилъ Америку.

По возвращеніи въ Россію, онъ скоро началъ страдать той ужасной болѣзнью, о которой я говорилъ выше, а именно, какъ тогда говорили, костоѣдомъ позвонковъ спиннаго хребта. Во время его лѣченія были употреблены самыя ужасныя средства, какъ-то прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ и пр. Онъ, не смотря на страшныя страданія, переносилъ все, можно сказать, шутя, съ изумительнымъ стоицизмомъ.

Пріѣхавши въ то время въ Петербургъ и, разумѣется, навѣстивши его, я его засталъ въ его собственномъ домѣ, на Большой Морской, лежащимъ уже нѣсколько лѣтъ на подвѣшенной къ потолку постели, во избѣжаніе всякаго сотрясенія, которое причиняло ему сильныя страданія. Онъ, разумѣется, не могъ лежать на спинѣ, а лежалъ на груди, имѣя передъ собою всѣ приспособленія для чтенія, письма и пр. Гораздо позднѣе, говоря о придуманныхъ имъ въ лежачемъ положеніи развлеченіяхъ, онъ очень забавно разсказывалъ мнѣ, какъ онъ добился, послѣ долгихъ поисковъ, того, чтобы познакомиться съ нѣкоторыми молодыми дѣвушками-нигилистками, во время извѣстнаго смутнаго времени въ Петербургѣ, съ цѣлью ихъ обращенія, какъ онъ имѣлъ съ ними долгія конференціи и споры по религіознымъ и нравственнымъ вопросамъ; какъ слухи объ этихъ конференціяхъ распространились между массами Бестужевскихъ нигилистокъ, и какъ часто оказывался въ его комнатѣ недостатокъ мѣста (хотя спальня и была очень просторная) для такого большого сборища этихъ курьезныхъ слушательницъ. Я живо могъ себѣ представить, со словъ Лобанова, эту оригинальную картину!.. До сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить, какъ нигилистки сидѣли передъ нимъ на стульяхъ, разставленныхъ рядами, словно въ аудиторіи, и какъ онъ съ высоты воздушной своей каѳедры громилъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ и силою своихъ доводовъ.

При этомъ Лобановъ меня убѣждалъ всѣми возможными доказательствами въ томъ, что эти диспуты и его проповѣди не были безуспѣшными и что онъ многихъ нигилистокъ обратилъ. Онъ такъ твердо былъ въ этомъ увѣренъ, что я ему не противорѣчилъ, чтобы не огорчить его при такомъ благородномъ съ его стороны побужденіи, хотя, наученный горькимъ опытомъ, я плохо вѣрилъ подобнымъ обращеніямъ.

Еще лѣтъ 20 спустя, я его посѣтилъ въ Ниццѣ, на его прелестной собственной виллѣ, когда доктора послали меня на зиму въ Ментону. Я его засталъ все еще лежащимъ, но уже въ положеніи болѣе нормальномъ, т.-е. на спинѣ и, вдобавокъ, на большомъ покойномъ диванѣ.

Онъ оставался все такимъ же живымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, какъ и прежде, принимая во всемъ горячее участіе.

Я помню, что какъ-то разъ я разсказалъ ему о моемъ намѣреніи пожертвовать расписныя стекла для оконъ мнѣ доро́гой, вновь отдѣланной, Ментонской церкви. Онъ тотчасъ возгорѣлъ желаніемъ мнѣ въ этомъ помочь: далъ адресъ артиста, пишущаго на стеклѣ, но и этимъ не ограничился, а самъ взялъ на себя написать Христа Спасителя во весь ростъ въ большомъ окнѣ, освѣщающемъ алтарь. Разумѣется, его работа оказалась такою превосходною, что никто изъ Французскихъ артистовъ въ Ниццѣ не могъ ее превзойти. Какъ онъ могъ такъ писать, прикованный недугомъ къ дивану, оставаясь въ лежачемъ положеніи, для меня рѣшительно непонятно.

Въ эту зиму я свидѣлся съ нимъ, увы, въ послѣдній разъ, такъ какъ на слѣдующій годъ этого славнаго товарища моей молодости уже не стало.

Въ это же время служили въ лейбъ-гусарскомъ полку три брата Абазы. Мы еще въ Москвѣ домами знакомы были съ ними. Ихъ отецъ, крупный помѣщикъ Орловской губерніи, имѣлъ прекрасный домъ противъ бывшаго Колымажнаго двора, съ огромнымъ садомъ, по сосѣдству съ домомъ князя Сергѣя Михайловича Голицына. У отца ихъ было шесть человѣкъ сыновей и три дочери, изъ которыхъ старшая была замужемъ за извѣстнымъ генераломъ Львовымъ, композиторомъ нашего народнаго гимна, а младшая дочь замужемъ за не менѣе извѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ Н. А. Милютинымъ. Отецъ ихъ, большой другъ моего отца, былъ одаренъ, какъ сказывали тогда, большими финансовыми способностями; страсть его къ спекуляціямъ заставила его войти въ существовавшіе тогда винные откупы, въ которыхъ онъ въ нѣсколько лѣтъ составилъ себѣ многомилліонное состо-

яніе. Второй сынъ его, Александръ Аггеевичъ, повидимому, унаслѣдовалъ финансовыя способности отца, такъ какъ онъ послѣ своей кратковременной военной карьеры занималъ видныя должности: сперва товарища министра финансовъ, а затѣмъ государственнаго контролёра.

Я же подружился болѣе всего со старшимъ сыномъ, Эрастомъ Аггеевичемъ Абазой, для меня болѣе другихъ братьевъ симпатичнымъ, по своей добротѣ, нравственному складу и рѣдкой оригинальности. Не знаю, почему меня всегда сердечно влекло къ этому человѣку, съ которымъ я дѣйствительно провелъ много лучшихъ минутъ моей молодости. Вѣроятно потому, что онъ раздѣлялъ мою любовь къ музыкѣ, къ живописи и къ поэзіи.

Въ началѣ своей службы въ полку, онъ былъ страшнымъ картежникомъ, и до такой степени любилъ играть въ карты, разумѣется, въ азартныя игры, что даже верхомъ, во время манёвровъ, носилъ при себѣ колоду картъ въ патронташной сумочкѣ, изъ которой онъ ее вынималъ во время каждаго привала или отдыха, чтобы съ кѣмъ-нибудь поиграть.

Вообще азартныя игры были очень распространены въ то время въ лейбъ-гусарскомъ полку.

Замѣчательно, что когда я такъ близко съ нимъ сошелся, онъ уже картъ въ руки не бралъ. Зная его страсть къ игрѣ и изумленный этою въ немъ перемѣной, я спросилъ у него о причинѣ такого необычнаго воздержанія съ его стороны. Тогда онъ мнѣ разсказалъ слѣдующій случай, заставившій его безповоротно и навсегда отказаться отъ карточной игры.

Въ одинъ прекрасный день, въ Красномъ Селѣ, во время манёвровъ, когда на привалѣ слѣзли съ лошадей, и онъ, по своему обыкновенію, полѣзъ въ свою сумку за картами, то былъ до крайности удивленъ и пораженъ: въ сумкѣ находилось что-то другое. Вынувъ этотъ предметъ, онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ: оказался въ ней, вмѣсто картъ, образъ Божіей Матери!.. Это неожиданное явленіе образа Пресвятыя Богородицы смутило его до высшей степени, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо помнилъ, какъ онъ собственноручно утромъ этого дня, передъ походомъ, положилъ двѣ колоды картъ въ свою сумку. Онъ, повидимому, не мудрствуя лукаво, принялъ это за сверхъестественное указаніе или предупрежденіе свыше, и тутъ же далъ себѣ клятву никогда болѣе картъ въ руки не брать, что̀ и выполнилъ съ обыкновенною своею рѣшимостью и добросовѣстностью.

Когда вспыхнула Севастопольская война, то онъ не могъ перенести свою бездѣятельность въ Петербургѣ и перешелъ изъ лейбъ-гусарскаго полка въ дѣйствующую армію, гдѣ вскорѣ получилъ командованіе баталіономъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, стоявшихъ въ самомъ Севастополѣ и гдѣ судьбою ему было предопредѣлено сложить свою голову.

Роковой день, въ который онъ былъ убитъ, памятенъ былъ Севастопольцамъ! Этотъ день былъ ознаменованъ торжествомъ нашего оружія надъ непріятельской арміей, а именно, кровопролитнымъ отраженіемъ Севастопольскими чудо-богатырями штурма 6-го Іюня 1855 г. Эта побѣда, несомнѣнно, занимаетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ кровавой Севастопольской эпопеи.

Всѣ подробности этого упорнаго и страшнаго боя, а также и подробности о смерти моего любимаго товарища Эраста Аггеевича, я узналъ отъ моего младшаго брата, князя Василія, состоявшаго во все время осады Севастополя адъютантомъ графа Сакена и бывшаго очевидцемъ этого дѣла. Я помню, какъ онъ мнѣ разсказывалъ о поразительной стремительности Французскихъ баталіоновъ во время атаки (furia Francese) и о неоспоримомъ мужествѣ Французскихъ офицеровъ. Такъ, напр., не смотря на стойкость нашихъ солдатъ и ужасную съ ихъ стороны штыковую работу, многіе изъ Французскихъ солдатъ и офицеровъ проникли въ городъ, добѣжали даже до Корабельной бухты, и только тутъ были нѣкоторые убиты, а другіе взяты въ плѣнъ *). Касаясь исключительно только офицеровъ, братъ мнѣ разсказывалъ, что когда Французы шли на штурмъ бѣглымъ шагомъ, то офицеры бѣжали передъ взводами, танцуя и подпрыгивая, какъ въ бальной залѣ, а шли почти на вѣрную смерть; при чемъ они въ тактъ размахивали шпагами и косили ими высокую траву предъ ногами. Бой кончился поздно вечеромъ. Баталіонъ, которымъ командовалъ Эрастъ Аггеевичъ, находился на томъ самомъ пунктѣ, куда преимущественно были направлены всѣ усилія Французской штурмующей колонны, а именно, впереди Корабельной бухты. Такъ какъ раненые и убитые лежали грудами, то уборка ихъ продолжалась долго. Эрастъ Аггеевичъ все время оставался на мѣстѣ, сидя на барабанѣ, въ ожиданіи конца этой тяжкой работы. Уже стемнѣло, когда ему пришли доложить, что всѣ раненые его баталіона снесены и отправлены въ городъ; но его нѣжная и сердобольная любовь къ солдатамъ не удо-

*) Одинъ изъ этихъ уцѣлѣвшихъ офицеровъ былъ взятъ въ плѣнъ и при размѣнѣ сданъ мною въ Одессѣ на фрегатъ „Флежетонъ". (См. „Русскій Архивъ" 1899 г.).

влетворилась этимъ докладомъ: онъ приказалъ зажечь себѣ фонарь и отправился со старшимъ фельдфебелемъ обозрѣть мѣсто сраженія, чтобы лично убѣдиться, что ни одного изъ раненыхъ и еще живыхъ солдатъ его баталіона не осталось среди массы разбросанныхъ тѣлъ. Обойдя почти все пространство, гдѣ могли лежать его люди, онъ подошелъ близко къ одному изъ нихъ, показавшемуся ему почему-то еще живымъ, и наклонился къ нему, освѣщая его своимъ фонаремъ. Въ эту минуту онъ былъ пораженъ пулею въ спину, которая коснулась сердца, и онъ упалъ почти безъ признаковъ жизни. Оказалось, что этотъ роковой выстрѣлъ былъ сдѣланъ лежавшимъ вблизи смертельно раненымъ и умиравшимъ Французскимъ солдатомъ, котораго оставили тутъ вмѣстѣ съ его ружьемъ, полагая его умершимъ. Такъ бѣдный мой дорогой товарищъ, пробывши цѣлый день въ сильномъ огнѣ и оставшійся невредимымъ, былъ смертельно пораженъ уже послѣ окончанія этого славнаго для него дѣла кровожаднымъ врагомъ, отомстившимъ въ данномъ случаѣ на безоружномъ героѣ за свою смерть!..

Но здѣсь я остановлюсь въ описаніи своихъ товарищей, ибо трудно было бы составить характеристику всѣхъ офицеровъ того времени, хотя очень многіе изъ нихъ этого вполнѣ заслуживаютъ. Товарищество, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, основанное на взаимномъ уваженіи, дружбѣ и взаимной помощи словомъ и дѣломъ, существовавшее тогда въ этомъ полку, сблизило меня со многими другими лицами, о которыхъ я здѣсь не упомянулъ, какъ-то: съ Манзеемъ, съ двумя братьями Татищевыми, Хитровымъ, Фурманомъ, съ княземъ Мышецкимъ, графомъ Олсуфьевымъ, Свѣчинымъ, Офросимовымъ и со многими другими, память которыхъ мнѣ остается дорого́ю до сихъ поръ, хотя со времени нашихъ дружескихъ отношеній прошло уже болѣе полвѣка.

По принятому всѣми тогда, весьма удобному обычаю, я нанялъ въ полку, т.-е. въ Царскомъ Селѣ, квартиру, а именно въ домѣ Малышова, бывшаго камердинера государя Николая Павловича, счастливаго владѣльца нѣсколькихъ большихъ каменныхъ домовъ въ этомъ городѣ; а другую квартиру въ Петербургѣ предложилъ мнѣ временно, до пріисканія мною помѣщенія, мой пріятель Александръ Николаевичъ Карамзинъ, останавливавшійся такъ часто у насъ въ Москвѣ.

Я съ удовольствіемъ принялъ родственную услугу Александра Николаевича и помѣстился съ нимъ въ верхнемъ этажѣ дома Бибиковой, на Пустомъ рынкѣ, занимаемый его матушкой Екатериной Андреевной со всѣмъ ея семействомъ.

Въ это именно время, живя въ семьѣ Карамзиныхъ одною съ нею жизнью, я еще ближе познакомился съ нею и могъ оцѣнить по достоинству каждаго изъ его членовъ. Почтенная старуха мать, Екатерина Андреевна, очень суровая съ виду особа, съ очень твердымъ характеромъ, прямолинейнымъ и откровеннымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была необыкновенно нѣжною матерью. Она приняла меня въ свой домъ какъ родного, вѣроятно, вслѣдствіе существовавшей дружбы между мною и сыномъ ея Александромъ, котораго она любила болѣе всѣхъ своихъ дѣтей.

Находясь въ этой милой и гостепріимной семьѣ, я сразу очутился въ самой интеллигентной средѣ Петербургскаго общества, въ которой такъ свѣжа еще была память незабвеннаго Николая Михайловича и гдѣ по преданію собирались какъ прежніе друзья покойнаго исторіографа, такъ и молодые поэты, литераторы и ученые новаго поколѣнія.

Въ Петербургѣ, какъ и въ Ревелѣ, Карамзины ежедневно принимали всѣхъ по вечерамъ, попросту, семейно, за чайнымъ столомъ. Обычнаго посѣтителя Карамзиныхъ я уже не засталъ въ живыхъ, а именно Пушкина, а также и Лермонтова, который покинулъ Петербургъ и перешелъ на службу на Кавказъ; но я встрѣчалъ у нихъ въ гостиной Жуковскаго, князя Вяземскаго, Дмитріева, Плетнева, графа Блудова, Тютчева, Соболевскаго, Хомякова, Тургенева, Валуева, графа Владимира Сологуба, Ю. Самарина, а также интеллигентныхъ лицъ изъ иностранцевъ или дипломатовъ. Собственно говоря, Карамзинскій домъ былъ единственный въ Петербургѣ, въ гостиной котораго собиралось общество не для свѣтскихъ пересудовъ и сплетенъ, а исключительно для бесѣды и обмѣна мысли.

Да, хорошее это было время!... время, которое можно поистинѣ назвать цвѣтомъ нашей отечественной литературы, поэзіи и искусства. Надъ этимъ кружкомъ парили тогда еще преданія Державина, Ломоносова, память добраго и патріотическаго генія покойнаго Карамзина и непосредственное вліяніе жившаго еще тогда всѣми уважаемаго идеалиста Жуковскаго, который любилъ молодежь и своимъ умиротворяющимъ сердцемъ внушалъ молодому поколѣнію духъ согласія, что̀ разумѣется имѣло воздѣйствіе и на все Петербургское высшее общество.

Старшая дочь Карамзина (отъ перваго его брака) Софья Николаевна, дѣвица лѣтъ сорока, была, не въ вульгарномъ, а въ лучшемъ смыслѣ этого слова, душою этого кружка. До̀ма ежедневно, по вечерамъ, Софья Николаевна была, поистинѣ, движущей пружиной, на-

правляющей и оживляющей разговоръ какъ въ общей, такъ и въ частной бесѣдѣ. Она имѣла удивительный талантъ всѣхъ привѣтствовать, разсадить и группировать гостей согласно ихъ вкусамъ и симпатіямъ, находя вѣчно новыя темы для разговора и выказывая ко всему живѣйшее и непринужденное участіе. Разговаривая съ людьми, даже и не очень съ ней знакомыми, она не старалась блеснуть своимъ остроуміемъ или познаніями, а умѣла вызывать то и другое въ собесѣдникѣ, такъ что онъ послѣ разговора съ ней оставался всегда какъ-то очень доволенъ собой, подобно каждому слабому смертному, чувствующему безсознательно почему-то, что онъ имѣлъ какой-то успѣхъ.

Софья Николаевна съ одинаковымъ интересомъ и такимъ же вниманіемъ бесѣдовала, какъ съ человѣкомъ самымъ умнымъ, такъ и съ самымъ ограниченнымъ, что нерѣдко насъ изумляло. Она въ этомъ случаѣ напоминала знаменитую г-жу Рекамье. Когда ея знакомая спросила, какимъ образомъ она могла такъ долго бесѣдовать съ однимъ господиномъ, который извѣстенъ былъ въ обществѣ своею глупостью? Она отвѣчала: «Ma chère, vous ne savez pas tout ce que cet homme ignore?!» (Мой другъ, вы не можете представить себѣ все то, чего этотъ человѣкъ не знаетъ).

Изъ дамъ, часто посѣщавшихъ Карамзинскіе вечера, болѣе выдающихся по складу своего ума и всестороннему образованію, слѣдуетъ упомянуть о тогдашней Петербургской красавицѣ графинѣ Мусинъ-Пушкиной (урожденной Шернваль), о графинѣ Растопчиной и объ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, урожденной Россетъ. Частыя посѣщенія этихъ двухъ послѣднихъ свѣтская молва приписывала сердечнымъ увлеченіямъ (говорили взаимнымъ) старшаго сына Карамзина Андрея къ графинѣ Растопчиной, а младшаго Владиміра къ Смирновой, что̀ подавало поводъ злымъ языкамъ говорить, будто почтенная старуха-мать покровительствовала этимъ сближеніямъ, въ чемъ, разумѣется, не было ни малѣйшей тѣни правды, такъ какъ Екатерина Андреевна своимъ прямодушнымъ характеромъ не угождала и не покровительствовала никакимъ слабостямъ, а была, напротивъ, судьей весьма строгимъ, въ особенности къ членамъ своей семьи.

А. О. Смирнова пользовалась уже тогда прочно установившейся въ свѣтѣ репутаціей умной женщины, съ мнѣніемъ которой считались, вслѣдствіе чего въ обществѣ многіе искали ея благосклоннаго вниманія. Она была небольшаго роста, брюнетка, съ непотухающей искрой остроумія въ черныхъ и добрыхъ глазахъ. Неподражаемы были особенно юморъ въ ея разсказахъ и тонкая насмѣшливая улыбка, когда она шутила. Высокое ея положеніе въ свѣтѣ и изящество манеръ не

помѣшали многимъ находить, что наружностью она походила на красивую молодую Цыганку. Недавно помѣщенныя въ печати записки Александры Осиповны не могли дать объ этой своеобразной и замѣчательной женщинѣ достаточнаго представленія. Общественный кругъ ея знакомыхъ и друзей, а также ея обширная переписка достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ ее всѣ любили за всѣ ея качества и въ особенности за подкупающія прямодушіе и необыкновенную простоту въ обращеніи со всѣми, независимо отъ ихъ положенія въ свѣтѣ.

Вслѣдствіе моего воспитанія и моихъ чтеній, проникнутый какимъ-то рыцарскимъ *культомъ* къ женщинѣ, я, въ мои лѣта, не могъ не испытать на себѣ дѣйствія всѣхъ чаръ такой обворожительницы, какова была Александра Осиповна, съ которой я сохранилъ самыя добрыя и дружескія отношенія, хотя впослѣдствіи встрѣчался съ ней довольно рѣдко и съ большими промежутками.

Петербургское высшее общество, гораздо болѣе сплоченное чѣмъ теперь, дѣлилось однако и тогда на кружки, собиравшіеся въ нѣсколькихъ домахъ знатныхъ и богатыхъ людей или сановниковъ, постоянно принимавшихъ у себя по вечерамъ. Таковы были дома: графа Воронцова-Дашкова, Нарышкина, графа Нессельроде, графа Григорія Александровича Строганова (принимавшаго больше лицъ дипломатическаго корпуса), домъ графини Лаваль, Петербургскаго дворянскаго предводителя Потемкина, графа Бенкендорфа, графа Шувалова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ имена изгладились теперь изъ моей памяти.

Перечитывая эти строки, вспоминаю, что дѣйствительно забылъ упомянуть объ одномъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ тогдашняго Петербурга, а именно о домѣ графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго, у котораго по вечерамъ бывали прекрасные квартеты. Графъ самъ былъ большой музыкантъ и даже композиторъ. Онъ страстно любилъ музыку и собиралъ у себя лучшія музыкальныя силы столицы, какъ изъ числа диллетантовъ, такъ и изъ профессіональныхъ артистовъ и пѣвцовъ. Всѣ заграничныя музыкальныя знаменитости, перебывавшія въ Петербургѣ, по пріѣздѣ своемъ, прежде всего являлись къ графу, большею частью съ рекомендаціями отъ кого нибудь изъ его знакомыхъ въ музыкальномъ мірѣ за границей, и всѣ считали за особую честь для себя не только быть принятыми на его музыкальныхъ вечерахъ, но и принимать въ нихъ активное участіе.

Помню, что на вечерѣ у графа въ первый и единственный разъ въ жизни я слышалъ знаменитую пѣвицу г-жу Зонтагъ, которая,

вышедши тогда уже замужъ за посланника, должна была отказаться пѣть въ публикѣ. Въ тотъ вечеръ она пѣла дуэтъ съ зятемъ графа Вьельгорскаго, графомъ Владиміромъ Сологубомъ, и привела всѣхъ въ восторгъ.

Слишкомъ длиненъ былъ бы перечень всѣхъ музыкальныхъ и вокальныхъ знаменитостей, которыхъ Петербургское высшее общество могло слышать на вечерахъ у графа, чтобы имена ихъ возможно было здѣсь перечислить.

Самъ хозяинъ былъ человѣкъ вообще изъ ряду вонъ выходящій по своимъ способностямъ. Когда я былъ ему представленъ, онъ былъ уже пожилыхъ лѣтъ; но, не смотря на почтенный свой возрастъ, сохранялъ необыкновенную память, общительность, юношескій пылъ и энергію. Это былъ настоящій вельможа въ лучшемъ смыслѣ слова, а наружностью чрезвычайно похожъ на маститаго Итальянскаго маэстро-виртуоза, или знаменитаго композитора. Онъ былъ выше средняго роста, очень полный; его темные, глубоко-задумчивые глаза рѣдко устремлялись на собесѣдника; его взоръ казался всегда блуждающимъ гдѣ-то въ пространствѣ. Онъ ходилъ въ высокомъ черномъ парикѣ и въ широкомъ, донельзя просторномъ галстухѣ. Когда разговоръ не касался міра искусства, онъ любилъ, какъ говорится, кое о чемъ помолчать, хотя былъ чрезвычайно вѣжливъ и принималъ всегда, съ обычнымъ ему остроуміемъ, участіе въ дѣльномъ разговорѣ.

Государь Николай Павловичъ и Государыня Александра Θеодоровна его очень цѣнили и принимали весьма часто въ свой тѣсный семейный кругъ. Они любили его за его умъ, прямодушіе и отсутствіе всякой царедворческой лести.

Замѣчательная разсѣянность графа Вьельгорскаго была предметомъ забавныхъ свѣтскихъ разсказовъ. Такъ, напримѣръ, у себя на вечерѣ, сидя одинъ, поодаль отъ разговаривающихъ, онъ однажды задумался. Когда, спустя четверть часа, подошелъ къ нему кто-то изъ гостей, желая съ нимъ побесѣдовать, графъ, почему-то полагая, что самъ онъ въ гостяхъ, посмотрѣлъ на часы и, зѣвнувъ, обратился къ подошедшему со словами: «О, Боже! Что̀ за скука на этомъ вечерѣ!» Можно судить объ изумленіи гостя!....

Другой разъ, наоборотъ, графъ, отдавая въ городѣ визиты и сидя въ каретѣ, которая остановилась передъ домомъ, гдѣ жилъ его знакомый, почему-то вообразилъ, что онъ сидитъ дома у себя въ кабинетѣ. Ему пришлось долго ждать возвращенія лакея, который побѣжалъ въ домъ о немъ доложить. Въ это время графъ глубоко заду-

мался и когда лакей, возвратясь, открылъ дверцу кареты и сказалъ ему: «принимаютъ, ваше сіятельство», то графъ, продолжая думать, махнулъ ему рукой, и проговорилъ: «скажи, что дома нѣтъ!»...

Разсказывали тогда еще объ одномъ забавномъ случаѣ разсѣянности графа, который въ настоящее время приписываютъ разнымъ другимъ лицамъ, но который въ дѣйствительности былъ именно съ нимъ.

Обѣдая въ гостяхъ и сидя рядомъ съ очень любезной дамой, одѣтой въ бѣлое легкое лѣтнее платье, графъ весьма оживленно разговаривалъ съ ней и, мелькомъ замѣтивъ на полу около ея стула какой-то бѣлый предметъ, вообразилъ, что это онъ обронилъ свой носовой платокъ. Продолжая разговаривать съ этой дамой, онъ нагнулся, схватилъ предметъ рукою и всунулъ его въ свой заднiй карманъ. Продолжая дальше разговоръ, онъ нѣсколько разъ принимался глубже засовывать мнимый платокъ въ карманъ, который показался ему безконечнымъ.... Наконецъ, его сосѣдка почувствовала, что кто-то тянетъ за конецъ ея платья; она обернулась, чтобы освободить его и къ ужасу своему увидала, что конецъ платья былъ засунутъ въ карманъ ея сосѣда. Графъ несомнѣнно, при своей разсѣянности, могъ бы долго продолжать это оригинальное занятіе, если бъ она не догадалась посмотрѣть поближе и убѣдиться въ причинѣ испытаннаго ею ощущенія.

Хотя въ числѣ разныхъ разсказовъ о графѣ Вьельгорскомъ и говорилось въ Петербургскомъ обществѣ, что графъ былъ очень невоздерженъ и часто бывалъ не въ совершенно трезвомъ видѣ, даже при дворѣ; но, какъ бы то ни было, послѣ его смерти не было и, кажется, не будетъ никогда изъ нашихъ вельможъ подобнаго компетентнаго музыкальнаго мецената, каковъ былъ этотъ милый и всѣми любимый старикъ.

Въ Петербургскомъ обществѣ, въ подражаніе обществу Парижскому, впервыя тогда появились *львицы* или такъ называемыя дамы высшаго круга, отличавшіяся въ свѣтѣ или своею роскошью, или своимъ положеніемъ, или своимъ умомъ, или своей красотой, или наконецъ всѣмъ этимъ совокупно, а главное—множествомъ своихъ поклонниковъ. Таковы были въ то время: графиня Воронцова-Дашкова, княгиня Юсупова, графиня Орлова - Денисова, Нарышкина, Марья Васильевна Столыпина, Охотникова и другія. Дѣвицы, разумѣется, рѣдко удостоивались такого лестнаго названія.

Изъ всѣхъ этихъ дамъ графиня Воронцова безспорно болѣе всѣхъ заслуживала, независимо отъ своего положенія, наименованія *львицы*,

если понимать это слово въ томъ широкомъ смыслѣ, какое придавало ему тогда Французское общество. Она не имѣла соперницъ. Въ танцахъ, на балахъ, которые она любила, она была особенно очаровательна. Средняго роста, брюнетка, съ черными, какъ смоль, волосами, съ гибкимъ станомъ и съ темными большими, выразительными глазами, графиня Воронцова не могла не поражать каждаго своею наружностью. Ея красота была не классическая, потому что черты ея лица, строго говоря, не были правильны; но у нея было нѣчто такое, не поддающееся описанію, что̀ большинству нравится болѣе классической красоты. Что́ подкупало въ ней въ особенности всѣхъ ее знавшихъ: это ея простота и непринужденность. Окруженная лестью многочисленныхъ своихъ поклонниковъ и всѣми почестями, какъ супруга одного изъ богатѣйшихъ Петербургскихъ сановниковъ и вельможъ того времени, она сохраняла эту дѣтскую, такъ сказать, простоту, которая въ женщинѣ, занимающей ея положеніе въ свѣтѣ, казалась замѣтнѣе, а потому всѣхъ удивляла и очаровывала. Если добавить къ характеристикѣ графини, что она обладала рѣдкимъ остроуміемъ и находчивостью, то понятно будетъ, что она по праву занимала первое мѣсто между молодыми женщинами высшаго Петербургскаго общества, и этого права у нея никто не оспаривалъ.

Я былъ ей представленъ на большомъ балѣ у Австрійскаго посла (гдѣ былъ Государь Николай Павловичъ) пріятелемъ моимъ, однимъ изъ ея самыхъ усердныхъ поклонниковъ, Столыпинымъ (почему-то прозваннымъ въ обществѣ Монгò), молодымъ человѣкомъ рѣдкой красоты, который послужилъ типомъ Печорина въ «Героѣ нашего времени» (Лермонтовъ былъ родственникъ и пріятель Монгò-Столыпина).

Я помню, что на этомъ балѣ, въ самомъ его началѣ, когда еще танцы не оживлялись и танцоры лѣниво принимались за дѣло, я пригласилъ графиню. Пустившись съ ней въ вихрѣ вальса по слишкомъ гладкому паркету огромной залы, я имѣлъ несчастіе поскользнуться и навѣрное упалъ бы и увлекъ ее съ собой, если бъ, чувствуя неизбѣжную катастрофу, не уперся правой рукой, на о̀дно мгновеніе, на талію графини. Она, легкая какъ пухъ, но стойкая какъ пальма, выдержала эту тяжесть давленія, и мы вновь понеслись, побѣдоносно продолжая путь до мѣста, съ легкимъ сердцемъ послѣ миновавшей для насъ опасности.

Когда я остановился, графиня сказала мнѣ спокойно: «Мнѣ кажется, что я васъ поддержала?» — «Мало того: вы спасли мнѣ жизнь, графиня!» сказалъ я при мысли объ угрожавшемъ мнѣ несчастіи, повидимому, съ тономъ такой неподдѣльной признательности, что графи-

ня подарила меня своимъ жизнерадостнымъ смѣхомъ. Съ той поры, при встрѣчѣ со мной, она всегда относилась ко мнѣ со свойственной ей любезностью.

Баловъ было въ обществѣ въ то время очень много; особенно значительные давали графъ Воронцовъ, князь Юсуповъ и нѣкоторые изъ пословъ.

Но самые изысканные и, къ тому-же для немногихъ избранныхъ были придворные балы въ Аничковомъ дворцѣ. Быть приглашеннымъ на эти балы, считалось между гвардейскими офицерами большимъ почетомъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе честолюбивыхъ, желаніе попасть на эти балы преслѣдовало, какъ любимая мечта, какъ единственное счастье на бѣломъ свѣтѣ. Таковъ былъ изъ числа, напримѣръ, моихъ хорошихъ знакомыхъ, ловкій танцоръ, офицеръ Преображенскаго полка поручикъ Л***. Надо сказать, что, послѣ большихъ стараній, исканій и заботъ, онъ достигъ исполненія своей завѣтной мечты и былъ нѣсколько разъ приглашенъ въ Аничковъ, вслѣдствіе чего, какъ обыкновенно люди, полагающіе свое честолюбіе въ мелочахъ, возымѣлъ о себѣ самое высокое мнѣніе и сталъ часто забываться. По этому поводу припоминается мнѣ маленькій случай, который произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе и которому я былъ свидѣтелемъ.

Дѣло было такъ. Вообще на Аничковскихъ балахъ было какъ-бы менѣе сдержанности, менѣе этикета, болѣе свободы, чѣмъ на большихъ балахъ въ Зимнемъ дворцѣ, и поэтому обыкновенно всѣмъ было веселѣе. Государь Николай Павловичъ, всегда присутствовавшій на этихъ балахъ, бывалъ на нихъ особенно общителенъ; онъ являлся тутъ гостепріимнымъ хозяиномъ, обладающимъ даромъ обворожить каждаго, чѣмъ всѣ его приближенные восхищались. При этомъ Государь нерѣдко, обходя гостей, останавливался и удостоивалъ разговоромъ нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ. Въ этотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, въ антрактѣ между танцами, онъ подошелъ, между прочимъ, къ князю Александру Голицыну, впослѣдствіи Прозоровскому (прозываемому всю его жизнь почему-то «Сашкой»), который, пробывши очень долго въ первыхъ офицерскихъ чинахъ, былъ только что произведенъ въ слѣдующій чинъ. Поздравивши его съ производствомъ, Государь спросилъ у него, долго-ли онъ оставался въ прежнемъ чинѣ. Послѣ отвѣта князя Голицына, Государь сказалъ ему что-то лестное для него, чего я не могъ хорошо разслышать, потому что между мною и Голицынымъ стоялъ поручикъ Л***; но я понялъ смыслъ словъ Го-

сударя, потому, что Голицынъ, послѣ сказанныхъ Государемъ словъ, ему глубоко поклонился. Въ этотъ моментъ, когда Государь уже собирался идти далѣе, сосѣдъ мой поручикъ Л***, ободренный тѣмъ благодушіемъ и тѣмъ, какъ-бы родительскимъ, участіемъ, съ которымъ Государь говорилъ съ Голицынымъ, неожиданно вмѣшался въ разговоръ и сказалъ Государю съ нѣкоторою ужимкою: «Вотъ и я, ваше величество, нахожусь шестой годъ въ чинѣ поручика». Государь пріостановился, не поворачиваясь къ нему, молча окинулъ его черезъ плечо нѣсколько разъ съ ногъ до головы своими грозными очами и, не говоря ни слова, пошелъ дальше. Я никогда не могъ забыть этой минуты. Мнѣ кажется, что если бъ я былъ на мѣстѣ поручика Л***, я бы провалился сквозь землю!...

Надо полагать, что этотъ взглядъ остался памятенъ поручику Л*** и что онъ очень успокоилъ поглощавшую его страсть къ Аничковскимъ баламъ.

Кромѣ танцевъ, которыми я увлекался, предаваясь имъ съ пристрастіемъ и неутомимостью, свойственными моимъ лѣтамъ, я часто посѣщалъ Французскій театръ и Итальянскую оперу, персоналъ которыхъ былъ до того хорошъ въ то время, что приводилъ въ восторгъ самыхъ требовательныхъ судей. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что въ тоже самое время, когда на сценѣ Малаго театра играли такія знаменитости, какъ супруги Аланъ, молодой Брессанъ, дѣвица Майеръ, Фальконъ и комикъ Верне́, на Итальянской оперной сценѣ пѣли Европейскія извѣстности, какъ г-жа Віардо, Рубини, Тамбурини и Лаблашъ... Русскій театръ тоже былъ хорошъ. Хотя Московская труппа стояла всегда выше, но тогда въ Петербургѣ начали свою блестящую театральную карьеру талантливое семейство Самойловыхъ и извѣстный комикъ Мартыновъ.

О балетѣ, хотя на него театральная дирекція тратила тогда бѣшеныя деньги, я ничего не могу сказать, такъ какъ видѣнное мною совершенно изгладилось изъ моей памяти, вѣроятно по той, весьма простой причинѣ, что балетъ мнѣ вообще никогда не нравился: танцующіе казались всегда мнѣ ловкими акробатами, а мимика балетныхъ артистовъ напоминала мнѣ всегда разговоры глухонѣмыхъ, будь это сказано не въ укоръ балетнымъ театраламъ, у которыхъ я охотно признаю гораздо болѣе эстетическаго вкуса, чѣмъ у меня, не умѣющаго цѣнить хореографическія достоинства балетныхъ танцоровъ и балеринъ.

Среди всѣхъ этихъ удовольствій столичной жизни въ Петербургѣ и полковой въ Царскомъ Селѣ скучать было некогда. Эта кипучая дѣятельность, захватившая меня и не давшая время опомниться и вздохнуть, мнѣ очень нравилась. Я бросился въ этотъ водоворотъ со всѣмъ пыломъ моей страстной натуры. Въ зимнее время большинство нашихъ молодыхъ офицеровъ можно было видѣть въ полку только на ученіи, да за карточнымъ столомъ, за которымъ, увлеченный примѣромъ товарищей, я, увы! также подвизался; а остальное время мы проводили въ Петербургѣ, неустанно разъѣзжая взадъ и впередъ по Царскосельской желѣзной дорогѣ.

Такъ какъ въ городѣ было строжайше запрещено великимъ княземъ ходить въ фуражкахъ, то на Петербургскомъ вокзалѣ этой дороги (весьма тогда еще скромной, деревянной, временной постройкѣ), возлѣ кассы, въ какомъ-то чуланѣ, довольно забавно было видѣть большое количество висѣвшихъ на гвоздяхъ треугольныхъ офицерскихъ шляпъ съ бѣлыми перьями, которыя мы тогда носили. Въ этомъ нетопленномъ маленькомъ чуланѣ, по пріѣздѣ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, служащій на желѣзной дорогѣ, очень комическая личность, молодой артельщикъ Тимоѳей, намъ всѣмъ раздавалъ шляпы и принималъ отъ насъ на храненіе наши фуражки съ изумительною ловкостью, никогда не ошибаясь, не смотря на крики нетерпѣнья вѣчно спѣшившихъ, ожидавшихъ своей очереди, офицеровъ. Разумѣется, Тимоѳей получалъ за это щедрое вознагражденіе, вслѣдствіе чего никогда не находился въ совершенно трезвомъ состояніи.

Къ слову надо сказать, что изъ всѣхъ офицерскихъ головныхъ уборовъ, существовавшихъ тогда въ гвардіи, безспорно треугольныя шляпы, съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ, которыя носила тогда кавалерія, были самыя нарядныя, хотя султаны стоили очень дорого (отъ 100 до 150 рубл.), и первый дождь приводилъ ихъ въ негодность.

Преданія Нѣмецкаго *милитаризма*, введеннаго у насъ въ Россію послѣ Фридриха Великаго, хотя очень ослабѣвшія по смерти государя Павла Петровича, однако еще поддерживались тогда въ гвардіи великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Самое строгое наблюденіе за формой одежды, за стрижкой волосъ, бритьемъ бородъ и пр. и пр. доходило до поразительныхъ крайностей. Такъ, напримѣръ, существовало правило для носящихъ бакенбарды, что бороду слѣдуетъ брить такимъ образомъ, чтобы, взявъ шнурокъ въ ротъ и завязавъ его на затылкѣ, брить все то, что̀ находится ниже линіи шнурка и оставлять небритымъ только то, что̀ заросло бородой выше этой линіи.

Въ это время существовало, памятное еще до сихъ поръ, страшное гоненіе офицеровъ за ношеніе шубъ, галошъ или фуражекъ не по формѣ. Что же касается до ученій, то обученіе солдатъ, въ особенности въ пѣшемъ строю, напоминало педантизмъ и строгость государя Павла Петровича: такъ называемыя *шагистика и ружистика* были доведены до послѣдняго слова науки и до такого искусства, которому позавидовалъ бы вѣроятно самъ графъ Аракчеевъ.

О подготовкѣ солдатъ и офицеровъ ко всѣмъ требованіямъ военнаго времени тогда никто не заботился. Говорили даже, что великій князь, въ разговорѣ о военномъ дѣлѣ, сказалъ по-французски кому-то: «La guerre gâte le soldat» (война портитъ солдата).

Замѣчательно было то обстоятельство, что изъ всѣхъ начальниковъ и генераловъ, болѣе или менѣе раздѣлявшихъ это мнѣніе, большинство было изъ Нѣмцевъ, закоренѣлыхъ и самыхъ свирѣпыхъ фронтовиковъ, никогда не нюхавшихъ пороху, т. е. не бывшихъ никогда на войнѣ.

Это обстоятельство напоминаетъ мнѣ одинъ довольно забавный случай, какъ одинъ Нѣмецкій генералъ, баронъ К., дѣлавшій нѣсколько кампаній, говоря со мной, очень мѣтко, но довольно оскорбительно отозвался о другомъ генералѣ, тоже изъ Нѣмцевъ, самомъ закоренѣломъ фронтовикѣ, который никогда не бывалъ на полѣ сраженія и о которомъ шла между нами рѣчь. Онъ во всеуслышаніе сказалъ о немъ по нѣмецки: «O ja! Das ist mein braver Kriegscamarad in Friedenszeiten!» (Да! Это мой храбрый боевой товарищъ мирнаго времени)... Я не могъ не разсмѣяться этому вѣрному опредѣленію барона К. и не позабылъ о немъ до сихъ поръ.

Военная литература находилась также подъ вліяніемъ преданій, навѣянныхъ на насъ Фридрихомъ Великимъ: печатались различныя статьи, трактующія о ремешкахъ и пряжкахъ солдатской амуниціи. Такъ, напримѣръ, полковникъ Шиповъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) напечаталъ цѣлую брошюру, подъ заглавіемъ: «Нѣчто о репейкѣ *)».

Трудно теперь составить себѣ понятіе о томъ педантизмѣ, который существовалъ тогда въ гвардейскомъ корпусѣ, а стало-быть во всей арміи.

---

*) *Репеекъ*—это былъ родъ кокарды, овальной формы, твердый, покрытый сукномъ, вдѣвавшійся впереди на верхней части кивера у пѣхотныхъ солдатъ, сверхъ котораго надѣвался высокій волосяной султанъ. Вскорѣ эти кивера съ султанами въ пѣхотѣ были замѣнены касками съ мѣдными шишаками по Прусскому образцу.

Вся эта чрезмѣрная военная строгость не мѣшала, разумѣется, нашей молодежи веселиться.

Я помню, что какъ-то разъ на зимнемъ парадѣ, который происходилъ въ этомъ году, въ видѣ исключенія, на площади противъ Зимняго дворца, нашъ полкъ прошелъ мимо Государя неудовлетворительно. Великій князь Михаилъ Павловичъ, взбѣшенный этой неудачей, всю вину свалилъ на офицеровъ и въ наказаніе приказалъ впредь офицеровъ гусарскаго полка не отпускать изъ Царскаго въ Петербургъ.

Такое приказаніе въ это время года было равносильно домашнему аресту всего состава офицеровъ, изъ которыхъ большинство имѣло, несомнѣнно, свои животрепещущіе сердечные интересы въ городѣ.

Вернувшись во временныя наши казармы въ Петербургѣ, молодые офицеры, не на шутку упавшіе духомъ, начали всѣ трактовать о состоявшемся, небываломъ до сихъ поръ по своей свирѣпости, распоряженіи. Въ виду всеобщаго минорнаго настроенія, я помню, что я и Эрастъ Абаза, мы выразили мнѣніе, что намъ не слѣдуетъ поддаваться ударамъ неумолимой къ намъ судьбы и предаваться унынію, а, напротивъ, необходимо немедленно придумать средство борьбы съ угрожающей намъ тоской и что мы предлагаемъ для этого выслать немедленно въ Царское Село на все время нашего тюремнаго заключенія весь Московскій Цыганскій таборъ, только что прибывшій на праздникъ изъ Москвы въ Петербургъ, при чемъ я, для скорѣйшаго осуществленія этого устроумнаго предпріятія, предложилъ свою Царскосельскую квартиру, какъ болѣе другихъ просторную для помѣщенія табора.

Наше предложеніе имѣло успѣхъ: тотчасъ было условлено сдѣлать складчину на содержаніе и обязательное вознагражденіе табора за время его пребыванія въ Царскомъ; мы же (Абаза и я) отправились предупредить Цыганъ и сдѣлать всѣ нужныя распоряженія о доставкѣ ихъ на другой день въ саняхъ въ Царское Село.

На другой день верхомъ, въ 20 градусовъ мороза, мы отправились обратно въ Царское съ полкомъ. Цыгане были уже на мѣстѣ, когда мы всѣ съѣхались вечеромъ въ моей квартирѣ. При входѣ въ нее мы были поражены: квартира была нѣсколько дней не топлена, и мы застали всѣхъ Цыганъ разсѣвшихся по всѣмъ комнатамъ въ своихъ шубахъ и шапкахъ, такъ какъ во всей моей квартирѣ былъ трескучій морозъ.

Оказалось, что передъ нашимъ выступленіемъ изъ Царскаго, долго загостившись въ Петербургѣ и выѣзжая въ невѣдѣніи, что не было

достаточно запасено дровъ, я не позаботился объ этомъ, а человѣкъ мой, отъ излишней и неумѣстной бережливости, не рѣшился тратить на ихъ покупку деньги безъ особаго разрѣшенія.

Такимъ образомъ мое, слишкомъ радушное, гостепріимство, оказалось совершенно неудачнымъ. Ночью покупать дрова было немыслимо. Такъ или иначе, надо было немедленно выйти изъ этого затрудненія. Не долго думая, я предложилъ топить печи моею мебелью, и первый сталъ уничтожать стулья въ столовой, которые было легче разбивать въ куски, чѣмъ остальную мебель. Всѣ послѣдовали моему примѣру, вскорѣ всѣ печи затрещали, и это новое топливо оказалось превосходнымъ.

Мы всѣ перешли въ мой кабинетъ, гдѣ уже пылалъ въ каминѣ жаркій огонь и, разсѣвшись на коврѣ вокругъ камина, потребовали чаю. Немного спустя была зажжена жженка, въ кабинетѣ сдѣлалось тепло, всѣ сняли верхнюю зимнюю одежду, потребовали гитаръ, Цыгане запѣли стройнымъ хоромъ: «Хожу ли я по улицѣ», и въ эту минуту мы всѣ совершенно забыли о постигшей насъ такъ недавно неожиданной катастрофѣ.

Пребываніе Цыганскаго табора на жительствѣ у меня на квартирѣ, новый способъ, изобрѣтенный нами тогда, для быстраго отопленія моихъ комнатъ мебелью, а также великолѣпная картина живописной группы, расположенной на полу и освѣщенной пылающимъ каминомъ, достойная кисти художника, по всей вѣроятности, долго не забывались впослѣдствіи всѣми участвовавшими на этомъ вечерѣ моими товарищами, а у меня еще болѣе врѣзались въ памяти.

Изъ множества шалостей моей молодости я помню, что въ то время обыкновенно въ большинствѣ значительную роль играли Цыгане, пѣніемъ которыхъ я увлекался до упоенія. Александръ Карамзинъ и Эрастъ Абаза раздѣляли со мною эту страсть.

Тогда еще Цыгане не опошлились такъ, какъ теперь; они не отдавали себя, такъ-сказать, въ аренду содержателямъ загородныхъ ресторановъ, и поэтому не были вынуждены ежедневно ломать и тратить свѣжесть своихъ молодыхъ голосовъ на повтореніе сотни разъ, по требованію невѣжественныхъ посѣтителей, пошлыхъ романсовъ, проводя, въ ожиданіи этихъ посѣтителей, ежедневно сплошныя ночи безъ сна.

Хотя я встрѣчалъ тогда нерѣдко людей, несочувственно относившихся къ пѣнію Цыганъ и не признававшихъ его прелести, но я до сихъ поръ остаюсь при томъ мнѣніи, что оно неподражаемо, и это

мнѣніе не мое личное, какъ диллетанта, а было подтверждено неоднократно такими музыкальными авторитетами, какъ, напримѣръ, знаменитымъ Листомъ и многими другими. Упоминая объ этомъ, я разумѣю пѣніе не нынѣшнихъ Цыганъ, а знаменитыхъ хоровъ прежняго времени.

Ихъ истинная виртуозность, если можно такъ выразиться, состояла въ вѣрномъ пониманіи и художественномъ выраженіи нашихъ національныхъ Русскихъ и Малороссійскихъ мотивовъ. Сохраняя истинно-народный, свойственный Русскимъ или Малороссійскимъ пѣснямъ грустный или игривый характеръ, Цыгане умѣли модулировать ихъ по своему и, ничего не измѣняя въ ихъ наивности, съ необыкновеннымъ искусствомъ выражали всю поэзію этихъ мелодій.

Что̀ можетъ быть и наивнѣе, и проще, какъ народныя пѣсни, подобно: *Ивушкѣ, Метелицѣ, Мнѣ моркотно молоденькѣ, Катили́ся вòды съ гòры* и пр., и пр.; а вмѣстѣ съ тѣмъ, могло ли быть что задушевнѣе, мелодичнѣе и трогательнѣе исполненія Цыганами подобныхъ мотивовъ?...

Романсовъ въ то время почти вовсе не пѣли Цыгане; первый романсъ, который въ тридцатыхъ годахъ надѣлалъ много шума, былъ романсъ Алябьева «Соловей», исполнявшійся знаменитою Цыганкой Танюшей и сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени любимымъ и неизбѣжнымъ номеромъ въ составѣ каждаго концерта рѣшительно всѣхъ безъ изъятія дебютантокъ въ Россіи изъ первоклассныхъ иностранныхъ пѣвицъ.

Припоминая до сихъ поръ съ удовольствіемъ о тѣхъ пріятныхъ музыкальныхъ наслажденіяхъ, которыя мнѣ доставляло пѣніе Цыганъ, я не могу забыть возмутительнаго, по моему, мнѣнія, неоднократно слышаннаго мною, будто Цыганъ можно слушать съ нѣкоторымъ удовольствіемъ только будучи не въ совершенно трезвомъ состояніи.

По случаю разныхъ встрѣтившихся неудобствъ, пребываніе Цыганъ на моей квартирѣ продолжаться не могло долѣе нѣсколькихъ дней, а такъ какъ въ Царскомъ Селѣ не существовало тогда гостиницъ, то мы вынуждены были, къ крайнему нашему сожалѣнію, отпустить ихъ обратно въ Петербургъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ ихъ отъѣзда, случилось такъ, что, сидя у меня за самоваромъ, въ одинъ изъ тоскливыхъ, длинныхъ зимнихъ вечеровъ, съ Абазой, и трактуя, какъ говорится, о возвышенныхъ предметахъ, мы пришли къ убѣжденію, что жизнь слишкомъ коротка, чтобы проводить ее въ такой убійственной скукѣ, тогда какъ

мы находимся въ 20 верстахъ отъ Петербурга, этой современной Пальмиры, со всѣми ея соблазнами. Слѣдовательно, надлежало только туда отправиться. Положимъ, что, не смотря на строгое воспрещеніе въѣзда въ столицу, можно бы было, хотя не безъ риска, въѣхать въ Петербургъ, переодѣвшись въ штатское платье, въ саночкахъ, на хорошихъ рѣзвыхъ лошадяхъ (а въ нихъ у насъ недостатка не было), и назвавшись на заставѣ (гдѣ въ то время должны были записываться всѣ проѣзжающіе) какими-нибудь вымышленными фамиліями. Но тутъ самъ по себѣ являлся вопросъ: если въ пути все обойдется благополучно, то, по пріѣздѣ въ Петербургъ, можемъ ли мы куда-нибудь отправиться, не рискуя быть узнанными?.. Побывать въ театрѣ, въ клубѣ, или въ какомъ-нибудь публичномъ собраніи было немыслимо, тѣмъ болѣе, что у насъ не было въ наличности порядочной штатской одежды. Все взвѣсивъ и сообразивъ, мы пришли къ заключенію, что нигдѣ въ Петербургѣ мы не можемъ показываться, и что намъ остается одно лишь утѣшеніе и одно только доступное намъ удовольствіе: это поѣхать опять къ Цыганамъ.

Немедленно заложены были двое длинныхъ и узенькихъ Чухонскихъ саночекъ, и мы полетѣли въ Петербургъ въ гражданскихъ шубахъ и теплыхъ шапкахъ. По пріѣздѣ къ заставѣ, отданы были нами двѣ записочки, на которыхъ значились двѣ какія-то небывалыя, вымышленныя фамиліи, и мы, весьма довольные удавшеюся шалостью, весело помчались на нашихъ рѣзвыхъ коняхъ по пустой улицѣ Загороднаго проспекта. Я ѣхалъ впереди, а за мною слѣдовалъ товарищъ.

Въѣзжая въ болѣе оживленную часть города, я былъ вынужденъ умѣрить ходъ моего коня, чтобы кого-нибудь не задѣть; но лошадь моя до того разгорячилась быстрой нашей ѣздой, что весьма неохотно стала мнѣ подчиняться, и я съ трудомъ могъ ее сдерживать моими, сильно окоченѣвшими отъ мороза руками. Улицы стали тѣснѣе и многолюднѣе, мимо меня мелькали кареты и одиночки, и я благополучно лавировалъ между ними довольно ловко, какъ вдругъ на какомъ-то перекресткѣ, передъ площадкой, называемой Пять Угловъ, я такъ близко пролетѣлъ мимо ѣхавшаго мнѣ навстрѣчу извозчика, что спинкой моихъ саней задѣлъ его оглоблю и краемъ спинки, какъ посредствомъ рычага, моментально приподнялъ извозчичьи сани кверху и затѣмъ повалилъ ихъ на бокъ. Я видѣлъ, какъ сѣдокъ, взлетѣвъ на воздухъ, тяжело повалился на землю. Все это было дѣломъ одной секунды. Думать было нечего, я ударилъ моего коня возжей. Въ это время послышались со всѣхъ сторонъ крики «держи его!» Когда я въѣхалъ на площадь, крики усилились. Какъ я цѣлъ и невредимъ про-

летѣлъ между экипажами, скрещивающимися въ этомъ мѣстѣ, гдѣ сходится пять улицъ, я до сихъ поръ не понимаю. Когда я бросился въ первый попавшійся мнѣ удобный выходъ, я слышалъ, какъ мой товарищъ, ѣхавшій за мной, громче всѣхъ кричалъ: «держи, держи его!» Когда я повернулъ быстро направо въ избранную мною улицу, я увидалъ кричавшаго товарища, мчавшагося въ сосѣднюю улицу влѣво, а за нимъ во весь опоръ стая извозчиковъ пустилась въ погоню. Слава Богу, я былъ спасенъ необыкновенною находчивостью товарища; но я не умѣрялъ хода своей лошади и мчался по безлюдной относительно другихъ улицѣ, опасаясь все еще преслѣдованія. Когда я успокоился, то былъ уже далеко, и мнѣ стоило немало труда найти надлежащій путь, чтобы добраться до улицы, гдѣ жили Цыгане.

Признаюсь, что, вылѣзая изъ саней и отдавая свою лошадь, я вздохнулъ всею грудью, какъ человѣкъ подвергшійся страшной опасности.

Въ дѣйствительности миновавшая насъ опасность была нешуточная. Прегради мнѣ только на одну минуту путь сновавшіе взадъ и впередъ на площади «Пяти Угловъ» экипажи, и я былъ бы, несомнѣнно, тотчасъ же остановленъ извозчиками. Полиція отвела бы насъ въ участокъ, гдѣ мы, конечно, были бы легко признаны за гусарскихъ офицеровъ по золотымъ нашимъ лампасамъ; насъ отправили бы въ ордонансгаузъ къ коменданту, обо всемъ, на другой день, доложено было бы великому князю Михаилу Павловичу, и несомнѣнно, что, при существовавшей тогда строгости, мы были бы примѣрно наказаны за всю совокупность нашихъ преступленій, т. е., что́ весьма вѣроятно—отданы подъ судъ.

Немного спустя, пріѣхалъ къ Цыганамъ и мой спаситель Эрастъ Абаза, котораго я обнялъ отъ души за его находчивость. Радость Цыганъ при нашемъ появленіи была неописанная. Мы не скрыли отъ женскаго персонала опасности, которой мы подверглись, чтобы ихъ навѣстить, чему онѣ легко повѣрили. Онѣ это приняли съ тѣмъ участіемъ и той живостью, которыя имъ свойственны, вслѣдствіе чего онѣ пѣли еще лучше, чѣмъ обыкновенно, и мы, весьма довольные полученнымъ нами удовольствіемъ, рано утромъ, на зарѣ, отправились тѣмъ же порядкомъ, но уже по пустымъ улицамъ Петербурга, обратно въ Царское Село.

Наше заточеніе длилось однако недолго. Скоро послѣдовало разрѣшеніе отпускать насъ въ городъ, и жизнь наша вошла въ обычную колею.

Напрасно думаютъ, что молодежь, когда жизнь ей предоставляетъ полную чашу радостей и удовольствій, обыкновенно все на свѣтѣ забываетъ, чтобы испить эту чашу до дна. Я замѣчалъ, наоборотъ, что для большинства молодыхъ людей, даже самыхъ легкомысленныхъ, семейный очагъ и память о прошломъ составляютъ ихъ самыя задушевныя мысли, надъ которыми они часто задумываются. Мнѣ не рѣдко удавалось даже замѣтить, что молодые люди, особенно одинокіе, вдали отъ родныхъ, въ самый разгаръ увлеченій, не упускали случаевъ сближаться съ какимъ нибудь симпатичнымъ для нихъ семействомъ, чтобы, взамѣнъ собственнаго родительскаго очага, проводить семейно въ немъ свое свободное время, удовлетворяя этимъ не сознанную ими, но живущую въ нихъ духовную потребность. Я замѣчалъ эту особенность чаще всего въ тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые воспитывались дóма, а не въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Тоже самое было и со мною въ Петербургѣ: чувствуя свое одиночество среди этого шумнаго свѣта, я искалъ душевнаго успокоенія и родного пріюта у дяди своего, князя Петра Ивановича Мещерскаго, женатаго на старшей дочери Карамзина, единственнаго родственника моего въ Петербургѣ. Я по этому поводу могу сказать, что я былъ избалованъ судьбой, найдя въ моемъ дядѣ друга и совѣтника въ то время, когда я всего болѣе въ нихъ нуждался.

Никто не былъ радушнѣе, привѣтливѣе и любезнѣе къ своимъ родственникамъ, какъ онъ и тетушка моя Екатерина Николаевна. Ихъ семейная жизнь была образцовая, а забота ихъ о своихъ дѣтяхъ трогательна. Замѣчательная кротость родителей отразилась и на дѣтяхъ, которые, впослѣдствіи, отличались ровными и добрыми характерами.

Старшій ихъ сынъ Николай, любимецъ матери, превосходно учился и отличался выдающимися способностями, при чемъ былъ замѣчательно скроменъ и застѣнчивъ. Онъ сдѣлалъ довольно быструю карьеру, женился на графинѣ Марьѣ Александровнѣ Паниной и состоялъ впослѣдствіи попечителемъ учебнаго округа въ Москвѣ.

Будучи въ то время въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Толстымъ, министромъ народнаго просвѣщенія, я за честь себѣ считаю, что нѣсколько содѣйствовалъ этому назначенію, которое оказалось весьма удачнымъ.

Когда обстоятельства, въ 60-тыхъ годахъ, свели меня съ моимъ двоюроднымъ братомъ княземъ Николаемъ Петровичемъ, то я имѣлъ случай оцѣнить всѣ его качества вполнѣ и всѣмъ сердцемъ къ нему привязаться; да его и нельзя было не полюбить! За свою высокую честность, безпристрастіе, необыкновенную деликатность и знаніе дѣла, онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, въ особенности во время своей дѣятельности, какъ попечитель Московскаго учебнаго округа.

Единственный упрекъ, которому подвергалась его дѣятельность, какъ попечителя, былъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени несправедливый: его критиковали за то, что онъ сосредоточивалъ все свое вниманіе на гимназіяхъ своего округа и слишкомъ мало проявлялъ вліянія и своей личной иниціативы въ дѣлахъ Московскаго университета.

Дѣло въ томъ, что мой двоюродный братъ не сочувствовалъ новому университетскому уставу, созданному подъ вліяніемъ либеральныхъ вѣяній (недоброй памяти шестидесятыхъ годовъ), который появился въ началѣ вступленія его въ должность попечителя. Этотъ уставъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ тогда былъ составленъ, въ сущности представлялъ собою всецѣло нечто иное, какъ безконтрольное университетское самоуправленіе, въ которомъ не было мѣста попечителю учебнаго округа, и, какъ всѣ наши опыты сомоуправленія, неминуемо должно было окончиться неимовѣрнымъ хаосомъ.

Я помню, что покойный мой тесть, Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, сохранившій, по старой памяти, долгое время косвенное вліяніе въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, разсказывалъ мнѣ, что мой двоюродный братъ обращался къ нему по этому поводу и что въ долгой бесѣдѣ съ графомъ онъ высказалъ ему всѣ свои опасенія. Но покойный графъ, какъ видно, совершенно не раздѣлилъ его взглядовъ и не придалъ имъ значенія, утверждая, что будто бы новый уставъ не можетъ служить препятствіемъ подобающему первенствующему вліянію попечителя учебнаго округа на дѣла университетскія. Послѣдствія, кажется, достаточно доказали: кто въ этомъ случаѣ былъ правъ и кто виноватъ.

Не даромъ о лицахъ, облеченныхъ властью и поэтому по службѣ отвѣтственныхъ, но въ дѣйствительности власти неимущихъ, давно сложилась поговорка, столь часто повторяемая, что: «это положеніе хуже губернаторскаго!» Тоже самое можно было въ то время сказать о положеніи попечителя учебнаго округа. Очевидно, что попечителю вмѣшиваться въ дѣла университета невозможно, когда его авторитетъ не поддерживается законнымъ правомъ и когда его мнѣнія могутъ постоянно подвергаться полному невниманію профессоровъ.

Легко было говорить графу Сергѣю Григорьевичу, что попечители должны были дѣйствовать силою своего нравственнаго авторитета. Въ его время эта сила основывалась на законѣ, и не приходилось стрѣлять въ пустое пространство.

Съ другой стороны молодежь несомнѣнно нуждается въ руководителѣ, и чѣмъ выше онъ поставленъ, тѣмъ дѣйствительнѣе его авторитетъ въ глазахъ молодежи.

Во время нашихъ университетскихъ смутъ, которыя періодически повторялись во всѣхъ нашихъ университетахъ, со времени введенія новаго университетскаго устава, раздавались часто голоса, упрекающіе во всемъ господъ профессоровъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны были бы быть настоящими наставниками и руководителями нашей несовершеннолѣтней университетской молодежи, предоставленной у насъ на произволъ судьбы и на волю Божію.

Не отрицая пагубнаго вліянія нѣкоторыхъ лицъ, занимающихъ у насъ каѳедры, зависящаго отъ тенденціознаго ихъ направленія, нельзя однако согласиться съ требованіемъ тѣхъ, которые возлагали на профессоровъ всю отвѣтственность за университетскіе безпорядки и хотѣли требовать отъ нихъ, чтобы они были не только хорошими профессорами, но единственными наставниками и руководителями университетской молодежи. Справедливо-ли, въ самомъ дѣлѣ подобное требованіе? Профессоръ,—этотъ жрецъ науки, поглощенный всецѣло своею спеціальностью, не знающій и не имѣющій возможности знать ничего о томъ, что̀ дѣлаютъ и о чемъ думаютъ студенты послѣ его лекцій, можетъ-ли онъ быть дѣйствительнымъ ихъ наставникомъ, совѣтникомъ и руководителемъ внѣ стѣнъ университетской аудиторіи?

Едва-ли кто нибудь изъ профессоровъ возметъ на себя такую отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что законъ его къ этому не обязываетъ; да и времени у него для этого нѣтъ. Каждый профессоръ по прочтеніи своей лекціи сходитъ съ своей каѳедры, убѣжденный, что онъ совершенно добросовѣстно исполнилъ единственный возложенный на него долгъ и что онъ болѣе никакой обязанности на себя не бралъ. Были, правда, рѣдкія исключенія такихъ профессоровъ, которые силились отрезвить и образумить университетскую молодежь, во время ихъ увлеченій разными утопіями, но и эти попытки, какъ извѣстно, обыкновенно кончались неблагополучно; такъ было, напримѣръ, съ моимъ пріятелемъ, профессоромъ покойнымъ Ѳеодоромъ Михайловичемъ Дмитріевымъ.

Я все это говорю совершенно объективно, какъ человѣкъ посторонній, бывавшій часто свидѣтелемъ университетскихъ безпорядковъ, но отнюдь не какъ уполномоченный высказывать какія бы то ни было чужія мнѣнія, хотя бы даже и близкаго мнѣ родственника, князя Николая Петровича, бывшаго попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1854-й годъ *).

Въ нашъ новый годъ меня позвала гросгерцогиня и предложила мнѣ мѣсто преподавательницы музыки въ ея институтѣ (Sophienstift).

21-го Января. Былъ у меня Гансъ фонъ-Бюловъ. Онъ намѣревался оставить Веймаръ и поселиться на нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ. Молодой артистъ не могъ ограничить свою дѣятельность одними концертами, которые въ то время въ Германіи не представляли никакого особеннаго интереса; онъ нашелъ, что лучше, переселившись въ большой городъ, сосредоточить тамъ свою дѣятельность и, упрочивъ свое имя, посѣтить Парижъ и Лондонъ.

19-го Февраля. Въ первый разъ слышала я забытую оперу Бетховена «Фиделіо», чудная музыка которой предана забвенію, благодаря невозможному либретто, которое написано было по-французски, а затѣмъ переведено на Нѣмецкій языкъ Сонненлейтнеромъ.

Все это время я вела невозможную жизнь: работала страшно много и въ тоже время ни одинъ вечеръ не проводила одна. По окончаніи траура по великомъ герцогѣ, какое-то лихорадочное упоеніе жизнью овладѣло всѣмъ обществомъ: рауты, вечера съ музыкой, маскарады гнались одинъ за другимъ, и я удивляюсь, какъ можно было такъ жить.

28-го Февраля. Музыка невозвратно потеряла одного изъ величайшихъ и геніальнѣйшихъ своихъ представителей: Шуманъ сошелъ съ ума и бросался въ Рейнъ. Такъ больно было за его несчастную жену и дѣтей! Нѣсколько дней послѣ этого я получила первое письмо, съ грустными подробностями, которыя и сообщила Листу, ничего еще не знавшему о случившемся.

Въ то время Листъ былъ очень разстроенъ, такъ какъ дѣла княгини Витгенштейнъ все тяжелѣ ложились на нее. Она отказалась по-

---

*) За предъидущіе годы Записки М. С. Сабининой напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, выпуски 4, 5, 6 и 8-й.

полнить законное требованіе Русскаго правительства, которое, по истеченіи пятилѣтняго срока ея пребыванія за границей, требовало ея возвращенія въ Россію. Конфисковано было ея значительное имѣніе въ Россіи, вслѣдствіе чего она лишилась средствъ къ существованію. Для княгини, привыкшей къ роскоши, этотъ ударъ былъ особенно тяжелъ, ради будущности ея дочери. Весьма вѣское ходатайство передъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ дало возможность измѣнить это рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что все состояніе было возвращено и передано ея единственной дочери, княжнѣ Маріи Н. Витгенштейнъ, которая неотлучно жила при матери. Всѣ эти непріятности съ княгиней Витгенштейнъ не могли не подѣйствовать и на Листа; онъ, видимо, очень мучился и страдалъ, такъ какъ его состояніе было всецѣло отдано имъ его дѣтямъ отъ графини d'Агу́; самъ на себя онъ очень мало тратилъ, но постоянно поддерживалъ Вагнера, хотя это было ему не легко. Не показывая своего душевнаго разстройства, Листъ былъ въ грустномъ настроеніи духа; но его поддерживала сильная вѣра. Озабоченный собственнымъ положеніемъ, онъ, однако, постоянно дѣйствовалъ въ пользу постановки драмъ Вагнера. Дингельштетъ хотѣлъ ставить Тангейзера въ Мюнхенѣ, но не соглашался дать за партитуру требуемыхъ Вагнеромъ 100 луидоровъ. Веймарскій театръ, давшій впервые Тангейзера, послалъ Вагнеру 20 луидоровъ за партитуру; вознагражденіе скромное, но и театръ маленькій. Чтобы составить себѣ понятіе, на какой доходъ могъ разсчитывать Вагнеръ, слѣдуетъ взять во вниманіе число слушателей, вмѣщавшихся въ театральномъ помѣщеніи Мюнхена, большого города и королевской резиденціи. Тангейзеръ можно было вездѣ ставить безо всякаго опасенія, потому что гдѣ бы его ни давали, отъ него получался отличный сборъ, за исключеніемъ Лейпцига, гдѣ противъ драмъ Вагнера вели открытую войну сторонники классической школы. Но и это длилось недолго. Тангейзеръ вездѣ пробилъ себѣ дорогу и никогда не былъ убыточенъ для театральной дирекціи. Непонятно, какъ большіе города, напримѣръ Берлинъ и Вѣна, все затягивали постановку Вагнеровскихъ драмъ. Листъ велъ переговоры о Тангейзерѣ съ Дингельштетомъ, но тотъ не соглашался на требованіе Вагнера; время шло, а все не приходили ни къ какому рѣшенію, не смотря на то, что члены королевскаго дома поддерживали драмы Вагнера. Театры меньшихъ городовъ поставили съ успѣхомъ не только Тангейзера, но и Лоэнгрина; первая заслуга принадлежала Веймару, откуда пробита имъ дорога въ театры Дармштата, Касселя, Бреславля, Франкфурта, Шверина, Висбадена, Познани и др.

19-го Марта. Давали «Эвріанту» Вебера: еще опера, либретто которой ниже всякой критики, а музыка чудесна. Дуэтъ между Абеларомъ и Эвріантой единственный въ своемъ родѣ; онъ широко развитъ и первый такого размѣра. Нѣтъ сомнѣнія, что на немъ Мейерберъ учился и, какъ практическій человѣкъ, съ него написалъ свой дуэтъ въ Гугенотахъ, и навѣрное дуэтъ этотъ во многомъ имѣлъ рѣшительное вліяніе и на Вагнера. Можно только удивляться, какъ рѣдко приходится его слышать: поютъ всякую всячину, а Эвріанта предана забвенію.

Черезъ недѣлю дали опять Эвріанту. По окончаніи оперы я была у Листа; тамъ играла В. Клаусъ (впослѣдствіи m-me Szarvady); ея игра была чиста и аккуратна, но это все. Вслѣдъ за ней за рояль сѣлъ Листъ, и понятно, что своей очаровательной игрой убилъ все прежде слышанное.

4-го Апрѣля. Пришелъ докторъ Поль и его жена, присланные ко мнѣ Листомъ. Они поселились въ Веймарѣ и стали всегдашними членами частныхъ музыкальныхъ вечеровъ. Д-ръ Поль—музыкальный критикъ, писавшій также довольно плохіе стихи; а жена его играла на арфѣ, но будучи очень нервною особой, никакъ не могла спокойно владѣть своимъ инструментомъ и никогда не была увѣрена въ успѣхѣ; это были случайности, и когда она выступала играть, мною всегда овладѣвалъ страхъ за нее. Инструментъ ея былъ прелестный, Эрара изъ Парижа, но не онъ былъ ей подвластенъ, а она ему.

16-го Апрѣля. Вьётанъ далъ концертъ. Онъ игралъ мастерски. Я очень любила его смычекъ; хотя онъ былъ не такъ мягокъ, какъ у Эрнста, но по искусству ихъ можно ставить на одну ступень. Бѣдная г-жа Поль играла фантазію Тальберга на мотивы изъ «Моисея» Россини; къ несчастію, играя безъ нотъ, она запуталась и остановилась, что̀ было крайне тяжело. Съ тѣхъ поръ она никогда больше не играла соло въ концертахъ, а участвовала только въ оркестрѣ.

19-го Апрѣля. Въ частномъ кругу Листъ сыгралъ намъ Крейцерову сонату Бетховена и сонаты Баха, что̀ такъ рѣдко приходится слышать; это было настоящее музыкальное наслажденіе.

6-го Мая. Въ мастерской профессора Фридриха Преллера, творца фресокъ, изображающихъ Одиссею въ Веймарскомъ музеѣ, помѣстился работать профессоръ Ритчель изъ Дрездена, пріѣхавшій, чтобы сдѣлать медальонъ Листа и бюстъ княгини Маріи Витгенштейнъ. Онъ мастерски исполнилъ эти работы; особенно медальонъ Листа рельефностью своей поражаетъ всякаго, кто понимаетъ трудность подобной работы. Ритчель въ то время былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, уже съ просѣдью; онъ немного говорилъ, за то много думалъ, что̀ видно было по выра-

женію его лица. Безспорно, въ то время онъ былъ лучшимъ скульпторомъ въ Германіи, а его многочисленные ученики дѣлаютъ ему честь и доказываютъ, какой онъ отличный учитель.

7-го Мая. Давали «Роберта» Мейербера. Давно не слыхавъ его, я съ особеннымъ интересомъ отправилась въ театръ, но признаться, опера оказалась гораздо ниже моихъ ожиданій. Чувство, что она составлена изъ разныхъ частей и несвязность всего особенно меня поразили. Нельзя сказать, чтобы я отправилась слушать «Роберта» предубѣжденная; напротивъ, я думала найти больше въ оперѣ, которая въ свое время надѣлала такъ много шума.

На слѣдующій день Листъ повторялъ съ оркестромъ нѣкоторыя изъ своихъ симфоническихъ поэмъ, для посѣтившаго его Іоахима. Оппозиція упрекала Листа въ рѣзкости нѣкоторыхъ гармоническихъ переходовъ и послѣдовательностей, къ которымъ ихъ слухъ еще не привыкъ; форма композиціи была тоже выходящая изъ общепринятыхъ рамокъ и больше всего подверглась критикѣ классиковъ, строго порицавшихъ всякое уклоненіе отъ образцовъ, оставленныхъ намъ старыми маэстрами. Они не поражались благородствомъ и элегантностью мотивовъ и изяществомъ инструментаціи; живость переходовъ отъ одной мысли къ другой имъ казалось неумѣлостью работать, и критика ни въ чемъ не щадила автора, который ненавидѣлъ неподвижность и безжизненность въ искусствѣ.

Сыграли также новую увертюру Іоахима, которая въ сравненіи съ прежними его сочиненіями на много шагнула впередъ и доказываетъ даровитость Іоахима, какъ композитора.

11-го Мая. Былъ концертъ братьевъ Миллеръ изъ Мейнингена, тогда уже пользовавшихся большой извѣстностью; они вполнѣ заслуживали предшествовавшую имъ славу своей удивительно согласной игрой и вѣрностью исполненія. Идивидуальнаго влеченія, пониманія или передачи одного или другого члена, униxъ не существовало: это было, вполнѣ соотвѣтствовавшее классицизму, общее безукоризненное исполненіе предначертаній автора, но безъ геніальнаго полета, какой встрѣчаешь у Іоахима, который игралъ Бетховена какъ никто: у него именно соединялись безукоризненная передача сочиненія съ приложеніемъ личнаго поэтическаго пониманія написаннаго.

26-го Мая. Я познакомилась съ Шульгофомъ. Это былъ Еврей, небольшого роста, худощавый и на видъ болѣзненный. Онъ очень элегантно и салонно сыгралъ свои сочиненія, которыя одно время наводняли всѣ гостинныя и исполнялись всѣми, игравшими на роялѣ.

30-го Мая. Пріѣхалъ изъ Петербурга А. Г. Рубинштейнъ. Онъ, проведя въ Веймарѣ нѣсколько недѣль, очень часто посѣщалъ нашъ

домъ. Веселый, шутливый, исполненный надеждъ, молодой артистъ былъ любимцемъ всего нашего семейства.

Отъ усиленныхъ занятій и утомительной жизни, которую я вела, здоровье мое такъ пошатнулось, что мнѣ необходимо было отдохнуть въ деревенской тиши. Мои друзья, семейство ф. Гопфгартенъ, отправлялись на нѣсколько недѣль въ Шандау; я къ нимъ присоединилась и поѣхала погостить въ Проссенъ, имѣніе Брокгаузена, находящееся въ часовомъ разстояніи отъ Шандау. Мои подруги, Клара и Оттель Брокгаузенъ, развлекали меня сколько было возможно; мы ежедневно совершали большія прогулки и обозрѣвали Саксонскую Швейцарію со всѣми ея дѣвственными и привлекательными видами. Хотя въ этой мѣстности Эльба не широка, все же это была вода, которая всегда такъ меня привлекала: чувство, что я родилась близъ моря и первыя шесть лѣтъ жизни провела окруженная этимъ живучимъ элементомъ, о которомъ мы всѣ дѣти, пріѣхавъ въ Веймаръ, плакали и вздыхали, чувство это никогда не забывалось. Но всему хорошему бываетъ конецъ, и въ концѣ мѣсяца пришлось ѣхать обратно. Въ Дрезденѣ мы остановились, чтобы осмотрѣть картинную галлерею, а затѣмъ въ Лейпцигѣ я провела три дня и ежедневно бывала у Лидіи Фрэ́ге, у которой мы много играли между прочимъ съ Кониглёвомъ (скрипачемъ) и съ віолончелистомъ Грабау (Grabau). Между прочимъ Лидія Фрэ́ге разсказывала мнѣ, что въ Римѣ она слышала ораторіумъ Раймонди и что ничего подобнаго никогда не приходилось ей слышать. Ораторіумъ исполняли три хора; то, что̀ въ первой части соло, во второй—дуэтъ въ третьей терцетъ съ присоединеніемъ хора и переработанное по правиламъ контрапункта. Для музыканта это имѣетъ интересъ контрапунктическій; но, благодаря продолжительному повторенію, композиція такъ однообразна и легко уловима, что Лидія Фрэ́ге въ третій разъ была-бы уже въ состояніи пѣть съ хорами. Въ Римѣ не принято, чтобы самъ композиторъ дирижировалъ, и потому Раймонди сидѣлъ на стулѣ близъ суфлёрской будки и вертѣлъ въ рукахъ свою шляпу, поворачиваясь и кланяясь каждый разъ, что̀ ему аплодирорали.

28-го Іюня я вернулась въ Веймаръ, на слѣдующій день играла у Листа, а затѣмъ онъ пришелъ ко мнѣ съ Прукнеромъ, Рубинштейномъ, Э. Генастомъ и А. ф. Герсдорфомъ.

6-го Іюля. На урокѣ у Листа. Встрѣтила у него Жерара де Нерваль (Gérard de Nerval), который перевелъ на Французскій языкъ Фауста. Въ 1850 году онъ написалъ (въ журналѣ «Presse») статью о Лоэнгринѣ, о которой Вагнеръ выразился одобрительно; въ то время это былъ довольно геройскій подвигъ. На меня Нерваль произвелъ очень странное впечатлѣніе: онъ былъ уже не первой молодости, во

всемъ существѣ его было что-то нелюдимое; онъ молча ходилъ по комнатѣ, пересматривалъ книги и перекладывалъ ихъ съ мѣста на мѣсто; словомъ, казался чудакомъ. Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Парижъ, онъ повѣсился (26-го Январь 1855 г.).

Противоположностью ему былъ Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ, которому въ то время было болѣе шестидесяти лѣтъ и, несмотря на это и на сѣдые волосы, онъ держался прямо, былъ веселъ, разговорчивъ, шутливъ и въ концѣ концовъ женился.

Въ половинѣ Іюля я поѣхала на нѣсколько дней въ Лейпцигъ, гдѣ между прочимъ была у Лидіи Фрэ́ге на вечерѣ, данномъ по случаю золотой свадьбы родителей ея мужа. Ставили живыя картины, декламировали стихи, пѣли хоромъ, садъ былъ великолѣпно иллюминованъ, ужинали въ оранжереяхъ и наконецъ танцовали (19-го Іюля).

Вернувшись въ Веймаръ всего на два дня, 23-го Іюля я уѣхала въ Лауха, имѣніе ф.-Гопфгартена, чтобы тамъ пожить въ деревенской тишинѣ. Имѣніе это лежитъ у подножья Гёрзельберга, въ гротѣ котораго (Venus Höhle), по народному преданію, царствовала Венера и тамъ держала при себѣ Тангейзера. Близъ лежащій Рейнгартсбруннenъ, лѣтній дворецъ герцога Готскаго, и живописныя окрестности заставляли насъ проводить бо́льшую часть времени внѣ дома, и я вдоволь наслаждалась природой, особенно лѣсами, которые всегда меня привлекали.

10-го Августа. Отецъ привезъ изъ Дрездена вѣсть о смерти короля Саксонскаго Фридриха Августа III-го. Съ этой смертью для Вагнера возрождалась надежда на прощенье, о которомъ такъ часто подымался вопросъ при покойномъ королѣ. Положеніе Вагнера съ каждымъ днемъ становилось для него тяжелѣе. Въ его головѣ зародилась мысль о Тристанѣ и Изольдѣ и, желая получить возможность работать безъ раздраженія ежедневными заботами о хозяйствѣ, онъ искалъ получить авансомъ небольшую сумму денегъ, но, не смотря на возраставшую его славу, нигдѣ не могъ ее достать.

4-го Сентября. Вечеромъ Листъ игралъ у насъ чудесно, какъ и сопровождавшіе его А. Г. Рубинштейнъ и Васильевскій. Сынъ Листа Даніэль былъ съ нимъ.

14-го Сентября. Дженелли, переѣхавшій изъ Мюнхена въ Веймаръ, выставилъ свои картины для дома ф.-Шака; сила и точность рисунка поразительны, композиція богата, и по своей законченности картины напоминаютъ величайшихъ художниковъ.

15-го Сентября. Вечеромъ у насъ Листъ. Я играла съ нимъ въ 4 руки фантазію (f-mole) Моцарта и фугу (c-mole) Баха, для двухъ роялей.

16-го Листъ дирижировалъ «Эрнани» Верди.

17-го Сентября. Познакомилась съ маркизой Ла-Ферріеръ, очень милой и образованной дамой; у нея была прелестная дочь, которой впослѣдствіи я давала уроки.

19-го Сентября. Была у Листа. Онъ получилъ отъ Парижскаго фабриканта роялей Александра сдѣланный по его заказу и указаніямъ новый инструментъ, стоившій 10 тысячъ франковъ. Это было соединеніе рояля и гармоніума; кромѣ рояльной клавіатуры было еще, кажется, три, построенныя одна надъ другой, для гармоніума съ разными регистрами, и ножные клавиши. Листъ сыгралъ на немъ при мнѣ своего «Орфея» и нѣсколько «Poèmes harmoniques»; разнородность звуковъ рояля и гармоніума давала возможность пользоваться ими для произведенія разнообразныхъ звуковыхъ эффектовъ. Въ другой разъ Листъ сыгралъ на немъ «Балъ» Рубинштейна и производилъ очень счастливыя сочетанія звуковъ.

У Листа видѣла г-жу Деннисъ Стритъ; это была красивая и очень образованная женщина, которая, будучи ученицей своего отца г-на Клиндвортъ (дипломатическаго секретаря при королѣ Ганноверскомъ), служила ему для собиранія нужныхъ политическихъ свѣдѣній.

9-го Октября. Вечеромъ ко мнѣ пришелъ Листъ и принесъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ Клары Шуманъ, о постановкѣ на Веймарской сценѣ оперы «Геновева». Листъ, который всегда былъ заваленъ письмами и, когда только могъ, поручалъ другимъ отвѣчать за него, просилъ меня отвѣчать на это письмо отъ его имени. Отвѣтъ гласилъ, что гросгерцогиня Софія приглашаетъ г-жу Шуманъ принять участіе въ музыкальномъ утрѣ при дворѣ и играть вечеромъ въ театрѣ съ гонораромъ въ 25 луидоровъ. За партитуру Геновевы интендантъ театра фонъ Больё (v. Beaulieu) назначилъ 15 луидоровъ и за переписку голосовъ 4 луидора. Листъ говорилъ, что при исполненіи Геновевы нельзя разсчитывать на полный театръ, вслѣдствіе чего интендантство и не можетъ назначить больше за эту оперу. За партитуру Тангейзера Вагнеръ получилъ всего 20 луидоровъ.

12-го Октября я получила отъ г-жи Шуманъ отвѣтъ въ которомъ она изъявляла свое согласіе на предложеніе Листа и обѣщала пріѣхать.

25-го Октября. Листъ повелъ меня въ городскую церковь слушать игру Лефебюра-Велли (Lefébure-Welly), органиста церкви Св. Магдалины въ Парижѣ. Лефебюръ нашелъ, что органъ черезчуръ заигранъ, и объяснялъ, что за очень небольшія деньги его можно обновить. Игралъ онъ правильно и очаровательно, но только салонныя пьесы, на тему которыхъ затѣмъ импровизировалъ. Изъ церкви я по-

шла на вокзалъ желѣзной дороги встрѣчать г-жу Шуманъ, которая должна была пріѣхать съ ученицей своей Шӧнерштэдтъ. Поѣздъ опоздалъ на три часа, и эти часы прошли для меня не особенно быстро.

Г-жа Шуманъ остановилась у моихъ родителей, съ которыми познакомилась въ 1840 году, когда, будучи невѣстой Шумана, она жила съ нимъ у матери музикъ-деректора Карла Монтага.

Послѣ первыхъ привѣтствій, она спросила меня, нѣтъ ли у насъ писемъ на ея имя, и на мой отрицательный отвѣтъ, объяснила, что въ теченіе четырехъ недѣль не получала писемъ отъ своего мужа; при воспоминаніи о несчастномъ своемъ мужѣ, который въ то время находился въ частномъ заведеніи близь Бонна, она залилась слезами. Послѣ обѣда она немного успокоилась и сошла къ намъ въ бельэтажъ, чтобы упражняться. Она сыграла два канона и концертъ a-mol ея мужа, и «Variations sérieuses» Мендельсона-Бартольди. Тутъ пришелъ Поль, чтобы составить съ ней программу ея концерта.

По уходѣ его г-жа Шуманъ заставила меня играть; я выбрала изъ Шумана, Шопена и Листа. Вечеромъ мы немного поговорили объ этомъ, и лишь на слѣдующій день она строго разобрала мою игру.

Листъ пришелъ къ намъ по окончаніи оперы («Лукреція Борджіа») которую онъ дирижировалъ. При встрѣчѣ онъ поцѣловалъ г-жу Шуманъ, что̀ крайне удивило ее, также какъ и меня, такъ какъ вообще онъ не имѣлъ обыкновенія такъ здороваться съ дамами. Онъ былъ очень радъ ее видѣть; она менѣе рада, такъ какъ не симпатизировала ему ни какъ артисту, ни какъ человѣку. Послѣ первыхъ привѣтствій Листъ сказалъ: «Сегодня первый разъ въ жизни на мою долю выпала честь быть освистаннымъ». Мы нимало этому удивились, и тогда онъ разсказалъ, что причиной этому были отставшіе часы маркиза Ла-Ферріеръ, у котораго онъ обѣдалъ. «Я вошелъ въ театръ, 25 минутъ седьмого по часамъ маркиза, который живетъ близъ театра; но по городскимъ часамъ было уже безъ десяти семь» (представленіе начиналось обыкновенно въ $6^1/_2$, а если драма или опера бывала длинная, то въ 6 часовъ). «Въ ту минуту, какъ я появился на дирижерскомъ мѣстѣ, публика принялась свистѣть и свистѣть. Я вижу, что въ гросгерцогской ложѣ ужъ сидятъ ихъ высочества и ожидаютъ моего появленія. Тогда я обернулся къ публикѣ и сдѣлалъ глубокій поклонъ».

Сейчасъ же послѣ чая, г-жа Шуманъ, очень утомленная, удалилась къ себѣ. На слѣдующій день она получила нѣсколько писемъ; одно изъ нихъ было отъ ея мужа. Онъ писалъ понятно и очень сердечно, вспоминая то время, когда они были влюбленными женихомъ и невѣстой: «Помнишь ли ты, какъ однажды я принесъ тебѣ букетъ и брилліантовый перстень, который ты носишь, писалъ онъ между

прочимъ, «и какъ я заставилъ тебя искать этотъ перстень въ букетѣ? Онъ блестѣлъ, какъ капля росы». Далѣе онъ писалъ: «Мнѣ позволяютъ играть по часу въ день; если бы ты могла послушать, какъ я тогда фантазирую. Мнѣ также дали бумагу, чтобы я могъ писать». Каждыя двѣ недѣли г-жа Шуманъ получала письмо отъ своего мужа и отъ его доктора; но докторъ просматривалъ ея письма къ Шуману раньше, чѣмъ передать ихъ ему. При полученіи письма отъ горячаго любимаго мужа, она горько плакала.

Затѣмъ, въ десятомъ часу, она пошла со мной къ Листу, чтобы попробовать его рояль Эрара. Мой рояль, Брейткопфа и Гэртеля, ей не нравился; она нашла, что на немъ слишкомъ тяжело играть и что pianissimo очень трудно удается. Она очень хвалила рояли Клэма въ Дюссельдорфѣ, съ Англійскимъ механизмомъ. Рояль Эрара, принадлежавшая Листу, ей очень понравилась, но она все-таки нашла, что и на немъ играть утомительно (noch etwas zu schwer). Между тѣмъ въ комнату вошла княгиня Витгенштейнъ, съ которой Клара Шуманъ поздоровалась очень сердечно; про нее она сказала мнѣ послѣ: «Я очень люблю княгиню и вполнѣ признаю ея превосходство (ich kenne ganz ihre Vorzüge)».

Къ двѣнадцати часамъ мы вернулись домой, а въ часъ пришелъ Листъ, чтобы вести насъ на музыкальное утро (matinée) при дворѣ. Ихъ высочества и всѣ присутствующіе приняли г-жу Шуманъ очень любезно, видя въ ней не только одну изъ величайшихъ артистокъ, но и женщину, несущую тяжелый крестъ. Сначала она сыграла «Études symphoniques» своего мужа; но хотя она сыграла ихъ пластично (plastisch) и съ большой силой, сочиненіе это мало понравилось: оно было слишкомъ серьезно для того, чтобы не спеціально музыкальная публика могла понять его съ перваго раза. Затѣмъ она сыграла вальсъ (a-moll) и этюдъ (ges-dur) Шопена, «Am Abend» Шумана, и большой полонезъ (as-dur)—Шопена. Правильность ея игры всѣмъ извѣстна; но вслѣдствіе чрезмѣрной правильности и аккуратности поэтичная часть сочиненій иногда страдала, и ея игра бывала суха. Около половины третьяго мы вернулись домой и, когда она немного отдохнула, въ $^{1}/_{2}$ 6-го мы поѣхали въ театръ на репетицію.

Лаубъ сыгралъ Papageno-Rondo Эрнста, въ которомъ мало музыкальнаго достоинства, такъ что г-жа Шуманъ выразила сожалѣніе, что такой артистъ, какъ Лаубъ, играетъ такую незначащую вещь. Клара Шуманъ сыграла съ оркестромъ концертъ (a-moll) своего мужа и прорепетировала съ Э. Генастъ «Lieder» Шумана, которыя послѣдняя должна была пѣть (Nussbaum, Sonnenschein, du meine Seele). О пѣніи Э. Генаста г-жа Шуманъ отозвалась одобрительно. Послѣ этого Листъ

продирижировалъ для нея свою симфоническую поэму «Les Préludes». О нихъ г-жа Шуманъ послѣ сказала мнѣ: «Жаль генія; рядомъ съ прекраснымъ, которое часто длится всего 5—6 тактовъ, слушатель неожиданно получаетъ музыкальную пощечину (eine musicalische Ohrfeige). Въ звуковыхъ эффектахъ Листъ значительно усовершенствовался, и его инструментовка гораздо лучше, чѣмъ была, что впрочемъ неудивительно; это случается со всякимъ, кто въ теченіе многихъ лѣтъ имѣетъ дѣло съ оркестромъ».

Послѣ репетиціи, къ чаю у насъ собрались: Листъ, д-ръ Поль съ женой, Лаубъ съ женой, Коссманъ, Раффъ, П. Корнеліусъ, Э. Генастъ, ф. Бронсаръ и Кнобъ (піанистъ изъ Берлина). Листъ сыгралъ нѣкоторыя изъ своихъ «Harmonies religieuses», вальсъ по Шуберту (A-dur), вальсъ изъ Лучіи и «Parisiana», очень трудную и неблагодарную вещь, которая могла нравиться только въ его передачѣ.

27-го въ половинѣ одиннадцатаго г-жа Шуманъ пошла со мной къ гофъ-интенданту Г. ф. Больё-Марконэй; и онъ и жена его приняли насъ очень любезно. Это былъ очень образованный и любезный господинъ и онъ во всемъ старался предупредить желанія г-жи Шуманъ. Оттуда она пожелала сама пойти на почту. По дорогѣ она заговорила со мной о моихъ урокахъ у Листа; понятно, что она была противъ того, чтобы я (ея прежняя ученица) продолжала учиться у него. «Скажитесь больной», совѣтовала она, или придумайте другой какой-нибудь предлогъ, чтобы не ходить на его уроки. Изучайте (studieren) одна и исключительно только хорошія вещи. Въ техникѣ вы выиграли, но мнѣ всегда грустно слышать, когда кто бы то ни было съ такимъ великимъ трудомъ (so grosser Mühe) играетъ трудныя и неблагодарныя вещи: сколько хорошихъ сочиненій можно было бы изучить во столько же времени». Очень не одобряла она своенравность темпа у Листа. «Сочиненія Листа не переживутъ его самого», продолжала она; «уже теперь можно слышать лишь немногія изъ его прежнихъ вещей. Съ нимъ случится тоже, что съ Тальбергомъ, сочиненія котораго слушали и играли, пока онъ ихъ самъ исполнялъ передъ публикой».

Затѣмъ мы пошли въ театръ, гдѣ она хотѣла упражняться на рояли (Эрара) Листа. Она сначала сыграла нѣсколько гаммъ въ терцахъ и октавахъ, затѣмъ разбитые аккорды. Послѣ этого она сыграла концертъ своего мужа (a-mol), Variations sérieuses Мендельсона, andante и scherzo изъ сонаты (fis-mol) Бетховена и варіаціи свои и Брамса на одну тему Шумана. При этомъ она разсказала, какъ возникли эти варіатціи. Она написала свои варіаціи въ предыдущемъ году ко дню рожденія мужа, и когда онѣ уже были въ печати, ей разъ вздумалось воспользоваться одной темой, которую она написала по случаю помолвки своей

съ Шуманомъ. Она сдѣлала это въ семи варіаціяхъ. Брамсъ, когда былъ въ Дрезденѣ, ежедневно бывалъ у г-жи Шуманъ, и, какъ она сама говорила, это былъ единственный человѣкъ, который поощрялъ ее работать и заниматься музыкой. Она не могла его достаточно хвалить за то участіе, которое онъ ей выказывалъ, и какъ хорошо онъ говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ ея съ мужемъ. Когда Шуманъ сошелъ съ ума, она была беременна; когда она разрѣшилась, визиты Брамса прекратились. На третій день послѣ родовъ, Брамсъ прислалъ ей варіаціи на тѣже темы ея и ея мужа, на которыя она уже написала свои варіаціи. Онъ разсказалъ ей впослѣдствіи, что такъ по ней стосковался, что написалъ эти варіаціи; онъ предназначалъ ихъ исключительно для нея, но она настояла на томъ, чтобы ихъ напечатали, и пріостановила печатаніе своихъ варіацій для того, чтобы онѣ появились одновременно и никто не могъ бы сказать, что однѣ написаны раньше, а другія послѣ. Г-жа Шуманъ очень рекомендовала мнѣ эти варіаціи Брамса, говоря, что это прекраснѣйшее изо всѣхъ сочиненій, написанныхъ за послѣднее время. Брамсу 22 года, онъ очень серьезенъ для своихъ лѣтъ, очень образованъ и начитанъ, но при этомъ въ немъ свѣжо юношеское чувство. Когда онъ пріѣзжаетъ въ Гамбургъ къ своимъ родителямъ, онъ выкладываетъ всѣ свои игрушки, которыя бережно сохраняются, выставляетъ ихъ на столъ и радуется тѣмъ воспоминаніямъ, которыя онѣ вызываютъ. Въ характерѣ Іоахима есть таже черта, разсказывала г-жа Шуманъ, и, за исключеніемъ ихъ двоихъ, она никого не знала, кто бы при серьезномъ образованіи сохранялъ въ своихъ чувствахъ столько юношескаго. Однажды, когда Брамсъ былъ у Листа, онъ заснулъ подъ музыку въ углу; подобная музыка, сказалъ Брамсъ, способна только усыпить меня. При слѣдующихъ встрѣчахъ обоихъ артистовъ, Листъ всегда предлагалъ Брамсу кресло, чтобъ ему удобнѣе было спать. Но, прибавила она, «это судьба всѣхъ великихъ людей: когда они сдѣлаютъ что-нибудь выдающееся, ихъ стараются со всѣхъ сторонъ умалить». Мнѣ нечего и говорить, что г-жа Шуманъ играла сочиненія Брамса замѣчательно хорошо.

Затѣмъ она сдѣлала визитъ г-жѣ Монтагъ и ея старушкѣ-матери. Выходя отъ нихъ, г-жа Шуманъ сказала: «Когда дуютъ въ резиновые шары, они надуваются именно такъ, какъ Монтагъ вышла ко мнѣ». Это сравненіе было справедливо, такъ какъ Монтагъ не двигалась, пока ея не вызывали. Далѣе г-жа Шуманъ говорила о взаимной зависти артистовъ. «У моего мужа нѣтъ ни малѣйшаго слѣда зависти, у Листа, напротивъ, есть эта черта. Еще у Листа непонятно для меня, какъ ему можетъ быть пріятно быть окруженнымъ такимъ множествомъ молодыхъ людей, которые, разиня ротъ, удивляются ему».

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія домой, появился Листъ. Между прочимъ, онъ вспоминалъ съ г-жей Шуманъ объ одномъ своемъ спорѣ съ Шуманомъ, въ Дрезденѣ. Листъ ставилъ Мейербера выше Мендельсона. Шуманъ же, напротивъ, не могъ слышать музыки Мейербера, а Мендельсоновскую любилъ. Споръ зашелъ такъ далеко, что они разстались, совсѣмъ разсорившись.

Вечеромъ въ театрѣ г-жа Шуманъ дала концертъ, но къ сожалѣнію при почти пустой залѣ. Концертъ своего мужа она сыграла необычайно хорошо. Игра ея необыкновенно чиста и отчетлива, но отъ чрезмѣрной правильности ея часто страдалъ душевный импульсъ; вслѣдствіе этого ея манера играть могла заинтересовать музыканта, но масса слушателей оставалась холодна и давала только необходимую дань вниманія извѣстной артисткѣ.

На слѣдующій день (28-го Окт.) мы завтракали на Альтенбургѣ. Листъ показалъ г-жѣ Шуманъ свой новый инструментъ: соединеніе рояли и гармоніума, съ педалями. Инструментъ очень заинтересовалъ ее по своей новизнѣ, но Ave Maria Листа, которое онъ сыгралъ на немъ, ей не понравилось. Затѣмъ играли, въ 8 рукъ, переложенную Р. Полемъ одну балетную тему «Ромео и Джульеты» Берліоза; г-жѣ Шуманъ она въ высшей степени не понравилась; она очень неодобрительно говорила объ одностороннемъ направленіи музыки и нашла его въ этомъ отношеніи мелочнымъ. Затѣмъ она съ Коссманомъ и Лаубомъ сыграла тріо (g-moll) ея мужа, потомъ она (фортепіано) съ Листомъ (оркестръ) новую концертную пьесу Листа (рукопись), которая мнѣ мало понравилась. Вь тотъ же вечеръ г-жа Шуманъ играла у нашей великой княгини. Она нашла очень характеристичнымъ, что во время ея игры присутствовавшіе дергали корпію. (Это происходило во время Крымской кампаніи).

На слѣдующій день (29-го Окт.) Листъ и княгиня Витгенштейнъ пришли прощаться съ г-жею Шуманъ. За завтракомъ она много разсказывала о піанисткѣ Клаусъ, которая нѣсколько лѣтъ путешествовала по Европѣ; когда она пріѣхала въ Лейпцигъ, Шуманы ввели ее въ музыкальный міръ и въ общество этого города; а впослѣдствіи она выказала себя очень неблагодарной по отношенію къ Шуманамъ. Мать Клаусъ была очень веселая особа и упустила многое въ воспитаніи своей дочери. Она заставляла свою дочь безпрерывно путешествовать и играть въ концертахъ, и не думая даже объ упражненіяхъ между ними; вслѣдствіе этого возложенныя на нее ожиданія не оправдались. Она платила журналистамъ для того, чтобы критики были на ея сторонѣ. Все это разсказала г-жа Шуманъ и прибавила: «Послѣ того, что я въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ путешествовала съ мо-

имъ отцемъ, давая концерты, онъ всегда оставлялъ меня дома на цѣлый годъ, чтобы учиться (studieren)».

На слѣдующій день (30-го Окт.) назначенъ былъ отъѣздъ г-жи Шуманъ. Кромѣ нашего семейства, ее провожали жившіе въ Веймарѣ молодые артисты, д-ръ Поль и фонъ Кальбъ; послѣдній глядѣлъ уже совсѣмъ дряхлымъ, вслѣдствіе безпорядочной жизни, которую онъ велъ. Г-жа Шуманъ выѣхала изъ Веймара съ болѣе легкимъ сердцемъ, чѣмъ пріѣхала, такъ какъ прежде она боялась Веймара и въ особенности Листа. Она сказала мнѣ: «Онъ былъ такъ любезенъ со мной, что съ моей стороны это неблагодарность; но я не могла бы сойтись съ нимъ, въ музыкальномъ отношеніи мы слишкомъ расходимся. Тѣмъ не менѣе она продолжала говорить о сочиненіяхъ Листа и сказала, что объ его вещахъ нельзя сказать, что прекрасное всегда остается прекраснымъ: когда онъ играетъ, ему рѣшительно все равно, если какой-нибудь ноты не хватаетъ, или звукъ замедляется, а мнѣ это вовсе не все равно». «Моя игра не можетъ нравиться Листу», сказала она, «я думаю, что она должна казаться ему слишкомъ доморощенной (hausgebacken)». Я была поражена этимъ замѣчаніемъ, такъ какъ наканунѣ Листъ сказалъ мнѣ: «Если я могу въ чемъ-нибудь упрекнуть игру г-жи Шуманъ, такъ это только въ томъ, что она слишкомъ hausgebacken; c'est un sentiment trop fait».

Каждый разъ передъ тѣмъ, какъ играть публично, Клара Шуманъ бывала очень нервна, и руки ея холодѣли. Но особенно боялась она каждый разъ, что̀ дирижировалъ ея мужъ: она страшилась малѣйшаго проявленія его неудовольствія, и въ тоже время всегда могла ожидать, что онъ найдетъ темпъ слишкомъ скорымъ или слишкомъ медленнымъ, такъ какъ это вполнѣ зависѣло отъ его настроенія духа. Я уже разсказывала, какъ въ Кёльнѣ, на одной концертной репетиціи, послѣ того, что она играла и онъ остался ею очень недоволенъ, найдя, что она играла слишкомъ скоро, она разрыдалась горькими слезами. Всѣ подобныя его замѣчанія очевидно были уже проявленіями болѣзни; но тогда этого еще не понимали.

Вообще г-жа Шуманъ, безъ того чтобы это было замѣтно, была очень нервна и всегда чувствовала нѣкоторый страхъ: она никогда не ложилась, не посмотрѣвъ предварительно подо всѣми кроватями и не осмотрѣвъ всѣхъ шкаповъ. Однажды Шуманъ сказалъ ей: «Какъ бы я хотѣлъ когда-нибудь увидѣть вознагражденными твои старанія найти кого-нибудь». Мы жили одни въ домѣ, и намъ никогда не приходило въ голову запираться на ночь. Въ первый же вечеръ своего пребыванія у насъ, нѣсколько минутъ послѣ того, что̀ г-жа Шуманъ ушла къ себѣ, ко мнѣ явилась пріѣхавшая съ нею Frln Schönerstädt,

прося, отъ имени г-жи Шуманъ, чтобъ я ей дала ключъ отъ ея комнаты. Тщетно искали мы его; только на слѣдующее утро я могла передать ей ключъ и убѣждена, что эту первую ночь она плохо спала, хотя она это отрицала.

Княгиня Витгенштейнъ очень приглашала г-жу Шуманъ пріѣхать въ Веймаръ на представленіе Геновевы и остановиться на Альтенбургѣ; послѣ г-жа Шуманъ сказала Frln. Schönerstädt: «Тамъ наверху (т. е. на Альтенбургѣ), правда, нарядно, но не будетъ такъ уютно (gemütlich), какъ у Сабининыхъ».

Разставаясь, Шуманъ совѣтовала мнѣ не упражняться слишкомъ много, говоря, что если умъ остается напряженнымъ въ теченіи трехъ-четырехъ часовъ, то онъ уже не можетъ быть достаточно свѣжъ, и если, не смотря на его утомленіе, продолжать упражняться, то это будетъ уже только машинально, безъ ума. Ея требованіе, чтобы я прекратила уроки у Листа, очень меня опечалило; замѣтивъ это, она сказала: «Не падайте духомъ; у васъ душа воспріимчивая ко всему прекрасному. Играйте Баха, Бетховена и имъ подобныхъ мастеровъ, и держитесь прямо, когда играете».

Однажды шла рѣчь о томъ, гдѣ молодые артисты должны начинать свою карьеру. Она сказала: «Для молодыхъ артистовъ пребываніе въ Парижѣ и Лондонѣ чрезвычайно вредно; я благодарю Небо, что оно избавило моего дорогого мужа отъ чего бы то ни было подобнаго (von allen solchen)».

7-го Ноября я была на репетиціи оперы Рубинштейна «Сибирскіе Охотники». Оперу эту, какъ сочиненіе Русскаго композитора, готовили ко дню 50-ти лѣтняго юбилея пребыванія въ Веймарѣ нашей великой княгини. Вечеромъ были у насъ Рубинштейнъ и Литольфъ. Литольфъ, извѣстный піанистъ, игралъ бѣгло и чисто, но очень нервно и холодно. Въ обществѣ онъ былъ очень молчаливъ и производилъ впечатлѣніе человѣка задумчиваго. Мысль о самоубійствѣ преслѣдовала его; на лбу у него былъ большой шрамъ отъ неудавшейся попытки застрѣлиться, а незадолго передъ пріѣздомъ его въ Веймаръ, въ Брауншвейгѣ, онъ бросался въ воду, съ намѣреніемъ утопиться. Въ Веймаръ онъ былъ приглашенъ для участія на юбилейномъ концертѣ въ честь великой княгини. Концертъ этотъ, подъ управленіемъ Листа, данъ былъ 10-го Ноября, въ пользу дѣтскаго пріюта, о которомъ наша великая княгиня такъ много заботилась; начался онъ «Орфеемъ» Листа.

11-го Ноября въ нашемъ домѣ собралось маленькое общество, между ними Листъ, Рубинштейнъ, Литольфъ, Поль съ женою и многія изъ моихъ подругъ. Эти три піаниста превзошли другъ друга своей

игрой; наконецъ Рубинштейнъ и Литольфъ сыграли въ четыре руки дивертисментъ Шуберта, а Листъ присѣлъ ко второму роялю и импровизировалъ къ ихъ исполненію. Это было такъ удивительно хорошо, что всѣ присутствовавшіе пришли въ восторгъ.

12-го Ноября. У насъ былъ Бронсаръ. Это былъ хорошо воспитанный молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ Веймаръ и котораго Листъ принялъ въ число своихъ учениковъ. Онъ происходилъ отъ Французскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Пруссіи, гдѣ они живутъ и по нынѣ. Брата его я встрѣтила во время Франкопрусской войны въ качествѣ начальника штаба Гессенскаго корпуса, а впослѣдствіи, при императорѣ Вильгельмѣ I-мъ, онъ былъ Прусскимъ военнымъ министромъ. Игра Г. ф. Бронсара была изящная, тонкая, скорѣе салонная, чѣмъ концертная, и, какъ сочинитель, онъ также отличался тонкимъ вкусомъ и тонкой разработкой. Говорю это и вспоминаю его «Весеннюю фантазію» для оркестра.

23-го Ноября. Братья Доплеръ (Францъ и Карлъ) изъ Пешта, оба флейтисты, давали концертъ. Они играли очень хорошо, но инструментъ ихъ въ наше время потерялъ много своей поэтической прелести и далеко не такъ распространенъ въ обществѣ, какъ прежде.

Еще болѣе неблагодарный для концерта инструментъ позауна, на которой нѣсколько дней спустя (27-го) далъ концертъ, отлично владѣвшій ею Набихъ. Въ его концертѣ принимали участіе віолончелистъ Коссманъ и Прукнеръ; публика со значительно бо̀льшимъ увлеченіемъ приняла блестящую игру и передачу двухъ послѣднихъ, чѣмъ трудное и неблагодарное исполненіе разныхъ комбинацій Набиха на его, для оркестра незамѣнимомъ, но для соло весьма неуклюжемъ инструментѣ. Коссманъ великолѣпно исполнилъ фантазію Серве на мотивы изъ Севильскаго Цирюльника, и это исполненіе осталось свѣтлой точкой всего концерта.

10-го Декабря. Было отличное представленіе Тангейзера. Листъ дирижировалъ, но затѣмъ объявилъ, что до тѣхъ поръ не станетъ вновь дирижировать, пока не измѣнятъ и не исправятъ сценической обстановки Вагнеровскихъ оперъ. Считая Веймаръ колыбелью этихъ драмъ, Листъ требовалъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ подобныхъ ему городовъ, которые обставили внѣшность этихъ драмъ исторически вѣрно и съ большимъ блескомъ. Драмы оказались лакомымъ кускомъ для кассъ; вотъ почему Листъ требовалъ, чтобы не скупились обставить ихъ прилично и со вкусомъ. Онъ долго просилъ объ этомъ, пока наконецъ не убѣдился, что просьбами ничего не достигнешь; тогда онъ рѣшился лично удалиться изъ театра, пока не исполнятъ его желанія.

18-го Декабря. Церковный праздникъ: пятьдесятъ лѣтъ, что̀ наша православная домовая церковь въ Веймарѣ была освящена. Все осталось, какъ было устроено первоначально.

1855-й годъ.

1-го Января (20 Декабря 1854 г.). Нѣмецкій новый годъ. Всѣ радостно его встрѣчаютъ, а мнѣ особенно грустно въ этотъ день. Жизнь такъ серьезна, будущность неизвѣстна, наша великая княгиня и мой отецъ видимо старѣютъ, и въ голову поневолѣ заходятъ тяжелыя думы о томъ, что̀ насъ ожидаетъ, и эти мысли тревожатъ и мучаютъ всѣхъ насъ старшихъ, хотя мы стараемся скрыть это одинъ отъ другого, чтобы не растравить еще больше наболѣвшую рану.

Вечеромъ, въ нашъ Рождественскій Сочельникъ, у насъ была ёлка; въ тѣсномъ семейномъ кругу встрѣтили мы праздникъ. На чужбинѣ къ праздникамъ всегда примѣшивается что-то грустное, потому что тамъ не существуетъ той общей объединяющей праздничной радости, которая бываетъ въ отечествѣ. У насъ Рождество, а у протестантовъ простой будничный день, базаръ, уроки, занятія; вотъ когда больше всего чувствуется одиночество на чужой сторонѣ.

2-го Января (21 Декабря). У насъ обѣдалъ, между прочимъ, А. Г. Рубинштейнъ, съ которымъ мы знакомы съ 1839 года, когда, если я не ошибаюсь, онъ молодымъ мальчикомъ былъ у насъ въ Веймарѣ, со своимъ учителемъ Вильбуа.

На слѣдующій день я провела вечеръ у жены министра внутреннихъ дѣлъ, ф.-Ватцдорфъ; она очень любила музыку, но до того времени мало играла и была моей ученицей. Для меня было просто пыткой, когда, по ея просьбѣ, мы играли съ нею въ четыре руки, такъ какъ она не слышала сама фальшивыхъ нотъ, которыя брала и повторяла съ большой настойчивостью, что̀ было истиннымъ испытаніемъ моего терпѣнія и моихъ ушей; но у меня не хватало духа отказать ей въ этомъ личномъ ея удовольствіи. Сестра ея, М. ф.-Кённерицъ, фрейлина гросгерцогини Софіи, откровенно говорила: «Я не люблю музыку, ничего въ ней не понимаю, и для меня все равно, слышу ли я игру Листа или барабанный бой; мнѣ кажется, какъ будто это одно и тоже». Вотъ какъ различно сформированы наши уши! Она была очень образованная и выдающаяся по уму личность, но держала себя очень скромно и въ сторонѣ. Въ этотъ вечеръ тоже она была у своей сестры, г-жи ф.-Ватцдорфъ, и видя, что я смѣюсь при появленіи ея въ гостинной, гдѣ собираются музицировать, сказала мнѣ: «И я пришла слушать музыку, хотя музыка для меня пыт-

ка». Играли Коссманъ (віолончель) и Шульцъ (скрипка) очень хорошо, и піанистка Шульцъ изъ Петербурга, ученица Гензельта, пріѣхавшая въ Веймаръ, чтобы брать уроки у Листа. Не помню ужъ, какъ это случилось, только она попала ко мнѣ въ ученицы, хотя ея игра не представляла для меня никакого интереса: это была просто что называется «Salonspielerin», а въ это тѣсто не проникаютъ геніальныя искры настоящаго таланта. Тѣмъ не менѣе, она всегда могла разсчитывать на извѣстный успѣхъ въ обществѣ, такъ какъ, по выраженію Листа, у нея былъ паспортъ, чтобы нравиться публикѣ: довольно красивая наружность.

6-го Января. Вечеромъ я была на представленіи драмы Вильгельма Генаста «Бернгардтъ Веймарскій». Имени автора не было на афишѣ, но всѣ знали, кто онъ. В. Генастъ былъ сынъ извѣстнаго пѣвца и актера Эдуарда Генаста; юристъ по профессіи, онъ занимался и литературой. Драма написана очень изящнымъ языкомъ, но вся она черезчуръ длинна; автора вызывали и сдѣлали ему овацію. Къ этой драмѣ I. Раффъ написалъ увертюру и антракты; музыка была очень ученая и неблагодарная; прослушавъ ее, публика осталась холодна.

7-го Января. Была у Агнессы Денисъ-Стритъ, рожденной Клиндвортъ. Это была загадочная личность. Дочь извѣстнаго секретаря и довѣреннаго лица послѣдняго Ганноверскаго короля Георга, она, какъ метеоръ, появлялась на Веймарскомъ горизонтѣ и исчезала; бывала только въ домѣ Французскаго посольства, у Листа, у нашего министра-резидента барона Мальтица и, наконецъ, въ нашемъ домѣ. Всѣ такія таинственныя личности, подобно ей, неизвѣстно гдѣ живущія, откуда являющіяся и куда исчезающія, всегда внушали мнѣ мало довѣрія. Несомнѣнно, что она исполняла политическія порученія своего отца, который работалъ для возстановленія престола своего короля, изгнаннаго изъ Ганновера. Дѣйствительно, выборъ ея въ тайные агенты былъ счастливый. Она была красива, отлично говорила почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ и хорошо писала. Впослѣдствіи отецъ ея работалъ для журнала «Le Nord», издаваемаго въ Брюсселѣ. Журналъ этотъ, издаваемый для поддержанія интересовъ Россіи и для проведенія ея желаній за границей, получалъ отъ Россіи ежегодную субсидію въ 50.000 рублей. Мнѣ говорили, что и Агнесса Денисъ-Стритъ участвуетъ въ этомъ журналѣ; мнѣ же казалось, что она гораздо больше была на сторонѣ Франціи, много сообщалась съ Французскимъ посольствомъ, часто ѣздила въ Парижъ и т. д. Раскусивъ ее, я съ ней была очень осторожна насчетъ того, что говорилось въ нашемъ домѣ о дѣйствіяхъ и мысляхъ нашей великой княгини, которая вполнѣ основательно считалась очень вліятельной особой въ полити-

ческомъ мірѣ: братъ ея, императоръ Николай I, никогда не дѣлалъ рѣшительнаго шага не написавъ ей и не посовѣтовавшись съ нею. Великая княгиня вела обширную переписку; письма, полученныя ею, тщательно хранились и, по ея духовному завѣщанію, не могутъ быть тронуты ранѣе 50 лѣтъ послѣ ея смерти, то-есть 1909 года.

Говорятъ, что извѣстный піанистъ Д'Альберъ, игрою котораго Петербургъ восхищался въ 80-хъ годахъ, сынъ А. Денисъ-Стритъ.

9-го Января вечеромъ была я у Генаста; жена его, рожденная Шрёдеръ, сестра извѣстной пѣвицы Шрёдеръ-Девріенъ, очень почтенная особа, была артисткой Веймарскаго театра. Ихъ домъ былъ очень гостепріимный, и всѣ артисты собирались у нихъ. Въ этотъ день я встрѣтила у нихъ Листа, Гофмана, фонъ-Фаллерслебена, Раффа и другихъ артистовъ, какъ Бронсаръ, Поль и пр. Гофманъ—извѣстный поэтъ, которому тогда было уже болѣе шестидесяти лѣтъ и, не смотря на это, онъ только-что женился на молодой особѣ. Не долго спустя, онъ, по ходатайству Листа, получилъ мѣсто библіотекаря въ Корвеѣ, у князя Ратибора, старшаго брата князей Гогенлое - Шиллингсфютъ. Младшій братъ, Константинъ Гогенлое женился на княжнѣ Маріи Ник. Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, дочери Каролины Витгенштейнъ, рожд. Ивановской).

Іоахимъ Раффъ сначала былъ обрученъ съ младшей дочерью г-на Генаста, Эмиліей, которая пѣла, но впослѣдствіи очень некрасивымъ образомъ отъ нея отказался и женился на старшей сестрѣ ея Дорѣ, которая тоже была актрисой въ Висбаденѣ. Позднѣе, въ 1857 году, онъ получилъ тамъ мѣсто капельмейстера при театрѣ и до самой смерти служилъ тамъ. Будучи холостымъ, онъ велъ очень разгульную жизнь и сильно пилъ, быть-можетъ съ отчаянія, такъ какъ нуждался въ насущномъ хлѣбѣ.

Днемъ я была на публичной лекціи Фрорипа объ экспедиціи къ сѣверному полюсу, которая заключала въ себѣ всѣ новѣйшія изслѣдованія Сѣвера. Фрорипъ былъ отличный врачъ и жилъ въ Берлинѣ; но по смерти его отца, ему пришлось стать во главѣ «Landes-Industrie-Comptoir», основаннаго его дѣдомъ Бертухомъ, въ его собственномъ домѣ. У нихъ печатались карты и книги, но самое заведеніе было далеко не тѣмъ, что̀ прежде, и доходы не покрывали расходовъ.

28-го Января. Я играла въ Іенѣ въ университетскомъ концертѣ, состоявшемъ подъ управленіемъ музикдиректора Штаде, очень солиднаго музыканта, и д-ра Жиля, любителя и знатока музыки. Этимъ двумъ личностямъ Іена много обязана: въ музыкальномъ отношеніи они переродили этотъ городъ. Публика приняла и провожала меня очень любезно. Послѣ концерта устроенъ былъ ужинъ, на который приглашены

были и мои родители. Мы вернулись въ Веймаръ въ два часа ночи. На слѣдующій день я завтракала у княгини Витгенштейнъ; кромѣ меня были Листъ и Гиллеръ изъ Кёльна.

30-го Января сестры и я провожали къ мѣсту вѣчнаго покоя нашу хорошую знакомую и сосѣдку, Елену Танъ, скончавшуюся отъ тифа. Намъ было очень грустно. Стѣна комнаты, гдѣ она лежала, была въ тоже время и стѣной моей залы, гдѣ стояли мои рояли, такъ что черезъ стѣну все было слышно. Ради нея, послѣднее время я перестала играть; но за два дня до смерти она прислала мнѣ сказать, что проситъ меня сыграть ей Frühlingslied Мендельсона, что она долго не спала и надѣется уснуть послѣ игры. Но и музыка не могла ее воскресить, и мы лишились ея. Отъ меня скрывали ея смерть (28 Января) до моего отъѣзда на концертъ въ Іену и сообщили объ этомъ только по возвращеніи моемъ оттуда.

13-го Февраля. У меня былъ Листъ и сообщилъ, что на дняхъ ожидаетъ Гектора Берліоза. Берліозъ самъ поставилъ себѣ памятникъ въ обширномъ трудѣ своемъ «Grand traité d'instrumentation et d'orchestration modernes. При своемъ появленіи книга эта поразила всѣхъ артистовъ; изъ нея видно было, какъ тщательно Берліозъ изучилъ величайшія творенія незабвенныхъ композиторовъ и, главное, Бетховена. Берліозъ самъ симфонистъ, но его инструментація не похожа на Бетховенскую; она у него еще богаче, потому что онъ до тонкостей изучилъ свое искусство, и отъ него не ускользнуло ни малѣйшей подробности въ характерѣ каждаго инструмента. Послѣ Бетховена онъ первый выдвинулъ и показалъ богатство оркестра; его примѣромъ воспользовались Вагнеръ и Листъ, для выраженія своихъ индивидуальныхъ формъ композиціи. Онъ также одинъ изъ первыхъ соединилъ музыку съ поэзіей, то-есть подтвердилъ, что композиторъ не долженъ черпать матеріалъ для своихъ сочиненій исключительно изъ одного только искусства, то-есть музыки, но долженъ соединять ихъ съ поэтическимъ произведеніемъ, выраженнымъ словами. Къ своимъ симфоніямъ онъ иногда прилагалъ программы, чтобы объяснить ходъ своихъ мыслей, или давалъ имъ названіе той поэзіи, которая побудила его написать музыку, или же прилагалъ словесныя объясненія, говоря, что у публики нѣтъ воображенія. Что касается мелодіи, гармоніи и модуляціи, то Берліозъ считалъ ихъ историческое развитіе почти оконченнымъ; насчетъ же инструментаціи, выраженія и ритма нѣтъ сомнѣнія, что они подлежатъ не только измѣненію, но и дальнѣйшему развитію. Въ сочиненіяхъ Берліоза замѣтно, что на эти послѣдніе три пункта онъ обращалъ особое вниманіе. Очень понятно, что Берліозу было трудно проложить себѣ дорогу во Франціи: Французы, подобно

Итальянцамъ, не понимаютъ симфоніи; до Берліоза у нихъ не было своихъ симфонистовъ, а по узкости взглядовъ они не изучали твореній своихъ сосѣдей. Нѣмецъ, напротивъ, копотливо черпаетъ у всѣхъ націй все, что находитъ заслуживающимъ его вниманія и, не смотря ни на какія національныя антипатіи, онъ всегда сумѣетъ понять и оцѣнить творенія своихъ сосѣдей; вотъ почему и Берліозъ впервыя былъ оцѣненъ Нѣмцами. Объ одномъ нельзя не пожалѣть—это, что въ Веймарѣ не исполнили желанія и просьбы Листа и не основали артистическаго института, который бы далъ возможность и въ интересахъ исторіи музыки, и ради развитія музыкальнаго пониманія въ публикѣ, исполнять достойнымъ образомъ всѣ лучшія произведенія величайшихъ композиторовъ. Но всѣ старанія Листа, чтобы убѣдить нашу великую княгиню и гросгерцога Карла-Александа и заинтересовать ихъ этимъ грандіознымъ планомъ, оказывались тщетными, и Листъ съ грустью долженъ былъ, наконецъ, отъ него отказаться, когда великій герцогъ основалъ въ Веймарѣ художественную школу. Это равнодушіе глубоко огорчало Листа, и онъ часто мнѣ это высказывалъ. Имѣя подобный институтъ, можно было бы достойнымъ образомъ воспроизводить все написанное для оркестра. Въ Веймарѣ былъ одинъ лишь театральный оркестръ, и можно только удивляться, какъ Листъ умѣлъ съ нимъ справляться и что умѣлъ изъ него дѣлать.

15-го (3) Февраля. У Листа я познакомилась съ Берліозомъ и съ его женой. Наружность геніальнаго музыканта была выдающаяся и характерная: тонкія черты лица и красивыя очертанія головы, окруженной сѣдыми волосами, свидѣтельствовали объ его умѣ. Говорилъ онъ мало и бо́льшей частью по-французски и по-англійски. Его видъ производитъ тяжелое впечатлѣніе: видно, что онъ много страдалъ. Жена его составляла ему совершенную противоположность и наружность имѣла вульгарную. Листъ чудно игралъ, послѣ чего всѣ пошли на концертную репетицію въ театрѣ.

На слѣдующій день давали оперу «Белизаръ» Доницети, которая мнѣ очень не понравилась. Листъ отказался ее дирижировать, хотя онъ находилъ ее лучше той безвкусицы, которою восторгались эту зиму въ Дрезденѣ и Веймарѣ, «Каменщикъ и Кузнецъ» Обера.

17-го (5) Февраля. Я слышала репетицію концерта, который вечеромъ давали при дворѣ, подъ управленіемъ Г. Берліоза. Играли: 1) Fête de Romeo et Juliette, 2) «La Captive» (rêverie), paroles de V. Gugo, 3) Concerto de Piano, 4) Chasse et danse des Sylphes de Faust, 5) Trio et choeur des ciseleurs de l'opéra Benvenuto Cellini. За исключеніемъ концерта, вся программа состояла изъ сочиненій Берліоза. Выбраны были изъ его твореній наиболѣе доступныя для публики, и

впослѣдствіи ихъ часто повторяли, за исключеніемъ «La Captive», которую я только въ Веймарѣ и слышала.

На слѣдующій день вечеромъ я была на Альтенбургѣ; тамъ былъ Берліозъ, и въ честь него Листъ игралъ великолѣпно.

19-го Февраля, отъ половины десятаго до половины третьяго, была репетиція для нашего пѣвческаго кружка. Берліозъ очень тщательно проходилъ все со всѣми. Вечеромъ была репетиція для солистовъ. На слѣдующій день еще репетиція Берліоза и, наконецъ, 21-го самый концертъ. Сперва спѣли «Дѣтство Спасителя» (слова и музыка Берліоза), духовная трилогія, состоящая изъ: 1) Сонъ Ирода, 2) Бѣгство въ Египетъ и 3) Пріѣздъ въ Саисъ. По своей простотѣ эта музыка рѣзко отличается отъ другихъ сочиненій Берліоза. Для православнаго человѣка непонятна подобная передача въ театрѣ словъ Св. Писанія, но для Француза это ничего не значитъ. Вторая часть концерта состояла изъ фантастической симфоніи въ пяти частяхъ, извѣстной подъ названіемъ «Эпизодъ изъ жизни художника», текстъ и музыка Г. Берліоза. Лирическую мелодраму декламировалъ г. Грансъ. Отдѣльныя музыкальныя вещи восхитительны, но по моему мелодраматическая часть съ симфоніей нескладны: выходитъ слабо и, даже скажу больше, музыкантъ во фракѣ, декламирующій свои впечатлѣнія, кажется смѣшнымъ.

2 Марта (н. ст.) въ 3 часа пополудни, пришло страшное извѣстіе, что скончался императоръ Николай I. Такъ какъ никто не получалъ сообщенія о его болѣзни, вѣсть эта всѣхъ какъ громомъ поразила. Гросгерцогиня Софія сидѣла передъ художникомъ Лаукартомъ, который дѣлалъ ея портретъ; на головѣ у нея была наколка изъ васильковъ и мака. Ей подали депешу; прочитавъ ее, она только сорвала съ головы цвѣты и тотчасъ же побѣжала на половину, гдѣ жила наша великая княгиня.

Насчетъ Россіи Германія раздѣлялась на два лагеря: въ первомъ изъ нихъ безгранично преклонялись предъ могуществомъ Николая I-го, предъ его силой и предъ тѣмъ страхомъ, который онъ внушалъ своимъ врагамъ и которымъ онъ держалъ равновѣсіе въ Европѣ; другая сторона мечтала сломить это могущество и, наконецъ, вся Европа пошла противъ него, какъ бы крестовымъ походомъ, стараясь пошатнуть столбы трона того, который всѣмъ имъ служилъ твердой опорой противъ политическихъ стремленій, противодѣйствовавшихъ монархизму. Какъ слѣпы были тѣ, которые мечтали возвыситься и укрѣпить свое могущество, расшатывая основаніе Европейскаго мира! Они дорого поплатились за свою зависть и мелочный расчетъ. Утѣшительно было слышать отзывы объ императорѣ Николаѣ I тѣхъ, кто оплакивалъ его смерть; тяжело и грустно выслушивать сужденія тѣхъ, которые видѣли въ немъ лишь варвара и гонителя и не хотѣли понять,

что невозможно одному человѣку отвѣчать за дѣйствія всѣхъ его подчиненныхъ.На слѣдующій день всѣ, сочувствовавшіе нашему горю навѣстили насъ, выражая свое участіе. Пришелъ и Листъ, но онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать, что императоръ Николай I слишкомъ строго отнесся къ княгинѣ Витгенштейнъ и что приказаніе его конфисковать ея имѣнія, запретить ей въѣздъ въ Россію и т. д., безсердечно, тѣмъ болѣе, что виновникъ ея несчастнаго брака вновь женился, сдѣлавъ mésalliance. Въ это время у насъ сидѣла фрейлина великой княгини, Марія фонъ-Бёльвитцъ. Между ней и Листомъ завязался споръ; Листъ очень горячился и не принималъ никакихъ возраженій. Онъ не скрывалъ, что надѣется, что новое царствованіе окажется благопріятнѣе для его судьбы. Нѣсколько времени спустя, Листъ пришелъ однажды ко мнѣ (съ поздравленіемъ на нашу Пасху) и подарилъ мнѣ серебряный медальонъ, для ношенія на часахъ, съ бюстомъ императора Николая I, и мѣдную литую линейку, съ изображеніемъ лица императора Александра. Подавая ихъ мнѣ, онъ сказалъ: «Permettez qu'un homme aussi déreglé vous offre une règle».

9-го Апрѣля въ Веймарѣ въ первый разъ давали оперу Шумана «Геновева». Лирически-драматическая музыка интересна для каждаго музыканта-артиста, но текстъ, составленный поэтами Тикомъ и Геббелемъ, очень неблагодаренъ для композитора; дѣйствія очень мало, и публикѣ скучно. Листъ взялся опять за управленіе оркестромъ только ради того, что музыка Шумана, и ради постигшаго его несчастія. Оперу дали еще разъ, но она не могла удержаться на репертуарѣ и впослѣдствіи служила только музыкантамъ для изученія музыки Шумана.

13-го Апрѣля былъ академическій вечеръ М. Г. Сафира изъ Вѣны, импровизатора и сатирика. Онъ былъ какимъ-то отталкивающимъ явленіемъ: Еврей въ рыжемъ парикѣ. Его остроты были слабы и вульгарны и не стоили траты денегъ. Онъ разбранилъ докторовъ, женщинъ и Германію.

Въ концѣ Мая я получила изъ печати первую тетрадь своихъ романсовъ, ор. I. Странное чувство видѣть въ первый разъ свои мысли напечатанными. Интересны были для меня появившіяся критики. Рейнскій музыкальный журналъ призналъ во мнѣ талантъ, и даже рутину.

9-го Іюня. Поэтъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій посѣтилъ моихъ родителей; онъ всегда былъ очень добръ для насъ и, когда бывалъ въ Веймарѣ, всегда посѣщалъ моихъ родителей. Моя мать прочитала ему вслухъ свой переводъ «Торквато Тассо» Гёте; онъ ее очень одобрилъ и совѣтовалъ печатать его; но за границей этого не стоило дѣлать, а съ Россіей у насъ не было достаточно сношеній, чтобы предпринимать подобныя вещи. Князь Вяземскій уѣхалъ изъ Веймара на слѣдующій день послѣ обѣдни, за которой присутствовала великая княгиня Ольга Николаевна.

КЪ ИСТОРІИ РАЗГРАНИЧЕНІЯ РОССІИ СЪ НОРВЕГІЕЙ.

(По архивному дѣлу Архангельскаго Губернскаго Правленія 1822 года № 25 по 46-й описи).

Нашъ пустынный Мурманскій берегъ спалъ еще дѣвственнымъ сномъ, когда въ Финмаркенѣ уже зарождались признаки широкой культуры, возникали города и крупные поселки, а на островѣ Вардэ стояла крѣпость съ постояннымъ гарнизономъ и замокъ, гдѣ жилъ губернаторъ. Образовавъ въ 1814 году самостоятельное государство, Норвежцы проникались сознанемъ своей народности и дорожили каждымъ клочкомъ своего отечества. Ихъ Лопское населеніе стало подвигаться подъ напоромъ Европейцевъ на Востокъ и широко разлилось по нашимъ предѣламъ. Наши Русскіе Лопари,—Нявдемскіе, Пазрѣцкіе и Печенгскіе, выгоды которыхъ прежде всего были нарушены появленіемъ среди нихъ Норвежскихъ Лопарей, подняли крикъ.

28 Февраля 1822 г. Кольскій земскій судъ рапортомъ донесъ Архангельскому Губернскому Правленію, что Кольскій земскій исправникъ Артемій Постниковъ, въ объѣздъ свой „для осмотра положенія Лопарей Мотовскаго, Печенегскаго и Пазрѣцкаго погостовъ, нашелъ проживающими въ дачахъ оныхъ, по мхамъ для пастьбы оленей, цѣлыя семейства людей, называющихся одни Шведами, а другіе Норвержцами, говорящихъ и на Лопарскомъ языкѣ“. Лица эти отлучились изъ своихъ мѣстъ въ различное время и не имѣли при себѣ никакихъ видовъ на жительство, кромѣ одного „на иностранномъ діалектѣ“. Прибыли они въ дачи указанныхъ выше Лопарей для пастьбы своихъ оленей, за отсутствіемъ корма на мѣстѣ своего жительства. Пазрѣцкіе Лопари жаловались исправнику, что „проживающіе въ дачахъ ихъ Норвежцы, доводятъ ихъ до того, что они скоро не въ состояніи будутъ оплачивать податей государственныхъ; поелику оные, стадами своими оленьими, окармливая и обивая мохъ, лишаютъ ихъ возможности питать своихъ собственныхъ оленей“. Кромѣ этого Лопари жаловались, что Норвежцы эти, „при всегдашней кочевкѣ болѣе имѣя удобности“, облавливаютъ въ ихъ дачахъ лѣсныхъ звѣрей, а поставленныя Лопарями тенёта разрушаютъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы въ нихъ не запутывались ихъ олени. „Хотя и высылаютъ ихъ Пазрѣцкіе Лопари въ свое мѣстожительство, но оные не повинуются. И хотя, напередъ сего, бывшимъ земскимъ исправникомъ Алаповымъ и были выгнаны, но, спустя нѣсколько времени, паки возвратились“.

Мотовскіе и Печенгскіе Лопари терпѣли въ своихъ дачахъ Норвежцевъ потому, что, не имѣя въ достаточномъ количествѣ собственныхъ оленей, пользуются оленями Норвежцевъ. Пользованіе это происходило слѣдующимъ образомъ. Осенью берутъ нѣсколько молодыхъ оленей, кто сколько выпросить можетъ, выучиваютъ ихъ возить тяжести, потомъ зимою исправляютъ на нихъ свои надобности; а весною на пастьбу отдаютъ ихъ обратно; буде же во время пользованія какой олень изгибнетъ, то Лопарь платитъ за каждаго двадцать рублей.

Въ виду всего этого исправникъ спрашивалъ: „что повелѣно будетъ съ помянутыми пришельцами дѣлать; позволить ли имъ проживать далѣе въ уѣздѣ, или выслать?“ Но тогда, какъ и куда? Исправникъ указывалъ, что выслать ихъ „безъ команды нельзя“, такъ какъ они находятъ выгоду для себя кочевать въ уѣздѣ; а между тѣмъ выслать необходимо, такъ какъ, по мнѣнію исправника, отъ умноженія этихъ Норвежцевъ можетъ быть опасность какъ для означенныхъ „малолюдныхъ погостовъ, такъ, паче, для церкви, находящейся въ лѣсу отъ погоста Печенгскаго въ 5-ти верстахъ, съ чудотворными мощами преподобнаго Трифона, въ которой находится образовъ съ серебряными ризами и прочаго на немалотысячную сумму; а Лопари въ лѣтнее время уѣзжаютъ со всѣми своими семействами болѣе ста верстъ къ морю для промысла рыбы, и при оной остается одинъ престарѣлый сторожъ“. Кромѣ того, исправникъ лично „дознаяъ“ еще и о неблагонамѣренныхъ поступкахъ Норвежцевъ противъ единственнаго имущества Лопарей—оленей, совершать которые они легко могли, „пользуясь простотою Лопарей“. Эти неблагонамѣренные проступки противъ единственнаго достоянія Лопарей проявлялись въ слѣдующемъ. Мотовскіе и Печенгскіе Лопари, „имѣя самую малость оленей“ при отправкѣ, съ наступленіемъ лѣта, на промыселъ трески, отдаютъ этихъ оленей, для совмѣстной пастьбы, означеннымъ Норвежцамъ и Шведамъ; послѣдніе же этихъ оленей убивали, мясо съѣдали сами, а шкуры продавали. На требованіе Лопарей о возвратѣ оленей они отвѣчали, что или этихъ оленей волки съѣли, или они сами погибли. И такимъ обманомъ они Лопарей довели до того, что послѣдніе вынуждены брать оленей у первыхъ на особыхъ условіяхъ, о которыхъ сказано выше, при чемъ Норвежцы снабжаютъ ихъ только такими оленями, „которыхъ не находятъ силъ сами изучить“.

Жалуясь на эти „неблагонадежные поступки“, Мотовскіе и Печенгскіе Лопари просили исправника исходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы при высылкѣ отъ нихъ Норвежцевъ и Шведовъ, послѣдніе удовлетворили Лопарей оленями, хотя „дачею по одному оленю съ каждаго десятка, родившагося и вскормленнаго въ дачахъ ихъ Лопарей, на принадлежащей обладанію ихъ землѣ; ибо они пришли въ уѣздъ Кольскій, не болѣе имѣя у себя оленей, какъ половину противу нынѣшняго количества“.

О всемъ этомъ Губернское Правленіе, 22 Марта за № 3230, сообщило генералъ-губернатору Архангельскому, Вологодскому и Олонецкому и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло на благоусмотрѣніе послѣдняго, что Правленіе пред-

полагаетъ предписать Кольскому земскому суду объявить иноземцамъ, что „они должны оставить мѣста сіи и возвратиться въ свое отечество, удовлетворивъ за пріобрѣтенныя ими здѣсь выгоды по справедливому своему убѣжденію и соглашенію мѣстныхъ жителей и что, въ противномъ случаѣ, правительство понудится употребить къ высылкѣ ихъ мѣры принужденія“. Объявленіе этого предполагалось возложить на исправника, „отъ благоразумія и способности котораго Правленіе надѣется имѣть лучшій успѣхъ“.

Въ отвѣтъ на это, генералъ-губернаторъ Клокачевъ 24 Марта предложилъ Губернскому Правленію предписать Кольскому земскому исправнику отправиться въ наши пограничныя Лопарскія селенія; и если найдетъ тамъ Норвежскихъ и Шведскихъ Лопарей, то объявить имъ, чтобы они, „ни мало не медля“, оставили наши предѣлы, удовлетворивъ нашихъ Лопарей за причиненныя имъ обиды, и „впредь бы не токмо обижать нашихъ Лопарей, но и входить въ предѣлы Россійской имперіи не осмѣливались, въ противномъ случаѣ употреблена будетъ съ ними сила“. При этомъ г. губ. Клокачевъ предлагалъ Губернскому Правленію: во-первыхъ, поставить исправнику на видъ, что онъ можетъ на первый разъ выпроводить изъ уѣзда чужеземцевъ и безъ военной помощи, и, во-вторыхъ, замѣтить ему, что напрасно онъ не отобралъ обозначеннаго въ рапортѣ иностраннаго вида, который можно было бы препроводить къ ихъ правительству.

Одновременно съ предложеніемъ Губернскому Правленію, генералъ-губернаторъ донесъ обо всемъ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графу Кочубею и просилъ его войти въ сношеніе съ управляющимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ „о сообщеніи Шведскому правительству, дабы оное пограничнымъ съ Кольскимъ уѣздомъ своимъ жителямъ воспретило въѣздъ въ Россійскіе предѣлы и приказало доставить нашимъ Лопарямъ за всѣ обиды удовлетвореніе“.

Вскорѣ, 25 Мая, Клокачеву пришлось доносить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и еще новое обстоятельство.

Кольскій земскій исправникъ донесъ Губернскому Правленію, что къ нему поступило заявленіе Лопарей Пазрѣцкаго погоста о томъ, что уже около десяти лѣтъ, ежегодно, къ нимъ пріѣзжаютъ изъ „Вардеугской крѣпости Шведскаго владѣнія около 15 человѣкъ военнослужителей“, которые въ принадлежащихъ имъ лѣсныхъ дачахъ заготовляютъ „немалое количество“ дровъ и увозятъ ихъ на яхтѣ въ свою крѣпость. И хотя Лопари неоднократно воспрещали означеннымъ военнослужителямъ дѣлать это, но „оные солдаты прещеніе ихъ вмѣняютъ ни во что“, и даже, сверхъ того, причиняютъ еще обиды „хищеніемъ для пищи себѣ пасущихся лѣтомъ при морѣ ихъ Лопарей оленей и овецъ“. Исправникъ удостовѣрялъ, что дѣйствительно въ дачѣ Пазрѣцкихъ Лопарей, въ разстояніи отъ Пазрѣцкаго погоста во внутрь уѣзда по направленію къ городу верстахъ въ 25-ти, а отъ крѣпости въ 70-ти, есть слѣды „величайшей порубки лѣсовъ“; при томъ и нынѣ тутъ находится заготовленныхъ означенными солдатами не менѣе 50-ти саженъ дровъ, предназначенныхъ къ перевозкѣ, по обыкновенію, въ Іюнѣ и Іюлѣ

мѣсяцахъ. Въ тоже время исправникъ указывалъ, что, если разрѣшить продолжать означеннымъ лицамъ вырубку лѣса, то, сверхъ указанной выше обиды Лопарямъ, явится у самихъ Лопарей нужда въ лѣсѣ, растущемъ въ ихъ дачѣ „не такъ въ большомъ количествѣ по мѣстоположенію каменистому и тундристому".

Губернское Правленіе, доводя по содержанію этого рапорта до свѣдѣнія генералъ-губернатора, просило его войти въ сношеніе, съ кѣмъ слѣдуетъ, объ удержаніи отъ своеволія военнослужителей Вардеугской крѣпости, что Клокачевъ и исполнилъ 25 Мая, сообщивъ объ этомъ какъ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и управляющему Министерствомъ Финансовъ. Кольскому земскому суду Губернское Правленіе предписало, чтобы судъ, по пріѣздѣ Норвержскихъ солдатъ за дровами, объявилъ имъ, что о вырубленныхъ ими насильно дровахъ принесена начальству жалоба, и убѣдилъ ихъ „оставить тѣ дрова". Впослѣдствіи, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, земскій судъ, въ отвѣтъ на это предписаніе, донесъ Правленію, что когда исправникъ Постниковъ объявлялъ „Шведскимъ на границѣ Норвежской военнослужителямъ" распоряженіе Губернскаго Правленія и убѣждалъ ихъ оставить вырубленныя дрова, то они не только не согласились на это, но еще вновь приступили къ вырубкѣ дровъ для вывоза на будущее лѣто, которыхъ и „насѣчено уже для сего по губѣ Ровдинѣ въ разныхъ мѣстахъ 109 кубическихъ саженъ и таковое же количество увезено въ навигацію сего года".

Въ Петербургѣ къ донесеніямъ Клокачева видимо отнеслись горячо. Графъ Кочубей и министръ финансовъ графъ Гурьевъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года отвѣчали Клокачеву, что Норвежское правительство обѣщало нашему посланнику въ Стокгольмѣ инженеръ-генералу графу Сухтелену дать мѣстному начальству наистрожайшее предписаніе объ изслѣдованіи вышеупомянутыхъ обстоятельствъ и о должномъ наказаніи виновныхъ.

И, дѣйствительно, на 1-е Февраля (по нов. ст.) 1823 г. въ Норвежскомъ мѣстечкѣ Польмакъ было назначенъ съѣздъ особой комиссіи для выясненія обстоятельствъ названнаго дѣла. Со стороны Россіи въ этой комиссіи долженъ былъ присутствовать исправникъ Постниковъ. Комиссія не состоялась, такъ какъ Постниковъ къ назначенному сроку не явился; причиною послужило предположеніе Постникова, что съѣздъ комиссіи назначенъ на 1 Февраля по *старому стилю*, почему онъ и прибылъ къ этому времени, между тѣмъ Норвежцы собрались на 1-ое Февраля по *новому стилю* и, не найдя въ Польмакѣ Русскаго чиновника, выѣхали обратно.

Вскорѣ преемникомъ вице-адмиралу Клокачеву *) былъ назначенъ Степанъ Васильевичъ Миницкій. Сей послѣдній, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, въ Іюнѣ 1823 г., получилъ два предложенія: одно министра финансовъ Канкрина, а другое — министра иностранныхъ дѣлъ

*) Алексѣй Ѳедотовичъ Клокачевъ, род. въ 1768 г., ум. 2 Января 1823 г. въ Вологдѣ, лицо любопытное и по его отношеніямъ къ императрицѣ Маріи. П. Б.

графа Несельроде. Первый сообщалъ, что Шведское правительство, назначивъ для разслѣдованія дѣла относительно порубки лѣса военнослужителями Вардэугской крѣпости и о похищеніи ими Лопарскихъ оленей и овецъ особыхъ комиссаровъ, находитъ нужнымъ, чтобы обиженные наши подданные съ свидѣтелями явились на границѣ и чтобы отъ нашего правительства отправленъ былъ на мѣсто, для присутствованія на слѣдствіи, Русскій чиновникъ.

Графъ Несельроде препроводилъ Миницкому двѣ ноты Шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Кронеберга. Въ этихъ нотахъ говорилось, что на границѣ Норвегіи и Россіи, за полярнымъ кругомъ, есть нѣсколько малолюдныхъ и почти невоздѣланныхъ участковъ, съ давнихъ поръ безспорно принадлежащихъ коронѣ Норвежской. Это—селенія: Нявдема (Neiden), Пазрѣка (Pasolg) и Печенга (Peisen). Почти со времени основанія Русскаго поселенія въ Колѣ, относительно этихъ мѣстъ возникли споры, начало которыхъ относится къ XVI вѣку, и споры эти никогда не были разрѣшены. Норвегія никогда не отказывалась отъ своихъ правъ на нихъ, и права эти еще недавно были предметомъ офиціальнаго протеста, ради котораго судья провинціи Финмаркена ѣздилъ въ Колу въ опредѣленные сроки. Жители этихъ мѣстъ платятъ подать какъ Норвегіи, такъ и Россіи. Съ незапамятныхъ временъ жители восточной части Финмаркена, а именно общины Вардэ и Вадсэ, собирали здѣсь сѣно, дрова и, главнымъ образомъ мохъ для оленей, какъ вдругъ, въ прошломъ году имъ было запрещено это со стороны одного Русскаго чиновника, который отобралъ у нихъ орудія и грозилъ строжайшею карою, если они осмѣлятся снова вернуться. Само собою разумѣется, что было бы желательно, установленіемъ точной границы, въ корнѣ пресѣчь подобныя недоразумѣнія, слишкомъ ничтожныя, конечно, чтобы нарушить доброе сосѣдство между державами, но могущія имѣть пагубныя послѣдствія для заинтересованныхъ частныхъ лицъ.

Не дожидаясь, однако, разграниченія, повѣренный въ дѣлахъ, ради жителей Вардэ и Вадсэ, могущихъ въ семъ ужасномъ климатѣ погибнуть безъ дровъ и безъ пищи для скота, отъ голода и холода, и въ виду краткости времени, въ которое могутъ быть заготовлены необходимые припасы, просилъ дать имъ немедленно разрѣшеніе продолжать пользоваться попрежнему, не предрѣшая вопроса о правахъ, по правдѣ сказать, крайне незавидными предметами ихъ первой необходимости. Исполненіе этой просьбы касается жизни и смерти жителей Финмаркена и (увѣрялъ дипломатъ) не имѣетъ никакого значенія для Россіи, такъ какъ относится къ пользованію эстественными дарами пустыни (l'usufruit des productions spontanées de la nature dans un désert). Въ другой нотѣ уже дѣлалось формальное предложеніе приступить къ разграниченію „нѣсколькихъ квадратныхъ миль дикаго и непригоднаго къ обработкѣ края“, при чемъ сообщалось, что уполномоченными для этого дѣла со стороны Норвежской могли бы быть чиновники амтманъ Крогъ и полковникъ Хэгерманъ, командированные для разслѣдованія показаній о притѣсненіяхъ Лопарей и о вырубкѣ лѣса.

Передавая эти ноты и указывая, что по содержанію ихъ онъ имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору, графъ Несельроде сообщаетъ

Миницкому, что Его Величество по вопросу о разграниченіи соизволилъ, чтобы были собраны на мѣстѣ свѣдѣнія, „кои поставили бы въ возможность судить о важности спорнаго участка земли, а также о необходимости и существенной пользѣ отъ предпринятія въ сихъ необработанныхъ и малообитаемыхъ странахъ разграниченія, требующаго всегда издержекъ болѣе или менѣе значительныхъ". Относительно же пользованія жителями Вардэ и Вадсэ дровами и мохомъ на указанной территоріи, на что Государю Императору благоугодно было обратить особенное вниманіе, Несельроде сообщалъ Миницкому, что Его Величество „желаетъ, чтобы не было воспрещено жителямъ Норвежскихъ селеній Вардэ и Вадсэ слѣдовать введенному издавна обычаю добывать себѣ средства къ существованію; а потому Его Величеству угодно, чтобы вы, по прибытіи на мѣсто, изслѣдовали причины, побудившія въ прошломъ году одного изъ нашихъ чиновниковъ принять мѣры противныя сему обычаю, и учинили бы распоряженіе, дабы, если только сіе не будетъ сопряжено съ значительнымъ вредомъ для Русскихъ подданныхъ, жители Норвежскихъ селеній могли, впредъ до новаго повелѣнія, продолжать безпрепятственно собирать въ нашихъ странахъ самонужнѣйшіе для нихъ припасы".

Графъ Несельроде, указывая, съ своей стороны, на необходимость скорѣйшаго приведенія въ дѣйствіе тѣхъ или другихъ распоряженій по поводу всего изложеннаго, „поелику малѣйшее замедленіе подвергнетъ означенныя селенія самымъ ужаснымъ лишеніямъ въ продолженіе 9 или 10 зимнихъ мѣсяцевъ", писалъ Миницкому, что нужно„ предупредить пренія и насильственныя дѣйствія между начальствомъ и жителями пограничныхъ селеній, и обезпечить Русскихъ и Норвежцевъ въ мирныхъ средствахъ снискивать себѣ пропитаніе попрежнему и такимъ образомъ, какъ сіе дѣлалось до воспослѣдовавшаго въ прошломъ году запрещенія".

По содержанію этого сообщенія, Миницкій еще изъ Петербурга поспѣшилъ предписать непосредственно Кольскому земскому суду немедленно разрѣшить, впредъ до особаго повелѣнія, жителямъ пограничныхъ селеній Вардэ и Вадсэ „слѣдовать введенному издавна обычаю", добывать себѣ въ нашихъ предѣлахъ мохъ и дрова и поручилъ ему доставить подробное свѣдѣніе о границахъ съ Норвегіей, „и какія между пограничными жителями издавна существуютъ сношенія и обычаи, въ какія селенія и мѣста выѣзжаютъ къ намъ Норвежцы, въ чьихъ дачахъ добываютъ дрова и мохъ, и поелику издревле уже вошло сіе въ обычаи, и Норвежцамъ уже обойтись невозможно, отъ Русскихъ же подданныхъ жалобъ прежде не было, то и нынѣ сумнительно, чтобы Норвежцы причиняли тѣмъ значительный вредъ нашимъ жителямъ". Свѣдѣнія предписывалось собрать „со всякою основательностью и вѣрностью", чтобы можно было судить о важности спора и о томъ, встрѣчается ли необходимость назначать особыхъ комиссаровъ для разграниченія предѣловъ и принимать къ этому какія-либо мѣры „въ сихъ отдаленныхъ, необработанныхъ и малонаселенныхъ мѣстахъ". О сдѣланномъ распоряженіи Миницкій тогда же сообщилъ графу Несельроде.

Въ Октябрѣ 1823 года было получено извѣщеніе, что слѣдственная комиссія дѣйствительно установила, что нѣсколько солдатъ Вардэучскаго гарнизона убили въ разное время Русскихъ оленей. Виновные подверглись дисциплинарному взысканію, а гарнизону было внушено впредъ при рубкѣ дровъ на Русской сторонѣ воздерживаться отъ захвата оленей.

Между тѣмъ Миницкій собралъ и 22 Декабря представилъ графу Нессельроде слѣдующія свѣдѣнія.

1. Сосѣдними съ Норвегіей селеніями служатъ Нявдемскій, Пазрѣцкій и Печенгскій Лопарскіе погосты. Жители этихъ селеній, занимаясь лѣтомъ рыбной ловлею, а зимой звѣриною и оленеводствомъ, не имѣютъ съ Норвежцами никакихъ торговыхъ сношеній, такъ какъ промыслы свои промѣниваютъ на хлѣбъ, привозимый лѣтомъ изъ Архангельска. Норвежцы зимою изрѣдка пріѣзжаютъ въ эти погосты, но дѣлаютъ это безъ всякой надобности, а просто отъ праздности. Что же касается Норвежскихъ Лопарей, то послѣдніе время отъ времени самовольно переселяются сюда изъ Вадзинской губы и живутъ по берегу моря въ вѣжахъ и избушкахъ; всѣхъ такихъ самовольно поселившихся оказалось до 7-ми семействъ въ дачахъ Нявдемскихъ и до 10-ти въ Пазрѣцкихъ, по губамъ: Ровдинской, Пазрѣцкой и Косой. Лопари эти взяли съ собою домашній скотъ, для котораго въ дачахъ косятъ сѣно. Лѣтомъ они уѣзжаютъ на другую сторону, подъ свой Вадзинскій берегъ Норвежскаго владѣнія, для ловли рыбы, за скотомъ же слѣдить поручаютъ женщинамъ. Нашимъ Лопарямъ Норвежскіе Лопари не позволяютъ рядомъ съ собою ловить рыбу. Кромѣ этихъ, постоянно у насъ живущихъ Норвежскихъ Лопарей, еще до 11-ти ихъ же семействъ Фильмановъ, имѣющихъ стадо оленей до 10-ти тысячъ, кочуютъ по разнымъ мѣстамъ въ дачахъ Нявдемскихъ, Пазрѣцкихъ, Печенгскихъ и даже Мотовскихъ.

2. Рубку дровъ Норвежцы производятъ нынѣ исключительно въ Пазрѣцкихъ дачахъ, а ранѣе рубили и у Печенгскихъ Лопарей.

3. Главный вредъ отъ кочевки Норвежцевъ въ нашихъ предѣлахъ заключается въ томъ, что они своими оленьими стадами вытаптываютъ огромныя пространства мха, что современемъ лишитъ нашихъ Лопарей корма для оленей, такъ какъ мохъ въ этихъ мѣстахъ снова выростаетъ не ранѣе 30 лѣтъ. Кромѣ того, Норвежцы, при постоянной кочевкѣ, больше имѣютъ удобства ловить лѣсныхъ звѣрей; при этомъ они уничтожаютъ у Русскихъ Лопарей разставленные для ловли звѣрей тенета, и, наконецъ, ловятъ въ вершинѣ рѣки Пазрѣцкихъ Лопарей рыбу, которая должна бы служить на продовольствіе самихъ Пазрѣчанъ.

4. Что же касается границы, то наши Лопари утверждаютъ, что она идетъ отъ Вересъ-Наволока (по-норвежски Bugönos), гдѣ при бывшемъ исправникѣ Ѳаддѣѣ Шестаковѣ землемѣромъ Киселевымъ былъ поставленъ изъ камня столбъ и проведена черта съ Вересъ-Наволока прямо на Кольмисъгору, а отъ нея къ вершинѣ рѣки Нявдемы (Neiden), а оттуда въ SW на Софронову тайболу. Отъ Нявдемскаго погоста до этой граничной черты полагаютъ примѣрно около 80-ти верстъ въ сторону Норвегіи. Норвежцы

же, основываясь на старинныхъ картахъ, дѣланныхъ еще во время состоянія Лопарей Нявдемскихъ, Пазрѣцкихъ и Печенгскихъ въ двоеданствѣ, полагаютъ границею р. Паесъ, т.-е. Пазрѣкъ. Въ земскомъ же судѣ, по словамъ исправника Постникова, „никакихъ свѣдѣній при дѣлахъ о границахъ не имѣется, ниже самаго плана уѣзду не находится“.

Разстояніе отъ Вересъ-Наволока около 200 верстъ, вдоль берега моря до того залива, въ который течетъ р. Печенга, занято Лопарями, которые издревле Норвежцамъ и Россіи, какъ сами отзываются, „вдругъ платили“ подать, называясь потому двоеданцами, а нынѣ между ними и никакихъ связей или сношеній въ обычаѣ нѣтъ.

На основаніи имѣющихся свѣдѣній и оффиціальной карты Архангельской губерніи, Миницкій поручилъ Губернскому Правленію составить карту части Кольскаго уѣзда, прилежащаго къ Норвегіи, которую и препроводилъ въ Министерство. На картѣ этой граница съ Норвегіей была обозначена по Варенгскую губу и проходила съ вершины этой губы черезъ рѣку Паесъ, протоки и ручьи до озера Шведской Имандры, а другая шла отъ Веренесъ-Наволока на Софронову тайболу. Кромѣ этого на карту были нанесены пункты, куда выѣзжаютъ Норвежцы для рубки дровъ и собиранія мха, зимняя оленья дорога отъ Колы до границы, часовня св. Трифона, Норвежскія и Русскія Лопарскія селенія, и была покрыта темно-зеленою краскою та часть уѣзда, на которой Норвежцы пасутъ оленей, а въ рѣкахъ ловятъ рыбу.

Препровождая эту карту, Миницкій писалъ, что обозначенныя на ней границы безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ признать за положительныя. Это подкрѣплялъ онъ слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, что со стороны Норвежскаго правительства до сихъ поръ не было на эти границы споровъ; во-вторыхъ, невозможно, чтобы наши Лопари, при своей малочисленности, поселились на жительство въ чужомъ владѣніи по близости отъ военной крѣпости (Вардегусъ); въ-третьихъ, что самые выѣзды Норвежцевъ въ предѣлы наши начались, для кочевья съ оленьими стадами, въ недавнее время, а для рубки дровъ только около 10-ти лѣтъ; въ-четвертыхъ, что Лопари въ сихъ странахъ обращены въ христіанскую вѣру преп. Трифономъ въ XVI вѣкѣ; и, въ-пятыхъ, въ жалованной грамотѣ царя Ивана Васильевича, данной пр. Трифону (Печенгскому монастырю) 22 Ноября 1556 года, между прочимъ, упоминается, что пожалована Печенгскому монастырю вмѣсто руги на пропитаніе въ вотчину морская губа Нявдемская, слѣдовательно еще въ тѣ времена мѣсто это принадлежало Россіи.

Почти одновременно съ отвѣтомъ Миницкаго было получено въ Петербургѣ по вопросу о разграниченіи заявленіе Шведской миссіи. Въ заявленіи этомъ говорилось, что погосты Нейденъ (Нявдема), Пасвичъ (Пазрѣка) и Пейссеръ (Печенга) должны считаться погостами общими (foelles districter); что изслѣдовать начало взаимныхъ притязаній обоихъ государствъ на эти земли и объяснить, какимъ образомъ въ сихъ мѣстахъ Россіяне мало-по-малу распространились къ Западу, значило бы отдаляться отъ настоящаго дѣла или безполезно запутать его. Главнѣйшая цѣль сего дѣла со стороны

Норвегіи есть *доброе сосѣдство* и желаніе прекратить всякіе мѣстные споры; а потому должно условиться о формѣ раздѣла спорныхъ погостовъ и произвести этотъ раздѣлъ такимъ образомъ, чтобы рѣка Пасвичъ составила между обоими государствами границу, которая пойдетъ вверхъ по сей рѣкѣ до опредѣленнаго пункта, съ коего должна быть проведена черта до самой той, гдѣ начинается старая, опредѣленная уже граница, между Норвегіей и и тою частью Шведской Лапландіи, которая нынѣ состоитъ во владѣніи Россіи и принадлежитъ къ великому княжеству Финляндскому. Затрудненія, могущія при этомъ случаѣ представиться, не будутъ, повидимому, имѣть особенной важности, тѣмъ болѣе, что если бы вслѣдствіе сего раздѣла *весьма малое число* Россійскихъ Лопарскихъ семействъ досталось на часть Норвегіи, имъ предоставлена будетъ полная и совершенная свобода въ отправленіи богослуженія ихъ.

Графъ Несельроде, сообщая Миницкому о содержаніи этого заявленія, просилъ высказать свое о немъ мнѣніе и положительно увѣдомить, составляетъ ли существенную важность разница между пограничнымъ рубежемъ, отдѣляющимъ уже, по донесенію Миницкаго, Русскую Лапландію отъ Норвегіи, и между тою чертою, которую предлагаетъ Шведская миссія, и должны ли мы будемъ, соглашаясь на это послѣднее разграниченіе, уступить Норвежскому правительству значительное число семействъ Лопарскихъ.

При этомъ графъ Нессельроде присовокуплялъ, что нужно также знать, во-первыхъ, въ какое время проведена пограничная черта отъ Вересъ-Наволока до Софроновой тайболы и какимъ образомъ сія черта могла быть означена на самомъ мѣстѣ, въ такомъ краю, гдѣ суровость климата и неровности земли препятствовали чиновникамъ произвести какое-либо разграниченіе, и, во-вторыхъ, не служитъ ли въ пользу нашего права на обладаніе симъ краемъ то обстоятельство, что большая часть Норвежскихъ селеній, находящихся на спорной землѣ, и даже нѣкоторыя изъ оныхъ, состоящія по ту сторону вышеупомянутой пограничной черты, имѣютъ названія Русскія, какъ-то: *Песково*, *Сухогубска*, *Долгогубска*, *Верогуба*, *Юрики* и пр., и почему эти селенія, находящіяся на землѣ, признаваемой отъ насъ самихъ непринадлежащей Россіи, имѣютъ однако названія Русскія.

Всѣ эти свѣдѣнія, добавлялъ гр. Несельроде, угодно имѣть Государю Императору, дабы по онымъ можно было судить о настоящемъ состояніи сего дѣла и о предложеніяхъ Шведскаго правительства.

Вслѣдствіе этого были собраны слѣдующія свѣдѣнія о нашей границѣ.

1. Высочайшимъ указомъ 11 Октября 1764 г. бывшему губернатору генералъ-маіору Головцыну было предписано сдѣлать разсмотрѣніе о раздѣленіи городовъ и уѣздовъ по способности и съ выгодою жителей. Вслѣдствіе того, между прочимъ, поступилъ рапортъ изъ Кольской воеводской канцеляріи отъ 9 Декабря того же 1764 г., за подписью премьеръ-маіора Матвѣя Абатурова, въ которомъ писано: „По присланнымъ въ прошлыхъ 1760 Марта 3-го и въ 1761 годахъ Февраля 6 дня указамъ изъ Правит. Сената, учинено Кольскому уѣзду описаніе, а для сочиненія географическаго атласа

1761 года Августа 27 дня отправлено при доношеніяхъ въ Академію Наукъ и въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, въ которомъ значится между прочимъ: Отъ Сонгельскаго погоста, который смеженъ со Шведскими двоеданными и Нандровскими Лопарями, до Нявдемскаго погоста лѣсами, болотами, озерами и горами 150 верстъ, который смеженъ съ Королевско-Датскими Финмарцами; отъ Нявдемскаго погоста до Кольскаго острога въ окружности окіанъ-моремъ 200 верстъ, далѣе отъ г. Колы до Мотовскаго Лопскаго погоста 90 верстъ, а отъ Мотовскаго черезъ Печенгскій, Пазрѣцкой и Нявдемской погосты до межи Датскихъ Финмарцовъ, до *раздѣляющаго Сергія Камени* 200 верстъ; отъ Нявдемскаго погоста до межи Шведскихъ двоеданныхъ Лопарей до раздѣляющей Кошней горы и до раздѣляющаго Невелева озера 60 верстъ, и къ погостамъ симъ Печенгскому, Пазрѣцкому и Нявдемскому *пришли Датскіе Финмарскіе заливы*, въ которыхъ оныхъ погостовъ Лопари промышляютъ рыбу треску и за тѣ воды платятъ Королевско-Датскую дань по два вѣкуя съ человѣка, въ каждый годъ, сухой рыбы трески, что̀ означаетъ 1 пудъ 5 фунтовъ.

2. Въ Архангельской портовой таможнѣ имѣется предписаніе отъ 10 Іюня 1801 г. бывшаго министра коммерціи князя Гаврила Петровича Гагарина объ учрежденіи въ Архангельской губерніи по Мурманскому берегу трехъ таможенныхъ надзирательскихъ заставъ; третья застава назначена отъ Цынъ-Наволока до Норвегской крѣпости Вардгоуза и до Датскаго мѣстечка Вассина на разстояніи 205 верстъ. Сіи надзиратели, по прошествіи лѣта, дабы не оставались праздными, для надзора же за привозимыми по сухой границѣ товарами могутъ и на зимнее время также распредѣляемы быть по тремъ дистанціямъ; между прочимъ 3-я дистанція назначена быть въ Нявдемскомъ погостѣ, какъ въ разсужденіи пограничности онаго съ Норвежской Лапландіей, такъ и ближайшаго по рѣкѣ Паюсу жилища Датскихъ подданныхъ.

3. По сообщенію Казенной Палаты, состоящіе въ числѣ Россійскихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ бывшіе двоеданные Лопари, жительствующіе въ погостахъ Печенгскомъ, Пазрѣцкомъ и Нявдемскомъ, подати въ казну платили наравнѣ съ прочими Россійскими крестьянами, да съ давнихъ лѣтъ платили же коронѣ Датской дани по 1 р. 50 к. съ каждой мужеска пола ревизской души, присыланному изъ пограничнаго Датскаго мѣстечка сборщику, за то, что къ онымъ погостамъ прилегаютъ Королевско-Датскіе Финмаркскіе заливы, въ которыхъ оныхъ погостовъ Лопари промышляютъ рыбу треску; а платятъ ли они нынѣ ту подать, или прекратилась оная, когда и по какому предписанію, о томъ по дѣламъ Казенной Палаты свѣдѣнія не имѣется.

4. Губернскій землемѣръ представилъ имѣющуюся у него въ дѣлахъ часть карты о Кольскомъ уѣздѣ, дѣланную въ давнихъ годахъ, гдѣ означаются и мѣста границы съ Норвегскою и Шведскою Лапландіею, и скопированную имъ карту тоже Кольскаго уѣзда изъ Россійскаго академическаго атласа, въ 1745 году отпечатаннаго. Также отъ директора губернской гимназіи Сильвестрова получена карта Европы, изданная въ 1743 году на Фран-

цузскомъ языкѣ. Изъ всѣхъ оныхъ положеніе границы значится на рѣку Паесъ и черезъ озеро Енарапы, а по-россійски—Имандры.

Тотъ же землемѣръ составилъ карту Кольскаго уѣзда съ означеніемъ мѣста, куда къ намъ теперь выѣзжаютъ Норвежцы для рубки дровъ и пасутъ стада оленей.

5. На той сторонѣ рѣки Пазрѣки, которую Шведское правительство или баронъ Пальмстіернъ мыслятъ со своей стороны положить границею, имѣется изъ давныхъ временъ построенная деревянная церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба. Кольскій мѣщанинъ Шабунинъ, занимающійся въ мѣстахъ, обитаемыхъ Лопарями Пазрѣцкими и Нявдемскими, рыбными промыслами, объявилъ, что на имѣющемся въ оной церкви крестѣ значится надпись, съ которой имѣемый списокъ представилъ, а въ оной значится: „крестъ сей сооруженъ у церкви той въ лѣто 7073 (1565) мѣсяца Іюля 4 дня, на память. А святилъ церковь сію игуменъ Иларіонъ при начальникѣ Трифонѣ". Слѣдовательно 258 годовъ прошло, какъ церковь сія тутъ построена. Также имѣется въ оной антиминсъ, означающій годъ 7141 (1633).

Тотъ же Шабунинъ объявилъ, что ему извѣстно изъ словъ Лопарей, что на Вересъ-Наволокѣ имѣется въ означеніе границы съ Норвегскою Лапландіею куча накладенныхъ камней, а о селеніяхъ за рѣкою Нявдемою, носящихъ имена какъ бы Русскіе, Песково, Сухогубска и проч,, онъ ничего сказать не можетъ, но что живутъ тамъ Норвежскіе, такъ называемые, Фильманы. Согласно сему говоритъ и Архангельскій мѣщанинъ Гаврило Плотниковъ, имѣющій промыслы рыбные въ мѣстахъ Нявдемскихъ Лопарей.

6. Въ давнія времена, какъ изъ нижеписаннаго значитъ, построенъ былъ по рѣкѣ Печенгѣ монастырь, основатель котораго былъ преп. Трифонъ, мощи котораго покоятся нынѣ въ пустынѣ *по оной рѣкѣ находящейся;* сей человѣкъ вселился здѣсь еще въ тѣ времена, когда тутошніе Лопари находились въ идолопоклонствѣ, а 7065 году (1557) Ноября въ 22 день отъ царя Іоанна Васильевича пожалована была грамота тому преподобному на исключительное обладаніе тутъ многими угодьями, которая при семъ прилагается. Изъ оной явствуетъ, что пожалованы въ вотчину морскія губы: Мотавская, Лицкая, Урская, Пазрекская и Нявдемская, въ морѣ ловли и морской берегъ, земля, острова, рѣки и малые ручейки съ верхотинами и тонями и горовными мѣстами, пожнями, лѣсами и звѣриными головищи и Лопарями, которые наши данные въ той Мотовской и Пазрѣцкой губѣ нынѣ есть и впредъ будутъ и проч.

Всѣ эти свѣдѣнія генералъ-губернаторъ Миницкій 15 Января 1825 г. сообщилъ министру Иностранныхъ Дѣлъ. При этомъ, съ своей стороны, Миницкій присоединялъ, что изъ всѣхъ вышеприведенныхъ свѣдѣній и документовъ довольно доказывается, что мѣста, кои занимаютъ населеніемъ Лопари Печенгскаго, Пазрѣцкаго и Нявдемскаго погостовъ, непосредственно принадлежали и принадлежатъ Россіи. Могла ли быть выстроена церковь въ 1565 году и нынѣ существующая за рѣкою Пазрѣкою, когда бы не принадлежала земля та Россіи? Но берега при морѣ, противу погостовъ сихъ

заняли не въ давніе передъ симъ разные годы самовольно вошедшіе Норвежскіе Лопари, которые въ стѣсненіе промышленности нашихъ, имѣемыхъ оленей кормятъ по разнымъ мѣстамъ въ дачахъ сихъ погостовъ. Согласно симъ доводамъ о принадлежности мѣстъ сихъ Россіи и на картахъ, изданныхъ въ 1743 и 1745 годахъ, граница между Россіею и бывшею Датскою Норвегіею значится за Вересъ-Наволокомъ и губою сего названія далѣе на рѣку Паесъ, впавшую въ бывшую Шведскую Финляндію; рѣка Пазрѣка на картѣ Россійской, съ которой землемѣръ снялъ копію, наименована Пасъ, а что Кольскій исправникъ въ рапортѣ отъ 19 Іюня 1822 г. выразилъ такъ: Норвежцы *якобы полагаютъ границею рѣку Паесъ, то-есть Пазрѣку*, то изъ сего видно, что рѣку сію Пазрѣку именуютъ Паесъ Норвежцы, но собственно Паесъ-рѣка далѣе Нявдемы, какъ явствуетъ изъ карты. Посему, ежели согласиться съ желаніемъ Норвежскаго правительства, чтобы поставить границею рѣку Пазрѣку, значило бы уступить и мѣста, и жителей въ оныхъ, составляющихъ достояніе Россіи; хотя мѣста сіи и малолюдны, но горнія, а болѣе рыбныя тутъ при берегахъ ловли, и по рѣкамъ промыслы рыбы семги служатъ къ довольствію жителей всей Архангельской губерніи и сосѣдственной Вологодской, для коихъ ѣздятъ туда промышленники не токмо изъ Поморскихъ мѣстъ и изъ Колы, но и изъ самаго Архангельска, имѣя издавна свои тамъ для промышленности заведенія и взаимныя по сей части съ Лопарями связи. Посему, въ прекращеніе до нынѣ происходящихъ споровъ надлежитъ обоюдно признать и положить границею, уступая мѣсто подъ названіемъ Вересъ-Наволокъ въ пользу Норвегіи, губу сего наименованія, какъ заливъ естественно опредѣляющій предѣлы земель. По губѣ сей произрастаетъ и лѣсъ, и мохъ, равно какъ и по заливу Варзенскому, гдѣ Норвежскіе жители могутъ довольствоваться онымъ. Въ соблюденіе добраго сосѣдства ожидать надлежало бы со стороны Шведскаго правительства согласіе на сіе.

Въ отвѣтъ на свое сообщеніе Миницкій 14 Іюня того же 1825 г, получилъ письмо управляющаго Министерствомъ тайнаго совѣтника Павла Дивова. Послѣдній писалъ Миницкому, что полученныя свѣдѣнія онъ имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору и что Его Величество, по соображенію со свѣдѣніями, полученными по сему же предмету отъ Шведскаго посланника, соизволилъ признать нужнымъ отправить на мѣсто одного изъ офицеровъ по квартирмейстерской части, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ комиссаромъ, который отряженъ будетъ отъ Шведскаго правительства, вошелъ въ точнѣйшее изслѣдованіе мѣстнаго положенія земли и пріуготовилъ бы все нужное къ разграниченію, для произведенія онаго сообразно взаимнымъ удобностямъ. Для сего избранъ подполковникъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части Галяминъ, который уже снабженъ по сему предмету надлежащимъ наставленіемъ и отправится на мѣсто, когда Шведское правительство назначитъ съ своей стороны комиссара и коль скоро соглашенность будетъ о мѣстѣ, гдѣ должны съѣхаться оба сіи чиновника. Кромѣ относящагося до границъ дѣла, комиссарамъ симъ поручено будетъ

войти въ изслѣдованіе споровъ, возникшихъ между Россійскими и Норвежскими Лопарями, и положить конецъ распрямъ ихъ.

Со стороны Шведскаго правительства были назначены комиссарами: полковникъ Шперкъ, маіоръ Мейлендеръ и одинъ инженерный офицеръ. Съѣздъ комиссаровъ долженъ былъ произойти въ Колѣ.

31 Мая 1824 года мы видимъ подполковника Галямина уже въ Архангельскѣ ходатайствующимъ передъ генералъ-губернаторомъ Миницкимъ объ оказаніи содѣйствія въ дѣлѣ, для котораго онъ командированъ. Миницкій немедленно сдѣлалъ надлежащія распоряженія. Такъ, начальнику Кольской инвалидной команды подпоручику Васильеву, черезъ бригаднаго командира полковника Соколова, было предложено отпустить Галямину нижнихъ чиновъ хорошаго поведенія и расторопныхъ, сколько будетъ ему нужно, при одномъ исправномъ унтеръ-офицерѣ. Кольскому исправнику предписывалось, чтобы онъ, вмѣстѣ съ переводчикомъ, знающимъ тамошній языкъ, находился при Галяминѣ во все время его пребыванія, а Кольскому городничему указано было озаботиться „о приличныхъ квартирахъ“.

Для отправки Галямина въ Колу, въ виду большихъ неудобствъ и значительныхъ затрудненій при проѣздѣ по почтовымъ станціямъ, было зафрахтовано у Архангельскаго купца Степана Попова парусное мореходное судно, которое, вмѣстѣ съ кормщикомъ и 6-ью человѣками команды, должно было находиться въ распоряженіи Галямина все лѣто. Въ счетъ условленной за это съ купцомъ Поповымъ платы — 2000 рублей, поступали причитающіеся Галямину прогоны на 5 лошадей, на разстояніе отъ Архангелнска до Колы—1041, оттуда до границы—300 верстъ и обратно въ Архангельскъ, всего 2682 версты, считая по 5 коп. на версту и лошадь—*670 руб. 50 коп.*: недостающая же сумма, 1329 р. 50 к., была покрыта изъ кредита „на непредвидимые и экстренные по губерніи расходы“.

6 Іюня подполковникъ Галяминъ вмѣстѣ съ прапорщикомъ Вейкартомъ и двумя нижними при немъ служителями отправился въ Колу, куда благополучно и прибылъ 22 Іюня въ 3 часа дня. Въ Колѣ въ это время уже находились Норвежскіе комиссары—полковникъ Шперкъ, маіоръ Мейлендеръ и инженерный офицеръ Павлоданъ, пріѣхавшіе сюда на собственномъ гребномъ суднѣ еще 16 Іюня въ 6 часовъ пополудни, какъ это видно изъ донесенія городничаго.

26 Іюня, въ 2 часа пополудни, при способномъ вѣтрѣ всѣ вышеозначенныя лица, за исключеніемъ Вейкарта, вмѣстѣ съ Кольскимъ исправникомъ и двумя служителямя изъ внутренней стражи, на суднѣ отплыли изъ Колы къ границѣ съ Норвегіей. Вейкартъ же, по случаю болѣзни, остался въ Колѣ. Такъ какъ мѣстный штабъ-лѣкарь Дзяковъ въ это время находился въ уѣздѣ для прививки дѣтямъ оспы, то, по распоряженію Галямина, за нимъ, для лѣченія больного Вейкарта, былъ отправленъ нарочный.

Результатомъ съѣзда комиссаровъ явилась конвенція, заключенная въ Петербургѣ 2/14 Мая 1826 года (Конвенція эта напечатана во „Второмъ Полномъ Собраніи Законовъ“, т. I, 1826 г. № 302, стр. 408—412).

Конвенціей этой, для сохраненія того добраго согласія, которое соотвѣтствовало бы связямъ дружбы и добраго сосѣдства, было положено принять мѣры для преграждения споровъ, происходившихъ иногда отъ того, что не было точнаго постановленія о границахъ между Россіей и Норвегіей въ Лапландскихъ погостахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ faelleds-distrieter (общіе погосты). Въ этихъ видахъ, посредствомъ взаимно-выгоднаго разграниченія были установлены рубежи для разграниченія владѣній и выработаны правила для пограничныхъ сношеній между обитающими тамъ Лапландцами.

Статьею 1-ю конвенціи постановлено: „Поелику трактатомъ, заключеннымъ въ 1751 г. между Швеціей и Даніей опредѣлена граница черты, долженствовавшей отдѣлить Швецію отъ Норвегіи, то таже самая черта остается неприкосновенною, поколику она служитъ нынѣ границею между великимъ герцогствомъ Финляндскимъ и королевствомъ Норвежскимъ, то-есть отъ мѣста, гдѣ начинается новая граница, установленная актомъ разграниченія 8/20 Ноября 1810 г.*) до точки, именуемой Кольмизойве-Мадакіешса. Отъ этой послѣдней точки, граница, отдѣляющая Норвегію отъ Россіи, согласно 2-й ст. конвенціи, должна проходить по горамъ: Рейза-гора и Рейза-Ойве до Гелмозіо. Отсюда, по теченію Пасвига (Пазрѣка) и по озерамъ, образуемымъ этой рѣкой, до церкви Бориса и Глѣба, находящейся на лѣвомъ берегу Пасвига. Церковь эта, съ пространствомъ земли на одну версту въ окружности, принадлежитъ Россіи. За версту отъ церкви къ Сѣверу, граница переходила Пазрѣку и направлялась къ Юго-Востоку до озера, изъ котораго вытекаетъ Лаксъ-Елвъ, а отсюда до точки, гдѣ составляется изъ трехъ малыхъ источниковъ рѣка Якобсъ-Елвъ (Ворьема). Отъ этого мѣста черта разграниченія послѣдуетъ по Якобсъ-Елву до впаденія ея въ Ледовитый океанъ близъ Якобсвига.

Вездѣ, гдѣ рѣки Пасвигъ и Якобсъ-Елвъ будутъ составлять границу между Россіей и Норвегіей, стержень сихъ водъ будетъ пограничною чертою. По озерамъ, образуемымъ рѣкою Пасвигомъ, чертою разграниченія назначается ихъ середина и по самой большой глубинѣ ихъ. Всѣ островки на помянутыхъ рѣкахъ и озерахъ, образуемыхъ Пасвигомъ къ Востоку отъ сей черты, будутъ принадлежать Россіи, а лежащіе отъ той же черты къ Западу, будутъ принадлежать къ Норвегіи.

Король Норвежскій навсегда отказывался отъ всякихъ притязаній на земли, принадлежащія Россіи и находящіяся за чертою разграниченія (ст. 3).

Норвежскимъ семействамъ, живущимъ на земляхъ, переходящихъ къ Россіи, а равно и Русскимъ, поступающимъ подъ Норвежское правленіе, предоставлялось или оставаться на своихъ мѣстахъ, или, въ теченіе 3-хълѣтняго срока, переселиться на землю другой державы (ст. 5). И тѣмъ, и другимъ, если бы они остались на своихъ мѣстахъ, предоставлялась свобода богослуженія, для чего Русскимъ Лопарямъ, переходящимъ въ подданство Норвегіи, разрѣшалось попрежнему ходить въ церковь Бориса и Глѣба, съ тѣмъ.

*) Актъ этотъ напечатанъ въ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XXXI, 1810 г. № 24, 413.

чтобы они участвовали въ содержаніи служителей этой церкви. Равнымъ образомъ и Норвежцамъ, остающимся на Русской землѣ, дано позволеніе ходить въ церкви Норвежскія, съ участіемь въ содержаніи духовенства этихъ церквей, до тѣхъ поръ, пока на Русской землѣ не будетъ выстроена для нихъ церковь (ст. 6).

Разрѣшалось этимъ семействамъ, также, въ теченіе шести лѣтъ ходить на землю другой державы для производства тамъ, попрежнему, рыбной и звѣриной ловли, соображаясь однако съ правилами внутренней полиціи и таможенными учрежденіями. Впрочемъ, оговаривается конвенція, мѣра эта, какъ слѣдствіе одной только попечительности высокихъ договаривающихся державъ о благосостояніи обоюдныхъ ихъ подданныхъ, коренныхъ въ вышеупомянусыхъ погостахъ жителей, подлежитъ обсужденію впослѣдствія или для дальнѣйшаго ея утвержденія, или совершеннаго уничтоженія. И если по истеченіи шести лѣтъ никакого постановленія ио сему дѣлу не состоится, то право производить на чужой землѣ рыбные и звѣриные промыслы прекращается. Въ этомъ правѣ не могли участвовать вновь поселяющіяся въ спорныхъ погостахъ семейства Лопарей (ст. 7).

Пастьба оленей на земляхъ другой державы строго воспрещалась (ст. 8).

Рѣки: Ворьсма и Пазрѣка объявлялись свободными для судоходства, сплава лѣса и рыбной ловли (ст. 9).

*

Согласно 4-й ст. конвенціи, въ продолженіе лѣта 1826 года, надлежало обозначить въ натурѣ черты границы. Для исполненія этого дѣла со стороны Россіи, начальникомъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества были командированы прежнія лица: Галяминъ, состоявшій въ это время уже подполковникомъ не свиты Его Величества, а Петровскаго пѣхотнаго полка, и прапорщикъ Вейкартъ.

30 Мая 1826 г. Галяминъ находился въ Архангельскѣ, чтобы отсюда слѣдовать по назначенію для исполненія возложеннаго на него порученія. По его требованію Губернскимъ Правленіемъ были пріисканы и наняты нужные для работъ по установкѣ столбовъ два каменотеса и кузнецъ (Зиминъ, Рогатовъ и Угрюмовъ) для дѣланія и исправленія инструментовъ, съ платою: первые двое по 100 рубл., а послѣдній 80 рубл. въ мѣсяцъ, со дня отправки изъ Архангельска. Сверхъ этихъ лицъ, „по неотысканію изъ вольныхъ людей человѣка, который бы разумѣлъ рѣзать на камнѣ слова“, былъ потребованъ Галяминымъ изъ подвижной инвалидной команды унтеръ-офицеръ Василій Аѳанасьевъ. Послѣднему, въ виду его заявленія, что онъ не имѣетъ нужнаго для работъ одѣянія, кромѣ казеннаго мундира, и что „тамъ въ отдаленности ему нужно пропитаніе“, было выдано 30 рублей. Для производства работъ были взяты со собою: купленные у купца Полежаева 3 желѣзныхъ молота, вѣсомъ 1 п. 30 ф., по 8 р. за пудъ, на 14 руб; 30 фунт. лучшей стали для инструментовъ каменосѣченія, по 50 коп. за фунтъ, на 15 руб.; 3 п. 25 ф. желѣза полосоваго, по 5 р. за пудъ, на 18 р. 12½ к.; 8 п. 30 ф. четворограннаго, по 6 р. за пудъ, на 22 р. 50 к.; 2 широкихъ

топора—2 р. 40 к.; 4 заступа—4 руб., и 1 большой напилокъ—2 р. 75 к. у мѣщанина Николая Баженова: 20 четвертей угля, по 50 коп., на 10 рубл. и 20 рогожныхъ кулей, по 15 коп. — 3 рубля. Кромѣ этого были взяты съ собою два кузнечные инструмента, одинъ—у вдовы мореходскаго сына Дмитріева „изъ прокату“ по 15 р. въ мѣсяцъ, а другой купленъ у кузнечнаго мастера Леонтьева за 33 р. 57 к. Какъ оказалось впослѣдствіи, весь расходъ по найму рабочихъ и закупкѣ матеріаловъ обошелся въ 715 р. $34^1/_2$ к.

6 Іюня Галяминъ на военномъ бригѣ подъ командою капитанъ-лейтенанта Шапырева отправился изъ Архангельска къ границѣ съ Норвегіей, гдѣ и приступилъ къ работамъ. Послѣднія къ 11 Іюля были закончены. Между прочимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ были сооружены и поставлены пограничные столбы съ досками: № 349 близъ озера Недго черезъ ручей Репанъ у горы Кольмисойве (Мадакіетска), № 350 — на линіи къ озеру Никольскому, № 351 — у озера Нявдемскаго, № 352 — близъ ручья Редашъ, № 353 — на Рейзѣ-горѣ, № 354 — отъ верхотины Пазрѣки — Норая-ворамъ, № 355 — при паденіи ручья Нихчь въ рѣку Пазрѣку, № 356 — въ верстѣ у церкви Бориса и Глѣба по рѣкѣ Пазрѣкѣ и № 357—въ прямомъ разстояніи въ землю къ Норвегіи, № 358—въ равномъ же протяженіи къ Сѣверу, № 359—у рѣки Пазрѣки по другую сторону помянутой церкви, № 360 — за Пазрѣкою близъ озера Нейдъ, № 361 — черезъ Нейдъ на горѣ Безымянной, № 362—на верхотинѣ рѣки Ровдемы или Ворьсмы и № 363—на устьѣ при впаденіи Ворьсмы въ море.

Окончивъ всѣ работы къ 11 Іюля, Галяминъ до 23 Іюля находился въ м. Вадсэ, откуда, вмѣстѣ со Шведскими комисарами, на томъ же бригѣ, отправился въ Архангельскъ, а изъ этого послѣдняго на почтовыхъ лошадяхъ 17 Августа выѣхалъ въ Петербургъ съ подполковникомъ королевско-Норвежской службы Мейлендеромъ и свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части прапорщикомъ Вейкартомъ.

Въ Архангельскѣ Галяминъ, возвращая Губернскому Правленію рабочихъ, между прочимъ заявилъ, что они вели себя очень хорошо и исполняли въ точности все имъ поручаемое, что̀ много споспѣшествовало къ скорому окончанію ввѣреннаго ему порученія.

Участники экспедиціи Галямина были щедро награждены Государемъ. Кольскому исправнику, титулярному совѣтнику Постникову, расторопностью и дѣятельностью своею способствовавшему къ скорому окончанію порученія, пожалованъ бриллiантовый перстень. Сумскій мѣщанинъ, Петръ Тарасовъ, за усердіе и безкорыстіе, оказанныя имъ при отправленіи въ Колу и Вадсэ, былъ награжденъ серебряною на Анненской лентѣ медалью для ношенія на шеѣ. Унтеръ-офицеру Василью Аѳанасьеву за оказанныя имъ въ работѣ при установкѣ пограничныхъ столбовъ отличное усердіе и неутомимость, было выдано изъ Государственнаго Казначейства 300 рублей.

Не менѣе щедро, безъ сомнѣнія, былъ награжденъ и самъ Галяминъ за понесенные имъ труды; но въ чемъ состояла эта награда, мы не нашли въ дѣлѣ указаній.

Относительно дѣятельности Галямина Кольскій земскій судъ въ 1828 году доносилъ Губернскому Правленію слѣдующее. По пріѣздѣ въ этомъ году Кольскаго исправника Кривковича на старую границу, Лопари Нявдемскаго и Пазрѣцкаго погостовъ единогласно объявили, что они въ бытность подполковника Галямина въ оба раза, т.-е. въ 1825 и 1826 годахъ, старались показать ему старую границу и просили разсмотрѣть оную подробно; но Галяминъ не обратилъ на сіе никакого вниманія и далѣе стоящей по р. Пазрѣкѣ церкви Бориса и Глѣба въ первый разъ, т.-е. въ 1825 г. нигдѣ не бывалъ; *проходили же для проведенія нынѣшней черты* съ нижней Шведской стороны и съ верхней отъ р. Ворьемы *только одни Норвежскіе* комиссары и присоединились къ Галямину у означенной церкви. Въ слѣдующій же 1826 годъ, онъ, Галяминъ, *до постановленія пограничныхъ тѣми же комиссарами знаковъ, все время находили въ мѣстечкѣ Васинѣ* Норвежскаго владѣнія.

Сообщая эти свѣдѣнія генералъ-губернатору, Губернское Правленіе обращало также вниманіе на то обстоятельство, что съ снятыхъ при разграниченіи плановъ Галяминъ не оставилъ никакихъ копій ни въ Архангельскѣ, ни въ Колѣ.

Неудивительно, поэтому, что Архангельскій губернаторъ Бухаринъ въ своемъ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 14 Іюня 1828 г. за № 1301 писалъ, что разграниченіе, произведенное Галяминымъ, послужило только поводомъ къ насильственному завладѣнію со стороны Норвежскихъ жителей даже общихъ (съ Русскими) рыбныхъ ловель"; что, не довѣряя этому разграниченію, онъ испрашивалъ у генералъ-губернатора свѣдѣній, на которыхъ основывался при разграниченіи подполковникъ Галяминъ, и отвѣтъ генералъ-губернатора только подтвердилъ, пишетъ Бухаринъ, „*сомнѣніе* его *о дѣлѣ*, какъ кажется, *пренебреженномъ въ здѣшнемъ краю*" и доказалъ „*невѣдѣніе здѣсь весьма интереснаго дѣйствія Галямина*".

Октябрь 1900.

N. и Н. Чулковъ.

ПУШКИНЪ И БАРАТЫНСКІЙ.

1.

Жизнь Пушкина и его отношенія къ тѣмъ лицамъ, кого онъ любилъ, съ кѣмъ былъ знакомъ или встрѣчался, конечно, должны бы составлять предметъ ревностнаго изученія. Между тѣмъ изъ громаднаго числа всевозможнѣйшихъ статей о Пушкинѣ, появившихся за два послѣдніе года, едва ли десятая часть посвящена его біографіи. Въ этой области до сихъ поръ сдѣлано такъ мало, что самыя нелѣпыя предположенія могутъ еще выставляться съ серьезномъ видомъ и пользоваться успѣхомъ у читателей, знакомыхъ съ великой литературной эпохой лишь по устарѣлымъ учебникамъ. Что̀ бы, казалось, могло быть болѣе невѣроятнымъ, какъ утверждать, что Пушкинъ, расточая своему другу Е. А. Баратынскому, восторженныя хвалы въ статьяхъ и письмахъ, именно его имѣлъ въ виду, когда создавалъ образъ Сальери, а между тѣмъ такое мнѣніе высказано, нашло своихъ защитниковъ и на немъ настаиваютъ. Сочинитель этого страннаго предположенія, г. Ив. Щегловъ, напечаталъ недавно уже *вторую* статью по этому поводу *), въ которой, возражая на указанія „Русскаго Архива“, пытается обосновать свои сужденія на историческихъ данныхъ. Къ сожалѣнію, въ мало изслѣдованной области исторіи нашей новой литературы носится онъ, какъ утлая лодочка, гонимая случайными вѣтрами, „безъ руля и безъ вѣтрилъ“.

Подыскивая доказательства для своей мысли, что Пушкинъ прозорливо замѣтилъ въ Баратынскомъ зависть къ себѣ и изобразилъ это въ Моцартѣ и Сальери, г. Щегловъ ухватился за то обстоятельство, что отношенія Баратынскаго и Пушкина съ годами становились нѣсколько холоднѣе. „Нѣтъ ничего мудренаго, пишетъ онъ, что познакомившись съ Баратынскимъ короче, Пушкинъ нѣсколько умѣрилъ свое первоначальное увлеченіе имъ, какъ человѣкомъ, и перенесъ свое исключительное сочувствіе на него, какъ на поэта, сочувствіе тѣмъ болѣе великодушное, чѣмъ прозрачнѣй для него обнаружились въ Баратынскомъ признаки извѣстной писательской болѣзни jalousie de métier... Съ Пушкинской благодушной точки зрѣнія, другъ, подверженный такой болѣзни, все же оставался другомъ, и онъ посвящаетъ произведеніямъ Баратынскаго товарищески хвалебный гимнъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы считать этотъ золотой отзывъ со стороны Пушкина нѣкотораго рода позоло-

*) Литер. Приложенія къ Торгово-Пром. газ. 1900, № 40.

ченной пилюлей, которая должна была заглушить пріемъ другой горькой Пушкинской пилюли, преподнесенной въ слѣдующемъ послѣ рецензіи году *) въ видѣ проникновенныхъ сценъ „Моцартъ и Сальери", но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что скрытно чуткій и болѣзненно самолюбивый Баратынскій могъ освѣтить себѣ дѣло именно такъ. Но такъ или иначе, съ злополучнаго 1832 года (ранѣе отрывки изъ „Моцарта и Сальери" Пушкинъ читалъ только въ домѣ Смирновой, гдѣ Баратынскій не бывалъ), т. е. со времени появленія въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ" означенной пьесы, дружеская декорація отношеній Пушкина и Баратынскаго довольно рѣзко и странно мѣняется. Пушкинъ ни однимъ звукомъ болѣе не поминаетъ въ своихъ письмахъ о Баратынскомъ, и его обильныя посланья послѣднихъ лѣтъ носятъ какъ бы слѣды благородно молчаливой душевной размолвки".

Не стоитъ, конечно, ловить г. Щеглова на неосмотрительномъ утвержденіи, будто Пушкинъ съ 1832 г. „ни звукомъ не поминаетъ въ своихъ письмахъ о Баратынскомъ"; такія упоминанія есть, (напр. въ письмахъ 1833 г. изъ Казани или въ письмѣ къ женѣ отъ 16 Мая 1836 года). Но нѣкоторое охлажденіе Пушкина къ Баратынскому, проявившееся въ 30-хъ годахъ, несомнѣнно. Только надо ли ставить его въ связь съ написаніемъ „Моцарта и Сальери"? Не объясняется ли оно сполна изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, безъ ненужнаго обвиненія Баратынскаго въ зависти, а Пушкина въ дурномъ лицемѣріи?

Первый восторгъ Пушкина передъ дарованіемъ Баратынскаго былъ прямо неумѣреннымъ. Пушкинъ готовъ былъ вѣрить, что Баратынскій займетъ въ литературѣ такое же мѣсто, какъ онъ самъ. Въ 1824 году, года черезъ два послѣ появленія въ печати Кавказскаго Плѣнника, Пушкинъ узналъ, что Баратынскій написалъ Эду, и пишетъ брату изъ Михайловскаго: „Пришли же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ, онъ Чухонецъ! Да если она *милѣе* моей Черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ". Получивъ поэму, Пушкинъ увлекался ею безпредѣльно, говоря о ней, что „это прелесть", „чудо", что это chef d'ouevre de grâce, d'élégance et de sentiment. Въ тоже время онъ въ своихъ письмахъ вообще отзывался о Баратынскомъ восторженно. „Признайся, писалъ онъ Вяземскому въ 1822 г., что Баратынскій превзойдетъ и Парни и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ". А въ 1824 г., въ письмѣ къ Бестужеву, есть у Пушкина даже такое восклицаніе: „Баратынскій прелесть и чудо! Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій." Пушкинъ какъ бы уступалъ въ элегіи первенство Баратынскому. Даже позднѣе, въ 5-й главѣ Онѣгина, Пушкинъ, восхищаясь стихами Вяземскаго о первомъ снѣгѣ, продолжалъ

Но я *бороться* не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой.

---

*) Г. Щегловъ, конечно, не знаетъ, что статья Пушкина о Баратынскомъ была впервыя набросана еще въ 1827 г., напечатана же при жизни Пушкина *не была*. Очень вѣроятно, что Баратынскій прочелъ ее только въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина.

Понемногу однако Пушкину пришлось перемѣнить свой взглядъ на Баратынскаго. Самъ Пушкинъ переходилъ отъ одного созданія къ другому: кромѣ лирическихъ стихотвореній, онъ писалъ Цыганъ, Годунова, повѣсти Бѣлкина, и находилъ время для журнальныхъ статей, т. е. работалъ во всѣхъ областяхъ литературы. Баратынскій въ тѣже годы оставался вѣренъ вдумчивой, созерцательной жизни. Онъ вовсе не былъ *литераторомъ*, чего такъ много было въ Пушкинѣ; онъ былъ мыслитель и поэтъ и только; не даромъ такой единодушной травлей встрѣчали его журналисты, чувствуя, что онъ не *ихъ*. Баратынскаго влекли къ себѣ такіе вопросы, которымъ Пушкинъ былъ чуждъ. Пушкину казалось, что Баратынскій измѣняетъ святынѣ искусства, измѣняетъ литературной дѣятельности. А Баратынскій, вѣроятно, съ затаеннымъ негодованіемъ слѣдилъ, какъ Пушкинъ расточалъ свой геній на журнальныя замѣтки, какъ разбрасывалъ по сторонамъ, сильныя, блестящія, но не продуманныя до конца сужденія. Такъ „буйственно несется ураганъ"... Пути Пушкина и Баратынскаго расходились, и вотъ первая причина охлажденія ихъ дружбы.

Вмѣстѣ съ этимъ чисто-внѣшнія условія жизни разъединяли недавнихъ друзей. Баратынскій послѣ женитьбы жилъ большей частью въ Москвѣ или въ подмосковномъ имѣніи, одно время въ Казани. Пушкинъ, получивъ позволеніе вернуться въ столицы, жилъ въ Петербургѣ. Круги знакомыхъ у Пушкина и Баратынскаго понемногу различились, и лица одного изъ нихъ, повидимому, не всегда были желанны въ другомъ. Вдова Дельвига неожиданно вышла замужъ за брата Баратынскаго, что̀ Пушкину было непріятно. Извѣстное свое письмо И. Е. Великопольскому, явно недоброжелательное, съ такими выраженіями какъ „ваше примѣчаніе—конечно, личность и неприличность", было послано *черезъ Баратынскаго*. Наконецъ, судя по всѣмъ признакамъ, между Пушкинымъ и Баратынскимъ стояло еще одно лицо: Настасья Львовна Баратынская. Надо сознаться, что для тѣхъ, кто не хотѣлъ прощать Пушкину *все* во имя его генія, онъ могъ казаться въ жизни, какъ человѣкъ, прямо нестерпимымъ. Есть намекъ въ письмѣ самого Пушкина на то, что Настасья Львовна имѣла что̀-то противъ него. „Кто говоритъ (писалъ онъ женѣ изъ Москвы въ 1832 г.), что я у Баратынскаго не бываю. Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякій день видимся. *А до женъ намъ и дѣла нѣтъ*. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ".

Вотъ рядъ причинъ, почему между Пушкинымъ и Баратынскимъ произошло охлажденіе. Какъ примѣнять сюда драму „Моцартъ и Сальери"? Замѣчательно, что, сообщая Плетневу о написанныхъ имъ маленькихъ трагедіяхъ (въ томъ числѣ о Моцартѣ), Пушкинъ тутъ же, черезъ строчку (письмо 9 Дек. 1830 г.), добавляетъ: „Еще не все; написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бѣсится". Неужели Пушкинъ способенъ былъ такъ спокойно сопоставлять рядомъ эти два обстоятельства: восторгъ Баратынскаго передъ его произведеніями и свою собственную драму, гдѣ Баратынскій приравнивается убійцѣ? Мало того въ Іюлѣ слѣдующа-

го года по поводу предполагаемаго изданія Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1832 годъ, Пушкинъ писалъ (тоже Плетневу): „Я дамъ въ нихъ Моцарта и нѣсколько мелочей. Жуковскій свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому: онъ пришлетъ намъ сокровища“. Воля ваша, но я не вѣрю, чтобы, выписывая эти строки, Пушкинъ посмѣивался лукаво при воспоминаніи объ образѣ Сальери!

2.

Перейдемъ теперь ко взглядамъ Баратынскаго на Пушкина. Во второй своей статьѣ г. Щегловъ подтверждаетъ, что поводъ заподозрить Баратынскаго въ зависти дали ему его отзывы о Пушкинѣ, вошедшіе въ письма къ Кирѣевскому. Мы уже имѣли случай замѣтить, что эти отзывы поразили г. Щеглова лишь потому, что онъ плохо знакомъ съ литературной жизнью временъ Пушкина и не знаетъ, что великое значеніе Пушкина было понято далеко не сразу, что самые ревностные поклонники его дарованія, самые близкіе его друзья, не разъ рѣзко осуждали такія его произведенія, которыя теперь почитаются высшими образцами художественнаго творчества. Такъ друзья Пушкина долго не могли понять значенія Онѣгина.

Г. Щеглова особенно поразилъ отзывъ Баратынскаго о Царѣ Салтанѣ. „Оставимъ матеріалы народной поэзіи въ ихъ первобытномъ видѣ (писалъ Баратынскій) или соберемъ ихъ въ одно цѣлое, которое настолько бы ихъ превосходило, сколько хорошая исторія превосходитъ современныя записки... Этого далеко нѣтъ у Пушкина. Его сказка равна достоинствомъ одной изъ нашихъ старыхъ сказокъ, и только“. Г. Щегловъ видитъ въ этомъ голосъ зависти. Но вотъ что писалъ о сказкахъ Пушкина въ 1834 г. Н. В. Станкевичъ: „Любопытны повѣрья народныя; собери ихъ, разскажи съ поэтической простотой, и мы будемъ благодарны... И что̀ за поэтъ, кто посягнетъ на эту святыню изъ самолюбія? Начнетъ ломать въ сонные хореи безыскусственныя сказанія младенца! Это будетъ такая же поэзія, какъ всякая проза, переложенная въ стихи, а поступокъ не честенъ... Пушкинъ изобрѣлъ этотъ ложный родъ, когда началъ угасать поэтическій огонь въ душѣ его. Но первая его сказка въ этомъ родѣ еще имѣетъ нѣчто поэтическое; другія же дрянь просто“. Чѣмъ отличается этотъ отзывъ? Только тѣмъ, что онъ рѣзче. Или Станкевичъ тоже изъ породы Сальери-завистниковъ? Молодой Бѣлинскій въ томъ же году называлъ въ одной рецензіи сказки Пушкина „поддѣлками“, которыя заслуженно не имѣли успѣха.

А вотъ, кстати, отзывы о Пушкинѣ молодого Языкова, котораго Пушкинъ почиталъ почти наравнѣ съ Баратынскимъ, включая его въ священный тріумвиратъ особенно цѣнимыхъ имъ поэтовъ (Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ). „Я читалъ въ спискѣ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ Пушкина (пишетъ Языковъ). Эта поэма едва ли не худшая всѣхъ его прежнихъ. Есть нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но вообще они какъ-то вялы, невыразительны и даже

не такъ гладки, какъ въ другихъ стихотвореніяхъ". Позднѣе Языковъ признавалъ въ Бахч. Ф. нѣкоторыя достоинства, находя однако, что „этого мало для всего прекраснаго цѣлаго". О 1-ой главѣ Онѣгина Языковъ писалъ: „Онѣгинъ мнѣ очень, очень не понравился. Думаю, что это самое худшее изъ произведеній Пушкина". О 2-ой главѣ онъ писалъ: „Я читалъ вторую главу Онѣгина — не лучше первой! Тоже отсутствіе вдохновенія, таже риѳмованная проза. Вотъ кого должны уважать мы на безлюдьи" *).

Явно, что *критическими* отзывами Баратынскаго, какъ бы суровы они ни были, невозможно доказать съ его стороны зависть къ великому современнику и другу. Каковы же другіе доводы г. Щеглова, что еще вмѣняетъ онъ Баратынскому въ вину его передъ Пушкинымъ? Обвиненій этихъ очень немного, и они до крайности легковѣсны, чтобы не сказать болѣе. Г. Щегловъ съ укоромъ указываетъ, что Баратынскій не принималъ участія въ денежныхъ отношеніяхъ Пушкина, и говоритъ, что Баратынскій „благодушествовалъ" у себя въ подмосковной „въ то самое время, когда Пушкинъ почти сознательно готовился къ смерти, не видя иного исхода, или говоря иными словами, не находя матеріальной поддержки, чтобы бѣжать изъ Петербурга". То-есть г. Щегловъ дѣлаетъ намекъ, что Баратынскій виноватъ *въ смерти* Пушкина, не давъ ему подходящей суммы денегъ взаймы. Однако, сколько? Извѣстно, что послѣдніе годы Пушкинъ тратилъ много тысячъ р. въ годъ. Что же могъ предложить ему Е. А. Баратынскій, если бы Пушкинъ и пожелалъ у него одолжаться? Лично онъ былъ очень небогатъ, такъ какъ родовое имущество, которымъ въ то время полновластно заправляла его мать, должно было быть подѣленнымъ между тремя братьями и сестрой. Мураново составляло собственность его супруги, Н. Л. Баратынской... Впрочемъ, смѣшно разбирать такіе вопросы подробнѣе.

Второе обвиненіе г. Щеглова состоитъ въ томъ, что Баратынскій не написалъ стиховъ на смерть Пушкина. Но, во-первыхъ, мы этого навѣрное не знаемъ. Оставшіяся послѣ Баратынскаго бумаги, наброски, начала—еще не напечатаны. Во-вторыхъ же, исходя изъ размышленій, чего кто-либо *не сдѣлалъ*, невозможно прійти ни къ какимъ выводамъ. Въ книгѣ Вл. Каллаша: „Русскіе поэты о Пушкинѣ", очень полно исчерпывающей эту область, собрано 22 стихотворенія написанныя на смерть Пушкина; конечно, число поэтовъ, близкихъ Пушкину, а тѣмъ болѣе цѣнившихъ и любившихъ его, было гораздо больше. На смерть Пушкина не написали элегій: Языковъ, Хомяковъ, Туманскіе, Ознобишинъ, Шевыревъ, К. Павлова — да мало ли еще кто! Но что же изъ этого слѣдуетъ? Г. Щегловъ разсказываетъ, будто,

---

*) Напомнимъ, что этотъ же Языковъ черезъ годъ уже писалъ въ посланіи Пушкину:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе всякой головы и т. д.

на вызовъ написать стихи на смерть Пушкина, Баратынскій отвѣчалъ стихами: „Люблю я васъ, богиня пѣнья...“ Намъ извѣстно, однако, что эти стихи имѣютъ совершенно иное значеніе.

Г. Щегловъ пытается даже какимъ-то способомъ обратить въ свою пользу то обстоятельство, что вскорѣ послѣ смерти Пушкина, въ 1839 году, Баратынскій побывалъ въ Петербургѣ...

Остается еще спросить: неужели никто изъ окружавшихъ Пушкина и Баратынскаго лицъ не проникъ въ тайну „сальеризма“ второго и мести перваго? Положимъ, Пушкинъ, какъ пишетъ Щегловъ, былъ прозорливецъ: положимъ, Баратынскій угадалъ месть, потому что сознавалъ себя виноватымъ; но неужели же Плетневъ, Жуковскій, князь Вяземскій были менѣе проницательны, чѣмъ г. Щегловъ. А всѣ они оставались друзьями Баратынскаго. Наконецъ, Настатья Львовна Баратынская и Ольга Сергѣевна Павлищева, свято чтившіе память мужа и брата, до конца жизни оставались связанными тѣсной дружбой.

3.

Въ моемъ первомъ отвѣтѣ г. Щеглову я предложилъ выраженіе „критика для критики“, которое удобно было бы примѣнять къ произведеніямъ, подобнымъ его „догадкамъ“, т.-е. оторваннымъ отъ жизни, имѣющимъ дѣло со *словами*, а не съ живыми людьми, съ буквой, а не духомъ произведеній. Г. Щегловъ ухитрился истолковать мои слова въ томъ смыслѣ, будто я предлагаю отвести область критики однимъ присяжнымъ библіографамъ. Человѣкъ, такъ превратно понимающій чужую мысль, естественно не отдаетъ себѣ отчета и въ своихъ собственныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что́ собственно желаетъ сказать г. Щегловъ, сближая Баратынскаго съ Пушкинскимъ „Сальери“? Утверждаетъ ли онъ, что Баратынскій дѣйствительно походилъ на Сальери или только то, что Пушкинъ могъ имѣть въ виду Баратынскаго, создавая свой типъ завистника. Иногда г. Щегловъ защищаетъ первое мнѣніе, иногда второе, не замѣчая даже что они существенно различны. Какъ кажется, данныя, подобранныя въ этой статьѣ, доказываютъ, что подозрѣвать Баратынскаго въ зависти къ Пушкину нѣтъ основаній, а думать, что Пушкинъ сознательно изображалъ въ Сальери—Баратынскаго, прямо невозможно.

Остается, однако, третье предположеніе, выставленное г. П. Перцовымъ. Сущность характера Сальери вовсе не въ зависти. Недаромъ Пушкинъ зачеркнулъ первоначальное заглавіе своей драмы. Моцартъ и Сальери — типы двухъ разнородныхъ художественныхъ дарованій: одного, кому все досталось въ даръ, все дается легко, шутя, наитіемъ; другого — который достигаетъ можетъ быть, не менѣе значительнаго, но съ усиліями, трудомъ и сознательно. Одинъ—„гуляка праздный“, другой—„повѣряетъ алгеброй гармонію“. Если можно раздѣлить художниковъ на два такихъ типа, то, конечно, Пуш-

кинъ относится къ первому, Баратынскій — ко второму. Вотъ рѣшеніе вопроса, на которомъ нашъ споръ долженъ покончиться.

*

Въ дополненіе къ перечню написаннаго о Баратынскомъ, помѣщенному въ № 8 „Русск. Арх.“ за 1900 г., перечисляемъ здѣсь еще нѣсколько статей:

1830. „Денница“. Въ „Обзорѣ Русс. словесности“, сост. И. Киреевскимъ.

1830. „Московскій Телеграфъ“. №№ 1 и 2, въ отзывахъ о „Денницѣ“ и „Царскомъ Селѣ“.

1831. „Московскій Телеграфъ“. № 7, въ отзывѣ о книгѣ „Études...“.

1831. „Листокъ“, изд. Д. В. Львова. № 39. Разборъ „Наложницы“.

1893. „Починъ“. Статья И. Стороженко.

1900. „Сборникъ статей о А. С. Пушкинѣ“. Изд. Кіевскаго педагог. общ. Въ ст. г. Рыбинскаго „Пушкинская плеяда“.

1900. „Вѣстникъ Воспитанія“. № 6. Ст. Ив. Бунина.

В. Б.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ А. А. ФЕТА.

1.

Неутомимый изслѣдователь всего, что̀ относится до жизни и сочиненій Фета, Н. Н. Черногубовъ помѣстилъ въ № 8 „Русскаго Архива“ за прошлый годъ статью о происхожденіи дяди моего А. А. Фета. Статья эта содержитъ въ себѣ всѣ документальныя данныя, которыя удалось отыскать г. Черногубову, да и, думается мнѣ, едва ли кому-нибудь удастся отыскать что-либо болѣе по этому вопросу.

Я, какъ близкій родственникъ покойнаго, хорошо знавшій нашего знаменитаго поэта въ послѣдніе годы его жизни и происходящій изъ семьи, связанной, помимо родства, многолѣтней съ нимъ дружбой, давно собираюсь поговорить о загадочномъ происхожденіи Аѳанасія Аѳанасьевича.

Прежде всего установимъ наши семейныя отношенія.

Родной дѣдъ мой Василій Петровичъ Семенковичъ, Сербъ по происхожденію, былъ сыномъ Петки Семенковича, выходца изъ Крагуевца *), оказавшаго услуги Русскому правительству и принятаго въ Русское подданство офицеромъ въ одинъ изъ Украинскихъ полковъ при Екатеринѣ II-й. Василій Семенковичъ, какъ видно и изъ высочайшей грамоты на его дворянство, много лѣтъ провелъ въ офицерскихъ чинахъ на войнѣ и былъ даже въ плѣну у Французовъ, послѣ несчастнаго для насъ Голландскаго похода генерала Германа. Возвращенный изъ плѣна, онъ продолжалъ служить въ нашихъ заграничныхъ экспедиціонныхъ корпусахъ и тамъ близко сошелся и подружился съ Аѳанасіемъ Неофитовичемъ Шеншинымъ, отцомъ нашего поэта. Многолѣтняя дружба и боевое товарищество скрѣпились бракомъ моего дѣда на любимой сестрѣ Шеншина, Аннѣ Неофитовнѣ, при чемъ родители ея (въ то время богатые помѣщики Орловской губерніи, очень древняго, хотя и Татарскаго княжескаго рода, которымъ принадлежалъ чуть ли не весь Мценскій уѣздъ) не хотѣли и слышать о бракѣ своей дочери съ незначительнымъ офицеромъ, да еще не Русскимъ по происхожденію. Бракъ

*) Мнѣ говорили, что тамъ и по сей день есть Сербы съ этой фамиліей, а лѣтъ семь назадъ я встрѣтилъ въ Воронежской губерніи однофамильца (можетъ быть, своего дальняго родственника) Семенковича, кореннаго жителя Землянскаго уѣзда.

состоялся только благодаря настойчивости друзей, попросту увезшихъ невѣсту. Поэтому-то дѣдъ мой и считалъ себя вѣчно обязаннымъ за свое семейное счастье своему другу и шурину и съ готовностью потомъ вызвался помочь ему въ такихъ же почти обстоятельствахъ: увезти любимую дѣвушку, хотя бы изъ подъ вѣнца.

Такіе случаи, какъ извѣстно, были нерѣдки въ то время между нашимъ офицерствомъ.

Увозъ этотъ состоялся, по семейнымъ разсказамъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Шеншинъ полюбилъ будущую мать Фета (Беккеръ) еще во время одной изъ своихъ стоянокъ въ Германіи; но родители ея, Гессенцы и горячіе приверженцы Наполеона, были противъ брака съ Русскимъ, да еще съ такимъ необузданнымъ кутилой и картежникомъ, какимъ знали А. Н. Шеншина на стоянкахъ. Поэтому они поспѣшили просватать свою дочь, и назначена была свадьба. Друзья наши (можетъ быть, по увѣдомленію самой невѣсты) узнали про это и рѣшили помѣшать браку. Дѣдъ мой оставался въ то время еще на службѣ и колесилъ съ полкомъ по Германіи, гдѣ долго послѣ войны были еще Русскіе гарнизоны по крѣпостямъ; а Шеншинъ, повидимому, былъ уже въ отставкѣ и проживалъ за границей ради своей страсти къ Беккеръ. Могли ли лихіе рубаки, побѣдители Наполеона, допустить мысль, что какой-то Нѣмчикъ, на которомъ лежало пятно Наполеоновскаго ига, станетъ поперекъ дороги въ любви Русскаго офицера? Объ этомъ, конечно, и думать было непристойно нашимъ молодцамъ, помнившимъ, какъ встрѣчали „побѣдителей и освободителей Европы, спасителей троновъ“.

Весь вопросъ былъ, какъ устроить это дѣло, и за скорымъ рѣшеніемъ дѣло не стало: у дѣда были солдаты, у Шеншина — люди... у обоихъ боевые товарищи, всегда готовые пособить, и планъ кампаніи былъ быстро и успѣшно выполненъ. Дѣдъ мой разсказывалъ, что они нагрянули въ небольшой Нѣмецкій городокъ, гдѣ жила Беккеръ, какъ разъ въ то время, когда только что окончилась въ киркѣ брачная церемонія, и женихъ съ невѣстой и поѣзжанами выходили изъ церкви. Моментъ, и поѣзжане въ ужасѣ разбѣжались; Нѣмчикъ получилъ добрую затрещину, а невѣста (или, вѣрнѣе, жена его) схвачена и увезена къ Шеншину.

Побѣдителей не судятъ и, конечно, ни несчастный Нѣмчикъ, ни тогдашнія Нѣмецкія власти не рѣшились строго преслѣдовать похитителей, тѣмъ болѣе, что Нѣмчику все равно пришлось бы получить свою невѣсту уже давно женой другого... Нѣмчикъ оказался разсудительнымъ и вступилъ, со временемъ, въ мирные переговоры, которые и окончились къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ: Шеншинъ оставилъ себѣ его жену, а Нѣмчикъ получилъ отъ щедраго барина деньги.

Прежде дѣла, и даже не такія запутанныя (когда похитители успѣли съ похищеннымъ укатить въ далекую Россію) велись не скоро и, пока шли переговоры и переписка, у счастливыхъ любовниковъ успѣли родиться дочь

и сынъ, нашъ будущій поэтъ. Дочь, почему-то, можетъ быть въ видѣ залога, была оставлена въ Германіи, а... похититель съ похищенною благополучно проживали въ Орловской глуши, гдѣ Шеншинъ, по своимъ связямъ и вліянію, былъ не менѣе значителенъ, чѣмъ какой-нибудь тогдашній Нѣмецкій „потентатъ“, а рядомъ съ нимъ, въ имѣніи своей жены (его сестры) Оптухѣ, проживалъ и другъ его, Семенковичъ *).

Когда родился Аѳанасій Аѳанасьевичъ, то мѣстному духовенству, находившемуся въ зависимости отъ богатаго помѣщика, и въ голову не могло прійти спросить у строгаго и суроваго отца его: правильно ли онъ повѣнчанъ съ особою, которую всѣ уже признали за его жену, и ребенокъ былъ записанъ въ книги, какъ законный сынъ своихъ родителей, каковымъ онъ и оставался до 14-ти лѣтняго возраста, то-есть до времени, когда, для поступленія въ ученіе, потребовалось представить „настоящія“ его бумаги. Въ этихъ бумагахъ не было самой главной: объ законномъ вѣнчаніи его матери, которая въ моментъ появленія будущаго поэта на свѣтъ продолжала оставаться законной женой какого-то амтъ-асессора Фета, Гессенскаго подданнаго.

Слѣдовательно, по закону, нашъ Фетъ былъ законнымъ же сыномъ этого несостоявшагося на самомъ дѣлѣ брака; а, такъ какъ, вообще, положеніе незаконорожденныхъ въ то время было очень незавидно, и сама судьба дала возможность Фету считаться законнымъ сыномъ (хотя бы и амтъ-асессора), то и предпочли его оставить въ этомъ качествѣ.

Это тѣмъ болѣе было удобно и выгодно, что такая бумажная „законность“ происхожденія ребенка давала ему возможность, со временемъ, перейдя въ Русское подданство, получить и Русское дворянство, что́ было такъ возможно въ то время и на что̀ незаконнорожденному почти нельзя было надѣяться.

Такъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ и сталъ, по бумагамъ, Фетомъ, продолжая для всѣхъ родныхъ оставаться безспорно Шеншинымъ. Что̀ касается старшей его сестры, Каролины (по мужу Матвѣевой), то стоитъ только посмотрѣть разъ на здравствующаго, понынѣ ея сына отъ этого брака, чтобы поразиться его сходствомъ съ покойнымъ Фетомъ: это безспорнѣйшій представитель всѣхъ наиболѣе характернѣйшихъ Шеншинскихъ чертъ, болѣе или менѣе свойственныхъ всѣмъ намъ, отъ одного и того же корня происходящимъ. Покойная жена Аѳанасія Аѳанасьевича, урожденная Боткина, вглядываясь въ черты моего лица, всегда говорила, что я ей напоминаю молодого Аѳанасія Аѳанасьевича, но сынъ четы Матвѣевыхъ—это вылитый портретъ его. Откуда бы, спрашивается, зашла Татарская кровь въ потомка амтъ-асессора Фета? Гдѣ-то, въ Казанской или Симбирской губерніи, и по сейчасъ есть цѣлая волость, которая такъ и называется „Шеншинская“, и мнѣ довелось встрѣтить оттуда одного Татарина, который поразилъ меня

---

*) Дѣдъ мой и бабка Анна Неофитовна тамъ и похоронены.

своимъ сходствомъ съ дядей-Фетомъ, этимъ типичнѣйшимъ носителемъ Татарскихъ чертъ нашего рода; тѣже черты, повторяю, очень ясно выступаютъ и въ сынѣ Каролины Петровны.

Чтобы показать, какъ семьи наши были близки и тѣсно между собою связаны, укажу еще на слѣдующее обстоятельство: отецъ мой, Николай Васильевичъ Семенковичъ, продолжалъ вѣрную дружбу стариковъ и былъ, до самой своей смерти, преданнымъ другомъ своего сосѣда и двоюроднаго брата, Фета.

Помимо родства, стариковъ связывала и общность службы (оба были кавалеристы) и общность образованія: оба кончили университетъ, что̀ въ то время, среди степныхъ помѣщиковъ, было большой рѣдкостію. Мало того, когда покойный Александръ Павловичъ Матвѣевъ женился на сестрѣ Фета, Каролинѣ Петровнѣ, и когда его родной братъ, нынѣ здравствующій, Дмитрій Павловичъ, женился на моей родной теткѣ по матери, Софьѣ Владимировнѣ Кривцовой, а отецъ женился на моей матери, Надеждѣ Владимировнѣ, то всѣ эти молодыя тогда пары вошли въ еще большую родственную, близость, тѣмъ болѣе, что, по родству съ Лутовиновыми, мать моя была въ родствѣ съ обоими братьями Тургеневыми, старинными и лучшими друзьями Фета.

Такъ всѣ эти семьи, прочно связанныя родствомъ и многолѣтней дружбой, и жили по близости одна отъ другой, все въ той же Орловской губерніи. Понятно, что, при такой близости, при жизни стариковъ Шеншина и Семенковича, романическое происхожденіе Фета не могло оставаться неизвѣстнымъ въ семьѣ, и подробности похищенія Елисаветы Петровны передавались изъ устъ въ уста, служа нескончаемой темой разговоровъ для всѣхъ сосѣдей и, въ особенности, сосѣдокъ. Тогда вѣдь не было ни газетъ, ни журналовъ въ томъ количествѣ, какъ они появились позднѣе, и такой романъ, герои котораго всѣмъ извѣстны, занималъ всѣхъ.

И дѣйствительно, разсказъ объ этомъ событіи, помимо своей семьи, я слышалъ и отъ другихъ Орловскихъ старожиловъ, въ бытность мою еще въ Орловской гимназіи.

2.

Теперь посмотримъ, отчего старикъ Шеншинъ, отецъ Фета, такъ упорно молчалъ о происхожденіи своего первенца.

При невозможности доказать законность рожденія Аѳанасія Аѳанасьевича, какъ я уже говорилъ, выгоднѣе было оставить его числиться по бумагамъ законнымъ сыномъ амтъ-асессора Фета. Попытка сдѣлать Фета Шеншинымъ при крещеніи не удалась: неправильность, допущенная при записи въ метрическую книгу, обнаружилась, и ее, не смотря на всѣ хлопоты Аѳанасія Неофитовича, приказано исправить.

Но Фетъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ", категорически заявляетъ, что онъ видѣлъ брачное свидѣтельство своихъ родителей, повѣнчавшихся по Лютеранскому обряду за границей. Г. Черногубовъ сомнѣвается въ этомъ, и можетъ быть, онъ можетъ показаться правымъ: этого свидѣтельства не отыскано нигдѣ. Но всѣ кто зналъ покойнаго Фета, хоть, напримѣръ, графъ Л. Н. и графиня С. А. Толстые, подтвердятъ, надѣюсь, что покойный Фетъ, глубоко правдивый человѣкъ, былъ совершенно неспособенъ выдумать такую басню, да еще и заявить о ней печатно.

Да и что̀, собственно, мѣнялось бы съ отысканіемъ этой бумаги? Ровно ничего. Фетъ и съ нею, какъ и безъ нея, продолжалъ бы быть незаконнымъ сыномъ Шеншина, числившимся, по бумагамъ, законнымъ сыномъ амтъ-асессора Фета.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что такая бумага была (въ чемъ я лично, зная дядю, и не сомнѣваюсь). Значитъ, старикъ Шеншинъ, при живомъ законномъ мужѣ матери Фета, повѣнчался съ ней за границей у одного изъ пасторовъ. Такое вѣнчаніе было весьма возможно въ тѣ времена, когда, проѣхавъ десятокъ верстъ по Германіи, попадали въ другое „государство" (часто враждебное сосѣднему), гдѣ какой нибудь пасторъ, особенно за щедрую подачку, и не отказался бы повѣнчать предстоящихъ передъ нимъ, хотя и не имѣющихъ установленныхъ документовъ. Тогда всюду кипѣла война, или господствовали ея послѣдствія; всякій могъ сослаться на утрату документовъ. Итакъ пасторъ (умышленно или нѣтъ, все равно) повѣнчалъ А. Н. Шеншина съ Елисаветой Петровной. Что̀ же это имъ могло дать, кромѣ шаткаго права именоваться мужемъ и женой предъ не особенно внимательной заграничной полиціей и прислугою гостинницъ, гдѣ они останавливались.

При въѣздѣ же въ Россію, этотъ документъ, помимо того, что не имѣлъ никакой законной силы, если бы и былъ выданъ даже лицамъ и не состоящимъ въ другомъ бракѣ (такъ какъ, по нашимъ законамъ, такого брака у пастора недостаточно), явился бы весьма неудобнымъ для Елисаветы Петровны, такъ какъ объявить объ этомъ бракѣ офиціально было бы равносильно обвиненію самой себя въ двумужествѣ, въ выходѣ замужъ при живомъ, неразведенномъ еще, законномъ мужѣ.

Естественно, что объ этомъ бракѣ, рѣшили, изъ опасенія тогдашней волокиты, молчать. Рождается нашъ поэтъ. Опять-таки документъ этотъ никуда не годенъ: ибо по немъ Фета никакъ нельзя сдѣлать законнымъ сыномъ Шеншина, а только можно достигнуть развѣ того, что утратится и возможность признать несчастнаго ребенка законнымъ сыномъ хоть бы амта-то асессора, да и опять рискуешь попасть подъ уголовный судъ за двумужество.

Благоразуміе велитъ молчать объ этомъ документѣ; о немъ и молчать очень тщательно, и его Фетъ находитъ только послѣ смерти родителей своихъ. Тутъ, какъ видите, нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Далѣе, почему самъ Фетъ, найдя этотъ документъ, не предъявилъ его офиціально? Да потому же самому, что онъ, этотъ документъ, никакой законной силы не имѣлъ и могъ только повредить памяти его родителей и надѣлать самому Фету хлопотъ, ибо у него могли отобрать право носить и имя Фета, а Шеншинымъ-то, конечно, безъ царской милости не признали бы.

И вотъ Фетъ тоже молчитъ о документѣ, сообщивъ о немъ только своимъ близкимъ друзьямъ и Новосильцеву *) въ томъ числѣ. Новосильцевъ совѣтуетъ просить добрѣйшаго и гуманнѣйшаго императора Александра II-го и обѣщаетъ помочь съ своей стороны. Для царской милости, конечно, не нужно никакихъ документовъ, а тѣмъ болѣе такихъ сомнительныхъ, и царь повелѣлъ причислить Фета къ роду его дѣйствительнаго отца, чѣмъ и предалъ забвенію всѣ романтическія подробности этой семейной исторіи, и простилъ беззаконія участвовавшихъ въ ней героевъ.

Только самодержавный царь и могъ покончить однимъ своимъ словомъ съ нею, и онъ это пожелалъ сдѣлать. Фету, повторяю, не для чего было выдумывать такой документъ: что онъ былъ сыномъ Аѳанасія Неофитовича Шеншина, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія, и никто въ томъ не сомнѣвался; а признать его, незаконнаго, законнымъ—могъ и призналъ царь.

3.

Я близко познакомился съ Фетомъ только въ послѣдніе годы его жизни. Зная по его „Воспоминаніямъ“ и по разсказамъ близкихъ къ нему лицъ, что̀ ему пришлось вынести въ теченіе почти цѣлой жизни изъ-за его „незаконности“, я понятно не спѣшилъ касаться этого больного мѣста моего дяди. Я хорошо усвоилъ себѣ слова Диккенса о „скелетѣ въ домѣ“ и зналъ, что въ домѣ дяди этотъ скелетъ есть...

Останавливало меня также и неоднократное восхищеніе дяди смѣлымъ словомъ Гончарова, возставшаго противъ безцеремоннаго залѣзанія разныхъ добровольцевъ въ частную жизнь извѣстныхъ людей, особенно въ жизнь писателей. Только по выходѣ „Раннихъ годовъ моей жизни“ я однажды вечеромъ рѣшился завести осторожно разговоръ на происхожденіе имени „Фетъ“.

Тутъ же я спросилъ дядю, почему онъ не упомянулъ объ вышеприведенномъ разсказѣ о своемъ происхожденіи, который, конечно, не могъ быть ему неизвѣстенъ.

— „*Вѣроятно такъ дѣло и было*, сказалъ дядя; но мнѣ не удалось провѣрить этого разсказа со словъ участниковъ, а потому я и не увѣренъ въ

*) Шталмейстеру, Ивану Петровичу. И. Б.

его полной справедливости". Затѣмъ онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, возвратившись же завелъ рѣчь совсѣмъ о другомъ.

Я понялъ, что и этотъ разсказъ тоже почему-то „скелетъ", и болѣе къ нему не возвращался...

Отчего Фетъ не провѣрилъ этого разсказа, хотя, конечно, могъ это сдѣлать, ибо засталъ въ живыхъ не только своего отца, послѣ того какъ превратился въ Верро изъ Шеншина въ Фета, но даже моего дѣда и, вѣроятно, нѣкоторыхъ изъ „людей", бывшихъ съ его отцомъ за границей? Я этого не могу объяснить ничѣмъ инымъ, какъ крайней щепетильностью дяди въ подобныхъ дѣлахъ, щепетильностью, которая такъ часто проглядываетъ и въ его „Воспоминаніяхъ" и, можетъ быть, онъ ждалъ, чтобы *главные* участники дѣла, его отецъ и мать, сказали ему, наконецъ, всю правду... Этого не случилось, вѣроятно потому же, почему и дядя ихъ не спрашивалъ: изъ щепетильности и потому, что слишкомъ у всѣхъ болѣло именно то мѣсто, и всякій старался его не касаться, откладывая объясненіе со дня на день и тѣмъ дѣлая его все болѣе и болѣе щекотливымъ и непріятнымъ. Потомъ участники умерли, Фетъ при ихъ кончинѣ тоже ничего не узналъ, да, подъ часъ, и не могъ узнать, такъ какъ былъ въ отсутствіи.

Осталось, словомъ, больное, очень больное мѣсто, и всѣ старались не говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго...

Не сталъ бы и я говорить теперь объ этомъ вопросѣ, чтя вѣчно мнѣ дорогую память дяди и убѣдившись, что онъ *не хотѣлъ* говорить о своемъ происхожденіи, если бы не все чаще и чаще повторяющіяся попытки постороннихъ приподнять завѣсу, которую не хотѣли приподнимать сами ее повѣсившіе.

Фетъ, наконецъ-то, хоть послѣ смерти, да начинаетъ все болѣе и болѣе привлекать вниманіе къ своей дѣйствительно выдающейся жизни и дѣятельности. Кромѣ статьи г. Черногубова, укажу хоть на статью г. Гутьяра, въ Ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за прошлый 1899 г., которому я долженъ былъ возразить, такъ какъ онъ многое въ жизни дяди освѣтилъ невѣрно *). Въ нѣкоторыхъ энциклопедическихъ изданіяхъ Фету даже приписывается Еврейское происхожденіе...

Потомъ взяться за перо меня побудило соображеніе, что все менѣе и менѣе остается въ живыхъ людей, близкихъ Фету, любившихъ его, и сходятъ со сцены не только старики, въ родѣ Страхова и Полонскаго, но и молодежь, въ родѣ Грота и Соловьева. Сойдутъ и остальные, и кто знаетъ, чего не выткутъ досужіе братья-писатели на этой таинственной завѣсѣ?

Вскорѣ послѣ вышеприведеннаго нашего *единственнаго* разговора объ его происхожденіи, дядя разсказалъ мнѣ слѣдующее происшествіе, которое,

---

*) См. мою замѣтку въ Апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1900 г.

мнѣ показалось, онъ хотѣлъ какъ бы поставить въ аналогію съ таинственнымъ бракомъ своихъ родителей. Догадку эту я основываю на томъ, что, вопервыхъ, предыдущій разговоръ касался семейныхъ дѣлъ моего дѣда и разныхъ „скелетовъ въ домѣ“, а, во-вторыхъ, меня поразилъ самый приступъ къ разсказу, самый тонъ дяди, столь характерный у него, когда онъ хотѣлъ разсказать какую-нибудь аллегорію, что-нибудь объясняющее обстоятельство, котораго дядя не хотѣлъ прямо касаться; а такія аллегоріи онъ очень любилъ и „иногда“, когда кто-нибудь приходилъ къ нему за совѣтомъ, то весь разговоръ только и ограничивался такой аллегоріей: скажетъ, и больше отъ него ничего не добьешься. Я такихъ случаевъ знаю много и презабавныхъ, о которыхъ, можетъ быть, я напишу когда-нибудь.

Вотъ этотъ разсказъ.

— *Вы интересуетесь таинственными свадьбами?* началъ Фетъ (хотя я съ нимъ *никогда* ни о чемъ подобномъ не говорилъ, *кромѣ* свадьбы его родителей). У насъ въ дивизіи былъ такой случай. На стоянку, въ захолустное село, былъ поставленъ полкъ. Скука смертная, и даже нѣтъ никого изъ помѣщиковъ въ окрестностяхъ, такъ какъ кругомъ все казенныя земли. Офицерство только и спасалось отъ скуки этой у мѣстнаго батюшки, у котораго въ нежилой половинѣ устроилось что-то въ родѣ клуба. Священникъ былъ молодой, но какой-то вялый, болѣзненный и выпивалъ при томъ. Сойдясь близко съ офицерствомъ, онъ еще болѣе сбился съ панталыку и почти безвыходно сидѣлъ въ этомъ клубѣ. Офицеры таскали буквально всюду попа за собой: они на ученье, и попъ съ ними терпѣливо и молча выстаиваетъ все время гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Ѣдутъ на охоту, берутъ и его съ собой; и онъ, подбирая рясу, плетется по болоту за ними вслѣдъ. Словомъ, сдѣлались неразлучными спутниками, и попъ даже сталъ ежедневно читать полковые приказы, чтобы знать, что̀ „намъ“ завтра дѣлать, какъ онъ говорилъ.

У него была жена, красавица писаная, за которой нѣкоторые и думали приволокнуться, но получили такой суровый отпоръ, что къ дальнѣйшему ухаживанію не нашлось охотниковъ. Когда близилось время выступленія, офицерамъ стало жалко разставаться съ попомъ, а онъ-то и совсѣмъ захандрилъ: „что̀ я буду дѣлать безъ вашего полка?“ Послѣ одного изъ прощальныхъ вечеровъ въ клубѣ, когда всѣ довольно-таки подвыпили, къ попу подсѣлъ одинъ ротмистръ и сказалъ: — Вотъ ты, батя, говоришь, что полюбилъ насъ, что жить безъ насъ не можешь. Докажи это, услужи пріятелю, повѣнчай меня безъ бумагъ невѣсты. — Что̀ ты задумалъ... меня за это разстричь могутъ... мало ли какія могутъ быть препятствія! — Препятствій никакихъ и ни отъ кого не будетъ: она сирота, *все дѣло въ тебѣ, ты единственное препятствіе*. — Даешь слово, что только за мной дѣло, и никто больше препятствовать не станетъ?.. — Даю честное слово офицера, при всѣхъ товарищахъ, *что все дѣло въ тебѣ, и никто, кромѣ тебя, препятствовать нашему счастью не можетъ*, такъ какъ мы другъ друга сильно полю-

били... — Идетъ... вези невѣсту, сейчасъ и обвѣнчаю... Ротмистръ пригласилъ тутъ же свидѣтелей и просилъ ихъ не любопытствовать, кто невѣста, такъ какъ она очень конфузится и будетъ въ густой фатѣ.

Всѣ согласились и въ назначенный часъ явились въ церковь. Ротмистръ распорядился, чтобы церковь не особенно была освѣщена, а попа, къ тому времени, шафера̀ еще болѣе напоили... Пріѣхали женихъ съ невѣстой; въ церковь не велѣно было никого, кромѣ шаферовъ, пускать, и бракъ былъ совершенъ, при чемъ невѣста была въ такомъ густомъ вуалѣ, что никто ея лица и не видалъ. Послѣ свадьбы, какъ распорядился женихъ, въ клубѣ былъ устроенъ такой кутежъ, что-на что̀ старые кавалеристы были привычны къ такимъ попойкамъ, но и тѣ свалились, и ихъ еле-еле на утро вывезли съ полкомъ; попъ же такъ и остался спать въ клубѣ. Проспавшись, онъ не засталъ полка, а вернувшись домой, не засталъ и жены... Это онъ ее обвѣнчалъ. Что̀ было дѣлать? Жены все равно не вернуть, а только потеряешь все. Такъ онъ и рѣшилъ молчать. Вскорѣ онъ, впрочемъ, совсѣмъ спился и умеръ, а ротмистръ остался съ своей молодой красавицей-женой.

— *Такъ вотъ что бываетъ, а не то что...* заключилъ свой разсказъ дядя и больше ничего не прибавилъ.

Что̀ онъ хотѣлъ этимъ сказать, я не знаю, но, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, думаю, что онъ хотѣлъ намекнуть на бракъ своихъ родителей и на пресловутое брачное свидѣтельство. Впрочемъ, разсказъ этотъ показался мнѣ характеренъ для эпохи „старыхъ кавалеристовъ“, и я не раскаиваюсь, что его записалъ.

Итакъ, что̀ можно сказать съ достовѣрностью о происхожденіи Фета?

1) Что онъ родился отъ Елисаветы Петровны Беккеръ и отъ Аѳанасія Неофитовича Шеншина.

2) Что онъ не могъ быть причисленъ къ законнымъ дѣтямъ Шеншиныхъ ни въ какомъ случаѣ, ибо родился до брака ихъ, при жизни перваго, номинальнаго мужа своей матери, и никакія брачныя свидѣтельства (были ли они или не были) не могли измѣнить такого положенія вещей.

и 3) Будучи безспорно *по крови* Шеншинымъ, Фетъ сталъ имъ и *по праву*, вслѣдствіе высочайшей милости, которая есть источникъ всякаго права, а, слѣдовательно, мы и должны почитать Аѳанасія Аѳанасьевича, съ момента присоединенія его къ роду отца его по крови,—*Шеншинымъ*, до того же времени онъ *юридически* правильно числился *Фетомъ*.

В. Н. Семенковичъ.

Н. П. ГИЛЯРОВЪ О „СЕМИРАМИДѢ“ ХОМЯКОВА.

Почти единовременно появились въ печати 2-й томъ сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова (изд. К. П. Побѣдоносцева) и новое изданіе VI-го тома сочиненій А. С. Хомякова, заключающаго въ себѣ первую половину второй части его Историческихъ Записокъ, въ шутку названныхъ Гоголемъ „Семирамидой“. Въ этомъ 2-мъ томѣ сочиненій Гилярова напечатана рѣчь, произнесенная имъ въ Обществѣ Любителей Русской Словесности, въ засѣданіи, посвященномъ памяти не задолго передъ тѣмъ скончавшагося Хомякова, который былъ предсѣдателемъ этого, при его содѣйствіи вновь возникшаго, Общества.

Рѣчь Гилярова озаглавлена: „О судьбѣ убѣжденій“; въ ней онъ поставилъ себѣ задачею, такъ сказать, подъитожить многообразную умственную дѣятельность Хомякова, доказывая, что вся ея необыкновенная многосторонность служила лишь выраженіемъ одной общей мысли, лежащей въ основаніи его міросозерцанія; и что въ немъ эта разносторонность доказывала только всеобъемлящую примѣнимость основнаго начала. Гиляровъ много вращался въ обществѣ людей, близкихъ по убѣжденіямъ съ Хомяковымъ и почитается самъ однимъ изъ дѣятелей того умственнаго движенія, которое принято называть „Славянофильскимъ“ съ легкой руки издѣвавшагося надъ нимъ Бѣлинскаго; а потому въ рѣчи такого выдающагося послѣдователя этого ученія можно, естественно, искать „довлѣющей“ характеристики и оцѣнки одного изъ столповъ, если не законоположниковъ онаго. Впрочемъ послѣднее выраженіе едва ли можетъ быть употреблено про дѣятеля такой умственной среды, которая офиціальныхъ авторитетовъ не признавала въ области мысли, какъ это высказалъ, напримѣръ, К. С. Аксаковъ въ статьѣ о Грановскомъ („Молва“ 1857 г.: „Кумировъ вообще не нужно“) и по поводу самого Хомякова въ перепискѣ съ Соханской. Рѣчь эта однако оказывается вовсе не послѣднимъ словомъ въ оцѣнкѣ Хомякова Гиляровымъ. Онъ, какъ сейчасъ будетъ видно, до времени произнесенія своей рѣчи зналъ Хомякова только какъ автора статей, какъ личнаго собесѣдника, но не зналъ его вовсе какъ автора „Историческихъ Записокъ„. Только послѣ этой рѣчи Гиляровъ заглянулъ въ „Записки“ (въ качествѣ цензора „Русской Бесѣды“, гдѣ напечатанъ былъ впервыя отрывокъ изъ нихъ (2 ч., 1860 г.), и вотъ что̀ онъ по поводу Историческихъ Записокъ и своей рѣчи въ Обществѣ выразилъ въ письмѣ

къ Ю. Ѳ. Самарину: „Сейчасъ кончилъ исправленіе своей рѣчи, читанной въ Обществѣ Любителей. Затѣмъ присѣлъ читать присланный вами отрывокъ „Семирамиды", а послѣ того прочиталъ листъ цензурируемаго теперь мною Бѣлинскаго... Какое странное сочетаніе! А не безъ плода между тѣмъ оно осталось, и плодъ его первый передъ вами—мое письмо. Да, съ какимъ глубокимъ интересомъ прочиталъ я отрывокъ „Семирамиды"! Какъ пустъ и мелокъ показался мнѣ Бѣлинскій, теперь въ особенности (и, какъ нарочно, пришлась статейка о Славянофильскомъ направленіи)! А, наконецъ, чрезвычайно гадка мнѣ показалась моя собственная рѣчь. Далеко не то слѣдовало бы и не то хотѣлось бы мнѣ сказать. Вспомните ваше письмо и высказанное вами неудовольствіе на рѣчь Погодина: оно совершенно право, по моему мнѣнію. Но иного и трудно было ждать отъ Погодина. Я своею рѣчью думалъ именно восполнить недостатокъ, который такъ чувствителенъ у Погодина. Мнѣ именно хотѣлось было возсоздать цѣльный образъ Хомякова... Но въ настоящую минуту я, право начинаю бояться, не написалъ ли я Луку Ѳедотомъ. Я судилъ о Хомяковѣ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оставили мнѣ личныя сношенія съ нимъ, частью печатныя сочиненія. Но я конечно слишкомъ мало его зналъ (т.-е. сравнительно съ людьми ближайшими, напримѣръ вы), а потомъ я совсѣмъ не читалъ прежде „Семирамиды". Теперь, какъ я прочиталъ этотъ отрывокъ, онъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я заглянулъ въ отверстіе колодезя, чрезвычайно глубокаго и даже страшнаго. Послѣ этого мое изображеніе Хомякова показалось мнѣ такою пошлостью, что, просто, становится стыдно и даже боязно, не подбавлю ли я, съ своей стороны, еще матеріала къ составленію фальшиваго и отчасти оскорбительнаго сужденія о покойномъ".

Эта выдержка изъ письма Гилярова представляетъ двоякій интересъ. Немногіе изъ читавшихъ даже нѣкоторыя произведенія Хомякова знаютъ о такъ называемой „Семирамидѣ" (хотя часть ея печатается теперь уже въ третій разъ); а многіе изъ имѣющихъ у себя его сочиненія не подразумѣваютъ, какое важное значеніе „Записки о Всемірной Исторіи" (къ сожалѣнію доведенныя далеко не до конца) имѣютъ въ построеніи всей системы міросозерцанія, выработанной А. С. Хомяковымъ: ихъ считаютъ сочиненіемъ почти спеціальнымъ, да еще къ тому же стоящимъ на давно пройденномъ научномъ уровнѣ, что упраздняетъ и потребность ознакомленія съ ними. О научной сторонѣ этого труда мнѣнія могутъ быть различны: но послѣ приведенныхъ словъ такого тонкаго цѣнителя, какимъ былъ Гиляровъ, нельзя уже будетъ сомнѣваться въ значеніи „Семирамиды" для ознакомленія съ главными основами ученія, котораго Хомяковъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ представителей.

Другая сторона этого письма интересна въ томъ отношеніи, что она отвѣчаетъ на часто повторявшееся мнѣніе о Славянофилахъ, какъ о такомъ тѣсно-сплоченномъ обществѣ, которое не иначе можно представлять себѣ, какъ

„кружкомъ"; а представленіе о „кружкѣ" было очень на руку тѣмъ, которые хотѣли обозвать этихъ просто-православно-Русскихъ мыслителей 40-хъ и 50-хъ годовъ „партіей" и, чѣмъ болѣе тѣсно сплоченной, тѣмъ болѣе подготовленной не къ одному только отвлеченному мышленію. Гилярова почитаютъ однимъ изъ очень близкихъ къ Хомякову людей его направленія; и однако оказывается, что онъ самъ открываетъ его во всей полнотѣ только послѣ его смерти и даже послѣ того, какъ произнесъ ему публичную оцѣнку.

Дѣйствительно, таковы были взаимныя отношенія людей этого направленія: они набрели на одинъ общій путь, по которому пошли къ цѣли тождественной; но по этому пути они шли совершенно независимо одинъ отъ другого, сохраняя каждый свои часто существенные оттѣнки и разномыслія; и до такой степени они не искали внѣшняго сплоченія въ видѣ партіи или кружка, что даже, какъ видимъ, иногда опознавали другъ друга уже посмертно. Въ настоящемъ случаѣ это опознаніе относится къ тому, кого принято почитать вожакомъ партіи. Не ясно ли, что вся кажущаяяся сплоченность мыслителей православно-Русскаго направленія, именуемаго Славянофильскимъ, заключалась въ одномъ лишь пониманіи объединившаго ихъ Русскаго православія, того именно, которое въ историческомъ своемъ проявленіи облеклось въ образъ самого Русскаго народа.

1900 г. 12 Декабря.
Москва.

изъ его сыновей (который такъ много сдѣлалъ для Нѣжинскаго Лицея и впослѣдствіи былъ государственнымъ контролёромъ).

Въ 1821 г. графъ Г. Г. Кушелевъ, находясь уже въ отставкѣ, пишетъ: „Турки бьютъ и рѣжутъ Грековъ. Мы вступаемся за Неаполитанцевъ, а за Грековъ нѣтъ. Покойная Императрица воспользовалась бы этимъ случаемъ". „Съ нами въ Архипелагѣ былъ нѣкто Миловской при графѣ Орловѣ, человѣкъ съ большими познаніями. Онъ былъ по иностранной части. Когда изъ Архипелага флотъ возвратился, Орловъ на набережной встрѣтилъ и спросилъ его, что онъ прогуливается, онъ отвѣчалъ: „Такъ, ваше сіятельство, хожу по солнцу, высушиваю Греческія слезы, которыми мы облиты, оставя ихъ на жертву Туркамъ безъ всякой защиты за всѣ ихъ же намъ услуги". „Всѣ плоды и намѣренія покойной Императрицы уничтожатся, и Грековъ не только не будемъ имѣть союзниками, но можетъ и врагами".—Стр. 31: „Я слышу, что ты, въ бытность въ Павловскѣ, разливалъ Шампанское по бородамъ крестьянъ. Тому подобный былъ нѣкто Корсаковъ, который также кучеровъ поилъ Шампанскимъ, а послѣ по чужимъ угламъ скитался, не имѣлъ и горѣлки".—„Пожалуй, люби свое отечество болѣе чужбины: употребляй у себя болѣе служителей Русскихъ, а не чужеземцевъ. Окружаешь себя сволочью иностранною, тунеядцами".—Стр. 67, про государя Александра Павловича: „Онъ, будучи въ Тамбовѣ, такъ меня принялъ, какъ лучшаго и вѣрнаго подданнаго, даже цѣловалъ." Про Николая Павловича (стр. 70): „Да поможетъ ему Богъ окружить себя честными чиновниками, Русскими. Вольтеръ извергъ по вѣрѣ, но сказалъ справедливо, что государство, опирающееся на сухія подпоры, подвержено паденію." Стр. 74: „Сколько императоръ Павелъ дѣлалъ добра! Въ четыре года заплачено государственнаго долгу 80 милліоновъ. Никакого нужнаго дѣла не оставлялъ не оконча къ завтрему; даже и въ путешествіяхъ, по полученіи курьера съ депешами, тотъ же день со станціи рѣшительное посланіе или указъ отправляемъ былъ". Мужское потомство графа Г. Г. Кушелева прекратилось. Нынѣ въ живыхъ осталась одна его внучка (графиня Л. А. Мусина-Пушкина) и правнуки отъ нея и сестры ея В. А. Кочубей.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

«Русскій Архивъ» въ 1901 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1901 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, по **5** р. за каждый годъ, съ пересылкою по **6** р. Годы **1890**, **1892**—**1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою **9** р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

2.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества. Выпускъ первый. Спб. 1900. 4°. 163+8+40+18+3 стр. Отдѣлъ I: Изслѣдованія и замѣтки. II—Родословія. III—Матеріалы. IV—Хроника и литература генеалогіи. V—Вопросы и отвѣты.

Передъ нами прекрасно изданный и, какъ видно по оглавленію, разнообразный по содержанію первый выпускъ юнаго Генеалогическаго Общества, съ большимъ интересомъ ожидавшійся всѣми любителями генеалогіи.

Больше всего мѣста посвящено I-му отдѣлу, крайне разнообразному и не менѣе интересному по своему внутреннему содержанію: въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ весьма обстоятельныя изслѣдованія о родственныхъ связяхъ нѣкоторыхъ фамилій (статьи: графа С. Д. Шереметева о Нагихъ, Д. Ѳ. Кобеко о Шереметевыхъ и Полевыхъ, Н. П. Лихачева о Колычевыхъ, Яновыхъ, Долгоруковыхъ, и его же двѣ статьи: „Замѣтки по родословію нѣкоторыхъ княжескихъ фамилій" и „Родственныя связи княжескихъ фамилій съ семьями дьяковъ"). Двѣ статьи, гр. С. Д. Шереметева и В. В. Руммеля, посвящены выясненію вопроса о супругахъ князя Дм. Тим. Трубецкого, двѣ статьи, Н. П. Лихачева и В. В. Руммеля, посвящены интересному вопросу о „Бархатной книгѣ"; кромѣ того, мы находимъ въ этомъ же отдѣлѣ статью Н. Н. Кашкина „Архивъ Кашкиныхъ и прежнихъ владѣльцевъ села Нижнихъ Прысковъ", статьи Н. П. Лихачева о „Двойныхъ именахъ" и „Къ вопросу о послухахъ въ актахъ XVI ст."; ему же принадлежитъ цѣлый рядъ мелкихъ статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, какіе могутъ только заинтересовать Русскаго генеалога.

Перечень статей, помѣщенныхъ въ I отдѣлѣ, показываетъ насколько интересенъ и разнообразенъ этотъ отдѣлъ, безспорно самый интересный въ настоящемъ выпускѣ, и старающійся обхватить во всемъ объемѣ § 1 Устава Общества, говорящаго, что „О—во имѣетъ цѣлью научную разработку исторіи и родословія Россійскаго дворянства (включая въ этотъ терминъ служилый классъ до-Петровской Руси во всемъ его объемѣ").

Во II отдѣлѣ помѣщено родословіе извѣстнаго Донскаго рода Ефремовыхъ, игравшаго въ XVIII в. видную роль въ исторіи Донскаго казачества (родословіе составлено Л. М. Савеловымъ).

III отдѣлъ занятъ: 1) „Чиномъ бракосочетанія царя Ивана Васильевича съ царицею Анною Васильчиковыхъ" (сообщ. А. А. Васильчиковъ) и 2) весьма интересными грамотами рода Осоргиныхъ, которымъ Н. П. Лихачевъ предпослалъ введеніе, знакомящее насъ съ родомъ Осоргиныхъ, или, по старинному, Осорьиныхъ, а также съ симпатичною личностью св. Юліаніи Лазаревской (ум. 1605), бывшей замужемъ за Юріемъ Васильевичемъ Осоргинымъ.

Единственно слабымъ отдѣломъ, на нашъ взглядъ, является отдѣлъ IV—„Хроника и литература генеалогіи"; то и другое весьма неполно; въ хронику генеалогіи, напримѣръ, вошло

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ЛУКЬЯНОВНА СТРѢШНЕВЫХЪ *).

Вторая супруга царя Михаила Ѳеодоровича.

Понедѣльникъ, 6-го Февраля 1626. На другой день свадьбы, въ Понедѣльникъ утромъ, государь, вышедъ изъ сѣнника (подклѣти, гдѣ провелъ съ царицею ночь), пошелъ мыться въ мыленку. Мыленка обыкновенно помѣщалась въ нижнемъ этажѣ (подклѣти) и отдѣлялась отъ жилыхъ покоевъ небольшимъ переходомъ. Послѣ ночи, проведенной въ Февралѣ мѣсяцѣ въ нетопленномъ помѣщеніи, этотъ свадебный обрядъ, идти попариться въ горячо натопленной банѣ, являлся далеко нелишнимъ. Государя окружали ближніе бояре: Кравчій князь Василій Яншинъ мурзинъ сынъ Сулешевъ (изъ Крымскихъ Татаръ), стольники: Борисъ да Глѣбъ Ивановы Морозовы, князь Никита Ивановичъ Одоевской, Иванъ Михайловъ сынъ Шеинъ, князья Ѳеодоръ Алексѣевъ и Юрій Андреевъ Сицкіе, Левъ и Иванъ Аѳанасьевичи Плещеевы, князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, Степанъ Яковлевъ Михалковъ и Ѳедоръ Михайловъ Толочановъ. Едва лишь царь переступилъ порогъ сѣнника, какъ забрящали гусли и заиграли скрыпки и во весь тотъ день немолчно раздавались въ царскихъ палатахъ: то тѣшили царя «веселый» Парамонка, гусельники Уѣзда да Богдашка Власьевъ, домрачей Андрюшка Ѳеодоровъ и Васька Степановъ; скрыпачи: Богдашка Окатьевъ, Ивашка Ивановъ, да Оношка, да новокрещенный Нѣмчинъ Арманка, за что каждый изъ нихъ былъ награжденъ четырьмя аршинами Англійскаго темносиняго сукна по два рубля портище. (Доп. къ Дворцовымъ Разрядамъ, стр. 440).

Подъ эти веселые звуки царь вступилъ въ «мыленныя сѣни». Здѣсь вдоль стѣнъ тянулись лавки, а посреди стоялъ покрытый краснымъ сукномъ столъ съ «мовною стряпней», то-есть простынями, полотенцами, мовнымъ платьемъ и опахалами бумажными и тафтяными, для опахиванія во время сильнаго жара. Въ этихъ сѣняхъ раздѣвались и переходили въ мыленку. Огромная изразчатая печь, наполненная

*) См. „Русскій Архивъ“ 1897 года, III, 473 (выпускъ XI-й).

«полевымъ круглымъ сѣрымъ каменьемъ», занимала главное мѣсто. Вдоль стѣны отъ печки до угла высился полокъ съ широкими ступенями для всхода, вдоль другихъ стѣнъ стояли лавки. Въ переднемъ углу помѣщались икона и поклонный крестъ. Окна со слюдяными оконницами и дверь были обиты яркимъ алымъ сукномъ, и на двери блестѣли безчисленныя металлическія украшенія, какъ-то жиковины (2 продольныя полосы), цѣпи, задвижки, крюки закладные, скобы ухватныя (ручки дверей), замки и гвозди луженые Англійскимъ оловомъ. Въ двухъ липовыхъ чанахъ (площадкахъ) стояла налитая липовыми ушатцами (изварами) горячая и холодная вода. Ее черпали мѣдными лужеными ковшами; щелокъ держали въ мѣдныхъ тазахъ, а квасъ, которымъ поддавали пару и обливались, стоялъ въ ту́езахъ (большихъ берестяныхъ буракахъ). Ароматичныя травы лежали пучками на полкахъ, по полу постлано сѣно прикрытое простынями. (Бытъ Русскихъ Царицъ, 151—214). Послѣ бани царю подали другое бѣлье и платье, а прежнее отдали на храненіе постельничему, и внесли многочисленныя приказныя яства и вина. Царь сѣлъ кушать въ мыленкѣ и, въ знакъ особенной своей милости, не только усадилъ бояръ, но самъ потчивалъ ближнихъ кушаньями, а остальныхъ собственноручно жаловалъ кубками съ романею. «А послѣ того слушаетъ царь заутрени, доколѣ царица въ мыльнѣ.»

Между тѣмъ царицу повели въ ея мыльню свахи и другія ближнія. Ея бѣлье завернули вмѣстѣ съ царскимъ въ одну простыню и отдали на сбереженье. Послѣ бани царицу облекли въ великолѣпное платно (торжественное верхнее одѣяніе съ широкими, доходившими до кисти рукавами), на плечи надѣли ожерелье (оплечье), разукрашенное самоцвѣтнымъ каменьемъ и жемчугомъ; темныя косы ревниво, до послѣдняго волоска, спрятали подъ волосникъ, покрыли убрусомъ, вынизаннымъ золотыми дробницами, а поверхъ надѣли вѣнецъ. Цвѣтъ платья былъ бѣлый: того требовалъ чинъ (Б. Р. Ц-цъ, 638). Платье это хранилось у царицы въ Новгородской красной большой коробьѣ подъ замкомъ (Мат. при Б. Р. Ц-цъ, 107); на кружевѣ было 53 золотыхъ гнѣзда для камней (Б. Р. Ц-цъ, 641). Когда царица была готова, ей въ «избушкѣ» подали кушать. На лицевомъ подлинникѣ ея свадьбы царица изображена сидящею на высокомъ креслѣ, на которомъ положено «сголовье»: цилиндрическая подушка, заканчивающаяся кистями, подъ ноги пододвинута колодка (скамейка). Сапоги на ней вѣроятно были красные, такъ какъ сохранилось извѣстіе, что 6 Февраля отпущено государынѣ на стелечки 3 вершка тафты венецѣйки чермной, цѣна 6 алтынъ 4 деньги, взялъ портной мастеръ Иванъ Гудокъ (№ 211

и 126, Московскій Архивъ Министерства Двора въ Москвѣ). Передъ царицей небольшой шестигранный столъ, крытый скатертью, а на немъ солонка на блюдцѣ, кубокъ, блюдо съ пирогами, ножикъ и тарелочка съ вилкой. Шесть боярынь въ длинныхъ шубахъ и собольяхъ каптурахъ предстоятъ царицѣ.

Когда царю доложили, что царица вышла изъ мыльни, онъ, въ сопровожденіи тысяцкаго и посаженныхъ, вернулся въ сѣнникъ. Это нежилое и нетопленное помѣщеніе было къ свадьбѣ сплошь обито золотными коврами. Надъ всѣми окнами и дверьми и въ каждомъ углу сіяли золотые кресты съ мощами и иконы въ богатыхъ окладахъ; подъ ними висѣли пелены, шитыя жемчугомъ.

На лѣво отъ входа ширилась большая кровать, постланная на 27 ржаныхъ снопахъ. По суевѣрію того времени, снопы эти молотились, зерно мололось, и изъ него пекли заздравныя просфоры. (Смотри Укорительное Слово въ Московскомъ Архивѣ Ин. Д. Дѣла историческія, № 8). Семь перинъ и бумажниковъ, набитыхъ ватой, и безчисленное количество бархатныхъ, камчатыхъ и атласныхъ подушекъ были покрыты дорогимъ одѣяломъ. Второе одѣяло съ собольей шубой и ковромъ, покрытое простыней, лежало въ ногахъ. У изголовья стояли иконы, Рождество Христово, Рождество Богородицы съ младенцемъ, письма чудотворца Петра, воздвизальный крестъ, и положены были двѣ подушки съ царскими шапками; да въ большой кадкѣ, полной пшеницею, воткнуты были огромныя трехпудовыя свѣчи государя и государыни, окованныя широкими золочеными обручами. Громко потрескивая, пылая и быстро капая, терялись онѣ своимъ красноватымъ пламенемъ въ яркомъ блескѣ морознаго утра, пробивавшагося сквозь слюду оконъ и освѣщавшаго наклоненную фигуру молодой царицы, которая сидѣла на кровати. Длинная, густая фата прикрывала ее съ головы до ногъ.

Тогда престарѣлый дядя государевъ, Иванъ Никитичъ Романовъ, разбитый болѣзнями, постигшими его въ ссылкѣ Годунова, но богато принаряженный въ парчевой кафтанъ (Вивліоѳика), подошелъ къ царицѣ и концомъ стрѣлы поднялъ покровъ государыни. И приподнялась она съ брачнаго ложа, юная и прекрасная, во всемъ расцвѣтѣ своей дивной красоты, въ блескѣ царскаго наряда. «А царица въ то время бываетъ во всемъ своемъ одѣяніи и въ вѣнцѣ царскомъ», и пожаловалъ государь велѣлъ свои государскіе и государынины очи видѣти всѣмъ боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ въ сѣнникѣ, и чиновные люди царя и царицу поздравляютъ, а потомъ царица подноситъ «мыльные дары» царю и боярамъ и всему свадебному чину:

сорочки и порты тафтяные и полотняные, шиты золотомъ и серебромъ» (Котошихинъ, 10). Стоимость этихъ мыльныхъ даровъ была такъ значительна ради ихъ количества и богатства цѣнной вышивки, что бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ въ своемъ завѣщаніи на ряду съ вотчинами, завѣщаемыми внучкѣ, просватанной за князя Черкасскаго, упоминаетъ и о мыльныхъ дарахъ (Р. Шереметевыхъ, т. III, 501).

«А послѣ того кормили государя и государыню кашею, а каша была въ двухъ горшкахъ фарфурныхъ на одномъ блюдѣ, обогнуты двѣма парами соболей». (Въ верхъ къ государынѣ на кашу отпущено двѣ пары соболей, цѣна 5 рублей, № 211 и 126, Арх. М. Двора въ Москвѣ).

Государь и государыня сидѣли на кровати (Вивліоѳ., т. III), а держалъ кашу государеву большой дружка князь Д. М. Черкасской, а передъ государыней кашу держала большая сваха, его жена, Олена Алексѣевна; присутствующимъ раздѣляли кашу, и нѣкоторые ее кидали за плечо себѣ (Укорительное Слово въ Архивѣ М. И. Д., № 8) на счастье, остатки же разослали съ царицпными дружками самымъ почетнымъ гостямъ (Виѳліоѳ., 13). «И потомъ царь съ поѣзжаны ходитъ къ патріарху, и патріархъ его благословляетъ и поздравляетъ, и отъ патріарха ходитъ царь по церквамъ своимъ и молебствуетъ и по молебствованію прикладывается къ образамъ» (Котошихинъ, 14).

Въ тотъ же день у государя былъ столъ, такъ называемый княжій, въ Грановитой палатѣ. Царь сидѣлъ близко стѣны за золотымъ столомъ, а рядомъ съ нимъ царица Евдокія Лукьяновна; свахи стояли около нея, и для нихъ, для «потчиванья», поставили небольшой столикъ повыше большого боярскаго. Отецъ и мать посаженые, тысяцкой и «бояре сидячіе» сидѣли въ большомъ столѣ по мѣстамъ, по тому же порядку, какъ и наканунѣ; а отъ нихъ, поотодвинувшись сажень съ пять, сидѣли дворяне «сверсные», которые были у царициныхъ саней; въ другомъ (пятомъ) столѣ сидѣли бояре, да протопопъ Благовѣщенскій, отецъ Максимъ (Археологія г. Москвы, т. I, 67) и окольничіе и думные люди и поѣзжане и которые у свѣчъ и у караваевъ, да дворяне и дьяки, которые стояли у дверей для береженья. Во все время стола говоръ пирующихъ и звонъ ковшей заглушался игрою на цымбалахъ, да ворганахъ потѣшнаго старосты Патрикея Лукьянова, за что онъ былъ награжденъ четырьмя аршинами настрафили лазоревой, цѣна 2 р. (Доп. къ Д. Р., 446). А послѣ стола подавали государю овощи (фрукты), и въ столы ставили «сахары, ягоды и иныя диковинки» изъ тѣста и литого сахара, изображающія города, башни уб-

ранныя цвѣтами, лебедей, утокъ, орловъ голубей и т. п. Кромѣ того подавались цукаты въ патокѣ, леденцы, финики, имбирь и проч. (Д. Б. Р. Ц., От. Зап. 1854, т. I). И въ то время царь и царица и всѣ чины стоятъ, и сперва царя и царицу отецъ и мать посаженые и сидячіе бояре и боярыни и тысяцкой начнутъ благословлять образами окладными, и потомъ царя дарятъ «бархатами и атласами и камками и объярми золотными и серебряными и соболями и серебряными кубками; также и царицу дарятъ бархатами и атласами и камками и объярми и соболями и перстнями золотыми съ каменіемъ и сосуды серебряными, у кого что прилучилось» (Котошихинъ, 14). А послѣ стола царица и великая княгиня, окруженная сонмомъ боярынь, шествовала въ свою золотую палату, и «столъ былъ у царицы большой въ ея хоромахъ». На площади и въ Кремлевскихъ дворахъ во всѣ ночи царскаго веселія ярко пылали костры (Котошиинъхъ, 11).

*

Заглянемъ въ счетныя книги молодой царицы, которыя подробно и съ порядкомъ, изо дня въ день, велись ея дьяками: надо подбирать съ любовью малѣйшее слово, когда такъ скудны и нѣмы матеріалы по другимъ вопросамъ. Будемъ стараться разбираться въ мелочахъ и въ нихъ ловить и читать, когда это возможно, отпечатокъ, хотя бы стертый и слабый, царициныхъ вкусовъ и распоряженій.

Еще съ 17 Января имѣемъ мы свѣдѣнія объ этихъ расходахъ. Важенъ тутъ не расходъ, а число; ибо оно указываетъ на то, что Евдокія Лукьяновна, хотя введенная во дворецъ, всего за три дня до свадьбы, т. е. 2 Февраля, и нареченная царевной (Дворц. Разряды, VII, 763), уже считалась невѣстой царя до 17 Января: въ этотъ день великая царица Мареа Ивановна велѣла принести себѣ съ денежнаго двора отъ Ефима Телепнева, да отъ дьяка Ивана Поздѣева, 30 золотыхъ Угорскихъ, и по ея приказу отданы тѣ золотые государева стараго двора серебряному мастеру Давыду Омельякову сдѣлати цку (переднее украшеніе на кичку: цка—доска, «чело кичное») къ царицыной кикѣ, да къ 67 зернамъ Гурмыжскимъ 67 сѣней (№ 632, Моск. Арх. Мин. Двора). На этой кикѣ раскачивались сверху живыя репьи, въ видѣ золотыхъ чашечекъ (№ 632). Дно кички было изъ червоннаго атласа, а сзади прикрѣплялся небольшой платочекъ изъ чернаго бархата, а иногда и мѣхъ соболя (Б. Р. Ц-цъ, 601). Олеарій говоритъ, что вѣнцы брачные, кики-кички, дѣлаются изъ тонкаго кованнаго листового золота, подбиваются матеріей и по сторонамъ около ушей нѣсколько загибаются къ низу; привѣшиваются къ нимъ четыре, шесть и болѣе нитокъ крупнаго жемчуга, которыя падаютъ на грудь» (Олеарій, 206). Въ этотъ

же день дано строчнику Конону Иванову къ царицынымъ шитымъ башмачкамъ для подклейки на ирху, 2 алт. 2 ден. (№ 632, опись Викторова). 10 Января Марѳа Ивановна требуетъ отъ тѣхъ же Ефима Телепнева и дьяка Поздѣева еще 10 золотыхъ Угорскихъ, и серебряному мастеру Ѳеанасью Степанову заказываетъ жемчужныя пуговки, золотыя спни съ лалы и изумруды къ этимъ пуговкамъ на ожерелье царицы, и отдаетъ вставить 13 яхонтовъ, изумрудовъ и лаловъ въ золотую оправу (гнѣзда), «да къ царицыной кикѣ на живыя репья 12 чашекъ, и у того дѣла осталось ползолотника золота, и то золото взято назадъ» (№ 632, М. Ар. М. Двора). Этого же числа, т. е. 19 Января, царицѣ покупаютъ 2 войлока на подножье, два ножичка (булатный, черенъ рыбій зубъ, 5 алтынъ, «взяты тѣ ножички царицѣ въ хоромы», и желѣзный, два алтына) и большую лубяную коробью на постель у коробейнаго мастера Ѳеонки Окатьева за 30 алтынъ, да къ ея же башмакамъ на строченье серебра волоченаго на 4 рубля (№ 632, л. 116). Коробейному мастеру Ивашкѣ Кузмину за коробку осиновую, писаную, кованую, которая взята въ мастерскую палату на письмо 6 ал. (№ 632, л. 116). Января 23 сундучному мастеру Сережкѣ Васильеву платятъ за дѣло сундука 13 алтынъ 2 деньги, а у коробейника Тришки Иванова покупаютъ большую писанную осиновую коробью съ замкомъ въ мастерскую царицыной казны. Царицыному сыну боярскому Григорью Волосатому даютъ 30 алтынъ, чтобы заплатить вертлюги (петли) и крюки къ царицынымъ футлярамъ (влагалищамъ) для ея кичекъ; надъ этими футлярами спѣшно, при свѣчахъ, работаетъ Тимоха Посошникъ съ товарищи (№ 632, М. Ар. Мин. Двора); наконецъ, готовятъ хоромы и покупаютъ въ «царицины хоромы» къ комнатѣ, круглый замокъ за 2 алтына у замочника Ѳедьки Григорьева. Съ этого же числа (23 Января), за 17 дней до свадьбы, готовятъ ей колодки для шитья сапогъ, до которыхъ она была большая охотница: въ 1642 году у нея ихъ было 42 пары (Б. Р. Ц-цъ, 654) всевозможныхъ цвѣтовъ, формъ и матеріаловъ; башмачникъ Иванъ Галка, работавшій на покойную царицу Марію Владимировну, получаетъ на «чеботное деревье» 4 алтына 2 деньги, да три алтына на прикладъ; башмаки поспѣваютъ лишь на канунѣ свадьбы; ихъ пять паръ, бархатные чеботы (глубокій башмакъ съ острыми, къ верху загнутыми носками, Саваитовъ, 299), двѣ пары сафьянныхъ чеботъ. Башмаки начали вводиться у насъ около семнадцатаго столѣтія; подошвы и каблуки подбивались какъ у сапогъ или сплошь или только по краямъ гвоздями, а каблуки скобками (Сав., 156), какъ и тѣ шитые серебромъ башмаки, о которыхъ упоминалось 17 и 19 Января. Токарь Ондрюшка получаетъ въ тотъ же день двѣ гривны за точенье липовыхъ подставокъ (бол-

ванцовъ) подъ царицины шапки и шляпы (шляпъ 8). Оська Жукъ беретъ за ихъ изготовленіе за двѣ шляпы по 10 алтынъ, а за шесть по двѣ гривны (№ 632, М. Ар. М. Двора). 31 Января готовятся пріемные покои, въ золотой палатѣ царицыной двѣ двери и 9 оконъ обиваютъ сукномъ-багрецомъ, да въ ея же проходныхъ сѣняхъ 4 двери (№ 211). Равно въ государевомъ сѣнникѣ, гдѣ молодые проведутъ ночь послѣ свадьбы, подъ крюки и подъ жиковины обшиваютъ дверь сукномъ (Б. Р. Ц., 447). Въ этотъ же день рѣзали на 54 кусочка серебряный глазетъ въ золотыхъ разводахъ на *осыпало* (Б. Р. Ц., 68); они были размѣра, сколько нужно для небольшого кошелька (Олеарій, 207).

5 Февраля отпускаютъ на осыпало 18 золотыхъ Угорскихъ, да 36 серебряныхъ пенязей, да 54 бѣлки, да 30 маковицъ, да гривенка хмелю на осыпало (Б. Р. Ц., 69). Въ «Укорительномъ Словѣ», хранящемся въ М. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, неизвѣстное духовное лицо сильно возстаетъ противъ этого древняго обычая «осыпать» молодыхъ; «да и иныя есть вражьи затѣи: кругъ стола всѣмъ поѣздомъ ходятъ, а какъ укрутятъ невѣсту и покроютъ ее пеленою и учнутъ хмелемъ осыпать, и какъ придетъ женихъ съ невѣстою и съ поѣздомъ въ домъ свой, такъ бабу поставятъ на кадь и облекутъ на нее шубу выворотя, и она, яко видимый кулешъ, стоитъ, и станетъ та баба всѣхъ людей хмелемъ осыпать, и въ то время всѣ шапки подставляютъ»...

5 Февраля царицѣ шьютъ въ ея нарядную каптану (возокъ) 4 подушки-сголовейца изъ Турецкаго атласу въ зеленыхъ, бѣлыхъ и голубыхъ шашкахъ (кубахъ), въ золотыхъ разводахъ, по малиновому фону, стоимостью въ 100 рублей; на двѣ скамейки дано сукна багрецу, на подбивку каптаны, 18 сороковъ соболей; цѣна сорокамъ и подножейцу съ дѣломъ 1145 рублей (Б. Р. Ц., 69).

6 Февраля, второй день послѣ свадьбы, также богатъ подробностями.

На кашу взято 2 пары соболей; вверхъ къ государынѣ въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ 3 золотыхъ Угорскихъ, цѣна по 30 алтынъ золотой, да три пары соболей, цѣна по 2 рубля, въ башмаки царицы дѣлаются тафтяныя малиновыя стелечки (№ 211, М. Ар. М. Двора); трое мастеровъ работаютъ надъ царицыными ларцами; кузнецъ Ганка Потаповъ оковываетъ болѣе простые желѣзомъ, кипарисный же ларчикъ данъ въ отдѣлку часовнику Потапкѣ Моисееву, и Василій Малосолецъ прибиваетъ къ нему серебряными гвоздями замо-

чекъ - орликъ; канительщикъ Мурза Гавриловъ продаетъ золоченаго серебра 24 золотника по 5 алтынъ золотникъ, и этими нитями цѣпляютъ къ царицынымъ кикамъ пелепелки (мелкія угловатыя пластинки, висѣвшія густою бахрамой). Сенька Яковлевъ обшиваетъ верви царицыной большой, лубяной, постельной коробки, а посошникъ Тимоха заканчиваетъ начатыя имъ въ Январѣ кичныя влагалища (футляры) обивкою ихъ бараньей кожей (№ 632, М. Ар. М. Двора).

Вторникъ, 7 Февраля 1626 года. «А въ третій день чины были по всемъ, по томужъ, какъ было въ другой день» (Дв. Разр., 786); «и бываетъ столъ отъ новобрачной царицы, на бояръ же и на свадебный чинъ, а называется тотъ столъ «княгининъ», и обѣдаютъ противо прежняго жъ, а послѣ стола за овощами начнутъ царя и царицу образами благословлять царицынъ отецъ и мать и ея сродичи и сидячіе бояре и боярыни, и дарятъ противъ тогожъ какъ и царскіе чиновные люди и, ѣдчи и пивъ, потому жъ всѣ чины разъѣдутся по домамъ». Котошихинъ, 14).

Среда, 8 Февраля 1626 года. Въ четвертый день, въ Среду, въ третьемъ часу дня, государь велѣлъ убрать золотую палату меньшую и послалъ вѣсть къ отцу своему великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всея Русіи. Патріархъ пришелъ, окруженный всѣми властями (духовенствомъ). Государь встрѣтилъ своего отца въ сѣняхъ. Войдя въ меньшую золотую палату, патріархъ говорилъ «Достойно есть», осѣнилъ крестомъ и кропилъ святою водою государя, при чемъ здравствовалъ (поздравлялъ) его съ царицею и благословилъ иконою Богоматери «обложена чеканомъ», да крестомъ золотымъ съ каменьями и жемчугомъ; и сѣли государь и святѣйшій патріархъ по мѣстамъ на златыхъ сголовьяхъ (подушкахъ)... Въ почетѣ и славѣ по правую руку своего державнаго сына, окруженный властями и боярами, возсѣдаетъ въ золотой палатѣ, въ свѣтлые дни государевой радости, страдалецъ земли Русской... испивъ до дна чашу горечи и униженія. Счастливъ онъ въ дни юности и старости, но двадцать лѣтъ почти непрерывныхъ страданій раздѣляютъ черной полосой его свѣтлые годы (1599—1619). Клевета, страхъ пытокъ (1599), изгнаніе, насильственная разлука съ дорогими сердцу, невольный постригъ, лишеніе почестей, богатства, свободы, плѣнъ, поруганіе: вотъ бѣды, обрушившіяся, одна за другой, надъ Филаретомъ непрерывной цѣпью. Дважды взятъ онъ въ плѣнъ (Тушинскимъ воромъ и Поляками) и 10 лѣтъ протомился въ послѣдней неволѣ. Трижды избранъ въ патріархи, Василіемъ Шуйскимъ назначенъ и низложенъ въ Маѣ 1606 года. При Борисѣ «Іовъ былъ, и того скинуто, и посажено на патріархов-

ство Игнатія Грека; потомъ, за нынѣшняго государя, Грека того скинуто, а посажено на патріарховство Ѳеодора Никитича, яко о томъ бояре думные по оной смутѣ въ отвѣтной палатѣ намъ посламъ сами сказывали, менуючи, что по мощи Дмитрова до Углеча послано патріарха Ѳеодора Никитича; а говорилъ тыя слова Михайло Татищевъ при всѣхъ боярахъ. Потомъ въ колько недѣль и того скинули, учинили есте Гермогена патріархомъ. И тако теперь живыхъ патріарховъ на Москвѣ четырехъ имѣете» (Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты, 306). Въ Тушинскомъ таборѣ Филаретъ Никитичъ опять признанъ патріархомъ (Москов. Патріархи, А. П. А.), и къ разсылаемымъ имъ грамотамъ прилагалъ патріаршую печать (Платоновъ, 419). Дважды царскій вѣнецъ касался его чела. «Въ лѣто 106, Генваря въ 7 день, угасе свѣща страны Русскія, померче свѣтъ православія, государь царь и в. к. Ѳеодоръ Ивановичъ, всеа Русіи самодержецъ, пріемлетъ нашествіе облака смертнаго, оставляетъ царство временное и отходитъ въ жизнь вѣчную... благословилъ же и приказалъ быти на престолѣ Московскаго государства Русской земли братаничу своему по матери Ѳеодору Никитичу Романову, племяннику родному благовѣрныя царицы и великія княгини Анастасіи, матери своея; обаче же coзнею лукаваго и преткновеніемъ Московскаго болярина и конюшаго Бориса Годунова таковаго дара получити онъ не сподобился, еще же и злострадательства велія пострада (изъ рукописной старинной книги въ архивѣ покойнаго Алексѣя Александровича Васильчикова съ надписью: «Сія книга глаголемая лѣтописецъ господ. полк. Василія Семеновича Васильчикова, а ей быти при его домѣ и ее беречь»). Какъ понятна становится тогда вражда властолюбиваго Годунова къ Романовымъ, если видѣть въ этомъ разсказѣ не «преданіе Московскаго общества» (Устряловъ, Сказанія соврем. о Д. Самозванцѣ, т. I, примѣчаніе 10; Платоновъ, 231) и не «сказку», а несомнѣнный фактъ, приводимый иностранцами за долго до избранія Михаила Ѳеодоровича. Масса, Петрей, Радивилъ, Буссовъ, Шаумъ и Беръ: вотъ современники, сообщающіе одинаково объ этомъ избраніи. Сапѣга разсказывалъ Радивилу, что умирающій царь на вопросъ Годунова, кто будетъ его преемникомъ, указалъ на Ѳеодора Никитича (Платон., 232). «Разсказывающіе эту исторію выражали увѣренность, что царемъ будетъ Ѳеодоръ Романовъ, т. к. за него стоятъ воеводы и бояре думные, какъ за царскаго родственника». Шаумъ, писавшій свои записки для Шведскаго принца Густава Адольфа въ 1614 г., годъ спустя по избраніи Михаила Ѳеодоровича, вполнѣ безпристрастно пишетъ: «Когда Ѳеодоръ лежалъ на смертномъ одрѣ, то государственный совѣтъ предсталъ предъ него и спросилъ, кого избираетъ на свое мѣсто великимъ княземъ или по крайней

мѣрѣ кому хочетъ подать свой голосъ (ибо наслѣдниковъ не было), тогда онъ отвѣтствовалъ: кому напослѣдокъ вручу свой скипетръ, тотъ долженъ быть великимъ княземъ. Примѣтя приближающуюся кончину и по своей вѣрѣ облекшись въ монашескую одежду, подалъ онъ скипетръ Никитѣ Романовичу, ближайшему своему другу» (Tragoedia Demetrio Moscovitica... Матвѣй Шаумъ, 7). Не смотря на крупную ошибку въ разсказѣ (ибо Никита Романовичъ за долго передъ тѣмъ, въ 1586 г., скончался, и Шаумъ, очевидно, принимаетъ отца за сына), эти слова важны, какъ отзвукъ убѣжденія Русскихъ. Вѣрнѣе и обстоятельнѣе повѣствуетъ Беръ, писавшій за годъ до избранія Романовыхъ: «Царица Ирина убѣждала царя вручить скипетръ ея брату..», но умирающій царь предложилъ его старшему изъ Никитичей, Θеодору, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Θеодоръ Никитичъ отказался отъ царскаго скипетра и уступалъ его брату своему Александру, Александръ предлагалъ честь другомȣ брату Ивану, Иванъ третьему брату Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному князю, такъ что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять его, какъ послѣ увидимъ. Умирающій царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишился наконецъ терпѣнія и сказалъ: «возьми же его кто хочетъ, я не въ силахъ болѣе держать». Тутъ сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ». (Лѣтопись Московская Бера, 14—15). Въ грамотѣ о избраніи Михаила Θеодоровича сказано, что Θеодоръ оставилъ престолъ супругѣ своей Иринѣ, а душу свою праведную приказалъ патріарху Іову, Θеодору Никитичу Романову и Борису Годунову (Собр. Госуд. Гр. I, 602); но другое извѣстіе гласитъ, что царь, «простившись съ царицею, не повелѣ ей царствовать, но повелѣ ей принять иноческій образъ» (Лѣт. о мног. мят., 45 и Нов. Лѣт. 34). Избраніемъ ея мужемъ Θеодора Романова объясняется долгій отказъ царицы-монахини Александры Θеодоровны благословить брата на царство: «что ми труды дѣете, азъ бо до сего орудія не имамъ; вы яко хощете, тако и творите, и его же Богъ изречетъ, той и царемъ будетъ» (Лѣтописецъ, 47). Іоаннъ Грозный высоко цѣнилъ дарованія Никиты Романовича (отца Филаретова) и умирая благословилъ его въ ближніе пріятели сына своего, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Шуйскимъ: «симъ приказалъ правити по себѣ великія Росіи царство державы своея и сына своего благовѣрнаго царя Θеодора Ивановича, въ самодержательствѣ его умудряти и во всякомъ благопріятельствѣ его снабдѣвати, быша бо благоумны и смышлены разумно зѣло, яко могуща управляти Россійскаго государства державство» (Рукописная лѣтопись Алексѣя Александровича Васильчикова). Всѣми этими государственными

качествами отца унаслѣдовалъ сынъ его Θеодоръ (Филаретъ) Никитичъ: «не только слово Божіе исправляше, но и земская вся правяше» и царскими и ратными дѣлами управляше. Онъ утвердилъ самодержавіе и ограничилъ притязанія бояръ: «отъ насилія многія отня, ни отъ кого жъ въ Московскомъ государствѣ сильниковъ не бысть опричь ихъ государей». Чутко прислушивался онъ къ воплямъ разореннаго края, посылая на самыя мѣста бѣдствія: писцовъ въ уцѣлѣвшіе, дозорщиковъ въ разрушенные города. Онъ поощрялъ образованіе (основавъ въ Москвѣ духовное училище подлѣ патріаршаго двора, Грекославянскую школу въ Чудовѣ монастырѣ) и печатное дѣло; при немъ исправлены вкравшіяся въ послѣднія изданія ошибки, но не вполнѣ удовлетворительно, т. к. онъ самъ «божественное писаніе разумѣлъ отчасти» (Солов. т. IX, 152), хотя писалъ поученія; строилъ и украшалъ храмы, былъ милостивъ къ духовенству, щедръ для нищей братіи, заботился о благолѣпномъ праздновавіи церковныхъ торжествъ и порядкѣ въ службахъ: при немъ составленъ цѣлый уставъ о трезвонахъ, и онъ такъ строго слѣдилъ за выполненіемъ оныхъ, что велѣлъ нещадно бить батогами старостъ, зазвонившихъ немного ранѣе урочнаго времени къ дѣйствію Новаго Года (Иловайскій, Ц. М. Θ., 44), «былъ опальчивъ и мнителенъ, а такой владѣтельный, что и самъ царь его боялся» (Солов., IX). Строгій къ провинившимся, онъ «томилъ бояръ и всякихъ чиновъ людей царскаго синклита заточеніями необратными» и другими наказаніями, но справедливый велѣлъ изслѣдовать дѣло несчастной Маріи Хлоповой, оправдалъ архимандрита Діонисія и не только простилъ имъ же самимъ осужденнаго архіепископа Псковскаго Іоасафа, но приблизилъ къ себѣ и назначилъ въ преемники. Ревнуя о православіи, онъ назначилъ перваго архіепископа въ Сибирь и прилагалъ всѣ заботы къ обращенію иновѣрцевъ; при его палатахъ постоянно жили «новопросвѣщенные», въ 1627 г. числомъ до 108 человѣкъ; рвеніе его на этотъ счетъ не знало мѣры, и Олеарій отмѣчаетъ жертву его прозелетизма, нѣкую баронессу Ремонъ, родомъ Англичанку, считавшуюся первой красавицей изъ всѣхъ иностранокъ въ Москвѣ. Мужъ ея охотно сдался на увѣщанія патріарха, но когда жена его не поддалась ни уговариванію, ни обѣщаніямъ, ни угрозамъ, у нея силою отняли дѣтей и окрестили ихъ, а отца ея, подавшаго челобитную въ пользу дочери, патріархъ вытолкалъ ногою, и баронесса была насильно втащена въ рѣку монахинями и окрещена, не смотря на ея явную и настойчивую борьбу во все время. Затѣмъ мужа и жену сослали въ Вятку на воеводство; по возвращеніи своемъ въ Москву Ремонъ вскорѣ умеръ, и вдова его, скинувъ Русское платье,

опять стала ходить въ свою церковь; тогда у ней отняли сыновей, а ее съ маленькой дочерью заточили на Бѣлоозеро, гдѣ она протомилась пять лѣтъ, до кончины патріарха (Олеарій, 321—323). Филаретъ не любилъ иностранцевъ и велѣлъ срыть двѣ Нѣмецкія кирки (Олеарій, 369—370). Былъ не сребролюбивъ и отличался чувствомъ благодарности, жаловалъ всѣхъ, кто стоялъ твердо на службѣ государя въ «безгосударное время» и, еще не избавившись плѣна, наканунѣ размѣна, хлопочетъ о присылкѣ къ нему соболей, чтобы «почтить тѣхъ Поляковъ, которые оберегали его здоровье» (Сол. IX, 44). Въ 1626 году Филарету Никитичу было 58 лѣтъ. Онъ былъ «роста и полноты среднихъ», волосы носилъ короткіе (черезъ каждые три мѣсяца старецъ Ермогенъ изъ Чудова монастыря «поновливалъ главу великому государю святѣйшему патріарху», за что̀ получалъ каждый разъ 8 алтынъ 2 деньги, но въ Іюлѣ 1631 г. его замѣнилъ дьяконъ Чудова монастыря, вѣроятно болѣе угодившій, ибо ему приказано дать противъ прежняго вдвое: 16 алтынъ 4 деньги, (Археол. города Москвы, И. Забѣлина, стр. 953) *). Рясы Филаретъ Никитичъ носилъ камчатныя, клинчатыя, на 33 пуговкахъ, съ поясками и торочками (которыхъ выходило до 31 аршина на рясу, Арх., 953), дымчатаго, вишневаго и зеленаго цвѣтовъ, на лазоровой и зеленой подкладкахъ, иногда шелковой, иногда крашенинной лощеной (Арх., 950). Шубы у него были: свитка черная и шуба баранья келейныя, и нарядная песцовая, крытая «дымчатымъ верхомъ», отороченная «брусничной Кашанской доро́гой», рукавицы были песцовыя съ собольей опушкой, подшитыя камкою-куфтеремъ красновишневымъ (Арх., 952); башмаки шились на каблукахъ и скобахъ изъ зеленаго, лазореваго и рѣже чернаго сафьяна. Шляпа изъ пуха песковаго (по 60 алтынъ фунтъ), подбитая тафтою двоеличной, съ полями, подложенными лазоревой камкой; золотая тесьма, затканная шелкомъ, огибала рѣшеткой, «перехрестьемъ», тулью, и пояскомъ была нашита на края полей, съ завязками у подбородка; двѣ кисти, одна у тульи, другая у подбородка довершали отдѣлку. Въ кельѣ патріархъ ходилъ въ черной камчатной-куфтерной шапочкѣ, а при пріемахъ въ бѣломъ шелковомъ вязаномъ клобукѣ, съ шитымъ на немъ золотомъ и серебромъ херувимомъ (Археол. города М., 951—952). Четки носилъ коральковыя, съ большой кистью изъ лазореваго шелка и золота; любимымъ посохомъ былъ изъ раковинъ, но были янтарный и два золотыхъ съ каменьями; одинъ (1629 г.) стоилъ болѣе 500 рублей, другой заказанъ въ 1622 г. (эти посохи донынѣ хранятся въ Оружейной Палатѣ и Патріаршей ризницѣ). Панагій имѣлъ онъ двѣ: одну крестомъ, другую круглую;

*) Сохранился его портретъ безъ бороды. См. „Русскій Архивъ“ 1863, 348.

и та и другая съ изображеніемъ Знаменія Пресвятой Богородицы и камнями. Носилъ иногда серебряныя золоченыя очки (Археол. г. М., 950), имѣлъ карманные «зепные» часы съ благословляющею рукой на крышѣ (Патр. риз.); посуду употреблялъ корельчатую красную, оловяннную, солонку оловяннную, перечницу сафьянную (Археол. г. М., 1105), хотя не было недостатка въ серебряной посудѣ: кувшинахъ, кубкахъ, солонкѣ (Патр. риз.), приносимой ему въ даръ во всѣ праздники царемъ. Вообще патріархъ былъ порядливъ, расчетливъ, скроменъ и простъ въ своихъ издержкахъ, мѣнялъ верхъ на шубѣ, отдавалъ старые сапоги въ починку, съ необыкновенными предосторожностями отдавалъ чистить и мыть свой единственный бѣлый шелковый вязаный клобукъ, съ шитымъ золотомъ и серебромъ херувимомъ, который сохранился до нашихъ дней, но разъ, что заказывалъ вещь, съ заботою вникалъ въ малѣйшую подробность, иногда заставляя передѣлывать. Такъ, напримѣръ, съ заказомъ пуховой шляпы, раньше чѣмъ заказать кутазному мастеру Юрью Алексѣеву тесьму для нея, онъ три раза посылаетъ его за образцами; затѣмъ велитъ перемѣнить цепинный шелкъ въ кисточкахъ на свѣтло-багровый, потомъ, мѣсяца два спустя, приказываетъ еще украсить шляпу обшивкой тесьмы (Археол. М., 949—950). Тоже самое замѣчается при заказѣ стула: посошнику Тимоѳею Ѳеодорову заказывается точеный стулъ, крытый синей бараньей кожей, онъ готовъ 7 Февраля, «но въ келью не взятъ»; черезъ два дня, 9 Февраля, Тимоѳею заказанъ «стулецъ новый», причемъ съ точностью опредѣлена высота его (6 вершковъ съ третью); онъ точится, оковывается желѣзомъ, обивается кожей синей; но опять въ немъ какая-то неудача, и «послѣ того на другой день посошникъ Тимоѳей стулецъ сызнова сноравливалъ» (Археол. М., 943). Къ столу патріарха покупали калачей на 2 деньги, на два дня, ситный хлѣбъ на 2 деньги и клюкву на туже сумму.

Но пора вернуться въ золотую палату царскую. Послѣ обычныхъ привѣтствій патріархъ дарилъ своего сына, по случаю его свадьбы. Дары не передавались изъ рукъ въ руки, а торжественно «являлись» (подносились) по росписи дворецкимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Львовымъ (стольникъ, воевода, дворецкій, бояринъ, посолъ въ Данію, постригся подъ именемъ Авраамія, скончался безъ потомства въ 1653 г.). Дары были слѣдующіе: 1) Образъ Спаса, украшенный четырьмя сафирами, вѣнецъ вынизанъ жемчугомъ; вмѣсто цаты (полукруглой подвѣски, прицѣплявшейся къ нижнимъ краямъ вѣнчика) 8 золотыхъ цѣпочекъ. 2) Пелена изъ алой камки, по ней крестъ и слова низаны жемчугомъ съ дробницами. 3) Золотой крестъ съ мощами, укра-

шенный каменьями, обнизанъ жемчугомъ съ гурмыжскими (рѣчной жемчугъ) зернами. 4—6) Три золотые кубка съ покрышками. 7) Турецкій золотой бархатъ, цѣна 95 рублей. 8) Двойной Турецкій атласъ, по серебру золотые разводы, 60 рублей. 9) 10 аршинъ безъ вершка алтабасу золотнаго, цѣна 50 рублей. 10) На мѣсто атласа, котораго въ казнѣ не было, 8 аршинъ безъ чети бархату желтаго Казильбашскаго въ 7 рублей. 11) Бархатъ алъ цѣлъ, цѣна 8 рублей. 12) 10 аршинъ атласу чернаго, по рублю 11 алтынъ 4 деньги аршинъ. 13) 10 аршинъ камки-куфтерю червчатаго. 14) 10 аршинъ камки куфтерю желтаго, 1 р. 20 алтынъ аршинъ. 15) 10 аршинъ камки куфтерю лазореваго, по 36 алтынъ 4 деньги аршинъ (камка отъ Персидскаго кетква, родъ штофа, куфтерь—гладкая камка). 16) Сорокъ соболей въ 140 рублей. 17) Сорокъ соболей въ 130 рублей. 18) Сорокъ соболей въ 37 рублей. 19) 100 золотыхъ Угорскихъ (Д. къ Дворц. Разрядамъ, 436).

Послѣ патріарха государя благословляли иконами «митрополитъ Крутицкой», да «епископъ Іосифъ, и архимандриты и игумны», и дары носили государю по чину, кубки серебряные, и стопы, и атласы золотые, и соболи. Послѣ духовенства «ходили къ государю съ дарами гости (купцы) и гостинные, и суконные, и черныя сотни торговые люди, а даровъ государь не принималъ ни у кого». А послѣ того государь царь и великій князь и великій государь святѣйшій патріархъ шли «вмѣстѣ къ царицѣ и великой княгинѣ» Евдокіи въ ея хоромы (Др. Р. Вивл., 173). Съ вѣнцомъ на головѣ, одѣтая въ богатое платно (прямое парадное одѣяніе, съ широкими рукавами и разрѣзомъ спереди), ждала царица въ своемъ теремѣ первой встрѣчи послѣ вѣнца со свекромъ. Она подошла подъ его благословеніе, онъ осѣнилъ ее воздвизальнымъ крестомъ, окропилъ святою водою, «здравствовалъ (поздравилъ) ее государыню съ государемъ», затѣмъ благословилъ иконою Спаса въ золоченой ризѣ, «обложенъ серебромъ, вѣнецъ и цата (подвѣска у вѣнчика) и поля чеканные золочены, оплечье съ чернью» и золотымъ крестомъ съ мощами, украшеннымъ жемчугомъ; затѣмъ дарилъ ее тремя золочеными кубками съ крышами, тремя сороками соболей, въ 140, 130 и 37 рублей, сотнею золотыхъ Угорскихъ, двойнымъ Турецкимъ атласомъ въ золотыхъ листьяхъ по серебряной землѣ, въ 50 р., желтымъ бархатомъ (4 рубля), алымъ атласомъ и камками червленой, желтой, лазоревой; въ каждой по 10 аршинъ.

Но изъ этихъ богатыхъ даровъ, кромѣ образа и креста (которые были изъ патріаршей казны) ничего не досталось въ личное распоряженіе молодой царицы: кубки, бархаты, атласы, камки и соболи были изъ государевой казны и отнесены туда обратно; царицыну же икону

принялъ дьякъ Сурьянинъ Таракановъ (Доп. къ Д. Разр., 438). Отъ своей свекрови, великой старицы Мареы Ивановны, Евдокія Лукьяновна получила въ благословеніе монисто (ожерелье), состоявшее изъ золотой цѣпи, на которой посреди висѣла панагія, а по бокамъ кресты съ мощами. Цѣпь была звенчатая (отъ слова звено), съ рѣзными застежками, украшенными чернью; въ промежуткахъ между панагіей и крестами нанизаны были на шелковомъ снуркѣ (гайтанѣ) бусы золотыя, корольковыя и яшмовыя; отъ панагіи до креста двѣ пронизки (бусы) золотыя рѣшетчаты, далѣе отъ креста до другого двѣ бѣлыя корольковыя пронизки (бусы), еще дальше, между крестомъ и застежкой, двѣ корольковыя красныя пронизки и одна зеленая яшмовая. Средняя панагія была золотая четырехугольная съ рѣзнымъ образомъ Спаса Вседержителя на яхонтѣ лазоревомъ; надъ этимъ рѣзнымъ яхонтомъ находилось изображеніе херувима, по бокамъ яхонта два рубина и два изумруда, у отверстія, у ушка панагіи, двѣ жемчужины, на оборотной сторонѣ изображеніе великомученика Дмитрія чернью. Крестовъ было шесть: золотые съ литыми распятіями, унизанные жемчугомъ, украшенные сафирами, лалами, изумрудцами и бирюзками, съ частицами Животворящаго Креста Господня и частицами мощей св. Іоанна Предтечи, Іакова Перскаго, мученика Прова, архидіакона Стефана, мученика Артемія, Стефана Новаго, Павла Исповѣдника, мученика Евстратія, Ивана Новаго, ризы Александра Свирскаго и мощей св. Пантелеимона. Это монисто составляло въ первое время почти единственную святыню царицы, и она передастъ панагію старшей дочери Иринѣ въ 1627 г., а однимъ изъ крестовъ благословитъ вторую свою дочь, царевну Пелагею. Монисто это хранилось въ ящикѣ, обитомъ червчатымъ бархатомъ (Б. Русскихъ Царицъ, 615).

Послѣ патріарха подошло съ поздравленіями духовенство, «власти», «и дарятъ противъ того жъ, какъ и бояре, и тѣ образы и дары у патріарха и у большихъ властей царь и царица принимаютъ сами, а у иныхъ властей велятъ принимать; а потомъ царь и царица подносятъ имъ кубками и ковшами питья, и власти, пивъ за ихъ государское здоровье, разъѣдутся по домамъ; и потомъ къ патріарху и ко властямъ бываютъ отъ царя и царицы милостыни деньгами и подарки полотняные, и подачи ѣства и питія» (Котоших. 11). Въ этотъ же день патріархъ кушалъ у государя въ Грановитой палатѣ со всѣми властями; столъ былъ, какъ въ обыкновенное время, безъ свадебныхъ чиновъ, только къ концу обѣда фрукты и сахарныя издѣлія «ставили въ столы» по свадебному чину; въ столы смотрѣли стольники. Изъ званыхъ были: Өеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь Данило Ивановичъ Ме-

зецкой, окольничій Левъ Ивановичъ Долматовъ-Карповъ, постельничій Константинъ Ивановичъ Михалковъ; стряпчій съ ключемъ Иванъ Ивановъ сынъ Чемодановъ; думные дьяки: Иванъ Грамотинъ, Өедоръ Лихачевъ; дворяне: Иванъ, да Василій Петровы Шереметевы, Лукьянъ, да Иванъ, да Сергѣй Степановы Стрѣшневы, отецъ и дядья царицы, Григорій Андреевъ Плещеевъ, Артемій Васильевъ Ладыгинъ, Тимоөей Васильевъ Боборыкинъ, Иванъ Ивановъ Чичеринъ, Иванъ Александровъ Колтовской, князь Өедоръ Өедоровъ Волконской, князь Иванъ Өедоровъ Лось-Волконской, Моисей Осиповъ Зеленой, Василій Матвѣевъ Дмитріевъ, Иванъ Рахманиновъ Сурвоцкой, Иванъ Өедоровъ Танѣевъ, Протасъ Тимоөеевъ Лачиновъ, Василій Васильевъ Шараповъ, Истома Михайловъ Ивашкинъ; дьяки: Иванъ Болотниковъ, Өедоръ Степановъ, Михайло Даниловъ; дьяки великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи: Өедоръ Рагозинъ, Аөанасій Максимовъ, Никифоръ Шипулинъ, Максимъ Куликовъ; кромѣ нихъ, на царскомъ пиру были 8 головъ Московскихъ стрѣльцовъ и торговые Московскіе лучшіе люди, которые были у государя и царицы съ дарами (даровъ этихъ, какъ видно было раньше, царь и царица ни у кого не принимали). Послѣ стола государь отца своего, великаго государя святѣйшаго патріарха, дарилъ для своей царской радости. Рѣчь за царя и дары отъ него являлъ (подносилъ) дьякъ Гаврило Облѣзовъ. Подарки состояли изъ трехъ великолѣпныхъ кубковъ: одинъ съ финифтью (эмалью) и изображеніемъ на подставкѣ «мужика въ платьѣ и шляпѣ, за плечами держитъ кошель, въ лѣвой рукѣ серпъ», другой съ чеканными изображеніями городовъ и звѣрей въ кругахъ, съ рыцаремъ въ латахъ по кровлѣ, «въ правой рукѣ протазанъ, въ лѣвой повѣза»; изъ двойного Турецкаго атласу въ 60 р.; по 10 аршинъ бархатовъ: чернаго, багроваго и лазореваго; атласовъ вишневаго и зеленаго; камокъ: куфтерю таусинной, адамашки зеленой, адамашки лазоревой Кизылбашской двоеличной, объяри (муара) гвоздичной, доро́гъ Кашанскихъ (узкая матерія, сшивавшаяся полосами, дорога—полоса) и трехъ сорока соболей. Рѣчь Облѣзова была слѣдующая: «О великій государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Божіею милостью патріархъ Московскій и всея Русіи! По милости Божіей и по твоему, великаго государя, отца нашего, благословенію, сынъ твой, великій государь, царь и великій князь Михайло Өеодоровичъ всея Русіи, сочетался законнымъ бракомъ, и по своей царской и пресвѣтлой радости даритъ тебя, великаго государя, отца своего». (Здѣсь слѣдовалъ подробный перечень подарковъ, съ обозначеніемъ ихъ мѣры, вѣса и цѣны, Д. къ Дворц. Разрядамъ, 438).

Свадебныя торжества миновали, молодой царь могъ свободно вздохнуть; его красавица-царица была здорова и невредима: ничей лихой взоръ не сглазилъ ея, ничья враждебная рука не разлучила его на этотъ разъ съ избранницей его сердца. Когда припомнишь печальную судьбу сосланной Маріи Хлоповой и безвременную кончину его первой жены Маріи Владимировны Долгоруковой, то легко представить, съ какимъ волненіемъ царь вступалъ въ бракъ со Стрѣшневой (своею второй женой и уже третьей избранной невѣстой), и какъ каждое безмятежно наставшее утро понемногу разгоняло тревожные призраки его печальныхъ опасеній.

Царскіе гонцы со свадебными ширинками спѣшили между тѣмъ во всѣ концы съ радостнымъ извѣстіемъ.

1626 Февраль. Отправленіе дворянъ къ архіереямъ и въ Тихвинъ монастырь съ свадебными ширинками, отъ новобрачныхъ царя Михаила Ѳеодоровича и Евдокіи Лукьяновны; тутъ же и благодарительныя нѣкоторыя письма (Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ № 19).

«Роспись кто посыланъ былъ во 134-мъ году (1626) отъ государя съ ширинки.

Царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи къ царицѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ (Колтовской) посыланъ съ убрусцемъ, да съ ширинкою, стольникъ князь Данила княжъ Григорьевъ сынъ Гагаринъ, (племянникъ царицы Дарьи Алексѣевны, его обѣ сестры: княжна Александра и княжна Леонида Григорьевны Гагарины были монахинями, находились при царицѣ Дарьѣ и пережили ее (Тихвинъ монастырь)). Въ Псковъ, ко Псковскому Изборскому епископу Павлу, въ Тверь—къ Тверскому и Кашинскому архіепископу Пафнутію съ ширинками жилецъ Степанъ Извольскій; (къ Макарію, митрополиту Новгородскому, Линевъ); къ Коломенскому и Каширскому Рафаилу, къ Казанскому и Свіяжскому митрополиту Матвѣю, къ Рязанскому и Муромскому Антонію посыланъ жилецъ Иванъ Опухтинъ».

«Лѣта 7134 Февраля въ день (?) Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи, велѣлъ стольнику Данилу Григорьевичу Гагарину ѣхати на Тихвину для того: послано съ нимъ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, къ царицѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ, отъ царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны съ ихъ государскія радости убрусецъ тафтянъ червчатъ съ жемчугомъ, да ширинка тафтяна, кисти золотыя. И князю Данилу, пріѣхавъ на Тихвину, и велѣти про себя сказати царицѣ Дарьѣ Олексѣевнѣ, что присланъ онъ къ ней отъ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича и отъ царицы и великія княгини Евдокіи

Лукьяновны всеа Русіи съ ихъ государскія радости съ убрусцомъ и съ ширинкою. И царица Дарья велѣла ему быть у себя, и князю Данилу; пришедъ къ царицѣ Дарьѣ, молвить: Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи и его государева царица и великая княгиня Евдокѣя Лукьяновна всеа Русіи, прислали къ ней съ своей государскія радости, убрусецъ тафтяной съ жемчугомъ, да ширинку тафтяну, кисти золотыя, а изговоря понести къ царицѣ Дарьѣ убрусецъ и ширинку на дву блюдахъ. И будетъ царица Дарья позоветъ его къ себѣ ѣсть и пожалуетъ его чѣмъ нибудь или инымъ чѣмъ и стольнику князю Данилу Григорьевичу у царицы Дарьи Алексѣевны ѣсти и жалованье взяти и спроситься къ государю, и чтобы она послала съ нимъ ко государю отписку. Да какъ его царица Дарья Алексѣевна отпуститъ, и ему ѣхати къ Москвѣ, а пріѣхавъ къ Москвѣ явитись и отписку отдать въ Посольскомъ Приказѣ думному дьячку Ивану Грамотину».

«Лѣта 7134-го Февраля въ день (?), по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу, память жильцу Степану Извольскому. Ѣхати ему во Тверь, да во Псковъ для того: посланы съ нимъ во Тверь, ко Тверскому и Кашинскому архіепископу Паѳнотью, да во Псковъ, къ Псковскому и Изборскому епископу Павлу, государево царево и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и его царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны, всеа Русіи, жалованье съ ихъ государской радости, ширинки тафтяны, кисти золотыя. И Михаилу (выше былъ названъ Степаномъ), пріѣхавъ въ Тверь, велѣти про себя сказати Тверскому и Новоторскому архіепископу, что онъ присланъ къ нему съ государскимъ жалованьемъ съ ихъ государское радости съ ширинкою. Да какъ ему архіепископъ велитъ быти у себя, и Михаилу пришедъ къ архіепископу молвить: Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи и его царица и великая княгиня Евдокѣя (не достаетъ словъ въ подлинникѣ) . . . его архіепископъ позоветъ ѣсти и благословитъ образомъ или чѣмъ подаритъ, у архіепископа ѣсть и образъ и подарокъ принять и проситись ко государю; да какъ его отпуститъ и взявъ у архіепископа отписку ѣхати ко государю къ Москвѣ, а пріѣхавъ къ Москвѣ явитися и отписку отдати въ Посольскомъ Приказѣ думному дьячку Ивану Грамотину».

Письмо царя Михаила Ѳеодоровича.

«Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, богомольцу нашему Матвѣю, митрополиту Казанскому и Свіяжскому. Послали есмя къ тебѣ нашего и царицы нашей и великой княгини

Евдокѣи Лукьяновны жалованья съ нашое государское радости, съ жильцомъ съ Иваномъ Опухтинымъ ширинку тафтяну, шита золотомъ, кисти золотыя. И ты бъ богомолецъ нашъ, наше жалованье ширинку принялъ и о нашемъ и о царицѣ нашей здоровьѣ Бога молилъ, а жильца бъ Ивана Опухтина отпустилъ бы еси къ намъ къ Москвѣ назадъ, не издержавъ. Писанъ по Москвѣ лѣта 7134-го Февраля въ день».

Отвѣтное письмо царю митрополита Матвѣя Казанскаго и Свіяжскаго.

«Благовѣрному и благородному и христолюбивому и Богомъ вѣнчанному, великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи самодержцу, богомолецъ государевъ митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, Бога молю и челомъ бью. Въ нынѣшнемъ, государь, во 134 году Февраля въ 22 день въ твоя государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи грамотѣ писано ко мнѣ богомольцу вашему: пожаловали вы великіе государи, прислали ко мнѣ своего государева царева и великаго князя Михаило Ѳеодоровича всеа Русіи и своей государевы благовѣрныя и христолюбивыя царицы и великія книгини Евдокѣи Лукьяновны, жалованья съ вашей государской радости, ширинку тафтяну, шиту золотомъ, кисти золотыя, съ жильцомъ съ Иваномъ Опухтинымъ. И я нищей вашъ государевъ богомолецъ, принявъ ваше государское жалованье ширинку, о вашей государской пресвѣтлой радости, зѣло возрадовахся и воздалъ хвалу и молилъ Всемилостиваго и Всещедраго и Человѣколюбиваго, въ Троицѣ Славимаго Бога и Пречистую Матерь и всѣхъ святыхъ о вашемъ государскомъ многолѣтномъ здравіи, благовѣрнаго и благороднаго и христолюбиваго и Богомъ вѣнчаннаго великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца, и о твоей государевѣ благовѣрной и христолюбивой царицѣ и великой княгинѣ Евдокеѣ Лукьяновнѣ, и подалъ бы Господь Богъ вамъ, великимъ государямъ, благородныя чада въ наслѣдіе рода вашего и царство бы ваше устроилъ Богъ мирно и тихо и немятежно и вѣчно въ родъ и родъ и исполнилъ всякія благодати; а я нищій вашъ государевъ богомолецъ по вашей государской премногой милости и жалованьѣ челомъ бью, а милость Божія и пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія и великихъ Казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія молитвы и благословеніе да есть и будетъ съ вашимъ царскимъ благородіемъ, нынѣ и въ дни вѣка. Аминь».

Письмо Макарія митрополита Новгородскаго, благодарное за присылку свадебной ширинки.

Благовѣрному и христолюбивому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи самодержцу, богомолецъ твой

государевъ Макарей, митрополитъ Новгородцкій, Бога молю и челомъ бью. Въ нынѣшнемъ, государь во 134-мъ году Февраля въ 26 день послано отъ тебя государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и отъ твоей государевѣ царицы благовѣрной и христолюбивой великой княгини Евдокіи Лукьяновны, а отъ нашей государыни, ко мнѣ богомольцу вашему, ваше государскія радости ширинка тафтяна, шита золотомъ, кисти золотыя, съ жильцомъ съ Григорьемъ Линевымъ. И я, вашъ государскій богомолецъ, ваше государское жалованье ширинку тафтяну, шиту золотомъ съ кистьми золотыми, у твоего государева жильца у Григорья Линева принялъ и молю Всесильнаго въ Троицѣ Славнаго Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ о твоемъ государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и о твоей государевѣ царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣи Лукьяновнѣ, а по нашей государыни многолѣтномъ здравіи, чтобъ умножилъ Богъ лѣта живота вашего царскаго и далъ бы Господь Богъ вамъ благородныя чада въ наслѣдіе рода вашего. А я вашъ государскій богомолецъ о вашемъ царскомъ здравіи Бога молю и челомъ бью; а жильца, государь, Григорья Линева я богомолецъ вашъ отпустилъ изъ *великаго Новгорода 134-го Февраля въ 27 день*».

Окружная грамота Новгородскаго митрополита Макарія, игумену Тихвинскаго монастыря Вассіону о бракосочетаніи государя съ Евдокіею Стрѣшневою.

«Благословеніе великаго господина преосвященнаго Макарія митрополита Великаго Новаграда и Великомуцкаго, пречестныя и великія обители Успенія Пречистыя Богородицы и чудотворнаго Ея образа Одигитріа во Оникій Тихвинской монастырь, сыну и сослужебнику нашего смиренія, игумену Васьяну съ братьею. Въ нынѣшнемъ во 134 году, въ государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и его государева отца, а нашего великаго господина и государя патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи, писано ко мнѣ въ ихъ государскихъ грамотахъ, что по повелѣнію Всемогущаго въ Троицѣ Славимаго Бога и по преданію святыхъ божественныхъ апостолъ и святыхъ богоносныхъ отецъ и по благословенію великаго господина и государя отца нашего святѣйшаго Филарета Никитича, патріарха Московскаго и всеа Русіи, произволилъ государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи поняти дщерь своего дворянина Лукіяна Стрѣчнева и сочетался законнымъ бракомъ съ своею царицею, а съ нашею государынею великой княгинею Евдокіею Лукіяновною всеа Руссіи, въ нынѣшнемъ во 134 Февраля въ 5 день. И о ихъ государской радости велѣно мнѣ, ихъ госу-

дарскому богомольцу, разослать въ свою митрополію о ихъ государскомъ богомольи, по монастырямъ къ архимандритамъ и къ игуменамъ съ братьею, а по городамъ протопопамъ и всему освященному собору. И какъ къ вамъ ея наша грамота придетъ и вы бъ соборнѣ и келейнѣ молили Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ о благовѣрномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всеа Русіи и о его государевѣ царицѣ, а о нашей государынѣ великой княгинѣ Евдокеѣ Лукьяновна всеа Русіи, о ихъ государскомъ душевнѣмъ спасеніи и многолѣтнемъ здравіи, чтобъ Господь Богъ умножилъ лѣта живота ихъ и даровалъ бы имъ Господь Богъ благородныя чада въ наслѣдіе рода ихъ. Да и въ окольные бъ ты, сыну, въ монастыри и въ погосты отъ себя разослалъ нарочно, къ игуменамъ съ братьею, а по погостамъ и по выставкамъ къ попамъ и ко всѣмъ причетникамъ церковнымъ, чтобъ они такоже о государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, и о его государевой царицѣ и великой княгинѣ Евдокеѣ Лукьяновнѣ молили Бога и Пречистую Богородицу и Присно-дѣву Марію и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, о ихъ государскомъ душевномъ спасеніи и многолѣтномъ здравіи, чтобъ Господь Богъ умножилъ лѣта живота ихъ и даровалъ бы имъ Господь Богъ благородныя чада въ наслѣдіе рода ихъ; а съ образы и съ дары посылали бы ко государю царю и великому кн. Мих. Ѳеодоровичу всея Русіи и къ его государевѣ царицѣ и великой кн. Евдокіи Лукіановнѣ всея Русіи изъ монастырей старцовъ или слугъ изъ которыхъ монастырей прежъ сего съ образы и съ дары ко государю пріѣзжали, а сами бъ игумены для дальнего пути съ образы и съ дары не ѣздили, а въ октеньяхъ и на многолѣтіи молили Бога за государя царя и вел. кн. Мих. Ѳеодоровича всеа Русіи и о его государевы царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Лукьяновнѣ всеа Русіи, по росписи, какову мы на первую государскую радость къ тебѣ, сыну, прислали. А милость Святыя Софіи, неизрѣченныя Премудрости Божіи и иже во святыхъ отецъ нашихъ Никиты епископа и Ивана Евфимія и Іоны Моисея, архіепископа Новгородскаго чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ молитвы, купно же и нашего смиренія благословеніе съ твоимъ преподобствомъ, да есть и будетъ всегда и во вѣки, аминь».

(Подлинникъ изъ архива Тихвинскаго Успенскаго монастыря, писанъ столбцемъ на 2-хъ листкахъ безъ скрѣпы. Бывъ свернутъ пакетомъ и запечатанъ, имѣетъ на оборотѣ подпись: Пречистыя и великія обители Успенія пречистыя Богородицы и чудотворнаго образа Одигитрія въ Опикій Тифинской монастырь игумену Васьяну съ братьею)

«А по веселіи его царскомъ пойдетъ царь съ царицею по Московскимъ монастырямъ, и молебствуютъ и кормятъ чернецовъ и даютъ милостыню архимандритамъ и игуменамъ и келарямъ по 20 и по 15 и по 10 рублевъ человѣку, да по полотенцу и по два платка. А какъ царь и царица съ монастыря пойдутъ, а въ то время власти съ братьею царя и царицу благословляютъ образами окладными и подносятъ хлѣбы. И потомъ царь и царица ходятъ по богодѣльнямъ и по тюрьмамъ и даютъ милостыню жъ, также и нищимъ и убогимъ людямъ, даютъ по рублю и по полтинѣ и меньше человѣку, и тѣхъ денегъ расходится множество тысячъ» (Котошикинъ, 12).

Весь женскій штатъ молодой царицы былъ тоже награжденъ «для государскія радости». Лѣта 7134 г. Февраля въ 2 день, по государеву царя и в. к. Михала Өеодоровича указу, князю Алексѣю Михайловичу Львову, да дьякамъ Герасиму Мартемьянову, да Ивану Васильеву, да Максиму Чиркову, государь царь и в. к. Михаилъ Өеодоровичъ всеи Русіи и государыня великая старица инока Марөа Ивановна пожаловали дати своего государева жалованья на 134 годъ, для государскія радости, княгинѣ, боярынямъ вдовамъ: княгинѣ—Катеринѣ Бутурлиной 30 рублевъ, княгинѣ Авдотьѣ Корходиновой 25 рублевъ, постельницамъ двадцать четыре человѣкамъ по 4 рубля, итого 96 рублевъ. Золотымъ и бѣлымъ мастерицамъ и ученицамъ и портомоямъ и карлицамъ противъ прошлаго 133 года 147 рублевъ. И всего государь и государыня указали дати своего государева жалованья на нынѣшній на 134 годъ боярынямъ и постельницамъ и золотнымъ и бѣлымъ мастерицамъ и ученицамъ и портомоямъ и карлицамъ 298 рублевъ. И по государскому указу князю Алексѣю Михайловичу, да дьякомъ Герасиму, да Ивану, да Максиму тѣ деньги прислать въ постельный приказъ тотчасъ. (М. Арх. М. Им. Двора, 134 г., 1626, № 7).

Послѣдовали и другія награды. «Костромитинъ, сынъ боярскій Микита Нелидовъ получилъ 4 аршина сукна Англійскаго темносиняго, по 30 алтынъ аршинъ, да дороги Гилянскія (узкая полосатая матерія) свѣтлозеленыя цѣна 2 рубля. А пожаловалъ государь его за то, что онъ ѣздилъ въ Переяславль Рязанской по Лукьяна Степановича Стрѣшнева. Приказалъ государевымъ словомъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ, приказалъ государь дьяку Булгаку Милованову». (М. Арх. М. Двора, № 36, карандашомъ написано 19 Марта). Такимъ образомъ, благодаря только что отысканному документу, мы узнаёмъ, что отецъ царицы въ минуту ея избранія находился не въ Калужской или Московской губ., какъ раньше предполагали, а въ Рязанской. Многочисленная родня государыня была также одарена: кто шубой, кто охабнемъ, или со-

болями; не были забыты и малыя дѣти. Изъ столбца № 40 (Арх. Моск. М. Двора), видно, что по именному приказу государева жалованья Лукьяну Степановичу изготовили охабень зеленой объяри (муаръ), обшитый золотымъ кованнымъ кружевомъ съ завязками изъ багроваго шелка, съ золотомъ и гирейскими кистями, «на оба конца съ золотомъ всего охабню цѣна 16 рублевъ 8 алтынъ 4 деньги» *). Его же шуба въ сукнѣ лундышѣ (Лондонскомъ) вишневомъ обошлась въ 82 руб. 24 алтына, а черная лисица на шапку въ 17 рубл. (М. Арх. М. Двора № 40). Жену его, Анну Константиновну, рожденную княжну Волконскую, сестру боярина ближняго Григорія Констант. Волконскаго (рукописная родословная Волконскихъ прошлаго вѣка, сообщилъ князь М. М. Голицынъ), вырядили въ свѣтло-зеленую шубу на соболяхъ, опушенную бобромъ украшенную широкимъ золотымъ кованнымъ кружевомъ и 16 серебряными золочеными пуговками (вѣсу въ кружевѣ 35 золот., по 6 алт. золот., а въ пуговицахъ «вѣсу и за дѣло» рубль 2 гривнѣ, да на петли шелкъ зеленъ 2 арш., по 3 деньги аршинъ, и всего шубѣ цѣна 62 рубля 20 алт. ½ деньги. А приказалъ государь дьяку Булгаку Милованову, а отнесъ то платье портной мастеръ Петръ Мокроусъ. Вторую ея шубу выкроили изъ тафты винпцейки червчатой и опушили чернымъ бобромъ. (М. Арх. М. Двора, 109).

Сынъ Лукьяна Степановича, Семенъ получилъ на свою долю охабень рудожелтый объяри (муара) въ 7 руб. 20 алт. 5 ден., кафтанъ (цѣна 7 руб. 18 алт.), ферязь 4 р. 6 д. и шубу въ 23 р. 24 алт. 1 деньгу.

Два Ивана, дѣти Ѳеодора Стрѣшнева, Яковъ, Григорій и Петръ, сыновья Максима, получили, кто кафтанъ, кто однорядку. Сестра царицы Ѳеодосія Лукьяновна Матюшкина лѣтникъ, дочь ея Крестина шубку, а сыновья Дмитрій и Аѳанасій по однорядку и шубу (40 М. Арх. М. Двора). Недовольные царскою милостью оказались однако Василій Ивановичъ Стрѣшневъ (бывшій спальникомъ при царѣ, за долго до его женитьбы на Евдокіи Лукьяновнѣ) и жена Максима Стрѣшнева Ирина, сыновья которой только что получили по охабню (ст. 40). Первый изъ челобитчиковъ Василій проситъ къ пожалованнымъ соболямъ

---

*) Тогожъ дни по государя и вел. кн. Мих. Ѳеод. всеа Русіи именному приказу государева жалованья Лукьяну Степановичу Стрѣшневу, сдѣланъ охабень объярь зелено объярче, пошло 11 арш. безъ чети, цѣна по 23 алт. 2 деньги аршинъ; на подпушку пошло тафты черленой веницейки, цѣна 17 алт. 3 деньги; на строку пошло кружева золотного-кованнаго 12 арш., вѣсу 31 золотникъ, цѣна 5 алтынъ золотникъ, завязку шелкъ багровъ, тканы золотомъ, кисти гирейскія на оба конца съ золотомъ цѣна 32½ р., и всего охобню цѣна 16 руб. 8 алт. 4 ден. (ст. 40 Арх. М. Двора).

прибавить сукно: «Царю государю и великому князю Михаилу Θеодоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Васька Стрѣшневъ, пожаловалъ государь ты меня холопа своего на избушки (новеселье) собольи, и сукна у меня холопа твоего нѣтъ. Милосердный государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всеи Русіи, пожалуй меня хлопа своего, вели свою государскую милость сдѣлать на казенномъ дворѣ. Царь, государь, смилуйся!» На оборотѣ: «134 года Марта въ 14 день государь пожаловалъ велѣлъ шубу сдѣлать совсѣмъ; приказалъ государевымъ словомъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ (№ 29 Моск. Ар. М. Двора). И далѣе въ столбцѣ № 40 читаемъ, что по государеву именному приказу и по подписной челобитной стольнику Василію Ивановичу Стрѣшневу сдѣлана шуба, цѣна 70 рублевъ 1 алт. 3½ деньги. Просьба Ирины Стрѣшневой обращена къ самой молодой царицѣ и является едва ли не первой изъ многочисленныхъ просьбъ къ Евдокіи Лукьяновнѣ.

«Царицѣ, государынѣ и великой княгинѣ Евдокіи Лукьяновнѣ всеа Русіи бьетъ челомъ раба твоя Арютка Максимова женишка Стрѣшнева съ своими дѣтишками съ Гришкою, да Петрушкою. Милосердая государыня, царица и великая княгиня Евдокія Лукьяновна, всеа Русіи, пожалуй меня, государыня, вели дати суконца на шубенку; а дѣтишекъ, государыня, пожалуй къ празднику на платье, какъ тебѣ, праведной государынѣ, Богъ извѣститъ. Государыня, смилуйся, пожалуй!» На оборотѣ: «134 года Апрѣля въ 1 день государь пожаловалъ велѣлъ дати на шубку, а дѣтямъ на платье». По этой припискѣ мы видимъ, что робкая царица еще не рѣшается вступать въ свои права «миловать и жаловать» и передаетъ челобитную своей родственницы державному мужу, который охотно жалуетъ родичей молодой своей жены (ст. 630. Мос. Арх. М. Двора).

9, 10 и 11 Февраля прошли тихо: не видать ни шумныхъ пировъ, ни утомительныхъ пріемовъ. За то записаны слѣдующіе расходы царицы: *9-го Февраля* дьякъ Булгакъ Миловановъ приноситъ для ея поставца (этажерка для посуды, близъ обѣденнаго стола) три серебряныхъ кубка съ кровлями (№ 211. М. Арх. М. Двора), серебряны золочены съ кровлями ложечки мелкія (выпуклыя украшенія въ видѣ Русскихъ круглыхъ ложекъ), по вѣнцамъ (кругомъ края) городочки бѣли, въ одномъ вѣсу гривенка 5 зол., а въ другомъ вѣсу гривенка 15 зол., въ третьемъ вѣсу гривенка 12 зол., цѣна по 5-ти рублевъ гривенка.

9 Февраля. Въ конюшенный приказъ на подъемные на десять каптанъ 160 аршинъ сукна настрофилю червчатаго по 20 алт. (Б. Р. Ц. Мат. 70).

12 Февраля. «Отпущено на панагію, что у царицы хлѣбецъ вымаетца, полъаршина камки корамзину травной, цѣна 15 алтынъ, взялъ царицынъ крестовой священникъ Офонасей». (Передъ каждой трапезой священникъ воздвигалъ хлѣбъ Пресвятой Богородицы, какъ дѣлается еще теперь въ монастыряхъ). Того жъ дня къ государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Лукьяновнѣ отпущено на столъ 2 арш. съ четью сукна багрецу по рублю по 13 алтынъ по 2 деньги аршинъ, дано. Взялъ истопникъ Зимаръ Куличинъ (№ 211. М. Арх. М. Двора).

12-го Февраля къ царю и царицѣ были допущены иностранные купцы и отдаленные торговые посадскіе люди. Представителями отъ Англійскихъ гостей (купцовъ) былъ Фабинъ Ульяновъ, тотъ самый, что подносилъ умирающей Маріи Владимировнѣ подарокъ по случаю новаго 1625 года; на этотъ разъ замѣсто кубка онъ челомъ ударилъ 30 аршинами шелковой бѣлой матеріи въ трехъ кускахъ, Голландцы два куска бѣлой и одинъ красной матеріи, Казанцы два сорока соболей по 43 рубля, 10 аршинъ серебрянаго глазета въ золотыхъ листьяхъ и кубкомъ съ вооруженнымъ рыцаремъ на кровлѣ; Свіяжане дарили царицу кубкомъ, да сорокомъ соболей въ 23 рубля (Доп. къ Дворцовымъ Разрядамъ, 441).

13-го Февраля серебряному мастеру Давиду Полоченинову на прошлыя на 3 недѣли на кормъ по алтыну на день, итого 21 алтынъ. Дѣлалъ царицыны разныя серебряныя дѣла (№ 632. М. Арх. М. Двора). Тогожъ дни шляпочнику Оскѣ Ѳатьянову на шляпочный товаръ, въ чемъ дѣлать къ шапкамъ, да къ шляпамъ болванцы, 10 алт., да торговому человѣку Потапку Ортемьеву за 3 сафьяна червчатыхъ, въ чемъ царицѣ дѣлать кожаныя колодки 30 алтынъ; а всего рубль 23 алтына 2 деньги дано (№ 632).

15 Февраля. «Лѣта 7134 Февраля въ 15 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича у всеи Русіи указу, посошникъ Тимофей Ѳеодоровъ взялъ про обиходъ государыни царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны изъ мѣшиннаго ряду у торговаго человѣка у Потапки Ортемьева 7 барановъ, въ цѣну баранъ по полуполтинѣ, и сію ему память Тимофей далъ за своею рукою, а память подалъ Ивашка Орѣховъ по Тимофееву велѣнью руку приложилъ (столбецъ 4. М. Арх. М. Двора).

16-го Февраля. Вверхъ въ царицыну въ мастерскую палату отпущено 5 аршинъ тафты червчатой цѣна по 26 алтынъ по 4 деньги дано (№ 211. М. Арх. М. Двора).

17-го Февраля. Въ Пятницу 17 Февраля необычное движеніе происходило у царицына крыльца. Одинъ за другимъ выѣзжали изъ конюшенъ и становились другъ за другомъ пять крытыхъ алымъ сукномъ возковъ; они занимали большое пространство, такъ какъ въ ихъ оглобли лошади были впряжены гуськомъ по пяти и по шести, а въ царицыну каптану до 16 бѣлыхъ коней (Олеарій) въ бархатной сбруѣ, украшенной множествомъ лисьихъ хвостовъ. Возки эти отворялись на обѣ стороны, въ дверкахъ были слюдяныя оконницы, задергивающіяся шелковыми занавѣсками, рамы и вся внутренность были обиты соболями, для сидѣнья поставлены подвижныя скамьи, крытыя коврами и бархатными подушками; съ потолка на серебряныхъ крюкахъ укрѣплены кресты съ мощами. Всходили въ каптаны по придвижнымъ лѣстничкамъ, обитыхъ бархатомъ. Многочисленная прислуга царицы и сопровождавшихъ ея боярынь собралась у возковъ; всѣ ждали выхода царицы...

Вотъ сбѣжали со ступеней юныя постельницы, мѣрно сошли боярыни, и показалась на крыльцѣ молодая царица... Мгновенно всѣ служащіе попадали ницъ *) и среди глубокаго молчанія стала спускаться Евдокія Лукьяновна, бережно ведомая справа и слѣва подъ руки престарѣлыми боярынями, которыя не даютъ ей шагу ступить одной. Прислуга приподнялась и засуетилась, приставляя лѣстнички къ возкамъ. Царица крестится и опускается на парчевыя подушки съ шахматнымъ узоромъ; напротивъ ея помѣстились двѣ родственницы государя: Ульяна Өеодоровна Романова, дочь князя Өеодора Ивановича Мосальскаго, съ 1606 г. за роднымъ дядей государя Иваномъ Никитичемъ Романовымъ, прозваннымъ «Каша» (Церк. Знам. Пресв. Богородицы», гр. С. Д. Шереметева); только что вернулся онъ изъ ссылки разбитый параличемъ, лишившимъ его употребленія руки и ноги. Отъ этого брака родились: веселый бояринъ Никита Ивановичъ (1606—1655), умершій безъ потомства, дѣти, скончавшіяся въ младенчествѣ и дочь Прасковья ум. 25 Окт. 1622 г. (ей въ 1614 г. жалуютъ 10 арш. атласу кармазину. Б. Р. Ц—цъ, М. с. 59). Ульяна Өеодоровна умерла въ 1649 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Въ Оружейной Палатѣ хранятся два кубка, ею поднесенныхъ. Одинъ съ надписью: «Ударила челомъ боярыня Ульяна Өеодоровна Романова», въ 1625 г. на первой свадьбѣ царя съ Маріей Долгору-

*) „Русскіе такъ благоговѣютъ передъ своею царицею, что не смѣютъ на нее смотрѣть и когда ея царское величество садится въ карету или выходитъ изъ нея, то они падаютъ ницъ на землю“ (Бытъ Р. Царицъ, 295).

ковой и круглый кубокъ, чеканный (4 ф. 23 з.), съ надписью: «подносный отъ боярыни Ульяны Ѳеодоровны Романовой» (Вельтм., 160).

Рядомъ съ Ульяной Ѳеодоровной сидѣла княгиня Ирина Ивановна Мстиславская (Дв. Разр. 789), вторая жена и вдова знаменитаго Ѳеодора Ивановича [первая его жена была Прасковья Ивановна изъ рода Нагихъ, Р. Вив. т. XIII), сосватанная ему Растригой; во второй разъ Мстиславскій вступилъ въ бракъ 20 Янв. 1617 г., Д. къ Д. Разр. 80). По мужу своему Ирина Ивановна доводилась двоюродной теткой государя, такъ какъ тесть ея Иванъ Ѳеодоровичъ и дѣдъ царя Никита Романовичъ были женаты на родныхъ сестрахъ (Иринѣ и Евдокіи, княжнахъ Горбатыхъ-Суздальскихъ) Княжна Ирина Ивановна, нареченная боярами во вторыя жены царю Ѳеодору, и Настасья Ивановна, въ замужествѣ за Симеономъ Бекбулатовичемъ (ханомъ Касимовскимъ, великимъ княземъ Московскимъ, а потомъ Тверскимъ, ослѣпленнымъ ядовитымъ питьемъ Годуновымъ и постриженнымъ Растригой), приходились ей золовками и обѣ скончались монахинями (Семеонъ Бекбулатовичъ, Лилеева). Надъ Мстиславскимъ сбылось проклятіе Гермогена: «Не оставитъ Господь рода твоего ни едина» (Лѣт., 129), и у княгини, кромѣ дѣвочки, умершей во младенчествѣ, другихъ дѣтей не было.

За царицынымъ возкомъ ѣхала родная тетка государева Ирина Никитична Годунова. Она единственная изъ всей своей семьи избѣжала изгнанія при Борисѣ Годуновѣ, ради своего брака съ его троюроднымъ племянникомъ (Плат., 271) Иваномъ Ивановичемъ, оставившимъ по себѣ добрую память. Но разоренные при Василіи Шуйскомъ, они жили въ ссылкѣ «за приставомъ», скитаясь между дворами со своими людьми (Плат., 421). Въ 1610 г. Тушинскій воръ, въ бытность въ Калугѣ, велѣлъ свергнуть Ивана Годунова съ башни и еще живого бросить въ рѣку; умирающій схватился за край лодки, Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку, и страдалецъ пошелъ ко дну на глазахъ своей жены (Карамз. т. XIII, с. 165). Въ 1614 г. Ирина Никитична поселилась въ Москвѣ (Бытъ Р. Ц—цъ, 53); она была впослѣдствіи мамой Алексѣя Михайловича и посаженной матерью у него на свадьбѣ (Бытъ Р. Ц—цъ, 507; Вивліоѳ., т. XIII). Скончалась она 6 Іюня 1635 года.

Рядомъ съ нею сидѣла въ возкѣ жена Ивана Борисовича Черкасскаго, двоюроднаго брата государя, молодая красавица княгиня Авдотья Васильевна, дочь Василія Петровича Морозова, сестра княгини Елены Васильевны (ум. 25 Іюня 1666 г.), замужемъ за княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, намѣстникомъ Новгородскимъ.

Тверскимъ и Суздальскимъ; двоюродная сестра Бориса Ивановича Морозова, будущаго воспитателя Алексѣя Михайловича, женившагося вторымъ бракомъ на сестрѣ царицы, Маріи Ильиничнѣ, и Глѣба Ивановича, второй женой котораго съ 1648 г. будетъ знаменитая раскольница Ѳедосья Прокофьевна, рожденная Соковнина. Авдотья Васильевна 12 Мая 1622 года породнилась съ царемъ: мужъ ея не только доводился двоюроднымъ братомъ Михаилу Ѳеодоровичу, но былъ приближеннымъ къ нему лицомъ и вмѣстѣ со своими родителями много пострадалъ при Борисѣ Годуновѣ; на Ивана Борисовича Годуновъ еще негодовалъ «за то, что Растрига», бывшій въ холопѣхъ у бояръ у Никитиныхъ дѣтей Романовичей и у князя Бориса Черкасскаго и заворовався, и постригшійся въ чернецы, приходилъ «въ благодатный домъ» Черкасскаго и отъ князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ (Плат., 246). Михаилъ Ѳеодоровичъ еще ребенкомъ былъ сосланъ съ родителями Ивана Борисовича на Бѣлоозеро, и княгиня заботилась о немъ съ 1601 до 1606 г., когда передала его старицѣ Марѳѣ Ивановнѣ. Жалуя Ивана Борисовича въ 1624 году селомъ «Павловымъ Острогомъ», царь писалъ, «что даритъ его за многія службы и за терпѣнье отца его боярина князя Бориса Камбулатовича (двоюроднаго брата второй жены Грознаго, Маріи Темрюковны) и матери его княгини Марѳы Никитичны и его, боярина нашего, князя Ивана Борисовича за раззореніе и за терпѣніе, что отецъ его бояринъ князь Борисъ Камбулатовичъ и матерь его Марѳа Никитична и онъ терпѣли многія бѣды и сидѣли за разными приставы въ цѣпи и въ желѣзахъ больше полугода, и послѣ того отца его на Бѣлоозерѣ не стало (25 Апр. 1602 г.), и онъ бояринъ нашъ князь Иванъ Борисовичъ сосланъ былъ на низъ въ Казанскій пригородъ Малмыжъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ же и животъ свой мучилъ и великія нужи и тѣсноты за насъ, великихъ государей, при царѣ Борисѣ терпѣлъ лѣтъ пять» (№ 159, с. 229, Акт. Арх. Эксп.). Вымороченный дворъ Кузьмы Минина въ Нижнемъ, оставшійся пустымъ по кончинѣ проживавшей въ немъ царской невѣсты Маріи Хлоповой, былъ ему пожалованъ вмѣстѣ съ Я. К. Черкасскимъ въ 1633 году. Его двѣ сестры, Ирина и Ксенія, были въ замужествѣ за Ѳ. И. Шереметевымъ и Колычевымъ. 7 Мая 1622 г. Василій Петровичъ Морозовъ, отецъ невѣсты, и Иванъ Борисовичъ, женихъ, звали государя на свадьбу, и имъ послано государева жалованья на ихъ подворья: кубки, соболя и атласы. На другой день свадьбы Иванъ Борисовичъ билъ челомъ государю, который благословилъ его иконой и опять дарилъ кубками и богатыми тканями. 15 Мая молодая княгиня пріѣхала на поклонъ въ Вознесенскій монастырь, и ее благословили

иконою Богоматери Умиленія и жаловали камками, соболями и кубкомъ (Дополн. къ Дворц. Разрядамъ, 299—303).

Отзывы о красотѣ Авдотьи Васильевны Черкасской дошли до насъ. Цвѣтъ лица ея былъ такъ свѣжъ, брови такъ темны и густы, что, убираясь передъ своимъ зеркальцемъ, задумала она невиданную, неслыханную вещь: вздумала было не румяниться и не сурмиться! Негодованію ея менѣе красивыхъ и самостоятельныхъ сверстницъ не было границъ; онѣ довели этотъ ропотъ до дворца, и княгиню заставили покориться вѣковому обычаю. Приказаніе это было дано въ 1634 г., въ бытность Олеарія въ Россіи, который съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что эта красивая отъ природы женщина (ей было около 27 лѣтъ) принуждена была румяниться и, такъ сказать, зажигать свѣчу при яркомъ сіяніи солнца (Олеарій, 160). Безъ сомнѣнія въ этомъ дѣлѣ не обошлось безъ вліянія царицы, уничтожавшей ежегодно огромное количество румянъ и бѣлилъ.

Ревность современницъ княгини Черкасской лишь послужила къ увѣковѣченію ея красоты, и она изъ немногихъ до-Петровскихъ женщинъ, о наружности которыхъ остался отзывъ современниковъ: въ восемьсотъ лѣтъ едва насчитываемъ 8, по красавицѣ на каждый вѣкъ! Княгиня Ольга, плѣнная Грекиня, монахиня, супруга Ярополка, св. Ефросинья Полоцкая, Евпраксія Рязанская, св. Февронія Муромская, Ксенія Годунова, царица Евдокія и она сама. Такъ мало обращали вниманія лѣтописцы (*монахи*) на женскую красоту, и такъ должна была она изъ ряда выдѣлиться, чтобы привлечь ихъ равнодушное вниманіе. У царицы въ казнѣ хранилась золотая панагія, поднесенная ей княгиней Черкасской 11 Апрѣля 1644 г. Въ середкѣ панагіи была вдѣлана рѣзная яшма съ изображеніемъ Пресвятой Богородицы, обнизаннымъ жемчугомъ, «во главѣ 5 яхонтовъ лазоревыхъ, да 4 виписы, да подпись по-гречески» (№ 774, 150 годъ М. Арх. М. Двора).

За Годуновой и Черкасской слѣдовали: третья жена Ѳеодора Ивановича Шереметева Марья Петровна (въ замужествѣ съ 1624 года) и княгиня Марѳа Михайловна Сулешева, жена князя Юрія Еншеевича, выѣзжаго Крымскаго Татарскаго князя (Солов. IX, 120), пользовавшагося довѣріемъ государя. Марѳа Михайловна была дочь Михаила Михайловича Салтыкова и вмѣстѣ съ матерью Екатериной Андреевной (Доп. къ Д. Разр., 8) и братьями: бояриномъ Борисомъ и кравчимъ и оружейничимъ Михаиломъ, пользовались любовью и довѣріемъ государя. Но въ 1623 году. мать Марѳы Михайловны, принявшая еще до этого постригъ съ именемъ Евникіи, была сослана въ Суздальскій

Покровскій монастырь со своей прислугой, 8 людьми, когда разоблачилась вина ея сыновей въ дѣлѣ Хлоповой (Б. Р. Цар., 239). Мареа Михайловна дѣвушкой жила вверху у старицы Мареы Ивановны, своей родственницы (Д. къ. Д. Разр., 7) и пользовалась ея расположеніемъ: въ 1613 году она ее даритъ лазоревой камкой (тамъ же), въ 1615 году уже замужнюю жалуетъ въ разное время соболями и червчатымъ опашнемъ съ серебромъ (Б. Р. Ц—цъ, 54—56).

Въ четвертой каптанѣ сидѣли: княгиня Настасья Никитична Лыкова, младшая сестра патріарха, жена Бориса Михайловича. Сосланная еще дѣвушкой съ сестрой своей княгиней Мареой Черкасской и дѣтьми брата Ѳедора на Бѣлоозеро, она много натерпѣлась всевозможныхъ лишеній въ одеждѣ и пропитаніи; сынъ ея Иванъ умеръ во младенчествѣ. Въ 1629 г. видимъ при ней трехъ дочерей (Доп. къ Д. Р., 588). Рядомъ съ нею помѣстилась царицына отдаленная родственница вдова Ивана Филиповича Стрѣшнева. Въ пятомъ возкѣ ѣхали: мать царицы Анна Константиновна Стрѣшнева, рожденная княжна Волконская (Доп. къ роду Прозоровскихъ, кн. М. М. Голицына, Русск. Арх. № 9, 1899 г., 176), Ирина Прокофьевна, жена Василія Ивановича Стрѣшнева, княгиня-вдова Марія Ивановна Пронская и дворцовая боярыня Ѳеодора Заболоцкая. «Противъ боярынь сидѣло по двѣ постельницы» (во всѣхъ саняхъ), у саней у боярынь шли по два сына боярскихъ царицыныхъ, да люди ихъ (Дв. Р., 789). Двое дѣтей боярскихъ, предшествуемые дьяками: Гаврилой Облѣзовымъ и Булгакомъ Миловановымъ, несли царицыны дары.

Но раньше, нежели остановиться съ пышнымъ поѣздомъ передъ воротами Вознесенскаго монастыря, разсмотримъ родство царицыной матери. Анна Константиновна была дочь князя Константина Романовича Волконскаго, убитаго на службѣ въ Рыльскѣ и положеннаго въ Пафнутьевскомъ Боровскомъ монастырѣ (Старинная рукописная тетрадь о родѣ Волконскихъ, князя М. М. Голицына), племянница Семена Романовича, тоже участвовавшаго въ походѣ изъ Рыльска противъ Крымскихъ Татаръ въ передовомъ полку при князѣ Бѣльскомъ, въ головахъ въ 1560 году, и князя Андрея Романовича, служившаго въ Торопцѣ, Заволочьѣ у построки Бѣлогорода на Донцѣ, въ Черниговѣ, головой въ Ливнахъ, участвовавшаго въ походѣ противъ Шведовъ въ Соловецкомъ монастырѣ, воеводой въ Бѣлевѣ и оттуда извѣстившаго государя о приходѣ недруга государева царя Крымскаго въ 1598 г. У Анны Константиновны было три брата и двѣ сестры.

Изъ братьевъ самый извѣстный Григорій Константиновичъ, царскій любимецъ, много послужившій въ ратномъ и дипломатическихъ дѣлахъ, женатый на Аннѣ Андреевнѣ роду Зюзиныхъ, скончавшійся въ 1633 году, а самый доблестный—Михаилъ Константиновичъ, прозванный Хромымъ: строилъ городъ Березовъ, воевода въ Тобольскѣ, въ 1605 г. въ передовомъ полку при войскахъ кн. М. Д. Пожарскаго; посланъ вторымъ воеводою въ Боровскъ, съ товарищами Яковомъ Змѣевымъ и Аѳанасіемъ Челищевымъ. Въ 1605 году пришелъ подъ Боровскъ второй самозванецъ и приступилъ къ Пафнутьеву монастырю, въ которомъ Волконскій заперся «со многими войсками», и никакъ не могъ онымъ монастыремъ обладать. Въ ту пору Яковъ Змѣевъ и Аѳанасій Чилищевъ измѣнили и отперли злодѣю врата. Князя Михаила уговаривали послѣдовать ихъ примѣру, но онъ сказалъ: «Хочу умереть за государство и за вѣру», и удалившись въ церковь сталъ обороняться у дверей, сколько силъ у него стало; наконецъ, изнемогая отъ многочисленныхъ ранъ, упалъ безъ дыханія у лѣваго клироса церковнаго. До 10.000 человѣкъ были перебиты непріятелемъ; когда онъ удалился, и уцѣлѣвшіе монахи стали служить панихиду по князѣ Михаилѣ Константиновичѣ, то кровь его выступила изъ могилы, и съ того мѣста, гдѣ онъ былъ убитъ, никогда не могли ее отмыть (старинная лѣтопись Пафнутьевскаго монастыря *). Упоминаемая въ рукописной родословной князей Волконскихъ, княгиня его Агаѳья Александровна, изъ рода князей Воротынскихъ, и дочь его Елисавета постриглись въ монахини. Кромѣ этой дочери, у него было 8 дѣтей: Андрей скончался 25 лѣтъ, Константинъ, Михаилъ умерли въ младенчествѣ, Левъ, Татьяна за Григоріемъ Петровичемъ Порошениновымъ, Прасковья за княземъ Григоріемъ Венедиктовичемъ Оболенскимъ (сынъ окольничаго Венедикта Андреевича, ум. 1651, братъ Матвѣя и Григорія (Р. Родословная кн. Долгорукова, стр. 79—80), Аграфена за спальникомъ Иваномъ Юрьевичемъ Боборыкинымъ, Анна за княземъ Сергѣемъ Хованскимъ.

Третій братъ Анны Константиновны Ѳедоръ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой, сестрѣ Юрія Алексѣевича Долгорукова, женатаго въ первый разъ на Еленѣ Васильевнѣ Морозовой, сестрѣ княгини Черкасской, вторично на Евдокіи Петровнѣ Шереметевой, рожденной княжнѣ Пожарской, убитъ стрѣльцами въ 1680 году, и Дмитрія Алексѣевича Долгорукова, женатаго четыре раза.

*) Пафнутьевскій монастырь въ Калужской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ города Боровска.

Первая жена его была сестра царицы Маріи Ильиничны Милославской (Р. Родословная кн Долгорукова, 88), его дѣти: Иванъ, Михаилъ, Юрій стольники-коровайники на свадьбѣ Евдокіи Лукьян. (Д. Р., 768). Сестры Анны Константиновны были въ замужествѣ: Авдотья за окольничимъ Петромъ Матвѣевичемъ Бутурлинымъ, Аграфена за княземъ Василіемъ Александровичемъ Прозоровскимъ, стольникомъ при Іоаннѣ Грозномъ въ 1577 году. (Воевода въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ 1589. Владѣлъ сельцомъ Бурцовымъ, на Малой Пахрѣ. У нихъ четверо дѣтей, двоюродные братья и сестры царицы Евдокіи Лукьяновны).

1) Иванъ убитъ подъ Москвою отъ Литовскихъ людей въ смутное время.

2) Семенъ стольникъ, воевода, окольничій, бояринъ и дворецкій. Защищалъ три мѣсяца въ 1613 году городъ Тихвинъ отъ Шведовъ. Сосланъ за сдачу Смоленска въ 1634, но вскорѣ прощенъ. Постригся въ Тихвинѣ монастырѣ подъ именемъ Сергія, ум. 14 Сент. 1660 года (у него семеро дѣтей, двоюродные племянники царицы Евдокіи Лукьяновны). Иванъ воевода въ Астрахани. Его желаніе получить шубу отъ Стеньки Разина, готоваго молить о прощеніи Алексѣя Михайловича, повлекло разгромъ Астрахани Стенькой, который велѣлъ свергнуть Ивана съ соборной колокольни (кн. Прозоровскіе, М. М. Голицына) Сыновья его, Борисъ Ивановичъ старшій, 14 лѣтъ, повѣшенъ за ноги 22 Іюня 1670 года; другой сынъ, Борисъ Ивановичъ младшій, 11 лѣтъ, тоже повѣшенъ за ноги, но снятъ съ висилицы и возвращенъ матери своей Прасковьѣ Өеодоровнѣ, рожденной Лихачевой, ум. 14 Янв. 1687 г.; дочь Акилина Ивановна, исцѣленная 12 лѣтъ отъ слѣпоты, постриглась въ Алексѣевскомъ монастырѣ съ именемъ Александры. Марөа Ивановна: 1) за Лобановымъ-Ростовскимъ, 2) за П. И. Салтыковымъ). Петръ большой Семеновичъ, ум. 1669, посолъ въ Англію. Михаилъ Семеновичъ, стольникъ, рында, убитъ въ Астрахани Стенькой Разинымъ 22 Іюня 1670 г.; Петръ Семеновичъ меньшой 1691 г., женатъ на Иринѣ Алексѣевнѣ Мусиной - Пушкиной; Александръ Семеновичъ, стольникъ, ум. 1668 г.

Евдокія Семеновна за бояриномъ Яковомъ Куденезовичемъ Черкасскимъ. Пріѣзжая боярыня къ Евдокіи Лукьяновнѣ, которой доводилась двоюродной племянницей.

Домна Семеновна: 1) за бояриномъ Михаиломъ Ивановичемъ Морозовымъ, 2) за окольничимъ Хитровымъ.

3) Матвѣй Васильевичъ Прозоровскій, двоюродный братъ царицы Евдокіи Лукьяновны, воевода, ум. 1670 холостымъ.

4) Гликерія Васильевна за княземъ Романомъ Ѳеодоровичемъ Троекуровымъ.

*

Царицынъ поѣздъ остановился передъ Вознесенскимъ монастыремъ. Маленькая сгорбленная старушка, со сдвинутыми густыми бровями, сосредоточеннымъ выраженіемъ небольшихъ свѣтлыхъ глазъ, съ выдающейся нижней губой, вышла, опираясь на клюку, навстрѣчу царицѣ въ переднюю (пріемную), окруженная сонмомъ монахинь, боярынь и боярышень; на старческихъ худенькихъ рукахъ обмотаны четки и сверкаютъ перстни съ крупной сердцеобразной бирюзой и граненымъ краснымъ яхонтомъ. Темная ея ряска на пуговкахъ почти покрыта черной въ сборахъ шубой, накинутой на плечи. Среди монахинь выдѣляется довѣренное лицо, старица Олена Языкова; между боярынями Марья Юрьевна Головина и казначея Анна Сумина; боярышни въ низенькихъ шапкахъ, опушенныхъ мѣхомъ, серьгахъ и въ богатыхъ парчевыхъ опашняхъ, съ огромными пуговицами (Лиц. пол. свад. Ев. Л.) Послѣ первыхъ привѣтствій, князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ принялъ у Гаврилы Облѣзова и Булгака Милованова царицины дары и явилъ ихъ великой старицѣ. Первое мѣсто занимали три золоченыхъ кубка съ покрышками, въ 35 р. и 25 рублей, затѣмъ слѣдовали всевозможныя матеріи въ кускахъ; бархаты черный, лазоревый; атласъ: вишневый, черный, камка куфтерь багровая, таусинная, черная; камка одомашка красно-вишневая, зеленая, черная, таусинная (темно-синяя); объярь гвоздичная, байберекъ (ткань изъ крученаго шелка въ узорахъ) зеленый и черный; тафта веницейка таусинная; всего 139 аршинъ въ 14 кускахъ (изъ которыхъ только четыре были чернаго цвѣта) и три сорока соболей, въ 65, 60 и 40 рублей.

Марѳа Ивановна приняла дары своей молодой снохи, но спустя четыре дня отправила обратно въ государеву казну черезъ дьяка Сурьянина Тараканова всѣ соболя, кубки и лазоревый бархатъ (Д. къ Дв. Разр., 443). Марѳа Ивановна не любила роскоши и вообще рѣдко когда принимала дары. Еще въ Ноябрѣ 1614 справила она свое новоселье въ покояхъ при Вознесенскомъ монастырѣ; 7 дверей, большія ставни и 6 оконъ были, какъ и у царицы, обиты краснымъ сукномъ; подушечка для скамьи была изъ темно-синяго киндяку (Б. Р. Ц., 55), два небольшихъ зеркальца (771) украшали стѣны. Намъ извѣстны два ларца: ларецъ по зеленой землѣ, травы писаны разными красками (№ 771, М. Арх. М. Двора), ларецъ кипарисный, окованъ Нѣмецкимъ желѣзомъ, поклонная ея колодочка обита чернымъ сукномъ; одѣяло изъ хребтовъ песцовыхъ, крытое зенденью темно-синею; огри-

вокъ (полоса у верхняго края) зендень темно-зелена (Б. Р. Ц—цъ, 53) и наволока изъ адамашки червчатой. Она умѣла читать, и молитвенникъ ея, Псалтирь рукописная съ слѣдованіемъ, и книга Василія Великаго были оболочены синимъ сафьяномъ (Б. Р. Ц—цъ, 58). Не смотря на свою замкнутую жизнь въ кельяхъ Вознесенскаго монастыря, Мароа Ивановна зорко, съ живымъ интересомъ, слѣдила за всѣми мелочами царицына быта. Отъ многихъ ларцовъ царицы у нея ключи; драгоцѣнный дѣвичій вѣнецъ Евдокіи Лукьяновны хранится подъ ея печатью. Духовникъ Мароы Ивановны, изъ монаховъ, часто совершаетъ церковныя требы, не только у царицы вверху, но и при ея посѣщеніи Московскихъ святынь; дьякъ Сурьянинъ Таракановъ, состоявшій все время при ней, приставленъ и къ царицѣ. Не смотря на свои годы и расшатанное здоровье, Мароа Ивановна всегда сопутствуетъ сыну съ женой во всѣхъ ихъ частыхъ богомольяхъ, какъ дѣлала она это до его женитьбы; ѣздитъ съ Евдокіей Лукьяновной по Московскимъ церквамъ и въ свое родовое село Рубцово-Покровское. Когда у царицы пойдутъ дѣти, старица окружитъ ихъ близкими къ себѣ лицами (Хрущовъ, К. И. Романова).

Лишь только улеглась суета брачныхъ пировъ, Мароа Ивановна предпринимаетъ со снохою большую сложную работу: вышивку ризъ. Надъ ихъ алыми оплечьями и подолами, низанными жемчугомъ, по узору, составленному знаменщикомъ Петромъ Ремезовымъ, одновременно работаютъ монашенки Вознесенскаго монастыря, мастерицы въ царицыной свѣтлицѣ, подъ надзоромъ свѣтличной боярыни Авдотьи Коркодиновой, и сама царица въ своихъ покояхъ (Б. Р. Ц—цъ, 71; № 211, М. Арх. М. Двора, л. 172). Такимъ образомъ Евдокія Лукьяновна, съ минуты своего избранія, подпадаетъ подъ вліяніе своей мудрой, властолюбивой и много испытавшей скорбей и превратностей свекрови. Всѣ радости въ жизни были сразу выхвачены изъ жизни Мароы Ивановны: совсѣмъ юной она лишена безвозвратно постригомъ мужа и разлучена надолго съ дѣтьми; это дало мрачное, аскетичное направленіе ея уму и сердцу, и подобное же направленіе вводитъ она въ жизнь молодой царицы, которая является, ради этого, и строже, и замкнутѣе жизни предшествующихъ ей царицъ: тѣхъ хоть изрѣдка можно было видѣть въ церкви, на торжественныхъ богослуженіяхъ, какъ напр. Марію Годунову, при избраніи ея мужа, или при пріемѣ пословъ, какъ Ирину Ѳеодоровну. Непроницаемая завѣса, отдѣлявшая царицу Евдокію отъ взора ея подданныхъ, лишь однажды приподнялась подъ стрѣлою Ивана Никитича Романова, на другой день свадьбы, и вновь опустилась навсегда. Брачнымъ пиромъ, на которомъ

рядомъ съ царемъ возсѣдала она за золотымъ «княжьимъ» столомъ, во всемъ блескѣ царскаго величія и женской красоты, и заканчивается ея появленіе въ народѣ; отнынѣ она недоступна ничьему постороннему взору, и Мейербергъ въ своихъ Запискахъ замѣчаетъ, что на Руси изъ тысячи придворныхъ едва ли найдется одинъ, который можетъ похвалиться, что видѣлъ царицу. Гдѣ бы она ни была, куда бы ни двинулась, вѣчныя стѣны, перегородки, завѣсы, ковры отчуждаютъ ее отъ остальнаго міра; шествуетъ ли она пѣшкомъ на богомолье, надъ нею и по бокамъ рястягиваютъ и несутъ полотнища краснаго сукна; идетъ ли въ свою домовую церковь, она скрыта за перегородкою, въ которой продѣлана щель величиною съ палецъ (Веберъ, 232); ѣдетъ ли въ монастырь, окна ея каптаны со всѣхъ сторонъ ревниво задергиваются тафтой, да и путешествія эти предпринимаются когда весь городъ погруженъ въ покой, ночью, или когда чуть забрезжитъ разсвѣтъ, при чемъ всѣхъ богомольцевъ удаляютъ изъ храма.

Жизнь молодой царицы была существованіемъ затворницы; среди разъ на всегда установленныхъ порядковъ не оставалось мѣста выбору, надо было войдти въ тѣсную раму монастырскаго дворцоваго этикета, гдѣ каждый шагъ, малѣйшее движеніе были предусмотрѣны и направлены по неизмѣнному образцу, гдѣ такой пустякъ, какъ нежеланіе румяниться княгини Черкаской, казался вольнодумнымъ отступленіемъ отъ родныхъ обычаевъ и воздвигалъ цѣлую бурю протеста. Ничего не оставалось дѣлать какъ покориться и идти по тѣсной монотонной, проложенной столькими безличными и безропотными женскими поколѣніями тропѣ и привыкать къ новой жизни. Единственнымъ просвѣтомъ въ этой душной неволѣ являлись: молитва и милостыня; предаваясь имъ, царица обрѣтала свободу духа; только на этомъ поприщѣ и могла проявиться личность царицы: въ ослабленіи или ревностномъ исполненіи этихъ правилъ. Евдокія Лукьяновна усилила ихъ, ибо эта духовная стихія оказалась какъ разъ по ея сердцу, и она осуществила собою свѣтлѣйшій идеалъ Русской благочестивой и милосердной царицы. Переломъ однако былъ великъ: изъ бѣдности очутиться въ сказочной роскоши, изъ служанки стать царицей, послѣ сравнительной свободы, которою могла пользоваться сѣнная дѣвушка въ боярскомъ домѣ, быть теперь почти замуравленной въ золотой палатѣ.

«У царя и царицы покои свои особые»... На государевомъ постельномъ дворѣ стояли съ сѣверной стороны деревянныя хоромы царя и царицы. Царицыны были воздвигнуты для предшественницы Евдокіи Лукьяновны, царицы Маріи Владимировны осенью, 1625 года. Рубили

ихъ плотничьи старосты, первый Исаевъ и Яковъ Ѳоминъ съ сорока двумя плотниками, «Якуша съ товарищи»; ценинные печи (изъ голубыхъ изразцовъ) ставилъ въ нихъ Мартышка Васильевъ, и приставами у царицыныхъ хоромъ при работахъ состояли дѣти боярскія Нифонтъ Волковъ, да Афонька Спиридоновъ. За эту постройку государь пожаловалъ плотничьихъ старость по 4 аршина сукна Аглинскаго темносиняго, цѣна по рублю аршинъ; плотниковъ и печника по 4 аршина безъ чети сукна настрофилю лазореваго, цѣна по 2 рубля портище, т. е. кусокъ. (Доп. къ Д. Р., 358, 398), а приставовъ по 8 аршинъ камки цвѣтной травной шелкъ червчатъ, да желтъ, цѣна по 21 алтыну 4 деньги аршинъ, да по 4 арш. сукна кострышу темносиняго, цѣна по 3 рубля портище (№ 280 М. Арх. Мин. Двора). Покои эти состояли, вѣроятно, по принятому обычаю изъ сѣней теплыхъ, передней или пріемной, крестовой (молельни) и спальни (Б. Р. Ц., 72). Хоромы соединялись проходной палатой съ постельнымъ крыльцомъ (Вивліоѳика III, 152). Въ проходныхъ сѣняхъ было четыре двери обитыя алымъ сукномъ (Б. Р. Ц., 447). Кромѣ этихъ покоевъ для царицы Маріи Владимировны была поставлена избушечка позади царицыныхъ хоромъ (№ 632, л. 23) и строилась по приказу государыни великія старицы иноки Марѳы Ивановны (№ 632, л. 21). Только объ этой постройкѣ и сохранились подробныя указанія. Она состояла изъ девятиаршиннаго еловаго сруба, бревна котораго были переложены мхомъ, въ 6 оконъ со слюдными оконцами, крытымъ входомъ и пристройками съ обѣихъ сторонъ чулана и столчака (отхожее мѣсто); печь и труба были изъ жженаго крупнаго кирпича. Внутренность избушки была на чисто отдѣлана съ потолкомъ и скамьями; двери и рамы были опушены красной кожей, рамы кромѣ того обиты алымъ сукномъ; такое же сукно было подложено подъ желѣзныя украшенія дверей (№ 210). У двери въ сѣняхъ кольца и жиковины (продольныя полосы) были черныя, другія жиковины были луженыя, кромѣ того у трехъ дверей (въ избушку, сѣни и чуланъ) были луженые крюки, скобы, по закладной трехзвенной цѣпи и плоскому засову; 50 гвоздей «красныхъ» (т. е. съ украшеніями) довершали сложную отдѣлку тогдашнихъ дверей (№ 632, л. 34). Все зданіе было крыто скалой (тесомъ). Вокругъ избушечки былъ устроенъ подборъ (родъ заваленки), а спереди помостъ изъ досокъ (№ 632, л. 31).

Отъ 2 до 6 Ноября дворцовый плотничій Первушо Исаевъ и 10 человѣкъ плотниковъ получаютъ: первый по 10 денегъ, остальные по 8. Съ 6 до 9 Ноября старостѣ платятъ по 8 денегъ, плотникамъ по 6 денегъ; 9 Ноября работаютъ 13 плотниковъ; 10 Ноября 15 человѣкъ ставятъ государынѣ избушку позади царицыныхъ хоромъ; отъ

11 до 17 Ноября 16 рабочихъ ставятъ государынину новую избушку; «отъ 18 до 24 Ноября 16 человѣкъ дѣлаютъ и кроютъ государынину новую избушку». Одновременно спѣшно шли и другія работы по этой постройкѣ. «Да извощикамъ Родкѣ Семенову съ товарищи отъ 100 возовъ земли за провозъ по 6 денегъ отъ воза», да ярыгамъ отъ земляныя носки по уговору 2 рубля съ полтиною». (Ноября 3) «а извощики къ той избушкѣ возили землю, а ярыги волочили ту землю на потолоки». Ноября въ 17 день, по приказу стряпчаго съ ключомъ, Ивана Ивановича Чемоданова, «лѣснику Ивану Якимову сыну Холщевылку за срубъ словой на 23 вѣнцахъ 3-хъ саженъ съ углы, торгомъ 13 рублевъ, да отъ того струба за провозъ 2 рубли и обоего 15 рублевъ дано. А взятъ тотъ срубъ на избушку государынѣ великой старицѣ Мароѣ Ивановнѣ и поставленъ позади царицныхъ хоромъ. И плотничій староста Первуша Исаевъ». Здѣсь страннымъ кажется, что избушечка предназначается для великой старицы, хотя считалась государыниной; можетъ, это описка; можетъ, считалась въ распоряженіи Мароы Ивановны *). «Того жъ дни въ каменный приказъ за 300 кирпичей жженнаго большаго по 7 алтынъ по 2 деньги за сотню, да за двѣ сотки извести по 2 гривны за бочку, и того рубль 2 алт. дано. А взятъ тотъ кирпичъ и известь ко государынинѣ избушкѣ на трубу. Имелъ царицынъ сынъ боярской Аѳонасій Кошкинъ. Тогожъ дни царицину сыну боярскому Оѳонасью Кошкину 1 рубл. 12 алт. дано. А Оѳонасей на тѣ деньги купилъ въ ряду 2 юфти барановъ красныхъ по 6 алтынъ за юфть, да 20 ременевъ по 2 деньги ремень, да 20 колодокъ гвоздей по 2 деньги колодка. А взяты тѣ бороны и ремень и гвоздьи ко государынинѣ избушкѣ къ дверямъ и къ окнамъ на опушку. Тогожъ дни торговому человѣку Оѳонкѣ Иванову сыну Бурашу за 8 возовъ моху по 12 алтынъ за возъ, итого 2 рубли 29 алтынъ 2 деньги дано. А взятъ тотъ мохъ къ государынинѣ новой избушкѣ на мшенье. Ималъ плотничей староста Первушо Исаевъ. Тогожъ дни царицину сыну боярскому Оѳонасью Кошкину 2 гривны дано; а онъ тѣ деньги далъ извощикамъ за провозъ отъ 300 кирпичу, который кирпичъ возили къ государынинѣ избушкѣ. Ноября въ 18 день царицину сыну боярскому Оѳонасью Кошкину 8 денегъ дано; а онъ тѣ деньги далъ извощикамъ провозу отъ 2 бочекъ извести, которую возили къ государынинѣ избушкѣ. Тогожъ дни царицину сыну боярскому Оѳонасью Кошкину за 200 кирпичу жженаго, что̀ онъ далъ въ каменный приказъ 14 алт. 4 деньги, да извощикамъ отъ того кирпичу за провозъ 5 алт., да ему жъ за возъ песку, а отъ того песку за

*) Но вѣрнѣе, что одновременно съ царицыной избою ставили избушку и Мароѣ Ивановнѣ; ибо царицыну избу крыли раньше.

провозъ 17 алт. 2 деньги дано. А взять тотъ кирпичъ и песокъ государынининой избушкѣ къ печному дѣлу. Того-жъ дни торговому человѣку Петрушѣ Ѳеонасьеву за 10 колодокъ гвоздей по 2 деньги за колодку, итого гривна, да за 10 ременей по 2 деньги за ремень, и обоего 2 гривны дано. А взято то гвоздье и ремень въ государынинѣ въ новой избушкѣ обивать двери. Ноября 25 оконничнику Савкѣ Микитину за 6 окончинъ слюденыхъ по 3 алт. за окончину, итого 18 алтынъ дано. А взяты тѣ окончины въ государынину въ новую избушку. Ноября 30 дня царицину сыну боярскому Ѳеонасью Кошкину 12 алт. дано, и онъ тѣ деньги далъ ярыгамъ, Ноября съ 23-го Ноября жъ по 25 числа найму по алтыну человѣку на день. Носили ко государынину печному дѣлу въ новую избушку кирпичъ и глину. Того жъ дни подвящику да 2 человѣкамъ каменщикамъ, да ярыгамъ 5 человѣкамъ Ноября съ 25 числа на 4 дни на кормъ подвящику и каменщикамъ по 8 денегъ, а ярыгамъ по 6 денегъ человѣку на день, итого рубль 2 алт. 4 деньги дано. Дѣлали въ той же новой избушкѣ у печи трубу. Декабря въ 12 день по цѣновной памяти лѣснаго ряду торговому человѣку Мишѣ Семенову за 100 бревенъ 3-хъ саж. съ провозомъ 6 рублей, да за 13 доскъ лавочныхъ 3-хъ саж. съ провозомъ по 9 алт. за доску, да за 7 доскъ 2-хъ саж. съ провозомъ по 4 алт. по 2 деньги за доску, да за 100 скалъ рубль 6 алт. и 4 деньги, да за 7 доскъ полуторныхъ съ провозомъ по 4 алт. за доску, и всего за бревна и за доски и за столы 12 р. 15 алт. 2 деньги дано. А взяты тѣ бревна ко государынинѣ новой избушкѣ на подборъ и на нижній мостъ, а доски на лавки и на мостъ и на чуланъ, а скала къ той же избушкѣ на кровлю. Староста и печники дѣлали въ государынинѣ въ новой избушкѣ печь, а ярыги къ тому печному дѣлу носили кирпичъ и глину, а кирпичъ и печь образцовъ и глина пошли на тужъ печь. Ноября въ 12 день къ великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Владимировнѣ отпущено къ новой избушечкѣ на дверь, да на окна, да подъ крюки полсема аршина сукна настрофилю червчатаго, цѣна по штинадцати алт. по 4 ден. аршинъ дано. Взялъ сукно царицинъ сынъ боярской Ѳеонасей Кошкинъ (№ 210, М. Арх. М. Двора). Ноября въ 25 день отпущены къ государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Владимировнѣ въ новую избушечку на двери, да на два окошка да подъ крюки 3 арш. 6 верш. сукна настрофилю червчатаго, цѣна по 20 алтынъ аршинъ дано. Взялъ сынъ боярской Дружина Бойковъ (№ 210, М. Арх. М. Двора).

Въ этой-то избушечкѣ Евдокія Лукьяновна кушаетъ, выйдя изъ мыльни на другой день свадьбы, въ присутствіи ближнихъ боярынь. Двери и окна въ большихъ хоромахъ были тоже обиты сукномъ: «въ

государынины новыя хоромы на двери и на окна отпущена половинка сукна багрецу червчатаго въ мѣрѣ 19½ арш. 20 руб., да въ прибавку 10 арш. сукна по 36 алт. 4 деньги, да 3 барана чермныхъ 16 алт., взяты изъ ряду» (Б. Р. Ц-цъ, 62).

Но не долго постоялъ этотъ дворецъ; весною 1626 года онъ сгорѣлъ до тла, да и то не все время былъ обитаемъ и между кончиною Марьи Владимировны и нареченіемъ Евдокіи Лукьяновны пустовалъ болѣе года. Марья Владимировна прожила въ немъ всего 110 дней, съ 19 Сентября до своей кончины 6 Января. Евдокія Лукьяновна пробыла въ немъ еще меньше: всего 83 дня, съ 2 Февраля, когда ее ввели царевной-невѣстой, до 26 Апрѣля, когда съ царемъ она выѣхала на богомолье въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру. 3 Мая отъ дворца осталась груда пепла; онъ прослужилъ обѣимъ царицамъ Михаила Ѳеодоровича всего 193 дня, да пустовалъ 392 дня.

Долговѣчнѣе деревянныхъ хоромъ оказалась царицына меньшая золотая каменная палата, назначенная для торжественныхъ пріемовъ государыни. Она стоитъ въ углу площади между Грановитой палатой и церковью Положенія честныя ризы Пресвятой Богородицы (противъ западныхъ дверей Успенскаго собора) и до сего дня; выходитъ окнами къ церкви Печерской Божьей Матери (Археол. г. Москвы, 1319) и крытыми переходами соединялась съ деревянныхи хоромами царицы. Воздвигъ ее царь Ѳеодоръ Іоанновичъ для своей царицы Ирины Ѳеодоровны (Б. Р. Ц., 51). Палата эта, крытая мѣдною кровлею (Б. Р. Царей), имѣла 13 аршинъ длины и 14 ширины; освѣщалась шестью окнами; высотою въ 3, шириною въ 2 аршина, со слюдяными окончинами и желѣзными рѣшетками (Археол. г. М., 1286). Печь въ ней была ценинная (съ голубой поливой), длиною сажень, поперекъ 2 аршина; полъ косящатый дубовый, по стѣнамъ лавки, три двери, одна пошире, двѣ поуже. Стѣны и потолокъ расписаны по золотому фону. Сводъ золотой палаты казался облитъ золотомъ, украшенъ драгоцѣнными изображеніями, и сдѣланъ до того искуснымъ образомъ, что въ немъ былъ какой-то чудный отголосокъ (звонко отзывались въ немъ тихія слова). На немъ видны были многія роскошныя украшенія: деревья, виноградныя кисти, Родосскія ягоды и разнаго рода птицы. Посрединѣ (свода) находился левъ, который въ пасти держалъ кольцомъ свитаго змѣя, отъ котораго спускались внизъ многіе художественно сдѣланные (на подобіе корзинъ, Б. Р. Ц., 180) и богато украшенные подсвѣчники. Стѣны кругомъ украшены были драгоцѣнною иконописью, съ изображеніемъ дѣяній святыхъ и ликовъ ангельскихъ, мучениковъ и іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ царицы ярко горѣла

каменьями драгими большая икона Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, и вокругъ Ея лики св. угодниковъ въ златыхъ вѣнцахъ, по коимъ разсыпаны жемчугъ, и яхонты и сафиры. Полъ устилался Персидскими коврами, ткаными шелкомъ и золотомъ. Дверь была золотая (1599 года, Б. Р. Ц—цъ, 367—368). «У этой палаты сѣни длиною 4 сажени, поперекъ 5 саженей съ полуаршиномъ, въ нихъ два окошка, вышиною 3 арш., ширина по полъ 2 аршина», рѣшетки желѣзныя (Археол. г. М., 1310); полъ насланъ лещадьми аршинными; въ тѣхъ сѣняхъ въ сводахъ двѣ связи желѣзныя (Археол. г. М., 1310). Сѣни эти назывались жилецкими или проходными, ибо въ нихъ была дверь, ведшая съ большой постельной площади, и сквозь нихъ проходили на переходы задняго или постельнаго государева двора, на которомъ стояли деревянные хоромы царицы (Б. Р. Ц., 70). Въ 1626 году надъ золотою палатою воздвигли церковь во имя св. мученицы Евдокіи, впослѣдствіи переименованную въ Воскресеніе Словущее или Живоносное Воскресеніе (Б. Р. Ц., 73); длина алтарю, и церкви, и трапезы 23 аршина, поперекъ 12 аршинъ, въ ней 9 окошекъ; вышиною 2 аршина съ четью, ширина пол—2 аршина, рѣшетки и окончины въ нихъ слюденыя купчатыя, полъ дубовый сырчатый. У той церкви 2 двери обиты сукномъ, вышина тѣмъ дверямъ сажень, поперекъ 2 аршина, да двѣ двери столярныя расписаны; той же мѣры входная дверь, съ изображеніемъ на ней 8 Сивиллъ (Ратшинъ, 343), «а въ той церкви святыхъ иконъ иконостасовъ украшеніе многое» (Археол. г. М., 1309); «иконостасъ состоитъ изъ богатой рѣзьбы и представляетъ блестящее смѣшеніе позолоты, серебренья и яркихъ красокъ, дающихъ ему видъ фарфора и перламутра» (Ратшинъ, 342). Между мѣстными иконами образъ Корсунскія или Ефесскія Божьей Матери (привезенный позже ц. Алексѣемъ изъ Полоцка) и Владимирскія Богородицы. За престоломъ Распятіе въ ростъ человѣческій; паникадило украшено часами, хоры рѣзьбою съ позолотою и живописью (Ратшинъ, 343). Десять лѣтъ спустя, подмастерье каменныхъ дѣлъ Боженко Огурцовъ выстроилъ соборъ во имя Спаса Нерукотвореннаго, что̀ вверху, противъ золотого крыльца, украсилъ его золотыми главами и подвелъ подъ одну кровлю съ Евдокіинской церковью; длина алтарю церкви и трапезѣ по 8 саж., поперекъ 3 саж. съ четвертью, въ ней 6 окошекъ (вышина 2 арш., поперекъ аршинъ), въ нихъ ставни обиты сукномъ краснымъ, рѣшетки желѣзныя купчатыя, 2 двери деревянныя, обиты сукномъ краснымъ; въ трапезѣ печь ценинная сырчатая, длина 2 арш., поперекъ 2 арш. съ четвертью. Стѣны расписаны живописью; полъ дубовый деревянный косящатый (изъ деревянныхъ кирпичиковъ, вкось положенныхъ), въ алтарѣ печь круглая ценинная (Археол. г. М., 1310).

Изъ мѣстныхъ иконъ замѣчательны: 1) Нерукотворенный Спасъ, комнатная икона Софіи Ѳоминичны, привезенная ею изъ Рима; на немъ былъ старинный золотой окладъ съ финифтью. 2) Явленная икона Пресвятой Богородицы Новоникитская. 3) Логина Сотника, завѣщанная вел. кн. Василіемъ Темнымъ своимъ наслѣдникамъ (Ратшинъ, 341—342). У собора Спаса Нерукотвореннаго былъ придѣлъ во имя Св. Іоанна Бѣлгородскаго (Ратшинъ, 340). Кругомъ этихъ церквей шла паперть въ 38 саженей, съ каменными перилами; съ нея былъ деревянный сходъ къ Успенскому собору (Археол. г. М., 1308). Передъ соборомъ Спаса и золотою палатою находилась площадка, которая въ 1670 г. украсилась рѣшеткой, перелитой изъ мѣдныхъ денегъ (вызвавшихъ бунтъ), вслѣдствіе чего соборъ сталъ именоваться Спасомъ за золотою рѣшеткой. Напротивъ золотой палаты, черезъ сѣни (Археол. г. М., 1311), находились двѣ мастерскія палаты царя и царицы, а черезъ площадь на сводахъ (Арх. г. М., 1278) царская золотая палата; подъ этими сводами въ пяти палаткахъ (маленькихъ палатахъ) жили протопопъ и пѣвчіе (Археол. г. М., 1278). Царицыно крыльцо находилось около мастерской палаты, между двумя погребами (Археол. г. М., 1280) и двумя площадками, мѣрою 4 сажени, поперекъ 7 аршинъ, помощеными жженымъ кирпичемъ (Археол. г. М., 1296); подъ самой золотой палатой находились винные погреба (Археол. г. М., 1279).

Вмѣстѣ съ золотою царицыной палатой была сооружена царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ церковь во имя святой великомученицы Екатерины, освященная 8-го Января 1597 года (Археол. г. М., 1212), вновь выстроенная послѣ пожара 1627 года палатнымъ мастеромъ Джономъ Талеромъ и освященная 1 Ноября 1628 года; она была въ смежности съ церковью Ризъ Положенія и соединялась съ нею лѣстницей и темнымъ переходомъ, простирающимся на постельное крыльцо (Ратш., 339). Длина алтаря церкви и трапезы пол-10 сажней, поперекъ 3 сажени; въ ней 9 оконъ, мѣрою 8 оконъ по пол-3 аршина, а шириною по два аршина безъ чети, а одно окно высотою въ пять арш. безъ чети, поперекъ 2 арш. безъ чети; въ нихъ рѣшетки желѣзныя, окончины слюдяныя; 3 двери столярныя, въ томъ числѣ двѣ вышиною по 3 аршина съ четвертью, шириною пол-2 аршина; полъ косящатый дубовый, алтарь, и церковь, и трапеза подписаны левкасомъ; около клиросовъ рѣшетки желѣзныя, на клиросахъ изображенія Сивиллъ (Ратшинъ, 339; Археол. г. М., 1306—1307). Въ числѣ мѣстныхъ иконъ замѣчательны древностью своей образа мученицъ Екатерины и Евдокіи, и Іоасафа царевича Индѣйскаго (Ратшинъ, 339). Отъ Екатерининской церкви шла каменная лѣстница къ теплой трапезѣ церкви Ризъ Положенія, что̀ на сѣняхъ (Арх. г. М., 1307), бывшая митрополичьей

церковью до царствованія Алексѣя Михайловича, когда причислена къ царскому двору (Ратшинъ, 337); она часто называется Печерскою, по часовнѣ съ иконою Печерской Божьей Матери, выстроенной у ея южной стѣны (Ратшинъ, 338). Около церкви св. Екатерины была паперть длиною въ 23 сажени, поперекъ 4 арш., съ перилами, настланная лещадьми (Археол. г. М., 1306—1307) и садъ въ 18 арш. длины и 9 арш. ширины, на столбахъ; промежъ столбовъ были погреба (Археол. г. М., 1318). Сады дворцовые разбивались на нѣсколько дорожекъ и грядъ; дорожки были обложены раскрашенными узорчатыми досками, въ грядкахъ благоухали тюльпаны, махровые піоны и душистая гвоздика (Б. Р. Ц., 81). Евдокія Лукьяновна была большой любительницею цвѣтовъ, и для нея Михаилъ Ѳеодоровичъ выписывалъ даже луковичныя растенія изъ Персіи (Арх. княгини Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой); кромѣ того, въ саду висѣли клѣтки съ соловьями и перепелками (Б. Р. Ц., 81). Отъ церкви св. Екатерины, подлѣ мастерской палаты и Рождественскаго собора, простиралась длинная площадка на сводахъ, въ 41 сажень длиною, вплоть до старыхъ аптекарскихъ палатъ (Археол. г. М., 1313). церковь Рождества Богоматери, выстроенная св. Евдокіей, женой Дмитрія Донскаго, въ 1393 г. въ память побѣды надъ Мамаемъ; она «составляла западную часть каменныхъ теремовъ, которые на Востокъ оканчивались золотою царицыною палатою и верховыми церквами Нерукотвореннаго Спаса и великомученицы Екатерины» (Б. Р. Ц.); она примыкала къ деревяннымъ хоромамъ царицы, которые начинались отъ Екатерининской церкви и простирались до куретныхъ воротъ (Б. Р. Ц., 73). Мѣрою длина ризницѣ, алтарю церкви и трапезѣ 9 саженъ, поперекъ полъ 5 саженъ, въ ней 24 окна съ рѣшетками желѣзными, окончины слюденыя, 4 двери деревянныя, обиты сукномъ зеленымъ, полъ выстланъ плитами желѣзными аршинными, печь ценинная сырчатая (Археол. г. М., 1313) съ лежанкою. Печь стоитъ въ трапезѣ. «Здѣсь, по преданію, царицы во время шестинедѣльнаго срока послѣ родовъ сквозь окно въ самую церковь слушали божественную службу» (Ратшинъ, 345). Подлѣ собора на 18 столбахъ были площадка (Археол. г. М., 1511) и сѣни, гдѣ стаивали съ кушаньемъ (въ 3 арш. съ ¼, въ 2 окна). Изъ тѣхъ сѣней дверь на крыльцо, по которому сходятъ къ Рождественскому собору на кормовой дворецъ.

Александра Милорадовичъ.

Большая часть рукописныхъ источниковъ для настоящаго труда любезно сообщена мнѣ завѣдующимъ Московскимъ Дворцовымъ Архивомъ С. Н. Кологривовымъ, за что свидѣтельствую ему мою искреннѣйшую благодарность. А. М.

МОСКВА И МАЛОРОССІЯ

въ управленіе Ордина-Нащокина Малороссійскимъ Приказомъ.

Достопамятное въ нашей исторіи царствованіе Алексѣя Михайловича ознаменовалось возсоединеніемъ южной Россіи, подъ державную руку Бѣлаго Царя. Это было событіемъ великой важности: оно рѣшило въ пользу нашу давнишній споръ съ Польшей. Но Московское правительство рѣшилось на это дѣло не безъ колебаній: оно влекло за собою тяжелую и упорную войну съ Польшею. Москва долго присматривалась къ ходу борьбы казаковъ съ Поляками, прежде́ чѣмъ принять ихъ въ свое подданство.

«Москва, пишетъ въ своей исторіи С. М. Соловьевъ, привыкла къ подобному положенію и подобному поведенію, потому что, какъ начала̀ себя помнить, слабая, окруженная всевозможными препятствіями, она должна была пробивать себѣ дорогу къ силѣ и величію осторожностью, выжиданіемъ, умѣніемъ пользоваться обстоятельствами. Войны съ Баторіемъ, Сигизмундомъ III, Владиславомъ, конечно, не могли заставить Московскаго государя измѣнить осторожной политики своихъ предшественниковъ».

Вступленіе на патріаршій престолъ знаменитаго Никона, получившаго властное значеніе въ совѣтахъ и рѣшеніяхъ царя, оказало несомнѣнное вліяніе на развязку этого вопроса. При новомъ патріархѣ, энергичная и страстная натура котораго была чужда всякихъ колебаній и полумѣръ, ходатайство Богдана Хмельницкаго должно было встрѣтить иной пріемъ, чѣмъ прежде, при вяломъ и слабодушномъ патріархѣ Іосифѣ. Никонъ, котораго царь, въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ св. Филиппа митрополита, лежа на землѣ и проливая слезы, долго умолялъ не отрекаться отъ предложеннаго ему патріаршества, наконецъ согласился съ тѣмъ, чтобы управлять паствой по всей своей волѣ. 25 Іюня 1652 года послѣдовало его посвященіе, и съ первыхъ же дней на всѣхъ дѣлахъ царства сказалось вліяніе «этаго сильнаго воина Христова», «крѣпкостоятельнаго пастыря и наставника душъ и тѣлесъ», какъ называлъ Никона въ своихъ къ нему письмахъ царь

Алексѣй Михайловичъ. Начиная съ осени этого, т. е. 1652 года, заминки въ дѣлѣ принятія казаковъ въ Московское подданство идутъ уже болѣе отъ Богдана Хмельницкаго, чѣмъ отъ Москвы.

Прибывшій въ Москву, въ Декабрѣ 1652 года, войсковой судья Самойло Богдановичъ, съ низкимъ челобитьемъ царю, на категорически предложенный ему вопросъ, подъ какими условіями гетманъ желаетъ вступить въ подданство Московскаго царя, отвѣчалъ уклончиво: «какъ быть гетману и войску Запорожскому подъ царскаго величества рукою, о томъ онъ не вѣдаетъ, и отъ гетмана о томъ ничего не наказано; вѣдаетъ то гетманъ. Ему же, войсковому судьѣ, наказано только бить челомъ царскому величеству, чтобы онъ отъ нихъ своей государевской милости не отдалялъ и непріятелямъ ихъ Полякамъ помощи не давалъ».

Но съ наступленіемъ 1653 года мысли Богдана перемѣнились. Въ началѣ этого года Чарнецкій, одинъ изъ лучшихъ Польскихъ полководцевъ и злѣйшій врагъ Хмельницкаго и казаковъ, ворвался въ Украйну и сильно ее опустошилъ. Поляки вооружились. Въ Молдавіи старому Хмелю надо было защищать своего свояка Лупулу отъ тѣснившихъ его враговъ, и вотъ въ Апрѣлѣ 1653 года прибыло отъ гетмана въ Москву новое посольство, на этотъ разъ съ самими рѣшительными предложеніями подданства казаковъ и съ грамотами отъ Хмельницкаго къ патріарху Никону и къ боярамъ. На этотъ разъ въ Москвѣ прежняго колебаніи не обнаружилось, и вопросъ, говоря современнымъ языкомъ, былъ рѣшенъ въ принципѣ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Первая дума царя съ боярами объ этомъ вопросѣ послѣдовала 22 Февраля 1653 года, въ Понедѣльникъ, на первой недѣлѣ поста, а «совершилась государская мысль въ семъ дѣлѣ въ Понедѣльникъ третьей недѣли великаго поста, Марта 14 дня» (Архивъ Министерства Юстиціи, столбецъ Малороссійскаго Приказа, № 5821), т. е. всего въ теченіи двухъ недѣль.

Дѣло было рѣшено, но надо было рѣшеніе такого важнаго въ государственной жизни вопроса облечь въ извѣстныя формы. Было послано посольство въ Польшу, для послѣднихъ переговоровъ. На этотъ разъ Московское правительство открыто и прямо вступилось за тѣснимыхъ Поляками единовѣрцевъ своихъ, казаковъ. Посолъ заявилъ панамъ раднымъ требованіе своего государя, чтобъ его королевское величество подданныхъ своихъ Черкасъ отъ поганцевъ отлучилъ (т. е. не заставлялъ искать защиты у Турецкаго султана или у Крымскаго хана), договоръ съ ними учинилъ крѣпкій, чтобъ имъ впередъ въ вѣрѣ неволи не было и жить имъ въ прежнихъ вольностяхъ.

Не смотря на такую рѣшительную постановку вопроса посольствомъ князя Бориса Репнина, во время переговоровъ его съ панами короля Яна Казимира, Хмельницкій угрозою подданства Турецкому султану старался еще болѣе ускорить дѣло. Онъ объявилъ посланцу Путивльскаго воеводы князя Хилкова: «вижу, что государской милости не дождаться, не отойти мнѣ басурманской невѣрной руки и, если государской милости не будетъ, то я слуга и холопъ Турскому». Получивъ донесеніе о такихъ словахъ гетмана, царь немедленно послалъ къ нему стольника Ладыженскаго съ грамотой, отъ 22-го Іюня 1653 г., въ которой сказано: «Мы изволили васъ принять подъ нашу сильную руку; да не будете врагомъ Креста Христова въ притчу и поношеніе; а ратные люди наши сбираются». Въ начавшихся тогда частыхъ сношеніяхъ Московскаго правительства съ казацкимъ гетманомъ участвовалъ Артамонъ Матвѣевъ, состоявшій въ должности стрѣлецкаго головы: ему было тогда всего 28 лѣтъ (родился въ 1625 году). Онъ и прежде не разъ ѣздилъ въ Малороссію съ царскими грамотами, сопровождая посланцевъ въ качествѣ стрѣлецкаго головы.

13 Сентября 1653 года отправлено посольство стольника Родіона Стрѣшнева и дьяка Бредихина съ объявленіемъ, «что понеже Польскій король Янъ Казимиръ отказалъ Россійскимъ посламъ кн. Репнину съ товарищи учинить Запорожцамъ удовольствіе, въ силу Зборовскаго договора, то государь пріемлетъ ихъ въ подданство и обѣщаетъ вскорѣ послать своихъ великихъ пословъ Бутурлина съ товарищи къ гетману» (Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, бумаги посольства стольника Родіона Стрѣшнева, связка № 6, тетрадь № 3. Заглавіе этого дѣла составлено рукой Бантышъ-Каменскаго).

По возвращеніи посольства кн. Репнина, почти одновременно съ отправленіемъ Стрѣшнева, а именно на 1 Октября, царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ соборъ изъ всякихъ чиновъ людей, которымъ объявлено о неправдахъ Литовскаго короля и о присылкахъ гетмана Богдана Хмельницкаго, съ челобитьемъ о подданствѣ. Въ этомъ «объявленіи» подробно изложена вся исторія послѣднихъ сношеній Московскаго правительства съ Польшей и переговоровъ князя Репнина съ Польскими панами, а также ходатайствъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

Выслушавъ это объявленіе, бояре приговорили: «За честь царей Михаила и Алексѣя стоять и противъ Польскаго короля войну вести, а терпѣть болѣе нельзя. Гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское, съ городами ихъ и землями, чтобы государь изволилъ принять подъ свою высокую руку для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей. Да и потому доведется ихъ принять: въ присягѣ Яна Казимира короля написано, что ему никакими мѣрами

самому никого въ вѣрѣ не тѣснить и никому этого не позволять; а если жъ онъ этой присяги не сдержитъ, то онъ подданныхъ своихъ отъ всякой вѣрности и послушанія дѣлаетъ свободными; но Янъ Казимиръ своей присяги не сдержалъ и, чтобы казаковъ не отпустить въ подданство Турскому султану или Крымскому хану, потому что они стали теперь присягой королевской вольные люди, надобно ихъ принять».

Въ Москвѣ долго думали, но надумавши спѣшили рѣшеннымъ дѣломъ, говоритъ въ своей исторіи, Соловьевъ. Вслѣдъ за Стрѣшневымъ и Бредихинымъ отправился въ Малороссію бояринъ Бутурлинъ (Василій Васильевичъ), окольничій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ, принять присягу въ вѣрности отъ гетмана и всего войска Запорожскаго. Въ этомъ посольствѣ Бутурлина находился и стрѣлецкій голова Артамонъ Матвѣевъ, съ отрядомъ стрѣльцовъ его приказа [1]). Онъ сопровождалъ посольство въ его поѣздкѣ по Малороссіи и присутствовалъ на радѣ въ Переяславлѣ.

Въ актахъ Южной и Западной Россіи (т. X, стр. 11—12) есть указаніе, что Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, въ началѣ войны съ Польшей, возилъ царскую грамоту въ Кіевъ къ митрополиту, съ извѣстіемъ о побѣдахъ надъ Поляками. Упоминается онъ при осадѣ и взятіи Смоленска; онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ съ Поляками Московскаго войска, вмѣстѣ съ казаками Хмельницкаго, подъ Ахматовымъ [2]). Въ своей челобитной, посланной изъ Пустоозерскаго острога царю Ѳедору Алексѣевичу, самъ онъ говоритъ такъ: «По указу отца твоего, блаженной памяти великаго государя, посыланъ былъ къ гетману Хмельницкому призывать въ подданство; я же холопъ твой посыланъ былъ съ бояриномъ и дворецкимъ Василіемъ Василіевичемъ Бутурлинымъ съ товарищи, приводить гетмана Богдана Хмельницкаго къ вѣрѣ въ вѣчное подданство, подъ вашу великаго государя руку» [3]).

Война съ Польшей, послѣдовавшая за присоединеніемъ Малороссіи, была начата съ великимъ воодушевленіемъ и первое время сопровождалась большимъ и постояннымъ успѣхомъ. Смоленскъ, Мстиславъ, Витебскъ и другіе города были взяты Московскими войсками; самъ царь участвовалъ въ осадѣ и сдачѣ Смоленска; Польское и Литовское войска были разбиты во многихъ бояхъ, а потомъ былъ взятъ и столь-

---

[1]) Акты Ю. и Зап. Россіи.

[2]) Въ Польскихъ и Украинскихъ источникахъ это сраженіе называется боемъ на Дрыжъ-полѣ.

[3]) Ср. Новикова *Исторію о невинномъ заточеніи А. С. Матвѣева.* Москва, 1785 г., стр. 42.

ный городъ Вильна, въ которую царь Алексѣй Михайловичъ совершилъ торжественный въѣздъ. Въ это время онъ считалъ несомнѣннымъ, что всѣ его завоеванія останутся за нимъ и сталъ называть себя всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси самодержцемъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ. Историкъ Соловьевъ, изложивъ событія первыхъ двухъ лѣтъ Польской войны Алексѣя Михайловича, замѣчаетъ: «Если великій государь и царь хотѣлъ быть великимъ княземъ Литовскимъ, то великій государь патріархъ былъ честолюбивѣе; 29 Іюля 1655 года онъ писалъ царю Алексѣю Михайловичу, чтобы тотъ не только оставилъ за собою Вильну, но доискивался Варшавы, Кракова и всей Польши». 1-го Сентября этого года Никонъ прислалъ царю благословеніе писаться великимъ княземъ Литовскимъ.

Польша была на краю гибели. Энергическій преемникъ на Шведскомъ престолѣ королевы Христины, Карлъ X Густавъ, видя бѣдственное положеніе Польши, напалъ на нее подъ пустыми предлогами и вскорѣ овладѣлъ всею Великой Польшей, которая признала его своимъ королемъ, а затѣмъ, пользуясь Польской безурядицей, овладѣлъ Варшавой и Краковымъ. Янъ Казимиръ бѣжалъ въ Силезію.

Такимъ образомъ, царю Алексѣю Михайловичу, казалось, предстояло, безъ особаго труда, завершить блестяще начатую войну окончательнымъ отторженіемъ отъ Польши захваченныхъ ею Русскихъ областей; но тутъ произошли событія, совершенно измѣнившія положеніе дѣлъ. Московское правительство сдѣлало крупную ошибку, за которую дорого поплатилось: вмѣсто того, чтобы покончить съ Польшей, сломленной рядомъ жестокихъ неудачъ, оно втянулось въ войну съ Швеціей.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе вопроса, кого надо считать главнымъ виновникомъ этой роковой политической ошибки. Есть основаніе думать, что Никонъ, безспорно имѣвшій тогда преобладающее вліяніе на царя, не безучастенъ въ ней *). Въ Маѣ 1656 года, когда царь уже выѣхалъ изъ Москвы къ войску, готовившемуся перейти Шведскій рубежъ, и Московскій отрядъ, подъ начальствомъ Петра Потемкина, былъ посланъ для занятія береговъ Финскаго залива, Никонъ, по обычаю своему захватывавшій очень далеко, писалъ къ царю, что къ Потемкину отправлены Донскіе казаки, которыхъ

---

*) Въ источникахъ иностранныхъ, напр. въ Латинской книгѣ Пуфендорфа о дѣяніяхъ Карла Густава, короля Шведскаго, встрѣчается указаніе, что посолъ Австрійскаго императора Аллегретти, пріѣзжавшій въ это время въ Москву и знавшій по-славянски, сумѣлъ убѣдить Никона въ необходимости разрыва съ Швеціей. Подробности объ этомъ у Медовикова: Истор. значеніе царствованія Алексѣя Мих. Москва, 1854 г., стр. 121 и 122.

онъ, патріархъ, благословилъ идти въ Стекольнъ (Стокгольмъ) моремъ [1]).

Война съ Швеціей и Польшей и возникшая вмѣстѣ съ тѣмъ въ Малой Россіи смута крайне истощили силы Московскаго государства. Казна царская оскудѣла. Ратные люди, при тогдашней военной организаціи, съ великимъ трудомъ могли нести тяготы продолжительной войны и разбѣгались по домамъ. Измѣна гетмана Выговскаго и Юраски Хмельницкаго, пораженіе Московскихъ войскъ подъ Конотопомъ и Чудновымъ совершенно измѣнили положеніе вещей. Было очевидно, что Московское государство не въ состояніи вести войну на двухъ театрахъ: на Сѣверѣ съ Шведами, на Западѣ и Юго-Западѣ съ Поляками, которымъ усердно помогали Крымцы, а у тѣхъ за плечами грозно стояла страшная въ то время Турція. Кромѣ того въ самой Москвѣ возникла великая и, до того времени, неслыханная смута-распря между царемъ и патріархомъ.

На Украйнѣ, послѣ кончины стараго Хмеля (27 Іюля 1657 года), поднялась неурядица и обнаружилась «великая шатость», скоро перешедшая въ кровавую смуту. «Черкасы изворовались», какъ писали царю Московскіе служилые люди и воеводы, бывшіе на Украйнѣ по государевымъ дѣламъ. Среди близкихъ царю Алексѣю Михайловичу людей стали слышаться голоса, утверждавшіе, что своевольные и крамольные казаки «не надобны для Московскаго государства». Такое мнѣніе высказывалось людьми различныхъ партій. Богданъ Матвѣевичъ Хитрово и начинавшій тогда входить въ силу, извѣстный государственный дѣятель той эпохи, знаменитый Московскій дипломатъ XVII вѣка Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, хотя не ладившіе между собою, одинаково смотрѣли на Черкасскіе города, какъ на великую и ненужную обузу для государевой казны. Богданъ (Іовъ) Матвѣевичъ Хитрово, окольничій и намѣстникъ Ржевскій, бояринъ и царскій оружейничій, близкій родственникъ мамки царевича—наслѣдника престола, извѣстной своимъ пронырствомъ и лицемѣрнымъ благочестіемъ, Анны Петровны Хитрой [2]), былъ старый царедворецъ, принимавшій не разъ близкое, но почти всегда неудачное, участіе въ дѣлахъ Малороссіи, лакомый на подарки и жадный ко всякой прибыли [3]). Онъ, по словамъ истори-

[1]) Соловьевъ, Исторія, т. X, стр. 409.

[2]) Такъ звали современники А. П. Хитрову, которая была душой злораднаго собора ненавистниковъ и враговъ боярина Артамона Матвѣева, какъ замѣчаетъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ А Терещенко (см. его „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ въ Россіи иностр. дѣлами", ч. I, стр. 96. С.-Петербургъ, 1837 г.)

[3]) А. Терещенко утверждаетъ, что Б. Хитрово грабилъ вмѣстѣ съ бояриномъ Иваномъ Морозовымъ Приказъ Посольскаго Дворца и получалъ взятки съ дворцовыхъ подрядчиковъ.

ка Малороссіи (Бантышъ-Каменскаго), на радѣ, при избраніи въ гетманы Ивана Выговскаго, содѣйствовалъ этому избранію, потому что Выговскій расположилъ Хитрова въ свою пользу богатыми дарами [1]). Въ 1665 году Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ говорилъ Кіевскому полковнику Дворецкому, посланному въ Москву гетманомъ Брюховецкимъ, съ просьбою о присылкѣ ратныхъ людей: «нельзя высылать къ вамъ войско; вы голодомъ морите ратныхъ людей на Украйнѣ, къ вамъ надобно малеванныхъ людей присылать, какъ въ сказкахъ сказываютъ». Есть и другія указанія, свидѣтельствующія о нерасположеніи Хитрова къ казакамъ и склонности къ Полякамъ [2]). Впрочемъ, этотъ царедворецъ едва ли держался какой либо опредѣленной системы и, когда ему было выгодно, ради подкоповъ подъ Ордина-Нащокина, выступалъ въ качествѣ ходатая и заступника за Малороссію, напримѣръ, при пріемѣ въ Москвѣ, въ Январѣ 1669 года, великаго посольства изъ этого края, посланнаго наказнымъ Сѣверскимъ гетманомъ, Демьяномъ Многогрѣшнымъ и архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, съ повинной за измѣну бывшаго гетмана Ивашки Брюховецкаго.

Совсѣмъ не таковъ былъ другой, болѣе опасный врагъ Черкасъ на Москвѣ, знаменитый Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, великій радѣтель и промышленникъ государевыхъ интересовъ. У него, какъ онъ писалъ, дѣйствительно сердце болѣло о государевомъ дѣлѣ, когда онъ видѣлъ, или ему казалось въ этомъ дѣлѣ чье-либо нерадѣніе. Онъ самъ усердно заботился о государевыхъ интересахъ и *всердушно* о нихъ радѣлъ. Ординъ-Нащокинъ выдвинулся и вышелъ въ люди своими заслугами и усердной службой, а не придворными связями и искательствомъ; но онъ былъ систематическій и убѣжденный противникъ казаковъ и полагалъ, что они не только не надобны, но даже вредны для Московскаго государства. Сынъ Псковскаго помѣщика средней руки, Аѳанасій Лаврентьевичъ получилъ хорошее, по условіямъ времени, образованіе: онъ обучался Латинскому и Нѣмецкому языкамъ и математикѣ въ домѣ отца, и, кажется, говорилъ и писалъ свободно попольски. Онъ былъ, можно сказать, однимъ изъ первыхъ нашихъ западниковъ среди Московскихъ государственныхъ людей XVII вѣка. Близость Пскова, его родины, къ границѣ объясняетъ отчасти такой складъ его ума: служилое населеніе Псковской области было наиболѣе доступно вѣяніямъ и вліяніямъ Запада. Вся служебная карьера Нащокина содѣйствовала развитію въ немъ такого направленія. О немъ говорили

---

[1]) Въ „Лѣтописи Самовидца“ (изд. 1878 г.) прямо сказано, что Выговской льстивыми словами и подарками укотентовалъ окольничьяго, т. е. Богдана Хитрова.

[2]) На это указываетъ Коллинсъ, Англичанинъ-врачъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича.

въ Москвѣ, что онъ знаетъ «Нѣмецкое дѣло и Нѣмецкіе нравы» (самъ царь Алексѣй Михайловичъ такъ думалъ о немъ). Съ раннихъ лѣтъ Аѳанасій Лаврентьевичъ принималъ дѣятельное участіе въ нашихъ сношеніяхъ съ Швеціей, и еще при царѣ Михаилѣ (въ 1641 году) мы видимъ его на Шведскомъ рубежѣ, куда онъ былъ посланъ для осмотра и исправленія пограничной линіи, на основаніи Столбовскаго договора, а также для принятія, по тому же договору, пограничныхъ земель, неправильно захваченныхъ Шведами. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, во время извѣстнаго Псковскаго бунта, въ Февралѣ 1650 года, Ординъ-Нащокинъ обратилъ на себя вниманіе молодого царя своею распорядительностью и едва не сдѣлался жертвой этого бунта, направленнаго противъ Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ другомъ сихъ послѣднихъ, гостемъ (купцомъ) Емельяновымъ. Въ 1656 году Аѳанасій Лаврентьевичъ былъ уже воеводой въ городѣ Друѣ, недавно отнятомъ у Поляковъ и важномъ по близости къ Курляндіи. Начавшаяся въ томъ же году Шведская война, въ которой принялъ участіе царь Алексѣй Михайловичъ, положила начало его болѣе близкимъ отношеніямъ къ государю. Лѣтомъ 1657 года (именно 17 Іюня) Аѳанасій Лаврентьевичъ былъ назначенъ начальникомъ Приказа Малой Россіи *). Онъ незадолго передъ этимъ заключилъ извѣстный Андрусовскій договоръ съ Польшей, доставившій ему славу искуснаго дипломата и политика, что̀ еще болѣе подняло его значеніе въ глазахъ царя.

Однако назначеніе Ордина-Нащокина начальникомъ Приказа Малой Россіи, по отзывамъ даже его панегиристовъ, нельзя было назвать удачнымъ. Аѳанасій Лаврентьевичъ неоднократно заявлялъ, что онъ вовсе не сторонникъ присоединенія Малороссіи, которую считалъ «ненужною для Московскаго государства» и даже вредною, въ качествѣ помѣхи для прочнаго мира и союза съ Польшей, за который онъ горячо стоялъ. «Не отступившись отъ Черкасъ, прочнаго мира съ Польскимъ королемъ не сыскать, а отнятые у Польши Черкасскіе города никакой прибыли не даютъ, а убытки отъ нихъ большіе», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ царю. Такого рода отношеніе новаго начальника Приказа къ Малороссіи было извѣстно не только царю, но и въ Малороссіи; по крайней мѣрѣ, бояринъ-гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій и главный повѣренный Московскаго правительства въ его сношеніяхъ съ Малороссіей, Мстиславскій епископъ Меѳодій, были хорошо освѣдомлены на этотъ счетъ. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что такъ сильно поразившая Москву въ

*) В. О. Эйнгорнъ, „Отставка А. Л. Ордина-Нащокина" въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія 1899 года.

началѣ 1668 года измѣна боярина-гетмана Брюховецкаго находилась въ тѣсной связи съ тѣмъ направленіемъ, которое получила Московская политика того времени въ отношеніи Малороссіи, подъ руководствомъ Ордина-Нащокина.

На этомъ вопросѣ приходится остановиться подробнѣе. Разъясненіе его важно для характеристики дѣятельности Артамона Сергѣевича Матвѣева въ Приказѣ Малой Россіи, гдѣ онъ смѣнилъ Ордина-Нащокина.

Аѳанасій Лаврентьевичъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ слѣдующей политической программы, которую онъ упорно проводилъ, не смотря на свое разномысліе съ царемъ, что̀ и послужило главной причиной его паденія и удаленія съ политической сцены. Въ качествѣ Псковитянина, уроженца той именно области Московскаго государства, которая наиболѣе натерпѣлась отъ Шведовъ, онъ считалъ Швецію главнымъ и самымъ опаснымъ врагомъ Москвы: ее и надо воевать въ союзѣ съ Польшей. Таковъ основной пунктъ его политической системы. Отправляясь въ 1658 году въ Валіесары *), для мирныхъ переговоровъ съ Шведскими уполномоченными, онъ писалъ въ своемъ докладѣ: «Съ Польскимъ королемъ миръ гораздо надобенъ, нужнѣе Шведскаго». Въ томъ же докладѣ онъ объяснялъ: «Разлились крови многія, и уже время дать покой, а, не уступивъ Черкасъ, съ Польскимъ королемъ мира не сыскать», и потому онъ предлагалъ царю Алексѣю Михайловичу рядъ уступокъ Польшѣ, для достиженія съ ней прочнаго мира и союза, находя возможнымъ поступиться въ пользу Польши не только Черкасскими городами, но и Витебскомъ съ Полоцкомъ, потому что прибыли отъ нихъ никакой нѣтъ, а убытки большіе. Другое дѣло Лифляндская земля: отъ нея Русскимъ городамъ, Новгороду и Пскову, великая помощь будетъ хлѣбомъ, а изъ Полоцка и Витебска Двиной станутъ ходить нѣкоторые товары, а съ нихъ будетъ взиматься большая пошлина въ Лифляндскихъ городахъ; не будутъ отговариваться жалованными грамотами и льготами.

Еще настойчивѣе совѣтовалъ онъ возвратить Малороссію Польшѣ, въ 1663 году, отправляясь для мирныхъ переговоровъ съ Польскими послами въ Дубровичи. Въ своей докладной запискѣ царю онъ предлагалъ заключить прочный миръ и тѣсный союзъ съ Польшей, ради отпора Шведамъ и въ виду союза христіанскихъ народовъ противъ Турціи. Соглашеніе съ Польшей, объяснялъ онъ, дастъ возможность образовать союзъ христіанскихъ народовъ противъ Турокъ. «Единовѣрные Молдаване и Волохи, отдѣляемые отъ насъ враждебной

*) Мѣстечко въ Ливоніи.

Польшей, послышавъ союзъ нашъ съ послѣдней, пристануть къ союзнымъ государствамъ и отлучатся отъ Турка».

Докладъ этотъ вызвалъ, въ первый разъ, серьезное разномысліе между царемъ и Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, правда, былъ недоволенъ Черкасами и огорчался ихъ вѣроломствомъ. Онъ, между прочимъ, писалъ Нащокину, во время его переговоровъ съ Шведскими уполномоченными, убѣждая его спѣшить заключеніемъ вѣчнаго мира: «На Черкасъ надѣяться никакъ невозможно, вѣрить имъ нечего; какъ трость вѣтромъ колеблема, такъ и они; поманятъ на время, а если увидятъ нужду, тотчасъ Русскими людьми помирятся съ Ляхами и Татарами». Царь отзывался такъ о Черкасахъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ измѣны Выговскаго и Юрія Хмельницкаго, приведшей къ пораженію его войска подъ Конотопомъ и Чудновымъ, когда надо было мириться съ Швеціей, кончившей войну свою съ Поляками Оливскимъ мирнымъ договоромъ.

Но въ 1663 году, когда на Сѣверѣ было достигнуто успокоеніе цѣною тяжкихъ для Москвы уступокъ и былъ заключенъ вѣчный миръ со Шведами (Кардисскій договоръ 18 Іюня 1661 года), а въ Малороссіи наши дѣла получили болѣе благопріятный оборотъ, послѣ избранія гетманомъ восточной Украйны Ивана Мартыновича Брюховецкаго (*его пресвѣтлаго царскаго величества престола нижайшей подножки*), предложеніе Нащокина отступиться отъ Черкасъ сильно не понравилось царю Алексѣю Михайловичу, и онъ далъ такой отвѣтъ: «Статьи прочтены и зѣло благополучны и угодны Богу на небесахъ, и намъ грѣшнымъ, кромѣ 53» (послѣдней). Эту статью отложили и приказали вынуть, потому что *непристойна*. Объясняя далѣе, почему эта статья признана такою, царь говоритъ: «Собакѣ не достойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго (т. е. Полякамъ не подобаетъ владѣть и Западной стороной Днѣпра); *только то не отъ насъ будетъ, за грѣхи учинится*. Если же оба куска достанутся собакѣ вѣчно ѣсть—охъ! кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворить? Какое оправданіе приметъ отдавшій святый и живый хлѣбъ собакѣ? Будутъ ему воздаяніемъ преисподній адъ и лютый огонь и немилосердыя муки, отъ сихъ же мукъ да избавитъ насъ Господь Богъ милостію Своею и да не выдастъ Своего хлѣба собакѣ».

Предложеніе Ордина-Нащокина возмутило религіозныя чувства царя Алексѣя Михайловича, и онъ рѣшительно воспротивился его проекту. Вслѣдствіе того, во время извѣстныхъ Андрусовскихъ переговоровъ, Аѳанасій Лаврентьичъ долженъ былъ крѣпко стоять, чтобъ на все, установленное договоромъ, время перемирія *), Восточная Малороссія оставалась за Москвой, а Кіевъ на два года.

*) Т. е. въ теченіе тринадцати съ половиной лѣтъ.

Андрусовскій договоръ, положившій конецъ тяжкой 13-лѣтней войнѣ съ Польшей, вызвалъ общую радость въ Москвѣ. Радовался ему и царь, осыпавшій милостями своего дипломата, главнаго виновника этого договора. Въ Малороссіи же онъ произвелъ самое удручающее впечатлѣніе и вызвалъ общій ропотъ. Извѣстіе объ уступкѣ Ляхамъ Кіева, имѣвшаго въ глазахъ всего населенія значеніе «національной святыни», смутило многихъ, даже изъ наиболѣе преданныхъ Москвѣ Малороссіянъ.

Сначала негодованіе, вызванное этимъ договоромъ, сильнѣе сказалось въ западной Украйнѣ, въ Чигиринѣ, резиденціи правобережнаго гетмана Дорошенки, порвавшаго незадолго передъ тѣмъ всѣ связи съ Ляхами*); но вскорѣ перешло оно и по сю сторону Днѣпра. Тревожные слухи объ Андрусовскихъ статьяхъ не замедлили взволновать и восточную Малороссію. Сидѣвшій въ Гадячѣ бояринъ - гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, получивъ извѣстіе изъ Москвы отъ своего посланца бунчужнаго Ивана Поповича объ отношеніяхъ къ Черкасскимъ городамъ и всему Запорожскому войску новаго начальника Приказа Малой Россіи, господина Ордина-Нащокина, также началъ приходить въ сомнѣніе.

Выскочка и опортунистъ, говоря языкомъ нашего времени, «Мартынецъ» Хмельницкаго (такъ названъ онъ въ казацкомъ реестрѣ 1647 г., въ Чигиринской сотнѣ), былъ несомнѣнно человѣкъ неглупый, хотя плохо образованный. Онъ обладалъ личною храбростью и удальствомъ, чѣмъ, какъ и своею вкрадчивостью, пріобрѣлъ расположеніе Запорожцевъ, проведшихъ его въ гетманы, на радѣ въ Нѣжинѣ (18 Іюня 1663 года). Нравственный уровень его былъ невысокъ, но въ этомъ отношеніи онъ мало чѣмъ отличался отъ другихъ дѣятелей современной ему Малороссіи. Онъ былъ религіозенъ, по своему, т. е. строилъ православныя церкви (напримѣръ, соборъ въ Гадячѣ) и дѣлалъ въ нихъ вклады. Онъ отъ всей души ненавидѣлъ Ляховъ за введеніе Уніи на Украйнѣ и притѣсненія православнаго населенія, во время ихъ господства.

Его политическія взгляды и убѣжденія сложились, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, въ передней и столовой Богдана Хмельницкаго которому онъ прислуживалъ; это, кажется, такъ и было. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ его глазахъ старый гетманъ, «*казацкій батька*», былъ образцомъ политической мудрости. Онъ сопровождалъ,

---

*) Пораженіемъ Польскаго полковника Мазовскаго подъ Брацлавомъ, гдѣ Польскій отрядъ, состоявшій изъ 30 хоругвей, былъ на голову разбитъ казаками Дорошенки съ бывшими съ нимъ Татарами. Большая часть Польскаго отряда, вмѣстѣ съ полковникомъ Мазовскимъ, была взята въ плѣнъ и отдана въ ясиръ Татарамъ. Послѣ этого дѣла, по замѣчанію Малороссійскаго лѣтописца (Лѣтопись Самовидца, стр. 48), „Дорошенко отрѣзался отъ Польши“.

въ качествѣ служителя, сына Богдана Хмельницкаго, Юрія, во время его поѣздки въ Кіевъ, куда тотъ посланъ былъ отцомъ учиться въ духовную академію. Послѣ смерти Богдана онъ, убѣдившись въ совершенномъ личномъ ничтожествѣ молодого Юрія Хмельницкаго, оставилъ его и отправился искать счастья въ Запорожьѣ. Тамъ его вскорѣ избрали кошевымъ, и честолюбивый «служка» Хмельницкаго сталъ самъ помышлять о гетманской булавѣ.

Въ числѣ претендентовъ, боровшихся тогда за обладаніе Малороссіей, Москва представляла наиболѣе прочную и устойчивую силу. Это хорошо понялъ кошевой войска Запорожскаго и потому сталъ «вседушно» и усердно искать Московской протекціи, показывая при всякомъ удобномъ случаѣ свое радѣніе о государевыхъ интересахъ, «всемѣрно» стараясь о заведеніи дружескихъ отношеній съ царскими воеводами на Украйнѣ и сильными людьми въ Москвѣ. Избранный гетманомъ и утвержденный въ этомъ званіи царемъ, онъ сталъ подписывать свои грамоты царю Алексѣю Михайловичу: «Его пресвѣтлаго величества престола нижайшій подножка-гетманъ». Во время извѣстнаго похода Польскаго короля, Яна Казимира, на лѣвобережную Украйну (похода, кончившагося неудачной для Поляковъ осадой Глухова) Брюховецкій обнаружилъ способности и распорядительность, а затѣмъ дѣятельно и успѣшно занялся подчиненіемъ своей власти тѣхъ городовъ восточной Малороссіи, въ которыхъ еще держались преданные Дорошенку и Ляхамъ казаки. Въ Сентябрѣ 1665 года гетманъ Брюховецкій, съ многочисленной свитой, лично прибылъ въ Москву бить челомъ великому государю о болѣе прочномъ подчиненіи Черкасскихъ городовъ Московскому царю введеніемъ въ нихъ воеводскаго управленія. Онъ билъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу, чтобы великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ Малороссійскіе города съ принадлежащими къ нимъ мѣстами принять и съ нихъ денежные и всякіе доходы сбирать въ государеву казну и послать въ городà своихъ воеводъ и ратныхъ людей. «Царь велѣлъ сказать гетману, чтобы онъ написалъ объ этомъ статьи» *).

Многіе изъ нашихъ изслѣдователей, такъ называемаго Украйнофильскаго толка, весьма строго судятъ Брюховецкаго именно за эти Московскія статьи, въ силу которыхъ Московскіе воеводы, по личному ходатайству гетмана, призывались для управленія въ Малороссійскіе города. Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи, посвященной гетманству Брюховецкаго, говоритъ: «Москвы онъ (т. е. Брюховецкій) ни-

*) Соловьевъ. Исторія, т. XI, стр. 191.

когда не любилъ; онъ только подличалъ и пресмыкался передъ нею, надѣясь, что она всегда можетъ охранить его» [1]).

Куда клонились личныя симпатіи и что̀ думалъ и чувствовалъ втайнѣ бояринъ-гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, сказать довольно трудно: у насъ такъ же, какъ и у историка Малороссіи (Н. И. Костомарова), рѣшительно нѣтъ данныхъ для такого психологическаго изслѣдованія. Весьма естественно и вполнѣ понятно, что онъ прежде и болѣе всего искалъ «*Московской протекціи*», ради твердой и надежной охраны и опоры. Всѣ представители Малороссіи того времени, всѣ ея гетманы XVII вѣка, не исключая и славной памяти Богдана Хмельницкаго, точно также смотрѣли на Москву и относились къ ней.

Правда, «Мартынецъ» Хмельницкаго былъ очень мелкій человѣкъ, по уму и характеру, въ сравненіи съ знаменитымъ гетманомъ, своимъ бывшимъ господиномъ, отдавшимъ Малороссію во власть Московскому царю, но не слѣдуетъ забывать, что и самъ «старый Хмель», въ виду колебаній Московской политики относительно Малороссіи, писалъ, говорилъ и, вѣроятно, думалъ о Турецкой протекціи. Дѣйствительно, онъ въ этомъ отношеніи ограничивался преимущественно угрозами, такъ сказать, лишь пугалъ Московское правительство Турецкимъ подданствомъ; но прославляемый тѣми же изслѣдователями Петръ Дорошенко, прикрываясь авторитетомъ славнаго «казацкаго батьки», пошелъ далѣе: онъ не только усердно проповѣдывалъ пользу Турецкой протекціи для Украйны, но и осуществилъ ее на дѣлѣ, отдавшись подъ власть султана. Когда же бояринъ-гетманъ, въ концѣ 1667 года, вслѣдствіе хитроумной и загадочной для него и казаковъ политики Москвы послѣ заключенія Андруссовскаго договора, сталъ терять голову и тревожно метаться во всѣ стороны, чувствуя, что теряетъ подъ собою почву, Дорошенко лукаво подбилъ и его на такую рискованную политическую комбинацію, какъ Турецкая протекція.

До боярина-гетмана въ это время со всѣхъ сторонъ стали доходить слухи о томъ, что канцлеръ Московскаго царя [2]) прямо и открыто говоритъ, «что Черкасскіе города Московскому государству не надобны», казаковъ называетъ крамольниками и бездѣльниками, и что кромѣ того онъ-де заключилъ союзъ съ Польскими панами для истребленія казачества.

Н. И. Костомаровъ, въ своей вышеназванной монографіи, объясняя причины, вызвавшія отпаденіе Брюховецкаго отъ Москвы, изла-

---

[1]) Историческія Монографіи, т. XV, стр. 190.

[2]) Такъ называло Малороссійское духовенство въ своихъ грамотахъ начальника Малороссійскаго и Посольскаго Приказовъ Ордина-Нащокина.

гаетъ дѣло съ недомолвками въ очевидно неблагопріятномъ свѣтѣ для ненавистнаго ему боярина-гетмана. Тѣмъ не менѣе даже онъ указываетъ, что Дорошенко письменно и словесно черезъ своего посланца передавалъ Брюховецкому, что охотно уступитъ ему гетманское достоинство, лишь бы Украйна обѣихъ сторонъ Днѣпра была въ соединеніи, подъ одною властью и казачество не было разорвано [1]). Костомаровъ довольно вѣрно объясняетъ при этомъ причины, толкнувшія боярина-гетмана на измѣну.

Москва не особенно дорожила въ Малороссіи людьми, заявлявшими ей свою преданность; она отступалась отъ нихъ, когда они теряли популярность и вліяніе среди своихъ, и даже выдавала ихъ врагамъ на казнь, какъ это случилось съ Сомкомъ и Васютой Золотаренкомъ. Для нея было довольно безразлично, кого бы казаки ни выбрали гетманомъ; она бы утвердила всякаго излюбленнаго радою, лишь бы онъ выразилъ передъ Москвою покорность. Это зналъ и понималъ Брюховецкій. Онъ видѣлъ, какая ему опасность грозитъ со стороны Дорошенки, воевать съ которымъ было трудно, потому что лѣвобережные казаки могли передаться Дорошенку. Брюховецкій рѣшился войти въ союзъ и дружбу съ Дорошенкой: гетманъ-бояринъ завелъ тайныя сношенія съ правобережнымъ гетманомъ! Когда эти сношенія возникли, не знаемъ; но въ тоже время, какъ Дорошенко велъ переговоры съ Дубенскимъ [2]) и Тяпкинымъ [3]), велись у него сношенія и съ Брюховецкимъ черезъ посредство іеромонаха по прозвищу Якубенка [4]). Въ относящихся къ событіямъ того времени историческихъ документахъ нѣтъ прямыхъ данныхъ, точно указывающихъ, когда именно начались эти тайныя сношенія между двумя гетманами-соперниками; но установить приблизительно ихъ начало нетрудно.

Гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій своимъ пріѣздомъ въ Москву (въ Сентябрѣ 1665 года), а также представленными имъ такъ называемыми *Московскими статьями*, о которыхъ было упомянуто выше, доказавъ свою преданность и усердіе, удостоился милостивой похвалы отъ царя, который, поговоря съ боярами, пожаловалъ ему боярство. Во время царскаго стола (по обычаю времени всякій ново-

---

[1]) Истор. Монографіи, т. XV, стр. 191. При этомъ Костомаровъ ссылается на Лѣтопись Самовидца, который признается однимъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ для исторіи Малороссіи.

[2]) Василій Дубенскій, посланецъ Кіевскаго воеводы П. В. Шереметева.

[3]) Агентъ въ Малороссіи Ордина-Нащокина.

[4]) Іеромонахъ Якубенко, намѣстникъ Пивскаго монастыря. (Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 97). Это показаніе отчасти подтверждается тѣмъ, что въ концѣ 1667 г. Брюховецкій далъ Пивскому монастырю утвержденіе на маетности. (Акты Ю. и З. Россіи, т. VI, № 69).

пожалованный бояринъ приглашался къ царскому столу) гетманъ сидѣлъ на третьемъ мѣстѣ [1]).

Желая еще болѣе упрочить свои связи съ Москвою, бояринъ-гетманъ, который былъ холостъ, просилъ, чтобы царь указалъ ему жениться на «Московской дѣвкѣ», какъ сказано въ актахъ. По приказанію царя Алексѣя Михайловича, онъ посватался и женился на дочери окольничьяго князя Дмитрія Алексѣевича Долгорукова. Отпраздновавъ въ Москвѣ эту свадьбу, бояринъ-гетманъ въ концѣ 1665 года, послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія, уѣхалъ въ Малороссію, гдѣ его ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Переяславскій полковникъ Данило Ермоленко (онъ немного времени спустя былъ убитъ казаками во время бунта), поставленный наказнымъ гетманомъ, на время отсутствія Брюховецкаго, извѣщая царя объ отраженіи Западныхъ Черкасъ и Ляховъ, въ своей грамотѣ писалъ: «Пожалуй насъ, холоповъ своихъ, отпусти къ намъ поскорѣе Ивана Мартыновича гетмана; ибо мы безъ него, какъ дѣти безъ отца, и какъ скоро онъ къ намъ придетъ, то весь народъ христіанскій повеселѣетъ и города Малороссійскіе не будутъ въ сомнѣніи» [2]).

Епископъ Меѳодій, довѣренное лицо или агентъ Московскаго правительства въ его сношеніяхъ съ Малороссіей, писалъ гетману въ Москву изъ Нѣжина: «Теперь въ Украйнѣ безъ вашей милости ничего добраго нѣтъ: всякій въ свой носъ дуетъ. Если бы бояринъ Петръ Васильевичъ [3]) поспѣшилъ въ Кіевъ, то все бы посмирнѣе было». По возвращеніи въ Малороссію боярина-гетмана съ молодой женой, Московской боярышней, онъ былъ, однако, встрѣченъ общимъ ропотомъ [4]). Вѣсти о предложенныхъ имъ въ Москвѣ статьяхъ дошли до казаковъ, и они были недовольны, какъ этими статьями, такъ и принятымъ гетманомъ саномъ боярина. Мѣстное Малороссійское духовенство было еще болѣе недовольно: оно сильно опасалось подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху вмѣсто Цареградскаго. Другъ и усерднѣйшій добродѣй гетмана Брюховецкаго, епископъ Меѳодій воспылалъ на него гнѣвомъ, узнавъ объ его предложеніи прислать въ Кіевъ на вакантную митрополичью каѳедру святителя изъ Москвы, и въ Февралѣ 1666 года въ Кіевѣ съ большою яростью, въ присутствіи

---

[1]) На первомъ мѣстѣ сидѣлъ князь Н. И. Одоевскій, на второмъ находился начальникъ Приказа Малороссіи, бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ.

[2]) Соловьевъ, Исторія, т. XI.

[3]) Т. е. П. В. Шереметевъ, вновь назначенный воевода Кіевскій, на мѣсто больнаго и малоспособнаго къ ратному дѣлу князя Львова.

[4]) Бракомъ бояринa-гетмана съ Московской княгиней былъ между прочимъ недоволенъ епископъ Меѳодій, желавшій женить Брюховецкаго на своей дочери.

другихъ представителей Малороссійскаго духовенства, сильно возставалъ противъ назначенія въ Кіевъ митрополита-Москвича.

Извѣстія, приходившія изъ Малороссіи, послѣ возвращенія боярина-гетмана, вызвали посылку туда дьяка Фролова, для собиранія вѣстей. Самъ бояринъ извѣщаетъ царя о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Малороссіи представленными имъ въ Москвѣ статьями и весьма разсудительно совѣтуетъ не слишкомъ спѣшить этимъ дѣломъ. «Я вѣрный холопъ, писалъ онъ царю, радъ вседушно тому дѣлу исполненіе чинить, но боюсь одного, чтобы полковники, вся старшина и казаки не встревожились и не взяли дурного замысла; самъ же я вседушно радъ воеводамъ, потому что при нихъ мнѣ будетъ меньше хлопотъ, а то теперь на всѣ стороны оглядываюсь». (Архивъ Министерства Юстиціи, столбецъ Малороссійскаго Приказа, № 5872).

Въ откровенной бесѣдѣ съ присланнымъ въ Малороссію дьякомъ Фроловымъ бояринъ-гетманъ говорилъ, объясняя недоразумѣнія, возникшія между нимъ и новымъ Кіевскимъ воеводой бояриномъ Шереметевымъ: «Дѣло извѣстное, бояринъ Петръ Васильевичъ написалъ ко мнѣ объ этомъ (вмѣшательствѣ гетмана въ доходы, собираемые въ Малороссіи въ пользу государевой казны) по чьей либо ссорѣ; бояринъ ссорѣ не вѣрилъ бы и уха своего на ссору не склонялъ бы. Я въ доходы вступаться никакіе не буду и съ бояриномъ хочу жить въ любви и пріязни; готовъ, пожалуй, и слушать его, только служа великому государю, да знать свою мысль, чтобъ Малороссійскаго народа, своевольныхъ и непостоянныхъ людей, большими поборами скоро не ожесточить; пока не попривыкнутъ и пока государевы люди не возьмутъ ихъ въ свои руки, брать съ нихъ понемногу; а вдругъ ожесточить опасно: люди они худоумные и непостоянные; одинъ какой нибудь плевосѣятель возмутитъ многими тысячами, хотя они и сами сгинутъ, а до лиха дойдутъ; успокоивать будетъ трудно, а непріятель подъ бокомъ. Стоютъ непріятеля Запорожцы: только и думаютъ, какъ бы добрыхъ людей разорять, а пограбивъ чужого имѣнія, всякому старшинства доступать; а на Запорожьи теперь больше Заднѣпрянъ. Да и духовенству не всякому вѣрить: горазды и они ссорить и возмущать отъ Латинской своей науки».

Брюховецкій не только въ своихъ грамотахъ къ царю и бесѣдахъ съ посланцами Московскаго правительства выражалъ преданность къ царю и желаніе служить ему, но всѣ его дѣйствія въ теченіе 1666 г. и въ началѣ слѣдующаго, очевидно, о томъ свидѣтельствуютъ.

Онъ зорько и подозрительно слѣдилъ за сношеніями Запорожцевъ съ Чигириномъ, поднималъ даже вопросъ о задержаніи хлѣбныхъ запасовъ, которые шли изъ Московскихъ городовъ въ Сѣчь, ради на-

казанія казаковъ западной стороны, которые «перемогаютъ въ Сѣчи желателей государскому престолу». Онъ выражалъ неудовольствіе на своихъ старыхъ благопріятелей Запорожцевъ за то, что они, помимо его, сносятся съ Чигириномъ, отпускаютъ отъ себя съ честью посланцевъ, привозящихъ оттуда къ нимъ грамоты, не сообщая этихъ грамотъ ему, гетману, и посылаютъ своихъ казаковъ къ нечестивому Дорошенку. Запорожцы, съ своей стороны, попрекали, и при томъ весьма язвительно, боярина-гетмана за его чрезмѣрную податливость и услужливость въ отношеніи Москвы. Въ концѣ зимы 1666 года кошевой Рогъ, смѣнившій прежняго, желательнаго царскому престолу, кошевого атамана Леска Шкуру, писалъ гетману Ивану Мартыновичу: «Послышали мы, что Москва будетъ въ Кодакѣ [1]), но ея тамъ не надобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться: оружіе не поможетъ въ полѣ, если не будетъ совѣта дома. Хотя ты царскаго величества пожалованъ честью, но достоинство свое получилъ отъ войска Запорожскаго; войско же не знаетъ, что̀ такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь, вельможность твоя, поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало» [2]).

Вообще до осени 1667 года бояринъ-гетманъ вѣрно и усердно служилъ Московскому государству, въ доказательство чего можно привести цѣлый рядъ фактовъ, крупныхъ и мелкихъ. Во всей его дѣятельности за все это время нѣтъ ни малѣйшаго указанія на какой-либо враждебный Московскому государству замыселъ или сношенія его съ Дорошенкомъ, къ которому болѣе дружелюбно относились въ Москвѣ, чѣмъ въ Гадячѣ. Дѣйствительно, до осени 1667 года, тайныхъ сношеній между Дорошенкомъ и Брюховецкимъ не велось. Это можно сказать съ достовѣрностью. Бояринъ-гетманъ до лѣта 1667 года не имѣлъ особыхъ причинъ тревожиться своими отношеніями къ Москвѣ; хотя недовольство имъ самимъ росло въ Малороссіи, и популярность его падала, но онъ твердо надѣялся на оборону и защиту со стороны Москвы.

Московское правительство въ своемъ офиціальномъ сообщеніи о заключеніи Андрусовскаго договора умолчало о томъ, что уступаетъ Польшѣ Кіевъ въ двухгодичный срокъ, между тѣмъ гетманъ сталъ получать достовѣрныя свѣдѣнія объ такой уступкѣ. Его особенно встревожили вѣсти о новомъ начальникѣ Приказа Малой Россіи и неласковомъ обращеніи Ордина-Нащокина съ его посланцемъ, а въ особенности съ бунчужнымъ, ѣздившимъ въ Москву осенью 1667 года, котораго Аѳа-

---

[1]) Кодакъ—крѣпость на Днѣпрѣ, черезъ которую шли сношенія Черкасскихъ городовъ со степнымъ товариществомъ.

[2]) Соловьевъ, Исторія, т. XI, стр. 222; въ концѣ письма язвительные намеки: „Помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается“.

насій Лаврентьевичъ не пустилъ на царскія очи и, между прочимъ, сказалъ, что Черкасскіе города Московскому государству ненадобны.

Тревожные слухи объ условіяхъ Андрусовскаго договора и союза съ Польскимъ королемъ, ради искорененія казаковъ, стали между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе волновать населеніе восточной Украйны. Пріѣздъ полномочныхъ Польскихъ пословъ, для утвержденія царемъ договора, еще болѣе возбудилъ умы, потому что «многіе люди» говорили, что Ординъ-Нащокинъ заключилъ съ Польскими панами союзъ противъ казаковъ. Самъ бояринъ-гетманъ пришелъ, наконецъ, въ тревогу, благодаря вѣстямъ изъ Москвы. Эти вѣсти, кажется, съ особымъ стараніемъ сталъ распускать епископъ Меѳодій, отпущенный изъ Москвы въ концѣ Августа 1667 года и пріѣхавшій въ Нѣжинъ въ половинѣ Сентября [1]). Бояринъ-гетманъ воспользовался въ это время пріѣздомъ въ мѣстечко Смѣлое (маетность Печерскаго монастыря) архимандрита Иннокентія Гизеля, сторонника и пріятеля Дорошенки. Онъ до того былъ въ неладахъ съ Гизелемъ; теперь же, оказавъ Печерскому архимандриту самый почетный пріемъ въ Гадячѣ, бояринъ-гетманъ просилъ его содѣйствія для примиренія съ епископомъ Меѳодіемъ. Брюховецкій этого сильно желалъ, чтобы имѣть отъ Меѳодія подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ. Епископъ только-что вернулся изъ Москвы, но какъ бы уклонялся отъ свиданія съ гетманомъ и, не смотря на многократныя приглашенія, не ѣхалъ къ нему.

Гизель взялъ на себя это порученіе и поѣхалъ въ Нѣжинъ, а Меѳодій вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ Гадячъ, резиденцію гетмана. Это было въ Ноябрѣ 1667 года. Посѣщеніе Меѳодія совпало съ пріѣздомъ изъ Москвы бунчужнаго гетмана, обиженнаго обращеніемъ съ нимъ начальника Приказа Малой Россіи, Ордина-Нащокина. Около этого времени и начались тайныя сношенія боярина-гетмана съ Дорошенкомъ и съ Іосифомъ Тукальскимъ.

Новѣйшій изслѣдователь исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ, В. О. Эйнгорнъ, разобравшій массу не вполнѣ извѣстныхъ архивныхъ документовъ, весьма обстоятельно и документально разъясняетъ вопросъ, какъ и когда бояринъ-гетманъ началъ «шататься» въ своей вѣрности Московскому правительству. Онъ говоритъ объ этомъ такъ: «Блюститель митрополичьяго престола (т.-е. епископъ Меѳодій) прожилъ у гетмана цѣлую недѣлю и возвратился въ Нѣжинъ въ половинѣ Декабря, успѣвъ сильно встревожить Брюховецкаго» [2]).

Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ бояринъ-гетманъ, по наговорамъ Меѳодія и тревожнымъ вѣстямъ изъ Москвы, взволновав-

[1]) В. О. Эйнгорнъ, Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ.
[2]) См. Очерки изъ исторіи Малороссіи, стр. 431.

шимъ уже всю Малороссію, рѣшился искать спасенія въ союзѣ и дружбѣ съ Дорошенкомъ. Къ тому же въ это время, т.-е. въ концѣ осени 1667 года, Московское правительство вступило въ дѣятельныя сношенія съ тѣмъ же Дорошенкомъ и съ Іосифомъ Тукальскимъ, которые въ данномъ случаѣ перехитрили и провели, какъ Нащокина, такъ и Брюховецкаго. Аѳанасій Лаврентьевичъ тогда сильно увлекался желаніемъ обратить ихъ въ орудія своей политики, направленной, согласно желанію Алексѣя Михайловича, къ удержанію Кіева за Москвой, безъ прямого разрыва съ Польшей. Онъ изобрѣлъ для этого довольно искусный «приводъ» (по его выраженію), т.-е. дипломатическій крючокъ, въ видѣ особой статьи, вставленной имъ въ союзный договоръ съ Польшей, въ силу которой Московское правительство, по его толкованію, могло, не нарушая Андрусовскаго договора, ради удержанія правобережныхъ казаковъ отъ подданства Туркамъ, не отдавать Польшѣ Кіева.

Для этого нужно было заручиться расположеніемъ Дорошенки и склонить его въ пользу Московскаго подданства, а вліятельное мѣстное духовенство убѣдить въ необходимости подчинить Кіевскую митрополію Московскому патріарху, вмѣсто Цареградскаго. Слишкомъ тонкая дипломатія рѣдко бываетъ удачною, потому что гдѣ тонко, тамъ и рвется. «Приводъ» къ удержанію Кіева, учиненный Нащокинымъ, въ одной изъ статей союзнаго договора съ Польшей, заключался въ томъ, что, въ силу этой статьи, всѣмъ Украинскимъ жителямъ прощались вины и предоставлялось право быть подъ властью обоихъ государей, Польскаго и Московскаго, или того изъ нихъ, кого пожелаютъ, только бы отстали отъ союза съ басурманами. Для приведенія этого «привода» въ дѣйствіе, начальнику Приказа Малой Россіи нужно было раздуть смуту въ западной Украйнѣ, такъ какъ усиленіе ея представляло благовидную отговорку въ отношеніи несдачи Кіева Полякамъ въ условленный срокъ. Поэтому посланный тогда въ Малороссію агентъ Нащокина, стряпчій Тяпкинъ, а равно и Кіевскій воевода, Петръ Васильевичъ Шереметевъ, дѣйствовавшій согласно наказу Нащокина, вошли въ сношенія съ Дорошенкомъ и содѣйствовали усиленію смуты. По отзыву даже такого панигириста Ордина-Нащокина, какъ В. О. Эйнгорнъ, эта политика недешево обошлась и Московскому государству, потому что дѣятельность Тяпкина оказала вліяніе и на восточную Малороссію. Сближеніе Московскаго правительства съ Дорошенкомъ и секретные переговоры съ нимъ Тяпкина стали извѣстны боярину-гетману и, конечно, немало содѣйствовали его рѣшенію измѣнить Москвѣ.

Кромѣ того, всѣ заботы и все вниманіе Московскаго дипломата, управлявшаго тогда Приказомъ Малой Россіи, были направлены тогда на правобережную Украйну и сосредоточивались на ней. Вскорѣ наступившія событія, однако, обнаружили очевидную ошибочность такого способа дѣйствій: восточная Украйна внезапно возстала противъ Московскаго государства и едва не отпала отъ него. Польскій посолъ, хитрый и ловкій Беневскій, съ которымъ Нащокинъ въ концѣ 1667 года заключилъ союзный договоръ, лучше Аѳанасія Лаврентьевича зналъ Малороссію и казаковъ и сумѣлъ вклеить въ этотъ договоръ такія статьи, которыя взбудоражили и лѣвобережную Малороссію. Наконецъ, Тукальскій и Печерскій архимандритъ Гизель, которыхъ Нащокинъ избралъ для роли своихъ агентовъ въ Малороссіи (отстранивъ прежняго посредника между Приказомъ и Черкасами, усерднаго на всякія услуги Меѳодія), вовсе не были расположены служить «вседушно» видамъ Московской политики. Напротивъ того, они, т.-е. Гизель и Тукальскій, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, вели «свою линію», и весьма успѣшно работали надъ гетманомъ-бояриномъ, склоняя его, вмѣстѣ съ старшиной восточной Украйны, къ отпаденію отъ Москвы. Тукальскій также, какъ и архіепископъ Лазарь Барановичъ, былъ весьма мало склоненъ къ проведенію проекта Нащокина о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріарху, и лишь малымъ знакомствомъ Московскаго дипломата съ людьми и дѣлами края можно объяснить его неудачную попытку пользоваться такими лицами, какъ вышеназванные представители Малороссійскаго духовенства. Вообще Аѳанасій Лаврентьевичъ мало зналъ Малороссію и весьма плохо былъ освѣдомленъ объ ея дѣйствительномъ положеніи. Кризисъ 1668 года засталъ его и Московское правительство совершенно врасплохъ.

Въ концѣ Января этого года, когда Кіевскій воевода Шереметевъ прислалъ тревожное извѣстіе о положеніи дѣлъ, Нащокинъ почувствовалъ близость бѣды и занялся усердно лѣвобережной Малороссіей, которая находилась въ его непосредственномъ вѣдѣніи, думая со свойственнымъ ему рвеніемъ поправить сдѣланный промахъ и наверстать упущенное вслѣдствіе его пренебреженія къ дѣламъ южной и восточной Малороссіи. Вспомнилъ онъ и епископа Меѳодія, котораго весьма нетактично оттолкнулъ отъ Москвы, отказавшись отъ его услугъ въ смыслѣ надзора за агитаціей Дорошенка. Къ сожалѣнію, все это было слишкомъ поздно.

Въ Москвѣ, въ Приказѣ Малой Россіи, всполошились и занялись принятіемъ мѣръ къ успокоенію умовъ, при чемъ было рѣшено послать успокоительныя царскія грамоты къ боярину-гетману и вліятельнымъ лицамъ среди Малороссійскаго духовенства. Ихъ обнадеживали отно-

сительно удержанія Кіева и извѣщали о посылкѣ въ Малороссію думнаго дворянина Ивана Желябужскаго, для прочтенія гетману, полковникамъ и войсковому старшинѣ договорныхъ статей съ королемъ Польскимъ, и выражали даже согласіе на исправленіе и отмѣну такъ называемыхъ Московскихъ статей о воеводскомъ управленіи въ Черкасскихъ городахъ, въ случаѣ прямого о томъ ходатайства.

Не дожидаясь отвѣта Желябужскаго, «спѣшно» отправили въ Сѣвскъ особаго гонца съ царскими грамотами къ боярину-гетману, къ Лазарю Барановичу, епископу Меѳодію и архимандриту Гизелю. Сѣвскому воеводѣ князю Львову съ тѣмъ же гонцомъ былъ посланъ приказъ немедленно отослать всѣ четыре грамоты «съ рѣзвыми гонцами» къ архіепископу Барановичу, который долженъ былъ разослать ихъ по назначенію. Гонецъ прибылъ въ Сѣвскъ 12-го Февраля, когда тамъ уже было получено извѣстіе о жестокой расправѣ съ бояриномъ-гетманомъ 8 Февраля въ Гадячѣ, съ царскимъ воеводой Огаревымъ и его ратными людьми. Брюховецкій открыто измѣнилъ Москвѣ и поднялъ противъ нея всю восточную Малороссію и вошелъ въ союзъ съ басурманами. Гонецъ поскакалъ съ грамотами обратно въ Москву. Тамъ переписали грамоты къ духовнымъ особамъ: грамота къ гетману была совсѣмъ отложена, о чемъ, однако, впопыхахъ забыли извѣстить Барановича въ письмѣ, къ нему адресованномъ. 18 Февраля гонецъ повезъ эти грамоты въ Сѣвскъ, откуда онѣ были доставлены въ Новгородъ Сѣверскъ, гдѣ тогда проживалъ Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, на котораго была возложена дальнѣйшая разсылка царскихъ грамотъ по принадлежности.

Любопытно, что и въ этомъ случаѣ начальникъ Приказа Малой Россіи обнаружилъ свое явное незнаніе людей и отношеній. Усердно принимая мѣры къ «благоутишію» мятежа, совершенно внезапно для него возникшаго въ восточной Малороссіи, вслѣдствіе измѣны боярина-гетмана, и призывая къ участію въ этомъ дѣлѣ вліятельныхъ лицъ изъ духовенства, Ордынъ-Нащокинъ сдѣлалъ это такъ неумѣло, что означенныя грамоты никакого дѣйствія не оказали и оказать не могли. Изъ содержанія грамотъ видно, что главная роль въ дѣлѣ *«благоутишія»* Малороссіи возлагалась на еще недавно бывшаго въ немилости Меѳодія. Барановичу поручалась, собственно говоря, лишь разсылка, по принадлежности, царскихъ грамотъ. Но Лазарь Барановичъ былъ въ самыхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Меѳодію, что̀, конечно, долженъ бы знать начальникъ Приказа Малой Россіи. Барановичъ оскорбился такимъ предпочтеніемъ ему Меѳодія и прежде всего поднялъ вопросъ, куда дѣвалась царская грамота къ гетману, а затѣмъ присланныя къ нему царскія грамоты къ духовнымъ особамъ (т. е. къ

Меѳодію и архимандриту Гизелю) отослалъ къ гетману Брюховецкому, предоставляя ему, буде онъ пожелаетъ, разослать ихъ по назначенію. Брюховецкій тогда уже порвалъ всѣ связи съ Московскимъ правительствомъ, противъ котораго онъ поднялъ возстаніе во всей, подвластной ему, лѣвобережной Украйнѣ, гдѣ уже произошло жестокое избіеніе царскихъ воеводъ и ихъ людей, и вступилъ въ сношенія съ султаномъ; поэтому, разумѣется, онъ отнюдь не пожелалъ содѣйствовать благоутишію страны, имъ же самимъ возбужденной къ возстанію.

Епископъ Меѳодій, проживавшій тогда, въ ожиданіи событій и находясь въ опалѣ, едва ли не подъ карауломъ въ своемъ помѣстьи Ушня, подъ Нѣжинымъ (кажется, только впослѣдствіи находился онъ въ заключеніи въ одномъ изъ Московскихъ монастырей [1]), узналъ, какая важная роль въ дѣлѣ умиротворенія Малороссіи возложена на него въ недошедшей по назначенію царской грамотѣ, отъ 18 Февраля 1668 года.

Во всѣхъ Черкасскихъ городахъ лѣвобережной Украйны, за исключеніемъ Чернигова, Нѣжина, Переяславля и Остра, Московскіе воеводы съ ихъ ратными людьми были избиты или изгнаны [2]), и дѣло присоединенія Южной Россіи къ Московскому государству, казалось, было приведено въ конечное разрушеніе. Но въ этомъ случаѣ лишь повторилась, лишній разъ, старая истина, что въ вопросахъ исторической важности, отъ которыхъ зависитъ на многіе годы судьба народовъ, ничтожна личная воля отдѣльныхъ лицъ, какое бы сильное положеніе они ни занимали. Дипломатическія канцеляріи, приказы и министерства совершенно безсильны въ измѣненіи хода событій, намѣченныхъ исторіей. Они могутъ только на время отсрочить и запутать рѣшеніе такихъ вопросовъ. События, послѣдовавшія въ Малороссіи за измѣной Брюховецкаго въ началѣ 1668 г., объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ. Все было сдѣлано, какъ со стороны Москвы, такъ и наиболѣе вліятельныхъ въ то время дѣятелей Малороссіи, чтобы расшатать въ корнѣ великое дѣло, совершенное въ 1654 году на радѣ въ Переяславлѣ: и оно тѣмъ не менѣе устояло.

---

[1]) Въ Новоспасскомъ.

[2]) Въ нѣкоторыхъ городахъ царскіе воеводы и ратные люди подверглись жестокой и даже звѣрской расправѣ, напр. въ Гадячѣ (резиденція гетмана), воеводы Евсеевъ и Огаревъ были жестоко изранены, 70 человѣкъ стрѣльцовъ, 50 солдатъ пало подъ ножами убійцъ; остальные, пробившись за городъ, перемерзли въ пути. Жену воеводы Огарева на поруганіе водили по городу; затѣмъ отрѣзали у нея одну грудь и отдали въ богадѣльню. Въ Стародубѣ погибъ воевода кн. Волконскій, въ Новгородѣ Сѣверскомъ воевода Квашнинъ; послѣдній пытался убить свою жену, чтобы этимъ спасти ее отъ истязаній. Воеводы въ Прилукахъ, въ Батуринѣ и др. городахъ были взяты и связаны казаками, заключившими ихъ въ цѣпи (см. Соловьевъ, Истор., т. XII, стр. 30—33).

Не буду здѣсь излагать событія, послѣдовавшія въ Малороссіи, въ тяжкій для нея високосный 1668 годъ, вслѣдъ за измѣной гетмана Брюховецкаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ концѣ Мая того же года, звѣрски умерщвленнаго въ лагерѣ его соперника, правобережнаго гетмана Дорошенки на *Сербиномъ* полѣ [1]); скажу только, что въ Январѣ слѣдующаго 1669 г. въ Москву прибыло великое посольство изъ Малороссіи, отъ наказнаго гетмана Сѣверской Украйны Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго и архіепископа Черниговскаго Лазаря Барановича съ повинной и челобитьемъ отъ отпущеніи Черкасскимъ городамъ измѣны бывшаго гетмана Ивашки Брюховецкаго.

Благодаря предшествовавшимъ прибытію этого посольства сношеніямъ наказнаго Сѣверскаго гетмана и войсковаго старшины, чрезъ посредство архіепископа Лазаря Барановича, посольство это было принято въ Москвѣ благосклонно; 19-го Января былъ назначенъ пріемъ посольства. Царь Алексѣй Михайловичъ пожелалъ лично принять его, и оно услышало изъ устъ государя, что «онъ вины ихъ велѣлъ отдать и къ прежнему своему милосердію принять изволилъ» [2]).

19-го Января, въ день пріѣзда посольства къ государю, начались и переговоры съ нимъ оружейничьяго боярина, Богдана Матвѣевича Хитрова, на котораго царь возложилъ веденіе переговоровъ съ войсковымъ посольствомъ. Такимъ образомъ, находившійся тогда въ Москвѣ начальникъ Приказа Малой Россіи, Ординъ-Нащокинъ, былъ устраненъ отъ непосредственно подлежавшихъ его вѣдѣнію переговоровъ, что̀ крайне оскорбило и огорчило его. Было очевидно, что государь недоволенъ его дѣятельностью въ Приказѣ Малой Россіи; ему было дано понять, что взводимыя на него обвиненія Малороссіянами признаны небезосновательными [3]).

---

[1]) Кіевъ, стоящій на правомъ берегу Днѣпра, также удержался; въ немъ сидѣлъ съ Московскимъ гарнизономъ воевода бояринъ П. В. Шереметевъ, со всѣхъ сторонъ окруженный мятежными казаками.

[2]) Костомаровъ въ XV т. Монографій, Гетманство Многогрѣшнаго гл. III, стр. 247 и сл., и Соловьевъ въ Исторіи, т. XII, стр. 46, 47, а также 52 и 53, излагаютъ пріемъ этого посольства въ Москвѣ довольно сбивчиво и неясно, что̀ произошло оттого, что ни тотъ, ни другой не пользовались подлиннымъ дѣломъ о пріѣздѣ въ Москву этого войскового посольства, хранящимся въ Моск. Арх. Мин. Юст., въ столбцахъ Сибирскаго Приказа, № 6866, лл. 63—66, 174—189, 213—231. Въ Актахъ Ю. и Зап. Россіи, т. VIII, документы изъ этого дѣла также не помѣщены, и оно, повидимому, не было извѣстно редактору этого тома, напечатавшаго самый текстъ не въ полномъ видѣ, какъ онъ сохранился въ вышеназванномъ дѣлѣ, а по неполному списку Гл. Арх. Иностр. Дѣлъ, Мал. Дѣла 1669 г., № 2. В. О. Эйнгорнъ въ своей книгѣ первый указалъ на это дѣло въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

[3]) Костомаровъ въ своей Моногр. о Многогрѣшномъ даже утверждаетъ (т. XV, стр. 247), что переговоры боярина Хитрова съ Малороссійскимъ посольствомъ происхо-

Такое устраненіе Ордина-Нащокина, впрочемъ, было вполнѣ понятно и, такъ-сказать, неизбѣжно; ибо посольство изъ Малороссіи въ самомъ началѣ переговоровъ предъявило противъ него цѣлый рядъ обвиненій. На первомъ же разговорѣ съ посольствомъ, когда бояринъ Хитрово спросилъ о причинѣ вспыхнувшаго въ Малороссіи возстанія, посланцы объявили, что одной изъ причинъ «великой и необъятной измѣны, учиненной Ивашкой Брюховецкимъ», было сомнѣніе, вызванное словами Ордина-Нащокина, который гетманскимъ посланцамъ говаривалъ, что царскому величеству Малороссія будто бы ненадобна и Кіевъ Польскому королю будетъ отданъ вскорѣ.

25-го Января государь приказалъ боярину Хитрову поговорить съ Малороссійскими посланцами, обознымъ Петромъ Забѣлой и есауломъ Гвинтовкой, которымъ бояринъ и объявилъ, что всѣ дѣла, по которымъ они уполномочены ходатайствовать предъ великимъ государемъ, въ представленномъ имъ наказѣ, должны быть рѣшены на радѣ, на которую отправляется бояринъ князь Гр. Гр. Ромодановскій, стольникъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и дьякъ Богдановъ.

Войсковое посольство ходатайствовало, чтобы радѣ быть въ Батуринѣ. Царь приказалъ ей быть въ Глуховѣ и притомъ черневой или черной радѣ, т.-е. съ участіемъ въ ней также представителей отъ мѣщанъ и посполъства (крестьянъ). Этой радѣ предстояло разрѣшить немало сложныхъ и весьма щекотливыхъ вопросовъ.召 Ординъ-Нащокинъ былъ устраненъ не только отъ переговоровъ съ посольствомъ, но первоначально и отъ составленія наказа представителямъ царя на радѣ. Проектъ наказа былъ составленъ и представленъ царю помимо Аѳанасія Лаврентьевича, и потому онъ уполномочивалъ кн. Ромодановскаго категорически объявить на радѣ, что Кіевъ Полякамъ возвращенъ не будетъ. Но когда наказъ Ромодановскому былъ вчернѣ изготовленъ, то возникли сомнѣнія, чтобы статья о Кіевѣ, сдѣлавшись извѣстной Полякамъ, слѣдившимъ за всѣмъ, что̀ происходило на казацкихъ радахъ (которыя были публичны), не вызвала съ ихъ стороны обвиненій въ нарушеніи Андрусовскаго договора. Было рѣшено эту запасную статью Наказа передать на разсмотрѣніе Ордина-Нащокина, который исправилъ ее такимъ образомъ, что кн. Ромодановскій былъ уполномоченъ только въ случаѣ необходимости сказать, что Кіевъ, за

дили въ Малороссійскомъ Приказѣ; но это уже было бы слишкомъ обидно для Нащокина; въ дѣйствительности переговоры происходили въ Золотой Мастерской Палатѣ, состоявшей въ вѣдѣніи боярина Хитрова.

нѣкоторыми причинами съ Польской стороны, не будетъ отданъ *въ срокъ*, назначенный Андрусовскимъ договоромъ, а будетъ относительно отдачи Кіева съѣздъ великихъ и полномочныхъ пословъ, и какое на съѣздѣ будетъ постановленіе, казаки своевременно узнаютъ.

Съ 12 Февраля 1669 г. въ Москвѣ начались приготовленія къ предстоявшей радѣ для избранія новаго гетмана лѣвобережной Украйны. По царскому указу, ѣхавшихъ на ту раду боярина и князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго и товарища его, стольника Артамона Сергѣевича Матвѣева, должны были сопрождать, для обереженія, конные и пѣшіе государевы ратные люди, стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы. Съѣздъ всѣхъ опредѣленныхъ къ посольству лицъ былъ въ Сѣвскѣ, куда и отбылъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ съ своими изъ Москвы, и тамъ дождался князя Ромодановскаго изъ Суджи, гдѣ онъ стоялъ съ войскомъ.

Павелъ Матвѣевъ.

6 Декабря 1900 г.
Москва.

СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ *).

Всѣ отзывы лицъ, дѣлавшихъ этнографическія наблюденія въ Олонецкой губерніи, Гильфердинга, Рыбникова и др. сводятся къ тому, что Олонецкіе крестьяне народъ, закаленный въ борьбѣ съ суровою природою, энергичный, предпріимчивый, не лишенный чувства собственнаго достоинства и одаренный поэтическою воспріимчивостью. „Народа добрѣе, честнѣе, болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ", говоритъ Гильфердингъ. Вдали отъ крѣпостнаго права, не коснувшагося большей части этой губерніи, народъ ощущалъ себя сравнительно обезпеченнымъ и не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы. Поэтому-то Олонецкая губернія является настоящей сокровищницей Русскаго народнаго эпоса, уже исчезнувшаго въ средней полосѣ Россіи. Страннымъ можетъ показаться, что мѣстность, лежащая такъ близко къ Петербургу, есть главная хранительница эпической старины; но, справившись со свѣдѣніями о природѣ и бытовыхъ условіяхъ Олонецкой губерніи, мы убѣдимся, что не легко проникнуть сюда внѣшнимъ вліяніямъ, измѣняющимъ условія жизни.

Гильфердингъ такъ говоритъ о природѣ этого края. „Матеріальная обстановка Сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что здѣсь крестьянинъ обладаетъ большимъ водоемомъ, находящимся въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ Сѣверу и Востоку вы видите только лѣсъ, болота, опять лѣсъ и озера, служащія для сообщенія между деревнями". Есть глухіе уголки, наприм. деревня Кулоконда, на Сѣверо-востокѣ Пудожскаго уѣзда, которые въ теченіе всей зимы отрѣзаны отъ сосѣдей, а зима здѣсь составляетъ бо̀льшую часть года! Только крайняя необходимость, какъ чья-либо смерть, заставляетъ крестьянъ этой деревни проложить дорогу въ ближайшее село, отстоящее отъ нея верстъ на тридцать. Деревни, лежащія на Водлозерскихъ островахъ, и весною, и осенью тоже вполнѣ отрѣзаны отъ сосѣдей. Понятно, что эти крестьяне должны примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, обходиться тѣми предметами, которыми такъ скудно снабжаетъ ихъ суровая природа. Ни муки, ни капусты, ни огурцовъ, ни гречи онѣ не имѣютъ. Переработанный овесъ и картофель—вотъ вся ихъ пища. Никакія новшества не могли пробраться сюда

---

*) Неграмотное простонародье повѣщаетъ себя потомству пѣснію. Пѣсня—*быль*, т. е. правда; а *сказка—складка*, т. е. сочиненіе, вымыселъ. Историческое значеніе имѣютъ не одни *былины*, но и пѣсни бытовыя: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сложилось міросозерцаніе Русскаго человѣка. Онѣ до̀роги также какъ памятники устной словесности. П. Б.

черезъ непрерывную цѣпь болотъ, густые лѣса, бурныя озера. Эпическія произведенія, передаваясь изъ устъ въ уста, вполнѣ сохранили свой первоначальный видъ и не подверглись ни малѣйшему измѣненію. Всѣмъ извѣстно, что нигдѣ такъ не распространены сказываніе былинъ и вѣра въ ихъ содержаніе, какъ въ Олонецкой губерніи. На былинахъ останавливаться не буду: о нихъ уже достаточно говорилось въ свое время, а труды Рыбникова и Гильфердинга какъ нельзя лучше познакомили съ ними читателей.

Но здѣсь сохранился и другой видъ народнаго эпоса: семейныя пѣсни. Народная пѣсня имѣла когда-то великое значеніе, являясь отраженіемъ жизни, обычаевъ, склада ума, взглядовъ на семейственность и положеніе женщины, какъ жены и хозяйки. Пѣсня сопровождала собою всѣ важнѣйшіе случаи въ жизни человѣка отъ рожденія до смерти. Давно уже народная пѣсня утратила это свое значеніе, будучи низведена до степени праздной забавы для молодежи, во время игръ и гулянокъ. Въ средней полосѣ Россіи она или сильно видоизмѣнилась, или совсѣмъ исчезла, уступивъ мѣсто слащавымъ романсамъ и куплетцамъ. Въ Олонецкой же губерніи пѣсня сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ, не только въ глухихъ уголкахъ, но и въ городахъ, какъ напр. въ Повѣнцѣ, Пудожѣ. Большинство пѣсенъ пріурочено къ свадебнымъ обрядамъ.

Какъ „сказителями“ былинъ являются преимущественно мужчины, такъ, наоборотъ, исполненіе пѣсенъ выпало на долю женщинъ. Мать съ дѣтства учитъ дочерей не только словамъ пѣсни, но и особенному напѣву. Всего труднѣе дѣвушкѣ, когда она дѣлается невѣстою. Мало того, что она должна безъ запинки, плавно проговорить множество пѣсенъ, но ей слѣдуетъ также дѣлать соотвѣтственныя движенія и придавать лицу соотвѣтственное выраженіе. Какъ мнѣ приходилось замѣчать, нѣкоторыя дѣвушки такъ увлекаются собственною игрою, что сами подъ конецъ вѣрятъ въ то, что̀ говорятъ, и плачутъ чуть ли не до обморока.

Давно вывелся на Руси обычай выдавать дѣвушку силою за неизвѣстнаго и немилаго жениха. Теперь, по большей части, дѣвушка встрѣчается со своимъ будущимъ женихомъ на такъ называемыхъ вечоркахъ и гулянкахъ. Она и, родители ея знаютъ заранѣе, кто и когда пришлетъ къ нимъ сватовъ, и хотя свадьба дочери является всегда желаннымъ событіемъ для родителей, они и сама невѣста выказываютъ сначала недоумѣніе, а потомъ прямо и неудовольствіе, и только поломавшись вдоволь, приступаютъ къ дѣлу.

Въ ожиданіи сватовъ заготовляются овсяный кисель и водка. Пріѣзжаютъ сваты, выбираемые женихомъ изъ родственниковъ или друзей; невѣста имъ не показывается, а сидитъ за печкой во все время переговоровъ. Хозяева съ поклонами просятъ гостей за столъ, притворяясь, что не знаютъ о цѣли ихъ посѣщенія. Разговоръ сначала ведется „шепоткомъ“, при чемъ обѣ стороны обильно угощаются виномъ. Но по мѣрѣ того, какъ вино начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, голоса повышаются, спорящіе входятъ въ азартъ. Сваты объявляютъ, зачѣмъ они прибыли: „У насъ купецъ, у васъ товаръ“ и т. д., и начинается настоящій торгъ. Сваты даютъ копѣйки, ро-

дители требуютъ рублей; обѣ стороны понемногу уступаютъ, и цѣна на невѣсту доходитъ иногда до 50 р., но большею частью не превышаетъ 15, 20 р. Когда торгъ конченъ, старшій сватъ беретъ полу своего кафтана, подъ которую отецъ невѣсты кладетъ руку, а сватъ сверху ударяетъ рукою, чѣмъ закрѣпляетъ рѣшеніе. Свату подносятъ блюдо, на которое высыпаются деньги „за невѣсту"; поэтому весь обрядъ сватовства называется „блюдо".

Потомъ отецъ разводитъ огонь подъ очагомъ, мать раздуваетъ уголекъ, отъ котораго отецъ зажигаетъ свѣчу и ставитъ ее передъ образомъ. Послѣ общей молитвы, вызываютъ изъ-за печки невѣсту; она съ поклономъ проситъ сватовъ передать жениху, чтобы онъ самъ пріѣхалъ просить ее у родителей. Послѣ обильнаго угощенія киселемъ, сваты уѣзжаютъ.

На слѣдующій вечеръ невѣста собираетъ къ себѣ всѣхъ родныхъ, крестовушекъ (подругъ, съ которыми мѣнялась крестами въ знакъ любви) и близкихъ знакомыхъ, чтобы передъ ними поплакать о погибшей свободѣ и дѣвичьей волѣ, почему вечеринка носитъ названіе „за̀плачки".

До пріѣзда жениха и сватовъ съ виномъ и угощеніемъ, невѣста сидитъ за печкой на „коробейкѣ" со своимъ приданымъ. Когда же гости размѣстятся по лавкамъ, она выходитъ къ образу, усердно (по крайней мѣрѣ на видъ) молится и, послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ, заводитъ пѣсню, обращаясь къ подругамъ и къ гостямъ.

Боже, Господи, благо́слови!
Бѣлой лебеди загуркати,
Красной дѣвушкѣ заплакати
По сегодняшнему де́ничку.
Въ большой колоколъ ударили,
Меня дѣвушку просватали.
Во меньшой да затрезвонили,
Мою волю обневолили
И головку озаботили.
Пошелъ стукъ да по темну̀ лѣску́,
Разговоръ да по народушку
Про̀ мою бажёну *) волюшку.
Я чего поразсидѣлася?
Я на что̀ поразсмотрѣлася?
Отъ сегоднашняго де́ничка
Подъ косивчатымъ окошечкомъ,
Подъ хрустальныимъ стеколышкомъ,
На брусовой бѣлой лавочкѣ
Мнѣ сидѣть, не отсидѣтися,
Мнѣ смотрѣть, не насмотрѣтися
Отъ сегодняшняго де́ничка
Мнѣ-ко лавочка не думница,
Коробейка не совѣтница,
Мнѣ ключи не тайны басенки.
Отъ сегодняшняго де́ничка
Въ потай мнѣ словъ не высказать,
За рукавъ мнѣ слезъ не выронить.
Хоть повыстать красной дѣвушкѣ
Мнѣ на рѣзвыя на ноженьки,
На сафьяные башмачики,
На бумажные чулочики,
Отъ сегодняшняго де́ничка
Отъ чулочковъ ножки томятся,
Отъ башма́чковъ ножки ломятся.
Хоть пройти мнѣ, красной дѣвушкѣ,
По саду, саду зеленому,
По палатѣ грановитоей,
По усадьбѣ красовитоей.
Извините, люди добрые,
Извините, православные,
Во ступенцѣ проступилася,
Во словечкѣ ошибилася.
Вѣдь палата грановитая
У Царя, да въ Москвѣ каменной;
А усадьба красовитая
У Царицы, въ зеленомъ саду.
У мово-жъ кормильца батюшки
Есть высока нова горница,
Что пройти мнѣ красной дѣвицѣ
По высокой новой горницѣ,
По одной да мостовиченкѣ,
По единой половиченкѣ.

*) Блаженную.

Невѣста по одной половицѣ подходитъ близко къ гостямъ и продолжаетъ:

Пораздвиньтесь, люди добрые,
Пораздвиньтесь, православные:
Мужской полъ, да по праву́ руку́,
Женской полъ да по лѣву́ руку́,
А старушки по ошесточкамъ,
Старички да по конечикамъ,
Игроки *) да во новы́ сѣни,
Горьки пьяницы по клѣточкамъ,
Кто въ карты, кости занимается,
Тотъ къ сосѣдушкѣ въ бесѣдушку.
Дайте мѣстечка немножечко!

Всѣ размѣщаются по указанію невѣсты, очищая для нея мѣсто. Она продолжаетъ пѣснь, обращаясь къ печкѣ.

Не конемъ ѣхать, не лошадью,
Мнѣ самой, да подневольноей,
Со своей, да дорого́й волей,
Ко кирпичной бѣлой печичкѣ,
У муравленаго жарничка,
У складна бѣла ошесточка.
Кто огня былъ выдувателемъ?
Кто свѣчи былъ зажигателемъ?
Какъ не баетъ, да не го̀воритъ
Ничего кирпична печичка!
Утромъ по̀утру, по раннему,
У родименьки, у матушки,
Она крѣпко призамазана,
Говорить ей призаказано.
Отъ кирпичной, бѣлой печички
Отвернусь я, красна дѣвушка,
Ко подружкамъ моимъ милыимъ,
Ко крестовушкамъ назва̀ныимъ:
Ужъ скажите-ко, пожалуйста,
Вы, подружки мои милыя,
Вы, крестовушки названыя,
Кто огня былъ выдувателемъ,
Кто свѣчи былъ зажигателемъ?
Какъ не баютъ, да не го̀ворятъ
Мнѣ подружки мои милыя
И крестовушки назва̀ныя.
Утромъ по̀утру, по раннему,
У родименьки, у матушки,
Чаемъ, кофеемъ напоены,
Молчать строго приневолены!

Не добившись отвѣта отъ печки и подружекъ-крестовушекъ, дѣвушка обращается съ вопросами къ старушкамъ и „большушкамъ“, пожилымъ замужнимъ женщинамъ. Тѣ тоже не даютъ отвѣта. Невѣста пробуетъ тогда добиться правды отъ „молодцовъ“-парней; но такъ какъ и они молчатъ, то начинаетъ плакать на серединѣ избы, говоря, что сама знаетъ, „кто огня былъ выдувателемъ“ и т. д. Обращеніе къ старушкамъ, большушкамъ и парнямъ составляетъ продолженіе первой пѣсни.

Отвернусь я, красна дѣвушка,
Ко старушкамъ стародавніимъ,
Ко большушкамъ настоящіимъ:
Вы, старушки стародавнія,
Вы, большушки настоящія,
Вы скажите-ко мнѣ, дѣвушкѣ,
Кто огня былъ выдувателемъ,
Кто свѣчи былъ зажигателемъ?
Какъ не баютъ, да не го́ворятъ
Ни старушки стародавнія,
Ни большушки настоящія
Ничего мнѣ, красной дѣвушкѣ;
Утромъ по̀утру, по раннему,
У родименьки, у матушки,
Онѣ досыта накормлены,
Говорить имъ призаказано!
Отвернуться было дѣвушкѣ
Ко дороднимъ добрымъ молодцамъ.
Ужъ скажите-ко, пожалуйста,
Вы, дородни добры молодцы,
Кто огня былъ выдувателемъ,
Кто свѣчи былъ зажигателемъ?
Какъ не баютъ, да не го̀ворятъ
Ничего дородни молодцы:
Утромъ по̀утру, по раннему,
У кормильца свѣта-батюшки

*) На гармоніи.

Зеленымъ виномъ напоены,
Говорить имъ призаказано!

(Короткая пауза).

Охъ, сама знаю, сама вѣдаю,
Самой можно догадатися,
Кто огня былъ выдувателемъ,
Кто свѣчи былъ зажигателемъ!
Выдувала огни пляціе
Что родитель, моя матушка,
Зажигалъ свѣчу воскòвую
Что кормилецъ, родной батюшка.
Не гори спичка сосновая,
Ты не тай свѣча воскòвая
Противъ образа чудеснаго,
Противъ древа кипариснаго.
Не сдымайся ручка правая,
У мово кормильца-батюшки
Зажигать свѣчу воскòвую,
Отвернуться красной дѣвушкѣ
Отъ народа православнаго,
Что ко стѣночкѣ лицевоей,
Что ко стопочкѣ точеноей,
Ко божницѣ золоченоей.
Посмотрѣть мнѣ, красной дѣвушкѣ,
Во почетной, во большой уголъ:
Тамъ свѣтло ли свѣчи топятся,
Тамъ слезнò ли Богу молятся,
Еще всѣ ли есть святители,
Во собраньицѣ родители?
При слезномъ ли богомольицѣ,
При крѣпкомъ ли рукобитьицѣ,
Еще гдѣ есте у дѣвушки,
Гдѣ кормилецъ, родной батюшка?
Гдѣ родительница-матушка?
Тепла права моя пазушка,
Ночная да богомольница,
Денная моя защитница.

Тутъ невѣста проситъ родителей подойти къ ней и обращается сперва къ обоимъ вмѣстѣ, потомъ къ каждому отдѣльно, обнимая и причитая. Родители, для вида, тихо уговариваютъ ее; она немного успокаивается и продолжаетъ пѣть сквозь слезы. Обращеніе къ родителямъ тоже уложено въ пѣсню.

Подойдите-ко родители,
Подойдите-ко сердечные,
Вы ко мнѣ, да къ подневольницѣ,
Къ подневольной красной дѣвицѣ.
Я клоню моимъ родителямъ,
Я клоню моимъ сердечнымъ,
Свою буйную головушку
Ниже плечъ, да до сырой земли,
Отношу благодареньице
Я за ваше уваженьице,
За хорошее держаньице,
И за сладкое ѣденьице,
И за цвѣтны новы платьица.
Поспрошу я, подневольница,
У сердечныихъ родителей:
Вы за что меня обидѣли,
Мою волю обневолили
И головку озаботили?
Клали волюшку въ неволюшку,
И головушку въ заботушку,
Ретиво сердце въ досадушку?
Видно я, да красна дѣвушка,
Надоѣла, наприскучила,
Моя воля напрокучила?
Опристалъ кормилецъ-батюшка
Меня кормячись и поячись,
Моихъ плечекъ одѣваючись,
Моихъ ножекъ обуваючись.
Опристала родна матушка
Меня, дѣвушку, справляючись,
На бесѣдушки спущаючись,
И съ вечерокъ дожидаючись.
Извините-ко, родители,
Извините-ко, сердечные,
Что была я дѣвка вольная,
На словечко не сдержливая,
На прогулочки охотная,
На работушку лѣнивая.
Вы за то, мои родители,
Вы за то, мои сердечные,
Видно волю обневолили
И головку озаботили.
Клали волюшку въ неволюшку,
И головушку въ заботушку,
Ретиво сердце въ досадушку.

Слѣдующая затѣмъ пѣсня обращена къ отцу, котораго дѣвушка проситъ взять за нее выкупъ подороже, чтобы показать жениху, что невѣста „не сиротная“ и „не безродная“.

Вырядай, кормилецъ-батюшка,
Со чужаго, со чужанина,
Со млада сына отецкаго,
За меня, за красну дѣвушку,
За мою бажену волюшку
Сорокъ мѣръ, да зелена вина,
Пятьдесятъ, да пива пьянаго;
А родитель моей матушкѣ
Куньюшубу соболиную,
Ей не ради красованьица,
Ради сердца созрѣваньица.
А моимъ братцамъ родимыимъ
Вороныхъ коней неѣзжаныхъ,
А сестрицамъ моимъ милыимъ
Въ косу аленькiихъ ленточекъ,
По прозванью косоплеточекъ.
Чтобы зналъ да чужъ отецкой сынъ,
Что я дѣвка не сиротная,
Моя воля не безродная,
И родня не переводная!

На другой день послѣ за̀плачки существуетъ обычай возить невѣсту ко всѣмъ роднымъ и крестной матери, у которыхъ она въ пѣсняхъ оплакиваетъ свою волю. Этотъ обычай называется „ѣзда съ добровтомъ". Для этого невѣста еще наканунѣ, на за̀плачкѣ, проситъ отца дать ей лошадей и нарядъ на слѣдующее утро.

Попрошу я, красна дѣвица,
У тебя, кормилецъ-батюшка,
Ворона коня неѣзжана,
Золоту узду недержану,
Шелкову плетку не свистану.
Еще дай, кормилецъ-батюшка,
Кунью шубу соболиную,
Поволоку рыжа бархата.
Покатай, кормилецъ-батюшка,
Меня, красную да дѣвушку,
Со моей баженой волюшкой,
По всему да роду племени,
По всему, да именитому.
Не въ первыхъ, да во послѣднихъ,
Во дѣвичьихъ, во послѣднiихъ.

Большую роль въ семейномъ быту играетъ крестная мать „воспрiемная бажатушка", къ которой невѣста обращается послѣ родителей.

Еще гдѣ-то есть у дѣвушки
Моя крестная да матушка,
Воспрiемная бажатушка?
Я увидѣла, обозрѣла,
Сквозь туманъ, да горючи слёзы,
Сквозь обидушку великую
Свою крестную, да матушку,
Воспрiемную бажатушку.
Подойди-ко, крестна матушка,
Ты ко мнѣ, ко красной дѣвушкѣ,
Паложи-ко ручки бѣлыя
На мои плечки могучiя,
На мою бажену волюшку;
Отъ сегодняшнаго де́ничка
Моя волюшка напугана,
Дорогая обневолена,
И головка озабочена.

Поплакавъ на плечѣ крестной матери, невѣста вдругъ перемѣняетъ тонъ, подходитъ къ сватамъ и начинаетъ укорять ихъ, зачѣмъ они явились „погубителями" ея воли. Вотъ текстъ этой пѣсни.

Пораздвиньтесь, люди добрые,
Пораздвиньтесь, православные,
Дайте мѣстичка немножечко
Не конемъ ѣхать, не лошадью,
Мнѣ идти, да подневольницѣ,
Со своей, да дорогой волей.
Пропустите меня дѣвушку
Во почетный, во большой уголъ;
Во почетномъ, во большомъ углу
Тамъ купцы сидятъ торговые,
Со штофами, со атласами,
Со парчами, съ гарнитурами.
Штофы мѣряютъ аршинами,
Парчи мѣряютъ саженями,
Жемчугъ вѣсятъ безмѣнами,
Гарнитура того такъ даютъ.
Ты пойдемъ, кормилецъ-батюшка,
Во почетный, во большой уголъ,
Купимъ штофы мы на штофничекъ,
А парчи на душегрѣичку,

Жемчужку па поднизѣечку *).
Охъ сама знаю, сама вѣдаю,
Тамъ не купцы сидятъ торговые,
Сидятъ гости незнакомые.
Вы откуль гости пріѣхали?
Откуль гостишекъ Господь занесъ?
Во почетный, во большо́й уголъ?
Во почетномъ, во большо́мъ углу
За столами, за дубовыми,
За скатертями шелковыми
Тамъ сидятъ сваты незваные,
Моей воли погубители,
Со родными разлучители.
Они пьютъ, ѣдятъ, рѣчи гу́торятъ
Про меня да красну дѣвицу,
Про мою бажену волюшку.
Ужъ ты дай же, Боже Господи,
Самому свату на́большому
Во кисель да задавитися,
Въ молоко да захлебнутися,
Во ступень ступить, двѣ ноги сломить,
Во другой ступить, голова сломить.
Чтобы мнѣ, да красной дѣвушкѣ,
Еще въ дѣвушкахъ остатися,
И во красныихъ задлятися,
Съ моей волей нагулятися.
Во почетномъ во большо́мъ углу
Тамъ сидитъ и чужъ отецкой сынъ.
Поспрошу я, красна дѣвица,
У тебя, да чужъ отецкой сынъ,
Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ,
Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ?
На годовыихъ-ли праздничкахъ,
На Христовыхъ воскресеньицахъ?
Аль на ранніихъ бесѣдушкахъ?
Аль на поздніихъ вечерочкахъ?
Кабы знала красна дѣвица
Не ходила-бъ на бесѣдушки,
И на позднія вечорочки,
Ни на годовы, на праздничкн.
Все сидѣла-бы я, бѣднушка,
У родимаго, у батюшки
Подъ косивчатымъ окошечкомъ,
Подъ хрустальныимъ стеколышкомъ,
За парчевой толстой завѣсой.
Ты не выглядѣлъ-бы дѣвушки,
Не отнялъ бажёной волюшки.
Я-бы въ дѣвушкахъ осталася,
Я-бы въ красныихъ задлялася,
Съ моей волей нагулялася!

Этою пѣсныо заканчивается за́плачка. Гости расходятся, а невѣста проситъ подругъ на другой день кататься съ нею. На слѣдующее, послѣ за́плачки, утро женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ „съ добрымъ утромъ“. Невѣста сидитъ на кровати, дѣлая видъ, что только что проснулась и, завидя жениха, начинаетъ пѣть ему про сонъ, который будто-бы видѣла.

Полно спать, да высыпатися,
Мнѣ пора, да просыпатися.
По селамъ да печи топятся,
По церквамъ да Богу молятся,
По сараямъ пѣтухи поютъ,
По садамъ да соловьи свищутъ.
Какъ по сегодняшнему де́ничку
Ужъ не будятъ меня, дѣвушку,
Ни къ коровьему доеньицу,
Ни ко блинному печеньицу.
Ужъ какъ пришла родна матушка,
Лѣвой рученькой откутала,
Правой рученькой закутала,
По головушкѣ погладила,
Мнѣ сголовьице оправила.
„Ужъ ты спи-ко, дочь баженая,
Ужъ ты спи-ко, одинокая,
Покуль свой домъ, своя дума,
И свое да житье-жирушка;
Тамъ не свой домъ, не своя дума,
Не свое да житье-жирушка“.
Мнѣ сегодня много спалося,
Мнѣ во снѣ много казалося:
Мимо моего сголовьица
Протекала рѣчка быстрая;
Сквозь кроваточку тесовую
Прорастала травка шелкова;
Сквозь перинушку пуховую
Процвѣли цвѣты лазоревы;
О мою буйну головушку
Какъ гора стоитъ высокая;
Во моихъ, да во рѣзвыхъ ногахъ
Какъ ляды́ка лѣсу темнаго;
Супротивъ сердца ретиваго
Какъ стоитъ да дубъ кленовистый,
А на томъ дубу кленовистомъ
Сидѣла птичка свистущая,
Орелъ птица говорющая.

*) Головной уборъ.

Еще гдѣ-то есть у дѣвушки
Какъ кормилецъ-то мой батюшка,
Старина буйная головушка.
Ужъ поѣзжай, кормилецъ-батюшка,
Ты за соннымъ разсудителемъ,
За Іосифомъ прекраснымъ,
Чтобы онъ да сонъ порóзсудилъ,
Во добры люди порóзсказалъ.
Я неладно, дѣвка, сдумала,
Я нехорошо уладила...
Я сама да сонъ порóзсужу,
Во добры люди порóзскажу:
Гдѣ текла да рѣчка быстрая,
Тутъ мои да горючи слезы;
Гдѣ росла трава шелковая,
Тамъ судимая сторонушка;
Гдѣ цвѣли цвѣты лазоревы,
Тамъ мое да житье-жирушка;
Гдѣ гора стоитъ высокая,
Богомъ данные родители;
Гдѣ лядника лѣсу темнаго,
Тамъ весь родъ племя широкое;
Гдѣ стоитъ да дубъ кленовистый,
А на томъ клену дубовистомъ
Сидѣла птичка свистущая,
Орелъ птица говорющая:
А то былъ вѣдь чужъ отецкій сынъ.
Онъ сидѣлъ, да выговаривалъ:
„Возьму дѣвушку, повымучу,
Я безъ школушки повышколю,
Безъ училища повыучу,
Не спущу я красну дѣвушку
На родимую сторонушку
Въ три годочика не разичку,
Въ пять годовъ да не единаго“.
Какъ повыстать красной дѣвушкѣ,
Мнѣ на рѣзвыя на ноженьки,
На бумажныя чулочики,
На сафьяныя башмачики.
Еще гдѣ-то есть у дѣвушки,
Гдѣ родитель моя матушка?
Ужъ ты дай, родитель-матушка,
Еще въ эту рукомойченку
Ты воды клади óдонченковъ,
Мнѣ повымыться младешенькѣ,
Вымыть грязь да со бѣла лица,
Вымыть сыпь да со ясныхъ очей.
Еще дай родитель матушка
Тонко бѣло полотеничко,
Что которо полотеничко
По подлавичью валялося,
За онучки одѣвалося.
Повернуться было дѣвушкѣ
Во почетвый, во большóй уголъ,
Къ пресвятой да Богородицѣ.
Ужъ я первый поклонъ положу
Запрестольной Богородицѣ.
Я другой да поклонъ положу
Успенью да Богородицѣ,
Я еще да поклонъ положу
Введенью да Богородицѣ,
Я еще да поклонъ положу
Покрову да Богородицѣ,
Я еще да поклонъ положу
За сердечныихъ родителей,
Я еще да поклонъ положу
За крестную свою матушку,
Воспріемную бажатушку,
Я послѣдній поклонъ положу
За себя за красну дѣвушку,
За свою бажену волюшку,
Безталанную головушку.
Подойду я красна дѣвушка
Ко чужому, ко чужанину,
Ко младу сыну отецкому.
Становись ко, чужъ отецкой сынъ,
Ты со мной да красной дѣвушкой
На одну да мостовиченку,
На едину половиченку.
Ты гляди ко чужъ отецкой сынъ
Мнѣ-ко прямь да во бѣло лице,
Мнѣ-ко въ точь да во ясны очи,
Чтобы жить потомъ не каяться,
Друзьямъ-братьицамъ не жалиться,
Что женитьба неудачная
Молода жена невзрачная.
Ты берешь меня да хвалишься,
Только самъ потомъ нахаешься,
Тонкоручка, не работница,
Бѣлоножка, не коровница,
На гумнѣ не замолотчица.
Я не буду тебя слушати,
Почитать твоихъ родителей,
Принимать, да роду племени;
А тебя, да чужъ отецкій сынъ,
Я не буду звать по имени,
Величать да по отечеству!

Все это невѣста высказываетъ жениху какъ бы для того, чтобы заставить его отказаться отъ нея; но женихъ, конечно, не обращаетъ на это

ни малѣйшаго вниманія. Между тѣмъ въ избу собираются подруги невѣсты и, по окончаніи ея пѣсни, начинаютъ одѣвать ее для катанья. Ее наряжаютъ въ самое плохое платье, обвѣшиваютъ рибушами (лохмотьями), слѣдуя ея собственному желанію. Все это продѣлывается для того, чтобы разонравиться жениху. Невѣста туго заплетаетъ косу, на конецъ ея накалываетъ булавками массу лентъ, запутываетъ косу тесемками, для того, чтобы потомъ ее было не легко расплести, такъ какъ въ расплетаньи косы заключается обрядъ: „отнятіе воли", совершающійся передъ отъѣздомъ къ вѣнцу. Всѣ дѣвушки разсаживаются по повозкамъ; для невѣсты запрягаютъ тройку съ бубенчиками. Съ нею садятся крестовушки, а невѣста помѣщается у нихъ на колѣняхъ. Катаются по городу или селу съ пѣснями: невѣста безпрерывно кланяется, даже если нѣтъ встрѣчныхъ. По дорогѣ заѣзжаютъ къ роднымъ и крестной матери, которыхъ невѣста приглашаетъ на свадьбу и плачетъ о своей горькой долѣ. Тѣ отвѣчаютъ ей утѣшеніями, угощаютъ чаемъ, виномъ, конфетами и одариваютъ какими-нибудь подарками. Этотъ обычай называется „ѣздить съ добровтомъ". Первая остановка происходитъ у дома крестной матери, гдѣ невѣста начинаетъ плакать и заводитъ пѣсню.

Крестная мать выходитъ на крыльцо встрѣчать невѣсту и приглашаетъ ее съ подругами въ горницу. Въ своей пѣснѣ она утѣшаетъ невѣсту и придумываетъ средство, чтобы отвлечь вниманіе жениха.

Проходи, моя голубушка,
Во высоку нову горенку;
Ты садись, моя голубушка,
Во почетный, во большой уголъ;
Ты гости, моя голубушка,
Ты моя подружка милая,
Моя крестничка любимая.
Ты недѣльной гости гостьицей,
И денной у меня бесѣдницей
И ночной гости ночлежницей;
Ужъ я дамъ тебѣ работушку,
Дамъ я пялички точеныя
И иголку золоченую,
Шей узоры ты мудреные.
Ужъ только сядь, моя голубушка,
Ко косивчату окошечку,
Ко хрустальному стеколышку,
На брусову бѣлу лавочку.
Ты повышей, красна дѣвица,
Шелковую бѣлу завѣсу.
А на этой-то, на завѣсѣ,
Ты повышей, красна дѣвица,
Города да съ пригородками,
Вышей Питеръ со боярами,
А Москву да со Татарами.
На первомъ да уголочику
Вышей ратушку солдатушекъ,
На второмъ да уголочику
Вышей ратушку матросиковъ,
А на третьемъ уголочику
Самого брюдгу *) молодаго,
На четвертомъ уголочику
Вышей голубя съ голубкою.
А на самой на середочкѣ
Самого князя молодаго.
Мы повѣсимъ эту завѣсу
На переное крылечушко,
Какъ поѣдетъ чужъ отецкой сынъ
О переное крылечушко
За тобой, за красной дѣвицей,
За твоей баженой волюшкой
Онъ мужикъ да деревенщина,
Въ городахъ да небывальщина,
Ничего онъ не видальщина.
Разглядится онъ на завѣсу,
Позабудетъ тебя, дѣвушку,
И твою бажену волюшку.
Твое времячко оттянется,
Ты во дѣвушкахъ останешься
И во красныихъ задлянешься,

*) Шаферъ жениха.

Съ своей волей нагуляешься.
Ужъ ты скажи, моя голубушка,
Ты подружка моя милая,
Моя крестничка любимая,
Скажи, кто неволилъ волюшку
Изаботилъ кто головушку,
Кто клалъ волюшку въ неволюшку,
И головушку въ заботушку,
Ретиво сердце въ обидушку?
Ты сама-ли поохотила,
Аль сердечные родители?
Какъ сама ты поохотила,
Такъ буди проклята ты, дѣвушка;
А какъ сердечные родители,
Такъ мы напишемъ-ко прошеньице
Самому князю великому:
Онъ разсудитъ тебя дѣвушку
И сердечныихъ родителей.
Онъ не дастъ тебя въ обидушку,
Ретиво сердце въ досадушку,
Не отниметъ онъ у дѣвушки
Дорогой баженой волюшки,
Ты во дѣвушкахъ останешься
И во красныихъ задляешься,
Съ своей волей нагуляешься!

Послѣ угощенія дѣвушки увозятъ невѣсту къ другимъ родственникамъ, гдѣ она повторяетъ у крыльца туже пѣсню, измѣняя лишь обращеніе.

Отвѣчаютъ ей вездѣ одной и той же пѣснью (какую поетъ крестная). Пріѣзжая домой, невѣста обращается къ отцу и въ сѣняхъ поетъ:

Ты встрѣчай, кормилецъ-батюшка,
Меня красную да дѣвушку
И мою бажену волюшку.
Ужъ я ѣздила, каталася
Во послѣдняхъ красовалася,
Со подружками любимыми,
Со крестовушками зваными,
По всему да роду-племени,
По всему, да именитому.
Во моемъ да роду-племени,
Во моемъ, да именитомъ
Сорокъ тетокъ, сорокъ дядевьевъ,
Пятьдесятъ двуродныхъ братьевъ.
Только на этой поры-время
Они съ дѣвушкой не знаются,
За родню не почитаются,
На глаза мнѣ не являются.
Отношу благодареньице
Я тебѣ, кормилецъ батюшка,
За твое, за уваженьице,
Моей просьбы исполненьице,
Что покаталъ ты меня, дѣвушку,
По сегодняшнему де́ничку,
По всему да роду племени,
По всему, да именитому
Съ дорогой баженой волюшкой.
Попрошу я, красна дѣвица,
По сегодняшнему деничку
Ко теплой, ко парной баенкѣ,
Ко бѣлой, да умываленкѣ,
Впереди мнѣ сбережателей,
Назади да стережателей,
Чтобъ защитили меня, дѣвушку,
Сберегли бажену волюшку.
Какъ прослышала я, дѣвушка,
Что по сегодняшнему де́ничку
У теплой, у парной баенки,
У бѣлой, да умываленки
Да будутъ дѣвушки-разбойнички.
Мужички, да подорожнички,
Какъ не обидѣли бы дѣвушки
Не отняли бъ моей волюшки
Я бы въ дѣвушкахъ осталася,
Я бъ въ красныхъ нагулялася;
Не наскучило мнѣ дѣвушкѣ
Мое дѣвье житье-жирушка,
Мои раннія бесѣдушки,
Мои позднія вечорочки,
И мои часты гуляночки
О годовыихъ, о праздничкахъ
И о Христовыхъ воскресеньицахъ!

Затѣмъ невѣста проходитъ въ домъ, раздѣвается и садится на лавку Одна изъ подругъ подходитъ къ ней и зоветъ ее въ баню.

Ты пожалуй-ка, голубушка,
Во теплу, во парну баенку,
Во бѣлу, да умываленку.
Парна баенка истоплена,
Ключева вода наношена.
Я топила парну баенку

Я не дровцами жаровьими,
Растопляла парну баенку,
Я не лучинушкой сосновою,
Я топила парну баенку
Еще тою деревиночкой,
Что котора деревиночка
Двадцать лѣтъ въ морѣ шаталася,
Друго столько въ берегахъ лежитъ;
Растопляла парну баенку
Я шелковой травой кошеной,
Я носила ключеву воду
Изъ двѣнадцати колодчиковъ,
Тѣ колодчики студеные,
А вода-то въ нихъ ключевая!

Когда она кончитъ, къ невѣстѣ подходитъ крестовушка и отговариваетъ ее идти въ баню.

Не ходи, моя голубушка,
Во теплу, во парну баенку,
Во бѣлу, да умываленку.
Парна баенка обманщица,
Ключева вода проводница.
Какъ обмануть тебя, дѣвушку,
И твою бажену волюшку.
По сегодняшнему де́ничку
Я была, да красна дѣвушка,
Во теплой, во парной баенкѣ,
Во бѣлой да умываленкѣ.
Какъ въ этотъ часъ, да въ это времячко
Пошла ископоть великая,
Пошла стукъ, да лошадиная,
Пріѣзжалъ, да чужъ отецкой сынъ,
Заходилъ во парну баенку,
Началъ онъ меня выспрашивать,
У меня младой вывѣдывать:
Ты скажи-ко, красна дѣвушка,
Мнѣ, дороднюю добру молодцу,
Ужъ не въ этой-ли деревенкѣ
Есте дѣвка на выдаваньи,
Ея воля на пропиваньи?
Я стояла, не боялася
Отвѣчала не стыдилася:
„Ты поди прочь, добрый молодецъ,
Поди прочь, да чужъ отецкой сынъ,
Ужъ какъ въ этой-то деревенкѣ
Нѣту дѣвки на выдаваньи,
Ея воли на пропиваньи“.
Осерчалъ да чужъ отецкой сынъ,
Онъ садился на добра коня,
Уѣзжалъ, да во свои края.
Уѣзжаючи грозился онъ
Нанять дѣвушекъ разбойничковъ,
Мужичковъ да подорожничковъ.
И тѣ дѣвушки разбойнички
Утромъ, поутру, по раннему,
У млада сына отецкаго,
У родителей сердечныихъ,
Будутъ досыта накормлены.
Молодцы тѣ подорожнички
У его да у родителей
Будутъ до пьяна напоены.
Какъ обидятъ тебя дѣвушку,
Отнимутъ бажену волюшку,
Кладутъ волюшку въ неволюшку,
Ретиво сердце въ обидушку,
Буйну голову въ заботушку!

Но т. к. идти въ баню невѣста все-таки, по обычаю, должна, то она дѣлаетъ видъ, что не вѣритъ предостереженію, собирается въ баню и поетъ:

Гдѣ-то есть у красной дѣвушки
Есть родитель моя матушка.
Ужъ ты дай, родитель-матушка,
Во теплу, во парну баенку,
Во бѣлу, да умываленку
Тонку бѣлиньку сорочечку,
Что которая сорочечка
По три ночки была сижена,
По три строчки была строчена.
Перва ноченька Иванская,
Друга ноченька Петровская,
Третья ноченька Христовая.
Ужъ извини, родитель-матушка,
Во ступенцѣ проступилася,
Во словечкѣ ошибилася.
Охъ сама знаю, сама вѣдаю,
Самой можно догадатися,
Вѣдь у меня, у красной дѣвушки,
Вовсе нѣтъ такой сорочечки:
Были ноченьки не сижены,
Не были тѣ строчки строчены;
Перва ноченька Иванская
Во гульбѣ была прохожена,
Друга ноченька Петровская
Во работкѣ проработана,
Третья ноченька Христовская

Во церквахъ была простоена.
Такъ ужъ дай, родитель-матушка,
Мнѣ такую сороченочку,
Что котора сороченочка
По подлавичью валялася,
Чтобъ сегодняшніимъ дѐничкомъ
У теплой, у парной баенки,
У бѣлой, у умываленки
На меня, да красну дѣвушку,
На мою бажену волюшку
Лихи люди не обзарились
И собаки не облаялись,
На меня младу не бросились,
Моей волюшки не отняли,
Головки не позаботили...

Послѣ этой пѣсни подруги ведутъ невѣсту, подъ руки, въ баню. У самой бани вдругъ набрасываются на нее и начинаютъ расплетать косу, „отнимать волю". Невѣста всѣми силами защищается, но, конечно, долго выдержать не можетъ и, наконецъ, уступаетъ. Съ распущенными волосами она уже считается „безъ воли", ее вводятъ въ баню. Умывшись, невѣста возвращается въ избу, гдѣ обращается съ плачемъ къ отцу, матери, сестрамъ и братьямъ, жалуется на подругъ, и жалѣетъ объ утраченой волѣ, которую будто бы силою у нея отняли.

Затѣмъ невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу и везутъ въ церковь. Дѣвичьи забавы и пѣсни дѣлаются навсегда недоступными для замужней женщины. На ея долю остаются только надгробныя пѣсни, которыя она можетъ пѣть на могилахъ своихъ родныхъ спустя года два послѣ свадьбы. Въ первое же время „молодухѣ" считается неприличнымъ плакать и причитать, т. к. могутъ подумать, что она несчастлива въ замужествѣ.

Причитаютъ на кладбищѣ обыкновенно два раза въ годъ, когда справляютъ поминки по умершимъ. Народъ собирается на кладбищѣ съ кутьей, пирогами, чаемъ и т. п. Женщины отыскиваютъ могилы родныхъ и, падая ничкомъ, начинаютъ плакать и причитать нараспѣвъ. Сначала можно разобрать слова, но мало-по-малу онѣ увлекаются, притворный плачъ переходитъ въ рыданія и нерѣдко кончается истерикой и обморокомъ.

До особеннаго иступленія доходятъ круглыя сироты, жизнь которыхъ по большей части не красна.

Пѣснь дѣвушки-сироты особенно длинна и переполнена жалобами на судьбу; остальныя поминальныя пѣсни представляютъ лишь разнорѣчія ея и значительно короче. Вотъ текстъ этой пѣсни:

Не шуми роща зеленая,
Не убойтесь-ко родители,
Не убойтесь-ко, сердечные.
Не рѣка теку, не потоплю,
Не огонь иду, не обожгу.
Я иду, бѣдна горюница,
Со злодійной, со обидушкой,
Со безсчастною кручинушкой.
У меня, бѣдной горюшицы,
Ужъ какъ злодійноей обидушки,
Окаянноей кручинушки
И великой досадушки:
Какъ порогъ [1]) шумитъ съ обидушкой,
И котелъ кипитъ съ кручинушкой,
А ретивое сердечушко
Почернѣе черна ворона,
Посизѣе сиза голубя.
Топь [2]) сердечушко болешенько,
Топь житье да веселешенько.
Охти мнѣ, да охти мнѣчушки.
У меня-ль, бѣдной горюшицы,
Сердце клубышкомъ катается,

[1]) Водопадъ.
[2]) Такъ.

Сердце кровью обливается,
Все желанья добирается.
Какъ до чужаго желаньица
Много надо прививаньица.
Напъ *) шелкомъ да прививатися,
Жемчугомъ да присыпатися,
Водой надо приливатися;
Надо много ума-разума,
Напъ головушка поклонная,
Напъ сердечушко покорное,
На язычки напъ медочики,
Хоть на сердцѣ и ледочики.
Напъ ходить, не проступатися,
Говорить, не ошибатися,
На походку надо стопочка,
На поскокъ да надо плеточка.
Напъ клонить буйна головушка
Отъ верху да до сырой земли,
Напъ корить да ретиво сердце
Всему міру православному.
Надо силушка звѣриная,
Могута да лошадиная,
Напъ поскокъ да сѣра заюшка,
Поворотъ да горностаюшка.
Про сиротъ, да людей бѣдныихъ,
Про головушекъ несчастныихъ,
Коимъ вѣтрушкамъ не вѣяти,
Тѣи вѣтрушки навѣялись,
Которымъ людямъ не баяти,
Тѣи людюшки набаялись.
Вѣютъ вѣтрушки съ припадками,
Говорятъ люди съ прибавками;
Вѣютъ вѣтрушки отъ Господа,
Люди баютъ отъ своей думы;
Вѣютъ вѣтрушки срываются,
Люди баютъ—убиваются,
Про сиротъ, да людей бѣдныихъ,
Про головушекъ безсчастныихъ:
Какъ сиротки люди бѣдные,
Они въ улушкѣ дурливые,
А въ избѣ да хлопотливые,
А на праздничкахъ гульливые,
На работушку лѣнивые,
На языки лепетливые,
На словечки несдержливые,
На словахъ неуважительны,
На рѣчахъ неуступительны,
За столомъ да большевыйные.
На сиротскихъ людяхъ бѣдныихъ,
На нихъ платьице тлѣемъ тлѣётъ,
А обуточка огнемъ горитъ.

*) Надо.

У сиротъ да людей бѣдныихъ,
Какъ отъ этихъ словъ немилыихъ
Сердце клубышкомъ катается,
Сердце червикомъ свивается,
Сердце кровью обливается.
У сиротъ ли, людей бѣдныихъ,
У головушекъ несчастныихъ,
Какъ злодійноей обидушки,
Окаянноей кручинушки,
Не вѣсомъ да было вѣшано,
Не числомъ да было кладено,
Не на деньги было куплено,
Не въ людяхъ было занимано.
Какъ злодѣйноей обидушки,
Еще горюшка въ три морюшка,
Слезъ горючихъ въ три озерушка.
Какъ по сегодняшнему де́ничку
Сѣсть обидушка разсказывать—
Мнѣ во лѣтній день не высказать,
Окаянная выплакивать—
Во осенню ночь не выплакать.
Сѣсть обидушка записывать—
На гербовый листъ не выписать.
Какъ злодійная обидушка
Не по множечко скопилася,
Крѣпко на сердце садилася,
На ретивоемъ скопилася.
Противъ моего сердечушка,
Что лядинка лѣса темнаго,
Какъ заносы снѣжку бѣлаго,
Погребки, да ледку яраго.
Какъ не въ пору, да не во время
Снѣжки бѣлые повыпали,
Ледки яры становилися,
На ретивоемъ скопилися.
Только есть ли въ людяхъ бѣдныихъ,
Только есть ли въ людяхъ горькіихъ,
По всему ли свѣту бѣлому
Горя горькаго раскладено,
Моего на свѣтѣ больше нѣтъ.
У меня, бѣдной горюшицы,
Это тихо красно лѣтушко,
Западетъ сердце ретивое.
Какъ не помню ли я, бѣднушка,
Ужъ отъ кого была спорожена:
Я отъ облачка-ль бѣгучаго,
Я отъ вѣтрушка-ль віючаго,
Я отъ камешка горючаго,
Во чистомъ ли полѣ найдена,
Во сыромъ бору-ль поимана.
Я на бѣлый свѣтъ спорожена

На вѣково гореваньице,
На всесвѣтно поруганьице.
Я не въ ладный часъ родилася,
Не въ счастливый въ свѣтъ явилася;
Я во̂ ту пору родилася,
Христа въ домѣ не случилося,
Богородица въ соборъ ушла,
Всѣхъ святителей съ собой взяла,
У меня счастья пріотняла.
Мнѣ безсчастьица пріотдала.
Въ эти годички учетные
Я хожу, бѣдна горюшица,
Будто травка подкошенная,
Будто елка подсушенная.
Я безъ вѣтрушка шатаюся,
Безъ дождя да уливаюся,
Не весельемъ занимаюся,
А слезами обливаюся.
Посмотрю, бѣдна горюшица,
Не на сиротныхъ на дѣтушекъ:
У нихъ въ праздничекъ обновочка,
Въ Воскресеньице покупочка,
На недѣлюшкѣ заступушка.
И головка у нихъ гладится,
Волосъ къ волосу подладится;
Какъ на каждой волосиночкѣ
По скаченой жемчужиночкѣ.
У меня жъ, бѣдной горюшицы,
Придетъ праздничекъ—обидушка,
Въ Воскресеньице—кручинушка,
На недѣлюшкѣ—досадушка.
Какъ головушка не гладится,
Волосъ къ волосу не ладится,
Руса косынька шерстинится,
Волоса̂ мои паршивятся;
Какъ на каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.
У меня, у красной дѣвушки,
Нѣтъ по ноженькамъ обуточки,
Нѣтъ по плечикамъ надѣточки,
Нѣтъ по силушкѣ работушки,
Нѣтъ по разуму заботушки.
За великіимъ за счастьицемъ
Соколомъ не налетатися,
Отъ злодійнаго безсчастьица
На конѣ да не уѣхати,
Какъ пѣшкомъ да не убѣгати;
Отъ меня не оставается,
Все за мной во слѣдъ гоняется,
Мнѣ родней да называется,
Мнѣ сестрой да нарекается.
Я пыталась было, бѣднушка,
Какъ ходить, искать желаньица,
У своихъ ли сродцевъ-сродничковъ,
У моихъ ли да у сродничковъ.
Какъ желаньице часовое,
А сердечушко коловое
Надо мной да насмѣхаются,
Надъ собой да не начаются;
Я не знаю, да не вѣдаю,
Примѣнить, да умомъ разумомъ,
Своимъ глупымъ, не разумныимъ,
Какъ мнѣ жить да на бѣломъ свѣту,
Вкругъ кого да обвиватися,
Въ комъ желанья добиратися.
Какъ искать было желаньица
Мнѣ во чужіихъ во людюшкахъ,
Только чужое желаньице,
Не родительсмо рыданьице.
Я пытала, было бѣднушка,
Въ эти годички учетные,
Какъ по крутому по бережку;
Я у крутыихъ у прежичковъ,
Я у сѣрыихъ у камешковъ;
Не могла я найти, бѣднушка,
Я не во стѣ, не во тысячи,
Не по свѣтлому по мѣсяцу,
О годовыихъ о праздничкахъ,
О Христовыхъ Воскресеньицахъ,
Во толпахъ да красныхъ дѣвушекъ,
Во старицахъ, во молодушкахъ,
Какъ свою родитель-матушку,
Какъ свого кормильца-батюшку,
Въ старичкахъ искать во старыихъ.
Не смогла я прибрать, бѣднушка,
Я ни возрастомъ, ни волосомъ,
Я ни волосомъ, ни голосомъ,
Я ни сличьемъ человѣческимъ,
Я ни личушкомъ бумажныимъ.
Охти мнѣ, бѣдной, тошнехонько,
Сколь гораздо обиднешенько,
Нѣтъ тошнѣе того некуда,
Обиднѣе того не пошло.
Я пытала было, бѣднушка,
Оставлять свою обидушку
Я во темныихъ во лѣсушкахъ,
А злодійная обидушка
Все за мной во слѣдъ гоняется,
Мнѣ родней да называется,
Мнѣ сестрой да нарекается.
Говорила было, бѣднушка,
Я злодійноей обидушкѣ:
Ты злодійная обидушка,
Окаянная кручинушка,
Не доли-ка меня, бѣднушку,
Ты во каждую во порушку,

Ты во каждое во времячко,
О годовыихъ о праздничкахъ,
О Христовыхъ Воскресеньицахъ,
Какъ ты доли-ка меня, бѣднушку,
Только съ порушки на порушку,
Хоть бы съ времячка на времячко.
Какъ обидушка не уймится,
Все злодійна не уходится,
Впереди да не укатится,
Назади да не останется.
Какъ дождусь, бѣдна горюшица,
Дождусь веснушки красивоей,
Дождусь порушки гульливоей;
Пройдетъ времячко тоскливое,
Со хорсмъ да снѣжки вытаютъ,
Со рѣки да ледокъ вынесетъ,
Пройдутъ малые источники,
Пробѣжатъ да ручеечики,
Протекутъ да рѣки быстрыя;
Я повыйду, дочь безсчастная,
Я край крутого, край бережка,
Ко глубокому озерышку,
Ко текучей быстрой рѣченькѣ;
Отнесу, бѣдна горюшица,
Какъ свою горьку обидушку,
Окаянную кручинушку,
Я на ярые ледочики,
Я на бѣлые снѣжочики.
Унесетъ у мня, у дѣвушки,
Все злодійное безсчастьице,
Какъ на синія на морюшка,
Какъ на чистыя, на полюшка,
Пусть водой да заливается,
Пусть волной да захлебается.
Какъ налетятъ гуси-лебеди,
Сѣро-плавны малы утушки,
Какъ заморски бѣлы птиченьки,
Какъ косаты лѣтны ластушки,
Попрошу, бѣдна горюшица,
У косатыхъ лѣтныхъ ластушекъ:
Вы летали-ль, гуси-лебеди,
Во чужихъ дальнихъ сторонушкахъ?
Не бывало ли свиданьица,
На дороженькѣ стрѣтаньица [1])
Со кормильцемъ свѣтомъ-батюшкой,
Со родителькой, со матушкой?
Отвѣчаютъ гуси-лебеди:
Ужъ ты глупа неразумная,
Голова да безразсудная,
Еще вѣкъ того не водится,
Что со мертвыхъ да живой родится.
Поспрошу, бѣдна горюшица,
У текучей быстрой рѣченьки:
Каково тѣ, рѣчка быстрая,
Жить подъ ярыми ледочками,
Плыть подъ бѣлыми снѣжочками,
Эту зимушку студеную,
Эту порушку холодную?
Отвѣчаетъ быстра рѣченька:
Каково тебѣ безсчастная
Безъ сердечныихъ родителей?
Не красенъ да день безъ солнышка,
Не ясна да ночь безъ мѣсяца,
Топъ [2]) счастливо житье-жирушка
Безъ сердечныихъ родителей!

Въ обрядовыхъ пѣсняхъ, сопровождающихъ вѣнецъ дѣвушки-сироты, тоже есть маленькая разница сравнительно съ пѣснями, которыя поютъ для дѣвушки, имѣющей родителей. Сироту выдаютъ замужъ ближайшіе родственники: тетка, сестра или, въ крайнемъ случаѣ, крестная мать. Заплачка, катанье—все происходитъ своимъ чередомъ, но выпускаются пѣсни, обращенныя къ родителямъ. Во время же катанья дѣвушка первымъ долгомъ считаетъ ѣхать на кладбище и поплакать на могилѣ родителей: отдѣльно на могилѣ матери и на могилѣ отца; текстъ впрочемъ, одинъ и тотъ же, только измѣняется самое обращеніе.

Затѣмъ всѣ обряды слѣдуютъ безъ измѣненія, только по возвращеніи изъ бани дѣвушка обращается съ жалобой къ теткѣ, или сестрѣ, а не къ матери. Всѣ эти пѣсни и обычаи непремѣнно сопровождаютъ каждую свадьбу, даже у мѣщанъ они не выпускаются.

---

[1]) Встрѣчи.

[2]) Такъ.

Во время ѣзды „съ добровтомъ“ подруги невѣсты поютъ пѣсни, при чемъ излюблеными являются слѣдующія:

Красота-ли моя красота,
Красота-ли моя дѣвичья,
Я возьму-ли свою красоту,
Я возьму-ли свою дѣвичью
На свои-ли ручки бѣлыя,
На перстни свои злаченые,
Отнесу я свою красоту
Не подалече въ чисто-поле,
Я кладу-ли свою красоту,
Я кладу-ли свою дѣвичью,
Я на землю, на талую,
На траву, на шелковую.
Отойду я прочь, послушаю,
Что не плачетъ-ли красота моя
Вотъ не тужитъ-ли моя дѣвичья;
Вотъ по улицѣ суземскоей
Мужички шли деревенскіе.
На красу-ли разглядѣлися,
На красоту дивовалися,
Еще чья-то эта красота?
Еще чья-то эта дѣвичья?

***

Во чистомъ-полѣ дубъ стоитъ.
Дубъ безъ вѣтрушка качается,
Безъ дождя дубъ уливается.
Еще много у сыра дуба
Много есть листу зеленаго
Какъ еще нѣту у сыра дуба,
Золоченой нѣту маковки,
Позолоченой вершинушки.
Какъ во теремѣ высокоемъ
Жарко плачетъ душа-дѣвица.
Еще много есть у дѣвушки,
Много сродцевъ, много сродничьковъ,
Еще нѣту-же у дѣвушки
Нѣтъ сердечныихъ родителей.
Снарядить-то есть кому,
Благословить ея некому.
Снарядятъ ее подруженьки,
Благословятъ ее чужи люди,
Чужи люди—дальни сроднички!
Жарко, жарко во теремѣ,
Пожарчей того свѣча горитъ.
Горько плачетъ душа-дѣвица
По своей да по русой косѣ,
По баженой дорогой волѣ!
Утѣшаетъ ее маменька:
„Ты не плачь-ко, моя умная,
Не тужи, радость разумная,
Мы тебя вѣдь не въ полонъ даимъ,
Мы тебя вѣдь замужъ выдаимъ.
Что за умнаго, разумнаго,
За хорошаго, пригожаго,
За (имя) свѣтъ (отчество)“.

Величальная пѣсня, за которую женихъ одариваетъ дѣвушекъ:

Какъ по садику, садику,
По зеленъ садъ, виноградику
Сокаталося два яблочка,
Два яблочка, два садовенькихъ,
Два пряничка городовенькихъ.
Что первый-то яблочекъ
(Имя жениха) свѣтъ (отчество),
А еще другой - отъ яблочекъ
(Имя невѣсты) свѣтъ (отечество).

Въ этихъ пѣсняхъ невольно выливается вся душа крестьянской женщины, и если она и произноситъ лишь заученныя съ дѣтства слова, то все-же нельзя отрицать, что именно эти слова соотвѣтствуютъ ея мыслямъ: вѣроятно, поэтому крестьяне очень неохотно пересказываютъ свои пѣсни посороннимъ лицамъ. Будучи крайне самолюбивыми, они боятся насмѣшки надъ пѣсней—выражающей ихъ тайныя мысли и мечты, боятся также, чтобы какія-нибудь прибавки или пропуски не вкрались въ текстъ и не исказили его. Благодаря этому, Олонецкая губернія, вѣроятно, будетъ одна изъ послѣднихъ, гдѣ семейная пѣснь отойдетъ въ область „преданій старины глубокой“.

Ел. Дмитревская.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ.

1821-й годъ [1].

Семердино [2]), 6 Іюня 1821.

Вотъ третій день, что мы въ деревнѣ, любезный братъ. Еще не основались, все разбираемся, учреждаемся, а потому писать къ тебѣ я еще не успѣлъ, да и не было оказіи. Посылаю за Ильинымъ, котораго милый Запетамандантъ [3]) опять мнѣ отдаетъ на лѣто. Пользуюсь симъ первымъ случаемъ, чтобы начать опять *необходимую* для меня съ тобой переписку. Дорóга была такъ дурна, что мы проѣхали 56 верстъ почти сутки цѣлые, часто выходили изъ повозокъ, и чуть (хотя мы и не партизаны) не пришлось намъ переходить рѣки́ три вплавь, ибо вездѣ снесло мосты, прорвало плотины и попортило дороги. Дѣло въ томъ, что мы дома! Время хорошо, но все еще холодно. Мы всѣ, слава Богу, здоровы, большіе и малые. Крестьяне намъ очень обрадовались; я навезъ разныхъ гостинцевъ и дарю мальчикамъ и дѣвочкамъ. Les petits cadeaux entretiennent l'amitié. Староста меня насмѣшилъ. Это почтенный старикъ лѣтъ въ 80, но еще довольно бодръ; явился и поздравляетъ съ царскою милостью. Съ какою? (Я и забылъ о Костѣ). Какъ же, батюшка! Люди-то сказывали, что Константина Александровича нашего пожаловали государевымъ пыжомъ! Только теперь Костю все называютъ пыжомъ.

Мы все жалѣемъ о преждевременной кончинѣ бѣднаго этого князя Василія [4]). Отецъ перенесъ это испытаніе, но я все-таки боюсь, что оно будетъ имѣть для него пагубныя послѣдствія. Странно, что у Хованскихъ (т. е. у многихъ) есть какая-то наклонность къ сумасшествію, а многіе точно умерли этою ужасною болѣзнью. Помнишь, какъ князь Яковъ насъ пугалъ въ дворцовомъ саду въ нашей юности. Братъ его,

---

[1]) См. выше, стр. 46.

[2]) Подмосковная А. Я. Булгакова, близъ Сергіева Посада. Тамъ онъ проводилъ цѣлые мѣсяцы въ теченіе многихъ лѣтъ и оставилъ еще до сихъ поръ не вымершій слѣдъ. П. Б.

[3]) Т. е. Московскій комендантъ А. А. Волковъ.

[4]) Это вѣроятно князь Хованскій, одинъ изъ племянниковъ тестю А. Я. Булгакова.

князь Андрей, также умеръ въ сумасшествіи. Au reste, la famille n'a que s'en glorifier, car on ne peut pas perdre ce qu'on n'a pas; mais il est aussi vrai que vaut mieux garder sa bêtise, que perdre l'esprit. Я радъ, что Хилковъ избавилъ тебя непріятной комиссіи объявить несчастному отцу о смерти сына его; но, повѣрь мнѣ, на эти непріятныя комиссіи всегда находятся охотники.

Подлинно очень разительно обстоятельство, что Всеволжскій долженъ былъ объявить Хованской о смерти ея сына, а она ему о смерти дочери его. Это гласъ Божій, говорящій: очнитесь, негодные!

Здѣсь о бывшемъ славномъ градѣ разсказываютъ ужасы. Недалеко отъ насъ убило имъ цѣлое стадо скотины; осталась въ живыхъ одна только свинья, которой не разсудилось за благо умереть для компаніи.

Рѣчи Фокса и Питта я не только получилъ, но и прочелъ первый томъ. Мнѣ кажется, что Фоксъ краснорѣчивѣе; за то Питтъ убѣдительнѣе. Впрочемъ, это перемѣняется, смотря по сюжету, о коемъ они разсуждали.

Слышу шумъ, бѣганье, что̀ такое? Поймали въ рощѣ ежа; дѣти и смѣются и трусятъ, особливо же храбрецъ нашъ г-нъ пыжъ: и хочется подойти поближе и посмотрѣть, и боится.

Ну, братъ, какого быка и коровъ прислалъ мнѣ гр. Ростопчинъ изъ Воронова [1])! И имъ ведется у него генеалогія, какъ лошадямъ. Быкъ называется Геркулесомъ. Я и не знавши догадался, что это его имя: ужасная махина и очень смиренъ. Желаю очень, чтобы у насъ завелся такой скотъ. Теперь буду ожидать обѣщанныхъ лошадей. Скотникъ, пригнавшій быка и коровъ, говоритъ, что онѣ должны быть уже въ дорогѣ по слухамъ въ Вороновѣ. Буду писать графу и благодарить его.

Сегодня всталъ я очень рано и пошелъ въ верхъ на мезонинъ, гдѣ долго разбиралъ бумаги. По твоему препорученію отыскалъ тѣ, что̀ ты имѣть желаешь; буду ихъ посылать тебѣ по частямъ со всякимъ письмомъ, а найдется здѣсь ящикъ, то я все вдругъ пришлю. Твоихъ писемъ ко мнѣ преизрядная коллекція, я ихъ привожу въ порядокъ и переплету ихъ, такъ какъ батюшкины къ Алексѣеву; а его къ батюшкѣ я еще не отыскалъ. Вообще я всѣ бумаги хочу привести въ порядокъ и переплесть то, что̀ заслуживаетъ; этимъ онѣ сберегутся [2]).

---

[1]) Знаменитое Вороново, нынѣ принадлежащее Аннѣ Сергѣевнѣ Сабуровой (урожд. графинѣ Шереметевой). И послѣ погрома 1812 года, у графа Ростопчина въ Вороновѣ было обширное и разнообразное хозяйство.

[2]) Благодаря этой заботливости, сберeглись и печатаемыя здѣсь письма.

Семердино, 8 Іюня 1821.

Ты меня сильно порадовалъ арендою пожалованною графу Каподистріи. Кому давать ихъ, ежели не тѣмъ, которые жертвуютъ для пользы службы всѣмъ временемъ и здоровіемъ своимъ и которые столь умѣютъ хорошее употребленіе дѣлать изъ достоянія своего? Пожалуй, скажи графу мое душевное почтеніе и поздравленіе, ежели сочтешь это у мѣста.

Въ Москвѣ поговаривали давно, что Меньшикову [1]) не такъ хорошо. Ежели подлинно поѣдетъ посланникомъ въ Голландію, то симъ слухи, кажется, оправдаются; но по его уму и осторожному поведенію невѣроятно, чтобы онъ навлекъ на себя когда-либо малѣйшее неудовольствіе.

Это не Вяземскій! Записка Тургенева очень меня встревожила: я люблю очень Вяземскаго, онъ честный и добрый малый, но очень вѣтренъ и неостороженъ. Мы были на одномъ обѣдѣ въ Варшавѣ, гости раздѣлились на два мнѣнія и спорили горячо. Съ одной стороны были Волковъ, я, Нессельроде [2]), адъютантъ цесаревича Моренгеймъ [3]) и другіе, а съ другой нѣсколько Поляковъ и Вяземскій, который защищалъ избраніе въ депутаты извѣстнаго режисида Грегуара. Мы и тогда говорили Вяземскому, что не мѣсто было тутъ (въ трактирѣ) такъ вольно изъясняться, а онъ отвѣчалъ: «у насъ бываетъ это всякій день sans que cela tire à conséquence». Впрочемъ, сообщеніе Тургенева довольно еще темно, и я буду ожидать отъ тебя подтвержденія, но все это дѣло сбыточное. Теперь не то время говорить пустяки; ими прежде пренебрегали, но теперь хотятъ, чтобы и въ разговорахъ даже соблюдаема была благопристойность и уваженіе къ правиламъ, кои Государь столь явно и торжественно провозглашаетъ.

*

Семердино, 9-го Іюня 1821.

Изъ письма твоего № 89 вижу я яснѣе, въ чемъ состоитъ Вяземскаго исторія [4]). Ты давно это пророчилъ, любезный братъ; да и я ему тоже говорилъ въ послѣднее его пребываніе въ Москвѣ, упираясь и

---

1) Князю Александру Сергѣевичу, въ наши дни адмиралу. Передъ тѣмъ онъ, будучи флигель-адъютантомъ, сопровождалъ Государя въ его поѣздки по Европѣ и по Россіи, при чемъ у него были тщательныя приспособленія для храненія возимыхъ бумагъ.

2) Это родственникъ графа Карла Васильевича что потомъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

3) Сынъ придворнаго акушера (оказавшаго, важную услугу великому князю Константину Павловичу) и отецъ того, что недавно былъ нашимъ посломъ въ Парижѣ. Онъ передъ тѣмъ служилъ при посольствѣ въ Испаніи. На его вдовѣ женился П. А. Мухановъ.

4) Н. Н. Новосильцовъ, при которомъ служилъ въ Варшавѣ князь П. А. Вяземскій, воспретилъ ему возвращаться къ нему изъ отпуска.

на одно письмо его ко мнѣ, очень вольно и необдуманно писанное; онъ все не соглашался и повторялъ: «Дай мнѣ прочесть письмо это; тамъ нѣтъ ничего, въ чемъ можно бы меня упрекать!» Ты читалъ это письмо, кажется и Тургеневъ, и оба вы негодовали на Вяземскаго, но все это moutarde après souper. Онъ не хотѣлъ вовремя остеречься и попалъ впросакъ. Я увѣренъ, что онъ себя со временемъ оправдаетъ, но все непріятность уже сдѣлана. Я не подозрѣваю ни Моренгейма, ни Нессельроде, они ребята добрые и знаютъ хорошія свойства Вяземскаго. Я во всемъ подозрѣваю Байкова, онъ ему небольшой доброжелатель, да сверхъ того и радъ былъ къ чему нибудь придраться, чтобы выжить его изъ Варшавы, желая основаться одному у Новосильцова. Байковъ большой интриганъ; ежели вѣрить тому, что̀ и прежде говорили, то онъ былъ виновникомъ, что и посольство Головкина въ Китай не удалось. Реманъ также былъ того мнѣнія.

Я читалъ въ газетахъ рескриптъ, коимъ Меттернихъ жалуется въ канцлеры. Нѣтъ сомнѣнія, что Австрія выпуталась со славою изъ всѣхъ своихъ хлопотъ въ Италіи; но меня болѣе сто разъ канцлерства радуетъ аренда Каподистріи, ежели подлинно она столь значительна. Татищевъ долженъ торжествовать, видя, что либеральныя идеи и чувства не въ модѣ; онъ всегдаб ылъ великій ихъ ненавистникъ.

Я очень удивляюсь всему тому, что̀ ты говоришь о графѣ *) Головинѣ. Время все открываетъ! Слава Богу, что Журавчикъ выпутался безъ убытку. Онъ поступилъ какъ, умный и осторожный человѣкъ. Не зная даже худого положенія дѣлъ графа, онъ зналъ, что онъ очень боленъ, а все лучше кончить счеты, а не имѣть дѣла съ наслѣдниками. Мы, слава Богу, узнали въ одно время о болѣзни и выздоровленіи Государя. Я полагаю, что все произошло отъ перемѣны климата, жившп столь долго въ умѣренномъ и хорошемъ климатѣ. Благодареніе Всевышнему! Видно, въ гвардіи большія перемѣны, и я радуюсь, что вижу въ главныхъ лицахъ все пріятелей Закревскаго: Паскевичъ, Бистромъ, Шеншинъ—все люди хорошіе. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы слышалъ я, что и Трубецкой, генер. адъют., впалъ въ немилость. Бутягина поздравляю съ сыномъ, а Северину бью челомъ. Конечно, пріятно писать, но еще бы лучше жить вмѣстѣ. Зачѣмъ Chesterfield жилъ въ разлукѣ съ сыномъ? Зачѣмъ m. Sevigné жила розно съ дочерью? Зачѣмъ мы съ тобою были почти 14 лѣтъ въ разлукѣ? Зачѣмъ это и теперь продолжается? Когда это кончится? Когда будемъ вмѣстѣ?

---

*) Умершій въ 1820 г. другъ графа Растопчина, оберъ-шенкъ графъ Николай Николаевичъ Головинъ оставилъ дѣла свои въ разстройствѣ. Его торговое село Воротынецъ (нынѣ удѣльное) подъ Васильсурскомъ разыгрывалось въ лотерею.

Семердино, 11-го Іюня 1821.

Le mot de Tourguéneff à Pouchkine est très heureux, и подлинно языкъ турнулъ его еще далѣе Кіева. Я надѣюсь, что Вяземскій воспользуется урокомъ: могло бы еще хуже это все кончиться. Не ѣхать въ Варшаву еще бѣда не большая, она ему самому надоѣла, все можетъ быть къ лучшему; желаю сего, ибо люблю Вяземскаго, а онъ предобрый малый и благородно мыслящій, только слишкомъ начитался *Минервы*, а она не всегда премудра и разсудительна.

Я радъ, что Государь увидитъ прекрасную Италію, прелестный Неаполь и славный Римъ *), ибо вѣрно съѣздитъ во всѣ эти города. Жаль мнѣ бѣднаго Коризну; былъ малый хорошій, какъ и всѣ окружающіе Закревскаго. Ты знаешь, что Волковъ, коего страсть дѣлать свадьбы, женилъ брата покойнаго на дочери побочной Ник. Ник. Бахметева, дѣвицѣ очень милой; не знаю правда ли, но меня увѣряли, что онъ продулъ въ карты все приданое своей жены. Онъ всегда былъ игрокомъ, и братъ сказывалъ, что онъ и первую свою жену уморилъ отъ печали.

Карамзинъ не только до меня дошелъ, т. е. IX томъ, но я даже и прочелъ уже его. Самое пріятное чтеніе, et l'historiographe ne s'est pas gêné en parlant de ce tyran qui méritait un autre titre que celui de *Грозный*. Il dit avec beaucoup de finesse dans un autre endroit: «Россія 24 года сносила губителя, вооружась единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы въ лучшія времена имѣть Петра Великаго, Екатерину Вторую (*исторія не любитъ именовать живыхъ*)». Le compliment est assez clair, mais aussi juste.—Ай да Головинъ! Куда больно, когда бранятъ мертваго, а заступиться нельзя! Только я увѣренъ, что комиссія, назначенная для изслѣдованія дѣлъ покойнаго графа, откроетъ большія злоупотребленія. Головинъ совсѣмъ не такъ жилъ, чтобы надѣлать 7 милліоновъ долгу при такихъ доходахъ.

Завидую вашимъ обѣдамъ у Каподистріи и Нессельроде. Не только славно покушаешь, но славно наговоришься съ людьми пріятными и насъ любящими. Тутъ добрый Закревскій не послѣднюю играетъ роль. Теперь онъ, я думаю, уже получилъ грамотку моего пажика.

У меня набралась толстая связка писемъ Тургенева, Влодека, Ростопчина, Закревскаго, Вяземскаго, Алексѣева и другихъ; приведу по числамъ въ порядокъ, а, можетъ, и переплету. Въ старости пріятно

*) Въ Римъ императоръ Александръ Павловичъ не ѣздилъ.

будетъ это перечитывать. Послѣ тоже сдѣлаю съ батюшкиными бумагами. Твоихъ писемъ у меня такое множество, что не перечитать ихъ въ мѣсяцъ. Ихъ бы достаточно было, чтобы написать полную твою жизнь.

*

Сельцо Семердино, 14 Іюня 1821.

Ты знаешь, что моя мысль была отдать Костю Сергѣю Глинкѣ; но пожалованіе его въ пажи и разстройство, происшедшее въ заведеніи Глинки по злобѣ, зависти и интригамъ, которыя, заставивъ многихъ взять дѣтей своихъ обратно, уменьшили тѣмъ и средства его, все это заставило меня перемѣнить мысли. Есть здѣсь пансіонъ, составленный Муромцовымъ, по какому-то сильному побужденію заниматься такимъ упражненіемъ; тутъ и его собственныя дѣти и 25 чужихъ, все подъ его надзоромъ. Тутъ и Волкова Паша, дѣти Волконскаго, зятя графини Пушкиной, Четвертинскаго, Ралля и пр.; всѣ очень хвалятъ, я и вѣрю; но дѣло въ томъ, что это заведеніе началось едва годъ. Какъ ручаться въ успѣхѣ? Кто кончилъ тамъ свое образованіе? Развѣ Муромцовъ не можетъ умереть (чего Боже сохрани), развѣ Ришельевскій Лицей не рушился отъ того, что аббатъ Николь отошелъ? О другихъ пансіонахъ въ Москвѣ и говорить не стану. Къ Пажескому корпусу по всему, что̀ мнѣ говорили объ немъ, и именно Брокеръ, отъ котораго я слышалъ, что не было недѣли, чтобы пажи не попадались на съѣзжія, не былъ я никогда расположенъ. У насъ у обоихъ была, стало, одна мысль, т. е. Царскосельскій Лицей. Узнавши отъ тебя, что Вася *) туда рѣшился отдать братьевъ своихъ, я еще болѣе держаться сталъ этой мысли; твое мнѣніе, будучи тоже, меня совершенно въ ней утверждаетъ. Костя преисполненъ и способностей, и похвальнаго самолюбія. Онъ захочетъ тѣмъ болѣе отличиться, что будетъ знать, что учится почти подъ глазами своего Государя, коему можетъ имѣть счастіе сдѣлаться извѣстнымъ лично и съ хорошей стороны, а впечатлѣніе сіе остается долго, и полезнѣе намъ всѣхъ просьбъ, протекцій и старательствъ родныхъ. Лицей—твореніе Государя, и онъ, какъ человѣкъ, не можетъ не жаловать тѣхъ, кои будутъ ему приносить честь. Я не знаю, зачѣмъ ты думалъ, что Наташа этому не будетъ рада. Напротивъ, она теперь признается, что всегда этого желала сама, но не говорила, зная мое намѣреніе ввѣрить Костю Глинкѣ. Она сама хотѣла тебѣ писать. Я тебѣ ввѣряю съ сердечною радостію Костю, а взявъ его на свои руки, ты избавляешь меня и значительныхъ издержекъ: я, право, не знаю, какъ буду жить, когда все это

*) Князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ, женатый на гр. А. П. Строгановой.

подрастетъ. Куда бы я дѣвался съ восемью человѣками дѣтей? Сколько я горевалъ объ умершихъ, а выходитъ, что Богъ все премудро устраиваетъ. Ежели все это устроится, какъ мы желаемъ, то тогда два Константина будутъ меня тянуть въ Петербургъ; но поселиться тамъ мнѣ все и подумать нельзя. Я не знаю, учатъ ли въ Лицеѣ музыкѣ и танцованію, а мнѣ это хочется очень; у него же большія способности къ тому и другому. Танцы покидаютъ насъ съ лѣтами, но нѣтъ причины бросать музыку: это отрада большая, и мнѣ помнится, что старикъ графъ Вельгорскій, дѣдъ нонѣшнихъ, игралъ изрядно на скрипкѣ и въ 84 года.

Смотрѣли мы теперь на работу, почти самую тяжелую, т. е. унавоживаніе полей. Этотъ годъ навозу множество на скотныхъ дворахъ: это обѣщаетъ хорошій хлѣбъ на будущій годъ. Мы не въ Сициліи, гдѣ, безъ навозу, на одной и той же землѣ собираются три и четыре разныя жатвы. Когда я поѣхалъ изъ Палермы, плакали помѣщики, что голодный годъ, нечего будетъ продавать, пшеница родилась только самъ-*шестъ,* excusez du peu! Но я что-то далеко заѣхалъ, изъ Семердина попалъ въ Сицилію. Вчера получилъ я письмо отъ В. Л. Пушкина, и онъ описываетъ мнѣ исторію Вяземскаго еще подробнѣе, сожалѣя, какъ и мы всѣ, что это послѣдовало. За Вяземскаго сердце я поручусь, но голова дѣло другое. Je dis à Pouchkine, que W. a voulu avoir sa part de louanges prodiguées à l'Assemblée des Députés par Lafayette et consors à l'esprit et à l'expérience de la jeunesse du siècle.

Qu'avez-vous? спросила жена, видя, что я смѣюсь, читая твое письмо; dites donc! А я не могъ не захохотать, читая разсказы о моемъ Неапольскомъ королѣ, который выѣзжалъ изъ Лейбаха въ 6-мѣстной каретѣ, имѣя при себѣ tout son ministère, savoir un capucin, un chien et deux petits ours dans une corbeille; не доставало шута, обезьяны и попугая. — Уваровъ поѣхалъ въ Римъ! Но который, генералъ или піитъ? *).

*

Сельцо Семердино, 15 Іюня 1821.

Чтобы поквитаться съ тѣмъ, что̀ сообщаешь мнѣ отъ Меньшикова, выписываю изъ письма гр. Ростопчина то, что̀ говоритъ онъ о Французахъ, надъ коими не перестаетъ подшучивать при всякой оказіи: «Les Français, dit-il, n'abandonnent les chansons et les folies que pour s'occuper de sottises. Ces messieurs ne pourront se vanter d'un

*) Т. е. Θедоръ Петровичъ или Сергѣй Семеновичъ (графъ). Въ Италію лечиться поѣхалъ тогда первый изъ нихъ.

gouvernement représentatif que quand ils sauront se taire et écouter à propos; ils ne seront l'appui de la monarchie que quand ils rejetteront l'expression *prêter serment* pour faire la chose loyalement; ils deviendront républicains quand ils n'auront plus les 120 plats de réstaurateurs et qu'ils mangeront des lentilles et boiront de l'eau». Говоритъ, что Корсакова уѣхала, промотавшись такъ, что не заплатила Орлову Гришѣ, который за нее поручился у банкира. Potier переходитъ опять въ Variété и пр. Очень хвалитъ Шредера, чему я очень радъ.—Тесть пишетъ, что дочь Щербатова, князя Алекс. Алекс., бѣжавшая съ кѣмъ-то изъ дому отцовскаго, съ ума сошла.—Теперь и умри безсмертный Наполеонъ, мало будутъ говорить; а я помню, что въ 1813 году, во время блокированія Дрездена, гдѣ онъ былъ, писали, что онъ опасно боленъ, и это произвело страшную тревогу во всей Европѣ. Altri tempi, altre cure. Корреспонденцію этого бывшаго проказника, обѣщаемую тебѣ давно Сенфлораномъ *), буду ожидать съ нетерпѣніемъ.

*

Семердино, 17 Іюня 1821 года.

Худо жить патріархамъ въ нонѣшнемъ вѣкѣ, въ коемъ завелась мода нападать на все, что̀ бывало наисвященнѣйшаго въ мірѣ. Въ Царьградѣ говорятъ о срубленной головѣ такъ, какъ у насъ здѣсь о срубленномъ деревѣ, да еще и менѣе, потому что патріарха забыли; а я третій день жалѣю о двухъ деревахъ 20-аршинныхъ, кои срубилъ у меня въ лѣсу Филатъ на мостикъ, который мы строимъ въ рощицѣ, съ одного берега пруда на другой. Онъ будетъ точно на подобіе мостика въ батюшкиномъ саду, на островкѣ, и будетъ называться *Братнинъ мостъ*. Я буду имъ хвалиться, какъ Французы Аустерлицкимъ; но этотъ поставленъ былъ гордостію, высокомѣріемъ, а мой воздвигнула братская любовь.

Ай да Французы! Violettes à la Napolitaine, мысль пресчастливая, quoique c'est l'histoire de toutes les violettes: elles sont toutes battues avant d'avoir vu le feu. Nous en avons ri de bien bon coeur avec ma femme. Пожалуй себѣ, визирю голову руби, но этимъ несчастнаго патріарха не воскресишь. Подлинно, справедливо говоритъ Сабанѣевъ, что это первый примѣръ, чтобы сняли съ висилицы тѣло, чтобы отдать ему всякія почести, пушечную пальбу и пр., какъ то было въ Одессѣ съ тѣломъ бѣднаго патріарха.

*) Извѣстнымъ Петербургскимъ книгопродавцемъ. Почтовыя сношенія въ то время были такъ медленны, что А. Я. Булгаковъ въ Іюнѣ еще не зналъ о кончинѣ Наполеона, послѣдовавшей весною этого же года.

Очень я радъ, что графиня Воронцова, моя фаворитка, родила благополучно въ Лондонѣ. Ему и отцу его данъ орденъ Гвельфовъ Англійскимъ королемъ; но отчего также Убрію? Видно, по стараніямъ графа Нессельроде. Поздравь Воронцова, когда будешь ему писать. Я, признаться, не совсѣмъ былъ покоенъ насчетъ родинъ сихъ.

*

Семердино, 22 Іюня 1821 г.

Отъ Вяземскаго писемъ не жду. Онъ былъ лѣнивъ и въ Варшавѣ, а у васъ едва станетъ у него времени разъѣзжать по *дачамъ* и театрамъ, а буду ему радъ, когда пріѣдетъ въ Москву. Вас. Львовичъ обѣщалъ тотчасъ меня извѣстить о пріѣздѣ его. Твои хлопоты серьезнѣе моихъ, т. е. съ Чижикомъ, и не очень было бы забавно платить за него 5000 р.; но я радъ, что ты передалъ это все Васѣ, которому честь и слава, ежели онъ отца выпутаетъ и успокоитъ. Не всякому дано это счастіе. Перечитывая письма батюшкины къ Алексѣеву и къ намъ, вижу, какъ онъ горевалъ о долгахъ своихъ; но мы были въ чужихъ краяхъ, да и слишкомъ молоды и неопытны, чтобы быть ему полезными. Главное зло было то, что управляющіе батюшку обкрадывали, онъ самъ объ хозяйствѣ не имѣлъ понятія, и прекрасное имѣніе не приносило ему никакіе, или ничтожные доходы. Батюшка продалъ тогда барону Ашу Любашковское имѣніе почти за ничто. Ашъ получаетъ доходу 60 т. р. Азанчевскій купилъ за 22 т. р. Жельцы, которые не давали ничего; вѣчные были недоимки, а старый этотъ . . . . выручилъ деньги свои на одномъ лѣсѣ и имѣетъ лучшія озера въ Бѣлоруссіи. Но мало ли кого обогатилъ нашъ батюшка! Утѣшеніе и то велико, что худого слова никто не произнесъ никогда на его счетъ. Онъ умѣлъ выслуживать, а не наживать. Батюшка подлинно былъ долженъ Татищевой 2000 р. Сто разъ была рѣчь о заплатѣ, и я не виноватъ, что это не кончено. Всему причиною взаимная деликатность. Я просилъ много разъ старуху сдѣлать счетъ, по коему былъ готовъ заплатить; она отвѣчала, что полагается на меня; мнѣ было совѣстно положить какъ должно указные проценты, а она по 10% тоже совѣстилась, я думаю, просить. Такъ и оставалось все. Деньги были взяты черезъ Фаста, коего я тоже сто разъ просилъ переговорить; у него былъ одинъ отвѣтъ: скажу! Я ему напишу, чтобы непремѣнно хоть съ Урусовымъ кончилъ бы; а, по моему мнѣнію, одно средство и легчайшее: такъ какъ уже прошелъ и 10-лѣтній срокъ, то отдать, вмѣсто 2000 р., 4000 р. Я разъ самой старухѣ говорилъ; она отвѣчала: это деньги дочери моей; все равно, что̀ у васъ деньги эти, что̀ у меня. Мы и не съ такими долгами, да честно расплатились, а для меня мать Дмитрія Павловича особа священная.

*

Семердино, 26 Іюня 1821 г.

Барону Строгонову пришла, какъ говорятъ, *оказія.* Какъ-то выпутается онъ изо всего того? Батюшкѣ покойному и труднѣе еще было. Турки и рѣжутъ, и бурлятъ теперь, а тогда мы присоединили къ себѣ Крымъ, да имъ еще говорили: эй, Турки, не шумите; а то худо вамъ будетъ, проститесь съ Крымомъ безъ спору. Меня удивляетъ, что Англія, Франція, Швеція, бывшія всегда наставницами Турокъ, не унимаютъ ихъ дурачествъ, открывъ имъ глаза насчетъ послѣдствія. Они пропали, ежели мы объявимъ теперь войну; а ручаться можно, что Турки не найдутъ ни единаго союзника, а мы многихъ. Будетъ что̀ дѣлать, всякому достанется славный кусочекъ: Греція, Египетъ, острова, Морея и пр., и пр. Да, братъ, и я боюсь, что твоему бѣдному банкиру Данезе не снести головы; а бѣдному Строгонову будетъ это очень больно, ибо онъ безъ намѣренія предалъ его въ руки злодѣевъ.

*

Семердино, 28 Іюня 1821.

Не оттого, чтобы Сережу Уварова я нѣкогда горячо не любилъ, но, право, рано ему въ сенаторы. Онъ мнѣ все кажется мальчишкою, и довольно глупо, ежели онъ это прежде времени огласилъ. Вообще, я замѣчаю, что молчаливость есть качество такое рѣдкое въ нынѣшнемъ вѣкѣ, а это душа дѣлъ и успѣховъ во всякомъ предпріятіи. Умѣй съ важностью молчать—прослывешь великимъ человѣкомъ. Ив. Ив. Дмитріевъ это доказалъ, хотя я и не отнимаю у него всѣхъ достоинствъ.

Ты очень меня обрадовалъ извѣстіемъ объ утвержденіи заключенной тобой конвенціи. Не за что будетъ Прусскому королю сдѣлать тебѣ славный подарокъ (обыкновеніе сего требуетъ, однакоже); но за то Государь вѣрно тебѣ воздастъ за пользу, которую конвенція эта доставитъ Россіи. И я увѣренъ, что это будетъ; желаю сего отъ всей души, а въ ожиданіи я уже восхищаюсь и хорошимъ о тебѣ отзывомъ Государя. Меня это несказанно утѣшаетъ, а тебя и утѣшать и ободрять должно. Я знаю, что ты благоволеніе Императора ставишь выше всякаго награжденія.

Жаль мнѣ, что мы лишимся нашего добраго Серафима; всѣ его уважали, и всѣ нападутъ на Тургенева, зачѣмъ Александръ не сдѣлалъ, чтобы Серафимъ остался въ Москвѣ.

*

Семердино, 30 Іюня 1821.

Вчера праздновали мы Петровъ день въ Балаковѣ: тамъ былъ праздникъ этой деревни. Отобѣдали мы здѣсь, а тамъ цѣлымъ домомъ отправились туда въ трехъ экипажахъ. День былъ теплый и самый прекрасный. Потчивали мы мужиковъ виномъ, бабъ пивомъ, а мальчикамъ кинулъ я на 15 р. пряниковъ. Въ шалашѣ пили мы чай, потомъ ѣли ягоды со сливками, творогъ, простоквашу. Бабы и дѣвки пѣли пѣсни, водили хороводы, играли въ горѣлки, въ коршуна, потомъ выучили мы ихъ въ жгуты, и сами тутъ же играли. Я поколотилъ своихъ двухъ учителей, а они мнѣ отплатили. Мало тебѣ всего этого, такъ знай, что, какъ сдѣлалось немного темно, я сталъ пускать въ кучки шутихи, и мы, довольно насмѣявшись, напившись, наѣвшись, навеселившись, воротились сюда въ половинѣ одиннадцатаго.

*

Семердино, 2 Іюля 1821 г.

Что̀ значитъ это переименованіе Поццa и Ферроне *) въ званіе пословъ? Одна ли это почесть взаимная? Я радъ для Поццa, особливо ежели это прибавитъ его окладъ, ибо fumo senza arosto—вещь не для всякаго столь славная.—Напрасно ты думаешь, что Рижскіе дилижансы заставятъ отстать отъ Московскихъ. Это дѣло нужды, а не прихоти. Кому надобно ѣхать въ Москву, тотъ все-таки туда поѣдетъ; а у кого нужда до Рижскаго какого нибудь торгаша, тотъ не поѣдетъ къ нашему плуту Дмитрію Александрову. Итакъ все будетъ своимъ порядкомъ.

Не удивляюсь, что Вяземская скорѣе поѣхала въ театръ, нежели въ Варшаву, и не буду удивляться, ежели мужъ скорѣе попадетъ къ Татищевой, нежели къ Наст. Дмитр. Афросимовой. Скажи ему это отъ меня при поклонѣ. Исторія бѣднаго иностранца, жившаго у Греча, ужасна. Ну только Туркамъ не сдобровать. Они дошалятся до чего-нибудь. Сколь ни убѣждены всѣ государи блаженствомъ наслаждаться миромъ, но нужда заставитъ взять оружіе. Кромѣ другихъ причинъ религія то велитъ. Кричали о раздѣлѣ Польши; а ежели сдѣлать тоже съ Турціею, никто не пикнетъ, всѣ одобрятъ.

*

Москва, 7 Іюля 1821.

Мы сейчасъ изъ Покровскаго монастыря: поминали покойнаго батюшку съ добрымъ Фастомъ, помолились, поклонились праху безцѣннаго отца, поскакали и воротились домой, говоря о старинныхъ

*) Поццо-ди-Борго (пріятель Булгакова) — посолъ нашъ въ Парижѣ; Лаферонне — Французскій посолъ въ Петербургѣ.

временахъ. Охъ, зачѣмъ онъ не въ живыхъ! Онъ бы многимъ восхищался, а мы были бы благополучны и не имѣли бы многихъ огорченій.

*

Семердино, 13 Іюля 1821.

Описаніе, Сергѣемъ [1]) дѣлаемое о Царьградѣ, достойно жалости: чѣмъ-то все это кончится, а кажется Туркамъ не сдобровать. Вотъ что мнѣ пишетъ Броневскій: «Меня увѣдомляютъ изъ Чернаго моря, что въ послѣднихъ числахъ Мая военный транспортъ нашъ «Волга», стоявшій подъ стѣнами Измаила, ночью взятъ былъ Турками, капитанъ и команда изрублены. Изъ Севастополя отправлены въ Константинополь бригъ «Минерва» и шкуна «Севастополь» для спасенія Строгонова, ежели не поздно. Скажу вамъ по довѣренности, что здѣсь (въ Тулѣ) тайно, но всѣмъ однакоже извѣстно, куплено для Грековъ 4000 ружей. Отплытіе всѣхъ женщинъ доказываетъ уже, какая тамъ должна быть тревога». Нарышкину [2]) за глупостями въ карманъ не ходить, а будучи оберъ-церемоніймейстеромъ, недолго что нибудь напроказить; тутъ нуженъ полу-дипломатъ и человѣкъ аккуратный; не знаю, заключается ли все это въ Кологривовѣ. Заставить прождать посла par qui-pro-quo непріятно; а Голохвастовъ, бывшій при Нарышкинѣ въ Москвѣ, разсказывалъ, что онъ одинъ разъ, перевравши часъ Шелеру, заставилъ самого Государя дожидаться болѣе получаса. Вотъ какой молодецъ, а въ извиненіе сказалъ, что его хорошіе часы въ починкѣ. Слава Богу, что Ламсдорфу лучше. Много ему кланяюсь. Очень я радъ, что представленія твои одобрены княземъ; я понимаю, что нѣтъ величайшаго благополучія въ свѣтѣ, какъ дѣлать другихъ счастливыми. Я замѣчу тебѣ только, что ты для Гана дѣлаешь тоже, что сдѣлалъ для Рушковскаго, а обоими не имѣлъ ты повода быть довольнымъ. Твои похвалы открыли путь *се бо*, и многіе теперь подъ наказаніемъ, а непріятный начальникъ есть великое бремя. Ганъ добрый человѣкъ, скажешь ты. Это хорошо для общества, для семьи его, но для службы недостаточно. Комарову такъ хотѣлось креста, что я боюсь, чтобы онъ не сошелъ съ ума отъ радости. Жаль, что я не въ городѣ, а то сообщилъ бы Попандопуло о подвигахъ его родины; шути, шути! только котлетамъ à la grec не бывать, они дерутся не по-неаполитански. Я всегда желалъ имъ успѣховъ и называлъ дѣло ихъ святымъ, авось либо все устроится къ ихъ благополучію.

Я радъ, что статья о Данези несправедлива. Странно было бы Строганову такъ горячиться за Данезе, тогда какъ слабо, кажется,

[1]) Т. е. Сергѣемъ Ивановичемъ Тургеневымъ.

[2]) Кириллу Александровичу.

защищалъ патріарха несчастнаго! Положеніе бѣднаго князя Петра самое горестное. Не стоило труда выздоравливать, чтобы впасть въ такое ничтожество. А нашъ Н. И. Ильинъ, сочинитель, поэтъ и мой сослуживецъ у гр. Ростопчина, совсѣмъ съ ума сошелъ, почитаетъ себя Христомъ; Кутайсова, у коего жилъ, разругалъ фельдшеромъ и канальею за то, что отказалъ ему внучку свою, перевязывалъ чернымъ платкомъ голову и въ колпакѣ потомъ разъѣзжалъ по городу; увѣрялъ Волкова, что онъ помолвленъ съ графинею Кутайсовою, что получитъ 2 милліона, что Государь пришлетъ ему на свадьбу ключъ и 50 т. р. На улицѣ за нимъ шло нѣсколько сотъ мальчишекъ, какъ бывало за Ив. Савельичемъ. Полиція была принуждена въ это вмѣшаться. Ильинъ Ровинскаго разругалъ и ударилъ даже, а тотъ съ важнымъ своимъ видомъ ему сказалъ: ежели вы еще разъ осмѣлитесь ударить, то я забуду, что вы статскій совѣтникъ, а буду помнить, что я блюститель спокойствія въ городѣ. На что Ильинъ отвѣчалъ: ты ничто иное, какъ дуракъ! Посмотри, сколько собралось народу смотрѣть на тебя, на дурака, я велю тебя связать! Выходило, что Ровинскій дуракъ, а Ильинъ полицеймейстеръ. Ильинъ былъ влюбленъ въ княжну Аграф. Ив. Трубецкую, коихъ домъ (бюро) на Покровкѣ, требовалъ ея руку, но ему отказано не только отъ руки, но отъ дому. Теперь писалъ онъ княжнѣ: милая Груша, все между нами кончено, забудь свою любовь; я помолвленъ съ гр. Кутайсовою. Ты мила, любезна, богата, но она милѣе, любезнѣе, богаче, ищи себѣ другого и пр. Письмо на 4 страницахъ и ходитъ, говорятъ, по городу. Кн. Дм. Вол. велѣлъ приставить къ нему караулъ; но такъ какъ Ильинъ не имѣетъ большого состоянія, то хотятъ его помѣстить въ домъ сумасшедшихъ въ особенную комнату. Жаль его, бѣднаго. Честолюбіе и любовь погубили его. Вообрази, что въ 44 года онъ три года посвящалъ на изученіе Римскаго права, чтобы быть статскимъ совѣтникомъ.

*

Москва, 30 Іюля 1821.

Зашелъ я къ Вяземскому, долго у него сидѣлъ; болтали, я его пожурилъ. Онъ самъ сознается, что былъ, можетъ быть, неостороженъ въ разговорахъ, но все-таки мнѣнія, что къ нему только придрались, и что вдругъ такъ не наказываютъ; что Новосильцовъ могъ и долженъ былъ прежде его предостеречь, и когда бы совѣты его остались безъ уваженія, тогда только долженъ онъ былъ подвергнуться такому наказанію. Я жилъ, говоритъ онъ, въ городѣ, гдѣ всѣ громко и очень свободно говорятъ; мнѣ, конечно больно было быть выслану изъ Варшавы, но утѣшаюсь тѣмъ, что, можетъ быть, я одинъ изо всѣхъ Рус-

скихъ, заслуживающихъ уваженіе не вздорныхъ, но благомыслящихъ Поляковъ, хотя всегда съ ними спорилъ, когда касалось до блага Польши со вредомъ Россіи etc. Все это хорошо, но все-таки давно туча вилась надъ Вяземскимъ; то, что̀ могъ ему внушить Новосильцовъ, внушаемо ему было не одинъ разъ мною и Тургеневымъ. Онъ все не правъ. Помнишь ты письмо его одно ко мнѣ. Я и тогда его кротко журилъ и писалъ ему: рой себѣ яму, но не тащи меня туда же. Его управитель сдѣлалъ ему славный сюрпризъ. Ничего не говоря, изъ épargnes доходовъ купилъ мѣсто въ Чернышевскомъ переулкѣ и выстроилъ князю славный домъ, каменный, тысячъ въ 40. Вяземскій въ него можетъ переѣхать мѣсяца въ два [1]). C'est très galant pour un intendant. Мы пошли обѣдать въ Англійскій клобъ, гдѣ столъ славный. Послѣ обѣда трое съ Ив. Ив. Дмитріевымъ начали болтать, все о блаженномъ Наполеонѣ.

Повѣрить не можешь, какъ Москва украшается. Кузнецкій мостъ нельзя узнать. Татищева домъ растетъ, какъ грибъ, и будетъ важный. Что̀ новаго? Кажется, ничего. Да! Вчера была свадьба или пиръ свадебный Вадковскаго, бывшаго Семеновскаго полковника, не помню съ кѣмъ. Вдова старика Собакина, Полячка, молодая, прекрасная, гр. Бѣлинская [2]), выиграла у наслѣдниковъ свой процессъ, и ей достанется въ 7 часть почти 2 тысячи душъ. Она доказала, что ее вѣнчали въ обѣихъ церквахъ, хотя и увѣряли, что ни въ одной, въ чемъ всѣ увѣрены. Портной одинъ плачетъ и ищетъ по всему городу Боголюбова, который ему долженъ остался болѣе 700 р.; услыша, что молодчикъ уѣхалъ, бѣднякъ (нѣкто Mathias) сказалъ: et moi imbécile, qui lui a fait même des habits de voyage! J'aurais du me douter.

*

Москва, 1 Августа 1821 г.

Итакъ Дмитрій Павловичъ въ Голландію. Si la montagne n'accouche pas d'une souris, ce n'est pas aussi d'une grande merveille; mais je suis enchanté qu'il ne reste pas oisif. Il sera utile partout. C'est un avant-poste de l'Angleterre, et il la surveillera mieux que Lieven, car il la déteste très cordialement. J'ai toujours eu de faible pour tous mes chefs en général, mais Tatischeff m'a toujours traité plutôt comme égal et camarade que comme chef. Хорошо, что онъ сохраняетъ Мадритскій окладъ. Авось либо Гульяновъ отыщетъ себѣ въ Голландіи жену;

---

[1]) Домъ этотъ—рядомъ съ нынѣшнимъ домомъ „Русскихъ Вѣдомостей". Князь Вяземскій жилъ въ немъ до переѣзда въ Петербургъ (1831) и былъ нѣкоторое время старостою приходской церкви Малаго Вознесенья.

[2]) Во второмъ бракѣ за графомъ Павломъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ.

но тамъ, я думаю, плащъ княжескій[1]) въ гербу не доставитъ ему скорѣе подругу, которую онъ ищетъ. Я читалъ подробности коронаціи Англійскаго короля и не надивлюсь нахальству и безстыдству королевы. Ну ужъ соколъ!

*

Велижъ, 9 Августа 1821.

Сюда пріѣхалъ я вчера поздно. Бывало, становился я у здѣшняго полицеймейстера, бывшаго нашего опекуна, Шестакова; но онъ умеръ недавно чахоткою. Здѣсь есть очень богатый Жидъ Шмерка, просилъ къ себѣ, но я ненавижу запахъ Жидовскій, а потому и сталъ у исправника; человѣкъ очень хорошій и во всемъ намъ угождающій по имѣнію. Скоро явился и маршалъ уѣздный Алексіановъ, другой нашъ опекунъ. Мы здѣсь въ одной комнатѣ. Явился сюда на мой счетъ, узнавши отъ Ефима, что я долженъ былъ выѣхать изъ Москвы въ первыхъ числахъ Августа. Здѣсь стоитъ конная гвардія, я этого и не зналъ. Одѣвшись давеча, пошелъ я къ Алексѣю Орлову, который очень мнѣ обрадовался; долго болтали, съ тѣмъ отпустилъ домой, что приду обѣдать и приведу съ собою Алексіанова. Все перебиваютъ, писать не даютъ, да скоро и обѣдать пора. Прощай покуда.

Я сейчасъ отъ Орлова. Славный задалъ обѣдъ. Послѣ обѣда травилъ на дворѣ медвѣженка собачкою - бульдогомъ, который одержалъ побѣду и такъ втяпался Мишѣ въ ухо, что насилу могли его оторвать. Потомъ играли его трубачи; музыка удивительная: я думалъ, что ничто не можетъ превзойти трубачей Польской гвардіи великаго князя, коихъ слышалъ въ Варшавѣ, но эта еще превосходнѣе. Они играютъ всѣ аріи Каталани съ ея пассажами. Офицеры и полкъ его обожаютъ; онъ добръ со всѣми, но очень строгъ. Всѣ разошлись, мы остались двое, очень долго болтали о всякой всячинѣ. Онъ малый благородный, здраво очень судитъ о вещахъ, любитъ душевно Закревскаго, и это большое достоинство въ моихъ глазахъ [2]).

*

Москва, 23 Августа 1821.

Фасту читалъ я твое письмо № 130, и онъ тоже выпучилъ глаза на милостивыя слова Императрицы, и онъ тоже сказалъ: «Вотъ у насъ какія государыни, а поди иной нашъ братъ командиръ или еще каналья откупщикъ и шляпы не скинетъ тебѣ». Видно изъ словъ ея величества, какая она нѣжная мать; за то какъ и почитается дѣтьми! Спасиба не говорю Потоцкому; по самой справедливости и, яко при-

---

[1]) Кажется, что это Гульяновъ, впослѣдствіи извѣстный Египтологъ. Онъ былъ, говорятъ, незаконный сынъ князя Маврокордато.

[2]) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (позднѣе графъ и къ концу жизни князь) оставался неизмѣннымъ другомъ графа А. А. Закревскаго, который вѣроятно благодаря ему сдѣлался Московскимъ генералъ-губернаторомъ.

дворный, не могъ онъ иное говорить. Я этого Полячишку не люблю изъ-стари, и Алексѣевъ покойный дурно объ немъ говаривалъ, а послѣ нашего дѣла въ Совѣтѣ и въ домъ къ себѣ не пускалъ. Теперь кто будетъ говорить, что дѣти твои не прекрасны, когда они таковыми пожалованы или лучше сказать признаны именнымъ указомъ! Спасибо тебѣ очень, что дѣло моего Кости улажено, и при семъ случаѣ князь опять показалъ свое благорасположеніе къ намъ. Повторяемыя ласки Государя къ дѣтямъ твоимъ часто заставляютъ меня думать о томъ и сѣтовать, зачѣмъ нѣтъ дѣтей у Государя. Какое бы это было благополучіе для него и для цѣлой Россіи! И тутъ надобно повиноваться волѣ Божіей.

Ну, туда и дорога Англійской королевѣ! Вѣсть эта была однакоже неожиданна для меня. Чтобы ей и Наполеону умереть прежде! Рушковскій сказывалъ мнѣ, что и она велѣла себя открыть послѣ кончины, но требовала, чтобы это было сдѣлано публично. Napoléon lui donnera le bras pour entrer aux enfers. Не женится ли теперь король?

A Smolensk je n'ai pas échappé à la suite du g-l Démidoff à mon retour. C'est singulier, comme il ressemble à Napoléon. Je vous assure, qu'en se montrant en France il pourrait faire des farces, qui ne seraient pas du tout drôles pour le gouvernement. Il a même sa taille. Je ne lui envie pas cette ressemblance.

Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ о посѣщеніи Андерсона. Ай да Англичане! Но ты чрезвычайно умно сдѣлалъ, что отклонилъ депутацію. Князю, какъ онъ ни добръ, могло бы это не показаться. Ты кончилъ это все славно: честь приложена, и убытка Богъ избавилъ, а г-да купцы лучше бы сдѣлали, ежели бы поднесли тебѣ тысячъ триста. Имъ бы это была бездѣлица, а намъ бы годилось.

Тургеневъ вырвался изъ басурманскихъ рукъ. Ну славу Богу! Когда увидишь Александра, поздравь его отъ меня; никто лучше меня не можетъ чувствовать его радости. Сергѣй уцѣлѣлъ; надѣюсь, что и Кіевъ уцѣлѣетъ. Здѣсь тотчасъ учинили басню, что это все штуки Турковъ, которые положили въ одинъ день сжечь Римъ, Кіевъ и Іерусалимъ.

Да, братъ, надобно ожидать страшную дороговизну, и наша Бѣлоруссія очень разорится, ежели войска тамъ останутся. Я слыхалъ, овесъ былъ по 45—50 к., а сѣно по 75 к. Кабы какъ въ хорошіе годы, накосили бы тысячъ на 25 р. Сожалѣю о бѣдномъ Голицынѣ. Я обѣдалъ съ нимъ у Поццо въ Парижѣ; онъ мнѣ тогда говорилъ: ma santé demande un long séjour dans l'étranger.

Семердино, 31 Августа 1821.

Чрезъ директора Лицейскаго пансіона имѣемъ мы новый опытъ князева *) благорасположенія, а польза вся обратится на Костю. Не повѣришь какъ онъ милъ въ мундирѣ! A propos, я все забываю тебѣ написать, что въ Москвѣ носились слухи неблагопріятные насчетъ князя, что онъ не пользуется прежними милостями Государя и пр.; иные даже увѣряли, какъ извѣстіе вѣрное, что князь сосланъ. Благоразумные люди не вѣрили симъ гнусностямъ, а время ихъ оправдало. Выходитъ, что слухи сіи распускаются по Москвѣ какимъ-то Ястребовымъ, служившимъ, говорятъ, при князѣ и нынѣ находящимся въ отставкѣ. Спасибо князю за пособіе выпрошенное несчастнымъ моимъ Грекамъ. Признаюсь, что душевно желаю имъ успѣховъ; пусть отомстятъ за то, что Якова Ивановича держали 27 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Правда и то, что заключеніе сдѣлало славу и фортуну батюшкину. Что-то вамъ разскажетъ Тургеневъ, какъ будетъ въ Питерѣ? Я получилъ письмо отъ гр. Чернышева, а съ нимъ и экземпляръ его Гатчинскаго театра; есть и хорошее, но куда и дурного много, de la mauvaise farce, à laquelle je n'aurais voulu mettre mon nom qu'à lettre initiale tout au plus. Буду ему писать и расхваливать, ибо *молодыхъ* поэтовъ должно анкуражировать.

*

Москва, 16 Сентября 1821.

Поѣхалъ я къ Закревскому, который меня не ожидалъ и чрезмѣрно мнѣ обрадовался. Сидѣлъ въ шлафрокѣ. Съ одной стороны душила его родственница Пашкова (ура Москва на тетушекъ!), а съ другой докторъ Пикулинъ развязывалъ аптекарскій гостинецъ для бока, который онъ ушибъ, упавъ съ коляскою гдѣ-то около Новгорода, но боли большой нѣтъ. Онъ пріѣхалъ изъ Подмосковной сюда на три дня полѣчиться. Какъ Пашкова уѣхала: ну, Александръ, дай же себя поцѣловать еще разъ на просторѣ, садись ближе! Я ну благодарить за Костю, поздравлять съ чиномъ, съ отдохновеніемъ, ну говорить о тебѣ. «Ну, ты, надѣюсь, Константиномъ доволенъ; я было хотѣлъ тебѣ привезти извѣстіе, но онъ не согласился: нѣтъ, нѣтъ, ты опоздаешь двумя днями, а у брата въ два дня крови перепортится 20 фунтовъ». И тутъ ты пекся обо мнѣ! Закревскій взялъ слово быть къ нему непремѣнно въ Подмосковную, гдѣ хочетъ дать праздникъ Ермолову. Вбѣгаетъ Аграфена Ѳедоровна: Ah, bonjour, mon cher m-r B.!— Boujour, madame. Поздоровались. Et la promesse?—Quelle promesse?— La promesse donnée

*) Т. е. князя Александра Николаевича Голицына.

par vous à mon frère.—Ah, oui, j'y suis, и ну хохотать. O! je la remplirai, mais dans ce moment il y a trop de monde qui nous regarde. Она отъ Петербурга безъ ума. Мы только что болтать, а тутъ то одинъ, то другой. Хотя никого не велѣно принимать, явились Ренкевичъ, Денисъ Давыдовъ, а тутъ погодя и Ермоловъ съ сестрою и зятемъ. «Прежде всего возлѣ тебя другой братъ Булгаковъ». Ермоловъ меня расцѣловалъ и прибавилъ: вы имѣете въ Константинѣ брата, а мы пріятеля, а цѣлый міръ человѣка *чудеснѣйшаго.* «Ты не знаешь (оборотясь къ Закревскому), что послѣднее мое обжиранье было у Константина послѣ твоего отъѣзда; поѣхалъ къ нему въ рейтузахъ и славно поѣлъ на отъѣздъ». Я посидѣлъ до 10 часовъ и улизнулъ, тихонько сказавъ Шатилову на ухо, что буду завтра. А. Ѳ. все таже хохотушка, только, кажется, много выиграла въ обращеніи своемъ. Я ей сказалъ, что оттого сломалась ихъ коляска, что сидѣли въ ней генералъ-лейтенантъ и г.-лейтенантша, а дѣлана была повозка только для г.-маіора. Она ну хохотать и побѣжала въ гостиную всѣмъ разсказывать. Comment vous trouvez-vous à Moscou?—Mais très bien.—C'est vrai, vous avez beaucoup de parents, d'amis.—Oui, mais mon frère est à Pétersbourg.—Mais alors, pourquoi aimez-vous tant Moscou?—Mais parce qu'on m'y aime moi-même. J'aï été touchée. Par exemple, quelle attention délicate de la part des habitants: j'arrive ici en cachette, la nuit; bref, la ville s'illumine spontanément, partout des transparents, partout des A. Опять хохотать, и опять путешествіе въ гостиную. Я нахожу, что Ермоловъ постарѣлъ, обрюзгъ, потолстѣлъ, а уменъ и милъ также. И онъ не любитъ Петербургъ и дивится, зачѣмъ посылаютъ людей такъ далеко въ Сибирь; короче всего пошли въ Петербургъ. Агр. Ѳед. говоритъ ему: ежели хотите, чтобы я была весела, дайте слово быть въ нашу Подмосковную.—«Даю, сударыня, и увѣренъ, что будете очень веселы, привезу вамъ прекрасную *куклу*». Она вся въ войнѣ [1]). Толстыхъ [2]) нѣтъ, они въ Подмосковной. Весь городъ наполненъ вздорнымъ слухомъ о назначеніи тебя въ Царьградъ на мѣсто Строгонова, и даже Рушковской вѣритъ этому готовъ и думаетъ, что я скрытничаю; я его увѣряю, что быть можетъ, и что это для того дѣлается, чтобы его перевести въ Петербургъ. То-то бы хорошъ былъ! Онъ бы въ сутки сошелъ съ ума.

*

Москва, 19 Сентября 1821.

Я воротился отъ Волкова; все было хорошо, но что-то не такъ весело, какъ обыкновенно бываетъ. Изъ Москвы былъ я и человѣкъ 8

---

[1]) Т. е. молодая Закревская поглощена мыслію о предстоявшей войнѣ.

[2]) Т. е. отца и матери Закревской.

плацъ-адъютантовъ, много сосѣдей, Ник. Ник. Бахметевъ, генералъ Арапетовъ, Киндякова съ дочерьми, другая барыня, всего человѣкъ съ 30, и Башиловъ. Гуляли, пообѣдали, тамъ качались на разныхъ качеляхъ, давали вино мужикамъ, пива бабамъ, кидали пряники мальчикамъ, тамъ пили чай, въ вечеръ пущенъ фейерверкъ славный, барышня одна играла на фортепіано, Башиловъ подтягивалъ на скрипкѣ, попрыгали, поиграли въ вистъ, я въ четыре робера выигралъ 37 партій по 25, тамъ ужинали, а тамъ на боковую. На другой день, не смотря на всѣ просьбы Сашки, я, позавтракавъ, уѣхалъ въ Москву. Волковъ нездоровъ, и щека у него подвязана, однакоже пускался на всѣ штуки. Кромѣ фейерверка, и садъ былъ иллюминованъ, и въ отдаленности сіялъ огненный S. Поутру была маленькая тревога. Подлиповскій смотритель писалъ Волкову, что люди пріѣхавшаго генерала графа Гурьева сказывали, что Марья Ив. Корсакова ѣдетъ, что они ее объѣхали за двумя верстами, и что она, вѣрно, будетъ въ Ямищахъ, когда его записка дойдетъ. Софья Александровна ну бѣжать навстрѣчу къ матери съ цѣлымъ домомъ; день былъ прекрасный, и мы всѣ, даже Сашка, пошли пѣшкомъ; доходимъ до Перхушкова, не видя ничего. Башиловъ кричитъ: вотъ они! указывая вдали на экипажъ; вотъ большая карета Мар. Ив. въ 8 лошадей. Какъ стала она подъѣзжать, вотъ мои Волковы всѣ пустились бѣгомъ, машутъ платками, кричатъ: стой, стой, маменька! Человѣкъ, сидѣвшій на козлахъ, въ недоумѣніи, чтò ему дѣлать; вдругъ изъ кареты выглядываетъ дамская незнакомая рожа. Я спрашиваю у людей, кто это ѣдетъ?—Собакина, сударь!—Гдѣ же М. И. Корсакова?—А почему я знаю?.. Вотъ тебѣ на! Наконецъ, выходитъ, что всѣ переврались. Башилова мы задразнили, принуждены посылать въ Ямищи за экипажами, пріѣхали туда измученные и обѣдали въ пятомъ часу. Однакоже, Марью Ив. все-таки ждутъ всякій часъ.

Я былъ у Закревскаго и очень былъ обрадованъ слышать, что нѣту дома: поѣхалъ съ визитомъ къ князю Дм. Вол. Голицыну. Послѣ обѣда опять я его не засталъ, онъ опять уѣхалъ въ Всесвятское, повидаться съ Сипягинымъ; одна Агр. Ѳед. была дома. Толстой тоже пріѣхалъ, а графиня больна, у нея чирей на груди; она этимъ пренебрегаетъ, но братъ ея Дурасовъ тоже запускалъ, сдѣлался карбункулъ и умеръ.

Вотъ тебѣ-на! Прислала графиня Пушкина узнать, гдѣ я и сказать, что всѣ желаютъ меня видѣть, что тутъ подъѣхала и Хитрова изъ Петербурга, и Шаховская изъ Калуги. Сбѣгаю на часочекъ. Трагическая смерть бѣдной Соловой *) меня поразила, хотя я и мало ее

*) Анна Григорьевна Петрово-Соловово, ур. княжна Щербатова (мать О. Ѳ. Кошелевой) была разбита на смерть лошадьми въ Петербургѣ.

знаю. И здѣсь точно также кончила несчастно бѣдная Шалашникова, урожденная Мельгунова; только это еще хуже, ибо была брюхата. Какъ ѣхать на дрожкахъ въ этомъ положеніи! Лошади ее разбили, она выкинула и умерла 10 часовъ спустя, оставя тоже кучу дѣтей. Наука другимъ; ты помнишь мою ненависть къ дрожкамъ и упрямство не позволять Наташѣ въ нихъ ѣздить.

*

Москва, 20 Сентября 1821.

Какъ-то обойдется Государево пребываніе въ Бѣлоруссіи? Я думаю, много будетъ подано и тамъ просьбъ: край этотъ очень угнетенъ. Веревкина хвалятъ и Закревскій, и Волковъ, и всѣ довольны его назначеніемъ, хотя Волкова трудно замѣнить.

Варенька[1]) мнѣ говорила съ горестію о Вяземскомъ, будто онъ начинаетъ быть помѣшаннымъ, что находитъ хандра; но Пушкинъ, бывшій у него, того не замѣтилъ; правда и то, что Василій Львовичъ глупъ.

*

Ивановское, 23 Сентября 1821.

Любезный другъ, я здѣсь у Закревскаго, и останусь еще дня два. Вчера умерла его теща [2]) отъ воспаленія въ кишкахъ. Дочери ея не сказали еще; но она, увидавъ мать въ безпамятствѣ, упала въ такія судороги, что шесть человѣкъ не могли ее держать. Арсеній, видя это, долго крѣпился, наконецъ тоже имѣлъ обморокъ, продолжавшійся три часа. Я и Шатиловъ не отходили отъ него, а Ермоловъ все съ Агр. Ѳед. Домъ вверхъ дномъ. Ожидаютъ доктора изъ Москвы, чтобы А. Ѳ. объявить, но мой совѣтъ—везти ее въ Москву какъ-нибудь: тамъ болѣе средствъ; можно увѣрить ее, что и мать туда увезена. У Арсенія страшно болитъ бокъ ушибленный. Ну, братъ, что это за картина!.. Все держалъ Арсенія за голову, то рука дрожитъ писать.

*

Москва, 23 Сентября 1821.

Я возвращаюсь изъ Ивановскаго, гдѣ былъ свидѣтелемъ сценъ весьма горестныхъ, любезнѣйшій другъ. Вчера не спалъ я ночь, сегодня рано лягу, чтобы взять покой; но прежде хочу тебѣ написать, сколько станетъ силъ. Середа обошлась хорошо, всѣ были веселы, а на другой день графиня Толстая, теща Закревскаго, бывшая только нездорова и ѣздившая даже смотрѣть иллюминацію и транспарантъ въ саду (гдѣ, вѣроятно, простудилась), не существовала. Она умерла воспаленіемъ въ кишкахъ, въ 9 часовъ вечера. По ея невоздержанной

---

[1]) Т. е. графиня Варвара Алексѣевна Мусина-Пушкина (позднѣе княгиня Трубецкая).

[2]) Графиня Степанида Алексѣевна, супруга графа Ѳедора Андреевича Толстаго, ур. Дурасова.

жизни можно было это ожидать. Передъ кончиною еще, чувствуя большую жажду, выпила она въ короткое время семь бутылокъ кислыхъ щей и три мёду. Эта смерть мало бы и поразила всѣхъ, ежели бы не имѣла вліянія на дочь ея, а по ней и на Закревскаго. Въ вечеру Агр. Ѳед. пришла съ матерью проститься. Та боролась уже со смертію; увидя ея лицо, уже измѣнившееся, и плачущаго отца у постели, у нея сдѣлались конвульсіи; ее отнесли безъ чувствъ въ ближайшую комнату. Арсеній держалъ у нея руки, но, наконецъ, видя ужасное ея положеніе и бывъ самъ еще слабъ, упалъ скоро безъ чувствъ; его положили мы на канапе. Тутъ начались явленія, продолжавшіяся до 4 часовъ утра. Ее держали Ермоловъ, Пашковъ, адъютантъ Закревскаго Каменскій, лакей Яковъ, полковой лѣкарь, Лопухина Анна Алекс. и Коризна, и насилу могли ладить. Я отъ роду не видалъ такихъ конвульсій! Закревскаго держали за голову Шатиловъ, Каменскій за руки, а я за ноги, кои дрожали ужасно. Потъ лилъ съ него градомъ и сильная лихорадка. Однако, пришедши въ себя, онъ жаловался только на страшную боль въ ушибленномъ боку. Она, пришедъ въ себя и видя мужа въ такомъ положеніи, опять страдала спазмами, и онъ тоже мучился, видя, какъ корчило бѣдную его жену. Ты не можешь себѣ представить этой картины.

Волковъ переходилъ отъ одной комнаты въ другую, навѣщалъ старика, и такъ какъ люди всѣ у нихъ бездѣльники, то онъ все тотчасъ у графини запечаталъ. Тутъ была также сестра Ермолова съ мужемъ, Денисъ Давыдовъ, Полторацкій и сосѣдъ Толбухинъ. Больные нѣсколько уснули въ пятомъ часу; прежде онъ, а тамъ она. Поутру пріѣхала тетка А. Ѳ., Дурасова, сестра покойной. Эта, узнавши о смерти, сказала довольно хладнокровно: сестра умерла отъ своего упрямства, не береглася и не хотѣла лѣчиться. Агр. Ѳед. была страшна въ глазахъ, вздыхала, но не плакала. Увидя тетку, очень заплакала, и опять сдѣлались конвульсіи, но не такъ сильныя, и все съ промежутками слезъ. Сдѣлали всѣ совѣтъ, что̀ дѣлать. Одобрили всѣ мое мнѣніе сказать А. Ѳ., что ея матушку отвезли въ Москву, гдѣ и доктора, и всѣ средства ей помочь, ежели можно. Eh bien, je veux aussi aller à Moscou. Это-то мы и хотѣли, увезти ее, ибо тѣло начинало очень портиться и страшно вонять. Закревскій положилъ остаться съ тестемъ, чтобы похоронить тещу, по ея желанію, въ деревнѣ Царевѣ (близъ Нагорнаго). Насъ раздѣлили на два разряда.—Ты не ѣдешь отъ насъ еще? спросилъ меня З.—Могу ли я ѣхать? Дѣлай изъ меня что хочешь, я готовъ остаться съ тобою.—Нѣтъ, прибавилъ Ермоловъ, который всѣмъ тутъ распоряжался, ты, братъ Александръ, поѣдешь съ нами; ты умѣешь съ дамами обходиться. И такъ, въ ка-

рету съ Агр. Өедор. сѣли Ермоловъ, привезенный изъ Москвы докторъ Мухинъ и Каменскій, а сзади въ коляскѣ Полторацкой, Денисъ и я. Прочіе, кромѣ Волкова (уѣхавшаго на сутки въ Ямпцы), остались съ Арсеніемъ. Дорогою все шло хорошо. Путешествіе совершено въ 2½ часа. Подъѣзжая къ дому отцовскому, сдѣлалась опять дурнота, но маленькая; на рукахъ понесли ее наверхъ. Очнувшись, она сказала, вздохнувъ: mon Dieu, quelle peine je vous donne, а о матери ни слова. Это заставило насъ думать, что она догадалась, что ее обманули и знаетъ, что мать ея не существуетъ, но боится въ этомъ удостовѣриться. Она покойна. Къ Арсенію послали кучера его увѣдомить, что все хорошо обошлось. Теперь будетъ еще тяжко первое ея свиданіе съ отцомъ, но Богъ милостивъ. Кромѣ дочери, я не думаю, чтобы многіе жалѣли о графинѣ; а больно было видѣть, какъ мало скрывали радость свою люди. Она ихъ и худо содержала, и мучила всячески; со всѣмъ этимъ она сдѣлала намъ большое разстройство. Много терпѣлъ бѣдный Закревскій отъ ея капризовъ и дурного нрава. Конечно, онъ обезпеченъ на будущія времена съ этой стороны, но здоровье его получило страшный толчокъ, и онъ мучается бокомъ своимъ; мнѣ не разъ говорилъ: бокъ ужасно болитъ. Великое счастіе, что былъ тутъ Ермоловъ, который умомъ своимъ всѣхъ утѣшалъ, ободрялъ и всѣмъ распоряжался. Le comte pleure sa femme, comme on voit nos gens pleurer des maîtres, qui leur donnaient 100 coups de bâtons par jour. Въ Среду мы таки повеселились, фейерверкъ былъ славный, иллюминація въ саду и славный щитъ съ транспарантомъ, шифръ Ермолова. Я далъ мысль Арсенію (и онъ это сдѣлалъ) написать съ одной стороны: враговъ мечомъ караешь, а съ другой: друзей душой плѣняешь. Тамъ играли мы въ вистъ. Ермоловъ зашибъ 100, а я 110. Поутру въ Четвергъ, мы съ Волковымъ еще спали, къ намъ пришелъ Ермоловъ, сѣлъ на кровать и ну болтать; тамъ пришелъ и Закревскій, и Денисъ. Рѣчь была и о тебѣ, и о Каподистріи, о Тифлисѣ, о Лейбахѣ и пр., и пр. Какой милый, любезный, умный человѣкъ! Онъ чрезмѣрно меня обласкалъ, и я очень его смѣшилъ разсказами о Москвѣ, о Волковѣ и пр. Утро было чудесное. Мы всѣ на коней и на охоту; затравили 13 зайцевъ, 2 лисицы, 1 волка, а тамъ и медвѣдя. Я сказалъ: мы этакъ кончимъ слономъ, а Денисъ: да и затравили-таки Степаниду (разумѣется, что звѣри эти были приготовлены). Это мастерилъ все Ренкевичъ. Вотъ, кажется, вкратцѣ и безтолково всѣ наши похожденія, любезный другъ. Я очень радъ, что могъ быть хоть нѣсколько полезенъ милому Арсенію и радуюсь, что здоровье мое не пострадало отъ всѣхъ хлопотъ двухдневныхъ. Лягу отдыхать. То-то засну!

*

Москва, 26 Сентября 1821.

Я тебя уже увѣдомилъ, что мы Агр. Ѳед. привезли сюда благополучно, а вчера привезли и его. Пріѣзжаю туда, нахожу его только что пріѣхавшаго, и все боялись ей сказать, чтобы не сдѣлались опять спазмы. И вздоръ, какія тамъ спазмы отъ радости! Я взялъ на себя все устроить. Къ ней вхожу. Bonjour!—Bonjour.—Et bien vous voilà plus tranquille, Dieu merci; votre mari arrivera, et puis votre papa.—Oui, et il n'y a ni l'un, ni l'autre.—Oh! moi j'ai ma baguette de magicien, je ferai tout de suite arriver l'un des deux, qui voulez-vous?—Voyons! Eh bien, mon mari.—Je vais vous l'amener. Тутъ его ведетъ Ермоловъ въ комнату. Обрадовалась, цѣловалась, плакала, спросила объ отцѣ; этого привезутъ завтра. Все идетъ очень хорошо, только Арсеній нашъ очень изнуренъ, бокъ болитъ и рука лѣвая все дрожитъ сильно. Пикулинъ говоритъ, что это слѣдствіе потрясенія нервъ, и что съ болью въ лѣвомъ боку пройдетъ все и въ лѣвой рукѣ. Успокоясь совершенно на ихъ счетъ, ѣду сейчасъ къ Наташѣ; мнѣ кажется, что я всѣхъ сто лѣтъ не видалъ. У бѣднаго Бибикова, бывшаго полицеймейстера *), горячка гнилая. Вчера былъ онъ безъ надежды, но Пикулинъ сказывалъ мнѣ сегодня, что ежели доживетъ до завтра, то онъ будетъ спасенъ. Дай Богъ!

*

Семердино, 29 Сентября 1821.

Тебя оставили въ покоѣ: теперь всѣ кинулись на Татищева, его посылаютъ въ Стамбулъ. Вяземскій говоритъ: c'est pour réduire le sultan au désespoir, car madame Tatischeff lui ôtera la dernière illusion, il ne verra plus de beautés dans ses femmes. Я съ Ермоловымъ долго спорилъ о Дм. Павл.; онъ жалѣетъ, что его не знаетъ лично, а говоритъ: когда не знаю человѣка, то сужу по его дѣяніямъ; говорятъ, что Т. уменъ, онъ этого не доказалъ въ Гишпаніи. Но какъ разсказалъ я ему о Неапольской миссіи, то онъ согласился, что такой человѣкъ былъ бы у мѣста въ Царьградѣ. О Тюфякинѣ читалъ я въ Constitutionnel; не очень лестно, а тотъ вѣрно хорахорился и задавалъ себѣ тоны.

Слава Богу, что Вокарескамъ помогли, а все отъ Бѣлаго Ангела; вѣрно хлопоталъ объ этомъ добрый Каподистрія. Икалось ли ему? Какъ мы часто говорили объ немъ съ Ермоловымъ. Онъ великій его обожатель. Не видавъ его болѣе года, я слушаю разиня уши все до него касающееся. Мы еще спали въ Ивановскомъ, а Ермоловъ пришелъ къ намъ,

*) Иванъ Петровичъ Бибиковъ, отецъ недавно скончавшейся Екатерины Ивановны Раевской („Старушки изъ степи“) и княгини Елисаветы Ивановны Оболенской (матери князя Д. Д. Оболенскаго), нынѣ баронессы Менгденъ.

разбудилъ, сѣлъ на мою постель и ну разсказывать; вѣкъ бы его слушалъ, какъ онъ говоритъ хорошо, умно! Я очень радъ, что съ нимъ коротко познакомился. Много у насъ было смѣху. Ежели бы не припадки Агр. Ѳед., смерть старухи Толстой не произвела бы ничего. Грустно такъ прожить, чтобы никто не сожалѣлъ. Люди только что не прыгали отъ радости. Мужъ для формы плакалъ. Священникъ приходилъ, его утѣшалъ, говоря: в. с—во берегите себя для вашей дочери; покойную воскресить нельзя уже. Графъ, всхлипывая, отвѣчалъ: я знаю, батюшка, что жену воскресить не могу, да я и *не хочу* этого; но все мы 30 лѣтъ жили вмѣстѣ! Ермоловъ очень смѣялся этому; я думаю, разъ пять заставилъ меня это повторить. Закревскій, при всей своей серьезности, не могъ не расхохотаться также. Всего я не припомню, но много было тутъ анекдотовъ въ этомъ родѣ. На Волкова мы нападали, смѣялись его страсти играть свадьбы. Я разсказывалъ, что онъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Москву офицеровъ тотчасъ świаталъ; онъ отговаривался, а сидѣвшій тутъ Каменскій дѣлаетъ мнѣ знакъ, пальцемъ указывая на себя; далѣе сидѣлъ Михайло Коризна, тотъ дѣлалъ тотъ же знакъ; я подошелъ къ сидѣвшему подлѣ Коризны полковому лѣкарю, спрашиваю: женаты ли вы?—Женатъ!—Батюшка, не въ Москвѣ ли вы женились? Не Волковъ ли васъ также женилъ? Какъ узнали все дѣло, такъ всѣ и покатились со смѣху, а указываніе на себя пальцемъ было цѣлый вечеръ сигналомъ къ смѣху. Волковъ, забывшись, атаковалъ Ермолова, чтобы онъ женился; но тотъ столько надавалъ славныхъ резоновъ, что Волковъ долженъ былъ зажать ротъ. Наконецъ, пріѣхала Корсакова; то-то, я думаю, будетъ врать, то-то, я думаю, навезла!. Князь Дм. Волод. все боленъ еще желчью, однакоже собирался ѣхать въ свою Подмосковную на этихъ дняхъ, и прямо оттуда проѣдетъ въ Петербургъ. Онъ очень мучаетъ Волкова идти въ Москву въ губернаторы. Сашка настоитъ только въ одномъ: сохранить военный чинъ съ эполетами, ибо знаетъ, что къ нимъ имѣютъ уваженіе, особливо военныя начальства, не ставящія губернатора ни въ грошъ. Я ему предсказываю qu'on le prendra au mot. Зачѣмъ не быть военному губернаторомъ? Вѣдь въ Сенатѣ сидятъ же генералы и адмиралы. А Волковъ разсчитываетъ, что будетъ имѣть домъ и 12 т. оклада, что избавится вахтъ - парадовъ и скучной обязанности всякій день ѣздить съ рапортомъ; дѣлая это ремесло болѣе 15 лѣтъ: ему оно надоѣло. Балашовъ его также очень уговаривалъ служить съ нимъ. Волковъ у него было просить о Барановѣ, который упрямствомъ своимъ и безпечностью до того довелъ, что не знаетъ въ Субботу, что̀ будетъ ѣсть въ Воскресенье. Тамбовскіе мужики его взбунтовались и второй годъ ничего ему не платятъ, не признавая его господиномъ, а самозванцемъ.

Ему Озеровъ это давно предсказывалъ, но онъ почитаетъ себя умнѣе всѣхъ и никого не хочетъ слушать.

*

Семердино, 3-е Октября 1821.

Смотрите, при баллотировкѣ Владимирскихъ кавалеровъ, не забудьте славнаго Попандопуло, который спасъ жизнь рейтеру гвардейскому. Я очень обрадовался бриліантовой Александровской Грейга, славный человѣкъ! Ежели дойдетъ дѣло до драки, то Туркамъ также будетъ плохо отъ него, какъ Шведамъ было отъ отца его, да и Турки должны его помнить. Насчетъ слуховъ о назначеніи тебя въ Царьградъ Ермоловъ сказалъ: «Нѣтъ, братъ, это вздоръ; Константинъ вѣрное на ненадежное не промѣняетъ; да сверхъ того кто велитъ ему ѣхать въ Царьградъ, гдѣ Турки стали бы ему мстить за все то, что съ ними дѣлалъ Яковъ Ивановичъ? Боялись они жестоко его кулака!»

*

Семердино, 9 Октября 1821.

Мнѣ жаль всегда, когда добрые люди не сходятся. Зачѣмъ не бываетъ у нихъ такой же союзъ, какъ у мошенниковъ? Эти всегда другъ друга поддерживаютъ. За честность Карнѣева можно, кажется, поручиться, а Закревскому наговорили и не такъ дѣло представили. Когда буду въ городѣ, переговорю съ добрымъ Арсеніемъ и ежели пойдетъ на ладъ, то и ознакомлю его съ Карнѣевымъ, а писать ему было бы слишкомъ weitläufig. Я точно думаю, что это наговорки старика Толстого. Онъ вездѣ суется, вездѣ неисправенъ, вездѣ бранится и на всѣхъ жалуется.

По винной поставкѣ Ренкевичъ, по уваженію къ Закревскому, избавлялъ его не разъ отъ бѣдъ; въ Воспитательномъ Домѣ просрочилъ, и чѣмъ кланяться и просить льготы, поѣхалъ и перебранился съ Полуденскимъ, называя его просто грабителемъ; и тутъ было бы ему дурно безъ Закревскаго. Пустой, чванливый и безполезный народъ. Желательно очень, чтобы Арсеній взялся за имѣніе, а то старикъ довершитъ то, чего не успѣла сдѣлать покойница, то-есть разоритъ имѣніе совсѣмъ. Мужики по ненависти къ нимъ два раза зажигали и суконную фабрику, и винные заводы. Старику дать тысячъ 40 или 50 на прожитье безъ всѣхъ хлопотъ, такъ чего же лучше! Не время было тогда говорить обо всемъ съ Арсеніемъ, а когда увижу, дамъ ему совѣтъ отложить деликатность въ сторону. Въ Карнѣевѣ служба сдѣлаетъ потерю. На этомъ мѣстѣ нуженъ человѣкъ безкорыстный, а то можно очень туго набить карманы. Какъ выпускать людей занимавшихся одною частію 30 лѣтъ! Это второй томъ Соймонова, хотя я и увѣренъ, что Карнѣева можно вездѣ употребить съ пользою.

Благодарю за Шредерово письмо; не сообщаю его новостей, вѣрно тебѣ тоже пишетъ. Луціанъ Бонапартъ перебирается въ Америку: видно, жилъ въ Европѣ въ надеждѣ какого нибудь происшествія, но со смертію Наполеона все рушилось, и прочіе продаютъ все, что имѣютъ во Франціи. Онъ говоритъ еще: un changement de ministère pourra avoir lieu, le profit et la gloire en sera aux ultras. Объясни мнѣ, что значатъ его слова: Voilà 5 ans que je travaille comme un chien sans profit; ayant dégagé ma maison des Enfans Trouvés, je puis songer doucement à ma retraite, et, si je l'obtiens avec la conservation de cette *soi-disante pension*, qui à été si *généreusement retenue* à votre frère, je serai l'homme le plus heureux du monde. Развѣ это дѣло не сладилось, и пенсія не осталась при тебѣ? Шредеровы слова меня безпокоятъ. Объясни мнѣ это. Я увѣренъ также, что графъ *), зная такъ хорошо Шредера, никакъ его не выпуститъ изъ Коллегіи.

И такъ, есть надежда видѣть Полетику въ Россіи. Доживемъ ли мы до того дня, чтобы у тебя за столомъ сидѣли всѣ тѣ добрые люди, коихъ висятъ портреты въ кабинетѣ твоемъ? То-то бы былъ праздникъ! Какъ подумаю, ихъ такъ раскидало далеко и въ разныя стороны, что и не скоро соберешь.

Брошюру я прочелъ d'un trait. C'est de Bonaparte comme de moi, et même son style est assez mal imité. Comment voulez vous, qu'un huissier ait pu être informé au juste et avoir des copies de ce que Napoléon écrivait et dictait; mais il y a des détails sérieux. Nous allons être inondé des pareilles brochures, jusqu' à ce qu' à la fin ne paraissent les véritables mémoires de très magnifique seigneur. Napoléon dit entre autres choses, ou on lui fait dire: les alliés épouvantés de leur situation, agitaient de se mettre en retraite, lorsque Pozzo-di-Borgo ouvrit l'avis de marcher à l'instant même sur Paris. Il fut cru, les alliés sauvés, et mes espérances anéantis. Это слышалъ я отъ самого Поццо, когда видѣлъ его послѣдній разъ въ Парижѣ; но я сомнѣваюсь очень, чтобы Наполеонъ (ненавидя Поццо) захотѣлъ обстоятельство это передать исторіи.

За подробности о Полетикѣ благодарю; очень сожалѣю о перемѣнѣ въ Карлѣ. Трудно разлюбить и разстаться съ человѣкомъ, проживши съ нимъ 20 лѣтъ ладно! Растопчинъ очень огорченъ смертью Головина; 7 милліоновъ долгу не выходитъ у него изъ головы. Самолюбіе дружбы тутъ тронуто; они были друзья истинные, а Головинъ скрылъ отъ него бѣдственное положеніе дѣлъ своихъ; это еще болѣе графа Ѳ. В. огорчаетъ.

*) Графъ Нессельроде. Шредеръ служилъ въ Парижѣ, при нашемъ посольствѣ.

Семердино, 11 Октября 1821.

Окончивъ главу одну въ Метаксовыхъ запискахъ, принимаюсь къ тебѣ писать, любезнѣйшій другъ. Мнѣ хочется, какъ кончу первую часть, прислать къ тебѣ на прочтеніе и одобреніе. Ты скажешь мнѣ свои мысли; ежели надобно, переправимъ. Въ Correspondance officielle de Napoléon нашелъ я многія свѣдѣнія, кои включилъ я въ статью о Корфу. Продолженіе будетъ еще занимательнѣе. Неаполь и Палермо будутъ театрами происшествій: мѣста и дѣла мнѣ извѣстны. Сверхъ того Татищевъ далъ мнѣ на сохраненіе всѣ бумаги бывшей нашей миссіи. Все это будетъ полезно, и я надѣюсь, что въ нѣкоторомъ отношеніи записки сіи не уступятъ Броневскому, хоть нашему герою нельзя равняться съ его. Далеко Ушакову до Сенявина! Послѣ Ушакова наслѣдовали какіе-то два племянника; скотамъ этимъ достались и бумаги его. Они не знаютъ цѣны ихъ; есть тутъ множество писемъ Суворова, очень любопытныхъ. Мы имъ писали, просили; не даютъ, отговариваясь, что сами издадутъ это въ свѣтъ. На такую отговорку не только нельзя сердиться, но можно бы порадоваться, ежели бы были они въ состояніи выполнить отзывъ свой. Отдадутъ другимъ матерьялы, или пропадутъ или пойдутъ клочками въ журналы. Другая умная голова, *скажу вамъ* Сорокинъ; и у него просили мы журналы его на время, но не добились. Тѣмъ хуже для него: упомянемъ объ немъ только слегка.

Опять меня оторвали отъ тебя. Васька вбѣгаетъ ко мнѣ въ кабинетъ: извольте посмотрѣть какой пожаръ! Выбѣгаю, и весь дворъ освѣщенъ. Горѣла деревня съ версту отъ насъ: Новленское (экономическое). Я поскорѣе бѣговыя дрожки и, забравъ всѣхъ дворовыхъ и людей, поскорѣе туда. Это было въ 10 часовъ вечера. По тѣснотѣ нашихъ избъ и по направленію вѣтра, который ужасно былъ силенъ, и подумать нельзя было спасти горѣвшую линію. Я не велѣлъ мужикамъ тратить воду напрасно и труды, а посадилъ ихъ и людей моихъ на крышки противолежащей линіи съ водою, чтобы тотчасъ затушать падавшія галки; крышки соломенныя и, разъ бы одна занялась, то прощай и вся деревня. Тамъ пробылъ я до второго часа утра. Картина ужасная! Видѣть вопли всѣхъ этихъ несчастныхъ! И теперь еще дымится, т. е. въ полдень. Сгорѣло 12 дворовъ съ амбарами и овинами. Къ этому всему набѣжали еще солдаты изъ другого села и принялись было грабить. Я имъ сказалъ, что велю всѣхъ связать и отошлю въ Москву... Одного бѣжавшаго съ сундукомъ насилу воротили. Какіе злодѣи!

Очень меня тронулъ старичокъ одинъ: сидитъ, плачетъ.—Что ты плачешь, старичокъ? И у тебя домъ сгорѣлъ?—«Нѣтъ, батюшка, у меня ничего не было; меня кормили міромъ, я всѣхъ пережилъ, своихъ даже дѣтей; да вотъ, батюшка, жаль стало этого большого дуба, что̀ горитъ. Мнѣ девятый десятокъ, а дубъ старѣе меня тремя годами; *отецъ сказывалъ, что посадилъ его самъ своими руками, тотъ годъ, что̀ женился.* Дубъ сгорѣлъ, знать и мнѣ умирать; довольно пожилъ, да жаль дуба-то». Я бы не думалъ, чтобы крестьянинъ могъ, какъ говорятъ Французы, attacher un prix d'affection вещи ничтожной, и столь нѣжныя чувства меня очень поразили. Бѣдный старикъ!

*

Семердино, 15 Октября 1821.

Не знаемъ куда дѣваться отъ погорѣлыхъ, которые приходятъ безпрестанно изъ Новленскаго просить милостыню. Тамъ много раскольниковъ; говорятъ, что они подожгли, и теперь они твердятъ бѣднымъ мужикамъ, что Богъ ихъ наказываетъ за то, что они не хотятъ вступить въ расколъ. Раскольники тутъ очень богаты.

Жаль, что васъ надули, что шаръ не полетѣлъ и что Греки мои будутъ безъ субсидіи. Это вещь извѣстная: или шары не летятъ, или же когда летятъ, то ломаютъ шеи своимъ спутникамъ. Ce qu'il y a de mieux dans tout cela, c'est votre bon mot. Смотри, держи ухо востро, возьми свои мѣры. Тутъ вѣрно былъ Свиньинъ; въ Отечественныхъ Запискахъ будетъ описаніе этой мистификаціи, и въ утѣшеніе читателей онъ, конечно, передастъ имъ твое bon mot; скажетъ слово о тишинѣ дня, тишинѣ лѣта и угощеніи г-на Тишина. Надувши столько человѣкъ, подлинно, неудивительно, что нечѣмъ уже было надуть шаръ.

Жаль мнѣ бѣдную Циціанову, или лучше родныхъ ея; ибо въ этихъ случаяхъ оплакивающіе болѣе сожалѣнія достойны, нежели умершіе. Ну, какъ располагать намъ, кому сколько жить? Казалась дѣвка—кровь съ молокомъ, лопала отъ жиру. Кажется, у Циціанова осталась еще дочь. Ты, кажется, таки довольно часто бываешь у Салтыкова, да и домъ пріятный, безцеремонный! Ты говоришь о пѣвчихъ придворныхъ съ похвалою. Знаешь ли, что я и въ Италіи не слыхалъ ничего совершеннѣйшаго Бортнянскаго сочиненія, единственнаго въ своемъ родѣ. Я ему все это сказалъ самому и, право, не въ комплиментъ. Меня эта музыка восхитила.

Кронштадтскаго почтмейстера я помню, мы были у него съ тобою; а ко мнѣ пишетъ княжна Лобанова старшая, что̀ за Ляпуно-

вымъ [1]), проситъ меня помѣстить въ почтмейстеры родственника одного мужа ея. Я отвѣчаю, что я не почтдиректоръ, что ты былъ въ Москвѣ, а теперь уже въ Петербургѣ, что по связямъ моимъ съ тобой и съ Рушковскимъ я бы могъ похлопотать, но что есть инвалидный комитетъ и пр. и пр.

Я думаю, графъ [2]) теперь закуритъ во всѣхъ отношеніяхъ. Умно очень сдѣлаетъ, ежели предоставитъ Закревскому управленіе имѣніемъ: всѣмъ будетъ лучше отъ этого. Я все не вѣрю, что покойница была раскольница, а выходитъ, что такъ. Ну, братъ, ужъ нашимъ женамъ раскольницами не бывать, а ежели бы и случилась такая бѣда, то ужъ насъ отъ трубки не оторвали бы! И я очень привыкъ курить, но все не прежде, какъ пообѣдавши.

*

Семердино, 17 Октября 1821.

Глаза разбѣгаются, читая подробности лотереи Головинской. Мудрено, чтобы скоро накопилась такая сумма; но ежели 50 т. билетовъ уже взято въ два мѣсяца, то прежде года разберутъ вѣрно и остальные 120 т.

И у Каподистріи есть бильярдъ! C'est beau. Будемъ отличаться, а я къ тому времени набью руку, а то здѣсь разучился совсѣмъ, только не въ бѣшеную: это тоже что̀ скороспѣлка въ вистъ.

О Ермоловѣ не знаю, въ Москвѣ ли онъ еще; оттуда буду тебѣ писать обстоятельнѣе обо всемъ. Надобно будетъ повидаться и съ Волковымъ, но боюсь, чтобы не былъ онъ въ Ямищахъ. Вы такъ закормите Бухарскаго, что онъ, не доѣхавъ до Вильны, лопнетъ.

Посылаю тебѣ при семъ гостинца нашей экономіи, то есть отборныя Бѣлорусскія тальки, которыя жена давала бѣлить въ Хотьковъ монастырь монашенкамъ. Ежели Марицѣ или ея окружающимъ (ибо сама шить не охотница) годятся нитки, то можно будетъ къ будущему году надѣлать ей провизію. Вотъ и сестрамъ этого гостинца. Тоже буду ждать отвѣта на счетъ лососей, чтобы болѣе прислать. Оно все-таки весело сказать, выпивши водку: «вотъ наша *домашняя* рыбка», а какъ у гостя лопнутъ чулки: «позвольте, мы вамъ тотчасъ зашьемъ домашними нитками».

Не имѣешь ли ты средствъ достать мнѣ какъ нибудь копію съ капитуляціи, заключенной въ 1799 году 20 Февраля Ушаковымъ и Французами при сдачѣ намъ крѣпости Корфу? Мнѣ это очень нужно.

---

[1]) Княжна Анастасія Александровна Лобанова-Ростовская за ген.-маіоромъ Семеномъ Ефимовичемъ Ляпуновымъ.

[2]) Т. е. графъ Ѳедотъ Андреевичъ Толстой (ум. 1849), тесть Закревскаго.

Москва, 21 Октября 1821.

Москва удивительно украшается. Домъ Татищева далъ Кузнецкому мосту совсѣмъ другой видъ. Славное зданіе и кучу будетъ приносить доходу, но и вскочилъ, я думаю, въ копейку Дм. Павл.! Онъ, кажется, тихо собирается въ свою Голландію. Я надѣюсь, что ты ему часто кланяешься отъ меня. Въ ново-построенномъ на Кузнецкомъ мосту домѣ противъ Собакина, теперь магазинъ Negri [1]), и все выставлено съ большимъ шарлатанствомъ, какъ въ Парижѣ. Петровскій театръ ломаютъ, отдѣлываютъ, строятъ не на шутку. Площадь эта будетъ первая въ Москвѣ; гулянье по стѣнамъ Кремля, называемое Александровскій садъ, прекрасно, и въ полдень тамъ весь beau monde. Однимъ словомъ, Москва просится въ Петербурги, и посмотри еще, и перещеголяетъ, только въ другомъ родѣ и гораздо пріятнѣйшемъ и разнообразнѣйшемъ.

Каково здоровье нашего князя Голицына? Онъ поѣхалъ къ вамъ больной. Здѣсь (entre nous) начинаютъ крѣпко на него сѣтовать: дѣла очень запущены, онъ въ нихъ несвѣдущъ, да и лѣнивъ. Благородный его образъ мыслей, честность и ласковое обхожденіе заставляли всѣхъ молчать; но теперь много недовольныхъ, и начинаютъ славить сюда Балашева. Говорятъ, что князь долженъ былъ повиноваться во-первыхъ волѣ Государя, а тамъ матушкѣ своей [2]) и что самъ того и глядитъ, какъ бы вонъ. Арсеній мнѣ сказывалъ, что Лицей отходитъ отъ князя А. Н. [3]) прочь, что Коновницынъ будетъ или есть уже начальникомъ; это меня не очень радуетъ, а я было такъ былъ покоенъ на счетъ Кости.

Какъ же мнѣ Леонтьева не помнить? Я ими обоими очень былъ обласканъ, а во время оно, при покойной княгинѣ А. П. Гагариной, Леонтьева покойная намъ помогала. Я тебѣ скажу родство его съ княземъ Д. Н. Салтыковымъ: первая жена князя (да полно, не одна ли и была) была Леонтьева родная сестра. Кто вторая жена Леонтьева? Я помню, сколько разъ онъ мнѣ говарилъ, что убьется, ежели потеряетъ жену! А вышло, что женился на другой. Что̀ со временемъ не проходитъ? Отъ чего время не вылѣчиваетъ?

*

---

[1]) Домъ Собакина, позднѣе Ѳ. П. Гааза, затѣмъ Торлецкаго, нынѣ Захарьина. Упомянутый выше домъ Татищева—нынѣ Солодовникова.

[2]) Знаменитая княгиня усатая (Princesse-moustache), Наталья Петровна (ум. 1837), говорятъ, такъ строго держала дѣтей своихъ, что при ней они не смѣли садиться.

[3]) Голицына, князя Александра Николаевича.

Москва, 22 Октября 1821.

Новаго о Москвѣ знаю только, что умеръ Геймъ, ректоръ; человѣкъ былъ ученый и годный въ своемъ мѣстѣ; а какой-то университетскій студентъ, коему назначено было ѣхать въ чужіе края на казенный счетъ, вчера застрѣлился; видно, онъ дальнему путешествію хотѣлъ предпочесть еще дальнѣйшее. У Закревскаго видѣлъ я генерала Лисаневича, который много о тебѣ разспрашивалъ и бьетъ тебѣ челомъ.

*

Москва, 1 Ноября 1821.

Записки Егорушки Метаксушки пришлю тебѣ, а за Али-пашу очень тебѣ буду благодаренъ; рожа его была бы кстати, а это приманка для взрослыхъ читателей, которые въ книгахъ ищутъ все не оперу и балетъ или, просто сказать, пищу не для разума, но для глазъ. Очень бы ты одолжилъ меня Корфіотскою капитуляціею и даже донесеніемъ Ушакова. Не можетъ ли Каподистрія это вытребовать изъ коллегіи нашей адмиралтейской? Ты можешь понять, что я его или Нессельроде не компрометирую; это вещь уже старая, не секретная, а явная; а Метакса изволилъ написать капитуляцію изъ головы, не понимая, что такія вещи должны быть самыя точныя. Но онъ, видимо, какъ аббатъ, писавшій о взятіи Родоса; ему даютъ документы официальные, а онъ отвѣчаетъ: cela vient trop tard, mon siège est déjà fait.

*

Москва, 3 Ноября 1821.

Благодарю за сообщеніе списка о награжденіяхъ. Я читалъ голосъ Кампенгаузена, который ходитъ здѣсь по рукамъ и всѣхъ противъ него вооружаетъ; да и подлинно, странна претензія его положить мѣру монаршимъ щедротамъ. У насъ есть Русская гословица: на милость образца нѣтъ! Но я забываю, что Кампенгаузенъ—Нѣмецъ. Довольно странно опредѣлить на всякое министерство по стольку-то крестовъ на годъ для чиновниковъ. Оклады столь малозначущи, что ежели не будетъ этой приманки, никто служить не захочетъ, а нынѣ рѣдки герои, служащіе изъ единой любви къ отечеству. Много вздору въ этой бумагѣ, но главное то, что неприлично подданному касаться царскихъ преимуществъ и давать уроки.

Я видѣлъ Ст. Ст. Апраксина у Соф. Серг. *) и сказывалъ ему о совершеніи операціи надъ графинею Апраксиною. Онъ удивился и при-

---

*) Т. е. Макеровской, супруги Фавста Петровича.

бавилъ: eh bien, nous étions tous persuadés qu'elle mourirait sans le couteau. И подлинно, надобно было имѣть большую рѣшимость.

Недолго же дали мнѣ писать: пріѣхалъ тесть съ княгинею своею [1]), все не можетъ забыть Вестиндскій супъ, и faute de mieux изволилъ скушать четыре ломтя нашей Бѣлорусской лососины, которую закушалъ большимъ стаканомъ квасу. Хотѣлъ свести меня съ какимъ-то купцомъ и ручается мнѣ въ 10 т. р. дохода отъ одной этой работы. Nous connaissons notre homme, ses marchands et ses monts d'or. A propos, велѣлъ тебя просить взять въ лотереѣ билетъ № 26 для него, потому что въ молодости его въ Данцигѣ на этотъ № выигралъ онъ въ лотереѣ (hm!) 1500 червонныхъ; такъ какъ онъ денегъ не отдалъ, то я ему черезъ двѣ недѣли отрапортую, что № этотъ уже взятъ.—То-то посмотрѣлъ бы я приданое невѣсты Голицыной; я до этихъ тряпокъ дамскихъ большой охотникъ.

Давеча, только что сбылъ тестя, явился Вас. Львовичъ и сидѣлъ очень долго; онъ меня и завезъ къ Закревскому, котораго не было дома, но скоро явился изъ бани; онъ говоритъ, что здѣшнихъ лучше развѣ только однѣ Молдавскія. Тутъ былъ только Волковъ (оставшійся здѣсь для Черткова обѣда) и пріятель общій генералъ Лисаневичъ; ты его, вѣрно, зналъ въ Молдавіи, человѣкъ круглый и добрый. Мнѣ кажется, что отпускъ этотъ невеликую принесъ пользу доброму Арсенію. Въ дорогѣ его ушибли; теща много его огорчала живая, а тамъ и смертію по припадкамъ, бывшимъ съ его женою; между всѣмъ этимъ его не переставали пилить, то одинъ, то другой.

Вас. Львовичъ въ траурѣ по своемъ братѣ; умеръ ударомъ, но все имѣніе укрѣпилъ женѣ своей. Вяземскій все въ Остафьевѣ и будетъ сюда къ открытію Итальянскаго театра, говорятъ, 16-го сего мѣсяца. Сказывалъ еще Вас. Львовичъ, что Гагарина, урожденная Глазенапша, побранилась и только не подралась съ Полторацкою. Она все приставала къ ней за то, что она говорила, что ея сыночекъ не хорошъ. Гагарина наскучила ей и брякнула: comment pouvez-vous au reste accoucher d'un enfant comme il faut, vous êtes bossue et contrefaite; tout le monde ne sait pas cela, mais moi et votre cocu nous le savons! Та вышла изъ себя, и ну ругаться; насилу мужья разрознили.

*

Москва, 7 Ноября 1821.

Благодарю за сообщеніе Полѣнова [2]) отвѣта; сожалѣю; что въ коллегіи нѣтъ Корфіотской капитуляціи; но я думаю, что это скорѣе мож-

---

[1]) Мачиха супруги А. Я. Булгакова, княг. Елена Васильевна Толстая, въ первомъ бракѣ Дмитріева-Мамонова.

[2]) Василій Алексѣевичъ Полѣновъ уже тогда служилъ въ Государственномъ Архивѣ.

но отыскать въ адмиралтейской коллегіи, откуда и Броневскому сообщены были охотно многія свѣдѣнія. Въ современныхъ газетахъ можно бы отыскать; въ батюшкиной колекціи недостаетъ двухъ годовъ Павлова царствованія, по несчастію.

Я очень радъ, что билліардъ вездѣ заводится: это страсть моя. У Лунина преславный, и я отъ обѣда дулся до 9 часовъ вечера, но зашибъ только 15 рублей. У меня очень ровна игра съ Ричи и Лунинымъ. Сачи дурака подзываю съ собою. Mais voyez-vous, je vois que l'hyver sera rude; il faut des grandes pelisses, si-Tchertkoff allait en voiture bien fermée, peut-être. Сачи только что не живетъ въ клобѣ. Je me fais une fête de revoir le c-te Capodistrias, ainsi que tous nos bons amis dn Pétersbourg. Благодарю тебя за новости. О членахъ Совѣта узналъ я наканунѣ отъ Закревскаго, который получилъ фельдъегеря, пріѣхавшаго сутками прежде почты. Думая, что Голицынъ по новому своему назначенію лишится мѣста въ Москвѣ, сюда городъ назначилъ уже Балашева. О Хованскомъ послалъ я тотчасъ сказать сестрѣ его, фрейлинѣ княжнѣ Праск. Никол., которая зоветъ насъ въ Четвергъ на вечеръ праздновать братову новую звѣзду.

По полученной мною запискѣ отъ Глинки кажется, что пансіонъ его рушится. Хорошо, что я туда не отдалъ Костю; все къ лучшему. Прочти его брошюрку и письмо возврати. Меня увѣряютъ, что онъ очень бъ жалкомъ положеніи и будто съ печали пить началъ, чему вѣрить не хочу.—Ну, сударь, принесъ мнѣ переплетчикъ письма твои съ 1802 по 1821 годъ, это составило четыре тома, вершка въ полтора толщины. Теперь ничего не затеряется, и все сбережется. Батюшкины также переплетены. Въ деревнѣ собралъ я Тургеневыхъ, Фаста, гр. Ростопчина, Вяземскаго, Наташи, кн. Куракина, Закревскаго. Со временемъ и это переплету.

*

Москва, 8 Ноября 1812.

Сюда пріѣхалъ безрукій Бибиковъ *) для свиданія съ матерью. Онъ вице-губернаторомъ, кажется, въ Тамбовѣ, нигдѣ не бываетъ; но увѣряютъ, что онъ переодѣтый ходитъ по кабакамъ и, зная свое дѣло хорошо, открылъ множество злоупотребленій. Вотъ тебѣ наши Московскія вѣсти: Апраксина Кат. Вол. нездорова, вчера, одною рукою принимала лѣкарство, а другою играла въ вистъ. Видно, по матушкѣ идетъ. Жена зоветъ чай пить. Добрѣ!

*

*) Дмитрій Гавриловичъ.

Москва, 10 Ноября 1821.

Охъ ты, секретникъ! Самъ себя поддѣлъ. Ты говоришь: въ городѣ говорятъ, что Васильчиковъ не поѣдетъ болѣе къ своему корпусу; это распускаютъ, вѣроятно, потому, что онъ сдѣланъ членомъ Совѣта, и въ этомъ же письмѣ прилагаешь печатный приказъ отъ 1-го Ноября, въ коемъ сказано уже, что Уваровъ назначенъ на мѣсто Лар. Васильевича, который увольняется до излѣченія болѣзни. Ты, видно, самъ не успѣлъ прочесть приказа, но я все-таки ужо съ Закревскимъ потруню надъ дипломатомъ.

Ну, сударь, вчера у насъ проводилъ вечеръ Закревскій, такъ, безъ церемоніи; онъ былъ въ сюртукѣ, а потому и просилъ, чтобы я звалъ только его компанію. Была и Агр. Ѳед., графъ Ѳед. Андр., Озеровъ, Волковъ, Ив. Вас. Чертковъ, Шатиловъ, Коразна, Красовскій (генералъ, котораго я, писавши тебѣ, прежде, называлъ, Богъ вѣдаетъ зачѣмъ и почему, Лисаневичемъ) и Ренкевичъ; этотъ пріѣхалъ самъ, незваный; видно, Закревскій ему сказалъ; впрочемъ я очень ему былъ радъ. A propos. Гласъ Божій—гласъ народа! Предсказаніе свершилось: онъ отставленъ, а Бибиковъ безрукій на его мѣсто [1]). Ренкевичъ, хотя и взятъ былъ en dépourvu, скрываетъ свое неудовольствіе и говоритъ, что давно просился прочь отъ этой каторги.

Закревскій на вечера уже никуда болѣе; будетъ отдыхать и собираться въ путь. Онъ говорилъ мнѣ вчера о дѣлахъ Толстыхъ, нашелъ ихъ въ большомъ безпорядкѣ, мужиковъ разоренныхъ, долговъ 300 т. вмѣсто наличныхъ денегъ, кои полагалъ у покойной старухи. Я увѣряю, что все это поправится. Во вчерашнихъ газетахъ было уже объявленіе о графѣ Ѳ. А., что̀ онъ все имѣніе свое отдалъ зятю своему въ управленіе и чтобы всѣ адресовались къ нему въ Петербургъ, а здѣсь въ Москвѣ къ Коризнѣ. Такія же объявленія напечатаны отъ имени Агр. Ѳед.—Ужинъ былъ хорошъ по милости хозяйки; мы выпили таки 3 бутылки Шампанскаго и всѣ были очень веселы; прежде играли въ вистъ. Мы съ Сашкою разсказывали наши путевыя приключенія, ѣдучи въ Карлсбадъ. Рѣшено, что Волковъ не поѣдетъ теперь въ Петербургъ. Онъ рѣшился, по совѣту Закревскаго, искать мѣсто коменданта въ Ревелѣ; тамъ есть какія-то выгоды особенныя, а Волковъ любитъ жить съ Нѣмчурами. Хотя это еще projet vague, но мнѣ очень жаль будетъ разстаться съ нимъ.

И здѣсь, братъ, носятся давно слухи, что сынъ графа Растопчина [2]) воспріялъ кончину Іуды. Жаль, что этотъ молодой человѣкъ ис-

[1]) Предсѣдателя Московской Казенной Палаты.

[2]) Это былъ старшій сынъ графа Ростопчина, графъ Сергѣй Ѳедоровичъ, не оставившій потомства въ Россіи.

портился, но онъ до того довелъ себя, что ежели подлинно умретъ, жалѣть объ немъ никто не будетъ, да и не должно. Я знаю черты объ немъ самыя гнуснѣйшія. Я потому думаю, что это неправда, что Парижскіе журналы не оставили бы упомянуть о такомъ происшествіи по мѣсту, гдѣ случилось и по имени самоубійцы. Графа однакоже это приключеніе не можетъ не огорчить, хотя оно и послѣднее бы было и короновало бы жизнь его сына. Воспитаніе его мнѣ никакъ не нравилось; держать мальчика до 16 лѣтъ на привязи, обходиться съ нимъ сухо, холодно, сурово не годится. Это родитъ въ немъ желаніе сильное вырваться на свою волю, чтобы ее употребить во зло, въ поученіе родителямъ. Чего ждать отъ дѣтей, которыя насъ только боятся, а не любятъ?—Спасибо Реману, что спасъ Французскаго посла. Помнишь, какъ мы съ нимъ плыли въ Кронштадтъ на паровомъ суднѣ. Не худо бы королю прислать Реману св. Людовика, а то лучше богатую табакерку.

*

Москва, 11 Ноября 1821.

Есть, сударь, кн. Долгорукій Александръ Николаевичъ, подъ названіемъ глухой; у этого глухого сестра княжна Варвара Николаевна, у этой княжны закадычный другъ съ ребячества княжна Прасковья Николаевна Хованская, сестра банковскаго вашего. Эти княжны живутъ какъ сестры или какъ мужъ и жена; у нихъ все общее. Онѣ построили славный домъ; надобно домъ обновить, показать добрымъ людямъ. Сегодня минуло 25 лѣтъ, что рѣченный сіятельный глухой женатъ; вотъ и оказія. Княжны и звали праздновать серебряную свадьбу моего тезки, Александра глухого. Ну понимаешь; кажется, довольно подробно объясняюсь. Гостей было много, домъ игрушка, чистъ, веселъ, убранъ со вкусомъ. Я поигралъ въ вистъ съ Оболенскимъ, в.-губернаторомъ Долгорукимъ и Лунинымъ, зашибъ 48 р. и отретировался. Видѣлъ тутъ Ренкевича, который разсказывалъ мнѣ прощаніе свое съ Казенною Палатою, какъ секретарь, читая указъ о увольненіи его, плакалъ и пр. Сколько я могъ видѣть, то всѣ одобряютъ выборъ новаго вице-губернатора, и находятъ, что Ренкевичъ довольно нажился; основательно ли это нѣтъ, право не знаю. Еще доложу вашему превосходительству, что на балѣ отличилась очень 12-лѣтняя дочь... Да ужъ не твоя ли дочь?!... Дочь А. Д. Нарышкиной. И мазурку, и по русски, и Французскую, чтó угодно; большая плясунья, не въ тебя папеньку, а вся въ дяденьку меня. Хороша мамзель, только ужъ слишкомъ развязна. Тутъ же на балѣ видѣлъ я сестру сошедшаго съ ума Н. И. Ильина, которая увѣряетъ, что онъ уже совсѣмъ здоровъ, просила его навѣстить и постараться, чтобы позволено ему

было выходить куда хочетъ. Я отвѣчалъ, что лучше бы дождаться возвращенія князя Дм. Волод., его начальника, который скоро будетъ сюда. Вотъ, кажется, и всѣ мои похожденія. Весь городъ наполненъ вѣстію, что Барановъ сдѣланъ полковникомъ и полиціймейстеромъ въ Москву. Я всѣмъ говорю, что не вѣрю: 1-е Закревскій говорилъ, что Барановъ не изъ старшихъ капитановъ, а 2-е ты не пишешь о назначеніи его; кажется, ты бы зналъ объ этомъ, а 3-е, что Бѣлкинъ въ отставку не вышелъ, а 4-е, что Москва часто вретъ.—Гдѣ двое говорятъ, подойди—послушай, всѣ говорятъ объ одномъ, т. е. объ Итальянской оперѣ, которая откроется послѣ завтра.

Ну, сударь, о Растопчинѣ все неправда. Брокеръ получилъ отъ графа письмо свѣжее. Блудный сынъ, напротивъ того, покаялся, призналcя, что долженъ въ Парижѣ 95 т. франковъ; отецъ платитъ за него и выручаетъ изъ S-te Pélagie. Я не думаю, что онъ исправится двухлѣтнимъ заключеніемъ и, вѣрно, пустится на новыя проказы.

Сказывалъ мнѣ тесть, что у Шепелева начинается дѣло съ тещею старухою Баташевою. Она, не довольствуясь тѣмъ, что̀ старикъ отказалъ ей по духовной, требуетъ изъ всего благопріобрѣтеннаго седьмую часть. Это лишаетъ Шепелева какихъ нибудь 30 т. дохода ежегоднаго; но доки увѣряютъ, что она не дѣло проситъ. Шепелевъ прискакалъ сюда, ибо Уѣздный Судъ сдѣлалъ было опредѣленіе въ пользу Баташевой. Тесть говоритъ, что онъ всему этому помѣшалъ.

Вася Олсуфьевъ est revenu des eaux, alla à un bal, échauffé, et a eu l'imprudence de se laver avec de l'eau de source, ce qui lui a ttiré toute la humeur sur le visage, qui est tellement abymé qu'il ne peut se montrer à personne. Жаль, ловкій малый; но авось либо и пройдетъ.

*

Москва, 14 Ноября 1821.

Итакъ Кикинъ тайный совѣтникъ. Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ мнѣ сказывалъ, что въ 1818 году, кажется, выпрашивая своимъ награжденія, онъ представилъ къ этому чину и Кикина. Государь сказалъ: хорошо, и въ сенаторы. Но Кикинъ, не желая, видно, лишиться званія статскаго секретаря, удовольствовался алмазными знаками 1-й Анны, которые уже имѣлъ.

Вчера было первое представленіе Итальянцевъ. Какъ можно было предвидѣть, театръ былъ полонъ; сборъ болѣе 4000 р. Весь beau monde былъ тутъ налицо. Не хочу съ перваго разу рѣшительно сказать мое мнѣніе, но отличныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ нѣтъ, исключая Зан-

бони, который безподобный буффъ - маска: игра чудесная; мы нахохотались. Другой буффъ Ротà тоже очень хорошій актеръ, поетъ хорошо, но имѣлъ ролю незначущую. Первая пѣвица Anti—высока, стройна, ловка, хотя лицо незавидное. Elle a une grande voix, chante avec précision, mais la voix est rauque; c'est un timbre dans le genre de celui de la Philis: il faut s'y habituer; elle plaira plus avec le tems. Vous avez entendu Tosi, une voix de taureau, qui a besoin d'être travaillée. Вас. Львовичъ, который въ вѣчныхъ экстазахъ, говоритъ, что онъ ничего подобнаго не слыхалъ даже въ Парижѣ. Tant pis pour lui. Ба! Вяземскій. Милости просимъ. Только для оперы и пріѣзжалъ. Завтра ѣдетъ въ подмосковную, а въ Середу будетъ опять ко второму представленію; просилъ ему пріискать домъ въ сосѣдствѣ: хочетъ нанять на шесть мѣсяцевъ, ибо его собственный еще сыръ.

Вчера умеръ послѣ обѣда отъ удара толстый князь Яковъ Александровичъ Голицынъ, а теперь Вяземскій сказывалъ, что умеръ Голицынъ Ффисъ, мой хозяинъ. Жена его не будетъ плакать: онъ ее обобралъ и дурно жилъ съ нею. То-то будетъ бѣситься Сачи: онъ было меня просилъ задержать 800 р., кои ему долженъ Голицынъ; но я сказалъ ему, что имѣю дѣло не съ нимъ, но съ княгинею, домъ будучи ея.

Вчера у Закревскаго было пропасть народу, а особенно генераловъ. Ему крѣпко докучаютъ до послѣдней минуты, и чтобы имѣть одинъ день для самыхъ своихъ короткихъ, онъ всѣмъ говоритъ, что ѣдетъ завтра поутру, а выѣдетъ въ Среду. Завтра звалъ къ себѣ на цѣлый день. Агр. Ѳедоровна не очень здорова, онъ и для нея остается лишній день. Однакоже она съ Озеровою, Наташею и Шатиловымъ играла въ вистъ. Другой столъ былъ: Закревскій, Озерова, Красовскій и я; третій—графъ Ѳ. А., Митрофановъ, Андреевскій и Коризна. Сегодня обѣдъ прощальный у Ренкевича. Надобно ѣхать, хотя и не очень хочется.

Я забылъ тебѣ сказать, что въ оперѣ Итальянской обратили на себя вниманіе публики дочери Корсаковой: на каждой было, вѣрно, по 12 перьевъ пестрыхъ на головѣ, такія предлинныя, и не скажу, чтобы было хорошо. Еще забылъ я тебѣ сказать, что Волкову плацъ-майоръ, плацъ-адъютанты и подкомандующіе, въ знакъ преданности своей и усердія, поднесли золотую табакерку. Конечно, 2000 р. неважное пожертвованіе (хотя они всѣ и пребѣдные люди), но дорогà любовь въ этихъ случаяхъ. На крышкѣ верхней изображеніе Кремля; вышедшій оттуда воинъ (Волковъ) сложилъ съ себя оружіе и сидитъ на камнѣ; а фигура, представляющая Истину, подноситъ ему листъ съ

надписью: *признательность*. Вокругъ табакерки слова: Александру Александровичу Волкову, а снизу вырѣзаны имена Зайцева и всѣхъ плацъ-адъютантовъ. Волкова очень тронуло это приношеніе.

*

Москва, 17 Ноября 1821.

Аграфена Ѳедоровна простудилась, вѣроятно, ѣздивши кататься въ саняхъ, занемогла, день лежала въ постели. Пикулинъ заставилъ ее пропотѣть, и ей стало лучше; однакоже Арсеній отложилъ отъѣздъ свой и отправилъ къ вамъ эстафету. Когда выѣдетъ, самъ еще не знаетъ. Вотъ что̀ надѣлала наша минутная зима! Она, вѣроятно, помазавъ насъ по губамъ, сойдетъ, ибо цѣлую ночь шелъ дождь. Остановка эта очень разстраиваетъ Закревскаго, ради жены и потому, что сдѣлаетъ его неисправнымъ.

Всѣ будутъ радоваться преобразованію внутреннихъ почтъ, кои идутъ очень дурно. Только это, братъ, забота не бездѣльная. Дай Богъ тебѣ успѣха. Всѣ жалуются на внутреннее устройство почтъ, какъ въ разсужденіи писемъ и денегъ, такъ и почтовой ѣзды, а платятъ пропасть денегъ за все; куда бы хорошо учредить ямы вездѣ!

Сумароковъ, человѣкъ прямой, честный и большой спорщикъ: вотъ и все, что́ нужно, чтобы быть хорошимъ сенаторомъ. Я его видѣлъ въ Парижѣ. Онъ со мною славную штучку сыгралъ: просилъ меня неотступно доставить дочери въ собственныя руки пакетъ довольно толстый, съ манускриптами для него очень важными. Я берегъ это, какъ глазъ, доставилъ черезъ тебя въ Петербургѣ, роспискѣ обрадовался, послалъ ее въ Парижъ къ Ростопчину, для оправданія меня передъ Сумароковымъ. Вышло, что я везъ, берегъ не манускрипты, а просто рисунки по канвѣ. A propos. Онъ написалъ реляцію своего путешествія подъ заглавіемъ «Прогулка въ чужіе края». Вели это купить и пришли мнѣ.—Ужели у васъ не говорятъ о нашихъ Итальянцахъ? А здѣсь нѣтъ другого разговору. Вчера было второе представленіе. Узнать было нельзя: пѣли гораздо превосходнѣе перваго раза, и публика аплодировала немилосердно. Это большая находка для Москвы. Театръ опять былъ полный. Извиненія, напечатанныя первою пѣвицею Anti въ газетахъ, что она въ тотъ разъ не могла повторить дуэта потому, что уже переодѣвалась, очень публикѣ было пріятно. Какъ она показалась, долго не давали пѣть отъ рукоплесканій, и тотъ же дуэтъ былъ, по требованію публики, ею повторенъ. Занбони, актеръ преславный, рожа уморительная! Жаль, что разъѣздъ препакостный, и дуетъ даже въ ложи, когда дверь отворятъ. Это непростительно, что отъ двора самаго до ложъ нѣтъ ни одной двери (по край-

ней мѣрѣ закрытой). Бѣдная Урусова занемогла отъ театра не на шутку.

Тесть меня очень позабавилъ вчера, уговаривая жену свою при моей одѣваться болѣе по модѣ и прибавляя: вѣдь ты однихъ лѣтъ съ Наташею! Княгиня захохотала, а Наташа сказала: ежели я однихъ лѣтъ съ княгинею, сколько же вамъ лѣтъ, папенька, 80? Тутъ сталъ онъ доказывать, что ему едва 60, что женился, когда еще не брился. Да я вамъ покажу въ святцахъ маменькиною рукою, когда я родилась. Вольно твоей матери писать вздоръ. Спросите у Петра П. Нарышкина. И онъ бредитъ. Тутъ и княгиня вышла изъ терпѣнія: отчего же, князь, не ты скорѣе бредишь, нежели трое? и пр. Чудакъ! Все еще старая слабость слыть молодымъ.

Вчера на бѣднаго Negri наскакали сани, повалили его и руку ему расшибли. Виновникъ, напакостивъ, ускакалъ. Фастъ пишетъ, что онъ читаетъ толкованіе г-жи Гюонъ на Покалипсисъ; это и въ Москвѣ читать впору, а въ Калугѣ, право, съ ума сойти можно и безъ этого чтенія.

У нашего родни Льва Николаевича Энгельгартда умерла жена Катерина Петровна, оставя четырехъ дочерей; младшей уже лѣтъ 18, а отецъ самъ ходитъ на костыляхъ. Жаль бѣдныхъ дѣвушекъ. Поѣду къ нему завтра. Отдѣленіе въ совершенный упадокъ не пришло, но идетъ плохо. Вчера въ клобѣ Сачи очень бѣсился: его обыгралъ Дм. Дм. Шепелевъ à but. Сачи все твердилъ: il joue plus mal que moi; mais, voyez vous, c'est l'ascendant, oui, l'ascandant et pas le savoir; voilà comment Napoléon aussi battait des armées plus fortes. Теперь онъ Наполеона называетъ мальчишкою, а бывало только что не дрался съ Варламомъ, который свое твердилъ: votre Napoléon, il est un бестія!

*

Москва, 18 Ноября 1821.

Мы заходили къ Вейеру [1]) смотрѣть діадиму Мюратши, присланную сюда на продажу. Бриллiантовъ почти нѣтъ, но жемчуги страшной величины. Есть тутъ уродовъ съ 8 въ родѣ Зоя Павловича жемчужины [2]) и болѣе даже, но не такъ круглы. Просятъ за эту бюрильку 50 т. р.; предложено было отъ двора нашего 35 т., но не взяли. Я обѣщалъ женѣ купить, ежели выиграю село Воротынецъ [3]).

---

[1]) Московскій закладчикъ, къ которому прибѣгалъ въ 1831 году, вскорѣ послѣ своей женитьбы, А. С. Пушкинъ.

[2]) Жемчужина, принадлежавшая Греку З. П. Зосимѣ.

[3]) Графа Головина. Это село разыгрывалось въ лотерею.

Былъ у Пушкиныхъ, гдѣ на этотъ разъ не такъ-то было весело. Все было старье, кромѣ Вас. Львовича и Наст. Дмитріевны Афросимовой. Эта впилась въ меня: сказывай новости!—Ничего не знаю.— Врешь, батюшка. Ты все скрытничаешь, брата твоего въ Царьградъ. Это пустяки, сударыня.—Какой пустяки. Ему Нессельродъ и другой-то, какъ его! свои; ну они это и сдѣлали.—Да это не милость бы была, а наказаніе.—Пустяки говоришь. Онъ заключитъ съ Турками миръ, Государь дастъ ему 3000 душъ, а Турки милліонъ.—Да, сударыня, Государь душъ не даетъ.—Ну аренду въ Курляндіи. Долго она меня душила подобными вздорами; наконецъ Варенька меня выручила, заставя играть въ макао. Можно было зашибить 90 р., но не удалось, Варенька выиграла пулю, что̀ очень не потѣшило Вас. Львов., который оставался послѣдній и имѣлъ 7 фишекъ, но его сглазили всѣ, и вдругъ не стало его. Тутъ былъ Мертваго, который ѣдетъ въ Смоленскъ, гдѣ такой же голодъ, какъ былъ въ Черниговѣ прошлаго года. Отъ Мертваго можно ждать добраго.

*

Москва, Ноября 22-го, 1821.

Отецъ Тверскаго Всеволожскаго *), не жившій 29 лѣтъ съ своею женою и ее даже не видавшій лѣтъ съ 10, вдругъ съ нею съѣхался, и увѣряютъ, qu'ils sont comme deux coeurs et que le mari trouve sa femme aussi belle, que lors du fameux caroussel donné par Catherine II, je crois, l'année 1766.—Фастъ меня очень проситъ о чинѣ Соймонову сыну, а Яковлева о томъ же для Попова. Буду просить Малиновскаго отъ тебя и себя за обоихъ. Вчера долго сидѣлъ у насъ Лукьянъ; онъ прислалъ намъ на новоселье калачъ въ аршинъ діаметру. Дѣти насилу его доѣли въ четыре дни. Сумасшедшій Ильинъ писалъ Закревскому, прося его къ себѣ. Я поѣхалъ вмѣсто Арсенія и долженъ былъ два часа у него сидѣть и слушать его разсказы. Нельзя его назвать сумасшедшимъ, но человѣкъ съ умомъ не станетъ говорить, какъ онъ. Всѣхъ ругаетъ немилосердно, хотя и съ нѣкоторымъ основаніемъ. Досталось брату, сестрѣ, Ифелеру, полицмейстерамъ, Кутайсову, князю Дм. Волод. Этому написалъ: Я служилъ у трехъ начальниковъ; Тормасовъ былъ хорошій солдатъ, Ростопчинъ человѣкъ государственный, а въ васъ вижу только вельможу и пр. Онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ своего заключенія написалъ болѣе 12000 стиховъ, сдѣлалъ поэму «Нашествіе Французовъ». Всѣ лица—птицы: Государь—орелъ,

---

*) Сергѣй Алексѣевичъ Всеволожскій, одинъ изъ участниковъ возведенія на престолъ Екатерины II-й. Его супруга, Екатерина Алексѣевна, урожденная Зиновьева. Сынъ ихъ Николай Сергѣевичъ былъ въ Твери губернаторомъ.

Бонапарте—ястребъ, Ростопчинъ—соколъ, а тамъ, кто филинъ, кто курица и пр., и пр. И мнѣ надобно было все это выслушивать. Просилъ чаще бывать. Держи карманъ!

Закревская все также; только я не одобряю, что всѣхъ къ ней пускаютъ. У нея нервы разстроены ужасно, я видѣлъ это во время смерти матери ея, а всякій къ ней входитъ, всѣ съ нею болтаютъ, а главное для нея лѣкарство—покой и покой. Этого мало. Она все читаетъ, и что̀ же? романы! А тутъ одно трогаетъ, другое сердитъ, третіе пугаетъ, и все тревожитъ. Она себя очень разстраиваетъ этимъ. Я говорилъ Арсенію, но онъ отвѣчаетъ: что̀ же съ ней дѣлать, поди урезонь ее!—Отнять книги, да и полно. Я, виноватъ, въ этихъ случаяхъ обхожусь съ Наташею по солдатски. Правда и то, что она меня слушаетъ, ибо увѣрена, что люблю ее.

*

Москва, 28 Ноября 1821.

Когда увижусь съ Пикулинымъ у Закревскаго, согласимся о крещеніи. Очень была бы это скучная комиссія для меня, ежели бы выполнялъ ее по твоему желанію, а то радъ стараться. Кажется, безъ блондовой косынки не обойтись; куплю, подарю отъ тебя и въ свое время увѣдомлю.—Сейчасъ отъ меня Глинка. Нельзя ли тебѣ сдѣлать ему одолженіе и послать письмо его Французское къ Шредеру, для напечатанія въ Journal des Débats? L'esprit qui regne dans ce journal doit faire admettre avec plaisir l'article de Glinka. Глинка хочетъ писать жизнь покойнаго батюшки и проситъ матеріалы. Агр. Ѳедоровнѣ вчера опять было хуже, а сегодня лучше. Я у нихъ обѣдаю по обыкновенію. Ея нервы очень разстроены; какъ войдешь къ ней, то она, увидя тебя, имѣетъ невольное какое-то содроганіе. Арсеній очень унылъ. Наконецъ, рѣшился меня послушать и всякое утро проѣзжается и даже пѣшкомъ ходитъ.

*

Москва, 29 Ноября 1821.

Охъ, дайте мнѣ осмотрѣться, дайте съ силами собраться! И не вѣрится. Фастъ на мѣсто Соймонова *)! Неужели и впрямь?! Я внѣ себя отъ радости, любезнѣйшій другъ. Это, конечно, одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни. Письмо мое будетъ безтолково: я тебѣ описать радости моей не въ состояніи. Пишу же тебѣ среди шума на столѣ экзекуторскомъ, ибо домой доѣхать не имѣю уже времени. Скоро отходитъ тяжелая почта, а упустить ее было бы грѣшно.

---

*) Въ должность директора Горнаго Правленія въ Москвѣ.

Я отъ Софьи Сергѣевны. Тамъ въ домѣ какъ свѣтлое Христово Воскресенье. Всѣ цѣлуются, всѣ люди отъ радости плачутъ. Она еще спала. Услыша шумъ, что̀ такое?—А. Я. привезъ вамъ письмо отъ Фаста Петровича.—Давай его сюда, ему видѣть меня въ постели не новое. Вхожу, и ну ее цѣловать, ну поздравлять, ну вмѣстѣ плакать, ну креститься, ну благословлять, то тебя, то Гурьева, а болѣе всѣхъ ангела нашего Александра.

Я читалъ ей письмо твое, которое отправляю къ Фасту сію минуту, чрезъ нарочную эстафету, въ Калугу.

*

Москва, 1 Декабря 1821.

Губернаторъ мнѣ сказывалъ, что графъ Кочубей прислалъ къ нему на продажу 5000 билетовъ лотерейныхъ; это тотчасъ разберутъ здѣсь.

Здѣсь есть два вояжера, Англичане, пріѣхавшіе изъ Индіи черезъ Персію. Одинъ полковникъ, а другой въ службѣ Остъ-Индской компаніи. Не знаю ихъ именъ; первый говоритъ по-французски. Они были во Вторникъ въ собраніи. Я, яко дежурный директоръ, ими занялся и все имъ показывалъ. Нейгардтъ сегодня показывалъ имъ военную гошпиталь, отъ которой они въ восхищеніи. Я туда тоже ѣздилъ; подлинно, заведеніе прекраснѣйшее; послѣ мы обѣдали у Нейгардта. Англичане 12-го хотѣли быть уже у васъ. Планъ ихъ не знаю. A propos. Вчера просилъ меня твой комендантъ Веревкинъ написать тебѣ, чтобы ты сдѣлалъ одолженіе, далъ его женѣ, которая въ половинѣ этого мѣсяца выѣзжаетъ изъ Петербурга сюда, почталіона. Пошли къ ней сказать, что дашь почталіона, когда она поѣдетъ; но имени ея, ни жительства я не знаю.

Учрежденіемъ ежедневной почты между столицами ты бы сдѣлалъ себѣ вѣчную славу. У всѣхъ слюньки текутъ отъ одного проекта, и всѣ тебя чрезмѣрно благодарятъ за намѣреніе. Старайся: это славное дѣло!

Пріѣхалъ графъ Гудовичъ Андрей, что̀ женатъ на Мантейфельшѣ; она довольно странно одѣвается, на лакеяхъ ихъ медвѣжьи кивера, а на кучерахъ шуба въ 12 т. р. Эдакъ скоро убухаетъ богатство, оставленное скупымъ его отцомъ, фельдмаршаломъ.

*

Москва, 2 Декабря 1821.

Бѣдные Греки! Опять кровь потекла! Но снятіе Калимакіевой головы можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Это довольно противно трактатамъ съ нами. Англичане, о коихъ я тебѣ писалъ вчера, изъ Персіи прибыли и сказывали, что военныя дѣйствія начались у Персіянъ, но только съ пограничнымъ какимъ-то пашею. Да, ежели Турки будутъ драться съ Витгенштейномъ, не значитъ ли это война съ Русскими? Однако, самъ наслѣдный принцъ командуетъ войсками Персидскими.

Намедни, гуляя пѣшкомъ, зашелъ я съ женою къ живописцу Ризнеру смотрѣть славящійся портретъ графини Потемкиной *). Grand tableau, très beau. Elle est assise sur une chaise près d'un balcon ouvert, qui présente dans le lointain le couvent de Simonoff. Elle est en blanc, a un superbe chal jaune; le tapis, le satin des souliers, les bas transparents, les garnitures de la robe blanche, enfin tout est fait supérieurement bien. C'est très ressemblant, quoique pas flatté. Подивись, этотъ портретъ Ризнеръ продаетъ за 5000 руб., за кои онъ заказанъ, ибо графъ вмѣсто денегъ все предлагаетъ вексель. Мѣняла одинъ даетъ 3500 р. чистыми деньгами, но Ризнеръ не отдаетъ, и вѣрно! Кто купитъ и за 5000 р., не будетъ въ накладѣ. Съ блажью Потемкина, при первыхъ деньгахъ онъ въ состояніи заплатить 3500 р. за этотъ портретъ. Непонятно, какъ можно жертвовать своимъ кредитомъ изъ за 5000 р.! Да къ тому же и вещь сама по себѣ такого рода, что надобно бы, кажется, заложить себя самого, чтобы ее имѣть и не допустить идти въ чужія руки. On dit encore que P. a fait dire à Riesner qu'il ne pouvait pas prendre le portrait, parce que des réparations se faisaient dans sa maison, qu'après il lui donnerait 10 m. r. et 100 coups de bâtons pour avoir osé vendre le portrait de sa femme. На кой же чортъ богатство, ежели имѣть такія непріятности!

*

Москва, 3 Декабря 1821.

Вяземскій говоритъ, что Кашкинъ посылаетъ ко всѣмъ человѣка съ повѣсткою, что Николай Евгеньевичъ приказалъ кланяться и доложить, что Богъ даровалъ ему *чинъ* (такъ, какъ даруетъ другимъ сына или дочь). Скоро бригадиры будутъ cosa rara, и Чижика будутъ показывать, какъ диковинку.

*

---

*) Это Елисавета Петровна, сестра декабриста князя Трубецкаго, супруга графа Павла Сергѣевича Потемкина. Позднѣе она вышла за г-на Подчаскаго и до старости сохраняла красоту наружную и душевную.

Москва, 6 Декабря 1821.

Полковникъ Doyl завтра ужинаетъ у меня. Человѣкъ пріятный, былъ военнымъ секретаремъ у губернатора Индіи, Гастингса. Какое богатство тамъ у Англичанъ: 80 милліоновъ подданныхъ. Въ Калькутѣ 900 т. жителей. Компанія, имѣющая на своемъ囲 коштѣ 200 т. войска, платитъ прапорщику около 8000 р. жалованья, а полковникъ имѣетъ болѣе 55.000. Въ театрѣ спрашиваю я товарища его: vous partez bientôt? Онъ: non, demain nous serons dans le prison pour dettes! Я удивился, а это выходитъ, что они будутъ осматривать тюремный замокъ. 12-го, однакоже, хочется имъ быть въ Петербургѣ. Новаго не знаю ничего, кромѣ того, что Юсуповъ, таскаясь по холоднымъ репетиціямъ, лѣстницамъ и театрамъ, занемогъ.

Гуляя съ женою, мы зашли смотрѣть, по его просьбѣ, Позняковскій домъ, который онъ купилъ и славно отдѣлываетъ, прикупаетъ еще мѣсто напротивъ, ибо тѣсно для людей, а пристраивать негдѣ. Ему хочется тутъ помѣстить Итальянскій театръ со временемъ, и для меня этотъ театръ лучше Апраксинскаго, для сцены, которая обширнѣе, для зрителей и для разъѣзда. Сегодня множество имянинниковъ, но я никуда не поѣду, развѣ къ Гагарину, коему долженъ я давно визитъ. Небось скряга не дастъ взаймы намъ, но у этого и просить не стану. Говорятъ, что есть у Карнѣева; побываю у него, а то обѣщаютъ Чумага и экзекуторъ хлопотать. Нѣтъ, братъ, и здѣсь трудно очень деньги находить, особливо потому, что Воспитательный Домъ не выдаетъ денегъ по своимъ билетамъ.

*

Москва, 8 Декабря 1821.

Закревской все то лучше, то опять припадки. По моему сужденію, которое никому не смѣю открыть и тебѣ одному говорю, у нея просто падучая болѣзнь. Припадки дѣлаются вдругъ и пресильные. Кажется, и добрый нашъ Арсеній подозрѣваетъ это. Его очень убиваетъ положеніе жены его. Утѣшеніе имѣть дѣтей, кажется, у него отнято. Впрочемъ, и отчаяваться не должно. Князь Петръ страшно былъ подверженъ этой болѣзни, да вылѣчился какою-то травою и 9 лѣтъ не имѣетъ припадковъ. Какъ сказать имъ это? Какъ назвать имъ ужасную эту болѣзнь? Дай Богъ, чтобы я ошибался. Ее прокатываютъ и пріучаютъ къ воздуху. Обоимъ, и особливо ей, очень хочется скорѣе возвратиться въ Петербургъ. Лѣтомъ поѣдутъ къ водамъ непремѣнно. Elle ne se donne pas assez de repos. Avec des nerfs si dérangés elle ne fait que lire des romans toute la journée. M-lle Lapou-

kine, tête chaude et exaltée, est sa société continuelle. Une conversation comme cela vaut bien un roman. Tout cela n'est pas bien pour une maladie de ce genre.

Слава Богу, что у тебя идетъ къ концу съ Голдбекомъ. Онъ, бѣдный, я думаю, прожился въ Петербургѣ и мучился, что не могъ въ Мемелѣ принять великую княгиню М. П., которой бы вѣрно проговорилъ рѣчь. Теперь желаю, чтобы ты все устроилъ съ Австріею и этихъ также бы надулъ, какъ Прусаковъ. Какъ будутъ устроены тобою почты во внутренности Россіи, то звѣзда твоя будетъ говорить справедливо: польза, честь и слава. Съ кѣмъ ни заговори, у всякаго есть анекдотъ насчетъ неустройства почтъ. Гагаринъ мнѣ божился, что письмо изъ деревни его зятя, князя Василья Долгорукова, лежащей близъ Можайска, ходитъ сюда 10, 12 и 15 дней!.. Письмо посылается въ Можайскъ, оттуда въ Гжатскъ, изъ Гжатска въ Торжокъ, гдѣ ожидаетъ проѣзда Петербургской почты. Ежели бы почта изъ Можайска въ Москву шла пѣшкомъ, и тутъ бы на костыляхъ могла бы доходить въ двое сутокъ. Какъ Рушковскому не заняться такими вещами? Не надобно тутъ и предписанія ожидать. Развѣ онъ не хозяинъ въ своей дирекціи?..

Вчера сидѣлъ у меня долго П. И. Озеровъ, прощался: ѣдетъ на время во Владимиръ, по дѣламъ службы. Долго мы говорили съ нимъ о Лицеѣ. Онъ мнѣ далъ очень хорошее мнѣніе объ этомъ заведеніи. Профессоры хороши; онъ особенно рекомендовалъ мнѣ какого-то Жаксона и Гиппіуса, или Нумерса (кажется, такъ). Хорошо, ежели бы Костя былъ у нихъ въ пансіонѣ; а тотъ, о коемъ ты мнѣ писалъ, говорятъ, дѣлается придворнымъ человѣкомъ, и у него дѣти князя Ѳедора Голицына. Не знаю, какъ теперь, а они были большіе повѣсы, и я бы не радъ былъ такому товариществу для Кости.

Пикулину я говорилъ о крестинахъ. Онъ очень благодарилъ за твое и мое намѣреніе, но ребенокъ его давно окрещенъ; честь приложена, а убытковъ ты избавляешься. Онъ очень тебѣ благодаренъ, что ты не забылъ.

Мнѣ все хочется сообщать статьи объ Итальянскомъ театрѣ Инвалиду или Сыну Отечества. Бѣда та, что нельзя это дѣлать инкогнито: тотчасъ узнаютъ и, какъ ни будь безпристрастенъ, тотчасъ изъ дряни этакой наживешь непріятностей. Пусть же Вяземскій одинъ ополчается за Итальянцевъ. Вчера графъ Потемкинъ до того кричалъ da capo послѣ аріи большой примадонны Anti, что обратилъ на себя

вниманіе цѣлой публики, и всѣ начали шикать. Онъ заупрямился, сталъ кричать еще громче, da capo, fuora; стали шикать еще громче, и онъ принужденъ былъ спасовать и замолчать.

Мнѣ славный разсказывали анекдотъ о преосвященномъ нашемъ Филаретѣ. Какой-то бѣдный дьяконъ деревенскій долго таскался по разнымъ лицамъ, прося оставить его тамъ, гдѣ онъ былъ. Наконецъ, рѣшается броситься въ ноги къ самому Филарету. Приходитъ рано, входитъ въ переднюю, никого не было. Онъ далѣе, да далѣе. Выходитъ Филаретъ въ халатѣ (это было рано).—Что ты за человѣкъ?—Я, батюшка, хочу броситься въ ноги къ преосвященному.—Да кто ты?—Я бѣдный дьяконъ, имѣю большую семью, есть кой-какія выгодишки; но, батюшка, теперь хотятъ другого опредѣлить на мое мѣсто, а меня въ другое село.—Кого же ты просилъ?—Да многихъ. Меня только, что обобрали. Вотъ, батюшка, въ канцеляріи преосвященнаго далъ я 50 р. тому, 25 р. тому, здѣшняго прихода Спаса дьякону 75 р., а все не дѣлается. Теперь говорятъ, что надобно меня экзаменовать.—Ну это и правда. Это моя должность, я экзаменаторъ. Дьяконъ въ ноги. Пожалѣй меня. Вотъ только осталось 25 руб., 15 мнѣ на дорогу, а 10 руб. возьми, батюшка, и сотвори мнѣ эту милость. Преосвященный взялъ деньги у дьякона и велѣлъ ему явиться на другой день въ туже комнату, въ 9 часовъ. Дьяконъ является. Выходитъ Филаретъ, одѣтый какъ должно, собирается ѣхать въ Страстной монастырь служить, спрашиваетъ дьякона, что̀ онъ хочетъ. Тотъ перепугался и говоритъ, не узнавши Филарета, что онъ пришелъ по приказанію экзаменатора и пр.—Знай, что это я. Я же вчера съ тобою говорилъ, но не бойся ничего. Я радъ, что могъ узнать о тебѣ правду, а равно о злоупотребленіяхъ моей канцеляріи. Позовите того-то, того-то (называя всѣхъ, коихъ дьяконъ дарилъ). Какъ пришли, Филаретъ сказалъ: Я каюсь передъ вами всѣми, что вчера взялъ отъ этого дьякона 10 р. По словамъ Священнаго Писанія, «аще дадите, воздастся вамъ четверицею», я вмѣсто 10 р. даю ему 40 р. Ты взялъ 25 р., дай ему сейчасъ 100 р., ты—50, дай 200; ты, священникъ, 75 р., дай ему 300 р. Это тебѣ, дьяконъ, за твое претерпѣніе; ступай домой и оставайся на твоемъ мѣстѣ, въ нуждахъ твоихъ относись ко мнѣ прямо. На этотъ разъ на васъ (оборотясь къ своимъ) иного наказанія не опредѣляю. Радуйтесь, что наказаніе ваше обращается въ пользу бѣднаго человѣка, а впредъ поступлю я иначе, ежели не воспользуетесь симъ урокомъ. Поѣдемте, и кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ.

Это происшествіе вездѣ разсказываютъ и называютъ это вторымъ Соломоновымъ судомъ. Вообще народъ очень любитъ Филарета, осо-

бенно за то, что служитъ вездѣ, гдѣ только есть торжество какое-либо, праздникъ, или гдѣ приглашаютъ. Покойный Серафимъ не могъ это дѣлать по слабости своего здоровья, а Августинъ былъ очень грубъ и гордъ.

*

Москва, 9 Декабря 1821.

Ну, дай Богъ успѣха въ общемъ собраніи! Кажется, справедливость на нашей сторонѣ. Не доставало бы ко всѣмъ нашимъ бѣдамъ этой еще. Я не стану тебѣ описывать положеніе бѣдныхъ нашихъ крестьянъ. Слава Богу, что они не такъ изнурены, разорены, какъ сосѣдніе, а то пришлось бы всѣхъ поголовно кормить. Вообрази, что у другихъ ѣдятъ хлѣбъ сдѣланный изъ гнилого дуба. Голодъ ужасный. У насъ, надѣюсь, пойдетъ не болѣе тысячъ пяти на прокормленіе бѣдныхъ крестьянъ. Я потому тебѣ говорю объ этомъ, что последнее донесеніе Ефима нѣсколько утѣшительнѣе; а то, право, и не знаю я, что̀ придумать. Богъ такъ къ намъ милосердъ, что и тутъ, вѣрно, насъ не оставитъ. Есть престрогія предписанія, по коимъ велѣно имѣнія отбирать въ опеки, ежели помѣщики не будутъ заботиться о прокормленіи крестьянъ своихъ; а у насъ такіе есть варвары, что, получая до 2 р. въ день за работу крестьянина, даютъ ему на пищу только 15 коп. въ день. Меня увѣряли, что Потемкина имѣніе въ Курскѣ за такого рода поступки отбирается отъ него. Вотъ тебѣ и da capo!

Около Великаго Поста поѣду въ Бѣлоруссію. Хозяева мои утѣшаются; всѣ говорятъ, что послѣ голодныхъ годовъ бываютъ всегда большіе урожаи. Дай-то Богъ! У меня есть волшебное колечко, но и оно въ этихъ случаяхъ не помогаетъ. Я вижу, что ты хочешь знать, что это за кольцо. Ну, быть такъ, посылаю его тебѣ. Я имъ мучилъ всѣхъ у Закревскаго, у Волкова, у Фаста. Выучись наединѣ хорошенько имъ дѣйствовать и помучь Марицу, Лизаньку и tutti quanti. Кольцо надѣвается на мизинецъ лѣвой руки. Надобно всѣ пальцы соединить такъ, чтобы конецъ шприца приходилъ къ большому пальцу, коимъ пихать шприцъ невидимо для зрителей. Разумѣется, что прежде, нежели надѣть на палецъ кольцо, надобно наполнить оное водою̀, опустя кольцо въ рюмку воды и вытянувъ насосикъ. Надобно примѣтить направленіе воды, чтобы знать, какъ показать кольцо и какъ становиться, чтобы брызгать въ глазъ, въ носъ, ротъ etc. Между 4-мя камнями есть въ серединѣ отверстіе, откуда брызгаетъ фонтанчикъ. Кольцо можно давать смотрѣть прежде и послѣ очень близко, но изъ рукъ не выпускать и сжимать руку въ кулакъ. Ежели не хорошо брызгаетъ, (что̀ можетъ случиться, ежели насосъ доро̀гою высохнетъ), то можно

отворить въ мѣстѣ А. [1]) и помочить тамъ ниточку, или новую навернуть, чтобы воздухъ не проходилъ. Желаю тебѣ успѣха въ мистификаціяхъ. Я нашелъ это случайно здѣсь въ одной лавкѣ.

*

Москва, 12 Декабря 1821.

Прежде всего поздравляю тебя съ сегодняшнимъ днемъ, который долженъ быть радостный для всякаго добраго Русскаго. Я помолился за Государя, вспомнилъ всѣ его милости, тебѣ оказанныя. Грѣшу, но я ставлю ихъ выше всего, любя тебя болѣе всѣхъ и всего. П. П. Нарышкинъ звалъ меня въ свой вдовій домъ, гдѣ служилъ Филаретъ и было посвященіе 4-хъ сердобольныхъ вдовицъ. Преосвященный говорилъ рѣчь, тронувшую всѣхъ; вдовицы рыдали, и онъ самъ такъ былъ тронутъ, что заплакалъ. Какъ онъ говоритъ хорошо! Жаль только, что голосъ его слабъ и что, вѣроятно, не всѣ могли его слышать. Я забрался къ нему поближе. Онъ началъ историческимъ начертаніемъ человѣколюбиваго сего учрежденія, описалъ добродѣтели августѣйшей учредительницы, а потомъ дѣлалъ увѣщанія и наставленія вдовицамъ, надѣлъ на нихъ кресты золотые на зеленой лентѣ, приводилъ ихъ къ присягѣ. Препровождаю экземпляръ клятвеннаго обѣщанія. Оно также сочинено имъ. Обязанности ужасныя! Кажется, выполнить ихъ есть вещь сверхъестественная. Я понимаю, что брату можно всѣмъ жертвовать для брата, матери для дочери, отцу для сына, мужу для жены, или другу для друга; но тутъ вдовица должна все въ мірѣ забыть и всѣмъ жертвовать для перваго больного, для незнакомаго, стараніямъ ея ввѣряемаго. Вотъ торжество добродѣтели, истинное христіанство! Послѣ было молебствіе за здравіе Государя. П. П. ознакомилъ меня съ преосвященнымъ. Видно, что умница. Послѣ былъ завтракъ, и попы такъ все обчистили, что остались одни ножи и вилки.

Вчера давали намъ обѣдать Лунины. Славно провели день. Я возилъ туда Вяземскаго, и мы натѣшились, слушая обоихъ, Ричи и Занбонія, padre e figlia. En chambre elle est bonne, une jolie méthode, du goût; c'est dommage, que la voix soit faible.

*

Москва, 13 Декабря 1821.

Несчастное теперешнее время! Чего графиня Панина[2]) богачка, и та сказывала мнѣ, что принуждена будетъ жить въ деревнѣ нѣкоторое время.—Вчера видѣлъ Бове въ собраніи, долго съ нимъ говорилъ о тебѣ и Петербургѣ. Я его было не узналъ въ военномъ мундирѣ. Ве-

[1]) Къ письму приложенъ рисунокъ.

[2]) Гр. Софья Владимировна, ур. графиня Орлова.

ревкинъ очень тебя благодаритъ за неоставленіе жены его. Il a l'air d'un très brave homme, on l'aime, et succéder à Wolkoff n'était pas une tâche si facile. Вообрази, вчера въ собраніи кто былъ? Юсуповъ! Я не хотѣлъ вѣрить глазамъ. Рано вы выѣхали, князь.—Скучно дома. Кажется, ему бы нигдѣ не должно быть скучно. Его однакоже порядочно перевернуло. Того вѣка люди крѣпки, какъ камень, а нонѣшняя молодежь занеможетъ, такъ не оправится въ годъ.

На вечеръ я званъ въ два мѣста, къ Окуловымъ и къ графинѣ Бобринской. Вчера въ собраніи было только 600 человѣкъ, но и мы хороши! Чтобы понудить подписываться, не давали визитерскихъ билетовъ, а на хоры давали; всѣ и пустились на хоры. Не давать, такъ уже никуды. Меньшую Урусову вывезли. Красавица совершенная но старшая для меня, да и всѣмъ, кажется милѣе. Князь Яковъ Ив. Лобановъ называетъ ее la regina. Онъ собирается скоро къ вамъ, тоже ждетъ пути. Я тебѣ писалъ вчера о славномъ концертѣ у Ричи, но признаюсь, что Ричи задавилъ самого Занбонія, а графиня можетъ за поясъ заткнуть Cenerentol'у; у нея метода и пріятность, но голосъ слабъ для театра, и только; по моему уваженію, Anti будетъ ея счастливою соперницею. Въ Субботу опять Turco in Italia.

*

Москва, 15 Декабря 1821.

Вчера въ полдень выѣхалъ Закревскій. Кажется, Аграфенѣ Өед. будетъ покойно въ 4-хъ-мѣстномъ возкѣ, съ мужемъ, Лопухиною и дѣвушкою. Карета послана напередъ и, кажется, имъ ея не миновать, ибо цѣлую ночь шелъ дождь. Она взяла доктора съ собою для всякаго случая. Я не поѣхалъ провожать, боясь, чтобы эта экспедиція не продолжалась дня три, а поѣхали многіе, иные до первой станціи, а иные и до Клину: Волковъ, Денисъ Давыдовъ, Ренкевичъ, графъ Ө. А., Коризны, Шатиловъ, Американецъ Толстой. Дай Богъ Арсенію благополучно доѣхать; но онъ не намѣревался никакъ торопиться, боясь, чтобы не разстроило Аграфены Өедоровны.

Я получилъ, любезный другъ, твой № 201. Самъ экзекуторъ мнѣ его привезъ; благодарю тебя своимъ и его именемъ. Крестъ очень его порадуетъ, ему очень его хочется, но онъ не обойдетъ никого: всѣ въ его чинахъ имѣютъ это отличіе въ Почтамтѣ; одинъ только Касіянъ, но ты знаешь, что̀ этотъ человѣкъ, не завидуетъ, а радуется благу своихъ товарищей. Похвисневъ человѣкъ и усердный, и благородный. Рушковскій *sonica* согласился на мою просьбу, а ты довершай съ успѣхомъ начатое. Я воображаю, какъ всѣ радуются Веймар-

скому ангелу [1]) и какъ ему самому пріятно быть съ своими и въ настоящемъ своемъ отечествѣ. Спасибо, другъ любезный, за хорошее увѣдомленіе о дѣлѣ нашемъ. Какъ подумаю, сколько ты надѣлалъ хорошаго въ Петербургѣ! А я только, что изъ кожи лѣзу, а пользы мало. Ежели будущій годъ будетъ такой же (Боже сохрани!), то придется продавать скотъ, коего, конечно, у насъ заведено тысячъ на 60: есть чѣмъ унаваживать. Да вѣдь я же не Фастъ, на что же преждевременно отчаяваться?

Князю Дм. Волод. хочется имѣть здѣсь Ярославскаго Безобразова; его очень хвалятъ, но онъ отклонилъ, говорятъ, предложеніе. Князь Дм. Волод. полагалъ себя гораздо независимѣе въ Ярославлѣ, а онъ любитъ много брать на себя, лишь бы дѣлать полезное для службы. Долго сидѣлъ тесть, тоже, видно, зондировалъ меня: признайся, что ѣдешь въ Петербургъ за мѣстомъ.—Гдѣ же мои связи тамъ?—А братъ?—Такъ братъ можетъ и безъ меня все устроить; но я васъ увѣряю, что и помышленія не имѣю.—Я тебя не понимаю, ты упрямъ, помѣшался на своей дипломатикѣ, тебѣ бы все къ миссіи.—Нѣтъ, князь, на то надобно быть богату.—Такъ зачѣмъ же ѣдешь?—Такъ за бездѣлицею: 1-е, везу сына въ Лицей, а 2-е, хочу брата обнять.—Ну да изъ тебя хоть жилы тяни, ты не скажешь; оба вы такіе, а Конст. Як. еще хуже. Посидѣли, да и уѣхали, а у меня отняли много времени.

Тюфякинъ таки добился шпицрутена. Не будутъ плакать объ немъ Петербургскіе актеры, а здѣшніе *артисты* очень рады слухамъ, что Майковъ остается въ Петербургѣ: и его крѣпко не любятъ. Вотъ я тестю скажу, что мнѣ очень хочется Майкова мѣста. Да Багрѣевъ нонче уже не за невѣстами ѣздитъ, а за лентами; желаю ему успѣховъ; а ежели толстѣетъ, то надобно торопиться: дамы не любятъ пузатыхъ. Съ этой стороны я не рискую ничего. Итакъ нашъ Американецъ*) къ намъ воротится; я очень буду ему радъ. Завтра узнаемъ мы, вѣроятно, о милостяхъ 12-го числа. Къ кому нибудь да, вѣрно, будетъ эстафета. Найдутся знакомые, такъ порадуемся, да мнѣ кажется пріятно видѣть радость и всякаго незнакомаго. Говорятъ, что Бѣлкинъ, коего Шулыгинъ гонитъ, подалъ въ отставку; другіе говорятъ, что князь Дм. Волод. не выпускаетъ его. Кому вѣрить, не знаю, а другіе два полицмейстера не думаютъ отходить.

Я видѣлъ поутру славнаго жеребца, приведеннаго изъ Лондона и за котораго просятъ 55,000 р. Имя его Bourbon. Онъ всѣхъ славныхъ бѣгуновъ обскакалъ въ Лондонѣ.

*

---

[1]) Великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которую гр. С. Р. Воронцовъ называлъ la perle de la famille.

[2]) Т. е. П. И. Полетика, бывшій посланникомъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Москва, 17 Декабря 1821.

Бѣдный Алексѣй Матвѣевичъ Окуловъ вчера скончался. Вся семья въ отчаяньи. Я у нихъ былъ еще во Вторникъ въ вечеру, ужиналъ тамъ. Онъ только-что занемогъ, пренебрегъ болѣзнью. Докторъ Рашка увѣрялъ за часъ до кончины, что нѣтъ опасности. Наконецъ, вдругъ объявилъ, что нѣтъ надежды. Сдѣлали консиліумъ. Пфелеръ взялъ за пульсъ, и въ ту минуту не стало больного. Родные просятъ тебя усердно тотчасъ велѣть доставить прилагаемое здѣсь письмо, коимъ вызывается сюда старшій сынъ покойника. Сдѣлай это, любезный другъ, тотчасъ по полученіи почты или эстафеты, ежели таковая случится.

*

Москва, 16 Декабря 1821.

Всякій разъ, что̀ выглядываю изъ окошка, сожалѣю о бѣдномъ Закревскомъ. Какъ-то онъ ѣдетъ, или лучше, какъ-то плыветъ и тащится. Дождь шелъ вчера, и теперь такъ, какъ бы лѣтомъ. Не говоря уже о распутьѣ и болѣзняхъ, весь посѣвъ пропадетъ, и прощай надежда на будущій годъ. Богъ видно наказываетъ людей. Я вчера въ манежѣ Апраксина, куда ѣздилъ смотрѣть славнаго жеребца Bourbon, нашелъ Лунина и Керестурія. Насъ славно промочило въ саняхъ, заѣхали мы къ Лунину, и ну играть въ биліардъ. Тутъ явился также князь Трубецкой, братъ графини Потемкиной, моей силы точно, и прегоряченькой. Начавъ съ 10 р., я наколотилъ на 150 р. Ну, давайте послѣднюю на квитъ? Я думаю себѣ, зачѣмъ не играть на чужія деньги. Только онъ такіе дѣлалъ ракро, а я такъ часто терялся на желтую, что проигралъ сухую. Прощай 150 р.!! По пристрастію къ биліарду не поѣхалъ обѣдать къ князю Н. Гагарину, къ коему былъ званъ, пославъ записку, и остался обѣдать у Лунина; послѣ обѣда опять въ биліардъ, въ вечеру забѣжалъ домой, отправить къ тебѣ письмо, а тамъ опять въ биліардъ. Жену отправилъ одну къ Пушкинымъ, а самъ, проигравъ до второго часу, домой пріѣхалъ; она только-что явилась. Самый биліардный день. Да и что̀ дѣлать въ проливной дождь?

Отдѣленіе идетъ къ концу, имѣетъ долгу около 8000 р., кои не знаетъ какъ взыскать съ членовъ. Сдѣлалъ самъ старшинамъ предложеніе о соединеніи отдѣленія съ нами, чтобы одинъ балъ былъ у насъ, а другой у нихъ, чтобы въ простые дни ѣздили въ отдѣленіе *и дамы* играть. Конечно, есть игрецы до упаду, но тогда всѣ курильщики уйдутъ въ Англійскій клубъ, ибо при дамахъ непристойно будетъ курить и пр. Все это ничего не произведетъ. Я тѣхъ мыслей, что не только отдѣленіе, но и собраніе упадетъ. Не тотъ вѣкъ. Никто не лю-

бить веселостей невинныхъ. Нынѣ, молодой человѣкъ лѣтъ 20, полковникъ, труды его истощили, онъ въ ревматизмахъ, ничто его не веселитъ, ему не танцовать, а играть бы или разсуждать о политикѣ.

*

Москва, 19 Декабря 1821.

Въ три часа по полуночи съ Суботы на Воскресенье (съ 17-го на 18-ое) ощущалось здѣсь землетрясеніе. Я помню только, что я проснулся вдругъ, самъ не зная отъ чего. Пріѣзжаю къ Волкову обѣдать. Онъ спрашиваетъ меня, чувствовалъ ли я землетрясеніе ночью. У нихъ потрясеніе было довольно сильно; плотники, у него работающіе, тоже сказали, да и многіе другіе въ городѣ, часовые, въ клубѣ заигравшіеся до штрафу, продавцы на рынкахъ и пр. Немудрено: по газетамъ были землетрясенія въ Николаевѣ и другихъ городахъ Россіи.

Благодарю тебя за списокъ пожалованныхъ въ генералъ-маіоры. Я имъ очень одолжилъ Нейгардта и обрадовалъ Варвару Алексѣевну Нарышкину, сестру графини Е. А Пушкиной: ея сынъ Кирило тоже въ числѣ пожалованныхъ, и она отъ меня перваго узнала. Милостей не было. Иные, слегка ожидавшіе, тому радуются, другіе же, навѣрно надѣявшіеся, нахмурены. Однакоже Тургеневъ пишетъ, что даны ключи Парижскому Дивову, Франкфуртскому Голицыну и Вѣнскому Обрѣзкову. Я видѣлъ дочь княгини Софьи Григор. въ Москвѣ года четыре назадъ. Она обѣщалась быть хороша. Вчера у тестя явилась Афросимова, по обыкновенію съ вѣстями, читала рапортъ своего сына изъ Петербурга. Мнѣ очень понравилась слѣдующая новость; онъ пишетъ между прочимъ: «дочь князя Петра Мих. Волконскаго показалась въ свѣтѣ; говорятъ, что она выходитъ замужъ за князя Лопухина *или* за молодого Демидова, сына Ник. Никитича. Мнѣ очень нравится этотъ *или*, т. е. публика рѣшитъ, кого предпочесть, и тогда родные ударятъ по рукамъ. Жаль бѣднаго Мишо. Мертваго нельзя воскресить; но Государь, по ангельскому своему сердцу, призираетъ вдову и сиротъ. Какъ не желать лишиться руки и жизни для него?

Даютъ двѣ піесы: «Il fanatico per la musica» и «L'ingenio felice» Въ первой поетъ m-lle Занбони, во второй mad. Anti. Лунины и Ричи уѣзжаютъ послѣ первой піесы, а князь Юр. Волод. Долгоруковъ съ Горчаковою пріѣзжаютъ только для второй піесы. C'est une querelle à mort. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ встрѣчаетъ меня на улицѣ, оба ѣдемъ. Кричитъ мнѣ: à propos, j'oublie toujours de vous demander, êtes vous Zamboniste ou Antiste. Je répondis comme cet ouvrier à Paris (au sujet du Gluciste et Picciniste): Je suis Ébéniste. Le fait est, que

malgrès ces parties le théâtre se soutient, il est toujours plein, et la recette est toujours de près de 4000 r. Ce soir c'est le triomphe des Zambonistes, car on donne Andisso, la musique est charmante. Après on donnera, à ce que m'a dit le prince Ioussoupoff, «Clotilde» de Coccia, élève favori de Panielli, puis «Le Barbier de Seville» de Rossini, puis «Il Matrimonio Segretto» et puis «La Nina» de Panielli.—Ѣду на похороны бѣднаго Окулова. Я былъ тамъ съ Вяземскимъ. Бѣдная Софья, третья дочь, съ самой кончины отца до этого часу все въ безпамятствѣ; очень боятся за ея разумъ, а мать одно твердитъ, что желаетъ лишиться всѣхъ дѣтей и также умереть. Ужасно смотрѣть на нихъ. Одна Anette, старшая [1]), воспитывавшаяся въ Смольномъ, сохранила бодрость и за всѣми ухаживаетъ. Я не поѣхалъ въ Донской монастырь, боясь простудиться и вымочить себя до костей. Тѣло не могло на Крымскомъ бродѣ переѣхать черезъ Москву рѣку и должно было сдѣлать крюкъ по проливному дождю и ѣхать на Каменный мостъ. Только и разговору, что́ о бѣдномъ Окуловѣ.

*

Москва, 22 Декабря 1821.

Я было писать къ тебѣ, любезный другъ, вдругъ записка отъ Софьи Серг. [2]): ради Бога пріѣзжай, имѣю крайнюю нужду. Я съ безпокойствомъ пускаюсь къ ней, и вышло, что почти по пустякамъ. Зачѣмъ не написать? Вчера ея Фаска, осаживая карету, тронулъ колесомъ въ городѣ, гдѣ всегда тѣсно, какую-то пьяную бабу; она ну кричать караулъ, выхватила шляпу у лакея, ну ругать бергъ-инспекторшу, требовать ея имя и чтобы дала подписку, что пришлетъ кучера въ часть. Наша бѣдная оберъ-берггауптманша 6-го класса перепугалась, подписала миръ на барабанѣ, приняла всѣ условія и поѣхала домой какъ на смерть осужденная. Выходитъ, что эта негодная баба—какая-то титулярная совѣтница, промышляющая такими исторіями. Надобно было сунуть ей бумажку синенькую, и все бы кончилось. Фаска на съѣзжей, но все это мы устроимъ. Жаль только то, что сама встрѣвожилась, да у меня отняли золотое время.

*

Москва, 27 Декабря 1821.

Скажи Закревскому, что вчера дѣлали пріятелю его Василію Ив. Путятѣ [3]) операцію. Взялъ ее на себя докторъ, пріѣхавшій изъ чужихъ краевъ съ Киндяковымъ. У Путяты былъ на правомъ плечѣ наростокъ,

---

[1]) Анна Алексѣевна Окулова, впослѣдствіи воспитательница королевы Ольги Николаевны.

[2]) Макеровской, супруги Фавста Петровича.

[3]) Отцу Николая Васильевича Путяты, который позднѣе служилъ подъ начальствомъ Закревскаго въ Финляндіи.

который его безобразилъ и всякій годъ прибавлялся; рѣшился на операцію. Докторъ надрѣзалъ плечо крестообразно, поднялъ кожу и вынулъ оттуда ужасную массу какого-то жира. Все совершилось очень хорошо и благополучно. Сегодня обѣдали мы у Фастѣйшаго. Ужо въ собраніи маскарадъ, на который собираются всѣ, и всѣ въ маскахъ. Отъ этого маскарада записалось человѣкъ 500, ибо кромѣ членовъ никому нельзя быть, ни внизъ, ни на хоры. Завтра обѣдаемъ у Карнѣева, а въ Среду новая опера «Клотильда». Vedremo. Былъ я вчера у Малиновскаго; онъ въ восхищеніи отъ того, что ты пишешь, и я очень радъ. Онъ бѣдный глаза потерялъ отъ этой выписки. Нужно наградить чиновниковъ, это одобреніе для переду, а ежели составятся такія же выписки прочимъ дворамъ, какъ и Турецкому, то будемъ имѣть прекрасный историческій и дипломатическій документъ, дѣлающій честь нашему архиву. Турецкая же выписка очень выходитъ полезна по нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Какъ ни говори, а архивъ право отличается. Я удивляюсь, что не присылаютъ свѣжихъ бумагъ, ибо послѣдпія всѣ только до 1762 года доходятъ. Малиновскаго очень ободрило одобреніе начальства. Надобно признаться, что онъ трудолюбивъ: имѣя Сенатъ, больницу*), грамоты Румянцовскія, успѣваетъ еще дѣлать полезныя выписки. Тутъ приложенъ алфавитъ (какъ во Всемірномъ Путешественникѣ), поэтому все тотчасъ можно отыскать.

*

Москва, 30 Декабря 1821.

Навеселились, насмѣялись, наѣлись, наигрались, да и ложимся уже спать, а нѣтъ еще полуночи. Вотъ какъ надобно бы дѣлать всякій день. Дѣти были въ восхищеніи, я не одинъ разъ вспоминалъ о твоихъ. Зачѣмъ не было ихъ съ нами? Костя переодѣвался вѣрно разъ пять. Большой проказникъ, всѣхъ смѣшилъ, удивительный ребенокъ, плясалъ по-русски, мазурку, вальсировалъ, и все это не учась никогда, и все это хорошо. Былъ дѣтскій ужинъ, мы всѣ съ дѣтьми танцовали также. Жаль, что Фастъ далекъ, а то бы и его малютокъ тоже зазвали на пиръ. Мы играли въ вистъ, княгиня Е. Л., Лунинъ, Керестури и я. Знай, что я выигралъ 56 партій по 3 р., что̀ и составляетъ 168 р.!! Очень было это не лишнее. Поутру зашелъ я гуляя къ Лунину; у него славный бильярдъ. Мы одной силы съ княземъ Трубецкимъ, братомъ графини Потемкиной, женатымъ на Бахметевой, горяченькій игрокъ! Только отъ 12 р. — 50 р. онъ, дублируя, проигралъ мнѣ 800 р. Я самъ желалъ, чтобы онъ поотыгрался, и кончилось все таки тѣмъ, что я выигралъ 400 р. Завтра званъ на revanche. Являюсь.

*) Т. е. Шереметевскій Страннопріимный домъ, гдѣ А. Ѳ. Малиновскій и жилъ.

Выигрышъ буду рисковать, но своихъ не проиграю ничего. Керестури, парируя за меня, выигралъ тоже 600 р. Годится на дорогу. Онъ ѣдетъ сегодня въ ночь въ Петербургъ съ графомъ П. А. Толстымъ и разскажетъ тебѣ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Обѣдалъ я у Потемкина, гдѣ только и рѣчи было, что̀ о Итальянцахъ. Былъ тутъ и Юсуповъ. Также много говорили о маскѣ, которая мучила Завадовскаго и всѣхъ. Я увѣрялъ всѣхъ, что это будто Француженка одна, живущая у княгини Щербатовой. Beaucoup de monde croit que c'était votre femme, dit la c-sse Potemkine.—Non, pas du tout, reprit Ioussoupoff; on croit que c'est une étrangère, et elle n'a parlé qu'en italien, très bien. Наташа въ восхищеніи, что удалось ей обмануть всѣхъ. Поутру, заигравшись въ бильярдъ, не былъ я въ собраніи. Оно было очень шумно, и l'Enfant Prodigue Долгорукій чуть не подрался съ Кологривовымъ А. С. Вздоръ затѣваютъ. Хотятъ нарядить комитетъ, чтобы передѣлать всѣ правила и законы собранія, яко ветхіе, хотятъ пускать на хоры за деньги, запретить туда входъ членамъ и пр. и пр. Все это такъ глупо, что не заслуживаетъ возраженія. Башиловъ a porté la parole, et le projet est, dit-on, de C. C. Apraxine et de князь Юр. Волод. Долгорукій. Я съ одной стороны радъ, что не былъ, ибо, можетъ быть, напрасно бы погорячился. Ничего не рѣшено, и теперь хотятъ публиковать въ газетахъ, чтобы всякій членъ прислалъ свое мнѣніе поименно. Tout cela n'a pas le sens commun. Потемкинъ тоже много горланилъ. Я ему однакоже сказалъ за обѣдомъ и Башилову, что всякій членъ, будучи хозяинъ въ домѣ, ему нельзя запрещать быть вездѣ, гдѣ хочетъ; что установить цѣну на хоры, это сдѣлать изъ нихъ шинокъ, что эдакъ и мужикъ въ лаптяхъ въ правѣ войти съ кувшиномъ вина въ пазухѣ, лишь бы имѣлъ 2 р. лишнихъ. Хотятъ отдать на рѣшеніе Государя, и это глупо. Государь членъ, какъ и всѣ, и вѣрно никогда не употребитъ своей власти и вліянія въ частномъ обществѣ. Я боюсь, что накутермятъ и все отдаляются отъ цѣли созыванія, которая была найти средство поддержать отдѣленіе, до коего собранію, имѣющаго лишній капиталъ, дѣла нѣтъ.

Итакъ съ вашимъ Инвалидомъ будетъ тоже, что̀ съ нашимъ отдѣленіемъ. Жаль, Пезаровіусу должно быть больно. Его трудами и терпѣніемъ Инвалидъ пріобрѣлъ большой капиталъ и напоминалъ намъ время своего основанія: безсмертный 1812 годъ. Многіе будутъ сожалѣть о прекращеніи Инвалида; положимъ, что замѣнится и другимъ, но новый журналъ не внушаетъ большой довѣренности.

Что̀, бишь, слышалъ я вчера? Да, свадьба въ городѣ. Есть богачи Хрущовы на Пречистенкѣ, у нихъ штукъ 14 дѣтей, и между прочими дочь одна, фаворитка и баловень, собою не завидна. Она замужъ

идетъ за Нарышкина, полковника, nez de polichinelle et fils du polichinelle Ивана Александровича. Говорятъ, и сынокъ глупъ. Кричали о милліонахъ; но домашній мнѣ сказывалъ, что даютъ 600 душъ, 100 тыс. руб. деньгами, приданаго на 40 т.; правда то, что молодые будутъ жить въ домѣ défrayés de tout. Это большой пунктъ, но это вѣдь до поры до времени. Ты пишешь, что объ этихъ Хрущовыхъ были неблагопріятные слухи на счетъ бумажекъ; но они разбогатѣли отъ откуповъ.

Былъ я званъ къ Вяземскому обѣдать; но, предвидя по званымъ гостямъ, что заставятъ пить, я не поѣхалъ, а явился послѣ, нашелъ ихъ еще за столомъ и не ушелъ отъ двухъ рюмокъ Шампанскаго. Послѣ въ 8 трубокъ курили въ его кабинетѣ и такой подняли дымъ, что я пошелъ къ княгинѣ поглотать свѣжаго воздуху, поиграть съ дѣтьми и отретировался домой потихоньку. Въ вечеру, какъ сказано выше, были у насъ гости, и время провелось очень пріятно. Я далъ Керестурію une soit-disant lettre de recommandation къ С.-Петербургскому почтдиректору. Вчера являюсь къ Пушкинымъ и очень былъ обрадованъ, найдя тутъ Калужскую гостью, Софью Шаховскую. Пріѣхала на три дни повидаться со своими. Они всѣ меня атаковали: поѣзжай я непремѣнно въ Калугу, гдѣ 6-го будетъ балъ у Полуэктова, а 7-го у Шаховскихъ; туда ѣдутъ Волконскіе и Варенька; Вяземскій ѣдетъ, ежели я поѣду. Признаюсь, не смотря на все желаніе угодить моей фавориткѣ, не могу рѣшиться. Хочется послѣднее это время быть со своими, да и не хочу упустить дѣло гр. Каподистріи. Во всякое другое время я бы рѣшился на пріятную эту прогулку, но теперь придется отказать.

Я радъ, что скоро вырвался отъ Гагарина, который задалъ намъ славный обѣдъ. На столѣ было славное plateau, привезенное ему изъ Парижа графомъ Нессельродомъ, а за десертомъ подавали Венгерское вино, купленное еще дѣдомъ его. Княгиня очень грузна, насилу ходитъ. Споръ Кологривова и Enfant Prodigue имѣлъ послѣдствія. Послѣдній послалъ первому cartel, и Кологривовъ не постыдился этому мерзавцу написать письмо, въ коемъ проситъ прощенія, et Dolgorouky n'a en rien de plus pressé que de montrer cette lettre à tout le monde au clob Anglais. Хороши оба! Чѣмъ-то всѣ эти пренія насчетъ собранія кончатся? Волковъ къ моему удивленію тоже мнѣнія пускать на хоры за деньги; я у него былъ вчера два раза, но не заставалъ все дома. Видѣлъ я у Гагарина молодого Самойлова, но не нашелъ той красоты въ немъ, о коей такъ много кричали. Вяземскій проситъ тебя доставить прилагаемыя письма и посылку къ Гнѣдичу.

ИЗЪ ХРОНИКИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Исторія съ профессоромъ Маловымъ [1].

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis.

Въ исторіи Московскаго Университета 30-хъ годовъ очень характернымъ и интереснымъ является эпизодъ, извѣстный подъ именемъ „Маловской исторіи“, изложенный въ печати Герценомъ въ его „Былое и Думы“. Она разсказана также Я. И. Костенецкимъ въ его Воспоминаніяхъ („Р. Архивъ“ 1887, в. 2—3). Печальнымъ героемъ этой исторіи былъ экстраординарный профессоръ этно-политическаго отдѣленія, Михаилъ Яковлевичъ Маловъ. Постоянная грубость Малова въ обращеніи со своими слушателями вывела ихъ изъ терпѣнія и привела къ рѣшенію выгнать его изъ аудиторіи.

„Сговорившись, читаемъ у Герцена [2], они прислали въ наше отдѣленіе [3]) двухъ парламентеровъ, приглашая меня придти съ вспомогательнымъ войскомъ. Я тотчасъ объявилъ кличъ идти войной на Малова, нѣсколько человѣкъ пошло со мной; когда мы пришли въ политическую аудиторію, Маловъ былъ на лицо и видѣлъ насъ. У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ: ну-ка онъ въ этотъ день не сдѣлаетъ никакого грубаго замѣчанія. Страхъ этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была непокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе. началось шарканье. „Вы выражаете ваши мысли, какъ лошади, ногами“, замѣтилъ Маловъ. воображавшій вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ и рысью, и буря поднялась: свистъ, шиканье, крикъ „вонъ его, вонъ его, pereat!“ Маловъ, блѣдный какъ полотно, сдѣлалъ отчаянное усиліе овладѣть шумомъ и не могъ; студенты вскочили на лавки. Маловъ тихо сошелъ съ каѳедры и съежившись сталъ пробираться къ дверямъ; аудиторія за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ его калоши“.

Вполнѣ понятно, что это небывалое въ лѣтописяхъ Университета происшествіе должно было привести Совѣтъ и университетское начальство въ полнѣйшее недоумѣніе и замѣшательство. Что было дѣлать и какой дать обо-

---

[1]) Надворный совѣтникъ М. Я. Маловъ род. 1790, ум. 1849 г. Напомнимъ читателю, что его исторія въ Университетѣ произошла въ самый разгаръ Польскаго мятежа и въ тревожное время первой холеры. П. Б.

[2]) „Былое и Думы“, изд. 1861 года, стр. 149—150.

[3]) Герценъ былъ на физико-математическомъ отдѣленіи

ротъ всей этой исторіи? То было тяжелое время Московскаго Университета: на него недружелюбно смотрѣлъ императоръ Николай Павловичъ, полагавшій, что въ немъ коренятся вредныя либеральныя начала. Источника тревожнаго состоянія общественной мысли, приведшей къ Декабрьскимъ событіямъ 1825 г., искали тогда въ Университетѣ, въ его наукѣ, преподаваніи, и необходимымъ слѣдствіемъ такого взгляда были преувеличенныя полицейскія попытки измѣнить полицейскимъ порядкомъ направленіе умственной жизни. Предубѣжденіе Государя противъ Московскаго Университета еще болѣе усилила исторія съ Полежаевымъ, въ которомъ онъ усмотрѣлъ образчикъ университетскаго воспитанія, студенческой распущенности и развращенности.

1825-мъ годомъ оканчивался „патріархальный періодъ“ Московскаго Университета: на мѣсто „фрачнаго попечителя“ округа (князя А. П. Оболенскаго) былъ назначенъ генералъ-маіоръ Писаревъ, который долженъ былъ подтянуть университетъ. При немъ полная свобода и распущенность, отличавшая прежде жизнь студентовъ, смѣнилась строгими порядками, почти военной дисциплиной и бдительнымъ надзоромъ начальства, которому поручалось сдѣлать студентовъ „истинными сынами Православной церкви, вѣрноподданными государю и отечеству“. Писаревъ особенно заботился о нравственности студентовъ, о „внушеніи имъ добрыхъ правилъ и навыковъ“, и предписывалъ инспектору „сдѣлать ихъ кроткими и покорными начальству“.

Вообще въ цѣляхъ искорененія свободомыслія и вредныхъ началъ, которыя, по мнѣнію правительства, отличали Университетъ, были приняты мѣры къ строгому урегулированію всей университетской жизни.

Смѣнившій въ 1830 г. Писарева новый попечитель, князь С. М. Голицынъ, считалъ мѣшающимъ процвѣтанію университетовъ дарованное имъ избирательное право, „заимствованное нами изъ Германскихъ университетовъ, кои извѣстны не столько ученою славою, сколько вольнодумствомъ и своевольствомъ“.

Этихъ двухъ явленій, которыя, по мнѣнію кн. Голицына, отличали университеты Германіи, высшее правительство всего болѣе боялось и у насъ, видя ихъ даже иногда тамъ, гдѣ ихъ вовсе и не было. За Университетомъ зорко слѣдили въ Петербургѣ; самыя незначительныя происшествія, которыя, по своей маловажности, подлежали разрѣшенію мѣстнаго начальства, вызывали разслѣдованія, переписку съ министерствомъ и доходили до Государя.

Примѣромъ служитъ происшествіе, случившееся за нѣсколько дней до Маловской исторіи; оно встревожило всѣ Московскія власти и дошло до Государя. Это былъ одинъ изъ случаевъ, очень обыкновенныхъ въ закрытыхъ заведеніяхъ: казенно-коштные студенты, недовольные скверной пищей, сговорившись, не пошли обѣдать въ столовую. Но на это событіе взглянули иначе и придали ему исключительную важность. Князь Голицынъ заявлялъ, хотя и нашелъ жалобы студентовъ совершенно справедливыми, что онъ не допуститъ впредь подобныхъ „заговоровъ“ и исключитъ изъ Университета

всѣхъ зачинщиковъ. Извѣстіе о такомъ „заговорѣ“ дошло до Петербурга, но немного спустя кн. Голицынъ уже получилъ отъ Бенкендорфа секретное отношеніе, съ просьбой прислать подробныя свѣдѣнія о „происшествіи“, для доклада Государю. Ровно черезъ недѣлю послѣ этого происшествія, 16 Марта 1831 г., случилась „Маловская исторія“, которая Государю могла дать образецъ вреднаго направленія Московскаго Университета, воспитавшаго подобныхъ студентовъ, лишенныхъ „добрыхъ навыковъ и покорности начальству“. Легко себѣ представить, каково должно было бы быть взысканіе съ участниковъ этой исторіи; на нее могли взглянуть, какъ на бунтъ, и многихъ разжаловать въ рядовые, что́ являлось тогда довольно обычнымъ наказаніемъ для студентовъ за ихъ болѣе важные проступки.

Но „Маловская исторія“ приняла необычный для того времени оборотъ: какъ мѣстное, такъ и высшее начальство на этотъ разъ не усмотрѣло въ немъ признаковъ заговора и своевольства, а пришло къ заключенію о необходимости немедленно удалить профессора, недостойнаго носить это званіе. Зачинщики исторіи понесли сравнительно легкое дисциплинарное наказаніе; оно ограничилось заключеніемъ въ карцеръ шести студентовъ на 4 дня. Князь С. М. Голицынъ представилъ въ министерство все дѣло оконченнымъ, но выразилъ опасеніе, что въ числѣ преподавателей Московскаго Университета найдутся и другія лица, столь же мало пользующіяся уваженіемъ студентовъ.

Маловъ же, вмѣсто того, чтобы сообщить о случившемся попечителю, поспѣшилъ сдѣлать доносъ жандармскому начальству, будто студенты произвели безпорядокъ, будучи недовольны его лекціею о благѣ монархизма между тѣмъ оказалось, что 16 Марта онъ читалъ вовсе не о монархизмѣ.

По дѣлу Малова между кн. Голицынымъ и министерствомъ возникла весьма интересная переписка, дающая возможность познакомиться со взглядами высшаго начальства на это событіе. Въ объясненіяхъ кн. Голицына мы видимъ очень снисходительное отношеніе къ провинившимся студентамъ, проступокъ которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его донесенія какъ бы даже извиняется, находя себѣ оправданіе въ непристойномъ поведеніи профессора. Подобный же характеръ носитъ и отвѣтъ князю Голицыну министра народнаго просвѣщенія, кн. Ливена, раздѣлявшаго, повидимому, взгляды Московскаго попечителя.

Каковы же были послѣдствія „Маловской исторіи“?

Маловъ былъ немедленно удаленъ. Ему дали лишь возможность самому подать въ отставку, что́ онъ и исполнилъ, прося уволить себя по „чрезвычайно разстроенному“ здоровью. Увольненіе его было утверждено 26 Октября 1831 года.

Для Московскаго Университета „Маловская исторія“ не прошла безслѣдно. Министръ кн. Ливенъ, въ отвѣтъ на донесеніе попечителя 7 Апрѣля

1831 г., предписалъ совѣту Университета „озаботиться удаленіемъ и прочихъ недостойныхъ званія наставниковъ Университета“. Правда, Совѣтъ это распоряженіе оставилъ безъ исполненія, но здѣсь было важно само признаніе со стороны министра необходимости удаленія подобныхъ профессоровъ.

Надо думать, что „Маловская исторія“ была однимъ изъ поводовъ назначенной въ 1832 г. ревизіи Московскаго Университета. По высочайшему повелѣнію 14 Мая производство ревизіи было поручено вновь назначенному тогда товарищемъ министра С. С. Уварову.

Результаты ея по отношенію къ профессорской корпораціи оказались весьма плачевными и оправдали опасенія кн. Голицына, что въ Университетѣ найдутся и другіе профессора, подобные Малову. Уваровъ пришелъ къ заключенію, что изъ всѣхъ профессоровъ, составлявшихъ тогда Университетъ, лишь пять человѣкъ „стоятъ на степени желаемаго образованія по своей наукѣ и владѣютъ способностью передавать свои познанія“. Къ этой категоріи принадлежали профессора: М. Т. Каченовскій, И. И. Давыдовъ, П. С. Щепкинъ, Д. М. Перевощиковъ и А. В. Болдыревъ.

Уварову пришлось убѣдиться „въ упадкѣ сего важнаго отечественнаго заведенія“, въ возстановленіи котораго чувствовалась тогда неотложная необходимость.

Во главѣ управленія Московскаго Университета стояли въ то время слѣдующія лица: попечителемъ округа князь Сергій Михаиловичъ Голицынъ, его помощникомъ графъ Александръ Никитичъ Панинъ, ректоромъ Университета проф. И. В. Двигубскій, инспекторомъ казенныхъ студентовъ и директоромъ медицинскаго института проф. П. С. Щепкинъ, а инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ проф. Ѳ. И. Чумаковъ.

*

Князь С. М. Голицынъ ректору Университета Двигубскому, 24 Марта 1831 г., № 293.

Получивъ свѣдѣніе, что студенты нравственно-политическаго отдѣленія, во время лекціи г. экстраординарнаго профессора Малова, произвели шумъ и тѣмъ хотѣли, повидимому, оскорбить сего профессора, я рѣшился столь дерзкій поступокъ не оставить безъ наказанія.

Посему предлагаю вашему высокородію зачинщиковъ въ семъ происшествіи: кн. Оболенскаго, Арапетова, Розенгейма, Орлова и Каменскаго *), посадить подъ арестъ на 4 дня, на хлѣбъ и воду; и если окажется еще болѣе виновныхъ, то подвергнуть ихъ такому же наказанію. Всѣмъ же прочимъ студентамъ Университета предлагаю вамъ, милостивый государь мой, объявить, что на сей первый случай подоб-

*) Къ нимъ былъ присоединенъ и А. Герценъ.

ное нарушеніе порядка столь легко наказывается потому, что сей поступокъ приписываю я единственно ихъ вѣтренности и совершенному невѣдѣнію законовъ строгаго повелѣнія. На будущее время надѣюсь, что я не услышу болѣе о подобномъ происшествіи, ибо исключеніе изъ Московскаго Университета, съ опубликованіемъ по всѣмъ прочимъ университетамъ, будетъ легчайшимъ наказаніемъ зачинщика.

Князь С. М. Голицынъ министру народнаго просвѣщенія.

Копія.

Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ!

На прошедшей недѣлѣ, 16 текущаго мѣсяца, на лекціи экстраординарнаго профессора Малова, своекоштные студенты нравственно-политическаго отдѣленія произвели шумъ, хлопая въ ладоши, и тѣмъ принудили профессора удалиться изъ аудиторіи. За таковой поступокъ пять человѣкъ, оказавшихся зачинщиками, были, по приказанію моему, посажены подъ арестъ на хлѣбъ и воду на четверо сутокъ; всѣмъ же студентамъ Университета объявлено отъ меня, что подобное нарушеніе порядка на сей первый разъ приписывается ихъ вѣтренности; впредъ же исключеніе изъ Московскаго Университета, съ опубликованіемъ по всѣмъ прочимъ университетамъ, будетъ легчайшимъ наказаніемъ зачинщику. Какъ о семъ происшествіи, вѣроятно, уже донесено въ Петербургъ, то я, на всякій случай, обязанностью почелъ увѣдомить объ ономъ вашу свѣтлость, съ показаніемъ истинныхъ причинъ оному. Извѣстно, что студенты на лекціи профессора образованнаго и отличныхъ умственныхъ способностей оказываютъ благоговѣйное вниманіе къ его преподаванію; любовь и уваженіе питаютъ къ нему даже и тѣ изъ студентовъ, кои, по лѣности, никакой пользы отъ него не пріобрѣтаютъ; и, наоборотъ, профессоръ, коего недостатокъ образованія и способностей замѣтенъ хотя нѣкоторой части слушателей его, теряетъ всѣ права на уваженіе студентовъ. Къ сему послѣднему разряду поистинѣ причисляю я г. Малова, который, зная холодность къ себѣ слушателей, весьма близкую къ неуваженію, старался мѣрами строгости усиливать вниманіе студентовъ къ своимъ лекціямъ; таковая строгость его доходила до несправедливости, и студенты 16-го числа показали ему высочайшую степень своего неуваженія, начавъ апплодировать ему при вступленіи его на каѳедру.

Изложивъ вашей свѣтлости сіе непріятное происшествіе, я не могу скрыть моего опасенія, что въ числѣ преподавателей Московскаго Университета найдется еще нѣсколько людей, подобныхъ г. Малову и столь же мало пользующихся уваженіемъ студентовъ, на что я за особенную обязанность поставляю себѣ обратить вниманіе вашей свѣтлости. Касательно же г. Малова нужнымъ считаю присовокупить, что, при объясненіи со мною о семъ происшествіи, онъ добровольно вызвался оставить Московскій Университетъ и подать въ отставку; а дабы студенты не могли заключить, что они нѣкоторымъ образомъ принудили его къ сему дѣйствію, я дозволилъ г. Малову исполнить сіе по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. № 437, Апрѣля 8 дня 1831 г.

Графъ Бенкендорфъ князю С. М. Голицыну.

Секретно.

Считая долгомъ препроводить къ вашему сіятельству полученную мною частнымъ образомъ записку о нѣкоторыхъ происшествіяхъ, недавно случившихся въ Московскомъ Университетѣ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, одолжить меня сообщеніемъ подробнѣйшаго о семъ свѣдѣнія, для доклада Государю Императору. (Замѣтка на бумагѣ): «Поблагодарить». № 1725, 1 Апрѣля 1831.

Политическаго отдѣленія адъюнктъ-профессоръ Маловъ на лекціи своей назвалъ одного студента свиньей. Такою дерзостью всѣ были до того недовольны, что начали свистѣть, шаркать ногами, шумѣть и потомъ, до окончанія еще лекціи, вышли изъ аудиторіи.

Таковой безпорядокъ, по замѣчанію одной почтенной особы, принадлежащей къ Московскому Университету, могъ произойти только на лекціи г. Малова, человѣка безъ всякихъ свѣдѣній и грубаго обращенія.

Отвѣтъ.

Секретно.

По отношенію вашего высокопревосходительства отъ 1-го сего Апрѣля, за № 1725, о сообщеніи подробнѣйшаго свѣдѣнія о двухъ происшествіяхъ въ минувшемъ Мартѣ мѣсяцѣ, въ Московскомъ Университетѣ случившихся, для доклада Государю Императору, честь имѣю препроводить при семъ къ вамъ, милостивый государь, особую записку, съ объясненіемъ, какъ сихъ происшествій, такъ и главной причины оныхъ. Если Его Величеству благоугодно будетъ утвердить представленное уже отъ меня предположеніе имѣть при Университетѣ вмѣсто ректора, избираемаго изъ профессоровъ, директора изъ посторонихъ чиновниковъ моего выбора, то я смѣло могу ручаться, что Университетъ Московскій въ скоромъ времени пріобрѣтетъ должную степень совершенства [1]). При семъ случаѣ покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство принять искреннюю мою благодарность за обращеніе ваше ко мнѣ о пониманіи означенныхъ происшествій, и я надѣюсь, что и впредь въ подобныхъ случаяхъ вы, милостивый государь, не оставите относиться ко мнѣ за нужными свѣдѣніями о заведеніяхъ, мнѣ подвѣдомственныхъ.

№ 438. 11-го Апр. 1831 г. Москва.

Объясненія попечителя Московскаго Учебнаго Округа о двухъ происшествіяхъ [2]), въ прошломъ Мартѣ мѣсяцѣ въ Московскомъ университетѣ

[1]) Проэктъ князя С. М. Голицына обсуждался въ Министерствѣ и въ Главномъ Правленіи училищъ, но не былъ принятъ.

[2]) Другое происшествіе было выраженное казенными студентами недовольство пищею (см. „Р. Архивъ“ 1900, I, 652).

случившихся. Происшествіе въ 16 день Марта случившееся на лекціи экс.-орд. профессора Малова побудило меня пригласить ректора университета, нѣкоторыхъ профессоровъ и самого Малова для сужденія объ ономъ, при чемъ оказалось, что студенты не оказываютъ должнаго вниманія на лекціи, какъ Малова, такъ и нѣсколькихъ другихъ профессоровъ, столь же мало уваженія заслуживающихъ, между тѣмъ, какъ профессоры, отличающіеся образованіемъ и умомъ, всегда оставались довольны вниманіемъ и почтеніемъ тѣхъ же студентовъ.

Сверхъ столь важнаго недостатка, Маловъ излишнею взыскательностью и неприличнымъ обращеніемъ вооружилъ противъ себя студентовъ. Когда послѣ случившагося я объявилъ Малову, что къ сему поступку вызвалъ онъ студентовъ какою-либо несправедливостью или грубостью, то онъ меня увѣрялъ, что ничего имъ не сдѣлалъ, что также подтвердилъ и ректоръ. Отъ нихъ истинной причины происшествія не могъ я узнать; однакоже объявилъ Малову, что онъ болѣе при Университетѣ оставаться не можетъ, и онъ согласился подать въ отставку, что̀ исполнитъ по прошествіи 2 или 3 мѣсяцевъ, дабы не подать повода студентамъ думать, что они къ сему его принудили.

Частное же мое розысканіе показало, что передъ концомъ лекціи, нѣкоторые студенты, утомленные и наскучивъ чтеніемъ Малова, при какомъ-то безсмысленномъ его изреченіи, зашаркали. Тогда Маловъ, какъ человѣкъ строптивый, вѣроятно, неприлично обнаружилъ свое неудовольствіе, отъ чего студенты вдругъ всѣ зашикали и зашаркали ногами, чѣмъ и принудили Малова удалиться; по выходѣ же его всѣ захлопали въ ладоши. За таковой поступокъ нѣсколько человѣкъ не уличенныхъ, но по крайней мѣрѣ подразумѣваемыхъ зачинщиками, были по приказанію моему посажены подъ арестъ на хлѣбъ и воду на четверо сутокъ; прочимъ же всѣмъ объявлено, что подобное нарушеніе порядка на первый случай легко наказывается; впредъ же зачинщики будутъ исключены вовсе изъ Университета съ опубликованіемъ по всѣмъ прочимъ.

Симъ все дѣло кончилось; Маловъ началъ опять читать лекціи и студенты съ должнымъ приличіемъ сидятъ у него въ классѣ *).

Князь К. А. Ливенъ князю С. М. Голицыну.

Милостивый государь, князь Сергій Михайловичъ!

Съ душевнымъ прискорбіемъ, изъ письма вашего сіятельства, узналъ я о случившемся на лекціи экс.-ордин. проф. Малова безпорядкѣ, причиною коего отчасти оказывается самъ профессоръ, не имѣющій должныхъ познаній и нравственныхъ качествъ, чтобы умѣть вселить въ молодыхъ людяхъ къ себѣ уваженіе. Жалко видѣть въ числѣ профессоровъ человѣка недостойнаго, унижающаго сіе званіе, черезъ котораго все сословіе неизбѣжно терпѣть должно во мнѣніи публики; но

*) Это не совсѣмъ вѣрно; по крайней мѣрѣ во всѣхъ рапортахъ ректора о профессорскихъ манкировкахъ находимъ имя Малова. Костенецкій говоритъ, что студенты ждали его на лекціи, но онъ не являлся.

первая причина такого зла происходитъ отъ самихъ профессоровъ, Совѣтъ Университета составляющихъ.

Поелику предполагается, что гг. профессоры, люди образованнѣйшіе и слѣдовательно лучше другихъ могутъ судить о назначеніяхъ и способностяхъ лицъ, ищущихъ каѳедръ университетскихъ, то правительство сдѣлало имъ великую довѣренность, предоставя право избирать профессоровъ на праздныя въ Университетъ каѳедры; но подобный примѣръ убѣждаетъ въ печальной истинѣ, что гг. профессоры, забывъ священный долгъ присяги и обязанности къ Государю и отечеству, поступаютъ противъ совѣсти, выбирая въ профессоры или изъ личныхъ отношеній, или по другимъ какимъ причинамъ людей недостойныхъ, кои не приносятъ пользы, но еще дѣлаютъ стыдъ всему почтенному сословію профессоровъ. Я покорнѣйше прошу ваше сіятельство поставить сіе на видъ Совѣту Университета съ тѣмъ, чтобы оный озаботился удаленіемъ и прочихъ недостойныхъ званія наставниковъ Университета. 7-го Апрѣля 1831 г.

*

Совѣтъ Университета съ своей стороны не принялъ никакихъ мѣръ для исполненія предложенія министра. Онъ ограничился лишь изъявленіемъ своего прискорбія по поводу случившагося печальнаго событія и замѣчанія начальства. Правда, въ засѣданіи 17 Іюня, члены Совѣта, «желая всѣми силами способствовать намѣреніямъ высшаго начальства, клонящимся къ усовершенствованію и возвышенію Университета, разсуждали о вѣрнѣйшихъ средствахъ для предупрежденія безпорядковъ на лекціяхъ и для полученія точнѣйшихъ свѣдѣній объ исполненіи обязанностей каждаго преподавателя»; но изъ этихъ разсужденій дѣйствительныхъ результатовъ не послѣдовало.

Князь С. М. Голицынъ князю К. А. Ливену.

Экст.-орд. профессоръ Маловъ желаетъ оставить службу при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по разстроенному на оной здоровью, а болѣе по причинамъ уже извѣстнымъ вашей свѣтлости; но, опасаясь, что, прослужа безпорочно болѣе 20 лѣтъ, будетъ, можетъ быть, лишенъ пенсіи, заключающейся въ 800 р. годового его жалованья, проситъ ходатайства моего у вашей свѣтлости о доставленіи ему сего вознагражденія, по бѣдному его состоянію. Не желая отказать сему чиновнику въ семъ единственномъ для него пособіи, я обращаюсь придварительно къ вашей свѣтлости и покорнѣйше прошу вашего, милостивый государь, разрѣшенія, можетъ ли онъ надѣяться ходатайства вашего на доставленіе ему сей монаршей милости. Въ такомъ уже благопріятномъ для него случаѣ, я войду съ моимъ офиціальнымъ представленіемъ о увольненіи его отъ занимаемой должности.

3 Августа 1831. Москва.

PS. Э.-орд. пр. Маловъ, кромѣ Университета, долгое время находился учителемъ исторіи и географіи при Московскомъ Училищѣ Благородныхъ дѣвицъ ордена св. Екатерины, подъ моимъ начальствомъ,

коимъ я всегда оставался довольнымъ, и онъ имѣлъ счастіе удостоиться получить знаки благоволенія въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Маріи Θеодоровны.

Отвѣтъ.

На почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 3 Августа, коимъ спрашиваете меня: можетъ ли экст.-орд. проф. Маловъ, желающій оставить службу при Московскомъ Университетѣ, надѣяться на полученіе пенсіи, заключающейся въ 800 р. годового его жалованія, имѣю честь отвѣтствовать, что г. Маловъ можетъ воспользоваться тою только пенсіей, какая ему слѣдуетъ по существующимъ постановленіямъ, обратить же ему въ пенсію годовое его жалованіе невозможно; ибо онъ еще не прослужилъ положеннаго для сего числа лѣтъ. Притомъ я долженъ былъ на сдѣланный мнѣ его императорскимъ величествомъ вопросъ довести до высочайшаго его величества свѣдѣнія о настоящей причинѣ случившагося на лекціи г. Малова безпорядка, какъ ваше сіятельство изволили меня извѣстить о томъ въ письмѣ вашемъ ко мнѣ. Посему г. Маловъ никакъ не можетъ далѣе оставаться въ Университетѣ и сдѣлаетъ благоразумно, подавъ просьбу объ увольненіи его, ибо въ противномъ случаѣ неминуемо исключенъ быть долженъ изъ Университета. Хотя же служба его по Московскому Училищу Благородныхъ дѣвицъ и заслуживаетъ одобреніе, но не можетъ дѣлать никакого отношенія къ настоящей его службѣ по Университету*).

11 Августа 1811.

*

Въ нѣкоторыхъ біографіяхъ М. Ю. Лермонтова сообщается, что онъ былъ уволенъ изъ Московскаго университета за участіе въ Маловской исторіи; но имя Лермонтова не встрѣчается въ бумагахъ, касающихся этой исторіи. Подобное извѣстіе врядъ ли достовѣрно, тѣмъ болѣе, что Лермонтовъ уволенъ изъ Университета не въ 1831, а въ 1832 году.

---

*) Изъ дѣлъ видно, что Маловъ уволенъ отъ должности 26 Октября 1831 года, съ пенсіею въ 400 р. въ годъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА ВЪ КУСКОВѢ (1835).

Въ Московское домовое правленіе Кусковскаго правленія рапортъ.

Сего Маія 16 дня, въ 7½ часовъ вечера, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили прибыть въ село Кусково изъ Кузьминокъ. У церкви, при колокольномъ звонѣ, встрѣчены были Ихъ Величества священникомъ со крестомъ. Приложившись ко кресту, изволили прямо подъѣхать на подъѣздъ главнаго дома. Въ домѣ Ихъ Величества съ большимъ вниманіемъ разсматривали картины и портреты. Государь Императоръ чрезвычайно удивлялся, что, по прошествіи тридцати [1]) лѣтъ, онъ находитъ домъ сей почти въ такомъ же видѣ, какъ и прежде. Потомъ изволилъ разспрашивать, здѣсь ли жила великая княгиня Елена Павловна и въ какой комнатѣ была ея высочества спальня, также гдѣ пребывали ея дѣти. При входѣ въ зеркальную залу Ихъ Величества очень любовались обширностію оной. Его Величество, воззрѣвши на портретъ графа Петра Борисовича, изволилъ спросить: «Отчего на немъ дыры?» На сіе доложено было Его Величеству, что въ бытность здѣсь Французовъ-непріятелей портретъ сей пробитъ ими пулями. Государь оказалъ при семъ большое удивленіе и еще спросилъ: «Неужели въ домѣ семъ жили Французы?» Было доложено, что здѣсь въ то время жилъ одинъ Французскій генералъ, и много изъ вещей было похищено. Когда Ихъ Величества вышли на заднее въ садъ крыльцо, то очень хвалили расположеніе сада и крайне сожалѣли, что время уже довольно поздно. При семъ изволили спросить: «Давно ли здѣсь былъ графъ [2]) и въ какое время года?» По сдѣланіи Ихъ Величествамъ должнаго отвѣта, Его Величество изволилъ сказать: «Да, помню; но онъ опять у меня сюда просился». Во все время высочайшаго здѣсь пребыванія, продолжавшагося съ часъ, Ихъ Величества очень были веселы и милостиво кланялись стекшемуся народу, который привѣтствовалъ Ихъ Величествъ радостнымъ «ура». Изъ дому изволили Ихъ Величества отправиться въ Москву, прямо по большому проспекту, и отъ села Перова поворотили на большую дорогу въ Карачарово. О чемъ къ свѣдѣнію оному правленію и рапортуется. Маія 17 дня 1835 г., № 47.

---

[1]) ? П. Б.

[2]) Графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ (еще не женатый) служилъ тогда въ свитѣ Государя, флигель-адъютантомъ. П. Б.

ОБОРОНА ПЕТРОПАВЛОВСКА.

Частное письмо *).

Петропавловскъ, Августа 30 дня 1854 года.

Я долго, давно, съ выхода изъ Англіи, не писалъ вамъ; но этому были тысячи причинъ, большею частью вамъ извѣстныхъ: съ часу на часъ ожидаемое объявленіе войны преслѣдовало насъ вездѣ, дѣлая пребываніе въ портахъ самымъ кратковременнымъ; бытность же въ Петропавловскѣ употреблена на приведеніе въ оборонительное положеніе, тѣмъ болѣе, что отъ Американскаго посланника на Сандвичевыхъ островахъ генералъ-маіоромъ Завойко, губернаторомъ Камчатки, въ концѣ Іюля было получено офиціальное извѣстіе о войнѣ съ Франціею и Англіею; порты Тихаго океана объявлены въ блокадѣ, а слѣдовательно должно было быть во всегдашней готовности встрѣтить врага.

Какъ вамъ извѣстно, Петропавловскъ имѣлъ укрѣпленія весьма слабыя; приходъ транспорта Двины и орудія, снятыя съ праваго борта фрегата Авроры, дали возможность усилить ихъ, и въ настоящее время положеніе ихъ слѣдующее: Батарея № 1 на сигнальномъ мысу: двѣ 2-хъ-пуд. бомбическія и три 36-фунт. длинныя пушки, привезенныя на Двинѣ, командиръ бат. лейтенантъ Гавриловъ. Батарея № 2: одиннадцать длинныхъ 36-фунт. орудій, тоже Двинской доставки, командиромъ лейтенантъ князь Дмитрій Максутовъ. № 4-й на возвышенности, называемой «Красный Яръ»: три длинныя 24-фунт. пушки, снятыя съ Авроры, командиромъ ея нашего же фрегата мичманъ Поповъ. Батарея № 3-й на перешейкѣ: пять длинныхъ 24-фунт. орудій съ фрегата, командиромъ князь Александръ Петровичъ Максутовъ. Батарея № 5, назначенная для дѣйствій противъ десанта: четыре 18-фунт. орудія, командиромъ поручикъ Гезехусъ. Батарея № 6: пять короткихъ пушекъ съ верхней батареи нашего фрегата 24-фунт., командиръ капитанъ-лейтенантъ Кораллов. Фрегатъ Аврора стоялъ поперекъ входа въ малую бухту, имѣя позади себя транспортъ Двину, подъ командою

---

*) Сообщено Н. Н. Поливановымъ. П. Б.

капитана 2-го ранга Васильева и на которомъ пять орудій лѣваго борта были готовы къ дѣйствію. На фрегатѣ оставались: капитанъ, старшій офицеръ лейтенантъ Ѳедоровскій, командиръ нижней батареи (и въ помощь ему былъ назначенъ я), лейтенантъ Пилкинъ, команда верхней батареи, артиллерійскій офицеръ при нижней батареи, лейтенантъ Скандраковъ въ крюйть-камерѣ, подпоручикъДьяковъ при веденіи журнала. Кромѣ этого, были образованы на берегу двѣ стрѣлковыя партіи и одна пожарная, а на фрегатѣ во всегдашней готовности къ дѣйствію четыре стрѣлковыя партіи, изъ 30 человѣкъ каждая, и имѣвшія слѣдующихъ командировъ: 1-я—мичмана Фесуна, 2-я—лейтенанта Анкудинова, 3-я—лейтенанта Пилкина, а 4-я—лейтенанта Скандракова. Гардемарины были расписаны по батареямъ, а Литке и Колокольцовъ состояли при губернаторѣ. Копія строевого рапорта, приложенная ниже*), покажетъ число всего гарнизона, вмѣстѣ съ командой фрегата, число самое незначительное, потому что, считая милицію, всѣхъ было съ небольшимъ 800 ч.

Приготовившись такимъ образомъ, мы ждали, но ждали недолго. 17-го Августа, въ 11 часовъ, съ дальняго маяка сдѣланъ сигналъ «въ морѣ видна эскадра военныхъ судовъ»; потомъ сигналомъ показано, что ихъ шесть. Тотчасъ же въ городѣ ударили тревогу. Мы собрались на фрегатъ, а губернаторъ со штабомъ отправился на сигнальный мысъ, какъ на передовой постъ, съ котораго видны лучше всѣ движенія. На фрегатѣ стали по орудіямъ. Священникъ, отслуживъ молебенъ, окропилъ все судно святою водою; а капитанъ, обойдя по батареямъ, напомнилъ матросамъ священныя слова его высочества, генералъ-адмирала. Единодушное «рады стараться, рады умереть, защищая нашъ флагъ» было отвѣтомъ на благородный призывъ и, укрѣпившись такимъ образомъ душевно, мы съ совершеннымъ спокойствіемъ ожидали, что̀ будетъ впереди.

Въ ½ 5-го часа увидѣли идущій во входъ губы трехмачтовый пароходъ. Разсматриваемъ, 20 трубъ обращены на него, и что̀ же на немъ—Американскій флагъ! Идя малымъ ходомъ и внѣ выстрѣловъ батарей, пароходъ бросалъ лотъ; но лишь только отъ порта отдѣлилась шлюпка, правя на пересѣченіе его курса, какъ онъ, поворотивъ назадъ, полнымъ ходомъ пошелъ къ выходу и на высотѣ поворотнаго мыса соединился съ поджидавшею его эскадрой.

Дѣйствія эти ясно показывали, что эскадра была непріятельская, и потому команда не сходила съ батарей и ночь провела при орудіяхъ; мы же недоумѣвали, какъ Англичане, идя бомбардировать портъ, рѣшились на подлогъ флага. Дѣло непростительное, въ полномъ значеніи слова.

*) Этого приложенія у насъ не имѣется. П. Б.

18-го Августа, съ утра, непріятельская эскадра маневрировала для входа въ губу, а въ началѣ пятаго часа пополудни вошла въ нее въ числѣ трехъ фрегатовъ, корвета, брига и одного большого парохода. Разсмотрѣвши повнимательнѣе и не смотря на закрашенныя бѣлыя полосы, мы узнали нашихъ старыхъ знакомыхъ, Французско-Англійскую эскадру, стоявшую вмѣстѣ съ нами на рейдѣ Калао. Именно, Французскіе: 60-пуш. фрегатъ La Forte, подъ флагомъ контръ-адмирала Fevbriu Despointes; Французскій 32-пуш. корветъ, съ закрытою батареей, Euridice и 20-пуш. бригъ Obligado; и Англійскіе: 52-пуш. фрегатъ Президентъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Прайса, Англійскій же пароходъ Virago и 44-пуш. фрегатъ Peak, посланный въ погоню за Авророй изъ Плимута. Войдя въ губу, эскадра приблизилась на пушечный выстрѣлъ, и потому съ батареи на перешейкѣ открыли огонь. Батареи: сигнальная, № 2-й и Краснаго Яра сдѣлали тоже. Непріятель, продолжая идти впередъ, отвѣчалъ нѣсколькими выстрѣлами; бомбы парохода перелетая черезъ сигнальный мысъ, разрывались недалеко отъ фрегата; сраженіе продолжалось нѣсколько минутъ, и непріятель, прекративъ огонь, вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ, бросивъ якорь ближе къ Тарьинской губѣ. Пароходъ не избѣгъ поврежденій: бомба съ сигнальнаго мыса попала ему въ корму, а ядро съ Краснаго Яра въ верхнюю часть кожуха. Ставъ на якорь, эскадра спустила гребныя суда и въ этотъ день болѣе никакого движенія не предпринимала. На батареяхъ и на фрегатѣ, удвоивъ часовыхъ, ударили отбой, и командѣ дано время ужинать.

19-го, въ 6 часовъ утра, отъ непріятельскихъ судовъ отдѣлились три шлюпки и пошли по направленію къ Роговому мысу. Слѣдуя батареѣ № **1**, на фрегатѣ и на остальныхъ батареяхъ ударили тревогу; но такъ какъ гребныя суда дѣлали промѣръ, не подходя на пушечный выстрѣлъ, то огня и не открывали. Вскорѣ снялся съ якоря пароходъ и взялъ курсъ къ выходу изъ губы, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, не видать ли въ морѣ нашихъ судовъ. Въ 7 часовъ ближайшій непріятельскій фрегатъ сталъ стрѣлять бомбами, которыя всѣ разрывались не долетая до берега. Въ половинѣ 9-го шлюпки пошли назадъ, а въ девять пароходъ, возвратясь съ моря, сталъ на якорь на прежнемъ мѣстѣ. Въ 2 часа увидѣли идущій изъ Тарьинской губы портовый ботъ, который, принявъ непріятельскую эскадру за отрядъ адмирала Путятина, нисколько не безпокоясь, шелъ мимо нея. На боту, везшемъ кирпичъ, было 7 человѣкъ безоружныхъ матросовъ, отправленныхъ для работы, при унтеръ-офицерѣ Усовѣ. Непріятель только-что замѣтилъ его, какъ тотчасъ послалъ семь большихъ катеровъ для овладѣнія имъ и еще три для конвоированія. Хотя было жаль людей,

попавшихся въ плѣнъ, но не хватало силъ удержаться отъ смѣха передъ картиной, представившейся глазамъ нашимъ: 7 катеровъ, держась въ кильватеръ другъ друга, вели на буксирѣ ботъ; по бокамъ держалось по катеру и, наконецъ, все шествіе замыкалось вооруженнымъ барказомъ; на кормѣ каждой шлюпки развивались флаги; вся команда фрегатовъ высыпала на сѣтки, такъ что одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, сказавъ, что вся эта процессія походитъ на то, какъ мыши кота хоронили. Всю ночь непріятель приготовлялся къ какому-то движенію, жегъ множество огней, фалшвееры, пускалъ ракеты, шлюпки ходили отъ судна къ судну, дѣлали промѣръ. У насъ тоже было не совсѣмъ спокойно, и нѣсколько разъ становились по орудіямъ.

Наконецъ, наступилъ день 20 Августа, день нашего перваго сраженія, а слѣдовательно достопамятный въ жизни каждаго изъ насъ. Въ 6 часовъ замѣтили на эскадрѣ приготовленія къ съемкѣ съ якоря. Въ 8 часовъ пароходъ, взявъ съ каждой изъ сторонъ по адмиральскому фрегату, а третій сзади, побуксировалъ ихъ по направленію къ сигнальной батареѣ. Маневръ этотъ увеличилъ веселость нашихъ матросовъ, которые, смѣясь и выражаясь по своему, говорили, что Англичанинъ (пароходъ) на Французскій манеръ кадриль выплясываетъ. И въ самомъ дѣлѣ, масса четырехъ судовъ, сплоченныхъ вмѣстѣ, была презанимательнѣйшая. Въ 9 часовъ, приблизясь къ сигнальной батареѣ на пушечный выстрѣлъ, пароходъ отдалъ буксиръ, и фрегаты стали на шпрингъ, въ кильватеръ одинъ другого. Въ пять минутъ десятаго началось сраженіе выстрѣломъ съ батареи № 4. Всѣ непріятельскія суда отвѣчали ядрами и бомбами, производя огонь весьма быстрый. Батареи 1, 2, 3 и 4-я дѣйствовали не торопясь и разсчитанно мѣткими выстрѣлами. Батарея № 1, находившаяся на сигнальномъ мысу и ближайшая къ непріятелю, выдерживала самое жестокое нападеніе; на ней находился губернаторъ, и каждый изъ ея выстрѣловъ шелъ въ дѣло, ни одно ядро не пролетало мимо. Батарея Краснаго Яра, имѣвшая всего три орудія, въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ часовъ выдерживала непрерывный огонь фрегата и отвѣчала на него такъ, что всѣ мы были въ восхищеніи. Самыя усиленныя дѣйствія были ведены противъ этихъ двухъ батарей, такъ что, не ошибаясь, можно сказать, что цѣлые полтора часа 8 орудій выдерживали огонь 80, представляемыхъ лѣвыми бортами трехъ фрегатовъ; батареѣ на Кошкѣ, хотя и доставалось въ это время, но по положенію своему она была едва на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла. Какъ и должно было предвидѣть, все это не могло долго длиться, не смотря на геройскія усилія командъ, не смотря на примѣры безстрашія, являемые командирами (такъ лей-

тенантъ Гавриловъ, раненый въ голову и въ ногу, не оставлялъ своего мѣста и продолжалъ ободрять людей), не смотря на все это, должно было оставить орудія: платформы были засыпаны землей выше колесъ, станки, тали и брюки перебиты; ворочать и дѣйствовать въ такомъ положеніи не было возможности, тѣмъ болѣе, что непріятель уже свозилъ десантъ по направленію къ Красному Яру. Командиръ батареи на этомъ мѣстѣ, при 30 человѣкахъ прислуги и при поврежденіяхъ орудій, не находя возможнымъ защищать ввѣренный ему постъ противъ 600 человѣкъ непріятельскаго десанта, слѣдуя приказанію, отданному на этотъ случай, заклепалъ орудія и отступилъ къ 1-й стрѣлковой партіи мичмана Михайлова, съ которою и примкнулъ къ батареѣ № 2.

Между тѣмъ занимательная сцена готовилась впреди. Французы, вскочивъ первыми на Красный Яръ, биткомъ наполнили батарею и, при восторженныхъ кликахъ подняли Французскій флагъ. Только-что онъ развился, какъ бомба съ Англійскаго парохода, ударясь въ самую средину массы, произвела въ ней страшное замѣшательство: прежде чѣмъ бѣдные Французы успѣли опомниться отъ счастливой для насъ ошибки своихъ милыхъ союзниковъ, транспортъ и фрегаты открыли по нимъ мѣткій батальный огонь. Все это, соединенное съ движеніемъ подоспѣвшихъ съ фрегата партій мичмана Фесуна и отъ порта 2-й стрѣлковой партіи поручика Губарева, которыя, соединившись съ партіями мичмановъ Михайлова и Попова, и при крикахъ ура, стремительно бросились впередъ, сдѣлало то, что, не смотря на нашу малочисленность, не смотря на то, что онъ былъ по крайней мѣрѣ вчетверо сильнѣе всѣхъ нашихъ соединенныхъ партій, непріятель началъ отступленіе бѣгомъ и съ такою быстротою, что прежде чѣмъ мы подоспѣли къ занятой ими батареѣ, онъ уже былъ въ шлюпкахъ и внѣ выстрѣловъ, такъ что, не смотря на самое пламенное желаніе, въ этотъ разъ намъ не удалось его поподчивать даже ружейными выстрѣлами. Крики «ура» всего гарнизона были наградою за наше стремительное наступленіе; общій привѣтъ и благодарность губернатора встрѣтили насъ при входѣ въ городъ, а между тѣмъ и непріятель не зѣвалъ, а подавшись впередъ, открылъ по Кошкѣ такой огонь, что въ продолженіе получаса дѣлалъ болѣе нежели 250 выстрѣловъ. Командиръ этой батареи, лейтенантъ князь Дмитрій Петровичъ Максутовъ, былъ изумительно хладнокровенъ. Такъ какъ непріятель, имѣя на каждой изъ сторонъ своихъ фрегатовъ по двѣ 2-пуд. бомбическія пушки, стрѣлялъ большею частію изъ нихъ, то его ядра долетали до батареи и, ударяясь въ фашины, не причиняли слишкомъ большого вреда; у насъ же на батареѣ пушки были 36-фунт., а слѣдовательно стрѣлять

изъ нихъ можно было только тогда, когда непріятель, увлекаясь, подтягивался, чтобы дѣйствовать всѣми орудіями батальнымъ огнемъ. Князь пользовался этимъ какъ нельзя лучше, не горячился, не тратилъ даромъ пороха, а стрѣлялъ только тогда, когда по разстоянію могъ судить, что его ядра не потеряны. Прекрасную картину представляла батарея № 2. Долго останется она въ памяти у всѣхъ бывшихъ въ сраженіи 20 Августа! Три огромныхъ фрегата построились въ линію, съ лѣвымъ бортомъ обращеннымъ къ Кошкѣ, но такимъ образомъ, что изъ-за сигнальнаго мыса ядра нашего фрегата не могли вредить имъ. Эти три фрегата производятъ неумолкаемый огонь, ядра бороздятъ брустверъ во всѣхъ направленіяхъ, бомбы разрываются надъ батареей, но защитники ея холодны и молчаливы; куря спокойно трубки, весело балагуря, они не обращаютъ вниманія на сотни смертей, носящихся надъ ихъ головами, выжидаютъ своего времени. Но вотъ раздается звонкій голосъ князя: «Вторая, третья!» Взвился дымокъ и можно быть увѣреннымъ, что ядра не пролетѣли мимо. Не обходилось и безъ потерь; отъ времени до времени появлялись окровавленныя носилки, всѣ творили знаменіе креста: несли храбраго воина, вѣрно исполнившаго долгъ свой! Въ половинѣ 12-го пароходъ, желая попытать счастія, высунулся изъ-за мыса, но встрѣченный батальнымъ огнемъ фрегата и Кошечной батареи, туже минуту заднимъ ходомъ пошелъ назадъ. Въ 12, взявъ нѣсколько десантныхъ шлюпокъ, онъ побуксировалъ ихъ къ озеру; корветъ сдѣлалъ движеніе по тому же направленію. На перешейкѣ не зѣвали, и лейтенантъ Анкудиновъ съ прапорщикомъ Можайскимъ (за отсутствіемъ князя Александра Максутова, отдѣлившагося въ стрѣлки), находившіеся на батареѣ, начали дѣйствовать такъ удачно, что ядро попало въ пароходъ, а другое потопило шлюпку невдалекѣ отъ корвета. Пароходъ и корветъ удовольствовались этимъ и отошли изъ-подъ выстрѣловъ. Между тѣмъ непріятельскіе фрегаты дѣлали свое дѣло, и огонь по батареѣ № 2 не умолкалъ, но становился жарче и жарче. Въ половинѣ 4-го капитанъ, думая, что командиръ ея имѣетъ недостатокъ въ порохѣ, приказалъ мнѣ на катерѣ перевезти къ нему назначенное число картузовъ; приказаніе было исполнено, порохъ принятъ на батареѣ, хотя оказалось, что она еще не совсѣмъ обѣдняла и имѣетъ по 40 зарядовъ на орудіе. Пальба прекратилась около 6 часовъ, такъ что, смѣло можно сказать, Кошечная батарея въ продолженіе девяти часовъ выдерживала огонь слишкомъ 80 орудій! Рѣдкій примѣръ въ исторіи войнъ прошедшихъ, рѣдкій тѣмъ болѣе, что, не смотря на весь этотъураганъ ядеръ, батарея устояла и, исправившись въ ночь, въ слѣдующее утро готова была снова вступить въ бой. Командиръ батареи, лейтенантъ князь Дмитрій Мак-

сутовъ до того пріучилъ своихъ людей къ хладнокровію, что, когда непріятель дѣйствовалъ только бомбами и нашимъ изъ 36-фунт. орудій нельзя было отвѣчать, кантонисты, мальчики отъ 12 до 14 лѣтъ, служившіе картузниками, чтобы убить время, спускали кораблики. И это дѣлалось подъ бомбами, безпрерывно лопавшимися и разрывавшимися, осколками которыхъ было засыпано все прибрежье! Одному изъ этихъ мальчиковъ-воиновъ оторвало руку; когда его принесли на перевязочное мѣсто и начали рѣзать обрывки мяса, онъ немного сморщился; но на вопросъ доктора: «что̀, очень больно?» отвѣчалъ сквозь слезы: «Нѣтъ, это за Царя!» Ему, благодаря Бога, теперь лучше и, говорятъ, онъ будетъ живъ. Къ вечеру пароходъ попытался еще разъ выйти изъ-за мыса, но возбудилъ только смѣхъ фрегатскихъ командировъ, которые, ободряемые примѣромъ своихъ батарейныхъ командировъ, ожидали его появленія съ какою-то особенною радостію, говоря: «Иди, иди, дружокъ; авось удовольствуешься такъ, что болѣе не захочешь!» И, дѣйствительно, только-что показался носъ жданнаго гостя, раздался батальный огонь фрегата, засвистали ядра, въ туже минуту все кончилось, и пароходъ полнымъ ходомъ уходилъ назадъ.

Въ четверть седьмого сраженіе было прекращено, непріятель отошелъ внѣ выстрѣла, у насъ ударили отбой, люди получили время отдыха, и мы стали готовиться къ завтрему, разсчитывая, что, бомбардируя цѣлый день Кошку, непріятель, наконецъ, доберется и до насъ, и что завтра ему всего удобнѣе сдѣлать это, при поврежденіяхъ батарей сигнальной и Краснаго Яра. Въ 7 часовъ губернаторъ, пріѣхавъ на фрегатъ, объявилъ намъ, что, по его мнѣнію, теперь должно ожидать рѣшительнаго нападенія на Аврору, что онъ надѣется, что мы постоимъ за себя, на что̀ получилъ единодушный отвѣтъ: «умремъ, а не сдадимся!» Поблагодаривъ капитана и офицеровъ, въ половинѣ 8-го онъ съѣхалъ на берегъ.

День 21 Авг. показалъ намъ, что мы ошиблись въ разсчетахъ: рѣшительныхъ нападеній не послѣдовало, хотя и не обошлось безъ тревоги и выстрѣловъ. Въ 10 часовъ утра отъ Французскаго адмиральскаго фрегата отдѣлилась шлюпка, вѣроятно для рекогносцировки, она шла къ Роговому мысу; приставъ къ берегу, изъ нея выскочилъ офицеръ, который черезъ пять минутъ, возвратясь въ шлюпку, погребъ назадъ. Смѣлая поѣздка эта едва не обошлась ему очень дорого: три ядра, пущенные съ фрегата, легли за кормой шлюпки, а послѣднее такъ близко, что брызгами окатило гребцовъ. Вечеромъ пароходъ ходилъ въ Тарьинскую губу и, скрывшись въ туманѣ, производилъ тамъ много пушечныхъ выстрѣловъ. Какъ послѣ узнали, онъ хоронилъ начальника Англійскаго отряда, контръ-адмирала Прайса, о смерти котораго плѣнные говорили самымъ разнообразнымъ образомъ: иные, что онъ

застрѣлился отъ отчаянія; другіе, что нечаянно, вкладывая пистолетъ за кобуръ, такъ что положительнаго неизвѣстно ничего; а намъ остается только радоваться, что въ важныя минуты непріятель лишился одного изъ своихъ главныхъ начальниковъ.

Ночь съ 21 на 22-е была употреблена на приведеніе укрѣпленій сигнальнаго мыса въ надежное оборонительное положеніе и, благодаря неутомимости и искусству нашего артиллерійскаго офицера, прапорщика Можайскаго, къ утру батарея № 1 имѣла 4 орудія, совершенно готовыя въ дѣло. За ранами лейтенанта Гаврилова, батарею принялъ въ командованіе мичманъ Поповъ; а на Красный Яръ, гдѣ, благодаря тому же прапорщику Можайскому, все было исправлено и 2 орудія снова поставлены на станки, назначенъ завѣдующимъ старый артиллерійскій кондукторъ Дементьевъ, съ ясной и подробной инструкціей насчетъ ожидаемыхъ сраженій. Дни 22-го и 23-го непріятель, видимо, исправлялъ поврежденія. Пароходъ былъ накрененъ на правую сторону и чинилъ кожухъ, что̀ давало поводъ надѣяться, что, не смотря на кратковременность его появленій изъ-за сигнальнаго мыса, фрегатскія ядра не пролетали мимо. 23-го въ полдень много шлюпокъ сбиралось къ адмиральскому фрегату, кричали vivat, дѣлалось много движеній по эскадрѣ, и все заставляло предполагать, что на завтра непріятель предприметъ что-нибудь рѣшительное. Со своей стороны, мы были совершенно готовы и, рѣшивъ разъ навсегда умирать, а не отступать ни шагу, ждали сраженія, какъ средства покончить дѣло разомъ.

Вечеръ 23-го числа былъ прекрасенъ, такой, какъ рѣдко бываетъ въ Камчаткѣ; офицеры провели его въ разговорахъ объ отечествѣ, въ воспоминаніяхъ о далекомъ Петербургѣ, о родныхъ, о близкихъ. Стрѣлковыя партіи чистили ружья и учились драться на штыкахъ; всѣ же вообще были спокойны, такъ спокойны, что, видя эти веселыя физіономіи, этихъ видныхъ, полныхъ здоровья и силы людей, трудно было вѣрить, что многіе изъ нихъ готовятся завтра на смерть; трудно было вѣрить, что многіе, многіе изъ нихъ проводятъ свой послѣдній вечеръ!..

Разсвѣтало. Сквозь туманъ сѣраго Камчатскаго утра можно было видѣть, что пароходъ началъ движеніе. Въ 5-ть у насъ ударили тревогу; въ ½ 7-го туманъ прочистился и, пароходъ, взявъ два адмиральскіе фрегата на буксиръ, повелъ ихъ по направленію къ перешеечной батареѣ, состоявшей подъ командой лейтенанта князя Александра Петровича Макарцова и на которой, какъ я уже говорилъ, было всего 5-ть орудій!

Подойдя на пушечный выстрѣлъ, Французскій 60-ти пуш. фрегатъ La Forte отдалъ буксиръ, сталъ на шпрингъ въ разстояніи не боль-

ше $4^{1}/_{2}$ кабельтовыхъ, и открылъ жестокій батальный огонь, такой огонь, что весь перешеекъ совершенно изрытъ, изрыть до того, что не было аршина земли, куда не попало бы ядро. Князь отвѣчалъ сначала съ успѣхомъ, второе ядро его перебило гафель, третье фокъ-рею, слѣдующее крюсъ-стеньгу, фоковые ванты и еще много другихъ поврежденій, не говоря о корпусѣ судна, куда всякое попавшее ядро дѣлало страшный вредъ. Но батарея была земляная, открытая, имѣла всего 5-ть орудій и вотъ уже болѣе получаса выдерживала огонь 30-ти пушекъ калибра ея превосходящаго! Станки перебиты, платформы засыпаны землей, обломками; одно орудіе съ оторваннымъ дуломъ, 31 другія не могутъ дѣйствовать, болѣе половины прислуги ранено и убито, остается одна пушка, слабый остатокъ всей батареи. Ее наводитъ самъ князь, стрѣляетъ, и большой катеръ съ непріятельскимъ десантомъ идетъ ко дну, крики отчаянія несутся съ судовъ, Французскій фрегатъ, мстя за своихъ, палитъ цѣлымъ бортомъ, ураганъ ядеръ и бомбъ носится надъ батареей, она вся въ дыму и обломкахъ, но ея геройскій защитникъ не теряетъ присутствія духа. Самъ заряжаетъ орудіе, самъ наводитъ его; но здѣсь, здѣсь судьба положила конецъ его подвигамъ, и при повторенныхъ крикахъ vivat съ непріятельскихъ судовъ онъ падаетъ съ оторванной рукой. Секунда общаго онѣмѣнія. Но вотъ унесли князя, и капитанъ съ фрегата посылаетъ меня замѣнить его.

Подхожу къ оставшемуся орудію, прислуга его идётъ за мной; но и непріятель не зѣваетъ, онъ дѣлаетъ залпъ за залпомъ, и въ нѣсколько секундъ оно подбито, нѣкоторые ранены обломками, и всѣ мы въ полномъ смыслѣ слова осыпаны землей! Между тѣмъ Англійскій фрегатъ, подъ флагомъ адмирала, сталъ противъ батареи капитанъ-лейтенанта Коралова и, пользуясь всѣмъ преимуществомъ своей артиллеріи, началъ громить её неумолкаемымъ огнемъ. Пароходъ помогалъ фрегату, и шлюпки съ десантомъ со всей эскадры спѣшили къ нему. Но вотъ и эта батарея приведена въ неспособность дѣйствовать, и 22 непріятельскія шлюпки, полныя народомъ, устремились къ берегу. Пароходъ, подойдя на картечный выстрѣлъ, очищаетъ его, стрѣляя картечью чрезъ головы своихъ; 2-я стрѣлковая партія занимаетъ гору; 1-я, мичмана Михайлова, сосредоточивается у порохового погреба при озерной батареѣ; на помощь къ ней спѣшитъ 2-я стрѣлковая партія съ фрегата, подъ командою лейтенанта Анкудинова, въ ней всего 31 человѣкъ. Ваше превосходительство были въ Камчаткѣ и слѣдовательно знаете Никольскую гору. Имѣя большую высоту, всѣ тропинки на неё чрезвычайно круты, въ особенности же спуски къ озеру. Командиръ 2-й стрѣлковой портовой партіи, поручикъ Губаревъ, какъ уже гово-

рилъ я, занималъ возвышенность. Видя, что непріятель, выскочивъ на берегъ и бросившись по низменной дорогѣ, началъ строиться на возвышеніи противъ батареи на озерѣ, онъ (Губаревъ) спустился съ высотъ, разсчитывая, что его помощь необходима при малочисленности нашихъ отрядовъ, и не замѣчая, что съ другой стороны вторая половина непріятельскаго десанта, не смотря на крутизну тропинокъ, бросилась въ гору. Положеніе губернатора было болѣе нежели критическое. Занявъ гору, непріятель разсыпался по всему ея протяженію до перешеечной батареи; другая часть его уже выстраивалась противъ батареи на озерѣ и осыпала всю лощину градомъ пуль и ручныхъ гранатъ. Отдавъ лейтенанту Анкудинову и мичману Михайлову рѣшительное приказаніе: «сбить Англичанъ съ горы», генералъ-маіоръ Завойко послалъ на Аврору, съ просьбою къ капитану отрядить еще двѣ партіи для прорванія непріятельской цѣпи, распространившейся по возвышенности. Оставивъ при себѣ всего 30-ть человѣкъ резерва, онъ двинулъ 3-й портовой отрядъ на высоты съ тою же самою цѣлью; а такъ какъ строившійся противъ озерной батареи непріятель представлялъ довольно большія массы, то командиру этой батареи и отдано приказаніе стрѣлять картечью. Исполненіе этого, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ конной пушки, произвело смѣшеніе въ непріятельскихъ рядахъ и отбросило его въ гору, съ другой стороны которой безстрашные исполнители смѣлой воли лейтенантъ Анкудиновъ и мичманъ Михайловъ, разсыпавъ свои отряды цѣпью и соблюдая равненіе въ па́рахъ, какъ на ученьи, подымались на верхъ, не смотря на неумолкаемый ружейный огонь засѣвшаго тамъ непріятеля. Капитанъ, еще до полученія приказанія, слыша на горѣ выстрѣлы, велѣлъ свезти на берегъ 30-ть человѣкъ 1-й стрѣлковой партіи фрегата, которую и далъ мнѣ въ командованіе съ порученіемъ, взобравшись на гору, ударить на десантъ съ тылу въ штыки. Подойдя къ непріятелю на ружейный выстрѣлъ, я разсыпалъ отрядъ въ стрѣлки и началъ дѣйствовать; но поднявшись выше въ гору, слыша у себя на правомъ флангѣ «ура» партіи прапорщика Жилкина, замѣтивъ значительное скопленіе Французовъ въ лощинѣ, наконецъ, желая покончить дѣло разомъ, я скомандовалъ «впередъ, въ штыки», что̀, будучи исполнено съ быстротою и стремительностію, обратило непріятеля въ бѣгство. Между тѣмъ и въ это же время наши отряды торжествовали на всѣхъ пунктахъ, и лейтенантъ Пилкинъ съ 3-ею стрѣлковою партіею, и лейтенантъ Скандраковъ съ 4-ю гнали по гребню ту часть непріятеля, которая была у меня на лѣвомъ флангѣ и стрѣляла по фрегату. Бѣгство враговъ самое безпорядочное: гонимые какимъ-то особеннымъ паническимъ страхомъ, вездѣ преслѣдуемые штыками нашихъ лихихъ матросовъ, они бросались съ обры-

вовъ сажень въ 60 или 70-ть, бросались цѣлыми толпами, такъ что изуродованные трупы ихъ едва поспѣвали уносить въ шлюпки.

Окончательное дѣйствіе сраженія по протяженію горы было дѣло на штыкахъ. Лейтенантъ Анкудиновъ, мичманъ Михайловъ, поручикъ Губаревъ и всѣ вообще начальники стрѣлковыхъ партій получили благодарность губернатора за то, что по его словамъ совершили безпримѣрное дѣло отраженія Французско - Англійскаго десанта, въ четверо сильнѣйшаго. И въ самомъ дѣлѣ, всякому военному покажется невѣроятнымъ, что маленькіе отряды въ 30-ть и 40-къ человѣкъ, поднимаясь на высоты подъ самымъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ, осыпаемые ручными гранатами, успѣли сбить, сбросить и окончательно поразить Англичанъ и Французовъ, которые такъ славились своимъ умѣньемъ дѣлать высадки. Нужно было видѣть маневры лейтенанта Анкудинова, нужно было видѣть мичмана Михайлова, нужно было видѣть, какъ они вели свою горсть людей, чтобы понять ту степень безстрашія, до котораго можетъ достигнуть Русскій офицеръ, одушевленный прямымъ исполненіемъ своего долга! Проходя съ своею партіею мимо князя Максутова, котораго несли въ лазаретъ, лейтенантъ Анкудиновъ, считая его убитымъ, обращаясь къ своимъ, сказалъ: «ребята, смотрите какъ нужно умирать герою», и эти люди, идущіе на смерть, привѣтствовали примѣрную смерть другого восторженными, оглушительными ура, надѣясь—такъ, какъ и онъ—заслужить вѣнецъ воина, павшаго за отечество. Энтузіазму, одушевлявшему всѣхъ вообще, не было предѣловъ. Одинъ кидался на четверыхъ, и всѣ держали себя такъ, что поведеніе ихъ превосходило похвалы. Сбросивъ непріятеля съ горы, всѣ стрѣлковыя партіи, усѣвшись на обрывы, поражали его ружейнымъ огнемъ, когда онъ садился въ шлюпки, такъ что, не смотря на 5-ть гребныхъ судовъ, шедшихъ на помощь съ корветомъ, все было кончено и нападеніе не повторилось. Замѣтивъ, что стрѣлки наши раскинуты на высотахъ, бригъ подошелъ къ берегу на растояніи 2-хъ кабельтовыхъ и сталъ стрѣлять по насъ ядрами и картечью; но послѣдняя не долетала, а первые перелетали, не причиняя людямъ никакого вреда. Мы не оставались въ бездѣйствіи и при выгодахъ своего положенія могли бить непріятеля на выборъ, когда онъ садился, и даже когда онъ уже сидѣлъ въ шлюпкахъ! Страшное зрѣлище было передъ глазами. По грудь, по подбородокъ въ водѣ, Французы и Англичане спѣшили къ своимъ катерамъ и барказамъ, таща на плечахъ раненыхъ и убитыхъ; пули свистали градомъ, означая свои слѣды новыми жертвами, такъ что мы видѣли Англійскій барказъ сначала биткомъ набитый народомъ, а отвалившій съ 8-ю гребцами! Всѣ остальные переранены, перебиты и лежали грудами, издавая страшные, раздира-

ющіе душу стоны. Французскій 14-ти весельный катеръ былъ еще несчастнѣе и погребъ назадъ, всего при 5-ти гребцахъ; но при всемъ томъ и при всей безпорядочности отступленія, удивительно упрямство, съ какимъ эти люди старались уносить убитыхъ: убьютъ одного, двое являются взять его! Ихъ убьютъ, являются еще четыре; просто непостижимо! Наконецъ всё кончилось, и провожаемые повторенными ружейными залпами, всѣ суда отвалили отъ берега и, приставъ къ пароходу, на буксирѣ его были отведены изъ подъ выстрѣловъ. Фрегаты и бригъ послѣдовали тому же движенію, такъ что въ ½ 1-го ни одинъ изъ нихъ не былъ ближе 15-ти кабельтовыхъ разстоянія.

Въ часъ ударили отбой и, спустясь къ горѣ, всѣ мы собрались къ пороховому погребу, гдѣ опустясь на колѣни, вмѣстѣ съ губернаторомъ, благодарили Бога за дарованную Имъ славную побѣду. Приносили убитыхъ, раненыхъ нашихъ и враговъ, и что же! между убитыми непріятельскими офицерами найденъ начальникъ всего десанта; такъ по крайней мѣрѣ должно полагать по оказавшимся при немъ бумагамъ. Свѣдѣнія, заимствованныя изъ бумагъ этихъ, показываютъ число десанта въ 676-ть человѣкъ, не считая гребцовъ въ шлюпкахъ и подкрѣпленій, съ которыми всѣхъ на берегу было слишкомъ 900 человѣкъ. Всѣ наши стрѣлковыя партіи, бывшія въ дѣлѣ въ соединеніи, не представляли болѣе 300; такъ что побѣду должно приписать особенной милости Божіей и тому увлеченію, той примѣрной храбрости, съ которою наша лихая команда дѣйствовала въ сраженіи на штыкахъ.

Трофеями были Англійскій флагъ, 7-мь офицерскихъ сабель и множество ружей и холоднаго оружія. Много было оказано подвиговъ личной примѣрной храбрости, многое заслуживаетъ быть сказаннымъ; но предѣлы письма и время, оставшееся до отъѣзда курьера, не дозволяютъ мнѣ этого, и я заключаю свои описанія, сказавъ, что непріятель, исправивъ поврежденія, 27-го Августа къ 8-ми часамъ снялся съ якоря и, поставивъ всѣ паруса, ушелъ въ море. Признаться, намъ долго не хотѣлось вѣрить: мы боялись не обманываютъ ли насъ глаза наши. Но это было такъ. Портъ освобожденъ отъ блокады, городъ спасенъ, Богъ помогъ намъ, и мы побѣдили!

МОГИЛА ГОГОЛЯ.

Въ скоромъ времени Москва увидитъ на одной изъ своихъ площадей давно задуманный памятникъ Гоголю. Обычай воздвигать памятники „прославительные“ различнымъ дѣятелямъ еще новъ у насъ; но подъ вліяніемъ западныхъ понятій онъ привился, и въ послѣднее время довольно быстро развивается, не смотря на то, что нашъ народъ, кажется, еще не вполнѣ понялъ смыслъ и законность этихъ сооруженій и придерживается того взгляда на нихъ, который А. С. Хомяковъ назвалъ „своимъ, особеннымъ“. Хомяковъ впрочемъ не развилъ вполнѣ, въ чемъ этотъ взглядъ состоитъ, хотя можно довольно ясно его угадать: взглядъ, вѣроятно, отрицательный. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ обычай памятниковъ утвердился въ господствующемъ слоѣ общества, и въ большинствѣ случаевъ памятники у насъ пока воздвигаются людямъ, дѣйствительно выдающимся, и наконецъ также, потому что они питаютъ собою едва прозябающее у насъ ваятельное дѣло, то можно, пожалуй, привѣтствовать сооруженіе и памятника Гоголю, хотя бы о немъ, какъ и объ остальныхъ памятникахъ такого же рода, „народъ“ и имѣлъ свое „особое понятіе *).

Но есть другого рода памятники, посвящаемые умершимъ и выдающимся и невыдающимся, о которыхъ и мы имѣемъ совершенно такія же понятія, какъ и всѣ другіе народы, и на счетъ уваженія къ которымъ и возможнаго сохраненія ихъ существуетъ лишь одно у всѣхъ народовъ и сословій понятіе: это памятники надгробные. Воздвигая памятникъ Гоголю въ Москвѣ, на видномъ, но произвольно выбранномъ мѣстѣ, хорошо было бы вспомнить о томъ, что онъ имѣетъ уже памятникъ себѣ на кладбищѣ Данилова монастыря, гдѣ его прахъ легъ въ сосѣдствѣ съ дорогой для него могилою Н. М. Языкова и гдѣ къ нему впослѣдствіи присоединились другіе его друзья, А. С. Хомяковъ и Ѳ. В. Чижовъ. О приведеніи въ порядокъ и поддержаніи этого надгробнаго его памятника особенно своевременно подумать именно теперь, когда собираются почтить его память многоцѣннымъ монументомъ „гражданскаго“ свойства. Нѣкогда этотъ надгробный памятникъ былъ довольно видный, хотя изящнымъ назвать его нельзя. Онъ представляетъ собою большой, суженный нѣсколько къ верху, мраморный саркофагъ съ надписями; а въ изголовіи, на гранитномъ валунѣ, водруженъ большой позолоченый крестъ, не особенно удачно сгармонированный съ самимъ надгробіемъ. Вѣроятно, это тяжелое надгробіе было утверждено неосновательно и, потому, съ годами, оно осѣло однимъ концомъ и, осѣдая, наклонило къ себѣ почти трехаршинный крестъ, съ котораго позолота успѣла также почти вовсе сойти: крестъ сдѣлался пѣгимъ и какого-то грязнаго цвѣта. Около памятника рѣшетки нѣтъ, и по всему замѣтно, что на эту могилу никто не обращаетъ вниманія.

У Гоголя въ Москвѣ родственниковъ не осталось, о могилѣ его, слѣдовательно, и похлопотать некому; но если у него оказалось такъ много по духу близкихъ людей, что отъ ихъ пожертвованій собрались десятки тысячъ рублей на сооруженіе „монумента“, то нельзя ли надѣяться, что завѣдующіе дѣломъ „монумента“, какъ представители жертвователей, найдутъ возможнымъ произвести исправленіе этого памятника надгробнаго, который для самого Гоголя, какъ человѣка вѣрующаго, конечно былъ бы все-таки дорогъ, не смотря на 2-й пунктъ его извѣстнаго завѣщанія, уже потому одному, что на немъ водруженъ Крестъ Господень.

---

*) Сходное, кажется, съ тѣмъ, которое побуждало Гоголя выражать даже желаніе, чтобы „надъ нимъ не воздвигали памятника“. Впрочемъ въ томъ, что пишетъ Гоголь въ послѣднемъ пунктѣ своего завѣщанія о своемъ портретѣ, можно до нѣкоторой степени видѣть оправданіе желанію его почитателей сохранить для современниковъ и потомства черты его чрезъ скульптурное ихъ воспроизведеніе.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I. Объ И. И. Дмитріевѣ.

1. *Надпись къ портрету князя Вяземскаго.*

Въ „Новостяхъ Литтературы“ 1822, № XIV (Прибавленія къ „Русскому Инвалиду“, II), стр. 47, напечатано безъ имени стихотвореніе: „Къ портрету князя П. А. В—го“:

Кого не увлечетъ талантъ сего поэта?
Ему ничто не образецъ;
Онъ сыплетъ остротой, играетъ, но мудрецъ
Еще въ младыя лѣта!

Н. П. Барсуковъ (Письма И. И. Дмитріева къ князю П. А. Вяземскому, Спб. 1898, стр. 4) напечаталъ его (безъ указанія на „Новости Литтературы“ съ варіантомъ въ 3-мъ стихѣ: вм. „играетъ, но“—„но завсегда“) и разсказалъ его исторію. „Прервавъ свою службу въ Варшавѣ въ1821 году, князь П. А. Вяземскій поселился въ Москвѣ и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ литературою. Въ это время онъ написалъ „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“. Прочитавъ это сочинені е еще въ рукописи, И. И. Дмитріевъ остался имъ чрезвычайно доволенъ, и отъ избытка благодарнаго сердца написалъ слѣдующее четверостишіе... Четверостишіе это застало князя Вяземскаго въ Остафьевѣ, и онъ оттуда, 22-го Сентября 1821 года, писалъ Дмитріеву: „Какъ возблагодарить мнѣ васъ за лестные стихи, коими ваше высокопревосходительство меня удостоили? Отнынѣ, въ самомъ дѣлѣ, пріялъ я печать Аполлона и могу сказать, что посвященъ рукою верховнаго его жреца“.

1821 годъ, вѣроятно, ошибка г. Барсукова: 27 Сентября 1822 г. князь Вяземскій посылаетъ эти стихи А. И. Тургеневу (въ редакціи, напечатанной въ „Новостяхъ Литтературы“) съ шутливой припиской: „Что̀ это?“— „Такъ - съ, ничего - съ: стихи къ моему портрету.“ — „Чьи?“ — „Такъ-съ, ничьи-съ: Ивана Ивановича Дмитріева“. (Остафьевскій Архивъ, II, 274). 13 Октября (тамъ же, 276) онъ прибавляетъ: „Я говорилъ Дмитріеву о напечатаніи надписи; онъ согласенъ, но только безъ имени его“. Такъ какъ біографія Дмитріева была написана княземъ Вяземскимъ въ 1822 году, и такъ какъ трудно думать, чтобы онъ ровно на годъ запоздалъ сообщеніемъ А. И. Тургеневу столь польстившей ему новости, то „надпись“ правильнѣе всего пріурочить къ Сентябрю 1822 года. Ни въ одно изъ собраній сочиненій Дмитріева эта надпись не вошла.

2. *Дмитріевъ о современной ему журналистикѣ.*

Въ „Новостяхъ Литтературы“ 1823, № XIX, стр. 81—92, князь Вяземскій помѣстилъ полемическую статью: „Замѣчанія на „„Краткое обозрѣніе Русской литтературы 1822 года““, напечатанное въ № 5 Сѣвернаго Архи-

ва 1823 года", Булгарина [1]). Она заканчивается „прибавленіемъ" (стр. 92—94), которое сопровождено любопытнымъ „примѣчаніемъ сочинителя": „Написанныя мною замѣчанія давалъ я на разсмотрѣніе извѣстному литератору, коего хвалить не стану, боясь противъ воли выдать тайну его имени. По благосклонности ко мнѣ, добавилъ онъ сказанное мною нѣсколькими своими замѣчаніями, съ тѣмъ чтобы я воспользовался ими. Уважая болѣе пользу читателей, нежели свою, не могу сдѣлать лучшаго изъ нихъ употребленія, какъ напечатавъ ихъ въ настоящемъ видѣ, въ отдѣльномъ прибавленіи..." Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что авторъ этого „прибавленія"—И. И. Дмитріевъ, хотя оно не вошло ни въ одно собраніе его сочиненій: князь Вяземскій, большой поклонникъ Дмитріева, писалъ статью въ Москвѣ и находился въ постоянномъ общеніи съ маститымъ поэтомъ; тонъ „примѣчанія" умѣстенъ былъ бы только по отношенію къ Дмитріеву или Карамзину, содержаніе же „прибавленія" прямо указываетъ на перваго.

Вотъ оно: „Въ библіографіи нашихъ журналовъ мы находимъ только извѣщенія, въ трехъ словахъ, о *Карманномъ коновалѣ*, о *Совершенной стряпухѣ*, о *Всеобщемъ секретарѣ*, *Винокурѣ*, объ *Оракулѣ* и проч., изрѣдка о вновь напечатанномъ поученіи и еще рѣже о какомъ-нибудь собраніи стихотвореній, съ неминуемою похвалою автору, по комиссіи отъ того же автора. Напротивъ того, о переводахъ значительныхъ сочиненій ни слова, или, по крайней мѣрѣ, ни о сочиненіи, ни о достоинствѣ перевода не бывало настоящей рецензіи. Любитель чтенія [2]) узнаетъ о нихъ только по книжнымъ каталогамъ, и бѣдный переводчикъ, за годовой трудъ свой, награждается только безгласнымъ одобреніемъ читателя. Изъ числа таковыхъ переводовъ пришли мнѣ теперь на память: 1) *Картины политическихъ перемѣнъ въ Европѣ*, соч. *Ансильона*; 2) *Всеобщая исторія гр. Сегюра*; 3) *О крестовыхъ походахъ г. Мишó*, о которой нынѣ упомянуто только г. Булгаринымъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* [3]). Мнѣ кажется, здѣсь кстати было бы поставить на видъ *Новикова Ученыя Вѣдомости* 1777 года или *Санктпетербургскій Вѣстникъ* 78 и 79 годовъ, изданія г. *Брайки*. Оба издателя держались болѣе условій Европейскихъ журналовъ, нежели нынѣшніе; оба были трудолюбивѣе и щекотливѣе къ своему званію. Кстати бы также намекнуть, хотя слегка, какъ послѣдніе [4]) исполнили свою обязанность въ отношеніи къ Исторіи Карамзина и противоположить имъ Французскихъ журналистовъ, выставя, напр., le Courrier, который не полѣнился пройти всѣ 8 томовъ Исторіи (Р. Г.), сдѣлать изъ нихъ прекрасный перечень, и на такомъ быстромъ ходу еще указывалъ на замѣчательныя мысли по событіямъ или по красотѣ слога. Что же касается до причинъ худыхъ успѣховъ въ нашей словесности, то можно къ

---

[1]) Перепечатано въ „Полномъ собраніи сочин князя Вяземскаго", I, 100—109, безъ „прибавленія".

[2]) Дмитріевъ былъ страстный библіоманъ.

[3]) Прим. издателя (Воейкова): „О сей послѣдней книгѣ было также упомянуто и въ Р(усскомъ) И(нвалидѣ)".

[4]) Дмитріева очень волновали и раздражали нападки на „Исторію" Карамзина.

изложенному вами [1]) прибавить и то, что наши авторы большею частію не имѣли классическаго руководства къ ученію: пишутъ самоучкою и мимоходомъ, бывъ развлекаемы свѣтомъ, обязанностями по службѣ или лекціями, считаясь въ оной; что они пишутъ не по страсти, не по необходимой потребности изливать свои чувства, сообщать свои наблюденія, играть своимъ воображеніемъ, но изъ одного только тщеславія, добиваясь только того, чтобы нѣкогда сестрица, дядюшка или пріѣзжій изъ деревни сосѣдъ увидѣлъ ихъ, наравнѣ съ другими, сидящихъ чопорно за долгимъ столомъ въ нашихъ публичныхъ литературныхъ собраніяхъ. Господствующая же страсть ихъ—къ многочисленнымъ знакомствамъ, къ чинамъ и отличіямъ безъ большихъ усилій".

Конецъ—прозаическій комментарій къ извѣстнымъ строкамъ „Чужого толка" (1794) о „нашихъ Пиндарахъ":

Большая часть изъ нихъ—лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой-нибудь подьячій,
Иль изъ кунстъ-камеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ,—народъ все нужный, должностной!
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дня риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ. . . . . .
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцеслова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ...

II. О Грибоѣдовѣ.

1. *Грибоѣдовъ и Филимоновъ.*

Извѣстный въ 20-хъ и 30-хъ годахъ авторъ „Дурацкаго колпака" и цѣлаго ряда другихъ юмористическихъ произведеній, очень оригинальныхъ по формѣ и содержанію, В. Филимоновъ, находился въ дружественныхъ отношеніяхъ почти со всѣми извѣстными писателями той эпохи. Онъ пересылался стихотворными посланіями съ Пушкинымъ и высоко цѣнилъ талантъ великаго поэта; близокъ онъ былъ и ко всей „Пушкинской плеядѣ".

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 г. (часть X, № 16, стр. 321) напечатано стихотвореніе „А. С. Грибоѣдову", повидимому, посланное автору „Горя отъ ума" съ экземпляромъ „Дурацкаго колпака" и вообще не безынтересное для исторіи литературныхъ отношеній того времени:

Въ веселомъ *Горѣ отъ ума*
Вы вѣкъ полковничій[2]) столкнули съ бригадирскимъ[3])...
Въ немъ живы: Фамусовъ и Хлёстова-кума.
Антонычъ [4])—лжецъ, Молчалинъ—низкій;
Въ немъ доказали вы умъ свѣтлый мудреца,

[1]) Т. е. княземъ Вяземскимъ.
[2]) Полковникъ Скалозубъ.
[3]) Намекъ на „Бригадира" Фонвизина?
[4]) Загорѣцкій.

И живописца даръ, писать умѣнье кстати,
Любовь къ странѣ родной, могущество пѣвца,
И что *успѣхъ* важнѣй *печати* [1]):
Безъ типа не умретъ въ Россіи Скалозубъ!..
Я, просто, въ *Колпакѣ* признался, что я глупъ.
Я знаю, міру въ томъ неважная услуга...
Но кто жъ излѣчитъ пѣвуновъ
Отъ стихотворнаго недуга?
Когда у васъ есть часъ досуга,
Для Русскихъ книжекъ, для стиховъ,
Почтенный житель странъ далекихъ,
Отъ важныхъ дѣлъ, отъ думъ высокихъ
На мой „Колпакъ" склоните взоръ,
И этотъ смѣхотворный вздоръ
Судите вы, какъ вы хотите.
Но если прежнее знакомство вы съ пѣвцомъ,
Прочтя „Колпакъ", возобновите,
Мнѣ легче будетъ жить на свѣтѣ дуракомъ...

Мая 1, 1828 г. СПБ.

2. Грибоѣдовъ и Кюхельбекеръ.

Въ литературномъ творчествѣ Кюхельбекера его близкая дружеская связь съ Грибоѣдовымъ оставила довольно замѣтные слѣды. Его драматическая шутка въ двухъ дѣйствіяхъ „Шекспировы духи" (СПБ. 1825) посвящена „любезному другу Грибоѣдову". Смерть Пушкина растравляетъ у него старую рану: потерю Грибоѣдова и Дельвига:

Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ,
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ!
По нихъ, по нихъ душа моа тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ [2]).

Въ далекой ссылкѣ, „на дикомъ берегу Онока", его разгоряченному воображенію являются все тѣже „три тѣни" [3]).

Почудилися мнѣ родныя три лица!
Я не слыхалъ шаговъ—скользили привидѣнья,
Воды не возмущая, по водѣ.
Надъ каждымъ призракомъ дрожало по звѣздѣ,
И слѣдомъ каждаго была струя мерцанья.
Я вспрянулъ, облитый потокомъ содроганья,
И въ сладостномъ восторгѣ, какъ со сна,
Вскричалъ и произнесъ любезныхъ имена:
„Братъ Грибоѣдовъ,ты? Ты, Дельвигъ? Пушкинъ, ты ли?"
Взглянулъ: ихъ нѣтъ; они ужъ вдаль уплыли!
Вотще я руки простиралъ къ друзьямъ!
Какъ прежде, все померкло и заснуло,—
Лишь только что-то будто бы шепнуло:
„Такъ вѣрь же, есть свиданье тамъ!"

---

[1]) „Горе отъ ума" было напечатано только въ 1833 г.
[2]) Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбекера, Шо-де-фонъ. 1880, стр. 47.
[3]) Тамъ же, 120—121.

„Памяти Грибоѣдова“ посвятилъ Кюхельбекеръ довольно обширное стихотвореніе *).

Когда еще ты на землѣ
Дышалъ, о другъ мой незабвенный,
А я, съ тобою разлученный,
Уже страдалъ въ тюремной мглѣ,
Зачѣмъ, видѣньемъ принесенный,
Въ отрадномъ, благодатномъ снѣ
Тогда ты не являлся мнѣ?
Ужели мало, братъ мой милый,
Я, взятый заживо могилой,
Тоскуя, думалъ о тебѣ?
Когда въ боязненной мольбѣ
Слова въ устахъ моихъ коснѣли,
Любезный братъ твой неужели
Безъ слезъ, безъ скорби звалъ къ себѣ?
Вотще я простиралъ объятья,
Я звалъ тебя, но звалъ вотще:
Безсильны были всѣ заклятья—
Ты былъ незримъ моей мечтѣ.
Увы! Всего лишь разъ единый
Передо мной въ полночный мракъ
Возсталъ возлюбленный призракъ—
Не въ злой ли часъ твоей кончины?
Но не было глубокихъ ранъ,
Свидѣтелей борьбы кровавой,
На тѣлѣ избраннаго славой
Пѣвца, воспѣвшаго Иранъ—
И—ахъ!—сраженнаго Ираномъ!
Одѣянъ не былъ ты туманомъ,
Не искаженъ и не унылъ,
Не блѣденъ—нѣтъ, ты ясенъ былъ!
Ты былъ въ кругу моихъ родимыхъ,
Тобой незнанныхъ, но любимыхъ,
Тебя любившихъ, не видавъ.
Въ видѣньи оной вѣщей ночи
Твои свѣтлѣе были очи,
Чѣмъ среди смѣха и забавъ,
Въ чертогахъ суеты и шума,
Гдѣ свой покровъ нерѣдко дума
Бросала на чело твое,
Гдѣ ты прикрыть желалъ ее
Улыбкой, шуткой, разговоромъ.
Но дружбѣ взоръ орлиный данъ:
Великодушный твой обманъ
Орлинымъ открывался взоромъ...
Такъ мнѣ однажды только сонъ
Тебя представилъ, благотворный;
Съ тѣхъ поръ, суровый и упорный,

*) Тамъ же 85—87.

Отказывалъ мнѣ долго онъ
Привлечь въ обитель испытанья
Твой духъ изъ области сіянья.
А между тѣмъ мои страданья
Копились и росли... Но вдругъ
Ты что-то часто, братъ и другъ,
Златую предваря денницу,
Спускаться сталъ въ мою темницу.
Или зовешь меня туда,
Гдѣ ты, паря подъ небесами,
Ликуешь съ чистыми духами,
Гдѣ вѣчны свѣтъ и красота,
Въ страну покоя, надъ звѣздами?
Или же (много я любилъ!)
Тѣ, коихъ взоръ и въ самомъ мракѣ,
Какъ лучъ живительныхъ свѣтилъ,
Какъ даръ былого, я хранилъ,
Всѣ, всѣ въ твоемъ сліялись зракѣ?

Къ словамъ „пѣвца, воспѣвшаго Иранъ", прибавлено любопытное „примѣчаніе автора": „относится къ поэмѣ Грибоѣдова, схожей по формѣ своей съ „Чайльдъ-Гарольдомъ". Въ ней превосходно изображена Персія. Этой поэмы, нигдѣ не напечатанной, не надо смѣшивать съ другой, о которой упоминаетъ Булгаринъ (т.-е. „Горе отъ ума")."

Замѣчаніе въ скобкахъ — неудачная прибавка редактора заграничнаго изданія стихотвореній Кюхельбекера или случайная описка самого Кюхельбекера: Булгаринъ говоритъ о „Грузинской ночи".

Въ предисловіи къ изданію Черноглазова („Горе отъ ума", 1854, СПБ., стр. XIII) Булгаринъ пишетъ: „Въ послѣднее пребываніе свое въ Грузіи Грибоѣдовъ сочинилъ планъ романической трагедіи и нѣсколько сценъ, вольными стихами съ риѳмами. Трагедію назвалъ онъ: „*Грузинская ночь*"; почерпнулъ предметъ оной изъ народныхъ преданій и основалъ на характерѣ и нравахъ Грузинъ" *).

Эта неизвѣстная поэма изъ Персидской жизни, по всей вѣроятности, погибла вмѣстѣ съ другимъ литературнымъ и нелитературнымъ достояніемъ Грибоѣдова 30 Января 1829 г.

---

*) Тамъ же, стр. XV: „О монастырѣ св. Давида упоминалъ онъ въ трагедіи своей: „Грузинская ночь". Въ опубликованныхъ до сихъ поръ отрывкахъ этого упоминанія нѣтъ.

III. О Кольцовѣ.

1. *Надпись на надгробномъ камнѣ Кольцова.*

С.-Петербургскія Вѣдомости“ (1854, № 192, стр. 936) приводятъ очень любопытную надпись съ надгробнаго камня на могилѣ Кольцова:

„Рожденъ отродителей васплья петрова и прасковии ивановой кальцовой жителеи воронежскихъ.

„покоися любезныи сынъ стенящии родители приклонноп старости молимъ всещедрова упокоить душу твою внедрахъ авраамовыхъ,

„1842 года Ноября 3 подсимъ паметникомъ погребено тело мещанина алексея василевича калцова сочинителя ипоета воронежскаго.

„Просвещенъ безнаукъ природою награжденъ монаршею милостию. Скончался 33 годовъ и 26 дней въ 12 часу брака неимелъ“.

2. *Кольцовъ и А. Мыльниковъ.*

Въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1856, № 43 и 44) было напечатано нѣсколько стихотвореній А. Мыльникова. Г-нъ Сеславинъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1853, № 282) обвинилъ Мыльникова въ плагіатѣ: стихотворенія „Во широкой степи“ и „Ахъ, не сонъ клонитъ“ были будто бы куплены имъ у друга покойнаго Кольцова, Д. Яремова, и выданы за свои. Г-нъ Б. Готовецъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1854, № 234, стр. 1136) указалъ нѣкоторыя противорѣчія въ замѣткѣ Сеславина и усомнился въ правильности его указанія. Самъ Мыльниковъ протестовалъ противъ обвиненія — стихами („Ярославскія Вѣдомости“, 1854, № 8):

Никогда стиховъ Кольцова
Я не думалъ покупать,
И за свой я трудъ чужова
Въ свѣтъ не льстился издавать.
А пишу, чѣмъ восхищаюсь,
И тѣмъ съ ближними дѣлюсь...
Но за ложь не огорчаюсь,
Отъ души лишь посмѣюсь!

На сколько знаемъ, полемика на этомъ оборвалась.

IV. О Никитинѣ.

1. *Пьесы Никитина изъ народнаго быта.*

Въ № 192 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (1854, стр. 935), было напечатано: „Одинъ изъ молодыхъ драматическихъ артистовъ нашихъ, ѣздившій недавно въ провинцію и посѣтившій Воронежъ, привезъ намъ извѣстіе, что даровитый согражданинъ Кольцова, Никитинъ... также намѣренъ трудиться для театра и написалъ уже нѣсколько народныхъ драматическихъ сценъ. Привезшему это извѣстіе не удалось прочесть этого произведенія, но ему говорили о немъ, въ Воронежѣ, много хорошаго“. На сколько мы знаемъ, до сихъ поръ эти сцены не были напечатаны.

2. *Литературный дебютъ Никитина.*

Въ 47-мъ № „Воронежскихъ Губ. Вѣдом.“ за 1853 г. было напечатано стихотвореніе Никитина „Русь“. За четыре года передъ тѣмъ онъ прислалъ въ редакцію два стихотворенія съ подписью „И. Н.“, которыя не были напечатаны „по неизвѣстности автора“. Въ 1853 г. Никитинъ прислалъ три новыхъ стихотворенія, съ полной подписью, и просилъ помѣстить ихъ въ „Вѣдомостяхъ“. Печатая одно изъ нихъ („Русь“), редакція въ предисловіи отмѣтила: „Хотя помѣщеніе стихотвореній, согласно принятой нами программѣ, не входитъ въ объемъ нашего изданія, но, принимая во вниманіе, съ одной стороны, неувѣренность въ своихъ силахъ молодого таланта, не рѣшающагося обратиться съ своею просьбою въ редакцію какого-либо изъ нашихъ журналовъ, а, съ другой стороны, отдавая полную справедливость замѣчательному дарованію автора и сочувствуя его направленію, мы рѣшаемся помѣстить одно изъ присланныхъ намъ стихотвореній“. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (1853, № 275, стр. 1136) „съ неописанною радостью остановились на этомъ номерѣ „Воронежскихъ Вѣдом.“ и перепечатали „Русь“ съ знаменательнымъ замѣчаніемъ: „Не правда ли, что-то знакомое слышится въ этомъ стихотвореніи, въ чувствѣ, которымъ оно проникнуто, въ пріемахъ, въ фактурѣ стиха? Неужели въ г. Никитинѣ суждено воскреснуть Кольцову? А вѣдь есть надежда! И притомъ странное сходство: изъ частнаго письма, вчера полученнаго нами изъ Воронежа, узнаемъ мы, что Иванъ Саввичъ Никитинъ—Воронежскій мѣщанинъ, слѣдовательно, землякъ Кольцова по мѣсту рожденія и собратъ по происхожденію; ему теперь 27 лѣтъ, слѣдовательно, еще много времени впереди для развитія его таланта: дай то Богъ!“ Самое стихотвореніе извѣстно изъ собраній сочиненій Никитина:

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ
Вижу—даль степей
Зеленѣется...

Въ 1854 г. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№ 79, стр. 377) перепечатываютъ стихотвореніе „Никитина, Воронежскаго мѣщанина“ — „Война за вѣру“:

Какъ волны грозныя, встаютъ сыны Востока...

Вл. Каллашъ.

ЭПИГРАММЫ И ПАРОДІИ НА Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

„Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ меньше пользовался обычной благосклонностью журналовъ“, пишетъ Пушкинъ въ 1831 г. и объясняетъ это между прочимъ тѣмъ, что „нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной“. Дѣйствительно, критика не щадила Баратынскаго, особенно въ концѣ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ. Его литературные противники не довольствовались тѣмъ, что нападали на него въ статьяхъ и отзывахъ, но пытались донимать его эпиграммами и пародіями, хотя, конечно, ихъ остроуміе не могло тягаться съ отточенными, ѣдкими насмѣшками самого Баратынскаго. Въ настоящее время это жужжаніе „слѣпней и комаровъ“ совершенно забыто, между тѣмъ оно весьма характерно для своего времени. Въ виду этого *историческаго* интереса собираемъ здѣсь нѣсколько эпиграммъ и пародій на Е. А. Баратынскаго, частью перепечатывая ихъ изъ современныхъ изданій, частью выбирая изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ. **В. Б.**

I. Характеристика Баратынскаго [1]).

Въ элегіи, посланьѣ и романсѣ
На пиръ и къ чашамъ онъ зоветъ.
Honny soit qui mal y pense—
И чашки даже въ домѣ нѣтъ!

Въ элегіи, посланьѣ и романсѣ
Увялъ для жизненныхъ утѣхъ!
Honny soit qui mal y pense—
Онъ въ людяхъ ѣстъ и пьетъ за трехъ.

Въ элегіи, посланьѣ и романсѣ
Желаній нѣгой онъ томимъ.
Honny soit qui mal y pense—
Онъ дремлетъ, и читатель съ нимъ.

Въ элегіи, посланьѣ и романсѣ
Себя поэтомъ онъ зоветъ!
Honny soit qui mal y pense—
И въ этомъ также правды нѣтъ.

1822. *Борисъ Өедоровъ.*

II. Завѣщаніе Баратынскаго [2]).

Долги на память о поэтѣ
Заимодавцамъ я дарю,
Мундиръ мой унтерскій — царю,
Стихотворенья — доброй Летѣ.

N. N.

[1]) Печатается съ рукописи. Борисъ Өедоровъ — бездарный поэтъ, надъ которымъ немало смѣялся Бѣлинскій. Любопытно указаніе въ 1-й строфѣ, что Баратынскаго въ 1822 г. считали человѣкомъ весьма небогатымъ. Года черезъ три Пушкинъ въ одномъ шуточномъ отрывкѣ тоже добродушно посмѣивается надъ скромностью жизни Баратынскаго. (См. Соч. Пушкина, изд. Лит. Ф. т. I, стр. 347).

[2]) Печатается съ рукописи. Упоминаніе объ „унтерскомъ мундирѣ“ Баратынскаго показываетъ, что стихи относятся къ тому же времени, какъ и предыдущіе.

III. Надпись къ портрету Баратынскаго [1]).

Онъ щедро награжденъ судьбой!
Риѳмачъ безграмотный, но Дельвигомъ прославленъ!
Онъ унтеръ-офицеръ, но отъ побой
Дворянской грамотой избавленъ.

IV. Эпиграмма [2]).

Зачѣмъ мою хорошенькую музу,
Голубчикъ мой, ты вздумалъ освистать?
Зачѣмъ, скажи, схоластики обузу
На жаръ ума ты вздумалъ промѣнять?

Тебя спасалъ сто разъ, скажи, не я ли?
Не я ль тебя лелѣялъ и берегъ,
Когда тебя въ толчки съ Парнаса гнали,
Душа моя, Парнасскій простачекъ.

Гамлетовъ.

V. Эпиграмма [3]).

Пришелъ поэтъ и пущенъ на Парнасъ.
„А, здравствуй", Фебъ сказалъ, „да что́ за чудо,
Ты мнѣ знакомъ! Я помню, что подъ часъ
Ты плакивалъ въ стишонкахъ, и не худо.
Что, нѣтъ ли, братъ, плаксивенькихъ опять?
—„Нѣтъ, мудрый Фебъ! Я плакивалъ бывало,
Позволь теперь смѣшное прочитать".
—„Читай!" И вотъ, не думавши нимало,
Вдругъ нашъ поэтъ, съ насмѣшливымъ лицомъ,
Развеселить затѣялъ эпиграммой.
Чуть выслушалъ Латона сынъ упрямый
И закричалъ: „Эй, кто тамъ?"—Съ мѣднымъ лбомъ
Предсталъ школяръ.—„Вонъ вывести!"— „О, милый,
О, добрый Фебъ! Осмѣлюсь ли спросить.."

---

[1]) Печатается съ рукописи. Написано, можетъ быть, О. Сомовымъ, такъ какъ имѣетъ сходство съ его грубой сатирой: „Пѣвцы 15-го класса", гдѣ тоже задѣтъ Баратынскій.

[2]) Была помѣщена въ „Приложеніяхъ" къ „Моск. Телеграфу" 1830 г. № 2, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Отрывки изъ новаго альманаха „„Литературное Зеркало"" (эти приложенія выпускались и отдѣльными книжками.) Пушкинъ рѣзко осуждалъ это тяжеловѣсное остроуміе. „Не думаю (писалъ онъ въ „Литературной Газетѣ"), чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ". Обыкновенно полагаютъ, что пародіи, подписанныя „Гамлетовъ", относятся къ Пушкину (см. „Соч. Пушкина", изд. Лит. Ф., т. V, стр. 88); но, во-первыхъ, этотъ псевдонимъ могъ быть взятъ изъ выраженія Пушкина: „Гамлетъ-Баратынскій", во-вторыхъ, „хорошенькая Муза"—слово въ слово взято у Баратынскаго: „Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ мою *хорошенькую Музу*" (1827 г.). Впрочемъ, одна эпиграмма, подписанная Гамлетовымъ: „Когда тебя свисткомъ своимъ лихимъ" мѣтитъ въ Пушкина, именно на его эпиграмму „Повѣрь, когда слѣпней и комаровъ". (1825 г.).

[3]) Была помѣщена тамъ же, № 13. въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Стихотворный пустоцвѣтъ или попурри, составленныя изъ риѳмъ и безсмыслицы". Напоминаетъ одну изъ эпиграммъ Баратынскаго: „Писачка въ Фебовъ домъ явился".

—„Ахъ, плакса! Чтó задумалъ ты? Острить?
Чуть дышешь ты въ элегіи унылой.
Пошелъ же вонъ! Тебѣ ль смѣяться, хилый!“

Гамлетовъ.

VI. Эпиграмма [1]).

Шалунъ, Горацій нашихъ лѣтъ,
О, милый баловень досуга!
Ты позабылъ поэта-друга,
Душемутительный поэтъ.

О, Баратынскій! Ты поэтъ,
И я поэтъ, мы всѣ поэты.
Ты среди волнъ туманной Леты
Не утонулъ, поэтъ-атлетъ.

VII. Разувѣреніе [2]).

(Элегія).

Она прошла, былая радость,
Онъ пролетѣлъ, мой счастья сонъ,
И потускнѣлъ твой небосклонъ,
Разочарованная младость!
Мои бывалыя мечтанья,
Мои далекія мечты,
Ты, трепетъ счастья, упованья,
Ты, вольный геній красоты.
Гдѣ вы? Прелестное видѣнье,
Ты, перелетнымъ вѣтеркомъ,
Мнѣ навѣвало вдохновенье,
Меня ласкало дивнымъ сномъ.
Разбиты счастія надежды,
Исчезъ мой свѣтлый идеалъ,
И на хладѣющія вѣжды
Унынья тяжкій сонъ упалъ...
Міръ опыта, рукою смѣлой,
Гробокопатель добрый мой!
Обвей меня въ свой саванъ бѣлый,
И душу заживо отпой!

Н. Пустоцвѣтовъ.

---

[1]) Въ 1829 г. появилась книжка, озаглавленная: „Піитическая игрушка, отысканная въ сундукахъ покойнаго дѣдушки Классицизма“. Изд. Н. М. Въ тип. Н. Степанова. 61 стр. По ней, кидая кости, можно было составлять стихи въ духѣ классицизма. Разбирая эту книжку, „Моск. Телегр.“ предлагалъ автору распространить свою шутку и на романтизмъ. Предлагаемые стихи должны были служить образчикомъ такихъ произведеній новой школы, которыя не трудно воспроизводить съ помощью игральныхъ костей. „Можно переставить всѣ строчки“, пишетъ „Моск. Телегр.“, „и смысла не прибудетъ и не убудетъ“.

[2]) Помѣщено въ „Моск. Тел.“ 1830. Понимая, что его пародія слишкомъ растянута, авторъ придѣлалъ къ ней насмѣшливое примѣчаніе: „Это стихотвореніе состояло изъ 17 строфъ, но мы рѣшились остальныя строфы не печатать, ибо смысла ни убавилось ни прибавилось, а душа поэта уже вся видна“. Въ „Моск. Тел.“ напечатано 8 строфъ; здѣсь перепечатываются строфы 1—4 и 8-ая. „Разувѣреніе“—заглавіе одного изъ стихотвореній Баратынскаго.

О Т. Н. ГРАНОВСКОМЪ

(по поводу новаго изданія его сочиненій).

Недавно вышли четверымъ изданіемъ сочиненія Т. Н. Грановскаго. Въ настоящее время едва ли могутъ быть разногласія относительно оцѣнки Грановскаго, какъ историческаго писателя, а также и относительно опредѣленія мѣста, занимаемаго имъ въ нашей ученой литературѣ. Появленіе этого новаго изданія его сочиненій приводитъ на память то время, когда зачиналась борьба двухъ направленій—Западнаго и такъ называемаго Славянофильскаго,—борьба, продолжающаяся до сихъ поръ и вѣроятно не скоро имѣющая прекратиться, хотя формы, въ которыя она облекается и условія, при которыхъ она длится, не разъ видоизмѣнялись съ 40-хъ годовъ. Вѣроятно, эта борьба еще пройдетъ черезъ много различныхъ фазисовъ, прежде чѣмъ разрѣшится и въ литературѣ, и въ жизни либо прекращеніемъ самобытности Русской, либо торжествомъ тѣхъ ея основъ, которыя были поняты и (схематически) выражены Хомяковымъ, Киреевскимъ, Аксаковымъ, Самаринымъ, Гиляровымъ и др. Такая длительность и такое непреходящее значеніе умственной и культурной борьбы, зачавшейся тому слишкомъ полвѣка назадъ, даетъ и въ настоящее время живой интересъ всякимъ подробностямъ, касающимся ея перваго, т. е. основного періода, наиболѣе важнаго, такъ какъ это былъ періодъ разработки самыхъ „началъ", остающихся неизмѣнными, не смотря на постоянно измѣняющуюся внѣшность ихъ примѣненія. Многими легендарными подробностями затемнялись взаимныя отношенія начальныхъ представителей западничества и славянофильства. Нѣкоторыя изъ этихъ легендъ сложились непроизвольно, другія же не лишены были въ самомъ зарожденіи своемъ нѣкоторой предвзятости; и къ числу послѣднихъ относятся особенно сказанія о нетерпимости такъ называемыхъ Славянофиловъ къ ихъ противникамъ. Очень хорошей иллюстраціей этой мнимой нетерпимости можетъ послужить оцѣнка Грановскаго, тогда уже умершаго, со стороны одного изъ Славянофильскихъ изданій, именно газеты „Молвы" 1857 года. Перепечатываемъ *) ту часть статьи изъ перваго ея выпуска, озаглавленной „Обозрѣніе современныхъ журналовъ", которая посвящена Грановскому. Эту статью можно, кажется, безошибочно приписать К. С. Аксакову, хотя его подписи подъ нею не имѣется.

Едва ли и въ настоящее время, опредѣляя значеніе Грановскаго, можно сказать что-либо вѣрнѣе этихъ словъ. Ими же дается мѣрило того, какъ умѣли относиться даже самые крайніе представители Русскаго направленія былого времени къ своимъ противникамъ, въ лицѣ того изъ нихъ, который на-

---

*) Экземпляры „Молвы" сдѣлались въ настоящее время библіографической рѣдкостью.

канунѣ своей смерти выразился о Славянофилахъ такъ: „они противны мнѣ какъ гробы“ *). Въ этихъ словахъ впрочемъ нельзя видѣть признаковъ личнаго озлобленія, а лишь образное выраженіе того, какъ западники смотрѣли на зачинавшееся направленіе Русское. Мнимая односторонность и узкость таковаго казались имъ „гробоподобными“. Въ настоящее время, когда направленіе Русское ищетъ себѣ выраженія и проявленія не въ одной лишь области отвлеченнаго мышленія, особенно желательно, чтобъ оно всячески старалось не подавать своимъ противникамъ поводовъ къ обвиненію подобному тому, которое направило перо кроткаго и незлобиваго Грановскаго къ начертанію вышеприведенныхъ мрачныхъ словъ.

***

«Въ прошедшемъ году помѣщена была въ «Русской Бесѣдѣ» статья г. Григорьева о Грановскомъ. Эта статья вызвала большое негодованіе со стороны противниковъ Бесѣды. Мы, съ своей стороны, признавая за каждымъ полную свободу мнѣнія о другомъ человѣкѣ и полное право оное высказывать (въ противномъ случаѣ это значило бы стѣснять свободу сужденія; неужели же намъ по душѣ такое стѣсненіе?), убѣжденные, что никто не имѣлъ права обвинить г. Григорьева въ желаніи унизить Грановскаго, должны, однакоже, признать, что къ такимъ нападеніямъ могъ подать поводъ тонъ статьи г. Григорьева. Сверхъ того, сужденіе о Грановскомъ неполно, а потому и выходитъ рѣзко и несправедливо. Тѣмъ не менѣе, статья г. Григорьева чрезвычайно интересна и умно написана; она сообщаетъ намъ много дорогихъ свѣдѣній о Грановскомъ, память о которомъ такъ жива въ Москвѣ. Если и возбуждаютъ непріятное чувство иногда тонъ, иногда нѣкоторыя сужденія автора, то, тѣмъ не менѣе, самъ Грановскій изъ всего сообщаемаго о немъ, а главное изъ его писемъ, выходитъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Его прекрасную душу узнаёмъ мы съ новыхъ, такъ сказать, домашнихъ сторонъ, и любимъ его еще болѣе. Не всякій выдержитъ то испытаніе, которому подвергъ г. Григорьевъ Грановскаго; не всякій, обнаженный въ своихъ частныхъ отношеніяхъ, въ своихъ письмахъ, пишучи которыя, конечно, не думалъ онъ о печати, явится такъ хорошъ, благороденъ, человѣчественъ. И такъ, не можемъ не быть благодарны г. Григорьеву за обнародованіе его статьи. Страсти, возбужденныя этою статьею, къ сожалѣнію, мѣшаютъ вникнуть въ дѣло, мѣшаютъ спокойному разсмотрѣнію вопроса. Въ высшей степени художественная, благородная и сочувственная личность Грановскаго не подлежитъ сомнѣнію; но если бы кто-нибудь сталъ дѣлать изъ Грановскаго кумиръ, то онъ бы оказалъ ему плохую услугу. Во-первыхъ:

*) Т. Н. Грановскій и его переписка, стр. 156. На слѣдующей страницѣ тѣже Славянофилы названы „безобразной партіей“.

личность Грановскаго не имѣетъ въ себѣ ничего кумирнаго; личность Грановскаго именно такова, что она стоитъ не надъ людьми, а съ людьми, каждому протягивая сочувственно руку, и это важное, очень важное, и далеко не у всѣхъ имѣющееся достоинство. Вотъ почему такъ привѣтливъ и художественъ его благородный, теплаго, тихаго чувства исполненный образъ; и этотъ образъ еще яснѣе является намъ изъ статьи г. Григорьева. Съ другой стороны, также не должно быть крайности; странно было бы приковать поколѣнія къ одному человѣку, какъ бы ни были высоки его достоинства; авторитетовъ быть не должно, а мы къ нимъ очень склонны. Человѣкъ замѣчательный становится для своихъ современниковъ и вождемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мостомъ, который они переходятъ, чтобъ идти далѣе; благодарность тогда бываетъ еще живѣе. Такъ и теперь, почему не предположить, что молодыя поколѣнія студентовъ, благодарныя Грановскому, пошли далѣе, и требованія ихъ стали даже шире и серьезнѣе? И самъ г. Григорьевъ, и другіе, судя о Грановскомъ, какъ объ ученомъ, упускаютъ изъ виду самое важное его значеніе въ Университетѣ и въ обществѣ. Грановскій не подвинулъ впередъ науки общей исторіи, не сдѣлалъ чего-нибудь новаго, да и никто изъ Русскихъ ученыхъ этого не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать, при отсутствіи еще въ насъ самостоятельной дѣятельности; но въ лекціяхъ своихъ передавалъ Грановскій жизнь того или другого времени, со всею ея невидимою обстановкою, съ ея воздухомъ, такъ сказать, передавалъ художественно путь, которымъ всего удобнѣе познается юношами истина. Достоинство его лекцій можетъ засвидѣтельствовать Москва, слышавшая два его курса. Конечно, не пропали эти живыя впечатлѣнія, которыя выносили слушатели изъ его аудиторіи. Отсюда отчасти уже вытекаетъ то важное значеніе Грановскаго, на которое мы намекнули; это значеніе, если можно такъ выразиться, *педагогическое*. Онъ воспитывалъ своихъ слушателей, онъ подымалъ ихъ надъ обыденною жизнію въ высшія сферы духа, онъ будилъ въ нихъ благородныя движенія и чувства, онъ образовывалъ и устремлялъ ихъ силы. Это великое дѣло, огромное значеніе. И вотъ почему эта всеобщая любовь къ Грановскому, и вотъ почему она понятна и законна. Говорятъ: онъ ничего не написалъ, ничего не сдѣлалъ. Онъ, точно, мало писалъ; но онъ много сдѣлалъ. Онъ могъ въ отвѣтъ на такой упрекъ указать (какъ сдѣлалъ нѣкогда Мерзляковъ) на студентовъ и сказать: вотъ мои лекціи! Но не на однихъ студентовъ могъ указать Грановскій; онъ могъ указать на общество, внимавшее полной одушевленія и изящества, возвышенной, увлекательной его рѣчи, и теперь благодарно произносящее имя Грановскаго».

указаніе о найденномъ монетномъ кладѣ и т. п., а между тѣмъ, казалось бы, отчеты о засѣданіяхъ Русскаго Генеалогическаго Общества, гдѣ дѣлаются различныя сообщенія по разнымъ вопросамъ, имѣющимъ историческій интересъ, были бы болѣе интересны для занимающихся генеалогіей, особенно же интересны бы были членамъ Общества, живущимъ внѣ Петербурга и не знающимъ, что̀ дѣлается и говорится на засѣданіяхъ Генеалогическаго Общества. Будемъ надѣяться, что въ будущихъ выпускахъ редакція „Извѣстій" пополнитъ этотъ пробѣлъ, и жизнь Общества перестанетъ быть тайною для его членовъ.

Литература предмета также весьма неполна; можно бы было указать цѣлый рядъ изданій по генеалогіи, вышедшихъ за періодъ 1898—1900 гг., какой, повидимому, взятъ редакторомъ отдѣла, и не указанныхъ, а между тѣмъ указаны сочиненія, въ родѣ „Описаніе городовъ, мѣстечекъ и селъ Волынской губ." и т. п.

Въ концѣ изданія приложены указатели, что̀ дѣлаетъ книгу весьма удобною для справокъ.

Сдѣланныя нами замѣчанія относительно отдѣла IV-го нисколько не умаляютъ общаго достоинства перваго выпуска „Извѣстій", и мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать выхода слѣдующихъ выпусковъ „Извѣстій", и будемъ надѣяться, что промежутки между выпусками не будутъ безконечны.

Л. М. Савеловъ.

Опечатки въ статьѣ „Къ исторіи разграниченія Россіи съ Норвегіей".

(І-й вып. „Русскаго Архива" 1901 г.).

Стр.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
141	18 снизу	Печевегскаго	Печенскаго.
145	12 сверху	Pasolg	Pasoin.
147	2 „	Вардэучскаго	Вардэугскаго.
—	6 снизу	Bugönos	Bugönoes.
148	6 „	Пасвичъ	Пасвигъ.
151	20 сверху	Русскіе,	Русскіе—
—	14—13 снизу	Мотавская	Мотовская.
154	15 сверху	Мадакіешса	Мадакіетса.
—	24 „	Ворьсма	Ворьема.
—	27 „	Пасвичъ	Пасвигъ.
155	19 „	Ворьсма	Ворьема.
156	11 „	я	и
—	21 „	Ворьсмы	Ворьемы.
—	22 „	Ворьсмы	Ворьемы.
157	10 „	Ворьсмы	Ворьемы.

ПОПРАВКА.

(Къ стр 480-й, въ XI выпускѣ „Р. Архива" 1900 года).

Г-жа Бравура вышла замужъ не за Никольса, хозяина Англійскаго магазина, но за Кохуна (Colqhan), который управлялъ этимъ магазиномъ послѣ Никольса.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1901 года.

(Годъ 39-й)

«Русскій Архивъ» въ 1901 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1901 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892—1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898, 1899** и **1900** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

3.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

Архивъ села Вощажникова. Выпускъ I-й. Бумаги фельдмаршала (графа) Б. П. Шереметева. М. 1901. 8-ка, X, 149 и 2 нен. стр. и снимокъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Этотъ первый выпускъ (съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева) содержитъ въ себѣ хозяйственныя распоряженія славнаго фельдмаршала по Ярославскимъ его имѣніямъ, жалованнымъ ему Петромъ Великимъ въ 1706 году, и донесенія тамошнихъ прикащиковъ. Въ грамотѣ на эти имѣнія перечислены заслуги великаго дѣятеля, которыя онъ черезъ четыре года довершилъ покореніемъ Риги. Россія ему обязана присоединеніемъ большей половины Прибалтійскаго края. Если сохранились его приказы по Альтпебальгу (между Ригою и Митавою), то любопытно было бы сравнить ихъ съ тѣми, которые теперь изданы и благодаря которымъ давно минувшая жизнь возстаетъ предъ читателемъ, какъ живая. Тутъ цѣнныя показанія для исторіи сельскохозяйственнаго быта. Можно подмѣтить и личныя черты владѣльца, подписывающаго свои указы вмѣсто имени словами: *рука моя.* Главная забота его о коняхъ. Особенно любопытны страницы 101—108.

Мы до сихъ поръ имѣемъ лишь краткую біографію фельдмаршала въ I-й части извѣстной книги Бантыша-Каменскаго, тогда какъ этотъ человѣкъ—непререкаемая слава Россіи и человѣчества. Пожелаемъ, чтобы издана была вновь его переписка съ Петромъ Великимъ, которая сдѣлалась давно книжною рѣдкостью. П. Б.

Сочиненія графа П. И. Капниста. Москва. 1901. 270 стр. Большая 8-ка. I, CCLCII, 231 и VI; II, CXLCIII и 572, съ портретомъ.

Графъ П. И. Капнистъ, несомнѣнно, обладалъ поэтическимъ даромъ, что признавалъ, между прочимъ, и Фетъ. Графъ тонко цѣнилъ поэзію, какъ показываютъ его критическія статьи, любилъ природу, чувствовалъ полно и живо; но быть поэтомъ въ душѣ еще не значитъ быть художникомъ. Онъ никогда не могъ стать вполнѣ самостоятельнымъ ни въ формѣ своихъ произведеній, ни въ ихъ содержаніи, и они постоянно напоминаютъ то Пушкина, то Тютчева, то еще кого-либо изъ истинныхъ *творцовъ.* Онъ самъ говоритъ о своихъ стихахъ:

Мои стихи—случайный звукъ
От перелетныхъ впечатлѣній;
Въ нихъ отблескъ тающихъ видѣній,
Нежданныхъ радостей и мукъ...
Ихъ жизнь приноситъ и уноситъ
Въ волнахъ бушующихъ своихъ,
Душа у Бога ихъ не проситъ
И не скрывается отъ нихъ...

Собраніе стиховъ Капниста представляетъ собой какъ бы его дневникъ. Человѣкъ, любящій поэзію, умѣющій чувствовать, владѣющій стихомъ, записываетъ время отъ времени свои впечатлѣнія. Вотъ одна изъ его Швейцарскихъ картинъ:

Впереди роскошный день!
Солнце радостное встало
И въ ущелья горъ прогнало
Ночи сумрачную тѣнь.
Какъ алмазные узоры,
Какъ волшебные дворцы,
Въ небесахъ, во всѣ концы
Поднялись, блистая, горы...

АРХИМАНДРИТЪ ВАРЛААМЪ ВЫСОЦКІЙ.

(Изъ архивныхъ дѣлъ XVIII вѣка).

Въ первой книгѣ Русскаго Архива 1874 года покойнымъ архимандритомъ Леонидомъ помѣщены письма архимандрита Варлаама къ Императрицѣ Екатеринѣ I-й, которая была его духовной дочерью. Въ предисловіи къ этимъ письмамъ сообщено и нѣсколько біографическихъ данныхъ о Варлаамѣ; въ „Русскомъ же Архивѣ“ 1900 года (II, 409, 417) изъ переписки его съ графомъ С. А. Салтыковымъ, видно, какимъ большимъ значеніемъ пользовался онъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ нашемъ распоряженіи имѣются теперь бумаги, еще болѣе точно изображающія достопамятную личность этой духовной персоны XVIII вѣка.

Архимандритъ Варлаамъ, въ мірѣ Василій Антипьевичъ Высоцкій, родился въ 1665 г. По сообщенію отца протоіерея Свирѣлина *), изъ духовнаго званія Варлаамъ не происходилъ; по крайней мѣрѣ въ вѣдомости Переяславскаго Данилова монастыря о монашествующихъ, поданной въ духовный приказъ 1723 г. Февраля 22 дня, объ архимандритѣ Варлаамѣ пишется:

ИМЕНА.		Фамилія или прозваніе.	ЛѢТА.			Воспріятіе монашества.	Какого чину и котораго городу.	Дѣла послушанія.
Мірское.	Монашеское.		Отъ рожден.	Отъ постриженія	Пребыванія.			
Василій Антипьевичъ.	Варлаамъ.	Высоцкій.	58	23	13	Въ Борисоглѣбскомъ Переславскомъ монастырѣ что на Песнахъ.	Переславля Залѣсскаго попова чину.	Архимандритъ.

Выраженіе „попова чину“, а не роду, значитъ, что онъ поступилъ въ монахи изъ поповъ; потому что въ подобныхъ же вѣдомостяхъ противъ нѣкоторыхъ монаховъ пишется: „поповъ сынъ“. Изъ простого званія Варлаамъ также не могъ происходить, потому что былъ образованъ настолько, что

*) Отецъ Александръ Свирѣлинъ, историкъ Переяславля Залѣсскаго.

умѣлъ вести переписку съ высочайшими особами и разрѣшать ихъ недоумѣнія. Особенныхъ подвиговъ благочестивой жизни, за которые старцы пользовались уваженіемъ, въ жизни архимандрита Варлаама не знаемъ. Очевидно уважали его за его свѣтлый умъ и практическую мудрость. Изъ вотчиннаго дѣла дворянъ Голохвастовыхъ („Архивъ Кн. Воронцова“ XII, 335) усматривается, чтоИванъ Михайловичъ Голохвастовъ, по ссылкѣ отца своего въ 1731 г. въ Никольскій Корельскій монастырь, жилъ въ Петербургѣ для обученія при о. архимандритѣ Варлаамѣ. Отсюда видна какая-то близость Варлаама Высоцкаго къ роду дворянъ Голохвастовыхъ, у которыхъ въ верстахъ 25-ти отъ Переяславля было помѣстье, село Новоселки (теперь имѣніе князя Гагарина, перешедшее отъ князя В. Голицына). Недалеко отъ с. Новоселки въ Переяславскомъ же уѣздѣ находилось село Лосево, гдѣ былъ помѣщикомъ Николай Петровичъ Высоцкій, внучатный племянникъ князя Потемкина. Можно предполагать, не ручаясь, конечно, за достовѣрность, что архимандритъ Варлаамъ происходилъ изъ рода дворянъ Высоцкихъ, родственныхъ или очень близко знакомыхъ съ дворянами Голохвастовыми.

До 1693 года Варлаамъ проживалъ въ Переяславскомъ Борисоглѣбскомъ, чтò на Пескахъ, монастырѣ. Объ этомъ онъ сообщаетъ самъ въ своей отпискѣ 1722 г. по поводу перенесенія мощей преп. Корнилія, говоря, что пришелъ въ Борисоглѣбскій монастырь и былъ послушникомъ, когда еще живъ былъ преподобный Корнилій, въ чинѣ схимонаха; потомъ незадолго до кончины Корнилія (т. е. до 1693 г.) взятъ бѣлымъ священникомъ въ Москву къ дворцовому Рождественскому собору, чтò вверху, на сѣняхъ *). Тогда, конечно, и вступилъ онъ въ супружество. Въ ризницѣ Сергіевой Петербургской пустыни на книгѣ „Тріодь“ есть надпись, что книгу эту онъ жертвуетъ въ монастырь съ тѣмъ, чтобы поминали его родителей: Антипа, Ксенію, Мавру. Антипа и Ксенія—безъ сомнѣнія, родители его, а Мавра, вѣроятно, жена его.

Овдовѣвъ въ Москвѣ, отецъ Василій Антипьевичъ въ 1700 г. пожелалъ постричься въ монашество въ томъ же Борисоглѣбскомъ Переяславскомъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ прежде. Этотъ монастырь благоустраивала его духовная дочь царевна Наталія Алексѣевна. Если, какъ онъ самъ говорилъ, онъ былъ взятъ въ Москву не задолго до 1693 г., то былъ онъ бѣлымъ священникомъ дворцоваго собора не болѣе семи лѣтъ. Вѣроятно, по ходатайству царевны Наталіи, съ принятіемъ монашества, быстро повышался онъ по іерархическимъ ступенямъ. Въ 1704 г. онъ былъ игуменомъ Борисоглѣбскаго монастыря, а въ 1710 г. переведенъ въ Переяславскій Даниловъ монастырь архимандритомъ.

Въ 1725 г. Варлаама вызвали въ С.-Петербургъ на 1-е Марта, къ погребенію императора Петра I-го (на эту поѣздку, какъ видно изъ записей

*) О. арх. Леонидомъ невѣрно означенъ годъ 1669, въ которомъ будто бы въ Рождественскомъ Кремлевскомъ, чтò вверху, на сѣняхъ, соборѣ былъ первымъ протопопомъ священникъ Василій Антипьевичъ Высоцкій.

Данилова монастыря, онъ истратилъ 91 р. 19 к.) Въ Петербургѣ же, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ имъ подписанъ Духовный Регламентъ. Въ 1726 г., Іюля 15, переведенъ онъ въ Троицко-Сергіеву Лавру на мѣсто Гавріила, назначеннаго въ Тверь епископомъ. Въ высочайшемъ указѣ при этомъ назначеніи въ Лавру, между прочимъ, сказано: „Надѣемся, что вы тотъ монастырь исправите и въ доброе состояніе приведете". Скончался Варлаамъ въ С.-Петербургѣ 25 Іюля 1737 году и погребенъ въ устроенной имъ Сергіевой пустыни.

Архимандритъ Варлаамъ пользовался особеннымъ расположеніемъ высочайшихъ особъ. Онъ былъ духовникомъ императрицъ Екатерины I и Анны Іоанновны, царевны Наталіи Алексѣевны и царевича Алексѣя Петровича. Въ 1732 г., въ Январѣ, онъ былъ съ императрицею въ Москвѣ и, по переѣздѣ ея въ С.-Петербургъ, имѣлъ постоянное пребываніе или въ Зимнемъ дворцѣ, или на Троицкомъ подворьѣ, что близъ Аничкова моста. Велъ онъ переписку съ императрицей Екатериной I, царицею Параскевою Θеодоровною, великими княжнами Натальею, Екатериной Алексѣевнами; царевной Екатериной Іоанновной, царевной Анной Іоанновной (впослѣдствіи царицею), царевной Параскевой Іоанновной. Но въ монастырскомъ архивѣ Данилова монастыря никакихъ рукописей архимандрита Варлаама, даже въ копіяхъ, не осталось.

Подробное описаніе Троице-Сергіевой пустыни вмѣстѣ съ біографіей основателя ея Варлаама предпринялъ было П. П. Яковлевъ. Намъ извѣстно, что онъ собралъ много новыхъ весьма интересныхъ матеріаловъ, касающихся жизни и дѣятельности архимандрита Варлаама. Къ сожалѣнію, работа его осталась неоконченной и гдѣ теперь находятся его рукописи, неизвѣстно. Отдѣльной книжки описанія Сергіевой пустыни тоже нѣтъ, если не считать весьма посредственнаго и очень устарѣлаго изданія, вышедшаго въ 1842 г. и составляющаго въ настоящее время почти библіографическую рѣдкость. Затѣмъ мной въ IV т. „Критико-біографическаго словаря" Венгерова были помѣщены біографическія свѣдѣнія о Варлаамѣ, какъ объ авторѣ слова на переложеніе мощей преп. Даніила Переяславскаго, говореннаго въ Троицкомъ соборѣ 16 Октября 1706 г. и друг. (при этомъ годъ рожденія Варлаама показанъ со словъ арх. Леонида такъ же невѣрно). „Исповѣданіе" же его мной было частію напечатано въ 3-мъ томѣ описанія рукописей Вахрамѣева. Кромѣ вышеприведенныхъ источниковъ есть еще любопытныя свѣдѣнія о Варлаамѣ у Пекарскаго (Наука и Лит. въ Россіи при Петрѣ Великомъ) по дѣлу Родышевскаго (стр. 504—505) и по вопросу о возстановленіи патріаршества, который поднятъ былъ управляющимъ С.-Петербургской типографіи Аврамовымъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Кандидатомъ на патріаршій престолъ намѣчался Варлаамъ Высоцкій. Въ 1710 г. Варлаамъ былъ назначенъ архимандритомъ богатѣйшаго въ то время въ епархіи Переяславскаго Даниловскаго монастыря (у него было 3153 души), который передъ этимъ обога-

тился щедрыми жертвами князя Ивана Петровича Барятинскаго [1]), скончавшагося и погребеннаго въ этой обители въ 1701 г. Будучи близко знакомъ съ царевнами и въ особенности съ царевной Натальей Алексѣевною, которая неоднократно его посѣщала, Варлаамъ велъ себя повидимому очень независимо и позволялъ себѣ совершать дѣла вопреки Духовнаго Регламента, такъ что, по доношенію оберъ-инквизитора Пафнутія, былъ взятъ въ Сунодъ и попалъ подъ слѣдствіе. Дѣло его могло кончиться весьма печально, если бы за него не заступились его духовная дочь, императрица Екатерина Алексѣевна и свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, который утишилъ гнѣвъ Преобразователя, не дававшаго въ такихъ дѣлахъ пощады. Благодаря такимъ сильнымъ ходатаямъ, Варлаамъ могъ подать черезъ императрицу, прямо въ руки Петра челобитную слѣдующаго содержанія [2]).

Всѣпресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ Всероссійскій Петръ Великій, отецъ отечествія, государь всемилостивѣйшій.

Въ нынѣшнемъ 1722-мъ году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, по доношенію оберъ-инквизитора Пафнутія, былъ я, нижайшій, взятъ въ Святѣйшій Правительствующій Духовный Синодъ и допрашиванъ о переносѣ мощей Корнилія и Данила, о чемъ явно въ ономъ его инквизитора доношеніи. А какъ переносили Корнилія изъ часовни, тогда я былъ бѣлымъ попомъ въ верху въ Рождественскомъ Соборѣ; а переносилъ по челобитью того монастыря строителя Андреяна съ братіею и по подписанію на той челобитной президента преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго и Муромскаго. И какъ ея высочеству, блаженной памяти государынѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, Никольскаго монастыря игуменъ Варлаамъ *) доносилъ словесно, что Корниліево тѣло нетлѣнно, только малая часть тлѣнна, и на груди у него мокроты было, и ту мокроту снялъ онъ игуменъ Варлаамъ и положилъ въ пузырекъ стеклянной и тою мокротою помазалъ слѣпой дѣвкѣ глаза, и отъ того стала видѣть, и съ того времени и государыня царевна изволила намѣреніе положить: какъ будутъ церковь святить, тогда бъ и гробъ Корнильевъ разрывъ осмотрѣть, какъ доносилъ Никольскій игуменъ Варлаамъ. И какъ церковь достроили, и изволила государыня царевна звать на священіе церкви онаго Рязанскаго митрополита, и онъ отказалъ за немощію, а велѣлъ онъ звать Ростовскаго митрополита Дмитрія, и при томъ изволила государыня царевна говорить, чтобъ и гробъ Корнильевъ осмотрѣть и перенести. И съ позволенія словеснаго онаго митрополита Рязанскаго изволила приказать, позвать митрополита

---

[1]) Вклады его оцѣнены по тогдашнимъ деньгамъ въ 20399 р.; кромѣ того и послѣ смерти кн. Ивана его наслѣдники продолжали жертвовать въ монастырь (А. Свирѣлинъ).

[2]) Варлаамъ, игуменъ Никольскаго, что на болотѣ, монастыря, который находится вблизи Борисоглѣбскаго монастыря.

Дмитрія. И бывъ церковь святилъ, и гробъ Корнильевъ раскрыть велѣли. И увидѣли то тѣло тлѣнно, одни кости и мало частей съ кожею, и призвали тоѐ дѣвку, про которую доносилъ ея высочеству Никольской игуменъ о слѣпотѣ и о исцѣленіи ея. И та дѣвка сказала ея высочеству, государынѣ царевнѣ и митрополиту Дмитрію, что была слѣпа, а стала видѣть отъ помазанія той мокроты, что̀ съ груди снята въ Корнильевѣ гробѣ, и у той дѣвки взята о томъ сказка за рукою брата ея дѣвки родного, Василья Теголева. И по той сказкѣ ея величество государыня царевна и митрополитъ Дмитрій и я почитали за святаго; а письменно оной митрополитъ хотѣлъ объявить государынѣ царевнѣ впредъ, только оставилъ, сочиня въ томъ монастырѣ тропарь да кондакъ. И послѣ того ея высочество указала столярамъ своимъ сдѣлать кипарисный гробъ и обить парчею. А митрополитъ Дмитрій приказалъ положить во оной новой гробъ священному чину и подъ тѣ кости велѣлъ сдѣлать бумажникъ *) и убрать, какъ и до нынѣ обрѣтается. И по тому убранію во гробѣ убранныя кости осмотрѣли ея высочество государыня царевна и митрополитъ Дмитрій и перенесли въ церковь и пѣли панихиду и поставили на мѣсто, идѣже до нынѣ обрѣтался въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. А я никакихъ притворныхъ чудесъ не писывалъ и никому не веливалъ, но кто объявлялъ письменно заручившій такую записку, того монастыря строителямъ принимать велѣлъ; въ своей простотѣ вмѣнялъ за истину.

А преподобнаго Данила преставленіе въ давнихъ лѣтахъ и по чудесамъ свидѣтельствовано, и служба сочинена истари, и во имя его церковь построена и въ Прологу житіе его напечатано Апрѣля 7 дня. И по позволенію ея высочество государыня царевна указала перенесть въ удобное мѣсто, понеже то мѣсто было тѣсно, гдѣ его мощи были, и я, богомолецъ вашъ, подалъ челобитную преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому, и на той челобитной его рукою помѣчено: «Преподобнаго Данила перенесть въ удобное мѣсто, гдѣ пристойно, въ славу Святыя Троицы». И потому я со священническимъ чиномъ, сѣнь и образъ и шитый покровъ съ гробницею деревянною сняли, и подъ тою гробницею выкладена могила кирпичная, надъ главою оставлено окно, и, разобравъ кирпичъ, обрѣли мощей кости, какъ человѣческое состояніе бываетъ, и выбравъ положили въ тотъ новый гробъ, перекладывая хлопчатою бумагою, въ виду митрополита Дмитрія, и опустили во гробницу старую и покрыли тѣмъ же образомъ и покровомъ шитымъ, и поставили, идѣже обрѣтается нынѣ,

*) Т. е. подложить хлопчатой бумагой.

и на брадѣ прикладывали по прежнему на гробницѣ образъ преподобнаго Данила и почитали за святаго.

А въ Ѳедоровскомъ монастырѣ разбирали ветхую, каменную церковь, въ которой былъ положенъ того монастыря строитель Сергій; а какъ разбирали, означился гробъ, а въ немъ обвитъ мантіею, какъ монаховъ къ погребенію устрояютъ, и я вынялъ изъ того мѣста и поставилъ въ другую церковь въ стѣнѣ, а оной гробъ поставилъ въ церковь же, безъ архіерейскаго благословенія, не почитая за святаго по своей простотѣ.

Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего императорскаго величества, вели, государь, для своего многолѣтняго здравія, которое моею простотою есть погрѣшеніе, тѣ мои вины въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Духовномъ Синодѣ отпустить. Вашего императорскаго величества, нижайшій богомолецъ, Переяславля Залѣсскаго Данилова монастыря архимандритъ Варлаамъ 1722 году, Маія въ день.

На этой челобитной рукой императора Петра І-го сдѣлана слѣдующая надпись:

«По сей челобитной, въ первыхъ двухъ, то есть о Даниле и Корниліи, вины нѣтъ, понеже митрополитомъ то чинилось; а о строителѣ, хотя за святаго не почиталъ, однакожъ отмѣну подобную святымъ чинивъ безъ воли архіерейской,—вина есть. Но понеже сіе дѣлалъ прежде Духовнаго Регламента и въ такое время, что симъ вездѣ изгнано, того ради и сію вину отпустить, и сіе учинить святѣйшему Сvноду по силѣ сего».

«Сіе объявилъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ въ Святѣйшемъ Сvнодѣ Марта 18 дня 1722 года».

Въ этой челобитной Варлаамъ довольно хитро ссылается на словесныя распоряженія давно уже отшедшихъ въ вѣчность царевны Натальи Алексѣевны (ум. 1716) и Ростовскаго митрополита Димитрія (ум. 1709). Но послѣдняя ссылка явно несправедлива. Святитель оставилъ послѣ своей смерти Діаріумъ или Дневныя записки (1668—1709), неоднократно напечатанныя. Въ этихъ запискахъ за всё время пребыванія своего на Ростовской каѳедрѣ (1702—1709 г.) митрополитъ не упоминаетъ этого выдающагося событія, равно какъ и освященія имъ въ чужой епархіи церкви въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Между тѣмъ въ Діаріумѣ онъ отмѣчаетъ о служеніяхъ во многихъ церквахъ, а также и о прибытіи въ Ростовъ царевны Натальи Алексѣевны въ 1709 г. на освященіе церкви въ Авраамієвскомъ монастырѣ. Притомъ же Переяславль и не принадлежалъ къ Ростовской митрополіи. Но какъ бы то ни было, въ виду такой резолюціи государя, Св. Сvнодъ 18-го

Марта того же 1722 года, прекратя начатое дѣло, составилъ опредѣленіе, чтобы разослать во всѣ епархіи указы, каковое опредѣленіе и было подписано такъ: Стефанъ митрополитъ Рязанскій, Θеодосій архіепископъ Новгородскій и архимандритъ Александровскій, Θеофанъ архіепископъ Псковскій, Гавріилъ архимандритъ Ипатскій, Геронтій архимандритъ Новоспасскій, Θеофилактъ архимандритъ Спасскій; Аθанасій игуменъ Толгскій, Варлаамъ игуменъ Угрѣшскій. Оберъ-секретарь Тимоθей Палехинъ. Самый же указъ былъ слѣдующаго содержанія.

«Марта 18 дня 1722 года, по указу его императорскаго величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ имѣли разсужденіе о обрѣтающихся въ церквахъ во гробѣхъ положенныхъ, подъ именемъ святыхъ мощей, колодахъ, которыя и отъ народа за истинныя мощи почитаемы суть, и разсужденіе приговорили: гдѣ таковыя колоды нынѣ обрѣтаются, и тѣ изъ гробовъ вынимать при народномъ собраніи, дабы о томъ народъ былъ извѣстенъ и безсомнителенъ, для чего сочинить и увѣщаніе съ примѣру таково, каково сочинено обрѣтающемуся при Переяславлѣ Залѣсскомъ Данилова монастыря архимандриту Варлааму о мнимыхъ якобы нѣкоторыхъ святыхъ мощахъ, а по свидѣтельству отнюдь не явилось, и, напечатавъ, послать изъ Сѵнода при указѣхъ въ духовную дикастерію и во всѣ епархіи ко архіереемъ, и прежде онаго тѣхъ колодъ выниманія оное увѣщаніе читать при народѣ во услышаніе всѣмъ, что то весьма чинено было закону Божію противно. Секретарь Михайло Дудинъ. Протоколистъ Иванъ Орловъ».

Этотъ указъ Сѵнода былъ „печатный", что видно изъ слѣдующаго за нимъ указа Сѵнода отъ 20 Марта 1722 г., посланнаго въ типографію за скрѣпою оберъ-секретаря Тимоθея Палехина, въ которомъ повелѣно того Правительствующаго Сѵнода совѣтнику школъ и типографіи протектору Ипатскаго монастыря архимандриту Гавріилу по приложенной при семъ указѣ формѣ въ Московской типографіи напечатать 50 указовъ и напечатавъ прислать въ Св. Прав. Сѵнодъ для разсылки въ разныя епархіи ко архіереемъ немедленно.

Вслѣдствіе этого указа архимандритомъ Варлаамомъ было прочитано слѣдующее исповѣданіе, разосланное потомъ при вышеупомянутомъ указѣ по всѣмъ епархіямъ.

ИСПОВѢДАНІЕ ВАРЛААМА*).

Азъ, нижеименованный, исповѣдую Господу Богу вся вѣдущему и объявляю всему народу содѣянное мною на соблазнъ благочестивыхъ и на неизвѣстную имъ прелесть согрѣшеніе, которое хотя уже и по изслѣдованію, отъ святѣйшаго правительствующаго сѵнода учиненному,

*) Списано слово въ слово.

показалось, однакожъ да вѣроятнѣе отъ самоустнаго моего изъявленія всѣмъ будетъ. Исповѣдуя изъявляю, что азъ суетный Борисоглѣбскаго при Переславлѣ Залѣсскомъ обрѣтающагося монастыря умершаго схимонаха Корнилія, который отъ церкве къ числу святыхъ не пріобщенъ и, каково святымъ чествованіе иконнымъ изображеніемъ и призываніемъ въ молитвахъ и пѣніемъ молебнымъ бываетъ, того не удостоенъ, почиталъ дерзостію моею и малоразсудствомъ за святаго и именовалъ вездѣ святымъ, и персону его по подобію святыхъ въ вѣнцѣ иконникомъ писать велѣлъ, и нѣкоторыя его, Корниліевы, отпадшіе отъ прочихъ кости къ мощемъ святыхъ приложилъ, и тѣ кости и малѣйшія мантіи его части въ ковчегѣ содержалъ, и за святыню почиталъ, и на память его преподобническую службу и молебны ему отправлялъ, и прочимъ священно-служителямъ отправлять приказывалъ, и тѣмъ подалъ многимъ вину такова чествованія, какова чинить было не должно: ибо о томъ же Корниліи, кромѣ единаго дня памяти ево, впрочіе времена, а наипаче отъ приходящихъ простаго народа людей, которые по оному чествованію безъ всякаго сумнѣнія имѣли его за святаго, и не просто за святаго, но и за чюдотворца, и приходили съ требованіемъ болѣзней исцѣленія, аки бы чрезъ ево молитву получаемаго; пѣты были тогда при гробѣ ево понахиды, прошеніе творится не о приходящихъ, но о самомъ томъ лежащемъ, дабы Господь Богъ тому, въ понахидѣ вспоминаемому, грѣховъ далъ оставленіе, а не приходящимъ каковое-либо даровалъ здравіе. И хотя за симъ понахиды употребленіемъ, гдѣ онъ, Корнилій, грѣшникомъ воспоминается, не подобало бы уже ево никогда святымъ именовать, и когда мы сами оставленіе ему грѣховъ просимъ, неприлично бы паче же и небезгрѣшно ево о молитвѣ за другихъ просить, однакожъ неразсудная дерзость привела мене и послѣдующихъ мнѣ на то, что не устыдились, ниже усумнѣлись, воедино и тожде время единаго человѣка и грѣшникомъ нарицать и святымъ именовать; ибо при такомъ понахидѣ отправленіи, гдѣ онъ, Корнилій, грѣшникомъ нарицается, читали сочиненные, яко святому, и тропарь, и кондакъ, гдѣ уже святымъ именуется; въ чемъ, какъ нынѣ, по наставленію святѣйшаго правительствующаго синода, усмотрѣлъ, явное было заблужденіе и истинѣ противное, но смѣху паче достойное дѣйство; ибо молившися о немъ въ тотъ часъ и самого ево молимъ, что и совѣсть, какъ нынѣ видно, зазирать можетъ, а инославнымъ есть важный чрезъ то къ неизвинительной на благочестіе укоризнѣ способъ, а православнымъ изъ того явное прегрѣшеніе. Но простолюдины, во оной монастырь приходящіе, взирающе на насъ, яко писаніе знающихъ, и не чающе никакому въ насъ быти заблужденію и суевѣрію, и не испытующе ни о чемъ нами дѣйствуе-

момъ, но во всемъ безъ сомнѣнія и безъ всякого разсужденія послѣдующе, паче же отъ незнанія своего и простосердечія увѣрившеся иконному персоны ево Корниліевой изображенію, моимъ поползновеніемъ самовольно и дерзостно въ народъ пущенному; и видяще гробъ ево Корниліевъ добрѣ по подобію учреждаемаго при тѣлесахъ святыхъ убранства украшенъ, а наипаче слышаще разглашаемыя отъ мене и отъ прочихъ того монастыря обывателей аки бы истинные его чюдеса, и услаждающеся раздаваемою имъ святою, съ елеемъ смѣшанною водою, за истекающее отъ него миро, со многимъ говѣніемъ пріемлемою, вмѣняли и понахиды за молебны и бывшее не отъ ихъ исцѣленіи и ползѣ, но о его грѣховъ оставленіи моленіе причитали за приносимое о нихъ прошеніе, и отъ неразсуднаго своего усердія церковнымъ служителемъ за тѣ оономъ Корниліи, а не о родителѣхъ ихъ, ни о сродникахъ пѣваемыя понахиды, давали денги, яко бы за отправляемые о требованіи ихъ молебны. И ко оному нашему разглашенію нѣкоторые изъ тѣхъ приходящихъ придавали и свое нѣкакихъ чюдесъ, аки бы чрезъ него Корнилія получаемыхъ, свидѣтельство, которое, по учиненному нынѣ отъ святѣйшаго правительствующаго сѵнода доволному и достовѣрному изслѣдованію, не въ такой явилось силѣ, а нѣкоторые мнимые и въ народъ уже разглашенные чюдеса показались и весма ложны. Азъ же суетный, легкомысліемъ моимъ и содержащеюся во мнѣ не по разуму ревностію, тщася чрезъ вышеозначенное онаго Корнилія чествованіе и всегдашнее простолюдиновъ прихожденіе и доволную отъ нихъ дачю, оной монастырь обогатить и распространить, что̀ уже и въ дѣйствѣ показалось, къ томужъ полстился и своему имени нескорозабытную по себѣ оставить память, о всемъ вышеобъявленномъ радовался, и о разглашаемыхъ отъ простолюдиновъ, аки бы истинныхъ его Корниліевыхъ чюдесахъ не испытовалъ по должности моей опасно совершенноль тѣ чюдеса истинные и не суть ли ложные, или и случаи, токмо за чюдеса вмѣняемые, и не токмо того, что было, весма должно не испытывалъ, но и сего еще, что̀ самое важнѣйшее есть не разсуждалъ, что и исцѣленіе болящимъ бываетъ отъ Самого чюдодѣющаго Бога по вѣрѣ просящихъ: ибо всякъ вѣрующій въ Бога воспріемлетъ въ скорбѣхъ цѣлбы, по реченному во евангеліи словеси Господню: «вся возможна суть вѣрующему». Но азъ неразсудный вся та, чтобы кто изъ приходящихъ во оной монастырь и отъ Бога (безъ Него же никто же творити что можетъ) по вѣрѣ своей получилъ, или и по случаю кому что отмѣнное прилучилось, причиталъ къ молитвамъ онаго Корнилія, которому и самому еще въ понахидахъ оставленія грѣховъ просилъ; а въ такой неразсудности безъ всякаго сомнѣнія имѣлъ и почиталъ и прославлялъ за

святаго, не выразумѣвъ того, что мнимыхъ чюдотворцевъ такъ, яко совершенно святыхъ, почитать не подобаетъ и церкви святѣй нужды въ томъ нѣтъ. А понеже оное чествованіе зѣло дерзостно и неразсудно, паче же суевѣрно, азъ суетный учинилъ и тѣмъ многихъ на такое погрѣшительное чествованіе привелъ и весьма соблазнилъ. Того ради исповѣдую сіе предъ всѣми чистою моею и незазрѣнною совѣстію, дабы всякъ въ вышеозначенномъ отъ невѣдѣнія соблазнившійся отнынѣ совершенно зналъ, что оное почитаніе соблазнъ былъ явный и грѣхъ немалый; и зная сіе, непочитаемыхъ отъ церквей самоволно не почиталъ.

При семъ же и еще исповѣдую, что въ 1716 году вознамѣрився азъ, по суетной моей дерзости, выкопать изъ земли погребенные въ Переславскомъ Даниловѣ монастырѣ, гдѣ я настоятелемъ обрѣтаюся, мощи преподобнаго Даніила Переяславскаго и внести въ церковь, предлагалъ правившему тогда патріаршу область, нынѣ же въ святѣйшемъ правительствующемъ сѵнодѣ президентомъ обрѣтающемуся, преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому, письменное прошеніе съ такимъ объявленіемъ, будто тѣ мощи въ предѣлѣ при соборной церкви лежатъ въ ракѣ близъ святаго алтаря въ утѣсненіи, а тѣ мощи въ таковѣ мѣстѣ тогда не были и въ ракѣ не содержалися, но отъ давнихъ лѣтъ, какъ еще въ прошломъ 7161 году, выняты были для свидѣтельства Іоною, митрополитомъ Ростовскимъ, и понеже переносить ихъ безъ указу ему было не велѣно, паки въ тожъ мѣсто, гдѣ были, въ землю во гробѣ положены, лежали и по то время подъ спудомъ. А во ономъ моемъ прошеніи того я не означилъ, но написалъ тѣ мощи въ ракѣ содержащимися, дабы по намѣренію моему желаемой указъ получить могъ; которой (указъ) такимъ прошеніемъ, яко ухищренною обманою, и получилъ, и вынялъ изъ земли человѣческія весма распавшіяся кости подъ именемъ ево Даніиловыхъ мощей, и вынявъ положилъ въ раку и об(в)язавъ тамо ихъ въ мантіи поясомъ, положилъ въ подглавіе подушку новую, а вмѣсто груди и рукъ и ногъ наложилъ доволно бумаги хлопчатой и башмаки ветхія приложилъ, и съ тѣмъ поставилъ оную раку въ церкви, аки бы нетлѣнные святаго мощи отъ мѣста на мѣсто пренесенныя; и тѣмъ костѣмъ чествованіе отдавалъ, какъ свидѣтельствованнымъ отъ церкви святаго мощемъ, и протчихъ того монастыря обывателей, также и приходящихъ разночинцевъ до таковажъ чествованія привелъ, и тѣмъ многихъ соблазнилъ.

Къ сему же еще и иную дерзость азъ суетный учинилъ, а имянно: въ Ѳедоровскомъ, что при Переяславлѣ-жъ Залѣсскомъ дѣвичемъ мона-

стырѣ выкопалъ изъ земли гробъ съ погребенными въ немъ того монастыря строителя іеромонаха Сергія костми, внесъ въ церковь и поставилъ въ стѣнѣ съ подобною святымъ отмѣною, гдѣ уже и понахиды ему пѣты, которыя были бъ со временемъ и молебству подобны, и чествованію виновны, какъ и при гробѣ вышепомянутаго Корнилія чинено.

И за таковую мою многую дерзость и учиненной народу соблазнъ и суевѣріе повиненъ азъ суетный, какъ самъ признаваю, церковной по святымъ правиломъ клятвѣ и жестокой по государственнымъ правамъ казни, и хотя высокодостохвальнымъ его величества всепресвѣтлѣйшаго и высокодержавнѣйшаго государя нашего Петра, великаго императора и самодержца всероссійскаго милосердіемъ и многомощнымъ ея цесаревина величества всемилостивѣйшей великой государыни императрицы Екатерины Алексѣевны заступленіемъ и собственноручнымъ его императорскаго величества на повинномъ моемъ прошеніи подписаніемъ оная моя толь важная вина, паче моего чаянія, отпущена, и отъ святѣйшаго правительствующаго сѵнода по тому его императорскаго величества собственноручному подписанію нѣкоторыхъ ради высокосклонныхъ резоновъ милостивое на всепокорную мою прозбу дано въ ономъ прощеніе; однакожъ я, понеже многихъ, а паипаче здѣшнихъ обывателей весма вышеозначенною моею дерзостію и суевѣріемъ соблазнилъ, и до толикаго грѣха привелъ, признаваю и предъ всѣми соблазнившимися весма въ томъ винна и прошу отъ васъ православніи слушателіе и отъ протчихъ, хотя здѣ нынѣ и не прилучившихся, но вышеобъявленнымъ моимъ соблазномъ утружденныхъ, снисходительнаго во ономъ моемъ погрѣшеніи прощенія, да не останусь ни подъ чьею клятвою и не сумнителенъ буду въ полученіи и отъ Всемилостиваго Бога прощенія, чего усердно требуя и истинно вся вышеписанная исповѣдуя, заключаю сіе рукою моею недостойный архимандритъ Варлаамъ. Іюня 10 дня 1722 года.

Послѣ такой, публично произнесенной, исповѣди Варлаамъ жилъ уже въ Переяславлѣ „нешумно", опасаясь строгаго смотрѣнія оберъ-инквизитора Пафнутія. Но скоро звѣзда его засіяла новымъ блескомъ. Осыпанный почестями, намѣчаемый даже на патріаршій престолъ, онъ скончался „въ старости маститой", оплаканный императрицей Анною Іоанновной и ея придворными, многіе потомки которыхъ находятъ себѣ вѣчное упокоеніе въ основанной имъ близъ Петербурга Сергіевой пустыни.

А. Титовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БОГДАНА ТЬЕБО.

Богданъ (Dieudonné) Тьебо (Thiébault) (1733—1807) получилъ образованіе въ іезуитскихъ коллегіяхъ и нѣкоторое время (до 1762 года) былъ членомъ этого ордена, не принимая однако священническаго сана. За тѣмъ онъ изучалъ право. Пріобрѣтя извѣстность, какъ писатель, Тьебо, по представительству д'Аламбера и д'Оливе, получилъ каѳедру въ Берлинской военной школѣ. Скоро онъ пріобрѣлъ полную довѣренность Фридриха II-го, докладывалъ въ Академіи то, что король туда посылалъ, помогалъ ему въ литературныхъ работахъ и наблюдалъ за изданіемъ всего, отдаваемаго королемъ въ печать. Двадцать лѣтъ прожилъ Тьебо въ такой близости съ Фридрихомъ, былъ сдѣланъ членомъ Берлинской Академіи и получилъ пенсію. Въ 1787 году Тьебо вернулся на родину и занималъ довольно видныя положенія, какъ въ королевской, такъ въ революціонной и Наполеоновской Франціи. Писалъ онъ много, и сочиненія его очень разнообразны. Отдѣльное изданіе его Воспоминаній вышло въ Парижѣ въ 1804 году, въ 5 томахъ, подъ заглавіемъ: „Мои воспоминанія о двадцатилѣтнемъ пребываніи въ Берлинѣ или Фридрихъ Великій, его семейство, дворъ, управленіе и т. д.“ Въ слѣдующемъ году появилось второе изданіе „исправленное и дополненное“. Здѣсь предлагаются выдержки изъ III-го тома этихъ воспоминаній, гдѣ рѣчь идетъ о Россіи и Русскихъ.

Цесаревичъ Павелъ въ Пруссіи.

Не знаю, каковы были тонкія и глубокія политическія соображенія, которыя побудили Русскую императрицу отправить своего сына въ Берлинъ для выбора себѣ супруги; но только въ концѣ Іюня 1776 года къ намъ прибылъ со своими тремя дочерьми маркграфъ Гессенъ-Дармштадтскій, котораго Фридрихъ называлъ достойнымъ человѣкомъ. Въ тоже время генералъ Лентулусъ, который ѣхалъ впереди великаго князя *), явился въ Мемель, чтобы отсюда, выбравъ окончательно его путь, заготовить для него все нужное вплоть до самаго Прусскаго двора, гдѣ ему предстояло избрать себѣ ту изъ трехъ се-

*) Т. е. Павла Петровича. Тьебо перепутываетъ обстоятельства перваго брака Павла Петровича со вторымъ.

стеръ, которая придется болѣе по душѣ. Были употреблены всѣ усилія, чтобы путь его былъ сплошнымъ рядомъ празднествъ, по крайней мѣрѣ насколько то позволяла суровая простота мѣстныхъ нравовъ и скудость въ средствахъ устраивать и разнообразить зрѣлища. Въѣздъ его въ Берлинъ совершился въ прекрасную погоду, часа въ три или четыре пополудни. У городскихъ воротъ и на Королевскомъ мосту около дворца были воздвигнуты тріумфальныя арки изъ зелени, повсюду были цвѣты, повсюду многочисленные кортежи, какъ пѣшкомъ, такъ на коняхъ и въ экипажахъ. Не жалѣли ничего: для великаго князя исправили старинный фаэтонъ, золоченный сверху до низу, и другія коляски временъ Фридриха Перваго, которыя въ теченіе пятидесяти лѣтъ оставляли гнить безъ вниманія. Во всемъ обнаруживались безсильныя и неумѣлыя попытки блеснуть пышностью.

Я былъ представленъ великому князю въ его покояхъ Русскимъ посломъ; второй разъ видѣлъ я его вмѣстѣ съ моими сотоварищами и собратьями при посѣщеніи имъ Академіи и, наконецъ, въ военно-гражданской школѣ, когда онъ пріѣзжалъ туда. Форми и Борелли обращались къ нему съ самыми льстивыми привѣтствіями, но онъ никому и ничѣмъ не выразилъ своего удовлетворенія. При своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга онъ получилъ два полныхъ ларца съ драгоцѣнными каменьями для подарковъ, но увезъ ихъ обратно, оба полными. Случилось это, какъ кажется, не потому, чтобы ему непріятно было раздавать подарки, а потому, что имъ руководили фельдмаршалъ Румянцовъ и графъ Салтыковъ; оба они считались людьми скупыми, и кромѣ того естественно могли предполагать, что, препятствуя великому князю пріобрѣтать себѣ друзей, они тайнымъ образомъ дѣлали угодное его матери.

Если невозможно было слишкомъ хвалить щедрость великаго князя, то по крайней мѣрѣ всѣ были удивлены его способомъ отвѣчать на привѣтствія. Вообще говоря, великіе міра сего мало сгибаются, отдавая поклонъ; они предоставляютъ намъ, малымъ, гнуть спину; но по крайней мѣрѣ они хоть немного склоняютъ голову. Великій же князь дѣлалъ совершенно противоположное: бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, онъ, ни на мигъ не согнувъ шеи, подымалъ голову еще выше; однимъ словомъ, онъ позволялъ себѣ только вторую половину поклона, который такимъ образомъ становился у него похожимъ на какое-то повелѣніе. Прибавлю еще, что говорилъ онъ очень мало и что ни одного изъ его выраженій не приходилось пересказывать.

Когда онъ отправился въ Потсдамъ, Фридрихъ приказалъ устроить на его пути, и именно для него, маневры, выполненные превосходно [1]). Желали особенно, чтобы на нихъ присутствовалъ и ихъ наблюдалъ фельдмаршалъ Румянцовъ, который и казался ими восхищеннымъ. Въ нѣкоторомъ удивленіи, возбужденномъ ими, онъ сказалъ, обращаясь къ одному изъ Прусскихъ генераловъ: «Маневры—великолѣпны, но мнѣ кажется, что они изображаютъ какой-то замѣчательный подвигъ древности; скажите мнѣ, пожалуйста, подражаніе ли это военнымъ дѣйствіямъ Александра Великаго, или Ганнибала, или Цезаря». Прусскій генералъ былъ въ затрудненіи, что̀ отвѣчать; онъ не могъ найти словъ, какъ объяснить гостю, не оскорбляя его, что эти маневры были изображеніемъ тѣхъ двухъ большихъ сраженій, данныхъ самимъ Румянцовымъ Туркамъ, которыми въ послѣднюю войну онъ такъ окончательно сокрушилъ ихъ силы. Со стороны Фридриха такой выборъ былъ тонкой и льстивой любезностью. Извѣстно, что этотъ промахъ Русскаго генерала сдѣлался во всѣхъ Прусскихъ военныхъ кругахъ любимымъ анекдотомъ [2]).

Когда настал̀ъ день отъѣзда великаго князя, Фридрихъ явился въ Берлинъ, чтобы съ нимъ попрощаться; это было въ Воскресенье. При дворѣ былъ данъ большой ужинъ, на которомъ подавалась золотая посуда. Было невѣроятно жарко, а число любопытныхъ, толпившихся въ столовой, такъ велико, что всѣ задыхались. Фридрихъ приказалъ удалить зрителей. Но въ тоже время онъ различилъ въ толпѣ двухъ человѣкъ, въ которыхъ призналъ иностранцевъ и послалъ имъ сказать, что приказаніе къ нимъ не относится и что они могутъ остаться. Эти два человѣка были скульпторъ Пигаль и какой-то Французскій офицеръ изъ Страсбургскаго гарнизона.

Желая блеснуть пышностью передъ Русскимъ великимъ княземъ, Фридрихъ, однако, не забывалъ своихъ правилъ бережливости. Онъ

[1]) Въ другомъ мѣстѣ книги говорится: Привычка и любовь къ работѣ и свободѣ сдѣлали для Фридриха уединеніе до такой степени дорогимъ и необходимымъ, что онъ старался какъ можно меньшее время удерживать близъ себя своихъ родственниковъ или иностранныхъ принцевъ, дѣлавшихъ ему посѣщеніе, хотя бы и очень радъ былъ ихъ видѣть... Не смотря на эту жажду одиночества, ему случалось со всей возможной любезностью приносить ее въ жертву, когда того требовала вѣжливость или политика. Такъ великаго князя (Павла Петровича) онъ удержалъ въ Потсдамѣ нѣсколько дней и раза два пріѣзжалъ повидаться съ нимъ въ Берлинъ. Впрочемъ, онъ воспользовался этимъ, чтобы устроить при случаѣ прекрасные маневры, давшіе войскамъ полезнѣйшія упражненія.

[2]) Въ Румянцовскомъ Музеѣ, на входной лѣстницѣ, находится большая прекрасно исполненная картина, изображающая эти манёвры.

подробно разсмотрѣлъ докладъ о расходахъ, сдѣланныхъ лично Лентулусомъ или по его приказанію. Нашелъ онъ ихъ слишкомъ большими, а самый докладъ недостаточно вѣрнымъ; генералъ былъ принятъ дурно и вскорѣ долженъ былъ вернуться на свою родину, въ Швейцарію. Когда оберъ-шталмейстеръ получилъ приказъ быстро и хорошо исправить старые коляски и фаэтоны и всю золоченую сбрую временъ Фридриха Перваго, онъ сначала составилъ смѣту по этимъ работамъ и сообщилъ королю, что онѣ будутъ стоить по меньшей мѣрѣ десять тысячъ экю. Фридрихъ возразилъ ему: «Я знаю, что ваше сіятельство любитъ щедрость и великолѣпіе, но я свожу концы съ концами только благодаря бережливости». Въ концѣ концовъ бѣдный оберъ-шталмейстеръ долженъ былъ ухитриться сдѣлать всѣ требуемыя обстоятельствами работы почти за половину назначенной цѣны.

Дидро̀ въ Петербургѣ.

Въ свое время всѣмъ было извѣстно путешествіе Дидро въ Россію. Утверждали, что первымъ выразилъ желаніе поѣхать въ Россію онъ самъ, а вовсе не императрица; что онъ поручилъ князю Голицыну, своему другу, Русскому посланнику въ Парижѣ, переговорить съ государыней и выразить ей то волненіе, съ какимъ онъ принесетъ къ ея ногамъ дань удивленія, благодарности и преданности. Она же отвѣчала просто, что будетъ рада видѣть г. Дидро, если онъ посѣтитъ Петербургъ. Сверхъ того Дидро будто бы ѣхалъ съ другимъ Русскимъ княземъ, который взялъ на себя всѣ расходы по путешествію. Съ самаго дня своего пріѣзда Дидро былъ принятъ очень хорошо, и всѣ расходы по его жизни въ Петербургѣ были взяты на свой счетъ императрицей, которую онъ немало забавлялъ неисчерпаемостью и пылкостью воображенія, богатствомъ и своеобразностью мыслей, ревностью, смѣлостью и краснорѣчіемъ, съ какими онъ всенародно проповѣдовалъ безбожіе. Не смотря на то, нѣсколько старыхъ фаворитовъ, болѣе опытныхъ и легче поддающихся тревогѣ, указали этой самодержавной государынѣ, и убѣдили ее, что подобная проповѣдь можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія, особенно при дворѣ, гдѣ было такъ много молодежи, занимавшей самыя видныя положенія въ государствѣ, которая встрѣчала это ученіе скорѣе жаднымъ любопытствомъ, чѣмъ критической повѣркой. Императрица, желая съ тѣхъ поръ, чтобы Дидро принужденъ былъ прекратить свои разсужденія по этимъ вопросамъ, ни въ какомъ случаѣ, однако, не хотѣла, чтобы въ этомъ чувствовалось ея вліяніе или чтобы при этомъ было оказано давленіе со стороны властей. Тогда Французскому философу

было сообщено, что одинъ Русскій мыслитель, ученый математикъ и почетный членъ Академіи, намѣренъ представить ему при полномъ собраніи двора алгебраическое доказательство бытія Божія. Дидро заявилъ, что онъ очень радъ выслушать подобное доказательство, хотя въ возможность его онъ вовсе не вѣрилъ. Былъ назначенъ для его удовлетворенія день и часъ. Въ назначенное время, въ присутствіи всего двора, т. е. мужчинъ и особенно молодыхъ людей, Русскій мыслитель самоувѣренно подошелъ къ Французскому философу и сказалъ ему убѣжденнымъ голосомъ: «Милостивый государь, $\frac{a + b^n}{z} = x$, слѣдовательно Богъ существуетъ; возражайте». Дидро хотѣлъ было указать на безсмысленность и ничтожество этого мнимаго доказательства, но противъ воли пришелъ въ замѣшательство, которое всегда испытываемъ, замѣчая въ другихъ намѣреніе посмѣяться надъ нами, и не избѣжалъ насмѣшекъ, которыми всѣ готовы были его встрѣтить. Этотъ случай заставилъ его опасаться другихъ подобныхъ приключеній, и онъ вскорѣ послѣ того выразилъ желаніе возвратиться во Францію. Императрица объявила, что хочетъ взять на себя расходы по его путешествію, и онъ, получивъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, пустился въ путь. Когда же случилось такъ, что его экипажъ сломался неподалеку отъ Риги, онъ получилъ отъ губернатора этого города еще на расходы починки. Я не утверждаю подлинности ни одного изъ этихъ случаевъ; говорю только, что въ свое время жители Сѣвера пересказывали ихъ и принимали, какъ достовѣрные.

Поѣздки въ Россію Бюффона-сына и Ларивьера.

Путешествіе въ Россію Дидро напоминаетъ мнѣ о двухъ другихъ, впрочемъ не болѣе замѣчательныхъ. Императрица любила ласкать знаменитыхъ людей, потому что это увеличивало ея собственное значеніе, и велѣла передать Бюффону, что, не имѣя возможности надѣяться лично увидать его, она желала бы по крайней мѣрѣ получить его бюстъ. Бюффонъ послалъ его, и думалъ оказать чудо вѣжливости, поручивъ поднести его своему сыну.

Всѣ придворные и вѣстовщики соглашались въ свое время, что молодой Бюффонъ былъ принятъ очень ласково. Но его поведеніемъ и заведенными имъ знакомствами остались мало довольны, такъ что всѣ остались при томъ убѣжденіи, что изъ двухъ изображеній своей личности, какія Бюффонъ послалъ въ Петербургъ, болѣе похожимъ и болѣе стоющимъ было мраморное. Молодой Бюффонъ возвращался черезъ Берлинъ и останавливался тамъ на нѣсколько дней; онъ не про-

извелъ здѣсь никакого впечатлѣнія. Король вовсе не говорилъ о немъ, да врядъ ли и видѣлъ его.

Второй изъ тѣхъ двухъ путешественниковъ, о которыхъ я хотѣлъ говорить, былъ г. де-Ларивьеръ, служившій прежде интендантомъ въ Иль-де-Франсѣ, почетный совѣтникъ Парижскаго парламента, очень извѣстный экономистъ и авторъ сочиненія подъ заглавіемъ: «О естественномъ устройствѣ общества» (De l'ordre naturel et essentiel des sociétés). То былъ человѣкъ тонкаго́ ума, красивой наружности, живой, котораго еще пріятнѣе было слушать, чѣмъ читать. Ларивьеръ познакомился съ княземъ Голицынымъ, Русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, незадолго передъ тѣмъ, какъ Екатерина Вторая, соперничая, насколько была въ состояніи, съ Фридрихомъ Вторымъ, рѣшила дать своей громадной имперіи новый сводъ законовъ. Естественно, однако, что она не довѣряла своимъ собственнымъ познаніямъ въ столь обширномъ и важномъ дѣлѣ, хотя она и усѣяла замѣчаніями экземпляры «Духа Законовъ» Монтескье и «Наставленія къ политикѣ» барона Бильфельда, бывшіе у нея постоянно на глазахъ въ ея личной библіотекѣ *). Тогда она обратилась къ князю Голицыну съ вопросомъ, не можетъ ли онъ доставить ей на время помощь дѣйствительно выдающагося человѣка, достойнаго довѣрія въ этой отрасли знаній. Князь предложилъ ей г. де-Ларивьера, превознося его достоинства. Договоръ былъ заключенъ на томъ условіи, что Ларивьеръ обязался пріѣхать въ Петербургъ къ Императрицѣ раньше того времени, на которое она назначила въ Москвѣ собраніе депутатовъ отъ всѣхъ губерній. При его отъѣздѣ г-жа де-Мор..., очаровательная и любезная особа, связанная съ Ларивьеромъ узами очень короткой дружбы, не рѣшалась предоставить его одного опасностямъ столь долгаго путешествія. Но и г-жа де-Ларивьеръ выказала не меньшую заботливость о здоровьѣ своего мужа. Этотъ, въ свою очередь, не нашелъ въ себѣ силъ бороться съ такими выраженіями искренняго чувства. И вотъ они пустились въ путь втроемъ.

Они прибыли въ Берлинъ, гдѣ я имѣлъ честь нѣсколько разъ видѣть ихъ, и оставались въ немъ больше мѣсяца, набираясь отваги для того, чтобы углубиться далѣе на Сѣверъ; Императрица же, захотѣвшая видѣть Ларивьера затѣмъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о томъ проектѣ свода законовъ (Наказъ), который она хотѣла представить собранію Русскихъ депутатовъ, теряла терпѣніе и начинала сердиться. Когда, наконецъ, оставалось уже очень мало времени до дня, назначеннаго для открытія штатовъ, она отправилась въ Москву съ

*) Гдѣ эти замѣчанія? П. Б.

своимъ проектомъ, открыла собраніе въ назначенный день и передала проектъ депутатамъ. Ларивьеръ прибылъ въ Петербургъ черезъ семь или восемь дней послѣ отъѣзда Императрицы и никакого приказа относительно себя не нашелъ. Когда онъ выразилъ желаніе тотчасъ же ѣхать въ Москву, ему отвѣчали, что это невозможно. О пріѣздѣ его сдѣлано было донесеніе, а возвратный курьеръ привезъ ему только приказъ дожидаться тамъ, гдѣ онъ былъ. Такъ прошелъ для него и для его дамъ добрый мѣсяцъ нетерпѣнія и скуки, не считая запоздалыхъ раздумій и безполезныхъ сожалѣній.

Желая развлечься, дамы упросили Ларивьера повезти ихъ въ маскарадъ, который давался въ театрѣ. Ихъ узнали, и разныя переодѣтыя лица стали къ нимъ довольно невѣжливо приставать. Дѣло зашло такъ далеко, что имъ оставалось только немедленно уѣхать. Къ довершенію несчастья, они занялись разысканіями, и показалось имъ, что они открыли преднамѣренный уговоръ въ средѣ лицъ, занимающихъ значительное положеніе въ обществѣ. Они жаловались съ такимъ шумомъ, что это немало увеличило число ихъ непріятелей. Возвращеніе Императрицы не произвело въ ихъ положеніи никакого измѣненія: ни приказа, ни зова, ни приглашенія. Ларивьеръ рѣшился просить соизволенія ея величества покинуть Россію и вернуться во Францію. Тогда и пришлось ему имѣть съ Государыней тотъ единственный разговоръ, котораго онъ добился.

Съ обѣихъ сторонъ желали держать себя съ достоинствомъ. О прошломъ не было рѣчи; не было высказано никакихъ жалобъ, упрековъ или сожалѣній. Надо, тѣмъ не менѣе, сознаться, что преимущество всецѣло осталось на сторонѣ Ларивьера, какъ о томъ можно судить по слѣдующему краткому изложенію сказаннаго съ той и съ другой стороны.—Милостивый государь, сказала, подходя къ нему, Императрица, не можете ли вы указать мнѣ лучшее средство хорошо управлять государствомъ?—Государыня, возразилъ Ларивьеръ, есть только одно подобное средство: быть справедливой, то-есть поддерживать порядокъ и заставлять подчиняться законамъ.—Но на чемъ слѣдуетъ основать государственные законы?—Ихъ можно основать только на одномъ: на природѣ вещей и человѣка.—Прекрасно; но когда хочешь дать народу законы, какія правила вѣрнѣе другихъ помогутъ избрать самые подходящіе?—Дать законы? Сдѣлать ихъ? Вотъ подвигъ, который Господь Богъ не предоставилъ никому. Что̀ такое человѣкъ, чтобы считать себя способнымъ предписывать законы существамъ, которыхъ онъ не знаетъ, или такъ мало знаетъ? По какому праву наложитъ онъ свои законы на тѣ существа, которыхъ Богъ не отдалъ ему прямо въ руки?—Къ чему же сводите вы искусство управленія?—Къ изученію,

къ распознаванію и къ поддержанію тѣхъ законовъ, которые Богъ такъ явно начерталъ въ самомъ устройствѣ человѣка, давая ему бытіе. Желать идти дальше было бы великимъ несчастьемъ и губительнымъ предпріятіемъ.—Я была очень рада выслушать васъ, милостивый государь; желаю вамъ всего лучшаго.

Императрица была такъ удивлена и какъ бы смущена изложенными здѣсь отвѣтами, что поспѣшила прервать разговоръ, чтобы скрыть свое замѣшательство. За этой бесѣдой другой не послѣдовало. Ларивьеру было уплочено согласно съ тѣмъ, какъ было условлено въ Парижѣ, и онъ вернулся скорѣе, чѣмъ ѣхалъ въ Петербургъ. Онъ останавливался только на нѣсколько дней въ Берлинѣ. Король, повидимому, тоже пренебрегалъ всѣмъ, что̀ касалось Ларивьера. Но онъ имѣлъ продолжительныя бесѣды съ принцемъ Генрихомъ, который всегда очень охотно разузнавалъ обо всемъ, что̀ приходило изъ Россіи. Разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ приходилось выслушивать не очень-то довольнаго человѣка. Ларивьеръ жаловался громко и рѣшительно, какъ на Государыню, такъ и на министровъ, и на всю страну. Нѣсколько разъ я былъ изумленъ горячностью и откровенностью, съ какими онъ выражался.

Графъ Нессельроде.

Графъ Нессельроде долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ у него были родственники, постоянные жители этого города. Графъ былъ связанъ узами тѣсной дружбы со многими изъ философовъ, особенно съ Дидро̀. Когда у него не осталось болѣе никакихъ особенныхъ причинъ проживать въ Парижѣ, онъ совершилъ свое первое путешествіе въ Берлинъ съ г. Гриммомъ, извѣстнымъ подъ именемъ барона Гримма *). Я обѣдалъ съ ними въ нѣсколькихъ домахъ и особенно у всѣми уважаемаго князя Долгорукаго, Русскаго посла при Прусскомъ дворѣ.

*) Родившись бѣднякомъ гдѣ-то въ уголкѣ Германіи, Гриммъ явился въ Парижъ пасть къ ногамъ знаменитостей философіи. Дидро̀, чтобы вывести его въ люди, продиктовалъ ему небольшой, но острый памфлетъ, въ одно и тоже время забавный, смѣлый и ядовитый, подъ названіемъ „Маленькій Пророкъ“. Эта шутка имѣла громадный успѣхъ и доставила ея (если можно такъ сказать) автору громкую извѣстность. Графъ Орлеанскій (отецъ того, который погибъ на гильотинѣ) сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и назначилъ ему щедрую пенсію. Съ того времени Гриммъ изъ покровительствуемаго самъ сдѣлался покровителемъ и проповѣдникомъ, учителемъ и предметомъ изученія, сначала въ маленькихъ Парижскихъ кругахъ, а скоро и во всей Европѣ. Но окончательно великимъ человѣкомъ онъ сдѣлался въ Россіи, потому что сумѣлъ понравиться Екатеринѣ Второй и произвести впечатлѣніе на окружающихъ ее лицъ. Нѣкоторое, довольно значительное, время въ этой странѣ не было другого разговора, какъ о Гриммѣ. Въ концѣ концовъ онъ могъ бы покровительствовать, еслибъ это понадобилось, самому Дидро̀, своему создателю. (Примѣч. Тьебо ко 2 изд. 1805 г.).

Въ одинъ изъ такихъ дней сидѣлъ я за столомъ напротивъ князя, справа отъ котораго былъ графъ Нессельроде, а слѣва отъ меня г. Гриммъ. Во время обѣда разговоръ шелъ о литературѣ и особенно о философіи; дѣлались оцѣнки, указывалось значеніе писателей; не былъ забытъ никто изъ нихъ, хоть сколько нибудь пользовавшійся извѣстностью и бывшій тогда еще въ живыхъ. Имена для этого перечня называли оба наши путешественника, которые, поучая насъ, до поразительности сходились въ своихъ мнѣніяхъ. Что бы ни сказалъ одинъ изъ нихъ о комъ-нибудь, другой съ перваго слова поддерживалъ его. Это проповѣдническое рвеніе немало забавляло меня съ княземъ Долгорукимъ. Онъ него не укрылось, съ какимъ видомъ слушалъ я ихъ, а я тоже видѣлъ, что онъ находится въ такомъ же настроеніи, какъ и я. Нашелся только одинъ несчастный писатель, относительно котораго наши два апостола заранѣе не согласились между собой. Первымъ нападалъ Гриммъ, и вотъ, когда онъ произнесъ это имя, графъ Нессельроде, обязанностью котораго было наносить рѣшительные удары, возразилъ, что то «жалкій человѣкъ, безъ дарованія и безъ души». Тогда Гриммъ наклонился немного надъ столомъ и, прикрывъ щеку рукой, пониженнымъ голосомъ шепнулъ ему нѣсколько словъ, которыя услыхали только мы трое: Нессельроде, князь и я, а именно: «онъ изъ нашихъ»; другой возразилъ на это тѣмъ же голосомъ: «а меня увѣряли въ противномъ». Послѣ этого мнѣ оставалось удивляться той ловкости, съ какой графъ тотчасъ же вернулся къ своему повышенному и рѣшительному тону, поправляя свою ошибку. «Собственно говоря, сказалъ онъ, я его не знаю, и долженъ сознаться, что нѣсколько истинныхъ цѣнителей, сколько помнится, хвалили его». «И онъ того заслуживаетъ», добавилъ Гриммъ и тотчасъ же осыпалъ похвалами того, о комъ шла рѣчь. Нессельроде, теперь лучше освѣдомленный, согласился вполнѣ, и разговоръ перешелъ на другихъ. Когда мы встали изъ-за стола, князь поспѣшилъ подойти ко мнѣ и спросилъ, что я думаю о философахъ-миссіонерахъ, являющихся къ намъ изъ Франціи. Мы отъ добраго сердца посмѣялись словамъ, сказаннымъ на ушко, и оба удивлялись ловкому военному манёвру графа Нессельроде въ этомъ случаѣ.

Мнѣ не разъ приходилось видѣть графа Нессельроде въ обществѣ: у г-жи Труссель, у г. Делонэ и у князя Фридриха Брауншвейгскаго. Я укажу здѣсь на одну черту въ его характерѣ, которая дѣлаетъ ему честь и заслуживаетъ быть извѣстной. Вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши появилась книжка подъ заглавіемъ: «Царскій Пирогъ» (Le gâteau des rois). Мы всѣ прочли ее съ жадностью и смѣялись между собой надъ ней, такъ какъ не могли сдѣлать ничего лучшаго. Ни у

кого однако не достало смѣлости заговорить о ней съ королемъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ авторъ самъ прислалъ ему экземпляръ своей книги съ неподписаннымъ письмомъ. Фридрихъ поспѣшилъ прочесть эту бездѣлку, въ которой онъ самъ игралъ существеннѣйшую роль.

Въ часъ обѣда онъ сѣлъ за столъ между графомъ Нессельроде и аббатомъ Бастіани, настолько тонкимъ и лицемѣрнымъ придворнымъ, насколько это возможно вообразить. Прусскій герой не замедлилъ заговорить о «Царскомъ Пирогѣ». Безъименный сочинитель, сказалъ онъ, имѣлъ честность прислать мнѣ «Пирогъ». Какъ кажется, книжка эта насчитываетъ уже нѣсколько мѣсяцевъ существованія и извѣстности; между тѣмъ мнѣ она не была знакома. Читали ли ее вы, аббатъ?—«Нѣтъ, государь, отвѣчалъ лицемѣръ, не читалъ: я никогда не читаю этихъ презрѣнныхъ памфлетовъ, позорящихъ литературу».—«А вамъ, графъ, случалось читать ее?»—«Да, государь, я прочелъ ее всю мѣсяца два или три тому назадъ».—«Мнѣ нравится, аббатъ, эта Нѣмецкая искренность», сказалъ Фридрихъ, поворачиваясь къ Итальянцу съ тѣмъ насмѣшливымъ и хитрымъ выраженіемъ лица, которое такъ шло къ нему. Затѣмъ, оборотясь опять къ графу, онъ продолжалъ: Ну какъ же вы ее находите, если прочли всю?» — «Я, государь? Сознаюсь, что она меня немало позабавила; я смѣялся ото всего сердца». Здѣсь послѣдовалъ новый оборотъ къ аббату съ такими словами, сказанными какъ бы между ними и въ видѣ веселой шутки: «Посмотрите, аббатъ, на эту откровенность нашихъ предковъ! Право же, я ее очень люблю. Я тоже поглотилъ съ жадностью этотъ маленькій пирожокъ, милый мой графъ. Авторъ немного пересолилъ посвященныя мнѣ страницы; онъ относится ко мнѣ слишкомъ поверхностно и не щадитъ меня. Впрочемъ онъ человѣкъ умный, заставилъ меня смѣяться, и я ему прощаю остальное. Но, дорогой мой графъ, какъ же вы, прочтя эту книжку, какъ же вы не сказали мнѣ о ней, хотя и состоите на моей службѣ и выполняете свои обязанности, какъ честный человѣкъ.»—«Государь, желая честно выполнять свои обязанности, я вовсе не питаю нескромнаго желанія расширять ихъ кругъ. Если бы ваше величество дали мнѣ приказаніе дѣлать вамъ сообщенія подобнаго рода, я или послѣдовалъ бы приказу, или отказался бы; но въ обстоятельствахъ, въ сущности столь незначительныхъ, я не позволю себѣ ничего, что̀ превышало бы мой долгъ. Мнѣ неизвѣстно, есть ли или нѣтъ на службѣ вашего величества человѣкъ, обязанный давать вамъ отчетъ о подобныхъ произведеніяхъ; мнѣ неизвѣстно, угодно ли вашему величеству, чтобы съ вами о нихъ говорили. Я не хочу позволить себѣ ни въ какомъ случаѣ, даже изъ усердія, что-нибудь такое, что̀ могло бы оказаться нескромностью».—«Ахъ, аббатъ, дивитесь

же вмѣстѣ со мной этой откровенности, унаслѣдованной графомъ отъ нашихъ добрыхъ предковъ».—Эта маленькая сцена изъ комедіи была единственной местью, которую король извлекъ изъ лживаго лицемѣрія аббата, конечно, читавшаго книжку и смѣявшагося надъ ней такъ же весело, какъ мы всѣ.

Графу Нессельроде было достаточно нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Потсдамѣ. Онъ покинулъ Фридриха и отправился къ другимъ дворамъ, при чемъ вездѣ встрѣчалъ тоже уваженіе и находилъ себѣ дѣло.

Графъ Камеке и Головкины.

Графъ Камеке въ молодости былъ офицеромъ въ корпусѣ жандармовъ. Получивъ позволеніе путешествовать, онъ прибылъ въ Голландію, гдѣ безумно влюбился въ графиню Головкину, мать которой была урожденная графиня Дона, не особенно знатнаго, но виднаго Прусскаго семейства, а отецъ Русскимъ посломъ въ Гагѣ (гдѣ вскорѣ онъ и умеръ). Этотъ графъ Головкинъ былъ чрезвычайнымъ посломъ отъ той же державы на конгрессѣ въ Суассонѣ, куда сопровождала его дочь, въ то время дѣвочка лѣтъ девяти или десяти. Молодой Камеке познакомился съ ней нѣсколько лѣтъ спустя, когда она была въ полномъ расцвѣтѣ молодости и красоты; всѣ въ мое время признавали, что она красавица. Нашъ юный путешественникъ просилъ ея руки, но Русскій посолъ отвѣчалъ, что выдаетъ своихъ дочерей только за графовъ. Этотъ отвѣтъ заставилъ жандармскаго офицера вернуться на родину. Тамъ онъ сталъ добиваться графства и, наконецъ, получилъ этотъ титулъ, который его дѣдъ, фаворитъ Фридриха Перваго, не пожелалъ принять отъ своего государя. Этотъ дѣдъ сказалъ Фридриху: «я предпочитаю оставаться однимъ изъ добрыхъ, старинныхъ областныхъ дворянъ, чѣмъ сдѣлаться самымъ послѣднимъ изъ графовъ королевства». Правда и то, что онъ не былъ влюбленъ въ Русскую красавицу-графиню.

Камеке, получивъ графство, вышелъ въ отставку изъ военной службы. Будучи богатѣйшимъ дворяниномъ своей страны, онъ добился отъ короля высшихъ должностей, при условіи никогда не исполнять въ дѣйствительности сопряженныхъ съ ними обязанностей. Тогда-то онъ женился на красавицѣ-графинѣ, которая, конечно, заслуживала все то рвеніе, какое употребилъ влюбленный въ нее Камеке, чтобы добиться ея руки. Но она заслуживала и бо́льшаго: она заслуживала быть счастливой и не достигла этого. Ея мужъ, пустой и чванный человѣкъ, имѣлъ больше притязаній, чѣмъ дѣйствительныхъ достоинствъ и глубокихъ познаній. Не только у него бывали любовницы, но онъ дошелъ до того, что сталъ настаивать, чтобы жена приняла одну изъ нихъ у себя. Графиня отказала съ рѣшительностью и съ презрѣніемъ. Черезъ

это между ними произошелъ открытый разрывъ. Много позже, когда племянникъ Фридриха женился на его двоюродной сестрѣ, принцессѣ Браунгшвейгской, по приказанію Камеке, въ то самое время, когда жена его собиралась ѣхать на этотъ праздникъ, къ ея дверямъ подкатила великолѣпная карета, запряженная шестеркой прекрасныхъ коней. Графъ дѣйствовалъ болѣе изъ гордости, чѣмъ изъ раскаянья, и графиня рѣшительно отказалась воспользоваться каретой, заявляя, что побрякушки тщеславія никогда не замѣнятъ истиннаго чувства и не заставятъ забыть о недостойныхъ поступкахъ. Съ того времени графъ предался пуншу, винамъ и ликерамъ; его здоровье расшаталось; чтобы поправить его, онъ поѣхалъ на Батскія воды, гдѣ и умеръ, оставивъ двухъ сыновей и дочь. Старшій изъ сыновей женился на дочери графа Линара, бывшаго прежде Датскимъ посланникомъ, того самаго, который заключилъ Клостеръ-Севенскій договоръ. Этотъ сынъ умеръ вскорѣ послѣ отца, не оставивъ потомства. Дочь вышла замужъ за одного изъ графовъ Головкиныхъ, младшаго изъ своихъ дядей, офицера на Французской службѣ и оберъ - шталмейстера короля Венгерскаго. Оба тоже умерли безъ прямыхъ наслѣдниковъ. Младшій сынъ женился и имѣлъ сына.

У г-жи Камеке-Головкиной была сестра, вышедшая замужъ за графа Шметау, женщина почтенная, бывшая прямымъ образцомъ честности и кротости. Она оставила по себѣ дочь, прекрасныя душевныя качества которой заставляли забывать недостатки ея наружности. Ихъ старшій братъ, графъ Головкинъ, былъ большимъ другомъ Жанъ-Жака Руссо, и я его считаю однимъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ я только знавалъ. «Если есть на свѣтѣ человѣкъ совершенный, говорила мнѣ графиня Камеке, то это мой старшій братъ».

Этотъ графъ Головкинъ въ теченіе приблизительно двухъ лѣтъ былъ директоромъ общественныхъ представленій въ Берлинѣ. Фридрихъ имѣлъ съ нимъ бесѣду и такъ остался ею доволенъ, что далъ ему это мѣсто, чтобы удержать его при себѣ, имѣя въ виду впослѣдствіи предложить ему другое. Графъ Головкинъ не могъ вскорѣ не замѣтить, что управленіе театромъ окружаетъ его тысячью мелкихъ сплетень, которыя должны были утомить его и внушить отвращеніе къ его должности. Поэтому, не смотря на очень ласковый пріемъ Фридриха, онъ оставался въ Берлинѣ всего два года. Поселившись въ Парижѣ, онъ предался исключительно воспитанію своихъ дѣтей и очень послѣдовательной перепискѣ съ Павломъ Первымъ, тогда еще великимъ княземъ и наслѣдникомъ, длившейся много лѣтъ. Великій князь живѣйшимъ образомъ жаждалъ этой переписки, основываясь исключительно на репутаціи графа, котораго лично онъ никогда не видалъ. Со стороны

графа эта переписка была не литературной и не политической, а чисто философской и моральной. Я вновь увидался съ нимъ въ Парижѣ во время моего путешествія 1776—1777 годовъ. Онъ посѣтилъ меня въ сопровожденіи своей дочери, которая была прелестнымъ молодымъ человѣкомъ до часу пополудни и очаровательной дѣвушкой съ этого времени до ночи, потому что утромъ одѣвалась помужски, а съ обѣденнаго часа до вечера подамски.

Графъ Головкинъ умеръ довольно молодымъ въ Парижѣ отъ подагры, приступы которой начались у него съ пятилѣтняго возраста. Чтобы застраховать своихъ дѣтей отъ этой страшной болѣзни, онъ ежедневно со дня ихъ рожденія пріучалъ ихъ, вставъ утромъ съ постели, бросаться въ ванну съ холодной водой, а питаться только молокомъ и овощами. Не знаю, спаслись ли они черезъ это отъ подагры; но несомнѣнно, что я не видывалъ молодыхъ людей лучше сложенныхъ и болѣе сильныхъ, и даже болѣе ловкихъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ.

Графъ разсказывалъ мнѣ, что, кончивъ курсъ наукъ въ Голландіи, онъ былъ пораженъ, увидавъ, что не знаетъ ничего, хотя его успѣхами всегда оставались довольны. «Вотъ, сказалъ онъ самъ себѣ, миновали для меня годы ученія, а я не знаю ничего! Виновны ли въ этомъ тѣ, кто взялись учить меня? Нѣтъ: то были добрые люди, столь же усердные, сколько свѣдущіе. Виновны ли въ томъ книги, которыя заставляли меня выучивать? Но могла ли ошибаться вся Европа въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ выборѣ, одобренномъ притомъ единодушнымъ согласіемъ; могла ли она дать юношеству книги, которыя не научаютъ ничему? Это еще невѣроятнѣе. Слѣдов. если я ничего не знаю, это исключительно моя вина. Итакъ, начнемъ сначала и постараемся сдѣлать все на этотъ разъ лучше». И вотъ безо всякой помощи, безо всякихъ довѣренныхъ лицъ, онъ вновь прошелъ всѣ школьныя науки, одинъ, въ своей комнатѣ. Ежедневно, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ изучалъ по порядку, по урокамъ, всѣ книги, которыя ему прежде случилось видѣть, вдумываясь, такъ сказать, въ каждую страницу. Такая работа заняла у него нѣсколько лѣтъ и принесла ему двойную пользу: пріучила его къ сидячей, домашней жизни и къ размышленію. «Если я чтò-нибудь знаю, говорилъ онъ мнѣ, то этому я обязанъ только второму курсу своего ученія, убѣдившему меня, что мы знаемъ лишь то, чтò изучили сами».

Графиня Камеке умерла въ глубокой старости; но къ концу жизни она впала въ родъ дѣтства. Я долженъ считать ее въ числѣ тѣхъ лицъ, интересъ къ которымъ нисколько не уменьшался. На протяженіи двадцати лѣтъ она оставалась на мой взглядъ той же, какой была когда я прибылъ въ Берлинъ.

Князь В. С. Долгорукій.

Во время моего пріема въ Берлинскую Академію, 15-го Апрѣля 1765 года, произнеся свою вступительную рѣчь и выслушавъ отвѣтъ г. Формея, увидалъ я человѣка лѣтъ 40 приблизительно, средняго роста, но довольно толстаго, одѣтаго, впрочемъ, весьма просто и безъ всякихъ знаковъ отличія. Онъ подошелъ ко мнѣ, засвидѣтельствовалъ мнѣ, что слушалъ меня съ удовольствіемъ, и пригласилъ меня на завтра къ себѣ обѣдать. Онъ прибавилъ, что г. Формей охотно возмется быть моимъ проводникомъ, если я пожелаю сначала заѣхать къ нему. Я принялъ приглашеніе съ тѣмъ замѣшательствомъ, какое всегда испытываешь, принимая выраженіе любезности отъ того, съ кѣмъ незнакомъ. Когда онъ удалился, Формей сообщилъ мнѣ, что то былъ князь Долгорукій, полномочный министръ Россіи при Берлинскомъ дворѣ *). На слѣдующій день, по окончаніи обѣда, князь подошелъ ко мнѣ и просилъ меня считать себя приглашеннымъ къ нему всегда, когда у меня будутъ время и намѣреніе посѣтить его.

Съ этого времени я не разъ получалъ съ его стороны подобныя же выраженія пріязни. Часто приглашалъ онъ меня со всѣми принятыми церемоніями, когда у него бывалъ званый обѣдъ, и часто, если недѣли двѣ мнѣ не случалось съ нимъ встрѣчаться, заходилъ онъ ко мнѣ по утрамъ освѣдомиться, какъ онъ говорилъ, не прошло ли между нами какого облачка. Однимъ словомъ, по отношенію ко мнѣ онъ оставался однимъ и тѣмъ же въ продолженіе всѣхъ двадцати лѣтъ, которыя я провелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Пруссіи, и никогда ни величайшія политическія событія, ни мелкія отношенія дружескаго кружка не могли бросить ни малѣйшей тѣни на наши отношенія. Я припоминаю только два случая, въ которыхъ я могъ опасаться размолвки или, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго охлажденія съ его стороны; но ни тотъ, ни другой не повели къ этому. О первомъ я не буду разсказывать: онъ касается свѣтскаго анекдота, поистинѣ дѣлающаго честь благородству и великодушію князя, но который можетъ интересовать читателей лишь словами Фридриха, прекрасно рисующими этого великаго человѣка. Въ одномъ трагическомъ и смѣшномъ похожденіи одинъ молодой человѣкъ, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, отданъ былъ двумъ унтеръ-офицерамъ,

---

*) Князь Владимиръ Сергѣевичъ Долгорукій (1717—1803) воспитывался во Франціи. Екатерина, вскорѣ послѣ воцаренія своего, назначила его посланникомъ въ Берлинъ, гдѣ онъ 24 года сряду находился при Фридрихѣ II. Обращенный въ католичество, онъ позднѣе перешелъ обратно въ Православіе. Его завѣщаніе напечатано въ „Русск. Архивѣ“ 1888 года, III, 187.

которые избили его палками до судорогъ. Среди такого ужаснаго наказанія, происходившаго въ весьма хорошемъ обществѣ, посланникъ одного Нѣмецкаго князька, дородный и высокій человѣкъ, желая выразить свое усердіе въ честь героини романа, жестоко ударилъ бѣдную жертву кулакомъ въ грудь. Несчастный крикнулъ ему: «По какому праву вы бьете меня?» Фридрихъ, узнавъ объ этой подробности, подъ вліяніемъ чувства ужаса и негодованія, сказалъ: «Да, какое званіе даетъ этому Якову Розбифу право бить моихъ подданныхъ? Чтобъ ему сказали никогда не показываться мнѣ на глаза! Пусть напишутъ его государю, чтобы онъ отозвалъ его. Въ концѣ концовъ я не нуждаюсь въ посланникахъ отъ этой страны».

Второй случай, когда я подвергался опасности, что дружба князя ко мнѣ охладѣетъ, имѣетъ отношеніе къ политикѣ. Въ то время, когда подготавливался знаменитый походъ фельдмаршала Румянцова противъ Турокъ, князь сказалъ намъ за столомъ, и притомъ глядя на меня, что 500 Французскихъ офицеровъ сѣли въ Тулонѣ на суда и ѣдутъ въ Турцію служить невѣрнымъ; что это не только не по христіански, но и противно международному праву, такъ какъ Русскіе и Французы находятся въ мирѣ и связаны, по различнымъ договорамъ, узами дружбы. Меня затронуло, что онъ сказалъ это при мнѣ, даже подчеркнувъ свои слова тѣмъ, что смотрѣлъ на меня, и я порѣшилъ отомстить ему, какъ скоро къ тому представится случай. Этого случая я дожидался около восьми мѣсяцевъ, но, наконецъ, онъ представился, и я имъ воспользовался. Послѣ двухъ прославленныхъ побѣдъ Румянцова, я отправился обѣдать къ князю, чтобы поздравить его. Когда за жаркимъ пили мы здоровье побѣдителей, я сказалъ, что въ извѣстіи есть одно обстоятельство, котораго я не понимаю. Мои соотечественники, говорилъ я, вѣроятно, очень измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ покинулъ, или имъ сопутствовало прямо чудесное счастье при этихъ столкновеніяхъ. Да, пожалуй, и никогда нельзя будетъ понять, какъ изъ пятисотъ Французскихъ офицеровъ, сѣвшихъ на суда въ Тулонѣ и служащихъ въ Турецкой арміи, не нашли ни одного, ни среди убитыхъ, ни среди плѣнныхъ. Надо предположить, что всѣ были необыкновенно счастливы, или обладали удивительными ногами. Князь былъ смущенъ, вспомнивъ, на что я намекаю въ своемъ отвѣтѣ. Но онъ ни однимъ словомъ не продолжалъ спора. Я даже имѣю причины думать, что съ того времени онъ сталъ болѣе уважать меня. Несомнѣнно одно, что съ тѣхъ поръ онъ съ величайшей осторожностью говорилъ мнѣ о Французскомъ народѣ, который къ тому же онъ сердечно любилъ.

Князь былъ истинно добръ, но съ характеромъ и безъ слабостей; справедливъ по убѣжденію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшителенъ, какъ подобало бы быть всѣмъ общественнымъ дѣятелямъ; простъ той простотой, которая отличаетъ людей съ дѣйствительными достоинствами; умѣренъ, какъ всѣ мыслящіе, владѣющіе собою люди; однимъ словомъ, былъ философъ, какъ человѣкъ, соблюдающій правила философіи, но вовсе не желающій выставлять это на показъ. Онъ былъ гордъ, когда казалось, что къ нему намѣренно относились съ неуваженіемъ. Г. де-Понъ-сенъ-Морисъ [1]), прожившій съ нимъ одиннадцать лѣтъ, говорилъ мнѣ въ Парижѣ, въ 1790 году: «Князь Долгорукій, изо всѣхъ хорошо знакомыхъ мнѣ Русскихъ, самый честный и наиболѣе достойный уваженія человѣкъ». Бернаденъ-де-Сенъ-Пьеръ, членъ Національнаго Института, будучи инженернымъ офицеромъ, совершалъ съ нимъ походъ въ Финляндію; оба они были еще молоды, но онъ такъ живо почувствовалъ цѣну прекрасной души князя, что навсегда сохранилъ къ нему сердечную привязанность и самъ былъ имъ столько же уважаемъ, какъ и любимъ.

Князь Долгорукій совершилъ волонтеромъ три похода съ Французской арміей во время Семилѣтней войны, при чемъ близко познакомился и оцѣнилъ г. Де-Гиня, носившаго тогда еще имя г. Де-Суастра. Когда этотъ послѣдній былъ посланъ въ Берлинъ полномочнымъ министромъ, князь сказалъ мнѣ, что съ большимъ удовольствіемъ увидитъ снова стараго боевого товарища, хотя между ними естественно долженъ былъ возникнуть споръ о правѣ предшествія. «Я надѣюсь, впрочемъ, добавилъ онъ, что наша дружба отъ этого не пострадаетъ, и что этотъ тонкій вопросъ разрѣшится безъ нашего личнаго вмѣшательства. Согласно съ договорами, уже старинными, я долженъ уступить первенство Французскому посланнику; но можетъ случиться, что тайныя указанія обяжутъ меня оспаривать это первенство. Чтò, по вашему мнѣнію, могу я тогда предпринять? По мнѣ, есть только одинъ исходъ: уступить это дѣло нашимъ кучерамъ» [2]).

---

[1]) Французскій посланникъ въ Берлинѣ, преемникъ Де-Гиня.

[2]) Въ статьѣ о Де-Гинѣ Тьебò разсказываетъ о такомъ происшествіи на балѣ, данномъ въ честь свадьбы Прусскаго наслѣднаго принца на принцессѣ Брауншвейгской. Оберъ-камергеръ принцессы заявлялъ присутствующимъ, съ кѣмъ изъ нихъ принцесса желаетъ пройтись во время „факельнаго танца". Поклоны, которыми при этомъ обмѣнивались, число шаговъ, порядокъ тѣхъ, кого приглашаютъ, все это было строжайше установлено этикетомъ. Когда очередь дошла до посланниковъ, камергеръ назвалъ первымъ генерала Нугента, Вѣнскаго посланника, вторымъ—князя Долгорукаго, а третьимъ—Де-Гиня. Де-

Однажды за обѣдомъ онъ спросилъ меня: справедливо ли, на мой взглядъ, вѣшать всѣхъ шпіоновъ? Такъ какъ вопросъ меня удивилъ, и я смотрѣлъ на него, стараясь прочесть по лицу, ради чего онъ мнѣ его предложилъ, то князь добавилъ съ улыбкой: «Я не говорю о шпіонахъ признанныхъ и привилегированныхъ; принято относиться къ нимъ съ почтеніемъ и въ особенности не вѣшать ихъ. Я говорю о тайныхъ и скрытыхъ шпіонахъ. Скажите же, повѣсите ли вы честнаго человѣка, старающагося, безъ всякой личной выгоды и лишь изъ преданности своей родинѣ, раскрыть замыслы и силы враговъ своего государя?» Легко понять, какъ много можно сказать по поводу подобнаго вопроса нравственности и общественнаго порядка.

Слѣдующая черта покажетъ, съ какой спокойной и философской покорностью предъ волей судьбы встрѣчалъ онъ различныя житейскія происшествія. Во время Семилѣтней войны онъ отправился, какъ инженерный офицеръ, съ флотомъ, предназначавшимся для осады Кольберга. Нѣсколько утомленный морскимъ путешествіемъ, онъ было заснулъ глубоко, какъ вдругъ началась жестокая буря, заставившая самыхъ храбрыхъ повѣрить, что они гибнутъ. Въ это критическое мгновеніе другой офицеръ пришелъ его будить, крича: «Какъ можете вы спать? Мы погибаемъ!»—«Если такъ, возразилъ онъ, зачѣмъ же меня будятъ? Дѣлайте, какъ я». И онъ заснулъ снова *).

Князь разсказывалъ мнѣ довольно замѣчательный анекдотъ, стоющій того, чтобы быть сохраненнымъ. «Въ одномъ семействѣ, хорошо мнѣ знакомомъ, говорилъ онъ, было шесть сыновей. Предстояло заняться воспитаніемъ младшаго, когда появился «Эмиль» Жанъ-Жака Руссо. Отецъ порѣшилъ, что лучшаго онъ не можетъ сдѣлать, какъ

гинъ не пожелалъ, принявъ приглашеніе, тѣмъ самымъ признать право первенства князя Долгорукаго и отказался танцовать, ссылаясь на раны, полученныя во время Семилѣтней войны.

*) Въ другомъ мѣстѣ книги Тьебо есть еще одинъ анекдотъ о князѣ Долгорукомъ, рисующій его находчивость. Кончолини (знаменитый пѣвецъ) почти всегда заявлялъ, что онъ охрипъ, когда его просили пѣть въ обществѣ. Однажды, въ концѣ обѣда, князь Долгорукій сказалъ настоятелю Русской императорской церкви: „Это—Кончолини, прекрасный пѣвецъ". — „Ахъ, князь, возразилъ пѣвецъ, не просите меня пѣть, я не могу".—„Но я и не думалъ васъ о томъ просить, отвѣчалъ князь, увѣряю васъ; я говорилъ о вашемъ голосѣ, безъ малѣйшаго желанія его услышать". Князь Долгорукій умеръ въ весьма преклонномъ возрастѣ въ XII (т. е. 1804) году въ Москвѣ, куда переселился. Одинъ достойный Русскій человѣкъ говорилъ мнѣ, что онъ умеръ съ той кротостью, которую даетъ чистая совѣсть, и съ тѣмъ покорствомъ, какое свойственно сильному духу. (Примѣч. Тьебо ко 2 изданію его книги, 1805 г.).

послѣдовать указаніямъ Женевскаго философа. По окончаніи же воспитанія отецъ, въ отчаяньи, написалъ этому прославленному писателю, что, принявъ его совѣты о воспитаніи, онъ сдѣлалъ какое-то чудовище изъ своего послѣдняго сына. Руссо отвѣчалъ ему такъ: «Издавая свою книгу, я могъ надѣяться, что ее будутъ читать, но вовсе не воображалъ, что найдется такой неразумный отецъ, который послѣдуетъ моимъ указаніямъ».

Г. Вегелинъ, мой сослуживецъ, которому я передалъ это происшествіе, сказалъ мнѣ, что Руссо былъ правъ. Въ своей книгѣ о воспитаніи юношества философъ принужденъ былъ уклоняться отъ цѣлаго ряда вопросовъ и статей, такъ какъ ему предстояло разсматривать человѣка вообще, а не гражданина такой-то страны, не подданнаго такого-то государя, и не человѣка, связаннаго съ такими-то или иными вѣрованіями. Благодаря этому, онъ могъ представить только общіе выводы, которые нуждаются въ разнообразнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ и дополненіяхъ, чтобы ихъ можно было примѣнить къ какому бы то ни было частному случаю. Изъ этого слѣдуетъ, что мыслящій человѣкъ можетъ видѣть въ «Эмилѣ» Руссо только общія формулы, которыя нельзя примѣнять къ опредѣленнымъ лицамъ, безъ всякаго рода необходимыхъ добавленій и послѣдовательныхъ преобразованій. Однимъ словомъ, добавилъ онъ, это основныя указанія, которыя надо умѣть видоизмѣнять и преобразовывать, принимая во вниманіе, время, мѣсто и лицо. Кто же будетъ видѣть въ книгѣ подробныя правила, которымъ можно слѣдовать въ томъ видѣ, какъ они есть,—окажется человѣкомъ, лишеннымъ здраваго смысла, которому никогда не должно читать Жанъ-Жака Руссо, потому что онъ неспособенъ его понимать.

Уже не припомню въ какомъ году, князь Долгорукій возложилъ на меня конфиденціальное порученіе заняться однимъ дѣломъ, къ которому онъ относился съ большимъ рвеніемъ, и по своей постоянной склонности оказывать благодѣянія, и по сердечной честности. Отведя меня въ сторону, онъ сказалъ мнѣ, что къ нему только-что прибыли трое изъ моихъ соотечественниковъ: молодой человѣкъ, кроткій, какъ дѣвушка, его сестра, очень хорошенькая и милая, и ихъ двоюродная сестра, которая была очень мила, не будучи хороша. Всѣ трое были изъ хорошаго и очень честнаго семейства. Одинъ изъ родственниковъ князя, путешествуя по Франціи, имѣлъ случай познакомиться съ ними и предложилъ имъ поѣхать съ нимъ, обѣщая принять на себя путевыя издержки и найти имъ подходящія занятія въ Россіи. По пріѣздѣ въ Лейпцигъ случилось такъ, что у провожатаго не достало денегъ;

тогда онъ бросилъ ихъ и неожиданно уѣхалъ одинъ. Эти бѣдные люди, такъ покинутые, продавъ кое-что изъ вещей, добрались до Берлина и бросились къ князю. Какъ Русскій и родственникъ, онъ считалъ себя обязаннымъ прійти къ нимъ на помощь. Отослать ихъ обратно домой, или доставить въ Петербургъ, стоило бы одинаково. Но первое средство имѣло бы для нихъ тяжелыя и оскорбительныя неудобства, тогда какъ второе давало самыя утѣшительныя надежды. Его родственникъ былъ не такой человѣкъ, чтобы отказать имъ въ поддержкѣ, а ихъ личныя достоинства должны были доставить имъ подходящія мѣста, особенно при помощи писемъ, которыя имъ могъ дать князь. Но нѣкоторыя соображенія, относящіяся къ тому же родственнику и къ общимъ семейнымъ интересамъ, позволяли ему выступать въ этомъ дѣлѣ только офиціальнымъ лицомъ. Онъ принужденъ былъ въ нѣкоторой степени скрывать то усердіе, съ какимъ готовъ былъ имъ служить. Въ концѣ-концовъ онъ просилъ меня принять на себя гласно роль ихъ защитника. О мѣрахъ, которыя необходимо принять, чтобы они могли продолжать свое путешествіе, я могъ совѣтоваться съ г-жей де-Камеке, которую онъ уже предупредилъ.

Я принялъ порученіе. У г-жи де-Камеке устроился совѣтъ, составленный изъ г-жи Блюменталь и нѣкоторыхъ другихъ дамъ, гдѣ я тоже былъ принятъ и высказалъ свое мнѣніе. Первымъ предложеніемъ, сдѣланнымъ на этомъ собраніи, было отослать этихъ молодыхъ людей домой, передавая ихъ между Русскими изъ рукъ въ руки. Я отвергъ это предложеніе, указавъ, что эта отсылка была бы оскорбительной для однихъ и позорной для другихъ. Наконецъ, пришли къ существенному рѣшенію: была устроена частная складчина, при чемъ значительная доля въ ней пришлась князю Долгорукому, и я получилъ возможность отправить этихъ молодыхъ людей въ дорогу. Я нанялъ для нихъ карету до Данцига и далъ имъ необходимыя письменныя наставленія, какъ добраться оттуда до Петербурга. Въ самую минуту отъѣзда они вдругъ вспомнили, что къ несчастью тотъ день былъ первой Пятницей въ мѣсяцѣ. Пускаться въ путь въ такой день казалось двумъ барышнямъ явнымъ предзнаменованіемъ, что съ ними случится что-нибудь непріятное. Напрасно я смѣялся надъ этими ихъ страхами: я не могъ разубѣдить ихъ и едва могъ побѣдить ихъ упорство. Несчастная примѣта не оказала того вліянія, какое ей приписываютъ слабыя души. Я узналъ позднѣе, что всѣ трое нашли себѣ мѣсто, а прелестная дѣвушка вышла замужъ за Швейцарскаго негоціанта, достаточно богатаго, чтобы доставить ей пріятное существованіе

Разсказы о Потемкинѣ, Орловыхъ и другихъ.

Одинъ изъ секретарей князя Долгорукаго, по фамиліи Березинъ, былъ двоюроднымъ братомъ (cousin germain) Потемкина и разсказывалъ мнѣ всю его жизнь. Полагаю, что мнѣ будутъ благодарны, если я передамъ здѣсь болѣе замѣчательныя черты изъ его разсказовъ[1]).

Потемкинъ не былъ красавцемъ: онъ не только не обладалъ красивымъ лицомъ, но былъ даже безобразенъ и страшенъ. Онъ сильно косилъ и былъ кривоногъ; но его ростъ, ширина въ плечахъ и сила были необычайны. Къ его природнымъ достоинствамъ надо присоединить еще, что онъ обладалъ прекраснѣйшими во всей Россіи волосами. Во время своихъ пріемовъ онъ приказывалъ ихъ расчесывать, и стоя при этомъ позади особой загородки, вышиною по поясъ, онъ видѣлъ передъ собой всѣхъ высшихъ лицъ имперіи, во всѣхъ ихъ орденахъ, почтительно ожидавшихъ одного взгляда, одного привѣтствія. Желая говорить съ кѣмъ-нибудь, онъ окликалъ его по имени; слова «поди прочь» и «поди сюда» [2]) составляли весь запасъ его вѣжливости и побуждали къ немедленному исполненію приказа, при чемъ слѣдовалъ такой поклонъ всѣмъ тѣломъ, что обѣ руки прикасались къ землѣ. Этотъ человѣкъ, не платившій никакихъ своихъ долговъ, повелѣвалъ всѣмъ, какъ деспотъ. И это заставляло особенно жалѣть о князѣ Орловѣ, не пренебрегавшемъ никакими средствами, чтобы заставить извинить ему его высокое положеніе: довольствуясь своей ролью, Орловъ отсылалъ всѣ дѣла къ тому, въ чьемъ завѣдованіи они были, заявляя, что не имѣетъ права въ нихъ вмѣшиваться, обѣщая мало, но не обманывая, и вѣжливостью смягчая свои отказы.

Потемкинъ остался сиротой съ ранняго возраста и былъ такъ бѣденъ, что единственной поддержкой въ жизни служила ему доброта его дяди, полковника Березина, принявшаго его къ себѣ и заботив-

---

[1]) Я не задаюсь здѣсь цѣлью разсказать жизнь Потемкина, точно такъ, какъ и всѣхъ другихъ, о комъ я говорю въ этомъ трудѣ. Я довольствуюсь тѣмъ, что передаю нѣсколько анекдотовъ, въ истинности которыхъ я не могу сомнѣваться. Я разсказываю не все то, что̀ я знаю объ этомъ замѣчательномъ фаворитѣ, но то, что̀ кажется мнѣ болѣе любопытнымъ, болѣе стоющимъ вниманія и что̀, однако, исторія можетъ позабыть, чѣмъ она можетъ пренебречь, какъ излишнею подробностью. Что касается жизнеописанія Потемкина, то я отсылаю читателя къ Исторіи Екатерины II, сочиненія г. Кастера̀. Тамъ найдутъ общественнаго дѣятеля, его высокомѣріе, его замыслы и дѣянія, политическіе и военные. Я же представляю только очеркъ характера этого прославленнаго человѣка. (Прим. Тьебо̀ ко 2 изд. 1805 г.).

[2]) У Тьебо „padi-proche“ переведено viens ici, а „padi souda“ --va-t-en, т. е. наоборотъ.

шагося о всѣхъ его нуждахъ. Полковникъ, принужденный покинуть службу по причинѣ ранъ, вовсе не былъ богатъ, такъ какъ правительство при Петрѣ Великомъ отобрало у него громадныя земли и, постоянно обѣщаясь вознаградить его за это, не выполняло своего слова. Узнавъ о высокомъ положеніи племянника, старикъ-дядя явился изъ глубины Московіи въ Петербургъ, въ надеждѣ добиться наконецъ справедливости. Но его питомецъ принялъ его очень дурно, спросилъ, что̀ ему нужно, и заявилъ, что теперь не время предъявлять подобныя требованія; затѣмъ онъ отдалъ приказъ не допускать его болѣе въ свой кабинетъ. Оскорбленный и пристыженный Березинъ хотѣлъ тотчасъ же уѣхать обратно. Его удержалъ князь Нарышкинъ, оберъ-шталмейстеръ и старинный его другъ, увѣряя, что Потемкина можно побѣдить настойчивостью и неотступностью. И вотъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ можно было ежедневно видѣть, какъ почтенный старецъ, слово негодная, брошенная вещь, торчалъ въ прихожей своего неблагодарнаго и безчувственнаго воспитанника... Въ концѣ концовъ князь Нарышкинъ, старый служака, имѣвшій право отваживаться на все при этомъ дворѣ, взялъ на себя сказать Потемкину: «Извѣстно ли вамъ, что вашъ дядя, мой старинный другъ, томится въ вашей передней, и что тамъ онъ проводитъ утро за утромъ? Неужели вы ничего для него не сдѣлаете? Слѣдуетъ покончить съ этимъ».—«Пусть убирается, отвѣчалъ Потемкинъ, уже довольно долго онъ мнѣ надоѣдаетъ! Я готовъ былъ выпроводить его изъ Россіи за то, что онъ разыгрываетъ здѣсь такую непристойную роль. Пусть убирается! Передайте ему мои слова, а то я заставлю его раскаяваться въ своей назойливости!»—«Но вѣдь онъ вамъ дядя».—«Пусть онъ благодаритъ за это Небо и пусть побережется!» Старый полковникъ долженъ былъ скрыть свой стыдъ и таить свой гнѣвъ во глубинѣ своей губерніи.

Петръ Лафоссъ, знаменитый и ученый берейторъ, очень извѣстный своими замѣчательными сочиненіями по искусству лѣчить лошадей, будучи въ Австріи, въ Вѣнѣ, получилъ отъ Русскаго посланника при этомъ дворѣ самыя положительныя обѣщанія, сопровождаемыя такими настойчивыми убѣжденіями, что рѣшился отправиться въ Петербургъ. У него были письма къ тамошнимъ посланникамъ и между прочимъ прекрасное письмо къ Потемкину. Лафоссъ не могъ пріѣхать болѣе во̀-время для преемника Орлова: у Потемкина одна лошадь заболѣла, и никто изъ Русскихъ не умѣлъ ее вылѣчить; то былъ великолѣпный конь, можетъ быть лучшій во всей имперіи, подаренный Іосифомъ II этому великому, высокому и тучному фавориту. Можно догадаться, что Петръ Лафоссъ былъ принятъ очень хорошо. Онъ получилъ сво-

бодный пропускъ и могъ быть увѣренъ, что его всегда встрѣтятъ вѣжливо. Лошадь была ему показана и передана въ его распоряженіе. Петръ Лафоссъ построилъ особый сарай для лѣченія этого рѣдкостнаго животнаго, со всѣмъ стараніемъ, на какое только онъ былъ способенъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ достигъ его выздоровленія. Его благодарили со всей неумѣренностью ложной признательности, но за издержки его не вознаградили и за хлопоты не заплатили ничего; входъ къ князю ему былъ немедленно запрещенъ, какъ въ свое время для старика-дяди. Однимъ словомъ, для него не сдѣлали ничего, и онъ бѣжалъ изъ Россіи совершенно такъ же, какъ спасаются изъ логовища льва или леопарда. Вотъ какъ просвѣщеніе проникаетъ иногда ко дворамъ государей и подчиняетъ себѣ даже фаворитовъ.

Россія, сколько мнѣ извѣстно, единственная страна, гдѣ должность секретарей посольства постоянна. Молодого человѣка, выбирающаго подобную службу, назначаютъ первоначально ученикомъ дипломатическаго дѣла, въ канцеляріи по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Послѣ этого онъ получаетъ мѣсто при какомъ-нибудь посольствѣ, гдѣ ему поручается веденіе отчетовъ; затѣмъ слѣдуютъ должности экспедитора или кописта, затѣмъ секретаря, затѣмъ совѣтника посольства и т. д. Всегда онъ имѣетъ возможность выйти въ отставку и, когда бы онъ ни сдѣлалъ это, онъ сохраняетъ право на полное свое жалованье, если пожелаетъ поступить въ какую-либо изъ Петербургскихъ канцелярій. Если онъ предпочтетъ остаться свободнымъ, онъ получаетъ половину того же оклада подъ названіемъ пенсіи. Мнѣ нѣтъ надобности добавлять, что жалованье, чины и права все возвышаются, въ зависимости отъ того, какъ служащій переходитъ съ одной ступени на другую. Извѣстно, какой порядокъ въ этомъ отношеніи установленъ въ Россіи: для всѣхъ должностей государственной службы тамъ есть только одинъ рядъ чиновъ, именно военный. Изъ этого слѣдуетъ, что, желая вознаградить ученаго или вообще кого-либо, состоящаго на гражданской службѣ, ему даютъ, напримѣръ, чинъ генералъ-лейтенанта, обезпечивающій ему званіе *превосходительства*. Это случилось съ докторомъ Шефферомъ, когда онъ былъ въ Петербургѣ медикомъ князя Саксонскаго, герцога Курляндскаго и Русскаго великаго князя Павла Петровича. Лагарпъ, незнакомый съ этимъ порядкомъ вещей, сдѣлалъ довольно несчастный промахъ, когда великій князь путешествовалъ подъ именемъ графа Сѣвернаго (comte du Nord). На одинъ изъ обѣдовъ, данныхъ графомъ Сѣвернымъ, были приглашены: Лагарпъ, съ которымъ онъ велъ литературную переписку, д'Аламберъ, отказавшійся быть его учителемъ, и Шефферъ, который въ то самое время лѣчилъ его отъ

легкаго нездоровья. Обращаясь къ этому послѣднему, великій князь каждый разъ называлъ его превосходительствомъ. Лагарпъ, вообразивъ, что такое обращеніе, требуемое просто этикетомъ, было насмѣшкою, сообщилъ это предположеніе своему сосѣду, одному изъ офицеровъ свиты. Тотъ очень серьезно объяснилъ ему, что подобное званіе законно принадлежало медику; но и это объясненіе не могло убѣдить автора, написавшаго «Варвика». Обращаясь непосредственно къ графу Сѣверному, Лагарпъ спросилъ: «государь, если въ Россіи медикъ получаетъ званіе превосходительства, то какой же титулъ даютъ тамъ писателю?»—«Милостивый государь, отвѣчалъ Павелъ, сознаюсь вамъ безъ стыда, что у насъ еще не установлены чины для писателей; но я убѣжденъ, что будь здѣсь моя мать, она дала бы вамъ званіе *свѣтлости* (altesse).» Лагарпъ не замѣтилъ, что кругомъ всѣ зло подсмѣивались, и, какъ говорятъ, остался очень доволенъ отвѣтомъ, принявъ его серьезно.

Вѣроятно, ни одинъ Русскій не проѣзжалъ черезъ Берлинъ, ни одинъ иностранецъ не ѣхалъ и не возвращался этимъ путемъ въ теченіе тѣхъ двадцати лѣтъ, когда я жилъ въ этомъ городѣ, чтобы я не повидалъ его и не разспросилъ его, сколько то допускается вѣжливостью. Поэтому нерѣдко думали, что я самъ былъ въ Россіи. Я видѣлъ Фальконета, когда онъ ѣхалъ туда, видѣлъ его и на обратномъ пути. Я былъ изъ числа тѣхъ, кому онъ роздалъ кусочки гранита отъ скалы, образующей подножіе памятника Петру Великому (тогда была мода дѣлать себѣ изъ этого гранита запонки). Когда князь Барятинскій ѣхалъ въ Парижъ, чтобы занять тамъ мѣсто полномочнаго министра, онъ самымъ настойчивымъ образомъ упрашивалъ меня дать ему свои порученія и съ величайшей предупредительностью обѣщалъ мнѣ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобъ они были хорошо выполнены. Я предоставилъ ему нѣсколько экземпляровъ моего «Разсужденія о стилѣ», которое только-что было отпечатано. Каждая книга была заклеена въ особую бумагу съ точнымъ адресомъ; между тѣмъ только одинъ д'Аламберъ получилъ назначенную ему посылку. Вполнѣ убѣдившись въ такой небрежности, я обратился къ его сіятельству съ письмомъ, заботливо обращая, однако, свои жалобы только на лицъ изъ его свиты, которымъ онъ могъ дать приказаніе по этому поводу. Князь отвѣчалъ мнѣ, что я дурно освѣдомленъ и что всѣ порученные ему экземпляры были вѣрно переданы по указанію ихъ адресовъ. Вотъ единственная черта въ Русскихъ путешественникахъ, давшая мнѣ нѣкоторый предлогъ для жалобъ.

Графъ Шуваловъ, авторъ «Посланія къ Нинонѣ-де-Ланкло», возвращаясь изъ своего путешествія по Франціи, останавливался на нѣ-

которое время въ Берлинѣ. Случилось ему заговорить со мной про «Оду о мореплаваніи», за которую незадолго передъ тѣмъ Лагарпъ получилъ академическую премію. По какой-то разсѣянности я позабылъ, что Русскій графъ долженъ быть очень признателенъ автору этой оды, такъ какъ стихи въ «Посланіи къ Нинонѣ» всѣ были имъ выправлены и подчищены. Я говорилъ объ одѣ безъ надлежащей осторожности. Я удивлялся, что Лагарпъ не написалъ лучше; я находилъ, что многія строфы далеко ниже посредственности, а хорошихъ строфъ тамъ очень немного; что цѣлое—холодно и въ немъ не чувствуется вдохновенія; что это произведеніе, вообще одно изъ худшихъ, какія только выходили изъ-подъ пера этого писателя, доказываетъ, что въ дарованіи писать оды ему отказано. На другой день послѣ этого разговора, князь Долгорукій сказалъ мнѣ, смѣясь: «Вы очень промахнулись. Графъ былъ самымъ страстнымъ образомъ влюбленъ въ васъ; онъ васъ цѣнилъ и любилъ, какъ никого; можетъ быть, никто никогда полнѣе не завладѣвалъ душою. Но вашъ суровый отзывъ о Лагарпѣ испортилъ все; вы навсегда погибли во мнѣніи графа». — «Ахъ, князь, возразилъ я, утѣшусь тѣмъ, что вамъ не придется дѣлить со мной его негодованія». Говорятъ, что этотъ самый графъ Шуваловъ помогъ Лагарпу вступить въ литературную переписку съ Павломъ Первымъ.

Самый любопытный и исключительный анекдотъ, который я могу разсказать о Россіи, касается одного историческаго сочиненія совершенно особаго рода. Нѣкій Русскій вельможа, уѣзжая за границу, получилъ рукопись этого сочиненія подъ двойнымъ обѣщаніемъ: не показывать ее иначе, какъ требуя соблюденія строжайшей скромности, и напечатать ее въ крошечномъ форматѣ, какъ брелокъ, въ количествѣ всего пятидесяти экземпляровъ, которые слѣдовало тщательнѣйшимъ образомъ доставить автору *), чтобы при этомъ никто не могъ ни увидать, ни получить, ни сохранить ни одного изъ нихъ. Вельможа, о которомъ идетъ рѣчь, былъ весьма озабоченъ тѣмъ, чтобы точно выполнить порученіе; но оно сильно заботило его, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ никакого понятія ни о чемъ относящемся къ печатному дѣлу. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что я охотно замѣщу его и сохраню тайну; поэтому онъ передалъ мнѣ порученную ему драгоцѣнную рукопись. Я сдѣлалъ это рѣдкое изданіе, принявъ всѣ предосторожности, какія-только могла требовать подобная тайна. Черезъ нѣсколько дней я уже передалъ ему пятьдесятъ книжечекъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что никто не имѣетъ понятія о ихъ содержаніи и что сверхъ назначеннаго числа отпечатанъ только одинъ экземпляръ, кото-

*) Очень вѣроятно, что авторомъ была сама Государыня. П. Б.

рый я оставилъ для себя, что̀ и сообщилъ моему знатному комиссіонеру. Къ несчастью, я довѣрилъ эту книжку своей женѣ; она привѣсила ее къ часамъ и потеряла, такъ какъ колечко, на которомъ она держалась, незамѣтно для всѣхъ перетерлось отъ времени. Этотъ непоправимый случай всегда возбуждалъ во мнѣ искреннѣйшее сожалѣніе, какъ ради автора, такъ и изъ-за самаго содержанія книжечки. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ занималъ одно изъ самыхъ высокихъ положеній, а содержаніе его сочиненія, носившаго названіе «Исторія Римскихъ императоровъ», ограничивалось тѣмъ, что сообщало намъ почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ: «*такой-то* былъ убитъ *тѣмъ-то*, а *тотъ-то* другой въ свою очередь совершилъ *такое-то* убійство». Этотъ списокъ убійствъ, совершенныхъ затѣмъ, чтобы овладѣть императорскимъ престоломъ, образовывалъ непрерывную и однообразную цѣпь однихъ и тѣхъ же преступленій и, благодаря этому, являлся удивительнѣйшимъ произведеніемъ, въ высшей степени своеобразнымъ и въ высшей степени смѣлымъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ настолько краткимъ, какъ только можно вообразить.

Можетъ быть, не сочтутъ лишнимъ, если я внесу въ эти Воспоминанія то, что̀ дошло до моего свѣдѣнія относительно Орловыхъ. Все, что̀ я имѣю сказать о нихъ, сводится къ тремъ вещамъ; 1-ое: ихъ семейство; 2-ое: участіе, которое они принимали въ гибели Петра III, и 3-е: личный характеръ того изъ нихъ, кого прозвали le Balafré (съ рубцомъ). Но, я полагаю, раньше должно передать два довольно любопытныхъ анекдота о Екатеринѣ II, какъ кажется, мало распространенныхъ.

Извѣстно, что Екатерина родилась и была воспитана въ Кюстринѣ*), гдѣ ея отецъ, генералъ Прусской службы, былъ губернаторомъ. Баронесса Принценъ, въ дѣвушкахъ бывшая придворной дамой этого маленькаго двора, много разъ разсказывала мнѣ и о ней самой, и о ея родителяхъ, которые и не воображали никогда, что ихъ дочери предстоитъ нѣкогда сдѣлаться повелительницей великой имперіи. «Я видѣла, какъ она родилась», разсказывала она, «я видѣла, какъ ее воспитывали; я была свидѣтельницей ея занятій и ея успѣховъ; я сама помогала убирать ея приданое, когда она отправлялась въ Россію. Она въ достаточной мѣрѣ довѣряла мнѣ, чтобы я могла похвалиться, что знаю ее лучше, чѣмъ кто другой. И что же! Я бы не угадала никогда, какую славу должна она стяжать. Я не замѣчала въ ней и въ ея юности ничего бо̀льше, кромѣ серьезнаго склада ума, разсудительнаго и холоднаго, но столь же чуждаго всего изъ ряду вонъ выходящаго, какъ и всякихъ ошибокъ, причудъ и безразсудствъ. Однимъ

---

*) Тьебо̀ хотѣлъ сказать: „въ Штетинѣ.“ П. Б.

словомъ, я была убѣждена, что она будетъ самой обыкновенной женщиной. Послѣ этого вы можете судить, съ какимъ удивленіемъ узнавала я о великихъ приключеніяхъ ея жизни».

Екатерина II, будучи еще великой княжною, перенесла очень тяжелую болѣзнь, отъ которой была счастливо спасена Французскимъ хирургомъ, позднѣе вернувшимся на родину. Ставши государыней, она вспомнила объ услугѣ, оказанной ей этимъ человѣкомъ, и послала ему патентъ на полученіе пенсіона въ десять тысячъ франковъ. «Такъ какъ я лишена счастья, говорила она, быть полезной виновникамъ моей жизни, я должна быть по крайней мѣрѣ полезной тому, кто мнѣ ее сохранилъ». Эти слова объясняются тѣмъ, что ея мать, умершая незадолго до ея вступленія на престолъ, доживала жизнь, благодаря ограниченности средствъ, въ величайшей умѣренности, въ Парижѣ, куда она удалилась и гдѣ занимала маленькій отель позади Люксембургскаго дворца. Я не говорю о братѣ императрицы: онъ жилъ и умеръ въ неизвѣстности *).

Въ чемъ любители будутъ всего болѣе завидовать Екатеринѣ II, это устройство ея библіотеки. Чтобы получить книгу, стоящую на опредѣленной полочкѣ, стоило только нажать пуговку съ соотвѣтствующимъ номеромъ; полочка тотчасъ приходила въ движеніе, подвигалась впередъ и спускалась до уровня, удобнаго для чтенія. Новымъ нажатіемъ пуговки книга опять отсылалась на свое мѣсто. Нѣтъ надобности добавлять, что весь механизмъ, необходимый для того, былъ скрытъ въ деревѣ.

Орловыхъ было пять братьевъ. Старшій никогда не хотѣлъ занимать никакого мѣста, всю жизнь оставался ничѣмъ и получилъ прозвище философа; второй былъ сдѣланъ княземъ; третій—это тотъ, который имѣлъ рубецъ на лицѣ; два другихъ, бывшіе много моложе, не производили особаго впечатлѣнія. Всѣ пятеро были одинаковаго роста и обладали гораздо бо́льшей физической силой, чѣмъ то обыкновенно приходится видѣть, по крайней мѣрѣ въ Европѣ. Впрочемъ, красивѣйшимъ изъ нихъ все же былъ второй, а самымъ сильнымъ третій. Рубецъ, бывшій на его лицѣ, получилъ онъ по причинѣ одного пари, которое онъ держалъ и выигралъ въ юности: онъ вызвался биться заразъ съ нѣсколькими гренадерами и остался побѣдителемъ, хотя получилъ рану въ лицо, шрамъ отъ которой носилъ всю жизнь. Объ ихъ происхожденіи я могу передать только одинъ разсказъ, за который не поручусь, что читалъ его въ томъ самомъ видѣ, какъ перескажу.

*) Онъ умеръ всего за три года до сестры, но ни разу не пріѣзжалъ въ Россію. П. Б.

Однажды въ Берлинѣ пошелъ я на аукціонъ книгъ; то было послѣ полудня. Войдя въ залу, гдѣ происходила продажа, я замѣтилъ г. Гр***, уже помѣстившагося около стола. Я раздобылъ себѣ мѣсто около него и мы начали перебирать книги, лежавшія передъ нами. Гр.... взялъ маленькую книжку въ синей обложкѣ, страницъ въ 50: то былъ разсказъ какого то офицера, излагающій событія въ Россіи тотчасъ послѣ смерти Петра III. Перелистывывая книжку, мой сосѣдъ попалъ на одно мѣсто, которое поспѣшилъ мнѣ показать и которое мы тутъ же прочитали вдвоемъ въ полголоса. Тамъ разсказывалось, какъ Петръ Великій, наказывая мятежныхъ стрѣльцовъ, самъ для сокращенія дѣла рубилъ головы топоромъ цѣлому ряду преступниковъ, на плахѣ, поставленной передъ нимъ. Среди наказываемыхъ стрѣльцовъ возникло тогда живое соревнованіе; каждому хотѣлось заслужить честь—быть казненному земнымъ изображеніемъ самого Іисуса Христа. Соревнованіе это дошло до того, что какой-то высокій, красивый мужчина, когда другой уже лежалъ на царской плахѣ, положилъ рядомъ и свою голову, надѣясь, что царь ударомъ наотмашъ убьетъ и его. Петръ Великій, пораженный этимъ избыткомъ рабскаго чувства, помиловалъ этого человѣка. То былъ дѣдъ Орловыхъ, то есть дѣдъ того человѣка, отъ котораго погибъ Петръ III, потомокъ и наслѣдникъ Петра Великаго. Что̀ сказалъ бы Петръ Великій, добавляетъ авторъ, если бы ему предрекли, что милость, оказанная простому стрѣльцу, будетъ роковымъ приговоромъ его внуку. Намъ не пришлось продолжать чтеніе, потому что эту двухкопеечную книжку пустили въ продажу. Цѣна была набита до червонца; но за книжку заплатили бы и гораздо дороже, если бы стало извѣстнымъ, что торговавшій ее имѣлъ порученіе изъ Россіи изъять изъ продажи всѣ ея экземпляры, за какую бы ни было цѣну.

Было много разныхъ разсказовъ о подробностяхъ смерти Петра Третьяго. Я хочу передать здѣсь одинъ изъ нихъ, сообщенный мнѣ молодымъ Русскимъ, которому частнымъ образомъ покровительствовалъ Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Онъ имѣлъ возможность прочесть всѣ тайныя бумаги по этому дѣлу и увѣрялъ меня, что его разсказъ основанъ на подлинныхъ документахъ.

Петръ Третій принялъ окончательное рѣшеніе заточить свою жену въ монастырь, гдѣ нибудь въ глубинѣ Московіи. Императрица узнала объ этомъ отъ княгини Дашковой, вывѣдавшей эту тайну отъ своей сестры, Воронцовой, которая была любимицей Петра Третьяго. Приверженцы Екатерины собрали совѣтъ, въ которомъ участвовали: княгиня Дашкова, Григорій Орловъ, впослѣдствіи сдѣланный княземъ, и

нѣсколько другихъ лицъ, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ; называютъ между нихъ Алексѣя Орлова, le Balafré, графа Панина и графа Разумовскаго. Тамъ было порѣшено, что надо заручиться содѣйствіемъ гвардіи, пока Петръ Третій продолжаетъ оставаться въ деревнѣ, неподалеку отъ Петербурга. Гвардія была готова содѣйствовать: такъ хорошо повели свое дѣло эмиссары, къ помощи которыхъ прибѣгли. Стоило это всего по рублю «на водку», данному на каждаго человѣка. Узнавъ объ этихъ событіяхъ, Петръ Третій обратился за совѣтомъ къ знаменитому фельдмаршалу Миниху, въ то время уже болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтнему старцу, находившемуся тогда при императорѣ. Минихъ отвѣчалъ, что есть только одинъ исходъ: немедленно вернуться въ Петербургъ во главѣ императорскаго Голштинскаго отряда и явиться передъ гвардіей, раньше чѣмъ будутъ приняты рѣшительныя мѣры противъ него самого. У Петра не достало для этого мужества. Тогда Минихъ покинулъ его со словами: «Вы губите себя безнадежно; отнынѣ я рѣшительно безполезенъ для васъ. Я удаляюсь въ изгнаніе. Прощайте». Петръ, предоставленный самому себѣ и жалобамъ своей любимицы, началъ колебаться. Одно извѣстіе слѣдовало за другимъ; наконецъ, онъ, послѣ ряда предположеній, рѣшилъ бѣжать въ Германію. Онъ явился передъ Кронштадтомъ, но было уже слишкомъ поздно: комендантъ заперъ передъ нимъ двери и грозилъ открыть огонь по нему и по его людямъ, если онъ не удалится. Подчиняясь силѣ, Петръ вернулся въ свой загородный дворецъ и предложилъ торжественно отречься отъ престола въ пользу своего сына, воспитательницей и регентшей котораго была бы Екатерина; самъ же онъ въ тоже время удалился бы въ Голштинію и удовольствовался бы этимъ герцогствомъ. Такое предложеніе сначала очень понравилось Екатеринѣ, и она хотѣла его принять; но Орловъ и другіе приближенные возстали противъ этого, говоря: «Естественно, что въ настоящее время въ предложеніи, о коемъ идетъ рѣчь, вы видите только истинныя выгоды. Въ самомъ дѣлѣ, вы сдѣлаетесь государыней безъ возраженій, безъ боя и тотчасъ. Но посмотримъ будущее. Петръ уѣдетъ и возвратится въ Голштинію. Если даже онъ будетъ жалѣть о потерянной имперіи, у него лично не будетъ средствъ вернуть ее. Но вниманіе должно быть обращено не на него. Надо имѣть въ виду всѣ кабинеты Европы. Какой изъ нихъ не скажетъ себѣ, что, удайся ему примирить васъ съ супругомъ, онъ будетъ пользоваться безграничнымъ уваженіемъ у насъ? Развѣ государь, добившійся такого примиренія, не будетъ нашимъ ближайшимъ союзникомъ, въ виду благодарности со стороны императора и признательности съ вашей стороны? И такое примиреніе сдѣлается тѣмъ предметомъ, той цѣлью, на которую будутъ направлены усилія всѣхъ Евро-

пейскихъ державъ. Всѣ будутъ дѣйствовать сообща и согласно, съ нѣкотораго рода неослабѣвающимъ соперничествомъ. Въ такомъ случаѣ сумѣете ли вы сопротивляться? Достанетъ ли у васъ силъ противостать этого рода единодушію, особенно если съ просителями необходимо будетъ вести дѣло осторожно и почтительно. Отказывать настояніямъ всей Европы-это величайшіе безуміе, о какомъ только можно помыслить. Рано или поздно, но вы кончите тѣмъ, что примиритесь съ супругомъ, и послѣ этого, рано или поздно, такъ или иначе, но всѣ мы, служащіе вамъ, окажемся жертвами. Примиреніе будетъ запечатлѣно нашей кровью: за возвращеніе императора мы заплатимъ нашими головами. Униженіе, немилость, изгнаніе, общее осужденіе, плаха или ядъ, вотъ что̀ будетъ намъ наградой за наше рвеніе. Нѣтъ, государыня, въ подобнаго рода вещахъ нельзя дѣлать дѣла наполовину. Кто сдѣлалъ первый шагъ, уже не долженъ останавливаться, пока не дойдетъ до конца». Екатеринѣ было нечего отвѣчать на эти неодолимые доводы. Она начала плакать, а другіе пошли по своему пути впередъ, не спрашивая даже ея соизволенія. Ея участіе въ гибели Петра Третьяго ограничивается только молчаніемъ, которое ее принудили хранить.

Хотя князь Орловъ былъ менѣе силенъ, чѣмъ его братъ, надо предположить однако, что онъ былъ достаточно силенъ, если справедливо то, что̀ о немъ разсказываютъ. Меня увѣряли, что въ день, когда солдаты гвардіи должны были приносить присягу вѣрности Императрицѣ, и когда князь Орловъ (а онъ былъ капитаномъ одной роты, одѣтой по римски) отдалъ приказъ къ этой присягѣ своему отряду, одинъ офицеръ, человѣкъ очень тучный, закричалъ, что они приносили присягу императору и что поэтому они не могутъ присягать никому другому. Въ отвѣтъ на это Орловъ схватилъ его поперекъ груди и бросилъ вонъ изъ рядовъ съ такой силой, что онъ, отлетѣвъ очень далеко, упалъ на землю. Полуобернувшись къ войску, Орловъ повелительно скомандовалъ: маршъ! и всѣ повиновались этому приказу, не смѣя возражать. Такое впечатлѣніе произвело это проявленіе мощи.

Княгиня Дашкова въ Берлинѣ.

«Философическая исторія сношеній Европейцевъ съ Индусами» аббата Рейналя доставила автору величайшій успѣхъ во Франціи. Парижскій парламентъ, повидимому, разсердился; духовенство начало шумѣть и интриговать. Аббатъ испугался и укрылся въ Готу, гдѣ его приняли очень хорошо, но гдѣ онъ съ каждой почтой ожидалъ, что получитъ извѣстіе о конфискаціи своихъ доходовъ (жестокій ударъ,

который поразилъ его въ сердце тяжелѣе всего другого). Между тѣмъ, не смотря на весьма почетный пріемъ, оказанный ему герцогиней Саксенъ-Готской, онъ не могъ быть особенно доволенъ своимъ пребываніемъ при этомъ дворѣ, представлявшемъ слишкомъ тѣсное поприще человѣку съ такими достоинствами, какъ онъ. Его самомнѣніе, жажда бóльшей извѣстности, личная выгода и мысль, что почести, которыя онъ получитъ при дворѣ короля-философа, своимъ блескомъ произведутъ впечатлѣніе и на его враговъ, вплоть до Парижа и Версаля, все влекло его мечты въ Берлинъ. Въ это время княгиня Дашкова (d'Achkoff), возвращаясь съ сыномъ изъ Парижа, проѣзжала черезъ Готу и остановилась тамъ на нѣсколько дней.

Княгиня была въ гнѣвѣ на Францію и на Французовъ. Убійственное приключеніе, пережитое ею въ Тюльери, являлось еще совершенно свѣжимъ и было изъ числа тѣхъ, которыя нескоро позабываются, особенно женщиной столь гордой, надменной и порывистой, какова была княгиня Дашкова во всѣхъ своихъ страстяхъ. Сильная какъ мужчина, ходящая всегда большими шагами съ поднятой головой, невзрачная, но со смѣлымъ и властнымъ взглядомъ, она прогуливалась однажды въ Тюльери или, вѣрнѣе, сидѣла тамъ, когда кто-то, проходя, сказалъ своему спутнику: «Ба! вотъ Русская княгиня, которая сгубила Петра III.» (*Дальше нѣсколько словъ объ этой гибели*). Большая часть изъ этихъ обстоятельствъ были лживы, но во Франціи ихъ считали достовѣрными. Понятно, что слова, сказанныя этимъ прохожимъ, перешли изъ устъ въ уста по всей большой аллеѣ. Скоро толпа образовала весьма тѣсный кругъ вокругъ княгини; въ концѣ-концовъ она сама была сбита съ толку. Среди лицъ, особенно тѣснившихъ ее, находился нѣкто шевалье де-Санъ-Луи, красивый человѣкъ, но имѣвшій, при общемъ обликѣ человѣка хорошаго рожденія, что-то суровое въ выраженіи лица. Къ нему-то и обратилась княгиня, чтобы узнать причину этого стеченія народа. «Милостивый государь, спросила она, что вы меня разсматриваете (qu'avez vous donc tant à me considérer)?» — «Сударыня, возразилъ шевалье, прошу вашего извиненія: я смотрю на васъ, но вовсе васъ не уважаю (je vous regarde et ne vous considère pas)»*). При этихъ словахъ она встаетъ въ ярости, прорывается сквозь кругъ зрителей, тотчасъ идетъ къ себѣ, приказываетъ запрячь лошадей и ѣдетъ въ Готу.

Аббатъ Рейналь въ своемъ положеніи могъ безъ труда извинить княгинѣ Дашковой то недовольство, какое она высказывала къ Фран-

*) Непереводимая игра словъ: considérer означаетъ *разсматривать* и *уважать*.

ціи. Къ тому же онъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться ея прибытіемъ, чтобы продолжать путешествіе въ ея каретѣ. И въ самомъ дѣлѣ онъ сумѣлъ такъ хорошо повести свое дѣло, что княгиня предложила ему это мѣсто въ каретѣ. Онъ поспѣшилъ принять его до самаго Берлина, гдѣ, по его словамъ, его ждали и откуда онъ обѣщалъ герцогинѣ Готской вернуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, княгиня тотчасъ послала къ князю Долгорукому, Русскому посланнику въ Пруссіи, спросить о здоровьѣ. Князь въ свою очередь посѣтилъ свою соотечественницу и пригласилъ ее съ сыномъ и со спутникомъ по путешествію на завтра обѣдать. Въ тоже время онъ послалъ просить на этотъ обѣдъ Лагранжа, Формея, Меріана и меня.

Когда сѣли за столъ, княгиня Дашкова заговорила, обращаясь къ аббату Рейналю, о событіяхъ въ Женевѣ, которая была тогда осаждаема Швейцарцами, Сардинцами и Французами. Она усматривала въ этой осадѣ тонкій умыселъ графа Верженя, который, конечно, долженъ кончиться для этой страны ея обращеніемъ во Французскую провинцію. Рейналь, вовсе не собиравшійся ѣхать въ Россію и не имѣвшій болѣе надобности въ княгинѣ, вдругъ снова сдѣлался патріотомъ и откровеннымъ человѣкомъ. «Сударыня, сказалъ онъ въ отвѣтъ, вся Женевская область имѣетъ не больше четырехъ миль въ діаметрѣ, а вамъ извѣстно, что наши провинціи нѣсколько иного размѣра. Вы можете мнѣ возразить, что Женева богата; но я отвѣчу вамъ, что ея богатство основано на контрабандѣ и на томъ преимуществѣ, что ея границы соприкасаются съ нашими. Если мы включимъ ее во Францію, контрабанда и всѣ богатства уйдутъ дальше, и Женева вскорѣ сдѣлается простой деревней. Неужели же вы можете думать, что ради такого городишка (а Женева стала бы маленькимъ городишкомъ въ какія нибудь десять лѣтъ) графъ Верженъ сталъ бы сплетать запутанныя интриги и согласился бы подвергать опасности свое имя неподкупно-честнаго человѣка, губить навсегда то высокое положеніе, какое онъ стяжалъ въ уваженіи и въ довѣріи всѣхъ кабинетовъ Европы? Будьте твердо увѣрены, что онъ умѣетъ разсчитывать лучше, и что эта ложная, скупая, безчестная и разорительная политика принадлежитъ не ему».

Бѣдная княгиня бросала кругомъ на всѣхъ присутствующихъ безпокойные и смущенные взгляды, явно обнаруживавшіе ея замѣшательство, удивленіе и даже нѣкоторую пристыженность. Видно было, что ей не только нечего было возразить, но что она не привыкла встрѣчать такой прямой отпоръ, особенно со стороны аббата Рейналя.

Сразу перемѣнивъ предметъ разговора, она обратилась къ Лагранжу, моему сосѣду.—«Вы, конечно, знакомы, сказала она ему, съ отцомъ Жакье?»—«Я никогда не видалъ его, сударыня, и никогда не состоялъ съ нимъ въ перепискѣ».—«Но вѣдь это же человѣкъ съ великими заслугами въ области математики».—«Вѣрнѣе, человѣкъ очень много писавшій въ этой области. Помнится, у него до шестидесяти томовъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ я просматривалъ и могу сказать, что въ общемъ слогъ его хорошъ. Онъ могъ, да можетъ и теперь еще, быть полезенъ для юношества. Онъ хорошо воспринялъ и умѣетъ хорошо пересказывать открытія и взгляды другихъ». — «Однако это человѣкъ большого ума и очень милый господинъ. Кромѣ того онъ всѣми признанъ за перваго геометра своего вѣка и за геніальнаго ученаго. Имя Жакье перейдетъ въ потомство.»—«Его дарованія могли бы способствовать этому, но имя математиковъ переходитъ къ потомству не по числу исписанныхъ ими томовъ. Кто насчитываетъ большое число книгъ, еще не можетъ похваляться, что его будутъ помнить черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти, если онъ не сдѣлалъ никакого открытія. Къ сожалѣнію, это то самое положеніе, въ какомъ находится отецъ Жакье. Напротивъ, имя человѣка, оставившаго послѣ себя кусочекъ бумаги, величиной съ ладонь, можетъ со славой перейти къ отдаленнѣйшему потомству, если на этомъ лоскуткѣ написано великое и дивное открытіе, подобное, напримѣръ, одному изъ законовъ Кеплера». Русская княгиня, другъ Екатерины II, назначенная директоромъ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, потерпѣвъ такое пораженіе отъ аббата Рейналя подъ Женевой и отъ Лагранжа по поводу отца Жакье, предпочла покинуть область политики и науки. Разговоръ перешелъ на предметы незначительные, и послѣ кофе всѣ разошлись.

Другой разъ я обѣдалъ у князя Долгорукаго, когда тамъ присутствовала знаменитая княгиня Дашкова, съ барономъ Стутгереймомъ. Когда княгиня назвала имя одного изъ иностранныхъ посланниковъ, бывшихъ въ то время въ Дрезденѣ, г. Стутгереймъ поспѣшилъ отозваться о немъ самымъ лестнымъ образомъ. Его пылъ въ этомъ отношеніи долженъ бы былъ остановить даму-путешественницу, но эта дама была такова, какую нелегко себѣ представить. «Какъ можете вы, возразила она, говорить такъ хорошо о подобномъ человѣкѣ? Я не сержусь слишкомъ, потому что знаю, какъ надо цѣнить всѣхъ васъ, мужчинъ! Вы всѣ другъ на друга похожи: слабодушные, преисполненные притязаній, высокомѣрные, несправедливые, всегда готовые стать тиранами, вы стóите одинъ другого! Не смотря на то, хотя мы мно-

го должны страдать отъ васъ и многое вамъ прощать, несомнѣнно, что полное отсутствіе чувства въ васъ не можетъ быть терпимо. Обращеніе этого посланника съ его женой именно указываетъ на такое отсутствіе всякаго чувства. Она некрасива, я соглашаюсь съ этимъ; но вѣдь онъ зналъ ее, когда выбиралъ въ жены. Если этотъ недостатокъ красоты оправдываетъ его въ томъ, что онъ ея не любитъ *), то оправдываетъ ли въ томъ, что онъ увезъ ее во Францію, чтобы разорить, бросить и отослать, одинокой, на родину, послѣ того какъ онъ истратилъ все состояніе па любовницъ и на другое подобное? И что же! Всего этого мало въ сравненіи съ тѣмъ, что́ послѣдовало. Бѣдная женщина, не имѣя больше ничего, поселяется у брата; братъ умираетъ бездѣтнымъ и дѣлаетъ ее единственной наслѣдницей, а братъ ея былъ очень богатъ, какъ прежде и она сама. Что̀ же дѣлаетъ въ такихъ обстоятельствахъ ея мужъ, все тотъ же расточитель, не имѣющій никакого состоянія? Онъ пріѣзжаетъ въ тотъ городъ, гдѣ она живетъ, чтобы вновь сойтись съ нею, т. е. для того чтобы получить ея богатство и, можетъ быть, чтобы разорить ее еще разъ. По счастью она поступила въ этомъ случаѣ именно такъ, какъ была обязана. Пріѣхавъ, онъ по семейному является къ ней, когда она еще занята была своимъ туалетомъ. Она принимаетъ его холодно, какъ простого знакомаго, нисколько не смущаясь; спрашиваетъ у него, намѣренъ ли онъ остаться въ этой странѣ нѣсколько дней, гдѣ будетъ онъ жить и не сдѣлаетъ ли ей честь отобѣдать у нея *сегодня*. Эти вопросы и тонъ, какимъ они были произнесены, заставили его понять, что онъ не добьется успѣха, и онъ тотчасъ же уѣхалъ. Я не думаю, что должно извинять ему отсутствіе чувства, доходившее до того, что онъ готовъ былъ вновь сойтись съ женщиной, которой онъ не любилъ, которую онъ разорилъ и бросилъ такъ жестоко, и притомъ сойтись послѣ того, какъ она вновь стала богатой. Немного чувства замѣтно только въ томъ, что онъ поспѣшилъ уѣхать послѣ оказаннаго пріема». — «Но, возразилъ баронъ Стутгереймъ, увѣряютъ, что попытка, въ которой вы его обвиняете, исходила не отъ него. Онъ рѣшился на нее противъ воли. Къ этому въ нѣкоторомъ родѣ принудили его родители. Что̀ касается до первыхъ его проступковъ противъ жены, то это ошибки молодости, которыхъ онъ и самъ далеко не одобряетъ. Въ концѣ-концовъ, я отзываюсь о немъ хорошо такъ же, какъ мы всѣ здѣсь о немъ отзываемся. Я говорю о немъ лишь поскольку знаю его среди насъ. А здѣсь онъ таковъ, что мы всѣ питаемъ къ нему величайшее уваженіе».

---

*) Замѣтьте, что княгиня Дашкова сама была очень невзрачна.

Княгиня стала возражать, потому что она была женщиной, которая ни передъ чѣмъ не отступаетъ. Баронъ не отвѣчалъ болѣе ни слова. Тогда княгиня Дашкова обратилась ко мнѣ: «Прекрасныя дѣла продѣлываете вы во Франціи! Вы объявляете себя банкротами передъ Европой. Всѣ стѣснены, ограблены и разорены. И вмѣстѣ съ тѣмъ вы бросаете 30 милліоновъ за окно, на свадьбу вашего дофина! Правда, что по винѣ той полиціи, которою вы такъ гордитесь, разные мошенники разстраиваютъ ваши празднества. Тысяча восемьсотъ человѣкъ погибаетъ отъ потѣшныхъ огней при иллюминаціи, но что за бѣда! Вѣдь иллюминація, вѣроятно, была несравненная. Банкроты, расточители и убійцы! О, милостивый государь, это прекрасно, это величественно! Въ Россіи у насъ есть Государыня, которая поступаетъ совершенно наоборотъ: она не дѣлаетъ долговъ, честно расплачивается, не убиваетъ у себя никого. Дѣла частнаго банка идутъ плохо; Императрица нисколько въ томъ не заинтересована, но довольно того, что она дала разрѣшеніе на него, и вотъ она спѣшитъ пополнить дефицитъ. Какъ вы думаете, какими глазами будетъ смотрѣть на это сравненіе потомство?»

Я не могъ возразить ей, потому что былъ за столомъ у Русскаго посланника, къ которому былъ сердечно привязанъ и который долженъ былъ всячески оберегать близкаго друга своей Императрицы. Но я разсказалъ объ этихъ нападкахъ Французскому уполномоченному въ дѣлахъ. На слѣдующій день, вечеромъ, былъ большой ужинъ у графа Финкенштейна; онъ, при входѣ княгини Дашковой, сказалъ нѣсколькимъ дамамъ, съ которыми разговаривалъ: «Ахъ берегитесь! Спрячьте меня, пожалуйста! Эта госпожа пришла сюда, можетъ быть, только затѣмъ, чтобы погубить меня, какъ будто я Петръ Третій. Увы! Это для нея простая забава. Повѣрьте мнѣ, надо спасаться! Никто здѣсь не въ безопасности. Ай! Вотъ она кладетъ руку въ карманъ. Она достаетъ платокъ! Ну, мы погибли! Вы знаете, что платки — ея любимое орудіе». Весь вечеръ продолжалась подобная игра, и княгиня должна была сдѣлать значительное усиліе надъ собой, чтобы не замѣчать ея, такъ какъ кругомъ нея нѣсколько разъ раздавались взрывы смѣха.

Не оговариваемъ явныхъ ошибокъ и неточностей въ этихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ: читатели „Русскаго Архива“ сами замѣтятъ ихъ. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ[1]).

1822-й годъ.

Москва, 2-го Генваря 1822.

Вчера встаю и нахожу въ залѣ множество почтамтскихъ чиновниковъ, ожидавшихъ, чтобы я проснулся. На свой счетъ взять я это не могъ; но я имъ сказалъ, что тебѣ напишу и тебѣ очень будетъ пріятно узнать, что въ отсутствіи твоемъ относятъ они любовь свою ко мнѣ. Между разговоровъ является вдругъ Рушковскій [2]), котораго впервыя вижу en grand cordon. Долго разговоръ былъ всеобщій; послѣ отвелъ онъ меня въ гостиную. J'ai à vous demander un conseil, je suis dans l'embarras.—Quoi donc?— Vous savez que le choix de mon adjoint m'ayant été abandonné, connaissant à cet égard l'opinion de m-r votre frère, j'ai déclaré à m-r Treskine qu'il serait mon adjoint.—Vous n'avez fait qu'une chose juste.—Oui, mais écoutez: hier soir m-r Rounicz, qui sert au Sénat, se présente chez moi et demande la même place, ajoutant que je n'avais qu'à écrire un mot au prince [3]), qu'il était prévenu et que ma présentation serait agrée... Que dois-je faire?—Je m'étonne que vous me le demandiez. Votre parole doit être sacrée; il me semble: placer un autre c'est donner un soufflet à m-r Treskine, c'est le chasser de la poste, c'est affaiblir le zèle de tous les employés de la poste. Comment pouvez vous mettre en concurrence un polisson comme Rounicz, servant ailleurs, avec m-r Treskine qui est 29 ans expéditeur, 16 conseiller de collège et par les mains duquel, vous dites vous-même, qu'il a passé 4000 millions?—C'est vrai, mais le prince?—D'abord le prince ne vous écrit rien; on peut lui faire dire ce qu'on veut, il y a de ces lieux communs qu'on prend pour des consentements et qu'on explique en sa faveur; d'ailleurs le prince est trop juste (en supposant

---

[1]) Смотри выше стр. 260.

[2]) Читатели уже знаютъ, что Иванъ Александровичъ Рушковскій былъ Московскимъ почтдиректоромъ послѣ Константина Яковлевича Булгакова. (Онъ служилъ въ почтамтѣ еще со временъ князя Безбородки и былъ подъ покровительствомъ гр. А. Р. Воронцова). Преемникомъ ему былъ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ.

[3]) Т. е. въ Петербургъ, главному начальнику почтъ, князю А. Н. Голицыну.

qu'il ait promis à m-r Rounicz) pour ne pas donner la préférence à Treskine, quand il saura surtout que votre parole était engagée. — J'aurai donc tous les Rounicz contre moi. — Cela vaut mieux que d'avoir contre vous toute la poste et de faire mal le service de l'Empereur. Soyez bien sûr que si vous faites cet affront à ce brave Treskine, tout le monde s'en ira. Quelle perspective pour les autres? Servir 30 ans et puis être placé sous les ordres de quelque blan-bec. Mettez vous à la place de Treskine. Долго я его уговаривалъ; наконецъ, онъ рѣшился, что представитъ обоихъ, и князь выберетъ кого ему угодно. Я этого не могъ одобрить никакъ и доказывалъ Рушковскому, что ежели Трескинъ получитъ мѣсто, то ему не будетъ нимало обязанъ, а князю одному, что это ни Трескинъ, ни всѣ прочіе экспедиторы ему не простятъ, что я знаю отъ тебя, что Моск. почтамтъ держится отличными своими чиновниками; что ежели онъ ихъ разгонитъ, то послѣ не сладитъ самъ и рано или поздно самъ будетъ жертвою. Eh bien, très bien; si on me fait sénateur, on me prive de ma place, j'aurai moins de profit et moins de soucis! — Mais alors il dépend de vous de ne pas avoir ces soucis; mais pourquoi désorganiser la poste? Длинная эта конференція возбудила большое любопытство въ почтамтскихъ, ожидавшихъ все насъ въ другой комнатѣ. Voyez-vous, Ив. Алек., tous ces messieurs, pourquoi sont-ils ici? Parce qu'ils chérissent mon frère, il a été toujours juste à leur égard. Pereat mundus, fiat justitia былъ его отвѣтъ, однакоже все-таки остался при своемъ, не смотря на всѣ мои возраженія. Я этого человѣка право не постигаю. Онъ увѣряетъ, что всему виноватъ Серапинъ: онъ тотчасъ увѣдомилъ Руничей о перемѣщеніи Кривошапкина, а то бы никто не зналъ о ваканціи. Хотя бы и такъ было, все это не оправдываетъ Ив. Алек. Il m'a demandé le secret; je lui ai répondu que je savais tout cela depuis trois semaines et que Lundi je vous écrirai, certes en vous suppliant d'être l'avocat de Treskine et que ce serait la plus belle étrenne que je pourrais vous offrir pour la nouvelle année, de vous donner une cause juste et belle à défendre auprès du prince. Я не мѣшаюсь не въ свои дѣла, но уже ежели Ив. Алек. сдѣлалъ мнѣ эту честь требовать моего совѣта, я не могъ ему не напѣть все, что было на сердцѣ. Il déteste Treskine à cause de son caractère franc, bourru et inflexible. Вотъ тебѣ и все дѣло. Хочешь подивиться? Ив. Алек. обѣдалъ у Апраксина съ Филаретомъ, это бы ничего; но Ст. Ст.*) пригласилъ его къ себѣ въ ложу въ Италіянскую оперу, и Ив. Алек. соби-

---

*) Т. е. Апраксинъ, у котораго былъ свой театръ въ его домѣ на Знаменкѣ (нынѣ Военное Училище).

рается ѣхать туда въ Середу. Le jeune homme se forme, comme vous voyez.

*

Москва, 3 Генваря 1822 г.

Вчера насилу убрался съ балу въ половинѣ четвертаго. Хотя и не скажу, чтобы очень было весело, но, потанцовавши, захотѣлось что-нибудь съѣсть, поймалъ студени кусокъ, вина рюмку, да и ну бѣжать; жена уѣхала до ужина, голова болѣла. Общество было отличное, но кавалеры все что-то лѣнились. Матушка была въ большихъ ажитаціяхъ и выказывала дочекъ Завадовскому и графу Салтыкову. Послѣдній молодецъ и славно танцовалъ мазурку, а Завадовскій, танцуя ее, вдругъ упалъ tout d'une pièce, la tête la première et le visage en avant. Всѣ думали, что онъ себѣ носъ раздробилъ на сто кусковъ.—Благодарю тебя очень за приказъ, коимъ сдѣлалъ я пріятное Киселеву; онъ думалъ, что отставки не получитъ, а она вышла и съ мундиромъ. Зачѣмъ идешь въ отставку?—Очень надоѣлъ Веревкинъ*): то шляпа не по формѣ, то сюртукъ, то бранитъ за фуражку, къ чему-нибудь да придерется. Теперь нечего будетъ говорить.—Какъ нечего? Напротивъ того, сегодня бы тебя и бранить сталъ, ежели бы здѣсь былъ.—За что? Нѣтъ, я во всей формѣ.—Анъ нѣтъ: снялъ бы съ тебя эполеты, какъ смѣешь отставной носить эполеты. Нехудо дѣлаетъ однакоже Веревкинъ, что наблюдаетъ строгость, а то скоро бы всѣ надѣли фраки. Это позволяетъ себѣ Ев. Ив. Марковъ. Веревкинъ проигралъ ему намедни 100 р. въ вистъ. На другой день даетъ ему пакетъ, говоря: исполняю мою обязанность. Тотъ отвѣчаетъ: зачѣмъ торопиться?—Долгъ мой такія вещи не отсрочивать, отвѣчаетъ комендантъ. Марковъ кладетъ бумагу въ карманъ, но какое его удивленіе, найдя дома не сто рублей (кои В. отдалъ послѣ), но экземпляръ приказа коменданту о наблюденіи за военными, чтобы они одѣвались по формѣ? Нашъ Волковъ на такіе финесы не пускался.

*

Москва, 5 Генваря 1822.

Во Вторникъ былъ въ собраніи славный маскарадъ, много масокъ, теперь уже 800 человѣкъ, и все еще записываются вновь: raison de plus pour ne pas agréer le fameux projet de faire entrer au choeurs pour 2 г.; то будетъ срамъ. Я много спорилъ съ С. С. Апраксинымъ и Башиловымъ. Немало будетъ еще шуму. Я рѣшилъ для своей очистки подать особенный голосъ, который впишу въ журналъ, а тамъ они дѣлай себѣ какъ хотятъ. Время опредѣлитъ, кто правъ, а браниться съ ними я не намѣренъ. Юсуповъ, Масальскій и многіе

---

*) Тогдашній Московскій комендантъ, преемникъ А. А. Волкова.

хотятъ подписать мой голосъ, mais comme je ne me soucie pas d'être chef de parti, je rédigerai le papier de manière qu'il ne pourra être signé que par moi seul et ne heurtera personne. Apraxine me disait: старшины хотятъ быть деспотами, это не годится. Да вы, С. С., отвѣчалъ я ему, не старшина и не деспотъ, а подаете голосъ, коимъ требуете, чтобы законы собранія были совсѣмъ перемѣнены; это еще хуже. Вчера Итальянцы давали «Turco in Italia», имъ очень аплодировали, да и славно пѣли; что болѣе вижу эту оперу, то болѣе мнѣ нравится; театръ, какъ всегда, былъ полонъ. Воротясь изъ Петербурга, такъ и быть абонируюсь на кресла, возьму въ шестомъ ряду, гдѣ стоитъ только 400 р. Я, какъ ребенокъ, смѣюсь Занбонію, славнѣйшій актеръ! Мы съ Керестуріемъ бывало все въ запуски смѣемся. Скажи ему: ah! Turcaccio maledetto! или ma perchè? Вѣрно захохочетъ.

*

Москва, 9-го Генваря 1822.

Меня очень порадовало извѣщеніе князево о волѣ государевой, чтобы ты имѣлъ входъ за кавалергардскую. Ни по мѣсту, ни по чину ты бы права сего не могъ имѣть; это очень лестно! Я отъ души порадовался, вотъ и годъ начался хорошо. Князь безцѣнный человѣкъ! Отрада служить у такого начальника. Я ему все это приписываю: слишкомъ бы велико было счастіе полагать, что Государю самому пришла мысль присвоить тебѣ лестное это право. Ай, да братъ, спасибо тебѣ за добрую вѣсточку. Лишній разъ тебя обниму. Ходи себѣ за кавалергардовъ, да и только. Милостивый поклонъ тоже раздался въ душѣ моей! Кажется, вижу ангельскую улыбку, замѣняющую всякую награду. Здѣсь ходитъ списокъ наградамъ; но тутъ многіе, о коихъ не упоминаешь, то и не очень я вѣрю. Между прочимъ Шатиловъ сдѣланъ к. юнкеромъ, жена его очень обрадуется. Ей давно хочется переѣхать въ Петербургъ, вотъ теперь и случай. Кажется, этимъ кончится, ибо продаютъ свой домъ. Ты ее помнишь, она красавица. Тебя затормошили обѣдами, а я отъ многихъ отказываюсь: хочется на послѣдки почаще бывать съ своими. Сегодня не ѣду къ Вяземскому, куда будутъ Бутеневъ и Дашковъ; послѣдній подобрѣлъ и сталъ, кажется, здоровѣе. У Вяземскаго много поятъ, поздно обѣдаютъ и долго сидятъ слишкомъ.

Поступокъ Корсаковой съ Погенполемъ меня не удивляетъ. Римскія дамы эдакъ не поступали, но наша Римская все себѣ позволяетъ. Здѣсь должна цѣлому городу, никому не платитъ, а балы даетъ да даетъ. Мало у этой женщины доброжелателей. Жаль дѣтей, коихъ она разоряетъ совсѣмъ.

Москва, 16 Генваря 1822.

Сегодня у меня прощальный ужинъ для пріятелей, а уже послѣднее время посвящу единственно женѣ и дѣтямъ. Завтра поспѣетъ Костино [1]) дорожное платье, кибитку уже вычинили и пускаюсь. я не Потемкинъ, на меня запрещенія нѣтъ. Онъ выѣхалъ изъ города въ саняхъ въ одну лошадь, подъ видомъ гулянья, и полиція имѣла приказаніе его догонять, но онъ догадался и выѣхалъ не въ ту заставу; на дняхъ ѣдетъ графиня вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ. Какое это житье и что̀ пользы въ богатствѣ? A propos: графиня дѣлала подписку, къ коей приглашала и мою жену, а именно: не носить ни блондъ, ни кружевъ, ни перьевъ и пр., ѣздить на балы въ простыхъ креповыхъ платьяхъ безъ накладокъ. Деньги, кои останутся дома, отдавать бѣднымъ; но, кажется, это такъ и останется, не смотря на согласіе многихъ здѣшнихъ щеголихъ. C'est trop beau pour se réaliser. Какъ бы madam'ы Кузнецкаго моста не отравили графиню Потемкину за дерзкое ея намѣреніе.

Вотъ письмо отъ Вяземскаго къ Тургеневу. Богъ даровалъ ему вчера (разумѣется не Тургеневу, а Вяземскому, что́ впрочемъ тоже быть могло du côté gauche) дочь Надежду. Вяземскій пишетъ, что княгиня и мамзель Spéransky обѣ здоровы.

*

Москва, 17 Генвbooря 1822.

Вчера, какъ я писалъ тебѣ, собрались ко мнѣ пріятели на прощальный вечеръ, любезнѣйшій другъ. Я былъ въ оперѣ, куда звалъ меня Юсуповъ въ свою ложу; послѣ перваго акта уѣхалъ домой, гдѣ собралось уже много православныхъ, а послѣ оперы наѣхали и остальные. Были Карнѣевъ съ женою, бергъ-инспекторша[2]), П. П. Нарышкинъ съ дочерьми, Озеровъ и Волковъ безъ женъ, графъ Ѳ. А. Толстой, отъ коего не могъ отговориться отъ обѣда сегодня, Осиповъ, Чумага, Лунинъ, Лунина и Риччи (а онъ боленъ горломъ и не выѣзжаетъ), Шатиловъ-красота, Брокеръ, Вейнбрехтъ, Обрѣзковъ, кн. Питеръ (а Пашенька поѣхала въ Ростовъ Богу молиться), Метакса (этотъ готовилъ намъ risi venetiani, коими мы объѣлись). Еще доношу тебѣ, что нельма была славная: какъ ни была уродлива, почти всю отправили, осталось только немного для Алены Максимовны [3]); пили Шам-

---

[1]) Знаменитый впослѣдствіи своею даровитостью, остроуміемъ и шалостями Костя Булгаковъ опредѣлялся въ Лицейскій Царскосельскій пансіонъ.

[2]) Т. е. Софья Сергѣевна Макеровская.

[3]) Няня дѣтей Булгаковыхъ.

панское счастливому пути, а бо́льшая часть кланяясь: «я поздравляю братца съ будущимъ вашимъ пріѣздомъ въ Петербургъ». Ахъ, забылъ еще Сачія, который вралъ болѣе обыкновеннаго. Играли въ три стола въ вистъ, я 51 р. таки зашибъ. Послѣ ужина началось маленькое куреніе, и мы проболтали до 3-хъ часовъ, вотъ какъ! Вчера явился обозъ изъ Бѣлоруссіи, ѣхалъ 17 дней; я почиталъ его пропавшимъ и не зналъ, что̀ думать. Привезли обыкновенную провизію, которая очень будетъ освѣжать карманъ. Спѣшу скорѣе отправить назадъ: кормъ мужиковъ дорого становится, ибо даю имъ и завтракать, и обѣдать, и ужинать, да и попойку виномъ. Они кормятъ насъ цѣлый годъ: можно ихъ покормить нѣсколько дней. Я велѣлъ привезти двухъ мальчиковъ: одного отдать учиться верховой ѣздѣ, а другого на заводъ конный къ Муратову, чтобы сформировать изъ него шталмейстера. Оба годятся намъ на начинающійся заводъ. Ефимъ пишетъ, что лошади процвѣтаютъ. Хорошо бы прибавить число кобылъ; но гдѣ взять то, чѣмъ ихъ достаютъ? Вчера получены свѣжія письма изъ Одессы. Чумага сказывалъ, что дѣла Турецкія устроены къ обоюдному удовольствію, что Суццу выдать, comme de raison, не согласились, но что, въ удовольствіе дивана, велѣно ему будетъ выѣхать изъ Россіи. Все это лучше должно быть извѣстно у васъ; но Чумага требовалъ, чтобы я тебѣ написалъ важное это, по его мнѣнію, извѣстіе.

*

Москва, 19 Генваря 1822.

Наташа, en commun съ Карнѣевою и бергъ-инспекторшею, взяла ложу на всѣ представленія до Великаго поста. Обошлось всякой по 140 р. Я очень радъ, что она будетъ имѣть это утѣшеніе безъ меня. Жаль только, что заводятся большія интриги, и не у актеровъ, а у зрителей: все партіи. И Гедеоновъ дурачина, коего посадили директоромъ, вмѣсто того, чтобы возвышать пѣніе всякаго, хулитъ всѣхъ. а одобряетъ одну Anti, въ которую влюбленъ. Что̀ же дирекціи за выгода, что будутъ освистывать Замбоніо, и что театръ будетъ пустъ, когда она поетъ? Худой разсчетъ, а ежели отца Замбоніо огорчать станутъ, все пойдетъ къ чорту, ибо имъ все держится. Юсуповъ мнѣ предлагалъ директорство, но я съ ума еще не сошелъ. Тутъ служатъ Юсупову и comp., а не Государю, да не 50 т. жалованья, а ложа изъ милосердія. Негри за всѣ свои труды и креселъ не принялъ, а платитъ за нихъ.

Вообрази себѣ, что подрядчики, коимъ графъ Потемкинъ долженъ былъ за разные матерьялы, догнали его на дорогѣ, узнавъ, что онъ поѣхалъ на Троицу; они его тамъ настигли и цапъ-царапъ, не выпу-

стили, покуда онъ не подписалъ, по требованію ихъ, всѣхъ обязательствъ. Это много надѣлало ему безславія въ городѣ.

*

Москва, 20 Генваря 1822.

Здѣсь начались уже слезы: вчера Наташа и Алена проплакали цѣлый вечеръ, а Костя очень серьезно спрашиваетъ: О чемъ вы плачете? Не на войну ѣду, а къ дяденькѣ учиться; Волковъ Паша далѣе ѣздилъ—въ Одессу. Теперь, какъ подумаю, то и я, право, не понимаю, какъ они могли рѣшиться услать сына такъ далеко.

—

А. Я. Булгаковъ прожилъ въ Петербургѣ у брата своего три мѣсяца почти и съ обратнаго пути писалъ ему.

Ижора, 5 Мая 1822.

Пошла опять потѣха писать! Но потѣха быть съ тобою, любезный другъ, гораздо потѣшнѣе. Нечего дѣлать. Я товарищей продержалъ немного въ Царскомъ, но насилу отыскалъ Костю въ саду, былъ съ нимъ у Алабова, коимъ очень былъ обласканъ; но онъ говоритъ, что на вакаціи внѣ Петербурга отпускать нельзя. Tant mieux! Костя, какъ розанъ; поплакалъ; оборвался бѣгая, вели ему сшить какіе-нибудь панталончики. Наша карета—чудо! Чрезвычайно покойна и легка, какъ перо. Товарищи славные. Хочу критиковать и не придумаю что̀, кромѣ надписи; большая *карета,* а написано—почтовая *коляска*; а на колясках напишетъ, я чаю, Ѳед. Дм. почтовая карета. Совсѣмъ забылъ: сдѣлай одолженіе, пошли взять въ Англ. магазинѣ выбранную мною у Никольса звѣзду Анненскую diamantée за 80 р. и доставь ее ко мнѣ по довѣренной почтѣ. Это для Рушковскаго, одолжишь.

*

6 Мая 1822.

Мы въ Бронницахъ. Моста еще нѣтъ, мы переѣхали Мсту на паромѣ. Карета опустилась: ремни слабы, надобно ихъ поднять, чтобы не терять времени; товарищи мнѣнія, что надобно выпить чайку; а такъ какъ это идетъ ладно съ желаніемъ моимъ тебѣ писать, любезный другъ, то и я очень согласенъ съ ними. Путешествіе наше очень веселое. Мы себя величаемъ величествами вотъ почему: Дилъ называется Густавомъ, маленькій Дашеліонъ—Людовикъ, Герке—Георгъ. Первый слыветъ Шведскимъ, второй—Французскимъ, третій—Англійскимъ королемъ, а я, разумѣется, императоромъ; забылъ еще одно величество—Гишпанское: старшій Дашеліонъ называется Фердинандомъ. Съѣстныя и питейныя дѣла славно совершаются на нашемъ кочующемъ конгрессѣ. На паромѣ гляжу, кто же?—Маленькій виртуозъ де-

Витте; отецъ его ѣдетъ со всею семьею въ Москву, куда опредѣленъ начальникомъ надъ работами на мѣсто Леонтьева. Время хорошо очень, но бревешки надоѣли, скоро кончатся.

*

Хотилово, 7 Мая 1822, 4 часа пополудни.

Дорóга наша, какъ видишь, продолжается хорошо, любезный другъ. Время, карета, лошади, ямщикъ и Никифоровъ—все благопріятствуетъ намъ. Ежели поѣдешь черезъ Зимогорье, совѣтую тебѣ у надзирателя поѣсть свѣжихъ сельдей съ озера. Онѣ не уступаютъ Кронштадтскимъ ершамъ; а котлеты, кои готовитъ жена его, Курляндка, стóятъ котлетокъ твоего повара. Мы всѣ объѣлись и для того принимаемся за лѣкарство, т. е. за чай и кофе. Можно надѣяться, что послѣ завтра будемъ въ Москвѣ.

*

Москва, 11 Мая 1822.

Волковъ оснуется на одинъ годъ въ Лозаннѣ. Спроси добраго Каподистрію отъ Волкова, чтобы онъ прислалъ ему письмо рекомендательное къ Криднеру [1]); это почти лишнее, но все-таки лучше Волкову не пріѣхать туда съ пустыми руками. Напившись дома чаю, сѣлъ въ дрожки и поѣхалъ къ Урусовымъ исполнить комиссію Дмитрія Павловича. Вообрази мое удивленіе, когда князь, подводя ко мнѣ Ваню Пушкина, говоритъ мнѣ: рекомендую вамъ моего будущаго зятя, Машенькинаго жениха! Ну, Ваня, ты въ сорочкѣ родился, счастливъ ты, а она? спросила мать. И она будетъ счастлива. Странно, что, встрѣтя Ваню въ Петербургѣ на перспективѣ, третье мое слово ему было: полно тебѣ такъ жить, поѣзжай въ Москву и женись на княжнѣ Урусовой, она умна, молода, добра, выросла въ нуждѣ, не знаетъ капризовъ, отецъ и мать люди добрые, ты богатъ, чего тебѣ еще? Онъ по моему и сдѣлалъ, сказалъ это и роднымъ, и, конечно, не будетъ въ выборѣ раскаиваться. Одно мнѣ непріятно, этотъ подлецъ Боголюбовъ барабанитъ, что онъ это все устроилъ; но это повторять могутъ только кумушки и завистники. Ваня поступаетъ очень благородно и умно даже. Погрозилъ своимъ, что женится на какой-то Полькѣ. Катер. Алексѣевна [2]): женись на комъ хочешь, только на равной себѣ, и видя, что приволачивается за Урусовою, ну его поджигать, а онъ тотчасъ старуху и за слово, и все въ два дня рѣшилось. Les Pouchkine, qui n'avaient à redire qu'à la parenté de la promise, ont renié leur Dieu tutelaire, l'argent, и всѣ довольны.

---

[1]) Нашему министру въ Швейцаріи, куда удалился графъ Каподистрія.

[2]) Т. е. мать жениха, графиня Мусина-Пушкина.

Свадьба будетъ въ Іюлѣ, и послѣ тотчасъ опять Ваня съ женою въ чужіе края. Я очень радъ этому союзу. Она со своимъ умомъ будетъ дѣлать изъ него что хочетъ, и вѣрно наставитъ его на хорошее. Княгиня очень обрадовалась портрету Дм. Павл., и князю табакерка очень была пріятна. Въ домѣ всѣ веселы, et les promis sont comme deux tourtereaux. Ваня a donné à sa future un schal de 6000 r. et à l'autre soeur un autre de 4000 r. Il achète le fil de perle, pour le quelle il offre déjà 20000 r. Je ne le reconnais pas, il s'est dégourdi et il est devenu tout à fait généreux. C'est la nouvelle de la ville, et le diable boiteux est galoppé à Pétersbourg la porter à Дм. Павл. Я чаю, тысячку-другую сорвалъ съ Вани. A propos: pour ne pas perdre l'habitude, ce vaurien (сказано между нами) a volé chez le Wiasemsky un bracelet en turquoise. Il n'y avait dans la chambre, que W., sa femme, la Tchetvertinsky et lui. C'est un objet de 700 r. et malheureusement n'appartient pas à la princesse: elle doit donc le payer. Elle est toujours malade. Молоко разлилось, пять ранъ было на груди, и она боится, что шестая начинается. Ее очень перевернуло, однако въ свободное отъ боли время хохочетъ по старому.

Тесть сказывалъ, что въ пансіонѣ Бибикова, столь хваленомъ, открыли какую-то секту: молодые люди нажигали себѣ кресты на рукѣ, съ клятвою другъ за друга умирать и пр. Ученики тамъ такъ малы, что это не можетъ быть, какъ шалость какая-нибудь. Также говорятъ, что славное заведеніе Муравьева рушится, ибо онъ оное оставляетъ по какому-то неудовольствію. Говорятъ, что и тутъ что-то нашалили, и Муравьеву отказано въ требованіи примѣрно ихъ наказать; признаться, не вѣрю ничему, ибо источникъ ненадеженъ. Онъ же вчера, отведя меня и жену къ сторонѣ, сказалъ на ухо: Mad. Afrossimoff, qui part pour Pétersb., vient de me dire qu'une des filles de mad. Korsakoff a été enlevée hier.—Par qui?—Je ne sais pas laquelle.—И это не знаю; вѣроятно, ни которая, ибо мы обѣихъ видѣли *сегодня* у Волкова.—Ce que je vous dis est sûr: ежели не увезли, то увезутъ, и сама мать на это настроила. Славная пулька. Кто напередъ станетъ объявлять, что такую-то съ согласія матери увезетъ? Но Корсакова столько дѣлаетъ сплетней сама, что нехудо другимъ съ нею поквитаться. Бобринская сына простила, а Гагарина прокляла послѣ молодыхъ. Графиня объявила своей невѣсткѣ, что будетъ ее любить какъ дочь, ежели она изъ мужа своего сдѣлаетъ порядочнаго человѣка. Полагаю это довольно труднымъ: онъ во время исторіи нагрубилъ коменданту, не хотѣлъ явиться даже къ князю Дм. Володим., который, наконецъ, принужденъ былъ его арестовать (князь съ чрезмѣрною дѣятельностью занимается своею должностію). Скажи Серапину, что всѣ меня спра-

шиваютъ о дилижансѣ; я не могу не сказать по честной совѣсти, что выгоднѣе, покойнѣе ѣзды выдумать нельзя, что готовъ бы былъ завтра везти въ немъ брюхатую жену въ Петербургъ. Всѣ мнѣ одно отвѣчаютъ: ежели случится ѣхать, непремѣнно поѣду въ дилижансѣ. Афросимова въ немъ воротится изъ Петербурга. Совѣтую этой Набатовой оказать всевозможное снисхожденіе, ибо она своимъ языкомъ болѣе можетъ надѣлать заведенію партизановъ или вреда, нежели всѣ жители двухъ столицъ вмѣстѣ; жалѣю заранѣе о бѣдномъ Серапинѣ.

Исторія крестовъ въ пансіонѣ Бибикова точно справедлива. Ихъ пересѣкли, и тѣмъ все кончилось. Я не только не жалѣю, что Костю не отдалъ туда, но радуюсь, что онъ подъ твоимъ крыломъ въ Царскомъ Селѣ.

*

Москва, 12 Мая 1822.

Грустно быть съ тобою въ разлукѣ, любезнѣйшій другъ, но вчера я какъ-то живѣе испыталъ, какой отрады письмо! Твой № 1 чрезмѣрно меня обрадовалъ. Ставя себя на твое мѣсто, я писалъ тебѣ съ дороги пять разъ. Тому, кто ѣдетъ, все какъ-то легче: дорога разсѣеваетъ, утѣшаться можно, думая о тѣхъ, къ кому ѣдешь; а у тебя ничего не прибавилось, а убыло. Какъ быть, давай другъ друга утѣшать, давай писать попрежнему. Богъ велитъ, опять съѣдемся. Вчера былъ я у Пушкиныхъ, всѣ тебѣ кланяются. Надобно посмотрѣть, какъ они всѣ ухаживаютъ за милою Урусовою, какъ ее хвалятъ, превозносятъ. Altri tempi! Старуха мнѣ говоритъ: elle a tout pour elle; sûrement elle n'a pas une grande fortune, mais Ваня partagera avec elle *le peu* qu'il a (excusez du peu). Княжество, начинающійся кредитъ Дм. Павл., о коемъ здѣсь много трубятъ (и не знаю, право, почему) рѣшили ихъ выборъ. Подъѣхалъ и Володя, ѣдущій въ Карлсбадъ; этотъ сожалѣетъ, что не можетъ жениться на другой сестрѣ Урусовой, находя ее прелестнѣйшею въ мірѣ. Онъ говоритъ, что Сакенъ, Дибичъ и вся главная квартира умираютъ отъ нетерпѣнія, чтобы была война. У Пушкиныхъ было много народу. Множество ѣхало въ Лѣтній садъ, хотя погода была незавидная. Вас. Львов. тебѣ кланяется. Старамъ стала. Вотъ и князь Петръ не помнитъ ничего.—Не забудьте же ужо на вечеръ.—Да я кому-то уже обѣщалъ вчера еще на улицѣ.—Да это мнѣ и есть, я васъ остановилъ (pas un mot de vrai), и вы дали слово—О, такъ буду непремѣнно, а я думалъ, что другому обѣщалъ.—На дняхъ вышло Муравьева путешествіе въ Хиву. Я видѣлъ у Лунина, чрезвычайно любопытно, и при книгѣ атласъ съ прекрасными портретами, планами

и картами. Стану доставать и пришлю тебѣ. Лунинъ все укладываетъ, ѣдетъ въ деревню и просилъ меня выписать ему интереснѣйшіе журналы Русскіе и J. de Francfort. Онъ теперь дѣлаетъ очень хорошія замѣчанія на сводъ Р. законовъ по военной части, напечатанныя Закревскимъ. Я увѣренъ, что работа сія очень будетъ полезна. Куда жаль право, что его не употребятъ дѣятельнымъ образомъ. Онъ проситъ Гиппіуса подписать его на коллекцію портретовъ современниковъ; надобно или теперь прислать всю сумму или по мѣрѣ, что портреты будутъ выходить? Еще просьба: когда пойдешь мимо, зайди къ косметику, что̀ надъ фруктовыми лавками на Перспективной [1]), и возьми у него на 10-ть р. курительной бумаги, коей вотъ образецъ. On tient cela sur la lumière, et cela parfume la chambre.

Ну, братъ, ужъ мостовыя здѣсь, еще хуже вашихъ. Я иначе не буду ѣздить какъ на ногахъ своихъ. До того вчера избило меня, ѣдучи отъ Пушкиныхъ, что я рѣшился слѣзть и идти пѣшкомъ. Вяземскій звалъ къ себѣ обѣдать; но я явлюсь только послѣ, ибо онъ заставляетъ слишкомъ ѣсть, да и признаюсь тебѣ, что, кромѣ его, никого изъ компаніи его не жалую. Онъ догадывается, я думаю, потому что всякій разъ говоритъ: пріѣзжай, И. И. Дмитріевъ тоже будетъ. Вяземскій вчера меня спросилъ, что N. и Капод. еще не отставлены? Какой вздоръ и похожаго нѣтъ ничего.—Ну ужъ повѣрь, что Каподистріемъ-то вѣрно пожертвуютъ, чтобы сблизиться съ Турками. Откуда берутъ этотъ вздоръ [2])!

*

Москва, 15 Мая 1822.

Я не знаю, почему здѣсь публика думаетъ, что лотерея Головинская разыграна никогда не будетъ, что билетовъ разобрано очень мало. Я увѣряю всѣхъ въ противномъ; всѣ твердятъ: да объ ней что-то и говорить перестали! Не худо бы напоминать объ ней частыми объявленіями, въ коихъ видны бы были успѣхи продажи билетовъ, прибавляя анекдоты о чужестранныхъ лотереяхъ, а особенно о выигрышахъ, коими иностранныя газеты наполнены. Cela aurait aiguilloné les désirs de quelques uns et l'avidité de la multitude, особенно ежели это напечатается въ Инвалидѣ. Мнѣ сказывали, что въ мое отсутствіе прошла молва, что прислали сюда послѣдніе 5000 билетовъ, назначенные для Москвы, и что всѣ такъ и кинулись ихъ покупать. Еще глупое увѣреніе у всѣхъ, что выигравшій *Воротынецъ* долженъ будетъ: 1-е внести, 2-е, что мужиковъ долженъ сдѣлать вольными хлѣбопашцами.—La guerre a donc lieu, et c'est Capodistrias qui l'a organisée,

---

[1]) Такъ прежде звался Невскій проспектъ, посреди котораго въ длину росли деревья.
[2]) Оказалось, что князь П. А. Вяземскій былъ правъ. Нессельродъ остался.

mais entendons nous—sur son billard. C'est lui qui partage les dépouilles des vaincus avec la Porte. C'est très beau! Présentez lui mes hommages à chaque bonne occasion; je suis bien fâché que cette honneur guerrière ne se soit pas manifestée de mon temps. A propos de moi, ne riez donc pas: j'ai vu Léon de Yakovleff [1]) à l'opéra italien, il m'a demandé les nouvelles du c. Capodistrias et m'a dit en style très orientale, combien il était dévoué au comte et que, malgré les balances de la justice, il penchait toujours du côté des dépêches et pas des oukazes, qu'il aimait mieux traiter que juger et qu'il préférait le chef occulte (Capod.) au chef ostensible Labanoff. Еще было что-то, не упомню; summa summarum то, что лучше давать обѣды въ чужестранной столицѣ, нежели въ своей приговаривать къ кнуту, а онъ въ Уголовномъ Департаментѣ.

Шимановская давала первый свой концертъ по подпискѣ; было человѣкъ съ 200, но не забудь, что по 25 р. Играла Шимановская одна и съ Фильдомъ, въ коемъ Манычаровъ имѣетъ соперника. Она просила Фильда: tournez, je vous prie, les feuilles, quand je jouerai; а онъ ей отвѣчалъ: non, je vous ferai manquer, parce que je regarderai toujours *ces diables d'épaules* que vous avez, au lieu de regarder la musique. Вчера былъ у меня Ив. Алекс., явился въ моей звѣздѣ magnifique! и очень доволенъ подаркомъ. Не забудь дать прочесть Балабину записки Метаксы. Его мнѣніе намъ нужно, онъ можетъ даже пополнить это своими замѣчаніями и сообщеніемъ происходившаго въ Римѣ, куда былъ онъ Ушаковымъ посыланъ. Теперь принимаемся за вторую часть. J'ai vu hier à l'opéra italien Serge Tourguéneff, qui se plaint toujours de sa santé!

*

Москва, 16 Мая 1822.

Посылаю тебѣ, любезный другъ, чудесный Парижскій кій билліардный, о коемъ я тебѣ говорилъ. То-то будутъ имъ дѣлать клапштосы Манычаръ и Матушевичъ! Тутъ же особенный голубой мелъ для него; этого станетъ на очень долго. Турней тоже особенный: поставя на биліардъ бѣлою костью, дѣлаешь тоже клапштосный ударъ, а ежели кожею и ударишь шаръ костію, то coup coulant. Мнѣ его подарилъ Лунинъ. Съ Паулучіемъ Левизъ, видно, такъ поступить хотѣлъ, какъ Щербатовъ съ Зубовымъ; но найдетъ ли себѣ Паулучи, какъ Зубовъ, шевалье-де-Сакса? Можетъ быть, и все это вздоръ; а для Рижскаго почтмейстера, конечно, и одинъ этотъ слухъ о главѣ ихъ большое происшествіе [2]).

---

[1]) Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ (дядя и отецъ Герцена) прежде служилъ по дипломатіи.

[2]) Паулуччи былъ Рижскимъ генералъ-губернаторомъ.

Ай да Фонтонъ! Или лучше, ай да акціонеры! Лучшее доказательство, что акціи идутъ въ гору, а дилижансы процвѣтаютъ. Пріѣдемъ въ Питеръ, и красавица моя будетъ насъ поить сама чаемъ изъ жалованнаго самовара. Не хвастайся погодою, и у насъ тоже прекрасная, а княгиня Куракина пишетъ намъ, что во Владимирѣ и Шуѣ выпалъ страшный снѣгъ. Не даромъ и здѣсь было нѣсколько дней холодно. Вяземскій говоритъ, что Кривцовъ поѣхалъ въ Москву вѣрно *кривою* дорогою и очутится въ Тобольскѣ вмѣсто Москвы. Вотъ 6 мѣсяцевъ, что онъ все ѣдетъ, а нанялъ Васильевское князя Юсупова. Какъ бы не пришлось ему жить зимою въ Васильевскомъ.

Вчера явилась въ оперу въ дорожномъ платьѣ только-что пріѣхавшая изъ Петербурга Катер. Волод. Апраксина, эта большая охотница! Въ ложѣ ея также сидѣлъ Лар. Вас. Васильчиковъ; я не зналъ, что и онъ пріѣхалъ. Послѣ Турка, который очень меня веселилъ, былъ я у Урусовыхъ. Шимановская тоже туда явилась и кое-что побренчала на клавикордахъ.

*

Москва, 18 Мая 1822.

Прошу не прогнѣваться: этотъ годъ не только не дарю тебѣ, но требую еще всякую минуту подарковъ отъ тебя. Пришли мнѣ, пожалуй, 8 бронзовыхъ бляхъ на двери. Это продается у Квакеровъ и прибивается къ дверямъ на тѣ мѣста, гдѣ люди обыкновенно хватаются руками и муслятъ двери. Вели себѣ дать и нужные для прибивки гвоздочки. Штуку покупалъ я по 5-ть, то 8 будутъ стоить 40; рисунокъ выбери какой тебѣ угодно.

Зная, что ты въ Головинской комиссіи, всѣ меня спрашиваютъ о лотереѣ, и я отвѣчаю что̀ должно. Я уже прежде писалъ тебѣ о разныхъ предосудительныхъ случаяхъ здѣсь, и потому не идетъ такъ успѣшно, какъ у васъ, что у Москвичей привычка все откладывать до самаго нельзя. Всякій говоритъ: успѣю! Богъ знаетъ когда еще станутъ разыгрывать; а публикуй, что идетъ къ концу, то всѣ кинутся покупать. Я очень помню, что у насъ въ собраніи наканунѣ перваго бала было 113 членовъ, а во Вторникъ подписалось болѣе 500. Любятъ откладывать и имѣть деньги въ карманѣ на случай другого употребленія.

Si Pahlen est réellement mort (et cela ne serait pas étonnant vu son âge), il est singulier qu'ici on parle de la mort de Bennigsen et que cela leur arrive à tous deux en même temps qu'à Zouboff?! Урусовыхъ я вчера поздравлялъ отъ тебя въ Ит. оперѣ; они очень тебя благода-

рять за память. «Le Barbier de Seville» a été à merveil. J'ai été très longtemps dans la loge de m. Schymanofska; c'est celle que l'ex-directeur Guédéonoff avait avant. Il y avait là Wiazemsky, et nous avons beaucoup ri. Elle donne demain son second concert, et Lundi elle retourne (сакристи!) à Pétersbourg dans la même belle nouvelle voiture qui m'a amené ici.

На дняхъ умеръ старикъ князь Оболенскій, отецъ здѣшняго попечителя университетскаго.—Тетушка очень больна, думаю, что это родъ бѣлой горячки; жаль добрую старушку, но я все надѣюсь на ея рѣдкую натуру. Молодая Бобринская должна была уѣхать вчера къ мужу, но ея не выпустили изъ города за какіе-то 6000 р., кои она должна.

*

Москва, 19 Мая 1822.

Свиньинъ въ Запискахъ своихъ не забылъ и качелей; но сколько далъ ему Юсуповъ, чтобы напечатать, что экипажъ его былъ лучшій? И зачѣмъ не упомянуть о клеенчатомъ халатѣ, въ коемъ его сіятельство изволилъ, сидя въ каретѣ, одинъ разъѣзжать? Одинъ изъ вашихъ алагерщиковъ явился къ намъ, Дивовъ, но я его еще видалъ. Сегодня Сашка *) прислалъ звать насъ къ себѣ на цѣлый день, на что̀ я очень согласенъ. Скоро пускаются они въ путь. Вчера онъ уже одѣлся и ѣздилъ за паспортомъ къ кн. Дм. Волод. Показывала мнѣ Соф. Алек. дорожную ихъ карету, сдѣланную на заказъ. Дорогонько, 5600 р.; но за то Богъ знаетъ чего тутъ и нѣтъ. Они берутъ съ собою старшаго сына Озерова, коему Волковъ въ отсутствіе свое препоручаетъ всѣ свои дѣла.—Говорятъ, что выдано будетъ Бѣлорусскимъ помѣщикамъ по 25 р. на душу; намъ много бы пришлось, тысячъ сорокъ, но я бы желалъ и то только, что̀ мы издержали на прокормленіе. Благодаря Бога, у насъ не такъ, какъ у большой части нашихъ помѣщиковъ, гдѣ столько нищихъ, сколько мужиковъ.—Графиня Потемкина пріѣхала; мужъ домъ сломать сломалъ, а строить не строитъ, все остановилось, и графиня наняла на Пречистенкѣ, домъ Облязева. Бобринскій, скучая видно отъ жены, опять явился сюда тайно и живетъ въ городѣ подъ секретомъ; вчера этимъ дразнили Обрѣзкова, который увѣряетъ, что безъ его вѣдома ни одна курица яйца не несетъ въ городѣ. Погода была вчера непостоянная, однакоже весь городъ былъ на гуляньѣ въ Маріиной рощѣ, и пѣвица Anti была въ каретѣ князя Мих. Петр. Голицына.

*

*) Т. е. А. А. Волковъ.

Москва, 22 Мая 1822.

Сейчасъ былъ Шафонскій, тоже просидѣлъ болѣе получаса. Говоритъ, что кн. Дм. Влад. очень трудится, вникаетъ и пріобрѣтаетъ опытность. Лунинъ очень тебѣ благодаренъ за попеченіе о немъ. Онъ рѣшительно оставляетъ службу и, ежели не пристроитъ его Закревскій, куда мы думали, или не дадутъ хорошаго губернаторскаго мѣста, то рѣшился жить въ деревнѣ. Право жаль, что такой способный человѣкъ не употребленъ. Что же касается до нахожденія при князѣ Д. В. по особымъ порученіямъ, то ихъ тутъ уже дюжина; да съ чиномъ его это было бы себя унизить. Волковъ, всемірный сватъ, тоже хлопоталъ о Вейтбрехтѣ, но Хомутова отвѣчала: si je fais déjà une folie de ce genre, il faudrait une raison, quelle qu'elle soit. W. n'est ni beau, ni aimable, il n'a rien absolument; il dit, qu'il pourra parvenir tout comme un autre, je ne suis plus jeune et quand il parviendra à quelque chose, je serai une vieille édentée.

У Вяземскаго завтра какой-то пиръ для Шимановской, и онъ тонкое, нѣжное, музыкальное ея ухо подчивать будетъ *Цыганками.* Звалъ меня, поѣду посмотрѣть. Она, мнѣ кажется, не восхищается своею поѣздкою сюда, но все-таки тысячъ пять собрала. Мнѣ кажется, ты съ Бенера не скоро получишь свои 1000 р. Немного достаетъ онъ, хотя и трудится.

Одесскій лицей приходитъ въ упадокъ. M-r Gilet замѣненъ какимъ-то Саксонцемъ, не умѣющимъ говорить ни на какомъ языкѣ, и заведеніе задолжало болѣе 100 тысячъ.

Вечеръ провели мы у князя В. А. *). Какъ выпили за здоровье княгини, то послѣ К. В. Апраксина, взявъ рюмку Шампанскаго, сказала: m-r B-w, à la santé de К. Я., чтò очень было для меня пріятно, и всѣ повторили ея поздравленіе.

Обрѣзковъ только-что, было, покушалъ; вдругъ его потребовали на пожаръ, что-то неважнаго сгорѣло за Мясницкою, и онъ явился оттуда верхомъ на казацкой лошади (дрожки сломались), весь въ дыму и съ плетью въ рукахъ, joli métier! Il y avait là les Solohoub entre autres et le jeune Tolstoy, адъютантъ кн. Дм. Волод.; il est promis à je ne sais quelle jeune très jolie demoiselle. Ma femme lui demande: et quand la noce? Il fit la réponse suivante, qui est assez drôle: Je ne saurais vous dire, la santé de maman nous alarme beaucoup; moi je dois

*) Хованскаго, дочь котораго, Наталья Васильевна,—супруга А. Я. Булгакова.

aller aux eaux pour me *fortifier*, et ma promise doit prendre le lait de chèvre, elle est d'une santé très délicate!! Voilà un mariage qui promet par exemple. La maman, femme de Серг. Вас. Толстой, a été, dit-on, condamnée par Schnaubert.

Сдѣлай одолженіе (ибо я солгалъ и сказалъ, что это сдѣлано) вели subbito subbito поставить деревянный крестъ простой на могилѣ бѣднаго Керестурія съ литерами *Н. К. 18-го Февраля 1822.* Родные дѣлаютъ ему монументъ, такъ чтобы могли тотчасъ его отыскать; я увѣрилъ сестру его, что это выполнено было тогда же. Ce sera l'affaire d'une 20-ne de roubles. Ростопчинъ не велѣлъ уже писать къ себѣ въ Парижъ: онъ возвращается въ Россію и зиму эту проведетъ въ Вѣнѣ. Бѣдная Небольсина, очень благополучно разрѣшившись отъ бремени, опять плоха. Вчера видѣлъ я мужа у тестя; ее какъ-то испугали въ девятый день. Впрочемъ я никогда не считалъ на ея здоровье, мать умерла въ чахоткѣ. Вотъ и славный Попандопуло явился, берется вылѣчить Небольсину; видя, что я пишу тебѣ, диктуетъ мнѣ: напишите К. Я., что я цѣлую ручки у Мар. Конст. и у него. Ахъ, батюшка, говоритъ Наташа, вѣдь онъ не архіерей.—Ахъ, сударыня, знаете вы, онъ *больше* архіерея и не *менѣе* ангела. Вотъ у насъ какъ, сударь! Кривцовъ пріѣхалъ прямо въ Васильевское, гдѣ отъ 3 часовъ до 9 вечера не могъ добиться напиться чаю, и не мудрено: чего не имѣешь съ собою, того въ глуши той и не найдешь, и они замучаютъ себя, ѣздя всякій день въ городъ и по дурной дорогѣ.

*

Москва, 23 Мая 1822.

Ты загулялся съ Ванишею*), а я вчера у Вяземскаго пробылъ до третьяго часу, арестованъ. Я Цыганокъ ненавижу, а пришлось ихъ слушать, нечего дѣлать. Похвали меня: не ужиналъ и не пилъ ничего кромѣ одной рюмки Шампанскаго за здравіе Шимановской. Послѣ ужина ушло насъ человѣкъ съ 12 къ князю въ кабинетъ; подали трубки, Вас. Львовичъ началъ декламировать, явился Буяновъ, и понесло всюду табакомъ. Jamais je n'ai vu В. Л. inspiré comme hier; а было вчера однихъ Давыдовыхъ пять: Денисъ, Левушка, Дмитрій, Александръ и Петръ Львовичи, Серг. Тургеневъ, И. И. Дмитріевъ, двое Пушкиныхъ, Шаликовъ, Шаховской, Чадаевъ, Англичанинъ-вояжеръ, который не могъ надивиться на Цыганокъ, Кривцовъ съ женою (à propos, они хотятъ нанять нашъ домъ слободскій, очень бы хорошо, а Васильевское имъ надоѣло), Сонцовъ, Тимирязевъ и нѣкоторые музыканты. Комната была наполнена цвѣтами, и всѣ исчезли: всякій держалъ

---

*) Т. е. съ графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ.

нарцисъ передъ носомъ, чтобы не слышать мерзкій Цыганскій запахъ. Я, читая твое письмо, смѣялся одинъ; ты говоришь, чѣмъ-то старуха П. подаритъ невѣсту, ужъ не телескопомъ ли изъ Валуева? C'est bien cela. У нихъ Володя занемогъ и долженъ прежде здѣсь полѣчиться, а тамъ уже ѣхать къ водамъ. Кн. Петръ уѣхалъ въ деревню, а Максимъ, бѣдный, плохъ: съ утра до вечера читаетъ Вольтера, спитъ на стулѣ, борода какъ у попа, а ногти, какъ у кошки, и говоритъ вздоръ. Cet homme avait un grand fond de religion; cette base ayant croulé, il c'est trouvé sur rien, la tête lui a tourné! Сдѣлался ужаснымъ безбожникомъ, жаль его очень.—Благодарю за косметическое куреніе, а еще болѣе за Климово, которое обѣщаешь. Я ему взамѣнъ пришлю ваксы: у васъ нѣтъ хорошей. Я тебѣ послалъ уже двѣ аріи, вотъ тебѣ и третья, сію минуту принесли. Ужо будетъ «Nina», 1-е представленіе, ѣду comme de raison.

*

Москва, 25 Мая 1822.

Я Бюллера видѣлъ, кажется, во дворцѣ у заутрени, въ сенаторскомъ кафтанѣ съ бѣлою Мануцієвою лентою — великанъ. Ему надобенъ былъ Дунай: въ другой рѣкѣ не утопился бы. Сожалѣю о немъ, хотя вовсе его не зналъ. Здѣсь сказали, что Паулучи убитъ, а выходитъ, что ихъ помирили, это лучше; за то въ Саратовѣ убитъ на дуэли молодой Анненковъ, тотъ, что̀ убилъ Ланскаго годъ тому назадъ. Онъ посланъ былъ за ремонтомъ, дрался тамъ съ какимъ-то кн. Оболенскимъ и былъ убитъ наповалъ. Итакъ Гpeccepъ точно умеръ. Мнѣ какъ больно было видѣть бѣдную его жену въ театрѣ Итальянск., тогда какъ за плечами ея вилась такая бѣда. Она хохотала, не зная свое несчастіе. Кн. Дм. Волод., говоря о семъ со мною, находилъ, что это очень глупо со стороны ея родныхъ допускать ее ѣздить въ театръ; да и подлинно могла бы она какъ нибудь въ коридорѣ или на лѣстницѣ узнать изъ громкаго разговора двухъ ее знающихъ, что Грессеръ умеръ, comme nouvelle très indifférente.

Просьба къ тебѣ отъ Луниной и Риччи. Старуха хочетъ зятю своему предоставить седьмую часть, слѣдующую ей послѣ Петра Михайл. покойнаго; но онъ, яко иностранецъ, не можетъ владѣть деревнями въ Россіи, то для полученія сего права желаетъ вступить въ подданство. On dit que ces naturalisations doivent se faire par le ministère des affaires étrangères; ils n'ont pas voulu incommoder le c. Nesselrode, mais vous prient de savoir exactement par qui vous jugerez à propos, quelle est la marche à suivre dans ces occasions. Est-ce une chose facile, ou y a-t-il de grandes formalités à remplir? N'oubliez pas de me donner une réponse sur cet objet pour la leur communiquer. Это вѣрно

знать должны Полѣновъ, Юдинъ или пріятель нашъ Деболи.—Шереметевъ, сынъ Кат. Серг. Ивашкиной, бывшій адъютантъ гр. П. А. Толстаго и имъ прогнанный отъ себя, женился безъ позволенія матери на какой-то дѣвушкѣ, которая могла бы быть его матерью. Княжна Волконская*), дочь покойнаго Ник. Серг. съ большими бровями, старая дѣвушка, дурная собою и которая, не надѣясь на сладость замужества, роздала часть своего имѣнія жившей у нея Англичанкѣ, теперь сожалѣетъ о своей щедрости, будучи помолвлена за гр. Толстаго, сына Ильи Андреевича, брата гр. Ѳед. Андреевича.

Le Sourd m'a produit un argument, qui m'a beaucoup amusé. Что ты такъ задумчивъ, Евсей? Вѣрно жалѣешь о покойной твоей женѣ?—(Вздохнувъ тяжко) Охъ! в. п-во, топиться приходится.—Почему же?—Какъ почему? Послѣ жены остался гардеробъ, вещи, платья, сотъ на шесть; скажу вамъ, какъ отцу духовному, продать за безцѣнокъ жаль, я положилъ тутъ всѣ свои деньжонки. Чтобы даромъ не пропало, охъ! нечего дѣлать, придется *пріискать вторичную жену:* хоть износитъ платья покойницы. Только жду вашего позволенія. Ce qui était drôle, c'est que moi et ma femme nous riyons aux éclats, et lui pleurait à chaudes larmes.

*

Москва, 29 Мая 1822.

Новости наши не важны. Городъ пустъ. На дняхъ выкинула Протасьева, урожденная Шереметева, отъ испугу. Мать сказала, что проклянетъ брата ея, женившагося безъ позволенія на Бибиковой, ежели онъ жену привезетъ къ ней; сестру это тронуло, и она выкинула. Куда много теперь молодежь своевольничаетъ? Только и слышно, что про шалости. Анненковъ не умеръ. Мать получила извѣстіе, что онъ раненъ выше колѣна, что ногу отняли, но надѣются, что останется живъ. Она послала туда доктора и сама ѣдетъ къ нему, получа первое увѣдомленіе. Говорятъ, что это другой братъ, а не тотъ, что̀ убилъ Ланского. Съ Вяземскою все дѣлаются чудеса. Намедни ей при мнѣ вставили фальшивый зубъ За обѣдомъ стала она ѣсть, сломила зубъ и... *проглотила* его. Cela n'a pas eu d'autre suite, mais je m'imagine qu'elle ne fera pas replacer la dent à sa place... Стану ее дразнить; вѣрно не утерпитъ, покается или дурно станетъ отпираться. Экія чудеса!

*

Москва, 1 Іюня 1822.

Я старика Дибича знаю. Какъ мы представлялись Государю, то и онъ тутъ былъ; должно быть лѣтъ во сто.—Анекдотъ женщины, родившей сына у подножія Румянцовскаго обелиска, прекрасенъ, и графъ

*) Это мать графа Л. Н. Толстаго.

Серг. Петр. очень хорошо поступилъ. Какая странная судьба постигаетъ этого ребенка при самомъ его рожденіи! Почему знать? Можетъ быть, и выйдетъ изъ него другой Румянцовъ, и тогда вѣрно скажутъ, что анекдотъ о мѣстѣ его рожденія выдуманъ. Вчера въ Итал. оперѣ большая крыса многихъ напугала, въ ложѣ Кашкиныхъ она одну даму схватила за ногу, та закричала, крыса вспрыгнула и бросилась на жену нашего сахара Щербатова, сидѣвшую возлѣ въ ложѣ, оттуда побѣжала въ партеръ. Гриша Корсаковъ ударилъ ее палкою, и она исчезла. Quel rat était-ce, me demandait Youssoupoff?—Ma foi, ni d'église ni de champ; c'était, je suppose, un rat de théâtre. Дамы такъ были напуганы, что малѣйшее движеніе казалось имъ крысою, и я все мучилъ Вяземскую, которая выѣзжаетъ toute malade и не таится, что она брюхата.

*

Москва, 5 Іюня 1822.

Ай да почта! Да какъ ее не хвалить: 13 дней изъ Франкфурта на М. Это прекрасно. Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ въ Гамбургскихъ газетахъ статью о Прусской конвенціи и о награжденіяхъ Владимирами, Аннами и Орлами. Это вѣроятно повторятъ и прочія Европейскія Фр. газеты. Пусть знаютъ нашихъ! А я очень понимаю, что чужестранные министры тебя превозносятъ. Для пребывающаго внѣ отечества почта отрада, а скорая исправная почта благодѣяніе. Я чувствую эту истину, не будучи ни министромъ, ни внѣ Россіи. Здѣсь идетъ, надобно думать, *sano*, ибо идетъ *piano*. Кн. Дм. Волод. Голицынъ спросилъ меня вчера: Dites-moi, je vous prie, comment faire pour établir une diligence quelconque dans nos contrées aussi.—Cela dépend, mon prince, de vous et de m-r Rouchkowsky.—Ce n'est pas l'embarras, j'en ai parlé souvent à m-r Rouchkovsky, cela en reste toujours là. Je lui parle des avantages de la chose, et il ne me parle que des difficultés. Я отвѣчалъ, что всего бы лучше начать для пробы съ Троицы. Тутъ вошла Катер. Волод. (это было въ ложѣ въ Итал. оперѣ) и тѣмъ и кончилось. Князь не зналъ о пожарѣ и смѣялся *козлу-зажигателю*. Я его совершенно успокоилъ на счетъ дочери.—O! elle est, dit-il, extrêmement intrépide dans ces occasions.—Ma fille, dit mad. Apraxine, me mande la même chose, mais je n'ai pas voulu lui le dire pour ne pas l'effrayer. Certes, repris-je, si les choses ne s'étaient pas si bien passées, je n'aurais jamais voulu être le premier à annoncer au prince une nouvelle désagréable; mais il n'y a eu ni peur, ni accident, ni dommage!

Теперь желаю тебѣ устроить все также съ Австрійцами, тогда оставишь славные памятники въ почтовомъ департаментѣ. A propos de Firsoff, по словамъ коего ты говоришь, что новое образованіе почтъ станетъ правительству *ровно ничего*, вотъ письмо отъ Марушкевича;

прочти и помоги этому бѣдняку. Онъ одинъ только честно съ нами расплачивается; будучи уѣзднымъ судьею въ Велижѣ, онъ объ насъ всегда заботился. У него 8 или 9 человѣкъ дѣтей; зачѣмъ не помѣстить его на мѣсто Фирсова, ежели тотъ подлинно воспаритъ въ в. губернаторы? А я знаю, что имъ довольны въ Смоленскѣ, и самъ Фирсовъ очень его мнѣ хвалилъ; faites cela.—Благодарю за свѣдѣнія, кои Риччи желалъ имѣть; мать рѣшается слѣдовать совѣту, прежде данному мною, т. е., не вступая въ подданство, продать то, что̀ ему назначила, а вырученныя деньги отдать для него въ Восп. Домъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и поѣдутъ въ Италію, а онъ захочетъ деньги эти употребить на покупку тамъ дома, дачи или имѣнія. У нихъ теперь очень непріятный процессъ. П. М. покойный *) купилъ сосѣдственное имѣніе за 90 т., владѣлъ имъ 10 лѣтъ, законнымъ порядкомъ введенъ будучи во владѣніе. Теперь какой-то Чулковъ доказываетъ, что продавецъ не имѣлъ права продать (зачѣмъ же правительство допустило совершить купчую?) Имѣніе взято въ казенный присмотръ, и до рѣшенія дѣла за 90 т. на все ихъ прочее имѣніе, стоющее болѣе 2 милліоновъ, наложено запрещеніе! Боже сохрани и злодѣевъ нашихъ отъ тяжебъ! Ничто не отнимаетъ такъ здоровья.—У насъ здѣсь много вѣстей изъ главной квартиры, но онѣ должны быть вамъ уже извѣстны. Хилковъ на мѣсто Левашева въ лейбъ-гусарскій полкъ. Новосильцевъ, бывшій адъют. Сакена, въ фл.-адъютанты; мать, говорятъ, въ восхищеніи. На мѣсто Ланжерона, говорятъ, гр. Виттъ. Я спрашивалъ князя Дм. В. о семъ. C'est, dit-il, assez probable; car dans sa dernière lettre Langéron m'écrit qu'il demande la permission d'aller aux eaux de Baden. Какіе прыжки далъ Виттъ въ эти три года! Александровская, ген.-лейтенантъ и военный губернаторъ прелестнѣйшаго края въ Россіи.—Я забылъ тебѣ написать о кубкѣ, но сказалъ Рушковскому, который по обыкновенію своему наговорилъ мнѣ пропасть фразъ, а главнаго не понялъ. Окончивъ отвѣтъ мой, стану тебѣ говорить все, что̀ въ голову пойдетъ. Начну съ qui pro quo съ моей женою. Являюсь изъ театра.—Qu'est-ce qu'il y avait?—Je nomme entre autres Potemkine.—Qu'est ce qu'il est revenu faire ici?—Mais il est venu pour les couches da sa femme.—Sa femme est grosse?!! Comme je suis charmée: elle a toujours tant désiré d'avoir des enfants.—Mais c'est son troisième, ma chère amie.—Son troisième? Vous radottez, elle n'a jamais été grosse.—Si, fait.—Mais de qui parlez vous? De mad. Potemkine, la femme du richard?—Non, la femme de l'aide-de-camp général. А Наташа готова была уже парировать со мною.—Гуляя пѣшкомъ, встрѣтилъ я также пѣшкомъ князя Дм. Волод.

*) Т. е. Петръ Михаиловичъ Лунинъ.

Il me proposa d'aller voir le théâtre qu'on battit. J'acceptais avec plaisir. C'est étonnant comme l'ouvrage est avancé: князь сказывалъ, что 30 Августа 1823 года будетъ онъ уже открытъ, что его покроютъ теперь, дабы зимою можно было внутри работать. Я боюсь только бѣды: ежели зимою станутъ штукатурить и заведется сырость, то 1-е: оную никогда не выгонятъ, 2-е: будетъ вредно для всѣхъ, 3-е: не будетъ прочно. Но театръ будетъ глухъ. Страшная громада. Сцена будетъ 5 аршинами менѣе Миланскаго della Scala. 1824 года вся эта площадь отъ нашего собранія вверхъ до дому Дадьянова, гдѣ мы, помнишь, жили послѣ Французовъ, будетъ уже застроена, и родятся три или четыре новыя прекрасныя улицы и болѣе 20 каменныхъ новыхъ домовъ. Кстати очень пришлось, и я князю предложилъ нашихъ Бѣлорусскихъ граберовъ. Ефимъ проситъ о семъ. Это будетъ выгодно для мужиковъ. Другіе помѣщики сами наживаютъ симъ, но я всѣ деньги обращу въ пользу самихъ мужиковъ, не отдавая имъ денегъ самимъ (всякій можетъ заработать рублевъ 60): велю на нихъ купить имъ лошадь, корову и пр. и для того велю Ефиму выбрать бѣднѣйшихъ. Князь дастъ мнѣ знать, нужно ли на это лѣто; а ежели уже запаслись работниками, то возьметъ нашихъ на будущій годъ. Я, пожалуй, поставлю 200 человѣкъ; я заѣхать хотѣлъ нарочно къ князю и радъ, что это устроилъ.

*

Москва, 12 Іюня 1822.

Трубецкой, братъ графини Потемкиной, съ коимъ я всегда сражаюсь въ биліардъ, сказывалъ мнѣ, что здѣсь кто-то подъ залогъ прекраснаго имѣнія въ Нижнемъ, гдѣ и казна за душу полагаетъ по 500 р., не можетъ найти 17 т.: всѣ разъѣхались, и ни у кого денегъ нѣтъ. У Ефима должно накопиться тысячъ 13, но не шлетъ, а оттуда почта ходитъ немилосердно долго. Никогда скорѣе 11, а часто 13, 14 и 15 дней.

Статья о театрѣ въ Инвалидѣ очень смѣшна. Вяземскій хочетъ положить это на стихи. Здѣсь давно слышу я, что гр. Аракчеевъ боленъ. Онъ не молодъ, не плотенъ, заваленъ работою, мудрено ли! Я вынулъ письмо Варшавское изъ пакета и отдалъ таки Вяземской.—Qui est ce qui vous a prié? Qui vous a permis de décacheter mes lettres? Mon cher, voyez donc, je vous prie. А все это при mon cher было сдѣлано въ другой комнатѣ, и mon cher (т. е. мужъ, разумѣется) видѣлъ, въ какомъ положеніи пришло письмо. Тогда княгиня сказала: O, c'est une lettre de mad. Knorring, cela lui arrive souvent, et alors c'est le domestique qui cachète la lettre avant de la rendre à la poste. Хороша писачка!

Былъ я у Урусовыхъ. Князь получилъ письмо отъ князя Петра Мих., который увѣдомляетъ его, что Государь Императоръ, соизволяя на бракосочетаніе княжны, приказалъ выдать ей обыкновенные фрейлинскіе 12 т. р. Свадьба будетъ здѣсь въ городѣ, въ домовой церкви Пушкиныхъ; но день, кажется, еще не назначенъ. Меньшая Урусова, Софья*), становится прелестна, потолстѣла, и это очень къ ней идетъ. Князь боленъ флюсомъ, Ваня всякій день болѣе влюбленъ. Насчетъ жениха и невѣсты не перестаютъ кумушки выдумывать разные пустяки: все это дѣйствіе одной зависти и злобы, а право, княжна заслуживала бы даже еще лучшаго жениха. Сюда пріѣхалъ Ал. Дм. Балашовъ, но я его еще не видалъ. On dit que c'est pour marier sa fille.—Вотъ и отъ Вяземскаго пакетъ. Онъ что-то пересталъ уже говорить объ отъѣздѣ своемъ. Догадливъ я былъ, что не поѣхалъ на ихъ partie de plaisir за городомъ: пріѣхали оттуда проголодавшись, да еще, сверхъ того, ихъ всѣхъ, и Цыганокъ, и медвѣдей, перемочило до костей; было за что всякому заплатить слишкомъ по сту рублей! Мы теперь живемъ два шага отъ К. С. Тургеневой. Сергѣя вчера ожидали изъ деревни.

*

Москва, 15 Іюня 1822.

Во Вторникъ утро цѣлое простояло ясное, и я ѣздилъ съ Вяземскими обѣдать въ Васильевское къ Кривцовымъ. Славно насъ накормилъ; тутъ былъ и Тургеневъ, который собирается завтра ѣхать въ Петербургъ. Что это за прелестный видъ на Москву! Сидя на балконѣ и куря трубку, я не могъ довольно насытиться зрѣлищемъ. Куда люблю я прелестные виды! Я вспомнилъ Неаполь, тамъ все еще величественнѣе: безъ моря нѣтъ совершеннаго пейзажа; море рождаетъ корабли, порты, острова, мысы—все живѣе и движется; а видъ съ Васильевскаго хотя и прелестенъ, но мертвъ. Посмотря налѣво, на Воробьевы горы, вижу какіе-то бѣлые звѣрочки, движущіеся, гуси не гуси, не бараны, что̀ такое?—Это 3000 работниковъ, копающіе фундаментъ храма во имя Спаса, взятые между мужиками, коихъ купилъ Витбергъ для сооруженія храма. Кривцовъ сдаетъ охотникамъ Васильевское за полцѣны, ибо ѣдетъ въ Орелъ, гдѣ и останется уже на все лѣто и, кажется, осень у матери.

Я увѣренъ, что ты состряпаешь и съ Австрійцами почтовыя дѣла, хотя и не предвижу отъ нихъ той же податливости, какъ отъ Пруссаковъ, особливо ежели наша молва справедлива. Говорятъ, что Лебцельтернъ влюбленъ въ которую-то . . . . шу и женится на ней; и

---

*) Впослѣдствіи княгиня Радзивилъ.

первое, и второе невѣроятно. Elle est trop laide pour l'amour et pas assez riche pour le mariage. Depuis que la mère a mis Troubetskoy dedans, et qu'au lieu de monts d'or elle n'a donné à sa fille depuis deux ans que 15.000 en tout, je ne crois pas qu'on morde à l'hameçon et qu'elle crée de nouveau des dupes et des beaux-fils. On dit aussi que Czernicheff А. И. épouse la c-sse Bieloselsky l'aînée; тоже невѣрно почти по тѣмъ же резонамъ *).

*

Москва, 19 Іюня 1822.

Я отъ Тургенева, который при мнѣ отправился въ Петербургъ; ему хотѣлось еще пожить съ нами, но нельзя, и братъ прислалъ ему твою записку, въ коей тоже говоришь, что отпуска его продлить нельзя. Катер. Семеновна, по обыкновенію своему, плачетъ, что, имѣя трехъ сыновей, все съ ними въ разлукѣ. Успѣхи ихъ въ службѣ должны ей доказывать, что разлука сія имѣетъ свои выгоды, а они довольно часто ее навѣщаютъ. Теперь очередь нашего милаго Александра.

Вчера былъ я въ клубѣ; кого вдругъ вижу тамъ? Возвратившагося изъ чужихъ краевъ Меншикова Николая. Кажется, здоровъ, хотя нѣсколько и состарѣлся. Долго мы съ нимъ болтали. Онъ таки достигнулъ своей цѣли. Живши шесть лѣтъ внѣ отечества, довольствовался малымъ доходомъ, заплатилъ всѣ долги и теперь имѣетъ болѣе 80 тыс. чистаго дохода, выигралъ свой процессъ съ Мар. Ив. Корсаковою, которая имѣла безстыдство доказывать, что Меншиковы родились отъ матери, но не дѣти своего отца.

Вчера мнѣ сказывали, что Васильевъ, губернаторъ Тульскій, такъ явно и безстыдно сталъ жить съ женою тамошняго бывшаго полицмейстера Валуева, давая ей праздники и разоряясь на нее, что жена его, не могши болѣе терпѣть, его оставила и пріѣхала сюда къ отцу своему. Она дочь Кутайсова. Говорятъ, что онъ, по требованію Балашова, оставляетъ и мѣсто свое. Вотъ тебѣ еще анекдотъ, довольно странный. Здѣсь есть двѣ женщины, т. е. дѣвицы, доказавшія несправедливость мнѣнія, что дружба между прекраснымъ поломъ не существуетъ. Есть княжна Вар. Ник. Долгорукова и княжна Пр. Ник. Хованская, сестра генерала и сенатора. Онѣ въ связи лѣтъ 30, всегда жили вмѣстѣ въ одномъ домѣ, все было всегда общее, дома обѣ ровно хозяйничаютъ; обѣ сдѣлали завѣщаніе и отдали одна другой все, что̀ имѣютъ, а Долгорукая и богата. Сегодня у обѣдни вижу прекрасную желтую карету. Чья?—Княжонъ.—Какихъ княжонъ?—Долгоруковой и Хованской. Только, разсматривая карету, что̀ я вижу?—На одной сторо-

*) Оказалось вѣрно.

нѣ кареты шифръ Р. Д. и внизу гербъ Долгоруковыхъ, а на другой шифръ Р. С. и внизу гербъ Хованскихъ; я, право, два раза смотрѣлъ, чтобы увѣриться, что мнѣ не кажется, но такъ есть. Это смѣшно; но чувство, на коемъ основывается эта странность, достойно почтенія. Наташа говоритъ: allons donc, vous plaisantez; но я ей показалъ карету, которая, кромѣ того, прелестной работы, чуть не выписная ли. Пойди-ка найди двухъ такихъ друзей у васъ, или въ исторіи! Пишу тебѣ, что̀ въ голову идетъ, имѣя свободное время. Теперь хотимъ идти погулять нѣсколько. Прощай, любезный другъ; время славное!

*

Москва, 20 Іюня 1822.

Вчера у Вяземскаго познакомился я съ женою Жихарева. Милая и добрая бабенка *). Велѣла вамъ всѣмъ кланяться и обо всѣхъ подробно разспрашивала, о дѣткахъ, о сестрахъ; звали оба къ себѣ обѣдать завтра. Онъ хочетъ купить здѣсь домъ и поселиться; что-то нездоровъ, страдаетъ чиріемъ или нарывомъ на боку. Это, конечно, здорово, но мучительно; однакоже выѣзжаетъ. Тутъ былъ Кривцовъ, который также тебѣ кланяться велѣлъ. Хоть не даромъ былъ я на обѣдѣ: и у насъ проявился свой Castelli, нѣкто Campolucci, довольно хорошій басъ, пробирающійся пѣшкомъ въ *кару патрію*, даетъ концертъ; всѣ Итальянцы поютъ для него безденежно, Апраксинъ даетъ ему залу, Юсуповъ освѣщеніе и музыкантовъ, а мы всѣ беремся за раздачу билетовъ. Много я продалъ, но много и осталось. Всѣхъ бывшихъ у Вяземскаго я разжалобилъ. Стараемся какъ-нибудь пришить его къ здѣшней труппѣ, а болѣе всего есть и у него талантъ.—Шульцъ подлинно боленъ, желаніе его не есть обыкновенное; во всякомъ случаѣ не дѣлай это мимо Малиновскаго. Эти господа неосторожны и даютъ ему иной разъ чувствовать, что испрошеніе того или того зависитъ болѣе отъ тебя, нежели отъ Ал. Ѳедор. Я всегда имъ говорю: вы очень ошибаетесь; братъ радъ хлопотать за старыхъ своихъ товарищей; но будьте увѣрены, что безъ воли и представленія Ал. Ѳед. онъ бы не взялся просить графа Нессельроде, да и сдѣлать это не можно.—Мысль твоя объ инвалидахъ очень основательна, разумѣя, что существующіе не останутся безъ хлѣба. Я боюсь только, что въ военномъ караулѣ будетъ отказано. Не помню, на какомъ-то докладѣ Государь, соглашаясь на всѣ пункты, изволилъ написать: кромѣ военнаго караула, вмѣсто коего имѣть инвалидовъ.

*

*) Ѳедосья Дмитріевна, ур. Нечаева.

Москва, 22 Іюня 1822.

Дождались мы, наконецъ, тепла, и не тепла, а ужасныхъ жаровъ, я совсѣмъ отъ того не прочь. Всѣ кричатъ: душно, а мнѣ въ самую пору. Вчера, послѣ сильнаго дождя, прибившаго несносную пыль, сдѣлалось опять тепло, земля вся освѣжилась, и мы пошли, Наташа, я и дѣти, въ Кремлевскій садъ, который очень милъ, и по вечерамъ собирается много гуляльщиковъ. Цвѣтовъ пропасть, и отъ дождя царствовало пріятное благовоніе. Тутъ построенъ и домикъ съ rafraîchissements всякаго рода. Говорятъ, что тутъ и славный обѣдъ можно всегда найти, по 2 рубля 50 к. съ персоны, безъ вина. Готовитъ тутъ поваръ кн. Дм. Волод. Надобно туда когда-нибудь собраться; но, увы, нельзя пригласить ни тебя, ни Манычара, ни Северина, ни Матушевича, ни всѣхъ прочихъ. Американецъ нашъ переплылъ благополучно океанъ. Слава Богу! Знавши его въ Лондонѣ, это какъ будто дома. Вотъ каково разстояніе Америки! Кто два раза оттуда возвратился, какъ будто одинъ разъ воскресъ.

И такъ, Елагинскій дворецъ принадлежитъ Императрицѣ? Я его видѣлъ, но тогда внутри не было ничего отдѣлано; но снаружи представлялъ онъ прекрасную декорацію, ѣдучи отъ дачи, нанимаемой Юліею Александровною*). Мысль убрать все произведеніями Русскихъ фабрикъ и мануфактуръ также очень хороша. C'est comme une exposition nationale. Теперь не такъ далеко будетъ Императрицѣ ѣздить; всякій годъ должно ей быть тяжелѣе ѣздить въ Павловское и Гатчину. Въ имѣніи Баташовскомъ, гдѣ 13.600 душъ и которое находится подъ казеннымъ присмотромъ, нешуточные безпорядки. Нѣтъ сомнѣнія, что Фастовы мѣры одобрятся, а ежели не пресѣчь въ началѣ этотъ мятежъ между работниками, то распространится и по другимъ заводамъ, кои тутъ по близости. Самъ губернаторъ Апраксинъ очень перетрусилъ, ибо 500 работниковъ пришли во Владимиръ къ нему депутатами, требуя пищи. Онъ, узнавъ о ихъ приближеніи, поѣхалъ навстрѣчу, заткнулъ имъ ротъ 10 т. р., уговорилъ ихъ воротиться назадъ, а между тѣмъ далъ предписаніе дѣло изслѣдовать, на тѣ 10 т. купить хлѣба, а виновниковъ и бунтовщиковъ строго наказать. Дѣло это нешуточное, и при случаѣ можешь Гурьеву дать чувствовать, сколь нужно на этотъ счетъ развязать Фасту руки и дать ему всѣ средства утушить безпокойства сіи.—Вчера ѣду на Кузнецкій мостъ, между домами Анненковой и Хомякова солома.—Отчего? Выходитъ, что въ послѣд-

---

*) Татищевою.

немъ родила жена ген.-адъютанта Потемкина, урожденная Бахметева, и родила сына; только не Ростислава, думаю.

Сію минуту возвращаюсь отъ князя Николая Гагарина; столько разъ отказывалъ, что сегодня не могъ не ѣхать къ нему обѣдать. Долго тамъ засидѣлся.

Къ вамъ поѣхалъ Ив. Ив. Дмитріевъ. Всѣ говорятъ, что онъ былъ вытребованъ, и всякій даетъ ему назначеніе по своимъ мыслямъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что давно собирался въ Петербургъ.

*

Москва, 24 Іюня 1822.

Скоро же явился нашъ Американецъ въ Европу. Видно ему кто-нибудь сказалъ тамъ при отъѣздѣ: ну, Полетика, полети-ка! Онъ и полетѣлъ. Мад. В. s'est avisée de trouver cela mauvais, c'est comme aussi celui de l'autre jour. La vielle Pouchkine me disait au spectacle d'Apraxine: Eh bien, mon cher Alexandre, comment va Natalie et l'enfant donc? Que voulez-vous, lui répondis-je; l'enfant est dans la mère, et la mère est dans la tante (l'attente). Elle trouva cela mauvais, mais c'est l'envie qui l'empêche d'être juste et impartiale comme notre radoteur de Conservateur. Мой совѣтъ былъ бы Лизанькѣ*) совсѣмъ не говорить о Полетикѣ, а особливо имъ не шутить съ нею, а то родится susceppione, отъ коей родится холодность. Пусть будутъ на старой ногѣ, а тамъ придетъ само, ежели быть чему нибудь, въ чемъ сомнѣваюсь очень однакоже.—Фастъ помѣшался на цвѣтахъ, я ходилъ къ монументу Пожарскаго и купилъ тамъ 10 горшковъ славныхъ левкой, горшокъ гвоздикъ двойныхъ, горшокъ волкамерій, жасминъ бѣлый, а другой желтый Гишпанскій. Гдѣ ты это досталъ? Выписалъ, небось, а мнѣ не скажешь, и я бы выписалъ, вонъ у меня ничего не вышло. Я ну надъ нимъ смѣяться. Долго онъ все это цѣнилъ, а я заплатилъ за все это 17 р. Цвѣты можно теперь имѣть за ничто, и ихъ множество. Кустъ, на коемъ розановъ съ 20, не болѣе стоитъ цѣлковаго. Опять въ претензіи Фастъ, зачѣмъ ему не скажу, что такъ дешевы цвѣты. Чудакъ!

Ты говоришь, что звѣзда Краснаго Орла останется безъ употребленія. Почему же не носить ее съ Владимирскою, такъ, какъ Канкринъ носитъ свою Владимирскую со звѣздою Леопольда? Получа позволеніе принять орденъ, ты теперь уже настоящій кавалеръ, и я поздравляю тебя официально.

Здѣсь говорятъ много объ исторіи, которой дала поводъ смерть Бахметева Дм. Александр., тестя генер. адъютанта Потемкина. Бахме-

*) Т. е. дѣвицѣ Шумлянской, сестрѣ Булгаковыхъ. Бракъ ея съ П. И. Полетикою не состоялся.

тева сынъ отъ перваго брака предъявилъ завѣщаніе, по коему онъ не только не лишается наслѣдства послѣ отца, но и въ письмѣ, поданномъ на высочайшее имя, онъ доказываетъ, что отецъ его былъ увезенъ къ князю Егору Александровичу Грузинскому, гдѣ умеръ онъ будто насильственною смертію. Государь приказалъ дѣло это изслѣдовать, и всякій толкуетъ по своему.—Жена Серг. Васил. Толстого давно больна воспаленіемъ въ груди, которую никакому доктору не соглашалась показать. Пачкали долго, никто не понималъ болѣзни, а всѣ предсказывали ракъ и осуждали несчастную на смерть; она таяла, какъ свѣча. Наконецъ все кинулось назадъ; между спиною и бокомъ составился нарывъ, созрѣлъ, лопнулъ, и вытекло множество мокроты. Больная ожила, какъ Потоцкая, и не думаетъ умирать, а доктора перессорились между собою. Вотъ всѣ наши новости Московскія.

*

Москва, 26 Іюня 1822.

Вотъ и письмо отъ Вяземскаго къ Тургеневу. Онъ зоветъ меня очень въ Остафьево къ своимъ именинамъ. Ежели жена родитъ скоро, то поѣду съ Кривцовыми: они берутся меня везти туда и обратно. Всякій вечеръ, а особливо въ Воскресенье, собирается множество гуляльщиковъ въ новый Александровскій садъ, который прекрасно отдѣланъ; теперь дѣлаютъ и другую половину, которая идетъ отъ Экзерциргауза къ Москвѣ-рѣкѣ. Вчера было явленіе очень необыкновенное и всѣхъ очень утѣшавшее. Пустили въ Марьиной рощѣ большой шаръ, кажется съ козломъ или кошкою, не знаю, только шаръ этотъ взялъ направленіе черезъ Кремль и величественно летѣлъ надъ головами всѣхъ гулявшихъ въ саду, но въ большой вышинѣ; однакоже, очень хорошо былъ виденъ, и примѣтно было, что нѣчто, въ немъ сидѣвшее, его колебало. C'était assez drôle de voir plus de 2000 personnes, au lieu de se promener, toutes arrêtées, le corps renversé, le cul en dedant, le ventre en dehors, les yeux au ciel, suivant tous les mouvements de ce superbe ballon. Я никогда не видалъ какъ пускаютъ шаръ, поѣду въ то Воскресенье. Я очень сожалѣлъ, что въ мое время не было въ Парижѣ ни Гарнереня, ни другого славнаго аэроната.—Въ вечеру былъ я въ Аглицкомъ клубѣ, но тамъ очень мало людей бываетъ, и я насилу нашелъ себѣ соперника. Игралъ въ биліардъ съ старикомъ Шаховскимъ, у коего выигралъ 40 р. Къ вамъ ѣдетъ князь Петръ Трубецкой, братъ гр. Потемкиной, полковникъ артиллерійскій, что женатъ на Бахметевой, очень добрый малый; мы все дуемся съ нимъ въ биліардъ; ежели встрѣтишь его случайно, то познакомься. Охотникъ страшный до биліарда и играетъ хорошо и въ какую цѣну угодно. Уже

половина седьмого, а въ семь ровно начинается опера, даютъ сегодня Севильскаго Бородобрея; для меня этотъ брей утѣшительнѣе вашего Баварскаго Брея [1]).

*

Москва, 27 Іюня 1822.

Я очень благодаренъ гр. Сакену[2]), что онъ меня не забылъ, и мнѣ очень пріятно будетъ его видѣть здѣсь; поѣду непремѣнно, хотя бы онъ остановился въ Всесвятскомъ.

Подробности женитьбы князя З . . . не были мнѣ извѣстны. Мнѣ кажется, что теща его была просто удалой парень, тертый калачъ. Она разочла, что сопротивленіе для князя вещь новая, что оно возбудитъ любовь, усилитъ желаніе обладать предметомъ ему нравящимся. Такъ все и случилось. Я не видалъ ея никогда; но меня всегда радуетъ, когда богачи женятся на добрыхъ и бѣдныхъ дѣвушкахъ. Свадьба эта разстроила чрезмѣрно планы наслѣдниковъ князевыхъ; такъ было и съ Шереметевскими наслѣдниками, когда графъ Николай Петровичъ женился.

Ты меня посадилъ на иголки: не велишь еще говорить старику [3]), указъ не будучи подписанъ, а мнѣ бы очень хотѣлось обрадовать его извѣстіемъ о помѣщеніи сына его. Что дѣлать, повинуюсь, дождусь будущей почты, авось-либо грозное запрещеніе разрѣшится. Славное начало! Я поѣхалъ въ Неаполь на 400 р., а ты въ Вѣну и совсѣмъ безъ жалованья. То-то обрадуется добрый и нѣжный этотъ отецъ! Слава Богу, что Кутузовъ уцѣлѣлъ; въ этакомъ корпусѣ горячка не шутка. Не надобно умирать никому, но лучше бы пожертвовать нашимъ сенаторомъ Кутузовымъ, нежели вашимъ генераломъ, коего всѣ хвалятъ очень. Все, что̀ пишешь мнѣ о почтахъ, очень меня радуетъ. Vous vous ferez, comme dit Tourguéneff, une réputation européenne. Все это читаю я съ восхищеніемъ, особливо какъ подумаю, что все это дѣлается безъ отягощенія для казны и для публики, съ прежними ничтожными способами. Я все надѣюсь, что купцы сложатся когда нибудь и подарятъ тебѣ тысячъ сто; но вижу также я и затрудненія. Пусть лучше будетъ тебѣ эта милость отъ того, который уже столько излилъ на тебя щедротъ.

Во время театра пріѣхала въ Москву княгиня Нат. Петр. Голицына. Думали, что явится въ театръ, но не была, да и Апраксиныхъ не было никого. Въ ложѣ кн. Дм. Volод. была Бѣлосельская. Я ходилъ

---

[1]) Т. е. Баварскаго посланника въ Петербургѣ.

[2]) Впослѣдствіи князю. Его Записки въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года.

[3]) Доктору Пфеллеру, коего сынъ Владимиръ опредѣлился на службу при посредствѣ К. Я. Булгакова.

къ ней, поздравлялъ и съ пріѣздомъ, и съ свадьбою, и съ шифромъ. Она мнѣ разсказывала, какъ все это сдѣлалось: свадьба будетъ черезъ годъ, невѣста очень молода еще, бѣдный Чернышевъ вознаградитъ себя за все то, чтó претерпѣлъ отъ сатаны, первой своей жены[1]). Здѣсь уже говорятъ, что она хочетъ свадьбѣ помѣшать и пріѣхать съ мужемъ мириться. Пустяки! Поѣду завтра къ старушкѣ Голицыной; я ее право очень люблю, и она всегда была со мною очень ласкова.

*

Москва, 29 Іюня 1822.

Графиня Строганова[2]) пріѣхала. Такъ была мила, что тотчасъ прислала сказать, что видѣла Костю, оставила его здороваго и что желаетъ меня видѣть, что могу къ ней пріѣхать въ 8 часовъ въ вечеру. Вотъ я къ ней вчера и пустился. Она очень меня обласкала, много разсказывала про Костю, который большой ея фаворитъ, разспрашивала про Наташу, запретила именно ее вывозить и назначила себѣ ауденцію у нея завтра во второмъ часу передъ обѣдомъ. Какъ мнѣ не любить графиню послѣ всего того, чтò она мнѣ наговорила о тебѣ. C'est une passion très réciproque, mad. la c-sse, car vous êtes à la tête du petit régistre des grandes favorites. Cela me réjouit beaucoup, mais cependant il n'a pas voulu aller trouver sa favorite à Марьино; faites lui en, je vous prie, des reproches et de votre part et de la mienne. Je connais peu d'hommes qui aient le bonheur d'être universellement estimés et aimés comme votre frère; je voudrais pour le bien du service le voir employé d'une manière encore plus éminente et utile; mais d'un autre côté je l'aime aussi trop pour vouloir le priver des bénefices qui sont attachés à son poste et que nulle autre place n'offre. Долго очень говорила о тебѣ и съ участіемъ теплой дружбы. Ну какъ мнѣ эту милую женщину не любить? Она меня послѣ прогнала безъ церемоніи, узнавъ отъ меня, что можетъ Васѣ писать черезъ дилижансъ. Я письмо это тебѣ уже доставилъ. A propos, mad. la c-sse, je suis chargé par mon frère très expressement (хотя и не было этого) de savoir de vous et de mad. votre mère, si vous avez été bien servies aux poste?—A merveille, je vous prie de bien remercier votre frère et de lui dire qu'on nous a traité comme si nous étions de la famille impériale.

---

[1]) Княгини Радзивилъ, ур. Моравской.

[2]) Вдова графа Павла Александровича Строганова и сестра князя Д. В. Голицына, графиня Софья Владиміровна, получившая отличное образованіе (она перевела по-русски прозою Дантовъ Адъ) жила въ Петербургѣ, на Невскомъ, въ своемъ домѣ (нынѣ ея правнука, графа Сергѣя Александровича), куда ѣзжалъ къ ней и императоръ Александръ Павловичъ. Дочь ея, графиня Аделаида Павловна, была за княземъ Васильемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, сыномъ двоюродной сестры братьевъ Булгаковыхъ.

On a même mis, je vous assure, de la coquetterie dans toutes les attentions qu'on nous a témoignées. Просила бывать часто, хоть всякій вечеръ и начать съ сегодняшняго.

У меня былъ на дняхъ Гансонъ и часа два очень меня забавлялъ. Я думаю, сказалъ онъ мнѣ между прочимъ, когда ваша батюшка дѣлала ваша безпримѣрна братца, такъ ваша батюшка очень хорошо покушала и всѣ части были въ большой совершенства, чтобы совершить такая рѣдкая созданія!! Потомъ описывалъ мнѣ такими живыми красками свою любовь къ сыну (это, видно, не Щербатовъ), что я, право, и смѣяться не имѣлъ духу. Знаете, ваша пр-во, какъ я сына своего люблю, что ежели бы я *жилъ во время Римской исторіи* (charmante phrase!), я могъ бы его и себя прославить: моя любовь такая большая къ ему, что ежели бы онъ былъ осужденъ на смерть, я бы всѣ мученія готовъ за него терпѣть, это была бы мое благополучіе, я бы не испустилъ ни одна жалоба и умеръ бы доволенъ мыслями, что его спасаю. Каковъ же? А сынъ сдѣлалъ глупость, женился на дворянкѣ, взялъ 3000, кои тутъ же на свадьбу и убухалъ; полицейскимъ офицеромъ и терпитъ нужду; все, что̀ отецъ ни выстряпаетъ, все ему отдаетъ. Одѣтъ очень скудно. Я ему подарилъ фракъ, панталоны и жилетъ. Еще разсказывалъ мнѣ слѣдующее. Намедни иду я на Покровка, одинъ бѣдняка протягиваетъ рука и проситъ у меня милостыня, а я думаю себѣ на умѣ: какъ наружность обманываетъ всѣхъ; ты у меня просишь милостыни, ты думаешь, что я большой баринъ, а ежели бы не моя фракъ и не твоя рубища, я самъ бы протягивала рука и просила бы милостыни, у меня нѣтъ одна копѣйка. Долго онъ меня забавлялъ, я не знаю о чемъ не было рѣчи, даже объ астрономіи.—Славный графъ Сергѣй Каменскій здѣсь и не манкируетъ ни одного спектакля. On dit qu'il a une mauvaise affaire sur les bras. Продалъ на свозъ мужиковъ, что̀ запрещено, и тайно, какому-то варвару, который переселилъ ихъ на Кавказскую линію; только мужики нашли какъ-то случай объявить все Ермолову, а онъ довелъ до свѣдѣнія Государя, и теперь велѣно это все изслѣдовать. Будетъ ему Дорлиска, будетъ ему опера! Всѣ дѣянія этого человѣка столь же гнусны, какъ и фигура его.

*

Москва, 30 Іюня 1822.

Вчера вечеромъ я поѣхалъ къ графинѣ Строгановой, которую уже нашелъ вверху у старухи. Эта очень меня обласкала. Князю Дмитр. Волод., входившему въ ту минуту въ комнату, она сказала: Mais, mon fils, tes ямщики ne me traitent pas comme les subalternes de m-r Boulgakow; j'ai été servie comme une reine sur le chemin de Pétersbourg,

et ici les извощикъ me demandent 650 r. pour me conduire à Kalouga! Долго она ворчала. Кажется, есть тотъ грѣхъ, скупенька. Я было только расположился болтать съ графинею, а княгиня Тат. Васильевна[1]) меня несчастнаго посадила играть въ бостонъ съ старухою. Какая скука! Да и къ тому проигрался, какъ сапожникъ; все что ни было со мною, все отдалъ на съѣденіе и, хотя старуха сказала мнѣ: il y a du plaisir à jouer avec vous, vous n'êtes pas comme le prince Youssoupoff, онъ всѣхъ моритъ; но мало мнѣ въ этомъ утѣшенія. Послѣ партіи княгиня и князь очень совѣстились. La chose est faite enfin. On allait souper, et moi je décampais; la c-sse Stroganoff me donna le bras pour l'accompagner au moins jusqu'à la salle à manger. Elle m'a engagé à retourner chez eux ce soir, me promettant solennellement que je ne jouerai pas au boston et qu'elle me réservait pour son whist à elle. Увижу, можетъ быть и поѣду. Они во Вторникъ собираются ѣхать всѣ въ Калугу. По милости этого скучнаго бостона, не успѣлъ я заѣхать къ Юліи Александровнѣ, которую очень желаю видѣть. Охъ! и то мало времени: надобно еще, чтобы тесть пріѣхалъ, а онъ охотникъ болтать. Звалъ къ себѣ сегодня обѣдать, разсказывалъ о вчерашнемъ праздникѣ въ Петровскомъ у кн. Юр. Волод. Долгорукова и продолжавшемся цѣлый день: обѣдъ, ужинъ, гулянье, ярмонка, фейерверкъ, иллюминація, кокань[2]), жареные быки для своихъ людей и другой для народу, шаръ воздушный и въ заключеніе большой буракъ; когда онъ лопнулъ на воздухѣ, то изъ него полетѣли 10 т. экземпляровъ quatrain, коими князь благодаритъ за посѣщеніе и проситъ всѣхъ возобновлять оное всякій годъ и въ прочіе дни, когда угодно. Эта мысль мнѣ очень понравилась.

*

Москва, 3 Іюля 1822.

Разскажу тебѣ свой день. Поутру, принявъ свой декоктъ, пошелъ ходить пѣшкомъ по обыкновенію по набережной вдоль Кремля; время было очень хорошо. Воротясь домой, позавтракалъ. Думалъ было писать графу Ростопчину, коему давно долженъ отвѣтъ; но не тутъ-то было: тесть, Обрѣзковъ, Метакса, а тамъ явилась кормилица наша, а тамъ любезная почта; такъ и прошло время до трехъ часовъ. Пріѣхалъ Пфеллеръ. Eh bien, votre ex., a-t-elle la bonne nouvelle à me donner?—Rien encore de fini; mais l'affaire est en très bon train.—Dieu le veuille!—Vous dînez chez moi?—Sans doute.—Voulez-vous que je vous voiture?—J'attends Rouchkovsky, qui doit venir me prendre, mais ne tardez pas.—Non! quelle nouvelle?—Comment quelle nouvelle? Politique?—Non, nou-

---

[1]) Урожд. Пашкова, супруга князя Д. В. Голицына.

[2]) Большой шестъ; кто на него взлѣзетъ, получаетъ подарокъ.

velle de ville. Mauvaises, le pauvre Richter se meurt, il a le hoquet depuis hier, et Θед. Петр. Ключаревъ est mort hier, et jugez de consomption. Je viens de chez les Bibikoff où l'homme d'affaire du défunt maréchal Goudovitch m'a raconté un trait de Θ. П., qui ne lui fait pas honneur. Il était le душеприказчикъ du maréchal; entre autres dispositions il devait remettre au Lombard 70 m. en or. Klutchareff, d'après le proverbe, charité bien ordonnée commence par soi-même, c'est approprié cet argent au lieu de l'employer d'après la disposition du défunt maréchal. Ну это не прекрасная черта Ключарева, о коемъ я впрочемъ никогда не имѣлъ высокаго мнѣнія.—Скоро явился послѣ и Рушковскій. Ah! je félicite v. e. très bien, Jacques! Яковъ Ивановичъ, très bien!! Да не Ив., а Александровичъ! Га? Какъ? Да Александровичъ! [1]) Очень хорошо. Долго путалъ онъ имена, наконецъ началась другая комедія. Суетъ мнѣ червонецъ въ руки; поди я, отдай этотъ отъ него Наташѣ! Cela ne se fait pas, les absents n'envoyent pas de ducats et les présents les remettent eux-mêmes.—Je vous prie, remettez mon ducat vous-même. Меня взяло смѣхъ и горе, насилу его урезонилъ. Наташа захотѣла его видѣть, повелъ молодца, въ спальной опять даетъ мнѣ червонецъ, положи вмѣсто его: non, m-r, prenez votre ducat et mettez le vous-même sur la table de nuit. Тутъ вдругъ откуда взялась бодрость: на столъ ефто-то не годится, а должно (надобно знать, что у Наташи всегда три дня ставни затворены, такъ что совсѣмъ темно, и мы вошли ощупью), а должно подъ подушку; только вмѣсто подъ подушку мой Ив. Алек. чуть было по сосѣдству не засунулъ червонца подъ жену. Наташа такъ и покатилась отъ смѣху.—Поѣхали мы обѣдать къ доброму старику [2]), у котораго была славная телятина, и мы не разъ тебя вспоминали. Ф. И. долженъ былъ ѣхать на консиліумъ къ больному Рихтеру, а потому не могъ ѣхать съ нами въ оперу Итальянскую. Онъ такъ сталъ шутить надъ Ив. Алек., выбравшимъ день смерти Ключарева, своего друга, чтобы ѣхать *въ первый разъ* въ оперу, что его брало уже недоумѣніе: не зналъ, что̀ дѣлать. Дорогою все спрашивалъ, какъ сидѣть, что̀ дѣлать, надобно ли застегнуть фракъ или нѣтъ. Только подъѣхали къ крыльцу, намъ объявили, что опера отказана по болѣзни m-elle Zamboni. Чтобы ее разорвало! А я съ такою ѣхалъ радостію. Рушковскій обрадовался отсрочкѣ, отвезъ меня домой и поѣхалъ а ля постъ! Далъ мнѣ rendez-vous на будущую Субботу. Время было прекрасное, я велѣлъ дѣтямъ одѣться, посадилъ въ карету, и мы поѣхали гулять въ Александровскій садъ. Тутъ нашли

---

[1]) У А. Я. Булгакова родился тогда сынъ Яковъ (онъ умеръ въ младенчествѣ).
[2]) Доктору Пфеллеру.

мы княгиню Нат. Петр. съ Апраксиною, князя Дм. Волод. съ женою и графинею Строгановою. Старушка подошла къ намъ, обласкала дѣтей, мы съ ними продолжали гулянье. Онѣ сѣли отдохнуть, а графиня пошла еще ходить со мною и съ дѣтьми, коихъ она очень полюбила; но большой ея фаворитъ все Костя. Savez-vous, mad. la c-sse, que ma petite Olga est déja promise?—Allons donc. А Лёлька прибавила: мой женихъ графъ Каподистрія. Je vous conseille, m-elle, ajouta la c-sse, de vous dépêcher de vous marier, car votre promis commence à avoir beaucoup de cheveux gris. Разумѣется, много говорено о тебѣ. Премилая это женщина; я ей сказалъ, чтò пишешь о Васѣ; но они уѣдутъ отсюда, не дождавшись его. Графиня тоже сожалѣетъ, что нѣтъ оперы. Въ Понедѣльникъ дадутъ Турку. Графиня разсказывала мнѣ, какъ Костя пѣлъ ей Siste Turchi. Привезъ дѣтей домой и поѣхалъ къ Юліи Александровнѣ, у которой сидѣлъ часа съ два. Она очень къ вамъ торопится, боится, чтобы болѣзнь графини Катер. Алекс. не пошла въ затяжку, просила меня уговорить Ваню дѣлать свадьбу въ Валуевѣ. Это покойнѣе было бы для старухи, скорѣй бы кончилось, а Ю. А. готова ѣхать въ Валуево хоть тотчасъ. Завтра собираются они всѣ въ Новый Іерусалимъ; и меня они подзывали, но теперь не могу оставить Наташу. Показывалъ я Ю. А. статью въ Journal des Débats о ея мужѣ и объ ней. У Урусовыхъ такое веселіе что любо, всякій день танцы и игры. Ваня всѣхъ подчиваетъ то мороженымъ, то конфетами. Ю. А. мнѣ подробно разсказывала о холодности между Дм. Павл. и нашимъ добрымъ Каподистріей. Мнѣ, право, жаль, что они не сойдутся; а судить ихъ очень мудрено. Я тебѣ писалъ о праздникѣ, бывшемъ въ Петровскомъ у князя Юр. Волод. Долгорукова. Я досталъ quatrain, коихъ 10 т. экземпляровъ вылетѣло изъ пущеннаго на воздухъ бурака. Вотъ онъ, но не завидное сочиненіе. Смѣшно было то, что народъ себѣ вообразилъ, что это летятъ все сотенныя ассигнаціи, и дрались между собою, покуда стихи были еще на воздухѣ. Въ этотъ день князь купилъ 22 человѣка роговыхъ музыкантовъ за 20 т., не помню у кого-то; только они не лучше играютъ, говорятъ, Фастовыхъ виртуозовъ.

П. П. Нарышкинъ просилъ меня достать черезъ тебя наставленіе какъ дѣлать puding glacé, коимъ мы объѣдались у Нессельроде; нельзя ли попросить рецепта у графскаго повара, мы бы какъ нибудь попытались это сочинить.

*

Москва, 4-го Іюля 1822.

Вчера въ оперѣ видѣлъ я шурина Пфеллера, который мнѣ сказывалъ, что весь домъ вверхъ дномъ и всѣ внѣ себя отъ радости. Ф. И. ко мнѣ пріѣзжалъ два раза и все не заставалъ. Старикъ только что въ присядку не пляшетъ; да и нѣтъ сомнѣнія, что не всякій отецъ имѣть можетъ случай такой прекрасный дать ходъ своимъ дѣтямъ. Довольно объ насъ старались, а мы поѣхали въ чужіе края, ты безъ жалованья, а я на 400 р. У Анстета будетъ ему хорошо: хорошая школа. Персіяни не знаетъ понѣмецки, Пфеллеръ въ этомъ отношеніи будетъ очень полезенъ нашему толстяку, коему и я буду писать.

Ты не знаешь еще, кого въ Бразилію? Теперь вѣрно, что Полетика не возвратится въ третій разъ въ Америку: уже и мѣсто отдано. Тейльса я очень зналъ въ Неаполѣ, мы съ нимъ вмѣстѣ работали у Лассія. Онъ былъ присланъ, якобы статскій человѣкъ, дабы не дать подозрѣнія Франц. послу, но въ самомъ дѣлѣ былъ инженерный офицеръ. Вчера сказывалъ я гр. Строгоновой, что̀ ты пишешь о Васѣ. Они всѣ сегодня ѣдутъ въ Калугу, и я вчера въ оперѣ (которая очень ей понравилась) распрощался съ графинею. Мнѣ Риччи далъ свою ложу, я возилъ дѣтей; обѣ, особенно Катя, въ восхищеніи. Какъ запѣла Anti: Siste Turchi, то графиня на меня посмотрѣла, какъ бы говоря: écoutez m-r Костя, qui chante. Я представилъ Катю Юліи Алекс., у которой во время оперы перебывали почти всѣ Москвичи въ ложѣ; не дали ей и послушать хорошенько.

Послѣ оперы поѣхалъ я съ Вяземскимъ къ Урусовымъ, гдѣ и провелъ вечеръ очень пріятно. Скучный Филистри насъ наконецъ оставляетъ и ѣдетъ на дняхъ куда-то во внутренность имперіи продавать свои таблицы, кои всѣ находятъ полезными, но ужасно дорогими.

*

Москва, 6-е Іюля 1822.

Пфеллеръ ко мнѣ два раза заѣзжалъ и все не застаетъ. Въ Субботу вѣрно будемъ пить Шампанское у старика, и первый toast, конечно, будетъ тебѣ. Я люблю видѣть ликованіе и благополучіе цѣлаго семейства. Благодарю за сообщеніе письма добраго Шрёдера. Бѣднаго Ришелье видно всѣ сговорились уходить. Жаль его! Сколько гибнетъ людей отъ палачей-докторовъ! У дюка видно было тоже, что̀ у Лобанова, коего піявками спасли. Le coup de sang ne peut se parer que par un coup de sang.

Мысль твоя о башмакахъ очень справедлива; все это прихоть, и одна цѣль, это, протянувъ ногу, сказать сосѣдкѣ: Ah! quant à moi, je

ne porte pas d'autres souliers que de Paris; ceux d'ici gâtent le pied, tandis qu'avec ceux de Paris on ne sent rien, et cela vous chausse si bien. Сосѣдка скажетъ въ отвѣтъ: Ah! ma chère, comme vous êtes heureuse de pouvoir vous en faire venir autant que vous voulez! Это-то и есть главное благополучіе.

Новаго у насъ нѣтъ ничего кромѣ исторіи Гедеонова экс-директора. Онъ поѣхалъ къ Anti, засталъ у нея Пашкова молодого, изъ ревности ее разругалъ, а она ему дала оплеуху; онъ, было, за трость, Пашковъ его обезоружилъ, а Anti пустила въ него шандаломъ и бѣжала. Входитъ мужъ. Гедеоновъ началъ мужу на жену доказывать, мужъ ему умно отвѣчалъ: ce ne sont pas vos affaires, vous n'êtes ni le père, ni le tuteur de ma femme; que vous importe ce que ma femme fait, comment osez vous l'injurier; sortez d'ici et si vous n'étiez pas le neveu de m-r Apraxine, je vous aurais fait jetter par la fenêtre. Anti поѣхала съ мужемъ къ кн. Дм. В. жаловаться, а Гедеоновъ къ Юсупову; этотъ, выслушавъ все, расхохотался и прибавилъ, что ему непріятно мѣшаться въ дѣла мужа съ женою, что его дѣло, чтобы опера шла хорошо; вы же, прибавилъ князь, болѣе и не директоромъ. Чѣмъ-то все это кончится? Говорятъ, что Пашковъ долженъ драться съ Гедеоновымъ, кажется не за что обоимъ; но вся эта исторія дѣлаетъ мало чести Гедеонову, коему Anti также сказала: ce n'est pas moi, mais votre femme qui est une coquine. On ne parle que de cela en ville.—Вас. Львов. воротился изъ Козельска, гдѣ гостилъ у старой тетки. 12-го играетъ комедію въ Остафьевѣ у Вяземскаго, коего въ этотъ день рожденіе.

*

Москва, 7 Іюля 1822.

Ризнеръ ѣдетъ во Францію. Портретъ en pied графини, картина прекрасная, осталась у него на рукахъ. Графъ не отдаетъ условленныхъ 4000, а живописецъ безъ денегъ не даетъ портрета. Теперь Ризнеръ продаетъ графиню за 2500 кому угодно. Князь Сергѣй Гагаринъ предлагаетъ 1500. Куда весело будетъ Потемкину видѣть портретъ своей жены въ спальной Гагарина, или другого молодого человѣка! Ce sont de ces traits qui peignent un homme plus que toute une biographie. Il prouve qu'il n'a ni entrailles, ni délicatesse, ni amour propre, ni argent (surtout).

*

Москва, 10 Іюля 1822.

Бѣдная Риччи все больна, колотья въ маткѣ, а кромѣ того нервы также разстроены, какъ у Закревской. Стала при мнѣ чему-то смѣяться, упала въ обморокъ, а тамъ пошли слезы, и насилу ее успо-

копли; худа и блѣдна, какъ смерть. Завтра ожидають сюда Ник. Ал. Лунина; сестра его младшая *) въ горѣ, та, что̀ за Савинымъ замкою. Онъ былъ боленъ горячкою нервическою и третьяго дня скончался; жена въ отчаяніи: они жили очень согласно, онъ былъ добрый человѣкъ и очень хорошій мужъ. Это любимая сестра Лунина.

Юлія Алекс. очень рада, что свадьба въ Среду. Вотъ ея планы: послѣ обрученія намѣрена она, ежели не будетъ обѣда, тотчасъ ѣхать въ Остафьево, къ именинику Вяземскому, и просила меня достать ей почтовыхъ лошадей, на что И. А. натурально тотчасъ согласился. Тамъ пробудетъ она цѣлый день, а въ Четвергъ хочетъ уже ѣхать въ Петербургъ. Я ѣду къ Вяземскому съ Жихаревымъ, онъ и везетъ меня и назадъ привозитъ. Князь Дм. Волод. сказывалъ мнѣ вчера, что тоже собирается въ Остафьево; видно, будетъ праздникъ преузорочный. Ну, сударь, вчера мы пировали у Пфеллера. Пили: 1) твое здоровье, яко главнаго виновника; 2) обоихъ графовъ и 3) молодого дипломата. Я читалъ депешу къ Фаберу, очень лестно. Всѣ мы были очень веселы. Проголодались отъ Рушковскаго, который все не ѣхалъ; четверть пятаго я подалъ голосъ сѣсть за столъ, бралъ вину на себя. И. А. пріѣхалъ послѣ супу. Экой хлопотунъ! Какъ будто у него болѣе дѣла, нежели у тебя, а кажется, ты вездѣ поспѣваешь. Я ему это сказалъ. Mais cette fois-ci il avait tardé, parce qu'il avait fait un détour pour aller me chercher, et moi je l'avais attendu jusqu'à 3 h. et demie. Пфеллеровы всѣ въ восхищеніи. Отецъ и мать раза три говорили о тебѣ со слезами на глазахъ. Пріѣхалъ и Шафонскій изъ деревни. Для дипломата купили уже коляску. Это нашелъ бы онъ и лучше, и дешевле во Франкфуртѣ или Офенбахѣ. Рушковскій захотѣлъ быть въ оперѣ. Я его повезъ туда. C'est son premier début, et il fallait lui expliquer chaque chose. On donnait «Dorvaldo et Dorliska». Après le premier acte nous sommes allés faire une visite au prince Dimitri. Туда явился Юсуповъ, который спрашивалъ о тебѣ и прибавилъ: quand vous écrirez à m-r votre frère, présentez lui mes hommages, что̀ симъ и исполняю. Изъ театра заѣхалъ я домой, посмотрѣть на своихъ, а тамъ поѣхалъ въ Аглицкій клубъ; былъ въ ударѣ и выигралъ 75 р. въ биліардъ у Киселева. Вотъ и весь мой день.

Стараго пріятеля Чернышова прошу отъ меня поздравить. Je suis fâché que le mariage est remis à si loin. Pour lui, qui aime a prendre les forteresses d'assaut, d'emblée, ce sera ennuyeux de devoir se contenter d'un simple blocus pendant un an et demi.

*) Татьяна Александровна. Другая сестра за П. С. Полуденскимъ. Это дѣти Александра Михаиловича Лунина. Графиня Риччи—двоюродная ихъ сестра.

Вотъ и Шульцъ сейчасъ отъ меня. Ему на Кавказъ и подумать нельзя ѣхать. Онъ проситъ, какъ милости, подышать недѣли двѣ свѣжимъ воздухомъ за городомъ; но Малиновскій и туда не пускаетъ, ибо архивъ лежитъ на Шульцѣ. Пріятель нашъ Ждановскій имѣетъ привычку попивать. Алекс. Ѳедор. намедни, ѣдучи въ Сенатъ, сдѣлалась дурнота и обморокъ, продолжавшіеся болѣе часа. Послѣдствій никакихъ не было, но эта сидячая жизнь ему напроказитъ когда-нибудь.—Знаешь, гдѣ я былъ вчера? Подцѣпилъ Вейтбрехта и поѣхалъ на медвѣжью травлю. Тамъ было Мишка напроказилъ: перервалъ ошейникъ и сорвался съ цѣпи. Надобно было видѣть эту потѣху. Всѣ голову потеряли, а многія женщины, бывшія въ амфитеатрѣ, и слѣдовательно внѣ могущества медвѣдя, такъ испугались, что ну бѣжать. Мусье этотъ, разсерженный травлею, и хотя очень усталъ, сталъ кидаться на травильщиковъ, не смотря на ихъ дубины. Я далъ совѣтъ пустить на него собакъ 20. Частный приставъ велѣлъ это тотчасъ сдѣлать, между тѣмъ люди привязали за всякую лапу по веревкѣ, растянули его и кое-какъ накинули новый ошейникъ на шею. Долго очень это продолжалось, и я думаю, что ежели медвѣдь не былъ слѣпъ, пришлось бы его застрѣлить; я зрѣлища сіи не люблю, а поѣхалъ для шара, который послѣ спускали, и славно удался. Къ низу была привязана сидящая на стулѣ человѣческая фигура, которая послѣ, на очень большой высотѣ, отвязалась и упала на землю, на Тверскую. Многіе увѣрены были, что это живой человѣкъ. Дѣти изъ дома видѣли шаръ, ибо онъ пролетѣлъ черезъ всю Москву. Не знаю, гдѣ упалъ; онъ имѣлъ 48 аршинъ въ самой большой окружности. Хочется мнѣ заказать этому штукарю маленькій къ 26 Августа, именинамъ Наташи. Вяземскій долго у насъ сидѣлъ, просилъ не забыть Середу; не забуду.

Вяземскій сказывалъ, что бѣдный Валуевъ Александръ[1]) боленъ отчаянно въ водяной. Это странно въ его лѣтахъ. Ты хвалишь будущій праздникъ Петергофскій, а кого-то будетъ въ немъ не доставать? Татищевой, которая остается здѣсь на двѣ недѣли.

*

Москва, 14 Іюля 1822.

Вотъ какъ дѣло-то было. Я поѣхалъ къ Вяземскому въ Остафьево[2]) съ Жихаревымъ, Нечаевымъ и моимъ Ваською въ четвероместной каретѣ, въ часъ пополудни. 23 версты неважное разстояніе; но дорога дурна, и мы пріѣхали незадолго до обѣда, за которымъ было насъ болѣе 40 человѣкъ. Бóльшая часть гостей явилась къ вечеру. Пили

---

[1]) Отецъ будущаго министра и графа.

[2]) Недалеко отъ города Подольска. Нынѣ принадлежитъ графу С. Д. Шереметеву.

здоровье новорожденнаго и палили пушки. Послѣ кофею пустились съ трубками по водѣ на ту сторону пруда, на большой лугъ, гдѣ были всякія качели, хороводы и народный праздникъ. Наши дамы качались, а я принялся за свою любимую игрушку—кидать пряники: сѣлъ на круглыя качели, меня подняли наверхъ и держали качальщики все въ этомъ положеніи, а я оттуда, т. е. съ полета, кидалъ пряники и пользовался прелестною картиною. Къ 8 часамъ возвратились въ домъ, который скорѣе назвать можно дворцомъ: большое каменное зданіе, соединяющееся съ двумя флигелями посредствомъ колоннадъ. Пили чай, стало много наѣзжать сосѣдей и изъ Москвы. Были тутъ: Нелѣдова съ двумя барышнями, гр. Потемкина, гр. Гудовичева съ сестрою, Всеволожская съ сестрою, кн. Трубецкою, Четвертинскіе и пр., со множествомъ молодежи. Юлія Алекс., какъ ни спѣшила, не могла пріѣхать прежде девяти часовъ. Какъ явилась съ m-lle Hélène и Софьею Урусовою, тотчасъ сигналъ для театра. Въ первой піесѣ «le Roman d'une heure» играли очень хорошо княгиня Вѣра, молодой Ваксель и m-lle Irène, Француженка, живущая у Бартеневой. Вторая піеса была «le Tailleur Rousseau». Les deux Pouchkine y étaient charmantes. Вас. Львов. fesait le rôle d'un financier entiché de honneur, de titres et bête. Алекс. Мих. Пушкинъ fesait le tailleur et nous a beaucoup amusé! Son rôle était de mystifier le financier; or, il ne fait que cela dans le monde toutes les fois qu'il rencontre le bon et crédule Вас. Львов. Après le spectacle on a chanté au nouveau né des couplets en russe et en français. Après le spectacle on a commencé le bal, qui a duré jusqu'à 5 heures du matin. Il y eu avant le souper un feu d'artifice, qui ne réussit pas trop bien. Beaucoup de monde partit après le bal, mais je me sentis tellement fatigué et mes compagnons aussi, que nous résolument de dormir quelques heures; а вышло, какъ мы проснулись, что 11 часовъ. Мы позавтракали въ саду. Тутъ стали меня мучить, упрашивать остаться еще день, но я никакъ не могъ согласиться ради почты и Наташи. Жихарева уломали; я оставилъ ему, вмѣсто себя, Вас. Льв., у коего взялъ карету и возвратился въ ней въ городъ, написалъ тебѣ нѣсколько строкъ, поѣхалъ къ Юл. Алекс. съ ней проститься, ея уже не нашелъ, уѣхала къ вамъ; воротился я домой и завалился спать. Доброму графу Каподистріи и обществу его я очень благодаренъ за память обо мнѣ. Исторія покойнаго Ключарева съ деньгами Гудовичева сдѣлалась гласною; почтамтскіе мнѣ говорили, что это это правда и что Ключаревъ оставилъ болѣе 600 т. долгу!

Mémoires de Lanzun*) не присылай, мнѣ ихъ далъ князь Юсуповъ. J'ai déjà lu le premier volume. Il y a là l'histoire des amours du p-ce

*) Мы не увѣрены, такъ ли прочтено это имя. П. Б.

Repnine avec la p-sse Chartoryska. Ce Lanzun est un mélange de Faublas et de Richelieu.

*

Москва, 17 Іюля 1822.

Сегодняшній день самый безпутный для меня, любезнѣйшій другъ, и вотъ почему. Обѣщавъ давно княгинѣ, а еще болѣе въ угожденіе моей женѣ, поѣхалъ я вчера поутру къ тестю въ подмосковную, т. е. въ княгинину, *Бараново* именуемую. Тамъ пробылъ цѣлый день, удержали ужинать, а тамъ удерживали и ночевать; но ни я, ни оба Афросимовы (на коихъ животахъ я и ѣздилъ туда) никакъ не согласились, и мы по весьма темной ночи пустились въ двѣнадцатомъ часу въ Москву, имѣли недогадливость не взять провожатаго, немного поплутали, попали опять на дорогу, заснули всѣ трое крѣпкимъ сномъ и проснулись только на Поклонной горѣ. Сюда прибыли мы въ четвертомъ часу утра. Какъ я легъ спать, такъ и проспалъ до двѣнадцати часовъ.—Мнѣ предстоитъ ѣхать обѣдать въ слободу къ Пушкинымъ, Варенькино рожденье и свадебный пиръ; а тамъ надобно вырваться поранѣе, заѣхать посмотрѣть на домашнихъ, а тамъ въ оперу Итальянскую, которая закроется на мѣсяцъ, да къ тому же еще и даютъ мою любезную «Ченерентолу». Стало быть, то только и будетъ написано, чтó теперь напишу. Это мнѣ не по душѣ. Я получилъ отъ тебя №№ 37 и 38. Давай-ка поскорѣе отвѣчать. Князь Дм. Волод. въ восхищеніи, что вы помышляете о распространеніи дилижансовъ; онъ все этого добивался у Рушковскаго, а этотъ въ восхищеніи, что ему останется только исполнять то, чтò положено будетъ вами. Одинъ только графъ П. А. Толстой находитъ, что это подрывъ ямщикамъ; но князь Дм. Волод. ему сказалъ: Mais pourquoi voulez vous un bénéfice des ямщикъ et ne songez vous pas aux grands avantages qui résulteront des diligences pour les pauvres officiers, les marchands, les artistes, les étrangers, les domestiques et en général toute cette classe de gens, qui n'ont ni argent, ni protection?

Я получилъ письма отъ тетушки и всѣхъ Дубровскихъ*). Поздравляютъ съ сыномъ, а Мавра Ив. прибавляетъ: давно, батюшка, пора тебѣ догадаться и дать ребенку безцѣнное имя Якова, въ чемъ я съ нею согласенъ, но у насъ были разные обѣты съ Наташей; насилу изъ нихъ выпутались и сработали себѣ Яшку. Я въ Субботу не могъ обѣдать у Пфеллера по обыкновенію, ибо былъ званъ на свадебный обѣдъ къ Урусовымъ, но явился послѣ обѣда, однакоже нашелъ ихъ за сто-

---

*) Дубровка, Рязанское имѣніе князя С. И. Голицына, гдѣ жила и его теща, Мавра Ивановна Приклонская, ур. Булгакова, тётка Александра Яковлевича.

ломъ, за Шампанскимъ, и я долженъ былъ выпить рюмку zur glücklicher Reise. Тутъ обѣдало человѣкъ 30, и старикъ нашъ расплакался, выпивая свою рюмку, хотѣлъ говорить сыну рѣчь или наставленіе, но слезы помѣшали. Лодеръ, Шмитъ и весь факультетъ закричали: Muth, Muth, papa! Я читалъ и сыну, и отцу, чтò ты пишешь о нихъ. Я также далъ Пфеллеру письмо къ Анстету, которое начинаю сими словами: Vous en avez formé déjà tant dans votre vie; chargez vous, m-r le baron, encore de celui-là! Ко мнѣ является (Pfeller devait être parti hier) Нѣмецъ: Voici des fleurs que mad. Tatitcheff m'a chargé de remettre à v. e. pour lui être expédiées.—Très volontiers, quoique mad. T. ne m'ait rien dit sur cela.—Elle m'a dit que v. e. me payerait aussi les 200 r. qu'ils coûtent. — Je vous répète que mad. T. ne m'en a pas soufflé le mot. Je ferai partir les fleurs; quant à l'argent, j'attendrai sur cela les ordres de mad. T. et m'informerai de tout dans la maison Ouroussoff. Вышло точно, что Ю. А. не уполномочивала его получать отъ меня деньги, а только отдать мнѣ цвѣты, для отправленія къ ней, чтò завтра и выполню. Вчера были у насъ, т. е. у Наташи, молодые. Ваня est aussi gauche en mari qu'il l'était en promis.—Я былъ два раза у Сакена, все не застаю: его цѣлый день таскаютъ, ложится спать въ 9 часовъ, а встаетъ въ 5. Ученіе у Петровскаго дворца; очищено мѣсто, нѣтъ никого, расхаживаетъ только одинъ кавалеръ и куритъ трубку. Сакенъ говоритъ Ровинскому: г. полицмейстеръ, извольте отогнать этого человѣка; развѣ не могъ онъ найти другого мѣста курить, какъ тамъ, гдѣ учатся и гдѣ порохъ есть? Р. подъѣзжаетъ, узнаетъ Апраксина, требуетъ у него трубку именемъ Сакена, а потомъ—чтобы пересталъ курить; но генералъ отъ кав., со свойственнымъ ему духомъ, отвѣчалъ: скажите Сакену, что я курю и буду курить. Р. доноситъ Сакену, что курильщикъ хочетъ и будетъ курить.—Да кто этотъ человѣкъ?—Это, в. с—во, С. С. Апраксинъ. Сакенъ не сказалъ ни слова. Я нахожу, что полицмейстеръ глупо поступилъ, а также и С. С.; но съ нимъ всегда бываетъ то, чтò не случается съ другими. Au reste, rien de nouveau en ville. Кн. Дм. Волод. ѣдетъ объѣзжать свою губернію. Время у насъ безподобное.

*

Москва, 18 Іюля 1822.

Очень сожалѣю, что Воронцовъ не на Москву ѣдетъ. Мы бы ему задали пирушку отъ добраго сердца. То, чтò Государь ему сказалъ касательно почтъ и тебя, очень меня радуетъ, а тебя должно поддерживать духомъ и ободрять.

Вчера видѣлъ я добраго Сакена въ оперѣ; говорили о тебѣ; онъ подлинно помолодѣлъ. Je lui disais: mon frère a raison, et je vous assu-

re que je trouve v. e. rajeuni de 10 ans. Il me répondit en riant. Qu'est-ce que cela me fait que vous me le dites? Il faudrait que les jolies femmes me le disent et que moi je puisse leur prouver qu'elles n'ont pas tort. Наша опера ему понравилась. Онъ сидѣлъ въ ложѣ Юсупова. Ну какъ его сравнить съ Татарскимъ княземъ, который его моложе годами! «Сандриліонъ» шла славно, и я наслаждался. Сегодня большіе маневры для Сакена. Кажется, будетъ Вріенское дѣло. Всѣ туда собираются.

*

Москва, 20 Іюля 1822.

Я такъ и думалъ, что добрый нашъ Каподистрія воспользуется свободною минутою, чтобы ѣхать къ водамъ, но видно не рѣшилъ еще куда. Ежели въ Карлсбадъ, то очень ему Волковъ обрадуется. Юлія Алек. должна уже быть у васъ. Ты поѣдешь ли на Петергофскій праздникъ? А я праздновать буду 22-е въ Валуевѣ, куда далъ слово Пушкинымъ быть и куда ѣду съ Васил. Львовичемъ. Ваня что-то нахмуренъ. Дѣла его съ мадамою его все еще не кончены. Никто не знаетъ правды, а В. Л. мнѣ сказалъ на ухо, яко величайшую тайну: je vous raconterai tout cela en chemin, quand nous irons à Walouewo. Вяземскій пишетъ мнѣ, что планъ свой перемѣнилъ: ѣдетъ 22-го въ Калугу съ Полуектовымъ. Въ Понедѣльникъ будетъ сюда, а во Вторникъ отправляется въ Макарьевъ на ярмарку. Вотъ тебѣ и Одесса!

*

Москва, 21 Іюля 1822.

Насилу вырвался отъ Асламбегова. Сѣли довольно поздно обѣдать, сидѣли долго за столомъ, ѣли и пили много. Попандопуло любезничалъ, его порядочно напоили. Послѣ сѣли на балконъ пить кофе и курить, но гроза и сильный дождь погнали насъ въ комнату; принялись за другое ремесло: за вистъ, а въ залѣ одна мамзель начала играть на фортепіано, а прочіе пустились танцовать. Попандопуло плясалъ въ присядку и показывалъ, какіе Французскіе танцовщики-и-цы дѣлаютъ pà въ балетахъ въ Парижѣ. Въ эту минуту входилъ въ залу Греческій іеромонахъ, онъ его подхватилъ и хотѣлъ его заставить играть роль Биготтини и Нобле. Насилу вырвался я оттуда въ 9 часовъ; надобно было завезти домой Осипова.

*

Москва, 24 Іюля 1822.

Въ Субботу, какъ писалъ я къ тебѣ, отправились мы съ Вас. Львов. въ Валуево. Только что мы вышли изъ кареты, пошелъ дождь, который сутки цѣлые не переставалъ идти. Это помѣшало фейерверку, иллюминаціи, прогулкамъ и народному увеселенію. Изъ комнатъ

не выходили, сидѣли въ нихъ какъ птицы въ клѣткѣ, и вообще не очень было весело, да и не было никого, кромѣ домашнихъ и насъ двухъ, Четвертинскаго съ женою (они въ одной верстѣ отъ Валуева) и славнаго Филистри. У молодой графини болѣла голова цѣлый день. Ваня тутъ, какъ чужой, ходитъ не говоря ни слова. Онъ болѣе походитъ на генерала, пріѣхавшаго отдать отчетъ военному суду, нежели на молодца, подхватившаго прелестнѣйшую невѣсту въ Россіи.

Обѣдъ былъ очень хорошъ. При Шампанскомъ Филистри вдругъ всталъ и говорилъ Французскіе стихи, сочиненные имъ тутъ же. Кромѣ сего вотъ стихи Итальянскіе его же работы. Какъ прочелъ онъ стихи за столомъ, то я послалъ Ванѣ сказать, чтобы онъ готовилъ 500 р. поэту. Покраснѣлъ и закряхтѣлъ. Послѣ обѣда я къ себѣ отретировался курить, а тамъ посадили меня въ вистъ по 20; я выигралъ у Хитрово 18 р., да у Урусова 20 р. Въ 8 часовъ, начался родъ бала, но такъ какъ не клеилось отъ недостатка кавалеровъ, то созвали всѣхъ дѣвушекъ, пустились играть въ жгуты, кольцо и пр. petits jeux. Потомъ Варенька подала хорошій голосъ дѣлать шарады en action. Ну уже тутъ мы посмѣялись, и Филистри былъ чрезвычайно милъ. Думали его подкузмить, а вмѣсто того онъ Вас. Львов. посадилъ въ ремизъ. Сперва дѣлали Orphée. Первый актъ or, 2-й fée, 3-й Orphée. Тутъ пришелъ Филистри съ гитарою, вѣнкомъ на головѣ, плащемъ изъ шали и запѣлъ: j'ai perdu mon Euridice и кончилъ стихами въ похвалу графини Мар. Алекс.; всѣ очень аплодировали. Это подожгло Васил. Львов., который только и слышалъ: comme il est charmant! Mais Filistri est impayable. Предлагаютъ слово corbeau. 1-е дѣйствіе играетъ волторна; 2-е Ухтомскій молодой является en fat, смотрится въ зеркало, поправляетъ галстухъ etc., beau; 3-й актъ: заставляютъ дверь ширмами. Вдругъ изъ за нихъ является на четырехъ лапахъ чудовище, кто же это? Вас. Львов. въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ, насилу дышетъ. Ха! ха! ха! Кто говоритъ: c'est un ours, non, un mouton! non, c'est veau! Вдругъ изъ-за ширмъ показывается милая головка Филистри, подвязанная платкомъ съ кускомъ хлѣба во рту. Вас. Львов. дѣлаетъ ему глазки; «à ces mots Filistri ne se sent pas de joie, ouvre un large bec et laisse tomber sa proie.» Le gros Вас. Львов.; exténué de sa posture génante, tremblant pour un accès de goutte, saisit sa proie et mit toute les peines du monde à regaguer la porte. Filistri fit sentir que le rôle de renard revenait à В. Л. comme au plus fin, au plus spirituel de la société. В. Л. fut très flatté et accepta en ajoutant: а онъ будетъ дѣлать ворону! Ге? Э? Всѣ ха, ха! Но вышло, что В. Л. остался въ дуракахъ, а не Филистри. Ворона обманула лиси-

цу, это на изнанку басни. Послѣ ужина тотчасъ разошлись по домамъ; въ 12 часовъ я бы уже спалъ, ежели бы не мѣшалъ мнѣ Вас. Львов. своимъ несноснымъ храпѣньемъ. На другой день въ 12 часовъ былъ я уже въ Москвѣ.

Видѣлъ ли ты 22-го лунное затменіе? Оно здѣсь было видно во всей своей красотѣ. Я нарочно поѣхалъ въ Аглицкій клобъ, чтобы не проспать: игралъ въ бильярдъ съ Киселевымъ. Послѣ полуночи стало показываться черное пятно въ верхней части, все умножалось, а въ два часа $^3/_4$ луна была во тьмѣ. Славно можно было наблюдать, ибо погода была очень ясная. Я тебѣ разсказываю, а ты, можетъ быть, видѣлъ еще лучше меня.

Обращаюсь къ твоему № 42, писанному съ того острова, гдѣ нѣкогда Греки стояли на часахъ у покойнаго графа А. И. Пушкина*). Великое это будетъ счастье для Костаки, ежели попадетъ къ Воронцову: этотъ не посмотритъ на родство его съ тобою, не станетъ баловать, а сдѣлаетъ изъ него человѣка. Мнѣ Вася разсказывалъ, какъ графъ былъ къ нему строгъ, сначала ничего не спускалъ и давилъ работою, а тамъ сдѣлался его не начальникомъ, а другомъ, найдя способности и добрую волю. Сію минуту прислалъ мнѣ Рудинъ почтовую книгу для Москвы, своего сочиненія. Это хорошо! И мнѣ кажется, что этихъ болѣе разойдется, нежели Петербургскихъ. Здѣсь есть у Пачимади и реляція Греческой побѣды на морѣ; я ея еще не читалъ, но сердце мое оною веселится. Ахъ! Но ведутъ ли сіи побѣды къ чему нибудь окончательному? Не думаю; а все-таки лучше, чтобы Греки били басурмановъ, нежели на изворотъ. Вяземскій уѣхалъ въ Калугу, гдѣ Полуектовъ даетъ Сакену пиръ, т. е. давалъ 22-го; сегодня долженъ быть назадъ. Отъ меня теперь Жихаревъ выходитъ. Просилъ совѣта. Князь Дм. Волод. за нимъ волочится и даетъ ему мѣсто предсѣдателя Уголовной Палаты. Я совѣтую служить съ такимъ прекраснымъ начальникомъ. Буду его князю рекомендовать, когда увижу.

*

Москва, 31 Іюля 1822.

Я обѣдалъ по обыкновенію у Пфеллера (сегодня Суббота), гдѣ много нашелъ Нѣмцевъ, и всѣ въ черномъ, ибо явились съ похоронъ своего товарища Рихтера. Они были, говорятъ, великолѣпны; еще было бы великолѣпнѣе не умирать. Его было спасли отъ поднявшейся подагры, но онъ позволилъ себѣ какую-то неосторожность и опять

*) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ при Екатеринѣ завѣдывалъ училищемъ иностранныхъ единовѣрцевъ, гдѣ были Греки (а въ Пажескомъ корпусѣ преподавался Новогреческій языкъ, на случай водворенія въ Царьградѣ).

отчаянно занемогъ. Оставляетъ, говорятъ, 500 душъ, домъ и много денегъ. Добрый нашъ Пфеллеръ получилъ письмо отъ путешествующаго Владимира изъ Минска и очень былъ веселъ. Тотъ очень жалуется на докучливость Жидовъ. Видно не жилъ, какъ мы, три года въ Вильнѣ. Поутру ѣздилъ я прощаться съ Вяземскимъ, который удерживалъ меня обѣдать, но это день завѣтный у меня, да и послѣдняя же Суббота (вѣроятно) до отъѣзда моего въ деревню. Вотъ и Евсей явился изъ деревни, тамъ все готово и нетерпѣливо насъ принять.

Здѣсь много говорятъ, и все разно, объ исторіи графа Ар. Ив. Маркова, проигравшаго будто бы Майкову и Никитину 600 тыс. р. Иные говорятъ, что онъ, не соглаша ихъ на какое-то устройство, отказался вовсе отъ платежа и, угрожаемъ будучи побоями, уѣхалъ изъ Петербурга; а другіе увѣряютъ, что старому игрочишкѣ велѣно выѣхать изъ столицы. Все это, вѣроятно, очень увеличено, а можетъ быть и совершенный вздоръ.—Вчера задалъ намъ Вас. Львов. славный обѣдъ прощальный для Вяземскаго; онъ самъ опять въ подагрѣ и по обыкновенію выхвалялъ всякое блюдо и всякое вино.

*

Москва, 1 Августа 1822.

Очень тебя благодарю, любезный другъ, за сообщеніе Волкова письма, которое очень любопытно для меня. Теперь я знаю и о нихъ, и о Закревскихъ. Этотъ Сашка большой плутъ, и кого это онъ обманываетъ? Я ему здѣсь еще предвѣстилъ, что цѣль его Парижъ, а не Лозанна; но онъ съ притворнымъ видомъ отвѣчалъ, щупая больное свое сердце: «Съ моими ли годами, недугами, скудностію и семьею ѣхать въ Парижъ! Ты помнишь, что я и въ 19-мъ году тогда съ тобою не поѣхалъ.» Вотъ тебѣ старость, вотъ тебѣ бѣдность! Да и умно дѣлаетъ. Умѣй себя ограничить мотовствомъ только, такъ славно можетъ прожить въ Парижѣ и славное дать воспитаніе дѣтямъ: тамъ хоть кого выучатъ пѣть и танцовать. Экой St. Ignace Loyola;я ему ужъ напишу проповѣдь. Съ Шрёдеромъ, вѣрно, они сойдутся, и Сашка, и Соф. Алекс., о коей онъ, каналья, ни слова не упоминаетъ: знакъ, что здорова. Возвращаю письмо съ благодарностью. Теперь будетъ у насъ и другой комиссіонеръ въ Парижѣ. Гр. Ростопчина уже нѣтъ тамъ. Онъ пишетъ, что Н. Н. Демидовъ позволилъ, и что сынъ его женится на p-sse Beauveau, что, вѣроятно, отецъ недолго проживетъ, и молодца, и все имѣніе перетащутъ во Францію. Сынъ его, жившій послѣ St. Pélagie въ Ниццѣ, и тамъ надѣлалъ долги и шалости. Онъ говоритъ мнѣ: m-r Serge à été rendu à la liberté et au vice. Негодный мальчикъ! Но возвратимся къ твоему письму. № 47 явился ко мнѣ въ престрашный

дождь, падавшій болѣе часа. Представь себѣ, что на нашей улицѣ не видно было мостовой, ни тротуаровъ: вся была залита водою. Мнѣ казалось быть въ Венеціи; не доставало гондолъ. Одну несчастную курицу несло, какъ разбитый корабль; какъ ни карабкалась, вѣрно, не спаслась, ибо теченіе было ужасное. Этотъ потопъ, вѣрно, много надѣлалъ бѣдъ, о коихъ узнаемъ послѣ.

Желаю, чтобы на Майкова также выдумали, какъ онъ на Черткова. Я тебѣ писалъ о Московскихъ слухахъ насчетъ театральнаго Аполлона. Хорошо, ежели бы могъ онъ быть съ деньгами и безъ наказанія и пятна.—Евсей нашъ точно женился на дѣвушкѣ какой-то Садыковой, обѣщавшей отпустить ее на волю или отдать замужъ, ежели обрюхатитъ (разумѣется не дѣвушка, а барыня). Узнавъ, что мы люди уживчивые, Варенька (nom de l'héroine) пошла, вмѣсто воли, къ намъ въ крѣпость, плѣнясь не красотою, но аккуратностью и денежками Евсея. Онъ слыветъ въ околодкѣ богачемъ. Ты помнишь, что Василій, его отецъ, былъ будочникомъ и дворникомъ, ходилъ въ лаптяхъ, и когда умеръ, то нашли зашитое въ жупанѣ завѣщаніе, съ 900 р. ассигнаціями. Mad. la sourde n'est ni laide, ni jolie, mais une grande élégante. C'est en deux mots l'histoire de son second mariage, pour lequel j'ai du débourser 100 r.

Очень благодарю Матушевича за деньги; вотъ бы очень годились, ежели бы не осталось въ Питерѣ этихъ хвостиковъ. Хоть это заплатилъ не своимъ карманомъ, а денежками Баварца. Кланяйся очень Ванюшѣ, когда будешь ему писать. Ежели выиграю Воротынецъ, повезу Наташу въ Парижъ мѣсяца на четыре, и заѣдемъ въ Мюнхенъ. A propos de la lotterie: губернаторъ чрезъ предводителей посылаетъ билеты въ уѣзды, для продажи; но въ уѣздахъ не имѣютъ понятія о сей лотереѣ, многіе и здѣсь спрашиваютъ часто, что есть еще, кромѣ Воротынецъ; какія тутъ примы? Ты прислалъ мнѣ 10 Французскихъ объявленій о планѣ лотереи, ихъ тотчасъ у меня расхватали. Велите это опубликовать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ еще разъ пять. Право, читая, охота возьметъ того, кто бы и не думалъ брать билета. Здѣсь печаталось разъ 20, что билеты тамъ-то можно имѣть; что̀ пользы въ этой публикаціи, когда не знаешь, что̀ именно можно выиграть и сколько какихъ призовъ. Ты увидишь, что это очень подѣйствуетъ.—Жаль бѣднаго Вилламова. Ставлю себя на мѣсто несчастнаго отца. Говорятъ, что сынъ малый прекрасный и отличный стихотворецъ. Ты помнишь Вилькеса старика, жившаго у князя Ѳед. Ник. Голицына. У него былъ сынъ или мальчикъ, коего онъ усыновилъ, и воспитывавшійся въ Гетингенѣ. Вилькесъ, умирая, завѣщалъ ему 100 т. р. Le jeune homme s'est tiré l'autre jour

un coup de pistolet et resta roide mort. On dit le vieux Gallitzine fort affligé. Personne ne devine le motif de cet acte de désespoir.

*

Москва, 3 Августа 1822.

Извѣстіе, полученное тобою отъ Воронцова, очень меня обрадовало. Надобно, чтобы порода такихъ людей, какъ онъ, не переводилась, а умножалась. Я тотчасъ далъ знать это Митѣ Нарышкину, который его любитъ какъ отца, и который сегодня долженъ былъ уѣхать въ деревню, не дождавшись также шести недѣль послѣ родовъ жены. У него теперь два сына.—Ужъ этому толстому Шилингу не сдобровать; не его дѣло ни порхать, ни нырять; будетъ съ него, что и повальсируетъ иной разъ. Не знаю я, что̀ будетъ съ Горенками, только отсюда все продаютъ поштучно, какъ изъ лавочки: померанцы, груши, лавры, все это въ деревьяхъ. Можно все это очень дешево имѣть. La dévise du héritier du c-te Alexis paraît être: argent de tout.

*

Москва, 4 Августа 1822.

Не безпокойся: Ваня не далъ Филистри 500 р. за стихи; не знаю, подарилъ ли что-нибудь и за épithalame, коей напечатаніе довольно стоило денегъ Берлинскому придворному поэту. Княжна училась у Метаксы по-итальянски; она, зная его бѣдность, просила Ваню что-нибудь ему подарить. Онъ обѣщалъ, и княжна объявила это съ радостію своему бывшему учителю. Тотъ ну себѣ заказывать фракъ и панталоны, обмундировался. По приказанію княжны, является къ Ванѣ поутру. Этотъ, весь сконфуженный, сажаетъ его возлѣ себя, показываетъ ему счеты своихъ издержекъ, карета дорожная 7000, ливрея, лошади etc. etc., и оканчиваетъ словами: la p-sse n'a rien, j'ai du suppléer à tout de mon argent et je vous avoue que maintenant que je dois partir pour l'étranger, il ne me reste que 90.000 r. Нашъ Грекъ очень тонко ему возразилъ: Mais, m-r le comte, pourquoi entrez-vous dans toutes ces explications! Je n'ai pas le droit de les exiger, je ne vous demande rien et ne suis venu que parce que la c-sse m'a dit une fois: allez un matin chez le c-te Jean, il a à vous parler. J'ignore absolument pourquoi vous me désirez. Ваня пришелъ въ страшное замѣшательство; но все кончилось тѣмъ, что онъ бѣдному Метаксѣ не далъ ничего. Экая скряга! Хоть бы передъ невѣстою блеснулъ!

*

Москва, 7 Августв 1822.

Вотъ и Филипъ Ив. сейчасъ отъ меня. Давалъ мнѣ инструкціи, какъ цѣлый день поступать въ деревнѣ, куда гонитъ насъ безъ пощады; мы сами торопимся, время прекрасное второй день, барометръ

поднимается. Тамъ примусь опять за декоктъ и, кромѣ того, буду брать всякій день ванны какія-то съ солью; того и гляди, что сдѣлаюсь ветчиною или, по крайней мѣрѣ, солониною. Ainsi le veut notre bon vieillard, я повинуюсь.

Меншиковъ былъ здѣсь на сутки, поѣхалъ къ женѣ также на сутки, а оттуда въ дальній путь. Рушковскій таки явился къ нему, но слушалъ уроки не совсѣмъ пріятные. Князь хвалилъ почтовый департаментъ вообще и особенно почту Петербургскую. Вы можете быть увѣрены, говорилъ онъ Рушковскому, что въ Петербургѣ пять часовъ послѣ того, что почта придетъ, всякій имѣетъ свое письмо.—Да и здѣсь я, в. с—во, также вотъ ефто-то, эту минуту, письма доставляю.—Нѣтъ, это не то; въ Петербургѣ протекція не дѣйствуетъ, послѣднему мѣщанину письмо также скоро доставляется, какъ министру, не частная услуга тамъ въ виду, а общая польза; мнѣ могутъ писать вздоръ мои родные, а часто вся фортуна купца зависитъ отъ полученія раньше или позже пакета. Нѣтъ, въ Петербургѣ все это дѣлается очень и проворно и исправно.—Очень хорошо, да знаете ли вы, что это все дѣлаютъ наши Московскіе почталіоны?—Какими же судьбами? Почталіоны везутъ почту, а разбирать почту не ихъ дѣло; это дѣлаютъ чиновники. А у васъ почталіоны почту разбираютъ? Такъ отъ этого такъ медленно и раздаются письма здѣсь. Надобно правду сказать, Конст. Яковл. заслужилъ всеобщую благодарность. Знаете ли вы, что письма скорѣе приходятъ въ Петербургъ изъ Одессы, нежели изъ Тамбова и Пензы въ Москву! Il fallait voir l'embarras de notre cher ami. Мнѣ все это разсказывалъ Н. А. Лунинъ, который былъ свидѣтелемъ разговора.

Потеря лишняго и безполезнаго жира есть уже доказательство, что воды Закревскому помогли, чему я очень радуюсь. Всякій Русскій долженъ желать здоровья человѣку, столь полезному службѣ и доброму.—Кн. Циціановъ обѣщалъ взять въ Февралѣ нашихъ граберовъ Бѣлорусскихъ на здѣшнія работы, а между тѣмъ мнѣ совѣтовалъ (радѣя о нашей же пользѣ) поговорить съ Витбергомъ, которому также оные нужны; а у него, говоритъ онъ, плата лучше и работа чуть не легче ли. Узнай это отъ Витберга, такъ лучше ему отдать нашихъ мужиковъ. Спроси, сколько онъ платитъ каждому, на какое время, и какое число ему нужно? Не останавливая нашихъ сельскихъ работъ, мы можемъ удѣлить человѣкъ 200. Къ какому времени они ему нужны? Я сими работами въ Ригѣ поправилъ много нашихъ крестьянъ; а теперь въ Ригу болѣе не требуютъ, за неимѣніемъ въ нихъ надобности.—Метакса говоритъ, что пріѣхала взбалмошная роденька Каподистріи, Су-

маронова. Собирается въ Петербургъ, но я увѣрилъ Метаксу, что она графа не застанетъ.

*

Москва, 8 Августа 1822.

Уваровъ изъ ученыхъ попалъ въ фабриканты, а Карнѣевъ бросилъ сукно и принялся за перо. Послѣдняго вели къ сему обстоятельства, но Уварову не понимаю, что за охота взяться за эту сухую матерію, развѣ для того, чтобы титулъ его прибавился одною строчкою. Не долго же побылъ Болгарскій на своемъ мѣстѣ. Ай да Бердъ! Ужъ никому не было такъ весело отъ Петергофскаго праздника, какъ ему: шутя взять 60 тыс. р.! Но далъ ли онъ хоть 100 р. тѣмъ несчастнымъ, изжаренымъ, закоптѣлымъ, которые въ адскомъ жерлѣ перемѣняютъ дрова и здоровье свое теряютъ, тогда какъ Бердъ наживается. Я не могу забыть фигуру несчастнаго того истопника, которому ты, не будучи ни Бердомъ, ни Шереметевымъ, далъ 25 рубл. въ поѣздку нашу въ Кронштадтъ на паровомъ суднѣ.—Контора частныхъ должностей учрежденіе хорошее, и со временемъ конечно это распространится. Меня увѣряютъ, что это здѣсь когда-то существовало и рушилось. Я очень благодаренъ Воронцову, что онъ меня помнитъ, а я его всегда душевно любилъ, милый человѣкъ. Жена его моя большая фаворитка, и я очень раздѣляю благополучіе ихъ имѣть сына, да еще и Александра *)!

Какова же моя хозяйка! Завела въ Булаковѣ одинъ станъ, выучила одного ткача у тестя, и теперь дѣлается у насъ изъ Бѣлорусскихъ талекъ очень порядочное полотно, которое отдаетъ мастерамъ бѣлить и складывать на манеръ Голландскихъ полотенъ. Дѣти носятъ у насъ рубашки изъ этого полотна, идетъ и на простыни, наволочки и пр. Посылаю тебѣ въ четырехъ штукахъ 68 арш.; по мѣрѣ, что будемъ выдѣлывать, будемъ съ тобою дѣлиться. За это, надѣюсь, Климъ не будетъ ворчать, а скажетъ спасибо. Я все смѣялся надъ Наташиными затѣями, ожидалъ все пустяковъ, а теперь дѣлаю amende honorable.

*

С. Семердино, 16 Августа 1822.

Я точно читалъ печатное сообщеніе графа Кочубея о хлѣбѣ изъ моху. У кн. Дм. Волод. спекли такой хлѣбъ, я его отвѣдывалъ, на вкусъ хорошъ; остается рѣшить, не вреденъ ли онъ для здоровья, и такъ ли насыщаетъ, какъ обыкновенный ржаной? Я досталъ образцы этого мха и повезу его съ собою въ Велижъ.—Я дочитываю теперь

---

*) Этотъ сынъ умеръ въ младенчествѣ.

рѣчи Фокса. Какая разница между ними и тѣмъ, что̀ г-да Французы врутъ въ своихъ засѣданіяхъ! Только коллекція эта не полна, ибо я не нашелъ достопамятныхъ рѣчей Фокса во время заключенія батюшки въ эдикулѣ, когда Фоксъ отвратилъ отъ насъ войну съ Англіею. Гр. Семенъ Романовичъ сдѣлалъ тогда coup de tête. Видя, что всѣ его старанія привести въ разсудокъ министерство Британское были тщетны, онъ обратился къ оппозиціи и отдалъ ей всѣ бумаги и переписку свою съ Петербургомъ, показывавшія ясно умѣренность и миролюбивыя чувства Государыни. Фоксъ тогда одержалъ побѣду въ парламентѣ, и Екатерина, выписавъ его бюстъ мраморный, поставила оный въ Царскомъ Селѣ между Демосѳеномъ и Цицерономъ. Впрочемъ, можетъ быть, я еще и не дошелъ до этого. Для столь великаго оратора, каковъ былъ Питтъ, нуженъ былъ и соперникъ, какъ Фоксъ.—Пишу Метаксѣ, чтобы присылалъ скорѣе вторую часть Записокъ: теперь у меня много досужнаго времени. Балабину скажи, чтобы онъ не церемонился и дѣлалъ какія хо̀четъ замѣчанія, прибавленія, перемѣны къ первому тому и присылалъ назадъ. Надобно приняться за печатаніе. Кому же посвятить? Имѣю въ виду не fumo, а arosto, не честь, а деньги.

Я былъ теперь въ Балаковѣ. Прислали туда изъ Дмитрова солдата съ повѣсткою о дорогахъ; этотъ бѣднякъ, сидя въ избѣ, вдругъ упалъ съ лавки и умеръ. Послали тотчасъ за попомъ и хотя церковь очень близко, священникъ не нашелъ уже солдата въ живыхъ. Этотъ бѣднякъ изъ Балакова самъ имѣетъ тутъ родныхъ и радовался, что въ Сентябрѣ получитъ отставку и пріѣдетъ поселиться къ родственникамъ своимъ въ Балаковѣ. Поди, дѣлай проекты! Меня это тронуло, но я не могъ не засмѣяться. Подъѣзжаю къ избѣ, вижу тутъ человѣкъ съ 50 у воротъ. Что̀ вы тутъ дѣлаете? А вотъ, батюшка, *караулимъ* покойника!!—Кажется нельзя опасаться, что уйдетъ.—Наше дѣло мужицкое, какъ намъ знать, а лучше покараулить, на немъ амуниція государева. Il y a dans le peuple un instinct qui le porte à soigner tout ce qui est à la couronne, le même instinct qu'il y a dans les classes plus élevées et qui les porte à voler tout ce qui est à la couronne. Моя madame въ большомъ гнѣвѣ, изобличила старосту Балаковскаго въ покражѣ шести четвертей хлѣба; онъ признался, и она его отрѣшила отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; теперь выбираетъ другого. Il y a un cri, un tapage! C'est autre chose que les élections de Westminster.

*

С. Семердино, 20 Августа 1822.

Вчера возились мы съ безпокойными городскими гостьми; они явились, какъ тѣло умершаго въ Балаковѣ солдата (о коемъ я тебѣ писалъ) такъ испортилось, что подходить нельзя было къ нему. Лѣкарь отказался вскрывать благовонное тѣло, полицейскіе и засѣдатели отказались подходить къ оному, попъ безъ денегъ отказался хоронить, однакожъ по долгомъ спорѣ покойный преданъ землѣ, и вся эта мелюзговая команда почла себя обязанною заѣхать къ намъ съ почтеніемъ своимъ. Мы ихъ потчивали кого чаемъ, кого водкою, кого трубкою. Все это такъ бѣдно, служитъ на такихъ окладахъ, что право нельзя ихъ слушать безъ жалости. Офицеръ признается мнѣ, что ежели бы жена его не шила башмаки женскіе, нечѣмъ было бы дѣтей кормить; офицеръ инвалидной команды также сознался, что взялъ у пріятеля сапоги, чтобы ѣхать сюда. Этотъ, хоть и былъ уже въ куражѣ, захотѣлъ довершить дѣло, все отказывалъ, что̀ я ему ни предлагалъ и наконецъ воскликнулъ: вы всѣхъ насъ утѣшаете, вы такъ добры, великодушны, в-е п-во! Простите мою дерзость и дайте мнѣ *вина*, не винограднаго, а хлѣбнаго, просто сказать, сивухи. Подали ему стаканъ пѣннаго, и онъ это осуша, началъ разсказывать свои походы. Служилъ при Екатеринѣ въ гвардіи солдатомъ; красотою своею и протекціею Іоасафа Арбенева сдѣланъ сержантомъ; служа хорошо, выпущенъ офицеромъ, во многихъ былъ походахъ, за раною и бѣдностью опредѣленъ на инвалидное содержаніе. Нашъ ораторъ вдругъ исчезъ, куда дѣвался? А онъ забрался къ Ванюшкѣ. Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ ему, посижу съ тобою; боюсь, какъ бы тамъ при барынѣ твоей не проврaться! Ты, должно быть, родъ фаворита, на тебѣ фракъ изъ тонкаго сукна, и ты ходишь въ усахъ. Ежели я угадалъ, то сдѣлай же доброе дѣло: внуши барину, чтобы пожаловалъ намъ что-нибудь на нашу бѣдность. Нельзя было бѣдному Алексѣю Клюеву не подарить красную бумажку. Лѣкарь, по имени Соколовъ и на коемъ передняя половина парика была русая, а задняя рыжая, долго все отмалчивался и про себя шепталъ; наконецъ, воспользовавшись минутою, что всѣ умолкли, онъ всталъ и началъ свою рѣчь: Осмѣливаюсь в-му п-ству доложить, что я имѣлъ счастье воспитываться въ домѣ вашего дѣдушки Ивана Мих. Булгакова. Нынѣ порода такихъ людей перевелась; онъ имѣлъ силу Орловыхъ, а умъ Панинныхъ, былъ бѣлъ, свѣжъ, имѣлъ вершковъ 12, Московскіе градоначальники и Еропкинъ, и Измайловъ ѣздили къ нему на совѣтъ. О батюшкѣ вашемъ говаривалъ: это будетъ человѣкъ. Богъ ему все далъ, отъ меня имѣетъ только

благословеніе и любовь мою. Петръ Ив. [1]) былъ тоже у меня; но осмѣливаюсь доложить, простите меня (и посмотря на Клюева) придерживался горячихъ напитковъ; болѣе причиною въ этомъ былъ его шуринъ, человѣкъ нетрезвый» (это, полагаю я, Сивастовъ) и пр. пр. Все тебѣ разсказывать было бы очень долго, а признаюсь тебѣ, что разговоръ сей и подробности о дѣдушкѣ и молодости батюшкиной были очень для меня пріятны. Соколовъ увѣренъ также, что Мавра Иван. *не благовидна*, и что заключеніе батюшкино въ эдикуль было причиною преждевременной кончины дѣдушки. Вся эта шайка разбрелась, и почти всѣмъ надобно было подарить что-нибудь изъ жалости.

Къ намъ явились на житье учители Русскій Ильинъ и Французскій Мерсанъ.

Ты мнѣ даешь прекрасную вѣсточку. И такъ и я буду имѣть похожій портретъ добраго Каподистріи! Это меня очень радуетъ. Сдѣлаю славную рамку и повѣшу у себя въ кабинетѣ. Вамъ и безъ портрета хорошо: вы его видаете часто. Ожидать буду подарка съ нетерпѣніемъ, а ему желаю отъ всей души возвратиться здоровому въ Петербургъ. Я увѣренъ, что мы имѣемъ въ немъ истиннаго друга, а зная хорошо его душу и чувства, нельзя его не любить и не уважать.

*

С. Семердино, 22-е Августа 1822.

Въ Воскресенье поѣхалъ я обѣдать къ Брокеру [2]). Только что велѣли было идти за кушаньемъ, является къ нему Ф. И. Пфеллеръ съ Алёною Ивановною и Шафонскимъ со свитою. Для неожиданныхъ пріятныхъ гостей надобно было лишнее велѣть приготовить, о чемъ я не жалѣлъ, ѣсть не очень хотѣлось. Мы погуляли въ саду и около пруда, а тамъ принялись и за чавканье. Поѣли плотно, пили между прочимъ за твое здоровье по приглашенію старика: à la santé de mon bienfaiteur К. Я! Высушили двѣ бутылки V. C. P. [3]), а тамъ стали мы курить, а тамъ въ вистъ сыграли 12 робберовъ, ровно всѣ въ ни чью, а тамъ чай пить, а тамъ опять въ вистъ, а тамъ ужинать. Но я не остался и убрался домой засвѣтло. Ф. И. читалъ мнѣ письмо, которое получилъ отъ сына изъ Дрездена, гдѣ его Ханыковъ очень обласкалъ, а Струве показывалъ всѣ достопамятности города. Министръ далъ ему депешу къ великой княгинѣ въ Веймаръ, а 5-го Авг. Володимиръ Ф. долженъ былъ быть во Франкфуртѣ. Онъ описываетъ все, что видитъ, очень подробно отцу, а тотъ до сихъ поръ еще не можетъ

---

[1]) Братъ Якова Ивановича Булгакова.

[2]) Адамъ Ѳомичъ Брокеръ, бывшій Московскій полицмейстеръ, коего Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1868.

[3]) Марка Шампанскаго вина.

умѣрить своей радости, что сынъ такъ хорошо помѣщенъ, а тебѣ душевно благодаренъ.

*

С. Семердино, 23 Августа 1822.

Какъ ни была вчера дурна погода, желая сдѣлать пріятное Шафонскому и заплатить визитъ его и добраго старика Пфеллера, я поѣхалъ въ Сергіевское, гдѣ меня оба встрѣтили у крыльца при пушечной пальбѣ. Жаль, что дождь не позволялъ выйти изъ дому; но мѣстоположеніе прекрасное, на горѣ очень большой домъ, изъ коего видно деревень 20 и Троицкая лавра; внизу протекаетъ рѣка, на косогорѣ Шафонскій разводитъ Англійскій садъ. Мы, нимало не мѣшкавъ, принялись за обѣдъ. При жаркòмъ не забыто было Шампанское, а при Шампанскомъ вывели на сцену не только тебя, но и Кубышку *). Всѣ были очень веселы. Послѣ обѣда хотѣлъ тотчасъ уѣхать, боясь темноты и дурной дороги, но принудили сѣсть за вистъ. Въ 6 часовъ такъ сдѣлалось темно, что надобно было подать свѣчи. Послѣ я тотчасъ уѣхалъ. Спасибо, что дали верхомъ проводника, который указалъ намъ новую хорошую и кратчайшую дорогу; только со всѣмъ тѣмъ я ѣхалъ два часа и очень обрадовался лаю своихъ собакъ, которыхъ могъ слышать, а не видѣть. Чтобы не такъ было скучно, я взялъ съ собою нашего проворнаго шута Момку, Титова сына; но его до того поили тамъ, что онъ былъ пьянъ; его рвало, и я всю дорогу держать долженъ былъ его на колѣняхъ спящаго. Теперь я до 26-го не ѣздокъ никуда.

Цѣна, даваемая Витбергомъ, не важная. Комиссія для строенія Москвы платитъ по 45 р. въ мѣсяцъ, но я это все лучше развѣдаю въ Москвѣ; когда тамъ буду, переговорю съ Витбергомъ, а высокоблагороднаго очень благодарю за его попеченіе; отвѣтъ его дипломатическій доставлю гр. Риччи. Пусть она хоть сама ѣдетъ за своими клавикордами. Видно, ce qui est bon à prendre est bon à garder.—Прощаю очень голышу выиграть 400 т.; но богачу, какъ Маркову, проиграть такую сумму, это довольно глупо. Вотъ жадность жестоко наказанная. Спасибо Ротшильду, что беретъ у Беннера коллекцію царскихъ портретовъ; я надѣюсь все, что это та, которую онъ было приготовилъ для Потемкина. Она очень великолѣпна.

Бѣлоруссія въ самомъ жалкомъ положеніи. Помѣщики опять подаютъ прошеніе, требуя помощи и отзываясь невозможностію взносить пошлины. Рожь, сѣно, вино, пропали; вся надежда на яровыя; ежели и тутъ неудача, то Богъ знаетъ, чтò и дѣлать и какъ извернуться! У меня

*) Прозвище одного изъ дѣтей К. Я. Булгакова.

бродить въ головѣ проектъ ѣхать весною, поселиться тамъ мѣсяцевъ хоть на шесть и видѣть все это поподробнѣе своими глазами, сдѣлать послѣднее испытаніе: проклятое вино бросить (тамъ винокурень 15 закрылось уже), посуду мѣдную, столько стоившую намъ денегъ, продать и пр.; а всего бы лучше продать все, имѣть меньше дохода, а болѣе покоя. Вотъ четвертый годъ, что не родится. Скота множество, мужики поправлены, наши передъ прочими славятся, а все мало пользы. Ежели, какъ увѣряетъ и самъ Пфеллеръ, хлѣбъ изъ мха точно питателенъ и здоровъ и пріуготовленіе онаго не влечетъ большія издержки, то это находка для нашего несчастнаго края. Я послалъ Ефиму этого мху на образецъ, велѣлъ его набирать запасы, послалъ и хлѣбъ одинъ на пробу, велѣлъ испечь имъ самимъ. Дай Богъ, чтобы удалось для бѣдныхъ мужиковъ и для бѣднаго нашего кармана! Не забудь, любезный другъ, прислать мнѣ печатаное описніе этого хлѣба, студеня и пр. изъ мха; это можно достать у графа Кочубея, ибо имъ было сообщено циркулярно всѣмъ губернаторамъ.

*

С. Семердино, 27 Августа 1822.

Я поѣхалъ на маленькихъ бѣговыхъ дрожкахъ къ обѣднѣ въ наше ближнее село Іевлево. Оттуда воротился, нашелъ жену расплаканную: дѣти, особливо Лёлька, очень ее тронули привѣтствіями, сказанными ей, какъ она встала съ постели. Чай меня ожидалъ, я прогодался и плотно позавтракалъ. Собираемся всѣ идти въ рощу, слышимъ колокольчикъ, дождались, и явились Вейтбрехтъ и экзекуторъ, коимъ мы очень были рады; съ ними почтальонъ Буренинъ, нашей Машеньки братъ родной, и ей праздникъ. Очень хорошо! Московскіе гости кто мыться, кто бриться. Я собирался гулять, и у меня былъ въ рукахъ мой обыкновенный посохъ простой. Наташа говоритъ: vous aimez tant le billard qu'il faut toujours que vous ayez une queue en main; à propos de queue, venez plustôt dans votre chambre, а тутъ на ея постели положено было платье съ надписью blouse de Paris. Ah! comme c'est joli, d'où est-ce? Ну цѣловать меня. Eh bien, ce sont autant de baisers que vous donnez à mon frère: c'est lui qui vous envoye cette robe. А мы все думали и толковали, какъ бы по журналу эдакую блузу сочинить. Она тотчасъ надѣла и ну хохотать, и подлинно: покуда не подпояшешься, это очень смѣшно, а тамъ очень полюбилось, но нѣсколько коротко. Ежели есть у Анжело остатки этой матеріи, то попроси у нея. Наташа походила въ обновкѣ, но тамъ стало жаль, и она ее скинула: хочетъ поберечь до Москвы.

Явились потомъ Ник. Петр., лѣкарь, съ женой (онъ привьетъ вакцину Кокошѣ) и нашъ глухой съ молодою женою. Явились наши вѣрно-

подданные, коихъ Наташа на лугу передъ домомъ угощала обѣдомъ: щи, говядина, солонина, каша, вино, пиво и пироги. Ну, братъ, ужъ покушали, весело смотрѣть было! Дѣти сидѣли напереди, за ними бабы, а тамъ мужики стоя. Эти три яруса чавкателей составляли прекрасную картину. Мы, не дождавшись конца ихъ обѣда, пошли да принялись за свой. Къ бывшимъ уже тутъ гостямъ прибавился еще священникъ Іевлевскій и дьяконъ, которыхъ мы подпоили. Какъ стали пить Шампанское, слышимъ выстрѣлъ изъ пушки; это было неожиданно, и мы всѣ перепугались. Что же вышло: Ванюша изъ двухъ старыхъ пистолетовъ сдѣлалъ двѣ пушчонки, поставилъ ихъ на лафеты и ну стрѣлять подъ носомъ нашимъ. Теленокъ былъ чудесный, и мы не одинъ разъ тебя вспомнили и тутъ, и въ теченіе этого дня. Послѣ обѣда сѣли мы на балконъ съ трубками. Тутъ пошла потѣха для ребятишекъ. Мы кидали въ толпу большой мячикъ и кто его принесетъ, тотъ получалъ подарокъ отъ Кати, а дѣвчонки отъ Лёльки пряникъ. Эта забава продолжилась до самаго чаю, а бабы все пѣли пѣсни и водили хороводы. Какъ сказала Наташа: не идти ли намъ на ту половину къ саду пить чай, я догадался, что надобно меня удалить подальше отъ залы. Натурально охотно согласился, и мы тамъ были до девяти часовъ. Вдругъ является жена и приглашаетъ идти въ залу; тутъ и Брокеры явились отъ Шафонскаго, очень обрадовали и умножили число наше. Представь себѣ, что въ два часа времени зала превратилась въ театръ, оркестръ гремитъ, занавѣсь поднимается и представляетъ въ лицахъ сказку Ивана Царевича, Яги-бабы (эту представлялъ Ванюша), Тарабара учитель Ильинъ, Царь-дѣвица—сирота одна у насъ живущая, дочь бывшаго духовника Наташи. Было сраженіе царевича съ чудовищемъ, изрыгавшимъ пламя изо рта. Ну право, все это было сдѣлано прекрасно и очень насъ позабавило. Все это составилъ Ванюша въ три дня, и стоило все 50 р.: magnifique et pas cher surtout. Этотъ малый, право, удивительный на всѣ эти штуки. Послѣ сѣли мы играть въ другой комнатѣ въ вистъ. Вдругъ является масокъ съ 30. Жена весь домъ перерядила и достала отъ театральной дирекціи разные костюмы. Сама была она Швейцаркою, продававшею пирожки въ корзинѣ, дѣти—Турчанками, всѣ дѣвушки и весь домъ въ маскахъ, кто гусаромъ, кто старухою, кто Туркою и пр. Танцовали, разошлись. Потомъ спрашиваетъ Елена Макс.: позволю ли я войти Цыганкамъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы. Я было съ досадою бросилъ карты: кто прислалъ этихъ дьяволовъ, я ихъ не люблю, особливо въ комнатѣ. Брокеръ прибавилъ: неужто вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что это Цыганки. И подлинно такъ, а я сглупи и повѣрь. Цыганки вышли Наташа съ дѣтьми, дѣвушками, и ну плясать! Это было очень

29*

мило. Natalie s'était mêlée de cela, avait fait des répétitions, et cela allait à merveille. Olga est pétrie de grâce et mad. Natalie était à croquer. Дѣло-то было уже за полночь, стало уже 27-е число, тутъ хоръ всѣхъ людей запѣлъ намъ прилагаемые куплеты работы Ильина. Послѣ спущенъ былъ фейерверкъ, который очень удался, особливо N въ сіяніи, народу сдѣлалось бездна ото всюду. Послѣ того, покуда съ одной стороны горѣлъ фейерверкъ, съ другой зажигалась иллюминація въ саду; въ концѣ трехъ аллей были щиты съ транспарантами. Средній, ведущій къ рощѣ, представлялъ такой прекрасный arc, что я его оставлю тутъ навсегда; аллея и роща вдали сквозь эту арку прекрасно представляются. На другой сторонѣ былъ щитъ Наташиной работы: тутъ два К. К. съ надписью:

Далеки отъ глазъ,
Но оба близки къ сердцу.

Но эти два К. даю отгадывать всѣмъ вашимъ мудрецамъ. Я велѣлъ дѣтямъ сдѣлать Костѣ описаніе этого праздника: его это утѣшитъ. Не было минуты, право, чтобы мы васъ обоихъ не вспоминали. Вотъ и гости наши воротились изъ рощи; я радъ, что успѣлъ тебѣ это намарать. Экзекуторъ остается еще сегодня съ нами, спасибо ему. Вообрази, что мы вчера легли въ три часа почти-что, балконъ былъ все отпертъ, и не было холодно. Іюльская ночь, и мѣсяцъ свѣтитъ такъ свѣтло, что Брокеръ не захотѣлъ ночевать у насъ, закурилъ трубку и поѣхалъ домой, а завтра собирается опять въ Сергіевское къ Шафонскому. Фил. Иванов. тамъ занемогъ флюсомъ, подвязана щека и не выходитъ изъ комнаты; собирается въ Москву въ Понедѣльникъ: Рушковскій его требуетъ для этихъ подписокъ о масонствѣ, также выписалъ Трескина и Одинцова, а тѣ было поѣхали подышать деревенскимъ воздухомъ. Всѣ начальники очень круто это дѣло [1]) повели въ Москвѣ. Юсуповъ кончилъ это въ три дня, то и нашъ Рушковскій не отстаетъ отъ него. Въ Москвѣ только и разговору, что о масонахъ: тѣ, кои за нихъ распинались, теперь ихъ ругаютъ немилосердно, противъ пословицы, что лежачаго не бьютъ.

*

С. Семердино, 28 Августа 1822.

Извѣстіе о смерти Кастельрея и рѣчь Лондондери [2]) очень меня поразили. Онъ, кажется, былъ человѣкъ, желавшій не только благоденствія Англіи, но и спокойствія цѣлой Европы. И какой ужасный конецъ! Это потеря для всѣхъ, и теперь всѣмъ дипломатамъ не такъ ловко будетъ имѣть дѣло съ новымъ лицомъ на конгрессѣ: съ покой-

---

[1]) Присяга о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ.

[2]) Первый министръ Англіи Кастельрей зарѣзался.

нымъ всѣ были въ тѣсной связи. Мнѣ въ Парижѣ одинъ старый Англичанинъ, человѣкъ очень умный, сказалъ и, кажется, это правда: Les obligations, les soucis, les travaux d'un ministre principal en Angleterre sont si accablants, que l'homme ne saurait y tenir longtemps et doit devenir fou ou mourir d'une mort prématurée et violente. Это довольно правда. Одинъ Шатамъ умеръ старъ и министромъ. Въ газетахъ, кои мнѣ прислалъ вчера Рушковскій (которыя, однакоже, всегда позже твоихъ писемъ меня извѣщаютъ о происходящемъ въ Европѣ) пишутъ, что вдова маркиза лишилась ума отъ горести.—Вчера я сдѣлалъ фарсу съ ребятишками: вошелъ одинъ въ баню, спряталъ тамъ мячикъ, потомъ объявилъ, что кто мячикъ тотъ найдетъ, тотъ получитъ 10 к. серебра. Надобно было видѣть эту комедію; я все стоялъ у окошка и смотрѣлъ. Баня премаленькая, а набилось туда мальчиковъ 40. Многіе влѣзли даже въ печь. Мячикъ былъ на печи: одному только пришло въ голову тамъ посмотрѣть.

*

С. Семердино, 3 Сентября 1822.

Ай, да Трапандосы! Желаю имъ душевно еще важнѣйшихъ успѣховъ. Случился у насъ священникъ нашъ приходской; я ему прочелъ статью изъ Conservateur; онъ всталъ со стула, обернулся къ образу и сталъ креститься.—Какъ, батюшка, развѣ вы объявили войну Туркамъ?—Это дѣло нашего Государя, отвѣчалъ онъ; но мое дѣло молиться, чтобы не было войны вовсе, а ежели ей быть, то чтобы побѣдителями были христіане, а кольми паче наши единовѣрцы. Я думаю, что мало найдется людей, кои бы не такъ думали, какъ нашъ попъ. Дѣло это не шуточное и можетъ имѣть важныя послѣдствія; да и это уже много, что возвыситъ духъ Грековъ, а Турокъ приведетъ въ робость. Воскресли и Ѳермопилы! То-то, я думаю, Деболи доволенъ. Онъ никогда не вѣрилъ новостямъ, невыгоднымъ Грекамъ и повторялъ пророчески: Vous verrez, vous verrez! Attendez, attendez!—Записки Метаксовы я получилъ; онъ что-то не шлетъ мнѣ новыхъ матеріаловъ, а теперь у меня свободнаго времени довольно.

*

С. Семердино, 5 Сентября 1822.

Я все боюсь, чтобы живописецъ не сплутовалъ и не надѣлалъ множества копій портрета Каподистріи; пожалуй еще, пополамъ съ плутомъ Шилингомъ, еще и слитографируетъ, а охотниковъ на это изображеніе найдется много.—Такъ Лазаревы не около однихъ только большихъ бояръ ѣздятъ? Я вижу, что они пускаются и около всего міра. Очень хорошо.—Я не вижу большой пользы, ни вещественной, а особенно моральной, отъ обрѣзковъ отъ окладовъ чиновниковъ, кои и

такъ очень бѣдны. Казнѣ будетъ мало пользы, а много будетъ ропоту. Это бы еще ничего, но съ ропотомъ будетъ и слезъ много. Это пустяшная спекуляція, c'est l'économie du grand seigneur qui retranche sur les chandelles le suif de ses gens et qui ne diminue rien sur son Tockai. Les abus, les abus! Les vols! Voilà ce qu'il faudrait prendre en considération; mais je ne vois pas le bien qui résultera de deux millions qu'on versera dans 300, en privant les pauvres gens d'une portion précieuse de leur appointement. Ежели я и вру, то будешь знать про это ты. Я увѣренъ, что ты жалованья не убавишь ни у кого, а Себо [1]) убавки сдѣлаетъ важныя на бумагѣ, чернилахъ и перьяхъ.

Что̀ вы ни говорите о вашемъ Танкредѣ, но не завидую я вамъ. То ли дѣло наша Ченерентола?—Картинный купецъ, о коемъ ты говоришь, долженъ быть Fusi; у него жена точно красавица. У него-то Ваня купилъ Рафаэля, принадлежавшаго покойному королю Польскому. Такъ прошу не думать, что у насъ была красавица въ Москвѣ, да еще и Итальянка, которую бы я не зналъ. И другую вашу красавицу, Серракапріолу, знаю, то-есть зналъ я, но очень маленькую; видалъ я ее у бабушки ея, дюшессы Саландры. Мать этой малютки (жена del gran somegliere duca di Sangro) была прекрасная женщина, высокая, съ суровымъ лицомъ, и славилась въ Неаполѣ тѣмъ, что одна въ цѣломъ городѣ не имѣла любовника. Я у нихъ бывалъ очень часто, и отъ дюка Сангро, который очень меня любилъ, узнавалъ все, что̀ происходило при дворѣ.—Бѣдной гр. Чернышевой не сдобровать. Ей бы надобно себя приготовить совсѣмъ къ дальному путешествію и устроить дѣла, ибо отъ незнанія въ семъ и безпечности графа Гр. И. ждать нечего [2]). Жаль мнѣ очень дѣтей, то-есть эту кучу милыхъ дочерей. Ни одна еще не пристроена.—Я знаю и вѣрю, что графиня Нессельроде любитъ мужа; но повѣрь мнѣ, что Вѣнскій [3]) конгрессъ эту нѣжную любовь еще болѣе умножаетъ.

Благодарю за печатное наставленіе объ Исландскомъ мохѣ. Посылаю оное Ефиму и приказываю ему онымъ запастись на зиму, сдѣлавъ напередъ опытъ печенія. Эти три года разрушили все, что̀ я ни сдѣлалъ въ пользу уменьшенія долга прежде; но два хорошіе года все бы опять поправили. Наташа непремѣнно хочетъ со мною и дѣтьми ѣхать туда весною. Авось-либо счастье принесетъ!

*

---

[1]) Т. е. Рушковскій. Вѣроятно, онъ любилъ повторять: l'est beau!

[2]) Говорится про графиню Елисавету Петровну Чернышову, ур. Квашнину-Самарину, и про ея сына графа Григорія Ивановича.

[3]) А. Я. Булгаковъ хотѣлъ сказать: Веронскій.

С. Семердино, 8 Сентября 1822.

Я здѣсь на досугѣ разбираю батюшкины бумаги. Я не думалъ, чтобы любовь моя къ нему и почтеніе могли умножиться тогда, какъ его уже не станетъ. Сколькихъ онъ былъ благодѣтелемъ, часто о нихъ говаривалъ и никогда не упоминалъ о добрѣ, которое имъ дѣлалъ! Никогда дурного не говорилъ о тѣхъ, которые старались ему вредить. Я перечитывалъ письма къ нему: всѣ наполнены просьбами, изложеніемъ нуждъ. Одинъ проситъ денегъ, другой—защиты, покровительства, третій—открываетъ свои горести, требуетъ совѣта, а остальные благодарятъ за пособія, благодѣянія. Сколько сдѣлалъ онъ добра на своемъ вѣку! Какъ любилъ онъ государей своихъ, отечество, родныхъ и ближняго! Какая нѣжная попечительность о старомъ отцѣ! Мнѣ кажется, что я, читая сіи бумаги, сокрушился, ежели бы чувствовалъ въ совѣсти моей малѣйшій упрекъ, что недостоинъ былъ его милостей. Въ брульонахъ писемъ его видно, какъ онъ насъ любилъ и всегда о насъ пекся. Такой человѣкъ не могъ не имѣть истинныхъ друзей, умѣвшихъ его цѣнить. Друзья—сокровище, коимъ пользуются только добродѣтельные люди. Какой былъ также рѣдкій человѣкъ Василій Андреевичъ! *) Читая ихъ письма, часто не знаешь, кому болѣе удивляться. Во мнѣ родилось сильное желаніе написать жизнь батюшкину. Какъ для домашняго житья, такъ и для служебнаго поприща, найдутся богатые матеріалы. Когда буду въ Бѣлоруссіи, займусь симъ. Прочти-ка прилагаемыя здѣсь два письма. Я помню до сихъ поръ и библіотеку, и пугвицы, намъ тогда изъ Варшавы присланныя. Прочтя, возврати; я опять спрячу.

*

С. Семердино, 10 Сентября 1822.

Всякій занимается своимъ, а нашъ Тургеневъ всегда первый, когда идетъ дѣло о штурмахъ на обѣдахъ или завтракахъ. Люблю! Очень я восхищался его военными хитростями для избавленія тебя и себя отъ дождя. У него не одна челюсть похвалы достойна: какъ накушается, то голова у него еще болѣе дѣлается способна на разныя выдумки.—Мнѣ почти уже и жаль становится Бальша. Что̀ хуже вы всѣ играете, то болѣе онъ вамъ всѣмъ проигрываетъ. Не знаю, какъ это дѣло дѣлается. Пусть копитъ червончики, когда-нибудь и мы доберемся до золотыхъ его рудъ. Отказался бы, кажется, и отъ выигрыша, лишь бы только попасть въ Петербургъ!

*

*) Приклонскій, мужъ Мавры Ивановны, сестры Я. И. Булгакова.

С. Семердино, 29 Сентября 1822.

Ты спрашиваешь, довольно ли найдется въ батюшкиныхъ бумагахъ матеріаловъ для написанія его жизни? Конечно, нѣтъ! Ибо въ 1808 году батюшка сжегъ множество бумагъ. Кажется, Ник. Богд. Приклонскій спросилъ: Зачѣмъ? Тутъ множество должно быть любопытнаго. Но батюшка отвѣчалъ: Конечно, но лучше концы въ воду! Это «конечно» болѣе касалось до другихъ, нежели до него самого. Я отъ тетушки могу многое узнать и напишу ей разные вопросы, на кои буду просить ея объясненій, а особливо насчетъ молодости батюшкиной. Журналъ, который имъ писанъ былъ съ 1760 года ежедневно *по латыни*, не полонъ. Ежели найду у тетушки письма батюшкины къ Василью Андреевичу, это бы была находка драгоцѣнная, ибо батюшка отъ него не имѣлъ ничего скрытаго и писалъ ему очень часто. Служба его въ Царьградѣ и заключеніе въ эдикулѣ могутъ быть описаны подробно по бумагамъ[1]). Ежели и не выйдетъ ничего заслуживающаго напечатанія, то все будетъ манускриптъ драгоцѣнный для насъ и друзей нашихъ.

*

Семердино, 1 Октября 1822.

Я ожидаю со страхомъ развязки Греческихъ дѣлъ и боюсь ожидать хорошаго для моихъ Трапандосовъ. Видно, финансы не очень хороши у Турокъ, ежели прибѣгаютъ къ фальшивой монетѣ. Это бывало у Фридриха II; но, къ несчастію Турокъ, было у него многое другое, чего у нихъ нѣтъ и безъ чего великія дѣла не дѣлаются.—Я старуху Рибасову[2]) очень помню, поворотливая была старуха. Для женщины 89 лѣтъ — большіе годы! А у насъ здѣсь Мелесина все еще здорова, ей 94 года[3]).

*

Москва, 5 Октября 1822.

Я совершенно съ тобою согласенъ насчетъ нашего добраго Арсенія и писалъ тебѣ уже прежде о семъ: не по немъ жена, а онъ съ своимъ кроткимъ нравомъ и по несчастной нѣкоторой зависимости ради имѣнія не поставитъ ее на путь истинный никогда, да и не время уже; это хорошо было дѣлать сначала. Жаль, а дѣлать нечего; я боюсь только, чтобъ съ ея замашкою и пустою головою, имѣя же теперь руки развязаны, она не надѣлала шалостей тамъ. Жить въ два дома должно разстроить и дѣла его. Ренкевичъ сказывалъ мнѣ, что слышалъ отъ пріѣзжаго изъ Эмса, что графъ Ѳ. А. былъ тамъ посмѣ-

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, А. Я. Булгаковъ не исполнилъ своего намѣренія, и гдѣ упоминаемыя имъ бумаги, не знаемъ.

[2]) Настасья Ивановна, дочь И. И. Бецкаго, прабабушка княгини Е. М. Юрьевской.

[3]) Прасковья Владимировна, ур. княжна Долгорукая, вдова куратора Московскаго Университета П. И. Мелиссино, воспитательница А. М. Пушкина.

шищемъ публики; что, ѣхавъ на ослѣ, упалъ и тамъ спрашивалось, который оселъ глупѣе, тотъ, что̀ упалъ или тотъ, что̀ уронилъ? Это бы еще ничего, и не новое; но онъ мотаетъ страшно, а въ чужихъ краяхъ не станутъ церемониться. Ежели бы хранящіеся у тебя брильянты были съ нимъ, всѣ бы ушли [1]).—Можно было предвидѣть, что Дм. П. будетъ посломъ въ Вѣнѣ. Я чаю, опять станетъ меня подзывать къ себѣ; но это не сбыточно. Ежели бы имѣть начальство въ Петербургѣ, тогда съ квартирою и тысячъ шесть оклада, можно бы къ вамъ переселиться; а то, право, дойдешь до того, что нечѣмъ будетъ жить. Какъ мнѣ хочется видѣть твою школу! Ну, какъ изъ нея да выйдетъ какой-нибудь Румянцовъ или Суворовъ; а почему знать? Я давно собирался тебя просить о газетныхъ выпискахъ, а ты меня предупредилъ. Вотъ и Метакса явился въ страшномъ восторгѣ. Пачимати получилъ извѣстіе, что Греки сожгли флотъ Турецкій у Занте, что Коринѳъ и Аѳины взяты у Турокъ, коихъ побили, и что измѣнникъ Негръ, имѣвшій отъ Порты обѣщаніе быть княземъ Морейскимъ, казненъ диктаторомъ Колокотрони. Дай Богъ!

Граблино, 17 Октября 1822.

Горестно нынче брать перо въ руки, чтобы описывать тебѣ жалкое положеніе нашихъ дѣлъ здѣсь. Одинъ худой и два совершенно голодные годы очень насъ разстроили. Я все молчалъ, надѣясь на лучшій урожай, хотѣлъ тебя нынѣ обрадовать и тогда о прошедшемъ говорить, какъ о сказкѣ; но Божіе наказаніе продолжается! Край сей сильно его ощущаетъ. Вездѣ видна нищета, послѣдствіе трехъ неурожаевъ, и никто на нее не обращаетъ вниманія. Бѣдный нашъ губернаторъ ожидаетъ отставки, какъ благодѣянія, и сказалъ герцогу [2]), что онъ не можетъ болѣе быть свидѣтелемъ несчастія сего края и видѣть равнодушіе, съ коимъ принимаются всѣ его представленія. Увѣряютъ здѣсь, что предводителю губернскому, который въ слишкомъ смѣлыхъ выраженіяхъ отзывался о недостаткахъ, внушено оставить свое мѣсто. Но все это не наше дѣло. Станемъ говорить о себѣ самихъ. Наши арендаторы Жиды, изъ коихъ многіе поселены со времени пожалованья батюшкѣ деревень и всегда исправно взносили кварту, всѣ намъ задолжали, а одинъ изъ Хилина на сихъ дняхъ бѣжалъ, задолжавъ намъ 700 р., и имъ дѣлать нечего: торгу нѣтъ. Мужику не пойдетъ на умъ вино, масло, молоко и пр., когда хлѣба не на что купить. Деньги здѣсь такъ рѣдки, что корова, стоившая прежде 35 и 40 р., теперь продается за 20 р., да и ту никто не покупаетъ. Многіе мужики, не имѣя

[1]) Для поправки дѣлъ своего тестя, А. А. Закревскій долженъ былъ продать и его библіотеку, собранную, вѣроятно, родственниками его супруги, умными старообрядцами XVIII вѣка.

[2]) Александру Виртембергскому („Дядюшкѣ-Лупандину“).

сами хлѣба и зная, что у насъ также ничего не родилось, боясь голода, разбѣжались; но большая часть, вѣроятно, возвратится. Человѣкъ 20 пришли, узнавъ, что я велѣлъ нуждающимся помогать. Опытъ печенія хлѣба изъ мха очень удался: вездѣ набираютъ его во множествѣ, и я самъ лично всѣмъ мужикамъ подтверждаю запасаться мохомъ, обѣщая дать нужное количество ржи; ибо въ хлѣбъ, 11 фунтовъ вѣсу, входитъ 4 фунта ржаной муки, а 2 ф. этой мховой муки; дѣлаютъ и по ровному количеству обоихъ, но не такъ хорошъ хлѣбъ. Наши Бѣлорусскіе дураки предпочитаютъ хлѣбъ мякинный, въ коемъ одна тяжесть, а питательности никакой нѣтъ, но теперь образумливаются, и Ефимъ говоритъ, что мякины мало уже, и всѣ принимаются за мохъ. Его у насъ очень много, хотя и не самой лучшей доброты. До сего дѣлали хлѣбъ даже изъ гнилого дуба, отчего появились и болѣзни, особенно опухоли во всѣхъ членахъ. Несмотря на эту подмогу отъ мха, все надобно будетъ дать мужикамъ четвертей 600 ржи; а здѣсь она по 18 и 20 р., а въ Витебскѣ говорятъ по 28 р. четверть. Ужасная цѣна! Къ этой бѣдѣ еще и вина, которое мы должны поставить, остается только еще 4000 ведеръ: 1000 въ подвалахъ, а 3000 надобно выкурить къ Декабрю; надобно купить ржи; Богъ знаетъ, какъ извернемся. Лошадки Ростопчинскія здѣсь процвѣтаютъ, всѣ дали плодъ, и опять жеребцы. По множеству сѣна, здѣсь бы очень выгодно завести порядочный конный заводъ. Лошади нынѣ продаются очень дорого. Ежели знакомому охотнику вздумается подарить тебѣ жеребца, то не отказывай или хотя нѣсколько кобылъ, хотя и не здѣшняго происхожденія, но крупныхъ ростомъ и не сѣрыхъ. Еще бы хорошо, прежде нежели ихъ вести сюда, случить съ какими-нибудь славящимися у васъ жеребцами. Я тебѣ пишу все это на всякій случай. У тебя пропасть знакомыхъ; неровно кто-нибудь и вздумаетъ тебѣ подарить, какъ мнѣ Ростопчинъ.

Я читалъ отношеніе губернскаго маршала Цехановецкаго къ графу Кочубею относительно обезпеченія на будущее время благосостоянія жителей Витебской губерніи. Онъ подробно описываетъ ея положеніе и сколь она обременена разными налогами и повинностями. По его расчетамъ всякая ревизская душа въ имѣніяхъ, кои заложены въ Воспитательномъ Домѣ (а заложены почти всѣ) платить должна ежегодно 35 р. Это ужасный оброкъ для здѣшняго нехлѣбороднаго края.

Ефимомъ я доволенъ. Его труды были неусыпны, и я не имѣю ни единой жалобы на него, хотя мужики здѣшніе великіе охотники тревожить помѣщиковъ просьбами не дѣльными. Кузьма живъ и все такой же пьяница; иначе не говоритъ, какъ пословицами. Я сказалъ ему, что велю его высѣчь за то, что пьетъ, а онъ отвѣчаетъ: такъ и долж-

но: гдѣ священникъ, тамъ праздникъ, а гдѣ господинъ, тутъ гроза! И Яковъ Ивановичъ покойный, когда меня не ласкалъ, то бивалъ.

*

Смоленскъ, 23 Октября 1822 (на обратномъ пути).

Отчаяніе всѣхъ винокуровъ заставило маршала нашего отнестись къ графу Д. А.*) и къ вице-губернатору, прося туже отсрочку, о коей я приватно писалъ къ Баранову, требуя его содѣйствія и совѣта. Фирсовъ говоритъ, что здѣсь отсрочка поставщикамъ сдѣлана; за чѣмъ же отказать намъ, тогда какъ у казны недостатка въ винѣ нѣтъ, и не пьютъ и того, которое у нея есть? Все что можно было сдѣлать въ пользу мужиковъ, мы сдѣлали; до моего пріѣзда дано имъ было на пропитаніе 270 четвертей ржи, нашимъ хлѣбомъ засѣяны ихъ поля, а теперь для прокормленія ихъ до весны и для гонки вина нужно будетъ купить еще около 1000 четвертей ржи. Цѣны ужасныя: въ Велижѣ по 20 р. четверть; мы посылали въ Вязьму и тамъ нашли по 13 р., но надобно доставить домой. Надобно это какъ-нибудь на своихъ лошадяхъ свезти. Купили только 100 четв., ибо нѣтъ денегъ; да можетъ, съ путемъ будетъ и дешевле. Все что только можетъ составить доходъ, все употреблено нами. Поставили мы быковъ со 100 на кормъ, благо сѣна много; дешевле ихъ не продадимъ 60 р. штуку; по окончаніи поставки винной получить еще слѣдуетъ отъ казны 8000 р., продается немного овса, вина дома, коровы отдадутся на аренду, все это составитъ изрядную сумму для закупки ржи и заплаты повинностей казенныхъ; за то до весны не можемъ ожидать никакого дохода изъ деревень. По недостатку ржи, мы употребляемъ въ хлѣбъ одну долю ржи, одну овса и третью моха, и вышелъ хлѣбъ, который я самъ въ присутствіи мужиковъ ѣлъ. Вотъ препорція:

1 гарнецъ ржаной муки	} вѣсу	$8^3/_4$ фунт.
1 » овсяной муки		
Муки мховой вѣсу.		5 фунт.
		$13^3/_4$ фунт. изъ коихъ

напечено 4 хлѣба, вѣсомъ въ 25 фунтовъ. Солдатская препорція 3 фунта хлѣба въ сутки. Стало въ недѣлю 31 ф., а тутъ выходитъ 25 фунтовъ, т. е. 4 фунта лишнихъ; это положить можно на соль. Хорошо, что родилась еще славно рѣдька, рѣпа, свекла и пр. Мху мы же и набрали, да и будемъ набирать, да нѣтъ ни ржи, ни овса у насъ; у кого нѣтъ, я буду давать. Только, такъ какъ многіе лгутъ, то я

*) Гурьеву, министру финансовъ.

тайно послалъ писарей во всѣ части, чтобы они вдругъ засвидѣтельствовали всѣ закромы мужиковъ и сдѣлали опись, сколько у всякаго найдется хлѣба, и тогда разсчитаемъ, до котораго времени всякій можетъ себя прокормить безъ помощи нашей. Тогда не будетъ имѣть никто отговорки, и истинно бѣдные будутъ призрѣны. Они хотя глупы, но очень плутоваты: всякій пробуетъ и проситъ, авось-либо и дадутъ. Я думаю, зачѣмъ бы не молвить словечка Закревскому. Во время моего пребыванія въ Питерѣ въ 1818 году, я на одно его слово далъ ему 15 т. безъ векселя и безъ процентовъ. Онъ тогда поѣхалъ жениться и нуждался; деньги эти онъ уплачивалъ года полтора. Конечно это говорить ему самому намъ неприлично: я отъ души ему тогда далъ, а не съ тѣмъ, чтобы ему когда-нибудь напомнить. Зачѣмъ же и ему не помочь намъ, не найти хоть тысячъ 20 или 15? Ежели ты не берешься ему это въ разговорѣ внушить, то я пожалуй ему напишу, а ты потолкуешь съ нимъ. Видно частыя представленія имѣли какой-нибудь успѣхъ, ибо слышно, что гр. Кочубей требуетъ свѣдѣнія, какого бы рода вспомоществованія можно бы сдѣлать здѣшнему краю? На это отвѣчать не трудно будетъ.

*

Семердино, 13 Ноября 1822.

Тургеневъ правъ: батюшка покойный далъ Глазунову право только на одно изданіе и говорилъ: ежели будетъ у меня досужее время, я все еще разъ пересмотрю, переправлю, многое измѣнилось и еще перемѣнится (тогда не было еще и куролесника Бонапарта) и напечатаю самъ новое изданіе, ежели это истощится. За право одного изданія батюшка взялъ у Глазунова по одному экземпляру всѣхъ Русскихъ книгъ по существовавшимъ тогда каталогамъ. Вотъ что я знаю, а чего не сдѣлалъ батюшка, то можемъ сдѣлать мы, выписавъ изъ новѣйшихъ географій все, что̀ нужно къ пополненію или перемѣнѣ, а о бывшемъ при Наполеонѣ упомянуть слегка для хронологическаго только порядка. Именно попроси Тургенева выбить изъ головы Глазунова непозволенный проектъ промысла. Мнѣ уже Свѣшниковъ говорилъ не одинъ разъ, что Всемірный Путешествователь становится рѣдокъ и зачѣмъ я не напечатаю еще экземпляровъ хоть 1000.

Милаго Каподистрію благодарю за память. C'est avec un extrême plaisir que je vois par ses paroles que sa santé va bien et qu'il se rappelle de ceux, qui l'aiment tendrement. Loin des affaires, exempt de tracasseries, dans un bon climat, à même de suivre le régime qui lui est nécessaire et à son âge, comment ne rétablirait-il pas sa santé? Et si avec cela Dieu protège la cause de ceux que les hommes abandon-

nent, nous le reverrons rajeuni de dix ans, et alors il n'y aura plus raison de différer son mariage avec ma petite Olga*), qui ne l'aime pas moins que le papa et la maman. Напиши это графу отъ меня. Je crains seulement que ce diable d'Anstett ne le fasse trop manger.

*

Москва, 24 Ноября 1822.

Сказанное тобою о Дм. Павл. я сохраню для себя. Это я предвидѣлъ напередъ, да и самъ Д. П. мнѣ говорилъ: nous ne sympatisons pas avec ce m-r. Теперь объясняется и то, что назначеніе его въ Вѣну не приводится къ концу. Метерниху хочется имѣть особу податливую; Т. по врожденной спѣси и несогласіи въ политическихъ видахъ не льстится Вѣнскимъ постомъ. Равнодушіе наше къ Австрійскому владычеству въ Италіи меня удивляетъ. Зачѣмъ не вознаграждаемся мы вліяніемъ въ Турецкихъ и Греческихъ дѣлахъ? Впрочемъ сужу я какъ слѣпой. До сихъ поръ все оканчивалось всегда къ славѣ и выгодамъ Россіи; кормчій у насъ тотъ же, то можемъ быть покойны. Я увлекаемъ участіемъ моимъ къ несчастнымъ единовѣрцамъ. Да кто не за нихъ?

Черта молодого графа Шереметева прекрасна. Вотъ, мнѣ кажется, счастливыя минуты богачей! Какъ весело дѣлать такіе сюрпризы товарищамъ дѣтства, ученія и друзьямъ; вотъ и невольно позавидуешь богатому. Спасибо тебѣ, что ты писалъ за добраго нашего Шрёдера. Справедливость требуетъ, чтобы дѣло его пансіона было устроено.

Соболѣзную искренно о смерти добраго дюка Серра-Капріоли. Онъ имѣлъ нравъ твердый, возвышенныя чувства и привязчивость къ своему государю, достойныя почтенія. Во время оно, когда все ползало предъ Наполеономъ, онъ одинъ почти его не признавалъ и остался твердъ въ своихъ правилахъ. Король будетъ о немъ сожалѣть. Руффо потерялъ въ немъ опаснаго соперника. — Вотъ тебѣ и Ланская, хороша! Помнишь ли, ты мнѣ разъ говорилъ: вотъ увидишь, что и дворяне станутъ себя объявлять банкрутами, какъ купцы! Вотъ и сбывается срамъ этотъ.

Москва, 23 Ноября 1822.

Мы очень устали всѣ, не столько отъ дороги, сколько отъ дурного ночлега въ Талицахъ, гдѣ блохи по насъ прыгали, клопы кусали и тараканы (коихъ принимали въ темнотѣ за мышей) насъ пугали. Отъ этихъ непріятныхъ товарищей мы проснулись всѣ въ 6 часовъ, пили чай при свѣчахъ, ожидали дня и пустились въ Москву. Здѣсь, правда квартира тѣсненька, но за то тепла, покойна, суха, среди города, и нѣтъ ни клопа, ни блохъ, ни тараканов.

*) Вторая дочь А. Я. Булгакова, впослѣдствіи супруга князя Александра Сергѣевича Долгорукаго.

На дорогѣ также былъ я обрадованъ. Одинъ бѣдный содержатель постоялаго двора (мужикъ сосѣдственной нашей деревни Новленской, продавшій мнѣ лѣсъ, коимъ домъ нашъ Семердинской выстроенъ) былъ боленъ отчаянно ломомъ въ головѣ; мы по совѣту Пфелера давали ему лѣкарство, но положеніе его было таково, что отчаивались мы въ его излѣченіи, жена рыдала, плакала, все въ немъ теряла. Я остановиться велѣлъ у воротъ и со страхомъ приказываю Васькѣ идти навѣдаться о Кузьмѣ; вообрази же мое удивленіе и радость: Кузьма узналъ отъ стоявшихъ у воротъ, что мы ѣдемъ, вышелъ самъ намъ показываться и сказать, что ему лучше, и что ждетъ только теплаго дня, чтобы ѣхать къ Троицѣ отпѣть молебенъ. Не знаю, отъ особеннаго ли расположенія духа, но я былъ чрезвычайно обрадованъ, и раздѣлилъ благополучіе цѣлой семьи Кузьмы. Село называется Большія Мытищи, и Кузьма нанимаетъ домъ кормилицы великаго князя Александра Николаевича, Авдотьи Гавриловны; баба также добрая и которая всегда насъ обласкиваетъ.

*

Москва, 28 Ноября 1822.

Въ собраніи о многомъ толковали: о винѣ, столѣ, разныхъ починкахъ; это не моя часть, то я и молчалъ. Выбывшіе старшины суть: губернаторъ, кн. Ал. Ал. Долгоруковъ, князь Юсуповъ, гр. Ѳ. А. Толстой; а вновь избранные: Обольяниновъ, Ив. Ив. Дмитріевъ, Супоневъ, Мертваго и кн. Ал. Мих. Урусовъ. Хлопочутъ теперь о избраніи шести директоровъ. Сами не знаютъ на что это. Апраксина предложенія не были приняты. Онъ хотѣлъ предоставить всякому члену право старшинъ давать визитерные билеты, отнять у старшинъ хорные билеты, а чтобы туда всякій ходилъ кто хочетъ за деньги, т. е. сдѣлать шинокъ изъ благороднаго собранія. Этому Апраксину нельзя жить безъ выдумокъ, а все пустяки. Онъ затѣялъ учрежденіе комитета для поправленія и прибавленія правилъ собранія, заставилъ себя выбаллотировать членомъ комитета, а вышло, что все имъ предложенное было по большинству голосовъ отринуто. Стоило труда такъ хлопотать! Въ прочихъ комнатахъ, гдѣ еще нѣтъ паркетовъ, изъ экономіи сдѣлали полы крашеные. Я князю Юсупову говорилъ, что вони долго не выгонятъ, и посмотри, какъ зажгутъ всѣ свѣчи, и отъ народу сдѣлается жарко, ежели не будутъ обмороки дѣлаться дамамъ. Курили, курили, не помогаетъ; теперь станутъ мыть чѣмъ-то.

У Фаста былъ пиръ, музыка послѣ обѣда. Настасья Ив. плясала по русски, и очень не безъ претензіи. Рукоплесканіе приняла очень радостно. Скажи Лизанькѣ, что тутъ обѣдала Муравьева, съ коею я много о ней говорилъ. Чижикъ былъ въ духѣ и все тормошилъ одну

старую дуру, которая увѣрена, что она наслѣдница Шварценберга, что императоръ Францъ ей родня, а Папа цѣлуетъ ея руки. Все это разсказываетъ она очень серіозно и обстоятельно. Батюшка покойный ее очень любилъ; она жила у Трубецкаго Николая Никитича.

Третьяго дня провезли здѣсь Лабзина. Онъ останавливался у Мудрова, желалъ видѣть четыре особы: П. П. Кутузова, старика Рунича, А. П. Трескина и еще кого-то (забылъ); были ли они у него или нѣтъ, они ли точно, не знаю, но вотъ что я слышалъ. Еще слышалъ я странную исторію, похожую на сказку. Алябьевъ, незадолго до кончины своей, ѣздилъ отдавать 8000 р. въ ломбардъ, билетъ положилъ въ карманъ, занемогъ; только его похоронили въ томъ же платьѣ, а съ платьемъ и билетъ; не находя оный и добравшись до истины, должны были покойника откопать и вынуть изъ кармана билетъ, который и нашелся. П. П. говоритъ, что онъ объ этомъ не слыхалъ.

*

Москва, 29 Ноября 1822.

У тестя теперь Понедѣльники. Вчера былъ первый; пропасть народу, князь Дм. Волод., Юсуповы (ибо и сынокъ былъ), Апраксины, князь Ѳед. Серг. *), комендантъ, множество дамъ, enfin toute la grande société de la ville. Сдѣлалъ я двѣ партіи въ вистъ, зашибъ 63 р.; а жена, которую заставили силою играть, проиграла мнѣ 15, все нѣтъ накладу, а накладъ мнѣ былъ отъ ужина, отъ коего, хотя и спалъ хорошо, но теперь все кашляю.

Графъ Ростопчинъ пишетъ, что множество Русскихъ, что въ Парижѣ пошла мода на аукціонъ и что графъ Гурьевъ молодой покупаетъ много, дешево и со вкусомъ. Графъ прибавляетъ: въ этомъ молодцѣ будетъ прокъ; у него глаза и пузо отцовскіе.

*

Москва, 1 Декабря 1822.

Жаль бѣднаго Апраксина. Онъ до . . . . до чахотки. Съ нимъ пошли и денежки мои на тотъ свѣтъ: онъ давалъ мнѣ комиссію привезти ему изъ Парижа духовъ, кресты и лентъ орденскихъ. Большой былъ невѣжда, а пресмѣшной.—Мнѣ говорилъ Глинка о письмахъ князя Потемкина; только присланное имъ тебѣ не такъ любопытно, но я его таки все сберегу. Странно мнѣ, что князь при лѣни своей оставилъ у себя отпускъ письма столь неважнаго. Выкрасть же у батюшки тоже нельзя было. Видно, отправлено бывъ, до рукъ его никогда не дошло. Глинка сказывалъ мнѣ, что онъ имѣетъ писемъ 100 оригинальныхъ

*) Голицынъ.

Потемкина и Суворова къ разнымъ особамъ, и что досталъ это за бездѣлицу. Ты ему смѣло можешь послать подарокъ (т. е. деньги) за его книгу. Онъ весьма не въ цвѣтущемъ положеніи, а дѣтей множество.

Я не желаю смерти никому, но желалъ бы, чтобы Лебцельтерна въ Царѣградѣ поколотилъ народъ, такъ чтобы его больного привезли обратно къ Метерниху. Здѣсь купцы и Греки такъ ропщутъ и гласно жалуются на равнодушіе наше и вліяніе Австріи на Восточныя дѣла, что Чумага съ многими пересталъ видѣться, не ѣздитъ никуда, избѣгая сихъ разговоровъ, и умно дѣлаетъ. Не ихъ дѣло судить. Я ему совѣтовалъ продолжать таковое поведеніе.

*

Москва, 4 Декабря 1822.

Я былъ у Витберга; долго очень у него сидѣлъ. Много говорилъ онъ о храмѣ, о всѣхъ непріятностяхъ, кои онъ имѣетъ, и о недоброжелателяхъ своихъ. Я отвѣчалъ, что это натурально. Нынѣ вѣкъ денегъ, этому божеству всѣ поклоняются; поэтому и человѣкъ, имѣющій въ распоряженіи своемъ большіе капиталы, не можетъ не быть предметомъ общей зависти и клеветы; что милости, имъ полученныя, должны его щедро вознаграждать за все это. Онъ съ княземъ Дм. Влад. въ разладѣ, также съ преосв. Филаретомъ, не очень доволенъ нашимъ Тургеневымъ и др. Дѣло граберовъ мы уладили. Онъ многимъ для насъ отказалъ. Завтра пришлетъ онъ мнѣ кондиціи, и мы рѣшительно обо всемъ условимся на 150 человѣкъ.

Здѣсь слышалъ я, что Лабзинъ будетъ жить въ Симбирской деревнѣ Тургеневыхъ. Правда ли это? Я и забылъ о семъ спросить у Сергѣя, у коего былъ я вчера, но не засталъ, а сидѣлъ у Катер. Семеновны; всѣхъ насъ здоровѣе, а все кряхтитъ, всѣхъ насъ богаче, а все охаетъ.

Охъ, надоѣло мнѣ это собраніе! Третьяго дня подписалъ я 400 билетовъ (въ запасъ) для членовъ новыхъ, а сегодня Ив. Ив. Дмитріевъ прислалъ еще 150, имъ уже подписанные. Въ Среду маскарадъ, и я дежурный съ Кутайсовымъ.

Благодарю очень за Веронскія выписки. По отъѣздамъ дипломатовъ можно надѣяться, что конгрессъ скоро кончится, и наши воротятся къ новому году. Очень я радуюсь вспоможенію, оказанному моему старичку Италинскому. Кому-то достанется все послѣ него? Богатствъ нѣтъ, но есть книги, рукописи и другія рѣдкія вещи. Послѣдніе годы жизни проведетъ въ спокойствіи безнуждномъ, и (будетъ) молить Бога

за Государя. Авось либо и Полетикино дѣло устроится. Теперь часть милостей не такъ плавно пойдетъ: Каподистріи тамъ нѣтъ, а мы знаемъ, какъ Нессельроде медленно это обработываетъ. Какъ узнають всѣ о назначеніи повѣреннаго въ дѣлахъ въ Луку, вѣрно станутъ дѣлать всякія заключенія. Князь Сергѣй Гагаринъ сказывалъ мнѣ подъ секретомъ, что и объ немъ представленіе лежитъ въ Веронѣ. Онъ представленъ въ церемоніймейстеры, какъ Сологубъ, чего очень Боренька Юсуповъ добивался для себя. А кто же будетъ во Флоренціи на мѣсто Сверчкова?

*

Москва, 8 Декабря 1822.

Духъ мой былъ какъ-то расположенъ къ унынію, и исторія вашей бѣдной Пруссачки очень меня растрогала, какъ и доброе сердце ангела этого Сашки. Съ такою душою долженъ онъ будетъ быть счастливъ. Сколько есть богоугодныхъ заведеній, и всѣ истинно несчастные остаются безъ призрѣнія. На все надобно протекція. Никто не дастъ себѣ труда отыскивать бѣдныхъ, удостовѣряться въ ихъ положеніи, какъ ты сдѣлалъ. Не лучше ли такой несчастной дать 500 р., нежели раздѣлить эту сумму и раздавать ее празднымъ бродягамъ, просящимъ на улицахъ и обогащающимъ кабаки? Все это отъ того, что вездѣ дѣйствуетъ не истинное состраданіе, а тщеславіе. Здѣсь Голицынъ и Шереметевъ хотѣли быть Людовиками XIV и затмить Инвалидный домъ Парижскій; а какъ подумаешь, сколько добра, сколько несчастныхъ можно было утѣшить, призрѣть, спасти отъ отчаянья и смерти милліонами, которые употреблены на постройку сихъ пышныхъ зданій; но тогда пріѣзжій и прохожій не сталъ бы спрашивать, кто соорудилъ эту великолѣпную больницу, кто построилъ столь огромный странноприимной домъ? А я ручаюсь, что въ нихъ не найдешь ни одного человѣка, который бы былъ счастливѣе твоей Пруссачки, въ день твоего посѣщенія; а стоило тебѣ только 50 р. и нѣсколько утѣшительныхъ словъ и обнадеживаній. Чтобы дѣлать много добра и какъ должно, одного богатства недостаточно. Надобно, кромѣ добраго сердца, какое-то особенное чувство нѣжное, научающее насъ находить чувствительную струну каждаго несчастнаго. Дай мнѣ, когда я боленъ, письмо отъ тебя: я выздоровлю! Я увѣряю, что обѣщаніе, данное тобою несчастной Пруссачкѣ хлопотать о подсудимомъ ея мужѣ, столько же ее подкрѣпитъ, какъ пища, одежда, обувь, которую ты послалъ ей и дѣтямъ ея. У чувствительнаго человѣка здоровье никогда не будетъ процвѣтать, когда духъ не покоенъ, а сердце раздираемо.—Гдѣ рѣчь о добромъ дѣлѣ, тутъ Тургеневъ уже готовъ. Комиссію дали вы ему самую пріятную. Ежели бы Марицу съ ребячества пріучили къ подоб-

нымъ зрѣлищамъ нищеты, она бы знала цѣну всѣму и сто разъ бы болѣе наслаждалась своимъ благополучіемъ. Я очень распространился про приключеніе ваше, такъ меня тронуло это. Я прочитывалъ самъ оное раза два и читалъ это дѣтямъ и женѣ. Подобные уроки не во всѣхъ найдешь книгахъ, даже и хорошихъ, а тутъ дѣйствующія лица всѣ къ намъ близки.

*

Москва, 12 Декабря 1822.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ сегодняшнимъ торжественнымъ днемъ. Я знаю, какъ ты преданъ тому, кого нынѣ празднуютъ. Пусть здоровье его всегда будетъ таково, какъ любовь твоя къ нему. У меня много будетъ сегодня работы, но я начинаю тотчасъ тобою. Подобно одѣваться, бриться, ѣхать слушать обѣдню во Вдовій Домъ: звалъ Петръ Петровичъ; тамъ будетъ посвященіе нѣсколькихъ сердобольныхъ вдовъ. Обѣдать буду у князя Дмитрія Володимировича, а ввечеру собраніе; т. е. не выйду изъ мундира цѣлый день. Но когда же его носить, ежели не 12 Декабря!

*

Москва, 14 Декабря 1822.

Мнѣ дали изъ Архива Польскія бумаги для перевода. Скучно, но какъ быть? Какъ отказать что-нибудь Архиву, столь ко мнѣ снисходительному! Я вчера этимъ занялся, а сегодня отвезъ туда самъ.

Объ ямщикахъ много здѣсь говорятъ, и всѣ имъ завидуютъ. Губернаторъ мнѣ разсказывалъ о представленіи ихъ и разговорѣ Императрицы съ ними. Князь Дм. Волод. сказывалъ мнѣ, что Государь уже въ дорогѣ и нигдѣ не остановится, кромѣ Варшавы.

Собраніе 12-го числа было очень блистательно. Я недолго былъ, безпокоясь насчетъ жены. Много бѣгали за Берлицевой женою. Недурна собою, но болѣе привлекала по Французской турнюрѣ и по отличному туалету. Его не было; говорятъ, боленъ, то и познакомиться съ нимъ не могъ. Поѣду къ нему; виноватъ я, онъ у меня былъ раза три. Лицо ея вродѣ princesse Serge Galitzine. Въ этотъ день была уже доска выставлена. Публика приглашалась избрать на новое трехлѣтіе новыхъ старшинъ на мѣсто А. С. Кологривова, Льва Ал. Яковлева и Ив. Ал. Нарышкина. Очень радъ буду, когда избавлюсь лестнаго, но скучнаго сего препорученія.

Былъ у меня поутру Вейтбрехтъ. Дѣло ихъ журнала улажено. Князь Шаликовъ будетъ издателемъ *Моднаго Журнала*, коего цѣль и проспектъ очень хороши. Тутъ много есть хорошихъ матеріаловъ. Изданіе бу-

деть щеголевато, а главные издатели и участники: баронъ Штейнгель, Вейтбрехтъ, Шаликовъ, князь Ив. Мих. Долгоруковъ. Попрошу Вяземскаго сообщать тоже статьи и самъ буду имъ при случаѣ сообщать что̀ случится, касающагося до дамъ, моды и тому подобное. Подписчиковъ уже много. Сдѣлай одолженіе, постарайся, чтобы вышло скорѣе князево разрѣшеніе; къ нему, кажется, пишутъ сегодня, т. е. Шаликовъ, прося позволенія на изданіе сего журнала. Планъ мнѣ очень нравится и, кажется, пойдетъ хорошо.

*

Москва, 15 Декабря 1822.

Говоря тебѣ вчера объ Архивѣ, я забылъ сказать, что весь домъ отдѣлываютъ заново. Я не понимаю, какъ можно было столько надѣлать на 40.000 р., данные коллегіею; но Архивъ нашъ всегда отличался порядкомъ. Внутри все заново: двери, полы, рамы—все хорошо расписано. Въ библіотекѣ шкафы новые, краснаго дерева, вездѣ вкусъ и опрятность. Лѣстницу узнать нельзя: сдѣлалась прекрасна, и все это мастерилъ Азанчевскій, молодой человѣкъ, тутъ же въ Архивѣ служащій. Будешь въ Москвѣ, то узнаешь развѣ одинъ только глобусъ, стоящій надъ крыльцомъ, а то все ново. Хорошо сдѣлали, что сохранили дому старинную его наружность*).

*

Москва, 18 Декабря 1822.

Первый разъ видѣлъ я обрядъ дворянскихъ выборовъ. Сейчасъ оттуда. Ѣздили мы съ Фастомъ. Большая наша зала была полна, а на хорахъ были дамы. Для всякаго уѣзда учрежденъ особый столъ, а около стулья для избирателей. Я не записался ни въ Москву по дому, ни въ Дмитровъ по̀ подмосковной; слѣдовательно не имѣю избирательнаго голоса, но за то избавляюсь всякихъ хлопотъ. Былъ я просто зрителемъ. На одной сторонѣ залы стоялъ большой портретъ Государя Императора съ украшеніями. Въ половинѣ одиннадцатаго явился князь Дм. Волод., сталъ у подножія трона и открылъ собраніе рѣчью, которую произнесъ очень внятно и громко. Въ ней говорилъ онъ о обязанностяхъ каждаго, о цѣли, для которой съѣхались, давалъ хорошія наставленія, упомянулъ съ похвалою объ Обольяниновѣ, о совѣстномъ судьѣ Кашкинѣ, о исправникахъ Московскомъ, Богородскомъ и Рузскомъ; не называя лицъ, сказалъ, что нѣкоторые, къ сожалѣнію его, не оправдали выбора дворянъ, заслужили нареканія и даже подверглись суду и пр. Князь уѣхалъ, а прочіе поѣхали въ соборъ слушать обѣдню и принести присягу. Такъ какъ это долго продолжится, то и положено

*) Домъ этотъ, въ Калпашномъ переулкѣ, между Малоросейкою и Хитровымъ рынкомъ, принадлежитъ нынѣ П. И. Юргенсону.

выборы начать завтра. Ежели успѣю, поѣду завтра, чтобы узнать. Думають, что бóльшая часть старыхъ предводителей будуть утверждены. Говорятъ, что Обольяниновъ не остается болѣе. Онъ прослужилъ три выбора и подлинно слабъ здоровьемъ. Тесть въ большихъ хлопотахъ: что-то съ нимъ будетъ? Князь рѣчь свою читалъ съ бумаги; постараюсь ее достать и пришлю тебѣ. Вотъ какъ утро наше прошло, а вчера не могъ я не ѣхать на вечеръ къ Сонцову, который два раза пріѣзжалъ меня звать, и Вас. Львовичъ писалъ, просилъ не отказать ему. Было довольно народу, танцовали. Видѣлъ я тутъ двухъ невѣстъ: княжну Голицыну и Пушкину; обѣ живутъ у Катерины Володимировны Апраксиной. Первая выходитъ за Ухтомскаго, а вторая, бѣдная очень дѣвушка, имѣла счастье понравиться молодому, пригожему Зубкову, имѣющему 1500 душъ. Видно было написано на небѣ; а Варенька Пушкина и многія другія сидятъ въ дѣвкахъ отъ того, что слишкомъ разборчивы и кончаютъ все старыми сенаторами.

Поди-ка, какія нынѣ болѣзни! Подагра въ пупкѣ! Когда будетъ она у Боголюбова въ языкѣ? Онъ вздоръ вретъ и вздоры пишетъ къ Урусовымъ о Дм. Павл. Правда и то, что они не очень ему вѣрятъ.

Вяземскій пріѣхалъ сюда дня на три съ княгинею, которая брюхата. Онъ очень недоволенъ цензурою, которая многое конфисковала въ статьѣ его о «Кавказскомъ Плѣнникѣ», помѣщенной въ 49-мъ № Сына Отечества. Я съ нимъ и Сергѣемъ Тургеневымъ обѣдалъ вчера у Жихарева, гдѣ очень пріятно провели время до 7 часовъ вечера. Жихаревъ кланяется тебѣ, а сестрамъ велѣла очень кланяться жена его, бабенка предобрая и премилая.

Очень тебя благодарю за указъ о Полетикѣ. Знаешь ли, что для меня это устройство лучше сенаторства? 3500 р. впредъ до опредѣленія къ мѣсту, да 3500 р. съ курсомъ еще. Кто велитъ ему когда-нибудь опредѣляться къ мѣсту, т. е. лишиться большого оклада и нажить себѣ хлопотъ!.. Это и безъ 2-го Владимира было бы славно. Ай да Американецъ; меня очень это обрадовало.

*

Москва, 20 Декабря 1822.

Посылаю тебѣ списокъ нашимъ выборамъ. Всѣ старые утверждены, кромѣ трехъ предводителей: Серпуховской—князь Вяземскій, что женатъ на дочери Ростислава Евгр. Татищева: въ 22 шарахъ имѣлъ 17 черныхъ; Верейскій—князь Оболенскій, тоже былъ не выбранъ своимъ уѣздомъ, а съ Коломенскимъ княземъ Петромъ Ив. Гагаринымъ Обольяниновъ имѣлъ большую схватку. Гагаринъ этотъ—

милліонщикъ, скряга, даетъ взаймы подъ большіе залоги и проценты. Онъ хотѣлъ отдалить отъ выборовъ одного дворянина, говоря, что онъ заслужилъ нареканіе публики. Обольяниновъ отвѣчалъ: «Человѣкъ можетъ быть жертвою клеветы, время его оправдаетъ; а я почитаю недостойными выборовъ только тѣхъ, которые грабятъ, которые берутъ по 20 процентовъ». Долго оба пѣтушились, но, наконецъ, Гагаринъ былъ отринутъ значительнымъ большинствомъ. Обольяниновъ, благодаря за довѣренность дворянъ, не хочетъ, однакоже, остаться. Старшій кандидатъ по немъ (ежели подлинно онъ отойдетъ) князь Василій Алексѣевичъ*); только, между нами сказано, не очень лестно для него получить въ 376 шарахъ 128 черныхъ. Я думаю, что Обольянинова уговорятъ остаться. Завтра будутъ выбирать судей, исправниковъ и прочую мелюзгу. Кашкина хотѣли балотировать въ губернскіе предводители, но онъ былъ догадливъ, отказался отъ чести, боясь черныхъ шаровъ. Народу было множество, а особенно зрителей.

*

Москва, 25 Декабря 1822.

Брошюрку графа Кочубея я еще не успѣлъ начать читать, а должна быть любопытна. Вчера былъ я званъ на вечеръ къ Сонцову; были тутъ: Тургеневъ, Вяземскій, Жихаревъ, молодой Юсуповъ, Вас. Львовичъ и Алекс. Мих. Пушкины; этотъ того, по обыкновенію, дурачилъ и ругалъ. «Кто тебя просилъ написать ко мнѣ глупое посланье, да и напечатать еще его въ твоихъ сочиненіяхъ, которыя на всѣхъ навязываешь, и никто ихъ не беретъ? Это дѣлаетъ другой, такой же дрянной поэтъ, какъ ты, Хвостовъ; но этотъ, по крайней мѣрѣ, сенаторъ, годится при случаѣ, а ты ни къ чорту не годишься». Смѣшнѣе всего, что Вас. Львовичъ серьезно все принимаетъ и оправдывается. Вяземскій сегодня опять уѣзжаетъ въ деревню. Пріѣзжалъ съ женою только для Апраксина спектакля.—Не велѣлъ никого принимать, но иные входятъ насильно.

---

*) Хованскій, тесть А. Я. Булгакова.

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго [1]).

1841.

У дяди, князя Петра Ивановича, кромѣ князя Николая Петровича была еще единственная дочь, одна изъ Петербургскихъ красавицъ, имѣвшая большой успѣхъ въ обществѣ, княжна Екатерина Петровна, вышедшая впослѣдствіи за графа Клейнмихеля и очень рано овдовѣвшая. Она осталась для меня любимѣйшею моею двоюродной сестрой и моимъ самымъ дорогимъ и почтеннымъ другомъ до старости.

Второй сынъ моего дяди, князь Владиміръ Петровичъ, сдѣлался извѣстнымъ, какъ публицистъ и издатель «Гражданина» [2]).

Самъ дядя, князь Петръ Ивановичъ, нигдѣ не служилъ; окончивъ свое образованіе въ Пажескомъ корпусѣ и выйдя офицеромъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, онъ вскорѣ женился первымъ бракомъ на дочери графа Румянцова, тотчасъ вышелъ въ отставку и никогда больше ни на какую службу не опредѣлялся. Во время царствованія Николая Павловича дядя составлялъ въ Петербургѣ въ этомъ отношеніи единственное исключеніе. Въ то время всѣ служили. Государь не любилъ неслужащихъ; онъ считалъ тунеядцами всѣхъ молодыхъ людей, которые не служили.

По этому поводу я помню, что дядя мнѣ разсказывалъ, съ добродушнымъ своимъ юморомъ, одинъ, бывшій съ нимъ, забавный случай.

Какъ-то разъ онъ былъ приглашенъ на крестины къ какому-то сановнику, женатому на его родственницѣ, у которыхъ Государь Николай Павловичъ пожелалъ самъ быть воспріемникомъ. Дядя отправился въ классической для всѣхъ въ данномъ случаѣ одеждѣ, т. е. въ

---

[1]) См. выше, стр. 95.

[2]) Затѣмъ былъ еще одинъ сынъ у дяди, младшій, Александръ, флигель-адъютантъ, но умеръ въ очень молодыхъ годахъ.

черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Когда онъ пріѣхалъ, то уже засталъ довольно много приглашенныхъ, всѣхъ въ мундирахъ, ожидавшихъ вскорѣ высочайшаго прибытія Государя. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему подошелъ ему хорошо знакомый, первый чинъ двора (оберъ-шенкъ), старикъ графъ Рибопьеръ, который съ разстроеннымъ видомъ, отведя его въ сторону, спросилъ у него: почему онъ не въ мундирѣ, чего требуетъ простое приличіе? Дядя, немного озадаченный такимъ замѣчаніемъ почтеннаго графа, вынужденъ былъ ему объяснить, что, не выслуживши мундира на военной службѣ и теперь вовсе не служа, онъ его не имѣетъ.—«Что же дѣлать?.. Какъ быть?» сказалъ старикъ-графъ, еще болѣе смущенный и озираясь во всѣ стороны, какъ будто желая куда-нибудь запрятать подальше моего дядю, чтобы его не видно было. «Вѣдь вы знаете — продолжалъ онъ—какъ Государь вообще не любитъ черныхъ фраковъ, въ особенности на молодыхъ людяхъ. Помилуй Богъ, если онъ случайно васъ замѣтитъ! Вѣдь это, навѣрное, подѣйствуетъ неблагопріятно на его расположеніе духа. Между тѣмъ времени нѣтъ; часъ уже пробилъ, онъ сейчасъ пріѣдетъ. Какая напасть! Что̀ тутъ дѣлать?.. Знаете ли что, сказалъ графъ скороговоркой, возьмите вы въ руки мою треугольную шляпу и держите ее впереди себя такъ, чтобы ее больше было видно, хотя бы прикрывши ею только свою грудь. Въ толпѣ тогда, можетъ быть, Государь васъ не замѣтитъ, или не отличитъ того, въ чемъ вы одѣты».

Чтобы сдѣлать угодное графу и видя его глубокое смущеніе, дядя согласился на его предложеніе: взялъ въ руки его треуголку, всю шитую золотомъ, и держалъ ее все время въ продолженіе церемоніи крещенія новорожденнаго, покрывши ею свою грудь, согласно совѣту старика-графа. Все обошлось благополучно, и всѣ остались довольны хитроумной выдумкой почтеннаго старика, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, немало всѣхъ позабавила.

По этому же поводу дядя мнѣ разсказывалъ, что въ Петербургѣ, когда его сверстники или старые товарищи по Пажескому корпусу, уже выслужившіеся до высокихъ чиновъ, собирались у него (что̀ случалось нерѣдко) и слишкомъ горячо спорили и увлекались какими-нибудь политическими вопросами или правительственными распоряженіями, дядя ихъ всегда останавливалъ и успокоивалъ, говоря: «Помилуйте, господа, зачѣмъ вы горячитесь? Нельзя ли поменьше усердія? Пожалѣйте меня! Вѣдь вы всѣ администраторы, управляете Россіей и всѣ распоряжаетесь въ своихъ вѣдомствахъ. Я единственный только человѣкъ въ Петербургѣ, который не служитъ; стало быть я одинъ

вамъ всѣмъ подвѣдомственъ; слѣдовательно вы всѣ такъ хлопочите о моемъ лишь единственномъ благополучіи. Пожалѣйте меня: вѣдь васъ много, а я одинъ. Постарайтесь поменьше усердствовать; можетъ быть, тогда дѣла пойдутъ лучше въ Россіи, а мнѣ, во всякомъ случаѣ, будетъ легче».

Этотъ маленькій эпизодъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ страхѣ, который внушалъ во всѣхъ Государь Николай Павловичъ, а также и о томъ, какимъ образомъ право, дарованное дворянству, служить или не служить, было въ сущности въ то время совершенно отмѣнено, безъ всякаго изданія особаго объ этомъ закона.

Возвращаясь къ дядѣ моему, князю Петру Ивановичу Мещерскому, я долженъ сказать, что я всегда съ удовольствіемъ и любовью вспоминаю о немъ, о его семействѣ, а также и о Карамзиныхъ, о Вяземскихъ, которые такъ тепло и родственно меня приняли и обласкали, когда я молодымъ человѣкомъ, простившись съ родными, впервыя пріѣхалъ въ Петербургъ.

Съ теченіемъ времени, какъ я уже говорилъ выше, я привыкъ къ Карамзинскому и Вяземскому семействамъ такъ, какъ къ своему собственному.

Софья Николаевна Карамзина, которая по лѣтамъ могла бы быть моею матерью, особенно меня баловала своимъ ко мнѣ расположеніемъ. У насъ были условленные часы, въ которые мы читали вмѣстѣ новыя произведенія Русской или иностранной литературы. Эти чтенія происходили въ ея комнатѣ, у камелька, между обѣдомъ и вечернимъ чаемъ. Она при этомъ любила, чтобы хорошія конфеты, къ которымъ мы оба имѣли большую слабость, дополняли собой удовольствіе, доставляемое намъ этими чтеніями. Поэтому я всегда являлся съ фунтомъ свѣжихъ конфетъ и разными другими сладостями. Тогда, усѣвшись у камина и, для довершенія нашего благополучія, закуривъ пахитоски (въ то время въ обществѣ всѣ курили пахитоски, даже и дамы) мы принимались за дѣло: я за чтеніе, а Софья Николаевна за какую-нибудь работу.

Люблю я вспоминать про эти часы, проведенные съ этой интеллигентной женщиной! Я предполагаю, что эти чтенія ей не могли доставлять такъ много наслажденій, но что она съ умысломъ преувеличивала это удовольствіе, имѣя въ сущности другую цѣль, зная, какъ вообще молодые офицеры имѣютъ мало времени и часто охоты читать. Я имѣю основаніе думать, что она, при своей неимовѣрной добротѣ и

истинно материнской заботѣ обо мнѣ, желала, чтобы я, такимъ способомъ, не отставалъ и былъ бы всегда въ курсѣ современной литературы.

Я помню, какъ разъ, посреди нашего чтенія, доложили о пріѣздѣ поэта, г. Тютчева, любившаго навѣщать Софью Николаевну. Она слегка поморщилась, но затѣмъ приказала просить этого нарушителя нашихъ мирныхъ занятій; хотя они не могли подать поводъ къ какимъ-либо безсмысленнымъ о насъ предположеніямъ, но когда Ѳедоръ Ивановичъ вошелъ, то онъ, какъ человѣкъ въ высшей степени деликатный, тотчасъ почувствовалъ, что онъ насъ засталъ врасплохъ и что пришелъ некстати. Замѣтно намъ было, что ему сдѣлалось неловко, а его легкое смущеніе невольно сообщилось и намъ, хотя оно и продолжалось секунду одну. Бываютъ же иногда съ людьми такія глупыя положенія! При видѣ принесенныхъ мною сладостей на нашемъ столикѣ, Ѳедоръ Ивановичъ, указывая на нихъ, чтобы что-нибудь сказать, замѣтилъ со своей тонкой улыбкой: «Вы, вѣроятно, находились въ осадномъ положеніи, что заготовили себѣ столько провіанта?» Мы расхохотались, и послѣдовалъ самый оживленный разговоръ.

Далѣе наша бесѣда приняла серьезное направленіе. Тютчевъ коснулся газетнаго извѣстія объ убійствѣ помѣщиковъ-Поляковъ крестьянами въ Галиціи. По этому поводу онъ высказалъ очень воинственные помыслы объ умиротвореніи всѣхъ Славянскихъ племенъ присоединеніемъ ихъ силою оружія подъ скипетръ Русскаго царя, какъ о фактѣ неизбѣжномъ, и о цѣли, весьма легко достижимой. Эта Славянофильская идея изъ Московскаго Славянофильскаго кружка проникла уже тогда, 60 лѣтъ тому назадъ, въ Петербургъ и очень занимала въ то время интеллигентныя сферы общества, къ которымъ, несомнѣнно, принадлежалъ Тютчевъ, со времени своего пріѣзда въ Петербургъ. Какъ старый дипломатъ, онъ очень былъ занятъ этой идеей и, какъ поэтъ, увлекся ею еще болѣе, чѣмъ самые пылкіе Московскіе Славянофилы.

Хотя Тютчевъ былъ болѣе, чѣмъ вдвое, старше меня по лѣтамъ, но я въ этомъ случаѣ позволилъ себѣ вступить съ нимъ въ горячій споръ. Я высказывалъ то мнѣніе, что если Славянскіе народы могутъ быть, по своему развитію, въ состояніи воспринять эту идею (въ чемъ я сомнѣваюсь), то что они во всякомъ случаѣ далеко не въ состояніи ее осуществить, потому что они въ огромномъ большинствѣ—народы слишкомъ мирнаго характера, лишенные вовсе воинственнаго духа, какъ напримѣръ Болгары, народъ съ пастушескими еще нравами и обычаями, если можно такъ выразиться. Подобное противорѣчіе со

стороны такого молодого человѣка, каковымъ я былъ тогда, вѣроятно раздражило Тютчева и, въ жару спора, у него вырвалось слово, которое, какъ я помню до сихъ поръ, меня тогда очень оскорбило. «Необходимо читать, сказалъ онъ, молодой человѣкъ, прежде чѣмъ высказывать свое мнѣніе». Хотя я былъ очень обиженъ и сконфуженъ подобнымъ неожиданнымъ замѣчаніемъ этого почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ и всѣми уважаемаго человѣка, но я скромно ему отвѣчалъ, что нельзя тоже всему вѣрить, что печатаютъ; потому что печатное слово уже давно потеряло свой авторитетъ непогрѣшимости и что лучше всего было бы, для того чтобы узнать истину, побывать самому въ тѣхъ мѣстахъ и тамъ изучить эти народы. Я же хорошо зналъ, говоря это, что Тютчевъ самъ никогда не бывалъ въ этихъ странахъ.

Впослѣдствіи исторіи двухъ войнъ съ Турціей за освобожденіе этихъ несчастныхъ народовъ отъ Турецкаго ига, стоившихъ намъ столько Русской крови, въ которыхъ они не принимали никакого сколько нибудь серьезнаго участія (даже храбрые, независимые Сербы, вѣчно бряцавшие оружіемъ), достаточно доказали, насколько ошибались Славянофилы, а вмѣстѣ съ ними Θеодоръ Ивановичъ Тютчевъ въ своихъ увлеченіяхъ сороковыхъ годовъ.

Этотъ извѣстный поэтъ, философъ и дипломатъ находился уже въ почтенномъ возрастѣ, когда я съ нимъ встрѣчался у Карамзиныхъ. Онъ былъ маленькаго роста, хорошо сложенъ и, говорятъ, въ молодости имѣлъ немало романическихъ приключеній. Нѣкоторыя изъ нихъ не лишены драматизма....

Θеодоръ Ивановичъ, всегда сосредоточенный въ своихъ идеяхъ, какъ настоящій поэтъ и мыслитель, былъ очень разсѣянъ и мало занимался какъ своимъ туалетомъ, такъ и прочими внѣшними условіями жизни. Казалось, что внѣ науки и искусства его ничто не интересовало. Его наружность, когда я его зналъ, была самая оригинальная. Блуждающій взглядъ, всегда направленный сверхъ его золотыхъ очковъ, его огромный выпуклый лобъ и непокорная прядь сѣдыхъ волосъ, которая слишкомъ часто висѣла на затылкѣ, касаясь воротника его одежды, вмѣсто того чтобы прикрывать лишенную волосъ голову, и привычный ему небрежный тонъ, съ которымъ онъ выражался, производили престранное впечатлѣніе.

Его часто можно было встрѣтить пѣшкомъ по улицамъ Петербурга, въ шинели, спускавшейся съ одного плеча, съ шарфомъ, повязаннымъ на одной сторонѣ, и съ шляпой, надѣтой на затылокъ, гуляющимъ съ какимъ-то растеряннымъ видомъ.

Какъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ и умныхъ людей, онъ былъ взысканъ вниманіемъ покойной императрицы Маріи Александровны, которая не очень задолго до его смерти сдѣлала его своимъ чтецомъ. Такъ какъ онъ никогда не былъ служакой и даже довольно индиферентно относился къ службѣ, то онъ былъ чина далеко невыдающагося.

Когда онъ, занимая нѣкоторое время свою новую должность, былъ неожиданно произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, то мнѣ передавалъ одинъ его хорошій знакомый, что, встрѣтивши его гуляющаго пѣшкомъ, по своему обыкновенію, на Невскомъ проспектѣ, онъ его остановилъ, чтобы поздравить съ милостиво - дарованнымъ ему не въ очередь высокимъ чиномъ. Тютчевъ посмотрѣлъ на него сверхъ своихъ золотыхъ очковъ съ недоумѣніемъ. Потомъ спохватившись, какъ человѣкъ вспомнившій вдругъ о томъ дѣлѣ, о которомъ ему говорятъ, сказалъ: «Ахъ, извините пожалуйста, я и забылъ. Не знаю, почему мнѣ показалось, что я въ этомъ чинѣ нахожусь уже давно!..»

Такова была непритворная забывчивость и дѣйствительное равнодушіе нашего неподражаемаго поэта и философа къ служебнымъ отличіямъ!

О семействѣ князя Петра Андреевича Вяземскаго я уже говорилъ. Я его тоже часто посѣщалъ и всегда былъ родственно принимаемъ всѣми его членами, хотя собственно родства между нами не было. Старушка-княгиня, раздѣляя слабость многихъ пожилыхъ дамъ, всегда озабоченныхъ устраивать судьбу молодыхъ людей, возымѣла доброе намѣреніе, для моего благополучія, и меня пристроить. Предметомъ сватовства была на этотъ разъ молодая графиня Лидія Арсеньевна Закревская, съ матерью которой княгиня находилась въ дружескихъ отношеніяхъ.

Я имѣлъ случай познакомиться съ молодой графиней во время моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ, года два тому назадъ. Тогда, не смотря на свой 18-тилѣтній возрастъ, благодаря своей рѣзвости, она казалась совершенно подросткомъ; однако она своими остроумными и ребяческими выходками меня очень заинтересовала. Теперь ей исполнилось 20 лѣтъ; она была небольшого роста, хорошо сложена, широкоплечая дѣвушка, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ румянцемъ на щекахъ и съ большими голубыми глазами, при чемъ мелкія черты лица ея были довольно миловидны.

Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій въ это время отдѣлывалъ только что построенный имъ огромнѣйшій домъ противъ Исакіевскаго собора, въ которомъ онъ собирался давать большіе балы по случаю наступившаго совершеннолѣтія своей обожаемой и единственной дочери. Я былъ приглашаемъ туда родителями, принимавшими меня ласково, на всѣ ихъ балы и вечера. Я скоро сталъ посѣщать домъ Закревскихъ и внѣ большихъ пріемовъ, т. е. совершенно за-просто; но, сколько помню, я въ это время въ графинѣ - дочери ничего не находилъ кромѣ очень молоденькой, разсѣянной, рѣзвой дѣвушки, по развитію гораздо моложе ея дѣйствительнаго возраста и ничѣмъ на свѣтѣ не интересующейся, кромѣ ребяческихъ шалостей. Не смотря на это явное несоотвѣтствіе между мной и молодой графиней, я продолжалъ часто ее посѣщать. Къ этому побуждали меня столько же ласковый пріемъ ея родителей, повидимому доброжелательно относившихся къ этому сватовству, сколько мысль о супружеской жизни, столь для меня новой и привлекательной. Когда я пробовалъ выяснить самому себѣ, какого рода чувство я питалъ къ молодой графинѣ, я приходилъ къ заключенію, что влюбленъ я въ нее не былъ.

Между тѣмъ врожденное во мнѣ рыцарское чувство идеализировать всѣхъ женщинъ влекло меня къ Лидіи Арсеньевнѣ и заставляло искать въ ней то, чего въ дѣйствительности тогда въ ней не существовало и чего она ни внушить, ни понять не могла.

Такимъ образомъ это сватовство кончилось ничѣмъ, къ крайнему сожалѣнію доброй княгини Вяземской, которой на этотъ разъ не удалось устроить судьбу столь интересующихъ ее молодыхъ людей.

Что касается до насъ обоихъ, виновниковъ этой неудачи, то мы могли бы по справедливости сказать о себѣ словами поэта:

Безъ радости была любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Заслуживаетъ однако вниманія то обстоятельство, что много лѣтъ спустя, когда я былъ уже женатъ, а графиня Лидія Арсеньевна была замужемъ за графомъ Нессельроде (съ которымъ она тогда уже разъѣхалась), меня странная судьба опять свела съ семействомъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, когда онъ былъ назначенъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, при предшественникѣ котораго (князѣ Щербатовѣ) я состоялъ адъютантомъ и согласно распоряженію графа Закревскаго, послѣ князя Щербатова, поступилъ адъютантомъ къ нему.

Истинно печальная развязка столь многолѣтней и столь трудовой карьеры старика графа Арсенія Андреевича, карьеры, которой такъ неожиданно положила конецъ его любимая и единственная дочь, всѣмъ извѣстна, и потому я говорить объ этомъ здѣсь не буду.

Послѣ неудачи, постигшей добрую княгиню Вяземскую въ задуманной ею женитьбѣ, отношенія ея ко мнѣ нисколько не измѣнились; какъ княгиня, такъ и князь Петръ Андреевичъ продолжали оказывать мнѣ самое дружеское расположеніе.

Вспоминая про князя Петра Андреевича, мнѣ невольно приходитъ на память одинъ случай, который меня поставилъ въ весьма неловкое положеніе по отношенію къ нему, такому почтенному человѣку, всегда такъ ласково ко мнѣ относившемуся, и къ тому же случай, который чуть не стоилъ мнѣ жизни....

Я помню, что это было весной. Имѣя нѣсколько дней свободныхъ отъ службы, я по обыкновенію зажился въ Петербургѣ, вполнѣ забывъ о существованіи на свѣтѣ Царскаго Села, гдѣ сторожемъ въ моей квартирѣ состоялъ постоянно мой поваръ (въ которомъ я въ городѣ не нуждался; былъ и кучеръ при лошадяхъ и экипажахъ, неодимой принадлежности загороднаго офицерскаго хозяйства).

Въ это время я неожиданно встрѣтилъ какъ-то князя Петра Андреевича на улицѣ, во время его прогулки. Князь меня остановилъ и съ обычнымъ своимъ ласковымъ, но нѣсколько серьезнымъ тономъ спросилъ: могу-ли я дать ему ночлегъ и пріютъ на два или на три дня въ моей квартирѣ въ Царскомъ Селѣ?—«Когда угодно и на сколько угодно!» отвѣчалъ я, обрадованный тѣмъ, что мнѣ представляется счастливый случай отплатить хотя чѣмъ нибудь почтенному князю за его гостепріимство, которымъ я пользовался по прибытіи моемъ въ Петербургъ. «Спасибо, сказалъ князь; но дѣло въ томъ, что я приглашенъ по дѣлу государыней Александрой Θеодоровной утромъ послѣ завтра; а, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, завтра а не могу выѣхать иначе, какъ съ послѣднимъ поѣздомъ, стало быть я только въ первомъ часу ночи прибуду на мѣсто; поэтому, если, прибавилъ князь, по какому нибудь случаю, въ такое позднее время я найду дверь вашей квартиры запертою, то куда тогда я дѣнусь?... Вы сами знаете, что гостиницъ въ Царскомъ Селѣ нѣтъ, и что тогда постигнетъ меня горькая участь искать ночлега въ Боровомъ трактирѣ, что̀ на Большой улицѣ—единственномъ въ городѣ!»—«Помилуй Богъ! сказалъ я съ ужасомъ, да развѣ я не успѣю предупредить своего человѣка о вашемъ пріѣздѣ? Вѣдь до завтрашняго вечера остается полтора сутокъ, а чтобы доставить

мое письмо въ Царское, болѣе трехъ часовъ не потребуется, если считать и то время, которое мнѣ нужно, чтобы дойти домой. Будьте совершенно благонадежны, прибавилъ я: отсюда я прямо отправлюсь домой и напишу подробную инструкцію своему человѣку, добавивъ въ ней, чтобы мой экипажъ васъ ожидалъ на станціи желѣзной дороги.» — «Спасибо, спасибо, сказалъ князь, какъ-то коварно ухмыляясь, но вы молоды и можете легко забыть ваши обѣщанія.» — «Какъ? сказалъ я. Вы, князь, меня обижаете! Какимъ образомъ могу забыть я такое порученіе, котораго исполненіе я считаю для себя обязательнымъ по долгу признательности къ вамъ?» Тутъ мы простились, онъ пожалъ мнѣ руку и опять повторилъ: «Пожалуйста же не забудьте написать!» Признаюсь, такая настойчивость князя въ такомъ простомъ дѣлѣ меня удивила. Я съ мѣста отправился домой, написалъ подробное письмо своему повару Ларіону и съ нарочнымъ отправилъ его въ Царское Село.

Прошло нѣсколько дней; я опять зажился въ Петербургѣ, ради отсутствія занятій въ полку, по случаю праздника, какъ вдругъ неожиданно встрѣтился опять съ княземъ; онъ шелъ той-же важной, невозмутимой походкой, которая была ему свойственна. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Благодарю васъ!... Я тщетно долго стучался въ дверь вашей квартиры. Вашего человѣка, какъ оказалось, не было дома, и мнѣ-таки пришлось остановиться въ Боровомъ трактирѣ, въ которомъ я, разумѣется, провелъ очень плохую ночь».

Я былъ пораженъ, какъ громомъ, этой неожиданностью и не могъ сообразить, какъ это могло случиться, когда я положительно зналъ, что письмо мое было вручено по принадлежности. Я, сконфуженный и огорченный, принялся увѣрять князя, что письмо мною было послано со всею аккуратностью и безотлагательно. Я началъ просить у него извиненія; но онъ меня не слушалъ и съ усмѣшкой все повторялъ, что онъ очень мнѣ благодаренъ и вполнѣ признателенъ, но что впрочемъ онъ все это предвидѣлъ, и поэтому долженъ только на себя одного пенять. Признаюсь, мнѣ такъ стыдно было, что я былъ радъ, когда князь, невозмутимо пожавъ мнѣ руку, мѣрнымъ шагомъ удалился. Да и къ чему я сталъ бы его останавливать? Я ничего болѣе не имѣлъ ему сказать....

Еще глубоко огорченный происшедшей со мною непріятностью, я на другой-же день поѣхалъ въ Царское. Тутъ встрѣтила меня еще бо́льшая неожиданность: когда я подъѣхалъ къ своей квартирѣ, то нашелъ ее запертою!.. Человѣка моего не было. По справкамъ оказалось, что его давно нѣтъ; что онъ какъ-то разъ приходилъ, но по-

томъ опять ушелъ, ничего никому не сказавъ. Зная своего человѣка Ларіона, какъ не принадлежащаго къ числу отъявленныхъ пьяницъ, я совершенно терялся... Меня возмущала до нельзя дерзость этого человѣка, который пользовался моимъ довѣріемъ. Теперь было понятно, что онъ одинъ былъ виновенъ своей самовольной, дерзкой отлучкой тому огорченію, которое мнѣ причинилъ непріятный случай съ почтеннымъ княземъ Вяземскимъ. Раздосадованный, я сдѣлалъ надлежащее распоряженіе, чтобы меня тотчасъ извѣстили, какъ только мой человѣкъ появится, а самъ пошелъ искать пріюта по сосѣдству, у своихъ гостепріимныхъ товарищей, двухъ братьевъ, графовъ Блудовыхъ, полагая, что къ вечеру во всякомъ случаѣ человѣкъ мой возвратится домой. Нечего говорить о томъ, что товарищи приняли меня чрезвычайно радушно, что они очень сочувствовали моему глупому положенію быть въ Царскомъ Селѣ безъ крова и дома и, накормивши меня сытнымъ обѣдомъ, посадили за карточный столъ, за которымъ я нѣсколько забылъ о своемъ непріятномъ положеніи, хотя ожиданіе извѣстій о безъ вѣсти пропавшемъ Ларіонѣ все-таки меня томило. За картами часы быстро летятъ; скоро пробило полночь, и такъ какъ никакихъ извѣстій о моемъ человѣкѣ не было, то я долженъ былъ просить товарищей у нихъ заночевать. На другой день утромъ, когда мы проснулись, мнѣ доложили, что человѣка моего все еще нѣтъ. Я не хотѣлъ давать никакой огласки всей этой исторіи и поэтому не давалъ знать полиціи или ломать замки въ моей квартирѣ, а потому я рѣшился терпѣливо еще подождать возвращенія пропавшаго.

Утро прошло также безъ извѣстій, и только послѣ обѣда вдругъ пришли мнѣ доложить, что мой человѣкъ наконецъ вернулся. Признаюсь, что когда я очутился на улицѣ, чтобы направиться къ моей квартирѣ, я чувствовалъ себя взволнованнымъ, и нервы мои были сильно натянуты. Когда я поднялся по каменной лѣстницѣ въ бельэтажъ, гдѣ я жилъ, я засталъ человѣка на верхней площадкѣ, въ пальто, безъ фуражки, стоящимъ у отворенной двери. Никакой особенной перемѣны я въ немъ не замѣтилъ, кромѣ того, что лицо его было нѣсколько побагровѣвшее, но онъ казался мнѣ совершенно невозмутимымъ. Мое первое слово, обращенное къ нему, было, разумѣется: «гдѣ ты былъ?» Но не желая объясняться съ нимъ на площадкѣ лѣстницы (хотя свидѣтелей не было и мы были совершенно одни), я, не дожидаясь отвѣта, прошелъ мимо и вошелъ въ переднюю. Когда мы вошли, и онъ притворилъ дверь, я опять повторилъ ему тотъ же вопросъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ нахально, что онъ былъ дома. Это была капля, переполнившая сосудъ... Такая наглая ложь меня страшно возмутила. Я въ

то время былъ чрезвычайно вспыльчивъ. Я почувствовалъ, какъ вся кровь моя бросилась въ голову. Я забылся... и ударилъ нахала по щекѣ!... Онъ моментально бросился и обхватилъ меня обѣими руками выше локтей, своими крѣпкими мышцами стянувъ меня, какъ желѣзнымъ кольцомъ. Звать было-бы напрасно; никто не могъ-бы меня услышать... Къ счастію моему, мое первое изумленіе продолжалось только одно мгновеніе: я не потерялъ ни минуты присутствія духа; какъ человѣкъ съ юности привыкшій къ гимнастикѣ, я тотчасъ сталъ обороняться. Тутъ началась между нами борьба, не на жизнь, а на смерть... Онъ вѣроятно, чтобы подѣйствовать на меня нравственно и парализовать мои силы, приговаривалъ, съ трудомъ переводя дыханіе: «Нѣтъ, князь!.. Простись теперь съ жизнью... твой послѣдній часъ насталъ!..» При этомъ всѣ его усилія были направлены на то, чтобы одной рукой схватить меня за горло, съ явною цѣлью меня задушить, не выпуская меня изъ желѣзныхъ своихъ объятій, а я всѣми силами противился этому, схватывая его руку, какъ желѣзными клещами. Видя, что его усилія не успѣшны, онъ хотѣлъ меня положить на полъ. Тутъ борьба приняла характеръ болѣе атлетическаго поединка. Я тогда обладалъ значительной силой; но я тотчасъ почувствовалъ, что онъ сильнѣе меня и что вся надежда моя будетъ состоять въ моей ловкости. Сколько времени эта борьба продолжалась, не знаю; но мнѣ она показалась безконечной. Наконецъ я сталъ чувствовать, что мышцы мои утомляются и что силы мои слабѣютъ... Тогда у меня блеснула мысль, которая одна могла меня спасти... Я собралъ всѣ оставшіяся у меня силы, чтобы быстро и сильно придвинуть его къ стѣнѣ, вдоль которой стоялъ рядъ столовыхъ стульевъ. Это мнѣ къ счастію удалось, стулья попали ему подъ самыя колѣни, онъ потерялъ равновѣсіе, а я въ это время, сильно рванувшись, могъ вырваться изъ его тѣсныхъ объятій. Тогда я моментально схватилъ стулъ обѣими руками и нанесъ имъ ударъ ему по головѣ; стулъ разбился въ дребезги, но я остаткомъ его еще ударилъ нѣсколько разъ... тогда онъ зашатался и, не вымолвивъ ни слова, бросился въ выходную дверь. Я остался одинъ, задыхаясь, съ обломкомъ стула въ рукахъ, и слышалъ черезъ отворенную дверь, какъ онъ не сошелъ, а кубаремъ скатился съ лѣстницы.

Я былъ спасенъ!.. Такъ кончился этотъ страшный поединокъ. Продлись онъ еще одну или двѣ минуты, и я бы погибъ, ибо силы мои были истощены.

Когда же страшная одышка моя успокоилась, я бросилъ обломокъ стула, разстегнулъ сертукъ и вышелъ на балконъ, гдѣ свѣжій вечер-

ній воздухъ благопріятно подѣйствовалъ на мои нервы, когда я его вдохнулъ въ себя полною грудью. Въ это время неожиданно изъ-подъ воротъ, надъ которыми находился балконъ, показался въ страшно растерзанномъ видѣ и съ всклокоченными волосами Ларіонъ. Улица была безлюдна, и вездѣ царила тишина. Ларіонъ, услыхавъ мои шаги на балконѣ, остановился, повернулся ко мнѣ и громко сказалъ: «Прощай, князь; теперь ты меня никогда больше не увидишь».—«Прощай, прощай, отвѣтилъ я, постарайся впередъ мнѣ никогда болѣе не попадаться: это для тебя лучше будетъ, а то я тебя убью».

Разумѣется, когда опасность миновала и я остался живъ, то я не чувствовалъ никакой охоты не только его убить, но даже и преслѣдовать. Если же я употребилъ эту угрозу, то я это сдѣлалъ только для того, чтобы онъ убрался куда нибудь подальше и этимъ избавилъ бы меня отъ непріятности его встрѣтить и, можетъ быть, быть вынужденнымъ его арестовать.

Я тогда же рѣшился сохранить все это дѣло, которое навсегда меня отучило отъ вспыльчивости, въ тайнѣ, такъ что только теперь, по прошествіи полвѣка, въ первый разъ, кажется мнѣ, я объ этомъ говорю. Дѣйствительное во мнѣ отсутствіе всякаго чувства мести къ этому человѣку, послѣ совершеннаго имъ поступка, за который онъ получилъ отъ меня заслуженное наказаніе, невольно напоминаетъ мнѣ курьезный и оригинальный случай съ однимъ Англійскимъ лордомъ въ Римѣ, которому я былъ свидѣтелемъ.

Лордъ Т., высокій, плечистый, сѣдой старикъ, шелъ пѣшкомъ, опираясь на почтенной толщины трость, по *via Condotti*, одной изъ самыхъ тѣсныхъ улицъ города и самыхъ оживленныхъ, въ которой даже не существуетъ тротуаровъ. Какой-то извозчикъ (а надобно сказать, что извозчики въ Римѣ большіе нахалы, зацѣпляющіе съ умысломъ пѣшеходовъ, въ особенности иностранцевъ), проѣзжая мимо, задѣлъ старика-лорда. Не успѣлъ извозчикъ оглянуться, какъ получилъ отъ Англичанина ударъ палки по спинѣ. Извозчикъ, обернувшись, хлыснулъ его и сбилъ съ него шляпу. Англичанинъ моментально побѣжалъ, схватился руками сзади за откинутый верхъ коляски, всталъ на руки, закинулъ ногу и взлѣзъ въ коляску. Тѣмъ временемъ, увидѣвши это, извозчикъ погналъ свою лошадь, но переполненная экипажами улица не дозволила ему ѣхать быстро. Старикъ-Англичанинъ, не теряя времени, схватилъ извозчика сзади и поднялъ его; лошадь, почувствовавъ, что возжи натянуты, сама остановилась. Англичанинъ снялъ извозчика съ козелъ, положилъ его на землю, навалился на него всей своей

тяжестью, и отколотивши его порядочнымъ образомъ, всталъ и пошелъ искать свою шляпу. Въ это время уже столпилась вокругъ экипажа большая толпа народа, явился полицейскій и повелъ извозчика въ участокъ вмѣстѣ съ лордомъ, который отдалъ полицейскому свою карточку.

На другой день явился къ лорду Т. одинъ изъ начальниковъ полиціи съ глубокимъ извиненіемъ по поводу происшедшей непріятности съ такимъ высокопоставленнымъ лицомъ. При этомъ полицейскій офицеръ просилъ покорнѣйше лорда сообщить ему, какого рода онъ желаетъ получить удовлетвореніе и какому наказанію онъ желалъ-бы, чтобы былъ подвергнутъ виновный? Лордъ на это отвѣчалъ: «Чего вы отъ меня хотите? Я ни о чемъ не просилъ! Скажите полиціи, чтобы она не безпокоилась обо мнѣ. Это дѣло очень просто: я боксировалъ съ этимъ человѣкомъ и поборолъ его; больше ничего. Помилуйте, какое мнѣ удовлетвореніе? Мнѣ никакого удовлетворенія не нужно!.. Честь имѣю вамъ кланяться...» Я про этого Англичанина вспомнилъ потому, что хотя обстоятельства моего дѣла совсѣмъ иныя, но мнѣ кажется, что если бъ меня спросили о томъ же, что̀ и Англичанина, то я, вѣроятно, далъ-бы отвѣтъ приблизительно такой-же.

Ларіонъ исполнилъ въ точности свое обѣщаніе: я его не встрѣчалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ и пересталъ уже объ немъ думать, какъ неожиданно получилъ письмо отъ нашего посланника въ Лондонѣ барона Брунова, который, возлагая всю вину на меня, настойчиво требовалъ, чтобы я ее изгладилъ, выславъ этому человѣку немедленно паспортъ, такъ какъ онъ былъ нашъ крѣпостной человѣкъ и проживалъ уже нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ безъ всякаго вида. Я, разумѣется, на такое нахальное требованіе не отвѣчалъ ни слова.

Хотя объ этомъ эпизодѣ моей жизни я не разсказывалъ даже и своимъ близкимъ, но мысль о томъ, какая могла быть причина такого поступка моего человѣка, Ларіона, меня нерѣдко заставляла задумываться. Что онъ былъ немного выпивши, въ этомъ не было сомнѣнія; но отъ ка̀кой-нибудь лишней рюмки водки не могло проявиться въ немъ вдругъ такого ожесточенія, какое онъ показалъ; съ другой стороны—мое, вообще кроткое обращеніе съ нимъ, вслѣдствіе корректнаго его поведенія, не могло никоимъ образомъ внушить ему такое непонятное озлобленіе, тѣмъ болѣе, что въ обыкновенное время я даже его очень рѣдко видѣлъ, такъ какъ онъ постоянно находился въ кухнѣ. Меня чрезвычайно интересовала мысль: какимъ физіологическимъ и нравственнымъ процессомъ могъ создаться изъ простого, незлобиваго, крестьянскаго мальчика такой отчаянный человѣкъ и фана-

тикъ, близкій къ психическому разстройству? Очень часто надъ этимъ думая, я, наконецъ, нашелъ ключъ къ разгадкѣ этой задачи въ особенныхъ обстоятельствахъ его прошлой жизни.

Чтобы выразиться въ двухъ словахъ, это оказалось дѣломъ Лютеранской пропаганды въ нашихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ онъ проживалъ около десяти лѣтъ въ одномъ весьма почтенномъ, но крайне піэтическомъ протестантскомъ семействѣ, въ которомъ игралъ большую роль одинъ очень вліятельный пасторъ-пропагандистъ.

Въ то время еще было у насъ крѣпостное право, не существовавшее уже въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и поэтому служившее самой благодарной и обычной темой пропагандирующимъ пасторамъ, чтобы стараться совращать Русскихъ простолюдиновъ, внушая имъ отвращеніе къ Русскимъ порядкамъ, недовѣріе къ Русскому правительству, отчужденіе отъ православія и въ особенности ненависть къ ихъ помѣщикамъ. Весь этотъ арсеналъ лжи, клеветы и мнимыхъ разоблаченій былъ необходимъ для совращенія Русскихъ людей отъ православія, съ цѣлью обратить ихъ въ лютеранство. Обыкновенно все удавалось, кромѣ послѣдняго.

Такъ случилось и съ человѣкомъ Ларіономъ: онъ былъ оторванъ отъ своей среды, достаточно нафанатизированъ, но въ лютеранство онъ не обратился. Онъ сдѣлался меланхоликомъ, сосредоточеннымъ, малообщительнымъ, не сталъ соблюдать посты и никогда не ходилъ въ церковь. Вотъ этимъ-то, по моему, только и можно объяснить иначе непонятный поступокъ повара Ларіона.

Много, много лѣтъ спустя мнѣ суждено было однако опять съ нимъ встрѣтиться при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда (еще до тридцатилѣтняго возраста) послѣ тяжкой болѣзни мнѣ угрожала чахотка, то доктора меня послали на Югъ, вслѣдствіе чего я отправился на зиму въ Римъ. Прибывъ, какъ я до сихъ поръ помню, въ вѣчный городъ въ Субботу и освѣдомясь о существованіи православной домовой церкви въ нашемъ посольствѣ, я отправился туда ко всенощной. Наше Русское посольство занимало тогда огромнѣйшій, весьма сумрачный палаццо князя Джустиніани. Въѣхавъ въ ворота этого таинственнаго зáмка, мы съ покойной женой не знали, куда идти, и попросили у швейцара, чтобы онъ далъ намъ провожатаго до церкви, опасаясь заблудиться. Насъ провели по нескончаемымъ анфиладамъ комнатъ, весьма тускло освѣщеннымъ какими-то ночниками. Во всѣхъ обширныхъ парадныхъ комнатахъ этого дворца стояли ан-

тичныя мраморныя статуи и бюсты Римскихъ императоровъ, придававшіе много фантастическаго нашей нескончаемой прогулкѣ по дворцу. Наконецъ, мы дошли до домашней небольшой церкви, находившейся на самомъ концѣ длинной анфилады, въ противоположной сторонѣ дворца. Когда мы вошли, никого молящихся не было, церковь была пуста и темна; освѣщенъ былъ только одинъ иконостасъ, да и то черезчуръ тускло. Чтецъ читалъ плохо. Служилъ какой-то почтенный старецъ-архимандритъ, очень слабый, по всей вѣроятности присланный сюда изъ Россіи для пользованія южнымъ климатомъ.

Когда церковный служитель вынесъ изъ алтаря подсвѣчникъ и поставилъ его передъ царскими дверьми, то обликъ этого человѣка, освѣщенный среди мрака свѣчею паникадила, мнѣ напомнилъ какое-то знакомое лицо, которое я, не разобравъ хорошенько, сталъ припоминать; я сталъ пристально въ него всматриваться и вдругъ узналъ... Я не ошибался — это былъ онъ... мой бывшій поваръ Ларіонъ!.. При медленной его поступи, блѣдномъ и исхудаломъ его лицѣ, онъ мнѣ сначала и вправду показался привидѣніемъ... Изумленіе мое, очень естественное, было велико; но я никому объ этомъ не сообщалъ, даже и покойной женѣ, которая ничего не знала о случившемся когда-то со мною трагическомъ и загадочномъ эпизодѣ.

Спустя нѣсколько дней, я получилъ отъ отца-архимандрита длинное письмо, въ которомъ онъ, передавая мнѣ усерднѣйшую просьбу Ларіона о моемъ прощеніи, становился горячимъ за него ходатаемъ и поручался за его искреннее и сердечное раскаяніе. Почтенный пастырь, у котораго, какъ оказалось, человѣкъ Ларіонъ служилъ единственной прислугой, повидимому, очень цѣнилъ его чрезвычайно усердный и попечительный уходъ за нимъ, слабымъ и больнымъ старикомъ. Онъ свидѣтельствовалъ предо мною въ своемъ письмѣ о безукоризненной честности этого человѣка, о его глубокомъ благочестіи, заслуживающимъ его живого участія, а съ моей стороны—полнаго забвенія и всепрощенія. За чистое покаяніе онъ просилъ полнаго милосердія.

Разумѣется, я на другой день отправился къ отцу-архимандриту. Засталъ я старика больного, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, и высказалъ ему въ теплыхъ выраженіяхъ искреннюю готовность сдѣлать ему угодное и исполнить все, имъ просимое, въ самый короткій срокъ. Бѣдный старикъ заплакалъ и въ заключеніе просилъ только объ одномъ, а именно: дозволить самому Ларіону лично придти ко мнѣ, чтобы выразить мнѣ свое раскаяніе и глубокую его признательность за оказанную ему мною милость. Я тотчасъ написалъ въ Россію о высылкѣ

паспорта и принялъ лично къ себѣ Ларіона, который былъ очень взволнованъ и, цѣлуя мнѣ руки, слезно просилъ его простить. При этомъ свиданіи я помню, что мнѣ очень было жаль этого человѣка, но я не могъ переломить себя и проявить ему то участіе, которое, можетъ быть, онъ на самомъ дѣлѣ заслуживалъ, а также я не сдѣлалъ ему ни одного вопроса о его мѣстопребываніи во время самовольныхъ отлучекъ изъ моей Царскосельской квартиры и о причинѣ его покушенія на мою жизнь. Я этого не сдѣлалъ для того, чтобы не омрачать такую торжественную для него минуту вспоминаніемъ тяжелаго прошлаго. Паспортъ былъ мною доставленъ архимандриту, который вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Рима скончался, и я никогда не узналъ, куда послѣ того дѣвался столь преданный ему слуга Ларіонъ.

*

Чтобы вернуться къ прерванной нити моего разсказа о Петербургскомъ обществѣ и о моихъ знакомыхъ, я долженъ упомянуть о всегда открытомъ и веселомъ домѣ Мятлева, гдѣ я часто бывалъ.

Иванъ Петровичъ Мятлевъ, вельможа по богатству и положенію своему въ свѣтѣ, былъ единственный въ своемъ родѣ, довольно извѣстный поэтъ, переплетавшій очень удачно въ своихъ стихотвореніяхъ Русскій и Французскій языки; онъ былъ творецъ извѣстной *Мадамъ Курдюковой*, *Новаго года*, *Фонариковъ* и множества другихъ юмористическихъ и сатирическихъ стихотвореній. Барыни не давали ему проходу, такъ онѣ любили его слушать; правда, что онъ мастерски читалъ свои стихи и читалъ ихъ всегда охотно.

Если въ то время раздавался въ какой-либо Петербургской гостиной дружный, неудержимый и громкій смѣхъ, то безошибочно можно было угадать по этому присутствіе въ этомъ домѣ Мятлева, читающаго свои произведенія. Я его очень часто слышалъ; тѣмъ не менѣе, повторенія слышанныхъ мною пьесъ никогда мнѣ не надоѣдали, хотя, собственно говоря, это были фарсы. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ въ Петербургѣ, гдѣ его привыкли слышать, онъ составлялъ необходимую принадлежность званаго вечера, который оканчивался всегда его чтеніемъ. Я помню, какъ Лермонтовъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, написанныхъ въ альбомъ Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной, весьма остроумно, передавая всѣ удовольствія, доставляемыя ему вечерами въ домѣ Карамзиныхъ, заключаетъ ихъ перечисленіе двумя стихами:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Ишки Мятлева стихи! *)

*) И. П. Мятлева звали въ семьѣ „Ишкою“, что также служило ему поводомъ для острословія. П. Б.

Мятлевъ имѣлъ огромное состояніе, прекрасный домъ близъ Исакіевскаго собора, гдѣ онъ жилъ со своею почтенной старушкой-матерью и принималъ нерѣдко у себя царскую фамилію. Онъ вскорѣ послѣ знаменитаго костюмированнаго бала у великой княгини Елены Павловны, гдѣ онъ былъ въ роли рыцаря Шеромзина, умеръ, оплакиваемый всѣмъ обществомъ. Онъ оставилъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ служилъ въ лейбъ-гусарскомъ полку, а другой, штатскій, много лѣтъ спустя, былъ моимъ спутникомъ въ первомъ моемъ путешествіи по Италіи. Подобный гостепріимный вельможа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственный въ своемъ родѣ поэтъ, едва ли можетъ появиться когда-нибудь въ Петербургскомъ обществѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

*

Въ это время въ Петербургѣ немало возбудилъ толковъ и пересудовъ дошедшій изъ-за границы слухъ, что князь Иванъ Гагаринъ перешелъ въ католицизмъ и постригся въ іезуитскомъ монастырѣ въ Бельгіи. Это неожиданное извѣстіе всѣхъ занимало, потому что онъ былъ одинъ сынъ у отца, князя Сергѣя Ивановича, стало быть наслѣдникъ большого состоянія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ и выдающихся молодыхъ людей того времени, принадлежавшій къ тому избранному кружку замѣчательныхъ по уму и обще-европейскому образованію лицъ, которыхъ было не мало въ обществѣ въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ. Иные объясняли этотъ поступокъ раскаяніемъ князя, мучимаго будто бы угрызеніями совѣсти за смерть Пушкина, такъ какъ слухъ носился давно (и никогда въ сущности не былъ опровергнутъ), что князь будто бы сочинялъ и посылалъ Пушкину тѣ анонимныя письма, которыя обвиняли его жену и Дантеса во взаимной связи и были причиной роковой дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

Я помню, что приблизительно въ это время пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ и поселился въ одномъ со мною домѣ знакомый мнѣ съ юныхъ лѣтъ Юрій Ѳеодоровичъ Самаринъ, который, между прочимъ, былъ большимъ другомъ князя И. Гагарина.

По старой дружбѣ, онъ просилъ меня дать ему нѣкоторые совѣты по устройству его маленькаго хозяйства. Разумѣется, я, какъ уже знакомый съ Петербургомъ, взялся за это весьма охотно; но по этому поводу я помню, что нерѣдко приводилъ меня въ отчаяніе Самаринъ поразительною непрактичностью, когда не спросясь распоряжался по своему. Такъ, наприм., вздумавъ, въ видѣ экономіи, сдѣлать заготовку дровъ на зиму, онъ послалъ своего камердинера на рынокъ за-

купить побольше дровъ. Я ничего не зналъ, когда, случайно посмотрѣвъ въ окно, съ изумленіемъ увидалъ нескончаемую вереницу саней съ дровами, буквально запрудившую весь небольшой дворъ нашего огромнаго дома, при чемъ на улицѣ стояли непомѣщавшіеся уже на дворѣ остальные возы этого длиннаго обоза. Сквозь зимнія рамы слышны были крики дворниковъ, испуганныхъ такимъ небывалымъ нашествіемъ, и гвалтъ крестьянъ-возчиковъ, не хотѣвшихъ вывозить возы обратно на улицу. Въ это время прибѣжалъ въ квартиру растерянный управляющій домомъ съ приказаніемъ отъ хозяйки дома, генеральши Бибиковой, доложить Юрію Ѳеодоровичу, что она ни подъ какимъ видомъ не можетъ дозволить ему наполнить весь ея дворъ его дровами, что̀ лишитъ всѣхъ жильцовъ дома не только мѣста для ихъ дровъ, но и свободнаго проѣзда и прохода по двору, что̀ онъ, несомнѣнно, самъ признаетъ немыслимымъ, и что она поэтому проситъ его подчиниться установленному въ домѣ правилу, разрѣшающему квартирантамъ холостыхъ небольшихъ квартиръ запасать не болѣе пяти саженъ дровъ заразъ. Въ сущности давно вошло въ обычай въ Петербургѣ заключать условія съ подрядчиками-дровяниками, которые обязываются доставлять жильцу на домъ, по мѣрѣ надобности, дрова всю зиму по опредѣленной цѣнѣ. Немало стоило хлопотъ бѣдному Юрію Ѳеодоровичу, чрезъ своего камердинера, уговорить крестьянъ согласиться увезти обратно на базаръ проданныя ими дрова, за исключеніемъ пяти саженъ, и возвратить часть полученныхъ уже ими денегъ. Онъ, разумѣется, склонился на всевозможныя условія, самыя невыгодныя, чтобы только это дѣло покончить, и при этомъ порядочно поплатился. Мы послѣ этого немало съ нимъ хохотали надъ этой неудавшейся попыткою съекономничать.

Другой разъ мы поѣхали вмѣстѣ въ Англійскій клубъ, куда я его записалъ, такъ какъ я, въ качествѣ столичнаго старожила (хотя я самъ не очень давно прибылъ въ Петербургъ), обыкновенно сопровождалъ его въ поѣздкахъ по достопримѣчательностямъ нашей столицы. Въ этотъ день, какъ нарочно, я очень мало встрѣтилъ въ клубѣ своихъ знакомыхъ, съ которыми бы я могъ свести Юрія Ѳеодоровича, такъ что мы послѣ обѣда, пройдясь по всѣмъ заламъ клуба, отъ нечего дѣлать зашли въ биліардную. Мы ее нашли полную посѣтителями, плотно сидѣвшими на диванахъ вокругъ стѣнъ, съ сигарами во рту, переваривающими сытный клубный обѣдъ. Биліардъ не былъ занятъ. Самаринъ мнѣ предложилъ сыграть съ нимъ нѣсколько партій. Я согласился. Когда мы начали играть, взоры присутствующей публики были, разумѣется, устремлены на насъ. Первую партію

я выигралъ. Пока устанавливали шары, Самаринъ вполголоса спросилъ у меня: «по чемъ мы играемъ?» Я отвѣчалъ ему также шопотомъ, что, по обыкновенію, я играю по три рубля. «Какъ это можно? отвѣчалъ мнѣ Самаринъ, нельзя при такой массѣ зрителей играть по такой ничтожной суммѣ!»—«По чемъ же ты хочешь играть?» спросилъ я.—«Ну, да по крайней мѣрѣ рублей по 25 партію!» сказалъ онъ. Я ему замѣтилъ на это, что такъ какъ, повидимому, я немного лучше его играю, то для меня безразлично, по чемъ мы будемъ играть, и поэтому я на все согласенъ, но что обыкновенно по такой высокой цѣнѣ играютъ развѣ только профессіональные игроки, къ которымъ мы съ нимъ не принадлежимъ. Но онъ не внялъ моимъ словамъ и продолжалъ настаивать на своемъ, такъ что мнѣ нехотя оставалось согласиться.

Его непрактичность житейская была очевидна. Удваивая всякій разъ кушъ, чтобы сразу отыграться, Юрій Ѳеодоровичъ въ самое короткое время оказался въ проигрышѣ трехсотъ рублей, что̀ на повѣрку совсѣмъ не соотвѣтствовало цѣли игры, начатой отъ скуки, только лишь для препровожденія времени. Даже и послѣ этого проигрыша онъ, видимо, неохотно согласился прекратить эту игру. Я признаюсь, когда онъ при всѣхъ расплатился со мной, раскаялся, что согласился на эту шутку: мнѣ просто было совѣстно принять эти деньги отъ пріятеля своего и дальняго родственника, котораго, какъ мнѣ казалось, я, словно настоящій профессіональный игрокъ, обыгралъ навѣрняка. Между тѣмъ, повидимому, ни тотъ, ни другой изъ насъ не былъ приверженцемъ игры на биліардѣ, потому что намъ никогда въ жизни не довелось болѣе играть съ нимъ въ эту игру.

Я упомянулъ здѣсь о профессіональныхъ игрокахъ на биліардѣ потому, что мнѣ остался очень памятенъ одинъ случай, гдѣ я сдѣлался жертвой одного такого игрока, которому я очень дорого поплатился, и это весьма незадолго передъ тѣмъ случаемъ, о которомъ я говорилъ выше, бывшимъ въ Англійскомъ клубѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ.

Случилось это такъ. Обѣдая какъ-то одинъ въ лѣтнее время, когда изъ Петербурга всѣ разъѣзжаются по дачамъ, въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ ресторановъ, у Леграна, на Большой Морской, я, скуки ради, зашелъ въ биліардную съ цѣлью посмотрѣть на игроковъ, чтобы развлечься. Когда я вошелъ, биліардная зала оказалась пустою; только вдали на высокомъ диванѣ вдоль стѣны кто-то дремалъ. Не разсмотрѣвъ, что̀ это была за личность и полагая, что это маркеръ, заснувшій тутъ отъ скуки, я хотѣлъ уже выйти изъ залы, какъ вдругъ

почувствовалъ пристальный взоръ, устремленный на меня. Я немного остановился, полагая, что, можетъ быть, это лицо мнѣ знакомо. Оказалось, что я ошибся; но личность эта, видя меня, привстала и, очень вѣжливо обратясь ко мнѣ, созналась чистосердечно, что, пообѣдавши въ ресторанѣ и очень скучая по случаю безлюдья въ Петербургѣ, задремала въ биліардной. При этомъ незнакомецъ спросилъ у меня, не играю ли я въ биліардъ, и что въ этомъ случаѣ, если я тоже, какъ и онъ, скучаю, то онъ предлагаетъ мнѣ, какъ лучшее средство убить время, сыграть съ нимъ въ биліардъ нѣсколько партій. Онъ былъ очень прилично одѣтъ, говорилъ прекраснымъ языкомъ, вообще, былъ очень симпатичной наружности, съ тонкими чертами лица, съ выразительными большими карими глазами, съ тонкими черными усиками, имѣлъ что-то аристократическое; словомъ, былъ похожъ на героя романа. Такъ какъ его наружность меня расположила въ его пользу, то я охотно согласился на его предложеніе. Когда мы стали говорить объ условіяхъ игры, то мой изящный незнакомецъ оказался самаго уступчиваго свойства, соглашался на все и даже предложилъ не играть за деньги (такъ какъ это слишкомъ мѣщанствомъ отзывается), а вмѣсто этого играть на груши, только-что полученныя изъ Франціи хозяиномъ ресторана. Дѣйствительно, я съѣлъ одну изъ этихъ грушъ послѣ обѣда; онѣ были превосходны; это были лучшаго сорта дюшессы по одному рублю за штуку. Мнѣ, признаюсь, понравилась оригинальная мысль незнакомца, а еще болѣе его равнодушіе къ презрѣнному металлу. Правда, что его несвоевременный сонъ въ биліардной комнатѣ мнѣ казался какъ-то нѣсколько загадочнымъ, но когда мы обмѣнялись карточками и я узналъ, что онъ по имени г. ***, а именно одинъ изъ сыновей извѣстнаго поэта-златоуста, то мое мимолетное подозрѣніе, разумѣется, исчезло безслѣдно. Во время игры темы для разговора выбираемы были моимъ партнеромъ всегда разнообразныя и интересныя, такъ что я не замѣчалъ, какъ проходило время и соглашался охотно на всѣ его предложенія продолжать игру при каждой новой партіи.

Сначала мнѣ казалось, что мы одной силы на биліардѣ, потому что мнѣ нерѣдко случалось у него выигрывать, и, такъ какъ мы играли всякій разъ при проигрышѣ двойную ставку, то я часто разомъ отыгрывался. Затѣмъ, мало по-малу, эти счастливые для меня случаи становились все рѣже и рѣже, и мой партнеръ началъ меня даже изумлять своимъ искусствомъ. Незамѣтно ставки возросли до сотни грушъ, и мнѣ оставалось только разыгрывать молчаливую роль свидѣтеля, искренно любуясь талантомъ артиста. Чтобы нѣсколько отыграться, я

потребовалъ нѣсколько очковъ впередъ, и на это условіе мой партнеръ согласился безъ особаго труда. Но и при этомъ шансы не уравнялись: какъ только мнѣ не посчастливится, и онъ въ свою очередь бралъ кій въ руки, то оканчивалъ партію сразу, не давая мнѣ играть слѣдующаго удара, и мнѣ приходилось только смотрѣть, изумляться его ловкимъ ударамъ и досадовать на себя. Онъ до такой степени оказался искуснымъ, что, положивъ шаръ въ лузу, онъ всякій разъ становилъ свой шаръ на ту точку, которую онъ могъ впередъ указать и съ которой ему слѣдующій шаръ свободно и легко было сдѣлать.

Наконецъ, какъ «всему на свѣтѣ есть предѣлъ», я предложилъ прекратить игру. Мой проигрышъ достигалъ почтенной суммы—полуторы тысячи грушъ, а такъ какъ такого количества этихъ безподобныхъ фруктовъ далеко не было налицо у г. Леграна, то мнѣ оставалось только выдать сумму наличными деньгами.

Уплативши мой долгъ, полторы тысячи рублей, я только тогда понялъ, почему молодой ** дремалъ въ пустой биліардной залѣ, гдѣ я его засталъ: какъ я узналъ послѣ, онъ ежедневно такимъ образомъ проводилъ свое время, пріобрѣтая этимъ способомъ свой кусокъ хлѣба.

Кромѣ досады, которую я испыталъ, этотъ случай навѣялъ на меня грусть и внушилъ невеселыя размышленія: черезъ какія въ самомъ дѣлѣ тяжелыя испытанія въ жизни человѣкъ вполнѣ образованный долженъ былъ пройти, прежде чѣмъ избрать подобную профессію, какъ средство для своего существованія?

—

Насталъ 1844 годъ, ознаменовавшійся въ Петербургѣ празднествами, по случаю почти одновременнаго бракосочетанія великой княжны Александры Николаевны съ ландграфомъ Гессенскимъ и великой княжны Елисаветы Михайловны съ герцогомъ Нассаускимъ.

Великая княжна Александра Николаевна, во время своего вѣнчанія и на всѣхъ праздникахъ, сопровождавшихъ обѣ высочайшія свадьбы, представлялась на мой взглядъ и по мнѣнію многихъ какимъ-то волшебнымъ призракомъ или, лучше сказать, какимъ-то существомъ не отъ міра сего... Весь ея идеальный обликъ составлялъ нѣчто среднее между земной и небесной красотой. Ничего подобнаго этому величественному и свѣтлому образу я никогда нигдѣ не видалъ, хотя немало прожилъ на бѣломъ свѣтѣ. Такова была она—это неземное существо, съ того момента, когда она явилась намъ во дворцѣ, въ бѣлой подвѣнечной одеждѣ, съ голубой Андреевской лентой черезъ плечо, сопровождаемая величественнымъ отцомъ, который велъ ее въ цер-

ковь. И такова она, неземною, сошла въ могилу менѣе года послѣ своей свадьбы.

Государь Николай Павловичъ по справедливости могъ гордиться необыкновенной красотой своихъ трехъ дочерей; онѣ среди всѣхъ, на этихъ свадебныхъ празднествахъ, сіяли какъ звѣзды во всемъ своемъ блескѣ. Сестры вовсе не были похожи между собою; у нихъ были различные типы, природой созданные въ совершенствѣ. Это разнообразіе между ними приковывало околдованные взоры на каждой изъ нихъ отдѣльно гораздо болѣе, чѣмъ если бы между сестрами было близкое сходство, какъ бы ни была безупречна и совершенна ихъ красота.

Собственно говоря, ни въ одной изъ трехъ великихъ княженъ нельзя было признать Русскаго національнаго типа. Русскій головной уборъ, напримѣръ, который принято у насъ носить при дворѣ на выходахъ, можно сказать, изъ трехъ сестеръ шелъ болѣе къ лицу развѣ только одной великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ.

Отвѣтъ на обыкновенный вульгарный вопросъ о томъ, которая изъ трехъ великихъ княженъ была лучше, разумѣется дать очень трудно; но, по моему мнѣнію, великая княжна Александра Николаевна стояла выше своихъ сестеръ въ этомъ отношеніи, потому что ея красота была неземная, какъ существа, обреченнаго Провидѣніемъ покинуть этотъ міръ въ самыхъ юныхъ своихъ годахъ.

Изъ всѣхъ свадебныхъ празднествъ, несомнѣнно, куртагъ въ зимнемъ дворцѣ и въ особенности костюмированный балъ 2-го Февраля въ Михайловскомъ дворцѣ были самые блестящіе.

Я не могу забыть, что въ обоихъ случаяхъ мы, лейбъ-гусарскіе офицеры, были въ весьма рѣдкой для гусаровъ формѣ, а именно: въ вицъ-мундирахъ съ длинными фалдами, въ короткихъ бѣлыхъ брюкахъ и въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Съ непривычки намъ казалось какъ-то странно и неловко танцовать въ такихъ черезчуръ уже несвойственныхъ гусарамъ бальныхъ костюмахъ.

Праздникъ въ Михайловскомъ дворцѣ, всецѣло принадлежавшій, по мысли и по исполненію, хозяйкѣ дома, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, начался великолѣпной процессіей изъ Оберона, въ которой участвовало 190 лицъ, въ богатыхъ костюмахъ, попарно; въ этой процессіи принимали участіе всѣ великія княгини и великія княжны. Шествовали въ процессіи эльфы, ундины, гномы и саламандры, смѣшиваясь съ восточными и другими костюмами, проходя по всѣмъ заламъ дворца и имѣя хоръ духовой музыки во главѣ. Предводитель-

ница эльфовъ, великая княгиня Марья Николаевна, оказалась царицею бала, затмивши всѣхъ красотой и изящностью костюма. Ея необыкновенно правильный профиль, величественная осанка, открытая шея, чудныя плечи, тонкая талія и очень искусно придѣланныя длинныя крылья довершали неподражаемое изображеніе ангела, если бъ коротенькая юбка и изящныя ножки не напоминали, что она была не ангелъ, сшедшій съ неба, а предводительница эльфовъ.

Она была дивно хороша! Я могъ на нее достаточно налюбоваться въ то время, когда она, стоя ко мнѣ въ профиль, одной рукой поддерживала свою родительницу, государыню Александру Ѳеодоровну; онѣ обѣ пристально смотрѣли на маленькій балетъ съ пантомимами, въ которомъ дѣйствующими лицами были лица изъ высшаго общества. Любуясь довольно долго на великую княгиню, я невольно подумалъ: какъ жаль, что нѣтъ здѣсь какого-нибудь первокласснаго художника-портретиста, въ родѣ Веласкеса, Рубенса или идеальнаго Мурильо, чтобы увѣковѣчить и передать потомству эту чудную группу!..

Затѣмъ по порядку праздника слѣдовала Итальянская опера «Сандрильона», въ которой пѣли артисты Итальянской труппы.

Послѣ этого начались общіе танцы, гдѣ все смѣшалось, представляя волшебную картину тысячи и одной ночи. Едва ли можно было гдѣ-нибудь видѣть столько прелестныхъ женщинъ, такой массы бриліантовъ и такое множество цвѣтовъ, какъ на этомъ сказачномъ праздникѣ! Кромѣ красавицы-хозяйки, которая тогда была въ лучшей порѣ своего полнаго расцвѣта, и кромѣ нашихъ великихъ княгинь и великихъ княженъ, о красотѣ которыхъ я уже говорилъ, находилась на этомъ балѣ цѣлая плеяда прелестныхъ женщинъ высшаго Петербургскаго общества, какъ-то: Столыпина (впослѣдствіи княгиня Воронцова), сестра ея княжна Трубецкая (впослѣдствіи графиня Рибопьеръ), Соловая (рожденная Гагарина), Столыпина (впослѣдствіи Бекъ) и т. д., и т. д. Всѣхъ нельзя припомнить.

Мудрая Латинская поговорка «finis coranat opus» на этомъ торжественномъ праздникѣ оправдалась вполнѣ: заключительная его часть, т. е. ужинъ, оказалась лучшею, какъ по оригинальности и смѣлости своего замысла, такъ и по изяществу, грандіозности и декоративности своего исполненія. Этотъ великолѣпный ужинъ на 840 персонъ былъ оригиналенъ потому, что онъ почти весь помѣщался на парадной лѣстницѣ дворца, занимая только двѣ смежныя съ лѣстницей боковыя залы, какъ дополненіе. Если всѣ 840 приглашенныхъ могли помѣщаться на этомъ пространствѣ, то можно судить поэтому о грандіоз-

ныхъ размѣрахъ этой лѣстницы и ея площадей! Въ дѣйствительности эта лѣстница одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, которыя я видѣлъ: клѣтка ея занимаетъ едва ли не цѣлую четверть всего фасада этого дворца. О великой трудности этой архитектурной задачи можно судить потому, какъ она рѣдко архитекторамъ удавалась и какъ мало соотвѣтствующихъ зданіямъ лѣстницъ было выстроено въ самыхъ великолѣпныхъ царскихъ дворцахъ на Западѣ; а между тѣмъ счастливое разрѣшеніе этой задачи, какое великое значеніе имѣетъ, производя на каждаго посѣтителя первое благопріятное впечатлѣніе! Говорятъ, что могущественный Испанскій король Карлъ V, всходя въ первый разъ на ступени грандіозной лѣстницы вновь построеннаго имъ величественнаго дворца въ Толедо, сказалъ къ присутствующимъ сановникамъ: «восходя на эту лѣстницу, я внезапно почувствовалъ, что я дѣйствительно властелинъ міра!»

Возвращаясь къ небывалому ужину въ Михайловскомъ дворцѣ, слѣдуетъ сказать, что изобиліе цвѣтовъ и тропическихъ растеній, необыкновенно яркое освѣщеніе, блескъ костюмовъ публики, богатая одежда ливрейной прислуги, разукрашенный столъ для высочайшихъ особъ, громъ оркестра на высокихъ хорахъ—все въ совокупности представляло очарованнымъ глазамъ восхитительную и неподражаемую картину, которую несомнѣнно никто изъ присутствовавшихъ на этомъ праздникѣ никогда не забудетъ. Не знаю почему, когда я имѣлъ нѣсколько разъ случай видѣть въ Венеціи извѣстную, огромнаго размѣра картину Поля Веронеза «Бракъ въ Канѣ Галилейской», то живость красокъ богатыхъ костюмовъ массы представленныхъ лицъ мнѣ всякій разъ припоминала картину ужина въ Михайловскомъ дворцѣ.

Въ два часа царская фамилія подала, уѣзжая, сигналъ къ разъѣзду. Я увѣренъ, что многимъ жалко было разставаться съ этимъ волшебнымъ міромъ, чтобы, испытавъ всѣ его чары, возвратиться послѣ того домой къ будничной однообразной жизни.

Въ это время въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ нескончаемые толки возбудило дѣло княгини Кугушевой съ ея дочерью Томилиной, дошедшее до Государственнаго Совѣта, на рѣшеніе котораго государь Николай Павловичъ наложилъ весьма строгую и очень памятную всѣмъ тогда резолюцію.

Дѣло это состояло въ томъ, что мать, княгиня Кугушева, подарила дочери своей часть своего имѣнія; но когда дочь ея, Томилина, выказала передъ матерью весьма дерзкую непочтительность, то послѣд-

няя стала требовать судомъ обратно подаренную ею часть имѣнія. Когда это дѣло поступило изъ Сената въ Государственный Совѣтъ, то здѣсь мнѣнія членовъ раздѣлились, такъ какъ въ пользу матери выразили мнѣніе 18 членовъ, а въ пользу дочери 5 членовъ. Въ виду такого разногласія, это дѣло поступило на высочайшее благоусмотрѣніе государя Николая Павловича, который, прочтя его, наложилъ резолюцію слѣдующаго содержанія: «*Искренно* благодарю 18 членовъ за правильный взглядъ на сіе постыдное дѣло. *Что можетъ быть священнѣе обязанностей дѣтей къ родителямъ, и не прискорбно ли быть должно, когда въ высшемъ сословіи оказываются подобные примѣры безстыдной неблагодарности и дерзости!* Потому, раздѣляя въ полной мѣрѣ мнѣніе 18 членовъ, нахожу сверхъ того нужнымъ велѣть призвать Томилину въ Совѣстный Судъ и, въ присутствіи губернскаго предводителя и уѣздныхъ предводителей, сдѣлать отъ меня строжайшій выговоръ за поступки противъ матери и потомъ отдать на годъ на покаяніе въ монастырь». Немудрено, что объ этомъ дѣлѣ много говорили въ Петербургѣ и что оно получило громкую извѣстность не только потому, что княгиня Кугушева и г-жа Томилина имѣли много знакомыхъ въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, но и потому, что резолюція Государя носила печать его высокаго ума, правильнаго его взгляда на высокогосударственное значеніе нравственнаго авторитета родителей, которымъ держится семья, и строгаго порицанія образа дѣйствій непочтительныхъ дѣтей, расшатывающихъ семейное начало, котораго онъ такъ твердо выступилъ въ этомъ случаѣ охранителемъ и оберегателемъ. Въ то время семейное начало еще не было такъ расшатано, какъ въ настоящее время, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній недоброй памяти 60-тыхъ годовъ, и примѣры непочтительности дѣтей къ своимъ родителямъ были въ обществѣ гораздо рѣже; вотъ почему эта знаменитая резолюція государя Николая Павловича въ настоящее время должна поражать еще болѣе всѣхъ своею глубокою мудростью.

Покойный государь былъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ, истинно-Русскій человѣкъ, проникнутый духомъ нашего Русскаго законодательства, и въ этой сферѣ семейныхъ отношеній онъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ. Государь понималъ и предвидѣлъ опасность для семьи, для общества и стало-быть для государства, отъ рѣшеній противоположнаго свойства, и онъ былъ правъ, какъ верховный охранитель закона и семьи, становясь выше всѣхъ семейныхъ дрязгъ и сплетень, неибѣжныхъ въ подобныхъ случаяхъ.

*

Зима 1844 года была въ Петербургѣ самая оживленная и самая веселая. Въ эту зиму были двѣ свѣтскихъ свадьбы: одна—старшаго сына сенатора Безобразова съ единственною дочерью генерала Сухозанета (потерявшаго ногу въ какомъ-то сраженіи), очень богатаго человѣка и извѣстнаго игрока; а другая свадьба—Владимира Николаевича Карамзина съ дѣвицей Дука (сестрой графини Клейнмихель); на послѣдней я былъ шаферомъ. Государь Николай Павловичъ, будучи на этой свадьбѣ посаженнымъ отцомъ, войдя послѣ вѣнчанія въ домъ молодыхъ, сдѣлалъ новобрачному, когда мы всѣ вышли его встрѣчать, памятное для меня довольно назидательное замѣчаніе противъ чрезмѣрной роскоши. Пріостановившись на первыхъ ступенькахъ лѣстницы, онъ сказалъ: «если въ передней у васъ такая роскошь позолоты, ковровъ и бархата, то что же будетъ въ гостиной?..»

Государь, самъ Спартанецъ въ своихъ привычкахъ, не любилъ чрезмѣрной роскоши. Какъ оказывалось, молодой хозяинъ вполнѣ заслуживалъ этого урока, будучи однимъ изъ первыхъ лицъ, отличившихся отдѣлкою своего дома (на Большой Морской). Эта манія, впрочемъ, во время слѣдующаго царствованія, пошла гораздо далѣе, такъ что замѣчаніе Государя, хотя и заставило много о себѣ говорить, но, къ сожалѣнію, не излѣчило общества отъ бѣшеной Петербургской роскоши.

Остальные вечера, балы и другія удовольствія этой зимы, въ которыхъ я принималъ участіе, ничѣмъ особеннымъ не отличались и не оставили слѣдовъ въ моей памяти. Помнятся мнѣ только: большой пикникъ на островахъ во время масляницы, со всѣми львицами большого свѣта, и превеселый балъ у графини Ростопчиной. Пикникъ этотъ мнѣ памятенъ потому, что на этомъ вечерѣ мнѣ было замѣчательно весело: барыни ко мнѣ какъ-то очень благоволили, въ особенности одна, которая меня очень интересовала; и въ этотъ-же вечеръ счастье за картами было у меня поразительное, такъ что, выходя изъ залы, чтобы отдохнуть отъ танцевъ, мнѣ стоило только присѣсть къ игорному столу, за которымъ въ сосѣдней гостиной играли въ крупную игру, чтобы выиграть солидную сумму денегъ. Затѣмъ я отправлялся вновь потанцовать, посадивъ за себя моего товарища и чередуя такимъ образомъ два эти удовольствія: общество прелестныхъ женщинъ и сильныя ощущенія азартной игры. Когда настала часъ разъѣзда, я оставался въ выигрышѣ въ нѣсколько тысячъ рублей, уплаченныхъ мнѣ тутъ-же богатымъ и пріятнымъ партнеромъ Львомъ Нарышкинымъ. Я могу сказать, что другого такого оригинальнаго въ своемъ родѣ, и въ одно и тоже время такого удачнаго вечера мнѣ

никогда не приходилось провести. Правы, стало быть, тѣ, которые говорятъ, «что когда счастье везетъ человѣку, такъ ужъ во всемъ!..»

Что̀-же касается бала у графини Ростопчиной, то онъ мнѣ потому памятенъ, что я на немъ познакомился съ супругами Віардо. Мужъ знаменитой пѣвицы, мало еще извѣстной тогда въ Петербургѣ, оказался человѣкомъ весьма образованнымъ, очень много путешествовавшимъ и очень свѣдущимъ въ древней живописи. Я впослѣдствіи читалъ его замѣчательный трудъ «Описаніе Мадридской галлереи», которая (какъ я, будучи въ Испаніи, могъ самъ убѣдиться) должна считаться одной изъ первыхъ картинныхъ галлерей въ Европѣ по богатству и необыкновенному сохраненію и свѣжести картинъ.

Побесѣдовавъ очень пріятно съ г-номъ Віардо, я отправился въ бальную залу, гдѣ встрѣтила меня прелестная хозяйка, озабоченная тѣмъ, что г-жу Віардо никто не приглашаетъ и что она одна не танцуетъ. Она обратилась ко мнѣ, какъ къ хорошему знакомому, съ которымъ она не стѣснялась, чтобы просить меня ее пригласить хотя на одну кадриль, что̀ я и исполнилъ съ большою готовностью. Г-жа Віардо была очень любезна и очень граціозна, но танцовала немного въ припрыжку, какъ танцуютъ обыкновенно всѣ Француженки. Въ это время я замѣтилъ между маменьками, сидящими вдоль по стѣнѣ залы, большое оживленіе: онѣ какъ-то всполошились и стали что-то шептать между собою, показывая въ мою сторону. Когда кадриль кончилась, то къ великому моему изумленію я узналъ, что я былъ причиной этого переполоха, потому что маменьки нашли слишкомъ щекотливымъ для своихъ дочекъ танцовать вмѣстѣ съ актрисой, и находили мой поступокъ дерзкимъ и непристойнымъ. Разумѣется, все это говорилось втайнѣ, шопотомъ; но я никакъ не ожидалъ, чтобы мой невинный поступокъ могъ произвести такое смущеніе. Таковъ былъ еще тогда въ передовомъ Петербургскомъ обществѣ взглядъ на театръ вообще и на актрисъ въ особенности!.. Отъ этого недалеко и до того, что̀ происходило когда-то во Франціи, когда не дозволено было актеровъ хоронить на общихъ католическихъ кладбищахъ, какъ нечестивыхъ!..

Послѣ этого знакомства съ четою Віардо вѣжливость требовала, чтобы я имъ сдѣлалъ визитъ, тѣмъ болѣе безотлагательный, что, какъ мнѣ сказали, они, окончивъ свой зимній сезонъ и контрактъ, собирались уже выѣхать въ Парижъ.

Пріѣхавши въ гостиницу, гдѣ они жили (кажется на Малой Морской), пока пошли обо мнѣ докладывать, я вошелъ въ темную перед-

нюю, гдѣ увидалъ въ полуосвѣщенномъ помѣщеніи какого-то довольно плотнаго и большого роста человѣка, который, ставъ колѣнями на высокій сундукъ, пыхтя и дѣлая, повидимому, тщетныя усилія, никакъ не могъ его запереть, потому что онъ слишкомъ былъ туго наполненъ. Я сначала не обратилъ на него вниманія, полагая, что это кто-нибудь изъ ближайшей прислуги отъѣзжающихъ за границу хозяевъ, тѣмъ болѣе, что это происходило въ противоположномъ углу комнаты. Но очевидная неумѣлость этого человѣка, который сосредоточенно продолжалъ свою работу, не обращая никакого вниманія на мое присутствіе, невольно меня удивила. Когда я подошелъ ближе, тогда, услыхавъ меня, этотъ человѣкъ бросилъ поспѣшно свое дѣло, соскочилъ съ сундука и выпрямился во весь ростъ. Каково было мое изумленіе, когда я въ этомъ человѣкѣ узналъ И. С. Тургенева?! Мы оба сконфузились. Я подошелъ ближе, чтобы съ нимъ поздороваться. Онъ, со свойственной ему привычкой, скороговоркой сталъ мнѣ объяснять, что г-на Віардо нѣтъ, что онъ выѣхалъ впередъ по экстренному дѣлу въ Парижъ, а что жена его осталась и собирается тоже скоро выѣхать. Къ обоюдному нашему благополучію въ это самое время явилась прислуга, чтобы доложить мнѣ, что г-жа Віардо очень, очень извиняется, но не можетъ меня принять, по случаю укладки и скораго своего отъѣзда. Я отдалъ свою карточку и, простившись съ Тургеневымъ, поспѣшилъ выйти. Я не знаю, почему, но мнѣ было какъ-то жутко за нашего знаменитаго писателя. Впрочемъ любовь оправдываетъ, говорятъ, всякія крайности!..

Наконецъ, насталъ великій постъ, и кончились всѣ удовольствія. Хотя наступленіе великаго поста и звонъ колокола здѣсь не такъ внушительны, какъ въ Москвѣ, но церкви однако бываютъ переполнены. Я не на шутку оставилъ Петербургъ и переѣхалъ въ полкъ, чтобы коротать, какъ говорится, время съ товарищами.

Немного мнѣ пришлось отдыхать подъ сѣнью Царскосельской тишины, какъ ночью меня разбудилъ неожиданный гость, имѣвшій до меня экстренное дѣло. Этотъ гость былъ графъ Алексѣй Бобринскій, который былъ впослѣдствіи флигель-адъютантомъ, а затѣмъ министромъ путей сообщенія. Я былъ съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, посѣщая его очень часто въ его барской холостой квартирѣ на Михайловской площади. У него собирался постоянно цѣлый кружокъ весьма интеллигентныхъ молодыхъ людей; между прочимъ у него я свелъ знакомство съ графомъ Дмитріемъ Толстымъ, будущимъ нашимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ я остался навсегда въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Графъ Бобринскій пріѣхалъ ко мнѣ въ ночную пору, чтобы просить меня быть его секундантомъ въ предстоявшей ему дуэли съ княземъ А. При этомъ онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее.

Незадолго передъ тѣмъ пріѣхало въ Петербургъ одно почтенное семейство крупныхъ помѣщиковъ Я., состоявшее изъ матери и двухъ дочерей рѣдкой красоты. Разумѣется, что онѣ окружены были роемъ соперниковъ и соискателей благосклоннаго расположенія этихъ барышень (въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ и графъ Д. А. Толстой).

По наступленіи поста, дѣвицы Я. стали ходить въ церковь въ свой приходъ, а за ними, какъ водится, чтобы не упустить случая лишній разъ на нихъ посмотрѣть, стали ходить въ этотъ приходъ всѣ ихъ поклонники, между которыми находился одинъ молодой человѣкъ, пріятель графа Толстого, обладавшій даромъ, отлично рисуя карандашемъ, удивительно удачно схватывать сходство.

Въ одинъ прекрасный день, во время службы въ означенной церкви, по просьбѣ графа Толстого этотъ молодой человѣкъ нашелъ себѣ удобный уголокъ, откуда ему хорошо было видно одну изъ сестрицъ Я. Въ сопровожденіи графа Толстого, служившаго ему ширмами, онъ сталъ снимать съ красавицы портретъ, рисуя его карандашемъ на бумажкѣ въ своей шляпѣ и думая такимъ образомъ совершенно скрыть свою работу отъ чужихъ глазъ. Но оказалось, что онъ ошибся. Отъ зоркихъ глазъ одного, хотя тайнаго, но самаго злого соперника, ничто не ускользнуло. Этотъ соперникъ былъ князь А.; въ припадкѣ ревности онъ отправился въ домъ къ Я. и съ негодованіемъ предупредилъ родительницу-мать объ опасности, угрожающей ея дочерямъ отъ скандала, происшедшаго въ церкви, такъ какъ будто всѣ присутствующіе видѣли, какъ публично графъ Толстой снималъ съ ея дочерей портреты. Мать, разумѣется, страшно перепугалась. Съ того дня двери дома г-жи Я. оказались закрытыми для графа Толстого. Этотъ послѣдній скоро все узналъ и послалъ тотчасъ графа А. П. Бобринскаго, какъ своего секунданта, къ князю А., чтобы вызвать его на дуэль.

Дуэль эта не состоялась по довольно своеобразной причинѣ, а именно потому, что князь А. на вызовъ отвѣчалъ, что онъ графа Толстого не знаетъ, также какъ и графа Бобринскаго, и съ домомъ Я. онъ очень мало знакомъ, и что поэтому наотрѣзъ отказывается драться съ графомъ Толстымъ. При этомъ онъ нѣсколько разъ повторялъ, что онъ ничего не понимаетъ въ этой темной исторіи и что вовсе не обязанъ распутывать ее и изслѣдовать истинную причину отказа отъ дома графу Толстому госпожею Я. Послѣ такого уклончи-

ваго, но категорическаго отвѣта, графу Бобринскому оставалось только уѣхать, что̀ онъ и сдѣлалъ; но слухъ объ этомъ распространился, и пріятели князя ему растолковали, что онъ поступилъ недостойно званію офицера, отказавшись драться, такъ какъ теперь носятся упорные слухи, что онъ трусъ. Сперва онъ нехорошо вдумался въ послѣдствія своего поступка или не повѣрилъ своимъ пріятелямъ; но потомъ, когда слухи эти стали доходить до него все чаще и чаще, онъ рѣшился исправить сдѣланную имъ ошибку и сразу возстановить свою репутацію мужества какимъ-нибудь публичнымъ, наиболѣе громогласнымъ вызовомъ кого - нибудь, лишь бы этимъ надѣлать шума побольше. Такъ какъ графа Толстого онъ уже не могъ вызвать безъ явнаго противорѣчія, послѣ того что̀ онъ ему отказалъ стрѣляться, то, недолго думая, онъ рѣшился обрушиться на графа Бобринскаго, его секунданта, нанеся ему какое-нибудь публичное оскорбленіе.

Послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ поисковъ онъ встрѣтилъ графа Бобринскаго на какомъ-то концертѣ и послѣдовалъ за нимъ въ буфетъ, гдѣ при всѣхъ, возвысивъ голосъ, съ нахальностью спросилъ: какъ онъ смѣлъ говорить, что онъ, князь А., отказался стрѣляться съ графомъ Толстымъ? и продолжалъ затѣмъ кричать въ запальчивости что-то несвязное и непонятное. Бобринскій ему отвѣчалъ, что сказанное имъ есть фактъ неопровержимый и всѣмъ извѣстный и потому о немъ говорить нечего; поэтому онъ совѣтовалъ бы князю быть поскромнѣе, а такъ какъ онъ позволилъ себѣ такую неприличную выходку, то онъ, Бобринскій, требуетъ отъ князя удовлетворенія и пришлетъ ему на другой день своего секунданта. Засимъ Бобринскій взялъ ямскую тройку и пріѣхалъ ко мнѣ ни-свѣтъ-ни-заря просить меня быть его секундантомъ. Разумѣется, такой просьбѣ между порядочными людьми принято никогда не отказывать.

Мы простились. Бобринскій поѣхалъ на своей тройкѣ обратно въ Петербургъ, а я ему обѣщалъ съ первымъ поѣздомъ поѣхать къ князю А.

Я въ первый разъ въ жизни несъ такъ неожиданно отвѣтственную обязанность секунданта и, признаюсь, невольно задумался.

Очевидно, дѣло было серьезное. Графъ Бобринскій, какъ человѣкъ правый и къ тому же настойчивый, не пойдетъ ни на какіе компромисы, если князь формально передъ нимъ не извинится; а какъ этого добиться отъ бѣснующагося человѣка? Съ другой стороны, если этотъ поединокъ состоится, то ихъ неминуемо будетъ не одинъ, а два: потому что князю, если онъ останется живъ, не будетъ никакой воз-

можности отказать въ удовлетвореніи графу Толстому, который первый его вызвалъ; да если бъ князь и отказалъ еще разъ графу Толстому, то онъ бы тогда сумѣлъ его къ этому понудить.

Я выѣхалъ въ Петербургъ очень озабоченный исходомъ этого дѣла, но съ твердымъ намѣреніемъ исполнить свою обязанность не съ формальной только стороны, то-есть не ограничиться только установленіемъ условій поединка и счетомъ числа шаговъ между противниками, а важнѣйшею обязанностью секунданта: предварительно, чѣмъ допустить поединокъ, исчерпать всѣ возможныя и дозволенныя средства, чтобы не допустить его. Вотъ почему, по моему мнѣнію, на секундантѣ и лежитъ такая отвѣтственная обязанность.

Дорогой я сообразилъ весь свой планъ дѣйствій. Я рѣшилъ съ самаго начала моего свиданія не становиться тотчасъ на офиціальную ногу секунданта, присланнаго для вызова, а пользуясь своимъ съ юныхъ лѣтъ знакомствомъ съ княземъ А., поговорить сначала объ этой исторіи совершенно частно, что мнѣ дастъ возможность во всей наготѣ представить ему всю нелѣпость его образа дѣйствій..

*

Тутъ обрываются воспоминанія князя А. В. Мещерскаго. Онъ писалъ послѣднюю эту главу осенью 1900 года въ сельскомъ уединеніи и намѣревался продолжать. Преклонный возрастъ не препятствовалъ ему живо и послѣдовательно излагать свою автобіографію. То, что напечатано въ I-й книжкѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года, было намъ передано имъ лично. За сообщеніе послѣдней, нынѣ издаваемой главы, обязаны мы благодарностью вдовѣ его, княгинѣ Екатеринѣ Прокофьевнѣ (урожденной Бороцкой). Читатели оцѣнили высокую занимательность воспоминаній князя А. В. Мещерскаго (род. 14 Апрѣля 1822, скончался 22 Декабря 1900 года), конечно, пожалѣютъ о томъ, что они не продолжаются, и пожелаютъ узнать дальнѣйшую судьбу этого достопамятнаго человѣка.

Въ 1845 году князь А. В. Мещерскій вызвался охотникомъ отъ лейбъгвардіи гусарскаго полка на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ знаменитой Даргинской экспедиціи и раненымъ вернулся въ Москву. Здѣсь, въ 1846 г. поступилъ онъ адъютантомъ къ тогдашнему Московскому генералъ-губернатору князю Щербатову.

Въ 1850 году, по настоянію докторовъ, вслѣдствіе слабости легкихъ. онъ долженъ былъ выйти въ отставку и лѣчился три года, живя за границей; къ этому времени относится его путешествіе въ Испанію, имъ описанное въ особой книгѣ съ альбомомъ.

Вернувшись въ Россію, князь Александръ Васильевичъ поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ Иностранныхъ

Дѣлъ. Къ этому періоду его жизни относится женитьба его на дочери графа Сергія Григорьевича Строганова.

Въ 1854 году, онъ снова возвращается на военную службу, чтобы отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ производитъ размѣнъ военноплѣнныхъ и раздача пособій раненымъ Севастопольскимъ героямъ, по порученію государыни императрицы Маріи Александровны. Здѣсь онъ за усердіе награждается монаршею милостью, бриллiантовымъ перстнемъ отъ императрицы. Размѣнъ плѣнныхъ описанъ имъ въ отдѣльной статьѣ, появившейся въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года.

За тѣмъ князь А. В. вышелъ въ отставку и былъ избранъ въ Верейскіе уѣздные предводители по Московской губерніи, на каковой должности прослужилъ 6 лѣтъ. Въ 1862 году онъ вводилъ уставныя грамоты и въ 1865 г. былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей. Далѣе его избрали Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и въ этой должности онъ тоже прослужилъ 6 лѣтъ.

Дѣятельность покойнаго князя въ должности губернскаго предводителя Московскаго дворянства, продолжавшаяся до Января 1875 года, отмѣчена устройствомъ, по его вчинанію, Петровско-Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта и рѣшеніемъ многихъ важныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, о значеніи дворянства въ ряду другихъ сословій, о заповѣдныхъ имѣніяхъ, о религіозно нравственномъ образованіи народа и т. д. По одному изъ этихъ вопросовъ онъ позже издалъ: *Историческій очеркъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ.* (М. 1894 г., 20 стр.). Такая дѣятельность покойнаго вызвала слѣдующую оцѣнку изъ-подъ пера И. С. Аксакова: „Князь А. В. Мещерскій ревностно работалъ въ пользу того направленія, которое называется *аристократическимъ* и которое выражается въ стремленіи поднять значеніе дворянства и даже обособить его въ смыслѣ политическомъ, придавъ ему нѣкоторыя привилегіи“ (*Русскій Архивъ* 1895 г., кн. 12, стр. 477).

Но эта же предводительская служба прошла не безъ препятствій. Еще въ 1872 году явились нѣкоторыя несогласія покойнаго съ прочими предводителями дворянства; однако князь А. В. Мещерскій одержалъ полную побѣду. По словамъ С. М. Сухотина, государь Александръ II, изволилъ тогда сказать тестю князя, графу С. Г. Строганову: „Я знаю, что у вашего зятя были непріятности съ дворянствомъ, но въ этомъ дѣлѣ онъ поступалъ отлично“. (*Русскій Архивъ* 1894 г., кн. 9, стр. 57).

Послѣ обсужденія вопроса о работѣ дворянства по народному образованію, въ 1874 году, когда покойному пришлось выдержать борьбу съ мнѣніемъ Ю. Ѳ. Самарина и другихъ (см. *Журналы Московскаго губернскаго училищнаго совѣта за 1874 годъ*, Спб. 1890 г., 105 стр.), князь А. В. Мещерскій покинулъ мѣсто Московскаго предводителя дворянства.

Съ 18 Декабря 1890 года, назначенный почетнымъ опекуномъ, князь А. В. Мещерскій принялъ на себя обязанности члена Совѣта по учебной части въ Московскомъ училищѣ ордена Св. Екатерины и въ Александров-

скомъ Институтѣ. Эту должность покойный князь сохранялъ за собою до Декабря 1896 года.

Кромѣ того онъ принималъ дѣятельное участіе въ Московской политехнической выставкѣ 1872 года и въ комиссіи по всеобщей воинской повинности.

Въ 1875 г. онъ пожалованъ въ шталмейстеры двора его императорскаго величества и въ этомъ званіи сопровождалъ дважды карету государынь-императрицъ въ церемоніальномъ шествіи священнаго коронованія.

Его хотѣли снова избрать Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; но, чувствуя свое здоровье разстроеннымъ, онъ отказался съ благодарностью за довѣріе и удалился въ деревню Полтавской губерніи. Тамъ, въ 1883 году, онъ былъ избранъ Полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Совѣта попечительства Полтавской Маріинской женской гимназіи. Прослуживъ въ этой должности три года, онъ опять былъ выбранъ на второе трехлѣтіе съ 1886 по 1889 г.

Будучи предводителемъ дворянства Полтавской губерніи, князь А. В. Мещерскій поднялъ вопросъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ.

Князь имѣлъ высшіе знаки отличія и послѣднимъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго при покойномъ государѣ Александрѣ Александровичѣ.

Въ концѣ жизни онъ проводилъ бо́льшую часть года въ прекрасномъ своемъ имѣніи Веселомъ-Подолѣ Полтавской губ., Хорольскаго уѣзда, въ средѣ своей семьи, окруженный на закатѣ дней своихъ заботами и любовью, какія рѣдко кому выпадаютъ на долю.

*

Приводимъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1901 г. (№ 10) слѣдующія строки о почившемъ князѣ.

„Многіе ли изъ молодыхъ дворянъ знаютъ это имя и знаютъ то, чѣмъ они обязаны этому большому Русскому барину и большому Русскому дворянину? Да почти никто не знаетъ! А вѣдь этотъ человѣкъ пожертвовалъ почти полвѣка жизни на страстное ратованіе за дворянскую идею, за дворянъ и за ихъ нужды, какъ духовныя, такъ и матеріальныя!

Почти полвѣка тому назадъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, молодымъ, красивымъ, знатнымъ и богатымъ, онъ покинулъ военную службу и былъ выбранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Сразу онъ очутился лицомъ къ лицу съ готовившимся освобожденіемъ крестьянъ, подворянски вынесъ этотъ огромный трудъ на своихъ плечахъ, утѣшая однихъ, помогая другимъ, объясняя третьимъ и служа примѣромъ своему дворянству. Съ окончаніемъ этого великаго дѣла, видя начинающуюся путаницу дворянскихъ состояній и наклонную плоскость, по которой они катились внизъ, сначала безъ помощи, потомъ съ помощью частныхъ земельныхъ банковъ, и находя, что наши порядки укрѣпленія и перехода земельной собственности непосредственно связаны съ легкостью и обезпеченностью кредита, онъ всѣ свои силы употребилъ на изученіе этого вопроса въ Европѣ. Убѣдясь въ превосходствѣ ипотечной системы, превосходствѣ, признанномъ давнымъ-давно во всемъ мірѣ, князь А. В. Мещерскій составилъ на этотъ предметъ руководство съ дан-

ными и доказательствами, представилъ его куда слѣдовало, защищалъ и доказывалъ, но не одолѣлъ нашего непобѣдимаго чиновника, и дѣло заглохло. Такъ оно и лежитъ 30 лѣтъ до сихъ поръ!

Настали конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ, знаменитое двадцатилѣтіе нашего духовно-смутнаго времени. Появились дѣти бросающія родителей, родители боящіеся своихъ дѣтей, ученики изгоняющіе своихъ учителей, учителя отрекающіеся отъ самихъ себя, разрушающіеся идеалы, авторитеты втаптываемые въ грязь, полная анархія мысли, воли, знанія, религіи и семьи. Вставалъ призракъ растущаго, среди этихъ развалинъ, молодого поколѣнія!

Князь Александръ Васильевичъ, бывшій тогда уже Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, понялъ весь ужасъ будущаго, благодаря своему воспитанію въ строго-патріархальной, высоко-честной дворянской семьѣ, и видя своихъ дворянъ, мятущихся съ своими дѣтьми, не зная куда ихъ опредѣлить, чтобы хоть отчасти сберечь ихъ отъ новыхъ антивоспитательныхъ вѣяній, выработалъ типъ такого пріюта, *именно пріюта*, куда бы родители могли смѣло привозить своихъ дѣтей, зная, что ихъ тамъ не развратятъ, что они будутъ жить въ своей средѣ, что преданія и завѣты будутъ общія и контроль свой же, дворянскій, въ рукахъ предводителей губернскаго и уѣздныхъ. Среди гама, хохота, яраго противодѣйствія, насмѣшекъ, всего потока тогдашней общественной жизни, князь смѣло взялъ въ руки „стягъ Русскаго дворянства" и, высоко его держа надъ толпой, пошелъ впередъ къ достиженію своей цѣли.

Къ счастью, для созданія подобнаго заведенія надо было разрѣшеніе лишь лично государево, а средства могли быть собраны безъ чиновничества. Онъ собралъ въ своей семьѣ и среди своихъ друзей слишкомъ 100,000 р., создалъ дворянскій пансіонъ-пріютъ и 30 лѣтъ его защищалъ грудью противъ безчисленныхъ нападеній противнаго лагеря.

Наконецъ, люди прозрѣли, и изъ этого перваго родоначальника „пріюта" Русскаго дворянства вышли его дѣти: губернскіе и областные пріюты, и все это зданіе въ прошломъ году, наконецъ, увѣнчалось и освятилось пожертвованіемъ нашимъ Государемъ на расширеніе Московскаго дворянскаго Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта полумилліона рублей! Тутъ побѣда оказалась полная, но послѣ тридцати лѣтъ борьбы и цѣлаго моря всяческой клеветы.

Было утѣшеніе великое въ мысли о той нынѣ спасенной, молодежи, которая, охраненная пансіономъ, осталась вѣрна царю и Россіи. А знаетъ ли это Русское дворянство?

Пока князь всецѣло былъ занятъ этимъ своимъ созданіемъ, экономическое состояніе дворянства такъ быстро клонилось къ упадку, что сталъ являться все чаще вопросъ: нужно ли дворянское землевладѣніе и не проще ли просто ему дать зачахнуть и заглохнуть въ сорной травѣ разночинцевъ?

Опять князь былъ одинъ, и опять одинъ лично къ Государю, тогда уже Александру III, онъ понесъ свой проектъ дворянскаго банка. Чутка

была душа Александра Мудраго къ нуждѣ народной, онъ сразу понялъ правду, значеніе и справедливость предложенія князя и своею мощною властью—*велѣлъ!* Дворянскій Банкъ былъ созданъ, было создано средство, которымъ дворянство могло быть спасено. Знаютъ ли это тѣ 25 тысячъ дворянскихъ семей-заемщиковъ дворянскаго банка?! Изъ всего обширнаго Русскаго дворянства 56 губерній, сколько намъ извѣстно, одно только Ѳеодосійское дворянство поднесло ему адресъ и благодарность. Честь ему и слава!

Къ сожалѣнію, зло было слишкомъ глубоко, язва слишкомъ укоренилась, и дворянскаго банка было мало. Дворянскія земли крошились и разсыпались. Надо было еще что-то, и опять князь принялся за дѣло. Почти десять лѣтъ онъ собиралъ всевозможныя данныя, переговаривался со своими товарищами (онъ былъ тогда Полтавскимъ губернскимъ предводителемъ), защищалъ и доказывалъ свою идею, и, наконецъ, созрѣвшую и поддержанную 15-ю губерніями, онъ понесъ ее опять къ своему царю, царю нашему, незабвенному Александру Александровичу. То было дѣло созданія дворянскихъ заповѣдныхъ имѣній.

Опять поднялась борьба, опять всяческія козни; но побѣда была бы вѣрная и блестящая, если бы Государь не подвергался уже тогда тому недугу, который его, великаго, сразилъ. Силы были уже не тѣ, и дѣло упало въ чиновническія руки, которыя его искалѣчили и выпустили на свѣтъ въ томъ изуродованномъ видѣ, въ которомъ оно узаконилось. *Никто князя даже не пригласилъ въ комиссію, разбиравшую его же дѣло*, и, наконецъ, это дѣло его сломило, и онъ, такъ сказать, вышелъ изъ жизни.

Мы его знали близко, тридцать лѣтъ, шагъ за шагомъ, знали и слѣдили страстно за его дѣятельностью, видѣли безчисленные случаи обращенія къ нему за всяческою помощью, и никогда не видѣли, чтобы онъ не только отказалъ, но и не принялъ бы всею душой и всѣмъ сердцемъ чужого горя въ свои руки.

Эта долгая, славная дворянская жизнь, протекшая въ борьбѣ за одну идею, съ вѣрою въ Бога и Царя и свою правоту, кончилась забытою и печальною, и не дай Богъ, чтобы Русское дворянство этой жизни не знало!"

Память о князѣ Александрѣ Васильевичѣ Мещерскомъ останется навсегда дорога „Русскому Архиву". П. Б.

КЪ БІОГРАФІИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

На страницахъ „Русскаго Архива" мы уже имѣли не разъ случай отмѣтить вновь выходящія изданія Военно-историческаго отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа, и указать на содержащійся въ нихъ матеріалъ, имѣющій не одинъ спеціальный военно-историческій интересъ. Со времени назначенія начальникомъ отдѣла извѣстнаго историка Кавказской войны, генерала В. А. Потто, дѣятельность отдѣла еще болѣе оживилась, и онъ подарилъ насъ нѣсколькими изданіями, представляющими обще-историческое значеніе. Такъ, въ прошломъ году, вышла прекрасно изданная книга: „Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Къ столѣтію занятія Тифлиса Русскими войсками, 26 Ноября 1799 г." Тифлисъ 1899, 4°, 332+XIV стр. Въ составленіи книги, подъ общею редакціей г. Потто, принимали участіе, между прочимъ, и извѣстные знатоки Кавказа, гг. Вейденбаумъ и Фелицынъ. Къ книгѣ, обильно иллюстрированной фототипіями, приложены три карты, изъ которыхъ особенное значеніе имѣютъ двѣ карты, составленныя Е. Д. Фелицынымъ; онѣ даютъ богатый матеріалъ для исторіи Русской колонизаціи Сѣвернаго Кавказа. Юбилейное изданіе г. Потто, несомнѣнно, имѣетъ полное право на большое распространеніе внѣ спеціальныхъ сферъ, какъ вѣрное и неискаженное, хотя и краткое, изложеніе событій, приведшихъ къ водворенію Русскаго владычества на Кавказѣ.

Теперь передъ нами лежитъ новое, также роскошное, изданіе Военно-историческаго отдѣла: это „Тенгинскій полкъ на Кавказѣ, 1819—1846. Правый флангъ. Персія. Черноморская береговая линія. Юбилейный выпускъ. Составилъ поручикъ Раковичъ. Подъ редакціею генералъ-маіора Потто". Тифлисъ, 1900, 4°, X+395+80 стр. Книга украшена превосходными портретами Е. И. В. Великаго Князя Алексѣя Александровича (шефа полка), А. П. Ермолова, императора Николая I, графа Паскевича-Эриванскаго, нѣсколькими рисунками и картами. Вообще внѣшность ея вполнѣ соотвѣтствуетъ юбилейному поводу ея появленія: 25 Іюня 1900 г. исполнилось двѣсти лѣтъ жизни 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича полка. Боевая жизнь полка въ періодъ 1819—1846 изложена весьма интересно, часто на основаніи архивныхъ документовъ.

Оставляя въ сторонѣ спеціальную часть этого изданія, мы остановимся на тѣхъ данныхъ, которыя оно представляетъ для біографіи М. Ю. Лермонтова

(„Тенгинскій полкъ съ гордостью считаетъ его въ своихъ рядахъ“) и которыя извлечены изъ архивовъ. Думаемъ, что, въ виду спеціальнаго характера книги, едва ли могущей получить широкое распространіе, извлеченія наши въ обще-историческомъ изданіи не будутъ излишни.

Пребыванію Лермонтова въ Тенгинскомъ полку посвящены стр. 236—253 текста и стр. 27—35 приложеній. На этихъ страницахъ, помимо уже извѣстныхъ данныхъ для біографіи поэта, приводится нѣсколько новыхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ.

Какъ извѣстно, Лермонтовъ былъ переведенъ въ Тенгинскій полкъ въ 1840 г., за дуэль съ Барантомъ. 8-го Іюня 1840 онъ пріѣхалъ въ Ставрополь, главную квартиру командовавшаго Кавказскою линіей. Здѣсь онъ встрѣтился со многими Петербургскими знакомыми, преимущественно гвардейскими офицерами, пріѣхавшими сюда для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и, въ ожиданіи послѣднихъ, весело проводившими время. При отрядномъ штабѣ въ то время числились Уланскаго полка штабъ-ротмистръ Шейнъ и поручикъ баронъ Фридериксъ, лейбъ-гв. Гусарскаго полка кн. Долгоруковъ 2-й, кавалергардъ графъ Ламбертъ и др. Въ то время для дѣйствій противъ Шамиля былъ сформированъ въ крѣпости Грозной отрядъ, подъ начальствомъ генерала Галафѣева.

Къ этому отряду и былъ прикомандированъ М. Ю. Лермонтовъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ гвардейскихъ офицеровъ. 6-го Іюля отрядъ выступилъ изъ Грозной по направленію къ аулу Большой Чечень, и 10 числа прибылъ въ Гехи, а съ разсвѣтомъ 11 числа продолжалъ движеніе и вступилъ въ Гехинскій лѣсъ, вытянувшись узкой колонной по лѣсной дорогѣ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой. Авангардъ бросился въ штыки и прогналъ непріятеля. На первой же встрѣчной полянѣ генералъ Галафѣевъ перестроилъ отрядъ въ боевой порядокъ и безостановочно продолжалъ движеніе. Далѣе дѣло излагается на основаніи „черноваго журнала военныхъ дѣйствій отряда генерала Галафѣева за 1840“, и при томъ говорится: „Есть основаніе полагать, что этотъ бой изложенъ самимъ Лермонтовымъ; по крайней мѣрѣ почеркъ, какимъ составленъ черновикъ, напоминаетъ почеркъ поэта. Наконецъ, самый слогъ, не смотря на нѣкоторыя шероховатости, отличается крайнею образностью и силою, чего нельзя сказать о другихъ современныхъ реляціяхъ, составленныхъ крайне витіевато. Дѣло это нынѣ хранится въ Военно-историческомъ отдѣлѣ при штабѣ Кавказскаго военн. округа“.

„Впереди, читаемъ въ этомъ журналѣ, виднѣлся лѣсъ, двумя клиньями исходившій съ обѣихъ сторонъ дороги. Рѣчка Валерикъ, протекая по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ берегахъ, пересѣкала дорогу въ перпендикулярномъ направленіи, дѣлая входящій уголокъ къ сторонѣ Ачхоя. Правый берегъ былъ болѣе открытъ; по лѣвому же тянулся лѣсъ, который былъ около дороги прорубленъ на небольшой ружейный выстрѣлъ, такъ что вся эта мѣстность представляла нѣчто въ видѣ бастіоннаго фронта, съ глу-

бокимъ водянымъ рвомъ. Подойдя къ этому мѣсту на картечный выстрѣлъ, артиллерія открыла огонь. Ни одного выстрѣла не сдѣлано съ непріятельской стороны, ни малѣйшаго движенія не было видно. Мѣстность казалась совершенно ровной; не было видно и малѣйшаго слѣда оврага и, казалось, что дорога пересѣкалась. Уже было сдѣлано распоряженіе двинуть въ каждую сторону по одному баталіону, съ тѣмъ, чтобы, по занятіи лѣса, люди остановились тамъ, пока не подтянется весь обозъ. Дабы обезпечить пѣхотѣ занятіе лѣса, весь отрядъ продвинулся еще впередъ; артиллерія подошла уже на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Цѣпь, выдвинутая впередъ, находилась отъ лѣса на половину пистолетнаго выстрѣла. Но съ непріятельской стороны сохранено тоже молчаніе. Едва орудія стали сниматься съ передковъ, какъ Чеченцы со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь противъ пѣхоты и артиллеріи. Въ одно мгновеніе войска двинулись впередъ съ обѣихъ сторонъ дороги. Храбрый и распорядительный командиръ Куринскаго полка, полковникъ Фрейтагъ, самъ впереди, велъ на кровавый бой своихъ Куринцевъ; съ быстротою обскакалъ онъ ряды ихъ, вездѣ слышенъ былъ ободряющій голосъ его и, въ виду цѣлаго отряда, онъ съ неимовѣрнымъ хладнокровіемъ распоряжался атакою. Добѣжавъ до лѣса, войска неожиданно были остановлены отвѣснымъ берегомъ р. Валерика и срубами изъ бревенъ, за трое сутокъ впередъ приготовленными непріятелемъ, откуда онъ производилъ смертоносный ружейный огонь“ и т. д. (стр. 242—243).

Объ этомъ боѣ генералъ Галафѣевъ доносилъ:

„Успѣху сего дѣла я обязанъ распорядительности и мужеству полковыхъ командировъ, офицерамъ генеральнаго штаба, а также Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручику Лермонтову, съ коими они переносили всѣ мои приказанія войскамъ въ самомъ пылу сраженія, въ лѣсистомъ мѣстѣ, а потому заслуживаютъ особеннаго вниманія; ибо каждый кустъ, каждое дерево грозило всякому внезапною смертью“. Начальникъ отряда въ донесеніи своемъ къ генералъ-адъютанту Граббе, отъ 8 Октября 1840 г., такъ отзывался объ участіи Лермонтова въ кровавомъ боѣ подъ Валерикомъ:

„Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ по рѣкѣ Валерикъ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что̀ было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу, за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отмѣннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы“. За дѣло подъ Валерикомъ ген. Галафѣевъ представилъ поэта къ Владиміру 4-й степени съ бантомъ; но корпусный командиръ замѣнилъ эту награду Станиславомъ 3-й степени, въ виду того, что „поручикъ орденовъ не имѣетъ“.

Послѣ сраженія подъ Валерикомъ отрядъ Галафѣева вернулся въ Грозную; но уже 17 Іюля снова выступилъ къ Міатлинской переправѣ, по р. Сулаку,

а потомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда войска направились къ Герзель-аулу, для окончанія постройки этого укрѣпленія. Въ это-то время поэтъ могъ ознакомиться съ суровою природой Дагестана, воспѣтаго имъ. Во время работъ были предпринимаемы поиски по разнымъ направленіямъ, между Внезапною, Умаханъ-юртомъ и Герзель-ауломъ, противъ незначительныхъ Чеченскихъ партій, намѣревавшихся прорваться на Сунжу чрезъ Кумыкскую плоскость.

Окончивъ постройку укрѣпленія, ген. Галафѣевъ перешелъ въ Грозную, откуда 26 Сентября выступилъ съ отрядомъ черезъ Ханкальское ущелье къ Аргуну, для наказанія наибовъ Шамилевыхъ, Шуаибъ-муллы и Ахверды-Магомы, за разграбленіе Модока. Истребивъ значительные запасы сѣна и овладѣвъ аулами Белгатой, Шали и Герменчугомъ, войска здѣсь занялись устройствомъ вагенбурга. 4-го Октября къ Шали прибылъ съ большою партіею самъ Шамиль. Галафѣевъ атаковалъ аулъ и взялъ его съ бою. При обратномъ слѣдованіи къ вагенбургу нашимъ войскамъ пришлось сдерживать бѣшеныя атаки Чеченцевъ; до 15 Октября отрядъ былъ занятъ уничтоженіемъ непріятельскихъ ауловъ и затѣмъ вернулся обратно въ Грозную.

Лермонтовъ во весь походъ состоялъ въ прикомандированіи къ кавалеріи отряда и 10 Октября принялъ отъ юнкера Дорохова начальство надъ охотниками, выбранными въ числѣ 40 человѣкъ изъ всей кавалеріи. Профессоръ Висковатый (Рус. Стар., 1884 г.) говоритъ, что въ сраженіи на Валерикѣ, 11 Іюля, Лермонтовъ командовалъ Дороховскими охотниками, что невѣрно: команду онъ принялъ только 10 Октября, когда Дороховъ былъ раненъ; подъ Валерикомъ же, какъ свидѣтельствуютъ журналъ военныхъ дѣйствій и донесеніе ген. Галафѣева, онъ только передавалъ приказанія начальства, былъ какъ бы ординарцемъ. Принятая имъ подъ начальство команда головорѣзовъ, именовавшаяся „Лермонтовскимъ отрядомъ", рыская впереди главной колонны войскъ, открывала присутствіе непріятеля, какъ снѣгъ на голову сваливалась на аулы Чеченцевъ и, дѣйствуя исключительно холоднымъ оружіемъ, не давала никому пощады. Лихо заломивъ бѣлую холщевую фуражку, въ вѣчно разстегнутомъ и безъ погонъ сюртукѣ, изъ-подъ котораго выглядывала красная канаусовая рубаха, Лермонтовъ на бѣломъ конѣ не разъ бросался въ атаку на завалы. Минуты отдыха онъ проводилъ среди своихъ головорѣзовъ и ѣлъ съ ними изъ одного котла, отвергалъ излишнюю роскошь, служа этимъ для своихъ подчиненныхъ лучшимъ примѣромъ воздержанія. Современникъ говоритъ, что Лермонтовъ въ походѣ не обращалъ вниманія на существовавшую тогда форму, отпустилъ баки и бороду и носилъ длинные волосы, не зачесывая ихъ на вискахъ. Начальникъ отряда былъ весьма доволенъ дѣйствіями партизанской команды, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ доносилъ высшему начальству о неудержимой удали поэта: „Въ дѣлахъ 29 Сентября и 3 Октября онъ обратилъ на себя особенное вниманіе мое расторопностью, вѣрностью взгляда и пылкимъ мужествомъ, почему 10 Октября, когда раненый юнкеръ Дороховъ былъ вынесенъ изъ фронта, я поручилъ его началь-

ству команду, изъ охотниковъ состоявшую. Невозможно было сдѣлать выбора удачнѣе; всюду поручикъ Лермонтовъ первый подвергался выстрѣламъ хищниковъ и во главѣ отряда оказывалъ самоотверженіе выше всякой похвалы". Приведя нѣсколько примѣровъ его удачныхъ дѣйствій, начальникъ отряда испрашивалъ, въ видѣ награды Лермонтову, переводъ его въ гвардію тѣмъ же чиномъ и со старшинствомъ.

Между тѣмъ успѣхи Шамиля въ Чечнѣ вынудили командующаго войсками на линіи и въ Черноморіи генерала Граббе самому прибыть въ концѣ Октября въ Грозную и съ 27 Октября по конецъ Ноября совершить нѣсколько экспедицій въ Чечню. „Во всю экспедицію въ Малой Чечнѣ, съ 27 Окт. по 6 Ноября, доносилъ начальникъ кавалеріи князь Голицынъ, поручикъ Лермонтовъ командовалъ охотниками, выбранными изъ всей кавалеріи, и командовалъ отлично во всѣхъ отношеніяхъ; всегда первый на конѣ и послѣдній на отдыхѣ, этотъ храбрый и расторопный офицеръ неоднократно заслуживалъ одобреніе высшаго начальства". Приведя нѣсколько случаевъ отличія Лермонтова, князь Голицынъ говоритъ: „Отличная служба поручика Лермонтова и распорядительность во всѣхъ случаяхъ достойны особеннаго вниманія и доставили ему честь быть принятымъ господиномъ командующимъ войсками въ число офицеровъ, при его превосходительствѣ находившихся, во все время второй экспедиціи, въ Большой Чечнѣ, съ 9 по 20 число Ноября". За означенную экспедицію князь Голицынъ представилъ поэта къ наградѣ золотою саблею съ надписью „за храбрость".

По окончаніи военныхъ дѣйствій въ этомъ году, Лермонтовъ нѣкоторое время провелъ въ Пятигорскѣ, откуда отправился къ мѣсту своего служенія, въ станицу Ивановскую. Еще задолго до прибытія въ полкъ, какъ только тамъ полученъ былъ приказъ о переводѣ Лермонтова, полковникъ Данзасъ, другъ и секундантъ Пушкина, переведенный изъ-за какой-то ссоры съ начальникомъ въ 1839 году въ Тенгинскій полкъ, выхлопоталъ ему назначеніе въ одну изъ ротъ своего баталіона. Тогда же онъ былъ зачисленъ въ 12-ю мушкатерскую роту, но только 31 Декабря 1840 г., приказомъ по полку за № 365, былъ зачисленъ налицо. О пребываніи Лермонтова въ Тенгинскомъ полку имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Наравнѣ со всѣми офицерами, онъ дежурилъ при штабъ-квартирѣ полка, производилъ дознанія, о чемъ свидѣтельствуетъ его собственноручный рапортъ, которымъ онъ доноситъ, что „порученное ему слѣдственное дѣло, окончивъ, представляетъ". Среди Тенгинцевъ въ ходу было его юмористическое стихотвореніе, написанное въ защиту офицеровъ, на которыхъ жаловалось станичное правленіе за то, что „они ходятъ другъ къ другу въ гости, въ обходъ грязи, перелѣзаютъ черезъ плетни огородовъ". На сослуживцевъ поэтъ, повидимому, произвелъ непріятное впечатлѣніе. Но въ полку онъ числился всего двѣ недѣли и 14 Января 1841 г. уѣхалъ въ С.-Петербургъ въ отпускъ. 9 Мая онъ снова былъ въ Ставрополѣ. По личной просьбѣ его снова прикомандировали къ штабу войскъ, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи. 13 Іюня 1841 г., онъ

доносилъ командиру Тенгинскаго полка, полковнику и кавалеру Хлюпину изъ Пятигорска: „Отправляясь въ отрядъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи г. генералъ-адъютанта Граббе, заболѣлъ я на дорогѣ лихорадкой и, бывъ освидѣтельствованъ въ гор. Пятигорскѣ докторами, получилъ отъ Пятигорскаго коменданта, г. полковника Ильяшенкова, позволеніе остаться здѣсь впредъ до излѣченія“. 15 Іюня ему выдано слѣд. свидѣтельство: „Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ, Юрьевъ сынъ, Лермонтовъ одержимъ золотухою и цынготнымъ худосочіемъ, сопровождаемымъ припухлостью и болью десенъ, также изъязвленіемъ языка, ломотою ногъ, отъ какихъ болѣзней г. Лермонтовъ, приступивъ къ лѣченію минеральными водами, принялъ болѣе 20 горячихъ, сѣрныхъ ваннъ; но для облегченія страданій необходимо поручику Лермонтову продолжать пользованіе минеральными водами въ теченіе цѣлаго лѣта 1841 года; остановленное употребленіе водъ и слѣдованіе въ путь можетъ повлечь самыя пагубныя послѣдствія для его здоровья. Въ удостовѣреніе чего подписомъ и приложеніемъ герба моей печати свидѣтельствую Пятигорскаго военнаго госпиталя ординаторъ, лѣкарь, титулярный совѣтникъ Барклай-де-Толли“.

Начальникъ штаба разрѣшилъ поэту пользоваться все лѣто въ Пятигорскѣ, гдѣ онъ и нашелъ преждевременную смерть.

Черезъ двѣ недѣли послѣ его кончины, 30 Іюля, получено было увѣдомленіе, что Государь Императоръ не согласился на награжденіе Лермонтова орденомъ св. Станислава 3-й ст. за отличіе, оказанное имъ въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1840 г. При этомъ его величество замѣтилъ, что офицеръ этотъ при своемъ полку не находился, но былъ употребленъ въ экспедиціи съ особо порученною ему казачьею командою, поэтому повелѣть соизволилъ, чтобы поручикъ Лермонтовъ непремѣнно состоялъ налицо во фронтѣ, и чтобы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ службы въ своемъ полку. Смерть избавила поэта отъ печали узнать эту суровую резолюцію, сулившую ему мало отраднаго впереди и показавшую степень нерасположенія къ нему Николая I.

Въ „приложеніи“ напечатанъ „формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова“. Отмѣтимъ, что ему показано 26 лѣтъ, изъ дворянъ Тульской губерніи, „за нимъ состоитъ Тверской губерніи 150 и за бабкою въ Пензенской губерніи 500 душъ крестьянъ“, „Россійской, Французской, Нѣмецкой грамотѣ читать и писать умѣетъ; математику, тригонометрію, алгебру, исторію, географію, фортификацію, ситуацію, военное судопроизводство и законъ Божій знаетъ“, „приказомъ по отдѣльному гвардейскому корпусу, отъ 11 Марта 1840 г., за № 38, преданъ военному суду за произведенную имъ, по собственному сознанію, дуэль и за недонесеніе о томъ тотчасъ своему начальству. Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ 13 день Апрѣля 1840 г., переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ“.

Далѣе въ приложеніяхъ къ книгѣ напечатаны заимствованные изъ архива „наградные списки поручику Лермонтову“ генер. Галафѣева и кн. Голицына, рапортъ Лермонтова изъ Пятигорска и медиц. свидѣтельство, которые приведены нами выше, и, наконецъ, рапортъ Пятигорскаго коменданта, полковника Ильяшенкова командующему войсками по Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-адъютанту Граббе, за № 1260, отъ 10 Октября 1841 г., слѣд. содержанія. „По суду, произведенному въ комиссіи, учрежденной въ г. Пятигорскѣ надъ подсудимыми: уволеннымъ отъ службы изъ Гребенскаго казачьяго полка маіоромъ Мартыновымъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетомъ Глѣбовымъ и служащимъ въ собственной его императорскаго величества канцеляріи титул. совѣтникомъ княземъ Васильчиковымъ, открылось. Сего года, Іюля 15-го числа, подсудимые эти и съ ними Тенгинскаго пѣх. полка поручикъ Лермонтовъ, по полудни въ 6 съ половиною часовъ, изъ квартиръ своихъ отправились по дорогѣ, ведущей въ Николаевскую колонію, и, отъѣхавъ отъ города не болѣе 4-хъ верстъ, остановились при подошвѣ горы Машука, между растущаго кустарника, на полянѣ, гдѣ, привязавъ за деревья своихъ лошадей (Мартыновъ, Лермонтовъ и Васильчиковъ верховыхъ, а Глѣбовъ запряженную въ бѣговыхъ дрожкахъ), и изъ нихъ корнетъ Глѣбовъ и князь Васильчиковъ размѣрили вдоль по дорогѣ барьеръ, разстояніемъ на 15 шаговъ, поставивъ на концахъ онаго свои фуражки, и отмѣрили еще отъ оныхъ въ обѣ стороны по 10 шаговъ; потомъ, зарядивъ пару пистолетовъ, отдали ссорившимся, маіору Мартынову и поручику Лермонтову. Сіи, пришедъ на назначенныя мѣста, остановились и потомъ, по сдѣланному знаку корнетомъ Глѣбовымъ приблизясь къ барьеру, маіоръ Мартыновъ выстрѣломъ своимъ ранилъ поручика Лермонт(ов)а, который въ тоже время отъ этой раны и померъ, не успѣвъ даже произвести и выстрѣла по Мартыновѣ. Ссора у маіора Мартынова съ поручикомъ Лермонтовымъ, какъ изъ дѣла видно, произошла послѣдній разъ 13-го числа того мѣсяца, по выходѣ изъ дома генералъ-маіорши Верзилиной, которую хотя въ ономъ никто изъ бывшихъ въ то время у ней гостей и не замѣтилъ, но это подтверждается собственнымъ сознаніемъ Мартынова и объясненіями князя Васильчикова и корнета Глѣбова; ибо Мартыновъ имъ неоднократно говорилъ, что поручикъ Лермонт(ов)ъ дѣлалъ и напредъ сего безпрерывныя надъ нимъ насмѣшки и говорилъ разныя колкости, а въ послѣдній разъ Лермонтовъ рѣшился сказать Мартынову, что онъ не въ правѣ заставить его молчать, присовокупивъ къ тому: „Ты вмѣсто угрозъ гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэлей никогда не отказываюсь“. Почему и назначено было время для дуэли, и къ оной были приглашены секундантами со стороны Мартынова корнетъ Глѣбовъ, и Лермонтова—князь Васильчиковъ. Секунданты, хотя и употребляли всѣ мѣры къ примиренію ссорящихся, но никакъ успѣть въ томъ не могли; а не дали они объ этомъ знать мѣстному начальству, потому что дали ссорящимся слово никому о томъ не говорить. Спрошенные подъ присягою крѣпостные люди поручика Лермонтова Илья и Ермолай Козловы, Иванъ Смирновъ,

маіора Мартынова—Иванъ Вертюковъ и Иванъ Соколовъ, показали, что въ тотъ день, когда у господъ ихъ назначена была дуэль, они ничего не знали, куда и зачѣмъ поѣхали, тоже не знаютъ, а узнали объ этомъ тогда, когда корнетъ Глѣбовъ пріѣхалъ съ мѣста происшествія въ квартиру и приказалъ изъ нихъ Ильѣ Козлову и Ив. Вертюкову ѣхать за тѣломъ Лермонтова, кои отправились туда и привезли оное въ квартиру. Во все же время сосѣдственнаго квартированія ихъ, они, Мартыновъ и Лермон(тов)ъ, жили дружелюбно и ссоры никогда никакой между ними не было, а Ив. Смирновъ и Е. Козловъ находились въ тотъ день безотлучно къ квартирѣ и о происшествіи семъ не знали до тѣхъ поръ, пока не было привезено въ квартиру тѣло убитаго Лермонтова; Иванъ же Соколовъ въ то время находился въ Желѣзноводскѣ. За неимѣніемъ подсудимыхъ маіора Мартынова и корнета Глѣбова формулярныхъ списковъ, ни о лѣтахъ, равно о службѣ видѣть ничего нельзя, ибо таковыя требуются комиссіею, отколь слѣдуетъ, и по полученіи будутъ мною доставлены вслѣдъ за дѣломъ. Титул. совѣтникъ князь Васильчиковъ отъ роду имѣетъ 22 года, въ службѣ съ 1839 г., изъ Россійскихъ князей, въ походахъ и штурмахъ не бывалъ. Военный судъ, дѣло это производившій, согласно свода военныхъ постановленій части 5-й, книги 1-й, статьями 392, 393 и 398, подсудимыхъ, маіора Мартынова, корнета Глѣбова, и титул. совѣтн. князя Васильчикова, приговорилъ къ лишенію чиновъ и правъ состоянія. Я, также соглашаясь съ приговоромъ комиссіи военнаго (суда) во всей его силѣ и потому судное о нихъ дѣло, обще съ пистолетами, имѣю честь представить на разсмотрѣніе вашего превосходительства, докладывая притомъ, что издержанныя презусомъ, асессорами и аудиторомъ, прогонныя и суточныя деньги, всего 154 рубли $72^1/_2$ коп. ассигнаціями, взыскать съ подсудимыхъ. Полк. Ильяшенковъ. Въ должности адъютанта поруч. Турдаковскій".

С. Козубскій.

Т. Х. Шура.
20 Января 1901 года.

СЕКТА РАДАЕВА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ 50-хъ годахъ въ Нижегородской губерніи пошли слухи о появленіи въ с. Волчихѣ, Арзамасской округи, слѣдовъ секты крестьянина Василія Радаева (онъ-же Мироновъ), сосланнаго за свое ученіе въ Сибирь на поселеніе. Настроеніе губернскихъ правящихъ сферъ въ то время было тревожное. На слухи о сектѣ было обращено вниманіе властей. Поручено было строго слѣдить за крестьянами с. Волчихи. Скоро появилось и оффиціальное подтвержденіе слуховъ о сектѣ. Благочинный села Абрамова Василій Граціановъ рапортомъ донесъ епархіальному начальству о послѣдователяхъ ученія Радаева-Миронова въ с. Волчихѣ. Епархіальное начальство снеслось по этому поводу съ гражданскимъ. Была назначена комиссія для секретнаго развѣдыванія о сектѣ. Предсѣдателемъ комиссіи состоялъ благочинный Арзамасскихъ церквей протоіерей Іоаннъ Сахаровъ. Неизвѣстно, что̀ дѣлали по этому дѣлу члены комиссіи; но до насъ дошло любопытное описаніе развѣдываній о сектѣ, составленное самимъ предсѣдателемъ о. Сахаровымъ, которому было поручено это дѣло.

„Я (разсказываетъ протоіерей) развѣдывалъ о сектѣ сперва исподоволь въ городѣ Арзамасѣ отъ жителей с. Волчихи и сосѣдней деревни Ломовки, когда съ нѣкоторыми изъ нихъ, знакомыми мнѣ, случалось встрѣтиться. Но поелику о существованіи секты никто ничего утвердительнаго не сказалъ, то 30-го Апрѣля (1856 г.) отправился я на мѣсто, въ с. Волчиху. Разспрашивая по дорогѣ ямщика, присланнаго за мной изъ Волчихи, а въ самой Волчихѣ хозяевъ отведенной мнѣ квартиры и, наконецъ, тамошнихъ крестьянокъ, я узналъ, что ученію Радаева слѣдуютъ преимущественно дѣвки деревень Вторусской, Кріуши, Поголовки и села Волчихи“. При дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, что мистико-раціоналистическое ученіе Радаева успѣло здѣсь привиться, но не въ смыслѣ ереси, а въ формѣ очень обычной и вовсе непредосудительной секты. По словамъ Сахарова, „нынѣ (т. е. въ 1856 г.) всѣ дѣвки, слѣдующія ученію Радаева, ведутъ жизнь честную, носятъ одежду дѣвицъ отказавшихся, ради Христа, отъ брака и обрекшихъ себя на житье молитвенное; сельскія ежедневно, а деревенскія въ воскресные и праздничные дни ходятъ ко всѣмъ богослужебнымъ службамъ въ церковь; скоромной пищи не употребляютъ, на гулянье, игры и даже на празднословіе за ворота не выходятъ, тайныхъ сборищъ на богомолье не дѣлаютъ. Мужчины, участвовавшіе въ сектѣ Радаева, не пили вина, не ѣли мяса, хотя

и сходились при Радаевѣ яко-бы на богомолье подъ личиною благочестія; а по ссылкѣ Радаева на поселенье, разрѣшили на все, стали, какъ и добрые, заниматься домоводствомъ и работами и, повидимому, загладили въ себѣ всѣ слѣды прежняго заблужденія".

Отъ мѣстныхъ священниковъ слѣдователь узнавалъ, исполняютъ ли дѣвки-сектантки христіанскій долгъ исповѣди и причастія. Священники ему донесли, что, по рѣшенію Палаты Уголовнаго Суда и по указу Духовной Консисторіи, всѣ Радаевцы лишены причастія на семь лѣтъ и состоятъ подъ надзоромъ священника Люминарскаго. На вопросъ: „Не жалѣютъ ли Радаевцы о своемъ наставникѣ", тѣ отвѣчали уклончиво.

Производя дознаніе, Сахаровъ, къ удивленію своему, узналъ, что въ Волчихѣ есть особая община—„Волчихинская", „о которой", замѣчаетъ протоіерей, „я прежде не слыхивалъ". Онъ поинтересовался общиной. Ему позволили осмотрѣть ее и показали большую избу, раздѣленную просторными сѣнями на двѣ половины-кельи. Въ обѣихъ кельяхъ жило восемь дѣвицъ разныхъ лѣтъ. Онѣ состояли подъ начальствомъ одной старицы - настоятельницы. Волчихинская община съ ея уставомъ состояла подъ непосредственнымъ вліяніемъ Радаева, и потому слѣдователь обратилъ на нее особенное вниманіе. Въ жизни общины, говоритъ онъ, „я замѣтилъ благочестіе, смиренное послушаніе и трудолюбіе. Онѣ живутъ подъ начальствомъ одной старицы, которую называютъ матушкой, а другъ друга взаимно сестрами. Передъ моимъ приходомъ онѣ ткали на семь становъ".

— Въ свою-ли пользу вы работаете? спросилъ протоіерей.

— Нѣтъ, въ общую пользу, по распоряженію старицы.

Изъ дальнѣйшаго разговора, который переданъ въ записяхъ, о. Сахаровъ узналъ, что главная старица очень строга, за юницами (которыхъ было три) наблюдаетъ бдительно и даже за неосторожно сказанное слово, или за неумѣстный смѣхъ, наказываетъ многими поклонами, а иногда и отлученіемъ отъ пищи на цѣлые сутки. По утрамъ изъ обѣихъ келій собираются онѣ въ одну, для чтенія утреннихъ молитвъ; по вечерамъ исполняютъ монастырское правило, „а въ церкви и метутъ, и моютъ, и готовятъ все отъ теплоты и просфоры". Въ посты строго постятся и ни въ какое время года скоромной пищи не употребляютъ.

Отецъ сосланнаго Радаева, проживавшій въ Волчихѣ, пользовался общимъ почетомъ, уваженіемъ и состоялъ мѣстнымъ бурмистромъ. Сахаровъ пригласилъ его къ себѣ, подъ предлогомъ распоряженій объ обратной подводѣ и лошадяхъ. „Я зналъ, говоритъ Сахаровъ, что у него три дочери-дѣвки, изъ которыхъ самой младшей 22 года; заранѣе же слышалъ, что онѣ ведутъ жизнь скромную, честную, часто ходятъ къ церковнымъ службамъ и въ простые дни, а въ воскресные и праздничные неопустительно, и какъ онѣ, такъ и самъ отецъ съ сыновьями и снохами, не ѣдятъ мясной пищи".

Максимъ Мироновъ оказался человѣкомъ разговорчивымъ. Поговоривъ о подводѣ и лошадяхъ, Сахаровъ, какъ бы случайно, спросилъ его:

— Не сынъ ли Василій научилъ васъ воздержанію (отъ мяса)?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мироновъ; мы не ѣдимъ мяса съ тѣхъ поръ, какъ я овдовѣлъ, тому уже десять лѣтъ.

— Почему ты, овдовѣвши, не вступилъ во второй бракъ?

— Боялся, чтобы мачиха не разогнала семерыхъ моихъ дѣтей, отвѣчалъ находчиво Мироновъ.

— А почему ни одну дочь не выдалъ въ замужество?

— Не желаютъ. Старшая и средняя, уволенныя помѣщицей на свободу, просятся на житье въ Алексѣевскую общину; но ихъ тамъ не приняли (вѣроятно, по слуху объ ихъ братѣ); впрочемъ, мы и еще хотимъ попытаться, авось, не упросимъ ли настоятельницу. Дочери только о томъ и думаютъ, чтобъ поселиться въ общинѣ.

— Пишетъ ли тебѣ Василій?

— Писалъ только одно письмо. Проситъ денегъ, и я послалъ ему три рубля серебромъ; увѣдомляетъ, что онъ находится на какой-то казенной фабрикѣ, а въ какой губерніи, не помню. Знаетъ объ этомъ наша помѣщица Надежда Ѳеодуловна Лонштетъ. На ея имя письмо было прислано, и она читала.

— Пишетъ ли Василій къ прежнимъ своимъ ученикамъ и ученицамъ?

— Нѣтъ, и слуху нѣтъ.

— А говорятъ, будто ученики и ученицы, сложившись, послали ему 50 рублей сер.

— Въ первый разъ слышу, да и не вѣрю. Дѣвкамъ негдѣ взять, онъ же теперь на покаяніи, а мужики всѣ обрусѣли (sic): скоро по взятіи Василія въ тюрьму оставили и забыли все, что было прежде, и теперь пьютъ вино, ѣдятъ мясо, гуляютъ, поютъ пѣсни и живутъ вольнѣе многихъ, не причастныхъ къ ихъ обществу.

Бурмистръ Мироновъ произвелъ, повидимому, на Сахарова хорошее впечатлѣніе. Отпустивши его, протоіерей отправился къ помѣщицѣ „съ почтеніемъ“ и по дѣлу Радаева; но престарѣлая помѣщица не могла сообщить многаго о сектантѣ. Она помнила только, что Радаевъ просилъ у своего отца благословенія и денегъ и написалъ своимъ сестрамъ умное наставленіе, чтобы жили богобоязненно, между собою мирно, въ обществѣ честно, родителей почитали и слушались. О прежнемъ же его ученіи нѣтъ-де въ письмѣ никакого намека, прежнимъ его послѣдователямъ ни поклона, ни привѣтливаго слова, также ни слова о покаяніи въ личномъ его, Радаева, заблужденіи.

Такъ какъ слѣдовъ секты, вредной въ какомъ бы то ни было отношеніи, по изслѣдованію Сахарова, въ Волчихѣ не оказывалось, то слѣдователь обратился съ секретнымъ отношеніемъ къ благочинному Граціанову (донесшему впервыя о сектѣ) и просилъ его немедленно доставить свѣдѣнія, въ чемъ именно усмотрѣлъ онъ слѣды секты и какія мѣры могутъ послужить къ вѣрному открытію этихъ слѣдовъ. Священникъ Граціановъ увѣдомилъ слѣдователя, что слѣды секты Радаева усмотрѣны имъ изъ числа 16 незаконныхъ рожденій въ 1855 г., „въ чемъ и состояла секта Радаева“ (?). Са-

харовъ потребовалъ метрическія книги и по нимъ провѣрилъ количество незаконнорожденныхъ. Ихъ, дѣйствительно, оказалось 16; но доказать, что въ этомъ именно сказалось вліяніе Радаева, было, конечно, трудно. Дальнѣйшія развѣдыванія не открыли ничего новаго.

„Покончивъ такимъ образомъ развѣдываніе, слышалъ я, говоритъ Сахаровъ, что земской полиціи строжайше приказано сотскимъ имѣть наблюденіе, не дѣлается ли въ Волчихѣ, или въ Мутовиловѣ, или въ другихъ деревняхъ, тайныхъ, такъ называемыхъ молитвенныхъ сборищъ; но по сіе время ничего подобнаго не открыто“.

Результаты своихъ розысковъ о. Сахаровъ (при отношеніи 4-го Мая 1856 г., за № 3) представилъ въ секретномъ донесеніи преосвященному Іереміи, который сдалъ дѣло въ Консисторію 7 Мая съ резолюціей: „до востребованія“.

Были ли предпринимаемы дальнѣйшіе розыски секты Радаевцевъ, неизвѣстно.

Радаевское дѣло прибавляетъ еще нелишній документъ въ подтвержденіе той мысли, что всякая секта, при первоначальномъ своемъ появленіи и при неопредѣленности внутренней организаціи, представляетъ много симпатическихъ сторонъ въ нравственномъ отношеніи.

Ѳ. Кудринскій.

ЮНОШЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ М. И. ГЛИНКИ.

Въ концѣ 20-хъ годовъ среди Русской молодежи прямо-таки свирѣпствовало стихотворческое повѣтріе. Увлекаемые блистательными успѣхами Пушкина и „Пушкинской плеяды“, буквально всѣ принялись за риѳмы. Общему теченію поддался и великій творецъ „Жизни за царя“ *). Въ „Славянинѣ“ за 1828 г. (№ XLIX, стр. 428—431) мы разыскали за подписью „М. Глинка“ любопытное стихотвореніе, въ Байроновскомъ духѣ, „Альсандъ“ Вотъ оно.

Альсандъ безвременно узналъ
Невѣрность мирныхъ наслажденій,
Обманъ прелестныхъ упоеній,
И болѣ—ихъ онъ не искалъ!
На зовъ любви, честей и счастья,
На зовъ волшебный сладострастья
Не откликалось сердце въ немъ.
Оно, забытое лучомъ
Давно померкшихъ упованій,
Тоскливо билося въ груди,
И сквозь туманъ былыхъ страданій
Не зрѣло счастья впереди.

*

Альсанда свѣтлыя мечтанья,
Подъ ѣдкимъ холодомъ годовъ,
Какъ смѣхъ подъ тяжестью оковъ,
Какъ гроба вѣчное молчанье,
Въ груди остыли молодой!
Тянулись дни его тоскливо...
И время съ грустію нѣмой
Передвигало ихъ лѣниво.

*) М. И. Глинка учился въ Благородномъ Пансіонѣ при Педагогическомъ Институтѣ, въ Петербургѣ. Товарищами были ему братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, и С. А. Соболевскій. П. Б.

Такъ бѣгъ стремительный ручья
Порывный вѣтръ остановляетъ,
И отблескъ свѣтлаго въ немъ дня
Буграми влаги потемняетъ.
Напрасно кругъ младыхъ друзей
Манилъ Альсанда въ пиръ радушный:
Къ судьбѣ и къ людямъ равнодушный,
Въ толпѣ смѣющихся гостей
Онъ только горько улыбался
На шумъ обманчивыхъ страстей,
И съ сердцемъ грустнымъ удалялся.
Не могъ Альсанда обмануть
Невѣрный голосъ наслажденья,
Ни ранъ сердечныхъ затянуть,
Ни растревожить усыпленья.
И долго одинокій жилъ,
Страшася вновь судебъ отравы...

*

Разъ онъ задумчиво бродилъ
По влажной зелени дубравы.
Еще тогда края небесъ
Не озлатилися зарею:
Дремалъ покойно черный лѣсъ,
И легкіе пары струею
Вкругъ корней стлалися древесъ;
Межъ сплетенными кустами
Заливъ озерный чуть сверкалъ;
А на пригоркѣ, надъ водами,
Лѣниво листья отряхалъ
(Какъ дѣва сонная кудрями)
Дубравы царь, вѣтвистый клёнъ...

*

Альсандъ идетъ. Что жъ видитъ онъ?
Близъ клёна Муза молодая,
Рукой склонясь на мшистый пень,
Въ туманѣ вся... встрѣчаетъ день...
Фіалку въ локонъ заплетая.
Видна въ ея движеньяхъ лѣнь,
И на челѣ слѣдъ думъ высокихъ.
Она поетъ, и пѣсня та,
Какъ жаръ любви, иль какъ мечта,
Врачуетъ недугъ ранъ глубокихъ
Въ груди Альсанда, ранъ жестокихъ!

У ногъ прекрасной, средь цвѣтовъ,
Онъ зритъ: свирѣль въ росѣ сверкаетъ,
Она съ дыханьемъ вѣтерковъ
Волшебнымъ говоромъ играетъ!

*

Альсандъ заслушался, забылъ
Печаль души, и грусть, и муки,
И съ каждымъ утромъ приходилъ
Внимать плѣнительные звуки.
Свирѣль онъ вымолилъ потомъ
У дѣвы доброй и прекрасной.
И часто послѣ, за холмомъ,
Незримый ею, голосъ страстный,
Сливалъ съ ея напѣвомъ онъ.

*

Ихъ пѣснь надъ озеромъ звучала
И бога водъ недолгій сонъ
Еще надолго услаждала.
Въ заливѣ дымномъ рыбаки
Видали часто ихъ надъ брегомъ
И, упоенные напѣвомъ,
Бросали мрежи, челноки.

Все это, конечно, очень наивно и незрѣло, но характерно для настроенія молодого Глинки: и онъ, „забытый лучомъ“ „давно померкшихъ упованій“, искалъ успокоенія въ общеніи съ Музой.

Вл. Каллашъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1854-й годъ *).

Ночью, въ 12 часовъ, я уѣхала въ Штутгардтъ. Меня встрѣтилъ тамъ Ив. Ив. Базаровъ, съ сыновьями. На слѣдующій день, 10-го Іюля, мы осматривали Капштадтъ, а затѣмъ поѣхали на Ротенбергъ: эта гора находится на разстояніи одного часа ѣзды отъ Штутгардта; на ней выстроена православная церковь, въ которой покоится тѣло королевы Виртембергской Екатерины Павловны, первой супруги короля Виртембергскаго Вильгельма I-го. Въ первомъ бракѣ она была за принцемъ Ольденбургскимъ и имѣла двухъ сыновей, которые по смерти принца Ольденбургскаго, когда она вышла за короля Вильгельма I-го, воспитывались въ Капштадтѣ; изъ нихъ принцъ Петръ перешелъ на Русскую службу и скончался начальникомъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Мы осматривали въ Капштадтѣ домъ, гдѣ они жили: онъ очень небольшой и весьма просто отдѣланъ.

13-го Іюля. Въ дворцовой церкви въ Штутгардтѣ была обѣдня, за которой присутствовала кронпринцесса (в. к.) Ольга Николаевна. По окончаніи обѣдни меня представили ей. Зная моего отца и немного и меня, она была ко мнѣ очень милостива и похвалила за то, что говорю по-русски. Послѣ обѣда мы поѣхали въ старую виллу, къ Аннѣ Алексѣевнѣ Окуловой, бывшей воспитательницѣ Ольги Николаевны. Въ этой старой виллѣ жила Ольга Николаевна по своемъ пріѣздѣ въ Штутгардтъ; впослѣдствіи она выстроила себѣ по близости новую великолѣпную виллу, а старую занимала теперь А. А. Окулова, когда пріѣзжала въ Штутгардтъ. Въ скоромъ времени къ А. А. Окуловой пришли кронпринцъ Карлъ и кронпринцесса Ольга Николаевна, фрейлины ея, Е. ф. Массенбахъ, ф. Калденъ, дочь нашего посла въ Лондонѣ Брунова и нашъ посланникъ въ Штутгардтѣ В. П. Титовъ съ супругой, рожд. Хрептовичъ. Когда всѣ собрались, то направились въ бесѣдку въ Русскомъ стилѣ и пили чай. Сыновьямъ Базарова принесли мячики, чтобы играть, и привели осла ея высочества, чтобы они

---

*) См. стр. 119.

катались на немъ по саду. Во время чая изъ близъ лежащаго боскета послышался мужской хоръ Русскихъ церковныхъ пѣвчихъ, которые исполнили нѣсколько номеровъ и «Stabat Mater» Львова. Великая княгиня глотала слезы и говорила потомъ, что «Stabat Mater» была первая музыка, которую она съ императрицей Александрой Ѳеодоровной слышала послѣ смерти императора Николая Павловича. Воспоминаніе этого пережитаго горя вновь представилось ей. По окончаніи пѣнія, гуляли по саду и взошли въ стеклянную галлерею, находящуюся сверхъ оранжереи. Тамъ стояло плохое старое четырехъугольное фортепьяно. Меня попросили играть. Я сыграла «Бывало» Гензельта, вальсъ *Des*, мазурку *B* и этюдъ *As* Шопена, рапсодію № 11 Листа и Marche funèbre Шопена. Кронпринцъ нашелъ, что фортепьяно слишкомъ плохое для меня, и сказалъ, что надѣется услышать меня на хорошемъ роялѣ. Великая княгиня вела очень оживленный разговоръ, перемѣшивая Русскій, Французскій и Нѣмецкій языки. Кронпринцъ со мной говорилъ по-нѣмецки. Великая княгиня спросила, что̀ Листъ беретъ за урокъ? Я ей отвѣчала, что ничего, и что онъ очень разборчивъ и не всякаго принимаетъ въ число своихъ учениковъ, а даетъ уроки только тогда. когда считаетъ, что труды его и время не пропадутъ даромъ. На это великая княгиня возразила: «Ainsi il trouve bien la peine de vous donner des leçons. In Liszt, продолжала она, bewundere ich immer den musikalisches Hexenmeister. Il est à trois quarts diable et joue de même; aber das ist auch alles». Она не могла себѣ представить, чтобы онъ могъ дирижировать; на это я сказала великой княгинѣ, что онъ одинъ изъ лучшихъ дирижеровъ нашего времени. Когда я откланивалась, великая княгиня мнѣ сказала: «Comme je vous envie de pouvoir jouer comme vous jouez; je me fâche chaque fois contre moi-même, lorsque j'entends ou que je vois quelque chose de beau, et que je ne suis pas en état de le faire aussi».

14-го Іюля. Мы осматривали дворецъ въ городѣ, гдѣ много хорошихъ картинъ, и поѣхали осматривать загородный дворецъ короля «Rosenstein», гдѣ собрана коллекція красавицъ, нарисованныхъ масляными красками. Затѣмъ отправились въ виллу, сдѣлать визитъ камеръ-фрау Ольги Николаевны, С. А. Роговой, которая такъ изучила свою великую княгиню, что до мельчайшихъ подробностей переняла всѣ ея манеры, съ той только разницей, что у великой княгини это было природное, а у той выученное. Великая княгиня узнала, что я у Роговой, и велѣла меня позвать къ себѣ. На ея отличномъ роялѣ иначе игралось, чѣмъ на вчерашнемъ клавикордѣ! Великую княгиню забавляло меня экзаменовать, и я безъ устали играла все, что̀ она ни спрашивала, такъ какъ все это было мнѣ извѣстно. Передача моя сонаты

Бетховена ей очень понравилась; она сказала: «Обыкновенно ее такъ schulmeisterlisch играютъ».—«Мнѣ было пять лѣтъ», сказала в. к., «когда моя тетушка Марія (вел. княг. Марія Павловна) пріѣхала къ намъ въ Россію. Я только-что начинала играть и каждый разъ со слезами. Марія Павловна зашла разъ ко мнѣ на урокъ и, услыхавъ, какъ я играю, объявила мнѣ, что у меня нѣтъ таланта. Когда я услышала это, во мнѣ пробудилось самолюбіе; я продолжала урокъ и на другой день подавила свои слезы во время урока. Съ тѣхъ поръ я старалась не показывать, когда мнѣ что-либо трудно было сдѣлать, а старалась преодолѣть трудности. Теперь я очень мало играю по близорукости: глаза сильно устаютъ. Я играю теперь въ четыре руки съ кронпринцемъ вещи для двухъ рукъ; я играю правую, а онъ лѣвую».

17-го Іюля. Великая княгиня опять меня пригласила къ себѣ играть. Когда я сыграла «Ты не повѣришь» Гензельта, великая княгиня сказала: «онъ ничего не чувствовалъ, когда это писалъ». «Ständchen» Шуберта, переложенная Листомъ, ей очень понравилась, также и романсъ Вольфрама изъ Тангейзера Вагнера «О ты, моя прелестная, вечерняя звѣзда», переложенный Листомъ же. Затѣмъ я сыграла сонату (f-moll) Бетховена. Великая княгиня была очаровательна, и кронпринцъ тоже какъ-то растаялъ.

Послѣ того, что̀ я простилась съ ихъ высочествами, Анна Алексѣевна сказала мнѣ: «Прощайте, Марѳа Степановна»; а великая княгиня сказала: «Adieu, Marzipan». Анна Алексѣевна съ удивленіемъ спросила: «Qu'est ce que cela veut dire?» на что̀ великая княгиня отвѣчала: «Les Allemands ne diront jamais Marfa, mais Marthe, et Stépanowna ils raccourciront, et il en sortira chez eux: Marzipan.» Много смѣялись моей новой кличкѣ. Великая княгиня спросила меня: «Васъ восемь человѣкъ дѣтей?» Я отвѣчала: «Нѣтъ, ваше высочество, одиннадцать».—«Ахъ, какъ много», сказала великая княгиня. Анна Алексѣевна сказала: «Это ничего; пусть ихъ будетъ сорокъ, если только они всѣ такія талантливыя». На что великая княгиня замѣтила: «Mais pensez, si ces quarante enfants se marient, et chacun d'eux aura de nouveau quarante enfants, ce sera pourtant un peu trop».

22-го (10) Іюля. Я провела вечеръ въ семействѣ Штофрегена, перваго секретаря при нашемъ посольствѣ въ Штутгардтѣ. Тамъ я встрѣтила въ первый разъ князя А. М. Горчакова, который въ то время былъ посломъ въ Вѣнѣ. Онъ былъ живой, разговорчивый и любезный человѣкъ. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, роста выше средняго, фигура довольно полная, волосы слегка сѣдые, коротко остриженные, и на головѣ плѣшь. Въ Штутгардтъ онъ пріѣхалъ всего на одинъ день, къ именинамъ великой княгини. Понятно, что онъ былъ душою общества. Кромѣ него былъ еще Ив. Ив. Базаровъ.

23-го (11) Іюля. Обѣдня по случаю тезоименитства великой княгини Ольги Николаевны. Послѣ обѣдни ея высочество принимала поздравленіе отъ всѣхъ присутствующихъ: тутъ были Титовъ, князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ съ женою и дочерьми, Варварою и Любовью, г-жа Княжевичъ съ дочерьми, Аделунгъ, секретарь ея высочества, молодая г-жа фонъ-Бруновъ; а изъ Нѣмцевъ графъ Цеплинъ и фрейлины, баронесса Массенбахъ и Калденъ. Вечеромъ большое общество собралось опять у Штофрегенъ.

24-го (12) Іюля. Отъ 4-хъ до 7 часовъ я опять была у кронпринцессы. Ея высочество встрѣтила меня словами: «Что, Марципанъ, отдохнули физически et comment dire, moralement aussi? Что, у васъ есть письма изъ дома? А вѣрно не отвѣчали?» Въ то время я очень любила писать, и у меня была большая корреспонденція, такъ что я отвѣчала, что очень часто пишу домой. По просьбѣ кронпринца, я сыграла увертюру Тангейзера. Когда я ее кончила, онъ сказалъ: «C'est très-étrange. Затѣмъ, по желанію великой княгини, я сыграла Капричьо E-dur Мендельсона. Она была въ восхищеніи. Потомъ «Chant du berger» Шульгофа (она сказала: «C'est l'amour d'une jeune fille de quinze ans»), сонату cis-moll Бетховена, чѣмъ она осталась очень довольна, и Andante изъ маленькой сонаты B-dur Бетховена же. Кронпринцъ сказалъ: «Sie spielen Beethoven ganz anders, wie man ihn gewöhnlich hört». На что великая княгиня возразила: «Oui, elle comprend ce qu'elle joue. Vous ne jouez pas seulement bien, mais vous sentez ce que vous jouez». Разговоръ палъ на Шарля Майера. Великая княгиня сказала: «Papa l'appelait toujours Trommel-Mayer. Il donnait des leçons aux filles des Nesselrode et les faisait jouer chacune deux heures par jour, et comme elles étaient six, le piano était journalièrement en mouvement pendant douze heures». Объ Антонѣ Рубинштейнѣ она сказала: «это отличный музыкантъ».

Во время Andante сонаты B-dur Бетховена, присутствовавшая молодая дѣвица ф.-Бруновъ громко расхохоталась. Кронпринцъ сказалъ: «Comme c'est mal élévé!» Фрейлина фонъ-Массенбахъ, которая тоже тихо смѣялась, встала со стула и отошла къ окну. Великая княгиня смотрѣла на меня сконфуженная, думая, что я обидѣлась; но я продолжала играть. Когда я кончила, великая княгиня обратилась къ дѣвицѣ фонъ-Бруновъ съ вопросомъ: чему она смѣялась? Г-жа ф.-Бруновъ, красивая, но недалекаго ума, дѣвушка, отвѣчала: M-lle de Massenbach a ri». Послѣдняя ничего не отвѣчала, только встала передъ великой княгиней и молчала. Чтобы прекратить это неловкое для всѣхъ положеніе, я сказала что-то великой княгинѣ и сыграла еще вальсъ (F-dur) Шопена, какъ послѣднюю вещь. Великая княгиня мнѣ сказала:

«Vous ne jouez pas seulement bien, mais ce qu'on appelle délicieusement. Ce pianissimo! Non, ce pianissimo, que vous avez! Великая княгиня сказала мнѣ: «Вы еще не видѣли мой кабинетъ и мою спальню; пойдемте, я вамъ ихъ покажу». Придя туда, ея высочество сперва показала мнѣ красивый видъ съ балкона, а затѣмъ сказала: «Vous avez désiré mon portrait» (и въ это время даетъ мнѣ очень красивый), «ne m'oubliez pas. Et pour que vous sachiez qui c'est, j'ai mis mon nom au bas du portrait, et voici quelque chose que je vous prie de porter en vous rappelant de moi». Это были двѣ брилліантовыя булавки для волосъ. «Je vous remercie beaucoup; je ne puis vous dire quel plaisir vous m'avez fait. Поклонитесь отъ меня дома. Пріѣзжайте опять къ намъ зимою».

Кронпринцъ тоже, прощаясь со мной, сказалъ мнѣ: «Es hat mir grosse Freude gemacht sie zu hören. Kommen Sie doch diesen Winter einmal hier; ich habe viele Plane für dieses Jahr, musikalischer Hinsicht», и отпустилъ очень милостиво.

27-го (15) Іюля. Я оставила Штутгардтъ и поѣхала въ Баденъ-Баденъ, куда меня проводилъ П. И. Базаровъ. Тамъ я остановилась у знакомыхъ и вечеръ провела у г-жи Титовой; познакомилась съ княгиней Маріей Аркадьевной Вяземской, рожд. Столыпиной, еще очень красивой и пріятной личностью, съ ея двумя дочерьми Бекъ (отъ 1-го брака) и съ г-жей Столыпиной, женой нашего посланника въ Баденѣ.

29-го (17) Іюля. Полюбовавшись днемъ красивыми окрестностями Бадена, я вечеромъ пошла посмотрѣть курзалъ, «das Narrenhaus», какъ выразилась о немъ извѣстная пѣвица Сабина Гейнсфеттеръ. Право, голова кружилась отъ этой массы народа, отъ вида страстныхъ лицъ и ихъ выраженія у рулетки. Между сидящими у стола противъ крупье я увидала нѣсколько дамъ большого Петербургскаго свѣта: жаль было ихъ видѣть въ этой обстановкѣ.

30-го (19) Іюля. Я опять провела вечеръ у г-жи Титовой, съ тѣми же лицами, какъ и въ первый разъ; только еще прибавились баронъ Мейендорфъ съ женою и баронъ Николаи съ женою. Послѣдній зналъ всю нашу семью и помнилъ меня еще ребенкомъ въ Копенгагенѣ, гдѣ его отецъ былъ Русскимъ посланникомъ, и мой отецъ долго при немъ служилъ.

1-го Августа (20-го Іюля). Г-жа Титова повезла меня смотрѣть водопады, послѣ чего я у нея осталась къ чаю.

3-го Августа (22 Іюля). Я поѣхала на Баденское кладбище, поклониться праху В. А. Жуковскаго. Затѣмъ ко мнѣ пріѣхала госпожа Столыпина, и мы съ ней поѣхали къ м. Калерджи. Я столько наслы-

шалась о ея игрѣ, что мнѣ интересно было ее видѣть и слышать. Въ молодости, въ домѣ своего дяди, канцлера Нессельроде, въ Петербургѣ, она училась у Карла Майера, но потомъ была одной изъ лучшихъ ученицъ Шопена и много играла съ Листомъ. Войдя въ комнату, я увидѣла передъ собой высокую, красивую даму въ бѣломъ нэглижэ, съ бантами изъ зеленыхъ лентъ. Она была хороша собой, и въ ней поражали безукоризненный цвѣтъ лица, густые, свѣтлые, рыжеватые волосы и руки, исключительно красивыя для играющей. Какъ игра ея, такъ и вся ея фигура была, какъ бы изъ мрамора высѣченная. Какъ ученицу Листа, она меня приняла очень любезно, подробно разспрашивала о немъ, о его житьѣ-бытьѣ въ Веймарѣ и о княгинѣ Витгенштейнъ. О музыкѣ она говорила, какъ артистка и знатокъ, безъ всякой односторонности, слѣдя за всѣми новыми явленіями и направленіями. У нея я встрѣтила віолончелиста Коссмана, который обыкновенно проводилъ лѣто въ Баденъ-Баденѣ. Мы съ ней сговорились на другой день встрѣтиться у г-жи Столыпиной и играть другъ другу. Сперва она мнѣ играла: Прелюдъ (s-moll) Шопена, Шаконнъ I. С. Баха, Valse-caprice Листа, Warum и романсъ Р. Шумана и Lied ohne Wort Мендельсона. Шопена она играла прелестно, граціозно, фантастично, очень свободно, но все кокетливо. Иногда она точно чеканила ноты; какъ мраморное изваяніе, выходили звуки, или цѣлая композиція, какъ напримѣръ Prélude (c-moll) Шопена. Она рѣзко оттѣняла, имѣла восхитительное mezzo-voce и едва дышущее pianissimo. Почти всѣ пассажи она играла легко и граціозно. Ни раньше, ни позже не слыхала я подобной законченной игры: она играла единственно въ своемъ родѣ, ея игра представляла какъ бы маленькія картины. Я сыграла ей Berceuse Листа, рапсодію (Fis-dur), балладу (Des) его же, и capriccio (B-dur) Мендельсона. Она осталась довольна моей игрой и завидовала мнѣ, что я могу играть такія большія вещи, говоря, что она не имѣетъ ни силы, ни терпѣнія выучить ихъ. Г-жа Столыпина попросила меня сыграть вальсъ (cis-moll) Шопена; когда я кончила, м. Калерджи мнѣ сказала: вы играете это прелестно, но позвольте мнѣ теперь сыграть вамъ это, какъ одну изъ послѣднихъ вещей, которыя я играла у Шопена. Она понимала, усвоила себѣ этотъ вальсъ и сыграла его до такой степени иначе, чѣмъ я, что когда она кончила, мы взглянули другъ на друга и расхохотались. Она мнѣ сказала: «Вы не смѣете измѣнить ни одной ноты въ этомъ вальсѣ, какъ вы его играете; вы его такъ меланхолически играете, какъ только можно его себѣ представить; а я, противоположно вамъ, играю его, какъ кокетка». Она играла его гораздо скорѣе меня. Ея игра произвела на меня глубокое впечатлѣніе.

4-го Августа. Я посѣтила въ Баденѣ г-жу Маркези, рожд. Гейнсфеттеръ. Совсѣмъ молодая, я ее слышала еще въ Веймарѣ, когда она тамъ бывала у моихъ родителей. Она была очень прямодушная, witzige Natur, и не искала изящныхъ словъ, но прямо, иногда очень рѣзко и даже грубо, выражалась.

5-го Августа. Въ 8 часовъ утра я оставила Баденъ-Баденъ, а 6-го, въ 3 часа утра, пріѣхала въ Веймаръ. Въ тотъ же день была у Листа, и давала ему отчетъ въ своей поѣздкѣ. Онъ называетъ м. Калерджи своей придворной піанисткой.

Отдохнувъ въ продолженіе двухъ дней и повидавшись со всѣми друзьями, я отправилась въ Лаухъ, имѣніе г-на ф.-Гопфгартенъ, чтобы тамъ въ деревнѣ отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Но, къ несчастью, было очень дождливое лѣто, и приходилось выбирать погоду, чтобы иногда пройтись по полямъ и лѣсамъ. Противъ нашихъ оконъ находилась гора Венеры (Venusberg), воспѣтая Вагнеромъ въ его Тангейзерѣ; народное преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ былъ гротъ Венеры, куда она своимъ пѣніемъ завлекла Тангейзера. Въ рѣдкіе хорошіе дни мы осматривали окрестности Лауха: Рейнгартсбрунъ, Рула, Альтенштейнъ, Лобенштейнъ, Бархфельдъ, Сальцунгенъ и т. д. Но всему хорошему бываетъ конецъ, и 21 Августа я опять возвратилась въ Веймаръ.

ИЗВѢТЫ СНЕГИРЕВА.

Снегиревъ разсказывалъ, что въ Москвѣ существуютъ два тайныхъ общества; въ одномъ изъ нихъ начальникомъ профессоръ Давыдовъ, въ другомъ Аксаковъ. Общества сіи между собой не имѣютъ явныхъ сношеній, иногда даже начальники ихъ показываются въ публикѣ враждующими между собой, тогда какъ тайная связь ихъ остается постоянною. По замѣчанію его, они главою своею признаютъ митрополита Филарета и Сперанскаго. Священникъ прихода Троицы въ Троицкой, Иванъ Степановъ Орловъ, удостоенный особенной довѣренности Филарета, ведущій съ нимъ частую переписку, участвуетъ въ сихъ обществахъ *).

Члены общества профессора Давыдова: Шлейхеръ, учитель въ Дворянскомъ Институтѣ, человѣкъ подозрительный и главнѣйшій шпіонъ Давыдова.

Докторъ Дрейслеръ, находящійся въ большой связи съ Армяниномъ Вартамовымъ, имѣющимъ полное свѣдѣніе о всѣхъ съѣздахъ, у Давыдова бывающихъ; ибо сей квартировалъ въ домѣ Вартамова и понынѣ состоитъ въ дружеской съ нимъ связи.

Брашманъ, инспекторъ училища въ Москвѣ, изъ Жидовъ, опредѣленъ къ сей должности по рекомендаціи Канкрина.

Рѣдькинъ, воспитанникъ Сперанскаго.

Крыловъ и Баршевъ, воспитанники Филарета, утверждающіе, что цѣль образованія юношества въ университетахъ не есть та, чтобы пріуготовить людей полезныхъ отечеству по службѣ гражданской, но студенты должны воспитываться всемірными гражданами; ибо для ученыхъ нѣтъ отечества, притомъ самые университеты не должны быть подвластны правительству, но свободны отъ зависимости онаго.

---

*) Въ Мѣщанской части, у г-жи Матрены Ефимовны Лопухиной, проживаетъ одинъ слѣпой, который былъ прежде во многихъ раскольничьихъ сектахъ; нынѣ онъ въ большой довѣренности у Филарета, употребляется по всѣмъ въ Москвѣ обществамъ, отдѣльно существующимъ, для сношеній между ними.

Чивелевъ, Иноземцевъ, Филомаѳитскій, Печоринъ, воспитанники Сперанскаго; Крюковъ, воспитанникъ Уварова.

Герингъ, лекторъ Нѣмецкаго языка въ университетѣ, ведущій распутную жизнь. Содержатель пансіона Кистеръ утверждаетъ, что онъ принадлежитъ къ Зандовой ложѣ; у него находятся всѣ адресъ-календари нынѣ существующихъ ложъ и тайныхъ обществъ.

Павловъ, Надеждинъ, Погодинъ, который вывезъ изъ Германіи множество запрещенныхъ сочиненій (въ томъ числѣ адресъ-календари ложъ). Для провоза ихъ чрезъ таможню употреблено слѣдующее средство: у запрещенной книги отрывается заглавный листокъ, а къ ней переплетается заглавный листокъ книги, дозволенной правительствомъ; по словамъ Снегирева, таковую же хитрость употребляютъ и многіе книгопродавцы.

Содержатели типографій: Семенъ, выписывающій для Давыдова изъ-за границы разныя книги, Селивановскій и Рѣшетниковъ.

Протоіереи: Казанскаго собора и церкви Успенія въ Барашахъ, оба они комиссіонеры Филарета.

Розенштраухъ.

Въ особенномъ отъ сего обществѣ состоятъ: профессоръ Троицкой Духовной Академіи протоіерей Голубинскій, Мамоновъ, издатель журнала Андросовъ, вышеупомянутый священникъ прихода Троицы въ Троицкой, Орловъ, и Калайдовичъ, имѣющій своихъ членовъ, и содержатель типографіи Рѣшетниковъ.

Общество Аксакова подъ видомъ любителей литературы; въ немъ участвуютъ Павловъ, Надеждинъ и другіе.

Снегиревъ замѣчаетъ, что въ каждомъ обществѣ есть извѣстный издатель журнала, и что каждое общество имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ содержателя типографіи, какъ то было и при заговорѣ 14-го Декабря, въ которомъ участвовалъ Селивановскій, умершій въ 1835 году. У него печатались манифесты злоумышленниковъ, но для сокрытія всего даже самыя литеры послѣ отпечатанія были перелиты.

Г.г. Полевой, книгопродавецъ Ширяевъ, содержатель Армянской типографіи Краузе могутъ быть употреблены для узнанія членовъ обществъ и самой оныхъ цѣли.

(Изъ бумагъ В. П. Барышникова, служившаго чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, князѣ Д. В. Голицынѣ. Писано до 1837 года, такъ какъ упоминается о Печоринѣ, который въ этомъ году не былъ уже профессоромъ Московскаго университета (см. „Русскій Архивъ“ 1870, стр. 21—29). П. Б.

Вотъ одно изъ наиболѣе совершенныхъ лирическихъ стихотвореній Капниста—его „Вечерняя заря“.

Въ лучахъ послѣдняго блистанья,
Весь міръ такъ жарко озаря,
Привѣтомъ страсти и прощанья
Горитъ вечерняя заря...
Ея пылающіе взоры
Мнѣ и дороже и милѣй,
Чѣмъ взоры утренней Авроры
Въ прохладѣ розовой своей.
Аврора утра словно знаетъ,
Что передъ нею долгій день:
Ея ни время не пугаетъ,
Ни бурь громъ, ни тучи тѣнь;
А здѣсь огонь и быстротечность
Себя стремятся превозмочь!
За ними жъ—или свѣтитъ вѣчность,
Или царитъ нѣмая ночь.

Это—искренно, красиво, но читателю, знакомому съ Тютчевымъ, не открываетъ ничего новаго.

Графъ Капнистъ не ограничивалъ себя областью чистой лирики. Онъ написалъ драму „Сенъ-Марсъ“, началъ другую „Стенька Разинъ“ и нѣсколько разъ пробовалъ силы въ эпической поэзіи. Изъ этихъ попытокъ удачнѣе другихъ „Разбойничья пѣсня“; въ ней „молодой удалецъ Волгѣ кланяется“, проситъ родимую рѣку полюбить его.

Отвѣчаетъ ему Волга глубокая:
Полюбила тебя, молодой удалецъ,
Я какъ грѣшница-полюбовница.
Не проси-жъ у меня любви матери:
Любовь матери—какъ слеза чиста,
Ее ангелы знаютъ Божіи...
А ударитъ когда твой послѣдній часъ,
Самъ увидишь своихъ отца съ матерью:
Тебя мать обойметъ—плаха лютая,
Тебя встрѣтитъ отецъ — злой топоръ востёръ.

Бойко владѣлъ графъ Капнистъ шутливымъ стихомъ, какъ показываютъ его стихотворенія на случаи, напримѣръ, начало октавъ „На переходъ Русскихъ войскъ черезъ Дунай“. Въ такихъ стихотвореніяхъ графъ Капнистъ усвоиваетъ себѣ всѣ обычные пріемы сатирическихъ поэтовъ, напримѣръ, своеобразныя, рѣдкія риѳмы. Серьезные стихи его на современныя событія слабѣе. Претворить политическія раздумья въ поэзію могли только или геній Тютчева, или глубокое воодушевленіе Хомякова. Исключеніе составляетъ одно стихотвореніе: „Новороссійскія степи“, написанное въ годы особенно живого пробужденія народнаго духа.

Земля и небо! Небо и земля!
Какая степь безмолвная, пустая!
Какой просторъ! . . . .
Давно волной временъ увлечены
Ряды вѣковъ и сотни поколѣній!
А степь все спитъ безъ жизни, безъ видѣній;
Глубоко спитъ въ объятьяхъ тишины,
И мнится: „Нѣтъ для смерти пробужденій“.
Но вотъ вдали туманится Востокъ,
Громады тучъ виднѣются на Югѣ...
Готовься путникъ: быть грозѣ, быть вьюгѣ,
Быть жизни тутъ!.. Прохладный вѣтерокъ
То здѣсь, то тамъ степной ковыль колышетъ,
И словно степь волнуется и дышитъ.
О, да, гроза отважно налетитъ,
Полна дождя и громового треска,
И наша степь отъ бури и отъ блеска
Отброситъ сонъ и жизнью зашумитъ...
И Божій духъ, какъ вихрь, промчится,
Воспрянетъ Сѣверъ подъ грозой,
И свѣтомъ новой жизни той
И Югъ, и Западъ озарится!...

Эти стихи указываютъ и на тотъ кругъ политическихъ воззрѣній, которымъ графъ Капнистъ умѣлъ сочувствовать, и которыя не могли не отразиться въ его стихахъ. Къ историко-литературнымъ статьямъ его мы еще возвратимся.

ОПЕЧАТКИ и ПОПРАВКИ.

Стр. 240, во 2-мъ примѣчаніи вмѣсто *воеводы Евсеевъ и Огаревъ были жестоко изранены* надо: *Воевода Евсей Огаревъ былъ жестоко израненъ.*

Стр. 229. Въ примѣчаніи вм. *Мазозскаго* надо *Маховскаго.*

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

«Русскій Архивъ» въ 1901 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1901 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1892—1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898**, **1899** и **1900** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

4.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

Москвичи должны относиться съ полнымъ уваженіемъ, а друзья родной исторіографіи и археологіи съ признательностью къ прекрасному зданію, которое высится на окраинѣ нашей столицы, на Малой Грузинской улицѣ. Музей *Петра Ивановича Щукина* есть собственность частная, но доступная для обозрѣнія и для историческихъ розысканій. Сокровища старинной письменности и художествъ собраны въ этомъ Музеѣ не для того только,—

> Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
> Внимая важному сужденью знатоковъ.

Они подробно и тщательно описываются просвѣщеннымъ владѣльцемъ, и эти описанія издаются въ свѣтъ постепенно. Вотъ настоящая услуга здравому просвѣщенію и драгоцѣнный вкладъ въ науку родного самосознанія.

Въ исходѣ прошедшаго года и въ началѣ нынѣшняго П. И. Щукинъ издалъ уже *пятую* часть „Бумагъ, относящихся до Отечественной войны 1812 года“ (V и 280 стр.), при чтеніи которыхъ воскресаетъ великое событіе, и доселѣ опредѣляющее собою направленіе и весь ходъ Европейской политической жизни, и *восьмую* часть „Сборника старинныхъ бумагъ“ (X и 438 стр.), со множествомъ цѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ почти за полтораста лѣтъ (1745—1875). Кромѣ того, изданъ второй альбомъ портретовъ, хранящихся въ Музеѣ.

Оправдывается замѣчаніе покойнаго Погодина о томъ, что въ Россіи иной разъ одинъ человѣкъ дѣлаетъ больше, нежели многолюдныя общества и учрежденія, изъ которыхъ одни страдаютъ *семибоярщиною*, а другія болѣзнію бумагописанія и *крапивнаго сѣмени*. П. Б.

Пушкинскіе дни въ Одессѣ. Сборникъ Императорскаго Новороссійскаго Университета. 4°. 150 стр. и 4 фототипіи. Одесса, 1900.

Сборникъ этотъ относится къ числу тѣхъ многочисленныхъ изданій, которыя вызваны юбилейными Майскими днями 1899 г. Онъ заключаетъ въ себѣ описаніе празднованія этихъ дней въ Одессѣ и шесть рѣчей о Пушкинѣ, произнесенныхъ профессорами Новороссійскаго университета. Рѣчи эти составлены обычнымъ пріемомъ всѣхъ юбилейныхъ статей о Пушкинѣ: авторы подбираютъ изъ его сочиненій нѣсколько отрывковъ, въ которыхъ говорится объ одномъ какомъ-нибудь предметѣ, и такимъ способомъ, конечно, доказываютъ любое положеніе. Такъ, напр., проф. Назимовъ утверждаетъ, что Пушкинъ всю жизнь оставался „неисправимымъ либераломъ Александровскаго времени“. По вступленіи на престолъ Николая I, разсказываетъ Назимовъ, правительство вступило на путь реакціи; чтобы спасти свои идеалы общественной независимости, Пушкинъ сталъ искать опоры въ дворянскихъ привилегіяхъ. Проф. Линниченко желаетъ доказать, будто „жизненная драма Пушкина“ заключалась въ слѣдующемъ: „Кумирами его души“ были любовь, дружба и свобода, и всѣ эти три измѣнили ему. Доказывается это отрывками стиховъ, въ которыхъ Пушкинъ жалуется на измѣну дружбы, на непостоянство любви и на недоступность истинной свободы. Главнымъ доводомъ служитъ стихотвореніе „Пора, мой другъ, пора...“, въ которомъ г. Линниченко, относя стихи къ 1836 г., видитъ тотъ итогъ, который Пушкинъ незадолго передъ смертью подвелъ своей жизни. Между тѣмъ теперь не-

ВОСПОМИНАНІЯ КРѢПОСТНОЙ СТАРУШКИ А. Г. ХРУЩОВОЙ.

(Записанныя В. Н. Волоцкою).

Дѣтство Авдотьи Григорьевой.

Я, Авдотья Григорьева, уроженка Калужской губерніи, родилась въ 1786 году. До 10-ти лѣтъ жила я въ своей родной крестьянской семьѣ, счастливая, беззаботная, бѣгала по улицѣ босая, въ одной рубашенкѣ. Однажды вся наша большая семья собралась въ избу обѣдать. Отецъ, почтенный старичокъ, и дѣти, окружая его, усердно помолились Богу и сѣли за столъ. Мать хлопотала у печи. Вдругъ отворяется дверь, и входитъ староста. Помолясь на иконы, онъ кланяется хозяевамъ и, почесывая затылокъ, говоритъ: «Ну, дядя Григорій, недобрую вѣсть я принесъ тебѣ. Сейчасъ полученъ мною отъ барина приказъ: немедленно привезти къ нему твою Дуняшку. Тамъ, слышь, баютъ, что онъ проигралъ ее въ карты другому барину». Одно мгновеніе всѣ смотрятъ на него, разинувъ рты. Потомъ подымается горькій плачъ, сбѣгается вся деревня, и начинаютъ причитать надо мной какъ надъ покойницей. Судьба сразу дала мнѣ понять, что я не батюшкина и не матушкина, но барская, и что нашъ баринъ, живя отъ насъ за сотни верстъ, помнитъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ, не исключая и ребятишекъ. Но барской волѣ противиться нельзя, отъ господъ некуда убѣжать и спрятаться, и потому, снарядивъ меня бѣдную, отдали старостѣ. Оторвали меня малую отъ родителей и насильно повезли въ неволю. Дорогою я плакала, а встрѣчные съ нами сильно негодовали на господъ.

Пріѣхавъ въ Ярославль, мы узнали, что я проиграна господину Шестакову, Гавріилу Даниловичу, жившему на Духовской улицѣ въ собственномъ домѣ. Вотъ я стою предъ страшнымъ бариномъ; староста толкаетъ меня въ бокъ, говоря: «кланяйся господамъ въ ножки и цѣлуй у нихъ ручки». Баринъ же, указывая на молодую женщину, говоритъ: «Вотъ, Дуняшка, твоя барыня; слушайся ея.» Барыню мою

звали Θеофанія Θедоровна. Она приказала мнѣ идти за собой къ ней въ комнату и посадила на скамеечку у своихъ ногъ. Я со страхомъ поглядываю на нее исподлобья. Она же то погладитъ меня по головѣ, то вдругъ вскочитъ со стула и быстро заходитъ по комнатѣ, браня своего мужа. Кушать приносили ей въ ея комнату, и остатки обѣда она отдавала мнѣ. Я же была у ней на посовушкахъ. Баринъ почти не бывалъ у насъ, только изрѣдка къ ночи приказывалъ принести изъ кабинета свои подушки, и тогда я уходила изъ комнаты.

Барыня моя была добрая; однако я ея боялась и постоянно тревожилась, чтобы разомъ уловить и исполнить приказаніе, если она его сдѣлаетъ. Даже и сны мои были полны такой же заботы. Я осмыслила, что нѣтъ у меня никакихъ правъ, а все мое положеніе зависитъ отъ воли госпожи, и, чтобы заслужить ея милость, я старалась быть внимательной, расторопной и безропотной, но вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда утратила охоту къ забавамъ и стала какъ бы взрослая. О родителяхъ я не имѣла никакихъ извѣстій, по ихъ неграмотности и неимѣнію денегъ на пересылку писемъ: въ тѣ времена даже господа писали и получали письма раза два въ годъ или рѣже.

Однажды вызываютъ меня во дворъ, говоря, что тамъ меня спрашиваетъ незнакомая женщина. И какова же была моя радость, когда я увидала предъ собой мою матушку! Мы такъ и замерли въ объятіяхъ, обливая одна другую слезами. Материнское сердце не выдержало неизвѣстности о моемъ житьѣ: она отпросилась у мужа и старосты и пошла пѣшкомъ меня провѣдать. Съ дозволенія моихъ господъ, она временно поселилась въ нашей людской, но видалась со мной только урывками, такъ какъ обѣ мы были заняты. Она добровольно помогала въ работахъ нашей прислугѣ, чтобы избѣгнуть упрека въ дармоѣдствѣ и выказать себя отличною работницей, въ надеждѣ этимъ соблазнить моихъ господъ на покупку ея съ семьею. Когда о трудовыхъ ея подвигахъ и кроткомъ нравѣ доложили барынѣ, та высказала именно такое желаніе; но, къ несчастію, нашъ баринъ запросилъ такую огромную цѣну, что поневолѣ пришлось отказаться отъ надежды вновь соединить нашу семью подъ одною властію. Когда не сбылась эта ненадолго намъ блеснувшая надежда, мать моя простилась со мной навсегда, успокоенная увѣренностію, что я живу у хорошихъ людей.

Прощаясь она благословила меня и сказала: «Не плачь, мое дитятко, молись Господу Богу и Царицѣ Небесной. Люби своихъ господъ и служи имъ вѣрой и правдой. Строго соблюдай цѣломудріе; не вы-

ходи замужъ, если будетъ возможно, ради того, чтобы и тебѣ не пришлось разлучаться съ дѣтьми». Съ Божіею помощію я свято исполнила ея завѣтъ. Съ тѣхъ поръ я не получала никакихъ извѣстій о моихъ родныхъ; но почти утѣшилась въ разлукѣ съ ними, покорясь неизбѣжности и отдавъ все сердце моей старшей барышнѣ, которую не любить было невозможно.

Шестаковъ и Пановъ.

Гаврила Даниловичъ Шестаковъ происходилъ изъ дворянской семьи, но очень бѣдной, и родители его сами работали въ полѣ. Дѣтей у нихъ было много; мать младшаго ребенка посадитъ къ себѣ одного «на закукры», какъ говорятъ въ деревнѣ, двоихъ ведетъ за руки, и со всѣхъ сторонъ окружена была дѣтьми постарше, которыя шли и бѣжали съ нею. Гаврилѣ Даниловичу необходимо было самому о себѣ постараться; онъ поступилъ на государственную службу и дослужился до чина бригадира. Это былъ важный чинъ, почти генеральскій; людямъ этого чина дозволялось употреблять при выѣздахъ генеральскую упряжку: шестерку лошадей съ форейторомъ впереди. Слыхала я, будто онъ нѣкоторое время служилъ и въ Сибири, откуда вернулся въ собственной каретѣ, съ гербами на дверцахъ и съ моржовою сбруей, а съ собою привезъ немало драгоцѣнныхъ камней, болѣе всего аметистовъ. Послѣднее время службы онъ провелъ въ Москвѣ въ тамошнемъ Сенатѣ. Пріѣхавъ на родину въ сельцо Дворянкино, Любимскаго уѣзда Ярославской губерніи, повидать родителей, онъ былъ ими сосватанъ.

Въ сосѣдствѣ съ бѣдными Шестаковыми жилъ богатый помѣщикъ Пановъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, котораго земли тянулись верстъ на тридцать въ длину. Пановъ былъ женатъ на знатной особѣ, бывшей фрейлинѣ при царскомъ дворѣ, и была у нихъ одна только дочь Ѳеофанія, красавица собой. Рано она вышла замужъ тоже за красиваго помѣщика Андрея Андреевича Мыльникова. Жили они душа въ душу, любовались на своего первенца Ѳедю, утѣшались его дѣтскимъ лепетомъ. Но счастіе земное такъ не прочно: спустя немного лѣтъ неожиданно для всѣхъ умираетъ Мыльниковъ, и молодая вдова съ сыномъ возвращается въ домъ родительскій. Мать у нея, болѣзненная женщина, помѣшалась въ разсудкѣ. Дочь начинаетъ замѣчать, что она становится обузой для отца, и что онъ начинаетъ соблазнять ея молоденькую няню. Въ это время ей сватаютъ бригадира Шестакова, и она рѣшается за него идти по совѣту отца и всѣхъ родныхъ, хотя немолодой, суровый и гордый Шестаковъ не могъ внушить ей любви.

Пановъ же, выдавъ дочь замужъ, сталъ рѣшительно преслѣдовать ея скромную няню, свою крѣпостную дѣвушку, которая долго ему сопротивлялась, но, въ концѣ концовъ, подчинилась его власти и силѣ. У нихъ родился сынъ Петръ. Она была прекрасная, добрая, кроткая, сердечная женщина. Всю ея родню Пановъ отпустилъ на волю и устроилъ имъ въ Ярославлѣ гостинницу. Когда же умерла его поврежденная въ умѣ жена, онъ объявилъ, что сынъ его Петръ законный. (Къ сожалѣнію, этотъ сынъ впослѣдствіи оказался мучителемъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и былъ сосланъ въ Сибирь, оставивъ послѣ себя красавицу жену и троихъ дѣтей). Но зять Шестаковъ не могъ примириться съ послѣдними дѣйствіями тестя. Заговорила въ немъ дворянская гордость. Каково! Женился на своей крѣпостной дѣвкѣ и усыновилъ ея сына, лишилъ наслѣдства законную дочь. Черезъ нѣсколько времени Пановъ пріѣхалъ въ Ярославль и остановился въ гостинницѣ у родныхъ своей второй жены. Узнавъ объ этомъ, Шестаковъ явился къ тестю и имѣлъ съ нимъ горячее объясненіе, вѣроятно, по поводу его недворянскаго поведенія. Оттуда сильно взволнованный вышелъ онъ въ общую залу гостинницы и потребовалъ чашку кофе. Быстро ее выпивъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно и началъ такъ громко икать, что перетревожилъ всѣхъ находившихся въ домѣ. Пановъ распорядился немедленно отвезти заболѣвшаго зятя домой. Домашняя прислуга сочла Шестакова умирающимъ и безъ его распоряженія позвала къ нему священника; но больной отказался отъ услугъ послѣдняго и крикнулъ прислугѣ: «Зачѣмъ пустили сюда жеребцовъ? Гоните ихъ!» Всѣ думали, что ему почудились жеребцы въ комнатѣ; но, можетъ быть, онъ такъ назвалъ членовъ церковнаго причта (нерѣдко слышишь, какъ семинаристовъ называютъ жеребячьей породой). Вслѣдъ за тѣмъ, несчастный Шестаковъ умеръ безъ покаянія, въ страшныхъ мученіяхъ и ни съ кѣмъ не простившись. Поговаривали, будто онъ былъ отравленъ родными второй жены Панова, за свою угрозу возбудить дѣло о подлогѣ въ метрическихъ книгахъ; но возможно, что тутъ отъ гнѣва сдѣлался сильный истерическій припадокъ, съ громкою икотою.

Послѣ Шестакова осталась вдова, моя барыня Ѳеофанія Ѳедоровна въ тихомъ помѣшательствѣ и двѣ дочери (опекуномъ былъ у нихъ Алябьевъ). Мать и меньшую дочь Александру Гавриловну взялъ къ себѣ въ усадьбу Мыльниковъ, но держалъ ихъ въ подвальномъ этажѣ и въ черномъ тѣлѣ. Этотъ молодой человѣкъ, обладатель 500 душъ и прекрасной усадьбы, по примѣру прежнихъ помѣщиковъ, завелъ псовую охоту, окружилъ себя пріятелями, съ которыми кутилъ и безобразни-

чалъ. Бывало, запрется въ спальню со своей любовницей, а бѣдная малютка Саша бѣгаетъ безъ всякаго призора въ безпятыхъ башмакахъ и худомъ платьицѣ. Голодная, стучитъ она потихоньку въ дверь его спальни и кричитъ: «Акулина Ивановна, мнѣ ѣсть хочется». Не скоро отворится дверь, и та съ бранью сунетъ ей кусокъ чернаго хлѣба; ребенокъ же ловитъ руку и съ жаромъ ее цѣлуетъ. Малютка Саша заглядываетъ въ переднюю: тамъ такъ весело, собралось много дворовыхъ мальчиковъ; играютъ въ три листика и, заливаясь смѣхомъ, колотятъ другъ друга по носу. Какъ ей хочется поиграть съ ними, но боится братца; если онъ увидитъ, то надѣнетъ на нее овчинный тулупъ, посадитъ на стулъ и привяжетъ ниточкой. О, какъ страшно ей такое наказаніе! Сидитъ, бывало, боясь пошевелиться.

Марія Шестакова.

Старшую дочь Шестакова, Марію Гавриловну, а съ нею и меня, какъ ея няню, взялъ въ Москву ея родственникъ и опекунъ Алябьевъ, важный генералъ, чуть ли не сенаторъ, прежде бывшій, кажется, Вологодскій губернаторъ. У него даже и лакеи были такіе важные, расфранченные, въ шелковыхъ чулкахъ, что я сначала почтительно вставала передъ ними, принимая ихъ за господъ; ну, а потомъ, какъ узнала, кто чего стóитъ, стала посмѣлѣе. Однажды, у Алябьевыхъ было много гостей; а мнѣ, по приказу барышни, нужно было пройти черезъ переднюю, гдѣ сидѣли свои и чужіе лакеи; одинъ изъ нихъ, подскочивъ ко мнѣ, дотронулся до моей груди, со словами. «Ахъ, какая грудь-то лебединая!» Я вспыхнула и дала ему звонкую пощечину, сказавъ: «А ты не забывайся и рукамъ воли не давай». «Ну, какъ вы меня озадачили, сказалъ онъ; легче было бы мнѣ провалиться сквозь землю». За то послѣ онъ самъ, да и другіе всегда относились ко мнѣ съ почтеніемъ и уваженіемъ.

Алябьевъ отдалъ мою барышню въ пансіонъ къ мадамъ Дельсаль. Когда же въ 1812 году Французы двинулись на Москву, то и Марья Гавриловна уѣхала со мною въ свою усадьбу, въ Любимской уѣздъ. Она перевезла къ себѣ мать и сестру и водворила въ домѣ порядокъ и приличіе. Первый ея выѣздъ былъ сдѣланъ въ приходскую церковь. Она всегда выѣзжала парадно: въ коляскѣ, на шестеркѣ лошадей, съ форейторомъ. На запяткахъ стоялъ старый лакей. Узнавъ о ея пріѣздѣ, стали нашъ домъ посѣщать хорошіе господа. По болѣзни матери, вынуждена была принимать гостей сама барышня. Она не затруднялась занимать ихъ, но такъ скромно, что какъ заговоритъ съ мужчи-

ною, то глазки все внизъ опускаетъ и только немножечко улыбается губками. Я любуюсь на нее въ дверную щелку, а сердце-то мое такъ и прыгаетъ отъ радости. Чтò за прелесть барышня! Не даромъ мужчины въ нее влюбляются. А жениховъ-то сколько было! Одинъ даже на колѣняхъ со слезами умолялъ выйти за него замужъ. Она всѣмъ отвѣчала одно: «Не могу; Господь меня накажетъ, если я брошу больную мать и маленькую сестру». Бывали у насъ и плѣнные Французскіе офицеры; она играла имъ на фортепьяно и разговаривала по французски. Она была милостива къ подвластнымъ, со мной же бесѣдовала, какъ съ подругой, и читала мнѣ книжки. Къ несчастію, не долго пришлось ей пожить. На 17-мъ году она захворала, и въ постель слегла. Я отъ нея не отходила и спала возлѣ нея на полу. Разъ я уснула и сквозь сонъ слышу, что-то стукнуло. Глядь, а она, моя голубушка, стоитъ на постелькѣ, съ иконою въ рукахъ, да пошатнулась и упала бы, если бы я не успѣла ее поддержать. Она мнѣ говоритъ: «Сейчасъ приходила какая-то женщина и сказала мнѣ: снимите икону Божіей Матери и прикажите маменькѣ благословить себя, какъ невѣстъ къ вѣнцу благословляютъ, повторила она и скрылась. Я тотчасъ позвала барыню, которая, не смотря на свою болѣзнь, какъ слѣдуетъ дала дочери просимое благословеніе. Барышня плакала. А на мой вопросъ, «объ чемъ же вы, матушка, плачете»? она отвѣчала: «Какъ же не плакать, когда благословляютъ?» Видимо, прощалась съ жизнію, но не хотѣла меня заранѣе опечалить прямымъ отвѣтомъ. Сама пожелала пріобщиться и пособороваться. Вскорѣ послѣ этого говоритъ мнѣ: «Авдотьюшка, чтò же отецъ Исаія стоитъ у дверей? Проси его въ гостиную!» Я потихоньку ей отвѣчаю: «Матушка, перекреститесь; никакого отца Исаіи здѣсь нѣтъ!» — «Чтò ты, развѣ я не вижу? Вотъ онъ гдѣ стоитъ!» Вскорѣ тихо скончалась моя добрая, безупречная и незабвенная барышня. Горько тогда я плакала, да и теперь не могу о ней вспомнить безъ слезъ. (При этомъ Авдотья Григорьевна, вынимая изъ-подъ подушки косу и цѣлуя ее, говорила: А вотъ ея коса, которую я берегу на память объ ней. Когда же я сама умру, то прикажите эту косу положить со мной въ гробъ).

Александра Шестакова и ея суженый.

По смерти незамѣнимой барышни, я сдѣлалась нянею ея младшей сестры, Александры Гавриловны, а когда эта стала круглой сиротой, то я старалась замѣнить ей и мать. Младшая барышня уступала старшей въ разумѣ и красотѣ, но, все-таки, немного напоминала мнѣ умершую. Она болѣе ея нуждалась въ моихъ заботахъ и была ко мнѣ ласко-

ва. Когда ее отдали въ Ярославскій благородный пансіонъ, тамъ же, по тогдашнему обычаю, поселилась и я. Тамъ всего больше учили Французскому языку, музыкѣ и танцамъ. Въ свободное отъ занятій время воспитанницы читали книги, чаще всего Французскіе романы. Моя арышня также была страстною любительницею чтенія. Читала жебна внимательно, а изъ чужихъ книгъ даже дѣлала выписки, и при хорошей памяти научилась хорошо изглагать свои мысли. Однако, чтеніе романовъ пріучило ее мечтать о героѣ, представляющемъ совершенство по красотѣ и благородству души. Судьба же готовила ей въ мужья человѣка, не вполнѣ подходившаго. Верстахъ въ двадцати отъ Ярославля есть село Волково, родовая усадьба ея суженаго, Нефимонова. Они причисляли себя къ старинному дворянству и подтверждали то милостивою грамотою отъ царей Іоанна и Петра Алексѣю Евтифѣевичу Нефимонову. Я сама видѣла эту *грамоту* *); она длиною около двухъ аршинъ, и въ ней сказано, что Нефимонову пожалованы земли въ Юрьевъ-Польскомъ и Ярославскомъ уѣздахъ, за службы его и предковъ въ прибыльныхъ войнахъ, въ теченіе которыхъ изъ Польши и Литвы вывезены въ Россійскіе предѣлы, кромѣ костельныхъ и военныхъ вещей, многія тысячи плѣнныхъ всякаго состоянія, въ томъ числѣ и шляхетскаго, кои обращены въ крестьянъ, задворныхъ людей и холоповъ. Одинъ изъ потомковъ Алексѣя Евтифѣевича Нефимонова жилъ въ сельцѣ Волковѣ. Этотъ, Петръ Герасимовичъ, имѣлъ только 30-ть душъ крестьянъ, но былъ обремененъ большой семьей. Когда его дѣти погодки, малъ-мала меньше, вели себя неспокойно за обѣдомъ, то онъ усмирялъ ихъ, стукая о столъ ложкой, и отъ такого употребленія эта ложка, большая и полукруглая, наконецъ совсѣмъ измялась. Жена Петра Герасимовича, Надежда Васильевна, была изъ гордаго рода Палицыныхъ. Должно быть, по нимъ онъ считалъ себя сродни князьямъ Голицынымъ и пользовался ихъ расположеніемъ. Одинъ изъ Голицыныхъ, жившій въ Москвѣ, взялъ къ себѣ его старшаго сына Николая и воспитывалъ въ своемъ домѣ. Когда же умерла мать Николая, еще молодая женщина, а вскорѣ послѣ нея и отецъ, то Голицыны пристроили его на полицейскую должность частнаго пристава въ Ярославлѣ и на прощанье подарили ему двѣ золотыхъ табакерки съ портретами князя и княгини, рисованными на слоновой кости. Николай Петровичъ Нефимоновъ, по общимъ отзывамъ, былъ человѣкъ степенный, трезвый, дѣльный и честный. Въ его пользу надо сказать и то, что его 20-тилѣтняя сестра и онъ, 18-тилѣтній юноша, вполнѣ за-

*) Грамота хранится у меня. *В. Волоцкая.*

мѣняли умершихъ родителей своимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ. По наружности онъ былъ очень недуренъ. Одна почтенная барыня, знакомая начальницы нашего пансіона, говорившая «*ты*» всѣмъ младшимъ ея лѣтами, однажды сказала ему: «Имѣя бѣдныхъ родныхъ, нуждающихся въ помощи, ты не можешь жениться на бѣдной дѣвушкѣ. Я присмотрѣла для тебя невѣсту Шестакову, у которой болѣе 200 душъ крестьянъ и домъ въ Ярославлѣ. Она еще дитя 12-ти лѣтъ, но ты можешь подождать. Приходи въ пансіонъ на танцовальный классъ и слѣди за мной: которую барышню я посажу къ себѣ на колѣни, та и есть твоя невѣста». Такъ Николай Петровичъ увидѣлъ мою барышню, былъ ей представленъ и похвалилъ ее за ловкость въ танцахъ. Когда дама-покровительница указала ему на меня, смотрѣвшую на танцы изъ сосѣдней комнаты, то онъ и мнѣ, какъ нянѣ, сказалъ нѣсколько словъ о ней и ея домѣ, находившемся въ подчиненной ему части города. Послѣ того онъ не являлся въ пансіонъ; но когда мы ѣздили на лѣто въ усадьбу, онъ каждый разъ подстерегалъ насъ на дорогѣ. Въ платьѣ не то охотника, не то разбойника, съ ружьемъ въ рукахъ, выскакивалъ онъ изъ лѣса на дорогу и останавливалъ нашу коляску, будто желая насъ ограбить, но затѣмъ съ поклономъ подносилъ моей барышнѣ коробку конфетъ и исчезалъ въ чащѣ. Такими выходками онъ явно примѣнялся къ мечтательнымъ вкусамъ барышни. Тоже продѣлалъ онъ и тогда, когда, окончивъ курсъ ученья на четырнадцатомъ году, она поѣхала въ свою усадьбу Мартьяново, Любимскаго уѣзда, на постоянное жительство. Но на этотъ разъ онъ добавилъ обѣщаніе, что появится въ нашихъ мѣстахъ при первой возможности.

Поселясь въ усадьбѣ, мы нерѣдко развлекались чтеніемъ романовъ. Барышня читала ихъ вслухъ, а я слушала, и обѣ мы надъ ними плакали. Да и книжки-то прежде были такія чувствительныя, какихъ нынче не найдешь. Почитайте-ко Мортимера и Аминту, или Дельфину, такъ и сами расплачетесь! Она ставила себя въ роль главной героини и хотѣла вѣрить, что благосклонная судьба, въ надлежащее время, уже не далекое, сама приведетъ къ ней ангелоподобнаго героя. Я же не увлекалась романомъ, какъ чужою жизнію, не мечтала ни о чемъ для себя, а для нея желала только добраго и хорошаго мужа. Тогда въ нашемъ сосѣдствѣ даже вовсе не было порядочныхъ холостыхъ кавалеровъ. Только разъ въ приходской нашей церкви появился пріѣзжій офицерикъ, Каратыгинъ, молоденькій и хорошенькій. Онъ бросилъ на нашу барышню нѣсколько умильныхъ взглядовъ, но тѣмъ и ограничился, вопреки разглашенному его и нашею прислугою

слуху о его намѣреніи заслать къ намъ сваху, и къ обидному разочарованію барышни, сразу неосторожно повѣрившей этому слуху. Я не могла говорить ей о безбрачіи. Мужъ ей былъ нуженъ и для того, чтобы прекратить дурное опекунское управленіе ея имѣніемъ, допустившее расхищеніе родственниками половины драгоцѣнностей ея матери, на сумму 6000 рублей. Поэтому я искренно внушала ей, что она должна выйти замужъ за такого человѣка, завѣдомо хорошаго и опытнаго, какъ Нефимоновъ, и притомъ поспѣшить это сдѣлать. Опекуномъ ея былъ двоюродный дядя, Николай Яковлевичъ Скульскій, у котораго былъ сынъ Василій Николаевичъ. Они-то съ Мыльниковымъ и рѣшили выдать ее за Скульскаго. Послѣ разочарованія относительно офицерика, барышня моя стала поддаваться моимъ совѣтамъ. Пока мы занимались чтеніемъ, Нефимоновъ дѣйствовалъ. Онъ съѣздилъ къ Мыльникову и просилъ руки его сестрицы, Александры Гавриловны. Тотъ наотрѣзъ ему отказалъ, а самъ, пріѣхавши къ намъ, строго-на-строго наказалъ дворовымъ нашимъ, что если, Боже сохрани, кто изъ нихъ услышитъ, что Нефимоновъ близъ Мартьянова, то сейчасъ бы присылали къ нему верхового. Но Николай Петровичъ дѣйствовалъ осторожно. Онъ самъ избралъ старушку-помѣщицу быть между нами посредницей. Она приноситъ письмо отъ Н. П. Онъ объясняется въ любви къ Александрѣ Гавриловнѣ, проситъ ея руки и пишетъ: «Хотя вашъ братецъ и отказалъ мнѣ, но я не думаю, что это онъ сдѣлалъ съ вашего согласія. Если же, паче чаянія, вы откажете, то знайте, что мнѣ остается только пуля въ лобъ». Прочитавъ такое письмо, мы обѣ расплакались. «А что̀, если онъ застрѣлится, свою душу погубитъ, братья же и сестры, которымъ онъ замѣняетъ отца, станутъ проклинать васъ?» сказала я ей. Этотъ доводъ на нее подѣйствовалъ, и она дала свое согласіе. Черезъ эту же посредницу, она написала Нефимонову, чтобы въ ближайшее Воскресеніе онъ пріѣхалъ въ нашу приходскую церковь къ обѣднѣ. Нужно было дѣйствовать какъ можно осторожнѣе. По ночамъ я шила ей подвѣнечное платье. 24-го Октября 1820 года, по окончаніи обѣдни, неожиданно для всѣхъ выходитъ изъ алтаря женихъ и одновременно съ невѣстой подходитъ къ аналою, и начинается вѣнчаніе. Лакей нашъ, старикъ, бѣжитъ къ кучеру и говоритъ: «Ничего-то ты не знаешь, что̀ у насъ дѣется».—«А что̀?»—«Да вѣдь нашу-то барышню вѣнчаютъ»!—«Врешь?»—«Какое вру: поди, посмотри самъ!»—«Какъ же теперь быть-то? Вѣдь надо скакать къ барину!»—«Вотъ еще что̀ выдумалъ, за двадцать-то верстъ скакать! Да пока ты думаешь, то ихъ уже обвѣнчаютъ!» И вотъ 30-лѣтній женихъ и 14-тилѣтняя невѣста стали мужъ и жена. Это не одинъ такой

случай: прежде рано можно было вѣнчать и безъ всякихъ оглашеній, тѣмъ болѣе у помѣщиковъ.

Было бы нехудо, если бы Нефимоновъ послѣ своей свадьбы, хотя недѣли двѣ, невинно забавлялся со своею молодою женой, и продолжалъ ухаживать за нею, какъ бы за невѣстою. Вмѣсто того, привезя ее въ свою усадьбу Волково, онъ сразу сбросилъ маску кавалера и расхалатился по деревенски, что̀ ей не понравилось. Кромѣ того, молодой барынѣ было непріятно, что онъ не постарался обезпечить для нея вполнѣ почтительное отношеніе со стороны домашнихъ, чего добиться личными усиліями мѣшала ей дѣтская наружность. А въ домѣ жило много его родныхъ, и случалось, что кто-нибудь изъ нихъ посмѣется надъ нею, или даже скажетъ ей что-нибудь обидное; баринъ же, если и замѣтитъ это, то пропуститъ мимо ушей, какъ пустяки, не стоющіе вниманія. Придетъ ночь, и барыня начнетъ со слезами жаловаться мужу на всѣ претерпѣнныя днемъ обиды, а тотъ ей въ отвѣтъ: «Полно, матушка, плакать о пустякахъ; видно тебѣ дѣлать-то нечего. Женскія слезы—вода!» А самъ съ этими словами отвернется отъ нея, да и захрапитъ. Она же не спитъ и плачетъ еще болѣе, огорчаясь такимъ невниманіемъ мужа къ ея жалобамъ. На другое утро соберутся къ завтраку (прежде чай-то пили мало, и то только по праздникамъ, въ обыкновенные же дни, вмѣсто нынѣшняго чая, подавался завтракъ). Всѣ веселы и ѣдятъ, а она сидитъ съ опухшими отъ ночныхъ слезъ глазами и ничего не кушаетъ. Старая тетка барина, жившая тогда у него въ домѣ, взглянетъ на барыню, да и скажетъ: «Это еще что̀ за капризы? Да, впрочемъ, губа толще, такъ брюхо тоньше!» Отъ этихъ словъ старухи барыня опять въ слезы, а баринъ опять молчитъ и ея не защищаетъ. Бывало, сосѣди позовутъ ихъ въ гости въ праздникъ или на именины. Барыня съ радостію собирается, и баринъ соглашается, но съ тѣмъ, чтобы ему дали соснуть часокъ. Вотъ она уже одѣта, и лошади стоятъ у крыльца; а онъ, услыша нетерпѣніе въ ея зовѣ, говоритъ, зѣвая и потягиваясь: «Велите лошадей отложить, мнѣ что-то нездоровится». Ну, понятно, барыня плачетъ и сердится. Баринъ же какъ будто не замѣчаетъ ни того, ни другого.

Конечно, она была почти дитя, и потому ея слезы иногда бывали дѣтскія. Но не всегда такъ бывало. Разъ приходитъ къ ней какая-то женщина и, показывая на свою дѣвочку, говоритъ: «Вотъ, матушка, не оставьте мою Любу: она дочь вашего мужа». Барыня опять въ слезы. Всякій господинъ согрѣшаетъ до свадьбы, но ей хотѣлось бы, чтобы ея мужъ былъ получше другихъ, и ей онъ сдѣлался противенъ.

Случалось, что онъ начнетъ ее цѣловать, а она плюется. Можетъ быть, вслѣдствіе какой-нибудь гнѣвной вспышки съ его стороны, она начала его бояться; пойдутъ, напримѣръ, они въ лѣсъ гулять, а она думаетъ: «какъ бы онъ меня не убилъ». Родивъ перваго мертваго ребенка, она проситъ мужа: «Отпусти меня въ монастырь, возьми себѣ все мое имѣніе, а я не хочу жить съ тобой. Не отпустишь, то сама уйду!» А онъ отвѣчаетъ не столько гнѣвно, сколько добродушно-насмѣшливо и наставительно: «Ну, куда же ты уйдешь отъ меня? Вѣдь я тебя вездѣ достану!» Только въ разговорѣ со мной она отводила душеньку и успокоивалась немного. Однако, наконецъ, ихъ семейная жизнь стала улучшаться, къ моей великой радости. Бариновы сестры повыходили замужъ, а братья встали на свои ноги, устроившись внѣ усадьбы, отчего барыня сдѣлалась единственною госпожею въ домѣ, и въ немъ ей стало покойнѣе. Мы переѣхали жить въ ея собственную, любимую ея усадьбу, Мартьяново. Здѣсь нѣкая барыня втерлась къ намъ въ дружбу, да и стала смущать всѣхъ. Барину говоритъ: «Что ты смотришь, да ничего не видишь? Жена твоя еще ребенокъ и будетъ къ тебѣ ласковѣе, если прогонишь няньку, подучивающую ее противъ тебя». Намъ же она говоритъ: «Не поддавайтесь барину; не то онъ няню прогонитъ, а имѣніе себѣ заберетъ». На самомъ же дѣлѣ ни я не возбуждала жены противъ мужа, ни мужъ не пытался овладѣть имѣніемъ жены, хотя управлялъ имъ почти неограниченно. Наговоры посторонней дамы тревожили насъ и оказали вліяніе на барина, который однажды сказалъ женѣ: «Дай Авдотьѣ вольную. Мы ее наградимъ, и пускай она живетъ, гдѣ захочетъ!» Узнавъ объ этомъ, я съ горькими слезами бросилась имъ въ ноги и говорю: «Ничего мнѣ не надо, только не гоните меня отъ дѣтей вашихъ: очень ужъ я ихъ люблю!» У барыни каждый годъ рождались дѣти. Въ послѣдовавшихъ за этимъ объясненіяхъ выяснилось, какъ та старушонка насъ мутила. Баринъ разсердился на нее, топнулъ ногой и приказалъ ей убираться, куда хочетъ, съ тѣмъ, чтобы нога ея никогда болѣе не переступала нашего порога. Послѣ этого пошла у насъ мирная жизнь. Въ этомъ столѣ лежитъ черновое письмо, въ которомъ сама барыня глаже меня говоритъ о перемѣнѣ ея чувствъ къ мужу.

Крѣпостные и господа.

Я охотно нянчила бы дѣтей барыни, если бы твердая господская воля не возложила на меня почетной, но тяжелой и хлопотливой должности ключницы и домоправительницы. Моя обязанность была разливать чай, приготовлять варенье и соленье, выдавать повару прови-

зію, назначать горничнымъ работы и смотрѣть за ихъ поведеніемъ; иногда ночь придетъ, а я долго не ложусь: то бѣлье крою, то пересматриваю, все ли оно въ порядкѣ. Кромѣ того, много гостей къ намъ ѣздило, а особенно въ приходскіе праздники или господскіе именины, не только изъ сосѣднихъ усадебъ, но даже изъ Любима, знакомые и родственники наѣзжали къ намъ на тройкахъ, съ лакеями и горничными; мнѣ же приходилось распорядиться размѣщеніемъ и угощеніемъ ихъ всѣхъ. Не смотря на всѣ эти обязанности, я успѣвала наблюдать и за барскими дѣтьми. У каждаго изъ нихъ были мамушки и нянюшки, которыя также всѣ состояли подъ моей командой. Кормилицъ для барскихъ дѣтей брали изъ крестьянокъ; но существовало у насъ такое обыкновеніе, что, отпуская кормилицу домой, по окончаніи срока кормленія, господа въ тоже время, въ награду за благополучное и добросовѣстное окончаніе этого дѣла, давали вольную ея дочери*). Это была великая награда, такъ какъ въ другихъ случаяхъ дѣвица, желавшая выкупиться на волю, должна была внести помѣщику 500 р. ассигнаціями (тогда серебряный нынѣшній рубль считался за 3 р. 50 к.), а въ тогдашнія времена такую сумму почти невозможно было пріобрѣсть обыкновеннымъ крестьянскимъ земледѣльческимъ трудомъ. Нянюшки же были изъ дворовыхъ, и за окончаніе своего дѣла награждались только сравнительнымъ почетомъ и покоемъ, по усмотрѣнію господъ. Няньчанье, однако, не всегда проходило благополучно. Такъ и у насъ былъ несчастный случай, когда няня, идя по лѣстницѣ съ барышнею Соничкою на рукахъ, упала сама и уронила дѣвочку, у которой отъ того впослѣдствіи сдѣлался горбикъ. Конечно, такая нянька была навсегда удалена отъ должности. Остальныя господскія дѣтки росли благополучно и становились красавчиками. Я мало ихъ ласкала и цѣловала, но много любила, и пока они были малютками, всѣхъ ихъ собственноручно мыла, такъ какъ признавала, что здоровье дѣтей сильно зависитъ отъ полной чистоты ихъ тѣла.

Дмитрій и Надежда, какъ первенцы, кушали чай съ сахаромъ и бѣлымъ хлѣбомъ; въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ чай еще не успѣлъ сдѣлаться ежедневнымъ и общимъ для всей семьи напиткомъ. Остальныя дѣти въ то время довольствовались молокомъ и черным хлѣбомъ. Впрочемъ, черный хлѣбъ такъ нравился мальчикамъ, что они часто добровольно крошили его съ лукомъ и квасомъ, и славно уплетали эту «тюрю». Наконецъ, стали для васъ нанимать учителей и гувернанокъ. За этими людьми присмотрѣть приходилось мнѣ же. Бывали

*) Если же новорожденный былъ мальчикъ, то освобождался отъ рекрутчины.

изъ нихъ такіе, что били дѣтей; ну, я это ужъ живо сама прекращала. Нѣкоторые любили гулять парочкой и цѣловаться въ потемкахъ. Это дурной примѣръ дѣтямъ, и о такихъ случаяхъ я поневолѣ докладывала барынѣ на ушко, а ей самой гдѣ же все усмотрѣть! У меня глаза были зоркіе, да и изъ прислуги нѣкоторые добровольно помогали мнѣ въ наблюденіяхъ. А наблюдать было за чѣмъ, такъ какъ однихъ дворовыхъ людей при насъ жило около 40 душъ. Отчасти благодаря надзору, все въ нашемъ домѣ шло чинно и благородно. Къ чести барина скажу, что онъ старался избѣгать ухаживанія за своими крѣпостными женщинами, между которыми были и красавицы, и воспрещалъ это сыновьямъ, когда тѣ подросли. Не позволялъ онъ дѣтямъ своимъ и наказывать прислугу, говоря: «самъ наживи собственныхъ людей и тогда распоряжайся ими, а родительскихъ не смѣй пальцемъ тронуть!» Самъ же наказывалъ прислугу нерѣдко, а строже всего преслѣдовалъ неуваженіе къ помѣщичьей власти. Иногда онъ казался до того грозенъ, что нѣкоторые изъ подвластныхъ, заслышавъ его приближающіеся шаги, начинали ощущать страхъ и старались, если возможно, найти другой путь, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ нимъ. Крестьянъ своихъ баринъ не разорялъ и по своему заботился о нихъ, соблюдая и свои интересы. У вашей замужней сестры сохранилось его письмо, въ которомъ онъ самъ описываетъ свои отношенія къ жениным крестьянамъ. Въ этомъ письмѣ, написанномъ къ зятю въ 1859 году, сказано: «Любезный другъ! Любушка пишетъ мнѣ, чтобы Владимирскимъ крестьянамъ, Судогодскаго уѣзда, дать лѣсу на постройку. Вѣрно, они на меня жаловались, не сказавъ о томъ, что у нихъ прежде было 250 десятинъ строеваго лѣса, который они, безъ всякой надобности, вздумали раздѣлить по участкамъ, не берегли нимало, торговали имъ, употребляли его кому куда вздумалось, а нѣкоторые пропивали вырученныя за него деньги. Когда провели мимо нашихъ деревень шоссе, крестьяне стали просить позволенія выстроить постоялые дворы, но о лѣсѣ ничего не говорили. Я, не ѣздивши къ нимъ, не осмотрѣвъ мѣстности и лѣса, позволилъ имъ выстроить. Они сами по себѣ распорядились лѣсомъ: выстроили 8 постоялыхъ дворовъ, употребивъ на каждый около 2000 деревъ. Узнавъ о томъ, я поѣхалъ къ нимъ, и когда увидѣлъ, сколько уничтожили прекраснаго лѣса, ахнулъ отъ удивленія! Скоро ли дождешься такого лѣса? Это вѣками достается. Имъ было на руку, что я къ нимъ не ѣздилъ болѣе 20 лѣтъ, не ожидая отъ нихъ такой смѣлости; не считалъ необходимымъ бывать у нихъ, получая оброкъ своевременно и не имѣя нужды въ деньгахъ. Дѣлать было нечего, возвратить потерю лѣса невозможно; побранилъ

и, чтобы сберечь остатокъ лѣса строевого, въ количествѣ не болѣе 50 десятинъ, запретилъ, чтобы никто не смѣлъ его рубить болѣе. Хотя въ другой сторонѣ и есть много лѣса, но онъ еще молодъ, на постройку не годится. Я и этотъ запретилъ рубить. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, вся деревня Плохово выгорѣла. Мужики стали просить лѣсу. Какъ отказать? Я далъ имъ изъ того участка, въ которомъ осталось 50 десятинъ. Когда деревню выстроили, то лѣсу осталось не болѣе 15 десятинъ. Какъ же послѣ этого не запретить порубку? Иначе, избави Боже, село выгоритъ, и они должны будутъ покупать для необходимой постройки лѣсъ на сторонѣ. Теперь они уже поправились. Имѣя средства, могутъ покупать на постройку бревна, потому что оставшійся лѣсъ необходимо беречь на крайній случай. Оброкъ получается съ нихъ небольшой; у меня платятъ по 15 р. съ тягла, у васъ еще менѣе. Вы ихъ очень балуете. Мои, смотря на вашихъ, не будутъ платить, и съ нихъ ничего не получишь безъ принужденія. У нихъ славный способъ добывать деньги возкою камня на шоссе. По 60 к. ассигнаціями сажень, только вози; а камней такъ много, что въ 20 лѣтъ не вывозятъ. Имѣніе лѣсомъ дорого, когда выведутъ лѣсъ—будетъ бѣда. Народъ продувной, на всякомъ шагу стараются обмануть помѣщика. Я слышалъ отъ вашихъ крестьянъ, они вамъ жаловались, что я ихъ изнурилъ во время постройки этапа, что они помогали моимъ крестьянамъ возкою лѣса. Я объ этомъ не зналъ, возятъ ли они, а когда узналъ, то приказалъ моему старостѣ сказать имъ, чтобъ ихъ никуда не наряжали. Все это отдаю на ваше распоряженіе. Если хотите давать имъ лѣса, то прошу меня увѣдомить. Я прикажу имъ выдѣлить на четвертую часть, а свой буду беречь. Лучше бы поберечь его вообще, цѣлѣе будетъ. Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно».

Были у насъ двѣ семьи крестьянъ, находившіяся на оброкѣ въ Петербургѣ и нажившіяся торговлею. Они откупились на волю за 5000 р. ассигнаціями, и на эти деньги баринъ, въ 30-хъ годахъ, отстроилъ два большихъ дома въ Ярославлѣ. Казалось бы, что люди, такъ дорого заплатившіе за свою свободу, не могли любить своихъ бывшихъ помѣщиковъ. Однако, когда барыня, въ началѣ 40-хъ годовъ, привезла своихъ сыновей въ Петербургъ, для опредѣленія въ корпуса, то эти самые вольноотпущенники помѣстили ее въ своемъ домѣ и оказали ей великій почетъ и большое расположеніе. Баринъ, къ счастью своему, не дожилъ до великаго дня освобожденія всѣхъ крестьянъ. Я же лично, какъ вы знаете, почти за 40 лѣтъ до этого дня, добровольно отказалась отъ свободы, изъ любви къ моей барынѣ и ея дѣтямъ, а день освобожденія засталъ меня дряхлою, негодною для свободной жизни.

Характеръ Авдотьи Григорьевны и конецъ ея жизни.

На этомъ обрываются воспоминанія Авдотьи Григорьевны, записанныя мною кратко. Продолженіемъ ихъ когда-нибудь явятся мои собственныя записки. Теперь же добавлю нѣсколько строкъ о положеніи въ нашемъ домѣ, характерѣ и остальной жизни Авдотьи Григорьевны. Самъ глава дома, отецъ мой, относился къ ней съ полнымъ почтеніемъ. Мать моя искренно ее любила и уважала. Мы же, дѣти помѣщичьи, ей, крѣпостной, иногда цѣловали руки и смотрѣли на нее почти такъ, какъ если бъ она была намъ родной бабушкою. Противъ послѣдняго названія старушка постоянно протестовала, говоря: «Что̀ это? Вѣдь я дѣвушка; какъ же у меня могутъ быть внучата?» Когда одна изъ моихъ сестеръ вышла замужъ и, живя съ мужемъ въ столицѣ, въ 1844 году со страхомъ ожидала первыхъ родовъ, то наша Дунинька, какъ мы ее называли, сказала моимъ родителямъ: «Она еще такой птенчикъ, и на чужой сторонѣ, при мнѣ было бы менѣе страшно. Отпустите-ка меня въ Петербургъ!» Ее отпустили. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было. Чтобы не причинить господамъ большого расхода, она поѣхала на долгихъ, тащилась 15-ть дней и вытерпѣла прямо мучительную ѣзду. Возвратясь домой, она говорила: «Ну, слава Богу, хотя я много натерпѣлась дорогой, но за то насмотрѣлась на мою голубушку и ея ребеночка, обрадовала ее, и сама успокоилась, что ей живется недурно, а на прощанье все-таки поклонилась въ ноги ея мужу, чтобы онъ ее любилъ и берегъ!»

Послѣ освобожденія крестьянъ Дунинька осталась въ нашемъ домѣ, но, къ сожалѣнію, уже въ качествѣ инвалида, такъ какъ къ этому времени она успѣла постепенно ослѣпнуть. Поневолѣ оставивъ свои обязанности домоправительницы, она заплакала. «Вотъ ужъ я стала никуда негодна!» Однако и слѣпая, она не оставалась праздною: попроситъ завязать чулокъ или шнурочикъ на рогулькѣ и работаетъ. Не смотря на слѣпоту и престарѣлый возрастъ, она осталась чистоплотною, деликатною и тактичною. Нравственная чистота ярко отпечатлѣвалась на ея лицѣ, оставшемся до конца дѣвственнымъ, благороднымъ и миловиднымъ. Окружавшая ее тьма изрѣдка освѣщалась яркими и пріятными видѣніями, то свѣтскаго, то религіознаго содержанія. Такъ, однажды представился ей Спаситель, благословеніемъ поощрявшій ее къ терпѣнію; она протянула къ нему руки и радостно говоритъ мнѣ: «Какъ будто я не слѣпая: вотъ-вотъ Онъ стоитъ передо мной!» Во время болѣзни ея барыни (моей матери) Дунинька пыталась

ощупью приблизиться къ ней, чтобы оказать ей посильную помощь; но случалось иногда при этомъ сама натыкалась на мебель и стѣны. Когда же барыня скончалась, слѣпая няня сперва всю ее обшарила, чтобы убѣдиться, что умершую одѣли какъ слѣдуетъ, а потомъ трижды перекрестила ее и сказала. «Ну, слава Богу, теперь и я умру спокойно. Прощай, моя матушка, скоро увидимся!» Дѣйствительно, вѣрная няня ненадолго пережила свою бывшую воспитанницу. Она скончалась съ молитвою на устахъ черезъ пять мѣсяцевъ, въ возрастѣ свыше 80 лѣтъ, въ 1872 году, въ Ярославлѣ. По начитанности и развитію, она стояла выше большинства своихъ современниковъ даже изъ помѣщичьяго класса. Къ ея добрымъ качествамъ слѣдуетъ добавить и безкорыстіе: около 40 лѣтъ распоряжаясь хозяйствомъ въ зажиточномъ домѣ, она ничего не нажила. Было ею сбережено только 86 рублей, полученныхъ отъ членовъ нашей семьи въ видѣ подарковъ на именины и праздники. Но и эти послѣднія деньги она отдала одной дѣвушкѣ, которой нужна была шуба по случаю наступающей зимы, и, отдавая, говорила. «Зачѣмъ мнѣ деньги? Я, слава Богу, сыта и одѣта.»

В. Волоцкая.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ[1]).

1823-й годъ.

Завидово, 24 Мая 1823.

Послѣдній разъ, любезнѣйшій братъ, писалъ я тебѣ изъ Торжка, откуда послалъ Сашкѣ [2]), яко старому подагристу, страждущему мозолями, покойные сафьянные сапожки. Нигдѣ не нашелъ я такой чистоты, такой чай, кофе, столъ и дешевизны, какъ у Пожарскаго въ Торжкѣ. Il faut soutenir ce brave homme—et on lui fait de telles avanies que sans l'appui d'un m-r Lvoff, qui alla lui-même à Twer, ces braves gens allaient être mis en prison: c'était une affaire arrangée exprès, car alors, d'après le réglement, il serait privé du droit de tenir auberge.

Тутъ останавливался князь Дм. Волод. [3]), и мы слышали, что жена Конст. Марков. Полторацкаго (они тутъ живутъ верстахъ въ 10) пріѣзжала и два дня жила, поджидая князя, чтобы звать къ себѣ, но не дождавшись уѣхала, и оставила письмо, ею писанное и очень длинное, что князь читалъ оное раза три и, наконецъ, сказалъ: нечего дѣлать, надобно ѣхать! Поѣхалъ къ Полторацкой [4]) и ночевалъ тамъ ночь, о чемъ тебѣ и рапортую, si cela peut vous intéresser.

*

Москва, 25 Мая 1823.

Мы прибыли сюда вчера въ десятомъ часу вечера, любезнѣйшій другъ. Я тотчасъ написалъ нѣсколько строкъ Рушковскому, прося его, ежели еще можно, дать тебѣ знать, что мы въ портѣ. Дорога совершилась счастливо и даже скоро, какъ сочтешь, сколько мы теряли времени на ночлеги, обѣды, чаи и прогулки по дорогѣ пѣшкомъ. Дилижансы славная вещь; только одинъ порокъ, что слишкомъ высоко, очень неудобно лазить, особливо дамамъ. Скажи Серапину, что мы очень были довольны нашимъ проводникомъ. Въ Всесвятскомъ наѣхали

---

[1]) Смотри выше стр. 398. Первые мѣсяцы 1823 года А. Я. Булгаковъ прожилъ у брата своего въ Петербургѣ. П. Б.

[2]) Т. е. возвратившемуся изъ чужихъ краевъ А. А. Волкову.

[3]) Голицынъ.

[4]) Софьѣ Борисовнѣ.

мы на гуляющаго Осипова съ компаніей, остановились на минуту; а онъ, увидя издали дилижансъ, сказалъ: ахъ, кабы это Александръ Яковл.! Анъ такъ и вышло. Въѣхавъ въ городъ, на Тверской остановились мы противъ дома Мамоновой [1]), чтобы узнать только, тутъ ли она. Видимъ огни, кареты; только вдругъ вѣтреница сама выбѣгаетъ въ легенькомъ платьѣ на улицу, хотѣла насъ вытащить, къ себѣ чай пить, говоря, что у нея тесть; натурально, не согласились; глядимъ, выходитъ и кн. Вас. Алекс., съ княгинею и Обрѣзковою, Пр. Вас., болтать, да болтать, насилу отъ нихъ вырвались. Всѣ они въ восхищеніи отъ дилижанса, который смотрѣть собралась съ ними куча народу. Поѣхали мы домой. Люди всѣ въ восхищеніи отъ нашего возвращенія. Я тотчасъ послалъ къ Фасту, который прислалъ вмѣсто себя вина и цѣлый ужинъ, а черезъ полчаса и самъ явился съ женою и Наст. Ив. Мосоловою [2]). Чрезмѣрно мы обрадовались другъ другу, и первое его слово было: Какой ты дуракъ! Зачѣмъ пріѣхалъ? Я прежде Іюля тебя не ждалъ. Онъ такъ мнѣ это говорилъ серьезно, что я не могъ не отвѣчать ему также серьезно: Оттого, что скучно стало въ Петербургѣ. Какъ ни хотѣлось спать обоимъ, а особливо мнѣ, заболтались до 12 часовъ. Мнѣ достался и другой дуракъ: зачѣмъ, видишь, не привезъ я ему съ биржи кустарниковъ и цвѣтовъ! Все такой же странный и добрѣйшій малый. Ну, въ дуракахъ же я всталъ въ семь часовъ, чтобы запереться и къ тебѣ писать; вмѣсто того тесть въ двери, ну болтать, да еще и перо отнялъ, чтобы тебѣ писать. Не знаю, правда ли, что онъ написалъ, узнàю, и ежели подлинно такъ, то лучше взять мальчика обратно и отдать другого, ежели имѣешь. Князь въ красномъ своемъ кафтанѣ въ восхищеніи, ѣдетъ въ общее собраніе, все добивается, что̀ новаго, чтобы, видно, разсказать товарищамъ своимъ [3]). Какія тутъ новости, мы недѣлю въ дорогѣ были. Я велѣлъ жену разбудить, и теперь она съ нимъ толкуетъ, а я продолжаю писать. Ты меня очень насмѣшилъ разсужденіями Лазарева, который думаетъ, что скорѣе можно совсѣмъ не обѣдать, нежели отказать обѣдать съ министрами. Спасибо пріятелямъ, тебя не оставляющимъ, а особенно милому Воронцову. Тесть говоритъ, что назначеніе его произвело большую радость въ Москвѣ, а Греки давали обѣдъ, чтобы праздновать оное. Право, сладко видѣть, какъ общее мнѣніе единогласно отдаетъ справедливость достоинствамъ Мих. Семенов. Обними его крѣпко за меня и поцѣлуй ручку у милой графини.

*

[1]) Нынѣ Глазная Больница.

[2]) Это теща Ф. П. Макеровскаго.

[3]) Князь В. А. Хованскій былъ сенаторомъ.

Москва, 27 Мая 1823.

Ив. Ник. Корсаковъ [1]) бываетъ у насъ почти всякій день. Онъ любитъ говорить о прошедшемъ своемъ фаворѣ, и я когда-нибудь наединѣ заставлю его болтать и выпрошу, ежели есть у него какіе-нибудь любопытные документы. Хандра его прошла. Наташа большая его фаворитка, и онъ выѣзжаетъ всюду, куда только она ему велитъ. Hier il montrait à Natalie une bague très belle, un rubin entouré de diamants, cadeau de l'imp. C. Il lui dit: никому въ свѣтѣ не отдалъ бы этого кольца, но ежели вамъ нравится, почту за счастье, ежели приметъ отъ обожателя Наталья, Боярская дочь (c'est comme cela qu'il l'appelle toujours). Наташа не взяла, и у нихъ теперь ссора за это.

Забылъ я тебѣ сказать о несчастіи, постигшемъ нашу Александру Петровну. Онѣ обѣ [2]) нанимаютъ какой-то старый каменный домъ у попа. Послѣ обѣда (это было на той недѣлѣ) А. П. говоритъ сестрѣ: пойдемъ посидѣть на балконъ, сама отворяетъ двери, но едва вступила на балконъ, какъ оный обрушился вдругъ, тогда какъ другая сестра хотѣла ногу на него поставить. Она переломала себѣ всѣ члены и, къ несчастію, еще жива. Не шутка со второго этажа упасть на мостовую. Не смотря на все зло, которое она намъ причинила, я, право, о ней сожалѣю.

Мы не можемъ набесѣдоваться съ Фастомъ. Вчера обѣдали мы вмѣстѣ у добраго Пфеллера, который очень желаетъ видѣть сына подъ крыломъ Анстета; я ему сказалъ, что это со временемъ можетъ сдѣлаться. Былъ я также въ оперѣ, давали Танкреда и прекрасно. Потомъ ужинали мы у тестя и воротились домой по прекрасной ночи пѣшкомъ. Сегодня (Воскресенье) званы мы обѣдать къ Мамоновой, а на вечеръ къ Риччи. Не смотря на все это движеніе, скучно. Единообразная Петербургская жизнь очень мнѣ нравилась, и я грущу даже по спорщикѣ Бальшѣ.

Сказывалъ мнѣ тесть, что старикъ Северинъ, отецъ нашего пріятеля Д. П., женился и на какой-то богатой, забылъ ея имя. Знаетъ ли это сынъ? Здѣсь много дѣлаетъ шуму пьеса одна, подъ заглавіемъ Мысли Россійскаго Негоціанта объ упадкѣ торговли въ Россіи и о

[1]) Проживавшій въ Москвѣ въ домѣ своемъ на Тверскомъ бульварѣ, бывшій любимецъ Екатерины Великой (въ письмахъ къ Гримму она зоветъ его Пирръ, Царь Эпирскій). Онъ дожилъ до 1836 года; Пушкинъ ѣздилъ къ нему разспрашивать объ Екатеринѣ.

[2]) Т. е. она и сестра ея, Колтовская, которая вела нѣкогда тяжбу съ братьями Булгаковыми за наслѣдство ихъ отца, бывшаго ей роднымъ по ея отцу дядею.

средствахъ оную возстановить. Я бы очень желалъ, чтобы Канкринъ ее прочелъ, тутъ много хорошаго, а въ статьѣ о суккахъ осыпаютъ похвалами нашего Карнѣева, говоря о службѣ его здѣсь.

Митюша Нарышкинъ скоро будетъ назадъ. Его намѣреніе оставить военную службу, перейти, какъ Казначеевъ, въ статскую и служить при графѣ, même, dit-il, comme исправникъ, si le c-te le voulait. Какъ этотъ Воронцовъ умѣетъ заколдовывать своихъ подчиненныхъ! Я заколдованъ безъ того и мужемъ, и женою. Рѣдкая чета! Обними за меня вицероя полуденной Россіи.

*

Москва, 28 Мая 1823.

Пріѣзжалъ добрый старичокъ Ал. Петр. Нечаевъ, который любитъ поболтать и имѣетъ множество всегда анекдотцевъ о времени Екатерины. Только-что отдѣлались отъ него, явился Метакса, тамъ Строевъ, Похвисневъ, Сачи, который похудѣлъ; говоритъ, что былъ долго боленъ, показывая на фракъ около брюха. Laissez là votre ventre et votre corps, сказала ему жена, et pensez plutôt à votre âme. Они сцѣпились, а я далъ тягу; да только-что сталъ писать, а тутъ Риччи пріѣхали. Куда первые дни пріѣзда скучны! Вчера обѣдалъ я у Митюши Нарышкина и видѣлъ большую часть картинъ и вещей, присланныхъ сюда графомъ Ростопчинымъ. Картинъ съ 200, да портфелей съ 10 съ разными эстампами и рисунками.

*

Москва, 31 Мая 1823.

Вчера было рожденіе Катер. Волод. Апраксиной. Всѣ себя почитали въ обязанности ѣхать къ ней на вечеръ, только княгиня Ел. Вас. Хованской *), коей не хотѣлось ни дѣлать туалетъ, ни сказаться больною, что же вздумалось? Послала поздравить К. В. и прибавить: очень, дескать, сожалѣю, что не могу къ вамъ быть сама въ вечеру, да у насъ сегодня также рожденіе Алекс. Яковлев. Булгакова и назвалась къ намъ ужинать. Очень рады! Не знаю, какъ это разнеслось по городу, только Апраксины присылаютъ меня поздравить, а въ вечеру накопилось человѣкъ 20 у насъ, и все, что не поѣхало къ Апраксиной, явилось къ намъ. Я слылъ все имениникомъ, и пили Шампанское за ужиномъ. Въ 11 часовъ разлетѣлась Мамонова, ей говоритъ княгиня: какъ ты кстати пріѣхала, сегодня рожденіе А. Я.—М. ушла въ уборную, только хвать, нѣтъ ея, уѣхала—экая бѣшеная! Что же вышло? Поѣхала домой, надѣла бѣлое нарядное платье вмѣсто своего чернаго и явилась опять около полуночи. Ну, ежели бы сказали вамъ,

*) Мачиха супруги А. Я. Булгакова.

что я умеръ, вы бы опять поѣхали надѣть траурное свое платье? Играли мы въ вистъ, и я зашибъ 75 р. Мы откладываемъ съ Наташей выигрышныя деньги на покупку клавикордъ для деревни, и уже 205 накопилось; еще бы столько, такъ и дѣло въ шляпѣ.

Вчера я пріѣзжаю къ Гуа купить конфектъ. Гуа уже уѣхалъ во Францію, а лавку свою продалъ онъ или передалъ сыну Дублета; только мнѣ говорятъ, что полиція ее запечатала, оттого что взята была форма мороженаго къ Пашковымъ, и въ компаніи этой занемогло отъ мороженаго человѣкъ 20, а нѣкоторые, между прочимъ В. И. Путята, Ал. Н. Николева и Е. И. Пашковъ, очень отчаянно. Вѣроятно нелуженая была форма, одни не ѣвшіе мороженое остались здоровы. Вчера, шатаясь (какъ то бывало съ нами въ Петербургѣ) по лавкамъ, нашелъ я прелестныя игрушки, наподобіе продающихся жестяныхъ у Нюренбергцевъ, только однѣ очень дороги, а эти дешевы и сдѣланы такъ хорошо, что Русскій этотъ художникъ разбогатѣлъ: иностранцы множество покупаютъ и увозятъ съ собою, есть въ разныхъ видахъ и величинѣ; отдай это отъ меня милому Сашкѣ. Кибитка и телѣга курьерская взяты съ рисунковъ Орловскаго. Вчера разставилъ я всю эту коллекцію на длинномъ шкапѣ, освѣтилъ лампою, прекрасный произвело эффектъ.

Былъ я у Витберга. На этотъ годъ не думаю я ставить работниковъ для храма Воробьевскаго, ибо мало осталось времени, да и плату уменьшили.

Картину Маршала я получилъ отъ г-на Мора, только ее дорогою открывали, но къ счастью ничего не повреждено. Ив. Ник. Корсаковъ тоже влюбленъ въ эту голову. Какъ она мнѣ ни нравится, но ежели пойдетъ на мѣну съ его S-t Famille Carlo Marotti, картину, за которую охотники дадутъ вѣрно тысячъ 10, я помѣняюсь. Какія есть сокровища у этого человѣка! Вчера онъ тоже у насъ ужиналъ.—По дружбѣ къ Северину я справлялся объ отцѣ его, вышло вздоръ, да и какъ быть этому? Жена его живехонька; она двоюродная сестра Обрѣзковыхъ, а родная сестра красавицы Обрѣзковой, Остенши, что нынѣ княгиня Хилковой. Какую не плетутъ басню!

*

Москва, 4 Іюня 1823.

Лухмановъ святилъ церковь въ Косинѣ, гдѣ нашлась вода святая и явленный образъ. Я былъ званъ, но не поѣхалъ отъ лѣни; былъ тамъ тесть, и сказывалъ, что обѣдало человѣкъ съ полтораста, и очень дурно. Былъ князь Дм. Волод. и много знати изъ Москвы. Охота ѣхать

за 11 верстъ въ этотъ жаръ! Вяземскій ѣхалъ въ Подмосковную вчера, его на шестой верстѣ вывалили, изломали коляску и ушибли очень ногу; я былъ у него сейчасъ на минуту; вывихнутаго нѣтъ ничего, ни изломаннаго, но долженъ однакоже лежать; говоритъ, что ушибъ также грудь. Сгоряча-то не почувствовалъ. Сказывалъ мнѣ Гриша Корсаковъ, что у матери его пошли лишаи по тѣлу, и она такъ боится, чтобы не сдѣлалось съ нею тоже, что̀ съ Озеровою, что въ два дня собралась и ѣдетъ на Кавказъ съ младшимъ сыномъ.

Я ѣздилъ смотрѣть двухъ кобылъ Александровскихъ, прекрасны. Только у гр. Орловой говорятъ, что они не имѣютъ отъ Александрова приказа сдать ихъ мнѣ, а развѣ оный получатъ. Не велѣлъ ли онъ что-нибудь своему управителю? Я къ нему пошлю провѣдать. Скажи при случаѣ Ив. Никол., чтобы онъ послалъ къ гр. Орловой, гдѣ сіи кобылы стоятъ, приказаніе по востребованію моему сдать ихъ. Я сперва отведу въ Подмосковную, а тамъ отправлю въ Бѣлоруссію, откуда ожидаю подводъ. Двухъ мальчиковъ, которые учились на Хорошевскомъ заводѣ, возьму назадъ; теперь, что̀ нѣтъ Озерова, не то уже будетъ радѣніе, а они довольно уже свѣдущи и въ верховой ѣздѣ, и въ случкахъ, и всемъ прочемъ, и ежели захочешь ихъ отдать, какъ ты хотѣлъ, Петровскому, то можно это и послѣ сдѣлать.

Бумаги, кои Метакса по милости Меншикова купилъ у пьянаго Ушакова, заключаютъ безцѣнные матеріалы, и теперь эти записки очень пополняются достовѣрными и офиціальными документами.

*

Москва, 5 Іюня 1823.

Вчера былъ у насъ прощальный обѣдъ у Корсакова. Всѣ мы обѣдали у него даже и дѣти. Потомъ потчевалъ онъ всѣхъ дамъ «Сорокою-воровкою». Жаръ былъ столь утомителенъ, что послѣ второго акта всѣ кинулись было домой, но вдругъ сдѣлалась ужасная гроза и такой проливной дождь, что и полиція куда могла скрылась; всѣ воротились на мѣста свои, въ партерѣ и ложахъ едва была слышна музыка отъ шуму, который дѣлалъ дождь, падая на кровлю желѣзную и отъ громовыхъ ударовъ. Смѣшно было слышать пѣнье Итальянокъ: соберется сдѣлать руладу, а тутъ вдругъ бацъ! она и остановится да смотритъ, цѣло ли зданіе надъ головою. Эта буря очень освѣжила воздухъ. Всѣ послѣ пріѣхали къ намъ на прощальный вечеръ и ужинъ (скоро ѣдемъ въ Семердино). Были тесть съ княгинею, Обрѣзковы, Корсаковъ Ив. Ник., Фастъ, Мамонова, Осиповъ, Попандопуло, Сачи, Филистри, Вейтбрехтъ, Чумага. Играли въ вистъ, поужинали, стали

курить, болтать, да болтать; только легли мы въ три часа почти, за то и проспали до одиннадцати.

Вяземскій не утерпѣлъ и велѣлъ себя почти перенести въ театръ, чтобы послушать Сороку, которую подлинно славно даютъ. Твой любимый дуетъ славно пѣли, и мы тотчасъ взглянули другъ на друга съ Наташей, вспоминая тебя.

Ну, братъ, какъ сталъ я читать приключенія бѣдной Фонтонши, меня такъ морозъ и подиралъ; слава Богу, что все обрушилось на лошадяхъ и коляскѣ, но я все боюсь, чтобы испугъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій для моей красавицы. Я предвижу, что она долго будетъ ходить пѣшкомъ и что на этихъ же лошадяхъ ни за что не согласится ѣздить. Мамонова такъ не можетъ добиться, чтобы ее лошади разбили. Она къ вамъ собирается уже обратно въ Субботу. Je verrai, dit-elle, si votre frère m'aime et s'il viendra me voir; car dès que je serai arrivée à Pétersbourg, je lui ferai savoir, съ чѣмъ тебя и поздравляю.

*

Москва, 7 Іюня 1823.

Вчера обѣдалъ у добраго и милаго Черткова (не забудь о бумагахъ его племянника), а ужиналъ у Риччи, у коихъ засидѣлся и заслушался музыки до 3 часовъ. Тутъ былъ Мих. Велеурскій, и они втроемъ пѣли Gaza Ladra и прочія оперы Россиніевы. Всѣ разъѣхались мы двое остались съ Вяземскимъ и курили, слушая прекрасную музыку. У Черткова обѣдали Мертваго, Сачи, Набоковъ, Циціяновъ, П. И. Озеровъ и Фастъ, коего я повезъ, и Ив. Вас. очень былъ ему радъ; послѣ обѣда явился Шульгинъ и, по обыкновенію своему, порядочно вралъ. Сегодня обѣдаемъ у Мамоновой. Не знаю, поѣду ли на гулянье въ Марьину рощу; а хотѣлось бы: время прекрасное, и я очень мѣсто это люблю.

Мнѣ вчера сказывали, что Казначеевъ опредѣленъ на мѣсто, которое Воронцовъ мнѣ предлагалъ. Озеровъ пенялъ мнѣ, что я не принялъ и говоритъ: я бы все бросилъ; повѣрьте, что, служа при Воронцовѣ, вы всѣ бы свои дѣла лучше устроили, онъ вамъ во всемъ бы помогъ. Я и послѣ много думалъ и нахожу, что нельзя было никакъ мнѣ рѣшиться ѣхать, при всемъ моемъ желаніи. Бѣдный Путята и Гладкая отъ мороженаго все еще очень больны. Никто теперь отъ страха не ѣстъ онаго.—Вчера, говорятъ, точно обвѣнчали старика Северина и прибавляютъ, что онъ перемѣнилъ вѣру, ибо иначе и бракъ не могъ бы быть совершонъ, потому что съ живою его женою нѣтъ законнаго развода. Надъ старикомъ трунятъ, а между тѣмъ онъ 20 т.

пріобрѣтаетъ дохода. Я думаю, все это не сдѣлалось безъ вѣдома сына, ежели и безъ согласія.

*

Москва, 8 Іюня 1823.

Фастъ заѣхалъ за мною, и мы ну къ Мамоновой, гдѣ впятеромъ обѣдали. Ходили вверхъ, откуда прекрасный видъ, перебирали гардеробъ ея отца, все платье раскинуто по всему этажу и провѣтривается; какъ не сгнило, лежавъ лѣтъ 10 въ сундукахъ. Тутъ и шитые, и флигель, и генералъ-адъютантскіе Екатерининскіе мундиры, бархатные сюртуки, пунцовые, шитые золотомъ, и Богъ знаетъ, чего нѣтъ.

*

Москва, 11 Іюня 1823.

Голова идетъ кругомъ отъ этихъ сборовъ. Тяжелый обозъ отправился вчера. Теперь иное посылаю къ Фасту, а иное въ Слободскій домъ; самимъ едва есть на чемъ сидѣть и спать; ежели ничего не помѣшаетъ, завтра рано пустимся въ Семердино, любезнѣйшій другъ. Слѣдуя Пфеллеру, беру съ собой все, что̀ нужно для ваннъ и декокта, буду наблюдать всѣ его приказанія, надѣюсь въ деревнѣ отдохнуть, подышать чистый воздухъ и оправиться, а то опять что-то не такъ ѣстся и спится, какъ прежде, т.-е. какъ въ Петербургѣ.

Вчера наѣхали къ намъ прощаться кн. Никита*), Обрѣзковъ, Мамонова, Риччи, князь Василій, Ив. Ник. Корсаковъ и nouveau débarqué Lounine; кое-какъ сочинили имъ ужинъ. Всѣ тебѣ очень кланяются, особливо Лунинъ, коего сестра идетъ за генерала Богдановскаго, очень хорошаго человѣка, служившаго во Франціи съ Воронцовымъ, и коего графъ подзываетъ къ себѣ на службу въ Одессу; кажется, онъ, устроя дѣла, поѣдетъ къ милому человѣку. Вяземскій также подъѣхалъ, и Риччи восхищалъ насъ своимъ пѣніемъ. Мамонова получила отъ брата учтивый, но холодный отвѣтъ: онъ соглашается на ея предложенія, и все на дняхъ кончится. Ежели бы она меня послушалась и тотчасъ бы ему написала, пріѣхавъ сюда, то онъ вѣрно и болѣе бы для нея сдѣлалъ; но она жила здѣсь двѣ недѣли, послѣ коихъ начала дѣйствовать чрезъ постороннихъ, что̀ не могло ему быть пріятно. Зачѣмъ сюда пріѣхала, о томъ двѣ недѣли не думала. Хорошо, что все обошлось безъ процесса. Она думаетъ ѣхать скоро, а прежде собирается къ Троицѣ, откуда заѣдетъ къ намъ. Князь Василій тоже дня черезъ три собирается ѣхать прежде въ Дубровку, а тамъ въ Пермь. Ему хочется купить смежныя съ Дубровками деревни у Муханова, а въ Перми хо-

*) Князь Никита Григорьевичъ, супругъ славной кн. Зинаиды Александровны Волконской.

четъ отыскивать золотой песокъ. Это бы дѣло нешуточное. Вчера получилъ я, любезный другъ, письмо твое № 11, возвѣщающее прибытіе милаго Полетики. Обними его покрѣпче за меня. И такъ, мы не ошибались въ догадкахъ нашихъ, и онъ намѣренія своего не перемѣнилъ. Я и тогда находилъ союзъ съ нимъ очень лестнымъ для Лизаньки, а теперь еще болѣе, ибо мы его постоянство испытали, узнавъ его еще лучше, а онъ состояніе свое улучшилъ; кажется, тутъ бы нечего думать минуты; но ты знаешь упрямство и странныя мысли Лизаньки. Какъ показать Оливкамъ, напримѣръ, мужа, который не имѣетъ гвардейскаго мундира, корсета, 35 лѣтъ отъ роду, и не носитъ, можетъ быть, плаща à la Almaviva! Трудно будетъ и приступиться къ этому; конечно, лучше не говорить ничего нѣсколько времени, дать ей самой одуматься, а настроить Оленьку, чтобы она понемногу сестру готовила къ этому. Мнѣ жаль, что я не въ Петербургѣ, хотя, конечно, и немного бы я могъ сдѣлать. Il me semble que la chose essentielle est le secret, car si on annonce à turlupine Lise, le sentiment d'amitié qu'elle porte véritablement à Polétika pourrait changer et se convertir en haine, вотъ что̀ мнѣ кажется; chaque homme, et la femme encore plus, a sa dose d'amour-propre et en flattant un peu Hélène notre ami aurait un excellent avocat en elle; что же касается до Голицыныхъ, то будь увѣренъ, что онѣ никогда не пойдутъ за П., по свойственному Голицынымъ чванству.

*

С. Семердино, 15 Іюня 1823.

Блаженное житье деревенское. Мы вчера только сюда пріѣхали, а право, какъ будто все лучше, нежели въ городѣ: пища, гулянья, сонъ, упражненія! Я не одинъ разъ вспоминалъ, любезный другъ, разговоръ твой въ каретѣ, какъ мы ѣхали къ Гурьеву, и нахожу, что подлинно блаженство было бы, соединясь вмѣстѣ, жить въ деревнѣ. Да чего, и лошадки наши, кои довольно таки устали съ дороги, въѣхавъ въ проспектъ и узнавъ домъ, стали фыркать, шевелить ушами и чуть было насъ не понесли. Охъ, славно въ деревнѣ. Мужики очень намъ рады всѣ, а мы имъ. Староста заплакалъ, говоря: вотъ, батюшка, думалъ зимою-то умереть, анъ Богъ сдѣлалъ по своему, а вотъ мнѣ ужъ подъ девяносто лѣтъ, покуда ноги таскаю, все буду вамъ служить. Ce bon vieillard n'est ni sourd comme moi, ni aveugle comme Fonton, ni chauve comme Manitzar. Товарищъ его, церковный староста, доказываетъ, что нашъ Фроловъ старѣе его 8 годами, а ему самому 86, такъ выходитъ, что 94 года; только наружность не обѣщаетъ такой старости. Теперь унавоживаютъ мужики поля, работа непріятная и неопрятная, но мы все-таки ходимъ смотрѣть, какъ дѣлается эта

операція, безъ коей и выгодно, и пріятно было бы обходиться. Время очень хорошо, только надобны бы дожди, земля суха. Вотъ и дѣти явились, у обѣихъ два большіе кувшина набранной ими земляники; ея очень много этотъ годъ, ужо за обѣдомъ съѣдимъ.

Метакса далъ мнѣ всѣ бумаги, купленныя у Ушакова. Тутъ есть предрагоцѣнные документы. Между ними нашлось нѣсколько фирмановъ. Посылаю пять при семъ. Нельзя ли милому Фонтону взять на себя трудъ это перевесть? Вѣроятно, касается это до дѣлъ, описываемыхъ нами въ Запискахъ. Ежели длинный занятъ слишкомъ, то не можетъ ли Северинъ сунуть это кому-нибудь изъ коллежскихъ, яко нужное для Нессельроде? Не можетъ ли это перевесть Меликовъ? Оставляю тебѣ это на произволъ. Между бумагами нашелъ я переводы слѣдующихъ фирмановъ; ежели это они, то тогда уже не нужно переводить.

1) О пожалованіи Ушакову султаномъ табакерки, украшенной алмазами, за труды, предпріемлемые къ покоренію Корфы. 2) О пожалованіи ему же 1000, прося стараться о покореніи Корфы. 3) О пожалованіи алмазнаго челенга, шубы и 1000 ему же, 3500 командѣ за взятіе Корфы.

Есть еще фирмановъ съ три, кои пришлю тебѣ послѣ, когда узнаю, что есть средство перевесть все это. Есть тутъ также письма Нельсона, лѣвою рукою писанныя. Теперь придется мнѣ переправлять опять Записки, имѣя сіи офиціальные документы. Тутъ и рапорты Ушакова къ Павлу I. Какъ подумаешь, что все это куплено за 500 р. у племянника чудеснымъ случаемъ, и что чуть-чуть бумаги сіи не послужили обертками пирожнику, у коего этотъ Ушаковъ ихъ оставилъ, начавъ драку и выстрѣливъ пьяный по квартальному офицеру.

Меншиковъ далъ Метаксѣ 500 р., а онъ выкупилъ все это. Послѣ покойнаго Ушакова остались медали золотыя, ему въ честь и подарены Іоническими островами. Вообрази, что вандалы сіи, т.-е. два племянника и наслѣдника Ушакова, не согласились въ дѣлежѣ, рубили медали сіи на двѣ части; медали, кои бы должно хранить въ родѣ, яко похвальныя грамоты. Больно слышать это.

*

С. Семердино, 27 Іюня 1823.

Я о твоей ручной литографіи впервой слышу, а первый опытъ очень удаченъ. Пошлю сегодня же Фасту его экземпляръ, а дѣтямъ роздалъ ихніе, и они въ восхищеніи.

Я радъ, что добрый Шредеръ былъ тобою первымъ обрадованъ касательно своего пансіона. Буду ему писать, поздравлю его съ оарышами, съ толстѣніемъ и поблагодарю за башмаки. А Ломоносовъ осрамился. Нѣтъ, мнѣ кажется, что онъ очень еще вѣтренъ. Сиракунскій, яко истинный отецъ, принимаетъ живое участіе въ нашей и своей бѣдной Бѣлоруссіи. Я имѣю извѣстія изъ трехъ частей нашихъ, что должно ожидать жатву изобильную. Благодаря Бога градъ, истребившій все у сосѣда нашего Богдановича, наши поля миновалъ, но тучки черныя еще гуляютъ; но старики разсуждаютъ, что Петровъ день сдѣлаетъ этому переломъ. Давай Богъ!

Читалъ ты въ Гамб. газетахъ статью о Канкринѣ и о Нессельроде? Послѣдній, я думаю, не очень радовался слухамъ Европейскимъ, будто и онъ послѣдуетъ тестю своему. Канкрина біографія очень полна. Теперь знаю я всю его службу. Жаль мнѣ, что я не въ Петербургѣ. Вѣрно бы Бальшъ меня позвалъ, впрочемъ я пріѣхалъ бы и незваный на его обѣдъ. Я на это не спѣсивъ. Дразнишь ли ты его Воротынцомъ? Кажется, старику Варламу не за чѣмъ спѣшить въ Бухарестъ, гдѣ все еще не спокойно, какъ видно изъ ноты, поданной Австрійскимъ консуломъ господарю.

Конечно, хорошее къ хорошему льнетъ. Смотри, какая колонія честныхъ людей образуется около Воронцова.

Послѣ завтра у насъ праздникъ въ Булаковѣ. Поѣдемъ туда чай пить, позовемъ Брокера, который оттуда въ двухъ верстахъ, будемъ кидать пряники мальчишкамъ, жаль, что забылъ я запастись шумишками. Не отыщешь ли ты въ Питерѣ хорошую карту qui comprenne Bosphore, la mer de Marmora, les Dardanelles, l'Archipel avec la Morée, la Grêce et les îles Ioniennes jusqu'à la mer Adriatique ou le canal d'Otrante? Ежели отыщешь, пришли мнѣ. Записки Метаксы будутъ теперь очень огромны, и много хорошаго прибавится.

*

С. Семердино, 28 Іюня 1823.

Эхъ! пустились расхватывать большіе куши Головинскіе, теперь почти ничего не остается. Я имѣлъ терпѣніе пробѣжать три таблицы и, наконецъ, добился одного выигрыша, вѣрно и ты и вся наша компанія тутъ участниками, а именно № 145,361-й, въ коемъ я участникомъ за себя и Наташу въ 50 р. Я думаю обоимъ рубля два придется. Я сдѣлалъ номерацію, по коей скорѣе теперь буду находить,

сдѣлалъ 9 колоннъ, въ первой № начинающіеся единицами, во второй цифрою 2, въ 3-й цифрою 3, въ 4-й ц. 4 и такъ далѣе, напримѣръ, № 96997 искалъ въ девятой колоннѣ и не нашелъ. Я полагаю, что Бальшъ заказалъ своему столяру какую нибудь машину, посредствомъ коей тотчасъ узнаетъ, есть ли у него такой и такой-то изъ вышедшихъ номеровъ. Въ Москвѣ молва, что Воротынецъ выигранъ Московскимъ купцомъ, но видно вздоръ уже потому, что не одному досталось, а пятерымъ, чему я всякій день радуюсь.

Матушевичъ все говорилъ: quand vous partirez, mon cher Alexandre, j'abandonnerai le billard; а я думаю, что онъ все - таки играетъ, чтобы не разучиться для будущаго моего пріѣзда. Padam ему до nog. Наташа очень его любитъ, и мы часто говоримъ съ нею о немъ. Она радуется успѣхамъ Французовъ въ Гишпаніи и нарочно хочетъ ѣхать въ Москву, чтобы побѣсить нѣкоторыхъ знакомыхъ либераловъ. Она пренарядная мад. Ultra. Надобно намъ или мнѣ съѣздить на дняхъ въ Москву, 1-е навѣстить огорченнаго П. П. Нарышкина, 2-е видѣться съ гр. Строгоновою, которая велѣла звать, да 3-е притащить сюда къ Казанской Фаста и еще кой-кого. Пишетъ мнѣ Пфеллеръ, что онъ отлучается изъ Москвы недѣли на три: хочетъ пожить у моего сосѣда Шафонскаго и навѣстить со всѣми ими Брокера и насъ въ Казанскую, чему я очень буду радъ. Охъ, мой Татищевъ съ своимъ волокитствомъ, чтобы не надѣлалъ глупостей! Метернихъ ему такую подпуститъ пульку, что хуже будетъ всѣхъ брандеровъ, коими Греки жгутъ Турокъ. Пора бы бросить l'amour ostensible и довольствоваться des coups fourrés. Объ Ю. А. и въ мое время еще говорили, но я не вѣрю: время страстей любовныхъ для нея прошло, развѣ при этомъ было бы еще много денегъ и подарковъ; но я не думаю, чтобы Апраксинъ сталъ, да и имѣлъ бы чѣмъ, разоряться.

Все немного холодно. Ф.-Визинъ сказалъ въ Недорослѣ: дворянская кровь и въ Петровку мерзнетъ. Теперь этотъ bon mot былъ бы не у мѣста.

*

Семердино, 2 Іюля 1823.

Очень буду я радъ видѣть княгиню*). Какъ она скоро собралась! Какъ любишь человѣка, такъ чего не сдѣлаешь. И я, братъ, немало удивился, видя изъ твоего письма, что Вяземскій въ Царскомъ Селѣ;

*) Куракину, тетку супруги А. Я. Булгакова.

и этого помчала въ Петербургъ вдругъ любовь къ Карамзину. Слава Богу, что все прошло, и Вяземскій явился на радость, а не на горе. Я читалъ басню Крылова въ Сынѣ Отечества; по числу и по слову «Павловское», я и до письма твоего понялъ аллегорію, что Крыловъ былъ василькомъ, а императрица солнцемъ.

Весело, должно быть, принцу Мигелю Португальскому, что отца посадилъ на престолъ попрежнему; вотъ старухѣ королевѣ пріятно будетъ возвратиться въ Лиссабонъ, а король будетъ самъ себѣ противорѣчить: не умѣлъ слѣдовать примѣру жены или, какъ Сардинскій король, сложить съ себя корону. Желаю, чтобы въ Гишпаніи все кончилось скорѣе. Видно Кадиксу быть гробомъ революціи, онъ былъ и колыбелью.

Знаешь ли какое нашелъ я у себя чудо? Мужика 123 лѣтъ. Сколько тебѣ лѣтъ?—Много, батюшка, не знаю.—Моръ помнишь? Онъ разсмѣялся: какъ моръ не помнить, я помню перваго императора, я былъ уже женатъ тогда. Сынъ мой женился при второй ревизіи. Только считать, и выходитъ ему 123 года. Онъ крѣпокъ довольно, только девятый годъ какъ ослѣпъ, и Наташа велѣла его кормить, какъ ребенка. У него жена вторая жива, и ей уже лѣтъ около ста, и она его няньчитъ. Ежели бы Костаки [1]) былъ здѣсь, я бы попросилъ его снять портретъ со старика. Забылъ я записать его имя. Такой веселый, все смѣется и шутитъ. «Не вижу тебя, батюшка, дай себя ощупать; а, да знать ты выше меня ростомъ». Просилъ прибавить порцію кушанья; но его жена, вышедши провожать меня въ сѣни, просила не прибавлять ничего: «все и такъ, батюшка, объѣдается и животомъ жалуется» [2]).

*

Семердино, 8 Іюля 1823.

Кончился праздникъ, гости разъѣхались, крестьяне и бабы разошлись, а я принимаюсь къ тебѣ писать, любезнѣйшій другъ. Добрый старикъ Пфеллеръ былъ нездоровъ, однако же пріѣхалъ къ намъ, имѣя двѣ Шпанскія мухи. Шафонскаго уже нѣтъ въ деревнѣ. Фастъ очень былъ въ духѣ и затѣвалъ всякія игры. При славномъ теленкѣ и при Шампанскомъ всѣ тебя вспомнили и пили твое здоровье. Народу было, вѣрно, человѣкъ тысячу; одинъ хороводъ заглушалъ другой ораньемъ, поставлено было двое качелей, было три палатки съ пряниками. Я вообще замѣчаю, что стеченіе всякій годъ дѣлается значительнѣе. Такъ

[1]) Такъ звали молодаго Варлама: это братъ супруги К. Я. Булгакова.

[2]) Покойный В. И. Даль въ 1830 году отыскалъ въ Петербургѣ старика, который помнилъ Петра Великаго. Старика этого В. А. Перовскій представилъ Государю.

какъ пряники слишкомъ скоро расходились, то я завелъ четыре мячика разныхъ калибровъ и цвѣтовъ. Всякій мячикъ былъ приписанъ одному только классу; напр., красный—бабамъ, желтый—мужикамъ, полосатый—дѣвчонкамъ, а пестрый—мальчикамъ. Кто принесетъ мячикъ, который кидалъ я въ толпу, тотъ получалъ премію. Катя раздавала мужикамъ, Лёлька—мальчикамъ, Брокерова сынъ—бабамъ, а дочь его маленькая—дѣвочкамъ.

*

Семердино, 16 Іюля 1823.

Письмо Корнеліяна точно ко мнѣ. Всѣ тѣ, кои только одинъ разъ были гдѣ-нибудь у водъ Богемскихъ, знаютъ этого сенатора. Однако же, во время болѣзни моей во Франкфуртѣ, онъ былъ великой для меня отрадой. Онъ все ожидалъ важнаго награжденія отъ Лудовика XVIII; за что? А вотъ за что. Si dans le temps m-r le comte d'Artoi avait suivi un conseil que je donnais, la révolution n'aurait pas eu lieu, et puis savez-vous ce que j'ai fait à Dresde, monsieur, dans le temps de la plus grande puissance de ce coquin de Bonaparte, que je n'ai jamais reconnu pour Empereur (notez que dans le catalogue d'estampes qu'il m'envoya, il y a tous les portraits de Napoléon, qui est toujours nommé empereur)? Non, monsieur.—Comment beaucoup de gazettes en parlèrent. Le jour de la fête de ce coquin, l'ambassadeur de France donna un bal et il osa m'engager, aussi je refusais avec indignation, mais ma femme y fut, et savez-vous comment? Elle avait un habit *foncé*, remarquez bien, un habit foncé pour un jour de gala; ceci n'est rien encore, mais elle avait pour bouquet d'énormes lys attachés avec un ruban *blanc*. Tout Dresde n'a parlé que de cela.—Tout ce que je vous dis là est d'une exacte vérité; on prendrait cela pour une anecdote imaginée à loisir, si on ne connaissait ces émigrés. Pour en revenir à sa collection d'estampes qu'il n'estime que 6000 ducats par un amour tout particulier pour notre Empereur, il y a là beaucoup de drogues, et plusieurs belles estampes de tableaux classiques y manquent. Кажется, лишнее брать на себя трудъ ему отвѣчать.

*

Семердино, 18 Іюля 1823.

Вяземскій, видно, остался у васъ, чтобы спориться съ Булгаринымъ, который довольно остро отдѣлался отъ критики Вяземскаго въ своемъ Сѣверномъ Архивѣ. Я очень радуюсь выздоровленію Карамзина.—Нѣтъ, братъ, это не басня: у меня точно есть старикъ 123 лѣтъ. Всѣ старики одинаковы и тѣже имѣютъ признаки старости, а у этого что-то особенное, дѣтское, волосы какъ пухъ, кожа совсѣмъ не такая на тѣлѣ, видна ветхость во всемъ. Онъ рѣдко сходитъ съ печки даже

лѣтомъ. Онъ 12 лѣтъ, кажется, какъ слѣпъ. Я его видѣлъ еще давеча и не могъ не разсмѣяться, какъ онъ, прощаясь, сказалъ мнѣ опять: ну, батюшка, А. Я., простите, *до свиданья.*—Когда увидишь тетушку (которой также желаю въ 1862 году разыскивать то, что̀ было въ царствованіе Елисаветы Петровны), поцѣлуй у нея за насъ всѣхъ ручку. Слава Богу, что она здо̀рова *).

*

Семердино, 30 Іюля 1823.

Въ городѣ все вверхъ дномъ отъ пріуготовленій къ Государеву пріѣзду. Невѣроятно, говорятъ, что надѣлали въ это короткое время; а на Троицкой дорогѣ срываютъ цѣлую гору и работаютъ до 1200 человѣкъ на маломъ пространствѣ. За это можетъ быть отъ Царя напрягайка вмѣсто спасибо, ибо самая рабочая пора; помѣщики кое-какъ отстаиваютъ своихъ, а экономическимъ за то очень туго. Отъ заставы до Сухаревой башни передо всѣми домами сдѣланы садики и палисаднички, улицу сузили и выпрямили.

*

Семердино, 3 Августа 1823.

Кажется, мы живемъ въ глуши, а и здѣсь есть какое-то движеніе отъ бу́дущаго пріѣзда Государя. Всѣ жители окрестные собираются къ Троицѣ бѣжать смотрѣть на Царя. Меня насмѣшилъ плотникъ, чинившій у насъ погреба. Вотъ, батюшка, мнѣ 60 лѣтъ, а я не видалъ сроду не только Государя, да и ни одного великаго-то князя! Хочу, батюшка, идти къ Троицѣ, да боюсь.—Чего же боишься?—Да не пустятъ, я чаю, меня; вѣдь много насъ охотниковъ-то, куда ихъ всѣхъ дѣвать! Губернаторъ нашъ страшно куролеситъ, всѣхъ гонитъ на дорогу съ подводами, а теперь самая рабочая пора; пріѣзжалъ и сказалъ исправнику: я тебѣ влѣплю 500 палокъ! А тотъ капитанъ. Иной бы и въ ухо заѣхалъ за такое привѣтствіе. Къ помѣщикамъ посылаетъ повѣстки, за подписью сельскаго засѣдателя, т. е. мужика, а между помѣщиками есть и генералы полные; хочетъ, видно, перещеголять своего братца, Ярославскаго губернатора, который, *говорятъ,* всю дорогу устилаетъ дёрномъ. Говорятъ, что экономическіе такъ разорены, что тутъ же на дорогѣ милостыню просятъ, а другіе грабятъ, и всѣ собираются подать жалобу Государю. Князь Дм. Волод. въ такую нужную минуту уѣхалъ въ Калугу къ матери, не сдавъ должности, и ему все сообщается ежедневными курьерами. Вотъ тебѣ Московскіе толки; не ручаюсь за справедливость, но такъ всѣ говорятъ.

*

*) Это, должно быть, Марья Любимовна Мартынова, урожд. Имбѐръ.

Москва, 21 Августа 1823.

Сiю минуту отъ меня Метакса. Жена его, было, умерла; Богъ спасъ ее при этой нищетѣ. Куда жалокъ этотъ человѣкъ! Но однакоже не унываетъ. Надобно намъ ему помочь, вотъ въ чемъ. Онъ съ другимъ Грекомъ перевелъ очень любопытную исторiю Греческой войны нынѣшней въ трехъ частяхъ, l'autre fournit les fraix, цензура уже одобрила первую часть, которая печататься будетъ тотчасъ; я здѣсь раздаю билеты подписные, а ты возьмись за это въ Петербургѣ. Посылаю тебѣ 10 билетовъ на первый случай. Это истинное благодѣянiе для несчастной этой семьи; тамъ подоспѣютъ и другiя наши записки, и тогда Метакса нѣсколько оживетъ. Когда Ростопчинъ прiѣдетъ, я его атакую, пусть дастъ что-нибудь бѣдному Трапандосу. Асламбеговъ, бѣдный, очень плохъ: у него открылись было 6 ранъ на головѣ, изъ коихъ шла, лилась матерiя, это залѣчили, мокроты кинулись въ горло, и онъ отчаянно боленъ. Вчера былъ консилiумъ, бѣдная жена въ отчаянiи. Разсказывалъ много Метакса о чудакѣ Балкѣ, какъ онъ бѣжалъ было отсюда, какъ его полицiя остановила, какъ онъ коекакъ всякому должнику далъ въ счетъ сукномъ, ибо въ туже минуту въѣхалъ во дворъ обозъ съ сукнами. Онъ поѣхалъ самъ 29, въ 4 каретахъ, 5 колясках, 3 бричкахъ, 6 кибиткахъ и 5 телѣгахъ. Не найдя помѣститься у знакомыхъ въ Петербургѣ (je crois bien), сталъ въ Лондонѣ, гдѣ всякiй *день* стоитъ ему 580 р.! Вотъ сумасшедшiй, ужъ коли этотъ не сорвался съ желтаго дому, то не знаю кого туда сажать надобно; хочетъ быть то министромъ въ Голландiи, то сенаторомъ, а кончитъ госпиталемъ.

*

Москва, 23 Августа 1823.

Прiѣзжалъ къ Фасту тайн. сов. А. П. Нащокинъ. Его увѣрилъ аптекарь, что въ его деревняхъ есть серебряная руда и представилъ ему образчикъ, мучаетъ Фаста, чтобы послать туда чиновника изслѣдовать, а оказывается, что аптекарь составилъ какую-то примѣсь серебряную и выманилъ отъ Н. денежки.

А меня и вчера еще атаковали друзья, а именно кн. Куракина, Нарышкинъ и жена: служи, служи да и только. Я одно все твержу: я не прочь, готовъ, но надобно, чтобы стоило себѣ связать руки и имѣть что нибудь хорошаго, т. е. выгоднаго, квартиру и хорошее жалованье; безъ этого, они себѣ какъ хотятъ, не приму я ничего. Брошюрку о Грекахъ тотчасъ прочту и тебѣ возвращу. По таинственному слогу и духовному стилю точно надобно думать, что Струдза сочини-

тель. И такъ и эта революція кончена. Это даетъ Франціи большой вѣсъ и заслужитъ ей уваженіе Европы; но все, безъ надежды на наше подкрѣпленіе, такъ бы хорошо и скоро не кончилось. Слава нашему Государю!—Я получилъ сегодня письмо изъ Теплица отъ г. Ростопчина отъ 23-го Іюля ст. стиля; ровно мѣсяцъ было въ дорогѣ. Графъ полагаетъ быть здѣсь прежде 1-го Сентября, заѣдетъ въ Біялоцерковь на двое сутокъ, чтобы увидѣть тамъ графиню Воронцову и дѣтей ея, по просьбѣ графа Семена Романовича. J'enverrai (me dit-il) de Kiew ma supplique pour avoir mon congé. Je crois avoir assez servi pendant trois règnes, il faut laisser faire les générations nouvelles, déloger des affaires et se reposer. Je suis impatient de vous embrasser etc.—Кажется, нашимъ полицмейстерамъ не сдобровать. Есть полковникъ Крыловъ, отставной сынъ императрицинова Крылова. Государь велѣлъ ему сказать, что въ Москвѣ его не забудетъ, а кн. Дм. Волод. сказалъ ему: скоро будутъ двѣ полицмейстерскія вакансіи въ Москвѣ, то я одну вамъ дамъ. К. l'a dit lui - même à Faste. Видно, Обр. и Ровинскаго прочь. Они много себѣ сдѣлали вреда этими тротуарными столбиками (я тебѣ писалъ объ этомъ).—Вчера давали прекрасно Танкреда.

Видѣлъ я Ѳ. П. Уварова; пожалъ руку, спрашивалъ о тебѣ, я отвѣчалъ: c'est à moi, mon général, à vous le demander; vous venez de le quitter.—Сегодня была генеральная репетиція манёвровъ. Иные забрались въ Петровское въ 9 часовъ утра. Дамъ было бездна. Пустимся одинъ разъ съ Фастомъ.—Сію минуту пріѣзжала къ намъ жена князя Дм. Волод. съ дочерью Долгорукою; мы не приняли. Уже это не значитъ ли, что будутъ звать на что-нибудь во время государева пребыванія? Подъ окнами страшный шумъ: дѣлаютъ щитъ для Фастовой иллюминаціи *).

*

Москва, 24 Августа 1823.

Хованскій еще не бывалъ, его ожидаютъ сегодня, онъ станетъ у сестры и пробудетъ здѣсь все время, что̀ будетъ Государь. Я увижусь съ нимъ не разъ.—Тебя, любезный другъ, удивляетъ поступокъ Рушковскаго, а насъ съ Фастомъ нимало. Пошлый былъ бы дуракъ, поступя инако. Отъ Черткова таже черта была прекрасна, ибо дѣйствовала дружба, участіе безъ личныхъ видовъ и корысти, а Р. знаетъ, что держится тобою, что нѣтъ дня, чтобы не былъ ты ему нуженъ. Чѣмъ ему заплатить за все, что̀ ты сдѣлалъ для него и дѣлать можешь? Четыре учтивыя письма въ недѣлю не замѣна за благодѣянія.

---

*) Т. е. въ Горномъ Правленіи, на мѣстѣ нынѣшняго зданія Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Тамъ жилъ Ф. П. Макеровскій, бергъ-инспекторъ.

Онъ платить, какъ я тебѣ писалъ, ничтожные проценты за большой капиталъ, но все-таки спасибо ему за одолженіе и ссуду 10 т.; увижусь съ нимъ и условлюсь о векселѣ. Я думаю, надобно написать на имя насъ обоихъ, ибо пошли деньги на уплату долга общаго намъ, т. е. въ Кабинетъ. Шульгинъ выдумалъ и славную сдѣлалъ штучку. Повѣстилъ, что имѣетъ сумму значительную для раздачи бѣднымъ и пригласилъ всѣхъ нищихъ явиться въ съѣзжіе дома; все хлынуло, даже и полунищіе, онъ всѣхъ ихъ велѣлъ запереть въ сибирки и содержать ихъ тамъ во все время пребыванія Государя въ Москвѣ. Теперь не видишь ни одного нищаго въ городѣ.

*

Москва, 24 Августа 1823, полночь.

Москва осчастливлена! Государь изволилъ прибыть благополучно въ половинѣ одиннадцатаго. Такъ какъ Кремль отъ насъ очень близко, я посылалъ нѣсколько разъ справляться. Теперь воротился Ванюшка. Императоръ прибылъ при немъ. Не смотря на дождь, который идетъ съ 7 часовъ вечера, въ Кремлѣ множество народа и каретъ, ожидавшихъ его прибытія. Народъ кричалъ хоромъ ура! Императоръ изволилъ сидѣть въ коляскѣ съ графомъ Аракчеевымъ. Изъ Фастовой гостиной виденъ огонь въ кабинетѣ Государевомъ. Спѣшу тебя увѣдомить о радости Московскихъ жителей, любезнѣйшій другъ. Теперь, вѣроятно, часто будутъ оказіи въ Питеръ, и я пошлю рано это письмо къ Рушковскому: пусть отправитъ, я часто буду писать. Стану разсказывать все, что̀ знаю. Посыланный княземъ Дм. Волод. адъютантъ его Новосильцовъ навстрѣчу воротился въ полдень и привезъ извѣстіе, что Императоръ изволилъ завтракать въ Ростовѣ и слѣдовательно прибудетъ поздно, а потому и не въ соборъ прямо, а на маленькое крыльцо въ дворецъ, чтобы Государя не встрѣтилъ тамъ никто кромѣ генералъ-губернатора, коменданта и оберъ-полицмейстера, коимъ изволитъ дать свои приказанія. Ярославскій губернаторъ Безобразовъ *) пожалованъ въ тайные совѣтники. Государь ему сказалъ: «Твои дороги хороши, только ты много сдѣлалъ лишняго». У Юсупова былъ сегодня обѣдъ для всѣхъ генераловъ, здѣсь находящихся. Что̀ будетъ завтра, еще неизвѣстно, а вѣрно всѣ хлынутъ въ соборъ. Я видѣлъ давеча у П. П. Нарышкина графиню Орлову, которая мнѣ сказывала, что у нея не будетъ ничего, хотя по городу говорятъ, что она готовитъ праздникъ. Посмотрѣлъ бы я на Рушковскаго: то-то, я чаю, въ жаръ его кидаетъ. Онъ хотѣлъ ѣхать навстрѣчу Государю

*) Александръ Михаиловичъ, женатый на Аннѣ Ѳеодоровнѣ Орловой, единственной сестрѣ второго поколѣнія братьевъ Орловыхъ (героевъ Бородина).

и совѣтовался съ Пфеллеромъ, въ башмакахъ ли ѣхать. Этотъ насилу ему доказалъ, что это совсѣмъ не нужно. Prenez, donc, pour modèle К. Я.; l'a-t-il jamais fait? Однакоже Рушковскій колебался. Вотъ бы одолжилъ!

Ну, братъ, что̀ надѣлано въ Кремлѣ и около, это чудо! Кремлевскій садъ продолженъ по самую Москву-рѣку и прелестенъ. Государя это вѣрно удивитъ, ибо все это возникло въ два года*). Отъ дворца до Спаскихъ воротъ, дугою по валу, сдѣлано прекрасное гульбище. Гуляя тутъ, пользуешься прелестными видами, идучи къ Спаскимъ воротамъ на Воспитательный Домъ, а возвращаясь—на Воробьевы горы.

Анекдотъ для Тургенева. Встрѣчаю Вяземскаго; онъ говоритъ: Все бы хорошо, только досадно, я чаю, князю Дм. Волод. на дождь!—А что?—Нельзя ему будетъ пустить пыль въ глаза Государю. Безъ bons mots ни на часъ. Ежели будетъ завтра ведро, то дождь этотъ какъ на заказъ: все будетъ зелено и свѣжо, и садъ Кремлевскій будетъ еще красивѣе.—Дм. Ник. Каменскій продалъ домъ свой на Никитской, что̀ былъ князя Лобанова прежде, об.-прокурору Огареву за 100 т.—Фастъ пируетъ сегодня цѣлый день у Обуховой, мужъ ея именинникъ; до сихъ поръ еще не бывалъ, а бьетъ уже часъ. Я давеча встрѣтилъ Трубецкого высокаго, биліарднаго моего соперника. Онъ ѣдетъ служить къ Воронцову, коего не знаетъ однакоже. Я его душевно поздравилъ и увѣрилъ, что онъ будетъ очень доволенъ своею судьбою.—Давеча былъ у меня Метакса. Печаленъ и голъ. Жена его очень больна. Далъ ему 25 р., болѣе не могу ему помочь; да купилъ билетъ на книгу его; буду стараться распродать ему билетовъ десятокъ. Онъ, бѣдный, жалокъ, но слава Богу, что не унываетъ. Онъ мнѣ также разсказывалъ и даже сдѣлалъ рисунокъ славной побѣды, одержанной надъ Юсуфъ-пашею, соединившимся съ Ибрагимъ-пашею; у нихъ было 22 т. войска. Одиссей ихъ заманилъ за Термопилы и, соединясь съ Колокотрони и Никитою, побилъ важно. Туркамъ не оставалось другой ретирады, какъ Термопилы, но зашедшій имъ въ тылъ Діаманти совершенно разбилъ ихъ и довершилъ пораженіе. Какой-то Грекъ получилъ очень подробную реляцію. Онъ видѣлъ также у Асламбегова одного его брата двоюроднаго, прибывшаго изъ Персіи въ свитѣ султана съ лошадьми, кои шахъ шлетъ въ подарокъ Государю (кстати сюда поспѣлъ). Онъ разсказывалъ о успѣхахъ Персіянъ надъ Турками, коихъ Абасъ-Мирза разбилъ на голову и взялъ, кажется, съ Багдада милліонъ контрибуціи.

*

*) Императоръ Александръ Павловичъ былъ отмѣнный любитель садоводства, и многіе сады по Русскимъ городамъ заведены при немъ.

Москва, 26 Августа 1823.

Сожалѣю о бѣдномъ Кампенгаузенѣ: онъ и безъ того пасмурнаго права, а теперь еще сдѣлается пасмурнѣе. У князя[1]) и такъ дѣла много, а ежели онъ заступитъ мѣсто Кочубея, то тебѣ откроется новое поприще дѣлать одолженія. Ты скоро будешь всеобщій повѣренный. Вотъ и Хитрова подоспѣла, а дамскими дѣлами куда трудно и непріятно управлять.—Государь изволилъ прибыть поздно 24-го, какъ я тебѣ писалъ. Кремль былъ усѣянъ каретами, въ коихъ сидѣли дамы, а народъ стоялъ на площади, не смотря на дождь и, какъ показался Государь, привѣтствовалъ криками ура! Вчера вотъ что было. Государь одѣвшись пошелъ по Красному крыльцу въ соборъ Успенскій, гдѣ слушалъ обѣдню. Стеченіе на площади было ужаснѣйшее. Я, по милости Неапольскаго короля, т. е. звѣзды, которую имѣлъ на фракѣ подъ сюртукомъ, могъ вездѣ пройти за веревками. Государь, сходя съ лѣстницы, шелъ очень тихо, кланяясь безпрестанно то направо, то налѣво. Въ соборѣ было очень мало людей, я и туда вошелъ и Фаста провелъ съ собою; такъ стоялъ я хорошо и близко отъ Государя, что когда онъ изволилъ оборачиваться на мою сторону, то я, бывъ во фракѣ и боясь, чтобы онъ меня не узналъ, прятался за полицейскаго офицера, который передо мной стоялъ. Послѣ обѣдни (во время оной шелъ сильный дождь, а какъ Государь сталъ прикладываться къ кресту, то вдругъ солнце проглянуло, и дождь перестать), Императоръ пошелъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, гдѣ прикладывался къ мощамъ. Потомъ ѣздилъ по городу въ колясвѣ, заѣзжалъ къ Иверской Божьей Матери прикладываться. Во дворцѣ былъ обѣдъ на 84 куверта; кромѣ окружающихъ были приглашены всѣ генералы, сенаторы и изъ статскихъ два класса, губернаторъ, Шульгинъ и коекто еще неклассныхъ. Государь очень былъ веселъ за столомъ, много очень говорилъ съ Филаретомъ и Сакеномъ, возлѣ него сидѣвшими.

Князь Дм. Волод. испрашивалъ приказанія насчетъ праздниковъ, хотѣлъ дать балъ; но Государь ему сказалъ: quand on frise sa 50-me on peut se contenter d'un dîner [2]). Однакоже княгиня Тат. Васил. сказала намъ, что во все время Государева пребыванія здѣсь она всякій вечеръ будетъ дома и принимать всѣхъ. On croit que l'Empereur viendra un soir. Юсуповъ звалъ въ Итальянскую оперу, но Государь отвѣчалъ: j'ai perdu l'habitude du théâtre, au reste nous verrons. Пред-

---

[1]) А. Н. Голицына?

[2]) Императору Александру Павловичу въ то время шелъ 46-й годъ отъ рожденія.

ставленій не было никакихъ, а представлялъ только Государю Обольяниновъ предводителей здѣшнихъ.—Вчера въ вечеру были мы у кн. Ник. Ник. Хованскаго, онъ сказалъ намъ: я не губернаторъ вашъ, а *приказчикъ* по Бѣлоруссіи. Je lui ai recommandé Sirakousky, il m'a repondu: j'en ai entendu dire tant de bien de Dibicz, Kankrine, votre frère, que certes, nous serons contents l'un de l'autre. Хованскій ѣдетъ на дняхъ и черезъ Ярославль, ибо Государь ему сказалъ вчера: совѣтую тебѣ взять въ образецъ Ярославскую губернію и завести такой же порядокъ, какъ тамъ *). Сегодня revue. Думали, что откажутъ за дождемъ, но нѣтъ, а къ одиннадцати разгулялось, и теперь время хорошо. Что тебѣ еще сказать? Васильчиковъ Л. В. очень боленъ, рожа на ногѣ, которую замочили, и теперь разнесло всю ногу.

Наташа именинница, все являются поздравильщики и мѣшаютъ: Ник. Ив. Похвисневъ (Рушковскій не былъ вчера званъ на обѣдъ), Метакса, Вейтбрехтъ, Обрѣзковъ, Попандопуло, который безпрестанно нюхаетъ табакъ, чтобы виденъ былъ бриліантовый его перстень, коимъ восхищается, и тебя превозноситъ, полагая, что никогда бы безъ тебя не получилъ.

*

Москва, 27 Августа 1823.

Вчера праздновали мы Наташу, обѣдали у П. П. Нарышкина, гдѣ и другая именинница была, кн. Нат. Петр. Куракина, а ввечеру было пиршество у тестя.—Новая опера Итальянская не очень понравилась публикѣ, «Конрадинъ», музыка Россинія, но все очень длинно, и первый актъ одинъ продолжался два часа съ половиною. Я видѣлъ тамъ Лошкарева, познакомился съ его женою, которая ошибается на мать.

Государь былъ вчера очень доволенъ маневрами и сказалъ г. Толстому: я зналъ, что корпусъ твой хорошъ, но не ожидалъ такую найти перемѣну. Отдать изволилъ благоволеніе. Всѣ удивляются, какъ Государь выдержалъ до конца: дождь былъ сильный, съ вѣтромъ; большая часть генераловъ, не дѣйствовавшихъ, отлучались и надѣвали шинели, чтобы отогрѣться и посушить себя; Государь все стоялъ на одномъ мѣстѣ.—Ввечеру, часовъ въ 7, ѣздилъ къ кн. Дм. Волод. поздравить его съ именинами матери, съ часъ посидѣлъ у княгини Т. В.; она не знала, что мужъ дома спитъ и сказала, что дома его нѣтъ. Потомъ былъ Государь у графини Орловой и Каменской, а кушалъ онъ одинъ съ гр. Аракчеевымъ. Сегодня тоже было что-то у Петровскаго дворца, войска по одиночкѣ стрѣляли въ цѣль. Мы поѣхали было

*) Князь Хованскій назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Смоленскимъ, Витебскимъ и Могилевскимъ.

съ Наташею въ домъ гр. Мамоновой, на Тверской, смотрѣть, какъ Государь поѣдетъ назадъ; но вмѣсто того, онъ воротился во дворецъ черезъ Прѣсненскую заставу. Государь часто хвалитъ Ярославскую губернію и сказалъ П. П. Нарышкину: это самая благоустроенная губернія; какая чистота въ городѣ, какъ дороги исправны! О пиршествахъ никакихъ не слышно, кромѣ 30-го въ Благородномъ Собраніи. Сегодня, послѣ обѣда, Государь ѣдетъ осматривать Маріинскую больницу и другія заведенія императрицынова вѣдѣнія. Чтò тебѣ еще сказать? Софья Шаховская родила сына. Я видѣлъ Шульгина, который чрезвычайно перемѣнился; я и не зналъ, что онъ посылалъ двухъ сыновей къ Кавказскимъ водамъ: одинъ тамъ умеръ, а другого привезли больного назадъ. Канцлеру Румянцову воды чрезвычайно помогли. Говорятъ въ городѣ, что завтра Итальянскій «Танкредъ» удостоенъ будетъ присутствіемъ Государя. Увидимъ, а сегодня даютъ Gaza ladra. Поздравляю тебя съ возвращеніемъ Манычара и бью ему челомъ. Говорятъ, что принцъ его прогналъ изъ службы генерала Апухтина и будто сказалъ ему: какой ты генералъ, ты бездѣльникъ.

Какъ время летитъ: сегодня 14 лѣтъ, чтò я женатъ, а кажется давно ли въ школу ходилъ!

*

Москва, 28 Августа 1823.

Скажу тебѣ все, чтò знаю. Государь былъ доволенъ вчерашнимъ ученіемъ, стрѣльбою въ цѣль, и пожаловалъ тутъ же въ офицеры юнкера Толстого, сына Петра Алекс. Послѣ обѣда осматривалъ Государь институты, послѣ былъ съ визитомъ у гр. Марьи Алексѣевны Толстой *). Ожидали въ Итальянскую оперу, но не бывалъ; а Юсуповъ насъ было задушилъ: и такъ было тамъ жарко, а онъ велѣлъ накурить какими-то крѣпкими духами. Теперь ждутъ его къ завтрему, ибо онъ сказалъ княгинѣ Голицыной, которая ему расхваливала оперу: Ce soir ou demain je viendrai à l'opéra, pour qu'on ne croye pas, прибавилъ онъ, смѣючись, que je n'aime que le fifre et le tambour. Москвою очень доволенъ Государь и три раза благодарилъ князя Голицына за все, чтò надѣлано въ городѣ въ столь короткое время. Думаютъ, что Государь поѣдетъ ужо въ Свирлово. Когда купцы поднесли ему хлѣбъ и соль на серебряномъ блюдѣ, то онъ сказалъ: благодарю васъ, но на чтò блюдо это? Глава отвѣчалъ: такъ водится, В. В—во! А другой умный купецъ прибавилъ: тутъ есть число вашего посѣщенія; по блюдамъ симъ можно узнать, сколько разъ Москва была осчастливлена посѣщеніемъ своихъ государей. Государь велѣлъ взять и блюдо, и

*) Въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ нынѣ А. И. Мамонтова.

хлѣбъ съ солью. Всѣ только и толкуютъ, что о Ярославской губерніи. Вотъ пророчили, что губернаторъ будетъ отставленъ. Не тутъ-то было. Безобразовъ предупредилъ тучу, сказавъ Государю: на меня много будетъ жалобъ В. В—ву, потому что нѣкоторыхъ дворянъ надобно было почти принудить содѣйствовать въ усовершенствованіи дорогъ; но Государь, оборотясь къ гр. Аракчееву, сказалъ ему: всѣ таковыя жалобы оставить безъ уваженія.

Былъ я вчера у Ив. В. Шатилова, который тебѣ кланяется; онъ скоро собирается къ вамъ обратно. Видѣлъ я также въ театрѣ генерала Эмме, пріятеля Ламздорфа, который очень тобою хвалится, и благодарилъ меня за какія-то одолженія, сдѣланныя ему тобою. Пріѣхалъ Балашовъ, но я его еще не видалъ: теперь никого не увидишь и не найдешь. Бѣда, а мнѣ надобно бы всѣхъ заставать: время уходить, придется жену одну отпустить въ Семердино и остаться здѣсь хлопотать о деньгахъ. Точно всѣ въ землю зарыты!

*

Москва, 29 Августа 1823.

Петербургъ, я чаю, ждетъ съ нетерпѣніемъ почты нашей, но намъ писать совершенно нечего. Въ городѣ тихо, праздниковъ и баловъ нѣтъ, къ тому же время дурно, часто идетъ дождь. Вчера былъ и послѣдній маневръ.

Сегодня Государь обѣдаетъ у князя Дм. Волод., а завтра удостоитъ своимъ присутствіемъ балъ, въ Благородномъ Собраніи даваемый. Жаль будетъ, ежели дурная погода помѣшаетъ иллюминаціи, которая будетъ прекрасна. Въ собраніи, вѣрно, будетъ много, ибо старшины даютъ всѣмъ билеты визитарные, не смотря на то, что имѣешь домъ въ Москвѣ, только поѣзжай; и Фастъ въ восхищеніи, что спасаетъ 50 р. Вчера ожидали Государя въ оперу Итальянскую, но быть не изволилъ, и послѣ только догадались, что канунъ праздника. Теперь всѣ ждутъ завтрашній день, и всякій ожидаетъ что-нибудь для себя, а я думаю, что кончится однимъ военнымъ празднествомъ.

*

Москва, 30 Августа 1823.

Вчера Государь изволилъ кушать у кн. Дм. Волод.; было человѣкъ до 60: вся свита Государева, дѣйств. тайные совѣтники Толстой, Апраксинъ, кн. Горчаковъ, Яшвиль, Балашовъ, Хованскій, Обольяниновъ со всѣми предводителями здѣшними, губернаторъ, комендантъ, Шульгинъ, три полицеймейстера и всѣ князевы адъютанты. Послѣ обѣда Государь навѣстить изволилъ больного Васильчикова, Л. Вас., у коего сидѣлъ болѣе получаса; до обѣда былъ въ главномъ госпи-

талѣ, очень тамъ былъ доволенъ, ѣлъ щи солдатскіе, отвѣдывалъ квасъ и полпиво, благодарилъ очень Путяту, оттуда заѣзжалъ въ Лефортовскій дворецъ къ Ушакову и смотрѣлъ кадетскій корпусъ, который строится. Жаль, что сегодня время нехорошо; однакоже Кремль, говорятъ, набитъ биткомъ народомъ и каретами съ самаго утра. Выходу сегодня не будетъ, а слушать будетъ Государь обѣдню въ соборѣ, куда и мы отправляемся съ Фастомъ, да и женѣ хочется ѣхать, что̀ очень похвально: надобно помолиться за такого Царя! Какія-то будутъ милости!

Вчера обѣдалъ я въ клубѣ, сижу за обѣдомъ возлѣ Меншикова Николая; Вяземскій, меня увидя, черезъ половину залы говоритъ мнѣ: Поздравляю!—Съ чѣмъ?—Какъ, развѣ братъ тебѣ не пишетъ? Встать было неловко; послѣ обѣда иду тотчасъ къ Вяземскому, не тутъ-то было: я и не видалъ, какъ онъ всталъ и уѣхалъ. Экая досада! Только оставилъ меня въ недоумѣніи, что̀ бы это могло быть. Онъ качнулъ уже въ Подмосковную; вѣрно, что-нибудь пишетъ ему Тургеневъ. Досадно, а нечего дѣлать. Можетъ быть, и шутка. Le ton fait la chanson! Какъ скажешь: поздравляю тебя! Государь сказалъ князю Дм. Волод.: Je viendrai l'année prochaine avec ma mère et toute la cour ici *pour une année*, car on ne peut plus différer la réparation qu'il est indispensable de faire au château de Pétersbourg. Вотъ то-то будетъ праздникъ! Въ соборѣ была бездна народу. Государь очень былъ веселъ, и народъ такой поднялъ шумъ, крича ура, что колоколовъ не слыхать было. Во время молебствія вдругъ показалось солнце, и день насталъ прекрасный; стало быть иллюминація будетъ хороша. У Фаста на балконѣ страшная громада: А. I-й. Cela fera un très joli effet et sera vu du cabinet de l'Empereur.

Теперь уже толпа около Кремлевскаго сада, который еще не освѣщенъ, но музыка уже гремитъ. У кого есть просьба—подавайте, Государь велѣлъ принимать! Но, кажется, нѣтъ никого.

*

Москва, 31 Августа 1823.

И такъ, желаніе мое сбылось, любезнѣйшій другъ: тебѣ пожалованы земли въ Бессарабіи! Мы съ Фастомъ поцѣловались и другъ друга поздравили. Спасибо доброму Тургеневу; буду ему писать и благодарить его за стараніе, хотя за тебя стряпать немудрено: всякій возмется, и можно ручаться за успѣхъ при такомъ щедромъ Государѣ, каковъ нашъ ангелъ Александръ. Хвала ему начально, спасибо Нессельроде; письмо его къ князю А. Н. о тебѣ очень лестно. Лестно и то, что тебѣ дали такое же количество земли, какъ и ему. Теперь

прошу тебя только не церемониться, а посредствомъ гр. Мих. Семен: или министра внутреннихъ дѣлъ, стараться о выборѣ самой лучшей земли въ мѣстахъ плодородныхъ, иную рѣку большую, луга или лѣса; однимъ словомъ, тѣ земли, кои въ краѣ томъ признаются выгоднѣйшими. 10 т. десятинъ могутъ составить порядочный капиталъ. Я тебя очень благодарю за подробное увѣдомленіе, какъ дѣло все происходило. Мы читали съ Фастомъ и восхищались; а Наташѣ, которая тотчасъ легла спать, могъ я только сказать въ двухъ словахъ. Ты можешь себѣ представить, рада ли она. Ты видишь, мой другъ, что есть случаи, въ коихъ надобно и самому просить, отлагая всякую деликатность въ сторону. Давай теперь говорить о виновникѣ счастія нашего. Мы имѣли счастіе его видѣть хорошо вчера въ собраніи. Онъ былъ чрезвычайно веселъ; отправились мы туда въ половинѣ осьмого. Наташа была очень авантажна, имѣла тоже платье, что на балѣ у Голицыной, въ Петербургѣ, и тотъ же turban; только кушакъ, рукава, талія украшены были лучшими брилліантами Ив. Н. Корсакова. Государь прибылъ въ 8 ч. съ четвертью. Проѣздъ его отъ дворца до собранія такъ былъ иллюминованъ, что онъ ѣхалъ какъ днемъ, и народъ, стоявшій въ двѣ плотныя шеренги по бокамъ, могъ хорошо видѣть черты его. Балъ изволилъ онъ открыть съ княгинею Т. В. Голицыною; вотъ съ кѣмъ изволилъ танцовать: княгиня Голицына, гр. Каменская, Глѣбова, гр. М. А. Толстая, Васильчикова, кн. Хованская, г.-губернаторша, кн. Оболенская, урожд. Гагарина, *Нат. Вас. Булгакова*, Полуэктова, Данилевская, дочери кн. Дм. Волод., жена коменданта Веревкина, кн. Гагарина, урожд. Глазенапъ; кажется, что не забылъ никого. Было 1237 человѣкъ въ собраніи. Наташа не любитъ соваться впередъ, да ее же затолкали; однакоже, Государь сперва, прошедъ мимо, поклонился ей, но она не была увѣрена, ей ли точно; оттанцовавъ съ Оболенскою (ибо я означилъ Польскіе хронологическимъ порядкомъ), Государь пришелъ на мѣсто, гдѣ была Наташа, посмотрѣлъ въ лорнетъ и, найдя Наташу, подошелъ къ ней и подалъ руку, какъ дѣлается приглашая къ танцованію. Вотъ его разговоръ, сколько упомню; впрочемъ, Наташу, заставлю тебѣ написать. Je suis enchanté de vous revoir, madame (поклонъ низкій); il y a bien longtems que je ne vous ai vu; vous ne sauriez croire combien je me trouve heureux d'être de nouveau à Moscou (нѣтъ, пойду лучше къ Наташѣ, пусть диктуетъ). Vous devez lire, Sire, sur toutes les figures le bonheur qu'on a de vous voir. Тутъ Государь, пожавъ Наташѣ руку, сказалъ ей: Eh bien, comment va la voix, le chant?—Sire, j'ai perdu tout-à-fait la voix depuis longtemps.—Allons donc! Il y a une personne qui m'a dit *) que vous

*) Не понимаю, кто могъ сказать Государю.

chantiez comme un ange, et quand je reviendrai ici, *j'espère que je vous entendrai chanter*. (Посмотрѣвъ около себя и на хоры) mais combien il y a de monde!—Il y a beaucoup de personnes, Sire, qui sont venues de 2 et 300 verstes pour jouir du bonheur de vous voir. — Mon séjour cette fois-ci a passé comme un éclair; il me semble que je suis à peine arrivé.—Et à nous, Sire, ce temps a paru encore plus court. Si nous pouvions avoir le bonheur de vous posséder plus longtemps!—Nous viendrons passer une année ici, ma mère, ma femme, et je vous amenerai une *charmante petite personne*; car j'espère que mon frère Michel sera marié pour ce temps-là; je vous la recommande, j'espère qu'elle plaira à Moscou. Тутъ, къ несчастію, Польскій кончился, и Наташѣ не удалось поговорить о тебѣ, а это ея любимый разговоръ, когда удостаивается танцовать съ Государемъ. Потомъ взялъ я ее къ дверямъ, и стали мы говорить. Государь шелъ мимо, подошелъ къ ней и сказалъ: J'espère que vous ne voulez pas déjà partir?—Comment, avant V. M.? Я думалъ, не станетъ ли еще съ нею разговаривать, но вмѣсто того онъ уѣхать изволилъ. Тогда играли кадриль, заиграли Польскій, и Государь пошелъ опять танцовать съ дочерьми графа Толстого, съ молодою Окуловою, съ Толстою, женою адъютанта кн. Дм. Волод., съ Апухтиною, Гедеоновою; вотъ, кажется, и всѣ. Въ половинѣ одиннадцатаго никто не примѣтилъ, какъ онъ вдругъ скрылся. Фастъ видѣлъ, какъ старшины его провожали (жаль, что я уже выбылъ); онъ что-то сказалъ И. И. Дмитріеву, который у него поцѣловалъ руку, но Государь, вырвавъ ее, поцѣловалъ Ив. Ив., который опять-таки руку старался поцѣловать. Не знаю, о чемъ была рѣчь. Смѣшно было то, что какъ только узнали, что Государь уѣхалъ, всѣ вонъ изъ собранія. Всѣ хотѣли разъѣхаться вдругъ; но это было невозможно, и иные должны были дожидаться кареты часа два; живущіе близко пустились домой пѣшкомъ въ башмакахъ, дабы переодѣться скорѣе и идти гулять по славной Кремлевской иллюминаціи. Народу была бездна; я тотчасъ надѣлъ сапоги и тоже пошелъ шататься. Фастово освѣщеніе было изъ лучшихъ въ городѣ. Говорили, что Государь будетъ еще кушать въ Москвѣ, но въ 7 часовъ утра кейзеръ-штандартъ, который отъ Фаста виденъ, былъ снятъ.

Посылаю тебѣ приказъ. Ты, вѣрно, также удивишься, какъ и я (лестному, впрочемъ) новому назначенію Закревскаго. Шатиловъ думаетъ, что это сдѣлано, дабы развести З. съ Дибичемъ, съ коими онъ равенъ, а было бы между тѣмъ въ родѣ подчиненности. Назначеніе Шатилова сдѣлано въ угожденіе Закревскому. Пожаловано много въ генер.-майоры, Граббе и Шварцъ прощены. На мѣсто З. Потаповъ. Мнѣ

жаль, что З. выбудетъ. Членами Совѣта пожалованы: Юсуповъ, гр. Толстой, Ал. Ив. Татищевъ, Сукинъ, Ѳ. П. Уваровъ и Дибичъ. Филарету бриллiантовую панагiю. Государь сказалъ князю Дм. Волод., что утверждаетъ его представленiя, а онъ испращивалъ (сказалъ мнѣ Шафонскiй) 93 награды разныя. Экая куча! Какъ скоро узнаю, тебѣ сообщу тотчасъ; болѣе, кажется, не слышно ничего о наградахъ. A propos, вчера Сакенъ, увидя меня, подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку и спросилъ: Avez-vous des nouvelles de votre frère?—4 fois pas semaine.—Mais c'est comme entre amant et maîtresse. Savez-vous que votre frère est un *ancien et bon ami* à moi? Je l'aime de tout mon coeur. Тутъ подошелъ кн. Андрей Ив. Горчаковъ и перебилъ нашъ разговоръ. Старикъ свѣжъ и бодръ, хоть куда! Возвращаю съ благодарностью записку князеву. Тамъ обѣдалъ во дворцѣ вчера. Было 246 человѣкъ, и со всѣмъ тѣмъ мало, съ кѣмъ бы Государь не говорилъ. Онъ изволилъ что-то спросить у Р.; но онъ, говорятъ, оробѣлъ, замялся, и Государь пошелъ дальше.

Вчера былъ страшный случай. Подъѣзжаетъ въ каретѣ къ собранiю нѣкто Смирновъ, отставной, кажется, полковникъ; человѣкъ отворяетъ карету, баринъ не выходитъ. Офицеръ кричитъ: извольте, сударь, выходить: за вами нить, васъ ждутъ. Только человѣкъ всунулъ голову въ карету и говоритъ: баринъ изволилъ скончаться. Такъ полѣзай въ карету, говоритъ ему Шульгинъ, и вези барина домой хоронить.

*

Москва, 3 Сентября 1823.

Куда радуетъ меня царская милость, которую удостоился ты получить, любезнѣйшiй другъ! Должно быть, она значительна. Нессельроде не промахъ: ежели бы 10 тыс. десятинъ не составляли важнаго прiобрѣтенiя, онъ бы 20 попросилъ. Сверхъ того Метакса, коему мѣста сiи очень извѣстны, увѣрялъ меня, что въ Бессарабiи земли нанимаются обыкновенно съ платою по серебряному рублю за всякую десятину; это было бы прекрасно! Метакса говоритъ, что братъ Мазаровича, живущiй тамъ, этимъ промышляетъ, то не худо бы съ нимъ списаться, а никакъ не торопиться продавать. Я вчера писалъ милому Воронцову предлинное письмо, послалъ ему книги, приказы, описалъ ему государево здѣсь пребыванiе и прошу его хлопотать, чтобы (ежели отъ него зависитъ) твои десятины были славнѣйшiя, чтобы на нихъ родились ананасы, чай, кофе, сахаръ и даже червонцы! Я увѣренъ, что онъ твоихъ интересовъ не упуститъ; но ты не напишешь самъ, то я ему говорю безъ церемонiи. Что-то Бальшъ тебѣ скажетъ также, но онъ вральманъ.

Вчера вдругъ явился къ намъ Мазаровичъ Персидскій. Долго сидѣлъ, и много болтали; въ вечеру были мы съ Наташею у нихъ. Она была въ старину дружна съ младшею ея сестрою, и эта женщина любезная, только собою не красавица.

Шульгину отдана благодарность, да и не можетъ быть иначе. Кажется, и Голицынъ смягчается и, говорятъ, просилъ ему 2-го Владимира. Голицынъ представилъ о 93 наградахъ, изъ коихъ 81 словесно утверждены были Государемъ, ожидаютъ письменныхъ указовъ. Должны были присланы быть изъ Серпухова *), но не явились. Шульгинъ всталъ черезъ силу къ государеву пріѣзду. Онъ меня, по обыкновенію своему, увѣрялъ, что былъ полчаса въ царскомъ кабинетѣ, жаловался, что не заслужилъ ни одного даже благоволенія отъ кн. Дм. Волод., просился прочь и будто Государь отвѣчалъ: не смѣй мнѣ и заикнуться объ отставкѣ.

Здѣсь все устрою къ путешествію въ Бѣлоруссію. Надѣюсь найти всѣ работы уже конченными.—Вотъ тебѣ рѣчь Филарета и приказъ. Рушковскому сказали, что лошади гдѣ-то были дурны, а подъ Москвою были остановки на станціяхъ, вотъ онъ поѣхалъ къ Дибичу. Что вамъ угодно?—Вотъ эвто-то, лошади и станціи-то.—Что вамъ угодно? —Это не моя вина, что лошади...—А это не мое дѣло, прервалъ Дибичъ и бѣжалъ изъ комнаты. Р., расхваливая всю свиту государеву, сказалъ о Дибичѣ: O! il a beaucoup, beaucoup d'esprit, mais il est très vif et n'a qu'une réponse: не мое дѣло! Въ городѣ нѣтъ ничего новаго кромѣ смерти бѣднаго Серг. Ак. Мальцова.

*

Москва, 6 Сентября 1823 г.

Вчера обѣдали мы у Шепелева; звалъ насъ на маленькій обѣдъ, а было человѣкъ 50. On dit que c'est tous les jours le même train; je crains beaucoup qu'il ne mange aussi cette grande fortune, comme toutes les autres. Это второй томъ Чижика. Тутъ обѣдалъ Бетанкуръ и множество всякаго сброду. Шепелевъ увѣряетъ, что это все неожиданные гости. Оттуда возилъ я Фаста къ Dow живописцу. Шульгинъ только что не говоритъ! Есть еще портретъ Государя, чрезвычайно похожій; кажется, видишь его передъ собою.

Я засидѣлся у гр. Ростопчиной. Графа ждемъ всякій часъ. Лиза подлинно прекрасна. Vous vous rappelez des figures dans le Journal de

---

*) Государь уѣхалъ изъ Москвы на свиданіе съ Австрійскимъ императоромъ и на Тульчинскіе маневры.

mode de Paris; eh bien, c'est absolument une taille et une figure dans ce genre, avec un jargon et une aisance tout-à-fait parisienne.

*

Москва, 7 Сентября 1823 г.

Теперь настала большая тишина въ Москвѣ. Награжденія князевы что-то не являются; какъ бы не отложились до будущаго года. Выходитъ, что какъ князь подалъ представленія свои, Государь сказалъ просто: fort bien! На другой день изволилъ отказать помѣщеніе Кочубея при князѣ по особеннымъ порученіямъ (такихъ молодцовъ около князя 42)! Стало быть, читалъ бумаги, такъ прочее бы утвердилъ, а до сихъ поръ нѣтъ ничего. Да и, право, ужъ слишкомъ много и часто просятъ. И Юсупова представленія что-то засѣли, а между тѣмъ Щербатовъ А. А. вездѣ себя славитъ камергеромъ. Вчера былъ я у нашего папа генер.-губернатора*). Онъ воротился изъ Ярославля, гдѣ подлинно нашелъ большое устройство. Городъ чистъ, улицы лучше вымощены, нежели въ Петербургѣ и Москвѣ, гулянье сдѣлано прекрасное вдоль Волги; тюрьмы, приказъ общественнаго призрѣнія, больница Демидова, всѣ эти заведенія въ большомъ порядкѣ; дороги однакоже совсѣмъ попорчены отъ дождей, но будутъ хороши совершенно, когда укатаютъ хорошо песокъ. Не видно, чтобы помѣщики или крестьяне были очень угнетаемы. Князь былъ тамъ впрочемъ одни сутки, а въ такое короткое время можно только поверхностно все видѣть. Хованскій ѣдетъ завтра, начнетъ Калугою и кончитъ Витебскомъ; тамъ домъ его еще отдѣлывается, а потому княгиню свою оставляетъ здѣсь до времени.—Не помню, писалъ ли я тебѣ, что Балашова А. Д. жена умерла послѣ 7 дневной горячки. Говорятъ, что Государь сказалъ ему въ Тулѣ: тебѣ не до того, забудь, пожалуй, меня и поѣзжай тотчасъ въ Рязань! Туда повезли Газа, но было уже слишкомъ поздно.

*

Москва, 10 Сентября 1823.

Я писалъ тебѣ о дружескомъ предложеніи Ивана Никол. * * * Нынѣ рѣдко одолжать любятъ и тѣ коихъ просишь, а онъ самъ вызвался. Вчера былъ онъ въ досадѣ, просилъ меня сегодня у него обѣдать и послѣ ѣхать съ нимъ смотрѣть Головкинскія вещи. Надобно потѣшить старика. Къ нему пріѣхалъ сынъ, * * * . Послѣ всѣхъ гнусныхъ своихъ поступковъ противъ отца и благодѣтеля онъ вдругъ пріѣзжаетъ, не списавшись, прямо къ нему на дворъ съ цѣлымъ домомъ. Ив. Ник. докладываютъ, что пріѣхалъ Вас. Ник.—Скажи, что я

*) Т. е. у князя Н. Н. Хованскаго.

его помѣстить въ домѣ не могу: у меня идетъ передѣлка. Человѣкъ опять является. Вас. Ник. и Соф. Ѳед. просять позволеніе къ вамъ войти, только чтобы поздороваться.—Проси.—Je ne sais pas, sazala она, pourquoi vous êtes fâchés contre nous.—Je n'ai, madame, rien contre vous; mais l'ingratitude, les procédés horribles de votre mari l'ont pour toujours chassé de mon coeur. Je suis étonné qu'il ose se présenter devant moi et arrive tout d'un coup sans m'en avoir prévenu et avoir demandé ma permission.—Nous vous avons écrit.—Cela ne peut pas être, car j'aurais reçu votre lettre; d'ailleurs je vous ai écrit fort au long pour vous déclarer quels seraient à l'avenir nos rapports.—Мы этого письма не получили.—Странно, что наши письма теряются; я съ моего могу вамъ дать и дамъ вамъ копію. Я васъ сюда не выписывалъ, вы пріѣхали по своей волѣ; ищите себѣ домъ, гдѣ хотите.—Какъ же отъ своего дома нанимать? Это всѣмъ покажется странно.—Никому, ибо весь городъ знаетъ мои намѣренія на вашъ счетъ; я писалъ даже въ газетахъ о семъ, я не знаю, что вы называете своимъ домомъ. Домъ этотъ мой, а вамъ до всего, чтò мое, нѣтъ никакого дѣла. Надобно послушать разсказы этого бѣднаго Ив. Ник. Я еще удивляюсь его терпѣнію; его мучили, ругали, выдавали за сумасшедшаго, пьяницу, разорили его имѣніе, распродавъ вещи и всѣхъ лошадей съ заводовъ. Извергъ этотъ смѣлъ сказать людямъ во время тяжкой болѣзни Ив. Ник.: Слушайте меня, я вашъ господинъ; развѣ вы не видите, что онъ *околѣваетъ*? Какъ терпѣть такія гнусности! * * * по доброй душѣ своей даетъ * * * 800 душъ, но лишаетъ его всего прочаго, т. е. 14 тыс. душъ, кои тоже его были бы.

Третьяго дня былъ я на прощальномъ ужинѣ у нашего генералъ-губернатора. Онъ поѣхалъ вчера въ Калугу, оттуда отправится въ Смоленскъ, а тамъ въ Витебскъ, гдѣ обѣщалъ я ему быть у него въ гостяхъ; потомъ поѣдетъ онъ осматривать Могилевскую губернію. Это токмо короткое обозрѣніе, чтобы ознакомиться съ лицами и особенно съ губернаторами. Третьяго же дня видѣлъ я князя А. С. Меншикова; онъ былъ проѣздомъ, а поѣхалъ въ подмосковную; просилъ меня дать ему знать эстафетою, когда будетъ здѣсь Закревскій, пріѣдетъ съ нимъ повидаться. Онъ что-то не веселъ, да и положеніе его не очень пріятно, ежели не дадутъ ему новаго назначенія. Ему тоже кажется, что Закревскій не приметъ новаго своего поста. Понимаю горесть Ноинскаго и всѣхъ его подчиненныхъ: такого начальника не скоро имъ нажить.

Всѣ спрашиваютъ, чтò дали князю Дм. Волод.? Ничего! Выдадутъ ли, полно, награжденія испрошенныя княземъ для своихъ? Ему дать, такъ дали бы здѣсь, какъ Юсупову, Толстому. Говорятъ, что Государь не

доволенъ былъ дорогами; въ Тульской губерніи были онѣ хороши. Князь Никита имѣлъ счастье быть вытребованъ къ Государю, который говорилъ съ нимъ почти часъ о кн. П. Мих., княгинѣ Соф. Гр., Зенеидѣ, о Макарьевской ярмаркѣ, объ Италіи, о принцѣ Кариньянскомъ, Бетанкурѣ и пр. Никита разсказалъ мнѣ весь разговоръ. Онъ не знаетъ еще, что̀ съ нимъ будетъ. Государь сказалъ ему: Ecrivez moi ce que vous avez à me demander по командѣ et donnez le papier à Dibitsz. Князя Никитово желаніе быть при отцѣ и кончить дѣла съ Крюковой. Государь сказалъ ему: Je connais cette dame d'un côté pas favorable.—Sire, elle n'en a qu'un; c'est l'avis de tout le monde. Разсказывалъ также, что Балашовъ, узнавъ о болѣзни жены *), просилъ позволенія къ ней ѣхать. Они сидѣли за столомъ у Кривцова. Вдругъ фельдъегеръ. Балашовъ распечатываетъ письмо, читаетъ, руки у него трясутся, и глаза наполняются слезами; всѣ испугались, что̀ такое. Читайте, сказалъ Балашовъ, тутъ нѣтъ секрета, всѣ вы скажете, что для такого Государя нельзя не пролить крови своей. Кривцовъ взялъ письмо, писанное на двухъ страницахъ карандашомъ, рукою Государя. Вотъ смыслъ: не только соизволяю на просьбу вашу, но требую, чтобы вы немедленно отправились къ больной вашей супругѣ. Цѣня заслуги ваши, не могу не принимать участія душевнаго въ вашей горести. Буду молить Бога, чтобы даровалъ больной исцѣленіе; сожалѣю, что другимъ ничѣмъ помочь не могу особѣ столь вамъ драгоцѣнной. Прошу васъ еще разъ тотчасъ ѣхать, забыть обо мнѣ, а заняться больною и меня увѣдомить, какъ вы ее найдете. Понимаю, что Балашовъ былъ тронутъ. Онъ тутъ же со стола поскакалъ, но нашелъ жену уже безъ памяти. Des traits comme cela sont faits pour faire adorer encore d'avantage l'ange qui règne sur nous. Dans le temps ancien l'Empereur eût été déifié.—Говорятъ, что въ Тулѣ нехорошо обошлось. Множество было просьбъ отъ работниковъ, кои отъ введенія на заводѣ машинъ остаются безъ пропитанія. Барыня одна хотѣла подать жалобу Государю, ее оттащили силою; она, видя, что Государь ѣдетъ, начала кричать столь немилосердно, что Государь велѣлъ остановиться, вышелъ изъ коляски, пошелъ на крикъ и принялъ отъ нея бумагу; также говорятъ, что Кривцовъ ударилъ палкою экспедитора или смотрителя станціоннаго, но я плохо вѣрю послѣднему; здѣсь увѣряютъ уже, что Кривцовъ отставленъ, что̀ также невѣроятно.—Въ полиціи нашей не было никакой перемѣны, и вообще кромѣ членовъ совѣта не было совершенно ничего, да и кажется не будетъ. Вчера проводилъ я вечеръ у кн. Дм. Волод.; у него Четверги и Воскресенья.

*) Елены Петровны, ур. Бекетовой.

Много бываетъ. Пріѣхала Катер. Волод., а сегодня ждутъ матушку ея и Строганову, поѣду къ нимъ завтра. Графиня Ростопчина получила письмо изъ Лемберга отъ 29; онъ занемогъ, остановился тамъ, чтобы унять геморроиды и говоритъ: si vous n'avez pas de mes nouvelles dans une semaine, c'est une preuve que je suis en route pour Moscou.

Сію минуту выходитъ отъ меня Денисъ Давыдовъ, велитъ тебѣ кланяться. Государь въ Орлѣ былъ чрезвычайно доволенъ гренадерами, артиллерію и конныхъ егерей нашелъ посредственными, а кирасиръ дурными. Братъ Дениса, пріѣхавшій оттуда, тоже подтвердилъ, что Государь недоволенъ былъ Московскими дорогами, о чемъ многимъ отзывался. Надобно думать, что представленія князевы завязнутъ.

*

Москва, 11 Сентября 1823.

Vous avez, dites vous, plus de tact que Tourguéneff et Polética! Je désire que vous surpassiez non seulement ces deux amis, même Platon, Salomon et confrères. Seulement j'aurais désiré que nos amis eussent mieux vu les choses que vous, mon cher ami. Я не такъ думаю, какъ ты. Какая нужда 2-го чина? И что̀ за бѣда, что тебѣ дадутъ тоже, что̀ Нессельроду? Ты говоришь, что другіе будутъ основываться на твоемъ примѣрѣ и тоже требовать, что̀ тебѣ дано. Тогда предстоитъ вопросъ весьма простой: вы говорите, что вы дѣйст. стат. сов., какъ Булгаковъ... Это такъ, но позвольте спросить заслуги ваши тѣже ли? Какъ же дать тебѣ 6000 д., когда Фонтону дано 5000. Ежели пошло на чины, что̀ же сдѣлалъ Нессельроде особеннаго въ теченіе всего этого времени, а твои заслуги, говоря по тургеневски, *Европейскія*: всѣ ихъ ощущаютъ.

Я вижу тутъ меланхолика Кампенгаузена. Государева воля эта ознаменована. Нечего дѣлать! Все слава Богу, всякое даяніе благо! Я не нахожу, чтобы Голицынъ тутъ много сдѣлалъ. Главный виновникъ Тургеневъ, Нессельроде тоже благородно поступилъ. О Царѣ и говорить нечего: всегда готовъ на добрыя дѣла, когда просятъ о добрыхъ людяхъ. Меня часто утѣшаетъ мысль, что ты получилъ милость эту. Не торопись только продавать. Меня точно увѣряетъ Метакса, что, отдавъ въ аренду землю, ты долженъ получать въ годъ 25 т. дохода. Во время о̀но тоже говорили въ городѣ, что Голицыну даны шифры на эполеты; но я не писалъ тебѣ, ибо былъ только городской слухъ, я почти увѣренъ, что награжденія князевы залежатся. Шафонскій свои взялъ прошлаго года, теперь же Богъ знаетъ кого не представляли къ награжденію. Нашъ дуракъ Щербатовъ всѣмъ объявилъ, что ему пожалованъ ключъ, но не видать ключа до сихъ поръ. Вотъ

каково болтать прежде времени! Любопытенъ я знать, какъ-то полетятъ орлы, гуси и драконы вашего механика.

Пиллеръ очень докучливъ, но твоя доброта все превозмогаетъ. Сію минуту тесть отъ меня. Хотѣлъ къ тебѣ писать. На что̀ это? Ему и такъ недосугъ; скажите, что̀ угодно, я напишу, чѣмъ заводить переписку. Просьба его доставить письмо къ Канкрину вѣрно, и, когда его увидишь, замолвить словечко объ немъ. Вотъ тебѣ копія письма князева. Онъ дѣло проситъ. Я боюсь, чтобы Уваровъ не нажилъ себѣ бѣды: у многихъ есть здѣсь письменныя доказательства пристрастія Уварова къ Ліону. Юсуповъ кричитъ вездѣ, что у Уварова рука не чиста и что онъ это скажетъ и Канкрину, и самому Государю, когда будетъ въ Петербургѣ, куда собирается. Не мое дѣло ихъ разбирать, а тебя прошу, когда поѣдешь къ Канкрину для Фаста, сказать словечко въ пользу тестя: у него старинная фабрика, и просьба его, кажется, и умѣренна и основательна.

Охъ, жаль мнѣ Закревскаго! Я давно объ ней слышу дурное; все не вѣрилъ, но, видно, дѣло такъ. Она была влюблена страстно въ Шатилова; но этотъ, не успѣвъ ее образумить ничѣмъ, сказалъ мужу. И теперь, говорятъ, много проказъ. Нѣтъ, братъ, видно карьера Арсенія совершилась. Для такого умнаго, осторожнаго и скромнаго человѣка я всегда удивлялся его рѣчамъ на счетъ Аракчеева. На что̀ было перенимать у Марченко? Я увѣренъ, что это штука графа А. А.; не мало онъ объѣхалъ, сидя съ глазу на глазъ въ коляскѣ съ Государемъ, имѣлъ время обработать своего ненавистника. Мѣста новаго, кажется, не приметъ Арсеній; ему съ этимъ не сладить. Онъ былъ рожденъ для мѣста, которое занималъ; жаль очень! А жаль еще болѣе то, что онъ не наслаждается семейственнымъ счастіемъ; имѣя это, все переносишь, а вездѣ жить можно счастливо, даже въ пустынѣ. Повѣришь ли ты, что я, читая анекдотъ о facta in terra Толстаго, смѣялся; мало этого, хохоталъ одинъ? Фастъ, видя, самъ захохоталъ, спрашивая, что̀ такое? Экой уродъ этотъ графъ!

*

Москва, 13 Сентября 1823.

Ты меня радуешь, что Воронцово дѣло землю тебѣ отводить, хотя это и не нужно: я ему писалъ, просилъ отвести тебѣ такія земли, чтобы производили сахаръ, чай, кофе, ананасы и даже чтобы были золотыя руды. Вы все ожидаете прибавленія къ милостямъ 30 Августа. Ничего до сихъ поръ нѣтъ ни Шульгину, ни другимъ; не думаю, чтобы этому и было что-нибудь. Его положеніе съ княземъ Дм. Волод. странно. Князь его гонитъ вонъ видимо, но тотъ все еще держится.

Государь точно призывалъ Ш. въ кабинетъ, и надобно думать, что не за добромъ, потому что онъ вышелъ блѣденъ, какъ смерть, и не выдержалъ, чтобы не сказать князю: вы меня хотите погубить? А князь на это отвѣчалъ громко: я этого *мерзкаго* слова не знаю; а я радъ, что вы узнали, что̀ я объ васъ думаю. Между тѣмъ Ш. отдана благодарность въ приказѣ наравнѣ съ княземъ. Дня три назадъ въ князевомъ кабинетѣ была ссора у Ш. съ губернаторомъ; при князѣ Ш. ему сказалъ: Я все запру на замокъ. А я, отвѣчалъ губернаторъ, замки велю выломать! Рѣчь была о губернскомъ замкѣ, который оба себѣ присвоиваютъ. Все это очень странно и неприлично; чѣмъ-то кончится? Вчера Юсуповъ *) получилъ извѣщеніе отъ гр. Аракчеева, что Государь изволилъ подписать всѣ его представленія, и что они отправлены по принадлежности, а о князевыхъ представленіяхъ не слыхать ничего. Князю не дали ничего здѣсь, то теперь, вѣрно, ничего и не будетъ.

Намедни у кн. Дм. Вол. видѣлъ я въ вечеру К. С. Тургеневу, у коей цѣловалъ руку и благодарилъ ее за дружбу Александра. Она, какъ мумія, все въ одномъ положеніи.—Сегодня пишу къ Воронцову, чтобы рекомендовать ему Чумагина племянника Стамо. J'espère que tel oncle, tel neveu. Je lui recommande aussi Piller et je dis au comte Michel: si à chaque fois que vous éternuez et vous mouchez, Piller ne vous compose pas au moins une sonette, ce ne sera pas sa faute. — Вчера задалъ намъ славный обѣдъ кн. Николай Гагаринъ; были Никита В. и Вяземскій, Меншиковъ Николай, Алекс. Мих. Пушкинъ, который вралъ по обыкновенію. Первые два подзываютъ меня ѣхать на сутки въ Остафьево, но я отговорюсь чѣмъ - нибудь; можетъ быть, задержутъ долѣе, да боюсь я, чтобы не заставили пить, тѣмъ болѣе что княгиня здѣсь, et il n'y a que société d'hommes.

Наташа на дорогѣ исписала страницъ 6. Добрая бабёнка и добрая мать. Выписываю ея слова: Je remercie Dieu pour mes enfants. Je leur dois beaucoup, car je me suis corrigée de bien des choses par la crainte de leur donner un mauvais exemple et de perdre toute la dignité que doit avoir une mère raisonnable, sans quoi elle est comptée pour rien et n'est pas écoutée, à moins que ce ne soit par crainte, et il faut la conviction pour que cela prospère. Leur bien a fait le mien; on s'observe, on se redresse et peu-à-peu on perd les mauvaises habitudes. Можно ли болѣе доказать любовь свою къ дѣтямъ? Это лучше всѣхъ поцѣлуевъ въ свѣтѣ, лучше глупаго баловства другихъ матерей. Меня такъ тронули строки сіи, что я не могу не выписать ихъ тебѣ.

*) Князь Н. Б. Юсуповъ былъ начальникомъ „Кремлевской Экспедиціи".

Охъ, Метакса все денегъ проситъ; сгоняютъ съ квартиры. Жалокъ бѣдный! Надобно помочь; пришло въ такую минуту, что у самого мало денегъ. Завидуешь богачамъ, кои всегда бы могли одолжать; а кто знаетъ, я, можетъ-быть, разбогатѣвши, самъ сдѣлаюсь скрягою! Провалъ же возьми и богатство, ежели такъ.

*

Москва, 14 Сентября 1823.

Вчера въ театрѣ, какъ ни слушаю я внимательно музыку, замѣтилъ я какое-то движеніе въ партерѣ; оглянулся, что̀ же? Въ срединѣ одинъ, никѣмъ не окруженный, сидѣлъ какъ на выказъ, какой-то кавалеръ въ порядочномъ фракѣ и заснулъ такъ крѣпко, повѣся голову совсѣмъ назадъ, что началъ храпѣть. Все вниманіе обратилось на него, а m-lle Казелли, которая большая хохотушка, чуть не сбилась съ роли своей. Подослали тихонько капельдинера его разбудить, на силу въ томъ успѣлъ, и спякса, открывъ глаза до половины, ну тянуться, препровождая эту операцію пѣсенкою, которую обыкновенно напѣваютъ пробуждающіеся отъ сна. Всѣ захохотали, и молодчика вывели изъ театра. Никакъ не могли узнать, кто онъ; одно твердитъ, я не укралъ, я не шумѣлъ, проспалъ оперу, тѣмъ хуже для меня, вѣдь это не обѣдня или не проповѣдь. Я ему сказалъ (ибо тоже вышелъ, желая узнать, кто онъ таковъ): покуда вы спали только, васъ не трогали, да вы стали храпѣть. Да что̀ съ нимъ толковать, прибавилъ Ровинскій *), извольте убираться домой! Что вы меня гоните домой, я пойду еще въ Русскій театръ; здѣсь я заснулъ оттого, что по итальянски не знаю. Надобно было видѣть его серьезную рожу, надутыя щеки и серьезный разговоръ! Какъ будто дѣло говоритъ. On le dit un peu timbré. Очень онъ меня позабавилъ; эта исторія смѣшнѣе вашей съ mad. Brice.—Бью челомъ Полетикѣ, который совсѣмъ меня забылъ, также Манычару; скажи ему, что Апухтина прогналъ принцъ изъ службы, на него большіе есть недочеты, по одной дорогѣ Московской 65 тыс. Фитинговъ хотѣлъ его спасти, не будучи богатъ далъ, что̀ могъ, 5000 р., своихъ денегъ; только и имѣлъ. Герцогъ узналъ и сталъ выговаривать ему, что потакаетъ вору. J'ai voulu, dit V., sauver l'honneur de notre uniforme, qui est aussi le vôtre, mon prince; d'ailleurs j'apprend qu'Apouchtine a une nombreuse famille. Le duc s'arrêta, réfléchit un instant, serra la main de V. et lui dit: cela fait honneur à votre coeur, vous me faites revenir à moi, je veux imiter votre exemple, je ne rendrai pas A. malheureux, mais je ne peux pas le garder,

---

*) Полицмейстеръ, отецъ извѣстнаго въ наши дни собирателя гравюръ и лубочныхъ изданій.

qu'il demande son congé et l'aura sans déshonneur, pourvu qu'il rembourse tout l'argent. Только полагаютъ, что онъ не выпутается...

*

Москва, 18 Сентября 1823.

Я сію минуту отъ Фаста. Мы время провели славно, весело; погода такая, что лѣтомъ не можетъ быть лучше. На дворѣ такъ было мнѣ жарко, что долженъ былъ скинуть сюртукъ и надѣть фракъ. Фастъ задалъ славный обѣдъ своей имениннницѣ; въ вечеру былъ фейерверкъ, гуляли, играли въ вистъ. Прошу сказать Кубышкѣ, что всѣ пили ея здоровье также, а я за нее присѣдалъ и благодарилъ. Дорогу нашелъ я усѣянную множествомъ народа, который ее портитъ для блага проѣзжающихъ. Безобразова чинъ колетъ всѣмъ глаза. On croit qu'il faut gâter la route pour faire son chemin.

Графу Р. сдѣланъ удивительный пріемъ здѣсь. Поутру (на другой день его пріѣзда) былъ у него кн. Дм. Волод., Шульгинъ, комендантъ, полицiймейстеры, почти весь Сенатъ и всѣ знакомые. Шульгинъ сказалъ ему: в. с., полиція, помня ваше начальство и милости, просится *вся* къ вамъ явиться, позвольте хотя частнымъ приставамъ къ вамъ быть. Il a mis dans tout cela de l'intention par sa malveillance pour le p-ce Dimitri. En attendant le comte est très sensible aux témoignages d'attachement qu'on lui donne. Мы ходили по городу пѣшкомъ. Только что вышли за ворота, мужикъ одинъ, и ему незнакомый, подошелъ къ нему и сталъ цѣловать у него руки, говоря: Батюшка, ты опять съ нами! Слава Богу, что ты воротился; только старъ сталъ!

*

Москва, 19 Сентября 1823.

Пріѣздъ графа Ростопчина меня задержалъ. Я у него цѣлый почти день бываю, и все не переболтаемъ всего. Онъ ожидаетъ журналы, на кои ты его подписалъ, а между тѣмъ благодаренъ Рушковскому, который оными его снабжаетъ покуда. Avant que j'oublie: Сахарову очень извѣстны земли Бессарабскія. Онъ говоритъ, что сначала въ Крыму земли были по 15 р., а теперь по *200 р.* десятина, что тоже будетъ и въ Бессарабіи, что надобно стараться имѣть земли по Днѣпру, что ежели ты населишь хоть 50 душъ, что̀ тебѣ станетъ тысячъ семь, ты получишь большой доходъ, что не надобно торопиться продавать.

Гр. Мамонова все еще не бывала, а брата ея привезли изъ деревни отчаянно больного: у него родъ бѣлой горячки съ воспаленіемъ въ подчеревкѣ. Negri все у него и сказывалъ, что онъ и страшенъ, и

прекрасенъ; волосы локонами висятъ на плечахъ, борода три года не брита. Ночь все ходитъ по всему дому съ кинжалами; вдругъ говоритъ Negri: C'est vous qui m'avez empoisonné. Тотъ ему хладнокровно отвѣчалъ: Quelle idée! Dans ce monde tout se fait par intérêt, le mien est que vous viviez; car je suis marchand, vous êtes riche et vous m'achetez tout ce qui vous plait, sans marchander. Si vous mourrez, je ne pourrai plus vous rien vendre.—L'autre répondit: Si tout le monde me parlait raison comme vous! Mais quelqu'un m'a empoisonné. Говоря смотритъ онъ быстро въ глаза и ежели примѣчаетъ замѣшательство, то тотчасъ имѣетъ подозрѣніе. Кутайсовъ, бывшій у него, чуть не умеръ отъ страху. Съ трудомъ могли его уговорить сюда ѣхать; въ Дубровицахъ, своей подмосковной, онъ послалъ за священникомъ, исповѣдался, причастился, какъ истинный христіанинъ, повторяя: je dois mourir, mon mal est moral et sans remède, посадилъ попа въ карету, запряженную 6-ю Арабскими лошадьми, перелетѣлъ 11 верстъ въ 20 минутъ, двѣ лошади пали, онъ велѣлъ вернуться въ Дубровицы, говоря: видно мнѣ не должно ѣхать въ Москву. Двое сутокъ съ нимъ бились, наконецъ уговорили его ѣхать лѣчиться сюда; его привезли сюда вчера; было уже три консиліума, ему ставили 40 піявокъ къ брюху и Шпанскія мухи къ боку. Доктора боятся воспаленія. Sa machine est tellement dérangée, qu'il rend les excréments par la bouche. Жаль будетъ его, но онъ былъ уже потерянъ для свѣта давно. Альбини, Мудровъ, Скюдери и еще двое у него безвыходно. Вообрази, какая сила у Мамонова: Negri мнѣ сказывалъ, что онъ одинъ перенесъ изъ нижняго этажа дома въ верхній мраморную статую, такую, что тремъ въ пору ворочать.

*

Семердино, 21 Сентября 1823.

Въ Москвѣ слышалъ я, что Бахметевъ свилъ гнѣздо у кн. Юр. Волод. Долгорукова и что устроивается для него весьма выгодная свадьба, а именно съ дочерью кн. Варв. Юрьевны Горчаковой, коей дочь очень будетъ богата*). Одинъ старикъ только еще не соглашается. Я радъ буду за нашего пріятеля.—Ростопчинъ производитъ нѣкоторое волненіе въ Москвѣ; всѣ бросились къ нему, и еще болѣе будетъ народу, когда заживетъ домомъ; онъ для утѣшенія Лизы своей хочетъ давать балы всякую недѣлю. Онъ привезъ мнѣ множество рисунковъ и эстамповъ, но еще не успѣлъ разобраться. На Голицына и особенно на губернатора всѣ ропщутъ за дороги.

---

*) Бракъ этотъ не состоялся. Позднѣе княжна вышла за графа Василія Алексѣевича Бобринскаго (первая изъ трехъ его супругъ).

Слишкомъ 40 т. народу приведено въ движеніе для починки дорогъ, а выходитъ, что ихъ не чинятъ, а только копаютъ (а теперь земля такъ тверда, что топоръ и ломъ не беретъ, а заступы всѣ ломаются) канавки глубже и обкладывать будутъ *дерномъ*, какъ по Ярославскому тракту. Я ѣхалъ отъ Фаста, и по Можайкѣ нагнано тьма народу. Зачѣмъ васъ, братцы, спросилъ я у мужика?—Да вотъ, батюшка, мы здѣсь *шестой* день живемъ безъ дѣла, никто намъ ничего не указываетъ, и мы не знаемъ, зачѣмъ насъ выслали; а говорятъ, что будемъ канавки копать да дѣлать *бурдевалы* (бульвары). Вообрази, что иные выгнаны изъ-подъ Рузы, а на Троицкую нашу высылаютъ изъ-за Клина, почти съ Тверской границы. Непонятное распоряженіе! Всѣхъ разорятъ. Въ избахъ спятъ отъ 40 до 60 человѣкъ; будь это лѣтомъ, то не долго и до заразы. Что-то будутъ они дѣлать, какъ пойдутъ дожди?

Извѣстно, что Государь былъ недоволенъ дорогами Московскими, а ежели все это дойдетъ до его свѣдѣнія, то недовольствіе его умножится. Надобно думать, что представленія не выйдутъ; мнѣ сказывали, что гр. Аракчеевъ прислалъ запросъ князю Дм. Вол., спрашивая, чѣмъ занимаются служащіе при немъ по особымъ порученіямъ чиновники. Ихъ не 42, а *73!* Ужасное число.

*

Семердино, 26 Сентября 1823.

Путешествіе къ Троицѣ. Дорога гладкая, сухая, пріятная; часто шелъ я пѣшкомъ. Народу и пріѣзжихъ такая была бездна, что я насилу нашелъ нанять комнатку. Многихъ очень нашелъ я Московскихъ. Филаретъ служилъ. Отслушалъ часть обѣдни (ибо за чрезмѣрною тѣснотою и жаромъ долѣе не могъ остаться въ церкви), походилъ по ярмаркѣ, отыскалъ, наконецъ, Корсакова, сѣлъ въ его карету; людей посадили мы въ мою коляску, заѣхали мы въ Епифанію, тамъ все осмотрѣвъ, продолжали путешествіе въ Семердино; не видалъ, какъ пріѣхали. Я старика раззадорилъ, и онъ мнѣ подробно разсказалъ, какъ попалъ во время óно въ случай, и чтò тогда происходило при дворѣ и пр. Ты знаешь, что я большой охотникъ до Екатерининскихъ анекдотовъ. Не примѣтилъ, какъ мы явились въ Семердино въ 3 часа. Я думалъ, что Ив. Ник. у насъ погоститъ; но онъ и ночевать не остался, спѣша возвратиться къ своимъ собакамъ и зайцамъ. Жаль, что сюда охоты своей не выписалъ, а у насъ мѣста славныя. Мы проводили гостя до первой деревни. Il a pris bravement son parti à l'égard de . . . . . On avait intéressé la c-sse Strogonoff dans cette affaire, mais Ив. Ник. a écrit à la comtesse qu'il la ferait juger elle-même и

представилъ ей всѣ письменные документы, обвиняющіе сына его. Въ день именинъ . . . . . . онъ ей писалъ поздравленіе, и отдалъ ей староство съ 850 душами, да 75 т. денегъ, но такъ учредилъ, что имѣніе не можетъ быть ни заложено, ни продано, а должно остаться для дѣтей. Ив. Ник. и то тронуло, что они и за этотъ даръ не поблагодарили, даже сердясь, видно, за то, что лишаетъ ихъ остального имѣнія; а у него 14 т. душъ, пожалованныя Государынею, кромѣ множества брилліантовъ и драгоцѣнныхъ вещей. Однимъ словомъ, они обнаружили явно злобу свою, неблагодарность и жадность къ имѣнію его, и онъ объ нихъ слышать болѣе не хочетъ. Вяземская старалась помирить ихъ; но онъ сказалъ, что, отказавъ графинѣ Строгоновой, ни для кого въ свѣтѣ не перемѣнитъ мыслей своихъ. Кологривова его разругала и поносила по городу, а теперь вдругъ явилась къ нему въ домъ; но онъ, увидя ее, вышелъ изъ комнаты и просилъ кн. Вяземскую напомнить своей матушкѣ, что̀ она говорила два года назадъ: пусть мнѣ плюнутъ въ глаза, ежели я встрѣчусь съ этимъ мерзавцемъ! A propos de buste de l'Empereur, je vous conseille de voir chez Dow un portrait de l'Empereur en piezépaulettes d'argent, grandeur d'une archine à peu-près; я не видывалъ родясь столь схожаго потрета, а государевы всѣ были неудачны до сего времени. Онъ просилъ 1500 р., а я думаю за 1000 р. бы отдалъ; не было у меня денегъ, а то я бы не опустилъ и тебѣ бы имъ поклонился; попытайся! Кланяйся отъ меня Кипренскому. Наташинъ портретъ его работы и теперь передо мною.

*

Семердино, 30 Сентября 1823.

Гр. Ростопчинъ сказывалъ мнѣ, что воды Карлсбадскія очень помогли Строгоновой, урожден. Кочубеевой, но что она послѣ поѣхала къ другимъ водамъ, отъ коихъ стало очень ей дурно.—Благодарю тебя за душистую бумагу, которую выписываю я для княгини Куракиной. Портреты Гинрихса и Вейса буду ожидать. Этихъ людей никогда не забуду. Наша Юлія *) таки не утерпѣла, пустилась къ мужу. Спасибо Воронцову за все, что̀ пишетъ о десятинахъ. Онъ вѣрно славно тебѣ устроитъ все это дѣло, а я буду ему тогда писать и благодарить.

Рушковскій пишетъ, что былъ у гр. Ростопчина. Savez-vous, dit-il, que dimanche passé je fus porter mon ancienne reconnaissance au c-te R. Il m'a accueilli avec infiniment de bonté, et je suis revenu tout en admiration de son esprit et de son amabilité. Vous lui aurez sûrement dit quelque chose de favorable sur mon compte et que je tâ-

*) Супруга Д. П. Татищева.

cherai de mériter. Фастъ сказывалъ, что былъ у графа Ѳ. В., который очень его обласкалъ, называя обломочкомъ 1812 года. Ты помнишь, что онъ находился при немъ.

*

Москва, 2 Октября 1823.

Какъ досадно! Я вчерашнюю почту прогулялъ, по милости графа Ѳ. В., Закревскаго. Поѣхалъ къ Арсенію въ 6 часовъ, нашелъ его дома и одного, ну очень обрадовались другъ другу; только было принялись говорить, явился Шульгинъ и ну барабанить; говорилъ, говорилъ о своихъ ссорахъ съ княземъ Дм. Вол. и губернаторомъ. Я вижу, что не дождусь конца, тутъ же послѣ пріѣхали Репкевичъ и множество другихъ. Я отправился къ графу, условясь съ Арсеніемъ, что возвращусь къ нему позже, когда всѣ отъ него разъѣдутся, что̀ и исполнилъ, но такъ это было поздно, такъ я заболтался, что уже не время было отправить мое письмо къ тебѣ; я же зналъ, что Арсеній писалъ тебѣ прямо. Я нахожу, что онъ сталъ хуже, но свѣжѣе въ лицѣ, дурной этотъ жиръ опалъ. Онъ очень веселъ, чувствуетъ, какъ лестно новое его назначеніе, предвидитъ много заботъ, но чувствуетъ необходимость исполнить волю Государеву, котораго имѣлъ счастіе видѣть въ Брестѣ. Государь его обласкалъ, очень подробно говорилъ съ нимъ обо всемъ и отпустилъ его очень довольнаго. Закревскій здѣсь ожидать будетъ жену, проживетъ здѣсь мѣсяцъ и черезъ Петербургъ отправится къ новому своему мѣсту. Многіе думали, что З. выйдетъ въ отставку; у него и на умѣ не было это.—Конечно старое мое мѣсто мнѣ болѣе по душѣ, но тутъ я начальникъ отдѣльной арміи, военный губернаторъ, имѣю окладъ большой, отношусь прямо къ Государю, могу когда хочу пріѣзжать въ Петербургъ. Грушенькѣ будетъ скучно, да и мнѣ сначала; да дѣлать нечего.

Князевы представленія вышли. Шульгинъ, видно, устоитъ: ему даны знаки брилліантовые Анны. Только странно ихъ положеніе всѣхъ. Князь не можетъ его видѣть равнодушно. Государь обѣщалъ Шульгину крестить у него и писалъ кн. Дм. Волод. быть вмѣсто его воспріемникомъ. Voilà au moins ce qu'il a dit hier à Zakrewsky devant moi.

Говорятъ о исторіи Караулова, этого пострѣла, усача, служившаго у Ираклія Маркова. Дѣло переходитъ въ Сенатъ. Онъ увезъ жену одного священника въ Симбирскѣ, набѣлилъ ее и такъ изуродовалъ лицо ея, что заставилъ ея же мужа вѣнчать ее съ собою. Попъ узналъ о томъ только послѣ, и вышла каша большая. Попъ говоритъ: это моя жена, а множество свидѣтелей и причетъ, подкупленный Карауловымъ,

показываютъ письменно, что нѣтъ. Этотъ же самый Карауловъ за 20 лѣтъ назадъ заставилъ также попа хоронить козу. Онъ имѣлъ 2000 душъ и всѣ такъ прошалилъ и проѣлъ.

*

Москва, 4 Октября 1823.

Все мое время провожу между кн. Куракиною, Закревскимъ и графомъ Ростопчинымъ, который встревоженъ болѣзнью своей дочери-красавицы, хотя она и незначуща: кашляетъ и грудь болитъ. Пренебрегать конечно не надобно, но и безпокоиться не за чѣмъ. Она однакоже съ нами обѣдала. Лучше бы всего бросить корсетъ на нѣсколько дней.—Арсеній вчера ѣздилъ въ Суханово къ Волконской, въ вечеру былъ у насъ; но съ сожалѣнію насъ не было дома. Онъ завтра собирается въ свою деревню, кажется, въ Тулу. Я о Закревскомъ писалъ подробно любезному брату. Желаю, чтобы не правда была, что̀ говорятъ о его Грушенькѣ; но дѣло сбыточное: все станется отъ этой избалованной вѣтренницы. Некому ее унимать, а отецъ развѣ дастъ самъ примѣръ глупостямъ. И здѣсь такъ много о томъ же говорятъ, что я боюсь, чтобы не дошло до Арсенія. Всѣ увѣрены, что она сюда не будетъ вовсе, а останется въ Италіи. Я слышалъ, что на балѣ во Флоренціи Кобургскій объявилъ А. Ѳ., что не можетъ ѣхать за нею въ Ливорно; она упала въ обморокъ и имѣла обыкновенные свои припадки. Этому былъ свидѣтелемъ не одинъ человѣкъ, то мудрено ли, что всѣ о томъ говорятъ. Сожалѣю душевно о бѣдномъ и добромъ нашемъ Арсеніи, который очень заслуживаетъ быть счастливымъ.

Alexis Orloff est ici, mais je ne l'ai pas vu. Il vient de partir pour Rostov, où se trouve la comtesse Orloff, partie pour là subitement à cause de la maladie du fameux Амфилохій, vieux moine, qui passe pour un saint et qui est le confesseur de la comtesse. Она, кажется, хочетъ отстать отъ свѣта: распустила свою капеллу, состоявшую человѣкъ изъ 60, всѣмъ дала свободу. Видно, праздниковъ давать не намѣрена болѣе, да и на балы ѣздить не хочетъ уже. Не была на балѣ и во время Государя.—Теперь много говорятъ о Витберхѣ, собирающемся ѣхать на годъ къ водамъ. Ростопчинъ говоритъ на это: Что̀ это за воды? Онъ не министръ; я бы просто велѣлъ съ горы, гдѣ онъ строитъ свой воздушный храмъ, столкнуть его въ Москву-рѣку: будетъ съ него и этого купанья! Скажи это Тургеневу, это по его части. Кушниковъ, видно, не кн. Дм. Волод., который стерпѣлъ, чтобы Витберхъ сдѣлалъ въ комнатѣ присутствія *круглый* столъ, дабы никто не имѣлъ перваго мѣста. Каковъ? Кушниковъ говоритъ публично, что храмъ этотъ дѣло не сбыточное, что онъ писалъ уже о семъ и ждетъ

только пути, чтобы ѣхать въ Петербургъ объяснить все Государю и во всякомъ случаѣ проситься вонъ изъ этой компаніи. Богъ знаетъ, когда церковь будетъ построена, а между тѣмъ матеріалъ заготовленный гніетъ, и денегъ убухано уже *20 милліоновъ!* И теперь все стало отъ того, что денегъ нѣтъ. Ворочая такими суммами безотчетно, понимаю, что В. могъ, какъ и говорятъ, страшно обогатиться.—Шульгинъ, точно, получилъ брилліантовую Анну. Онъ разсказывалъ Арсенію сцену свою съ губернаторомъ у князя въ кабинетѣ. Я, говоритъ онъ, до того разсердился, что сказалъ губернатору: вы можете плевать на Шульгина, но при малѣйшей обидѣ оберъ-полицiймейстеру я вамъ уши обрублю: мнѣ этому не учиться.—Что̀ же говорилъ князь? спросилъ Закревскій.—Ничего! Стоялъ у стола и ногти себѣ стригъ. De manière (observa le c-te Rostopchine, auquel je racontais cette anecdote) que le p-ce a changé le proverbe; au lieu de dire je m'en lave les mains, il disait: m-rs, je m'en rogne les ongles. У этого ничего не уйдетъ! Вчера я сидѣлъ у него часа три, и онъ все разсказывалъ мнѣ прелюбопытные анекдоты о императорѣ Павлѣ. Я графа просилъ не показываться во фракѣ на улицахъ, что не хорошо, можетъ дойти. Mais j'ai donc envoyé ma supplique pour avoir mon congé.—C'est égal, vous ne l'avez pas encore reçu, tout le monde a les yeux fixés sur vous, il ne faut pas donner de mauvais exemple, vous avez l'air de dédaigner l'uniforme militaire. Онъ смолчалъ, авось-либо и послушается. Зачѣмъ ставить Голицына и Веревкина въ непріятное положеніе, упускать свою должность или сдѣлать графу непріятность? Онъ все разбираетъ теперь свои картины, коихъ множество; до моихъ эстамповъ онъ еще не добрался.

*

Москва, 8 Октября 1823.

Прежде нежели опять забуду, сообщу тебѣ прекрасную черту нашего Государя, ежели она тебѣ не извѣстна. Въ маневрахъ, бывшихъ подъ Брестомъ Л., лошадь какого-то офицера, испугавшись выстрѣла, понесла его и пробилась въ толпу, гдѣ былъ Государь. Офицеръ задѣлъ Государя шпорою, распоролъ сапогъ и сильною контузіей ушибъ Государю ногу больно, такъ что Закревскій не могъ въ тотъ день видѣть Императора, ибо онъ не одѣвался въ вечеру. Какъ скоро это сдѣлалось, великіе князья и окружавшіе Государя тотчасъ было поскакали за офицеромъ, чтобы его схватить; но Государь ихъ остановилъ, сказавъ: я знаю кто это! Послѣ маневровъ сказалъ онъ Дибичу: Trouvez moi cet officier, il a une vilaine bête apparément, envoyez lui un de mes chevaux et dites lui que je lui en fait cadeau. Меня восхитила эта черта; жаль, ежели подобныя вещи будутъ потеряны для по-

томства и для будущаго исторіографа такого Государя. Нога у Государя болѣла нѣсколько дней.

Ѳ. П. Уваровъ здѣсь, но спѣшитъ въ Петербургъ, чтобы показывать гвардію Прусскому принцу. Я его видѣлъ издали въ ложѣ кн. Юсупова въ Итальянской оперѣ.

И у насъ тоже много говорятъ о принцессѣ Шарлоттѣ. Le c-te me disait hier (quand je dis le comte, cela veut dire le comte Rostopchine) que c'est une princesse dans le genre de Catherine la Grande, qu'elle est d'un esprit supérieur et que tout cela se trouve dans un corps très séduisant. Elle s'est fait connaître par une fameuse lettre qu'elle a écrite à son père dans le temps, qu'il était brouillé avec sa femme (la mère de la princesse Charlotte) et qui par son succès a valu une grande réputation à la princesse. Il est à prévoir donc qu'elle se fera beaucoup aimer par toute la famille dont elle va faire partie. Tout ce que vous me dites d'elle prouve qu'elle continuera, comme elle a débuté. Dobrowolsky n'est pas un aigle, mais il l'a bien jugé. Il me semble qu'on fait de grands frais pour elle chez nous.—Я обѣдалъ вчера у графа съ Арсеніемъ и Меншиковымъ. Этотъ худъ, желтъ и видно, что нездоровъ. Проболтали до 7 часовъ вечера и все о кампаніяхъ 12-го, 13-го и 14-го годовъ. Всякій разсказывалъ свое, а графъ далъ намъ полное понятіе о всѣхъ живущихъ еще Французскихъ маршалахъ и даже женахъ ихъ. У него бездна прелюбопытныхъ анекдотовъ, не только о Французахъ, но о всѣхъ извѣстныхъ людяхъ прочихъ земель: всѣ они перебывали въ Парижѣ, и со всѣми былъ онъ знакомъ.

И. Н. Корсаковъ m'a dit qu'il avait cassé son testament, qu'il était tout aux . . . . , et qu'il rendrait la chose publique par la gazette. Je l'engage à ne pas mettre le public dans le secret de tout cela: c'est inutile, ils sont assez punis sans cela.

*

Москва, 9 Октября 1823.

Вчера Корсаковъ прислалъ Катѣ и Ольгѣ, невѣстѣ своей, возъ славнѣйшихъ яблоковъ домашнихъ. Для меня они лучше ананасовъ. Вчера заѣхали мы навѣстить Корсакова; онъ насъ заарестовалъ; подъѣхалъ тесть, мы тамъ остались ужинать. Жена похвалила коверъ, и подлинно прекрасный, а онъ, en galant chevalier, и подарилъ ей; она было совѣстилась взять; да, ежели такъ, сказалъ онъ, такъ я дарю коверъ не вамъ, а невѣстѣ моей Ольгѣ. C'est du plus beau bleu qu'on puisse voir avec une bordure orange foncé et un dessein charmant.

Il nous a encore parlé de la conduite de son fils, qui continue toujours à être mauvaise. Впрочемъ, dit-il, ежели Богъ не продлитъ вѣкъ мой, и я не успѣю прожить свое имѣніе, я дамъ на себя векселей на два милліона и раздамъ все, что̀ имѣю, тѣмъ, кого люблю.

Сказывалъ тесть, что комитетъ не принялъ отзыва Рунича, отказавшагося дать объясненія Сенату, присовокупивъ, что онъ обратился прямо къ Государю. Ему вторично велено явиться въ Сенатъ. Дѣло пакостное: онъ изобличается въ клеветѣ на Болгарскаго, бывшаго гдѣ-то губернаторомъ, а Руничъ ту губернію ревизовалъ; а сверхъ того изобличается онъ во взяткахъ, копхъ орудіемъ былъ сынъ его, многоглаголющій Дмитрій Павловичъ, коего тоже вытребуютъ въ Сенатъ или пошлютъ запросъ. Cette affaire, quand même elle finirait bien, fera beaucoup de déshonneur au père et au fils. Здѣсь точно во время Государева пребыванія дано было предписаніе Гедеонову (который то самъ разсказывалъ) не пускать Рунича во дворецъ. Онъ былъ 30-го Августа въ соборѣ, и ему знакомый шепнулъ это нарочно на ухо, чтобы избавить его отъ стыда.

*

Москва, 11 Октября 1823.

Вчера, то есть во Вторникъ, ѣду въ вечеру къ Закревскому, чтобы его обрадовать извѣстіемъ твоимъ о его женѣ (Здѣсь столько наболтали на ея счетъ, что возвращеніе ея казалось мнѣ вещію необыкновенною, радостною). Подъѣзжая къ крыльцу, вижу множество разнаго рода дорожныхъ экипажей. Такъ какъ не могла это быть Аграфена Θеодоровна, я думаю себѣ: кто бы могъ это быть? Только вхожу къ Арсенію, первый предметъ, который я встрѣтилъ, была его жена. Ну цѣловать, здороваться. Въ другой комнатѣ былъ отецъ, который состарѣлся и похудѣлъ; съ нимъ пріѣхалъ еще въ своей коляскѣ Сверчковъ, братъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Ты можешь себѣ представить радость Закревскаго. Сказывалъ, что имѣетъ отъ тебя письмо, повтореніе того, что̀ ты мнѣ писалъ. Агр. Θеод. свѣжа, какъ розанъ, нѣсколько подобрѣла; очень весела и довольна, что здѣсь. Не повѣришь, съ какимъ я удовольствіемъ разсказывалъ о семъ возвращеніи всѣмъ кумушкамъ, кои Богъ вѣдаетъ что̀ не говорили объ ней: она не воротится, да ужъ я знаю; плюнь мнѣ въ глаза, ежели будетъ; она мужа бросила и пр. Кажется, все такая же вѣтреная, говоритъ о десяти предметахъ въ одно время, проситъ ѣсть, одѣваться, ложу въ Московскую оперу, разбирать, что̀ навезла, а еще лошади не отложены. Онъ страхъ какъ доволенъ ея возвращеніемъ. Меня увѣряютъ, что онъ знаетъ все, что̀ говорили о женѣ; видно, какъ умный человѣкъ, все

въ себѣ скрывалъ. Si tout ce qu'on à débité sur son compte avait été vrai, il me semble qu'on pouvait remarquer un changement dans sa manière et son langage. C'est très naturel; au lieu de cela, elle est toujours la même. Я не успѣлъ еще порядочно разспросить о знакомыхъ нашихъ въ Италіи; только знаю, что Сверчковъ, видимо, выздоравливаетъ; какой-то докторъ нашелъ, что не знали его болѣзни и не такъ лѣчили.

Я сказалъ одной дамѣ, что̀ ты слышалъ о Закревской отъ Нессельродши, а она мнѣ въ отвѣтъ. Fort bien, mais Vienne n'est pas Moscou, attendez qu'elle arrive, et alors chantez victoire. Какая злоба и желаніе видѣть вездѣ раздоры и ссоры!—Описаніе маневровъ взялъ у меня Закревскій, ибо онъ сего еще не имѣлъ. Читая анекдотъ о Россиніевой смерти, я подумалъ: voilà à quoi tient quelquefois une nouvelle, que tout l'Europe répète. Сегодня въ вечеру даютъ новую его оперу «Зельмиру». Во время оно газеты говорили, что это его chef-d'oeuvre; увидимъ. Только я не люблю серьезныхъ оперъ, мнѣ давай di buffo, чтобы посмѣяться. Теперь говорятъ въ городѣ о пассіи сенатора Рахманова Гр. Ник. къ Анти, которая живетъ съ Киселевымъ. Тотъ дурачина даетъ ей 30 т. р., чтобы она разорвала съ Киселевымъ; она отвѣчала: siete vecchio, brutto e maritato, non ho bisogno del vostro denario, ne ho abantanza. Но онъ все-таки не пасуетъ еще, ѣздитъ, вздыхаетъ, и молодецъ надъ нимъ смѣется.

Зналъ ли ты Серг. Иван. Толбухина? Онъ умеръ вчера, послѣ четырехдневной простудной болѣзни. Въ клобѣ только и рѣчи было, что̀ объ этомъ. Балетировали вчера въ члены старика сенатора Северина (нашего Дм. Петр. папахена), и странно, что въ 86 шарахъ не было ни одного чернаго; а въ клобѣ есть чудаки, кои имѣютъ за правило никогда не класть бѣлаго шара кому бы то ни было.

Правда ли, что графиня Мамонова помолвлена съ какимъ-то уланскимъ офицеромъ Поливановымъ? Слышалъ ли ты это? Да полно, въ Петербургѣ ли она? А братъ ея рѣшился, наконецъ, выбрить себѣ бороду; объ этомъ говорятъ, какъ бы о взятіи Кадикса или о побѣдѣ Грековъ. Ты видишь, что Москва все таже.

*

Москва, 12 Октября 1823.

Вчера былъ Корсаковъ у Наташи.—Да отчего А. Я. все еще не уѣхалъ?—Да есть дѣла.—Какія дѣла?—Какъ какія? Денежныя. Вы думаете, что у насъ милліоны, какъ у васъ; что̀ ни захочетъ, то и исполнить можетъ.—Да какъ не стыдно А. Я.! Онъ знаетъ, какъ я его люблю; скажи онъ мнѣ только слово. Я бы ему все сладилъ.—Видно,

что вы мужа не знаете, отвѣчала Наташа: онъ лучше для другого въ воду бросится, нежели станетъ за себя просить, хотя могу васъ увѣрить смѣло, что онъ очень васъ любитъ. Дружба этого старика къ намъ столь велика, что многіе и завидуютъ ей; между прочимъ тесть, который все ему упрекаетъ, что онъ ему знакомъ 40 лѣтъ, а я недавно.

Метакса къ намъ пришелъ напуганный. Представьте себѣ! Что̀ такое? Какое чудо! Вообразите, что Мар. Ив. Корсакова должна была быть погребена со всѣми домашними подъ развалинами своего дома[1]). Какъ это? А вотъ какъ. Она поѣхала въ деревню и Ростовъ; между тѣмъ, замѣтя, что въ верху полъ нѣсколько пошатнулся, велѣла дворецкому это починить въ отсутствіе свое. Стали полъ ломать, вдругъ всѣ балки обрушились, все упало; въ томъ паденіи цѣлая капитальная стѣна тоже повредилась. Много людей, т. е. работниковъ перебилось, но къ счастію никто до смерти. Балки столь были ветхи, что, дотрогиваясь до нихъ, онѣ разсыпались, какъ старыя мертвыя тѣла. Архитекторъ говоритъ, что домъ этотъ болѣе двухъ сутокъ стоять не могъ. Вотъ надобно же было Маріи Ив. именно поѣхать въ это время изъ Москвы! А? Это точно чудо! И ну хлопать глазами, смотря быстро на небо.

*

Москва, 15 Октября 1823.

Я князя Дм. Волод. видѣлъ въ ложѣ въ Итальянской оперѣ. Irez-vous, me demanda-t-il, demain écouter la belle musique qu'il y aura à l'église catholique pour la mort du pape?—Il est bien question de cela? Un nouveau pape est déjà élu.—Oui, et qui cela?—Léon XII, le cardinal delle Genga. Il faut donc dire comme avec les rois de France: le pape est mort, vive le pape! Только кажется это ошибка; послѣдній Левъ былъ X-ый, протекторъ Рафаеля и вообще художествъ. То-то, я думаю, движеніе въ Римѣ!

Здѣсь другіе слухи о Татищевѣ. Онъ долженъ возвратиться въ Вѣну. Сестра его Урусова мнѣ сказывала, что Меттернихъ занемогъ и не могъ быть въ Черновицѣ[2]), что Дм. Павл. и Нессельроде поѣхали къ нему въ Лембергъ, гдѣ ихъ еще полагаютъ.

Ну, сударь, вчера былъ балъ у князя Дм. Волод.; не хотѣлось, но поѣхалъ. Закревскій просилъ; онъ былъ тамъ тоже съ женою. Я говорилъ съ нимъ слегка о глупыхъ Московскихъ слухахъ, что Агр. Ѳеод. не воротится въ Россію.—Вотъ для этого-то и уговаривалъ я Грушеньку, хотя она не очень здорова, ѣхать на балъ. Мы сѣли въ

[1]) Нынѣ Седьмая Гимназія, у Страстного монастыря.

[2]) На свиданіи двухъ императоровъ.

вистъ: Арсеній, князь Урусовъ, родня нашъ Энгельгардъ высокій и я. Протанцовалъ я потомъ два польскіе, сѣлъ съ Ал. Орловымъ (онъ велѣлъ тебѣ кланяться) смотрѣть, какъ танцовали мазурку; а какъ пошли ужинать, я уѣхалъ домой. Князь звалъ къ себѣ на всѣ Четверги и Понедѣльники; спрашивалъ, не пишешь ли ты объ отставкѣ Лобанова. Я отвѣчалъ, что ты говоришь, напротивъ, что это не подтверждается, хотя и были слухи въ Петербургѣ, что Лобановъ просился прочь нѣсколько уже разъ. Шульгина я поздравилъ отъ тебя со звѣздою, которая и была вчера на немъ. Очень тебя благодаритъ и долго о тебѣ говорилъ, сожалѣя, какъ и всѣ, что ты не здѣсь еще. Покуда я игралъ, Рушковскій сидѣлъ возлѣ меня. Кажется, не только не успѣли Ш. сломить шею, но онъ идетъ въ гору. Государь во уваженіе просьбы его велѣлъ домъ, въ коемъ онъ живетъ, обратить въ частную съѣзжую, а для оберъ-полицеймейстера купить другой, по его Ш. выбору. Процессъ его съ губернаторомъ кончился тѣмъ, что губернаторъ отказался отъ участія своего въ замкѣ тюремномъ, о чемъ письменно отнесся къ князю Дм. Волод.; а всѣ увѣряютъ, что Ш. тутъ не правъ. Попомни мое слово, онъ сломитъ шею князю! Юни мнѣ сказывалъ, что братъ его Францелюшка опредѣленъ къ князю. Вотъ, стало-быть, 74-ый находящійся у князя по особымъ препорученіямъ.

*

Москва, 16 Октября 1823.

Ну, братъ, теперь начались у насъ съ графомъ Р. баталіи на биліардѣ; у него поставленъ славный биліардъ, и мы дуемся. Я думаю, что, не смотря на его мастерство, я его обдую. Я сталъ играть очень хорошо, такъ что въ клобѣ всякій разъ выигрываю; не хочу пускаться въ большую игру, потому во-первыхъ, что это въ клобѣ, тамъ еще болѣе все увеличать, да и боюсь, можно вечера три и дурно поиграть, и дома не скажешься.

Графъ все также милъ и шутливъ. Вчера читалъ у него Conservateur и подробности о золотомъ пескѣ, найденномъ Соймоновымъ. 130 pouds d'or, s'écria le comte, savez-vous que c'est beaucoup! Le moins que l'Empereur puisse faire c'est de demander pour Soïmonoff la toison d'or, et le roi d'Espagne ne la réfusera pas dans un moment où il a le bonheur de sauver sa propre toison à lui. Et puis tout d'un coup il ajoute: en revanche il faudrait donner au comte Khwastow *l'ordre du bain*, car je ne connais rien de plus sale dans le monde. Придетъ же въ голову! Графъ развѣшиваетъ свои картины; двѣ комнаты уже наполнены ими. Только мнѣ онѣ что-то не очень нравятся, есть нѣкоторыя. У него нѣтъ ничего Итальянской школы, а все Француз-

ской и Фламандской, а я послѣднюю не люблю.—Мамоновой кланяйся отъ меня; скажи ей, что я бы ей написалъ, но не увѣренъ, не перемѣнили ли ея чувства ко мнѣ Ревельскія морскія ванны. Братъ ея выздоровѣлъ совсѣмъ. Онъ выбрился, наконецъ, и, говорятъ, хочетъ выѣзжать. Все это ты узнаешь подробнѣе отъ Негри, который завтра ѣдетъ въ Петербургъ и, вѣрно, къ тебѣ явится. Не думай, чтобы Кутузовъ могъ имѣть малѣйшее вліяніе надъ Мамоновымъ. Его, правда, привезли больного къ нему въ домъ, но, какъ скоро опасность миновала, онъ переѣхалъ въ панятый для него домъ, бывшій прежде Василія Сергѣевича Нарышкина, а нынѣ Ивашева, гдѣ мы, помнишь, танцовать учились. Онъ, будучи въ глуши и хорошо убранъ, очень понравился Мамонову, который его покупаетъ.

*

Москва, 17 Октября 1823.

Какъ мнѣ досадно было, что ты Рушковскому написалъ о пожалованіи Киселева въ генералъ-адъютанты. Онъ тотчасъ, до доставленія мнѣ твоего письма № 86, послалъ поздравить матушку его, которую въ глаза не знаетъ. Я думалъ ихъ обрадовать, туже минуту пустился на извозчикѣ къ нимъ; они всѣ выбѣгаютъ мнѣ навстрѣчу, крича: Знаемъ за чѣмъ! знаемъ! Очень васъ благодаримъ, но намъ далъ уже знать Рушковскій.—Ну, чортъ же его побери, былъ мой отвѣтъ. Я имъ тогда возвѣстилъ ленту Павла Дм., а тутъ не удалось; а хотѣлось обрадовать, а особенно Татьяну Ивановну, которую очень люблю. Мать вся дрожала и плакала отъ радости. Твое письмо наполнено пріятными извѣстіями. Радуюсь, что хоть тебя никто не предупредилъ у Гурьевыхъ лентою сыну ихъ.

Вотъ и Гишпанское дѣло въ шапкѣ. Дай Богъ, чтобы тѣмъ все и кончилось. Боюсь я реакціи и мщенія поповъ. Останутся ли войска Французскія въ Испаніи и кѣмъ содержаны? Это важные предметы. Теперь король вдругъ заговоритъ другимъ языкомъ. Какъ ни говори, изъ нихъ всѣхъ одинъ Сардинскій король показалъ рѣшимость и благородность, отказавшись отъ престола скорѣе, нежели принять конституцію, и отклоня опять предложенія вступить на престолъ, когда революція помощью Австрійцевъ была ниспровергнута. Je ne puis pas me figurer Heroldingen premier ministre. Il faut pour cela une gravité que nous ne lui connaissons pas.

Вчера Н. И. Бахметевъ разсказывалъ ужасную исторію о полковникѣ Жемчужниковѣ, разжалованномъ въ солдаты, съ выслугою, кажется, за утрату казны. На его бѣду попалъ онъ въ полкъ какого-то бывшаго у него же въ полку и выгнаннаго изъ онаго за гнусное

поведеніе. Шефъ этотъ началъ его притѣснять. Жемчужниковъ несъ всю службу, какъ должно солдату, желая заслужить прощеніе. Только шефъ одинъ разъ въ строю, не находя къ чему придраться, все твердилъ Жемчужникову: вытянись! И одинъ разъ, находя все, что онъ не прямо стоитъ, далъ онъ ему въ зубы. Жемчужниковъ это снесъ; но когда онъ въ другой разъ все за туже вину ударилъ его въ щеку, то Жемчужниковъ, державшій ружье, прокололъ его штыкомъ насквозь и положилъ замертво. Его судили, какъ солдата, и онъ былъ засѣченъ сквозь строй до смерти. Какое ужасное приключеніе! Это случилось, говорятъ, теперь; но не знаю, въ которой арміи.

Мы съ графомъ дуемся все въ биліардъ и разбираемъ его картины. У него есть вещи рѣдкія, напримѣръ, портретъ Лудовика XIV съ рамкою, точно какъ былъ имъ подаренъ Ментенонщѣ; портретъ Генриха IV, писанный Рубенсомъ; портретъ Наполеона, par Gérard, à son retour de Waterloo; портретъ очень схожій Робеспьера, ибо одинъ книгопродавецъ въ Парижѣ, жившій у него три года и который былъ имъ осужденъ на смерть, увидя у графа нечаянно эту рожу, съ ужасомъ отскочилъ назадъ. Au reste la figure n'annonce rien de féroce. Странно то, что между картинами, купленными графомъ въ Парижѣ на аукціонѣ, находится одна Вувермана, принадлежавшая князю Масальскому и украденная у него во время Французовъ. Князю подарилъ ее Голицынъ, купившій за 1200 р., а графу досталась она за 120 франковъ [1]).

*

Москва, 22 Октября 1823.

Слава Богу, что несчастный случай не имѣлъ дурныхъ послѣдствій для великой княгини.—Ты спрашиваешь въ письмѣ твоемъ № 88 (въ послѣднемъ), какъ приняла Агр. Ѳеод. [2]) назначеніе своего мужа? Кажется, очень хорошо. Она все такая же вѣтреная хохотушка, какъ прежде была. Какъ будто не ѣздила въ чужіе края!—Кажется, Нессельроде долженъ быть у васъ уже; вчера меня кто-то увѣрялъ, что есть извѣстіе, что онъ проѣхалъ черезъ Броды.

*

С. Остафьево, 5 Ноября 1823.

Мы въ Остафьевѣ съ кочующими дипломатами. Одинъ что-то читаетъ, Вяземскій ротъ полощетъ, Северинъ куры строитъ княгинѣ, я пишу тебѣ, любезнѣйшій другъ. Прилагаю письмо отъ хозяина къ Тургеневу, да сверхъ сего по просьбѣ онаго-же хозяина тебя прошу, а о чемъ тому слѣдуютъ ниже пункты:

---

[1]) Картинная галерея графа Растопчина была продана его сыномъ въ чужіе края.

[2]) Закревская.

1-е Оставилъ оной Вяземской коляску въ Петербургѣ, куда ѣздилъ во время болѣзни исторіографа.

2-е Исторіографъ выздоровѣлъ, а коляска занемогла и осталась въ Петербургѣ.

3-е Коляску сію препоручи Серапину сюда доставить, какъ можно съ меньшими издержками, чрезъ транспорты или сдавъ оную кому нибудь знакомому для поѣздки до Москвы.

4-е Коляска сія находится, гдѣ находится не знаю, а припишетъ это самъ хозяинъ. Вяземскаго перо прекрасно (кто это не знаетъ)? За то перья никуда не годныя. Допишу это письмо въ Москвѣ, куда пускаемся сію минуту.

Приписка Д. Н. Северина.

Въ Остафьевѣ всѣ любятъ, помнятъ васъ, любезнѣйшій другъ, и всѣ намѣрены писать къ вамъ. Въ мою очередь скажу вамъ, что завтра ночью мы отправляемся въ Петербургъ, и слѣдовательно 10-го или 11-го можемъ обнять васъ. Между тѣмъ время проводимъ пріятнѣйшимъ образомъ съ Александромъ Яковлевичемъ. Онъ вторые сутки смѣшитъ насъ своею Итальянскою любезностью. Сегодня возвращаемся въ городъ обѣдать у обера, а завтра прощальный обѣдъ у моего отца. Вотъ наши новости. Марьѣ Константиновнѣ мой усердный поклонъ; вамъ дружеское рукожатіе.

Приписка князя П. А. Вяземскаго.

Позвольте и мнѣ при вѣрной сей оказіи приложиться. Сдѣлайте одолженіе, напомните Ѳ. Д. Серапину о моей коляскѣ; деньги за работу готовы у Тургенева. Цѣлую ручки у Маріи Конст. Жена любезной четѣ кланяется.

Москва.

Мы пріѣхали въ городъ довольно поздно и по другой дорогѣ. Пошелъ снѣгъ; видно, зима не на шутку. Время провели мы очень пріятно, но признаюсь ежели бы не для Северина и Матусевича, ни за что бы не поѣхалъ. Насъ только и было четверо. Они меня какъ зовутъ въ Петербургъ *съ собою*! Вотъ послѣднее-то невозможно, а то какъ не собраться, авось Богъ и помилуетъ. Фаста нѣтъ дома. Проголодались, и я насилу вырвался у нихъ, только чтобъ сказать тебѣ два слова и запечатать письмо. Пора—теперь же ѣду къ Вяземскому опять; ихъ компанія рѣшитъ quand, où et comment nous dînerons aujourdhui.

---

*) Д. Н. Северинъ и Матусевичъ возвращались въ Петербургъ съ Юга. Они находились при графѣ Нессельроде, во время свиданія Александра Павловича съ Австрійскимъ императоромъ въ Черновичахъ. Д. Н. Северинъ тогда же былъ въ Одессѣ, гдѣ Пушкинъ написалъ про него извѣстные стихи: „Вашъ дядя портной“...

Москва, 6 Ноября 1823.

Ну, любезный другъ, никуда я не гожусь, куда дѣвалась моя аккуратность: пишу тебѣ все торопясь, какъ на булавкахъ, а все виноваты наши дипломаты, кои совершенно мною завладѣли. Сегодня долженъ я обѣдать у отца Северина. Это новое знакомство; я ихъ не люблю, но отговориться тоже не могъ. Сегодня большое движеніе въ городѣ. Парижскій выписной танцовщикъ Richard и танцовщица Hullin дебютируютъ, весь городъ ѣдетъ туда; но господъ нашихъ Вяземскій не могъ уговорить остаться, и Фастъ даже взялъ креслы, и ѣдемъ вмѣстѣ. Посмотримъ, что это такое.

Татищева перемѣна въ разговорѣ не отъ зубовъ ли происходитъ? Видно, Парижскіе фальшивые потерялъ или испортилъ, да онъ и старъ уже.

Москва, 8 Ноября 1823.

Дипломаты наши уѣхали вчера около полуночи; они при мнѣ и Вяземскомъ сѣли въ свои коляски. Я очень пріятно провелъ время: это были образчики Петербургскаго нашего житія. Они должны быть уже далеко, ежели такъ скоро ихъ мчали, какъ гр. Нессельрода. Сегодня въ полдень отправился и добрый нашъ Арсеній. Этотъ будетъ всякую ночь останавливаться.

Очень мнѣ пріятно, что Мар. Ант.*) насъ не забыла; теперь будетъ опасная соперница у Юліи Александровны, для фигуры и щегольства.

То, что̀ пишешь о Французскомъ штукарѣ, такъ удивительно, что, не видавши своими глазами, трудно даже повѣрить. Экіе пострѣлы! Такъ какъ Ріего, вѣроятно, лишится головы, ему бы надобно выписать этого штукаря, чтобы ее опять приставить; но правда и то, что онъ только тѣ головы приставляетъ, которыя самъ рубитъ, а чужія экзекуціи исправлять я, чаю, не возмется.

Я получилъ сію минуту письмо отъ графа Воронцова; пишетъ что 23, т. е. въ тотъ же день, графиня родила сынка, нареченнаго Семеномъ. Очень онъ меня обрадовалъ симъ извѣстіемъ. Онъ вѣроятно и тебѣ писалъ въ тоже время. Il faut que cette bonne race se perpétue.

*

Москва, 9 Ноября 1823.

Такъ и есть, ты зналъ уже о рожденіи Воронцова! Кто знаетъ? Можетъ быть Семену Михайловичу предоставлено со временемъ затмить славу Пожарскихъ, Суворовыхъ и другихъ великихъ мужей, а будетъ вѣрно парень недюжинный.

---

*) Нарышкина, въ это время уже утратившая свое прежнее преобладающее значеніе въ Петербургскомъ обществѣ, но еще жива была ея дочь... Юлія Александровна—другая Полька, супруга Д. П. Татищева.

Фастъ получилъ предлинное письмо отъ Соймонова; какъ напишетъ отвѣтъ, доставитъ тебѣ оное прочесть. Онъ укрѣпляетъ Фаста, говоря о своей комиссіи, прибавляетъ, что нынѣшній годъ добудетъ 100 пудовъ золота, что сверхъ того отысканнаго и приведеннаго въ извѣстность въ землѣ приготовлено до 400 пудъ, исключая тѣхъ пріисковъ, коихъ богатство по краткости времени еще не опредѣлено. Между тѣмъ, прибавляетъ Соймоновъ, доходятъ до меня сужденія нѣкоторой части Петербургской публики, что не только 5 милліоновъ (тѣхъ, кои доставляетъ здѣшній промыселъ на сей годъ), но вдвое того болѣе есть сущая малость въ массѣ государственнаго богатства: это не Перу и не Мексика. Посмотрѣли бы однакоже сіи господа, швыряющіе столь щедро милліонами не ими добываемыми, съ какою неутомимостію слишкомъ 12 т. душъ занимаются сею новою отраслію государства дохода, то конечно судили бы поснисходительнѣе. И такъ видите вы, сколь лестная перспектива представлялась бы и мнѣ за всѣ понесенные труды мои; но я не въ ихъ сужденіяхъ желаю обрѣсти награду и утѣшеніе въ исполненіи долга моего по возможности. Можетъ быть, и вашъ начальникъ подумаетъ также, и въ такомъ случаѣ полагаю упованіе мое на Всевышняго и на послѣдствія.

*

Москва, 12 Ноября 1823.

Слава Богу, что путешествіе Государево свершилось благополучно. Здѣсь уже съ этого времени занимаются будущимъ пребываніемъ здѣсь двора. Юсуповъ лежитъ въ подагрѣ, а между тѣмъ дѣлаетъ пріуготовленія къ поѣздкѣ въ Петербургъ, дабы на разные предметы испросить приказанія Государевы *).

*

Москва, 13 Ноября 1823.

A propos de Lazareff. Le c. Araktchejeff va aujourd'hui voir l'école Armenienne, fondée par leur famille; il y a grand déjeuné là bas. On dit que le comte part cette nuit, d'autrès qu'il restera deux jours encore. Beaucoup de monde ont allé chez lui, mais il ne reçut personne et se promene beaucoup en traîneaux avec Dourassoff.

*

Москва, 15 Ноября 1823.

Говорятъ, что Лазаревъ задалъ славный обѣдъ гр. Аракчееву, который смотрѣлъ Армянское училище. Кн. Дм. Вол. пріѣхалъ къ графу, какъ онъ собирался туда ѣхать. Куда вы?—Къ Лазареву, смот-

*) Намѣреніе Александра Павловича побывать еще разъ въ Москвѣ съ супругою и матерью не состоялось.

рѣть училище.—Училище, какое училище?—Армянское.—Да гдѣ же это, я не слыхалъ объ Армянскомъ училищѣ.—Удивляюсь, князь, что вы, будучи начальникомъ города, не знаете, что это училище существуетъ; оно дѣлаетъ честь основателю своему и служитъ украшеніемъ города.—Гр. Аракчеевъ былъ часа четыре въ архивѣ нашемъ. Мнѣ не повѣстили, а то и я бы поѣхалъ.

*

Москва, 16 Ноября 1823.

Гр. Аракчеевъ уѣхалъ вчера. Себо [1]) все былъ на иголкахъ, покуда тотъ былъ здѣсь. По поводу какой-то бумаги, присланной въ Сенатъ по поселеніямъ и подписанной не самимъ гр. А. А., а, кажется, правителемъ канцеляріи или начальникомъ штаба, вышла каша въ Сенатѣ: иные рѣшили исполнить по бумагѣ, другіе списаться чрезъ об.-прокурора съ министромъ юстиціи и потребовать наставленія, а третьи (т. е. Арсеньевъ, Мертваго и заика Волконской) бумагу возвратить, откуда прислана. Тесть мой попалъ во второй разрядъ, и этотъ, кажется, всѣхъ осторожнѣе поступилъ.

*

Москва, 19 Ноября 1823.

У кн. Дм. Вол. вечера по Четвергамъ и балы по Воскресеньямъ; думали, что вчера не будетъ пріема оттого, что Апраксинъ очень занемогъ d'une fièvre inflammatoire. Катер. Волод. n'y était pas, cependant le soir le malade était un peu mieux. Его уложилъ Юсуповъ, который давалъ обѣдъ въ какомъ-то трактирѣ. Апраксинъ занемогъ желудкомъ; почувствовавъ себя получше, онъ поѣхалъ смотрѣть танцовщика Парижскаго въ Амурѣ и Психеѣ, да и простудился въ театрѣ. Вчера до обѣда былъ безъ чувствъ и никого не принималъ.

Всѣ превозносятъ принцессу Шарлоту. Графиня Строгонова очень хорошій судья, и ея мнѣніе еще болѣе заставляетъ меня вѣрить общему гласу.. Я князю Дм. Волод. сказывалъ о балѣ. Je n'ai pas des nouvelles, me dit-il, mais ordinairement les 17 Janv. et le 11 Nov. ne passent jamais sans bales chez ma mère.

Озеровъ увѣряетъ, что Галаховъ не будетъ на мѣсто Энгельгарда [2]), отъ коего читалъ онъ мнѣ письмо. Il a une très mauvaise opinion de Galachoff; en outre, il est persuadé que le Grand-Duc n'en voudra pas, puisqu'il a (entre nous) déjà réfusé le p-ce Alexandre Obolensky qu'on avait présenté pour cette place. Озеровъ очень просилъ меня дать ему знать тотчасъ, кого назначатъ. Ив. Вас. Тутолминъ, бывши здѣсь, сказалъ ему: я не могу вамъ сказать, но знаю отъ императрицы, что

---

[1]) Т. е. почтдиректоръ Рушковскій.

[2]) Егора Антоновича, который былъ директоромъ Царскосельскаго Лицея, состоявшаго тогда подъ командою великаго князя Константина Павловича.

туда назначается предостойный человѣкъ. П. Ив. исчислилъ мнѣ всѣ выгоды этого мѣста; ежели бы я зналъ все это прежде, можетъ быть рѣшился бы я домогаться онаго. Озеровъ говоритъ, что онъ бы тотчасъ сенаторство свое промѣнялъ на мѣсто это. Энгельгардъ много и самъ виноватъ; онъ уже черезчуръ зазнался, а мѣсто не такъ трудно, какъ думаютъ.

*

Москва, 20 Ноября 1823.

Охъ, ужъ мнѣ это 23 Ноября! Что̀ съ нимъ дѣлать? Я было думалъ этотъ день пробыть у Фаста: онъ даетъ всѣмъ своимъ чиновникамъ обѣдъ, ибо въ этотъ день Государь изволилъ подписать указъ о назначеніи его на мѣсто Соймонова; вмѣсто того, жена вымучила у меня обѣщаніе обѣдать у нея дома съ кн. Куракиной, П. П. Нарышкинымъ и пр. родными и друзьми, а въ вечеру у тестя пируютъ мои имянины. Вотъ какъ былъ Сашка Волковъ здѣсь, такъ я, бывало, заберусь къ нему на цѣлый день, такъ кто хотѣлъ, могъ тамъ меня отыскивать. Какъ я ни обманываю и ни увѣряю, что я имянинникъ 25-го Мая и 26-го Августа, не вѣрятъ плуты. Ну, такъ и быть, полно ворчать, а слѣдующій день тяжелъ! Пропасть Катеринъ, надобно посылать, а къ инымъ и самому ѣхать поздравлять.

Оставимъ все это и обратимся къ твоему письму № 104, любезнѣйшій другъ. Да, братъ, дамскія записки, дамскія сплетни очень непріятны; хорошо, что ты избавленъ хотя послѣднихъ, а первыя можно еще кое-какъ удовлетворить. Спасибо этому милому, доброму Воронцову за старанія его о старикѣ Варламѣ. Я всегда говорилъ и повторялъ имъ самимъ, что они должны на тебя молиться. Съ Марицею были у меня ссоры раза три за то, что ей доказывалъ, что она родилась въ сорочкѣ. Блаженны тѣ, которые не ропщутъ и переносятъ спокойно несчастія, но жалки и несчастливы тѣ, которые не чувствуютъ своего благополучія, не наслаждаются имъ и не признательны къ виновникамъ онаго.

Очень я радъ, что Закревскій благополучно прибылъ къ вамъ, хотя и днемъ позже противъ маршрута. То-то ему будетъ непріятно отправляться въ свою Финляндію. Menchikoff s'est retiré avec moins de gloire, mais mieux d'affaires que notre ami. Обнимаю милаго Арсенія; а здѣсь опять заговорили, что ему дадутъ четыре губерніи въ Россіи, какъ Хованскому, а о контролерствѣ замолчали.

*

Москва, 22 Ноября 1823.

A propos de la Mamonoff. On m'apporte hier deux lettres: l'une de sa part, l'autre d'un major Kriukofsky, que je ne connais pas, qui

m'écrit qu'on le transporte il ne sait pas où, probablement en Sibérie. Il me conjure de prier le p-ce Galitzine de lui permettre de s'arrêter deux jours à Moscou pour régler ses affaires. La Mamonoff est à consoler sa femme et une fille de 7 ans à Pétersbourg. Cet homme m'écrit de Черная Грязь. J'ai vite couru chez le prince; je lui ai demandé cette grâce sans connaître le délit de cet homme, ni les ordres que le p-ce pourra recevoir à son sujet; le p-ce m'a promis de le faire, si c'est en son pouvoir; mais hier il n'avait encore aucune connaissance de ce major.

*

Москва, 23 Ноября 1823.

Третьяго дня былъ я на славномъ концертѣ у Віелеурскаго, все аматеры, и очень шло хорошо. Насмѣшила насъ маленькая дочка хозяина; elle a fait une charmante épigramme, sans s'en douter. Je crois que la petite n'a pas 4 ans *). Avant que la finale de Deux Journées n'ait commencé, tout le monde se demenait. L'un disait; музыкантъ сюда; l'autre: Мар. Апол. садитесь здѣсь, un troisième: віолончель сядь тамъ, а ты музыкантъ здѣсь садись. Только вдругъ малютка, слыша все слова музыкантъ, да садись, и говоритъ изъ басни Крылова:

А вы, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь!

Видно, вспомнила урокъ свой. Только всѣ такъ и захохотали, même le grave m-r Dimitriev, et la petite toujours répète deux vers. Вотъ тебѣ и афишка. Faites venir l'eau à la bouche de Manitzar et dites lui que Mercredi on chantera des morceaux de son cher et bien aimé D. Juan.

Чумага сказывалъ, что вчера умеръ въ Таганкѣ купецъ Алексѣевъ; его полагали очень богатымъ, но не ожидали, что по кончинѣ найдутъ у него на 20 милліоновъ имѣнія, изъ коихъ 12 наличными деньгами.

*

Москва, 27 Ноября 1823.

Шафонскій сказывалъ мнѣ, что въ разныхъ мѣстахъ Московской губерніи произошли волненія въ мужикахъ, отказывающихся платить помѣщикамъ. Для усмиренія подобныхъ неустройствъ надобно людей весьма остроумныхъ, но твердыхъ и знающихъ духъ нашихъ мужиковъ. Кн. Дм. Вол. послалъ въ Верейскій уѣздъ, въ имѣніе Шувалова, гдѣ 4000 душъ, адъютанта своего Баранова; этотъ не умѣлъ взяться и долженъ былъ самъ уѣхать, передалъ свой страхъ князю, и теперь

---

*) Это—Аполина Михаиловна Веневитинова.

послали туда войско. Въ подмосковной князя Трубецкого тоже вышло. Туда былъ назначенъ Ровинскій полицеймейстеръ; но и тотъ дурачина сказался больнымъ, утверждая, что неприлично ему, полковнику, усмирять 170 душъ, когда ротмистръ былъ посланъ для усмиренія 4000 душъ. На мѣсто Ровинскаго отправленъ Тургеневъ, находящійся при князѣ по особымъ порученіямъ.

*

Москва, 30 Ноября 1823.

Вяземскій поѣхалъ въ Тулу, къ Кривцову[1]) на имянины; ближнее мѣсто! А забавнѣе всего то, что ему къ имянинамъ поспѣть нельзя было: поздно собрался; а не поспѣвъ въ тотъ день, лучше было бы съѣздить по пути хорошему, а не по теперешнимъ адскимъ дорогамъ. Молодую Ростопчину началъ лѣчить Альбини, а Шнауберта графъ отослалъ; да и подлинно, вотъ два мѣсяца, что онъ пачкаетъ безъ пользы. Альбини m'a dit que la petite n'était pas bien du tout; elle tousse et a de la fièvre tous les jours. Не такъ ее лѣчили сначала. Графъ давалъ мнѣ читать поденный свой журналъ во все время пребыванія своего при Павлѣ I, всѣ разговоры и всѣ приказанія, кои императоръ ему давалъ тутъ. Очень это любопытно, и многое осталось бы навсегда между ими двумя. Le c-te était absolument le p-ce Pierre W. de Paul I. Чего ему не приказывалъ! Quand je mets le c-te sur l'article du Paul et même de Catherine, c'est une source intarissable d'anecdotes intéressantes; je me déciderai en verité à les noter un jour.

*

Москва, 3 Декабря 1823.

Графъ Ѳ. В. получилъ очень свѣжее письмо отъ Сегюровъ[2]). Ils lui mandent que la santé du roi ménace très sérieusement. Les médicins on déclaré que cela ne pourra traîner que jusqu'au printemps tout au plus. La masse du sang, sans cela insuffisante pour un corps comme celui du roi, diminue horriblement, car les alimens ne se convertissent qu'en eau, qui découle tellement des jambes qu'on a été obligé d'imaginer des bottes imperméables pour éviter les pansemens continuels. Si ce *malheur* arrive, le roi mourra à une belle époque de sa vie, et il transmettra une belle succession au comte d'Artois. Je connais assez les Français pour voir d'ici que cette glorieuse campagne d'Espagne leur aura fait oublier et Austerlitz, et Jena, et tous les exploits du —r Napoléon.—Новосильцовъ, адъютантъ князя, ѣдетъ сегодня въ имѣніе Баскакова, гдѣ тоже безпорядки и неповиновеніе отъ крестьянъ.

*

[1]) Николай Ивановичъ Кривцовъ былъ тогда Тульскимъ губернаторомъ.

[2]) Т. е. отъ дочери своей, графини Софьи Ѳедоровны, и ея мужа, графа Сегюра.

Москва, 6 Декабря 1823.

Третьяго дня въ вечеру съѣхались къ намъ неожиданно въ вечеру графъ Ростопчинъ, тесть, Лунинъ, Чумага, Метакса, Осиповъ; былъ висто́чикъ. Графъ просидѣлъ до перваго часа, восхищалъ насъ своими разсказами. Рѣчь зашла о Полякахъ и Польшѣ. Онъ разсказывалъ очень подробно любопытное свиданіе Павла I съ Костюшкою и Игнатіемъ Потоцкимъ. Графъ тутъ былъ; послѣдняго описываетъ яко пылкую, умную голову, а Костюшку яко человѣка самаго обыкновеннаго. Зашла рѣчь и объ устрицахъ. Мы вспомнили, что Метакса одинъ разъ въ завтракъ, обѣдъ и послѣ обѣда съѣлъ безъ малаго *800* устрицъ у Конст. Дмитріевича [1]), и Буба два раза ночью къ нему посылалъ спросить, не умеръ ли онъ. Метакса увѣряетъ, что онъ имѣетъ секретъ, чтобы никогда больнымъ не быть отъ устрицъ: сто́итъ только выпить крошечку миндальнаго молока.

Ты говоришь о первомъ концертѣ Віелеурскаго́, а вчера былъ второй еще лучше перваго. Этотъ Матвѣй—второй Ромбергъ; вотъ опять афишка. Онъ мнѣ сказывалъ, что Ромбергъ ему пишетъ, что ѣдетъ въ Берлинъ, а тамъ и сюда. Очень желаю его еще разъ слышать. Марья Аполлоновна [2]) a manqué ses passages principaux; обробѣла, вѣрно, отъ Замбонія, который тутъ былъ также. Davidoff prétend qu'elle était fâchée à cause des mots que lui adresse Mikhelli. Des que nos Deux Journées (dans la fameuse finale de l'acte), il n'est plus des noces pour toi!..

*

Москва, 7 Декабря 1823.

Князь Ив. Мих. Долгоруковъ умеръ съ большимъ и спокойнымъ духомъ. Поутру говорилъ, что въ три часа умретъ. Чтобы удалить всякое подозрѣніе (къ чему же это вело?) отъ жены и дочери, которая должна родить на дняхъ, онъ всталъ съ постели и ходилъ по комнатѣ, легъ, сказалъ имъ, что хочетъ поспать и скоро послѣ того скончался. Призывалъ управителя и, предвидя, что у княгини голова будетъ не на мѣстѣ, учредилъ съ нимъ всѣ расходы на цѣлый мѣсяцъ впередъ. Его очень многіе почитали обогатившимся отъ губернаторства въ Владимирѣ, а выходитъ, что онъ оставляетъ 500 душъ, домъ (отцовскій еще) и 80 т. р. долгу. Время все открываетъ.

Вчера обѣдалъ я у именинника Гагарина. Сидѣлъ возлѣ графини Бобринской, которая много о тебѣ разспрашивала. Послѣ обѣда слы-

---

[1]) Варлама.

[2]) Волкова, коей письма 1812 года см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1872 года. Марья Аполоновна уже тогда была дѣвицею въ лѣтахъ.

шалъ я гитариста Сора. Ну ужъ талантъ! Гитара дѣлается арфою, гармоникою, мандолиною, даже трубами; иной разъ побожишься, что играютъ двѣ гитары: онъ въ одно время играетъ и тему, и accompagnement. Множество вкусу. Я такъ его заслушался, что чуть не опоздалъ въ любезную мою «Ченерентолу», коей такъ люблю самое начало. Только что завѣсъ подняли, какъ мы пріѣхали съ Лунинымъ. Нашелъ я тутъ бюхну Волконскаго; онъ на дняхъ ѣдетъ къ вамъ. Кланялся мнѣ также тутъ отъ тебя Negri. Въ вечеру былъ я у имениницы Авд. Мих. Луниной, гдѣ много было народу. Нашелъ я тутъ Дрезденскую свою знакомую, жену князя Павла Серг. Голицына; была музыка, пѣли, да что-то не такъ ладилось, какъ у Віелеурскаго. Слышалъ я о двухъ свадьбахъ: княжны Голицыной (la dernière des filles de la princesse Boris) съ Мещерскимъ, кажется съ сыномъ князя Ивана, и Комбурлейши, богатой, прекрасной дѣвицы, съ Гишпанскимъ героемъ Бутурлинымъ.

Я писалъ въ Бѣлоруссію, чтобы тебѣ опять отправили провизію разную, какъ прошлаго года. Скажи это Климу; все-таки годится; только не давай мужикамъ болѣе 10 рублей на брата и отправь ихъ тотчасъ обратно. Здѣсь много говорятъ о шалостяхъ мужиковъ разныхъ помѣщиковъ. Мнѣ кажется, что князь Дм. Волод. дурно берется; тутъ надобно согласить несоразмѣрные оброки, требуемые нѣкоторыми помѣщиками, съ неповиновеніемъ мужиковъ. Не надобно давать угнетать крестьянъ, но опасно также взять явно сторону сихъ послѣднихъ. Привезли сюда и заперли въ за́мокъ главныхъ зачинщиковъ въ имѣніи Трубецкаго. Князь поѣхалъ въ замокъ, взялъ съ собою Шульгина и маленькаго Трубецкаго, женатаго на Варенькѣ Пушкиной*). Онъ говорилъ имъ рѣчь увѣщательную, что нехорошо, что они не слушаются, что, конечно, коммерціи нѣтъ, что трудно мужику добыть 100 р. для платежа оброку и пр., но что онъ велитъ ихъ наказать за неповиновеніе. Тутъ же обернулся къ Трубецкому и сказалъ ему, что отецъ его долженъ довольствоваться 50-ю рублями оброка, что онъ князь самъ болѣе того не беретъ. Ты согласишься, что послѣ этого всѣ мужики, дающіе болѣе 50 р. оброка, откажутся отъ платежа рубля выше 50 р. Это худой примѣръ и, мнѣ кажется, дѣло не такъ слѣдовало поворотить. Les formes devaient être pour le seigneur, et ostensiblement il devait avoir raison pour le moment au moins, sauf ensuite à diminuer les charges des paysans. Ce qui est mauvais, c'est qu'on parle beaucoup de tout cela. Je suis étonné, que le p-ce n'attache pas beaucoup d'importance à tous ces désordres. Il disait au commencement en plaisantant: nous enverrons là-bas Ravinsky, qui aime à jesticuler et à

*) Кн. Николая Ивановича, le Nain Jaune, впослѣдствіи столь извѣстнаго въ Москвѣ.

faire l'orateur, et puis de rire! Que d'incendies arrivaient, parcequ'on dédaignait les étincelles.

*

Москва, 10 Декабря 1823.

Я самъ, братъ, говорилъ Закревскому, что онъ сладитъ съ новою своею должностью. Богъ не далъ ему генія, большой учености и пылкаго ума; но за то имѣетъ онъ качества все это замѣняющія: терпѣніе, трудолюбіе, безкорыстіе, ласковый нравъ, разсудокъ здравый, любовь къ порядку и пр. Я тоже надѣюсь, что все пойдетъ хорошо, и, будь я холостой, я бы поѣхалъ съ охотою помогать ему въ трудахъ его. Ему дѣлаетъ честь, что онъ воспользовался милостями Государя, чтобы сдѣлать добро своимъ сотрудникамъ прежнимъ. Поздравь отъ меня Шатилова и Ноинскаго. Когда узнаютъ о новомъ сенаторѣ здѣсь, будутъ, вѣрно, Закревскаго бранить. Хорошій дѣлаетъ онъ подарокъ красно-кафтанному обществу[1]). Personne ne se doute même de cela ici, et certes je n'en soufflerai pas mot avant que la chose ne soit publique. Благодарю тебя за печатные церемоніалы, ихъ даже и кн. Дм. Влод. не имѣетъ еще. Странно что тутъ нигдѣ не упомянуто о будущемъ ея имени. Иные именуютъ ее Еленою, а другіе жалуютъ въ Екатерины.

Не даромъ Рибопьеръ такъ въ носъ говорилъ. Я очень радъ, что операція хорошо совершилась; не безъ боли, я чаю, ибо носъ часть тѣла весьма нѣжная.

Новаго, кажется, ничего у насъ, кромѣ большой суматохи въ домѣ князя Дм. Волод., которой я еще вѣрить не смѣю, но вещь возможная, соображая многія обстоятельства. Не вѣрю уже по источнику: сказывалъ тесть мой; увѣряетъ, что княгиня Татьяна Васильевна оставляетъ мужа и отправляется жить къ отцу[2]) въ Петербургъ, взявъ съ собою дочь и оставляя сыновей у отца. Онъ три дня, какъ уѣхалъ въ Подмосковную. Вчера Шафонскій о семъ не зналъ, но сказывалъ мнѣ, что нашелъ въ домѣ большую тревогу, что князь вдругъ скрылся въ Подмосковную, что онъ, не найдя его въ кабинетѣ, спросилъ у швейцара: не у княгини ли князь Дм. В., а тотъ ему отвѣчалъ: И, ваше высокородіе, какъ будто вамъ неизвѣстно! Какая княгиня, она въ постели, а князь уѣхалъ въ Рождественское. Что-нибудь да должно быть. Il me semble peu probable que la p-sse en vienne à cet éclat avant d'avoir épuisé tous les moyens de rapprochement. Il faut avouer que

---

[1]) Говорится о томъ, что Закревскій выхлопоталъ сенаторство тестю своему, графу Ѳ. А. Толстому.

[2]) Василію Александровичу Пашкову, оберъ-егермейстеру.

la conduite de p-ce et comme chef de la ville, et comme mari et père de famille, est assez étrange et inconsidérable. Il passe sa vie aux téâtres et aux répétions. Il a des soirées les Dimanches et les Jeudis, et il n'y paraît qu'au sortie du spectacle, c'est à dire après minuit. Au bénefice d'une actrice, nommée Вѣтроцинская, il s'est fait le colporteur de ses billets au point d'en envoyer à *la Дума* avec ordre de les distribuer parmi les marchands, qui tous furent taxées d'après les moyens de chacun. C'est une chose qui impasse, cela ne cadre pas avec les sentiments élevés que je connais au prince, et malheuresement c'est très vrai. Son administration est très faible et médiocre, il se déconsidère tous les jours plus, s'entoure de polissons; il traite les affaires les plus graves avec une insouciance inconcevable, par exemple toutes ces émeutes, qui peuvent prendre un caractère très grave. On dit qu'il a extrêmement dérangé ses affaires par l'opéra italien et les danseurs qu'il a fait venir. Enfin on lui donne beaucoup de torts, qui peuvent ne pas être fondés, qui ne me regardent pas, mais qui doivent toucher de très près sa femme. Время покажетъ, все это правда ли; желаю, чтобы было иначе. Ну что̀ дѣлать мальчикамъ 20 лѣтъ, когда эдакій матадоръ забываетъ званіе свое, лѣта и чинъ!

Сію минуту квартальный приносилъ мнѣ приглашеніе на обѣдъ къ князю на 12-ое число *) и сказывалъ, что князь только завтра будетъ въ городъ. Поѣду, не узнаю ли тамъ чего.

*

Москва, 13 Декабря 1823.

И такъ сенаторство Толстого справедливо. Говорили о двухъ странныхъ сенаторствахъ гр. Каменскаго и Шульгина (съ чего взяли?); но этого никакъ никто не ожидалъ, и вчера на большомъ обѣдѣ князя Дмитр. Волод. только объ этомъ и говорили, и всѣ одинаково, что назначеніе это доказываетъ, сколь велики милости Государя къ Закревскому. Что̀ бы ни было, просмотри службу гр. Ѳ. А., и окажется, что онъ изъ гвардіи офицеровъ попалъ въ сенаторы, не служа, можетъ быть, 30 лѣтъ своей жизни. Сержантъ, капитанъ - бригадиръ и сенаторъ! Милостивый взглядъ на тебя Государя на балѣ столь же мнѣ пріятенъ, какъ Толстому красный кафтанъ. Здѣсь уже говорятъ, что Закревскій выпросилъ тестю своему безсрочный отпускъ.—Я былъ у обѣдни вчера во Вдовьемъ домѣ; служилъ Филаретъ, говорилъ прекрасную рѣчь, а П. П. Нарышкинъ давалъ послѣ, какъ всякой годъ, славный завтракъ. Посвятили пять вдовъ въ сердобольныя. Поминали обрученную невѣсту Елену Павловну. Ну какъ пойдутъ дѣти у Михаила Павловича, такъ будетъ же работа дьяконамъ. Былъ и кн. Дм. Волод.,

*) День рожденія Государя (Александра Павловича).

но пріѣхалъ къ концу проповѣди. За обѣдомъ, на коемъ было вѣрно болѣе 120 человѣкъ, сидѣлъ я возлѣ Шульгина и Рушковскаго; этому тотъ почти ѣсть не далъ, все говорилъ; на хорахъ пѣли Булаховъ и Соколова, обѣдъ былъ славный. Я видѣлъ тутъ Бенкендорфа, Орлова-Давыдова, Турчанинова генерала; этотъ и первый тебѣ очень кланяются. Княгини не было за обѣдомъ, но о томъ что̀ я тебѣ писалъ намедни не слышно ничего. Дай Богъ, чтобы, хотя не все, не была правда.

Графъ Ростопчинъ получилъ письмо отъ Григорія Ѳедоровича Орлова безногаго изъ Парижа. Онъ часто видаетъ князя П. Мих. и пишетъ что князь ѣдетъ въ Петербургъ дней черезъ десять. Мы расчитывали, что кн. П. М. долженъ быть въ Петербургѣ къ Рождеству. Orlof ajoute: la santé du roi décline visiblement, et on a hâté le retour du duc d'Angoulême. Il parle de farces de c-te Osterman, qui est à Paris avec une fille et qui fait parvenir à sa femme, qui est aussi à Paris, des lettres de la poste et timbrées qu'il est sensé lui écrire de Lyon, et elle est formenent persuadée, qu'il est à Lyon. Казалось бы что лѣта̀ проказъ прошли.

*

Москва, 20 Декабря 1823.

Закревскій вѣрно дождется князя П. М. Много онъ надѣлалъ добра, до отправленія своего въ Финляндію. Только гр. Ѳед. Андр. сдѣлался предметомъ всеобщихъ шутокъ, отчего не предпочелъ Арсенія выпросить ему ленту. Не надобно забывать, что часто участь наша, честь, жизнь, имѣніе или безконечная проволочка зависятъ отъ мнѣнія глупаго пустого одного сенатора. Я не одобряю этого между нами. Ну выпросилъ-бы его въ тайные совѣтники. Однимъ болѣе или менѣе, какая нужда? Но зачѣмъ унизить первый чинъ въ государствѣ? — Въ вечеру были мы у гр. Бобринской, гдѣ очень весело провели время; графъ тоже туда пріѣхалъ и забавлялъ насъ разными разсказами. Пріѣхалъ туда изъ театра Ив. Ал. Нарышкинъ и разсказывалъ происшествіе тамъ случившееся. Давали балетъ le Calife de Bagdad. Есть сцена представляющая Калифа на охотѣ съ колчаномъ и стрѣлами. Танцовщикъ Ришаръ, т. е. Калифъ, натягиваетъ лукъ, видно дѣлалъ это неосторожно, стрѣла сорвалась и прямо въ ложу. Сидѣлъ тутъ лейбъ-гусаръ офицеръ Рахмановъ, только что успѣлъ отбить ударъ рукою, однакоже стрѣла попала въ Ѳишеньку Бартеневу, но ея почти не ранила. Она брюхата и вмѣсто испугу захохотала.. Надобно, чтобы съ нею случались такія приключенія! Смѣшнѣе всего то, что Ришаръ нимало не сконфузился и продолжалъ свою роль какъ ни въ чемъ не бывало. Можно бы его и пошколить за это. Долго ли бы и глазъ кому-нибудь проколоть. Говорятъ, что кн. Дм. Вол. только сказалъ: comme

ils sont étourdis ces Français, il a prie mad. Barténeff pour un sanglier ou un serf.—Теперь я отъ графа, у него долженъ былъ остаться и обѣдать. Графиня всю ночь проводила у дочери и теперь тамъ. Митенькѣ не лучше, но и не хуже. Я все надѣюсь что ребенокъ переодолѣетъ болѣзнь. Бѣдная Натал. Өедор. очень огорчена, да и къ тому еще и брюхата. Послѣ обѣда наединѣ въ кабинетѣ графскомъ стали мы болтать. Право, не видѣли какъ стукнуло 8 часовъ; сѣлъ скорѣе на извозчика и поскакалъ домой, чтобы запечатать письмо мое къ тебѣ. Графъ читалъ мнѣ весьма любопытное письмо отъ него къ императору Павлу, отвѣтъ государя и другія письма императора. Куда-бы желательно, чтобы графъ написалъ Записки. Есть множество любопытныхъ и весьма важныхъ обстоятельствъ, кои сокроются навсегда отъ потомства со смертію графа и кои, право, клонятся къ славѣ его. Я очень его просилъ заняться этимъ; ему стоило бы это очень мало труда, но онъ отвѣчалъ мнѣ половину шуткою и половину серіозно: Je vous léguerai mes papiers quand j'irai rejoindre le c-te Pierre Razoumowsky. Ils me seront aussi précieux que les 3000 paysans que Razoumovsky a légué à Wassiltchikoff. Il m'a raconté l'histoire de la déclaration de guerre de Paul à l'Autriche en 1799 par exemple; le manifeste étant rédigé par le comte, il épuisa tous ses moyens pour détourner l'Empereur de cette démarche. L'empereur exigea impérieusement le manifeste, le signa. Tenez, portez moi cela à Bezborodko, qu'il l'envoye au Sénat pour être publié... et puis l'empereur sonne, le rappelle. Asseyez vous. Commence à causer, se rend aux raisons de comte, déchire le manifeste, le jette dans sa cheminée et dit: Vous êtes un ministre de la paix, chantons: qui a il regno del contento! Les détails de cette conversation, qui dura plus de deux heures, sont très intéressants; je ne pus m'empêcher de s'ecrier: à quoi tenait le sort de l'Autriche et de la Russie, et les distinées de l'Europe peut-être! Que vous eussiez cédé deux minutes plus tôt, c'était fini. Покуда у меня все это свѣжо въ памяти, я запишу для себя.

*

Москва, 21 Декабря 1823.

Сегодня всталъ я напримѣръ рано! Только еще одиннадцать часовъ, завеселился на балѣ, любезнѣйшій другъ. Не подумавъ обѣщалъ Вяземскому завезти его домой, жена его уѣхала тотчасъ послѣ ужина ну скоро ли его выкуришь съ балу? Насилу поѣхали оттуда, не самые послѣдніе, однакоже было три часа почти. Множество было народу, хозяинъ и хозяйка очень были веселы. Поздравилъ я княгиню Т. В. съ чиномъ Ларіона Васильев., а она поблагодаря отвѣчала: faites moi plutôt compliment sur la fortune inespérée qui tomba des nues à mon

frère Dimitri! Стали говорить о покойномъ графѣ П. Кир. Разумовскомъ. Ну какъ не благословлять его память! Иные сулятъ золотыя горы, а онъ, не обѣщая ничего, составилъ счастіе столькихъ семействъ и распредѣлилъ все свое имѣніе между небогатыми. Всѣ его осыпаютъ благословеніями и похвалами. Княгиня ѣдетъ въ Четвергъ въ Петербургъ, а князь позже. Я не замѣтилъ между ними никакой разладицы, напротивъ.—Князя Василья вижу въ какой-то ажитаціи на балѣ. Qu'avez-vous?—Comment ce que j'ai? Mais figurez vous que voilà peut-être la 40-me fois qu'on me fait répéter mon histoire de l'or, que j'ai trouvé ou que j'ai pu trouver. Je voudrais quitter le bal de déséspoir, mais j'ai envie de souper. Vous êtes de terribles gens, vous autres...

Поступокъ Разумовскаго нельзя довольно похвалить. Я слышалъ, что онъ принялъ дружески предупрежденіе Ремана, что онъ въ опасности, и чтобы, ежели это нужно, устроилъ свои дѣла, что будто онъ и Реману подарилъ что-то. Давыдовъ П. Л. друженъ съ Дм. В. Васильчиковымъ; этотъ описывалъ ему подробно трудное свое положеніе, долги, недостатки для воспитанія дѣтей, что это одно стоитъ ему 700 р. въ мѣсяцъ, что бьется какъ рыба объ ледъ, а два дня послѣ того падаютъ ему съ неба 3200 душъ! Можно понять восхищеніе бѣднаго отца семейства! Станетъ блаженствовать и Богу молиться за покойнаго.

*

Москва, 24 Декабря 1823.

Путята человѣкъ очень порядочный, знающій свое дѣло и который вѣрно пойдетъ далеко. Я очень благодаренъ Закревскому за это знакомство и радуюсь, что и ты съ нимъ сошелся.—Графъ Литта былъ бы на своемъ мѣстѣ оберъ-камергеромъ. Самая оберъ-камергерская фигура!

Кажется, какъ Засу отказать консульство въ Неаполѣ! По моему, два мѣста есть славнѣйшія въ Россіи, можно идти пѣшкомъ ихъ занять: богатому мѣсто министра въ Неаполѣ, а небогатому бывшее твое канoникатство въ Москвѣ. То и другое нельзя раздѣлить на части, какъ Воротынецъ; стало быть надобно въ пять разъ болѣе счастія имѣть, нежели имѣли тѣ, чтобы взять этотъ лотъ у подошвы Везувія и на берегахъ Москвы-рѣки.

Прочитавъ твой P. S. о увольненіи графа отъ службы сходственно съ его желаніемъ, я тотчасъ къ нему отправился, чтобы обрадовать его симъ извѣстіемъ, столь давно имъ ожидаемымъ. Вхожу къ нему, и онъ встрѣчаетъ меня, улыбаясь и говоря съ приличною пантомимою: Oui, mon cher, ma grande tenue c'est frac, plaque et claque.

Je venais pour vous le dire. Savez-vous l'oukaze et la lettre d'Arakchejeff qui l'accompagne? Все сдѣлалось, какъ графъ желалъ. Онъ, отвѣчая графу Ал. Андр., пустилъ таки фразу своего покроя и которая, можетъ быть, тому не очень будетъ пріятна.—Благодарю за благовременное сообщеніе о секретѣ, но ты еще прошлаго года поговаривалъ мнѣ о намѣреваемомъ ежедневномъ отправленіи почты между столицами. Это будетъ дѣло хорошее.

Вчера за ужасною стужею (сегодня поутру было 29°) отмѣненъ спектакль столь давно ожидаемый и который даетъ нѣкто старый камергеръ Ржевскій. Весь балетъ составленъ изъ его подданныхъ, коихъ очень ему хочется сбыть, pour ne pas dire, продать гуртомъ. Теперь говорятъ, что онъ это отмѣняетъ до возвращенія князя Юсупова. Графъ читалъ мнѣ письмо Закревскаго. Онъ пишетъ, что князь П. М., воротясь, вступитъ въ прежнее свое мѣсто.

*

Москва, 27 Декабря 1823.

На балѣ у князя Дмитр. Волод. ознакомилъ меня Л. А. Яковлевъ съ молодымъ человѣкомъ, le chevalier de Cevinis, племянникомъ графа Каподистріи. Я его натурально очень обласкалъ и предложилъ въ чемъ могу мои услуги. Онъ просилъ позволить пріѣхать ко мнѣ, чтобы посовѣтоваться по дѣламъ своимъ, на что̀ я охотно согласился. Онъ былъ у меня вчера, а сегодня писалъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Онъ былъ въ военной службѣ, служилъ у Ермолова въ арміи и хорошо, какъ видно по аттестатамъ, отставленъ по желанію своему. Теперь, устроя свои дѣла, имѣетъ сильное желаніе служить, именно въ корпусѣ цесаревича. Онъ очень меня просилъ дать ему совѣтъ. Имѣетъ рекомендаціи къ Курутѣ, Жандру и другимъ, но не хочетъ ѣхать въ Варшаву, не бывъ увѣренъ въ успѣхѣ. Поговори и посовѣтуйся съ Феншемъ; а можетъ и Киль будетъ въ Петербургѣ, то и онъ намъ поможетъ. Il serait urgent de savoir d'avance les idées de monseigneur le gr.-duc à cet égard pour qu'alors Cevinis aille à Varsovie se présenter avec ses documents et papiers. Je vous envoye tous les papiers qu'il m'a adressés et encore sa lettre que vous pouvez faire passer comme ayant été écrite à vous. Je lui ai dit que nous ferions tout pour lui-même et pour son oncle que nous révérons tous. Ce jeune homme a l'air très comme il faut. Je l'ai vu ici dans les meilleurs sociétés. Dites moi, mon cher, ce qui en sera pour que je lui communique votre réponse.

ШЕСТЬ МѢСЯЦЕВЪ ГАРНИЗОНОМЪ ВЪ ГОРОДѢ АНДРІАНОПОЛѢ.

(Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 годовъ, Д. В. Бартенева).

17-го Января 1878 года нашъ полкъ [1]) прибылъ форсированнымъ маршемъ въ городъ Андріанополь (Эдрэнэ) и сталъ въ немъ гарнизономъ. По прибытіи на мѣсто, полкъ и весь отрядъ началъ располагаться по квартирамъ, какъ и гдѣ попало. Черезъ одну - двѣ недѣли наше расквартированіе могло принять порядокъ и должный видъ. Наши два полка, а именно Архангелогородскій и Вологодскій, заняли одинъ Турецкую часть города, а другой Армянскую. Близъ главной мечети «Султана Селима» былъ раіонъ Турецкой части, а близъ главнаго базара Армянской. Въ скоромъ времени пришелъ Галицкій полкъ [2]) и занялъ Греческую часть города. Нужно было пройти съ мѣсяцъ времени, чтобы войска устроились казарменнымъ порядкомъ въ каждой части, т. е. чтобы разрозненныя части войскъ соединились въ одно цѣлое. Каждый день, въ самомъ центрѣ города и по его окраинамъ, какъ только станетъ смеркаться, и въ особенности ночью, открывалась ружейная пальба въ разныхъ мѣстахъ города; а гдѣ и кто стрѣляетъ, нѣтъ возможности узнать: о томъ одинъ Аллахъ вѣдалъ. Такъ продолжалось съ мѣсяцъ, а затѣмъ пальба совсѣмъ прекратилась. Что̀ была за цѣль подобной стрѣльбы, я не могъ себѣ объяснить, да наврядъ ли кто бы и могъ.

Опишу мѣсто нашей, довольно долгой, стоянки. Вторая столица Оттоманской Порты широко раскинулась и чуть ли не на 30 верстъ въ окружности. Это, въ своемъ родѣ, наша матушка-Москва, но только во много кратъ хуже ея, и по своей безпорядочности, и по грязи. Въ общемъ планъ города страшно растянутъ. При первомъ знакомствѣ съ городомъ, получалось не особенно пріятное впечатлѣніе, потому что взоръ вашъ поражался грязными, кривыми и настолько узкими

---

[1]) Архангелогородскій полкъ былъ въ составѣ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи другимъ полкомъ которой былъ Вологодскій.

[2]) Галицкій полкъ былъ въ составѣ 2-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи.

улицами, что по нимъ не могли пройти два пѣшихъ врядъ, а должны были чуть не протискиваться. Ближе къ центру улицы дѣлались и шире, и замѣтно чище. Крыши домовъ всѣ покрыты черепицей, пригнанной одна къ другой столь ловко, что не различишь, какъ одна смѣняется другой, но однообразная ея окраска принимаетъ красно-бурый тонъ. На нѣкоторыхъ домахъ крыши были въ восточномъ стилѣ т. е. плоскія. Я взобрался на одну изъ нихъ, и мнѣ представился очаровательный видъ: весь городъ какъ бы утопалъ въ зелени садовъ; тамъ и сямъ виднѣлось множество высокихъ и тонкихъ минаретовъ мечетей или «джамій». Преобладающая окраска стѣнъ у домовъ и мечетей ослѣпительно-бѣлая, что рельефно выдѣлялось на ярко-зеленомъ фонѣ садовъ, но очень было утомительно для зрѣнія. Посмотришь вдаль, а силуэты минаретовъ точно утопаютъ въ синевѣ неба, пропадая изъ глазъ. Взорамъ вашимъ долго не хочется оторваться, при всемъ утомленіи, отъ столь ласкающей панорамы. Какъ богата красками природа далекаго Востока! Повсюду встрѣчается разношерстная толпа, удивляя васъ пестротой и яркой окраской, начиная съ природнаго «Турка-Османлиса» и кончая нашимъ Жидкомъ «Мойшей», одинъ Аллахъ вѣдаетъ откуда взявшимся. Все это рѣжетъ непривычный глазъ. Шумъ и гамъ на всѣхъ улицахъ, невозможный ни для одной изъ цивилизованныхъ націй. Посмотришь по сторонамъ, а дома такъ и лѣпятся одинъ возлѣ другого, и отъ ихъ однообразной бѣлой окраски чуть не слѣпнутъ глаза. На улицахъ масса открытыхъ лавченокъ, и незатѣйливыя издѣлія Востока производятся тутъ же, у всѣхъ на глазахъ, а торговыя операціи совершаются «по восточному», т. е. не спѣша. Но отъ шума и крика, хоть убѣгай!

Чтобы привести городъ въ порядокъ и обезопасить войска отъ случайностей, въ родѣ никому неизвѣстнаго исчезновенія нѣсколькихъ солдатъ и офицеровъ безъ всякаго слѣда*), нашъ полкъ и другія части гарнизона были назначены нести полицейскую службу. Въ городѣ Андріанополѣ было много войскъ помимо нашего отряда, но они были переходящія войска и долго тамъ не оставались. Такимъ образомъ каждый изъ ротныхъ командировъ являлся чѣмъ-то въ родѣ частнаго пристава, а люди его роты несли службу нижнихъ чиновъ полицейскаго участка. Восходя по градаціи назначеній, командиръ полка являлся въ роли оберъ-полицеймейстера въ одномъ изъ столичныхъ городовъ, какъ у насъ. Для несенія этой службы, всѣмъ частямъ войскъ гарнизона назначены были «раіоны». Такъ Архангелогородскій полкъ получилъ въ свое завѣдываніе Турецкую часть города, Вологодскій полкъ—Ар-

*) Было произведено по этому поводу разслѣдованіе, но оно ничего не выяснило.

мянскую, а Галицкій полкъ—Греческую часть. Однимъ словомъ, всѣ получили въ свое завѣдываніе ту часть города, гдѣ стояли въ казармахъ, исключая одной изъ стрѣлковыхъ ротъ нашего полка, командиръ которой, штабсъ-капитанъ Д. [1]), былъ назначенъ комендантомъ въ предмѣстьѣ города Андріанополя, селеніи Карагачѣ. Рота его несла службу нижнихъ чиновъ полицейскаго участка. Предмѣстье Карагачъ находилось на шоссе и отстояло отъ города въ четырехъ или пяти верстахъ. Тамъ же находилась желѣзнодорожная станція Карагачъ. Предмѣстье отличалось очень живописнымъ видомъ: всѣ постройки въ немъ Европейскаго стиля и съ населеніемъ выходцевъ всѣхъ націй, т. е. Итальянцевъ, Французовъ, Нѣмцевъ всѣхъ странъ, Славянъ разныхъ народностей, а именно Поляковъ, Сербовъ, Черногорцевъ и т. п., въ перемежку съ Греками, Молдаванами изъ Бессарабской губерніи, старовѣрами съ Кавказа, принявшими Турецкое подданство; и тутъ же гнѣздилась и нашла себѣ пріютъ зловредная секта «скопцовъ», высланныхъ изъ предѣловъ Россіи. Однимъ словомъ, тамъ было, какъ говорится, «чего хочешь, того и просишь». Всѣ эти жалкіе отбросы цивилизованныхъ націй свили себѣ зловредныя гнѣзда и нашли мѣсто для примѣненія своихъ хищническихъ способностей. Тамъ же находился знаменитый загородный садъ «Конкордія», съ «кафе-шантаномъ».

У меня явилось желаніе изучить городъ, какъ слѣдуетъ, къ чему я и приступилъ. Прогуливаясь по немъ, я подошелъ къ берегу рѣки Марицы, воспѣтой въ Болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ. Большой каменный и горбатый мостъ [2]) перекинутъ смѣлою рукой съ одного берега на другой, на десяти «быкахъ», или устояхъ, съ какою-то часовней, но вѣрнѣе «кіоскомъ», который украшенъ шпицемъ, оканчивающимся золотымъ пучкомъ расходящихся лучей, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и ярко сіялъ на южномъ солнцѣ. Безъ преувеличиванія можно было сказать, что это было художественное и грандіозное сооруженіе. У берега рѣки масса купающихся Болгаръ-погонщиковъ, съ ихъ неизмѣнными буйволами, которые, высоко поднявъ морды, тоже погружались въ чистую, какъ кристалъ, воду и наслаждались ея прохладой. Въ самомъ воздухѣ чувствовалась невыносимая жара, и я просто чуть не задыхался отъ этого непривычнаго для меня зноя [3]). На противоположномъ берегу рѣки расположено было множество кузницъ, изъ которыхъ доносились въ перебой глухіе удары молота о на-

[1]) Дыбскій; послѣ войны, въ чинѣ маіора, онъ былъ въ Варшавѣ комендантомъ ж.-д. станціи.

[2]) Всѣ Турецкіе мосты имѣютъ изломъ посерединѣ: особенность Турецкихъ мостовъ.

[3]) Температура въ тѣни была свыше 40°.

ковальню. Вдоль всего берега, чуть ли не сплошь, росли вѣтвистые «тиссы» [1]) и пирамидальные тополи громадной величины. Такой величины экземпляровъ мнѣ не приходилось встрѣчать въ Россіи, ужъ очень они были велики! Съ этого мѣста, на самой изъ возвышенныхъ точекъ города, виднѣлась знаменитая «джамія Султана Селима», со всѣми ея четырьмя страшно-высокими минаретами; какъ говорятъ, вторая по величинѣ послѣ «джаміи Свята-Софія». Въ другихъ мѣстахъ города тоже виднѣлись джаміи: «султана Мурада», «Меджидіе».

Въ виду не прекращавшейся по ночамъ ружейной пальбы, нашему гарнизону было приказано осмотрѣть всѣ Турецкіе дома и поискать, не хранится ли у кого-нибудь изъ Турокъ запаса оружія, а найдя его, немедленно конфисковать; попутно сдѣлать съемку города по кварталамъ и каждаго въ отдѣльности. Изъ нашего полка были назначены два вольноопредѣляющихся, бывшіе воспитанники Константиновскаго Межевого Института, что̀ въ Москвѣ, а именно Нестеровъ [2]) и Любовскій [3]), что̀ и было выполнено ими въ короткій срокъ и самымъ блестящимъ образомъ.

При осмотрѣ одного изъ домовъ, я, какъ старшій въ командѣ, приказалъ старику-Турку отворить намъ двери дома; но онъ, вмѣсто всякаго отвѣта, выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета. Къ моему великому благополучію, его выстрѣлъ изъ кремневой «пищали» [4]) не попалъ въ меня; но солдаты моей команды, безъ моего приказа, бросились къ двери и въ одинъ моментъ ее выломали, а Турка вздернули на штыки... Все это произошло такъ быстро, что я не успѣлъ ничего предпринять и помѣшать подобной расправѣ. Приподнявъ половицы досокъ въ одной изъ комнатъ, мы нашли тамъ много разнаго оружія. Для того, чтобы осмотрѣть окончательно весь домъ, оставалось еще помѣщеніе «гарема», къ чему мы и приступили; но на нашъ возгласъ по-турецки: «очкапы», т. е. отвори двери, она не отворялась, а тамъ слышалась суетня и раздавались женскіе крики... Пришлось и тутъ ломать двери, которыхъ тамъ было нѣсколько, а когда они были сломаны, то глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина. По

[1]) Лиственная порода деревьевъ, свойственныхъ южному климату.

[2]) Унтеръ-офицеръ, вольноопредѣляющійся Нестеровъ былъ произведенъ въ офицеры и, по вызову Любовскаго, уѣхалъ въ Болгарію. Онъ получилъ тамъ должность директора почтъ, но уже съ мѣста стоянки полка въ Россіи, т. е. изъ г. Козельца, Черниговской г.

[3]) Унтеръ-офицеръ, вольноопредѣляющійся Любовскій былъ произведенъ въ офицеры въ нашемъ полку, а когда нашъ 9-й корпусъ ушелъ съ оккупаціи, то онъ остался въ Болгаріи, женился на дочери одного изъ Болгарскихъ главарей и, въ чинѣ маіора Болгарской службы, игралъ видную роль при сверженіи принца Батенберга.

[4]) Стариннаго типа кремневый пистолетъ.

гарему въ испугѣ метались шесть Турчанокъ, закрытыхъ съ головой «чадрами» и съ отчаяніемъ кричавшихъ: «козакъ, Московъ!». Мы ихъ, какъ могли, успокоили, а сами начали осматривать ихъ помѣщеніе, и оно показалось мнѣ почему-то очень подозрительнымъ. Я велѣлъ своимъ солдатамъ и тутъ поднять полъ, и вдругъ, къ нашей радости, оказался цѣлый арсеналъ оружія, а именно: около пятисотъ штукъ ружей, системы «Пибоди-Мартини», до ста штукъ системы «Винчестеръ», т. е. магазинныхъ ружей, и болѣе десяти тысячъ патроновъ въ жестяныхъ ящикахъ. Кромѣ того, много холоднаго оружія, какъ-то сабель, «ятагановъ» и пр. Разумѣется, что весь этотъ запасъ оружія былъ нами отобранъ и немедленно сданъ куда слѣдовало. Послѣ подобной конфискаціи оружія, выстрѣлы по ночамъ у Турокъ стали рѣже, а затѣмъ и совсѣмъ прекратились.

Не смотря на военное положеніе, торговля въ немъ процвѣтала; вся базарная площадь была завалена такой грудой фруктовъ, что глаза разбѣгались, и чего тутъ не было!.. Казалось, что южная флора вся собрана и здѣсь на лицо: «Константинопольскій» виноградъ, яйцевидной формы, чередуется съ «Изабеллой», овальной формы, и не знаешь, какому отдать предпочтеніе. Грецкіе орѣхи, только-что сорванные съ дерева, груши особаго вида и величины, стручковый красный перецъ въ большихъ пучкахъ, «баклажаны» разныхъ видовъ; Турецкіе огурцы, длинные и крючковатые, темно-зеленаго цвѣта, черные «рожки», служащіе у насъ, въ Россіи, лакомствомъ для простого люда на ярмаркахъ, а здѣсь для корма свиней, и многое множество другихъ продуктовъ въ сыромъ видѣ. Около лавокъ и самой большой кофейни стоятъ торговцы: Армянинъ съ «халвой», а старикъ «Чуфутъ» [1]) съ «шербетомъ» и множество «водоносовъ». Продаются здѣсь овощи и фрукты не на фунты, какъ у насъ, а на «око» [2]). Все это какъ-то непривычно для Русскаго человѣка, и нескоро къ этому привыкаешь. Въ лавочкахъ и у носящихъ торговцевъ продается «Казанлыкскій» табакъ, очень длинной крошки и чудеснаго янтарнаго цвѣта. Цѣна, сравнительно съ нашей, не особенно дорогая: сорокъ франковъ за четыре съ половиной «ока», т. е. девять съ половиной фунтовъ, полагая стоимость имперіала по курсу двадцать франковъ, или восемь съ половиной рублей, и въ общемъ семнадцать рублей. Улицы вдоль и поперекъ то и дѣло пересѣкаютъ экипажи «ландо», съ кучерами Турками, или изъ «скопцовъ», но непремѣнно въ «шорахъ»; безпрерывно проходятъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, «могары», нагруженные продолговатыми боченками для

[1]) Турецкій Еврей. Выходцы ихъ Испаніи.

[2]) „Око“—2½ фунта на нашъ вѣсъ.

воды; гарцуя проѣзжаетъ всадникъ-Турокъ, щеголяетъ убранствомъ коня, которое все состоитъ изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Таковъ вкусъ Востока! Вотъ медленно проходятъ, словно ползутъ, караваны верблюдовъ, съ паломниками далекаго Востока, получившими титулъ «хаджей» и вмѣстѣ съ тѣмъ и знаки своего высокаго званія, т. е. право носить зеленую «чалму». Тамъ и сямъ мелькаютъ Турчанки въ черныхъ и бѣлыхъ «чадрахъ», сверкая своими плутоватыми глазками, такъ много обѣщающими... Въ самыхъ лѣнивыхъ позахъ стоятъ на базарѣ «заптіи» [1]), т. е., блюстители порядка и тишины, въ перемежку съ нашими солдатами, несущими также подобныя обязанности. Чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются «чистильщики сапогъ», изъ туземныхъ мальчиковъ съ ихъ аттрибутами скамейками и щетками. Очень трудно было отъ нихъ отдѣлаться. «Капитанъ [2]), сапоги чистить», или «капитанъ, дай галаганъ» [3]). Не хочешь чистить сапоги, то попрошайка уже вынимаетъ изъ кармана какую-то гадость и опять кричитъ: «капитанъ, хочешь розовое масло?» Не даешь ничего, опять: «капитанъ, дай галаганъ!» Въ толпѣ мелькаютъ «Цыганки» очень смуглаго вида, въ какихъ-то фантастическихъ лохмостьяхъ; изрѣдка проходятъ «Негритянки», съ ослѣпительно-бѣлыми зубами и вѣчно улыбающейся физіономіей...

Пройдя базаръ, я подошелъ къ Турецкой «каммамъ» или банѣ. По наружному виду это большое зданіе круглой формы и съ крышей въ видѣ купола, въ которомъ масса свѣтовыхъ отверстій, покрытыхъ стеклянными колпачками. Внутри, въ такъ называемомъ по нашему предбанникѣ, по всѣмъ стѣнамъ стоитъ множество «софъ», въ нѣсколько ярусовъ, и къ каждому ярусу ведетъ узенькая лѣстница. Всѣ «софы» покрыты коврами разныхъ рисунковъ, что въ общемъ составляетъ очень красивый видъ. По серединѣ предбанника бьетъ фонтанъ со струей холодной воды, и его пріятное журчаніе не умолкаетъ, ни на одну минуту. Для того, чтобы идти въ самую баню, вамъ даютъ «подставки» [4]), въ родѣ низенькихъ ходуль, которыя при помощи ремней, держатся на ногахъ, а иначе на каменномъ полу, раскаленномъ «сухимъ паромъ» [5]), можно обжечь себѣ ноги. На плечи или на бедра, вамъ даютъ накидывать простыню изъ цвѣтной, бумажной матеріи, но преобладающими цвѣтами, какъ я замѣтилъ, были пестрыя и си-

[1]) Полицейскіе нижніе чины.

[2]) Турки звали всѣхъ офицеровъ, безъ различія чиновъ, этимъ именемъ.

[3]) Галаганъ—мѣдная монета стоимостью 3 копѣйки.

[4]) Подставки въ родѣ тѣхъ, что употребляютъ Японцы. Онѣ изъ дерева и очень легки.

[5]) Всѣ Турецкія бани отопляются сухимъ паромъ.

нія. Самая баня—громадная комната со множествомъ прилегающихъ боковыхъ, отдѣленныхъ отъ нея арками, но безъ дверей. Самый большой куполъ находится въ центральной комнатѣ; взглянувъ наверхъ, вы получаете иллюзію: яко-бы небо со звѣздами, отъ множества свѣтовыхъ отверстій въ самомъ куполѣ. По всѣмъ стѣнамъ, какъ центральнаго, такъ и боковыхъ отдѣленій, идутъ низкія мраморныя скамьи, съ резервуарами для теплой воды, сдѣланными тоже изъ мрамора, въ видѣ причудливыхъ раковинъ. Крановъ къ нимъ не полагается, вода наполняетъ резервуаръ изъ бокового круглаго отверстія, и наполнивъ его выливается обратно въ водохранилище, и такъ до безконечности. Вода въ нихъ только теплая, но отнюдь не горячая, потому что въ Турецкихъ баняхъ она не употребляется, какъ у насъ. Холодная же вода бьетъ изъ фонтановъ, находящихся въ каждомъ изъ отдѣленій бани. Въ центральной банѣ посерединѣ находится громадная, мраморная скамья, многогранной формы, на которой лежатъ и нѣжатся всѣ желающіе. Резонансъ въ банѣ просто удивительный и, можно сказать, поражающій, по силѣ своего звука. Баньщики-Азіаты моютъ ваше тѣло при помощи шероховатой варижки, сдѣланной не то изъ шерсти, не то изъ волоса, которою трется ваше тѣло, а грязь скатывается въ шарики и падаетъ съ него прочь; тѣло намыливается при помощи «пузыря» и «Греческимъ» мыломъ. Дунетъ въ «пузырь» банщикъ, и вы сидите окутаннымъ въ облакахъ мыла... Вы чувствуете особое наслажденіе. По окончаніи мытья, если вы пожелаете, то васъ натираютъ «душистыми маслами» и разными «благовоніями»; но это стоитъ дорого и удѣлъ весьма немногихъ счастливцевъ. Желающимъ послѣ мытья производятъ «массажъ», т. е., вправляютъ и выправляютъ члены тѣла, надъ которымъ производятъ цѣлый рядъ манипуляцій: это въ большомъ ходу у баньщиковъ-Азіатовъ. По выходѣ изъ бани въ предбанникъ вамъ любезно предлагаютъ маленькую чашечку чернаго и душистаго «каве», трубку съ табакомъ, или прославленный «кальянъ», чтò сами хотите, на вашъ выборъ. Все это удовольствіе стоитъ только два «франка». Побывавъ въ Турецкой банѣ, уже потомъ не удивляешься тому, что Турки проводятъ тамъ чуть не цѣлый день. Сколько нѣги и какая развивается лѣнь, такъ что не хочешь уже ничегó дѣлать; а потому понятно, почему Восточный человѣкъ лѣнивъ: вездѣ красивый видъ природы, голубое небо, яркое солнце, баня, кофейня съ ихъ развлеченіями и «кейфомъ»...

Наша «полевая почта» *) находилась въ одномъ изъ разру-

---

*) Въ военное время почтѣ присвоивалось названіе „полевой“, потому что она можетъ быть помѣщена и на бивуакѣ, въ полѣ.

шенныхъ Турецкихъ домовъ. Я зашелъ туда справиться, нѣтъ-ли мнѣ писемъ изъ Россіи. Немало тамъ происходило куріозовъ, въ родѣ одного адреса на письмѣ, который мнѣ показалъ, смѣясь, почтовый чиновникъ: «Въ Туретчину, въ городъ Андриноплю, деньщику Василію Усу». Въ какую часть войска? Чьему деньщику, про то одинъ «Аллахъ» вѣдаетъ! Вдругъ при мнѣ приходитъ на почту солдатикъ и спрашиваетъ: «а нѣтъ-ли мнѣ здѣсь письма изъ Россіи?» Его спрашиваютъ: «А какъ тебя зовутъ?»—Зовутъ-то!—«Да».—Меня-то!... Тогда, выведенный изъ терпѣнія чиновникъ кричитъ: «Какъ твоя фамилія, дуракъ?»—Василій Усъ, ваше благородіе. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и съ подобнымъ куріознымъ адресомъ письмо дошло по назначенію. Подобный случай былъ одинъ изъ многихъ.

Война порождаетъ много голодныхъ и обездоленныхъ людей, удивительно, что въ Андріанополѣ развилось ихъ множество, но въ особенности женщинъ-Турчанокъ. Война отняла у нихъ отцовъ, братьевъ и мужей. Жалко было смотрѣть на подобную голодную и оборванную банду; но сердце у Русскаго воина доброе, а потому, видя ихъ бѣдственное положеніе, наши солдаты ухитрились и нашли возможнымъ удѣлять имъ остатокъ своей горячей пищи, которую Турки называли «чурба» [1]). Нужно было видѣть радость, съ которой они бросались на пищу; протягивая впередъ свои чашку и съ отчаяннымъ крикомъ: «чурба», «экмэкъ» [2])! Полученная пища уничтожалась ими съ жадностью, достойной дикихъ звѣрей. Передъ каждымъ обѣдомъ и ужиномъ солдатъ, ихъ дожидалось множество.—Кому хорошо жилось въ Турціи, такъ это нашимъ Татарамъ, потому что они ухитрились тамъ временно вступать въ бракъ, разумѣется безъ согласія своего начальства, а такъ какъ они брали себѣ невѣстъ и изъ богатыхъ семействъ, то имъ жилось очень хорошо. Дѣлалось это такъ: пойдетъ себѣ Татаринъ въ мечеть, а тамъ уже все готово, и бракъ совершенъ, тогда и начинаетъ ходить онъ изъ казармъ въ отпускъ къ своимъ единовѣрцамъ, а въ сущности каждый изъ нихъ идетъ въ домъ родныхъ своей жены. Впослѣдствіи, когда нашъ полкъ уходилъ изъ города Андріанополя въ городъ Хаскіой [3]), то его окружала цѣлая толпа рыдавшихъ женщинъ: это все были временныя жены нашихъ Татаръ, которыя и пришли провожать своихъ мужей. Думаю, что высшее начальство объ этомъ не знало, а если и узнало, то поздно. Татары попали въ нашъ полкъ тогда, когда раскассировали 2-ую пѣхотную дивизію [4]). Солда-

[1]) Рисовый супъ.

[2]) Супу и хлѣба.

[3]) Хаскіой—городъ въ Родопскихъ горахъ.

[4]) Въ виду того, что тамъ былъ ужъ очень большой процентъ Татаръ, опасались измѣны въ бою съ единовѣрцами. Въ этой дивизіи было нѣсколько перебѣжчиковъ къ Туркамъ.

ты же изъ Русскихъ, занимаясь амуромъ и уходя съ этою цѣлью въ глубь Турецкаго квартала, нерѣдко за это платились смертію, и было очень много случаевъ, что потомъ находили въ колодцахъ изрѣзанные и изуродованные ихъ трупы, а одинъ разъ въ одномъ изъ колодцевъ найденъ былъ и трупъ офицера. Видимо, что кровавая расправа была слѣдствіемъ мусульманской ревности, такъ что похожденія въ Турецкомъ кварталѣ, съ эротической цѣлью, оканчивались всегда плачевно. Случай убійства [1]) нашихъ солдатъ и офицера былъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1878 года.

Одинъ разъ, совершенно невольно, я попалъ въ довольно опасное положеніе. Иду себѣ навѣстить своего товарища, служившаго въ другомъ баталіонѣ, а сумерки наступили, и затѣмъ, какъ-то сразу, стало совсѣмъ темно, и я сбился съ дороги. Что это такое? Улица прекратилась и оканчивается домомъ, какъ тупикомъ... Что дѣлать? Куда теперь идти, какъ мнѣ «оріентироваться»? Повертываю назадъ и вправо, и тамъ такой-же тупикъ изъ дома... Вдругъ изъ одного окна сверкнулъ огонь и грянулъ выстрѣлъ, а пуля просвистала надъ головой... Я бѣгу изъ этого опаснаго мѣста и беру направленіе влѣво, стараясь стать подъ тѣнь, но опять таже исторія съ выстрѣломъ изъ окна надъ головой, и я ужъ чувствую горячую струю воздуха отъ пули... Тогда я рѣшилъ остаться тутъ и ждать разсвѣта. Одно могу сказать, что положеніе мое было не изъ пріятныхъ! Послѣ подобнаго случая, я рѣшилъ не ходить больше ночью по городу.

Въ началѣ Іюня, или въ концѣ Мая, хорошо не помню, скончался въ Андріанополѣ нашъ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ, Ш.—Ш. [2]). Были вытребованы всѣ войска дивизіи для провода его тѣла и отданія ему послѣднихъ почестей. Гробъ его поставили въ вагонъ желѣзной дороги, и войска отсалютовали ему залпами, какъ боевому генералу [3]), не исключая и артиллеріи. Зрѣлище было глубокотрогательное и поистинѣ величественное. Подчасъ очень странна бываетъ игра судьбы, какъ и тутъ: не взяли его Турецкія пули и не разъ падали у ногъ его непріятельскія гранаты, убило подъ нимъ лошадь.... Не умеръ же человѣкъ, а тутъ скосила его самая простая болѣзнь! Не иронія ли это судьбы? На все видно воля Божія!

Какъ только войска устроились въ казармахъ, то и военная жизнь вошла въ свою сферу: начались ученія, какъ и въ мир-

---

[1]) Разслѣдованіе по этому поводу не дало никакихъ результатовъ.

[2]) Генералъ-лейтенантъ Шильднеръ—Шульднеръ.

[3]) Боевому генералу полагается салютовать залпами, въ виду того, что онъ былъ на войнѣ. Лицамъ же изъ военныхъ, но не бывшихъ на войнѣ, никогда не салютуютъ залпами.

ное время! Только чуждая обстановка напоминала намъ, что мы не дома. Очень оригинально было то, что «баталіонное» ученіе производилось на дворѣ мечети «Султана-Селима», выложенномъ мраморнымъ плитнякомъ. Какой идеальный плацъ для всякихъ военныхъ эволюцій! Гдѣ и когда приходилось какой-нибудь части войска пользоваться такимъ комфортомъ? Не думаю. Одно было неудобство на плацу: это стеченіе каждый разъ многочисленной публики изъ туземныхъ обывателей, не исключая и женщинъ. За время хорошей стоянки у порочныхъ солдатъ, т. е. штрафованныхъ, развились далеко нехорошіе вкусы; напримѣръ, рядовой 1-ой линейной роты «Ладонюкъ» вздумалъ выдавать отъ себя мелкимъ торговцамъ патенты на право торговли въ городѣ, на его улицахъ, площадяхъ и у казармъ, Грекамъ, Армянамъ и Евреямъ. Производилось это слѣдующимъ образомъ. Брался клочекъ простой бумаги, на которомъ писалось по русски, примѣрно, «дуракъ Армяшка», или «проклятый Жидъ», «мошенникъ-Грекъ» и т. п.; а потомъ обладателю такого нелестнаго эпитета прикладывалась печать мѣднымъ орломъ отъ пятачка, и патентъ готовъ!...... За подобныя нехудожественныя занятія «Ладонюка» высѣкли, передъ фронтомъ его роты, и у него пропала охота продолжать занятія въ этомъ родѣ.

Всѣмъ нашимъ солдатамъ присылали родные денегъ, а потому было неудивительно ихъ видѣть, въ качествѣ покупателей, въ т. называемомъ «Пассажѣ», окрещенномъ на Русскій ладъ. Въ сущности это былъ Турецкій, торговый базаръ «Османъ - Базаръ». Онъ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго: большое полукруглое зданіе, съ открытыми лавками въ серединѣ и по сторонамъ. Торговля въ немъ производилась бойко, не смотря на то, что товары были не изъ важныхъ. Очень много раскупался нашими солдатами. Турецкій ситецъ, въ восточномъ вкусѣ, т. е., съ красками и рисунками самыхъ яркихъ цвѣтовъ и оригинальныхъ сочетаній. При покупкѣ приходилось имѣть дѣло и знакомиться съ образцами ходячей монеты: «галаганы», «бани» и «франки», «лео», «гермелика-меджидіе», «наполеондоры», «лиры», «полу-лиры» *), наши серебрянные рубли различныхъ чекановъ и царствованій, отъ Екатерининскаго и до «крестовика» включительно, не виданныхъ у насъ въ Россіи. Потеря при перемѣнѣ громадная! Цѣны на все страшно приподняты и воистинну безобразны. О чаѣ и сахарѣ слѣдовало и не думать. Съ однимъ можно было помириться, это съ цѣной на «Турецкій табакъ». Мнѣ кажется, что торговцы имъ скорѣе выигрывали, чѣмъ наоборотъ:

*) Мѣдная монета: „галаганъ", „баня"—первый равенъ 3 к, второй 2 к.; „франкъ"—25 к.; „лео"—50 к.; „лира"—5 р.; „наполеондоръ"—20 ф.

солдаты раскупали его массой. Въ «Пассажѣ», то и дѣло мелькаютъ бѣлые передники съ «красными крестами» и бѣлые чепцы, это—наши «сестры милосердія»; между ними много молоденькихъ и хорошенькихъ, и ихъ такъ и окружаетъ толпа военныхъ офицеровъ и докторовъ..... Слышится родной, Русскій говоръ и смѣхъ. Что же касается до «милосердныхъ сестеръ», которыхъ здѣсь множество и изъ разныхъ странъ, то онѣ предпочитаютъ имѣть дѣло съ г.г. «сухарными дѣятелями»[1]), которыхъ обожаютъ за ихъ бездонные карманы. Что-жъ? Оно и выгоднѣй и прибыльнѣй, тѣмъ болѣе, что тѣ ихъ угощаютъ на славу, но только не отечества! О туземныхъ женщинахъ можно сказать, что всѣ онѣ очень красиваго типа: смуглый цвѣтъ лица, подчасъ огнёвые глаза, роскошные черные волосы, какъ вороново крыло, мелкія черты лица, характеризующія, какъ нельзя лучше, восточный типъ, а также ихъ ярко-пестрая одежда рябитъ въ глазахъ, но не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, а скорѣе отзывается чѣмъ то невиданнымъ, поражая своею новизною..... Слышишь новыя и непривычныя для Русскаго уха имена, въ родѣ: «Евангеліи», «Ангела», «Цвѣтко», «Петко», «баба-Иваница», «Зинэ», «Пэмбэ», «Адэлэ» [2]), или названіе родства: «Уйчъ», «Уйчинайка»[3]) и т. п. Странно звучатъ названія дѣвушекъ: «Мамычками», а парней—«Момчами». Все это, помимо вашей воли, страшно дѣйствуетъ на васъ, и вы невольно подавлены, чувствуя свое одиночество среди чуждой и непривычной для васъ обстановки. Невольно вспоминается далекая родина, родные!... Хуже всего на васъ дѣйствуетъ, такъ это восточный шумъ и гамъ, и отъ него нѣтъ спасенія! Между военнымъ элементомъ постоянно разговоръ о злобахъ дня, и вамъ, какъ патріоту, то пріятно ихъ слушать, то у васъ болитъ и ноетъ сердце, и вы невольно, мысленно, переноситесь на родину, а она отъ васъ далеко, далеко!......

У дѣвушекъ православнаго вѣроисповѣданія какъ - то Болгарокъ, Гречанокъ и др., въ виду слуховъ о скоромъ прекращеніи войны появилась манія ловить себѣ жениховъ, среди нашего военнаго элемента. Всѣмъ желающимъ предлагалось большое приданое, но съ непремѣннымъ условіемъ, женившись послѣ войны, остаться тамъ навсегда. По окончаніи войны многіе изъ нашихъ солдатъ, окончившихъ

---

[1]) Т. е. интендантскіе чиновники и вообще интенданты, которые тратили громадныя деньги на кутежи и попойки, а также и на карточную игру.

[2]) „Цвѣтко"—Василій. „Петко"—Петръ. „Баба-Иваница", т. е. бабушка, жена какого-то Ивана (у Болгаръ). „Зинэ", „Пэмбэ" и „Адэлэ" имена Турецкихъ женщинъ.

[3]) „Уйчъ—дядя. „Уйчинайка"—тётка (у Болгаръ).

сроки службы, переженились на Болгаркахъ и Гречанкахъ, а потомъ приняли Болгарское подданство. Изъ нашего полка осталось тамъ нѣсколько офицеровъ. Пятьсотъ, шестьсотъ рублей приданаго для простого солдата, это цѣлый капиталъ, да и для офицера двадцать, или тридцать тысячъ рублей тоже немалое состояніе. Выяснить отчего явилась подобная манія и спросъ на нашихъ военныхъ, я не берусь; но тогда и теперь мнѣ казалось подобное обстоятельство страннымъ. Какая цѣль? Какой смыслъ? Какъ мнѣ помнится, что большій контигентъ желающихъ выйти замужъ и именно за Русскаго былъ у Гречанокъ. Знакомый мнѣ Грекъ «Константинаки», какъ онъ самъ себя называлъ, уговорилъ и насъ съ товарищемъ Р. [1]) идти тоже смотрѣть себѣ невѣстъ. Мы рѣшились, ради шутки, идти съ нимъ. Насъ приняли очень радушно, угостили чернымъ «каве», а затѣмъ и «дульчасомъ» [2]) и спросили: «Желаете вы видѣть дѣвушекъ и сколько возьмете съ насъ «желтицъ» [3]) въ приданое?» Что тутъ дѣлать? Пришлось намъ эту шутку доводить до конца, но чтобы сдѣлать себѣ путь отступленія, мы рѣшили запросить въ приданое громадную сумму. Намъ очень вѣжливо сказали, что дадутъ намъ отвѣтъ завтра черезъ «Константинаки». На другой день мы получили отвѣтъ, въ которомъ насъ просили уступить въ своихъ требованіяхъ, но мы твердо стояли на своемъ. Тѣмъ и окончилось это сватовство въ шутку; благодаря тому, намъ пришлось увидѣть домашній бытъ женской семьи, а самое главное, это дѣвушекъ-Гречанокъ, которыхъ при другихъ условіяхъ трудно близко увидѣть. Хотя Греки не Турки, но взглядъ у нихъ на своихъ женщинъ чисто-восточный. Востокъ и тутъ оказалъ свое вліяніе, въ силу неизмѣннаго изрѣченія: «Съ волками жить—по волчьи выть.»

Особенная и самая выдающаяся изъ примѣчательностей города «Андріанополя» это—мечеть «Султана-Селима». Грандіозное зданіе, въ пять ярусовъ, съ громаднымъ куполомъ, покрытымъ свинцовыми пластинами, съ четырьмя страшно высокими «минаретами», съ которыхъ «муэдзины», сзываютъ «правовѣрныхъ», на молитву. Кругомъ главной мечети масса разныхъ пристроекъ, различныхъ видовъ и величинъ; все же строеніе, въ своемъ цѣломъ, поистинѣ, одно изъ колосальныхъ зданій, дѣлающихъ честь могучему генію строителя. Мечеть эта можетъ занять видное мѣсто въ ряду знаменитыхъ, историческихъ сооруженій. Надъ главнымъ входомъ и надъ самой изъ большихъ дверей виситъ, громадный кожаный коверъ, весь испещренный цитатами изъ

---

[1]) Реутовымъ.

[2]) Варенье съ водой.

[3]) Имперіаловъ.

Корана. Нужно удивляться, какъ искусно произведена такая кропотливая работа, поглотившая много человѣческаго труда и терпѣнія. Внутри самой мечети обращаетъ на себя вниманіе громадная, вся рѣзная и точно изъ ажура высоко-художественной работы, «каѳедра», для проповѣдей «имама» и «муллъ». Тоньше и изящнѣй этой работы изъ камня я не видывалъ. Для освѣщенія, вся мечеть увѣшана цѣлой массой лампадочекъ разныхъ цвѣтовъ и сдѣланныхъ изъ разнаго матеріала, висящихъ точно въ воздухѣ, а именно: съ потолка купола спущена цѣпь, и къ ней прикрѣплена громадная желѣзная рама, а ужъ къ ней и подвѣшаны лампадочки. Воображаю себѣ, какой тамъ волшебный видъ вечеромъ и при огняхъ; но къ сожалѣнію этого нельзя было посмотрѣть, не возбуждая этимъ фанатизма мусульманъ. Всѣ стѣны мечети мозаичной работы и въ арабескахъ самой причудливой формы, а въ иныхъ мѣстахъ съ круглыми медальонами, на которыхъ начертаны разныя изреченія изъ «Корана». Лѣпная работа это—одинъ восторгъ! Масса свѣта изъ оконъ съ цвѣтными стеклами разливаетъ по всему зданію мелкій и причудливый свѣтъ, и тутъ видна была умѣлая рука. Весь полъ въ мечети устланъ коврами различныхъ формъ и рисунковъ, соперничая одинъ съ другимъ въ тѣняхъ и подборѣ красокъ. Все это даръ въ мечеть отъ богомольцевъ, которые при входѣ въ неё снимаютъ обувь и ставятъ ее рядомъ съ собой на коврѣ, а сами садятся на полъ, поджавъ подъ себя ноги «по восточному» и долго остаются въ такомъ созерцательномъ настроеніи, приложивъ обѣ руку къ сердцу, а иные ко лбу, и только изрѣдко слышатся возгласы и глубокіе вздохи «аллагу агбаръ», т. е., помилуй мя Боже! Вся мечеть окружена обширнымъ дворомъ и со множествомъ выходовъ, въ видѣ дверей и воротъ. Весь дворъ выложенъ мраморнымъ плитнякомъ, а на самой его серединѣ гордо стоитъ большой «кіоскъ» *) съ фонтаномъ; но во время бѣгства Турокъ изъ Андріанополя онъ былъ ими попорченъ и заваленъ мусоромъ. Въ какихъ видахъ? Вѣроятно, въ виду военныхъ цѣлей! Мнѣ думается, что это вполнѣ вѣрно; тѣмъ болѣе есть подтвержденіе этой догадки, что главный куполъ мечети сіяетъ, во многихъ мѣстахъ, отодранными свинцовыми плитами и, какъ мнѣ говорили Греки, изъ этихъ плитъ отливали пули для патроновъ. Но насколько это правдоподобно, я не ручаюсь. Въ общемъ мечеть поражала своею могучей и мощной красотой. Это одинъ изъ древнихъ памятниковъ былого величія и мощи Востока и теперь еще поражаетъ зрителя и надолго остается въ памяти, производя сильное впечатлѣніе.

Для развлеченія, а главнымъ образомъ для наглой эксплуатаціи военнаго элемента, въ городѣ открылось множество «кафе-шан-

---

*) Родъ бесѣдки съ полумѣсяцемъ на шпилѣ.

тановъ» и разныхъ подозрительныхъ «ресторановъ», съ весьма худою репутаціей. Изъ нихъ главное мѣсто занималъ, такъ называемый «Берлинъ». Кто далъ ему это названіе и на какомъ основаніи, неизвѣстно. Чего и кого только не заключало подъ своею кровлею это заведеніе: «кафе-шантанъ», «ресторанъ», «игорный домъ» и всѣ прочія прелести, т. е., недозволимыя, нетерпимыя и т. п. Здѣсь всѣ атрибуты отрицательной цивилизаціи нашли себѣ и свили свой притонъ. Мнѣ думается, что подобныя заразныя гнѣзда только и могутъ существовать въ военное время. Всѣ жадно стремились туда, и тамъ оставлялись груды золота, разстраивалось здоровье, а многіе оставляли тамъ свою жизнь и честь: проигрался «въ пухъ и прахъ», да еще казенныя деньги, ну и пулю въ лобъ!.... А развѣ мало было тамъ подобныхъ случаевъ? Чтò же касается до обстановки этого «Вавилона», то онъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Все тамъ было! Но личина и внутреннее содержаніе шли здѣсь врозь, да, и немудрено: хотя и позолота, но самаго грязнаго свойства. Вечеромъ, когда кафе былъ буквально залитъ весь огнями и переполнялся публикой, получалось что-то, не передаваемое никакимъ перомъ...... Фальшивая позолота являлась волшебной, и передъ ней не устаивалъ ни одинъ изъ возрастовъ: чего и кого тутъ не было? Была ли здѣсь хоть одна изъ націй, которая не имѣла бы тутъ представительницъ «прекраснаго пола?» Не думаю. Объ ихъ нравственныхъ качествахъ я умалчиваю, но у всѣхъ жажда золота и вообще наживы. Деньги здѣсь были, какъ говорятъ, ни почемъ. Послѣ окончанія какого-нибудь музыкальнаго нумера пойдетъ собирать пѣвица [1]) и получаетъ десять, двадцать имперіаловъ и еще въ придачу сторублевую кредитку, и въ теченіе вечера не одинъ разъ. Желающимъ достигнуть чего-нибудь бóльшаго, это обходилось еще того дороже. А спросъ былъ большой. Въ особенности собралъ здѣсь громадную жатву «Вѣнскій дамскій оркестръ» [2]). Въ немъ были дѣвушки, какъ на подборъ, одна красивѣе другой. Для нихъ золото лилось широкою рѣкой. Ихъ жатва со дня на день увеличивалась и, наконецъ, достигла колоссальныхъ размѣровъ... Къ великой досадѣ однихъ и радости другихъ, сама судьба вмѣшалась и отомстила за пострадавшихъ отъ любительницъ легкой наживы, и вотъ какимъ образомъ. Въ моментъ, когда сборы дошли у нихъ до чего-то невѣроятнаго, т. е. до баснословной суммы, ихъ кто-то ограбилъ, и въ то время, когда они были въ «кафе-шантанѣ»;

---

[1]) Какъ говорятъ, „на ноты".

[2]) „Дамскій оркестръ" состоялъ изъ 50 человѣкъ. Составъ его былъ исключительно Нѣмецкій.

возвратясь на квартиру, они нашли разбитые сундуки, и ничего более!.. Кто это совершилъ и когда, такъ и осталось невыясненнымъ. Бѣднымъ Амаліямъ, Эмиліямъ и Луизамъ пришлось отправиться въ свой «фатерландъ» съ весьма немногимъ, но съ сильно изношенными физіономіями. Хотя у многихъ изъ нихъ и осталось еще довольно денегъ, но все это далеко отъ того, что̀ было. Изъ хищниковъ этого рода оказались болѣе счастливыми — это «банкометы» [1]) «игорнаго дома» [2]): хотя и у нихъ дружно срывали громадные куши, но ихъ сплоченная коалиція выдержала искусъ, и они получили громадный барышъ.

Особенно дешевы были въ Андріанополѣ красное вино [3]) и халва [4]); того и другой потреблялось множество. Фабрикація халвы производилась тутъ же на улицѣ, въ открытыхъ лавочкахъ, и мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть способъ ея приготовленія; онъ незатѣйливъ и до-нельзя простъ. Наши солдаты пили вино, но находили его уступающимъ водкѣ; халва имъ очень нравилась, и они употребляли ее съ чаемъ, вмѣсто сахара.

Въ одинъ изъ большихъ праздниковъ офицеры нашего полка собрали любительскій хоръ пѣвчихъ въ Болгарскомъ соборѣ, гдѣ служилъ епископъ [5]), и съ его согласія. Публика изъ Болгаръ и Грековъ, пришедшая въ соборъ, была поражена стройнымъ и непривычнымъ для нихъ пѣніемъ, вмѣсто ихъ гнусаваго и крикливаго напѣва. Дѣйствительно, впервыя своды ихъ древняго собора огласились такимъ хорошимъ пѣніемъ; въ особенности ихъ поразила дивная «Херувимская пѣснь» № 7, Бортнянскаго, такъ что за рѣшеткой [6]) у женщинъ раздался громкій плачъ отъ умиленія и религіознаго подъема чувствъ; да и было отчего: ужъ слишкомъ рѣзкій переходъ отъ ихъ пѣнія къ дивному исполненію священной пѣсни нашимъ знаменитымъ духовнымъ композиторомъ. Мелодичность напѣва могла невольно вызвать слезы. Всѣхъ насъ, Русскихъ, поразила особенность обряда во время пѣнія «Херувимской пѣсни», а именно, всѣ люстры въ храмѣ начинаютъ плавно раскачиваться изъ стороны въ сторону. Что̀ это значитъ и какъ производится, вотъ тѣ вопросы, которые насъ занимали. Смотримъ и замѣчаемъ, что изъ главнаго алтаря къ люстрамъ протянуты тонкія нити, которыми и приводятся они въ движеніе. Какъ оказалось потомъ, это пѣніе произвело на Болгаръ

---

[1]) „Банкометы“ на компанейскихъ началахъ, изъ Румынскихъ Жидовъ.

[2]) „Игорный домъ“ помѣщался во 2-мъ этажѣ „Берлина“.

[3]) Красное вино стоило кувшинъ, емкостью въ двѣ-три бутылки, одинъ франкъ.

[4]) Халва приготовляется изъ „конжутнаго“ сѣмени, съ прибавленіемъ масла и меда.

[5]) Епископъ былъ изъ Грековъ.

[6]) Въ Греческихъ и Болгарскихъ церквахъ женщины отдѣляются отъ мужчинъ рѣшеткой. Вліяніе Востока сказалось и тутъ. Обычай этотъ ведется уже давно.

и Грековъ очень сильное впечатлѣніе, чему мы искренно и отъ души порадовались. Изъ другихъ особенностей Болгарской службы обращаетъ на себя вниманіе то, что священнодѣйствующій, вынося Святые дары, возглашаетъ: «и всички православные братушки», вмѣсто «и васъ всѣхъ православныхъ христіанъ!» Въ общемъ ихъ служеніе и церковные обряды близко подходятъ къ нашимъ, хотя и есть много уклоненій.

Греко-католики хвалили намъ пѣніе въ ихъ костелѣ, и мы рѣшились побывать тамъ, чтобы послушать расхваленное пѣніе. Католическій костелъ въ Андріанополѣ въ древнемъ стилѣ и вполнѣ «готической» архитектуры, т. е. со стрѣльчатыми окнами и дверями, въ которыхъ разноцвѣтныя стекла такъ и льютъ волшебный свѣтъ на всю внутренность базилики. Рисунки ихъ и окраска подобраны вполнѣ артистически, и все разсчитано на извѣстный эффектъ. Видно было, что опытная и умѣлая рука это производила. На его фронтонѣ красуется Латинская надпись: «Soli Deo honor et gloria», а затѣмъ помѣченъ 1738 годъ. Пѣніе солистки было дѣйствительно замѣчательное. Что за дивный голосъ! Такъ и стоитъ въ ушахъ, хотя уже идетъ одна органная партія, а онъ все еще слышится... По окончаніи службы мы остались при выходѣ пѣвицы изъ костела, и что же? Съ такимъ чуднымъ голосомъ соединена и замѣчательная красота. Ей было восемнадцать лѣтъ, и она находилась въ самомъ разцвѣтѣ своей красоты. Нашъ восторгъ при подобномъ созерцаніи былъ отравленъ, когда съ хоръ, рядомъ съ пѣвицей, вышелъ «іезуитъ», и тоже изъ числа пѣвцовъ; но, Боже, что за отталкивающая физіономія, и это рядомъ съ такой красотой! Посмотрѣвъ на насъ какъ-то особенно, гнусная физія, вмѣстѣ съ пѣвицей, быстро исчезли въ толпѣ. Разговаривая, идемъ себѣ домой и вдругъ слышимъ: «ого, ого!» Мы такъ и остолбенѣли отъ неожиданности; что это значитъ, кто это говоритъ? Осмотрѣвшись кругомъ, замѣчаемъ, что звуки эти производитъ сидящій на крышѣ Египетской породы голубь [1]... Немало смѣялись такому случаю.

Другимъ куріозомъ былъ слѣдующій. Съ нами былъ офицеръ Вологодскаго полка П. [2]), родомъ Грекъ, хвалившійся тѣмъ, что предки его происходятъ отъ Греческихъ императоровъ; уставши, мы рѣшились зайти, по дорогѣ, въ одинъ изъ ресторановъ, и намъ попался очень маленькій, кстати сказать, очень грязненькій, но дальше намъ идти не хотѣлось. Кто-то пожелалъ изъ насъ утолить жажду и спросилъ у хозяина лимонаду, а тотъ, обращаясь къ слугѣ, заоралъ:

---

[1]) Издаваемые имъ звуки очень похожи на „ого, ого".

[2]) Прапорщикъ Панаіоти.

«Панаіоти, уна лимона», т. е. одну порцію лимонада. Мы такъ и покатились отъ смѣха, узнавъ, что знаменитый потомокъ «Греческихъ императоровъ» находится лакеемъ въ одномъ изъ грязныхъ ресторановъ! Однофамилецъ, а можетъ быть и родственникъ, не выдержалъ и сконфуженный ушелъ отъ насъ. Съ его уходомъ смѣхъ и остроты по этому поводу такъ и посыпались...

Хоть и очень хорошо было нашимъ солдатикамъ, но тоска по родинѣ давала имъ себя знать, и они часто говорили: «Тутъ хорошо, а дома все же лучше!» По вечерамъ, послѣ «повѣрки» [1]) и ужина, рота собиралась въ полномъ своемъ составѣ, и начинались хоровое пѣніе и плясь. Тогда наша родная, могучая пѣсня гулко раздавалась въ Азіатскихъ окрестностяхъ, все росла, росла, и на время забывали мы, что на чужбинѣ; но все это на время, а съ послѣдними звуками пѣсни дѣлалось еще грустнѣй, чѣмъ было, и мысль о далекой родинѣ была еще тяжелѣй... Не разъ я присутствовалъ и прислушивался къ говору солдатъ, и вотъ кто-то говоритъ: «Ну, какъ не повѣрятъ, что ты имъ будешь разсказывать про Туретчину?» Другой голосъ грозно проговорилъ: «Тогда я имъ башку снесу, вотъ что!» Первый голосъ опять продолжалъ: «Не кипятись, братъ, остынь; это ты въ воинственномъ жару, а тогда, если и вѣрить не будутъ, то промолчишь». Разговоръ на минуту остановился, а затѣмъ продолжался снова: «Тогда видно будетъ, что сдѣлаю и скажу; что загадывать впередъ-то, а можетъ и подохнешь здѣсь; эхъ, ты доля наша солдатская!» Видно, тоска по родинѣ была не на шутку!.. Но вотъ одинъ весельчакъ изъ солдатъ говоритъ: «Знаете, братцы, присловіе про Болгаръ?»—«Нѣтъ, не знаемъ.»—«Ну, такъ слушайте: шайтанъ [2]) сдѣлалъ Турка, Турка—могара [3]), а могаръ — Болгара!» Изъ толпы послышался смѣхъ и говоръ: «Ну, шайтанъ-то это ты самъ, Ладонюкъ!»

На другой день по прибытіи, отправившись фланировать по городу, я зашелъ въ какой-то ресторанъ и спросилъ себѣ кофе съ молокомъ; но, Боже мой, что это была за бурда—«кава съ млекомъ», вы и представить себѣ не можете ничего подобнаго!.. Какой-то прѣсный вкусъ молока, отдающій чѣмъ-то, чего я себѣ и объяснить не могъ; но что за специфическій запахъ! Оказалось, что запахъ этотъ присущъ молоку «буйволицы». Была Суббота, и я рѣшилъ отправиться ко всенощной въ Греческую церковь. Я пошелъ туда, но это оказался «монастырь». Съ благоговѣніемъ я собрался помолиться Богу и послушать богослуженіе «праматери» нашей Православной «Каѳоли-

[1]) Перекличка по алфавиту.
[2]) Шайтанъ—чортъ.
[3]) Могаръ—оселъ.

ческой» церкви. Не дай Богъ никому такъ горько во всемъ разочароваться! Вмѣсто ожидаемаго великолѣпія полное убожество; а что хуже всего, такъ это невообразимая грязь, отъ которой никто и не старается очистить «домъ Божій». Вмѣсто нашего торжественнаго звона въ колокола жалкое колоченіе въ «било» [1]). О ходѣ самаго богослуженія можно сказать, что оно ниже всякой критики, какъ по небрежности служенія, такъ и по отвратительному пѣнію въ носъ. Въ самомъ храмѣ молящіеся Греки и Болгары стоятъ одни въ фескахъ, а другіе въ бараньихъ шапкахъ, и это въ храмѣ Божьемъ! Совсѣмъ, что называется, «по жидовски»; хотя и грустно въ этомъ сознаться, но это было такъ и вполнѣ справедливо. Одинъ изъ нашихъ солдатиковъ, находившійся въ храмѣ, не выдержалъ и пошелъ со всѣхъ снимать шапки и фески. Греки и Болгары этому очень удивились, но фесокъ и шапокъ ужъ болѣе не надѣвали. Повліяли-ли на нихъ Русскіе въ этомъ случаѣ, теперь я не знаю. Думаю, что, съ уходомъ Русскихъ, опять началось тоже самое, что и было ранѣе. Свернувъ съ главной улицы я вышелъ къ «конаку» [2]), гдѣ живетъ «вали-паша» [3]) Строеніе хотя и казенной архитектуры, но изъ лучшихъ, какъ по величинѣ, такъ и по матеріалу. Въ немъ помѣщался его императорское высочество, великій князь Николай Николаевичъ Старшій, когда былъ со своей главной квартирой въ городѣ Андріанополѣ. Другое зданіе, но меньшихъ размѣровъ, чѣмъ «конакъ»—это было помѣщеніе бывшей «Турецкой военной коллегіи», а теперь въ немъ находился госпиталь «краснаго креста» [4]).

Начинало уже смеркаться, и я рѣшилъ отложить осмотръ города до слѣдующаго раза. Такъ какъ это было очень далеко отъ Турецкаго квартала, то и я припоздалъ. Смотрю и вижу необычайное явленіе: въ воздухѣ стояло четыре свѣтовыхъ вѣнка, блиставшіе ослѣпительными и разноцвѣтными огнями. Что-бы это могло значить? Очень странное явленіе! Оказалось, что «минареты» мечети «Султана-Селима» освѣщены фонарями, такъ какъ была «Джумга» или Пятница. Южныя ночи наступаютъ сразу, то въ воздухѣ и не видно было силуэтовъ бѣлыхъ «минаретовъ», а вѣнки изъ цвѣтныхъ фонарей казались точно висящими въ воздухѣ! Въ другой разъ иду по городу

---

[1]) Въ Турціи не дозволялось Грекамъ и Болгарамъ звонить въ колокола, а замѣнялся звонъ битьемъ въ чугунную или деревянную доску, которая и называется „било".

[2]) Дворецъ и губернаторскій домъ.

[3]) Губернаторъ.

[4]) Въ немъ находилось нѣсколько тысячъ больныхъ солдатъ. Назначался караулъ туда, съ офицеромъ, ежедневно.

и вижу зданіе весьма оригинальной архитектуры съ крестомъ въ боку. Спрашиваю у проходящаго «братушкиБолгарина»: «что это такое?» «Блъгарска народна църква». Я хотѣлъ въ нее войти и осмотрѣть, но она оказалась запертой, а гдѣ искать сторожа, неизвѣстно. Еще пройдя, вижу зданіе съ вывѣской: «Блъгарска-та Книжарница-та на Христо г. Дановъ». Это Болгарская типографія г-на Христо Данова. Наконецъ я вижу вывѣску: «Photographe D. Michailides». Сама фамилія гласитъ, что владѣлецъ фотографіи Грекъ. Я зашелъ туда и купилъ себѣ на память виды города Андріанополя, но цѣны на нихъ безобразныя. Видно было, что хозяинъ былъ радъ случаю хоть кого-нибудь ободрать, благо представился случай. Передъ самымъ выходомъ изъ города, вдругъ вижу вывѣску съ протянутой рукой и надписью: «Блъгарска-та гостылница-та», т. е. Болгарская гостинница. Передъ выходомъ за городъ, передо мною знаменитыя развалины «сераля», обращеннаго во время войны Турками въ казармы для войскъ, а теперь только лишь жалкія руины и ничего болѣе. Отсюда тянется шоссе длинной и широкой лентой; это караванный путь въ Константинополь или Стамбулъ. Повернувъ направо, я пошелъ по окраинѣ города и зашелъ въ «Цыганскій» кварталъ: масса снующихъ женщинъ и дѣтей, задрапированныхъ въ какія-то яркія и живописныя лохмотья; населеніе этого уголка кричитъ, шумитъ и просто реветъ такъ, что я поспѣшилъ выбраться отсюда поскорѣй. Одно могу сказать, что рѣдко можно видѣть подобный адъ и столько вынесть впечатлѣній. Взявъ иное направленіе, я вышелъ совсѣмъ изъ городу, и глазамъ моимъ представился уже чисто сельскій пейзажъ: на далекомъ пространствѣ вы видите гладкую и ровную долину, сливающуюся съ горизонтомъ; справа и слѣва идутъ безконечныя рисовыя поля, и вотъ ихъ наружный видъ: куда ни посмотришь, все поле испещрено маленькими и неглубокими ямками, наполненными водой и разбитыми на правильные квадратики, въ которыхъ и посѣянъ рисъ. Весна была въ полномъ разгарѣ, а потому всѣ деревья были въ цвѣту и наполняли воздухъ своими ароматами и благоуханіемъ; встрѣчающіеся кой-гдѣ лужки пестрѣли желтыми цвѣточками, которые сверкали на солнцѣ, какъ золотыя звѣздочки. Тѣнистые сады предмѣстья были сплошь пронизаны лучами заходящаго солнца, которые весело скользили между листвой деревьевъ, качаемыхъ едва замѣтнымъ вѣтерочкомъ... Такъ тутъ было хорошо, что не хотѣлось уходить отсюда. Тамъ и сямъ виднѣлись на деревьяхъ массы птичьихъ гнѣздъ, въ воздухѣ носились миріады насѣкомыхъ, наполняя его своимъ жужжаніемъ... Раздавалось веселое щебетаніе птичекъ, а гдѣ-то слышался глухой стукъ дерева отъ долбленія: это дятелъ производилъ свою работу... Въ воздухѣ уже

пахнуло сыростью, и день, что называется, догоралъ, а потому нужно было торопиться назадъ въ городъ. Издали доносился тяжелый, удушливый запахъ отъ множества тифозныхъ больныхъ, лежавшихъ въ госпиталѣ «Краснаго Креста», а миновать его никакъ нельзя. Какой рѣзкій контрастъ съ воздухомъ предмѣстья! Тяжело становится на сердцѣ, когда вспомнишь, что тутъ множество больныхъ и что многимъ изъ нихъ не придется болѣе увидать ни свою родину, ни своихъ родныхъ. Тяжела въ этомъ случаѣ участь военныхъ! О, война, война, сколько съ тобою неразлучныхъ спутниковъ, несущихъ гибель и болѣзни. Я былъ очень доволенъ, когда миновалъ это мрачное мѣсто людскихъ страданій и мукъ, но долго не могъ успокоиться отъ охватившихъ меня тяжелыхъ думъ.

Пятаго Іюля 1878 г. нашъ полкъ выступилъ изъ Андріанополя въ Хаскіой, для занятія боевыхъ позицій противъ «Родопскихъ инсургентовъ». Наша роль гарнизона въ Андріанополѣ окончилась, и намъ предстояли новыя задачи и условія боевой жизни.

Не могу сказать, чтобы я покидалъ этотъ городъ безъ особеннаго чувства сожалѣнія; далеко нѣтъ; потому что шесть мѣсяцевъ въ немъ пребыванія оставили и свѣтлыя воспоминанія. Долго еще виднѣлся когда-то славный и могучій городъ и какъ-бы не хотѣлъ пропадать у насъ изъ глазъ; еще нѣсколько времени, онъ то скрывался, то опять показывался; но вотъ еще нѣсколько поворотовъ по шоссе, и вторая столица Оттоманской порты пропала у насъ изъ глазъ и навсегда! Я посмотрѣлъ на солдатъ; но и они, вѣроятно, сожалѣли о большомъ и славномъ городѣ. Что-то насъ ждетъ впереди, тамъ въ Родопскихъ горахъ?

Д. Бартеневъ.

ПРОШЕНІЕ МОЛОКАНИНА ГАРКИНА.

Василій Ивановъ Гаркинъ, мѣщанинъ села Нучарова, Ардатовскаго уѣзда, лѣтъ 30, сынъ православныхъ родителей, всегда исполнявшихъ долгъ исповѣди и причастія. Многочисленное семейство Гаркина (въ семьѣ Гаркиныхъ было шестеро лицъ мужского пола и семеро женскаго) всегда испытывало крайнюю нужду. Оно не имѣло своего крова и вынуждено было ночевать по разнымъ сосѣдямъ. Нѣкоторое время Гаркины жили въ Саратовѣ, гдѣ Василій Гаркинъ, должно быть, и заразился молоканствомъ. Изъ Саратова Гаркины переселились въ г. Ардатовъ, Нижегородской губ. Молоканскія убѣжденія постепенно складывались и росли въ Василіи Ивановичѣ, и до такой степени укрѣпились въ немъ, что онъ безъ всякаго повода нашелъ нужнымъ подать такую просьбу министру внутреннихъ дѣлъ.

„Принимаю смѣлость, писалъ Гаркинъ, изложить откровенно свое признаніе, заключающееся въ слѣдующемъ. Съ самыхъ лѣтъ сознанія своего я исполняю обрядъ моленія подъ названіемъ „молоканства“, конечно, въ тайнѣ отъ духовнаго и гражданскаго начальства; между тѣмъ по документамъ числюсь записаннымъ въ православной вѣрѣ. Считая это весьма несообразнымъ по духу своего обряда и съ чувствомъ совѣсти, я вполнѣ убѣжденъ на благосклонное вниманіе вашего высокопревосходительства и смѣю надѣяться, что ваше высокопревосходительство не изволите отказать сдѣлать милостивое начальническое вниманіе, приказать, чрезъ кого слѣдуетъ, исключить меня изъ числа записанныхъ по документамъ лицъ Православной вѣры, оставивъ при исполняемомъ мною обрядѣ моленія со дня моего самосознанія: ибо отклоненіе отъ этого закоренѣлаго въ моемъ сердцѣ обряда моленія для меня чрезвычайно тяжело и невозможно. Это все равно, какъ истинному христіанину перейти въ вѣру Іудейскую или Магометанскую. И при всемъ этомъ, если не угодно будетъ вашему высокопревосходительству изъявить мнѣ великую для меня милость, то я, за всѣмъ тѣмъ, считаясь въ православіи и не въ силахъ будучи управлять самимъ собою къ отпаденію отъ сроднившейся въ моемъ сердцѣ мысли, и всегда пребывая во всегдашнемъ, неизмѣнномъ и непоколебимомъ чувствѣ къ исполненію обряда своего моленія, буду, все-таки, въ тайнѣ исполнять все то, въ чемъ убѣдило меня мое самосознаніе и Священное Писаніе“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ эту просьбу начальнику Нижегородской губерніи (отъ 18 Іюня 1863 г., за № 479). Губернаторъ Рожновъ предписалъ Губернскому Правленію разслѣдовать дѣло. Губернское Правленіе поручило Ардатовскому городничему „немедленно доставить надлежащія свѣдѣнія, присовокупивъ къ нимъ, не замѣчается ли Гаркинъ въ распространеніи своихъ вѣрованій между другими, къ числу православныхъ или раскольниковъ“ (отношеніе отъ 31 Іюля 1863 г., за № 141). Свѣдѣнія были доставлены, и по нимъ ничего нельзя было вывести о дѣятельности Гаркина.

На такое смѣлое прошеніе положительнаго отвѣта со стороны министра внутреннихъ дѣлъ не послѣдовало. Дѣло Гаркина было оставлено безъ послѣдствій. Велѣно было только, по сношенію гражданскихъ властей съ духовными, подвергнуть Гаркина негласному полицейскому надзору, о чемъ и было сообщено Нижегородскимъ губернаторомъ Нижегородскому преосвященному Нектарію. (Отношеніе отъ 31 Іюля 1863 г., за № 141).

Сообщилъ **Ѳ. Кудринскій.**

ЧЕМУ НАУЧАЕТЪ ДРЕВНѢЙШІЙ ХРИСТІАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ ВЪ КИТАѢ?

По поводу статьи С. С. Слуцкаго „Древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Китаѣ“ („Русскій Вѣстникъ“ 1901 г. № 1).

Лучшаго привѣтствія нельзя было сдѣлать Христіанству, вступающему въ двадцатый вѣкъ своего существованія, какъ изданіемъ Русскаго перевода надписи въ Си-нань-фу, говорящей о началѣ Христіанства въ Китаѣ (но не такого Христіанства, которое нуждается въ поддержкѣ оружіемъ). Этотъ древнѣйшій памятникъ, этотъ простой камень драгоцѣннѣе для насъ, Русскихъ, всѣхъ алмазовъ Южной Африки, особенно послѣ того, какъ потомки Сирійцевъ (внесшихъ Христіанство въ Китай, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись въ Си-нань-фу) приняты въ общеніе православною нашею церковью.

Надпись въ Си-нань-фу говоритъ намъ о первомъ, глубоко-мирномъ появленіи въ Китаѣ Христіанства, представляющаго рѣзкую противоположность съ тѣмъ Христіанствомъ, которое взываетъ къ помощи оружія и создаетъ непримиримую ненависть къ себѣ. Памятникъ, мирнаго вступленія „Пресвѣтлой Вѣры“ въ Срединное царство находится въ его старой столицѣ династіи Тань, въ столицѣ, напоминающей самому Китаю о лучшемъ времени его долгой исторіи, о той порѣ, когда Небесная Имперія обнимала наибольшее пространство на землѣ, занимала первое мѣсто въ мірѣ *), когда къ ней обращались два единственныхъ тогда большихъ царства, Персидское и Византійское, прося союза противъ начинавшей свои газаваты религіи войны, Ислама. Наоборотъ, Романо - германскій Западъ, нынѣ обладающій всѣми океанами и безчинствующій въ Китаѣ, въ ту пору былъ слабъ, не

---

*) Въ VII и VIII вѣкахъ, при династіи Тань, Китай несомнѣнно занималъ первое мѣсто во всемірной исторіи. Но и въ эпоху Рождества Христова была не одна Римская имперія, будто-бы обнимавшая весь тогда извѣстный міръ, а было двѣ имперіи. Тѣмъ не менѣе въ нашей *мнимо-всемірной* исторіи даже не ставится вопросъ о томъ, которая изъ нихъ была сильнѣе и имѣла наибольшую важность въ разное время. Дѣйствительная же исторія, въ лицѣ Гунновъ, рѣшила вопросъ этотъ не въ пользу Римской имперіи. Оставивъ сильнѣйшую изъ двухъ имперій (Китайскую) нетронутою, Гунны устремились противъ слабѣйшей, Римской, и положили ей конецъ. Христіанство не отождествляло себя съ Римской имперіей и даже радовалось паденію „Великаго Вавилона“. Обращеніе же Индіи и Китая, какъ завершеніе побѣды Христіанства умиротворяющаго, намѣчено было уже въ лицѣ апостоловъ, Варѳоломея и Ѳомы. (См. Huc, Le Christian. en Chine, t. 1).

игралъ никакой замѣтной роли во всемірной исторіи, и самая государственная жизнь Запада на развалинахъ разрушенной имъ имперіи „ветхаго Рима" едва начинала складываться. Чтò же касается Славянъ Русскихъ (силы континентальной, нынѣшнихъ сосѣдей Китая, его естественныхъ союзниковъ и. быть можетъ, спасителей отъ Западныхъ хищниковъ) то въ ту пору, о которой повѣствуетъ надпись въ Си-нань-фу, у Славянъ государственная жизнь еще и не зарождалась; не было слышно ни о Кіевѣ, ни о Новгородѣ, не только что́ о Москвѣ...

Въ эти вѣка, въ самомъ сердцѣ Китая, а не на окраинахъ его (Нанкинѣ и Пекинѣ [1]), ибо тогда Китай еще принадлежалъ Китайцамъ) происходило нѣчто подобное тому, чтò было въ Кіевѣ въ X вѣкѣ. Благодаря центральному положенію Си-нань-фу, въ него сходились представители всѣхъ вѣроученій: были тутъ ученики Зороастра (So—lo-ti) и Манеса (Mo-ni); были Буддисты, уже утвердившіеся тогда въ Китаѣ [2]); были, вѣроятно, и всюду неизбѣжные Евреи [3]). Въ VII же вѣкѣ видимъ пришествіе въ Си-нань-фу А-ло-пена, великаго апостола Китая, котораго можно, по справедливости, сравнить съ Кирилломъ и Меѳодіемъ. „По переводѣ въ дворцовой библіотекѣ Свящ. Писанія", говоритъ надпись, „были вопросы (собесѣдованія) во внутреннихъ покояхъ дворца". Уже одни эти слова раскрываютъ передъ нами тогдашнее внутреннее состояніе Китая, его духовную неудовлетворенность, которая особенно сильно чувствовалась на самомъ верху государства, во дворцѣ. Былъ тамъ совѣтъ, дума, мало сказать, какъ у Владимира, ибо Китай еще до той поры много пережилъ, много передумалъ и перечувствовалъ въ лицѣ такихъ мудрецовъ, какъ Лао-тзе, Конфуцій и Менг-тзе, прежде нежели услышалъ это изумительно „простое, пресвѣтлое ученіе", взывавшее ко всѣмъ сдѣлаться чистыми, кроткими, какъ дѣти, какъ Сынъ Человѣческій, чтобы познать то, чтò оставалось сокрытымъ, недоступнымъ для мудрецовъ

---

[1]) Пекинъ—„Китайскій Питеръ", какъ называютъ его Сибирскіе старообрядцы, ищущіе въ Индіи и Китаѣ до-Никоновской Руси.

[2]) Столичный городъ Ло-янь былъ для Китайскаго Буддизма тѣмъ же, чѣмъ, въ свое время, былъ для Христіанства въ Россіи Кіевъ.

[3]) Можно даже съ вѣроятностью предполагать, что изъ Китая были посланы въ Сирію „мужи добры и смысленны" для „испытанія вѣры"; по крайней мѣрѣ, въ надписи описывается страна Та-дзинь (Сирія), ея границы, произведенія и добрые нравы жителей. Ходили въ Сирію, а, можетъ быть, и въ Іерусалимъ, и позднѣе новообращенные, подобно тому, какъ буддисты совершали свои паломничества въ Капилавасту, недавно наконецъ открытую (Фьюреромъ). Хотя торжество Буддизма въ Китаѣ и сопровождалось, вѣроятно, истребленіемъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ Христіанства, однако, очевидно, не все же было истреблено, и возможно, что нашъ календарь, нашъ всемірный синодикъ обогатится еще множествомъ мучениковъ, пострадавшихъ въ Китаѣ отъ буддистовъ. Раскопки Си-нань-фу съ цѣлью раскрыть и пополнить исторію Христіанства въ Китаѣ могли бы стать выраженіемъ дружественнаго союза Китайцевъ съ Русскими: ибо онѣ могли бы доказать, что мы и Китайцы когда-то были единовѣрцами. Наоборотъ, открытіе Капилавасту (Лумбани), колыбели и могилы Будды, вызоветъ, вѣроятно, подъемъ Буддизма, какого, конечно, не вызвало бы въ Христіанствѣ даже перенесеніе въ Москву каменной лѣтописи Христіанства въ Китаѣ. т. е. надписи въ Си-нань-фу.

всѣхъ вѣковъ. Китайскихъ ученыхъ, какъ видно, поразила именно „простота“ ученія и въ тоже время его необычайная „глубина“, жажда стать совершенными, какъ Отецъ Небесный, „благодѣтельность ученія для людей“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „отрѣшенность его отъ всего нечистаго, земного“. Такъ поняли въ ту пору Китайцы ученіе Китайскаго Хе-ле-тузе, нашего Христа

Если, какъ повѣствуетъ надпись, императоръ Тай-Сунь посылалъ перваго министра съ большою свитою встрѣтить Сирскаго миссіонера, то становится очевиднымъ, что А-ло-пенъ, будущій просвѣтитель Китая, пользовался уже и раньше большою извѣстностью и славою и былъ приглашенъ, въ качествѣ лучшаго наставника въ ученіи Христовомъ, подобно тому, какъ для такой же цѣли посланы были въ Славянскія земли изъ Византіи Кириллъ и Меѳодій. Послѣ всесторонняго, „глубокаго“ изслѣдованія ученія и продолжительныхъ бесѣдъ о немъ, черезъ три года (635—638), императорскимъ указомъ 12-го года, „ученіе признано правымъ и истиннымъ“ и не только разрѣшено, но и „повелѣно“ проповѣдывать его и учить ему. Въ указѣ этомъ говорится не только о Писаніи, но и объ „изображеніяхъ“, то есть о грамотѣ для неграмотныхъ, объ иконахъ, и предписывается распространять ученіе *во всей имперіи*, которая тогда граничила на Востокѣ съ Великимъ Океаномъ, а на Западѣ достигала почти до Каспія.

Въ самыхъ первыхъ строкахъ указа заключается, очевидно, оправданіе въ принятіи новаго ученія. Но столь же очевидно, что дѣло здѣсь далеко не ограничивалось одною терпимостью. Въ томъ же указѣ опредѣленно предписывается „построить Сирскій *) храмъ въ кварталѣ Мира и Правосудія“; назначается даже и штатъ при храмѣ, притомъ многочисленный (21 священникъ): ясный намекъ на увѣренность въ успѣхѣ новаго ученія. Постановка же изображенія императора въ храмѣ, упоминаемая въ надписи въ Си-нань-фу, не указываетъ ли даже на бо́льшее, на канонизацію равноапостольнаго Тай-Суня?...

При Као-Тцунѣ Христіанство въ Китаѣ разливается „по десяти путямъ“; „во ста городахъ“ (во многихъ городахъ) были построены храмы. А-ло-пенъ, по Китайскому обычаю, по которому даются титулы не съ правомъ передачи ихъ потомству, а съ правомъ перенесенія ихъ на предковъ, возведенъ былъ въ санъ „охранителя царства, господина Великаго Закона“: честь, подобная той, которой удостоился Конфуцій. Не безъ борьбы однако утверждалось Христіанство въ Китаѣ. Въ концѣ VII и началѣ VIII вѣка императрица изъ рода Ву, опираясь на Буддизмъ, произвела дворцовую революцію и перенесла столицу изъ Си-нань-фу въ буддофильскій Ло-янь, что̀, конечно, доказываетъ, какъ сильно было въ Си-нань-фу распространено Христіанство, если становилось невозможнымъ пребываніе въ этомъ городѣ враждебнаго Христіанству правительства. Но черезъ 15 лѣтъ „Пресвѣтлое Ученіе“ было возстановлено, храмы обновлены, и въ самомъ дворцѣ совершалось богослуженіе; изображенія же императоровъ Таньской династіи внесены были въ храмы.

---

*) Или Персидскій (Po-sse-sse), по описанію Си-нань-фу 1070 года

Наибольшей силы и распространенія достигло Христіанство (а съ нимъ и благодаря ему, Китайская имперія достигла наибольшаго могущества и процвѣтанія) при императорахъ Су-цунь, Тай-цунь и Кіенъ-Чунъ. Тогда-то и былъ воздвигнутъ памятникъ въ Си-нань-фу, сохранившій намъ исторію Христіанства въ Небесной имперіи. На памятникѣ изображалось наступленіе ея Золотого Вѣка, что̀ вполнѣ подтверждается и Китайскими лѣтописями. „Династія Тань (ссылаемся на Huc, Le christianisme en Chine. 1857, t. I p. 69 s.) была знаменитѣйшею и славнѣйшею изъ всѣхъ, правившихъ Китаемъ... Она представляетъ длинный рядъ выдающихся государей, поднявшихъ Китай до высшей степени когда-либо пережитаго имъ просвѣщенія. Ни въ одну эпоху науки и искусства не сіяли столь яркимъ блескомъ... И этотъ же періодъ Китайской исторіи особенно замѣчателенъ многочисленными сношеніями Китайцевъ съ иноземными народами“, и по свидѣтельству надписи въ въ Си-нань-фу, „Царство“ въ эту пору „стало богатымъ, великимъ, прекраснымъ... семьи въ пресвѣтлой вѣрѣ обильно блаженствовали“. И, что̀ всего замѣчательнѣе, народное сознаніе, выразившееся въ надписи, опредѣленно ставитъ этотъ внѣшній ростъ имперіи и успѣхи ея внутренняго благосостоянія въ связь съ высокимъ нравственнымъ подъемомъ, вызваннымъ переходомъ къ „Пресвѣтлой Вѣрѣ“. „Управились семьи и царства великимъ ученіемъ“, говоритъ надпись; „чистый догматъ Троическаго Единства возбудилъ добрые нравы истинною вѣрою... Законъ встрѣтилъ согласіе въ жизни... Поддержалась доброта, и явились счастіе и блаженство“. Распространители этого ученія, императоры, стали „воплощеніемъ добродѣтелей“; они „расширяли дѣятельность святыхъ, преодолѣвали вредныя вліянія, достигали вершинъ разумности и смиренія, въ величайшемъ милосердіи творя другимъ, какъ самимъ себѣ, и помогая всѣмъ удрученнымъ“. Заканчивая характеристику благодѣтельнаго нравственнаго переворота, вызваннаго Христіанствомъ, списатели надписи восклицаютъ: „у лучшихъ послѣдователей Будды никогда не слыхано о такомъ добрѣ!“, такъ что, казалось, только одни естественныя, стихійныя бѣдствія нарушали благоденствіе народа. Вотъ почему въ надписи глубокомысленно высказывается желаніе преодолѣть и эту конечную причину человѣческихъ бѣдствій. „Если бы возможно было“, говоритъ она, „дождю и вѣтрамъ приходить въ пору, поднебесная покоилась бы“, и сама „природа могла бы быть (стать) чистою; живые могли бы преизобиловать, мертвые блаженствовать, если бы люди направляли себя по разуму (въ разумъ истинный пришли), то-есть, по смыслу предыдущаго, если бы они направляли свои силы на разумное руководство слѣпыми силами природы. Требуя, чтобы „душевныя движенія“ не ограничивались однимъ внутреннимъ міромъ, но и „вырывались наружу“, чтобы сама „жизнь стала отраженіемъ душевныхъ движеній“, лѣтопись Христіанства въ Китаѣ считаетъ „долгомъ послѣдователей „Пресвѣтлой Вѣры“ это усиленное стараніе осуществлять ея благія ученія“.

Какой же урокъ эта забытая, свѣтлая страница исторіи Китая преподаетъ и ему въ настоящую мрачную пору его жизни, и Западу? Теперь, когда

въ Китаѣ такъ возбуждена страшная ненависть къ Христіанству, нужно отказаться отъ одиночныхъ обращеній въ него, и даже говорить о введеніи въ Китай Христіанства, какъ чего-то новаго, было бы исторически невѣрно; можно только говорить и заботиться о возстановленіи того, что̀ уже было, о возстановленіи старины для Китая, столь уважающаго старину, и при томъ столь славной для него старины. Но если бы и не существовало современной ненависти Китайцевъ къ Христіанству, то и тогда общее обращеніе было бы предпочтительнѣе обращеній одиночныхъ, особенно маловліятельныхъ именно въ Китаѣ. Когда корабль гибнетъ и спасти его уже совершенно невозможно, тогда только позволительны одиночныя спасенія; здѣсь же мы еще не находимся въ такомъ отчаянномъ положеніи. Въ Китаѣ, гдѣ за преступленіе одного наказываются и родственники преступника, а за доблести сыновъ награда переносится даже на предковъ ихъ, возможно ли выдѣленіе единицъ изъ цѣлаго, спасеніе немногихъ при разобщеніи ихъ съ ихъ же близкими? Не думаемъ (какъ бы это смѣло ни казалось), что общее обращеніе встрѣтило бы непреодолимыя препятствія, если бы оно велось правильно. Такое обращеніе, общее, было бы не противнымъ Китайцу новшествомъ, а возстановленіемъ для него старины. Китаю, конечно, было бы желательно возстановленіе той именно старины, когда онъ былъ первымъ въ мірѣ государствомъ; а это-то время и неотдѣлимо въ его исторіи отъ Христіанства, отъ Христіанства Сирійскаго, съ которымъ и мы, Русскіе, теперь сблизились. Поэтому, вмѣсто одиночныхъ обращеній, мы должны бы заводить въ городахъ и селахъ Китайскихъ музеи-школы и при нихъ уже храмы: ибо чрезъ музеи и школы, столь любимые Китайцами, возвращались бы, совершенно въ ихъ духѣ, сердца и умы сыновъ отцамъ, вполнѣ согласно съ началами Китайской мудрости, семейной и государственной, тогда какъ одиночное обращеніе отчуждаетъ сыновъ отъ отцовъ. Миссіонеру въ Китаѣ необходимо сдѣлаться историкомъ и археологомъ, чтобы успѣшно обращать Китайцевъ въ Христіанство. При музеѣ, то-есть храмѣ предковъ, столь чтимыхъ Китайцами, должно и можно воздвигнуть храмъ Богу всѣхъ отцовъ, тѣмъ болѣе, что такіе храмы, какъ видно изъ предыдущаго, уже существовали въ Небесной Имперіи. Нынѣшнее же Христіанство въ томъ видѣ, какъ оно вводилось Западными „просвѣтителями“ Китая, можетъ обращать въ свою сторону лишь бродягъ, лишенныхъ отцовъ, создавая изъ нихъ враждебную для самого Китая силу. Конечно, музеи не должны ограничиваться изученіемъ лишь жизни умершихъ отцовъ, но должны присоединять къ этому изученіе и самой смертоносной силы природы, порождающей общія и общественныя бѣдствія: только изученіемъ бурной, грозовой силы, согласно съ воззрѣніями самихъ Китайцевъ, выраженными въ надписи въ Си-нань-фу, „поднебесная можетъ быть приведена къ покою“, то-есть къ правильному ходу, подающему своевременно дождь и ведро, а съ ними и основныя условія общаго благоденствія страны земледѣльческой по преимуществу, да и всякой страны.

Въ заповѣди: „Шедше, научите, крестяще, всѣ народы“ говорится о народахъ, а не объ отдѣльныхъ лицахъ. Обращеніе Китайскаго и Русскаго

народовъ можетъ въ этомъ случаѣ служить образцомъ: и Владиміръ, и Тай-сунь прежде всего на самихъ себѣ доказали благодѣтельное воздѣйствіе Христіанства. Тай-сунь, подчинивши почти всѣ провинціи Китая, провозгласилъ императоромъ, однако, не себя, а своего отца и „вызвалъ этимъ удивленіе и восторгъ всего народа", который именно въ этомъ поступкѣ, увидалъ наиболѣе убѣдительный поводъ къ принятію Христіанства. Для Европы величіе этого подвига смиренномудрой сыновней любви и восторгъ этотъ, вызванный въ народѣ, конечно, непонятны: но такимъ непониманіемъ Европа только доказываетъ свою собственную нравственную ограниченность.

Быть-можетъ, Китай, какъ и Кіевская Русь, былъ крещенъ безъ предварительнаго оглашенія, убѣжденный, какъ и наши предки, не разсужденіями о вѣрѣ, а ея великими нравственными доказательствами. Тай-сунь, „превзошедшій справедливостью всѣхъ людей", и Владиміръ, распустившій по принятіи Христіанства гаремъ и боявшійся казнить даже разбойниковъ, не могли не привлечь своихъ народовъ къ ученію, являвшему на глазахъ у всѣхъ такія нравственныя чудеса. Тай-сунь и Владиміръ такимъ образомъ становятся воспріемниками народа, обязавшимися научить новообращенныхъ, то-есть ввести всеобщее обязательное образованіе. Такое образованіе или присоединеніе къ музеямъ-школамъ храмовъ привело бы къ обращенію въ дѣйствительное Христіанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ образовало бы и внутреннее соединеніе двухъ великихъ континентальныхъ царствъ.

Два мирныхъ земледѣльческихъ народа, защищаясь отъ кочевниковъ одинъ (Китай) каменнымъ валомъ, а другой (Россія) земляными валами, постепенно приближались другъ къ другу, расширяя область мира. Имъ-то и обязанъ весь міръ, и въ особенности Западная Европа, прекращеніемъ нашествія Монголовъ и вообще дикихъ кочевниковъ. Такимъ образомъ кочевой бытъ породилъ Исламизмъ и газаватизмъ, также, какъ промышленно-торговый бытъ, то-есть индустріализмъ, породилъ милитаризмъ; два же континентальныхъ земледѣльческихъ, сельскихъ царства, по самой природѣ своей Христіане (крестьяне) и носители мира. Очевидно, слѣдовательно, по справедливому замѣчанію Венюкова, что невозможность разрушительныхъ Монгольскихъ погромовъ всецѣло зависитъ отъ существованія двухъ имперій, Русской и Китайской. Союзникомъ же кочевниковъ и врагомъ обѣихъ континентальныхъ державъ былъ и есть океаническій Западъ. Иранъ, изначала исторіи боровшійся съ Тураномъ, уже въ лицѣ Дарія понялъ, что побѣда надъ Тураномъ невозможна, пока онъ не будетъ обложенъ съ Сѣвера. Но достойный преемникъ Кира не могъ совершить этого дѣла умиротворенія степи, не подвергаясь опасности со стороны Грековъ. Вмѣсто борьбы съ Тураномъ, онъ поэтому былъ вынужденъ къ войнѣ съ вольнолюбивыми Эллинами, поклонниками розни, точно также, какъ ново-Персидское царство встрѣтило врага въ Римлянахъ, и потому, въ свою очередь, было отвлечено отъ своего миротворнаго дѣла. Россія, продолжавшая дѣло Ирана въ борьбѣ съ Тураномъ, не могла осуществить той же задачи также благодаря вѣчной враждѣ къ себѣ Запада, вѣрнаго союзника кочевниковъ. (Временнымъ ис-

ключеніемъ въ этой политикѣ были со стороны Запада крестовые походы; но за ними опять послѣдовали союзы Ольгерда съ Мамаемъ, Казимира съ Ахметомъ, а позднѣе—всего Запада съ Турками). Надо быть совершенно слѣпымъ, чтобы не видѣть, что если Панмонголизмъ и возможенъ, то онъ будетъ созданіемъ Западной Европы. Панмонголизмъ, вооруженный и обученный Европейцами, это тѣ „триста милліоновъ друзей", которыхъ нашелъ на Востокѣ поклонникъ „рыцаря Саладина", рыцарь Вильгельмъ. Этому-то творцу Панмонголизма и пропѣлъ свою лебединую хвалебную пѣснь Вл. Соловьевъ, столь страшившійся призрака Панмонголизма, но, очевидно, не понимавшій, гдѣ его поддержка и въ чемъ его сила. Но тоже непониманіе истинной опасности свойственно и всему Западу; раздавивъ рукою Монголовъ Россію, Западная Европа увидала бы у себя Атиллу Второго, который, подобно Вильгельму II, пощады плѣннымъ давать не будетъ. Вотъ къ чему можетъ привести прискорбная усобица въ самомъ Арійскомъ племени!.. Тогда только, когда наступитъ эта катастрофа, Западъ пойметъ, что со взятіемъ Исламомъ Царяграда крестовые походы не кончились. Кругосвѣтныя открытія, колонизація и сопровождавшія ее войны были лишь обходными движеніями въ тылъ Ислама, послѣ того, какъ прямыя, фронтальныя атаки (крестовые походы) оказались неудачными. Наоборотъ, если бы сталъ возможенъ искренній союзъ между Германо-Британіей и Россіею, то-есть помирись онъ на Памирѣ, Исламъ и кочевники по всей полосѣ степей и пустынь, отъ Западнаго океана до Восточнаго, оказались бы оцѣпленными христіанскимъ кольцомъ и вынуждены были бы положить оружіе, если нельзя его употребить на спасеніе отъ неурожаевъ и повальныхъ болѣзней, отъ которыхъ столь часто и сильно страдаютъ и Индія, и Россія.

Объединеніе для борьбы съ неразумною силою природы[1]), могло бы привести ко всеобщему умиротворенію, къ которому призывалъ нашъ циркуляръ 12 Августа, исполненный увѣренности, что въ войнахъ нѣтъ безусловной, фатальной необходимости, и что зависятъ они отъ грѣха розни, грѣха противъ Св. Троицы.

Проникаясь этимъ же убѣжденіемъ, закончимъ статью нашу молитвою, сохранившеюся у Сиро-Халдейцевъ и, по всему вѣроятію, читавшуюся и у Китайцевъ, принявшихъ отъ нихъ „Пресвѣтлую Вѣру". Умилительная и величавая молитва эта читается въ „Среду общественнаго моленія Ниневитянъ": но, вмѣсто спасенія однихъ Ниневитянъ, въ ней говорится о спасеніи всего міра: „Испрашиваемъ также Твоего милосердія для всѣхъ нашихъ враговъ и всѣхъ ненавидящихъ насъ, для всѣхъ умышляющихъ зло противъ насъ. Не о судѣ или мщеніи молимъ Тебя, Господи, всемогущій Боже, но о сострадніи, и спасеніи, и отпущеніи всѣхъ грѣховъ: ибо Ты хочешь всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истинный пріити" [2]).

---

[1]) См. статью „Разоруженіе или какъ обратить орудіе войны въ орудіе спасенія отъ голода" и пр., появившуюся въ „Новомъ Времени" въ годъ циркуляра 12 Августа.

[2]) Католикосъ Востока и его народъ. Очерки церковно-религіозной и бытовой жизни Сиро-Халдейцевъ. Спб. 1898, 42—43.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ ВЪ ЮЖНОЙ БЕССАРАБІИ.

...Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами".
(Пушкинъ, 1826).

Пожелавъ принять личное участіе въ начавшейся въ 1828 году войнѣ съ Турціей, императоръ Николай Павловичъ «23 дня сряду (съ 4 по 27 Мая) имѣлъ свою главную квартиру въ Южной Бессарабіи, служившей операціоннымъ базисомъ.

Ступивъ на почву Бессарабіи въ Бендерахъ, 6-го Мая, императоръ Николай по пути къ Браилову направился въ Вадулуйисаки на Прутѣ. «Мы задыхались отъ жары, говоритъ одинъ изъ спутниковъ государя, не смотря на то, что было только 7-е Мая. Государь ступилъ на Турецкую землю, при ярко сіявшемъ солнцѣ и безъ всякаго конвоя». Со времени Петра Великаго, императоръ Николай былъ первый изъ Русскихъ монарховъ, вступившій на Оттоманскую территорію. На обратномъ пути изъ Браиловскаго лагеря, въ Вадулуйисакахъ, государь вышелъ изъ коляски и, желая показать собою примѣръ исполненія законовъ, подвергся окуриванію и дезинфекціи, установленной для прибывающихъ изъ княжествъ. 14-го Мая государь прибылъ въ Бендеры, гдѣ встрѣтился съ императрицей Александрою Ѳеодоровной, и на другой день ихъ величества вмѣстѣ продолжали путь въ Одессу. Ночью съ 17-го на 18-е Мая государь отправился изъ Одессы прямо въ Измаилъ, гдѣ «находилась и вся главная квартира государя, и разные запасы для арміи, и часть флотилій: нашей и Запорожскихъ казаковъ, покинувшихъ незадолго передъ симъ Турецкія владѣнія (правый берегъ устьевъ Дуная), чтобы возвратиться въ нѣдра своего отечества». По прибытіи въ Измаилъ, императоръ Николай, 19-го Мая осмотрѣвъ въ карантинѣ Запорожцевъ, простилъ имъ все прошедшее и пожаловалъ кошевому Осипу Гладкому золотую медаль съ своимъ изображеніемъ. «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю. Я знаю, что̀ вы за люди», сказалъ государь кошевому; и затѣмъ по-

вторилъ всему составу Сѣчи. Осмотрѣвъ Измаильскія укрѣпленія (комендантъ С. А. Тучковъ) и флотилію, государь отправился въ Болградъ, гдѣ былъ сосредоточенъ 3-й корпусъ генерала Рудзевича. За государемъ послѣдовала и его главная квартира. Въ Болградѣ государь произвелъ «смотръ войскамъ, шедшимъ за рѣку Дунай, 21-го Мая 1828 года», а также «слушалъ литургію» въ военно-походной церкви. «Парадъ происходилъ 20-го Мая (1-го Іюня), на равнинѣ между городомъ и лагеремъ. Войска представились въ великолѣпномъ видѣ, и государь остался ими вполнѣ довольнымъ. Вечеромъ происходила заря съ церемоніею» [1]). Изъ лагеря подъ Болградомъ императоръ Николай, въ сопровожденіи графа Дибича и генерала Рудзевича, отправился въ Сатуново. Между тѣмъ впереди Сатунова, на мѣстѣ предназначенномъ для переправы черезъ Дунай, кипѣла работа по устройству исполинской плотины, на протяженіи болѣе 5 верстъ, по случаю «безпримѣрнаго» разлитія Дуная. «На эту работу высылали 2000 нижнихъ чиновъ и до 2000 обывателей». Плотина была окончена 25 Мая, «сдѣлалась отличной вербовою рощицею» и по высочайшей волѣ поддерживается съ особымъ стараніемъ. За этотъ подвигъ колонисты Паццо Калаянъ изъ Сатунова и Михайло Павловичъ Сербиновъ изъ (бывшей) колоніи Этюліи удостоились высочайшаго благоволенія и серебряныхъ медалей на Аннинской лентѣ (въ Іюлѣ 1828 г.). 27 Мая совершилась переправа Русскихъ войскъ черезъ Дунай подъ личнымъ наблюденіемъ императора Николая, который на слѣдующій день и самъ отправился на Турецкую территорію [2]).

Путь императора Николая изъ Измаила въ Болградъ, конечно, шелъ черезъ Болгарское село Чишмаварцитъ: доселѣ обычная дорога. Войска, предназначенныя для перехода за Дунай, были сосредоточены въ Болградѣ, какъ центральномъ пунктѣ Южной Бессарабіи, въ которомъ находилось и управленіе Болгарскими колоніями: отсюда откладывается почти равное разстояніе (верстъ по 40) въ Измаилъ, Вадулуйисаки, Сатуново [3]). Въ Болградѣ же «Болгаре желая увѣковѣчить память о пребываніи между ними возлюбленнаго монарха, воз-

---

[1]) Между прочимъ, 21-е Мая было днемъ тезоименитства Константина Павловича, которому государь, еще предъ выѣздомъ изъ Петербурга, послалъ свое прочувствованное поздравленіе.

[2]) А. Скальковскій, Болгарскія колоніи, 1848 г., стр. 43, 57, 68. Императоръ Николай въ 1828—1829 гг. (Изъ Записокъ графа А. Х. Бенкендорфа). Сообщ. Н. К. Шильдеръ („Р. Стар." Іюнь 1896 г.).—Его же: Императоръ Николай I и Восточный вопросъ („Р. Стар." Ноябрь 1900, Январь 1901).

[3]) Тогда „попечителемъ" въ Болградѣ былъ кол. сов. Мердеръ, родной братъ лично извѣстнаго государю Карла Карловича Мердера, воспитателя 10-лѣтняго Александра Николаевича.

двигли два обелиска: одинъ на томъ мѣстѣ, съ коего государь императоръ дѣлалъ смотръ войскамъ, шедшимъ за рѣку Дунай 21 Мая 1828 года; другой на мѣстѣ, гдѣ е. и. в. слушалъ Божественную литургію предъ выступленіемъ въ походъ своей побѣдоносной арміи. Оба эти памятника сооружены въ 1838 году по совѣту и даннымъ отъ Буткова рисункамъ, Болградскимъ колонистомъ Ангеломъ Николаевымъ Сарабеевымъ, который награжденъ за то серебряною медалью на Аннинской лентѣ для ношенія на шеѣ» (31 Мая 1843 г.). Эти скромные памятники находятся на равнинѣ между городомъ и сосѣднею балкою «Мынза», близъ православнаго кладбища, и тщательно поддерживаются. Первый памятникъ, въ видѣ не большой колонны со шпилемъ наверху, расположенъ на возвышенной части равнины, по дорогѣ въ с. Каракуртъ, и обнесенъ почти квадратнымъ окопомъ. Другой меньшій памятникъ, въ видѣ престола съ чугуннымъ крестомъ, находится по дорогѣ въ Измаилъ, по ту сторону православнаго кладбища, среди такъ называемыхъ плантацій, гдѣ, вѣроятно, помѣщался и лагерь. На вставленныхъ въ нихъ мраморныхъ дощечкахъ находятся слѣдующія надписи, кой-гдѣ уже сглаживаемыя временемъ.

Надпись на колоннѣ: «Государь императоръ Всероссійскій Николай I, въ присутствіи посланниковъ иностранныхъ державъ, съ сего пункта изволилъ дѣлать смотръ Всероссійскимъ войскамъ, шедшимъ за рѣку Дунай 21 го Мая 1828 года. Сооруженъ иждивеніемъ Болградскаго колониста Ангела Николаева Сарабеева въ 1838-мъ году».

Надпись на меньшемъ памятникѣ: «На семъ мѣстѣ была походная церковь императора всероссійскаго, гдѣ его величество слушалъ литургію во время похода за рѣку Дунай, въ 1828-мъ году. Сооруженъ иждивеніемъ Болградскаго колониста Ангела Николаева Сарабеева, въ 1838-мъ году».

На этомъ же историческомъ полѣ находятся два земляныхъ вала: одинъ надъ оврагомъ (т. н. «рипа»), нынѣ отдѣляющимъ поле отъ города, другой вблизи Еврейскаго кладбища. По словамъ старожиловъ, валы эти относятся къ 50-мъ годамъ и предназначались для стрѣльбы.

По соображенію мѣстности, путь императора Николая изъ Болграда въ Сатуново долженъ былъ проходить по правой возвышенной сторонѣ озера Ялпуха (древн. Thiagda L.), черезъ Гагаузскія села Курчи, Инпуцита, Болбока и Молдаванскія села Барта, Сатуново.

Позволимъ себѣ привести здѣсь личныя впечатлѣнія изъ поѣздки въ Сатуново въ началѣ Іюня прошлаго года.

Сатуново—поселеніе XVIII ст. (Молдавское названіе котораго, какъ и Турецкое Ени-кіой, означаетъ «новое мѣсто») пріобрѣло извѣстность, какъ главная квартира императора Николая Павловича, лично наблюдавшаго за переправою Русскихъ войскъ въ 1828 году. Близость Дунайскихъ плавней, между прочимъ, сказывается здѣсь въ преобладаніи камышовыхъ изгородей, а также въ обиліи комаровъ, всю ночь жужжавшихъ въ Молдаванской «касѣ» (хатѣ).

На зарѣ мы проѣзжаемъ въ виду оз. Кугурлуя и небольшого оз. Дербента, среди роскошныхъ полей ржи, пшеницы, по дорогѣ, отчасти обсаженной деревьями, въ окопахъ которой краснѣетъ полевой макъ, цвѣтутъ безсмертники, и останавливаемся въ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ Сатунова. Между прочимъ, подлѣ монастыря, вправо отъ дороги, находится т. н. «батарея», вѣроятно, остатокъ вала (въ послѣднее время въ этомъ валу была устроена печь для обжиганія добываемаго въ плавняхъ известковаго камня).

Сатуновскій или Ѳерапонтіевъ монастырь расположенъ на берегу Плавни и состоитъ изъ небольшой каменной церкви съ отдѣльною колокольнею, а также и изъ четырехъ каменныхъ построекъ, называемыхъ корпусами, съ сараями и службами во дворѣ. Церковь во имя св. Ѳерапонта (27 Мая) имѣетъ форму Греческаго креста, съ продолговатыми окнами и розетами по сторонамъ, и увѣнчана, такъ назыв. барабаномъ съ крестомъ наверху; внутри небольшой темный иконостасъ, хоры. Между прочимъ, съ внутренней стороны барабана синею краскою обозначено пять круглыхъ отверстій, изъ которыхъ два съ противоположной стороны—слѣды Турецкихъ бомбъ во время войны 1877—1878 гг. (бомбы эти сохраняются въ притворѣ церкви). Большой колоколъ имѣетъ 25 пуд. вѣсу, надпись неразборчива. Церковь построена по волѣ и на собственное иждивеніе императора Николая Павловича, который для этой церкви изволилъ пожаловать изъ Кабинета утварь, назначилъ особый, на казенномъ содержаніи, церковный причтъ и нѣсколько инвалидовъ для прислуги, коимъ колонія отмежевала подъ огороды 90 дес. хорошей земли (А. Скальковскій). Говорятъ, церковь построена на томъ мѣстѣ, откуда государь, окруженный свитою, наблюдалъ за ходомъ переправы и куда упало непріятельское ядро, не причинивъ никому вреда. Съ 1881 г. монастырь приписанъ къ епископальному дому въ Измаилѣ. Въ настоящее время причтъ состоитъ изъ одного іеромонаха и двухъ послушниковъ, вмѣстѣ съ рабочими всего человѣкъ восемь, для содержанія которыхъ отдѣлено 11 дес. земли, а остальная земля сдается въ аренду. Церковь кой-гдѣ да-

ла трещины и стянута извнутри желѣзными болтами, постройки тоже довольно запущены, объ инвалидахъ нѣтъ и помину.

По сторонамъ монастыря раскинулись широкія плавни, въ которыхъ слились воды сосѣднихъ озеръ, въ томъ числѣ и оз. Картала, и выдѣляются только кошары для овецъ, мостики и т. п. На двухъ монастырскихъ лодкахъ направляемся къ виднѣющемуся на берегу памятнику. На протяженіи болѣе двухъ верстъ мы плывемъ, то по свѣтлымъ полоскамъ быстрыхъ и глубокихъ «éриковъ» (протоковъ), то по темнымъ полосамъ мелкихъ гребней, у зеленыхъ стѣнъ камыша, «пáпора», среди плавающихъ бѣлыхъ водяныхъ лилій; въ сторонѣ виднѣются стаи дикихъ утокъ, гусей, бабъ-птицъ. Наконецъ, высаживаемся на плотинѣ у памятника.

Памятникъ представляетъ собою массивный чугунный обелискъ на постаментѣ съ кубическимъ основаніемъ. Фундаментомъ памятника служитъ пирамида изъ красновато-сѣраго мрамора. По угламъ обелиска четыре пушки; постаментъ украшенъ вызолоченными барельефными двухглавыми орлами. Со стороны обращенной къ Дунаю, читаемъ слѣдующую надпись золотыми буквами:

«Здѣсь 27 Мая 1828 года, переправился черезъ рѣку Дунай императоръ Николай I и указалъ своимъ войскамъ путь къ славѣ и побѣдамъ». Съ противоположной строны: «Сооруженъ въ 1888 году».

«Открытъ памятникъ 6 Декабря 1891 года» *).

---

*) Мысль о постановкѣ памятника принадлежитъ бывшему Одесскому генералъ-губернатору Роопу. Въ 1885 г. окружное инженерное управленіе Одесскаго военнаго округа поручило подрядчикамъ, инженеръ-технологу Платоновскому и Одесскому жителю Гайновскому, сооруженіе монумента на мѣстѣ переправы 1828 года, по модели одобренной главнымъ инженернымъ управленіемъ. Но съ самаго начала сооруженія этого памятника начался рядъ неудачъ. Отливка чугунныхъ частей монумента производилась въ Одессѣ, въ мастерскихъ общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ; но случилось такъ, что многія части приходилось переливать по нѣскольку разъ. Наконецъ, металлическія части памятника привезены были по желѣзной дорогѣ въ г. Рени и тамъ оставлены, такъ какъ подрядчики въ виду трудности перевозки чугунныхъ тяжестей съ топкаго берега на мѣсто работъ, равно какъ и работъ по устройству фундамента и установкѣ памятника, предпочли отказаться отъ подряда, потерявъ изъ залога около 4000 рубл. Тогда инженерное вѣдомство само взялось за дальнѣйшее устройство монумента и въ 1891 году съ значительными затрудненіями устроило фундаментъ и установило чугунныя тяжести на мѣстѣ. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что по мѣстнымъ условіямъ тяжести (въ 400—500 пудовъ) приходилось поднимать при помощи обыкновенныхъ блоковъ. Всѣ эти работы производились инженеръ-поручикомъ Бойко подъ наблюденіемъ инженеръ-полковника Молчанова... На поставку этого монумента по высочайшему повелѣнію ассигновано было около 15 тыс. рубл. (Н. Ширяевъ, Памятники Турецкой войны 1828—1829 гг. „Р. Стар.“ т. 79, стр. 405).

Проходимъ нѣсколько по исполинской плотинѣ, обсаженной роскошными вербами и покрытой влажною травою. Передъ нами «волны гнѣвнаго Дуная», по которымъ поднимается вверхъ большой Русскій пароходъ, а на противоположномъ берегу покрытой лѣсомъ возвышенности Добруджи, городокъ Исакча. Тутъ, на мѣстѣ, какъ-то яснѣе чувствуется геройскій подвигъ, совершенный нашими войсками 72 года тому назадъ. Но предоставимъ слово современнику-очевидцу.

... «Войска двинулись къ избранному пунктомъ переправы мѣстечку Сатунову, лежащему напротивъ маленькой Турецкой крѣпости Исакчи, чтобы тамъ выждать время, когда Дунай войдетъ въ берега. Въ Сатуновѣ мы впервыя раскинули императорскій лагерь, который самъ по себѣ походилъ на цѣлый городокъ... (Мы) принуждены были возвести плотину на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, посреди воды и въ топкомъ, илистомъ грунтѣ; на оконечности этой плотины, для охраненія ея и вмѣстѣ для расположенія батареи, долженствовавшей защитить нашу переправу, вывели валъ. Наша позиція, между гніющими камышами и среди болотъ, была совершенно подавлена господствовавшими надъ ними непріятельскими высотами, а наши лагерные огни горѣли окутанные въ туманѣ. Государь дѣятельно ускорялъ минуту переправы. Понтоны и большія барки, приготовленные для пловучаго моста, ждали у устья маленькой рѣчки сигнала къ выходу въ Дунай. По вечерамъ огни Турецкіе живописно обрисовывали позицію, занимаемую Турками, которая, будучи примкнута съ одной стороны къ крѣпости Исакчи, а съ другой къ глубокому болоту, возвышенностью своею и протяженіемъ какъ бы смѣялась надъ всѣми нашими приготовленіями. Запорожскія лодки, болѣе легкія, чѣмъ наши, пристали къ непріятельскому берегу прежде всѣхъ другихъ. Государь не дождался наведенія моста и, въ виду еще не сдавшейся и защищаемой сильнымъ гарнизономъ крѣпости, сѣлъ въ шлюпку Запорожскаго атамана (Іосифа Гладкого). Послѣдній стоялъ у руля, а двѣнадцать его казаковъ гребли. Атаманъ и казаки были въ восторгѣ отъ такого знака довѣрія» *)... Государь и второй разъ былъ въ Сатуновѣ, 24 Августа, послѣ того, какъ, вслѣдствіе бури, принужденъ былъ возвратиться съ пути въ Варну моремъ и направиться туда сухопутьемъ. «Мы пріѣхали въ Сатуново при такой же погодѣ, которая сопровождала нашъ возвратъ

*) Императоръ Николай вполнѣ призналъ заслуги, оказанныя Запорожцами въ дѣлѣ переправы, и наградилъ Гладкого чиномъ полковника и Георгіевскимъ крестомъ 4-го класса; сверхъ того, государь назначилъ ему десять знаковъ отличія военнаго ордена, для раздачи отличившимся подъ его начальствомъ казакамъ („Рус. Старина“ 1900, Ноябрь, стр. 253).

въ Одессу, и въ такую темноту, что переѣздъ черезъ плотину и мостъ надо было отложить до разсвѣта. Въ этихъ мѣстахъ, оглашавшихся при первой нашей переправѣ громомъ пушекъ и кликами двухъ сражавшихся армій, царствовало теперь глубокое безмолвіе». (Изъ Записокъ графа А. Х. Бенкендорфа).

И теперь въ этихъ мѣстахъ бо́льшею частью царствуетъ безмолвіе, нарушаемое только концертомъ лягушекъ, да жужжаніемъ безчисленной мошкары. По словамъ о. іеромонаха, монастырь рѣдко-рѣдко кѣмъ посѣщается. Можетъ быть, съ открытіемъ предполагаемаго пароходнаго сообщенія по Ялпуху, и эта мѣстность станетъ болѣе посѣщаемою [1]).

Послѣ переправы война открылась, какъ извѣстно, занятіемъ сосѣднихъ съ Болгаріею Дунайскихъ городовъ: Тульчи, напротивъ Измаила, крѣпости Исакчи, Галаца, напротивъ Рени, а еще раньше началась осада крѣпости Браилова. Названія нѣкоторыхъ поселеній Южной Бессарабіи, образовавшихся послѣ закончившаго эту войну Адріанопольскаго мира (1829 г.), между прочимъ, напоминаютъ о мѣстахъ, прославленныхъ побѣдами Русскаго оружія, а также объ императорѣ Николаѣ; таковы, напримѣръ, «Камчикъ», «Кулевча», Болгарскія села Аккерманскаго уѣзда, «Варненская», «Николаевская» улицы въ Болградѣ, «Николаевка Приморская» (Измаильскаго у.) и «Николаевка Новороссійская» (или Байрамча, Аккерманск. у.), поселенія бывшаго казачьяго войска и т. п. Живо сохраняющееся въ памяти мѣстнаго населенія время такъ-назыв. «первой Россіи» есть по преимуществу время императора Николая Павловича. Наконецъ, съ именемъ императора Николая Павловича, вообще заботившагося объ увѣковѣченіи подвиговъ Русскаго народа, связана постановка нѣкоторыхъ памятниковъ въ Южной Бессарабіи, которая, по выраженію поэта, «славой Русскою полна»: такова колонна (по народному, «столбъ») на Кагульскомъ полѣ, «Кагула памятникъ надменный», прекрасный соборъ въ Болградѣ, колокола изъ Турецкихъ орудій въ Измаилѣ, чугунная пирамида, съ глобусомъ на верху, возлѣ с. Некрасовки (вблизи Измаила) и друг. [2]).

А. П. К.

---

[1]) „Новоросс. Тел." 1900 г., № 8180.

[2]) Приводимъ надписи на вышеуказанныхъ памятникахъ, постановка которыхъ относится ко времени императора Николая Павловича. 1) „Non solum armis.—Памятникъ сей незабвенной битвы, въ которой пали навсегда свирѣпые янычары, нѣсколько столѣтій страшившіе Европу, Азію и Африку, поставленъ по велѣнію Николая I, императора и самодержца всея Россіи, при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ, и при Бессарабскомъ военномъ губернаторѣ Ѳедоровѣ" (съ сѣверной

стороны).—„1770 года Іюля 21 дня графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ на семъ мѣстѣ съ семнадцатью тысячъ Русскихъ воиновъ разбилъ сто-пятьдесятъ-тысячную армію Турецкую, подъ начальствомъ верховнаго визиря Халилъ-паши“ (съ южной стороны). 2) „Вблизи сего мѣста, 21 Іюля 1770 г., въ день Кагульской битвы, подполковникъ графъ Семенъ Воронцовъ, ведя сводный гренадерскій батальонъ, изъ полковъ 1-го и 3-го гренадерскихъ составленный, первый вступилъ въ Турецкій ретраншементъ“ (съ одной стороны). „Semper immota fides“ (надпись въ гербѣ). „Памятникъ сей обожаемому родителю поставилъ благодарный сынъ, Новороссійскій и Бессарабскій губернаторъ, графъ Михаилъ Воронцовъ, 1845 года“ (съ сѣверной стороны). 3) „Въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя императора Николая Павловича, всея Россіи, сооруженъ храмъ сей иждивеніемъ всѣхъ обществъ Задунайскихъ переселенцевъ, въ память выхода ихъ изъ Турецкаго владѣнія подъ Россійскую державу, и освященъ преосвященнымъ Димитріемъ, архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ, и кавалеромъ, въ теченіе 15-го, 16-го и 17-го числъ мѣсяца Октября 1838 г.“.—4) „Архангелъ Михаилъ. Имени ходатая милости царевой, Новороссійскаго генералъ-губернатора, графа Михаила Сергѣевича (?) Воронцова, церковь посвящаетъ сей звучный памятникъ. 1838 года, Іюня мѣсяца 25 числа, отлитъ сей колоколъ, вѣсомъ до 400 пуд. Государь императоръ Николай Первый подарилъ изъ завоеванныхъ у Турковъ орудій на колоколъ для Измаильской Крестовоздвиженской церкви“. „Св. апостолъ Павелъ. Изображенное на семъ имя содѣйствовавшаго къ исходатайству орудій на колоколъ Бессарабскаго военнаго губернатора, Павла Ивановича Ѳедорова, церковь почтитъ всегдашнею памятью. Вѣсъ 215 пуд.“. „Въ память протоіерея Іосифа Михайлова, за открытіе возможности просить о пожалованіи въ Турецкихъ орудіяхъ мѣди на колокола. 51 пудъ 22 ф.“.—5) „Южный предѣлъ дуги меридіана 25° 20′ отъ рѣки Дуная до океана Ледовитаго, чрезъ Россію, Швецію и Норвегію, по повелѣнію августѣйшихъ монарховъ, императоровъ Александра I, Николая I и короля Оскара I. Постоянно трудясь съ 1816 по 1852 г., измѣрили геометры трехъ народовъ. Широта 45 20′, 28″“. (Сѣверная оконечность этой дуги находится у г. Гаммерфеста, въ Норвегіи).

ГРАФИНЯ А. Д. БЛУДОВА

въ письмахъ ея къ профессору В. Д. Кудрявцеву.

Въ предпослѣднемъ изъ вышедшихъ, четырнадцатомъ, томѣ книги г. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», обильномъ обширными извлеченіями изъ писемъ разныхъ лицъ (Грановскаго, Кавелина, Киреевскаго, Аксаковыхъ, Хомякова, князя Вяземскаго и др.), составляющими наилучшее украшеніе книги, невольно обращають на себя вниманіе выписки изъ писемъ графини А. Д. Блудовой. На насъ, по крайней мѣрѣ, они особенно произвели впечатлѣніе, какъ выдающіяся изъ числа другихъ своею искренностью и откровенностью въ сужденіяхъ о дѣятельности М. П. Погодина. Въ 1855 году, въ тяжелую годину постигшихъ Россію бѣдъ, императоръ Александръ II первый разъ пріѣхалъ въ Москву, и по сему случаю Погодинъ напечаталъ «восторженное слово», начинавшееся такъ: «*Вотъ онъ*, нашъ добрый, благодушный, милостивый, *вотъ онъ*, нашъ первенецъ, *вотъ онъ*, смиренный цесаревичъ... *Вотъ онъ*, нашъ новый царь»...

Со всѣхъ сторонъ Погодинъ получалъ похвалы за это «слово»; а гр. Блудова писала ему, что въ Петербургѣ нѣкоторые находятъ это *вотъ онъ*, *вотъ онъ* слишкомъ дифирамбическимъ, и что она сама «не любитъ этотъ тонъ въ прозѣ», и затѣмъ написала ему вотъ какой «упрекъ»: «Зачѣмъ вы говорили Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой: ««Зачѣмъ пріѣхали они въ Москву? Сидѣли бы дома, да плакали!»» Что же это за капризы, г. Погодинъ? Пишете сюда: ««Что же не ѣдетъ Царь? Зачѣмъ не показывается?»» Пріѣхалъ, а вы упрекаете, что пріѣхалъ, а на другой день пишете: *Вотъ онъ*»... Тогда же императрица Марія Александровна пригласила М. П. Погодина ознакомить цесаревича и другихъ великихъ князей съ Московскими достопримѣчательностями. Погодинъ ожидалъ другого приглашенія, приглашенія быть воспитателемъ цесаревича, по примѣру Жуковскаго, и потому настоящее приглашеніе принялъ неохотно, чего даже и не старался скрыть. По сему случаю графиня Блудова писала ему: «Васъ *нарочно* назначила моло-

дая императрица показать древности Москвы дѣтямъ ея, нарочно съ дѣтьми сама пошла въ Оружейную Палату (кажется), а вы опять капризничаете и еле отвѣчаете на вопросы наслѣдника, и не стараетесь заинтересовать ребенка. Это замѣтили и мать, и окружающіе, и, воля ваша, но эти caprices de jolie femme вамъ не къ лицу, и я не вижу истиннаго патріотизма и желанія добра въ томъ, чтобъ предъ Москвичами или предъ придворными казаться сердитымъ и невѣжественнымъ съ женщиною и матерью, съ царицею Русскою... Вотъ вамъ и на вашъ счетъ *правда*, въ вашемъ вкусѣ, безъ прикрасъ» *).

Какъ ярко выступаютъ здѣсь характеры обоихъ лицъ, и того, кто писалъ, и того, кому писано письмо. Графинѣ Блудовой несомнѣнно дѣлаютъ честь та откровенность и та искренность, съ какими она говорила «правду» М. П. Погодину, когда отъ всѣхъ другихъ онъ получалъ только похвалы и одобренія.

Читая книгу г. Барсукова, я вспомнилъ, что отъ покойнаго товарища моего, В. Д. Кудрявцева, осталась у меня, въ числѣ другихъ бумагъ, небольшая пачка писемъ къ нему графини Блудовой, въ которыхъ эта примѣчательная по уму, дѣятельности и вліянію въ своемъ кругу Русская женщина, «Іоанна Славянъ и Востока» (какъ остроумно назвалъ ее князь Вяземскій), выступаетъ по преимуществу тѣми качествами своей души, которыя, кажется, мало извѣстны, является, какъ глубоко-религіозная, искренно-вѣрующая и истинно-православная христіанка. Рѣшаюсь предать гласности и эти ея письма, въ полной увѣренности, что многимъ они доставятъ интересное и даже поучительное чтеніе.

Получивъ приглашеніе читать уроки философіи покойному цесаревичу Николаю въ 1861 году и поэтому на время переѣхавъ въ Петербургъ, В. Д. Кудрявцевъ былъ принятъ въ домѣ графа Д. Н. Блудова, гдѣ собиралось избранное общество образованныхъ людей, среди котораго не только хозяйкою, но и главной собесѣдницей, была дочь его Антонина Дмитріевна. Съ этихъ поръ и началось ея знакомство съ В. Д. Кудрявцевымъ Высоко цѣня его умъ, познанія и характеръ, графиня Блудова, и по отъѣздѣ его изъ Петербурга, не прерывала съ нимъ сношеній. Каждый разъ, какъ пріѣзжала въ Москву или въ Лавру, она приглашала Виктора Дмитріевича посѣтить ее для свиданія и бесѣды; въ Лаврѣ на эти бесѣды она приглашала обыкновенно и тогдашняго ректора академіи, А. В. Горскаго, котораго весьма чтила, и иногда инспектора, архимандрита Михаила. У В. Д. Кудрявцева со-

*) *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. XIV, стр. 105 и 113.

хранилось нѣсколько такихъ пригласительныхъ записокъ графини Блудовой, большею частью безъ означенія времени, когда онѣ писаны. Такъ однажды, собираясь въ Лавру вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, она писала:

«Если Богъ дастъ, мы надѣемся пріѣхать въ Субботу въ Лавру и провести тамъ все Воскресенье до Понедѣльника. Надѣюсь, что вы будете въ Академіи и протоіерей Горскій тоже, и что мы повидаемся съ вами и въ Субботу вечеромъ, и въ Воскресенье *побольше* *) въ теченіе дня. Прошлой зимою я только мелькомъ васъ встрѣтила. До свиданія, въ Субботу, если Богъ дастъ. Антонина Блудова. Четвертокъ».

Повидавшись послѣ пріѣзда въ Субботу, графиня снова писала на другой день:

«Ожидаемъ васъ обѣдать въ 5 часовъ, по вчерашнему нашему плану, и надѣюсь, что Александръ Васильичъ будетъ тоже. А мнѣ бы хотѣлось, чтобъ батюшка познакомился тоже съ инспекторомъ вашимъ, отцомъ Михаиломъ. Нельзя ли устроить такъ, чтобъ онъ сдѣлалъ намъ удовольствіе, навѣстить батюшку въ предвечеріе (т. е. ранній вечеръ) сегодня? Не знаю, будетъ ли это вѣжливо, и принято ли просить такъ къ себѣ незнакомое духовное лицо? Вы это знаете лучше меня, я на васъ и положусь. Антонина Блудова».

Вотъ еще записка, писанная, очевидно, вскорѣ по кончинѣ цесаревича Николая.

«Не удалось мнѣ повидаться съ вами, къ моему искреннему сожалѣнію. Я такъ мало времени пробыла въ Троицѣ, что только была въ церкви и на желѣзной дорогѣ, куда посылала просить васъ зайти ко мнѣ, но васъ не нашли дома. Опять тяжелое время пережила я послѣ свиданія съ вами, и хотѣлось поговорить съ вами, потому что вѣрю—вамъ глубоко жаль нашего милаго, прекраснаго покойника.

Такъ тяжело и грустно, что и выразить нельзя!

Дай вамъ Богъ всякаго счастія, и помоги намъ всѣмъ Господь, да спаси Россію!

Усердный поклонъ А. В. Горскому. Антонина Блудова».

А въ Мартѣ 1872 г., собираясь въ Лавру, она писала:

«Я была очень нездорова эти дни и черезъ силу ѣду въ Троицкую Лавру, уже не къ обѣднѣ, а къ вечернѣ. Надѣюсь видѣть васъ у себя въ монастырской гостинницѣ сегодня послѣ канона, который читается (ли) у васъ въ Академіи? Надѣюсь повидаться и съ отцомъ ректоромъ, и съ архимандритомъ Михаиломъ. Мнѣ дорога и душепо-

*) Все напечатанное курсивомъ въ письмахъ подчеркнуто самой гр. Блудовой.

лезна бесѣда съ вашими, и такъ давно не приводилъ меня Господь въ Лавру! Антонина Блудова. Середа, 29 Марта 1872.

Собираюсь, если Богъ дастъ, назадъ въ Москву завтра, по часовому поѣзду».

Но интересны собственно письма, которыя графиня Блудова писала В. Д. Кудрявцеву изъ Петербурга, Царскаго Села, Острога и другихъ мѣстъ. Въ нихъ большею частію она дѣлала порученія отслужить молебенъ у мощей преп. Сергія за близкихъ и дорогихъ ей лицъ, преимущественно изъ царской семьи, и особенно о здравіи императрицы Маріи Александровны, которую, какъ видно, безгранично любила и чтила за ея высокія душевныя качества. И здѣсь-то именно выразилась та искренняя и горячая религіозность графини, о которой мы упомянули выше, вмѣстѣ съ непритворной сердечной преданностью ея царской семьѣ. Иногда же поводомъ къ письму служили такія событія въ государственной и общественной жизни, о которыхъ ей желательно было обмѣняться мыслями съ уважаемымъ человѣкомъ*). Такъ какъ письма большею частію не имѣютъ даты, то при печатаніи мы не надѣемся расположить ихъ въ надлежащемъ хронологическомъ по-

*) Сохранилось черновое отвѣтное письмо В. Д. Кудрявцева графинѣ Блудовой о книгѣ Ренана „Жизнь Іисуса Христа". Видно, что графиня желала знать его мнѣніе объ этомъ сочиненіи. Къ сожалѣнію, письмо писано слишкомъ поспѣшнымъ почеркомъ и съ сокращеніями, такъ что въ точности возстановить его нельзя. Вотъ, однако, общій отзывъ, сдѣланный здѣсь о книгѣ Ренана: „Она есть плодъ двухъ противоположныхъ вліяній: новой отрицательной Нѣмецкой критики Евангелія и непосредственнаго впечатлѣнія, какое оставляетъ въ душѣ чтеніе Евангелія. Отсюда и два тона, которые въ ней слышатся: отрицательный и невольно сочувственный къ лицу Іисуса Христа. Что касается до отрицательной части книги, то въ ней нѣтъ ничего новаго, что̀ бы не было высказано Нѣмецкими критиками новѣйшаго времени. Ренанъ только популяризовалъ послѣдній выводъ этой критики, отбросивъ весь ученый аппаратъ, который составляетъ опору этого вывода. Въ этомъ отношеніи книга Ренана составитъ новость только для людей, мало знакомыхъ съ движеніемъ богословскихъ наукъ. По всей вѣроятности, она не произведетъ никакого впечатлѣнія въ Германскомъ кругу ученыхъ; тамъ ее примутъ къ свѣдѣнію, но едва ли будутъ серіозно заниматься ею. О ней можно сказать тоже, что̀ сказано о другомъ сочиненіи: „Эта книга была бы очень замѣчательна, если бы явилась лѣтъ тридцать тому назадъ". Но Нѣмецкая критика холодна и безпощадна въ своей логической послѣдовательности. Признавъ недостовѣрнымъ Евангеліе, она распространила этотъ выводъ и на лицо Іисуса Христа. Не такъ у Ренана. Онъ, отвергнувъ подлинность Евангелія, старается, однакоже, возсоздать истинную личность Іисуса Христа, относится къ Нему съ чувствомъ и даже съ любовію"... Далѣе слѣдуетъ довольно подробное указаніе противорѣчій въ книгѣ Ренана.

рядкѣ. Самое раннее изъ имѣющихся у меня писано 29-го Октября 1874 года изъ Царскаго Села.

«Многоуважаемый Викторъ Дмитричъ!

Я знаю, какъ вы почитаете нашу императрицу. Прошу васъ *не разглашая*, дабы не говорили, что я сплетничаю, однако, дать мнѣ знакъ христіанской взаимности и отслужить молебенъ преподобному за *исцѣленіе болящей Маріи*. Она больна въ Лондонѣ воспаленіемъ плевы (pleurésie); есть улучшеніе, но все же не прошла болѣзнь. Она сама пожелала имѣть совѣтъ Боткина, который ѣдетъ въ Лондонъ завтра. Не могу вамъ передать, какъ у меня тяжело и смутно на душѣ, какъ сердце болѣетъ! Климатъ Лондонскій отвратительный въ это время года; дома Англійскіе сыры и холодны. Помолитесь усердно съ нами молитвою церкви, да благословитъ Господь лѣченіе, какое пропишетъ Боткинъ, и рѣшеніе, которое будетъ принято!..

Боткинъ долженъ быть въ Лондонѣ *въ Субботу*. Антонина Блудова.

Съ сей же почтой посылаю 3 рубля. Прошу заплатить за молебенъ».

Письмо отъ 21-го Октября 1875 года, изъ Острога:

«Сейчасъ только узнала я о кончинѣ Александра Васильевича, и узнала только, что онъ скончался съ 11-го на 12-е Октября. Такъ прискорбно, такъ больно! Хотя онъ очень перемѣнился въ послѣднее мое съ нимъ свиданіе, однако, я не воображала, что въ послѣдній разъ принимаю его благословеніе. Будьте добры, напишите мнѣ, какъ все это было: страдалъ ли онъ, или скоропостижно умеръ? *). Такъ много прекрасныхъ воспоминаній у меня соединяются съ его памятью. Адресуйте: *Волынской губ.*, *въ городъ Острогъ*, не забудьте—*Волынской губ.*

Здоровы ли вы, и что дѣлаетъ архимандритъ Михаилъ? Антонина Блудова».

Отъ 2-го Апрѣля 1876 года:

---

*) Сохранился писанный карандашемъ, весьма неразборчиво, отвѣтъ В. Д. Кудрявцева, съ описаніемъ хода болѣзни и обстоятельствъ кончины А. В. Горскаго. Въ началѣ говорится: „Тяжела и невознаградима утрата, понесенная нашей академіей. Съ Александромъ Васильевичемъ всѣ мы были связаны не только единствомъ занятій и службы, но и болѣе крѣпкими нравственными связями: всѣ мы ученики его, и ученики не только въ ученомъ, но и въ нравственномъ смыслѣ. Оттого-то такъ живо и такъ глубоко чувствуется его потеря; оттого и назвалъ я ее невознаградимою. О немъ можно сказать тоже, что сказалъ кто-то по случаю кончины митрополита Филарета: „его мѣсто будетъ, конечно, занято, но все-таки будетъ пусто“.

«Многоуважаемый Викторъ Дмитричъ! *).

Завтра канцлеръ, кн. Горчаковъ, выѣзжаетъ съ государемъ въ Берлинъ, куда прибудетъ и гр. Андраши. Ихъ совѣщанія будутъ такъ важны, и могутъ привести за собою такія событія, что невольно сжимается сердце. Обращаюсь къ вамъ и отцу Михаилу, прося отслужить молебенъ у раки св. Сергія 29 Апрѣля, и панихиду на могилѣ митрополита Филарета, моля Господа, предстательствомъ святыхъ угодниковъ Его, ниспослать Духа Своего на совѣщающихся, да оградитъ Господь царя нашего и Россію отъ козней, или даже безсознательныхъ, но вредныхъ вліяній союзниковъ, изъ которыхъ одинъ, по крайней мѣрѣ для своей собственной пользы, долженъ работать діаметрально въ противномъ смыслѣ интересамъ и чести Россіи.

Попросите тоже, кого слѣдуетъ, вынимать части и поминать въ теченіе недѣли или двухъ *за здравіе и благопоспѣшеніе* Александра, Александра, Николая, Емиліана, Михаила.

Надѣюсь, что вы не взыщете за мою просьбу, которая въ родѣ тѣхъ, которыя покойный митрополитъ Филаретъ всегда благодушно принималъ и исполнялъ.

Храни Богъ царя, Россію и Церковь Православную!

Съ праздникомъ поздравляю и желаю всего лучшаго. Антонина Блудова».

О томъ, что къ митрополиту Филарету обращались дѣйствительно съ просьбами, подобными изложенной въ этомъ письмѣ, что̀ дѣлалось, безъ сомнѣнія, при участіи графини Блудовой, есть неоднократныя упоминанія въ письмахъ митрополита Филарета къ Лаврскому намѣстнику, архимандриту Антонію. Такъ въ письмѣ отъ 9 Февраля 1861 г. читаемъ: «Сейчасъ получилъ я изъ Петербурга *отъ душъ благихъ*, посредствомъ телеграфа, просьбу, чтобы немедленно при мощахъ преподобнаго Сергія совершено было молебствіе о Божіемъ покровительствѣ и помощи благочестивѣйшему государю и отечеству. Потрудитесь немногимъ соборомъ, но сами съ немногими, совершить молебное пѣніе Пресвятой Троицѣ и преподобному Сергію съ акаѳистомъ. Почему это въ сіе время—не знаю. Можетъ быть, трудныя разсужденія о крестьянскомъ преобразованіи побуждаютъ особенно искать Божіей помощи. Тихо скажите и скитскимъ старцамъ, да умножатъ моленія о Православной Церкви, о православномъ царѣ и отечествѣ» (т. 4, стр. 280).

И теперь просьба графини Блудовой была исполнена въ точности, какъ видно изъ сохранившагося отвѣтнаго письма В. Д. Кудрявцева:

*) По ошибкѣ онъ названъ въ письмѣ Константиновичемъ.

«Порученіе ваше, которымъ угодно было почтить меня и о. ректора, исполнено въ точности и въ назначенный вами день. О. Михаилъ распорядился также и о томъ, чтобы въ теченіе двухъ недѣль за литургіею въ Троицкомъ соборѣ вынимаемы были части о здравіи и благопоспѣшеніи поименованныхъ вами лицъ.

Да даруетъ Господь царю нашему въ настоящихъ важныхъ и многозначительныхъ для будущаго обстоятельствахъ «мужество Давидово и мудрость Соломонову», о чемъ проситъ и Церковь въ своихъ молитвахъ. Кровь Христіанъ, проливаемая въ теченіе вѣковъ, вопіетъ къ небу объ отмщеніи. О, если бы намъ суждено было видѣть и день суда правды, и вмѣстѣ торжество, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ братьевъ нашихъ!»

Отъ 5-го Мая графиня Блудова отвѣчала:

«Усердно благодарю васъ и отца Михаила за вашу готовность исполнить мою задушевную просьбу. Да услышитъ Господь наши общія молитвы и отвратитъ гнѣвъ свой и угрожающую кару! Трудно угадать что-либо вообще о будущемъ, а нынѣ еще труднѣе, когда ложь и обманъ возстали снова противъ Россіи и ея единоплеменниковъ. Помоги намъ Богъ!

Еще разъ отъ души благодарю. Антонина Блудова.

При семъ 3 руб. въ кружку».

Письмо отъ 13 Марта 1877 года, изъ Петербурга:

«Я телеграфировала вамъ вчера, многоуважаемый Викторъ Дмитричъ [1]) о просьбѣ вынуть часть *за здравіе Сергія* и отслужить молебенъ. Прилагаю при семъ 4 р. на молебенъ, и на просфору, и свѣчу, и прошу васъ простить, если телеграмма пришла, можетъ быть, ночью. Во дворцѣ у насъ не любятъ, чтобы раструбили о чьей-нибудь болѣзни, а я, по Русскому обычаю, прибѣгаю къ заступленію святыхъ угодниковъ Божіихъ, и такъ, не означая кто, написала только имя болящаго, а теперь, между нами, скажу, что *в. к. Сергій Александровичъ боленъ катарромъ* [2]), и хотя не опасно, но все же лучше къ Богу и Его святымъ прибѣгающимъ. Мысленно переношусь въ малую Лавру и съ вами молюсь у мощей преподобнаго. Антонина Блудова».

Слѣдующее письмо, писанное изъ Острога и помѣченное 3 Іюня, какъ видно изъ содержанія, относится къ 1878 году:

---

[1]) Опять по ошибкѣ названъ Константиновичемъ.

[2]) Болѣзнь великаго князя Сергія Александровича названа здѣсь невѣрно: Его Высочество перенесъ тогда брюшной тифъ.

«Совѣстно мнѣ очень, что я еще не благодарила васъ за ваши вѣсти о пріѣздѣ государя въ Лавру; но я скоро потомъ уѣхала изъ Петербурга, и послѣдніе дни были такъ хлопотливы, что невозможно было писать. Такъ я и не успѣла ни благодарить васъ, ни спросить, получили ли вы нашъ отчетъ за 1875 годъ, и другой отчетъ за 1876 г. Въ приложеніяхъ къ первому вы найдете и поѣздку въ Лавру, и Севастополь, и нѣсколько писемъ о Славянскихъ дѣлахъ. Посылаю ихъ вамъ на всякій случай.

«А между тѣмъ въ Лаврѣ перемѣны. Нѣтъ ли и въ Академіи? Я узнала уже очень поздно, что отецъ Антоній, намѣстникъ, скончался; но подробностей не знаю. Успокоенъ ли онъ на счетъ учрежденій подъ надзоромъ Е. С. Кротковой? Меня увѣряли въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ императрицы въ Лавру, что все было устроено по его желанію. Напишите мнѣ два слова (убѣдительно прошу) объ этомъ. Я, сколько могла, старалась уладить и была бы счастлива, если бъ старецъ спокойно на этотъ счетъ скончался *).

«Мы здѣсь живемъ въ такой глуши, что и почты нѣтъ, и посылаемъ два раза въ недѣлю *ходока* въ городъ, по обычаю предковъ, за письмами. Извѣстій выходитъ мало, но все же сердце и мысль съ государемъ и войскомъ, и у меня съ митрополитомъ Михаиломъ и Сербіей, за которую такъ любовно проливали кровь свою Русскіе люди и которую всячески хотятъ *проглотить* Мадьяро-Нѣмцы, эти Іуды Австріи! Какъ хорошъ отвѣтъ Аксакова Ригеру и какъ не хороши Стросмайеръ и его папа! И есть люди у насъ, которые воображаютъ, что вѣроисповѣданіе ничего не значитъ и не вліяетъ на народность и на политическую жизнь, готовые вѣрить возможности существованія *Русскихъ Муйшевскаго* закона! Предоставимъ всѣмъ свободу совѣсти, но будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на дальнихъ родственниковъ, а не какъ на *свою* семью, въ которой крестъ на персяхъ и икона въ почетномъ углу составляютъ святыню очага. «Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше будетъ»; а въ сердцѣ иновѣрца есть равнодушіе не-

*) Рѣчь идетъ о существующихъ при Лаврѣ благотворительныхъ учрежденіяхъ подъ именемъ „Дома Призрѣнія". Въ послѣдніе годы жизни архимандритъ Антоній былъ озабоченъ мыслію о дарованіи этимъ учрежденіямъ наиболѣе прочнаго устройства и скончался успокоенный, что его желанія будутъ непремѣнно исполнены. „Домъ Призрѣнія" получилъ дѣйствительно новый высочайше утвержденный уставъ и принятъ подъ покровительство Государыни Императрицы. Начальницею „Дома Призрѣнія" состояла тогда и состоитъ доселѣ Е. С. Кроткова, неусыпными и разумными заботами которой это благотворительное учрежденіе приведено теперь въ цвѣтущее состояніе.

помнящаго родства бродяги. Не мы въ этомъ виновны, а сила вещей и натура человѣческая. И кто искренно хочетъ съ *нами* слиться, *крестись*! Да еще погруженіемъ, а не обливаніемъ. Въ здѣшнемъ краю это такъ сильно и ясно чувствуется, и въ настоящей борьбѣ на Востокѣ чувствуется не меньше!

«Надѣюсь повидаться скоро. Антонина Блудова.

Слѣдуюнція три письма писаны, какъ надобно полагать, въ 1879 году, во время тяжкой болѣзни императрицы Маріи Александровны. Вотъ первое изъ нихъ безъ всякой даты:

«Давно, давно не писала къ вамъ. Да такимъ камнемъ на сердцѣ лежитъ тоска за болѣзнію императрицы, что право и писать и думать больно!»

«Я знаю, что вы молитесь за нее, какъ и мы здѣсь молимся, и можетъ быть этими всеобщими молитвами Россіи и поддерживается ея жизнь. Но тяжко видѣть это состояніе, и вѣра моя колеблется и падаетъ.

«Письмо это передастъ вамъ Болгаринъ Аѳанасій Дмитричъ Щоповъ, студентъ Медико-хирургической Академіи, гдѣ онъ учится серіозно и держитъ себя прекрасно. Мнѣ его рекомендовалъ горячо нашъ начальникъ кавалерійскаго гвардейскаго отряда, при которомъ онъ былъ переводчикомъ и проводникомъ во время зимняго перехода черезъ Балканы. Прежде онъ учился медицинѣ въ Константинополѣ, говоритъ бѣгло по-русски и по-французски. Ѣдетъ во время каникулъ посмотрѣть Россію и описывать ее въ Болгарскую газету.

«Будьте добры, примите его ласково и покажите ему нашу дорогую Лавру и Академію и благотворительныя учрежденія и могилу Филарета.

«Не забывайте и меня и помолитесь о насъ здѣшнихъ». Антонина Блудова».

Другое письмо помѣчено 5-мъ Генваря.

«Многоуважаемый Викторъ Дмитричъ. Желаю вамъ искренно всего лучшаго въ наступившемъ году. Прошу васъ и всѣхъ искренно вѣрующихъ и крѣпко молящихся усугубить молитвою за выздоровленіе императрицы. Ей было гораздо лучше, и думали о скоромъ ея возвращеніи; а теперь стало хуже, силы падаютъ опять и не смѣютъ предложить длиннаго переѣзда. Она томится въ *изгнаніи*, какъ она называетъ свое пребываніе за границей. Помолитесь у раки Преподобнаго за в. к. Сергія Александровича, да укрѣпитъ и вразумитъ его Господь въ его нѣжномъ и постоянномъ уходѣ за матерію. Онъ начинаетъ

упадать духомъ (говорятъ). И мнѣ кажется, что нужно для нея одно только—это общая молитва *вѣры*, вѣры непоколебимой, безпрестанной, то *подъятіе рукъ* къ Господу, которое при Моисеѣ даровало побѣду Израилю. И я все прошу у Спасителя, какъ апостолы его: «приложи намъ вѣры» и какъ отецъ болящаго отрока: «вѣрую, Господи, помози невѣрію моему». Молитесь! Молитесь молитвою крѣпкою о недугующей, даже просто «Маріи» за обѣднею. Она *невыразимо* нужна Россіи и государю. Антонина Блудова.

Третье письмо помѣчено: «11 Ноября. Царское Село».

«Многоуважаемый Викторъ Дмитричъ.

«По полученіи этого письма отслужите, пожалуйста, молебенъ *за здравіе государыни императрицы* у раки св. Сергія. Она опять очень страдаетъ и слаба, и не знаютъ, что̀ дѣлать. Молитесь усердно и просите бѣдныхъ богомолокъ молиться за нее. Одна только молитва настоящая помощь. А у насъ и не знаютъ, что она за границей больная просилась у докторовъ назадъ въ Россію, и не въ силахъ выѣхать даже покататься, не то что въ длинный путь пуститься!

Вы вѣрно отъ души помолитесь и помолятся бѣдные странники.

Помоги намъ Господь и сохрани ее намъ. Антонина Блудова.

Переписка продолжалась, и довольно дѣятельно, въ 1883 и 1884 годахъ. Такъ 14 Марта 1883 г. графиня писала:

«Зная мое искреннее уваженіе и дружбу къ вамъ, многоуважаемый Викторъ Дмитричъ, вы повѣрите, что должно было для меня быть времени очень тяжелому и здоровью моему очень дурно, если я не собралась до сихъ поръ благодарить васъ за ваше дружеское письмо 31 Декабря и Елисавету Степановну [1]) за дорогой мнѣ томъ писемъ преосвященнаго Филарета [2]). Горькая потеря моей любимой сестры и потрясеніе, полученное этимъ неожиданнымъ ударомъ, меня рѣшительно обезсилили. Во все время, $4^1/_2$ мѣсяца, я такъ хвораю и такъ слаба, что еле-еле хватаетъ силъ на необходимые дневные труды и бездѣліе, а переписка моя, можно сказать, не существуетъ.

Наконецъ, сегодня какъ-то спустила раньше ежедневныя дѣла и берусь за перо, чтобъ сказать вамъ мое запоздалое спасибо и просить васъ передать прилагаемое письмецо Елисаветѣ Степановнѣ. Но у меня голова такъ кружится и въ ней такъ шумитъ, что должна кон-

---

[1]) Кроткову.

[2]) Рѣчь идетъ, очевидно, о вышедшемъ тогда третьемъ томѣ писемъ митрополита Филарета къ лаврскому намѣстнику архимандриту Антонію.

чить. Прошу васъ помолиться за меня грѣшную, старую, больную у мощей св. Сергія, у которыхъ я такъ часто находила утѣшеніе въ скорби, исцѣленіе въ болѣзни и силы въ утомленіи сердечномъ и унынін душевномъ.

Напишите мнѣ двѣ строчки о себѣ и о милой Лаврѣ! Антонина Блудова».

Нѣсколько оправившись отъ болѣзни, графиня Блудова лѣтомъ 1883 г. предприняла поѣздку въ Кіевъ и, бывши въ Москвѣ, просила В. Д. Кудрявцева прислать ей изъ Лавры икону преподобнаго Сергія, по полученіи которой писала ему 12 Іюня:

«Отъ всей души благодарю васъ, многоуважаемый Викторъ Дмитричъ, за просфору и за икону, которая именно такая, какъ я желала. Вчера я имѣла лучшія извѣстія, а сегодня совершенно хорошія. Выздоровленіе идетъ вполнѣ удовлетворительно. Докторъ считаетъ болѣзнь совершенно исцѣленною, только слабость. Горячо благодарю Бога и св. Сергія за его заступленіе. Спасибо вамъ отъ души за ваше дружеское сочувствіе и за присланныя мнѣ просфору и икону. Она мнѣ всего дороже. Антонина Блудова.

Если Богъ (дастъ), думаю уѣхать въ Кіевъ въ Четвертокъ 16-го. Помолитесь за меня».

Письмо отъ 10 Ноября 1883 г. изъ Москвы:

«Сердечно сожалѣю, многоуважаемый Викторъ Дмитричъ, что опять не удалось мнѣ съ вами видѣться и особенно, что ваше здоровье мѣшаетъ вамъ побывать въ Москвѣ. А я по болѣзни тоже не могу и думать о поѣздкѣ въ Лавру. Надѣюсь однако, что побережетесь и здоровье возстановится скоро. Я же, хотя все очень страдаю ревматизмомъ, однако, если Богъ велитъ собраться съ силами, надѣюсь выѣхать въ Петербургъ на будущей недѣлѣ, буде можно 15-го числа. Посылаю при семъ записочку и прошу дать вынуть части *за здравіе* и на молебнѣ помянуть эти имена моихъ присныхъ, и поставить свѣчу у мощей. Прилагаю при семъ 3 рубля. А васъ прошу крѣпко помолиться. Мнѣ такъ нездоровится и душевно, и такъ же падаю духомъ, какъ слаба тѣлесно. Но надежду всю полагаю на заступленіе св. Сергія и мысленно поклоняюся предъ ракою мощей его. Дай вамъ Богъ скоро поправиться и долгіе годы еще работать о Немъ». Антонина Блудова.

Письмо отъ 3-го Сентября 1884 года.

«Простите великодушно, что обращаюсь къ вамъ съ порученіемъ объ игрушкѣ. Но у васъ самихъ дѣти [1]) и вы не откажетесь позабавить маленькаго ребенка, для котораго просятъ меня достать игрушку, которую онъ видѣлъ въ чужихъ краяхъ у одной дѣвочки: это игрушечный деревянный монастырь Троицкій, который можно разставить на полу, или на столѣ. Будьте добры, сдѣлайте мнѣ эту милость.

Еще прошу, когда будете у обѣдни или всенощной, попросите отслужить молебенъ у раки святаго Сергія или въ келліи его *за здравіе* по прилагаемой запискѣ. При семъ 3 рубля за молебенъ и свѣчи. Очень и очень буду благодарна вамъ.

Каково ваше здоровье? Что̀ дѣлается у васъ? Я все попрежнему хвораю, не могу двигаться даже, чтобъ прокатиться. Христосъ съ вами! Антонина Блудова».

Порученіе было исполнено, и вотъ что писала въ отвѣтъ графиня Блудова изъ Острога 6-го Октября 1884 года:

«Я такъ виновата предъ вами, что должна бы стыдиться, если бы вина моя была вольная. Только теперь могу написать нѣсколько словъ съ моимъ искреннимъ *спасибо* за модель Святотроицкой Лавры и вашъ дружескій трудъ въ доставленіи его. Это для дѣтей моей племянницы въ Бельгіи, куда и послѣдуетъ этотъ модель Русской исторической и церковной старины.

Я все еще слаба и больна и не могу больше писать. Еще и еще благодарю за игрушку и за письмо.

Какъ прискорбна исторія Кіевскаго юбилея! Я глубоко увѣрена, что за этой безчинствовавшей толпой стояли тѣ-же люди, которые въ Варшавѣ играли [2])...

Это *вашъ* ли Субботинъ раненъ въ Кіевѣ [3])?

Но руки отказываются. Я должна кончить. Благодарю усердно! Антонина Блудова».

---

[1]) Графиня Блудова, очевидно, не была знакома съ семейнымъ положеніемъ В. Д. Кудрявцева: дѣтей онъ не имѣлъ.

[2]) Слѣдуютъ нѣсколько словъ, которыя невозможно разобрать.

[3]) Во время безпорядковъ, происходившихъ въ Кіевѣ на университетскомъ юбилейномъ праздникѣ, былъ дѣйствительно ушибленъ камнемъ профессоръ Субботинъ; но это былъ мой однофамилецъ, я же на Кіевскомъ празднествѣ не присутствовалъ.

Письмо отъ 17-го Ноября 1884 года:

«Не допускаетъ меня Господь за грѣхи мои поклониться въ нынѣшнемъ году св. Сергію и всей святынѣ Троицкой. Ни весной, ни нынче я не въ состояніи предпринять паломничество это, столь дорогое мнѣ!

Вотъ и съ вами опять не увижусь и опять надоѣдаю вамъ просьбою. Прошу купить для меня одинъ *поясокъ шелковый тканый, узенькій, по длиннѣе*, съ молитвою: Преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ», и положить на раку во время молебна и переслать ко мнѣ сюда, помолившись по приложенному списку св. Сергію чудотворцу.

Пріѣхала я сюда больная 2 Ноября; стало нѣсколько легче, а потомъ вдругъ такъ худо опять, что и теперь (первый день нормальнаго положенія здоровья) я такъ слаба, что не знаю, буду ли въ состояніи продолжать путь мой *въ Среду*, какъ желала бы.

Простите это безпокойство и помолитесь за меня. При семъ четыре рубля на расходъ. Заранѣе благодарю.

Каково ваше-то здоровье? Вы тоже прихварываете, хотя на столько лѣтъ моложе меня. Помоги вамъ Господь! Антонина Блудова».

Это письмо напоминаетъ, что съ подобною же просьбою, можетъ быть, чрезъ посредство графини Блудовой, обращалась къ митрополиту Филарету сама государыня императрица Марія Александровна. Вотъ что̀ писалъ митрополитъ въ Лавру къ своему намѣстнику 15-го Августа 1860 года:

«Государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ угодно, чтобы препровождаемое при семъ полотенце возложено было на мощи преподобнаго Сергія и возвращено было ей для извѣстнаго ея величеству употребленія.

Можете, надѣюсь, возложить оное завтра на три часа, въ которыхъ и время литургіи, и тотчасъ возвратить ко мнѣ, чтобы я могъ, не опустя случая, возвратить оное.

Надѣюсь, что разсудите совершить и молебное пѣніе о здравіи ея величества.

«Преподобне отче Сергіе! Призри благосердіемъ на благовѣрующую душу благочестивѣйшія и даруй ей благодатную помощь» (т. IV, стр. 247).

Весьма трогательна въ высокихъ лицахъ эта чисто - Русская народная черта религіозности—имѣть исцѣленія въ болѣзни посредствомъ вещей, возлагаемыхъ на мощи святыхъ угодниковъ, съ вѣрою и упованіемъ на ихъ молитвенную помощь.

Графиня Блудова была очень обрадована, получивъ «поясокъ». 3-го Декабря 1884 года она писала:

«Отъ души благодарю васъ, многоуважаемый Викторъ Дмитричъ, за ваше письмо, доброе и утѣшительное, и за полученный нынче поясокъ съ мощей св. Сергія, который такъ утѣшительно мнѣ получить именно *сегодня* предъ исповѣдью, наканунѣ причащенія (если Богъ дастъ), такъ какъ я по обыкновенію говѣю ко дню св. Варвары мученицы. Мое здоровье все очень плохо, а силы совсѣмъ покидаютъ. Помолитесь за меня, многоуважаемый Викторъ Дмитричъ, пока я за васъ молюсь, вспоминая, столько хорошихъ дней и столько свѣтлыхъ личностей, которыхъ вмѣстѣ съ вами знала и съ которыми бесѣдовала въ прошлое время. Еще и еще благодарю васъ. Да хранитъ васъ Господь! Антонина Блудова».

Наконецъ, вотъ еще одно примѣчательное письмо, писанное неизвѣстно когда, изъ Москвы, но очевидно уже въ послѣднее время переписки:

«Многоуважаемый Викторъ Дмитричъ. Я вамъ телеграфировала мою просьбу вынуть части *за здравіе Сергія и сродниковъ*, потому что все надѣялась сама исполнить это задушевное желаніе мое; но мое здоровье и силы не дозволяютъ не только пуститься въ путь по желѣзной дорогѣ, но даже и въ Москвѣ побывать у обѣдни. Ко всѣмъ обыкновеннымъ недугамъ еще прибавился гриппъ, который держитъ меня взаперти уже третій день. Вотъ почему побезпокоила васъ и посылаю 2 рубля, какъ наши богомолки, которыя считаютъ, что безъ *пожертвованія*, хотя бы копѣечнаго, недѣйствительны молебенъ и даже поминовеніе, съ вынутіемъ части изъ просфоры.

Я знаю, что вы мнѣ простите безпокойство и сами помолитесь за меня.

Я здѣсь надѣюсь, если Богъ дастъ, пробыть недѣли три-четыре; остановилась въ Кремлевскомъ дворцѣ и надѣюсь, что вы какъ-нибудь побываете у меня. Мнѣ такъ хочется повидаться съ вами, съ вами поговорить и отвести душу. У насъ съ вами много дорогихъ воспоминаній, и я знаю, что съ вами у насъ глубокое сочувствіе въ отношеніи къ настоящему. Не смотря на огромную разницу въ лѣтахъ, мы съ вами сходились во многомъ, самомъ существенномъ и важномъ; а съ нынѣшними людьми, даже далеко немолодыми, я нахожусь какъ въ лѣсу. Не видать тропинки, по которой бы сойтись; да и грибы-то въ лѣсу этомъ все поганые, развѣ кое-гдѣ изъ-подъ завялыхъ листьевъ

какой-нибудь опенокъ или груздь высовывается, да и тотъ побитъ морозомъ и слѣдовательно вреденъ, если не совсѣмъ ядовитъ.

Мнѣ кажется, что тысяча лѣтъ прошло съ 1877 года и что мы идемъ по прямому пути къ распаденію того политическаго и нравственнаго міра, который создавался и тысячу лѣтъ прожилъ со временъ Римскаго міра. Разложеніе страшное, и не грядетъ только, но уже пришелъ князь міра сего!

Храни васъ Господь и храни разсадникъ знанія, въ которомъ вы воздѣлываете землю добрую, храни васъ молитвами св. Сергія! Антонина Блудова».

Это послѣднее письмо писано 15, много 20 лѣтъ тому назадъ, и если тогда религіозная Русская женщина большого ума и блестящаго образованія, проведшая свою молодость въ высшемъ свѣтѣ при императорѣ Николаѣ I-мъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ бывшая другомъ императрицы Маріи Александровны и «своею» въ семьѣ императора Александра II-го, близко знакомая со всѣми выдающимися по уму, образованію, государственной и общественной дѣятельности лицами въ царствованіе этого императора, если эта замѣчательная Русская женщина тогда, за двадцать лѣтъ передъ симъ, сравнивая прошедшее съ тѣмъ, что̀ видѣла подъ конецъ своей жизни, съ такою скорбію смотрѣла на тогдашнее знакомое ей Русское общество: то что̀ же сказала-бы она о настоящемъ времени, когда есть еще больше основаній и поводовъ для такой скорби?

Вообще, читая приведенныя письма графини Блудовой, живо возстановляющія предъ нами симпатичный образъ религіозной Русской женщины изъ высшаго круга, принадлежавшей къ поколѣнію еще такъ недавно сошедшему въ могилу, невольно хочется спросить: есть ли теперь между современно-образованными Русскими женщинами такія, по крайней мѣрѣ много ли такихъ (ибо страшно подумать, чтобы ихъ не было), которыя, нимало не стѣсняясь, даже съ радостію и утѣшеніемъ могли бы сказать о себѣ, какъ говорила графиня Блудова, что у Бога и святыхъ его ищутъ «утѣшенія въ скорби, исцѣленія болѣзни, силы въ утомленіи сердечномъ и уныніи душевномъ?» Будемъ вѣровать и надѣяться, что не перестали и никогда не перестанутъ у насъ существовать искренно вѣрующія и религіозныя женщины, особенно матери семействъ: ибо въ нихъ залогъ духовной силы, крѣпости и процвѣтанія Русскаго народа.

Н. Субботинъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

11 Января 1901 г. была тридцать-шестая годовщина смерти графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Бумаги покойнаго я имѣлъ счастіе поднести въ началѣ 1889 года въ Бозѣ почившему государю императору Александру III, которому благоугодно было благосклонно ихъ принять и возложить разсмотрѣніе сихъ бумагъ на предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцева съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ интересъ и не появлялись еще въ печати, были помѣщены на страницахъ сборника сего общества. Согласно сему, подъ редакціею члена общества, Н. Ѳ. Дубровина, были изданы, въ двухъ томахъ этого Сборника *), бумаги графа А. А. Закревскаго. Въ извѣстномъ сочиненіи Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе», я съ сердечнымъ успокоеніемъ удостовѣрился, что почтенный историкъ воспользовался этими бумагами и помянулъ добрымъ словомъ покойнаго графа.

Съ самой смерти графа А. А. Закревскаго я считалъ своей обязанностью написать полную и обстоятельную его біографію. Нѣтъ, нѣтъ появлявшіяся въ печати нареканія на его дѣятельность были для меня всегда горькимъ укоромъ совѣсти. Нѣсколько разъ принимался я за предположенный трудъ, но всегда онъ оказывался мнѣ не по силамъ. Графъ А. А. Закревскій, по своему положенію, не былъ величиной перваго разряда; но въ своей многолѣтней службѣ онъ участвовалъ въ важныхъ событіяхъ отечественной исторіи, соприкасался съ историческими личностями и, чтобы говорить подробно, обстоятельно и вѣрно о немъ, требовалось выяснить точно также вѣрно и среду, въ которой онъ дѣйствовалъ, и тѣхъ лицъ, съ которыми онъ дѣйствовалъ. Вотъ это-то и было для меня непосильно, особенно при моей постоянной жизни въ деревнѣ, а также при постоянныхъ занятіяхъ по службѣ и по хозяйству. А время шло. Пришла и старость. Для насъ стариковъ настоящее тускло, таинственность завтрашняго дня скорѣе мрачна;

---

*) Томы 73 и 78-й.

одно лишь прошлое, съ годами, все болѣе свѣтлѣетъ. Невольно утѣшаешься записываніемъ этого прошлаго и тѣмъ, какъ будто снова переживаешь его. Будутъ ли мои воспоминанія напечатаны при мнѣ? И если нѣтъ, то что̀ съ ними будетъ, когда меня самого не будетъ? Это вопросы, разрѣшеніе которыхъ отъ меня не зависитъ. Вотъ я и рѣшился, не откладывая далѣе и не ища лучшаго пути и способа, выдѣлить изъ моихъ воспоминаній все то, что̀ относится до графа Закревскаго и напечатать это при себѣ. Такимъ путемъ составится своего рода біографическій очеркъ, который, надѣюсь, дастъ о покойномъ вѣрное понятіе. Если, при этомъ, мое личное *я* невольно будетъ, пожалуй слишкомъ, проявляться: да простятъ это мнѣ-старику.

Въ краткой біографической замѣткѣ о покойномъ графѣ А. А. Закревскомъ, напечатанной въ видѣ предисловія къ первому тому его бумагъ, я, съ полной точностью и небольшими поясненіями, изложилъ весь его формулярный списокъ. Повторять его не буду. Въ этой же замѣткѣ упомянуто мною, что въ 1852 г. я сблизился съ графомъ Закревскимъ вслѣдствіе того, что, по выбору самого графа, былъ назначенъ временнымъ его секретаремъ. Только съ этого времени и начинаю мои о немъ воспоминанія. Начавшееся въ серединѣ 1852 г. сближеніе усилилось и разнообразилось при дальнѣйшей моей службѣ вплоть до моей отставки, т. е. до начала 1859 г., что̀ дало мнѣ полную возможность понять графа, какъ начальника и служебнаго дѣятеля. Женившись же на его дочери, я узналъ его какъ человѣка, по постоянной съ нимъ перепискѣ, всего же болѣе въ откровенныхъ съ нимъ бесѣдахъ, когда, для свиданія съ нами, въ 1862 и 1864 годахъ, онъ пріѣзжалъ за границу. Знакомство съ начальникомъ по службѣ, какъ бы близко оно ни было, всегда грѣшитъ нѣкоторой неполнотой; при служебныхъ отношеніяхъ, за офиціальной маской начальника, только проглядываетъ самъ человѣкъ; при частной же совмѣстной жизни онъ весь налицо. Мнѣ довелось знать графа Закревскаго вполнѣ и со всѣхъ сторонъ. Несомнѣнно, частная его жизнь интересна, только какъ дополненіе его служебной дѣятельности. Начну съ нея разсказомъ, какъ я попалъ изъ канцеляріи въ чиновники особыхъ порученій. Хотя такимъ образомъ на первомъ планѣ будетъ мое *я*, но въ моей карьерѣ отразились служебные порядки Московскаго генералъ-губернаторскаго управленія пятидесятыхъ годовъ, и тѣмъ самымъ выяснится и личность самого генералъ-губернатора.

Я поступилъ на службу въ Москву въ Іюлѣ 1850 г. не охотно, а по настоятельному приказанію покойнаго моего отца. Желаніе же мое было остаться въ Петербургѣ, гдѣ я воспитывался въ Император-

скомъ Александровскомъ Лицеѣ и гдѣ опредѣлились на службу почти всѣ мои товарищи по выпуску того же 1850 г. Въ Москвѣ, черезъ довольно многочисленныхъ родныхъ, находившихся въ разнообразномъ общественномъ положеніи, я попалъ въ такой кругъ знакомства, въ которомъ слышалъ или открыто, или чуть не на ухо, нареканія и насмѣшки надъ самовластіемъ и царскими замашками генералъ-губернатора, въ канцелярію котораго я былъ зачисленъ сверхъ штата. Въ самой канцеляріи, въ которой я работалъ усердно, поознакомившись, слышалъ я тоже самое. Помню одно сказаніе, приписанное князю Меньшикову и ходившее тогда въ Московскомъ обществѣ, а именно: что святая Москва, съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ графа Закревскаго, была произведена въ великомученицы. Въ Лицеѣ, да и во всѣхъ Петербургскихъ учебныхъ закрытыхъ заведеніяхъ, въ сороковыхъ годахъ, подъ покровомъ строгой, наружной дисциплины, царило, если такъ можно выразиться, скрытое, антиправительственное направленіе. Оно высказывалось въ анекдотахъ, остротахъ, стихахъ, разумѣется только устно, но широко распространенныхъ и невѣдомо откуда появлявшихся. Въ нашемъ лицейскомъ курсѣ еще была развита охота дополнять оффиціально получаемое знаніе чтеніемъ, посторонними уроками, однимъ словомъ самостоятельно. (Сошлюсь на одного моего товарища, который занимался Восточными языками, и на цѣлую группу, которая по Воскресеніямъ ходила къ нашему же профессору Англійской литературы Шо (Shaw) читать Шекспира).

Въ канцеляріи генералъ-губернатора въ началѣ я только переписывалъ бумаги. У меня былъ хорошій почеркъ, и мой столоначальникъ Дмитрій Николаевичъ Прохоровъ, большой острякъ, поздравилъ меня, что я такъ быстро перешелъ на министерскія бумаги.

Вполнѣ понятно, что служба въ канцеляріи не могла мнѣ понравиться и что я мечталъ о перемѣнѣ ея. Въ Декабрѣ 1850 года я былъ назначенъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ, дежурящихъ при генералъ-губернаторѣ. Такихъ дежурныхъ было всегда 7—8 человѣкъ. Дежурство начиналось въ 8 ч. утра и оканчивалось часто около полуночи. Дежурный адъютантъ являлся часомъ позднѣе утромъ, а вечеромъ очень часто появлялся только въ 9 ч. и за симъ отпускался; канцелярскій же чиновникъ безотлучно находился весь день, и на обязанности его лежало не только замѣнять адъютанта и принимать всякіе конверты на имя генералъ-губернатора, но распечатывать всѣ бумаги изъ Московскихъ учрежденій, докладывать графу ихъ содержаніе и писать на нихъ его резолюціи. Въ началѣ моихъ дежурствъ, я былъ удивленъ терпѣніемъ моего начальника, грозы Москвы, при моихъ пер-

выхъ докладахъ; а потомъ, когда попривыкъ, его ласковостью и простотой.

Графъ вставалъ всегда въ 6 ч. утра и до 8 занимался своими имѣніями и своей частной перепиской; въ 8 часовъ онъ выходилъ въ пріемную и ходилъ по ней минутъ двадцать. Обыкновенно тогда никого кромѣ дежурнаго канцелярскаго чиновника не бывало, и онъ съ нимъ вступалъ запросто въ разговоръ. Любилъ онъ спорить, а даже иногда очень тонко, но благодушно, подсмѣивался. Благодаря дежурствамъ, я перемѣнилъ мое мнѣніе о моемъ начальникѣ и даже полюбилъ его; но еще болѣе во время моего секретарства при немъ лѣтомъ 1852 года, въ Подмосковномъ его имѣніи Ивановскомъ. Тутъ я положительно былъ имъ очарованъ: его добротой, участіемъ и, наконецъ, довѣріемъ. При такомъ отношеніи я просто съ любовію работалъ. Часто вечеромъ графъ отнималъ у меня бумаги и отправлялъ меня гулять, увѣряя меня, что успѣю завтра все сдѣлать, а въ такой чудный вечеръ грѣхъ сидѣть за бумагами.

Однако я еще болѣе прежняго думалъ о перемѣнѣ службы. Тетушки, кузины подсмѣивались надо мной, что я попалъ ко двору, проникъ въ интимную его сферу, иронически поздравляли меня съ обезпеченной карьерой; но это не имѣло на меня никакого вліянія. Я отшучивался, и больше ничего. Дѣло было серьезнѣе. Я влюбился въ дочь моего начальника, графиню Нессельроде, жившую у отца. У кого не было въ молодости сердечныхъ друзей и таковыхъ же разговоровъ съ ними? Вотъ эти-то разговоры выяснили мнѣ всю безцѣльность моего чувства. Я старался удаляться отъ двора, но это было довольно трудно: дежурства, кое-какія порученія, приглашенія часто приводили меня на дамскую половину генералъ-губернаторскаго дома. Сдѣлался я домашнимъ человѣкомъ, и мнѣ уже не было почти возможности перестать быть таковымъ.

Необходимо было принять крутую мѣру, и въ зиму 1852—1853 г.г. я взялъ отпускъ и уѣхалъ на родину, въ Смоленскъ на дворянскіе выборы. Тогда выборы продолжались долго, а еще дольше—сопровождавшее ихъ веселіе. Бывшимъ губернскимъ предводителемъ и снова избраннымъ былъ дальній родственникъ моего отца, князь Михаилъ Васильевичъ Друцкой-Соколинскій. Онъ былъ вдовый и небогатый человѣкъ; но въ городѣ было много дворянскихъ домовъ, въ которыхъ обѣды и вечера чередовались чуть не каждый день.

Кстати о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ. Какъ-то разъ при мнѣ онъ высказалъ моему отцу, что находится въ затрудненіи. Онъ предвидѣлъ,

что на предварительныхъ засѣданіяхъ передъ выборами (которые, къ слову сказать, продолжались чуть не двѣ недѣли, даже долѣе) будутъ возбуждены какія-нибудь ходатайства; между тѣмъ имъ получено высочайшее запрещеніе Смоленскому дворянству ссылаться въ своихъ ходатайствахъ на потери, понесенныя дворянствомъ во время отечественной войны 1812 г. Какъ объявить это повелѣніе: прямо, или при случаѣ; всему ли дворянскому собранію, или только собранію предводителей и депутатовъ? Какъ именно было объявлено это высочайшее повелѣніе, не помню; да тогда я на такого рода дѣла мало обращалъ вниманія.

Каждое утро я бывалъ въ дворянскомъ собраніи, но болѣе на хорахъ. Смоленское веселіе меня очень разсѣяло, и я зажился въ Смоленскѣ. Тутъ я сдѣлалъ большую ошибку. Мнѣ бы слѣдовало просить объ отсрочкѣ; вмѣсто того я явился въ Москву около половины Марта къ моему непосредственному начальнику, управлявшему канцеляріей, Ѳедору Петровичу Корнилову и представилъ свидѣтельство о болѣзни. Ѳедоръ Петровичъ былъ прекрасный работникъ и добрѣйшій человѣкъ. Онъ принялъ меня съ нѣкоторой грустью и высказалъ мнѣ, что графъ очень недоволенъ, что я безъ вѣсти пропалъ. Въ тотъ же день мнѣ была объявлена резолюція генералъ-губернатора: подвергнуть меня аресту при канцеляріи на двѣ недѣли. Всѣмъ, полагаю, извѣстно, что въ былыя времена, въ наказаніе, снимали сапоги съ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, и тѣмъ обезпечивалось ихъ пребываніе въ мѣстѣ служенія. Вотъ эта старинная мѣра служила благодарной почвой для всякихъ шутокъ моимъ канцелярскимъ друзьямъ въ разговорѣ со мной. Впрочемъ, не могу пожаловаться: товарищи по службѣ и по Лицею, а также близкіе знакомые навѣщали меня вечерами, приносили съ собою всякія яства, и мы чаевали довольно весело.

Въ началѣ моего ареста графиня Нессельроде пригласила меня вечеромъ къ себѣ пить чай; но я наотрѣзъ отказался въ виду опасности, не для меня одного, если начальство узнаетъ, что я нарушилъ мой арестъ: графъ не шутилъ, когда его приказанія не исполнялись. 23 Марта, день именинъ графини, мнѣ было объявлено освобожденіе. Наказаніе было сбавлено почти на половину; не столько оно, сколько прощеніе по случаю семейнаго праздника моего начальника, меня глубоко оскорбило, и я рѣшилъ немедленно перейти на службу въ другое мѣсто. Такое рѣшеніе было и съ точки зрѣнія чисто-служебной вполнѣ разумно: я уже служилъ почти три года въ канцеляріи генералъ-губернатора и оставался все тѣмъ же сверхштатнымъ чиновникомъ; а по многочисленности служащихъ при графѣ, мало было надежды

на полученіе штатной должности. Между тѣмъ, благодаря одному процессу, состояніе моихъ родителей находилось въ затруднительномъ положеніи, и надо было стараться уменьшить ихъ расходы на меня. Въ числѣ моихъ Московскихъ родственниковъ былъ Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ, женатый на Боборыкиной (моя мать также рожденная Боборыкина), занимавшій должность оберъ-прокурора одного изъ отдѣленій 6-го департамента Сената. (Часть Сената была тогда въ Москвѣ). Я часто его посѣщалъ, и онъ не разъ уговаривалъ меня перейти къ нему на службу, выставляя всю независимость самой работы въ ней. Я обратился къ нему; но тутъ, къ моему крайнему удивленію, я встрѣтилъ затрудненія къ немедленному исполненію моего желанія. Касторъ Никифоровичъ призналъ, что, въ виду исключительнаго расположенія тогдашняго министра юстиціи графа Панина къ воспитанникамъ Училища Правовѣдѣнія, хорошо бы было для дальнѣйшей успѣшности моей службы въ Сенатѣ мнѣ получить рекомендацію къ министру отъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, котораго именно въ это лѣто ожидали въ Москву. Принцъ былъ попечителемъ Лицея, который онъ посѣщалъ очень часто; онъ зналъ всѣхъ воспитанниковъ, и я имѣлъ полное основаніе надѣяться, что онъ не откажетъ въ моей просьбѣ. Дѣйствительно, онъ очень ласково меня принялъ и съ большимъ участіемъ обѣщалъ свою помощь, но не сейчасъ, такъ какъ онъ изъ Москвы ѣхалъ въ свои имѣнія и еще куда-то и долженъ былъ вернуться въ Петербургъ только осенью. Еще весною 1853 года, по совѣту К. Н. Лебедева, я перешелъ въ канцеляріи изъ распорядительнаго отдѣленія въ уголовное. Дѣйствительно, занятія въ семъ послѣднемъ могли служить прекрасной подготовкой къ службѣ въ Сенатѣ. Тогда рѣшенія Московской Уголовной Палаты утверждались генералъ-губернаторомъ, который писалъ на нихъ свое согласіе или несогласіе. По каждому уголовному дѣлу составлялась однимъ изъ чиновниковъ отдѣленія краткая записка съ заключеніемъ о правильности или неправильности рѣшенія. Если начальникъ отдѣленія, Яковъ Александровичъ Бояркинъ, соглашался съ заключеніемъ записки, она въ подлинникѣ докладывалась генералъ-губернатору, и на основаніи его резолюціи, на другой же день, представлялся ему подлинный протоколъ Палаты съ заготовленной надписью, которую онъ подписывалъ. По сообщенію Я. А. Бояркина, мои записки были замѣчены графомъ и всегда одобрялись имъ. Вообще занятія мои въ уголовномъ отдѣленіи шли успѣшно и мнѣ полюбились.

Лѣтомъ того же 1853 г. я былъ прикомандированъ отъ генералъ-губернатора въ комитетъ Всероссійской выставки, бывшей то-

гда въ Москвѣ. Разнородныя порученія и сообщенія по выставкѣ меня нерѣдко приводили къ личнымъ отношеніямъ съ генералъ-губернаторомъ. Вскорѣ послѣ ея закрытія я былъ переведенъ въ чиновники особыхъ порученій. Мало-по-малу я увлекся служебной и свѣтской жизнью и совершенно забылъ о моей просьбѣ принцу Ольденбургскому; да и у К. Н. Лебедева рѣдко бывалъ.

Весной 1854 г. я былъ приглашенъ къ ген.-губернатору, что̀ бывало довольно часто, и я тому не придавалъ никакого значенія. Входя въ кабинетъ графа, я былъ пораженъ строгимъ выраженіемъ его лица, къ которому не привыкъ. «Отчего вы недовольны мною и службой у меня?», сказалъ онъ, пристально глядя на меня. «Вполнѣ доволенъ», отвѣчалъ я удивленно. «Прочтите», возразилъ графъ, передавая мнѣ бумагу, въ которой оказался запросъ министра юстиціи о моемъ переводѣ въ канцелярію 6-го департамента Сената. Я разсказалъ графу, что годъ тому назадъ, не имѣя штатной должности, я былъ вынужденъ искать другого мѣста и обратился къ принцу Ольденбургскому; но теперь желалъ бы остаться при немъ. Графъ слушалъ меня со вниманіемъ и когда я кончилъ, немного помолчавъ, сказалъ: «Возьмите съ собой эту бумагу, подумайте хорошенько и завтра принесите мнѣ письменное ваше заявленіе». Я возразилъ, что тотчасъ же напишу; но онъ уже съ добродушной улыбкой сказалъ: «Вы молоды, а сгоряча никогда не надо ни на что рѣшаться; завтра поговоримъ». На другой день, когда я ему представилъ мое заявленіе, никакого разговора не было, и графъ довольно сухо сказалъ мнѣ только: «Надѣюсь, вы не раскаетесь, что остались на службѣ у меня». Сухость тона меня покоробила; но я не могъ не сознаться, что поступилъ опрометчиво, не предупредивъ тѣмъ или другимъ путемъ запроса министра юстиціи.

Служебныя отношенія однако не пострадали: графъ относился ко мнѣ, какъ и прежде, благосклонно. Вскорѣ я былъ назначенъ вторымъ опекуномъ надъ личностью и имѣніями графа Дмитріева-Мамонова (первымъ же и главнымъ былъ мой бывшій непосредственный начальникъ Ѳедоръ Петровичъ Корниловъ). Эта высочайше учрежденная опека была цѣлымъ управленіемъ, находившимся собственно въ вѣдѣніи самого Московскаго генералъ-губернатора. Графъ Мамоновъ былъ преинтересная и крайне оригинальная личность, и на мнѣ, какъ второмъ опекунѣ, лежала обязанность заботиться о томъ, чтобы онъ былъ доволенъ своей жизнью, что̀, разумѣется, дало мнѣ возможность близко его узнать. Надѣюсь, мнѣ удастся когда нибудь написать подробно о немъ. Здѣсь скажу только, что, благодаря этой опекѣ, я могъ жить даже хорошо, не нуждаясь въ помощи родителей.

Графъ Закревскій былъ вообще привѣтливъ, внимателенъ и доступенъ ко всѣмъ служащимъ при немъ, но особенно къ тѣмъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій военныхъ и гражданскихъ, съ которыми по службѣ часто видался. Вспыльчивый по природѣ, онъ умѣлъ владѣть собою и, только когда считалъ это нужнымъ, давалъ волю своему гнѣву. Во всю мою службу при немъ я никогда не слыхалъ ни отъ кого изъ моихъ товарищей, чтобы онъ кому-либо изъ нихъ наговорилъ дерзости. При недовольствѣ, что бывало, онъ дѣлалъ краткое замѣчаніе и отпускалъ со словами: «Хорошо-съ, ступайте». «Ты» говорилъ онъ только своимъ любимцамъ, которыхъ было человѣка три; но со всѣми всегда «вы». Личное его помѣщеніе состояло изъ столовой, пріемной, кабинета и спальни. Около столовой былъ буфетъ, въ которомъ дежурные завтракали и всѣ пріѣзжавшіе курили. Случалось во время доклада начальниковъ отдѣленій канцеляріи, продолжавшагося всегда довольно долго, что всѣ изъ пріемной перебирались въ буфетъ, гдѣ собиралось многочисленное общество, которое иногда забывало въ оживленномъ разговорѣ, что, въ случаѣ пріѣзда кого-либо въ пустую пріемную или выхода самого графа, окажется безпорядокъ, котораго хозяинъ не любилъ. Не разъ бывало, что стукомъ въ дверь самъ графъ прекращалъ буфетныя засѣданія. Душою ихъ, въ литературномъ, такъ сказать, отношеніи, былъ чиновникъ особыхъ порученій, Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, носившій въ товарищескомъ кругу прозвище «чернокнижника». Онъ пользовался довѣріемъ графа, исполнялъ много порученій и часто бывалъ по утрамъ въ пріемной. Съ его появленіемъ буфетныя засѣданія принимали особый характеръ: анекдоты и остроты, преимущественно историческіе, экспромты шуточныхъ стихотвореній такъ и сыпались у него неистощимо и, разумѣется, возбуждали всеобщій хохотъ. Смѣхъ самого Михаила Николаевича былъ громкій, раскатистый, какой-то особенный. Актеръ Живокини не разъ разсказывалъ, что онъ всегда со сцены узнавалъ по этому смѣху присутствіе Лонгинова въ партерѣ, какъ бы силенъ ни былъ всеобщій хохотъ, и это его подбадривало. Не на немъ одномъ однако основывалось буфетное веселіе. Многіе въ немъ принимали дѣятельное участіе; всего же болѣе оно проявлялось, когда дежурнымъ былъ любимецъ товарищей, а также и самого графа, адъютантъ его князь Артемій Давыдовичъ Абамелекъ. Пресимпатичная это была личность. Сердечный, въ высшей степени правдивый, онъ нисколько не стѣснялся говорить всѣмъ правду въ глаза, въ томъ числѣ и самому графу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, веселый, забавный, остроумный, онъ обладалъ замѣчательной способностью вѣрно всѣхъ передразнивать. Помню, какъ-то, въ Ивановскомъ, послѣ долгихъ упрашиваній бывшихъ тамъ товари-

щей, а также и графа, Абамелекъ при немъ представилъ его. Графъ хохоталъ до слезъ, но чистосердечно сознался, что изображеніе вѣрно. Еще у Абамелека была престранная особенность быть пьяну не пивши ни капли вина. Въ пирушкахъ, бывавшихъ тогда, по разнымъ поводамъ, между служащими въ генералъ-губернаторскомъ управленіи, часто участвовалъ Цыганскій хоръ. Въ такихъ случаяхъ дѣло оканчивалось обыкновенно полнымъ опьяненіемъ Абамелека. Цыганское пѣніе приводило его въ чисто-физическій восторгъ.

Не въ одномъ только буфетѣ, но и въ самой пріемной, у дверей графскаго кабинета, при подходящихъ условіяхъ, веселые, шуточные разговоры распространялись и на обычныхъ посѣтителей, помимо служащихъ при генералъ-губернаторѣ. Помню, какъ-то разъ было затѣяно чистое школьничество—разсказывать Московскому жандармскому штабъ-офицеру Александру Владимировичу Воейкову*) всякія, самыя неподходящія для жандармскаго слуха розсказни. Какъ онъ ни старался отшучиваться, сохраняя свою серьезность, но и у него, изрѣдка, прорывался самый откровенный смѣхъ. Прекрасная это была личность, всѣми любимая. Помню, по долгу своего офиціальнаго положенія, когда придуманное школьничество продолжалось слишкомъ долго, онъ его прекратилъ словами: полноте, господа, постыдитесь моего мундира; ему неприлично такія вещи слушать.

Весело и дружно жилось молодежи, служившей въ управленіи Московскаго генералъ-губернатора. Старѣйшіе изъ чиновниковъ особыхъ порученій, а также не по лѣтамъ серьезные, не участвовали въ буфетныхъ засѣданіяхъ и вообще устранялись отъ товарищескаго кружка. Они ограничивались одной службой. Это нисколько не значитъ, что веселая часть служащихъ ничего не дѣлала. Графъ Закревскій любилъ молодежь, понималъ потребности молодости, но внимательно слѣдилъ за своими молодыми чиновниками, незамѣтно испытывалъ ихъ и всякому изъ нихъ, въ которомъ замѣчалъ желаніе и способность трудиться, давалъ возможность показать себя. Были въ многочисленномъ персоналѣ генералъ-губернаторскаго управленія и такіе, дѣятельность которыхъ ограничивалась одними только дежурствами. Графъ ихъ серьезно не тревожилъ; но изрѣдка и ихъ привлекалъ къ службѣ, напримѣръ къ общей внезапной повѣркѣ пищи пожарной команды во всѣхъ городскихъ частяхъ. Такого рода ревизія производилась періодически, на основаніи предписаній, одновременно разосланныхъ всѣмъ ревизорамъ рано утромъ въ день повѣрки, съ

*) Двоюродный братъ И. С. Аксакова. П. Б.

обязанностью явиться въ тотъ же день, въ часъ пополудни, къ генералъ-губернатору и сообщить о замѣченномъ. Вообще можно смѣло сказать, что всѣ служащіе при графѣ Закревскомъ любили его; но интересно, какого они были о немъ мнѣнія.

Графъ былъ неутомимый работникъ. Весь его день, за исключеніемъ обязательныхъ выѣздовъ, обѣда и слѣдовавшаго за нимъ часового отдыха, онъ проводилъ въ своемъ кабинетѣ за дѣломъ. Мы, молодежь, надо сознаться, подсмѣивались надъ его, какъ мы называли, любовью къ бумажкамъ. Неутомимая, постоянная его дѣятельность объяснялась привычкой. Нашъ старикъ такъ привыкъ къ своимъ бумажкамъ, что ими только и живетъ: вотъ что̀ мы между собой говорили и думали. Одно обстоятельство нѣсколько измѣнило нашъ взглядъ на нашего начальника. Оно такъ врѣзалось въ моей памяти, что теперь, болѣе сорока пяти лѣтъ спустя, оно у меня живо и ясно передъ глазами.

Въ 1855 году, въ первый разъ въ Москвѣ праздновалось 30-е Августа, день именинъ въ томъ же году вступившаго на престолъ императора Александра II-го. Въ этотъ же день утромъ или въ ночь на сей день, не помню, пришло въ Москву извѣстіе о занятіи Севастополя союзниками. Хотя бюлетени предыдущихъ дней, сообщавшіе о громадныхъ суточныхъ потеряхъ въ нашихъ войскахъ, давали поводъ ожидать таковое событіе, но чуть не вся Москва была глубоко убѣждена, что импровизированныя Севастопольскія твердыни устоятъ противъ лучше вооруженныхъ и лучше содержимыхъ войскъ. Извѣстіе о сдачѣ Севастополя поразило всѣхъ. По заведенному графомъ порядку празднованія царскихъ дней, служащіе при немъ и въ канцеляріи его приносили поздравленіе въ его личномъ помѣщеніи, а въ парадныхъ комнатахъ бель-этажа генералъ - губернаторскаго дома поздравляющіе во всѣхъ учрежденіяхъ города, сословные представители и частныя лица. Ггрaфъ обходилъ медленно всѣхъ поздравляющихъ, то и дѣло останавливаясь для разговора; а затѣмъ уѣзжалъ въ парадной каретѣ въ Успенскій соборъ съ военнымъ дежурствомъ, т. е. съ адъютантомъ и военнымъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ день 30 Августа 1855 г., согласно полученнымъ обычнымъ повѣсткамъ, мы всѣ служащіе при генералъ-губернаторѣ собрались, какъ всегда, заблаговременно, въ пріемной у его кабинета. Предметомъ всѣхъ разговоровъ, разумѣется, было роковое извѣстіе съ добавленіемъ всякихъ толкованій и предположеній. Въ тѣ времена, когда вся Россія съ сердечнымъ замираніемъ слѣдила за ходомъ и развитіемъ Севастопольской драмы, чисто-военныя сужденія были обычны всюду и вездѣ, а

также и въ Москвѣ. Инженерные или, лучше сказать, саперные термины проникли и были усвоены въ разговорѣ, даже въ процвѣтавшемъ тогда преферансѣ. Вышедшій изъ кабинета съ озабоченнымъ лицомъ управляющій канцеляріи Ѳ. П. Корниловъ пошептался съ близкими къ нему и быстро ушелъ, а въ пріемной распространился слухъ, что графъ заболѣлъ и врядъ ли выдетъ на пріемъ. Толки объ этомъ продолжались однако недолго. Въ обычное время двери кабинета отворились, и графъ вышелъ въ полной парадной формѣ. Никогда не забуду его лица. Глаза были красноваты, но взглядъ былъ строгій, гордый и, если можно такъ выразиться, вызывающій. Безмолвно прошелъ онъ, раскланиваясь на обѣ стороны въ чиновничьей толпѣ и поднялся на верхъ въ сопровожденіи обычной свиты. Тамъ повторилось тоже среди разнородныхъ мундировъ, наполнявшихъ парадныя комнаты генералъ-губернаторскаго дома. Этотъ безмолвный обходъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе; затѣмъ обычнымъ порядкомъ графъ уѣхалъ въ Успенскій соборъ*).

Впослѣдствіи я узналъ, что, дѣйствительно, графъ Закревскій заболѣлъ отъ извѣстія о сдачѣ Севастополя, и его домашній врачъ и другъ, профессоръ Александръ Ивановичъ Оверъ, сомнѣвался, что онъ будетъ въ состояніи исполнить свои обязанности; но чувство долга превозмогло надъ огорченіемъ. Графъ любилъ Россію своеобразно, но горячо и сердечно. Начавъ свою боевую службу подъ Аустерлицемъ, онъ достигъ высшихъ служебныхъ степеней въ эпическую эпоху отечественной войны. Въ Январѣ 1812 г., въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи военнаго министра, которымъ тогда былъ Барклай-де-Толи; а въ Декабрѣ того же года былъ произведенъ въ флигель-адъютанты. Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, въ чинѣ генералъ-маіора, онъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты къ его императорскому величеству, въ то время, когда таковыхъ было всего семь человѣкъ, считая въ томъ числѣ великаго князя Константина Павловича. Начиная отъ трехъ-дневнаго Лейпцигскаго сраженія, онъ былъ связью между главнокомандующимъ Русской арміи и государемъ императоромъ. Своимъ участіемъ въ отечественной войнѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ, окончившихся вступленіемъ Русскихъ войскъ въ Парижъ, онъ, какъ ему казалось, слился, такъ сказать, сроднился съ пріобрѣтеннымъ тогда руководящимъ положеніемъ Россіи въ Европѣ. Это положеніе, которое онъ считалъ настолько твердымъ, что ничего не можетъ поколебать его, тутъ уничтожено; а съ нимъ и та святая

*) Говорили, что съ митрополитомъ Филаретомъ сдѣлался обморокъ, когда ему сказали въ соборѣ о паденіи Севастополя. П. Б.

святыхъ прошлаго, которую онъ съ такою любовью всегда лелѣялъ въ своемъ сердцѣ, также уничтожена; впереди же неизвѣстность. Какую бы впослѣдствіи, роль ни играла въ Европѣ обезсиленная Россія, но отъ прежняго обаянія осталось только одно воспоминаніе, и нестерпимо горько было на сердцѣ старика.

Все сказанное выяснилось вполнѣ для меня гораздо позже; въ самый же день 30 Августа 1855 г. мнѣ, какъ и всѣмъ моимъ товарищамъ по службѣ, видно было только одно, что нашъ старый графъ страдаетъ и мужественно переноситъ свои страданія. Невольно закрадывалась мысль, что не одна старческая привычка лежала въ основаніи его постоянной, усидчивой, хлопотливой дѣятельности, а что-то такое другое, духовное, сердечное. Невольно также у всѣхъ насъ въ этотъ памятный день запало теплое сочувствіе къ внутреннему человѣку, скрывавшемуся подъ оболочкой нашего, всегда одинаково дѣятельнаго, начальника. Впрочемъ, что служащіе при графѣ Закревскомъ любили его, не можетъ нисколько служить одобреніемъ его административной дѣятельности: для мѣстности, находящейся въ управленіи того или другого лица, совершенно безразлично, какъ это лицо обращается со всѣми своими помощниками и какое чувство оно въ нихъ возбуждаетъ. Постараемся выяснить, какъ Москва относилась къ своему генералъ-губернатору.

Въ числѣ множества стиховъ, эпиграммъ и остротъ, ходившихъ тогда по Москвѣ о графѣ Закревскомъ, напомню одну передѣлку моднаго въ то время романса: «По небу полуночи ангелъ летѣлъ.» Вотъ она:

Когда графъ Закревскій въ Москву прилетѣлъ,
Онъ грозную пѣсню запѣлъ,
И Лужинъ, и Берингъ, и частныхъ всѣхъ рой
Внимали той пѣснѣ съ тоской.
Онъ пѣлъ о поборахъ съ купцовъ и мѣщанъ,
Съ трактировъ...

Далѣе передѣлка становится не совсѣмъ приличной; приходится остановиться; но и приведеннаго, полагаю, достаточно, чтобы показать, какъ Москва относилась къ одной изъ сторонъ дѣятельности своего генералъ-губернатора. Несомнѣнно, что авторъ передѣлки, равно и повторявшіе ее, нисколько не думали обвинять оберъ - полиціймейстера Ивана Дмитріевича Лужина и выдающагося по своей распорядительности полицеймейстера Алексѣя Александровича Беринга въ поборахъ. Какъ въ Московской полиціи, такъ и всюду тогда въ Россіи, поборы производились мелкими чинами; а ихъ начальство обвинялось только, когда чиновничество, по принятому тогда выраженію, брало не по чину, т. е. превышало установленную обычаемъ норму. Для

высшаго начальства существовали такъ называемые безгрѣшные доходы по службѣ, но и къ нимъ общественное мнѣніе пятидесятыхъ годовъ относилось съ возрастающей враждебностью. Графъ Закревскій преслѣдовалъ взяточничество всякаго рода съ неумолимой строгостью. Во все время моей службы, имѣя много родныхъ и друзей, вполнѣ частныхъ лицъ, не стѣснявшихся со мною въ разговорѣ, я никогда не слыхалъ, чтобы какіе-либо неблаговидные поступки приписывались служившимъ въ генералъ-губернаторскомъ управленіи. Напротивъ, слышалъ я нерѣдко нареканія на самого генералъ-губернатора, который ведетъ непосильную борьбу съ явленіями, зависящими не отъ той или другой личности, а отъ общаго порядка. Дѣйствительно, въ тѣ времена, когда драгунскіе полки раздавались для поправки состоянія блестящимъ гвардейскимъ полковникамъ, когда полиція, получая завѣдомо недостаточное жалованіе, жила въ достаткѣ, трудно было преслѣдовать взяточничество, которое было до нѣкоторой степени узаконено. Однако графъ Закревскій преслѣдовалъ его всюду и вездѣ, даже въ учрежденіяхъ вполнѣ независимыхъ, и былъ глубоко убѣжденъ, что онъ приноситъ тѣмъ общую пользу. Нельзя не сказать, что сравнительно съ предыдущимъ временемъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ старожиловъ Московскихъ, въ Москвѣ было больше порядка, а также мелкому люду жилось легче. Благодаря доступности графа (онъ принималъ всѣхъ во всякое время), угроза: «я пойду къ генералъ-губернатору» производила магическое дѣйствіе. Самая эта доступность многимъ не нравилась, особенно при репутаціи строгости графа и той широкой власти, которою онъ былъ облеченъ. Мнѣ кажется, я могу смѣло сказать, что спѣшныхъ несправедливыхъ рѣшеній по частнымъ жалобамъ, поступавшимъ къ генералъ-губернатору, не могло быть. Разборъ словесныхъ жалобъ въ пріемные дни производился чиновникомъ особыхъ порученій Самуиломъ Александровичемъ Панчулидзевымъ, пользовавшимся вполнѣ заслуженнымъ довѣріемъ. Поступавшія словесныя жалобы въ непріемные дни, а также всѣ письменныя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по существу жалобы графъ признавалъ это необходимымъ, разслѣдовались чиновниками особыхъ порученій, безпристрастіе которыхъ внѣ сомнѣнія. Онъ былъ крайне остороженъ въ своихъ рѣшеніяхъ всегда; однако обвиненіе его въ строгости и незаконномъ во все вмѣшательствѣ на столько было распространено, что на немъ слѣдуетъ остановиться, хотя это потребуетъ довольно подробнаго объясненія.

Графъ Закревскій былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и если въ концѣ 1831 года испросилъ себѣ полное увольненіе (хотя бы легко могъ остаться генералъ-адъютантомъ) онъ тѣмъ самымъ показалъ и

доказалъ, что онъ не жертвуетъ своими убѣжденіями для личныхъ, служебныхъ своихъ интересовъ. Семнадцать лѣтъ, проведенныя въ отставкѣ, создали для него независимое положеніе, къ которому онъ не только привыкъ, но такъ приспособился, что мѣнять установившійся строй своей жизни было для него положительно трудно. Сдѣлаться въ Маѣ 1848 года Московскимъ генералъ-губернаторомъ, послѣ своего служебнаго прошлаго, ничего особенно лестнаго для него не представляло. Съ другой стороны, многое измѣнилось въ высшихъ служебныхъ сферахъ со времени его отставки, и для старика 62 лѣтъ былъ своего рода рискъ принять отвѣтственную должность при новыхъ, не вполнѣ ему знакомыхъ, условіяхъ. Онъ могъ легко потерять свою прежнюю репутацію, употребивъ на эту потерю остатокъ своихъ жизненныхъ силъ; однако, онъ принялъ предложенную ему должность, но вслѣдствіе особыхъ, общихъ обстоятельствъ.

Такъ-называемое дѣло Петрашевскаго и многочисленныхъ его сообщниковъ, открытое и раздутое Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ пику Третьему Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, почти одновременно съ Французской революціей 1848 года и съ болѣе или менѣе сильными политическими безпорядками въ Германіи, внушило серьезное опасеніе государю императору Николаю Павловичу, что революціонное броженіе распространилось и въ Россіи. Дѣло Петрашевскаго нисколько этого не доказывало, но дѣйствительно представляло собою благодарную почву для предположеній возможности смутъ и у насъ. Изъ такой возможности вполнѣ естественно вытекала необходимость принятія соотвѣтствующихъ мѣръ. Выяснять такую необходимость, настаивать на ней всегда и всюду, при всякомъ образѣ правленія, много бываетъ охотниковъ, чѣмъ, разумѣется, она крѣпнетъ въ общемъ сознаніи. Вотъ, въ виду ожидаемаго смутнаго времени, графъ Закревскій былъ вынужденъ уступить настояніямъ самого государя и сдѣлаться Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ не просилъ никакихъ исключительныхъ полномочій, но таковыя были ему даны на всякій случай. Дѣйствительно же онъ желалъ для себя лишь служебной самостоятельности, и она была ему высочайше разрѣшена.

Не надо было много времени графу Закревскому, чтобы убѣдиться, что въ дворянской тогда Москвѣ не было и тѣни революціонныхъ элементовъ, о чемъ онъ и заявлялъ куда слѣдуетъ; изъ Петербурга, однако, писалось наблюдать за тѣмъ или другимъ, и присылались даже наблюдатели. Тутъ исключительное служебное положеніе графа Закревскаго помогло ему: онъ рѣзко заявилъ, что, съ вѣдома и согласія государя императора, принялъ всецѣло на одного себя отвѣт-

ственность за спокойствіе Москвы, а потому, пока онъ генералъ-губернаторомъ, онъ не допуститъ никакого посторонняго вмѣшательства въ Москвѣ и Московской губерніи. Вотъ причина наружной устрашающей суровости, въ которую себя одѣлъ графъ Закревскій въ бытность свою Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и которую онъ постепенно смягчалъ, какъ только это стало возможнымъ. Разговоры въ кабинетѣ графа съ лицами, призванными къ нему по политическимъ, такъ-сказать, причинамъ, бывали. Несомнѣнно, они были непріятны для призванныхъ; но несомнѣнно также, что они избавляли этихъ призванныхъ отъ еще бо́льшихъ непріятностей. Наружная суровость графа не только облегчала ему мѣстную дѣятельность, но защищала его отъ нападеній изъ Петербурга. Война съ Петербургомъ часто возгаралась по политическимъ и другимъ вопросамъ; особенно она приняла острую форму въ послѣднее время царствованія императора Николая I, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Д. Г. Бибиковъ. Въ этомъ фазисѣ Петербургской войны графъ не былъ побѣжденъ и сохранилъ свою самостоятельность.

Огульныя обвиненія, не подкрѣпленныя достовѣрными фактами, легко принимаются и рѣшаются судомъ общественнаго мнѣнія, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, какъ рѣшенія всякаго суда, вступаютъ, такъ-сказать, въ законную силу, и апеллировать противъ нихъ невозможно. Въ тѣ времена не было суда, который избавлялъ, или могъ избавлять, лицъ, облеченныхъ властью, отъ ошибокъ. Произволъ царствовалъ на всѣхъ ступеняхъ администраціи. Графъ Закревскій былъ опытный и въ высшей степени благонамѣренный администраторъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, добрый и сердечный человѣкъ; но и онъ ошибался и могъ ошибаться. Его ошибки, при его власти и положеніи, вполнѣ естественно, были болѣе другихъ замѣтны и строже другихъ оцѣнены общественнымъ мнѣніемъ. Помню одно обстоятельство, которое тогда произвело очень тяжелое впечатлѣніе въ Москвѣ. Въ модномъ тогда Ново-Троицкомъ трактирѣ, содержимомъ купцомъ Морозовымъ, завелась карточная игра, и были случаи обыгрыванія простаковъ профессіональными игроками. Графъ вызвалъ къ себѣ владѣльца трактира; случайно въ тоже время къ нему явился дворянинъ Морозъ. Произошло недоразумѣніе, и пришлось дворянину выслушать то, что̀ было приготовлено для купца. Къ счастью, недоразумѣніе выяснилось довольно скоро, и графъ извинился въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ предъ г. Морозомъ, который впослѣдствіи часто бывалъ на балахъ и вечернихъ пріемахъ по Пятницамъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ.

Позволю себѣ еще припомнить одинъ оригинальный случай. Былъ тогда въ Москвѣ нѣкто хромоногій дворянинъ Фроловъ, хорошо

извѣстный всѣмъ изъ молодежи. Онъ былъ постоянный посѣтитель модныхъ ресторановъ, клубныхъ маскерадовъ и лѣтнихъ увеселительныхъ мѣстъ. Очень часто съ нимъ бывали всякія исторіи въ публичныхъ мѣстахъ, и онъ пользовался прочной репутацiей скандалиста. Графъ неоднократно призывалъ его для отеческихъ увѣщаній, но они оказались безуспѣшными, и графъ сослалъ его въ Колу. По возвращеніи Фролова съ дальняго Сѣвера, я его какъ-то не встрѣчалъ и забылъ совершенно о немъ. Въ Сентябрѣ 1864 года, когда графъ Закревскій проживалъ въ нашемъ Итальянскомъ имѣніи Гальчето, въ 25 верстахъ отъ Флоренціи, однажды утромъ я увидалъ въ аллеѣ, ведущей съ большой дороги на виллу, Фролова въ колясочкѣ, медленно поднимавшейся въ гору. Такое появленіе въ Италіи прежняго сосланнаго меня немало напугало. Подъѣхавъ къ дому, Фроловъ еще изъ коляски, смѣясь, сказалъ мнѣ: «Навѣрное, вы не рады такому гостю, какъ я; но успокойтесь». Въ короткихъ затѣмъ словахъ онъ мнѣ заявилъ, что пріѣхалъ нарочно поблагодарить графа за ссылку, такъ какъ, благодаря ей, онъ образумился, бросилъ кутежи и сдѣлался человѣкомъ. Фроловъ завтракалъ въ Гальчето и, послѣ его отъѣзда, графъ мнѣ разсказалъ, что ссылка послѣдовала вслѣдствіе просьбы семьи Фролова. Счастливый результатъ такой крутой мѣры, разумѣется, нисколько не говоритъ въ пользу ея; но въ то время такія мѣры принимались, и болѣе чѣмъ вѣроятно, не всегда оказывали такое полезное дѣйствіе, какъ въ данномъ случаѣ.

Графъ вообще относился снисходительно къ молодежи и ея грѣхамъ, если въ нихъ не было чего-либо грязнаго; особенно эта снисходительность проявлялась къ офицерамъ, пріѣзжавшимъ въ отпускъ въ Москву. За шалость въ публичномъ мѣстѣ получалось отеческое наставленіе, снабженіе деньгами виновнаго, для выѣзда изъ Москвы, и иногда легкое наказаніе. Все обходилось домашнимъ порядкомъ, безъ вліянія на дальнѣйшую службу провинившагося. Приведу одинъ только примѣръ, хорошо мнѣ извѣстный. Во время Венгерской кампаніи молодой артиллерійскій офицеръ Стефани отличился. Раненый довольно серьезно въ голову, въ то время, какъ онъ ѣхалъ верхомъ вблизи непріятельской цѣпи съ порученіемъ командира, при которомъ состоялъ ординарцемъ, онъ все же въ точности исполнилъ данное ему приказаніе. Стефани былъ награжденъ, и ему высочайше было разрѣшено носить постоянно фуражку даже въ строю, что въ то время, когда фуражки не допускались въ городахъ, отличало его всюду. Находясь въ отпуску, проѣздомъ къ родителямъ, онъ застрялъ въ Москвѣ, гдѣ закутилъ. Въ маскерадѣ Нѣмецкаго клуба, выпивши лишнее съ пріятелями, онъ учинилъ скандалъ и попалъ въ комендантское управле-

ніе. Графъ его призвалъ къ себѣ, отечески пожурилъ и снабдилъ его необходимыми средствами для расплаты въ Москвѣ и проѣзда домой, предварительно, кажется, выдержавъ его сутки на гауптвахтѣ. (Я зналъ Стефани, но ближе его брата). По словамъ графа Закревскаго, въ его заграничныхъ откровенныхъ со мною бесѣдахъ, въ 1862 и 1864 гг., онъ во все время своей службы въ Москвѣ никого несчастнымъ не сдѣлалъ, пользуясь своей неограниченной властью, а многимъ, на сколько могъ, помогалъ. Старика глубоко оскорбляло, что его въ Москвѣ называли пашей, тогда какъ въ его предъидущей службѣ, до его отставки въ 1831 г., онъ слылъ за гуманнаго или, какъ теперь говорятъ, либеральнаго человѣка. Въ подтвержденіе послѣдняго, напомню то, что было мною писано въ біографической замѣткѣ, напечатанной въ первомъ томѣ изданія бумагъ графа Закревскаго, а именно:

«Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, во Флоренціи, я познакомился съ жившимъ тамъ тогда декабристомъ Поджіо, который не разъ, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, высказывалъ свою горячую благодарность Закревскому [1]) за его вниманіе къ нему и къ его товарищамъ въ ихъ печальномъ положеніи въ то время, какъ онъ былъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Оставаясь точнымъ исполнителемъ закона, Арсеній Андреевичъ сумѣлъ избѣгнуть излишней придирчивости и доставлялъ заключеннымъ всѣ тѣ облегченія, которыя были возможны» [2]).

Вмѣшательство графа Закревскаго во все, что дѣлалось въ Москвѣ давало ему массу работы, и онъ ею занимался съ феноменальной усидчивостью и добросовѣстностью. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что только однимъ руководительствомъ всего и всѣхъ можно достигнуть общаго благосостоянія и правды въ общественной жизни. Онъ считалъ себя отвѣтственнымъ не только за политическое спокойствіе Москвы, но и за правильность экономическаго ея развитія. Врядъ ли можно упрекать его за это. Убѣжденіе во всемогуществѣ администраціи было общее. Оно опредѣленно высказалось въ пьесѣ графа Соллогуба «Чиновникъ», данной въ Петербургѣ въ зиму 1855—1856 г. г. Только послѣ замѣчательной критики этой пьесы въ статьѣ Николая Филипповича Павлова, появившейся лѣтомъ 1856 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вѣра въ благодѣтельное вліяніе бдительнаго и благонамѣреннаго чиновника на все и на всѣхъ начала слабѣть въ общественномъ мнѣніи. Да и теперь, путемъ прогресса, небывалымъ, еще недавно немыслимымъ облегченіемъ способовъ сообщенія, мы вернулись къ прежнимъ идеаламъ,

[1]) Время, о которомъ говоритъ Поджіо, относится къ 1826 г., когда Закревскій не былъ еще графомъ. Таковымъ онъ сдѣлался, по предъявленію Финляндскаго Сената, высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ въ Гельсингфорсѣ 2 (14) Августа 1830 г.

[2]) Вспомнимъ Е. А. Баратынскаго. П. Б.

но въ другомъ видѣ. Не у насъ однихъ законодательство, своими до мелочи подробностями, старается обезличить какъ администрацію, такъ и административный матеріалъ. Само собою, пожалуй несознательно, все болѣе вводится автоматизмъ въ общественную жизнь, напоминающій настоящія громадныя фабрики и заводы, въ которыхъ одинъ двигатель приводитъ въ движеніе разнообразнѣйшія машины. Врядъ ли и теперь можно ставить въ вину графу Закревскому, что онъ считалъ себя такимъ двигателемъ въ Москвѣ.

Въ Москвѣ, въ обществѣ, сложилось убѣжденіе, что графъ Закревскій въ своей служебной дѣятельности, по части наградъ и назначеній, находился подъ вліяніемъ своей жены и дочери. Это убѣжденіе пережило самого графа, и если оно хоть сколько нибудь справедливо и вѣрно, такъ только относительно пріема на службу въ многочисленный штатъ генералъ-губернаторскаго управленія и еще болѣе многочисленное количество причисленныхъ къ сему управленію сверхъ штата. Графъ былъ лично замѣчательный работникъ и, вполнѣ понятно, при его положительномъ талантѣ испытывать служащихъ при немъ, онъ приближалъ къ себѣ и отличалъ только тѣхъ, которые хотѣли и умѣли помогать ему въ его занятіяхъ. Наиболѣе пользовавшіеся его довѣріемъ держались постоянно вдали отъ дамской половины генералъ-губернаторскаго дома; напротивъ, туда стремились новички не потому, чтобы черезъ эту половину получать награды и отличія, а вслѣдствіе того, что на ней они встрѣчались чаще съ своимъ начальникомъ и при такомъ сближеніи могли скорѣе показать ему себя. Графъ не только любилъ, но обожалъ свою единственную дочь; но и она, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, очень часто, когда ей что-либо было нужно для себя, прибѣгала къ посредничеству постороннихъ лицъ, близкихъ къ нему. Наконецъ, по личному опыту знаю, что рекомендаціи и просьбы дамской половины не имѣли серьезнаго значенія. Много позже, отъ самой графини Закревской и ея дочери, я узналъ, что мое назначеніе лѣтомъ 1852 года временнымъ секретаремъ графа было вопреки ихъ просьбамъ назначить другое лицо, имѣвшее безусловно, по своему положенію, гораздо болѣе правъ, чѣмъ я, на занятіе этой должности. То былъ чиновникъ особыхъ порученій; я же тогда—мелкій, юный сверхштатный чиновникъ канцеляріи. Не стану утверждать, что выборы графа на должности были всегда удачны. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ; а графъ постоянно много дѣлалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ сказать, что просьбы и домогательства всякаго рода часто поступали на дамскую половину генералъ-губернаторскаго дома, и что онѣ бывали и настоятельны, и энергичны. Это мнѣ хорошо было извѣстно; но также было извѣстно, что онѣ не достигали своей цѣли.

Тѣмъ не менѣе вполнѣ понятно, что всюду просьбы, идущія по одному направленію, мало-помалу, со временемъ прокладываютъ своего рода протоптанную тропинку, которая рано или поздно дѣлается общеизвѣстной; но это еще не доказательство, что эта тропинка была лучшій и самый вѣрный путь для достиженія желаемаго. Не въ одной Москвѣ ломанная линія считалась кратчайшимъ разстояніемъ между двумя пунктами. Такое еретическое мнѣніе встрѣчается, пожалуй, и теперь.

Графъ Закревскій былъ уволенъ отъ должности Московскаго генералъ-губернатора въ Апрѣлѣ 1859 года. Ходило тогда по Москвѣ приписываемое князю Меньшикову объясненіе, что графъ Закревскій былъ уволенъ за то, что онъ сдѣлалъ разводъ безъ церемоніи. Дѣйствительно, бракъ его дочери со мною былъ причиною его увольненія. Собственно въ самомъ фактѣ брака прямого, видимаго участія графъ не принималъ, и виновные въ немъ были законнымъ порядкомъ привлечены къ отвѣтственности Рязанской Уголовной Палатой, по мѣсту его совершенія въ Рязанской губерніи. Вина графа заключалась въ томъ, что онъ выдалъ намъ, т. е. женѣ и мнѣ, заграничный паспортъ на имя князя и княгини Друцкихъ-Соколинскихъ, въ чемъ несомнѣнно было злоупотребленіе властью. Затѣмъ въ своемъ отвѣтѣ на запросъ управлявшаго Третьимъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, князя Василія Андреевича Долгорукаго объ нашемъ бракѣ, онъ принялъ всю вину на себя. Графъ Закревскій всегда, въ своихъ заграничныхъ бесѣдахъ со мною и при мнѣ съ близкими ему людьми, находилъ, что увольненіе его вполнѣ справедливо. Онъ также всегда находилъ, что чѣмъ обширнѣе власть, предоставленная должностному лицу, тѣмъ тяжелѣе должна быть и отвѣтственность сего лица въ случаѣ злоупотребленія имъ этой властью для личныхъ цѣлей. Однако въ дѣяніи графа Закревскаго были обстоятельства, если не вполнѣ оправдывавшія его, то значительно уменьшавшія его вину.

Считаю своимъ дѣломъ выяснить эти обстоятельства и тѣмъ снять нареканіе съ человѣка, который во всю свою долголѣтнюю службу всегда старался оставаться, да и всегда оставался, на почвѣ законности, какъ она тогда не имъ однимъ, а всѣми понималась. Прошло болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ и, полагаю, я могу говорить вполнѣ откровенно; постараюсь, однако, быть, насколько возможно, краткимъ.

Болѣе года передъ нашимъ бракомъ, имѣвшимъ такія послѣдствія для графа Закревскаго, шли его переговоры, черезъ генерала Бутурлина, съ первымъ мужемъ моей жены, графомъ Д. К. Нессельроде; но ими соглашенія достигнуто не было. Тогда графъ Закревскій обратился къ своему другу молодости князю Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, съ ко-

торымъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ еще до своего назначенія Московскимъ генералъ-губернаторомъ и послѣ. Необходимо пояснить, что переписка эта всегда велась слѣдующимъ образомъ: письма графа адресовались управлявшему его домомъ въ Петербургѣ, Александру Степановичу Безсонову, который относилъ ихъ князю Орлову и писалъ графу словесные его отвѣты. Участіе князя Орлова, такъ же какъ и Бутурлина, не имѣло успѣха; и вотъ явилась мысль просить государя императора черезъ того же князя Орлова. Государь призналъ свое вмѣшательство въ бракоразводное дѣло невозможнымъ, такъ какъ дѣла такого рода вполнѣ зависятъ отъ духовной власти. Во время всѣхъ этихъ долго длившихся переговоровъ, по личнымъ дѣламъ графа, пріобрѣлъ его довѣріе стряпчій уголовныхъ дѣлъ Михаилъ Ѳедоровичъ Троицкій.

Помню, я съ нимъ познакомился въ одной слѣдственной комиссіи по бывшимъ въ Москвѣ грабежамъ, въ которой мы оба были членами. Обвиненныхъ было много; слѣдствіе тянулось довольно долго, и въ комиссіи Троицкій выдѣлялся своей опытностью и находчивостью. Потомъ мнѣ съ нимъ не разъ приходилось работать по другимъ слѣдствіямъ. Это былъ довольно толстый человѣкъ съ нѣсколько грубыми формами въ разговорѣ, но замѣчательно умный и, по тогдашнему, свѣдущій въ законахъ. Отъ Безсонова, постоянно разъѣзжавшаго между Петербургомъ и Москвой, онъ узналъ, какіе тайные переговоры ведутся, и высказалъ ему, что разводъ пустое дѣло, которое онъ легко устроитъ. Это было передано графу, который выслушалъ его и вполнѣ убѣдился его доводами. Идея Троицкаго въ краткихъ словахъ заключалась въ слѣдующемъ: безъ соглашенія разводъ невозможенъ, но бракъ и безъ развода вполнѣ возможенъ. Таковый бракъ есть преступленіе; но всякое преступленіе можетъ быть прощено высочайшей властью или не преслѣдуемо; таинство же брака, когда оно не уничтожено подлежащей духовной властью, остается *). Графъ, при сердечномъ своемъ желаніи прочно устроить свою единственную дочь, фактически разведенную, а юридически находящуюся въ зависимости отъ своего мужа, горячо ухватился за мысль Троицкаго; но прежде исполненія его плана, онъ сообщилъ его князю Орлову. Безсоновъ увѣдомилъ, что князь одобряетъ. Графъ однако не удовольствовался отвѣтомъ Безсонова, котораго считалъ человѣкомъ вѣрнымъ, но мало свѣдущимъ и потому неспособнымъ въ точности передать мнѣніе, и послалъ самого Троицкаго въ Петербургъ къ князю Орлову. Возвратившійся посланный подтвердилъ всецѣло сообщеніе Безсонова. Графъ окончательно

*) Въ подкрѣпленіе своей мысли, Троицкій привелъ нѣсколько примѣровъ незаконныхъ браковъ вполнѣ, счастливо и спокойно существующихъ.

убѣдился, что въ исполненіи предположенія Троицкаго заключается единственная возможность обезпечить его дочь въ будущемъ и со свойственной ему рѣшительностью поручилъ самому Троицкому исполненіе предложеннаго имъ плана. Рѣшеніе было принято осенью 1858 года; но только 6-го Февраля 1859 г. произошло наше вѣнчаніе въ сельской церкви Рязанской губерніи, а затѣмъ вскорѣ и мы, новобрачные, уѣхали за границу. Впослѣдствіи оказалось, что князь Орловъ, выслушавъ предположенія Троицкаго, высказалъ только свое, исключительно-личное одобреніе, предполагая, что браку будетъ предшествовать, такъ или иначе, что-то въ родѣ развода. Между тѣмъ графъ былъ глубоко убѣжденъ, что князь Орловъ, изъ понятной осторожности, не все высказывалъ его посланнымъ, и его одобреніе имѣло гораздо болѣе широкое значеніе, т. е., что намѣренія графа были извѣстны самому государю. Въ этомъ убѣжденіи его всего болѣе утвердило постоянно повторяемое княземъ Орловымъ въ ихъ тогдашней перепискѣ указаніе, что въ дѣлѣ брака прежде всего и болѣе всего необходимо избѣгнуть огласки. Относительно огласки, дѣло было ведено очень ловко. Я вышелъ въ отставку въ концѣ 1858 года и не показывался въ Москвѣ. Послѣ вѣнчанія, оставивъ жену у моихъ родителей въ деревнѣ Смоленской губерніи, я масляницу провелъ одинъ въ Москвѣ и появлялся на всѣхъ вечерахъ и балахъ. Переѣхавъ же границу, мы прожили недолго въ Брюсселѣ, а затѣмъ устроились въ мѣстечкѣ Worthing близъ Брайтона въ Южной Англіи, гдѣ жили совершенно одиноко. Только въ Апрѣлѣ было сообщено о нашемъ пребываніи за границей III Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и послѣдовалъ тотъ отъ нея запросъ, о которомъ я уже упоминалъ.

Однимъ недоразумѣніемъ объясняется рѣшимость графа Закревскаго сдѣлать то, что̀ вызвало его увольненіе. По тѣмъ убѣжденіямъ, которыми онъ руководился всегда въ своей долголѣтней служебной дѣятельности, онъ никогда не нарушалъ законности. Законность же онъ понималъ, какъ точное согласованіе своей дѣятельности съ волей источника закона, т. е. царя. Если эта воля такъ или иначе неисполнима, всегда возможно заболѣть и выйти въ отставку, что̀ онъ и сдѣлалъ въ 1831 году. А меня всегда мучила, и мучитъ до сихъ поръ, мысль, что отчасти я былъ причиной неблаговиднаго конца службы человѣка, вполнѣ достойнаго, всегда относившагося строго къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ. Надѣюсь, что правдивый разсказъ объ этомъ концѣ выяснитъ, что тутъ графъ Закревскій не былъ такъ виноватъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Самъ онъ никогда не старался извинять себя и прямо, всецѣло принималъ на себя отвѣтственность

за сдѣланное. Ему удалось избавить всѣхъ участвовавшихъ въ нашемъ бракѣ отъ отвѣтственности; но онъ скорбѣлъ, что его дочь и я все же находились подъ тяжестью уголовнаго преслѣдованія, которое, впрочемъ, ограничивалось кое-когда требованіемъ явиться. Къ сожалѣнію, высочайшее наше помилованіе послѣдовало послѣ его смерти; если же оно не было получено ранѣе, въ этомъ отчасти былъ виноватъ самъ графъ, ибо императоръ Александръ II относился къ нему и послѣ его увольненія съ большимъ вниманіемъ. Какъ пользовался этимъ цѣннымъ вниманіемъ графъ, потребовало бы длинныхъ объясненій, въ сущности вполнѣ излишнихъ, разъ въ данномъ разсказѣ все дѣло заключается только въ выясненіи личности графа.

Многіе изъ лицъ, принадлежавшихъ къ кружку, собиравшемуся вокругъ графа Закревскаго, высказывали мнѣ послѣ его увольненія, что онъ ушелъ отъ служебной дѣятельности скорѣе во-время, именно наканунѣ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Если такъ говорили и думали люди, приближенные къ графу, то вполнѣ понятно и ясно, что̀ могла о немъ говорить интеллигенція Московская, при его репутаціи строгости и самовластія. Какъ тѣ, такъ и другіе, безусловно ошибались. Я этимъ нисколько не хочу сказать, чтобы графъ Закревскій былъ самымъ подходящимъ генералъ-губернаторомъ для Москвы въ шестидесятыхъ годахъ. Въ 1859 г. ему было 73 года, и при такомъ возрастѣ, дѣйствительно, трудно прилаживаться къ новымъ порядкамъ, хотя административная опытность, чуждая всякихъ увлеченій, пожалуй, всего болѣе полезна именно при новыхъ порядкахъ.

Невѣрность сужденія всѣхъ въ то время о графѣ Закревскомъ заключается въ томъ, что всѣ считали его врагомъ освобожденія крестьянъ, и вотъ это безусловно невѣрно. Странно, что въ Москвѣ сложилось такое мнѣніе, когда графъ во все время своего тамъ одиннадцатилѣтняго генералъ-губернаторства, не на словахъ, а на дѣлѣ, показалъ себя врагомъ крѣпостного права. Злоупотребленія этимъ правомъ преслѣдовались имъ постоянно, и масса лицъ, благодаря ему, освобождены изъ крѣпостной зависимости; но преслѣдованіе злоупотребленій тѣмъ или другимъ правомъ нисколько еще не доказываетъ со стороны преслѣдователя ни его любви, ни его враждебности къ этому праву. Графъ Закревскій былъ и теоретически, и принципіально за освобожденіе крестьянъ; но онъ находилъ, что администрація не умѣла сгладить новыхъ земледѣльческихъ отношеній; а также онъ относился скептически къ долговѣчности ожидаемыхъ и уже объявленныхъ реформъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ видѣлъ настоящій и будущій внутренній разладъ въ Россіи; вслѣдствіе сего, онъ высказывалъ опасенія, что обезсиленная Россія не въ состояніи будетъ справиться съ искон-

нымъ своимъ врагомъ, Наполеономъ III. Убѣжденіе его, что племянникъ не удовольствуется Севастополемъ и отомститъ еще болѣе той странѣ, которая одна побѣдила его дядю и освободила Европу отъ ига, сдѣлалось у него своего рода мономаніей. Еще въ 1862 году выслушивалъ онъ возраженія въ нашихъ бесѣдахъ; но въ 1864 году, послѣ безпорядковъ въ Польшѣ и Литвѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ руку Наполеона III, онъ сдѣлался, если такъ можно выразиться, ярымъ консерваторомъ. Необходимо нѣсколько подробнѣе выяснить политическое credo покойнаго графа А. А. Закревскаго.

Въ 1862 г., проведя три мѣсяца въ ежедневномъ общеніи съ моимъ тестемъ въ Дрезденѣ, Тёплицѣ и Діеппѣ, я полюбилъ его всей душой, какъ родного отца. Могу смѣло сказать, что и онъ полюбилъ меня, какъ сына. Въ своихъ бесѣдахъ со мною онъ говорилъ вполнѣ откровенно, и я былъ несказанно удивленъ, убѣдившись, что мой прежній начальникъ далеко не то, что̀ мы всѣ о немъ думали; а какъ теперь я понимаю, онъ былъ либералъ временъ Александра I, но не Аракчеевскаго конца. Враждебности своей къ выразителю сего конца графъ никогда не скрывалъ, о чемъ мнѣ разсказывалъ немало случаевъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Москвѣ, когда предреформенное броженіе мало-по-малу все болѣе и болѣе развивалось и усиливалось, я всецѣло имъ увлекся. Въ сущности это было что-то смутное. Центромъ броженія была, безусловно, такъ-называемая тогда эмансипація, а затѣмъ общее недовольство непорядками, которые съ такой яркой наглядностью выказались во время одиннадцатимѣсячной осады Севастополя. Недовольство недостаточно выражаетъ всеобщее настроеніе, а скорѣе, надо сказать, озлобленіе. Но въ этомъ озлобленіи была только критика, отрицательное начало; положительнаго же было только одно: освобожденіе крестьянъ и способы его осуществленія. Только ими и занималось общественное мнѣніе; что же далѣе? Тутъ полная неопредѣленность, скорѣе полная безпредѣльность и вмѣстѣ радостное чувство возможности дышать и говорить свободнѣе прежняго. Послѣднее было уже своего рода реформой, фактически существующей, и она дѣйствовала обаятельно на молодежь и пока удовлетворяла ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня. Вотъ какое настроеніе увезъ я съ собою въ концѣ зимы 1859 года за границу. Въ связи освобожденія крестьянъ съ необходимостью измѣненія общаго государственнаго устройства Россіи я убѣдился гораздо позже.

Благодаря рекомендательному письму Василія Петровича Боткина, съ которымъ я сблизился во Флоренціи въ зиму 1860—1861 гг., я познакомился лѣтомъ 1861 года въ Англіи съ А. И. Герценомъ, которымъ былъ принятъ и принимаемъ весьма любезно. Я узналъ Гер-

цена, пожалуй, въ лучшую эпоху его жизни. Его имя и мнѣніе пользовались тогда въ Россіи большимъ авторитетомъ; въ Лондонѣ онъ былъ окруженъ не только разноплеменными выходцами, но и многими Русскими пріѣзжими. Достигнутый успѣхъ, а еще болѣе ожиданіе благодѣтельныхъ реформъ для Россіи, которую онъ горячо, сердечно любилъ, придали ему, по словамъ знавшихъ его издавна, радостное настроеніе. Живость, искренность, блестящее остроуміе и чисто-Русскій юморъ очаровывали въ Герценѣ и вполнѣ естественно подчиняли его вліянію молодежь. Не могу сказать, чтобы я вполнѣ увѣровалъ въ Герцена; но онъ меня убѣдилъ, что освобожденіе крестьянъ логически, неминуемо приведетъ въ Россіи къ общимъ реформамъ, которыя выведутъ ее на такой путь, свернуть съ котораго уже не удастся никакой человѣческой силѣ. Странно какъ-то вышло: Герценъ меня приготовилъ къ бесѣдамъ съ графомъ Закревскимъ 1862 г. Еще страннѣе, что эти двѣ столь противуположныя другъ другу личности въ сущности во многомъ сходились. Оба горячо и сердечно любили свое отечество, оба видѣли въ освобожденіи крестьянъ явленіе, которое неминуемо, логически поведетъ къ дальнѣйшему развитію. У обоихъ, однако, какъ чувство, такъ и предвидѣніе, выражались совершенно различно. Герценъ только мечталъ объ лучшемъ положеніи своей родины и объ успѣшномъ ея внутреннемъ развитіи; возможности международныхъ осложненій онъ не придавалъ никакого значенія. Графъ, наоборотъ, всего болѣе былъ озабоченъ этой возможностью и ей подчинялъ все, что могло и должно было дѣлаться въ Россіи тогда. Сколько разъ, бывало, въ нашихъ спорахъ онъ мнѣ повторялъ свое излюбленное выраженіе: «Я-то, Богъ дастъ, не доживу до такого срама; а ты, пожалуй, увидишь, что въ Москвѣ, вмѣсто Русскаго генералъ-губернатора, будетъ сидѣть Французскій префектъ». Не думаю, чтобы въ этомъ возраженіи было серьезное убѣжденіе, а полагаю, что это былъ скорѣе готовый аргументъ для спора. Я уже говорилъ, что боязнь Наполеона III и его не вполнѣ ясной, но дѣятельной политики развилась у графа въ болѣзненную мономанію. Нельзя не сказать, что въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ Французское правительство пользовалось безусловнымъ авторитетомъ, предъ которымъ преклонялась вся Европа, и до нѣкоторой степени опасенія графа Арсенія Андреевича имѣли основаніе.

Графъ не вѣрилъ въ серьезность предпринятыхъ въ Россіи реформъ и полагалъ, что онѣ или не будутъ доведены до конца, или, доведенныя, будутъ измѣнены, а пожалуй и отмѣнены, что̀ произведетъ внутреннее недовольство, которое, какъ бы оно ни проявилось, свяжетъ правительство. Такимъ положеніемъ непремѣнно воспользуется

Наполеонъ. Графъ ссылался на императора Александра I, который въ началѣ своего царствованія также мечталъ о широкихъ реформахъ и даже приступилъ къ ихъ осуществленію, но потомъ отказался отъ нихъ; но это была, по мнѣнію графа, такая изъ ряда выходящая личность, которая могла все себѣ позволить. Человѣкъ, который возвелъ Россію на такую высоту въ Европѣ, до которой наше отечество никогда, ни до него, ни послѣ него, не достигало, тѣмъ самымъ оказалъ своей родинѣ такія заслуги, при которыхъ все остальное въ его жизни и дѣятельности не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Что̀ думалъ графъ Закревскій сорокъ лѣтъ тому назадъ о реформахъ въ Россіи, помимо освобожденія крестьянъ, врядъ ли нынѣ интересно; но его мнѣніе объ императорѣ Александрѣ I имѣетъ нѣкоторое, пожалуй, историческое значеніе.

Графъ Закревскій, въ чинѣ полковника, былъ 3 Декабря 1812 г. назначенъ флигель-адъютантомъ и съ тѣхъ поръ сопровождалъ государя императора Александра Павловича во все время военныхъ дѣйствій, вплоть до вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ. 29 Мая 1815 г. ему было поручено сформированіе главнаго штаба его императорскаго величества, къ чему онъ и приступилъ въ Гейдельбергѣ. Вторичный походъ во Францію пріостановилъ это формированіе, но фактически онъ исполнялъ при государѣ должность дежурнаго генерала главнаго штаба, которымъ офиціально онъ былъ назначенъ 12 Декабря 1815 г. и оставался таковымъ до 30 Августа 1823 г., когда былъ назначенъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Съ Декабря 1812 г. по 30 Августа 1823 г. онъ былъ близкимъ человѣкомъ государю императору Александру Первому и естественно могъ узнать его вполнѣ, но начало этой близости наложило крѣпкую окраску на мнѣніе его о государѣ. Графу Закревскому было всего 27 лѣтъ отъ роду, когда онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и сдѣлался довѣреннымъ человѣкомъ государя. Въ то время обстоятельства все болѣе выдвигали Русскаго императора, какъ руководителя въ Европѣ, рѣшителя важныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющихъ міровое значеніе. Вполнѣ естественно, что обаянія этого начала ничто въ послѣдовавшихъ отношеніяхъ измѣнить уже не могло. Графъ Закревскій часто былъ недоволенъ дѣйствіями государя Александра Павловича и въ своихъ разсказахъ о немъ не скрывалъ его недостатковъ, но всегда объяснялъ ихъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ международной политикѣ онъ всецѣло, безусловно преклонялся предъ государемъ и считалъ его дипломатомъ выше Талейрана и Меттерниха; но и въ мелочахъ его, такъ-сказать, служебной дѣятельности онъ все объяснялъ необходимостью. Изъ многихъ слышанныхъ мною разсказовъ приведу для примѣра только одинъ.

Губернскія дворянства ходатайствовали представить свои вѣрноподданническіе адресы государю императору по возвращеніи его изъ-за границы въ 1816 г. Сначала предполагался общій пріемъ предводителей и избранныхъ дворянствомъ депутатовъ; но впослѣдствіи это было измѣнено, и только одни губернскіе предводители принимались группами не болѣе четырехъ-пяти человѣкъ за разъ. Въ одно изъ такихъ представленій графъ Закревскій и графъ П. Д. Киселевъ (тогда оба еще не графы) были въ пріемной, во дворцѣ. Государь былъ не въ духѣ, чѣмъ-то раздраженъ; но въ назначенное время, очередные предводители были введены въ его кабинетъ. Когда дверь кабинета затворилась, Киселевъ, обратясь къ Закревскому, сказалъ: «не кстати они пришли; а ничего, онъ ихъ все же сумѣетъ такъ разжалобить, что всѣ расплачутся, начиная съ него самого, а потомъ кого уже намѣтилъ, подтянетъ какъ слѣдуетъ». Дѣйствительно, выходящая изъ кабинета группа вытирала слезы. Графъ Закревскій находилъ, что способность человѣка, по собственной его волѣ, легко и быстро переходить всецѣло отъ одного настроенія къ другому совершенно противоположному, весьма цѣнное качество высшаго правителя, обязаннаго по своему положенію разнородно относиться къ разнороднымъ учрежденіямъ и лицамъ, чуть не ежедневно и постоянно. Такой умѣлый въ мелочахъ правитель, первый дипломатъ въ Европѣ, окруженный ореоломъ всѣми признанной славы, могъ все себѣ позволить безъ всякой серьезной опасности для своего отечества и для своего авторитета.

Графъ упрекалъ правительственное направленіе начала шестидесятыхъ годовъ въ двухъ, по его глубокому убѣжденію, весьма важныхъ прегрѣшеніяхъ: поспѣшности реформъ и заигрываніи администраціи съ общественнымъ мнѣніемъ данной минуты, что̀ онъ находилъ въ высшей степени рискованнымъ при возможности международныхъ осложненій. Въ сущности онъ не былъ врагомъ ни реформъ, ни общественнаго мнѣнія, но возставалъ противъ способа введенія первыхъ и обращенія съ послѣднимъ. Объ уничтоженіи крѣпостного права, взяточничества и объ измѣненіи существовавшихъ судебныхъ учрежденій, по его словамъ, онъ мечталъ еще въ молодости, когда первыя проявленія царствованія Александра I возбудили радужныя надежды всей Россіи. Необходимо имѣть въ виду, что графъ Закревскій былъ произведенъ въ офицеры и поступилъ на службу въ 1802 г. въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ, въ которомъ засталъ еще букли, пудру, эспантонъ и прочіе Павловскіе порядки. Отразившіяся на восемнадцатилѣтнемъ юношѣ новыя вѣянія имѣли вліяніе на направленіе всей его жизни. Я старался вполнѣ добросовѣстно понять,

такъ сказать, политическія убѣжденія графа А. А. Закревскаго и, если бы онъ былъ сторонникомъ якобы патріархальнаго отношенія къ младшей братіи, о необходимости котораго толкуютъ и теперь, то онъ точно также добросовѣстно постарался бы это выяснить. Кстати позволю себѣ одинъ странный вопросъ: въ семъ 1901 г., первомъ году XX столѣтія, уничтожено ли вполнѣ крѣпостное право въ нашемъ нынѣ захудаломъ крестьянствѣ?

Въ 1864 году графъ пріѣхалъ за границу на видъ болѣе слабымъ чѣмъ два года передъ тѣмъ. Къ вечеру появлялась часто сонливость; былъ у него отекъ ногъ, что̀ серьезно озабочивало его доктора и друга А. П. Овера. Курсъ ваннъ въ Тёплицѣ, всегда ему помогавшій, и этотъ разъ оказалъ на его здоровье благотворное дѣйствіе. Улучшеніе, какъ будто, еще болѣе укрѣпилось осенью въ нашемъ Тосканскомъ имѣніи, Гальчето, и онъ, когда переѣхалъ на зиму во Флоренцію, былъ замѣчательно свѣжъ, бодръ и дѣятеленъ. Наканунѣ новаго 1865 года (разумѣется Русскаго) былъ у насъ многолюдный вечеръ; танцовали, и графъ произвелъ на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе. Никто вѣрить не хотѣлъ, что ему подъ восемьдесятъ. Многія изъ Итальянскихъ дамъ обступили его и принялись съ нимъ кокетничать, къ сожалѣнію, черезъ переводчика, такъ какъ онъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ не говорилъ. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало разговору быть оживленнымъ, а веселію старика искреннимъ. Въ началѣ 1865 года, мы всѣ успокоились на счетъ здоровья графа. Я только боялся, что измѣненіе среды, къ которой онъ привыкъ въ Москвѣ, дурно на него подѣйствуетъ. Въ началѣ Декабря 1864 г. извѣстіе о смерти въ Москвѣ А. П. Овера его поразило и опечалило. Онъ даже заболѣлъ, но довольно скоро поправился. Жизнь во Флоренціи ему положительно понравилась, и онъ въ короткое время, если можно такъ выразиться, совершенно акклиматизировался. Графъ часто мнѣ повторялъ, что главное въ жизни всякого человѣка, это умѣніе распредѣлить свое время, а для служащаго, особенно на высшихъ ступеняхъ, это коренная необходимость: только тогда все можно успѣть сдѣлать толково и безъ утомленія. И во Флоренціи онъ методично распредѣлилъ свое время между занятіями, прогулками, пріемами и поѣздками. Тогда во Флоренціи проводило зиму семейство Аладьиныхъ. Три молодыя барышни этого семейства, а также моя младшая сестра, сговорились поочередно дежурить при графѣ въ качествѣ его адъютантовъ, въ память тѣхъ четырехъ, которые при немъ состояли, когда онъ занималъ должность Московскаго генералъ-губернатора. Онѣ исполняли свои обязанности аккуратно, и это очень тѣшило старика, а также и развлекало его. Онъ очень полюбилъ своего внука, которому тогда было

два года; но тутъ мнѣ приходилось часто вмѣшиваться, за что на меня графъ серьезно сердился. Странно было выслушивать его упреки въ строгости, когда нельзя было не принимать мѣръ съ ребенкомъ, только что оправившимся отъ серьезной болѣзни и бывшимъ изъ рукъ вонъ капризнымъ. Графъ все же засиживался въ дѣтской. Это была его слабость. Еще онъ увлекался прогулками въ мягкомъ, Флорентинскомъ климатѣ, и часто установленный порядокъ дня нарушался, въ чемъ онъ, добродушно смѣясь, сознавался самъ. Предположено было, что я, исправлявшій должность его секретаря, буду писать, подъ его диктовку, его воспоминанія; но это было отложено до весны, когда мы переѣдемъ въ Гальчето. Графъ призналъ, что во Флоренціи нѣтъ времени, чтобы постоянно заниматься такимъ дѣломъ, какъ слѣдуетъ. Безусловно, ему жилось хорошо и занятно. Казалось, ему предстояли еще долгіе годы сравнительно счастливой жизни; но 11 Января 1865 г. онъ умеръ, стоя, посреди веселаго разговора съ обожаемой имъ дочерью. Падая, голова его опустилась на ея колѣни.

Вполнѣ сознаю всю неполноту этого біографическаго очерка, да таковаго я и не имѣлъ въ виду: Мнѣ только хотѣлось выяснить вполнѣ правдиво личность и характеръ очень хорошаго Русскаго человѣка. Какъ бы ни оцѣнивалась его дѣятельность, но могу смѣло передъ Богомъ и людьми сказать, что графъ А. А. Закревскій всѣмъ сердцемъ любилъ свое отечество и всегда, на сколько могъ и умѣлъ, старался быть ему полезнымъ.

Князь Дмитрій Друцкой-Соколинскій.

22 Февраля 1901 г.
с. Знаменское.

*

Мірская молва—
Морская волна.

Графъ Закревскій—сынъ небогатаго помѣщика Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи. Бабка его по матери (урожд. Лутковской) была княжна Солнцева, т. е. происходила отъ Рюрика; но связей у него не было, и вышелъ онъ, что̀ называется, „въ люди“ своимъ трудомъ и своею военною службою, получивъ боевую опытность еще подъ Аустерлицомъ. Въ 1811 году на его рукахъ умеръ въ Одессѣ главнокомандовавшій нашею Дунайскою арміей, графъ Каменскій. Закревскій отвозилъ его бумаги въ Петербургъ, и тутъ узналъ его лично Государь. Память свою о графѣ Каменскомъ Закревскій выразилъ постановкою ему памятника въ имѣніи своей супруги, селѣ Ивановскомъ, подъ Подольскомъ. Любопытно, что когда это имѣніе пріобрѣла графиня С. В. Келлеръ, то въ купчей крѣпости было ею принято обязательство беречь камень съ именемъ графа Каменскаго и при продажѣ въ другія руки обязать къ тому новаго владѣльца *). Мягкія стороны въ характерѣ

*) Село Ивановское нынѣ поступило въ собственность Бахрушина. Оговорено ли это въ новой купчей крѣпости?

суроваго съ виду графа Закревскаго уже знакомы читателямъ „Русскаго Архива“ по письмамъ А. Я. Булгакова къ его брату; но тутъ уже какая-то нѣжность признательности къ благодѣтелю.

Графъ А. А. Закревскій правилъ Москвою въ теченіе одиннадцати лѣтъ, облеченный властію безпримѣрною: у него были такъ называемые *бланки*, т. е. листы съ своеручною подписью императора Николая Павловича, на которыхъ могъ онъ написать какое бы ни счелъ нужнымъ распоряженіе. Самому государю угодно было облечь его такимъ небывалымъ полномочіемъ. Вѣроятно, такіе же бланки имѣлъ и Паскевичъ въ Варшавѣ (гдѣ они были, конечно, нужнѣе, нежели въ Москвѣ): если Николай Павловичъ кому вѣрилъ, то вѣрилъ вполнѣ. Такова была цѣльность его природы; этою же цѣльностью одаренъ былъ и графъ Закревскій. Въ Москвѣ, когда Государь пріѣзжалъ къ нему на торжественныя вечернія засѣданія, онъ встрѣчалъ его у входа въ залы и провожалъ только до того же мѣста, и Государь былъ доволенъ этимъ соблюденіемъ достоинства Москвы. Въ Августѣ мѣсяцѣ 1851 года, когда Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву поздно вечеромъ (съ первымъ *запоздавшимъ* поѣздомъ желѣзной дороги) и сталъ говорить графу Закревскому, что на другой день онъ не намѣренъ выходить къ народу съ Краснаго крыльца, тотъ ему прямо заявилъ, что это невозможно, такъ какъ съ ранняго утра весь Кремль будетъ занятъ сплошною толпою Москвичей. Черезъ пять лѣтъ, по окончаніи торжествъ царскаго вѣнчанія, новый Государь благодарилъ графа Закревскаго за полный порядокъ, въ которомъ эти торжества совершились: тотъ отвѣчалъ, что не можетъ отнести къ себѣ лично эту благодарность, ибо никакая полиція въ мірѣ не устранила бы безпорядковъ, если бы населеніе Москвы не было благочестиво и благонравно. Въ это время Москва уже не находилась въ подозрѣніи, которое внушаемо было въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія нашептываніями изъ Австріи и питаемо Третьимъ Отдѣленіемъ, гдѣ еще со временъ графа Бенкендорфа свили себѣ гнѣздо Поляки (самъ Л. В. Дубельтъ былъ родомъ Полякъ, сынъ Испанки). К. С. Аксаковъ уже могъ обратиться къ воспитаннику Жуковскаго съ искреннимъ посланіемъ, а Хомяковъ воспѣлъ его вѣнчаніе на царство прекрасными, благороднѣйшими стихами. Мы увѣрены, что графъ Закревскій способенъ былъ оцѣнять нравственную высоту такихъ людей, хотя и долженъ былъ въ предыдущее царствованіе доносить о томъ, какъ они проводятъ время, и получать списки лицъ, съ которыми они видаются. Т. Н. Грановскому, наканунѣ его кончины, онъ объявилъ, что, по его распоряженію, высланы изъ Москвы лица, которыя навѣрняка его обыгрывали въ Купеческомъ клубѣ, а вскорѣ послѣ погребенія Грановскаго графъ Закревскій счелъ своимъ долгомъ почтительно навѣстить его вдову.

Прибавимъ личное воспоминаніе. Апрѣль 1854 года провелъ я въ Петербургѣ, куда ѣздилъ навѣстить бывшихъ моихъ учениковъ Ивана и Дмитрія Егоровичей Шевичей, внуковъ графа Д. Н. Блудова, въ домѣ котораго и останавливался. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Москву, прибылъ въ един-

ственную тогда мою комнату полицейскій чиновникъ съ приказаніемъ отъ генерала-губернатора явиться къ нему. Меня ввели черезъ рядъ покоевъ въ кабинетъ грознаго Московскаго владыки. „А я думалъ, что вы свѣтскій человѣкъ, сродни Ипату Бартеневу, началъ графъ Закревскій: у васъ же всего одна комната, и та завалена книгами. Садитесь, садитесь и пожалуйста не безпокойтесь; мнѣ изъ Петербурга прислана вотъ бумага, и вы должны отвѣчать на вопросы, въ ней написанные". Графъ подалъ мнѣ бумагу, въ которой стояло три вопроса: 1) Зачѣмъ ѣздилъ я въ Петербургъ, 2) Что̀ я думаю о Хомяковѣ и Славянофилахъ, и 3) Зачѣмъ возилъ я съ собою и читалъ въ слухъ Хомяковскіе стихи (это было стихотвореніе „Россіи" съ знаменитымъ стихомъ „и всякой мерзости полна", дозволенное къ печати лишь черезъ нѣсколько лѣтъ). Мнѣ легко было написать отвѣты мои, и затѣмъ графъ сталъ меня разспрашивать о моихъ занятіяхъ и откуда я родомъ. Когда я упомянулъ, что отецъ мой служилъ въ 1812 году подполковникомъ Арзамазскаго конноегерскаго полка, графъ началъ говорить объ этомъ полку и какъ-то назвалъ имя графа Н. М. Каменскаго. Графъ совсѣмъ просіялъ; а я воспользовался случаемъ спросить, справедливъ ли слухъ о томъ, что этотъ великій нашъ полководецъ былъ отравленъ Французскимъ консуломъ. Графъ отвѣчалъ, что дѣйствительно болѣзнь графа Каменскаго началась послѣ выпитаго имъ на вечерѣ у Французскаго консула стакана чаю. Въ разговорѣ о графѣ Каменскомъ и о 1812 годѣ прошло добрыхъ минутъ двадцать, такъ что когда я уходилъ домой, вполнѣ успокоенный и обласканный, лица находившіяся въ пріемной генералъ-губернаторскаго дома посматривали на меня съ недоумѣніемъ. Вѣроятно, имъ показалось, что я важный человѣкъ, коль скоро оставался на допросѣ такъ долго. Впослѣдствіи пріятели мои шутили надо мною, говоря, что позванъ я былъ къ допросу, а вмѣсто того самъ допрашивалъ.

Графъ Закревскій былъ коренной Русскій человѣкъ. Онъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Москвѣ постоянною заботою о дешевизнѣ общаго продовольствія жителей (каковою обезпечивается спокойствіе) и устройствомъ обширной и образцовой Измайловской богадѣльни, для престарѣлыхъ воиновъ. Самъ онъ закалился участіемъ въ великихъ бояхъ. Онъ ввелъ въ обычай праздновать особымъ инвалиднымъ концертомъ день 19-го Марта, т. е. день взятія Парижа 1814 года. Тяжело ему было, когда безпамятливые наши дипломаты допустили подписаніе Парижскаго мира 1856 года именно въ этотъ день. Вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ и младшимъ сослуживцемъ, П. Я. Чадаевымъ, горевалъ онъ о томъ. П. Б.

ПО ПОВОДУ СТОЛѢТІЯ СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ГРУЗІИ.

18-го Января исполнилось сто лѣтъ, какъ Грузія, при послѣднемъ царѣ Георгіи XIII, была присоединена къ Россіи.

Братъ царя Георгія, царевичъ Антоній, католикосъ Грузіи, скончался въ с. Лысковѣ, Нижегор. губ., во дворцѣ своего родственника, князя Георгія Александровича Грузинскаго, извѣстнаго въ мѣстномъ населеніи по своимъ буйнымъ поступкамъ, болѣе подъ именемъ „князя Егорки" и увѣковѣченнаго П. И. Мельниковымъ-Печерскимъ въ его разсказахъ „Старые годы".

Въ нашемъ собраніи находится постановленіе Нижегородской Духовной Консисторіи относительно имущества умершаго католикоса Антонія и письмо князя Грузинскаго къ Нижегородскому преосвященному Аѳанасію по этому же дѣлу. Сообщаемъ оба эти документа.

А. Титовъ.

.... *) Января 23 дня, по указу Его Императорскаго Величества, въ Нижегородской Духовной Консисторіи, по выслушаніи поданнаго въ оную отъ присутствующихъ Консисторіи, Нижегородскихъ монастырей отцомъ архимандритовъ, первоклассиаго Печерскаго и Семинаріи ректора и кавалера Гавріила, и третьеклассиаго Благовѣщенскаго Іоакима, рапорта, коимъ они на указъ сей Консисторіи о достовѣрномъ узнаніи, чрезъ кого слѣдуетъ, о завѣщаніи покойнаго блаженнѣйшаго католикоса Антонія Грузинскаго касательно имущества его, и о доставленіи съ онаго копіи въ сію Консисторію, донесли:

1) Поелику родственниками покойнаго блаженнѣйшаго католикоса Антонія, ихъ сіятельствомъ княземъ Егоромъ Александровичемъ Грузинскимъ (и) Евстафіемъ Давыдовичемъ Циціановымъ, представлена имъ копія съ собственной описи покойнаго церковному у него имѣвшемуся имуществу, съ объявленіемъ, что подлинная таковая опись, за своеручнымъ его, покойнаго, подписомъ, препровождена къ его сіятельству, бывшему министру духовныхъ дѣлъ, князю Александру Николаевичу Голицыну: то съ таковой копіи копія же истребована ими, за подписомъ его сіятельства князя Егора Александровича Грузинскаго.

2) По упоминаемой копіи съ описи означенному у покойнаго католикоса имѣвшемуся церковному имуществу, оное ими, архимандритами, при означенныхъ родственникахъ покойнаго и прочихъ, при томъ бывшихъ, освидѣтельствовано, и оказалось въ наличіи, почему теперь, за печатію князя Егора Александровича Грузинскаго, оставлено впредъ до разсмотрѣнія князя Евстафія Давыдовича Циціанова .... Впрочемъ, поелику таковое

*) Точками замѣнены мѣста, въ подлинникахъ истлѣвшія.

имущество церковное содержитъ въ себѣ много драгоцѣннѣйшихъ вещей, то надлежитъ, по ихъ мнѣнію, въ скорѣйшемъ времени, для вящей безопасности, взять оное къ храненію въ благонадежнѣйшее каковое-либо мѣсто, укрѣпленное не только крѣпкими замками, но и приставленною стражею.

3) Какое осталось послѣ покойнаго католикоса собственное имущество, заключающееся въ вещахъ, въ церкви употребляемыхъ, и прочихъ, оному всему составлена ими, архимандритами, опись, съ примѣрною вещей оцѣнкою, чрезъ бывшихъ при томъ цѣновщиковъ, полиціею присланныхъ, при родственникахъ покойнаго, при посредствѣ полицейскомъ и при прочихъ, подъ оною подписавшихся. И по таковой описи, то имущество, за печатью же князя Егора Александровича, оставлено у князя Евстафія Давыдовича Циціанова, въ его квартирѣ, подъ росписку князя Егора Александровича Грузинскаго, причемъ въ ономъ имуществѣ оказались драгоцѣннѣйшіе панагія и на клобукѣ крестъ, высочайше жалованный покойному католикосу, то хотя они и требовали ихъ, для представленія въ Консисторію, къ препровожденію въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, на разсмотрѣніе о нихъ, однако, упоминаемые родственники покойнаго отъ выдачи оныхъ имъ, архимандритамъ, отозвались тѣмъ, что они ихъ тогда уже выдадутъ, когда Святѣйшій Правительствующій Синодъ потребуетъ оныхъ.

4) Съ завѣщанія покойнаго блаженнѣйшаго католикоса Антонія касательно собственнаго имущества его истребована ими отъ родственника его, князя Евстафія Давыдовича Циціанова, формальная и гдѣ слѣдовало на гербовой бумагѣ засвидѣтельствованная копія.

5) Поелику въ собственномъ имуществѣ покойнаго католикоса по большей части имѣются вещи, въ церкви, особенно при священнослуженіи архіерейскомъ употребляемыя, то и предлагали родственникамъ, прося ихъ назначить, куда слѣдуетъ опредѣлить; они, назначивъ только одинъ саккосъ въ здѣшнюю архіерейскую ризницу, взамѣнъ возложенной изъ той ризницы митры на главу покойнаго, о прочихъ вещахъ отозвались, что они сами, по своему изволенію, обратятъ ихъ, куда по приличію и ихъ усердію разсудятъ, и

6) Орденскіе знаки, у покойнаго католикоса бывшія, первый святаго апостола Андрея Первозваннаго и второй—святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, выданы родственниками покойнаго изъ нихъ отцу архимандриту и кавалеру Гавріилу, для представленія ихъ въ сію Консисторію. При чемъ представили вышеупомянутыя копіи: 1-е, съ копіи описи церковному имуществу покойнымъ блаженнѣйшимъ католикосомъ къ его сіятельству, бывшему министру духовныхъ дѣлъ, князю Голицыну, препровожденной, засвидѣтельствованную княземъ Егоромъ Александровичемъ въ двухъ экземплярахъ; 2-е, въ двухъ же экземплярахъ, съ описи собственному покойнаго имуществу; 3-е, съ завѣщанія покойнаго католикоса касательно собственнаго имѣнія его, и 4-е вышепрописанные орденскіе знаки покойнаго.

Опредѣлено: 1) Орденскіе знаки, послѣ покойнаго блаженнѣйшаго католикоса Антонія оставшіеся, препроводить въ Орденскій Капитулъ по надлежащему.

2) При рапортѣ отъ имени его преосвященства представить въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ копію съ описи церковному имуществу, покойнымъ католикосомъ въ 1819 году за своимъ подписомъ представленной бывшему г. министру духовныхъ дѣлъ, его сіятельству князю Александру Николаевичу Голицыну, съ испрашиваніемъ въ резолюцію указа, куда оное имущество препроводить повелѣно будетъ.

3) При томъ же въ представленномъ его преосвященства рапортѣ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ препровождены, какъ съ завѣщанія покойнаго католикоса касательно собственнаго имѣнія его, такъ и съ описи того имѣнія, съ испрашиваніемъ также въ резолюцію указа: повелѣно ли будетъ высочайше пожалованные покойному католикосу брилліантовые панагію и на клобукѣ крестъ, истребовавъ отъ родственниковъ покойнаго, препроводить, на основаніи именнаго высочайшаго указа 1800 г. Маія 13 дня, въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, на его благоразсмотрѣніе? Также собственныя покойнаго вещи, при служеніи архіерейскомъ употребляемыя, оставить ли у родственниковъ его на ихъ произволеніе, куда они разсудятъ обратить ихъ, или, отобравъ сіи вещи, также распорядиться ими самому епархіальному начальству, по именному высочайшему указу, 1806 г. Іюня 29 дня состоявшемуся? Съ мнѣніемъ о прочихъ изъ того имущества вещахъ таковымъ, чтобъ разсмотрѣніе о томъ, кому оныя принадлежатъ, предоставить, на основаніи докладныхъ Святѣйшаго Синода Апрѣля 12 дня 1722 г. . . суду.

4) Церковное покойнаго католикоса Антонія . . . венно ему доставшееся имѣніе потребовать отъ родственниковъ покойнаго. . . . вать въ ризницу каѳедральнаго собора къ храненію, а дабы во всякой безопасности оно тамъ хранилось за печатьми Консисторіи и родственниковъ покойнаго, то отнестись отъ имени его преосвященства къ г. генералъ-губернатору, дабы онъ соблаговолилъ приказать кому слѣдуетъ учредить военную стражу при каѳедральномъ холодномъ соборѣ, гдѣ оная ризница соборная имѣется, и

5) Копіи съ описей о бывыхъ послѣ покойнаго католикоса оставшихся церковномъ и его собственномъ имуществахъ, а также копію съ его завѣщанія о его собственномъ имуществѣ оставить въ Консисторіи при дѣлѣ. Впрочемъ, не приводя сего мнѣнія въ исполненіе, представить напередъ оное къ его преосвященству Аѳанасію, епископу Нижегородскому и Арзамазскому, и кавалеру на архипастырское благоразсмотрѣніе и утвержденіе.

Благовѣщенскій архимандритъ Іоакимъ, Архангельскаго собора протоіерей Ермилъ, Ярмоночнаго Спаскаго собора протоіерей Іоаннъ. Указъ посланъ отъ 30 Генваря, за № 422. Антонъ Сѣверовъ.

Письмо къ Нижегородскому епископу Аѳанасію.

Милостивѣйшій архипастырь! На почтеннѣйшее отношеніе вашего преосвященства, отъ 4 Ноября прошлаго 1828 г., я имѣлъ честь извѣщать, что домашняя ризница послѣ блаженнѣйшаго католикоса находится въ Лысковѣ, въ домѣ, гдѣ скончался племянникъ его, князь Циціановъ, за печатьми земскаго исправника и отца его духовнаго, Лысковскаго Спасо-Преображенскаго собора протоіерея Аарона. Такъ какъ смерть, постигшая князя Циціанова, случилась въ небытность мою въ Лысковѣ, и куда, какъ скоро я прибуду, то, согласно завѣщанію князя Циціанова, изберу случай препроводить оную по описѣ въ Грузію, въ тамошній Анчихоцкой каѳедральный соборъ. Но нынѣ, прибывъ въ Лысково, сынъ покойнаго князя Циціанова, единственный послѣ него наслѣдникъ, согласно волѣ покойнаго его родителя касательно оной ризницы, распорядился слѣдующимъ образомъ: два саккоса, двѣ бархатныя мантіи и одну епатрахиль въ Анчихоцкой Спасо-Нерукотвореннаго образа соборъ прежде бывый . . . . каѳедральнымъ соборомъ католикосовъ . . . . посохъ . . . . кирію въ монастырь святыя . . . . гдѣ пребываніе свое имѣетъ преосвященнѣйшій митрополитъ Бомберскій, куда означенные предметы и будутъ самимъ имъ, княземъ Циціановымъ, доставлены.

Оный наслѣдникъ покойнаго князя Циціанова проситъ моего посредства у вашего преосвященства, дабы благоволили вы исходатайствовать чрезъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ высочайшее разрѣшеніе о всемилостивѣйше пожалованныхъ бриллiантовыхъ крестѣ на клобукъ и панагіи покойному царевичу Антонію, блаженнѣйшему католикосу Грузіи, за коимъ, если воспослѣдуетъ высочайшее повелѣніе о выдачѣ за оные денегъ, то деньги тѣ выдать ему, князю Давыду Циціанову, Грузинскаго гренадерскаго полка прапорщику и кавалеру, какъ единственному наслѣднику послѣ покойнаго родителя его, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, князя Евстафія Давыдовича Циціанова, который по завѣщанію, записанному въ Нижегородскомъ Уѣздномъ Судѣ прошлаго 1826 года, Августа 24 дня, покойнымъ католикосомъ утвержденъ наслѣдникомъ всего оставшагося послѣ его движимаго имѣнія.

Марта 23 дня 1829 года. Его преосвященству Аѳанасію, епископу Нижегородскому и Арзамазскому, и кавалеру.

1829 года Марта д., въ Нижегородской Духовной Консисторіи слушано сего отношенія и состоявшейся на немъ отъ его преосвященства резолюціи, опредѣлено: по состоявшейся на семъ отношеніи отъ его преосвященства резолюціи учинить исполненіе.

Каѳедральнаго собора протоіерей Андрей, Архангельскаго собора протоіерей Ермилъ, Архангельскій протоіерей Стефанъ, секретарь Сѣверовъ.

ПАМЯТИ БОРИСА ИВАНОВИЧА ЧЕРКАСОВА.

На дняхъ сошелъ въ могилу одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей нашего времени, Борисъ Ивановичъ Черкасовъ.

Довольно припомнить, что въ началѣ своей дѣятельности онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ Н. А. Милютина и Татаринова по введенію и упроченію у насъ государственнаго контроля, чтобы понять его духовное и нравственное значеніе въ мірѣ административномъ. Преданіями 50-хъ и 60-хъ годовъ онъ былъ завѣщанъ нашему времени, со всѣми завѣтами тогдашняго періода, счастливаго для возрождавшейся Россіи. И онъ свято, до послѣдней минуты жизни, сохранялъ въ себѣ эти завѣты, горячо прилагая ихъ въ своей гражданской дѣятельности. Къ сожалѣнію, и самый яркій свѣтъ на разстояніи не только вѣковъ, но и десятилѣтій, иногда становится слабой свѣточью, и притомъ не для всѣхъ глазъ пріятною. Но исторія правдива. Нѣсть льсти во языцѣ ея, но нѣтъ и суда неправеднаго; ей только нужно время для того, чтобы улеглись всѣ субъективныя впечатлѣнія современниковъ и очистили поле для суда объективнаго. И потому было бы слишкомъ рано надъ неосѣвшею еще могилой Б. И. писать его біографію. Достаточно будетъ припомнить въ общихъ чертахъ характеръ его дѣятельности въ различныхъ ея сферахъ. Вездѣ онъ былъ одинъ и тотъ же, вездѣ неизмѣнно хранилъ въ душѣ идеалъ чести и добра, унаслѣдованный имъ отъ рожденія.

Административная дѣятельность его была обширна и разнообразна. Въ ней можно различить два періода, различные по самому существу дѣла, которое ввѣрялось ему. Духовный питомецъ Татаринова и Н. А. Милютина, пропитанный благородными принципами, одушевлявшими ихъ, онъ былъ сначала предсѣдателемъ Казенной Палаты, затѣмъ однимъ изъ первыхъ предсѣдателей Московской Контрольной Палаты, созданной Татариновымъ. Обширный опытъ и глубокое изученіе дѣла въ малѣйшихъ его подробностяхъ, пріобрѣтенные имъ на этихъ должностяхъ, дали ему право на полное довѣріе покойнаго го-

сударя Александра II и вызвали назначеніе его генералъ-контролеромъ Задунайской арміи. Этотъ періодъ его дѣятельности можно назвать періодомъ *борьбы* съ личными злоупотребленіями, господствовавшими тогда въ арміи. Твердый въ своей неподкупности и нетерпимости зла, Б. И., конечно, здѣсь былъ встрѣченъ не только съ холодностью, но даже съ явнымъ недоброжелательствомъ. Довольно привести одинъ эпизодъ изъ его Задунайской жизни, чтобы составить себѣ понятіе объ отношеніи къ нему окружавшей его среды. Какъ контролеръ интенданства, слѣдуя съ главнымъ штабомъ арміи, въ одномъ изъ городковъ Болгаріи онъ получилъ квартиру, въ которой всю ночь его безпокоили болѣзненные стоны въ сосѣдней комнатѣ. Поутру онъ узналъ, что ему была предоставлены комната и *постель* лежавшаго въ ней больного *натуральною оспой*. Б. И. получилъ, конечно, туже болѣзнь и принужденъ былъ оставаться шесть недѣль въ той же комнатѣ, оставивъ главный штабъ и исполненіе своихъ контрольныхъ обязанностей.

Полную нравственную поддержку и полное сочувствіе своей дѣятельности въ этотъ періодъ своего служенія Б. И. находилъ тогда лишь въ Государѣ Цесаревичѣ и въ бывшемъ при арміи докторѣ С. П. Боткинѣ. Все остальное, окружавшее его, относилось къ нему или безразлично, или съ явнымъ недоброжелательствомъ; потому что прямотою своей онъ не могъ не вызывать непріятнаго чувства въ тѣхъ, кто не чуждался злоупотребленій или былъ къ нимъ равнодушенъ.

Такое положеніе, не измѣняя нисколько внутренняго строя души его, нѣсколько отразилось на его наружныхъ серьезныхъ пріемахъ, давшихъ впослѣдствіи поводъ думать многимъ, что онъ суровъ и деспотиченъ. Но кто узнавалъ его нѣсколько ближе, тому скоро становились ясны мягкость и теплота души его, просвѣчивавшія сквозь напущенный жизнью твердый покровъ. Само дѣло обыкновенно не замедляло подтверждать это: никто не уходилъ отъ этого съ виду грознаго и неумолимаго судьи съ мыслью lasciate ogni speranza. Даже людей, которыхъ онъ считалъ необходимымъ удалить въ интересахъ дѣла (а дѣло онъ ставилъ всегда выше всего), если бы они затѣмъ остались безпомощными, онъ оставлялъ и удалялъ не иначе, какъ найдя какой-нибудь способъ къ облегченію ихъ участи.

Вступленіе его въ область учрежденій императрицы Маріи, въ званіе почетнаго опекуна Николаевскаго Сиротскаго Института и предсѣдателя Опекунскаго Совѣта, раскрыло ему широкое поле для дѣятельности, вполнѣ отвѣчавшей потребностямъ его добраго сердца.

Если предыдущій періодъ его жизни, который мы называли періодомъ *борьбы*, требовалъ отъ него по преимуществу ума, искушеннаго опытомъ жизни, то здѣсь на первомъ планѣ возставали требованія его добраго сердца. И онъ отвѣчалъ имъ со всею горячностью и увлеченіемъ своей любящей души, забывая о самомъ себѣ и не соразмѣряя своихъ трудовъ съ своими старческими силами. Онъ заботился, какъ нѣжный отецъ, о возможномъ улучшеніи матеріальнаго быта ввѣренныхъ его попеченію сиротъ и входилъ во всѣ мельчайшія подробности этого быта. Стремясь къ достиженію возможно лучшихъ гигіеническихъ условій для ихъ жизни и здоровья, онъ хорошо понималъ, какъ много въ этомъ дѣлѣ нуждаются дѣти, поступающія въ Институтъ по преимуществу изъ юдолей бѣдности и нищеты. Ему обязаны они, между прочимъ, тѣмъ, что онъ первый открылъ для нихъ доступъ къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ, лучшимъ въ нашемъ отечествѣ.

Какъ человѣкъ высоко-образованный, онъ не ограничивался одною заботою о матеріальномъ бытѣ сиротъ. Широко понимая значеніе будущихъ воспитательницъ новыхъ поколѣній, онъ старался возвысить ихъ достоинство, снабжая ихъ всѣми свѣдѣніями, не входящими въ програму ихъ ученія, но могущими расширить кругъ ихъ пониманія и поставить ихъ на уровень современнаго образованія. Онъ приглашалъ частнымъ образомъ, въ свободные вечерніе часы, учителей читать общедоступнымъ языкомъ лекціи по предметамъ, не входящимъ въ програму ученія, но о которыхъ будущимъ гувернанткамъ необходимо было имѣть понятіе. На этихъ лекціяхъ можно было получить болѣе обширныя свѣдѣнія, поясняемыя опытомъ, изъ физики, увидать волшебный фонарь, познакомиться со всѣми открытіями Эдиссона, съ пріемами фотографіи, даже получить понятіе объ астрономіи и т. д. И вездѣ Б. И. присутствовалъ и руководилъ самъ.

Но дѣятельность его не ограничивалась однимъ Институтомъ и примыкающими къ нему учрежденіями. Его положеніе предсѣдателя Опекунскаго Совѣта давало ему возможность распространять ее и внѣ этой сферы. Можно сказать, что онъ создалъ ежегодный благотворительный капиталъ въ 120 т. при Опекунскомъ Совѣтѣ. Этотъ капиталъ, выдававшійся, по повелѣнію императора Николая I, на содержаніе сиротъ т.-н. холернаго заведенія (послѣ холеры 1830 г.), впослѣдствіи, при превращеніи этого заведенія въ Александровское Военное Училище, былъ ежегодно передаваемъ военному вѣдомству, въ виду первоначальнаго его назначенія. По представленію Б. И., императоръ Александръ III приказалъ капиталъ этотъ оставлять при Опе-

кунскомъ Совѣтѣ и употреблять ежегодно для воспитанія сиротъ. Такимъ образомъ получилась возможность давать пособія ежегодно для воспитанія 600 сиротъ. Онъ же горячо заботился объ улучшеніи быта слѣпыхъ и о распространеніи ихъ пріюта.

Щедрому пожертвованію вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны и неусыпной заботѣ Б. И. обязанъ своимъ возникновеніемъ пріютъ для престарѣлыхъ классныхъ дамъ и учительницъ. И какъ все дѣлалось просто и легко для просящихъ пособія! При помощи достойнаго своего помощника, при строгомъ соблюденіи всѣхъ установленныхъ правилъ, Б. И. умѣлъ отстранять канцелярскіе обычаи, стѣснительные для просителей. Стоило просителю представить свои документы, дававшіе ему право на полученіе пособія, и онъ отсылался въ канцелярію, гдѣ ему тотчасъ же писалась просьба, приводились въ порядокъ его бумаги, и нерѣдко на другой день назначалось приходить за полученіемъ пособія.

Простота и серьезное, но теплое отеческое отношеніе Б. И. къ воспитывавшимся сиротамъ останутся памятны навсегда. Пишущему эти строки не разъ случалось видѣть у него гувернантокъ, давно окончившихъ свое ученіе въ Институтѣ и являвшихся къ нему за совѣтомъ и помощью въ своихъ чисто-личныхъ и интимныхъ дѣлахъ. Никогда не было отказа ни въ томъ, ни въ другомъ.

Такова была дѣятельность этого государственнаго человѣка, глубоко проникнутаго сознаніемъ своего долга, съ просвѣщеннымъ умомъ, въ высокомъ смыслѣ этого слова, и съ любящимъ сердцемъ. Миръ доброй и честной душѣ твоей!

С.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Императрица Екатерина II и рулетка.

Въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1829 (№ 41, стр. 26) разсказанъ такой „Анекдотъ о Митрофанушкѣ“.

„Было время, когда *рулетки* вмѣстѣ съ собою кружили всѣ головы: дома, въ гостяхъ, въ спектакляхъ, на вечерахъ, на гульбищахъ, пѣшкомъ и верхомъ, у мужчинъ и дамъ всеминутно выпрыгивали изъ рукъ рулетки, которыя осыпались жемчугомъ, яхонтами, брилліантами и проч., и проч. Находя подобную роскошь и подобную забаву довольно смѣшными, безсмертная Екатерина велѣла, чтобы при представленіи *Недоросля* (Митрофана Терентьевича) онъ выбѣжалъ на сцену—съ рулеткою въ рукахъ и вмѣсто мыльныхъ пузырей, обыкновенно имъ пускаемыхъ, тѣшился — рулеткою. Можно угадать, что рулетки изо-всѣхъ рукъ выпали навсегда. Такъ-то *Митрофанушки* подчасъ преподаютъ урокъ другимъ Митрофанушкамъ подъ разными именами“.

II.

Н. М. Карамзинъ.

Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827, были помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о нашихъ старинныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ числѣ многаго другого было указано, что въ „Періодическомъ изданіи или Бесѣдахъ съ Богомъ“ участвовалъ Карамзинъ вмѣстѣ съ Дмитревскимъ и Петровымъ. Когда въ слѣдующемъ году (т-же 1828, XXII, стр. 228) С. П-ій (несомнѣнно Полторацкій) усумнился въ этомъ извѣстіи и точнѣе обозначилъ изданіе: „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры и Провидѣнія, на каждый день года, и бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе и вечерніе часы; періодическое изданіе“, „Московскій Телеграфъ“ пополнилъ свое извѣстіе словами: „извѣстіе въ Телеграфѣ составлено было со словъ одного почтеннаго современника Карамзина“.

Легко догадаться, что этотъ „почтенный современникъ“—И. И. Дмитріевъ, у котораго несомнѣнно были связи съ редакціей „Телеграфа“. Посредникомъ былъ, вѣроятно, князь Вяземскій, тогда ревностный сотрудникъ Полевого.

III.

Карамзинъ и Княжнинъ.

Въ „Дамскомъ Журналѣ" 1829 (XIII, 2—3). „Мечтатель" (С. Н. Глинка, какъ онъ самъ позднѣе раскрылъ свой псевдонимъ) сообщаетъ довольно любопытное извѣстіе о Карамзинѣ и Княжнинѣ.

„Душа благородная радуется успѣхамъ другихъ. Когда вышла первая книжка *Московскаго Журнала* Н. М. Карамзина, Я. Б. Княжнинъ сказалъ: „Нашъ молодой писатель откроетъ новое поприще въ словесности. Проза его дышитъ жизнію. У насъ не было еще такой прозы". Княжнинъ, обладая самымъ кроткимъ нравомъ, завидовалъ одному только *Геснеру*. „Какъ счастливъ Геснеръ!" говорилъ Княжнинъ: „Онъ дышитъ чистымъ горнымъ воздухомъ; онъ переселяетъ въ идилліи свои тѣ прелести, которыя встрѣчаетъ на цвѣтущихъ долинахъ благословенной Швейцаріи". Княжнинъ любилъ мечтать".

IV.

Избраніе Н. М. Карамзина въ Россійскую Академію.

Въ 1817 г. В. И. Козловъ писалъ князю П. И. Шаликову („Дамскій Журналъ", 1829, XLVIII, стр. 136—137): „Въ А. С. (Шишковѣ) нашелъ я добраго, кроткаго человѣка, умѣющаго отдавать справедливость *талантамъ*, не взирая на различіе литературныхъ мнѣній. Вы знаете, что *Н. М. Карамзинъ* и *В. А. Жуковскій* избраны членами Академіи—по его предложенію. Хотите ли знать, кто положилъ *единственный* черный шаръ при выборѣ *Ник. Мих.*? Это былъ—авторъ Зерцала Россійскихъ Государей!

„Но мужъ другой, еще сѣдѣй,
Рукою немощной своей,
Шаръ черный бросилъ въ урну;
Кричитъ: меня онъ погубилъ,
Мое Зерцало онъ разбилъ
И отдалъ грызть Сатурну!"

На экземплярѣ „Дамскаго Журнала", принадлежащемъ Румянцевскому Музею, противъ этого мѣста написано старинной рукой: „*Мальгинъ*".

Дѣйствительно, въ 1794 г., въ Петербургѣ Т. Мальгинъ издалъ „Зерцало Россійскихъ Государей, изображенныхъ отъ Рождества Христова по 1794 г." Карамзинъ былъ предложенъ въ члены Академіи въ первомъ же засѣданіи утвержденіи новаго ея устава.

V.

И. И. Дмитріевъ и М. Яковлевъ.

Въ 1828 г. М. Яковлевъ издалъ въ Петербургѣ „Опытъ Русской Анѳологіи, или избранныя эпиграммы, мадригалы, эпитафіи, надписи, апологи и нѣкоторыя другія мелкія стихотворенія",

Въ немъ было помѣщено нѣсколько стихотвореній И. И. Дмитріева. Насколько небрежно былъ сдѣланъ выборъ, можно видѣть изъ слѣдующаго оповѣщенія Н. Полевого („Московскій Телеграфъ", 1828, VIII, 537—538).

„Его высокопревосходительство И. И. Дмитріевъ препоручилъ намъ замѣтить, что въ числѣ стихотвореній, означенныхъ его именемъ, помѣщены *шесть пьесъ,* совсѣмъ ему не принадлежащихъ. Сіи пьесы суть: *Эпиграмма* (стр. 60), *Старшинство* (стр. 69), *Эпиграмма* (стр. 76), *Къ слезливому стихотворцу* (стр. 109), *Трусость* (стр. 110), *Странность* (стр. 130)".

VI.

В. С. Раевскій.

Въ письмѣ 1817 г., В. И. Козловъ спрашивалъ князя Шаликова „о мѣстопребываніи *всеобщаго* пріятеля, В. С. Раевскаго". Печатая это письмо, издатель „Дамскаго Журнала" (1829, XLIX, 156) прибавилъ очень любопытное примѣчаніе: „Въ Англіи и другихъ земляхъ знали бы *Раевскаго.* Вообразите, что этотъ человѣкъ до 47 года своей жизни написалъ собственною своею рукою 150 томовъ разныхъ Русскихъ сочиненій въ *стихахъ* и *прозѣ*, рѣдкихъ или ненапечатанныхъ. Въ 1812 году онъ лишился большей части своихъ рѣдкостей, но по часъ своей смерти, случившейся, кажется, въ 1826 году, собралъ вновь до 50 томовъ, имъ самимъ написанныхъ и заключающихъ въ себѣ весьма любопытные анекдоты, историческія и поэтическія произведенія и проч. Это была ходячая, живая архива съ необыкновенною памятью. Вотъ что значилъ В. С. Раевскій!... Съ кончиной его все собраніе трудовъ неутомимаго Раевскаго погибло".

Типичная для нашего общества исторія!

VII.

П. М. Головинъ.

Печатая въ своемъ „Дамскомъ Журналѣ" (1829, LI, 187; срв. XXXVII, 157) письмо небезызвѣстнаго въ началѣ XIX в. поэта П. М. Головина (1819), князь Шаликовъ прибавилъ къ нему такое примѣчаніе: „Музы и друзья оплакали печальнѣйшую кончину его въ то самое время, когда онъ шелъ съ отличными преимуществами на поприщѣ службы и съ отличнымъ дарованіемъ на поприщѣ словесности. Этотъ молодой человѣкъ лишилъ себя жизни ружейнымъ выстрѣломъ въ припадкахъ *сплина*".

Стихотворенія Головина печатались между прочимъ въ „Новостяхъ Русской литературы" Воейкова.

VIII.

Къ біографіи В. И. Козлова.

Въ одномъ изъ писемъ къ М. Н. Макарову („Дамскій Журналъ", 1829, XXXIII, 105—106) В. И. Козловъ *) (1813 г.) говоритъ: „Повѣрите ли, что по милости самаго невиннаго *катреня* былъ я цѣлые два дня въ ужасномъ отчаяніи; что по милости *стараго придворнаго календаря* выболталъ нечаяннымъ образомъ важнѣйшую свою тайну"... N. дѣлаетъ къ этому мѣсту очень

*) Соиздатель Воейкова по „Новостямъ Русской Литтературы".

любопытное примѣчаніе: „Родня ли вамъ В. Ѳ. Козловъ?“ спрашивала графиня Г(оло)вкина у В. И. Козлова (такъ онъ писалъ ко мнѣ).—„Нѣтъ, графиня!“ отвѣчалъ поэтъ, перебирая листки адресъ-календаря (который былъ поводомъ и прежняго вопроса, сдѣланнаго графинею Козлову).—„А Ив. Ив-чъ?“ продолжала графиня.—„Нѣтъ!“—„А Н. Н-чъ?“—„Нѣтъ!“—„Такъ кто же вы?“ —„Графиня! Я сынъ... купца... Въ Москвѣ онъ торгуетъ чаемъ и сахаромъ!“ —„Полноте! А какъ *ты* хорошо говоришь по-англійски и по-французски!“ воскликнула графиня и оставила Козлова *одного*. Вотъ тайна, о которой здѣсь столь вѣжливо и шутливо упоминаетъ поэтъ, не заслуживавшій никакого упрека въ разсужденіи званія, но заслужившій титло *ученаго*!“

IX.

Н. Полевой о И. И. Козловѣ.

Въ свою критическую замѣтку о „Княгинѣ Н. Б. Долгорукой“ Козлова („Московскій Телеграфъ“, 1828, № 4, стр. 549—550) Н. Полевой вставилъ очень любопытныя извѣстія о слѣпомъ поэтѣ.

„Мнѣ трудно судить о поэмѣ Козлова, зная лично поэта и слышавъ поэму изъ устъ его самого, еще до ея появленія въ свѣтъ. Никогда въ душѣ моей не изгладится сильное впечатлѣніе, какое испыталъ я, проведя нѣсколько часовъ подлѣ болѣзненнаго одра, на которомъ сидѣлъ Козловъ. Послѣ шума и волненія Петербурга тихое уединеніе, вечеръ, поэтъ слѣпой, изнуренный страданіями; вокругъ любезное, милое семейство его, нѣсколько друзей, пришедшихъ не раздѣлять бремя скорби и болѣзни, но слушать поэта, говорить съ нимъ, дивиться этому непонятному психологическому явленію. Говоря съ Козловымъ, я забылъ, что онъ слѣпой, что бремя болѣзни приковало его къ одру страданія. Мы говорили о многомъ, и необыкновенная память, и обширныя свѣдѣнія Козлова изумили меня. Съ удивленіемъ слушалъ я, какъ читалъ онъ мнѣ наизустъ стихи Пушкина, Баратынскаго, множество стиховъ Байрона, Мура; говорилъ о поэзіи Французской, Итальянской. Міръ земной не существуетъ для поэта: онъ живетъ въ мірѣ поэзіи и воображенія. Когда болѣзнь угнетаетъ его, онъ начинаетъ мечтать, сочинять стихи, и забываетъ свои скорби. Чтеніе Натальи Долгорукой меня очаровало; я полюбилъ тогда твореніе Козлова, и теперь не хочу разрушать своего очарованія. Пусть другіе съ холоднымъ чувствомъ читаютъ поэму, судятъ, сравниваютъ и рѣшаютъ споръ между несправедливымъ осужденіемъ нѣкоторыхъ и, можетъ быть, излишнею похвалою многихъ“.

Эти свѣдѣнія несомнѣнно относятся къ тому времени, когда Полевой еще былъ близокъ къ Пушкинскому кружку и въ томъ числѣ къ Козлову. Какъ извѣстно, ихъ жизненные пути потомъ далеко разошлись...

X.

Воейковъ и Дельвигъ.

Въ XXX № „Славянина“ на 1828 г. Воейковъ напечаталъ „Ученое извѣстіе“ (стр. 149) о книгахъ, имѣющихъ якобы вскорѣ выйти въ свѣтъ. Эта форма позволила ему высмѣять, мѣстами довольно забавно, Греча, Бул-

гарина, Полевого, С. Глинку и Б. Д., конечно барона Дельвига. О немъ Воейковъ сообщаетъ слѣдующее: „О трудолюбіи и прилежаніи, какъ качествахъ необходимыхъ для литератора", соч. Б. Д.

„Весьма похвально, что Б. Д. не заснулъ на своихъ лаврахъ. Если книга его хотя одного лѣнивца сдѣлаетъ дѣятельнымъ и одного сонливца заставитъ работать, то уже трудъ Б. Д. не потерянъ. Мы разумѣемъ лѣнивца съ талантомъ, празднолюбца съ дарованіемъ и сонливца съ умомъ, воображеніемъ и вкусомъ; ибо, въ противномъ случаѣ, желаемъ покойнаго, безпрерывнаго сна извѣстному Россійскому притчеписцу, плодовитому автору Малороссійской повѣсти *Гайдамакъ*, несчастному сочинителю комедіи *Сборы на Невскій проспектъ* и прочая, и прочая, и прочая".

Легкая насмѣшка надъ извѣстной лѣнью Дельвига сплетена здѣсь съ грубоватою лестью по адресу вліятельнаго члена Пушкинской плеяды, отъ которой зависѣлъ Воейковъ, и съ издѣвательствомъ надъ Сомовымъ, литературнымъ врагомъ автора „Дома сумасшедшихъ".

XI.

„Бабочка" (1829).

Въ 1829 г. выходилъ анонимный журналъ „Бабочка", очень своеобразный и любопытный. Большинство изъ помѣщенныхъ въ немъ статей печаталось безъ имени, но только съ иниціалами. Случайно намъ удалось установить то, что многія стихотворенія, подписанныя N. N., вошли въ „Дурацкій Колпакъ" Филимонова. Слова Воейкова („Славянинъ", 1829, XIII, 462) окончательно разъясняютъ дѣло: „авторъ *Дурацкаго Колпака* сдѣлался издателемъ газеты *Бабочка*".

„Сѣверная Пчела" (1829, № 3) пронизируетъ: „Нечитанный *Дурацкій Колпакъ Бабочка* перепечатываетъ по аналогіи: Qui se ressemblent s'assemblent".

В. Каллашъ.

ОПЕЧАТКИ и ПОПРАВКИ.

Стр. 358 вм. *Діаріумъ* надо *Діаріушъ*.

— 500 вм. *Бороцкой* надо *Подборской*.

Въ этой ошибкѣ въ особенности винимся передъ вдовою князя Александра Васильевича Мещерскаго, Екатериной Прокофьевной, урожденной *Подборской*.

— 435. Lauzun—его Воспоминанія были напечатаны въ еженедѣльныхъ прибавленіяхъ къ „Новому Времени" 1879 или 1880 года.

Въ 10-мъ выпускѣ журнала „Русскаго Архива" 1900 г., въ Запискахъ К. Н. Лебедева, на стр. 263, разсказано объ извѣстномъ эпизодѣ съ П. И. Якушкинымъ, и между прочимъ упоминается объ управляющемъ губерніей. Въ подстрочной выпискѣ объяснено, что таковымъ былъ Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ. Какъ служившій въ то время въ Псковѣ, я считаю долгомъ заявить, что: 1) В. Н. Муравьевъ былъ Псковскимъ губернаторомъ, а не управляющимъ губерніей; 2) во время исторіи съ Якушкинымъ онъ былъ въ отсутствіи и 3) управлялъ губерніей въ то время Псковскій вице-губернаторъ Николай Васильевичъ Родзянко.

Н. Н. Вохинъ, д. ст. сов.

28 Октября 1900 г. Сандомиръ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1901 года

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

сомнѣнно, что эти стихи Пушкина относятся къ 1831 г., и всѣ разсужденія г. Линниченки оказываются построенными на пескѣ. Написана статья вычурнымъ языкомъ, съ выраженіями: „Южный богъ дремлетъ въ его душѣ“ или „поэтъ бережно хранилъ наиболѣе интимные плоды своей Музы“ и т. под.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ подобныя упражненія въ разсужденіяхъ, могло бы имѣть собираніе данныхъ, знакомящихъ съ жизнью и творчествомъ Пушкина, такъ какъ такое собираніе далеко еще нельзя считать оконченнымъ. Въ этомъ отношеніи Сборникъ Новороссійскаго Университета даетъ очень немногое (хорошо, однако, что все-таки даетъ!). Въ статьѣ проф. Лаврова подобраны свѣдѣнія объ ознакомленіи съ Пушкинымъ Славянскихъ народностей. Онъ приводитъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ упоминается Пушкинъ, изъ переписки Чешскихъ поэтовъ Челяковскаго и Камарита за 1825—28 г. „Боже, пишетъ Челяковскій 23 Февраля 1825 г., если бы положеніе нашего языка и литературы было таково, какъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи: на этихъ дняхъ въ газетахъ было напечатано, что А. Пушкинъ, авторъ Руслана и Людмилы, продалъ въ Москвѣ свое новѣйшее стихотвореніе, состоящее только изъ 600 стиховъ, за 3000 р.“. Русскія изданія доставать въ Богеміи было трудно. Камаритъ только въ 1832 году могъ получить Руслана и Людмилу (2-е изд. 1828 г.). „Какъ-то давно, пишетъ ему Челяковскій, просилъ ты какихъ-нибудь стихотвореній Пушкина, и вотъ присланъ Русланъ и Людмила, но цѣна ужасно высокая: 6 талеровъ“. „Это будетъ самая дорогая книга моей библіотеки“, писалъ въ отвѣтъ Камаритъ.—Въ статьѣ члена Историко-Филолог. Общ. при Новоросс. Университетѣ, А. И. Маркевича, сдѣлано любопытное описаніе города Одессы въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ во времена Пушкина. Маркевичъ, какъ Одесскій старожилъ, въ значительной степени основывается на своихъ воспоминаніяхъ. Оказывается, что объ Одессѣ, лишь со значительными оговорками, можно было сказать: „(Тамъ) все Европой дышетъ, вѣетъ“. Городъ былъ еще весьма невеликъ; улицы прерывались пустырями. Самыя улицы были немощеныя, и нѣкоторыя во время грязи запирались цѣпями, потому что движеніе по нимъ могло грозить опасностью. Пыль бывала такова, что, уронивъ шляпу, можно было ее потерять. Растительности не было почти никакой. Во время бездождія вода изъ Днѣпра продавалась по рублю бочка. Тотчасъ за городомъ были озерки, гдѣ охотились за дичью. Одесское общество было самое смѣшанное; но средній уровень былъ выше, чѣмъ въ другихъ Русскихъ городахъ. Просвѣщеннѣйшимъ сословіемъ было купеческое. Нравы были очень легки, и городъ считался средоточіемъ „невѣнчаннаго“ края. Г-нъ Маркевичъ опрашивалъ разныхъ лицъ, у которыхъ могли сохраниться воспоминанія о Пушкинѣ, въ томъ числѣ г. Пикулова, служившаго въ канцеляріи гр. Воронцова, гр. М. Д. Бутурлина, жившаго въ Одессѣ одновременно съ Пушкинымъ, г-жу ф.-Гауэншильдъ, вдову профессора, знавшую Пушкина еще въ Лицеѣ; но ничего существенно новаго сообщить они не могли.

В. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1901 года.
(Годъ 39-й)

«Русскій Архивъ» въ 1901 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1901 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892—1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898, 1899** и **1900** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.